ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

6173

Томъ IV.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. - 2

ИЗМѢНЕНІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО СТРОЯ.
МЕЖДУНАРОДНЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

БИБЛІОТЕКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

64 в.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1910.

Оглавленіе.

т. IV, ч. I.

стр.

I. Измѣненія въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній.

П. МАСЛОВЪ. Земледѣльческое хозяйство послѣ революціи . . . 1— 32

М. БАЛАБАНОВЪ. Промышленность въ 1904—1907 гг. . . . . 33—135

1) Война и канунъ 1905 г. 33
2) Періодъ наибольшей промышленной депрессіи . . . 44
3) Промышленность и забастовки 1905—06 гг. . . . 49
4) Промышленная депрессія 1905—06 гг. 63
5) По пути къ «успокоенію» 110
6) Нѣкоторыя измѣненія въ строѣ капиталистическихъ отношеній 122

II. Измѣненія въ сферѣ финансовъ и государственнаго хозяйства.

В. МУКОСѢЕВЪ. Государственное хозяйство . . . . . 137—195

В. МУКОСѢЕВЪ. Кредитъ, биржа и денежное обращеніе . . . 196—220

III. Международныя отношенія.

М. ПАВЛОВИЧЪ. Внѣшняя политика Россіи отъ Портсмутскаго мира до нашихъ дней . . . . . 222—278

1. Англо-русское соглашеніе и средне-азіатскій вопросъ (Россія въ Средней Азіи) 224
2. Россія на Дальнемъ Востокѣ 249
   а) Россія и Японія 249
   б) Россія и Китай 256
3. Россія на Балканахъ 260

IV. Общая политика правительства.

Ф. ДАНЪ. Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 гг. . . . . 279—392

1. 9 января—6 августа 1905—1907 гг. 281
2. 6 августа—27 октября 1905 г. 320
3. «Дни свободы» 342
4. Передъ Думой 365

Измѣненія въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній.

П. МАСЛОВЪ.

Земледѣльческое хозяйство послѣ революціи.

I.

Аграрныя отношенія дореволюціонной Россіи накладывали отпечатокъ на всѣ соціальныя отношенія ея общественныхъ классовъ въ дореволюціонную эпоху. Ими опредѣлялись какъ положеніе и политическая роль дворянства и крестьянства, такъ и отношеніе дворянства и правительства къ крестьянамъ и крестьянскимъ учрежденіямъ, особенно къ общинному землевладѣнію.

Какъ извѣстно, огромное мѣсто въ помѣщичьемъ и крестьянскомъ хозяйствѣ занимала аренда помѣщичьихъ земель, распространенная по всей центральной Россіи.

Аренда, вызванная крестьянскимъ малоземельемъ и отсутствіемъ другихъ заработковъ въ центральной черноземной Россіи, носила характеръ *продовольственной* аренды, т. е. аренды, имѣющей цѣлью не полученіе прибыли арендатора, а полученіе средствъ, необходимыхъ для существованія, для уплаты налоговъ и проч.

Сдача въ мелкую продовольственную аренду крестьянамъ помѣщичьихъ земель установляла между крестьянами и землевладѣльцами своеобразную связь, напоминающую связь между помѣщикомъ и крѣпостными крестьянами. Землевладѣлецъ эксплоатировалъ крестьянъ, какъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ. Онъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы мелкое крестьянское хозяйство сохранялось, такъ какъ крестьянинъ является арендаторомъ и плательщикомъ только при условіи сохраненія его хозяйства. Окончательно разорившійся крестьянинъ уже не можетъ быть арендаторомъ и стремится уйти въ городъ на заработки.

Въ экономической борьбѣ изъ за аренды земель между мелкимъ продовольственнымъ и капиталистическимъ хозяйствомъ побѣждало мелкое хозяйство, но побѣждало цѣною своего собственнаго раззоренія. Вслѣдствіе конкурренціи съ капиталистическимъ хозяйствомъ и вслѣдствіе взаимной конкурренціи арендныя цѣны на помѣщичьи земли такъ поднялись, что крестьяне не только не получали отъ аренды и отъ своихъ земельныхъ надѣловъ необходимыхъ средствъ существованія, но должны были сокращать сред-

ства производства,—главнымъ образомъ скотъ,—чтобы продолжать вести свое продовольственное хозяйство [1]). Военно-конскія переписи констатируютъ колоссальное сокращеніе скота у крестьянъ въ теченіе девяностыхъ годовъ вплоть до начала революціи. Такимъ образомъ, крестьяне непомѣрнымъ повышеніемъ арендной платы захватили въ мелкую аренду огромную часть помѣщичьихъ земель, не дали возможности развиваться на нихъ капиталистическому батрацкому хозяйству, но тѣмъ самымъ подготовили кризисъ своего собственнаго продовольственнаго хозяйства. Ибо повышеніе арендной платы происходило на счетъ сокращенія необходимаго для сельскаго хозяйства живого инвентаря, а такое сокращеніе не могло продолжаться безконечно. У нѣкоторыхъ группъ крестьянъ кризисъ наступилъ раньше, у нѣкоторыхъ нѣсколько позже, но въ началѣ текущаго столѣтія раззореніе захватило уже такіе широкіе круги крестьянъ, что для нихъ все яснѣе и яснѣе обнаруживалась безвыходность положенія. Безъ аренды помѣщичьихъ земель вести свое хозяйство оказывалось невозможнымъ, а между тѣмъ арендныя цѣны были такъ вздуты, что продолжать дальше аренду оказывалось невозможнымъ. Какъ мы указали, уже въ 90-хъ годахъ аренда поддерживалась лишь при медленномъ „проѣданіи“ скота. Дальше сокращать свои средства производства оказалось невозможно, такъ какъ безъ скота невозможна и аренда. Крестьянамъ представлялось только два выхода: или насильственное пониженіе арендной платы, или экспропріація помѣщичьей земли. Революціонное движеніе началось прежде всего съ требованія понизить арендную плату и съ насильственнаго захвата тѣхъ земель, которыя землевладѣльцы не хотѣли продолжать сдавать раззореннымъ арендаторамъ.

При такихъ условіяхъ наступилъ на ряду съ кризисомъ крестьянскаго хозяйства и кризисъ продовольственной аренды: мелкій арендаторъ уже не могъ платить вздутыя арендныя цѣны и конкуррировать съ капиталистическимъ хозяйствомъ.

Охарактеризованными выше условіями опредѣлялось и отношеніе класса землевладѣльцевъ къ крестьянамъ.

Пока „самостоятельный“ крестьянинъ, имѣя надѣлъ, арендовалъ землю помѣщика по вздутымъ арендным цѣнамъ, при чемъ собственный крестьянскій надѣлъ давалъ возможность повысить арендную плату до колоссальныхъ размѣровъ, до тѣхъ поръ землевладѣлецъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственный надѣлъ и собственное хозяйство. Ибо, получая часть средствъ существованія со своего надѣла, крестьянинъ могъ довольствоваться меньшей долей продукта съ арендуемой земли. Какъ рабочій или

[1]) По словамъ докладчика Херсонскому губернскому собранію, въ послѣдніе годы арендаторъ долженъ былъ доплачивать за снятую землю изъ своихъ сбереженій за прежніе годы, а эти „сбереженія“ заключались, главнымъ образомъ, въ скотѣ.

кустарь, имѣя небольшой клочекъ земли, можетъ работать за болѣе низкую заработную плату, такъ и крестьянинъ, имѣя свой клочекъ земли, можетъ довольствоваться меньшей долей продукта съ арендуемой земли.

Такимъ образомъ, до революціи землевладѣльцы были заинтересованы въ томъ, чтобы крестьяне имѣли надѣльную землю и свое хозяйство, потому что только при этомъ условіи они могли быть наиболѣе выгодными арендаторами и конкуррентами другъ другу. Безземельный и безхозяйный крестьянинъ уже плохой арендаторъ. Напротивъ, крестьянинъ-пролетарій для землевладѣльца, сдающаго земли въ мелкую аренду, является ненужнымъ, вреднымъ элементомъ, потому что при сдачѣ земли въ аренду потребности въ батракахъ нѣтъ.

Разумѣется, и до революціи нѣкоторые помѣщики вели батрацкое хозяйство, но эта группа землевладѣльцевъ была, главнымъ образомъ, въ западномъ и юго-западномъ краѣ, гдѣ не было общины.

Итакъ, заботливость землевладѣльцевъ о сохраненіи общины, какъ оплота противъ пролетаризаціи крестьянства, заботливость о сохраненіи крестьянскаго мелкаго хозяйства, либеральныя мѣры земцевъ, направленныя къ поддержанію крестьянскаго хозяйства, имѣли почву въ соціальныхъ отношеніяхъ, сложившихся до революціи.

Кризисъ крестьянскаго хозяйства, вызвавшій революціонное движеніе крестьянъ, попытки или понизить арендныя цѣны, или отобрать у помѣщиковъ земли, показалъ, что существованію продовольственной аренды наступаетъ конецъ, что можно разсчитывать или на аренду только со стороны „сильныхъ“ хозяевъ крестьянъ, или нужно вести батрацкое хозяйство. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ не только нѣтъ необходимости въ сохраненіи „самостоятельнаго“ хозяйства массы обѣднѣвшихъ крестьянъ, а, напротивъ, обезземеленіе части крестьянъ, съ одной стороны, укрѣпитъ „сильныхъ“ хозяевъ, съ другой стороны, дастъ безчисленные кадры батраковъ, дастъ дешевый батрацкій трудъ.

Разумѣется, переворотъ во взглядахъ землевладѣльцевъ и правительства на крестьянскій вопросъ произошелъ не благодаря правильнымъ теоретическимъ соображеніямъ, а на почвѣ практической, экономической и политической борьбы, которая привела къ такому пониманію сложившагося положенія вещей. Изъ этого мы видимъ, что историческія событія имѣютъ свою „логику“, что экономическое развитіе съ фатальной неуклонностью направляетъ борьбу общественныхъ классовъ въ опредѣленномъ направленіи, что и правительство и землевладѣльцы должны были пойти по тому пути, куда толкала ихъ экономическая необходимость: внести капиталистическія отношенія въ сельское хозяйство, дольше всего хранившее пережитки крѣпостного права...

II.

Крестьянское движеніе 1905—6 гг. заставило правительство и первую и вторую, и даже третью Государственную Думу обратить особенное вниманіе на аграрный вопросъ.

Государственная Дума перваго и второго созыва, благодаря лучшему избирательному цензу, не смотря на всяческія препятствія со стороны администраціи, лучше отражала интересы и настроенія демократическихъ слоевъ населенія и особенно крестьянства, чѣмъ Дума третьяго созыва. Первая Гос. Дума проектировала принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель въ пользу крестьянъ. Это, какъ извѣстно, и было главной причиной роспуска правительствомъ первой Гос. Думы.

Не желая, чтобы интересы землевладѣльцевъ потерпѣли какой нибудь ущербъ, правительство тѣмъ не менѣе не могло не предпринять какихъ либо мѣръ по земельному вопросу, такъ какъ было очевидно, что причиной крестьянскаго движенія являются сложившіяся земельныя отношенія.

Поэтому одновременно съ жестокими репрессіями, которыя обрушились на крестьянъ въ видѣ карательныхъ экспедицій, введенія „усиленной охраны“ и т. п., правительство уже съ конца 1905 года пытается нѣкоторыми законодательными мѣрами удовлетворить и успокоить крестьянъ.

Манифестомъ 3 ноября 1905 года были уменьшены на половину съ 1 января 1906 года выкупные платежи съ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ, а съ 1 января 1907 года эти платежи прекращались совсѣмъ. Но значительная часть крестьянъ въ это время совсѣмъ не платила никакихъ налоговъ и крестьянскія волненія заставили правительство взиманіе этихъ платежей, давно уже превысившихъ выкупную ссуду, прекратить съ января 1906 года.

Тѣмъ же манифестомъ крестьянамъ обѣщано расширить операціи крестьянскаго банка и сдѣлать болѣе льготнымъ полученіе изъ него ссудъ посредствомъ увеличенія ихъ размѣра. Но это было время разцвѣта надеждъ крестьянъ на даровую прирѣзку помѣщичьихъ земель. Естественно, что манифестъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на крестьянъ; но для землевладѣльцевъ расширеніе операцій крестьянскаго банка имѣло огромное значеніе, такъ какъ крестьянскія волненія понизили доходность и цѣны помѣщичьихъ земель. „Льгота“, данная якобы крестьянамъ, не увеличила ихъ покупки, но привела къ дальнѣйшему повышенію цѣнъ на землю, и безъ того поднявшихся наканунѣ революціи. Ростъ среднихъ цѣнъ на земли, покупаемыя банкомъ, выразился въ слѣдующихъ цифрахъ [1]):

---

[1]) См. П. Масловъ. „Аграрн. вопр.“ т. II.

съ 1883 по 1895 г. средняя цѣна десятины была 44,7 руб.
„ 1896 по 3 ноября 1905 г. „ „ „ 91,2 „
„ 3 ноября 1905 по 1 янв. 1907 г. „ „ 127 „
въ 1907 г. . . . . „ „ 139,7 „

Несмотря на „льготы“, покупки крестьянами земель черезъ крестьянскій банкъ сократились.

За время съ 3 ноября 1905 года по 1 янв. 1907 г. крестьянами пріобрѣтено было всего 532.846 дес. или за 14 мѣсяцевъ на 34.782 дес. менѣе, чѣмъ было куплено въ теченіе одного только 1904 года, хотя тотъ годъ, благодаря военному времени, далъ наименьшую площадь покупокъ за весь предшествующій періодъ, начиная съ 1898 г. Въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ 1907 года куплено крестьянами 377.880 дес., что по разсчету на годъ опять таки составляетъ менѣе покупокъ періода 1900—1901 года. Такимъ образомъ, указъ не только не „облегчилъ“ крестьянамъ возможности расширить свое землевладѣніе, но, благодаря повышенію цѣнъ, рѣзко сократилъ крестьянскія покупки, сдѣлавъ ихъ недоступными для массы „нуждающагося въ землѣ“ сельскаго населенія.

Но для землевладѣльцевъ расширеніе операцій крестьянскаго банка оказалось чрезвычайно выгоднымъ. Многіе землевладѣльцы, передъ тѣмъ запродавшіе земли крестьянамъ по болѣе низкимъ цѣнамъ, уничтожили сдѣлку, такъ какъ продажа крестьянскому банку по вздутымъ цѣнамъ оказалось гораздо выгоднѣе.

Правительство черезъ крестьянскій банкъ энергично занялось скупкой помѣщичьихъ земель, особенно у землевладѣльцевъ имѣвшихъ „хорошія связи“.

Въ революціонный періодъ, какъ увидимъ, арендныя цѣны понизились, а заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ повысилась. Это, разумѣется, повліяло на доходность земли, и землевладѣльцы охотно стали продавать крестьянскому банку свои земли по повышеннымъ цѣнамъ. Поэтому въ теченіе 1906-7 годовъ происходитъ огромный ростъ предложеній на продажу имѣній со стороны помѣщиковъ. Къ половинѣ 1907 года землевладѣльцами было заявлено къ продажѣ банку колоссальное количество земли, достигающее 12 милліоновъ десятинъ, тогда какъ еще къ 1 января 1907 года этотъ фондъ по даннымъ банка не составлялъ и 8 милл. десятинъ.

Правительству казалось, что продать по высокой цѣнѣ земли помѣщиковъ и этимъ успокоить крестьянъ,—операція очень выгодная и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи. Крестьяне, купившіе землю, должны принять сторону существущаго порядка. Вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльцы получали колоссальную подачку, которая въ нѣкоторой степени должна была удовлетворить аппетиты, по крайней мѣрѣ, болѣе вліятельныхъ изъ нихъ.

Но оказалась, что эта операція имѣла и невыгодныя для правительства стороны. Покупка помѣщичьихъ земель по вздутымъ цѣнамъ ложилась всей тяжестью на государственный бюджетъ, такъ какъ крестьяне покупали земли вяло, а доходъ съ купленныхъ банкомъ земель не покрывалъ процентовъ на затраченный капиталъ.

Правительство принуждено было поторопиться съ распродажей скупленнаго имъ земельнаго фонда. Совѣтъ министровъ въ 1907 году рѣшилъ пріостановить покупку земель и заняться усиленной распродажей земельнаго фонда, пріобрѣтеннаго банкомъ. По мнѣнію совѣта министровъ, „всякое промедленіе въ распродажѣ принадлежащихъ крестьянскому банку земель одинаково нежелательно, какъ съ финансовой точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія землеустроительной“. До перваго мая 1907 года банкъ располагалъ земельнымъ фондомъ въ 2.092.365 дес., стоимостью въ 215.401.337 руб., между тѣмъ какъ за время съ 3 ноября 1905 года по тотъ же срокъ было продано, какъ самимъ банкомъ, такъ и черезъ землеустроительныя комиссіи всего 170.119 дес. Такая медленная ликвидація земельнаго фонда „сказывается весьма неблагопріятно на финансовыхъ результатахъ дѣятельности банка“, имѣнія банка даютъ „ничтожный доходъ (менѣе 0,15 проц. годовыхъ), далеко недостаточный для уплаты процентовъ по выпущеннымъ для покупки земли обязательствамъ“. Въ 1906 году купленныя банкомъ земли давали также только 1,36 проц. дохода.

До 1 января 1907 года крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ было разрѣшено къ продажѣ за свой счетъ 2.383 имѣнія площадью въ 3.252 тыс. десятинъ и стоимостью въ 368,9 милл. рублей. За первое полугодіе 1907 года количество запроданныхъ имѣній доходило уже до 3.620, съ общей площадью въ 4.335 тыс. десятинъ на сумму около 480,5 милл. рублей.

Для скупки земель крестьянскій банкъ выпускалъ 6% обязательства, по которымъ онъ долженъ былъ уплачивать деньги, получаемыя съ покупателей крестьянъ. Но крестьяне, какъ замѣчено, неохотно покупали дорогія банковскія земли, а, купивши, еще неохотнѣе уплачивали ссуды. Крестьянскій банкъ оказался въ затруднительномъ положеніи. „Въ его кассу крайне неисправно поступаютъ какъ платежи по выданнымъ ссудамъ, такъ и арендные платежи за земли, сданныя крестьянамъ въ пользованіе изъ имѣній банка. Министръ вн. дѣлъ П. А. Столыпинъ циркулярно предложилъ губернаторамъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы крестьянскія учрежденія и полицейскія власти оказывали полное содѣйствіе чиновникамъ банка въ дѣлѣ взысканія съ крестьянъ недоимокъ. Кромѣ того, министръ вн. дѣлъ находитъ полезнымъ, чтобы чины полиціи также со своей стороны принимали необходимыя мѣры къ побужденію крестьянъ исправно выполнять свои обязанности

передъ банкомъ. При этомъ П. А. Столыпинъ указываетъ, что правительство придаетъ большое значеніе настойчивому взысканію съ крестьянъ платежей. Правительство озабочено ликвидаціей находящагося въ распоряженіи крестьянскаго банка обширнаго земельнаго фонда. Въ виду этого, представляется особенно своевременнымъ и необходимымъ укрѣпить въ заемщикахъ банка и съемщикахъ его земель правильную точку зрѣнія (!) на ихъ обязательства передъ этимъ учрежденіемъ".

Въ связи съ операціями крестьянскаго банка находится дѣятельность землеустроительныхъ комиссій, которыя были организованы на основаніи закона 4 марта 1906 года.

Передъ созывомъ первой Государственной Думы, правительство издало законъ объ организаціи уѣздныхъ землеустроительныхъ комиссій, въ обязанность которыхъ „вмѣняется выясненіе положенія крестьянскаго землевладѣнія для содѣйствія крестьянскому банку въ его операціяхъ". Кромѣ того, этимъ комиссіямъ поручается „обсужденіе вопросовъ о цѣлесообразности пріобрѣтенія банкомъ предполагаемыхъ къ покупкѣ имѣній и о порядкѣ ликвидаціи ихъ, установленіе степени нужды крестьянъ въ продаваемой землѣ и къ выясненію ея дѣйствительной стоимости, а равно посредничество между продавцами ея и покупателями крестьянами и помощь имъ въ сношеніяхъ съ банкомъ и въ выполненіи небходимыхъ формальностей". Губернскія комиссіи должны объединять дѣятельность уѣздныхъ, наблюдать за ними и разрѣшать разногласія.

Уѣздныя землеустроительныя комиссіи состоятъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства изъ предсѣдателя комиссіи, а въ случаѣ его отсутствія лица, назначеннаго главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія, уѣзднаго члена окружного суда или предсѣдателя мировыхъ судей, члена отъ удѣльнаго вѣдомства въ уѣздахъ, гдѣ имѣются удѣльныя земли, податнаго инспектора и земскаго начальника или соотвѣтствующаго должностного лица, къ раіону которыхъ относятся подлежащіе обсужденію вопросы, трехъ членовъ по избранію отъ уѣзднаго земскаго собранія и трехъ представителей отъ крестьянъ, назначаемыхъ по жребію изъ числа кандидатовъ, избираемыхъ по жребію волостными сходами уѣзда.

Въ губернскихъ комиссіяхъ засѣдаютъ предсѣдатели отъ такихъ же учрежденій, но губернскихъ. Кромѣ этого, присутствуетъ губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя, и управляющіе мѣстными отдѣленіями дворянскаго и крестьянскаго банковъ.

Землеустроительныя комиссіи должны были насаждать хуторское землевладѣніе на купленныхъ крестьянами земляхъ. Устраивались даже поѣздки крестьянъ изъ раіоновъ общиннаго землевладѣнія въ раіоны хуторского землевладѣнія для ознакомленія съ нимъ.

Какъ и всякое бюрократическое начинаніе, землеустроительныя комиссіи не считались со всей сложностью и разнообразіемъ жизни и экономическихъ условій, стараясь насаждать хуторское землевладѣніе вездѣ, по всей Россіи, каковы бы ни были мѣстныя условія.

III.

Дѣятельность землеустроительныхъ комиссій находилась въ тѣсной связи съ закономъ 9 ноября 1906 года о выдѣлѣ изъ общины, имѣющимъ наиболѣе важное значеніе, съ указомъ 12 августа о продажѣ черезъ крестьянскій банкъ удѣльныхъ земель, по мѣрѣ прекращенія арендныхъ договоровъ, и указомъ о распродажѣ крестьянамъ оброчныхъ казенныхъ земель.

Всѣхъ казенныхъ земель въ Европейской Россіи насчитывается около 140 милл. десятинъ, но большая часть изъ нихъ расположена въ рѣдко населенныхъ губерніяхъ и состоитъ изъ лѣсовъ и болотъ въ Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской и Вятской губерніяхъ. Изъ всѣхъ государственныхъ земель предполагалось распродать 4 милліона десятинъ оброчныхъ статей, да около трехъ милліоновъ десятинъ занятыхъ лѣсомъ. Но большая часть этихъ земель расположена въ такихъ губерніяхъ, гдѣ малоземелье у крестьянъ не такъ чувствительно. Больше всего казенныхъ оброчныхъ земель находится въ губерніяхъ Саратовской (болѣе 200 тыс. дес.), Самарской (1.350 тыс. д.), Астраханской (840 т. д.), Таврической (214 т. д.), Пермской (257 т. д.), Оренбургской (225 т. д.), Херсонской (218 т. д.) Уфимской (190 т. д.). Всѣ эти губерніи и уѣзды, въ которыхъ находятся казенныя оброчныя земли, имѣютъ большое количество крестьянской надѣльной земли на дворъ и въ нихъ, какъ видно изъ приведенныхъ во второмъ томѣ данныхъ [1]), въ этихъ раіонахъ кризисъ крестьянскаго хозяйства или совсѣмъ не проявился, или проявился наиболѣе слабо. Такимъ образомъ, продажа казенныхъ земель не могла имѣть большого экономическаго значенія, кромѣ формальнаго превращенія арендаторовъ казенныхъ земель въ собственниковъ.

Такое же значеніе имѣетъ и продажа удѣльныхъ земель. Удѣльныя земли расположены также въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ губерній и въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Симбирской. Въ раіонахъ югозападномъ, малороссійскомъ, среднечерноземномъ, балтійскомъ и промышленномъ черноземномъ крестьянами наиболѣе сильно чувствовался недостатокъ земли, наибольшая доля которой принадлежитъ здѣсь помѣщикамъ и меньше всего казнѣ и удѣламъ.

Огромное соціально-экономическое значеніе имѣлъ указъ 9 ноября 1906 г. Сущность указа сводится къ слѣдующему:

---

[1]) См. „Обществ. движ. въ XX в.“, т. II. Крестьянское движеніе.

Выкупные платежи крестьянъ за надѣльныя земли прекращаются съ 1-го января 1907 года. „Съ этого срока, говорится въ указѣ, означенныя земли освобождаются отъ лежащихъ на нихъ, въ силу выкупного долга, ограниченій, и крестьяне пріобрѣтаютъ право свободнаго выхода изъ общины, съ укрѣпленіемъ въ собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, переходящихъ къ личному владѣнію участковъ изъ мірского надѣла". Исходя изъ этого, указъ постановляетъ слѣдующія правила:

1) Каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою въ личную собственность причитающейся ему части изъ общинной земли.

2) Если въ общинѣ въ послѣдніе 24 года не было передѣловъ, то за каждымъ домохозяиномъ, по его желанію, укрѣпляются въ личную собственность, сверхъ усадебнаго участка, всѣ участки общинной земли, находящіеся въ его постоянномъ пользованіи.

3) Если въ теченіе 24 лѣтъ, предшествовавшихъ заявленію отдѣльныхъ домохозяевъ о выходѣ изъ общины, были передѣлы, то въ личную собственность укрѣпляются тѣ участки земли, которые находятся въ пользованіи послѣ послѣдняго передѣла. При этомъ, если въ пользованіи домохозяина находится излишекъ, то онъ отдается въ личную собственность при уплатѣ за него выкупной цѣны. За отдѣлившимися отъ общины домохозяевами признается право пользоваться общинными угодьями, которыя используются или передѣляются на особыхъ условіяхъ (общее пользованіе выгонами, особые передѣлы луговъ, лѣса и проч.). Если въ мѣсячный срокъ со дня заявленія сельское общество не составитъ приговора о выдѣленіи пожелавшаго выдѣлиться домохозяина, то указъ предоставляетъ земскому начальнику право выдѣлить домохозяина, указать размѣръ и родъ отдѣляемыхъ угодій и т. д. [1]).

Это мѣропріятіе правительства имѣетъ большое и политическое, и экономическое значеніе. Покровительствуя болѣе зажиточнымъ слоямъ крестьянства, правительство разсчитывало привлечь симпатіи этого наиболѣе вліятельнаго слоя деревенскаго населенія, чтобы опереться на него противъ менѣе „благонадежныхъ" бѣднѣйшихъ слоевъ. И несомнѣнно, поскольку правительству удалось обострить борьбу внутри крестьянства, постольку оно ослабило демократію.

Изъ характеристики крестьянскаго движенія 1905-7 г. видно, что крестьянское движеніе противъ помѣщиковъ перешло въ взаимную борьбу различныхъ слоевъ крестьянства, несомнѣнно, въ значительной степени подъ вліяніемъ этого правительственнаго мѣропріятія. Въ началѣ крестьянскаго движенія только въ Польшѣ и отчасти въ Малороссіи отмѣчалась борьба

---

[1]) См. П. Масловъ „Аграрн. Вопр." т. II, стр. 336—9.

между бѣднѣйшими крестьянами съ одной стороны и богатыми крестьянами— съ другой.

Въ 1907 году эта борьба разгорается и въ центральной Россіи, особенно тамъ, гдѣ сильнѣе проявилось стремленіе части крестьянъ укрѣпить за собой свои надѣлы по закону 9 ноября.

Но стремленіе крестьянъ къ укрѣпленію своихъ долей при черезполосномъ владѣніи вызывается не желаніемъ укрѣпить за собой опредѣленныя конкретныя полосы земли, черезполосно съ другими такими же полосами, а стремленіемъ лишь фиксировать свою *долю* въ общинной землѣ, чтобы избѣжать ея сокращенія при передѣлахъ, или для того, чтобы ее продать. Между тѣмъ правительство во что бы то ни стало хочетъ закрѣпить черезполосно опредѣленныя конкретныя полосы земли. Въ циркулярѣ земск. отд. М. Вн. дѣлъ № 24, 1907 года, разъясняется, что „согласно точному смыслу указа 9 ноября 1906 года... *въ полевыхъ и другихъ передъляемыхъ на общихъ основаніяхъ угодьяхъ укрѣпленію подлежатъ тѣ самые опредѣленные въ натурѣ участки (полосы), которые состоятъ въ дѣйствительномъ пользованіи переходящихъ къ личному владѣнію домохозяевъ, а отнюдь не души*, паи или надѣлы, понимаемые въ смыслѣ долей участія домохозяевъ въ пользованіи этими угодьями“. Но крестьяне лучше чиновниковъ понимаютъ нелѣпость укрѣпленія мелкихъ полосокъ, черезполосныхъ съ другими владѣніями, и *въ дѣйствительности* укрѣпляютъ за собою и даже *продаютъ* свои доли или паи участія въ общинной землѣ, и, такимъ образомъ, отчасти препятствуютъ образованію той черезполосной путаницы, которая образовалась бы отъ укрѣпленія конкретныхъ полосъ земли. Теперь пока еще трудно рѣшить, удастся ли крестьянамъ, при существованіи приведенныхъ разъясненій мин. вн. дѣлъ, избѣжать фиксаціи черезполосныхъ участковъ и найденъ ли будетъ иной выходъ (обмѣна полосами и проч.), для соединенія полосъ и предохраненія ихъ отъ дальнѣйшаго раздробленія безъ выхода на отрубные участки.

Во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго разъясненія мин. вн. дѣлъ видно, что правительство не особенно заботится объ удобствахъ землепользованія, фиксируя черезполосное владѣніе въ предѣлахъ общины.

Правительство, издавая законъ 9 ноября, совершенно не считалось съ конкретными хозяйственными условіями въ различныхъ пунктахъ страны, и, признавши общину вредной, стало такъ же настойчиво и насильственно ее разрушать, какъ раньше насильственно ее сохраняло.

Въ данномъ случаѣ правительство обнаружило такое же плохое пониманіе хозяйственныхъ отношеній, какое, между прочимъ, обнаружили и либеральные безусловные защитники общины, для которыхъ община имѣетъ

абсолютную цѣнность независимо отъ различія хозяйственныхъ условій, въ которыхъ она существуетъ.

Не трудно, однако, видѣть, что общинное землевладѣніе имѣетъ значеніе въ зависимости отъ хозяйственныхъ условій. Напримѣръ, тамъ, гдѣ населеніе рѣдкое и выгоднѣе вести переложное хозяйство, общинное землевладѣніе съ общимъ выгономъ является необходимымъ для веденія наиболѣе раціональнаго переложнаго хозяйства, когда необходимо запускать пашню подъ общій выгонъ и распахивать старый выгонъ. При стойловомъ содержаніи скота существующая теперь общинная форма землевладѣнія вредна, такъ какъ при интенсивномъ хозяйствѣ не даетъ возможности наиболѣе раціонально использовать земельную площадь. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что нельзя говорить о вредѣ общины вообще, независимо отъ хозяйственныхъ условій, или что ее нужно во что бы то ни стало сохранять: при однихъ условіяхъ она необходима, при другихъ—вредна.

Мѣстная администрація, поощряемая центральнымъ правительствомъ, приложила всѣ условія къ тому, чтобы побудить крестьянъ выдѣляться изъ общины.

Но до созыва и роспуска второй Государственной Думы широкаго примѣненія правительственные указы не имѣли, не смотря на усилія мѣстной и центральной администраціи. Крестьяне, питая надежды на Государственную Думу, упорно не желали воспользоваться предлагаемыми „льготами“ и не вѣрили въ благожелательность правительства. Кое гдѣ крестьяне выдѣлялись изъ общины, кое гдѣ они обращались къ содѣйствію крестьянскаго банка при покупкѣ земли, но эти случаи не имѣли еще большого значенія. Въ большей части отвѣтовъ Вольному Экономическому Обществу (1907 годъ) на вопросъ въ его анкетѣ, какъ крестьяне относятся къ аграрнымъ мѣропріятіямъ правительства, корреспонденты отвѣчаютъ: „съ недовѣріемъ“, „враждебно“ и т. д.

Послѣ указа 9 ноября былъ опубликованъ 17 ноября сенатскій указъ, которымъ предоставляется право закладывать свои надѣлы.

Совокупность этихъ правительственныхъ мѣропріятій, по мѣрѣ усиленія реакціи и ослабленія надеждъ крестьянъ расширить свое землепользованіе, повела къ постепенному усиленію мобилизаціи не только земли, но и населенія.

IV.

Въ первое время послѣ изданія закона 9 ноября, какъ мы замѣтили, крестьяне неохотно пользовались имъ. Однако, постепенно мобилизація надѣльной земли начинаетъ усиливаться.

До 1 мая 1909 года, по свѣдѣніямъ Земскаго Отдѣла, подали заявленія объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность 1.352.036

домохозяевъ. Изъ нихъ 778.263 уже окончательно перешли къ личной собственности. Площадь окончательно укрѣпленной въ личную собственность земли достигла къ этому времени 5.917.030 дес., т. е. безъ малаго 6 милл. десятинъ... Но укрѣпленіе въ теченіе протекшихъ 28 мѣсяцевъ шло далеко неравномѣрно: темпъ его все время возрасталъ. Такъ, если мы раздѣлимъ этотъ періодъ на части, то получимъ слѣдующія цифры.

	Въ среднемъ въ мѣсяцъ укрѣплялось (въ тысячахъ)	
	домохозяевъ	десятинъ.
Съ 1 янв. 1907 по 1 февр. 1908 г.	8,5	66,5
Съ 1 февр. 1908 по 1 март. 1909 г.	35,5	273,3
Съ 1 март. „ по 1 мая 1909 г.	55,3	386,0

Въ 1909 году процессъ выдѣленія крестьянъ изъ общины происходитъ въ 7 разъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ 1907 году, и, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, неуклонно прогрессируетъ. Но число выдѣлившихся изъ общины лицъ еще не указываетъ на число хозяйствъ, организованныхъ на выдѣленныхъ земляхъ. Значительную часть крестьянъ, потребовавшихъ выдѣла своей земли, составляютъ „отбившіеся“ отъ земли пролетаріи, служащіе и проч., получившіе выдѣлъ исключительно для продажи. По словамъ тов. министра вн. дѣлъ, „контингентъ лицъ, который продаетъ участки,— это лица, отбившіеся отъ земли, всякіе швейцары, дворники, у которыхъ гуляла земля въ арендѣ, которые пользовались ею, получая арендныя деньги, и которые, воспользовавшись этимъ закономъ, освобождаются отъ земли, такъ какъ она имъ не нужна, земледѣліемъ они не занимаются. Въ значительной части случаевъ пользуются этимъ переселенцы... Наконецъ, воспользовались этою возможностью укрѣплять свои участки и очень малоземельные крестьяне, которые обратились затѣмъ къ землеустроительнымъ комиссіямъ для того, чтобы купить земли чѣрезъ посредство Крестьянскаго Банка“. Такъ какъ надѣльныя земли продаются за безцѣнокъ—въ два, три раза дешевле, чѣмъ помѣщичьи земли въ томъ же раіонѣ, и такъ какъ крестьянскій банкъ покупаетъ и продаетъ крестьянамъ земли въ „тридорога“, то можно по этому судить, на какую выгодную операцію толкаетъ крестьянъ администрація, рекомендуя ее. Продавши дешево надѣльную землю и купивши дорого землю у крестьянскаго банка, крестьянинъ въ концѣ концовъ запутывается въ долгахъ и теряетъ и ту, и другую землю. Корреспонденты изъ различныхъ раіоновъ Европейской Россіи подтверждаютъ, что отъ земли „освобождаются“ не только крестьяне, „отбившіеся“ отъ земледѣлія, но и наименѣе зажиточный слой крестьянъ земледѣльцевъ.

Разрушеніе общины происходитъ, главнымъ образомъ, въ раіонахъ, гдѣ

она и раньше не была прочной и гдѣ преобладали переходныя формы къ подворному землевладѣнію. По даннымъ „Извѣстій земскаго отдѣла“ 1909 г., процессъ выдѣленія изъ общины идетъ особенно быстро въ Могилевской губерніи, а также въ Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Самарской и Саратовской и въ трехъ центральныхъ губерніяхъ (Курской, Орловской и Харьковской).

Съѣздъ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій съ удовольствіемъ констатируетъ, что въ 1908—9 году число укрѣпленныхъ участковъ быстро увеличивается. Такъ въ 1908 году противъ 1907 года число укрѣпленій въ Псковской губ. возросло болѣе, чѣмъ въ 25 разъ, почти въ 20 разъ оно увеличилось въ губерніяхъ Екатеринославской, Вятской, Бессарабской, Курской, Московской, Казанской, Симбирской, Тамбовской и др.

Но число отрубныхъ участковъ, гдѣ, по мнѣнію правительства, должна процвѣтать земледѣльческая культура, увеличивается далеко не такъ быстро. Отрубные участки нарѣзаются, главнымъ образомъ, въ районахъ подворнаго владѣнія (въ Витебской, Могилевской, Волынской, Смоленской губерніяхъ).

Укрѣпленіе земли въ личную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, по мысли правительства, составляетъ лишь первую стадію перехода къ новому хозяйству, которое должно быть основано на выдѣленныхъ къ одному мѣсту участкахъ. Но такого рода выдѣлъ совершается гораздо медленнѣе. На 1 мая 1909 г. участки отведены къ одному мѣсту только 28.059 домохозяевамъ, на пространствѣ 307.314 дес. Такимъ образомъ, выдѣлилось къ одному мѣсту только всего 3,6 проц. всѣхъ домохозяевъ, укрѣпившихъ за собою земли, а выдѣленная площадь составляетъ только 5,2% всей укрѣпленной по закону 9 ноября площади земли. При этомъ къ выдѣлу участковъ къ одному мѣсту прибѣгаютъ, главнымъ образомъ, многоземельные крестьяне, средній размѣръ отрубныхъ участковъ равняется 10,9 дес., между тѣмъ какъ средній размѣръ укрѣпленныхъ участковъ только 7 дес. Въ виду того, что большая часть крестьянъ только укрѣпляютъ за собой землю и не выдѣляются на хутора, очевидно, что выдѣляются крестьяне большею частью не для веденія хозяйства „на новыхъ началахъ“, а для продажи или для сохраненія старыхъ размѣровъ надѣла изъ опасенія уменьшенія вслѣдствіе передѣла. На первое сентября 1909 года, по даннымъ „Извѣстій земскаго отдѣла“, домохозяевъ, продавшихъ свои надѣлы, насчитывалось 82.274 съ площадью проданной ими земли въ 419.788 десятинъ. Слѣдовательно, обезземелилось свыше 10% домохозяевъ, укрѣпившихъ по 1-е мая 1909 года свои надѣлы. „Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ продажа укрѣпленныхъ въ личную собственность земель приняла уже очень широкіе размѣры. Такъ, въ Екатеринославской губ. продали свои участки 19 проц. домохозяевъ, укрѣпившихъ землю за собою, въ Таврической—24,2%, Рязанской—25,6%, Черниговъ-

говской—26,8 проц. [1]). Такимъ образомъ, укрѣпленіе общинныхъ земель ведетъ не столько къ улучшенію хозяйства выдѣлившихся крестьянъ, сколько къ ихъ обезземеленію.

Переходъ къ хуторскому хозяйству происходитъ, какъ мы замѣтили, гораздо медленнѣе, такъ какъ онъ недоступенъ для малоземельныхъ и менѣе зажиточныхъ крестьянъ. Образованіе отрубовъ связано съ довольно значительными затратами дежежныхъ средствъ. Характерныя въ этомъ отношеніи цифры находятся въ запискѣ г. Н. Салова, „Къ вопросу землеустройства", представляющей отчетъ о землеустройствѣ въ Балашевскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Устройство здѣсь 102 хуторовъ (каждый въ среднемъ по 18,7 дес.) обошлось,—съ покупкой земли, землемѣрными работами, ссудами на переселеніе и т. д.—въ 263,3 тыс. рублей, въ среднемъ по 2.581 р. 56 к. на хуторъ.

Изъ другого участка земли въ 1.914 дес. образованы хутора, на которыхъ поселились 81 отрубщикъ съ переселеніемъ и 20 безъ переселенія, при чемъ израсходовано 253,1 тыс. рублей, или на каждаго покупщика въ среднемъ по 2.490 руб. 65 коп. [2]).

Вполнѣ понятно, почему *число крестьянъ, укрѣпившихъ и продавшихъ свои надѣлы, значительно превышаетъ число крестьянъ, выдѣлившихся въ отруба. Т. е. процессъ пролетаризаціи крестьянъ идетъ быстрѣе, чѣмъ* процессъ организаціи хуторскаго хозяйства.

Изъ 2.090 обществъ, развертавшихся на отдѣльные участки въ теченіе двухъ лѣтъ, приходится:

на Витебскую	губ.	591
„ Смоленскую	„	322
„ Псковскую	„	254
„ Могилевскую	„	163
„ Ковенскую	„	146
„ Виленскую	„	99

Итого на 6 губерній приходятся 1.575 обществъ изъ 2.090, т. е. 75% общаго числа [3]).

Въ среднемъ на каждое развертавшее земли селеніе приходится 25 дворовъ. Слѣдовательно, развертываются мелкія селенія и главный недостатокъ общиннаго землевладѣнія—отдаленность полей въ *крупныхъ* селеніяхъ не устраняется, потому что крупныя селенія не переходятъ къ хуторскому хозяйству.

---

[1]) Н. Кутлеръ. Земельный вопросъ. „Рѣчь". № 1, 1910 г.
[2]) Б. Веселовскій. Утопизмъ и реальная политика. „Совр. Міръ" I, 1910 г.
[3]) Тамъ же стр. 8.

Въ 1909 году Государственная Дума приняла „Положеніе о землеустройствѣ“, которое является дальнѣйшимъ развитіемъ закона 9 ноября. „Положеніемъ“ предполагается уничтожить черезполосицу между домохозяевами, выдѣлившимися изъ общины, объединять участки въ отруба и образовывать хутора. Кромѣ того „Положеніемъ“ предполагается уничтожить черезполосицу у подворныхъ владѣльцевъ, разверстывать землю между отдѣльными селеніями, дробить крупныя селенія и т. д.

Но „землеустроительствомъ“ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ правительство занималось и до принятія Государственной Думой „Положенія о землеустройствѣ“. За 1907 и 1908 года землемѣрныя работы были произведены на надѣльныхъ земляхъ на 1.154.470 дес., на земляхъ крестьянскаго банка — на 1.143.177 дес. и на казенныхъ земляхъ на 251,343 дес. Разумѣется, такого рода „землеустройство“, заключающееся въ землемѣрныхъ работахъ, ничуть не рѣшаетъ аграрнаго вопроса, хотя правительство старается подчеркнуть особенное значеніе именно этого рода мѣропріятій. Малоземельные одинаково останутся малоземельными, какія бы землемѣрныя работы не предпринимались для разверстанія угодій.

V.

Но, можетъ быть, въ хозяйствахъ, организованныхъ на отрубныхъ участкахъ, земледѣліе стало процвѣтать и крестьяне стали обогащаться, перейдя къ хуторскому владѣнію?

Въ настоящее время еще мало точныхъ изслѣдованій о состояніи хозяйства крестьянъ, перешедшихъ къ хуторскому владѣнію, тѣмъ не менѣе кое-что имѣется. Такъ, „согласно циркуляру главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ“, верхнеднѣпровской земской управой было сдѣлано обслѣдованіе хуторскихъ хозяйствъ уѣзда. При изслѣдованіи „во время производства работы у обслѣдователей получилось довольно опредѣленное впечатлѣніе, что общая масса хуторовъ въ агрономическомъ и техническомъ отношеніяхъ не представляютъ рѣзкой разницы отъ общиннаго хозяйства, что какъ тѣ, такъ и другія страдаютъ отсутствіемъ знанія, агрономическихъ улучшеній... Кромѣ того, получилось впечатлѣніе, что (хутора) не представляютъ вполнѣ оформившейся категоріи землевладѣнія... Даже *купившіе* землю компаніей въ собственность такъ мало цѣнили округленность участка, что разверстывали ее между собою черезполосно. Такимъ образомъ, большинство хуторовъ оказалось не въ одной межѣ“.

Несмотря на болѣе удобное расположеніе угодій на хуторахъ, „эти удобства не въ состояніи радикально повліять на доходность хозяйства. При обслѣдованіи мелкихъ хуторовъ... обыкновенно констатировалось, что

въ большинствѣ случаевъ при современномъ уровнѣ техники малоземельные хозяева не живутъ на хуторахъ, а въ селахъ".—Между хуторянами, имѣющими свыше 50 дес., напротивъ, уже рѣдко встрѣчается черезполосица; они хозяйствуютъ съ наемнымъ трудомъ и ихъ хозяйства снабжены полнымъ комплектомъ инвентаря. „Уже при 20-десятинномъ хозяйствѣ—обычны жнеи, молотилки, конныя грабли, вѣялки, разбросныя сѣялки, бункера, катки, а въ колонистскихъ хозяйствахъ даже сноповязалки".

Казалось бы, хуторяне, имѣющіе небольшіе участки земли и имѣющіе возможность прилагать больше труда на меньшую площадь земли, должны были бы получать болѣе высокіе урожаи и большій доходъ съ десятины земли. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ всѣ защитники мелкаго хозяйства, указывая на это, какъ на главное преимущество передъ крупнымъ. Однако и это предположеніе не оправдывается. Валовой доходъ съ десятины пашни отъ полеводства у колонистовъ достигаетъ 75 руб. 48 коп., у крупныхъ хуторянъ—48 руб. 82 коп., у среднихъ—42 руб. 30 коп., у общинниковъ—42 руб. 30 коп. и у мелкихъ хуторянъ—38 руб. 90 коп.

Валовой доходъ съ десятины пашни отъ продуктовъ земледѣлія лучше всего показываетъ степень культуры обрабатываемой земли. Но этотъ показатель говоритъ за то, что только въ крупныхъ хуторскихъ хозяйствахъ культура земли выше, чѣмъ у общинниковъ. У среднихъ хуторскихъ хозяйствъ она одинакова съ культурой на общинныхъ земляхъ, а у мелкихъ землевладѣльцевъ—хуторянъ даже ниже, чѣмъ на общинныхъ земляхъ. Между крупными и мелкими хуторами разница въ доходности земли равняется 12 рублямъ съ десятины.

Денежныя поступленія отъ скота на десятину пашни располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ. У колонистовъ по 10 руб. 72 коп. на десятину, у крупныхъ хуторянъ 7 руб. 50 коп., у мелкихъ 3 руб. 68 коп., у общинниковъ—3 руб. 40 коп. и у среднихъ хуторянъ 2 руб. 71 коп. Такимъ образомъ, если сложить доходъ отъ полеводства и отъ скотоводства, то мы найдемъ, что только крупные хуторяне и колонисты получаютъ значительно большій доходъ съ десятины земли, чѣмъ общинники. Средніе же и мелкіе хуторяне получаютъ меньшій доходъ. Хваленая культура отрубныхъ участковъ оказывается у мелкихъ хуторянъ хуже, чѣмъ у общинниковъ.

Сумма денежныхъ поступленій изъ всѣхъ источниковъ на хозяйство у колонистовъ равняется 1.248 руб., у крупныхъ хуторянъ—664 руб. 50 коп., среднихъ—261 руб. 80 коп., общинниковъ—96 руб. 50 коп. и у мелкихъ хуторянъ—57 руб. 60 коп.

Мелкіе хуторяне, какъ и общинники, должны пополнять свой бюджетъ личнымъ заработкомъ на сторонѣ; и у той, и у другой категоріи заработная плата „составляетъ преобладающій источникъ денежныхъ поступленій, самое

же земледѣліе, главнымъ образомъ, натурой удовлетворяетъ потребностямъ семьи хозяина". При этомъ хуторяне меньше зарабатываютъ, что объясняется скорѣе меньшимъ удобствомъ для хуторянъ въ пріисканіи заработка, чѣмъ меньшею въ немъ потребностью.

Итакъ, мы видимъ, что малоземельные крестьяне не улучшаютъ и не могутъ улучшить своего хозяйства благодаря тому, что они выдѣлили свои надѣлы въ отрубные участки. Повидимому, и правительство не питало особенныхъ иллюзій относительно того, что малоземельнымъ хуторянамъ предстоитъ блестящее будущее.

По крайней мѣрѣ предсѣдатель совѣта министровъ, говоря о „ставкѣ на сильныхъ", имѣлъ въ виду только ту часть крестьянъ, которые, имѣя большіе участки, будутъ въ состояніи раціонально поставить свое хозяйство. И въ этомъ отношеніи предположенія правительства, судя по имѣющимся немногимъ даннымъ, оправдываются. Если массѣ малоземельныхъ хуторянъ и предстоитъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ полная пролетаризація, то, съ другой стороны, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, доходность хозяйства немногочисленной группы многоземельныхъ хуторянъ значительно повышается. Хуторское хозяйство является благопріятной почвой для процвѣтанія „крѣпкаго" крестьянства, крестьянской буржуазіи на почвѣ разложенія стараго общиннаго уклада.

Самый типъ хозяйства такихъ крестьянъ рѣзко отличается отъ типа хозяйства общинниковъ-кулаковъ и міроѣдовъ.

Между тѣмъ, какъ послѣдніе основывали свое благополучіе не столько на улучшеніи культуры земли и эксплуатаціи наемнаго труда, сколько на ростовщическихъ и иныхъ операціяхъ, эксплуатирующихъ сосѣдей, многоземельные хуторяне улучшаютъ культуру земли и эксплуатируютъ наемный трудъ. И то, и другое для нихъ оказывается выгоднѣе. Происходитъ европеизація земледѣлія на счетъ массы раззоряющагося крестьянства, которому при обезземеленіи грозитъ голодъ и безработица...

„Ставка на сильныхъ" пока привела къ образованію относительно небольшого количества крѣпкихъ домохозяевъ-хуторянъ и значительно большаго числа бездомныхъ пролетаріевъ.

Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ примѣненіе закона 9-го ноября уже вызвало появленіе бездомной и безземельной голытьбы, которую мѣстные жители называютъ „шатунами". „Шатуны", которымъ, по предположенію начальства, надлежало превратиться въ зажиточныхъ хуторянъ, „бросаютъ насиженныя мѣста и бродятъ со своимъ скарбомъ по степнымъ дорогамъ въ поискахъ мѣста, гдѣ можно было бы „приткнуться" и начать новую жизнь"... Но „приткнуться" никуда не удается и „шатуны" посылаютъ своихъ женъ и дѣтей въ „кусочки", или, доведенные до отчаянія голодомъ и безрабо-

тицей, принимаются грабить осѣдлое населеніе. „Совершенное отсутствіе надежды и вѣры въ лучшее будущее рѣзко отличаетъ „шатуновъ“ отъ переселенцевъ, которые колесили когда-то по степнымъ дорогамъ въ поискахъ свободныхъ земель. Какъ ни тяжело было положеніе переселенца, но онъ рѣдко доходилъ до того отчаянія, которое составляетъ характерную черту „шатуновъ“.

Образованіе „класса“ „шатуновъ“ происходитъ на почвѣ примѣненія закона 9 ноября обыкновенно такимъ путемъ. „Мѣстные богатѣи и кулаки при помощи водки склонили мужиковъ къ составленію приговора о выходѣ на отрубные участки и немедленно вслѣдъ за этимъ началась распродажа земли за безцѣнокъ. Деревенская бѣднота, вѣчно нуждающаяся въ рублѣ и кругомъ задолжавшая, поддалась большому соблазну получить разомъ крупныя, сравнительно, деньги, и въ нѣсколько недѣль было продано въ селѣ до двухсотъ надѣловъ по безобразно низкимъ цѣнамъ отъ 40 до 80 рублей за десятину“. Оставшись въ концѣ концовъ безъ денегъ и безъ земли, крестьяне, продавшіе землю, превратились въ „шатуновъ“. „Легче помереть, безъ земли намъ не жить“, говорила голытьба. Но и кулаки, и зажиточные крестьяне, скупившіе за безцѣнокъ „души“, въ свою очередь жалуются, что имъ „житья не стало,—либо убьютъ, либо сожгутъ“. Создалось невыносимое положеніе и для тѣхъ, и для другихъ.

На почвѣ складывающихся новыхъ хозяйственныхъ отношеній въ средѣ крестьянства происходитъ новая классовая группировка деревенскаго населенія, которая выражается прежде всего въ рѣзкомъ антагонизмѣ двухъ новыхъ общественныхъ слоевъ: крѣпкаго крестьянства—съ одной стороны и безземельныхъ пролетаріевъ — съ другой. „Отчаяніе“, которое находитъ корреспондентъ у „шатуновъ“, характерно именно для полныхъ пролетаріевъ, потерявшихъ надежду сдѣлаться самостоятельными хозяевами, въ отличіе отъ переселенцевъ, надѣющихся устроить свое хозяйство.

Но, потерявши крестьянскую идеологію, крестьянскія надежды, обезземелившіеся пріобрѣтаютъ другую идеологію, другія надежды, общія съ городскими рабочими...

VI.

Кризисъ крестьянскаго хозяйства, вызванный земельной тѣснотой, могъ разрѣшиться только расширеніемъ крестьянскаго землепользованія. Правительство, закрывши доступъ къ помѣщичьей землѣ, искало другихъ выходовъ. Кромѣ расширенія операцій крестьянскаго банка, продажи казенныхъ и удѣльныхъ земель, возможенъ былъ еще одинъ путь,—разрѣженіе земледѣльческаго населенія посредствомъ переселеній на окраины. На этотъ путь

правительство усиленно пыталось толкнуть крестьянъ и не безъ успѣха. Между тѣмъ какъ въ теченіе 19 столѣтія переселенію крестьянъ оказывались всяческія препятствія, такъ что число „самовольныхъ“ переселенцевъ далеко превышало число переселенцевъ, воспользовавшихся разрѣшеніемъ, послѣ революціи началось поощреніе переселенія. Съ цѣлью ослабить крестьянское движеніе и разрѣдить земледѣльческое населеніе, правительство разослало по деревнямъ 400 тысячъ громадныхъ плакатовъ, на которыхъ огромными буквами стоялъ заголовокъ „о свободномъ переселеніи на казенныя земли въ азіатской Россіи и правительственной помощи переселенцамъ“. Въ этихъ плакатахъ сообщается: „чтобы добыть деньги, слѣдуетъ укрѣпить за собой надѣлы по закону 9 ноября и продать ихъ или же заложить крестьянскому банку, который охотно придетъ на помощь переселенцу“. Тѣ крестьяне, которые повѣрили такимъ обѣщаніямъ, горько обманулись. Переселяться на казенныя земли двинулось огромное количество крестьянъ. Такъ какъ для переселенцевъ не было заготовлено достаточное количество участковъ, на которыхъ можно было бы поселиться, то почти вся масса переселенцевъ 1907 года оказалась раззоренной и голодала въ различныхъ пунктахъ по линіи Сибирской жел. дороги. Вскорѣ правительство испугалось результатовъ принятой мѣры и стало создавать препятствія вызванному имъ же движенію. Напримѣръ, изъ Полтавской губерніи телеграфируютъ отъ 28-го апрѣля 1907 года: „Переселеніе изъ Полтавской губ. приняло въ текущемъ году огромные размѣры, благодаря агитаціи земскихъ начальниковъ и агентовъ земства. Главное переселенческое управленіе принуждено теперь принять мѣры къ сокращенію переселенческой волны. Губернаторъ получилъ увѣдомленіе, что необычайно ранній многочисленный наплывъ переселенцевъ въ Сибирь, гдѣ рѣки еще не вскрылись, привелъ къ переполненію узловыхъ станцій. По недостатку помѣщеній, переселенцы ютятся подъ открытымъ небомъ, что вызываетъ усиленныя заболѣванія, особенно среди дѣтей. Принимаются спѣшныя мѣры для убѣжденія переселенцевъ отложить поѣздку до осени. Между тѣмъ многіе изъ нихъ распродали все имущество и положеніе ихъ отчаянное“.

Такъ какъ переселенческихъ участковъ не было достаточно заготовлено, то администрація и не знала, что дѣлать съ вызваннымъ ею же переселенческимъ движеніемъ. Послѣдовали циркуляры, которыми администрація стремилась остановить потокъ переселенцевъ. Главное управленіе землеустройства и земледѣлія выработало и внесло на одобреніе совѣта министровъ рядъ предположеній, направленныхъ „къ упорядоченію переселенческаго движенія“. Предложенія эти сводились къ слѣдующему: 1) выдача ходаческихъ свидѣтельствъ въ губерніи Тобольскую и Томскую, въ генералъ-губернаторства Иркутское и Степное и въ области Тургайскую и Уральскую прекращается впредь до отвода достаточнаго запаса переселенческихъ участковъ; 2) начиная

съ 15 августа 1907 года, въ эти мѣстности допускаются посылки только групповыхъ партій ходоковъ, образуемыхъ землеустроительными комиссіями или земскими учрежденіями; 3) выдача проходныхъ свидѣтельствъ въ области Дальняго Востока семейнымъ переселенцамъ, предварительно не зачислившимъ тамъ за собою земель, прекращается...

Побуждаемое безысходной нуждой, напуганное жестокими репрессіями, разочарованное въ возможности дома добиться земли, крестьянство массами устремилось въ Сибирь въ поиски за землей. Въ теченіе 1907 года до перваго сентября число переселенцевъ достигло колоссальной цифры 498.843 человѣка.

Для сравненія приведемъ число переселенцевъ въ предыдущіе годы. Прошло въ Сибирь:

Въ	1897	году	86.676	душъ.
„	1898	„	202.720	„
„	1901	„	120.259	„
„	1902	„	110.930	„
„	1904	„	36.487	„ годъ войны.
„	1905	„	33.062	„ „ „
„	1906	„	200.794	„
„	1907	„	576.979	„

Въ слѣдующемъ 1908 году переселеніе достигло еще небывалой цифры въ 758.812 человѣкъ.

Въ 1909 году, повидимому, разочарованіе въ прелестяхъ переселенія успѣло проникнуть и въ широкіе круги крестьянства. Основаніемъ такого утвержденія служитъ сопоставленіе данныхъ 1908 и 1909 гг. Въ эти годы за время съ 1 января по 21 ноября прошло черезъ Челябинскъ и Сызрань:

Переселенцевъ . . .	въ 1908 г.—649.210	въ 1909—607.906
Ходоковъ . , . . .	„ 1908 г.— 90.258	„ 1909— 86.959

„Характерно, что разочарованіе проникло въ самыя разнородныя группы крестьянства: уменьшились размѣры не только самовольнаго движенія, но сократилось движеніе и переселенцевъ легальныхъ, идущихъ на зачисленныя уже земли. И въ отношеніи этой послѣдней группы характерно, что въ то время, какъ правительство на основаніи имѣющихся у него данныхъ о количествѣ зачислившихъ землю семей имѣетъ основаніе ожидать движенія въ Сибирь ста тысячъ семей, уже получившихъ землю за Ураломъ, ихъ проходитъ менѣе пятидесяти тысячъ. Массовой отказъ отъ переселенія семей, уже получившихъ землю въ Сибири, говоритъ объ этомъ разочарованіи.

О наступившемъ разочарованіи свидѣтельствуетъ и рѣзкій ростъ обратнаго движенія въ 1909 году. Въ 1908 году на 649.210 семейныхъ переселенцевъ обратно прошло только 39.449 или 6%, въ 1909 же году на 607.906 возвратилось 74.948, или 12%".

„По мнѣнію людей, близко стоящихъ къ переселенческому дѣлу..., теперь среди семейныхъ переселенцевъ преобладаютъ семьи, до переселенія ликвидировавшія на родинѣ все свое хозяйство, сжегшія всѣ корабли, вынужденныя тѣмъ самымъ, худо ли, хорошо ли, но устраиваться на новыхъ мѣстахъ. Только полное разочарованіе, только полная невозможность устроиться хоть кое-какъ можетъ заставить большинство такихъ современныхъ переселенцевъ двинуться обратно. Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ фактѣ *проживанія сейчасъ за Ураломъ не одной сотни тысячъ неустроенныхъ*, такъ называемыхъ неприписныхъ, переселенцевъ. Годами живутъ эти переселенцы въ условіяхъ чрезвычайно тяжелыхъ, въ ожиданіи зачисленія на участки, твердо рѣшившись не возвращаться". Тѣмъ не менѣе число обратныхъ переселенцевъ возрастаетъ.

Въ 1908 году правительство фактически отмѣнило свободное переселеніе, свободное ходачество, такъ какъ посылка ходоковъ, а слѣдовательно, и самое переселеніе поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія мѣстныхъ землеустроительныхъ учрежденій. Издавая свои ограничительныя правила о порядкѣ ходачества, правительство мотивировало ихъ стремленіемъ „предупредить завѣдомо безплодную отправку въ Сибирь ходоковъ въ количествѣ, несоотвѣтствующемъ возможности пріисканія ими земель". Хотя количество ходоковъ по сравненію съ 1907 годомъ сократилось, но число ходоковъ безъ проходныхъ свидѣтельствъ въ огромномъ количествѣ увеличилось. Въ 1907 году только 3.736 ходоковъ прошли безъ проходныхъ свидѣтельствъ, не пользуясь льготнымъ переселенческимъ тарифомъ. Въ 1908 году такихъ ходоковъ было около $57^1/_2$ тыс., а въ 1909 г. около 58 тыс. человѣкъ.

Вслѣдствіе препятствій со стороны землеустроительныхъ комиссій, многіе переселенцы отправляются за Уралъ, не получивши предварительнаго разрѣшенія, безъ посылки ходоковъ, хотя и рискуютъ на новомъ мѣстѣ остаться безъ земли. Въ 1907 году только около $15^1/_2$ тыс. семей (82.692 души) переселенцевъ прошли въ Сибирь безъ разрѣшенія, по дорогому тарифу, въ 1908 году такихъ семей было 56 тыс. (310.216 человѣкъ), а въ 1909 году около 48 тыс. семей—286.509 человѣкъ. Дѣлая огромныя затраты на переселеніе въ Сибирь, эти сотни тысячъ земледѣльцевъ рискуютъ и на новомъ мѣстѣ остаться безъ земли и безъ хозяйства. Переселенцы, которые имѣютъ возможность, или приписываются къ обществамъ въ Сибири, уплачивая за приписку по 40—50 рублей, или селятся на мѣстахъ, занятыхъ туземцами: киргизами (Степной край), бурятами (Алтай), китайцами

(Уссурійскій край). На этой почвѣ происходили столкновенія, часто оканчивавшіяся сраженіями переселенцевъ съ туземцами, неожиданными нападеніями другъ на друга и т. д. Тщетно туземцы во второй Государственной Думѣ и въ спеціальныхъ депутаціяхъ просили правительство не разорять ихъ, не уничтожать насиженныхъ мѣстъ. Собственность туземцевъ остается „прикосновенной“, чтобы остались „неприкосновенными“ помѣщичьи земли: правительство въ отливѣ „избыточнаго населенія“ видѣло возможность направить по другому руслу крестьянское движеніе, не заботясь ни о переселенцахъ, ни о туземцахъ...

Главный контингентъ переселенцевъ составляли крестьяне изъ Малороссіи, Юго-западнаго края и Бѣлоруссіи. Кромѣ того, изъ этихъ же районовъ отмѣчается увеличеніе эмиграціи заграницу, вызванное безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ, а также реакціей и еврейскими погромами.

VII.

Непосредственнымъ экономическимъ результатомъ крестьянскаго движенія явилось измѣненіе (правда, временное) арендныхъ цѣнъ и повышеніе заработной платы.

Экономическіе результаты крестьянскаго движенія въ различныхъ районахъ Россіи были не одинаковы и зависѣли отъ сложившихся до революціи экономическихъ отношеній.

По способу обработки владѣльческихъ земель Европейская Россія дѣлится на двѣ части. Въ нестепной черноземной полосѣ, къ востоку отъ Днѣпра (центральныя земледѣльческія, малороссійскія и приволжскія губерніи), въ заволжскихъ губерніяхъ, съ присоединеніемъ къ этой полосѣ Нижегородской, Смоленской и Калужской губ., а также лежащей особнякомъ Бессарабской, всего въ 20 губерніяхъ,—владѣльцы держатъ слишкомъ мало рабочаго скота и большая часть посѣвовъ на владѣльческихъ земляхъ обрабатывается крестьянскимъ скотомъ, при чемъ крестьяне или снимаютъ эти земли въ аренду, или обрабатываютъ ихъ по найму въ пользу владѣльцевъ.

Западныя и южныя губерніи (Прибалтійскія, Сѣверо-западныя, съ присоединеніемъ Псковской, юго-западныя и новороссійскія безъ Бессарабской)— всего 18 губерній отличаются значительнымъ распространеніемъ обработки владѣльческихъ посѣвовъ при помощи собственнаго скота.

Обѣ эти части почти равновелики по общей площади посѣвовъ на владѣльческихъ земляхъ: на первую падаетъ 49% общей суммы посѣвовъ на владѣльческихъ земляхъ въ Европейской Россіи, на вторую 48%. Въ остальныхъ 12 губерніяхъ сѣверо-востока Европейской Россіи, о которыхъ не упомянуто выше, посѣвы на владѣльческихъ земляхъ развиты крайне слабо:

всего на эти 12 губерній приходится 3% посѣва на владѣльческихъ земляхъ.

По количеству владѣльческаго скота можно предполагать, что въ центральной и восточной части Россіи въ собственной обработкѣ находится около $^2/_5$ владѣльческихъ посѣвовъ, а на западѣ и югѣ до $^3/_4$.

Въ районахъ преобладанія мелкой продовольственной аренды, гдѣ крестьянское продовольственное хозяйство пришло къ кризису и гдѣ крестьяне боролись за землю, произошло временное пониженіе арендной платы и усилилось предложеніе помѣщичьихъ земель крестьянскому банку. И то, и другое явленіе находилось въ тѣсной связи съ кризисомъ крестьянскаго хозяйства и съ размѣрами и силой крестьянскаго движенія.

Въ Саратовской губерніи, гдѣ движеніе крестьянъ было наиболѣе сильнымъ, наиболѣе рѣзко проявляется и мобилизація земельной собственности.

„Всего въ Саратовской губ. за время съ 3 ноября 1905 года по 1-е января 1907 года предложено крестьянскому банку купить 503 имѣнія съ площадью въ 707 тыс. дес. По всему восточному району (Саратовской, Пензенской, Уфимской, Симбирской и Казанской губ.) соотвѣтствующія цифры будутъ: 1.306 имѣній съ 1.559 тыс. дес.

Такимъ образомъ, операціи въ Саратовской губ. охватываютъ почти $^4/_{10}$ (38,5%) продаваемыхъ имѣній и почти половину (44,6%) отчуждаемыхъ земель всего района.

Но процессъ мобилизаціи дворянскихъ земель значительно шире приведенныхъ цифръ. Кромѣ продажи банку, существуетъ путь непосредственныхъ сдѣлокъ съ окружающими крестьянами, которые сами уже обращаются за ссудой къ банку. За тотъ же періодъ времени банкъ получилъ заявленій о ссудѣ отъ 26 тыс. домохозяевъ на 150 тыс. десятинъ земли. Считая, что изъ 150 тыс. десятинъ также 80% принадлежатъ дворянамъ, получимъ, что саратовскимъ дворянствомъ уже сдѣланы шаги къ ликвидаціи 686 тыс. десятинъ или цѣлой половины ихъ „историческихъ владѣній“ или „культурныхъ очаговъ“.

При этомъ происходитъ процессъ ликвидаціи наиболѣе крупныхъ имѣній [1]).

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что процессъ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія, несмотря на то, что крестьянское движеніе было подавлено, идетъ своимъ, хотя и обходнымъ, путемъ. Въ революціонномъ движеніи крестьяне стремились или понизить арендныя цѣны, или отобрать помѣщичьи земли. Какъ увидимъ далѣе, арендныя цѣны временно дѣйствительно понизились, а владѣльческія земли, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, хотя

[1]) П. Масловъ. Аграрный вопросъ, т. II, стр. 444—5.

и по дорогой цѣнѣ—переходятъ къ крестьянамъ. Во время революціи питались иллюзіи, что *всѣ* крестьяне, и бѣдные, и богатые, получатъ землю и *всѣ* въ состояніи будутъ вести самостоятельное хозяйство. Если бы даже революціонное движеніе оказалось сильнѣе и владѣльческія земли всѣ перешли безвозмездно въ руки крестьянъ, эти иллюзіи были бы разбиты сложившейся экономической дѣйствительностью, такъ какъ землей могли бы воспользоваться все-таки экономически наиболѣе сильные крестьяне. Но процессъ пролетаризаціи части крестьянства происходилъ бы болѣе безболѣзненно. Теперь, несмотря на полную побѣду дворянства и реакціи, дворянскія земли все же переходятъ къ крестьянамъ. Но этотъ процессъ ликвидаціи старыхъ отношеній крестьянъ и землевладѣльцевъ происходитъ при условіяхъ наиболѣе тягостныхъ для малоимущаго крестьянства. Даже временное пониженіе арендной платы не облегчило положенія малоимущихъ крестьянъ, такъ какъ арендаторами являются болѣе зажиточные. По даннымъ „Сборника стат. свѣд. по Сарат. губ. за 1906 г.“ арендныя цѣны въ 1904, 5 и 6 годахъ были слѣдующія:

УѢЗДЫ:	Арендная цѣна 1 казенной десят. озими въ рубляхъ.		
	1904 г.	1905 г.	1906 г.
Аткарскій	16,17	12,90	10,45
Балашевскій . . .	17,73	16,70	14,95
Вольскій	10,85	10,55	11,55
Камышинскій . . .	8,48	7,30	7,70
Кузнецкій	10,41	13,10	10,65
Петровскій. . . .	13,03	15,0	11,10
Саратовскій . . .	10,22	11,60	8,30
Сердобскій	17,84	16,75	14,20
Хвалынскій . . .	10,95	11,45	10,65
Царицынскій . . .	6,17	3,90	4,40

Пониженіе арендныхъ цѣнъ произошло въ раіонахъ наиболѣе сильнаго аграрнаго движенія. Такъ, по даннымъ анкеты В.-Э. О., пониженіе арендной платы произошло въ Донской области во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ было аграрное движеніе, въ Екатеринославской губ. произошло пониженіе только въ нѣсколькихъ случаяхъ. Также мѣстами понизились арендныя цѣны въ Самарской, Таврической, Херсонской и др. губ.

„Для болѣе зажиточныхъ крестьянъ такое пониженіе арендныхъ цѣнъ было, разумѣется, выгодно и должно было ослабить экономическое движеніе; но пониженіе арендныхъ цѣнъ нельзя считать прочнымъ“, писалъ я еще въ 1907 году [1]). Дѣйствительно, арендныя цѣны послѣ „успокоенія“ снова

1) Тамъ же, стр. 447.

стали подниматься. Такъ, въ Харьковской губ. при погодной арендѣ арендныя цѣны на землю были слѣдующія:

въ 1905 году [1]) 13,1 руб. за десятину
„ 1906 „ [2]) 13,55 „ „ „
„ 1907 „ [3]) 14,83 „ „ „

Временное пониженіе арендныхъ цѣнъ въ періодъ революціи дало возможность наиболѣе зажиточнымъ слоямъ крестьянства использовать временно сложившіяся благопріятныя обстоятельства для своего хозяйства. Когда этотъ слой крестьянъ увидѣлъ безнадежность попытокъ отобрать даромъ владѣльческія земли, и въ то же время увидѣлъ возможность продолжать ихъ аренду, зажиточные крестьяне стали враждебно относиться къ бѣднѣйшимъ слоямъ, которымъ терять было нечего. Этотъ естественный антагонизмъ, вытекающій изъ различія интересовъ различныхъ слоевъ крестьянъ, обострился еще болѣе проведеніемъ въ жизнь закона 9 ноября, благодаря которому для зажиточныхъ крестьянъ открылась возможность расширить свое землевладѣніе на счетъ обѣднѣвшихъ сосѣдей.

Дальнѣйшее повышеніе арендныхъ цѣнъ должно постепенно суживать кругъ конкуррентовъ арендаторовъ крестьянъ и еще болѣе ускорить процессъ ликвидаціи слабыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, толкать ихъ на продажу своихъ надѣловъ и проч.

VIII.

Движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ 1905—6 годахъ было вызвано не только общей атмосферой недовольства и движеніемъ городского населенія, но и измѣненіемъ экономическихъ условій, вызваннымъ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ въ 1905 году. Одинъ изъ русскихъ экономистовъ [4]) (Билимовичъ) „съ научной добросовѣстностью“, прислуживаясь къ господамъ современнаго положенія, доказываетъ, что стачки ни къ чему хорошему не ведутъ, такъ какъ вызываютъ повышеніе цѣнъ на продукты. Въ дѣйствительности стачки сельскохозяйственныхъ рабочихъ были вызваны *уже* совершившимся повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ и, благодаря этому, относительнымъ *пониженіемъ* заработной платы. Цѣны на хлѣбъ въ 1905 году поднялись на 15—20% [5]) и благодаря этому реальная заработная плата упала на соот-

[1]) Статистич. ежегодн. 1906 г. Изд. харьк. губ. зем. упр., стр. 15.
[2]) Статистич. ежегодн. 1907 г., стр. 104.
[3]) Статистич. ежегодн. 1908 г., стр. 25.
[4]) Ал. Билимовичъ. Подъемъ товарныхъ цѣнъ въ Россіи. Кіевъ, 1909 г.
[5]) Средніе цѣны на хлѣбъ были въ Козловѣ въ 1904 г.—59,7 въ 1905 г.—74,1, въ Одессѣ въ 1904 г.—69,3, въ 1905 г.—80,6.

вѣтствующую сумму. Естественно, что сельскохозяйственные рабочіе, при существованіи общаго революціоннаго движенія, не остались пассивными и также приняли участіе въ движеніи, главнымъ образомъ, стачками выставляя требованіе повышенія денежной и реальной (въ снопахъ) заработной платы.

Какъ видно было изъ очерка крестьянскаго движенія въ 1905 году, движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ западномъ и югозападномъ краѣ, гдѣ преобладало батрацкое помѣщичье хозяйство. Только въ 1906 году забастовки распространяются и на центральный земледѣльческій раіонъ, причемъ здѣсь крестьяне боролись не столько за повышеніе заработной платы, сколько для того, чтобы забастовкой лишить землевладѣльцевъ рабочихъ рукъ и такимъ путемъ „выкурить“ ихъ изъ помѣстій. Результаты забастовочнаго движенія оказались неодинаковыми: заработная плата повысилась больше въ многоземельныхъ раіонахъ, гдѣ крестьяне своей конкурренціей не понижали заработной платы.

По раіонамъ измѣненіе заработной платы (средней ариѳметической изъ погубернскихъ данныхъ) выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ [1]):

	Средняя поденная зараб. плата въ копейкахъ.		
	за 1902—4 гг.	въ 1905 г.	въ 1906 г.
Центр. черноз. раіонъ.	55	52	60
Средневолжскій . .	54	56	61
Нижневолжскій . .	61	74	80
Новороссійскій. . .	73	77	102
Юго-западный . . .	43	49	57
Малороссійскій. . .	56	61	68
Промышленный . .	77	81	86
Бѣлорусскій . . .	55	59	64
Сѣверный	49	50	57
Литовскій	42	42	48
Прибалтійскій . . .	57	57	59

Наибольшее повышеніе заработной платы произошло въ раіонахъ, гдѣ работаютъ пришлые рабочіе. Только въ малороссійскомъ и югозападномъ раіонахъ произошло значительное повышеніе заработной платы благодаря упорнымъ забастовкамъ мѣстныхъ рабочихъ.

Если принять во вниманіе повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, то, несмотря на повышеніе денежной заработной платы, реальная заработная плата не измѣнилась, а мѣстами даже понизилась.

---

1) См. „Аграрный вопросъ“ т. II, стр. 448—449.

Періодъ наступившей реакціи, разумѣется, былъ крайне неблагопріятнымъ для дальнѣйшей борьбы сельскохозяйственныхъ рабочихъ за сохраненіе реальной заработной платы и за повышеніе денежной.

Съ другой стороны, быстрый процессъ обезземеленія крестьянъ благодаря проведенію закона 9 ноября усиливалъ и усиливаетъ конкурренцію сельскохозяйственныхъ рабочихъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно появленіе „шатуновъ“, которые не могутъ „приткнуться“ ни къ собственному хозяйству, ни найти заработка въ качествѣ батраковъ.

IX.

Въ исторіи развитія народнаго хозяйства мы не встрѣчаемъ быстраго и рѣзкаго измѣненія хозяйственныхъ формъ, организаціи хозяйства и т. д. Хозяйство развивается постепенно, изживая старыя формы и возникая въ новыхъ. Даже такіе рѣзкіе перевороты въ правовыхъ отношеніяхъ, какъ отмѣна крѣпостного права, сопровождаются лишь медленнымъ измѣненіемъ организаціи стараго крѣпостного хозяйства. Въ Россіи, какъ мы замѣтили, яркіе слѣды крѣпостныхъ отношеній сохранились вплоть до революціи, создавая своеобразное отношеніе землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, различныя формы эксплоатаціи, унаслѣдованной отъ крѣпостного права, и т. д.

Въ отношеніи класса землевладѣльцевъ и правительства къ общинѣ, къ крестьянскому хозяйству и т. д. во время революціи произошелъ рѣзкій переворотъ, но онъ не можетъ сразу измѣнить всего строя кроестьянскаго хозяйства. Хозяйственный переворотъ подготовлялся десятилѣтіями, въ видѣ обостряющагося кризиса продовольственнаго хозяйства, и совершается постепенно изъ года въ годъ, выражаясь въ увеличеніи обезземеленнаго крестьянства, въ постепенномъ образованіи крестьянской буржуазіи, базирующей не на ростовщической эксплоатаціи крестьянъ, а на хозяйственной эксплоатаціи своей земли и наемнаго труда. Этотъ процессъ превращенія бѣдняка крестьянина въ пролетарія и кулака-міроѣда въ „хозяйственнаго мужика“ въ годы, протекшіе съ 1905 года, только еще намѣчается.

Въ сельскомъ хозяйствѣ особенно живучи старыя формы хозяйственныхъ отношеній и измѣненіе ихъ происходитъ значительно медленнѣе, чѣмъ въ индустріи. Поэтому всѣ указанныя выше новыя явленія въ хозяйственной жизни страны имѣютъ лишь симптоматическое значеніе, указываютъ лишь направленіе, въ которомъ происходитъ измѣненіе хозяйственнаго строя страны. „Обновленный“ хозяйственный строй грозитъ гибелью милліонамъ крестьянскихъ мелкихъ хозяйствъ и проникаетъ въ деревню не безъ отчаяннаго сопротивленія со стороны крестьянъ.

Масса крестьянства (малодушники), которая рискуетъ потерять отъ

раздѣла земель, пытается сопротивляться разрушенію общины, но такого рода попытки, въ концѣ концовъ, оказываются безуспѣшными. На сторонѣ выдѣляющихся изъ общины крестьянъ стоитъ всесильная администрація, *мѣстами* интересы развитія земледѣльческаго хозяйства. Какъ видно было изъ приведенныхъ выше цифръ, доходность земли въ крупныхъ хуторскихъ хозяйствахъ дѣйствительно повышается. Этотъ фактъ имѣетъ огромное значеніе. такъ какъ открываетъ возможность капиталу постепенно захватывать земледѣліе, увеличивая доходность земли. Но также, какъ до революціи мелкое хозяйство при арендѣ земли боролось съ крупнымъ, напрягая всѣ свои силы, и боролось успѣшно. хотя и цѣною своего собственнаго раззоренія, такъ и теперь процессъ борьбы между крестьянскими хозяйствами происходитъ и будетъ происходить при отчаянной самозащитѣ мелкаго продовольственнаго хозяйства противъ его ликвидаціи. Чѣмъ менѣе благопріятны условія для развитія индустріи и роста городовъ, куда могла бы уйти часть деревенскаго населенія, тѣмъ упорнѣе и крѣпче будутъ раззоренные крестьяне держаться за свои клочки земли, хотя бы община и была окончательно разрушена.

Въ настоящее время процентъ обезземелившихся крестьянъ, выдѣленныхъ изъ общины, очень высокій. Но нужно полагать, что при дальнѣйшемъ раздѣлѣ общинныхъ земель, процессъ обезземеленія крестьянъ будетъ происходить медленнѣе. Въ настоящее время выдѣляется значительная часть общинниковъ, которые уже порвали или порываютъ съ землей *потому*, что въ городѣ имѣютъ болѣе или менѣе прочный заработокъ, потому что земля ихъ уже не кормитъ. По мѣрѣ выдѣленія этого элемента населенія, по мѣрѣ его обезземеленія, дальнѣйшій процессъ обезземеленія значительно замедлится, такъ какъ для крестьянъ, живущихъ въ деревнѣ, земля является кормилицей и порвать съ нею будетъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ медленнѣе будетъ развиваться индустрія, чѣмъ меньше будетъ шансовъ для массы населенія существовать исключительно наемнымъ трудомъ. Правда, процессъ обезземеленія не можетъ остановиться только потому, что этого не хотятъ обезземеливающіеся, но возможность найти другой заработокъ, внѣ своего хозяйства, имѣетъ огромное вліяніе на ускореніе этого процесса.

Съ другой стороны, существованіе мелкихъ продовольственныхъ хозяйствъ, хотя бы на отрубныхъ участкахъ, создаетъ почву для ихъ эксплоатаціи въ старыхъ ростовщическихъ и кабальныхъ формахъ. Отъ того, что крестьянинъ хозяйничаетъ на маленькомъ отрубномъ участкѣ, а не на общинной землѣ, его положеніе не измѣняется. Онъ будетъ такъ же нуждаться въ сторонніхъ заработкахъ или въ арендѣ земли, какъ и общинникъ. Разница будетъ заключаться лишь въ томъ, что рано или поздно результатомъ хозяйствованія на „собственной“ землѣ можетъ явиться полное обезземеле-

ніе крестьянина, между тѣмъ, какъ общинникъ, находясь въ экономической кабалѣ и даже лишившись своего хозяйства, сохраняетъ *право* на свой участокъ въ общинной землѣ. Поэтому, часть крестьянскихъ хозяйствъ отпадаетъ и будетъ отпадать отъ продовольственной аренды (съ одной стороны богатые хуторяне, съ другой стороны—обезземелившіеся крестьяне), но масса крестьянства не будетъ въ состояніи порвать со старыми арендными—крѣпостническими отношеніями. Дореволюціонное наслѣдіе въ видѣ продовольственной аренды останется и будетъ исчезать лишь постепенно, по мѣрѣ развитія капитализма въ городѣ и въ деревнѣ. Періодъ революціи и реакціи лишь отчасти расчистилъ путь для дальнѣйшаго развитія капиталистическихъ отношеній въ деревнѣ, но эти отношенія могутъ развиваться только постольку, поскольку общія соціальныя условія благопріятствуютъ развитію капитализма. А періодъ реакціи является для этого крайне неблагопріятнымъ. Поэтому вызывая всѣ отрицательныя стороны развитія капитализма (обезземеленіе крестьянъ), современная дѣйствительность не даетъ его единственной положительной стороны для обезземелившихся крестьянъ—возможности найти заработокъ, достаточный для существованія, въ развивающейся индустріи и сельскомъ хозяйствѣ.

Раздѣлъ крестьянскихъ общинныхъ земель, привязывая каждаго домохозяина къ своему клочку земли, недостаточному для обезпеченія существованія семьи, ставитъ его въ такую же кабальную зависимость отъ сосѣда помѣщика, какъ и раньше, при существованіи общиннаго землевладѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распыленіе общинныхъ земель (большая часть крестьянъ выдѣляется изъ общины черезполосно со своими сосѣдями) препятствуетъ округленію участковъ въ рукахъ „хозяйственныхъ“ крестьянъ и, такимъ образомъ, будетъ препятствовать тому прогрессу сельскаго хозяйства, который отмѣчается на крупныхъ хуторскихъ участкахъ. Самъ по себѣ раздѣлъ общинныхъ земель безъ устраненія существующей черезполосности крестьянскихъ надѣловъ ничуть не облегчаетъ введенія лучшей земледѣльческой культуры, а, напротивъ, только обезцѣниваетъ крестьянскую землю. Ибо при существованіи права передѣловъ легче отвести къ одному мѣсту скупленные „хозяйственными“ крестьянами надѣлы, чѣмъ при существованіи укрѣпленныхъ черезполосно участковъ, хотя бы и скупленныхъ однимъ лицомъ. Мнѣ лично приходилось наблюдать, что во время передѣловъ зажиточные крестьяне, арендовавшіе земли своихъ сосѣдей, получали арендуемыя полосы рядомъ со своими и, такимъ образомъ, округляли свои полосы. При фиксированіи же опредѣленныхъ полосъ при выдѣлѣ изъ общины фиксируется и черезполосность, которая не можетъ быть уже устранена передѣломъ.

Такимъ образомъ, существующее законодательство о крестьянскомъ землевладѣніи ставитъ огромныя препятствія развитію сельскаго хозяйства, внося одновременно гибельныя послѣдствія быстраго обезземеленія бѣднѣйшихъ кре-

стьянъ, ставя передъ ними дилемму: оставаться кабальнымъ арендаторомъ, или обезземелиться безъ надежды найти заработокъ въ индустріи, обезпечивающій ихъ существованіе.

При такихъ условіяхъ нельзя надѣяться въ ближайшемъ будущемъ на сколько нибудь значительное улучшеніе положенія малоземельныхъ крестьянъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Положеніе же послѣднихъ въ значительной степени опредѣляетъ и положеніе городскихъ рабочихъ, на которыхъ будетъ давить конкурренція дешевыхъ рабочихъ рукъ выходцевъ изъ деревни.

П. Масловъ.

М. С. БАЛАБАНОВЪ.

Промышленность въ 1904—1907 гг.

I.

Война и канунъ 1905 г.

Мы прервали наше изложеніе въ первомъ томѣ настоящаго изданія на выясненіи общаго вліянія, какое оказала на положеніе промышленности война съ Японіей. Детальное изслѣдованіе этого вліянія не входитъ въ нашу задачу, хотя само по себѣ оно и представляетъ значительный интересъ. Въ предѣлахъ, поставленныхъ нашимъ очеркамъ, выясненіе вліянія войны необходимо лишь постольку, поскольку, съ одной стороны, это вліяніе, въ значительную часть перваго года войны, расшатало народное хозяйство наканунѣ революціоннаго взрыва, съ другой, поскольку оно, во второй годъ войны, переплеталось съ вліяніемъ революціонныхъ событій.

Въ предшествующей статьѣ было уже указано, что война нанесла промышленности сильный ударъ. Таковы, впрочемъ, только общіе итоги войны. Въ частности, какъ и слѣдовало ожидать, война на отдѣльныя отрасли промышленности оказала не одинаковое вліяніе. Если въ однихъ случаяхъ, подъ вліяніемъ возросшаго спроса, промышленность проявила признаки значительнаго оживленія, то въ другихъ она, напротивъ, испытала на себѣ всю разрушительную силу наступившаго кризиса.

Война вызываетъ усиленную дѣятельность по преимуществу въ тѣхъ производствахъ, которыя въ той или иной степени связаны съ военными операціями. Перевозка войскъ и доставка на театръ войны провіантскихъ и боевыхъ грузовъ требуетъ увеличенія подвижного состава желѣзныхъ дорогъ, ремонта пути, сооруженія параллельныхъ или новыхъ линій; интенсивно работаютъ во время войны орудійные заводы, а также судостроительные, поскольку представляется необходимость постройки новыхъ или ремонта старыхъ военныхъ судовъ. Оживляются, наконецъ, и тѣ отрасли промышленности (мануфактурная, кожевенная) которыя поставляютъ матеріалъ для амуниціи дѣйствующей арміи.

Всѣ эти факторы сказались, конечно, и въ минувшую войну, прежде

всего на оживленіи металлургической и горной промышленности. III съѣздъ металлозаводчиковъ Сѣвернаго и Прибалтійскаго районовъ, констатируя „общее пессимистическое настроеніе, которое охватило всѣ отрасли промышленности вскорѣ по объявленіи войны", съ чувствомъ удовлетворенія, однако, отмѣчаетъ, что „это настроеніе въ скоромъ времени начало постепенно успокаиваться и мало по малу перешло къ болѣе ясной и опредѣленной дѣйствительности, такъ какъ параллельно съ отрицательными сторонами военнаго времени заводы почувствовали, что ихъ дѣятельность можетъ и должна быть направлена къ удовлетворенію экстренныхъ нуждъ, вызываемыхъ тѣми же военными потребностями. Потребности эти сказались прежде всего въ необходимости увеличенія подвижного состава, двинутаго въ большихъ количествахъ на сибирскую желѣзную дорогу для перевозки войскъ, интендантскихъ грузовъ и для снабженія арміи орудіями и снарядами, затѣмъ въ постройкѣ новыхъ судовъ и, главное, въ экстренномъ оборудованіи и сооруженіи уже строившихся судовъ, которыя составили такъ называемую вторую Тихоокеанскую эскадру. Удовлетвореніе первыхъ потребностей вызвало со второй половины текущаго (1904) года усиленіе дѣятельности вагоно-и паровозостроительныхъ заводовъ, а оборудованіе военныхъ судовъ сильно увеличило заказы машино-строительныхъ и механическихъ заводовъ, которые, благодаря этому, все истекшее лѣто еле справлялись съ экстренной срочной работой". Въ результатѣ „благодаря экстреннымъ и довольно значительнымъ требованіямъ различныхъ вѣдомствъ, вызваннымъ военными событіями, сѣверные и прибалтійскіе заводы были обезпечены заказами значительно болѣе прошлыхъ лѣтъ, а иногда даже въ полномъ размѣрѣ своей производительной способности. Мало того, были такіе заводы, которымъ для удовлетворенія предъявленныхъ къ нимъ экстренныхъ требованій пришлось расширить нѣкоторые отдѣлы своего производства и произвести довольно значительные затраты на спѣшное оборудованіе и усиленіе своихъ мастерскихъ [1]). Такое усиленіе дѣятель-

---

1) Докладъ комиссіи о положеніи металлургич. и машиностроит. промышленности. Труды III съѣзда металлозаводчиковъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ. СПБ. 1906, стр. 235—240. Почти въ такихъ же выраженіяхъ говоритъ о вліяніи войны на металлургическую промышленность XXX съѣздъ горнопромышленниковъ Юга Россіи: „Въ лицѣ манчжурской арміи явился новый крупный потребитель всевозможнаго товара, а въ томъ числѣ такъ или иначе, посредственно или непосредственно связанные съ изготовленіемъ и производствомъ его—расходъ и потребленіе металловъ; все требовалось спѣшно, все производилось и перевозилось ускореннымъ темпомъ". Докладъ съѣзду о современ. положеніи желѣзной промышленности въ „Трудахъ" XXX съѣзда. Въ качествѣ иллюстраціи количества заказовъ, вызванныхъ. войною, приведемъ слѣдующія данныя объ изготовленныхъ заводами рельсахъ, вагонахъ и паровозахъ (по матеріаламъ, составленнымъ отдѣломъ промышленности для междувѣдомственнаго совѣщанія о мѣрахъ къ улучшенію металлургической и машиностр. промышленности):

ности заводовъ должно было, естественно, вызвать усиленный спросъ на продукты металлургической промышленности, а въ связи съ послѣдней и на минеральное топливо. И въ самомъ дѣлѣ, въ 1904 г., послѣ ряда лѣтъ кризиса, мы наблюдаемъ въ металлургической промышленности, необычайное усиленіе производства: 1904 годъ оказался рекорднымъ по добычѣ чугуна, производству полупродукта и готоваго продукта, рекорднымъ по отношенію не только къ предыдущимъ годамъ, но и къ послѣдующимъ, вплоть до 1907 г. Достигнувъ въ 1900 г. 176,8 м. п., выплавка чугуна падаетъ въ ближайшіе за этимъ годы, но въ 1904 г. поднимается до 180,4 м. п., давъ увеличеніе на 20,8% по сравненію съ 1903 г. Производство полупродукта, послѣ максимальнаго подъема 1900 г. (160,7 м. п.), такъ же падаетъ и поднимается въ 1904 г. до 178,2 м. п., съ увеличеніемъ противъ 1903 г. на 14%. Точно такова же и эволюція производства готоваго продукта: послѣ максимума 1900 г. (132,5 м. п.) паденіе въ послѣдующее время и сильное увеличеніе въ 1904 г. (162,9 м. п., увеличеніе противъ 1903 г. на 22,3%). При этомъ,—что особенно существенно,—накопленіе запасовъ въ 1904 г. идетъ медленно, временами даже переходя въ уменьшеніе, что, въ связи съ увеличеніемъ производства, указываетъ на успѣшный сборъ произведенныхъ продуктовъ. Такъ, запасы чугуна, съ 42,2 м. п. въ январѣ падаютъ до 37,7 м. п. въ маѣ и затѣмъ, постепенно увеличиваясь, доходятъ до 45,2 м. п. въ концѣ года; запасы готоваго продукта, достигнувъ минимума въ іюнѣ (21,2 м. п.), начинаютъ увеличиваться только съ ноября, запасы-же полупродукта въ теченіе всего года остаются на одномъ уровнѣ. Вообще, вторая четверть года даетъ какъ наибольшее увеличеніе производства, такъ и наименьшее накопленіе запасовъ, т. е., является временемъ, наиболѣе благополучнымъ въ металлургической промышленности. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ какъ о непосредственномъ вліяніи войны на оживленіе промышленности, такъ и о томъ, что такое вліяніе не было длительнымъ и прочнымъ, и, во всякомъ случаѣ, не было единственнымъ факторомъ, опредѣлившимъ судьбу промышленности. Какъ только выяснилось, что война принимаетъ затяжной характеръ и для нуждъ ея потребуется усиленная дѣятельность ряда производствъ, металлургиче-

---

	Изготовлено:		
	рельсовъ.	вагоновъ.	паровозовъ.
1899 г.	22.545	25.638	903
1900 „	22.444	32.620	1.055
1901 „	22.817	25.100	1.226
1902 „	19.048	23.695	992
1903 „	17.862	21.070	904
1904 „	21.680	24.271	1.110

Количество изготовленныхъ въ 1904 г. рельсовъ, вагоновъ и паровозовъ, сильно поднявшись по сравненію съ двумя предшествовавшими годами, достигло почти максимальнаго повышенія періода промышленнаго подъема.

*

ская промышленность обнаружила признаки необычнаго оживленія. Но достаточно было 3—4 мѣсяцевъ, чтобы подъемъ смѣнился паденіемъ, правда, не столь значительнымъ, какъ въ годы предшествовавшаго кризиса, но все же знаменательнымъ при продолжающемся, казалось бы, вліяніи войны. Очевидно, уже въ концѣ 1904 г. воздѣйствіе войны на промышленность должно было столкнуться съ другими факторами, а въ 1905 г. и совсѣмъ уступить имъ мѣсто. Неустойчивое положеніе металлургической и желѣзодѣлательной промышленности, несмотря на благопріятное вліяніе войны, подтверждается и движеніемъ цѣнъ на горнозаводскіе продукты. Цѣны на чугунъ и сортовое желѣзо продержались крѣпко только въ первой половинѣ года, а затѣмъ обнаружили наклонность къ пониженію почти повсемѣстно; кровельное желѣзо продолжало неизмѣнно падать въ цѣнѣ, дойдя до убыточныхъ размѣровъ, и лишь толстые сорта листового и отчасти балокъ удержались, благодаря синдикату, на прежнемъ уровнѣ [1]).

Для каменноугольной промышленности 1904 г., хотя и не былъ рекордным, но все же былъ годомъ замѣтнаго оживленія. Какъ спросъ на минеральное топливо, такъ и цѣны были болѣе благопріятны сравнительно съ предшествующимъ годомъ, благодаря возросшему потребленію угля и кокса, главнымъ образомъ, металлургическими заводами. Добыча угля поднялась (въ Донецкомъ бассейнѣ) до 803,3 м. п. противъ 728 м. п. 1903 года и кокса до 146,6 м. п. противъ 112,2 м. п. 1903 г. Потребленіе минеральнаго топлива доменными заводами юга Россіи дало въ 1904 г., послѣ уменьшенія въ теченіе двухъ лѣтъ, увеличеніе противъ 1903 г. на 10,2%, а вывозъ топлива (изъ западной части Донецкаго бассейна) для нуждъ металлургическихъ заводовъ юга увеличился противъ 1903 г. на 21,9%. И здѣсь, какъ и въ металлургической промышленности, мы наблюдаемъ въ 1904 г. благопріятное состояніе запасовъ, причемъ наиболѣе благополучнымъ временемъ для каменноугольной промышленности оказались вторая и особенно третья четверть года: въ іюнѣ запасы пали до 27,8 м. п., въ сентябрѣ до 22,7 м. п., а въ декабрѣ превысили даже уровень начала года (37,5 м. п.).

На состояніе прочихъ отраслей промышленности война оказала неодинаковое вліяніе. Мы уже упоминали въ предыдущей статьѣ объ анкетѣ, предпринятой министерствомъ финансовъ осенью 1904 г. съ цѣлью выясненія производительной силы промышленныхъ заведеній по тремъ признакамъ: количеству рабочаго времени, числу рабочихъ и суммѣ заработной платы. Анкета коснулась всѣхъ промышленныхъ заведеній съ числомъ рабочихъ свыше 50 чел., охвативъ 26% общаго числа заведеній и 70% всего числа

[1]) Сборникъ статистич. свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи въ 1904 г. СПБ. 1907,. стр. LXXVIII.

рабочихъ. По количеству рабочаго времени производительность обслѣдованныхъ предпріятій оказалась на 2,5% ниже противъ 1903 г., причемъ по отдѣльнымъ производствамъ установлены были такія колебанія [1]).

Уменьшеніе.		Увеличеніе.	
Обработка шелка	25,7%	Обработка животныхъ продуктовъ	8,9%
„ шерсти . . .	15,4 „	Обработка льна	8,6 „
Смѣшан. произв. по обработкѣ волокн. вещ.	7,1 „	„ металловъ . .	6,3 „
Обраб. минеральн. вещ.	6,8 „	Писчебум. производство .	4,3 „
„ хлопка	5,9 „	Обработка дерева . . .	4,1 „
„ питательн. вещ. и химич. продукт.	2,0 „	Прочія производства . .	9,2 „

Наиболѣе значительное увеличеніе дали производства по обработкѣ животныхъ продуктовъ (выдѣлка кожи) и льна (выдѣлка холста), т. е. матеріаловъ, изготовляемыхъ для арміи; увеличеніе производительныхъ предпріятій по обработкѣ металловъ и дерева, изготовляющихъ вагоны, машины, снаряды, также вызвано потребностями военныхъ дѣйствій. Въ группѣ производствъ, давшихъ уменьшеніе производительности, сильнѣе другихъ пострадала текстильная промышленность и, въ частности, производство галантерейныхъ товаровъ (смѣшанныя производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ). Въ общемъ, какъ показываетъ приведенная таблица, уменьшеніе производства повсюду сказалось болѣе интенсивно, чѣмъ его увеличеніе, т. е. разрушительное вліяніе войны было сильнѣе, чѣмъ благопріятное.

Въ исключительно тяжеломъ положеніи оказалась мануфактурная промышленность, какъ отражающая наиболѣе чувствительно сокращеніе массоваго потребленія. Послѣ незначительнаго повышенія въ 1903 г. общаго количества потребленнаго хлопка (22,1 м. п.) въ 1904 г. оно снова пало (до 20,1 м. п.), одновременно и еще болѣе значительно уменьшился ввозъ англійскихъ машинъ для нуждъ текстильнаго производства: съ 4,18 м. р. въ 1903 г. онъ опустился до 2,96 м. р. въ 1904 г. [2]) Понизился также и вообще привозъ заграничныхъ машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ: въ 1903 г. онъ составилъ 254 тыс. п. на сумму 2311 т. р., въ 1904 г.—193 т. п. на 1725 т. р. Если обратиться къ послѣднему привозу по мѣсяцамъ года, то окажется, что переломъ особенно рѣзко обнаружился уже въ маѣ (въ декабрѣ 1903 г. привозъ составилъ 41 т. п., въ маѣ 1904 г.—18 т. п.), переходя въ послѣдующіе мѣсяцы еще въ

---

[1]) См. докладъ министра финансовъ о росписи на 1905 г.

[2]) „Вѣстникъ Финансовъ“, № 43. 1907 г.

большее пониженіе [1]); повидимому, разрушительное вліяніе войны начало сказываться на текстильномъ производствѣ во вторую четверть года, т. е. какъ разъ тогда, когда на металлургическую промышленность она стала оказывать благопріятное вліяніе. Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, кризисъ сильнѣе отразился на польскомъ мануфактурномъ районѣ, чѣмъ на московскомъ. Привозъ машинъ понизился для польскихъ губерній съ 110,9 м. п. въ 1903 г. до 42,9 м. п. въ 1904 г. [2]). Варшавскій, лодзинскій и домбровскій районы начали сокращать производство уже съ апрѣля 1904 г., какъ только прекратился экспортъ въ восточныя и сибирскія губерніи. Впослѣдствіи, когда мобилизація охватила внутреннія и южныя губерніи, положеніе стало еще болѣе затруднительнымъ; въ общемъ, производство сократилось, по меньшей мѣрѣ, на 50%, причемъ особенно пострадали средніе и мелкіе торговцы и фабриканты, доказательствомъ чего можетъ служить уменьшеніе количества торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ и переходъ многихъ изъ высшаго разряда въ низшій [3]). Въ общемъ, печально обстояло дѣло и въ московскомъ районѣ. Положеніе мануфактурнаго рынка съ началомъ военныхъ дѣйствій на Востокѣ, по сравненію съ 1903 г., еще болѣе ухудшилось. Сжатіе кредита, истощеніе запасовъ, неправильное сообщеніе съ Сибирью—все вносило сильныя осложненія въ торговлю мануфактурой. Въ результатѣ, нижегородская ярмарка 1904 г. закончилась существенной недоторжкой по мануфактурѣ, а цѣны, въ связи съ пониженіемъ расцѣнки хлопка, дали сильное пониженіе, такъ что къ началу 1905 г. въ Москвѣ послѣдовало общее пониженіе цѣнъ: на ситецъ $^3/_4$ к. на аршинъ, на тяжелыя бумажныя ткани приблизительно 10% рыночной ихъ стоимости [4]). При этомъ характерно, что обзоры товарныхъ рынковъ офиціальной „Торгово-Промышл. Газеты“, всегда изображающіе положеніе дѣлъ въ преувеличенно-розовомъ свѣтѣ и въ самый разгаръ депрессіи мануфактурнаго рынка утверждавшіе, что „вліяніе войны на сбытъ мануфактуры, повидимому, пока меньше, нежели, напр., вліяніе неурожая, или эпидеміи, или колебанія цѣнъ на сырье“, должны были признать, что операціонный 1904—1905 годъ по оборотамъ былъ „вполнѣ благопріятнымъ“, „причемъ они хотя оказались меньше прошлогоднихъ, но ничуть не меньше среднихъ оборотовъ предшествовавшихъ лѣтъ. Это въ особенности, продолжаетъ органъ министерства финансовъ, касается московскихъ ситцевъ, главный потребитель которыхъ городской житель; въ городахъ же спросъ не подвергается такимъ измѣненіямъ, какъ въ деревнѣ, куда идутъ главнымъ

[1]) Текстильная промышленность и привозъ машинъ, „Вѣстникъ Фин.“ № 48. 1907 г.

[2]) Для московскаго района опредѣлить ввозъ трудно, т. к. онъ обслуживается рижской таможней, обслуживающей также сѣверный районъ.

[3]) Торг.-Пром. Газ. № 16, 1905 г.

[4]) „Торгово-Пром. Газ.“ № 69. 1905 г.

образомъ ивановскіе ситцы; послѣдними торговали нѣсколько хуже, чѣмъ московскими“ [1]). Такимъ образомъ, въ представленіи офиціоза мирно уживается „вполнѣ благопріятное“ состояніе мануфактурнаго рынка съ меньшими, противъ прошлогодняго, оборотами и съ сокращеніемъ сбыта предметовъ массоваго потребленія! Во всякомъ случаѣ, угнетенное настроеніе рынка не могло не повлечь за собою сокращенія производства и въ московскомъ районѣ; въ первомъ очеркѣ мы упоминали уже о случаяхъ закрытія фабрикъ и сокращеніи производства въ московскомъ районѣ [2]).

Кризисъ, пережитый во время войны мануфактурной промышленностью, отразилъ, какъ указано выше, сокращеніе массоваго потребленія, которое должно было дать знать о себѣ и другимъ отраслямъ производства. Въ этомъ сокращеніи массоваго потребленія—или иначе въ дезорганизаціи внутренняго рынка—наиболѣе существенная и острая сторона разрушительнаго вліянія войны. Крупная промышленность, сосредоточенная въ промышленныхъ центрахъ, обладающая кредитомъ и организованными торговыми связями, конечно, также поддается воздѣйствію войны, но не въ такой степени и не въ такихъ формахъ, какъ мелкіе крестьянскіе промыслы, всегда жившіе подъ знакомъ упадка и разрушенія. Передъ раззореніемъ крестьянскаго хозяйства—земледѣльческаго и промысловаго,—которое несетъ съ собою война, блѣднѣютъ бѣдствія собственно т. н. промышленнаго кризиса. Замираніе экономической жизни достигаетъ здѣсь корней народнаго хозяйства, а кризисъ переходитъ въ тяжелое заболѣваніе внутренняго рынка—какъ производственнаго, такъ и потребительскаго,—что, въ свою очередь, обостряетъ кризисъ промышленности.

Эта сторона разрушительнаго дѣйствія войны настолько очевидна, что ее не смѣютъ отрицать и офиціальные ея истолкователи. „По единогласному свидѣтельству казенныхъ палатъ, читаемъ, напр. въ „Сводѣ данныхъ о поступленіи казенныхъ окладныхъ сборовъ за 1904 — 1906 гг.“, такое явленіе (недоборъ окладовъ при сравнительно удовлетворительномъ урожаѣ) объясняется возникшею въ этомъ году войной съ Японіей. Массовой призывъ запасныхъ нижнихъ чиновъ на театръ военныхъ дѣйствій, неувольненіе въ запасъ нижнихъ чиновъ, отслужившихъ обязательный срокъ пребыванія на военной службѣ, и усиленный наборъ новобранцевъ призыва 1904 г., лишивъ крестьянскія семьи множества молодыхъ, здоровыхъ и наиболѣе работоспособныхъ членовъ, сильно ослабилъ рабочую и платежную силу населенія. Многія хозяйства остались безъ работника въ семьѣ съ одними женщинами и стариками, неспособными къ труду, отчего хозяйства пришли въ упадокъ и не могли исправно нести лежавшихъ на нихъ денеж-

[1]) „Торг.-Пром. Газ.“ № 48. 1905 г.
[2]) См. „Обществ. движ.“ т. I, стр. 86.

ныхъ повинностей“ [1]). Въ этомъ —только непосредственное дѣйствіе войны,— изъятіе, такъ сказать, изъ экономическаго оборота наиболѣе производительной рабочей силы. Въ опустошенной деревнѣ гибнетъ не только земледѣльческое хозяйство. Рушится кустарное производство, истощается промысловый отходъ, подрываются послѣдніе остатки крестьянскаго благополучія.

Изъ множества фактовъ, свидѣтельствующихъ о такого рода вліяніи войны, мы приведемъ только главнѣйшіе и наиболѣе достовѣрные. Во Владимірской губ., по даннымъ земской статистики [2]), 1904 годъ былъ крайне неблагополученъ какъ для отхожихъ, такъ и для мѣстныхъ промысловъ. Еще съ лѣта, подъ вліяніемъ начавшейся войны, получались отовсюду въ губерніи крайне неутѣшительныя вѣсти о промыслахъ крестьянскаго населенія. Болѣе $^2/_3$ корреспондентовъ статистическаго отдѣленія отмѣчали, что промыслы пали, что подрядчики сократили штаты набираемыхъ рабочихъ, ожидая уменьшенія строительныхъ работъ. Послѣдующее превзошло самыя мрачныя ожиданія: казенныя и частныя постройки въ столицахъ и по линіямъ желѣзныхъ дорогъ сократились, фабрики стали уменьшать производство, домашніе кустарные промыслы, подъ вліяніемъ угнетеннаго настроенія рынки, также сократились. Все это произвело такое потрясеніе въ хозяйственной жизни деревни, что, по словамъ многихъ корреспондентовъ, „нѣкоторымъ приходилось на подати продавать хлѣбъ“, котораго всегда не хватаетъ у владимірскаго крестьянина. Особенно пострадалъ строительный промыселъ, которымъ занято во Владимірской губ. до 100 тыс крестьянъ; заработная плата понизилась противъ обычной чуть-не вдвое: 3 р. 75 к.—4 р. 50 к. плотнику въ недѣлю вмѣсто обычныхъ 5—6 р. и даже 6 р. 50 к.; 3 р. 50 к. и самое большое 5 р. 50 к. въ недѣлю столяру вмѣсто 6—7 р. Не лучше обстояло дѣло и съ кустарными промыслами: въ началѣ 1905 г. ровно половина корреспондентовъ говоритъ объ ихъ дальнѣйшемъ паденіи противъ 1904 г. и только 13% упоминаютъ объ улучшеніи кустарныхъ промысловъ. 30—40 тысячная армія ручныхъ ткачей лишена была въ значительной мѣрѣ всякой работы [3]). Въ Московской губ.,

---

[1]) Сводъ данныхъ о поступленіи казенныхъ окладныхъ сборовъ по Имперіи за 1904-06 г. СПБ. 1908, стр. 23.

[2]) А. Смирновъ. Положеніе мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ въ Владимірской губ. въ 1905 г. Вѣстн. Фин. № 29, 1906 г.

[3]) Вотъ нѣсколько сообщеній, иллюстрирующихъ положеніе кустарныхъ промысловъ. „Выработка миткаля кустарнымъ способомъ, практиковавшаяся раньше въ селѣ въ большомъ размѣрѣ (домовъ 30 изъ общаго числа 100) совсѣмъ прекратилась; раздатчикъ Хрѣновъ изъ сосѣдняго села и другіе прекратили свои дѣла, какъ говорятъ, по случаю войны“ (Сузд. у.). „Всѣ промыслы плохи, жить очень трудно безъ доходности. Въ нашемъ селѣ ранѣе существовало три ткацкихъ ручныхъ свѣтелки, а теперь осталась одна, и та стоитъ уже болѣе года безъ дѣловъ“. (Юрьев. у.). „Въ нашей мѣстности, гдѣ въ деревняхъ ткутъ шелковую матерію, работая на фабрикантовъ, дѣла очень скверны. Нѣкоторые мелкіе фабриканты „про-

по словамъ 75% земскихъ корреспондентовъ, война отразилась на состояніи отхожихъ промысловъ неблагопріятно, 22% отвѣтили, что вліянія войны незамѣтно и только 3% констатировали улучшеніе отхода [1]). „Уходили въ Москву, сообщаютъ, напр., изъ рузск. у., на фабрики и заводы, а также много типографщиковъ, но многимъ пришлось вернуться назадъ; причина—война". „Вернулось больше половины ушедшихъ, потому что хозяева мастерскихъ уменьшили число рабочихъ рукъ по случаю плохого сбыта товаровъ"—пишетъ корреспондентъ изъ другой мѣстности того-же уѣзда [2]). Относительно кустарныхъ промысловъ 58% корреспондентовъ отмѣчаютъ ухудшеніе ихъ, благодаря войнѣ. Изъ Богородск. у. пишутъ, что „ткачество падаетъ: минувшая зима дала заработки еще низшіе, чѣмъ предыдущая, цѣны были наполовину противъ прежняго, было много прогуловъ, въ большихъ семьяхъ изъ 5 становъ работали только два; за одинъ аршинъ атласа, за который прежде платили 8—10 к., теперь получали 4—5 к. Такого заработка не хватаетъ на одинъ черный хлѣбъ". Подъ вліяніемъ войны рядъ другихъ промысловъ дошелъ до полнаго паденія. Портные Богородск. и Верейскаго уѣздовъ занялись возкой дровъ; третья часть сусальщиковъ Ильинской волости (Дмитровск. у.) сидѣли безъ дѣла или собирали булыжный камень съ крестьянскихъ земель; кустари Аксиньинской волости (Звенигородск. у.) обратились въ чернорабочихъ; кустари, работавшіе гильзы (Московск. у.) занялись тканьемъ возжевой тесьмы, а часть фабричныхъ (Дмитровск. у.), за отсутствіемъ работы, перешли къ шорному ремеслу, которое, вслѣдствіе войны, шло хорошо" [3]). Въ Ярославской губ. „по случаю войны отхожіе

горѣли", а рабочіе остались безъ заработка совсѣмъ и сейчасъ не работаютъ. Другіе, говоря, что по случаю войны дѣла идутъ плохо, стали давать въ началѣ зимы работы въ мѣсяцъ только на 10 р., а потомъ и это сократили. Стали давать одну основу на 5—7 р. и, сработавъ основу, заставляли ждать другую 3 недѣли, т. е. давали рабочимъ гулять 3 недѣли и заработать въ мѣсяцъ 5—7 р. (Покров. у.). Точно такіе-же сообщенія идутъ изъ другихъ уѣздовъ и о всѣхъ почти промыслахъ.

[1]) Статистич. Ежегодникъ Московск. губ. за 1905 г. М. 1906 г., стр. 24.

[2]) Аналогичныя сообщенія въ изобиліи имѣются изъ другихъ уѣздовъ Москов. г. „Война сильно повліяла на отхожіе промыслы такъ что уходъ на заработки сократился; рабочая плата понизилась на треть". (Верейск. у.). „Хотя число рабочихъ и не сократилось, но заработки сдѣлались много меньше; прежде небольшіе церковные праздники почитались, теперь же стали чтить всѣ, лишь бы поменьше работать". (Коломен. у.). И т. д.

[3]) Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. „Столярный промыселъ совсѣмъ упалъ по случаю войны, многіе столяры ходятъ безъ дѣла; трудно сказать, что будетъ, если такое затишье въ дѣлахъ продолжится еще хотя одинъ годъ" (изъ разныхъ уѣздовъ Моск. губ.). Въ с. Кутузовѣ (Звенигор. у.) „работали ключики для часовъ на варшавскіе магазины; съ весны 1904 г. промыселъ началъ падать, заказы уменьшались, и хозяева стали расчитывать подмастерьевъ. Нѣкоторые изъ разсчитанныхъ отправились въ Москву, но и оттуда принуждены были вернуться въ деревню, гдѣ работали поденщину у помѣщиковъ". Плохо шло тарантасное дѣло: „нѣкоторые изъ

промыслы сократились въ ближайшія мѣстности на 20%, а въ столицы на 30%. Отхожники въ ближайшіе города заработали рублей на 30, а столичные рублей на 60 меньше прежнихъ лѣтъ... Заработокъ въ столицѣ находятъ не всѣ: многіе возвращаются буквально нищими и приходятъ пѣшкомъ“ [1]). Далѣе идутъ аналогичныя свѣдѣнія о паденіи мѣстныхъ промысловъ, особенно кузнечно-слесарнаго. Въ Саратовской губ., по сравненію съ 1903—1904 г. заработки 1904—1905 г. были, по проценту показаній корреспондентовъ, ниже въ 79%, одинаковы въ 14,7 и выше въ 13,3 [2]). Въ Петербургской губ. земская статистика констатируетъ паденіе мѣстныхъ промысловъ, особенно сильное въ годъ войны, результатомъ чего явилось стремленіе искать заработки на сторонѣ, въ отходѣ [3]).

Приведенныя данныя, кажется, въ достаточной степени иллюстрируютъ опустошеніе, произведенное войною въ крестьянскомъ промысловомъ хозяйствѣ. Если, съ одной стороны, на состояніи промысловъ сказался общій кризисъ промышленности,—поскольку отходъ и кустарные промыслы связаны съ фабрикой,—то, съ другой стороны, въ цѣломъ рядѣ промысловъ кризисъ носилъ совершенно самостоятельный характеръ, явившись результатомъ сокращенія сбыта кустарныхъ издѣлій какъ въ городахъ, такъ и особенно среди крестьянскаго населенія. Въ 1904 г. острота положенія нѣсколько смягчилась относительно хорошимъ урожаемъ, давшимъ переборъ противъ предыдущаго года на 15,6%, но по мѣрѣ того, какъ улетучивалось, вообще въ достаточной степени эфемерное, значеніе урожая, вліяніе войны давало себя чувствовать все сильнѣе. Въ началѣ 1905 г. картина становится угрожающе мрачной. Отходъ палъ, кустарныя свѣтелки стоятъ безъ работы, торговля замерла [4]). Отовсюду усиливаются вѣсти о застоѣ въ дѣлахъ, нуждѣ въ

кустарей совершенно прекратили работу, а другіе, если и продолжаютъ работать, то больше по привычкѣ“. (Подольск. у,). „Война отразилась очень плачевно на мѣстныхъ кустарныхъ промыслахъ (производство щетокъ и др.), такъ что многіе мелкіе хозяева принуждены прекратить свою работу вовсе“ (Верейск. у.). Имѣются также свѣдѣнія о паденіи мѣднаго производства, изготовленія сбруйнаго товара и др.

[1]) Статистическій сборникъ по Ярослав. губ. Сельско-хозяйств. обзоръ за 1905 г. Яр. 1907, стр. 134.

[2]) Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. В. III. Сар. 1906.

[3]) Статистич. сборникъ по С.-Петербургской губ. 1906 г. В. I. Спб. 1907. По проценту показаній мѣстные промыслы уменьшились въ 1904 г. по сравненію съ 1903 г.: зимой—38, весной—42, лѣтомъ—45, осенью—66. Соотвѣтствующій процентъ показаній для отхожихъ промысловъ даетъ уменьшеніе для зимы (3) и весны (9), увеличеніе для лѣта (11) и осени (16). Сборникъ стр. 109.

[4]) „Война отразилась въ нашей мѣстности на торговлѣ весьма замѣтно, торговля сократилась на треть“, сообщается изъ Коломенск. у. „Вообще чувствуется недостатокъ въ деньгахъ; народъ лишенъ кредита, также какъ и торговцы; торговля идетъ вяло“ (Рузскій у.). „Торговля вообще въ настоящее время замѣтно упала, на ярмаркахъ и базарахъ покупаютъ только крайне необходимое“ (Верейск. у.).

деньгахъ, отсутствіи кредита. Емкость внутренняго рынка сильно сократилась, внося еще большую остроту въ общій промышленный кризисъ.

Угнетательное состояніе внутренняго рынка наиболѣе рельефно сказалось на результатахъ Нижегородской ярмарки, которая въ общемъ прошла вполнѣ вяло. Мы уже отмѣтили, что ярмарка закончилась существенной недоторжкой по мануфактурѣ. Столь-же печальнымъ оказался исходъ торговли желѣзными товарами. Незначительная наличность сортоваго желѣза окрылила было торговцевъ надеждой на устойчивыя цѣны и на возможность ихъ повышенія, но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. „Война на Дальнемъ Востокѣ, читаемъ въ официальномъ отчетѣ [1]), сильно понизила покупательную силу; еще до ярмарки многіе переживали затрудненія въ платежѣ; всюду былъ застой въ торговлѣ. Далѣе шло сокращеніе кредита въ банкахъ при крайней осторожности послѣднихъ. Само собою понятно, что и въ ярмаркѣ продавцы по необходимости сокращали кредитъ, были осторожны въ выборѣ покупателей; отсюда возникло значительное сокращеніе общаго оборота желѣзомъ". Несмотря на небольшую наличность сортоваго желѣза, оживленнаго сбыта не было, цѣны не повысились. Съ кровельнымъ желѣзомъ ярмарка прошла „болѣе, нежели сдержанно, и добрая половина осталась не размѣщенной; цѣны понизились не только противъ прошлаго года, но и противъ отмѣтокъ, объявленныхъ въ началѣ ярмарки". Въ конечномъ итогѣ, благодаря столь угнетенному состоянію торговли, протестъ векселей на ярмаркѣ увеличился на 20%, учетъ векселей, по сравненію съ предшествующимъ годомъ, понизился на 6.500 т. р., а общій оборотъ ярмарки палъ на 20%.

Мы будемъ еще имѣть случай коснуться нѣкоторыхъ сторонъ вліянія войны на промышленность, но и сказаннаго пока достаточно, чтобы признать, что положеніе промышленности наканунѣ 1905 г. было, по истинѣ, безотраднымъ. Война сказалась благопріятно только на немногихъ отрасляхъ производства, да и здѣсь она не могла удержать ихъ на должномъ уровнѣ сколько-нибудь продолжительное время. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ война вызвала ухудшеніе торговаго сбыта и сокращеніе производства. Ослабивъ крестьянское хозяйство, война подорвала крестьянскіе промыслы и обезсилила внутренній рынокъ, вообще чрезвычайно скудный. При этомъ необходимо помнить, что къ 1904 г. промышленность далеко еще не оправилась отъ тяжелаго кризиса начала 900-хъ годовъ. Въ 1903 г., какъ мы указывали въ предыдущемъ очеркѣ, лишь слабо намѣчались пути къ улучшенію,

---

„Кредитъ уменьшился, вѣрнѣе сказать, прекратился; даже изъ фабричной лавки не даютъ въ долгъ рабочимъ". (Дмитр. у.). И т. д. см. Статистическій Ежегодникъ Московск. губ. 1905 г.

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозав. промышл. въ Россіи въ 1904 г., стр. LXXX.

но не было никакой увѣренности въ томъ, что улучшеніе это, наконецъ, наступитъ. Война, внеся общую дезорганизацію въ народное хозяйство, круто повернула курсъ къ ухудшенію и подставила обезсиленную промышленность подъ удары, которые неизбѣжно несла съ собою революція.

II.

Періодъ наибольшей промышленной депрессіи.

Прежде, чѣмъ перейти къ изученію условій, въ какихъ находилась промышленность во время революціи, необходимо бросить общій взглядъ на положеніе промышленности въ 1904—1907 г., чтобы этимъ выяснить періодъ, когда, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, промышленность пережила наибольшія потрясенія.

Общее положеніе промышленности въ 1904—1907 г. иллюстрируется діаграммой № 1. При хаотическомъ состояніи нашей промышленной статистики, приходится, для характеристики общаго положенія, довольствоваться имѣющимися данными, примиряясь какъ съ случайнымъ, въ значительной мѣрѣ, ихъ выборомъ, такъ и, временами, ихъ сомнительною точностью. Въ нашей діаграммѣ данныя о добычѣ каменнаго угля, выплавкѣ чугуна, производствѣ полупродукта и готоваго продукта и суммѣ основныхъ капиталовъ акціонерныхъ горнопромышленныхъ предпріятій могутъ иллюстрировать положеніе въ 1904—1907 г г. горнозаводской промышленности; данныя объ основныхъ капиталахъ акціонерныхъ предпріятій, занятымъ обработкой волокнистыхъ вещей, могутъ свидѣтельствовать о положеніи текстильной промышленности, а данныя о капиталахъ акціонерныхъ предпріятій металлической группы—о металлообрабатывающей промышленности; движеніе суммы основныхъ капиталовъ акціонерныхъ предпріятій, какъ и данныя о числѣ выданныхъ промысловыхъ свидѣтельствъ на промышленныя предпріятія указываютъ на общій темпъ промышленнаго развитія, а данныя о ввозѣ и вывозѣ по внѣшней торговлѣ, перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и о промысловыхъ свидѣтельствахъ на торговыя предпріятія до нѣкоторой степени освѣщаютъ положеніе внѣшней и внутренней торговли.

Какъ ни разнородны эти данныя, но приведенныя къ очной ставкѣ на діаграммѣ, они даютъ единодушныя показанія, заслуживающія полнаго довѣрія. По сравненію съ 1903 г., когда общее положеніе нѣсколько улучшилось, въ 1904 г. положеніе остается въ значительной степени неопредѣленнымъ: съ одной стороны, повидимому, продолжается благопріятное вліяніе условій предшествующаго года, удерживающее торгово-промышленную жизнь отъ рѣзкаго паденія, съ другой—сказывается вліяніе войны, такъ неожиданно пере-

путавшей всѣ карты. Добыча каменнаго угля и выплавка чугуна, а равно производство полупродукта и готоваго продукта, даютъ въ 1904 сильное повышеніе, въ чемъ, какъ мы видѣли, сказалось непосредственное вліяніе войны. Увеличеніе даютъ также въ 1904 г. перевозки грузовъ, — приростъ послѣднихъ долженъ быть отнесенъ главнымъ образомъ на счетъ усиленной перевозки для нуждъ войны, — и число выданныхъ свидѣтельствъ на торговыя и промышленныя предпріятія; почти безъ измѣненія остаются основные капиталы акціонерныхъ предпріятій волокнистой и металлической группъ, а общая сумма основныхъ капиталовъ всѣхъ предпріятій дала незначительный приростъ. Ввозъ по внѣшней торговлѣ сильно падаетъ, являясь серьезнымъ признакомъ экономическаго неблагополучія. Въ общемъ, настроеніе, несмотря на оживленіе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, остается вялымъ. Въ 1905 г. картина рѣзко измѣняется: почти по всѣмъ показателямъ діаграммы намѣчается общее ухудшеніе. Падаютъ добыча каменнаго угля и выплавка чугуна, производство полупродукта и готоваго продукта, сильно понижаются перевозка грузовъ, число выданныхъ свидѣтельствъ на торговыя и промышенныя предпріятія, обнаруживается дальнѣйшее уменьшеніе по ввозной внѣшней торговлѣ; основной капиталъ акціонерныхъ предпріятій горнопромышленной и металлической группъ увеличился, особенно первой, очевидно въ преувеличенномъ расчетѣ на дальнѣйшій ростъ производства подъ вліяніемъ войны; капиталъ волокнистой группы остается безъ движенія, а общая сумма основныхъ капиталовъ, въ особенности благодаря увеличенію капитала горнопромышленной группы, дала незначительное повышеніе. Въ 1906 г. положеніе остается критическимъ. Основные капиталы интересующихъ насъ группъ предпріятій, за исключеніемъ волокнистой, понижаются, нѣсколько понижается общая сумма основныхъ капиталовъ; сильно увеличиваются перевозка грузовъ, добыча твердаго топлива и ввозно-внѣшняя торговля, немногимъ повышается число свидѣтельствъ на промышленныя предпріятія; пониженіе показываютъ выплавка чугуна и число свидѣтельствъ на торговыя предпріятія. Въ 1907 г. замѣчается повышеніе по всѣмъ показателямъ діаграммы. Въ сторонѣ отъ общей тенденціи остается только вывозъ по внѣшней торговлѣ: онъ повышается въ то время, какъ всѣ прочія данныя понижаются, и падаетъ, когда тѣ начинаютъ повышаться. Очевидно, здѣсь сказалось исключительное значеніе въ вывозной торговлѣ хлѣбовъ, весьма слабо связанной съ общей экономической коньюнктурой въ странѣ.

Такимъ образомъ въ интересующее насъ четырехлѣтіе 1904—1907 г. годомъ сплошной депрессіи былъ 1905 г. Если, однако, принять во вниманіе, что въ отдѣльныхъ случаяхъ улучшеніе 1906 г. вызывалось усиленнымъ восполненіемъ дефектовъ предыдущаго года — повышеніе перевозки грузовъ и ввоза по внѣшней торговли — или исключительными обстоятельствами — увеличеніе добычи твердаго минеральнаго топлива взамѣнъ

нефти, — то придется и 1906 г. отнести къ періоду наибольшей депрессіи. Но и съ такой поправкой выясненіе времени наиболѣе сильной депрессіи нуждается въ дальнѣйшей детализаціи. По силѣ разразившихся событій 1905 и 1906 гг. не были, конечно, на всемъ своемъ протяженіи однородными; если въ одни періоды революціонная волна поднималась, то въ другіе она, напротивъ, обнаруживала замѣтное паденіе. Кромѣ того, въ первую половину 1905 г. проявлялось еще всецѣло вліяніе войны, а во вторую половину этого же года должно было дать себя почувствовать и прекращеніе военныхъ дѣйствій. Можно, такимъ образомъ, предположить, что на протяженіи 1905—1906 гг., отмѣченныхъ наибольшей депрессіей, выдѣлялись, въ свою очередь, моменты наибольшаго промышленнаго угнетенія. Детализація сдѣланной выше общей картины необходима еще и для того, чтобы тѣмъ рельефнѣе выдѣлить причины, породившія депрессію.

Цѣлямъ такой возможной детализаціи служитъ составленная нами діаграмма № 2. Къ сожалѣнію, неполнота и несовершенство промышленной статистики сказались на этой діаграммѣ еще въ большей степени, чѣмъ на разсмотрѣнной выше. Изъ показателей, начертанныхъ въ первой діаграммѣ, пришлось оставить немногія, именно тѣ, которые даютъ помѣсячную группировку данныхъ; въ дополненіе къ нимъ введены новые показатели, не включенные въ первую діаграмму. Въ діаграммѣ № 2 приведено движеніе по четвертямъ года добычи твердаго минеральнаго топлива (въ Донецкомъ б.), выплавки чугуна, производства полупродукта и готоваго продукта (по всей Имперіи); эти данныя могутъ служить для иллюстраціи положенія горнозаводской промышленности; общія данныя по ввозной и вывозной торговлѣ замѣнены данными по ввозу и вывозу только сырья и полуфабрикатовъ, какъ имѣющихъ болѣе непосредственное отношеніе къ промышленности; введенныя въ діаграмму данныя о ввозѣ текстильныхъ машинъ могутъ служить для характеристики положенія текстильной промышленности; перевозка грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и здѣсь, конечно, имѣетъ такое же значеніе, какъ въ первой діаграммѣ.

Переходя къ ознакомленію съ діаграммой № 2, необходимо, прежде всего, замѣтить, что добыча минеральнаго топлива, само по себѣ, при болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ, обнаруживаетъ такія колебанія по временамъ года: наименьшая интенсивность падаетъ на вторую треть года (лѣтніе мѣсяцы), наибольшая — на третью, средняя — на первую треть, вообще же каменноугольная промышленность въ первое полугодіе развивается менѣе интенсивно, чѣмъ во второе полугодіе [1]). Изъ четырехъ лѣтъ, показанныхъ на діаграммѣ, отклоненіе отъ нормальныхъ колебаній даетъ только 1905 годъ:

[1]) Каменноугольная промышленность Россіи въ 1904 г. Вып. I. Изд. Статист. Бюро Совѣта Съѣздовъ Горнопром. Юга Россіи. X. 1906, стр. 9.

здѣсь, наоборотъ, первое полугодіе проявляетъ большую интенсивность (403,3 м. п.), чѣмъ второе (392,1 м. п.), или иначе говоря—второе полугодіе заканчивается значительной недохваткой въ производствѣ, при чемъ наибольшее паденіе добычи (по отношенію къ тому, что должно было быть добыто) замѣчается въ четвертой четверти года. Въ 1906 г. нормальныя колебанія добычи по временамъ года возстанавливаются: вторая половина года оказывается болѣе продуктивной, чѣмъ первая. Но, несмотря на недоборъ добычи во вторую половину 1905 г., добыча первой половины 1906 г. не показываетъ повышенія, какъ этого слѣдовало бы ожидать: въ первой половинѣ 1906 г. добыто всего на 14 м. п. больше, чѣмъ во вторую половину 1905 г., при чемъ добыча первой четверти 1906 г. всего на 2 м. п. выше добычи послѣдней четверти 1905 г. Такимъ образомъ, для горнозаводской промышленности періодъ наибольшей депрессіи намѣчается во второй половинѣ 1905 и первой половинѣ 1906 г., съ наибольшимъ угнетеніемъ въ послѣдней четверти перваго и первой четверти второго года. Выплавка чугуна, производство полупродукта и готоваго продукта не даютъ такихъ сильныхъ колебаній, какъ добыча твердаго минеральнаго топлива, потому что производство здѣсь вообще держится въ довольно скромныхъ предѣлахъ. Однако, наибольшія колебанія все же можно установить для 1905 г. Добыча чугуна, сильно опустившись въ первую четверть 1905 г., нѣсколько поднимается во вторую и затѣмъ снова опускается, достигнувъ наибольшаго паденія въ послѣднюю четверть года. Въ первую четверть 1906 г. добыча держится почти на уровнѣ конца предыдущаго года и, поднявшись немного во вторую четверть, въ дальнѣйшемъ обнаруживаетъ незначительныя колебанія, оставаясь, однако, все время на уровнѣ болѣе низкомъ, чѣмъ въ 1906 г. и въ первую половину 1905 г. Приблизительно такія же колебанія наблюдаются въ производствѣ полупродукта и готоваго продукта: сильное паденіе въ первую четверть 1905 г., повышеніе во вторую и третью четверти года и максимумъ паденія въ послѣдней четверти, затѣмъ послѣ незначительнаго повышенія снова паденіе во вторую четверть (для полупродукта) или третью четверть (для готоваго продукта) 1906 года съ послѣдующимъ повышеніемъ въ 1907 г. Такимъ образомъ, къ періоду наибольшей депрессіи, помимо конца 1905 г. и первой половины 1906 г., установленнаго для добычи минеральнаго топлива, здѣсь присоединяется первая четверть 1905 г., а депрессія второй половины 1906 г. охватываетъ часть третьей четверти, т. е. продолжается приблизительно до начала осени 1906 г.

Прочіе показатели діаграммы даютъ въ общемъ такую же картину, какъ и только что разсмотрѣнные. Перевозка грузовъ, послѣ незначительнаго паденія во вторую четверть 1905 г. и небольшого подъема въ третью четверть стремительно опускается въ послѣднюю четверть года; поднявшись затѣмъ съ такой же

стремительностью въ первую четверть 1906 г., она остается на одномъ уровнѣ во вторую четверть и поднимаетъ только съ третьей четверти года. Если принять во вниманіе, что подъемъ начала 1906 г. вызванъ исключительно усиленной перевозкой залежавшихся грузовъ, то повышенный темпъ начала года придется сильно умѣрить. Ввозъ и вывозъ сырья и полуфабрикатовъ послѣ пониженія первой четверти 1905 г. и послѣдующаго повышенія даютъ сильное паденіе въ послѣднюю четверть 1905 г., а затѣмъ продержавшись на пониженномъ уровнѣ, начинаютъ повышаться только со второй (вывозъ) или третьей (ввозъ) четверти 1906 г. Ввозъ текстильныхъ машинъ, послѣ подъема конца 1905 г., достигаетъ максимума паденія въ серединѣ 1906 г.

Сводя, такимъ образомъ, во-едино данныя діаграммъ и учитывая отклоненія, характерныя только для отдѣльныхъ показателей, мы можемъ принять, что періодъ наибольшой депрессіи падаетъ на послѣднюю четверть 1905 г. и первую половину 1906 г., причемъ депрессіей отмѣчена также первая четверть 1905 г., а періоду наибольшей депрессіи предшествовала депрессія третьей четверти 1905 г. и заключила его депрессія начала третьей четверти 1906 г.

Такой выводъ не является, конечно, ни въ какой степени неожиданнымъ. Для всѣхъ, кто пережилъ недавнія еще событія, памятно, что подъемъ революціонной волны палъ на конецъ 1905 и первую половину 1906 г., и что, въ частности, забастовочное движеніе рабочихъ достигло наибольшаго напряженія также въ концѣ 1905 г. и первой половинѣ 1906 г., причемъ предшествовали ему январьскія событія 1905 г. и завершило его движеніе конца лѣта 1906 г. Графическая иллюстрація забастовочнаго движенія вполнѣ подтверждаетъ несомнѣнную связь его съ промышленной депрессіей. На діаграммѣ № 3 начертано движеніе стачечной волны въ 1905 — 1907 г.г. какъ по общему числу бастовавшихъ рабочихъ, такъ и по числу рабочихъ участвовавшихъ въ политическихъ и экономическихъ забастовкахъ. Забастовочная волна, какъ это видно на діаграммѣ, даетъ слѣдующія точки наибольшаго повышенія: первая и послѣдняя четверть 1905 г., вторая четверть 1906 г. и вторая четверть 1907 г. Моментами паденія стачечной волны остаются: въ 1905 г. вторая и третья четверти, въ 1906 г.—первая, третья и особенно четвертая и въ 1907 г.—первая и третья. Оставляя пока безъ разсмотрѣнія 1907 г., мы видимъ что въ 1905—1906 г.г. кривая забастовочнаго движенія вполнѣ совпадаетъ съ кривою промышленной депрессіи.

Приводила-ли забастовка 1905—1906 г.г. къ промышленной депрессіи и, если приводила, то какими путями и къ какой именно депрессіи—вотъ вопросъ, на который мы должны теперь, прежде всего, отвѣтить, чтобы учесть вліяніе наиболѣе яркаго въ эти годы революціоннаго фактора и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлить вліяніе факторовъ другого порядка.

III.

Промышленность и забастовки 1905—1906 г.г.

Стачки рабочихъ пріостанавливаютъ производство: машины стоятъ, новые продукты не выбрасываются на рынокъ, рабочіе не получаютъ заработной платы. Отсюда ущербъ, который стачки приносятъ промышленности, выражается въ ущербѣ предпринимателей отъ остановки фабрикъ и рабочихъ отъ неполученія заработной платы. Г. Варзаръ, офиціальный изслѣдователь стачечнаго движенія въ Россіи, насчиталъ такого „видимаго“ ущерба промышленности въ 1905 г. для предпринимателей свыше 127 м. р., для рабочихъ, свыше $17^1/_2$ м. р. [1]). Конечно, этотъ ущербъ, въ особенности ущербъ рабочихъ, имѣетъ очень важное значеніе, но все же отношеніе его къ экономическому вліянію стачекъ не столь непосредственное, какъ полагаютъ. Какъ ни значительны видимыя потери предпринимателей и рабочихъ, онѣ остаются, въ концѣ концовъ, потерями, такъ сказать, субъективнаго порядка. Теряютъ предприниматели, теряютъ рабочіе, но это вовсе не означаетъ, что подобнаго рода убытками ограничивается ущербъ отъ забастовокъ для промышленности вообще или что, даже наоборотъ, убытки рабочихъ и предпринимателей не сведены къ ничтожному значенію благодаря какимъ-либо благопріятнымъ условіямъ, созданнымъ для промышленности стачкою. Забастовка въ данномъ предпріятіи или въ данной отрасли производства можетъ повлечь за собою осложненія и потери для другихъ предпріятій или для другихъ отраслей производства, въ забастовкѣ участія не принимавшихъ. Или наоборотъ: забастовка въ одной группѣ производства, принеся для участвующихъ въ ней тотъ или иной ущербъ, можетъ породить для другой группы производства исключительно благопріятныя условія, создающія для всей вообще промышленности, несмотря на забастовку и видимый ущербъ отъ нея, выгодную конъюнктуру. Очевидно, опредѣленіе видимыхъ потерь еще ровно ничего не говоритъ о дѣйствительномъ вліяніи забастовокъ на промышленность. Да и само по себѣ вычисленіе этихъ потерь имѣетъ какой-нибудь смыслъ въ томъ лишь случаѣ, если оно ставится въ связь съ исходомъ забастовокъ, съ тѣми измѣненіями въ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ, которыя явились въ результатѣ забастовокъ. Если стачка закончилась, напримѣръ,

[1]) Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за трехлѣтіе 1906—1908 г.г. Составилъ и разработалъ фабричный ревизоръ В. Е. Варзаръ. Изд Отдѣла промышленности. Спб. 1910 г., стр. 36—37. Данныя о стачкахъ 1905—1908 г.г., повсюду ниже приводятся изъ матеріаловъ г. Варзара какъ только что названнаго, такъ и за 1905 г. (Спб. 1909), при чемъ данныя 1905 г. исправлены согласно дополненіямъ, приведеннымъ г. Варзаромъ въ новѣйшей его работѣ.

повышеніемъ заработной платы, то потери рабочихъ за время забастовки могутъ вполнѣ компенсироваться такимъ повышеніемъ, и стачка можетъ принести рабочимъ, вопреки временной видимой потерѣ, вполнѣ осязательную выгоду. Точно также, если забастовка окончилась улучшеніемъ условій труда или уменьшеніемъ рабочаго времени, повысившими производительность труда, то видимыя потери предпринимателя могутъ, въ концѣ концовъ, превратиться въ увеличенную прибыль.

Вліяніе забастовокъ на промышленность идетъ дальше видимыхъ потерь или выгодъ для участвующихъ въ нихъ группъ. Стачки рабочихъ пріостанавливаютъ производство. Но этимъ онѣ не только опустошаютъ карманы предпринимателей или рабочихъ. Пріостанавливая производство, онѣ вносятъ дезорганизацію и въ безъ того дезорганизованное капиталистическое производство. Прекращается невидимая, хотя и прочная, связь между разбросанными по лицу страны промышленными предпріятіями, разрывается токъ, сдерживавшій разбродъ производительныхъ силъ, поддерживавшій стройность и относительную планомѣрность общественнаго производства. Сила такой дезорганизаціи опредѣляется, такъ сказать, количествомъ звеньевъ, выпадающихъ изъ общей цѣпи. Максимальнаго развитія достигаетъ она въ случаяхъ массовыхъ или всеобщихъ забастовокъ, когда работы пріостанавливаются, если не повсемѣстно, то въ многочисленныхъ и разнородныхъ группахъ производства; но не уничтожается ея дѣйствіе и въ случахъ одиночныхъ забастовокъ,—въ зависимости, понятно, отъ значенія бастующаго предпріятія въ общемъ строѣ промышленности.

Дезорганизація производства приводитъ къ дезорганизаціи товарнаго обращенія. Общая масса обращающихся товаровъ сильно сокращается, отчего замедляется и осложняется самое обращеніе. Отсюда—рядъ затрудненій на товарномъ рынкѣ, сжатіе предложенія, колебанія товарныхъ цѣнъ, меньшая подвижность денежныхъ сдѣлокъ, заминки въ кредитѣ, усиленіе торговыхъ несостоятельностей. Все это рикошетомъ снова ударяетъ въ производство, усиливая порожденную въ немъ дезорганизацію.

Наконецъ, забастовки, если онѣ повторяются часто и промышленность вынуждена жить подъ угрозою возможнаго ихъ повторенія, приводятъ къ общей промышленной растерянности. Забастовки еще нѣтъ, но одна возможность ея наступленія уже нарушаетъ спокойствіе, вселяетъ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, приводитъ въ замѣшательство какъ промышленные, такъ и торговые круги.

Само собою разумѣется, что для правильнаго учета вліянія забастовокъ, особенно массовыхъ, это дезорганизующее ихъ дѣйствіе должно быть сопоставлено съ конечными результатами забастовокъ. Если, напримѣръ, всеобщая политическая забастовка сняла политическія путы съ свободнаго развитія производительныхъ силъ, если въ результатѣ массовой экономической борьбы

рабочихъ улучшилось положеніе послѣднихъ и повысилась покупательная сила рабочаго класса, то произведенная забастовкой дезорганизація быстро изгладится и не только рабочіе, но и промышленность, вступятъ въ полосу болѣе благопріятную. Иные результаты, конечно, получатся, если намѣтившіеся, подъ вліяніемъ стачечной борьбы рабочихъ, пути къ улучшенію будутъ уничтожены вмѣшательствомъ другихъ силъ, интересамъ роста производительныхъ силъ враждебныхъ...

Сила экономическаго вліянія забастовокъ опредѣляется силою самого забастовочнаго движенія. Чѣмъ большее число промышленныхъ заведеній и рабочихъ охватываютъ забастовки, чѣмъ онѣ болѣе продолжительны или съ большей настойчивостью поражаютъ одни и тѣ же предпріятія, тѣмъ сила ихъ вліянія значительнѣе. Для учета этого вліянія необходимо, поэтому, прежде всего установить степень, такъ сказать, экстенсивности и интенсивности стачечнаго движенія.

По числу бастовавшихъ заведеній и рабочихъ 1905—1906 годы, какъ извѣстно, рѣзко выдѣляются въ ряду какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ лѣтъ [1]). Если, напр. въ 1903 г.—году наибольшаго напряженія стачечной борьбы за все десятилѣтіе 1895—1904 г.г.,—бастовало 550 заведеній (или 3,21% общаго ихъ числа) и 86.832 рабочихъ (или 5,10% всего ихъ числа), то для послѣдующаго времени аналогичныя данныя будутъ:

	Число стачекъ		Число бастовавшихъ рабочихъ	
	абсолютное	въ % къ общему числу заведеній	абсолютное	въ % къ общему числу рабочихъ.
1905 г.	13.995	93,2	2.863.173	163,8
1906 „	6.114	42,2	1.108.406	65,8
1907 „	3.573	23,8	740.074	41,9

Очевидно, по степени распространенности стачечное движеніе не только 1905 и 1906 г., но и 1907 г. не поддается никакому сравненію съ движеніемъ 1903 г. Отбрасывая даже стачки повторныя (т. е. повторявшіяся въ одномъ и томъ же заведеніи по нѣсколько разъ) и опредѣляя число дѣйствительно бастовавшихъ рабочихъ, получимъ, что въ 1905 г. бастовало около трети предпріятій и около 60% всего числа рабочихъ. Въ моментъ же наивысшаго напряженія стачечной борьбы (во вторую половину 1905 г. и первую половину 1906 г.) въ стачкахъ принимали участіе свыше двухъ милліоновъ рабочихъ (2.026.318 чел.), при чемъ, въ частности, въ октябрѣ-декабрѣ 1905 г. бастовало свыше милліона рабочихъ (1.277.426 чел.).

Несмотря на грандіозность этихъ цифръ, онѣ, свидѣтельствуя о силѣ классовой сплоченности пролетаріата, еще очень мало говорятъ, сами по себѣ,

[1]) Нижеслѣдующія данныя повсюду относятся только къ предпріятіямъ, подчиненнымъ надзору фабричной инспекціи.

о тѣхъ экономическихъ послѣдствіяхъ, которыя могли принести и принесли съ собой стачки рабочихъ. Дѣло въ томъ, что приведенныя выше суммарныя данныя заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія какъ о политическихъ, такъ и объ экономическихъ забастовкахъ,—между тѣмъ вліяніе тѣхъ и другихъ должно было быть различнымъ. Если мы обратимся къ разсмотрѣнію въ отдѣльности политическихъ и экономическихъ забастовокъ, то убѣдимся, прежде всего, въ меньшей продолжительности первыхъ и большой продолжительности вторыхъ. Изображая продолжительность стачекъ чисто политическихъ (А), политическихъ, осложненныхъ экономическими требованіями (В) и чисто экономическихъ (С) въ процентномъ отношеніи къ общему числу стачекъ каждой группы, получимъ такую таблицу:

	1905 годъ.			1906 годъ.		
	½—5 дн.	5—10 дн.	св. 10 дн.	½—5 дн.	5—10 дн.	св. 10 дн.
А.	63,6	21,4	14,9	98,8	0,6	0,4
В.	40,4	30,9	28,7	60	24	16
С.	47,2	22,4	29,2	53,3	20,0	25,5

Среди политическихъ забастовокъ, какъ это видно изъ таблицы, рѣзко преобладаютъ кратковременныя (до 5 дней) какъ въ 1905 г., такъ и въ особенности въ 1906 году. Присоединеніе къ политическимъ забастовкамъ экономическихъ требованій (въ группѣ В) сразу измѣняетъ картину: увеличивается число стачекъ, протекавшихъ болѣе продолжительное время. И, наконецъ, среди стачекъ экономическихъ явно преобладаютъ стачки болѣе продолжительныя (свыше 5 дней), а въ 1906 г. кратковременныя и продолжительныя распредѣляются почти поровну,—во всякомъ случаѣ, по упорности своей, стачки экономическія во много разъ превышаютъ стачки политическія.

Наоборотъ повторными стачками были, повидимому, главнымъ образомъ стачки политическія. Говоримъ—повидимому, потому что въ опубликованныхъ отдѣломъ промышленности матеріалахъ приводятся только общія данныя о повторныхъ стачкахъ, безъ раздѣленія на экономическія и политическія. По нѣкоторымъ, однако, побочнымъ признакамъ можно предположить, что отдѣльныя заведенія бастовали по нѣсколько разъ, по преимуществу, по мотивамъ политическимъ. Такъ, для 1905 и 1906 гг. повторность стачекъ представляется въ такомъ видѣ:

	Число разъ повторенія стачекъ въ томъ же заведеніи (въ %%).				
	2	3	4	5—7	св. 7
1905 г. . . .	30,2	20,1	19,4	25,0	5,1
1906 г. . . .	50,4	24,2	11,0	11,0	2,9

Такимъ образомъ, въ 1905 г. изъ заведеній, бастовавшихъ въ теченіе года нѣсколько разъ, подавляющее большинство (около 70%) бастовало

отъ 2 до 3 разъ, при чемъ около трети ихъ бастовало по 2 раза; въ 1906 г. половина заведеній бастовала по 2 раза и около $^3/_4$ отъ 2 до 4 разъ. Число повтореній какъ для 1905, такъ и для 1906 г. вполнѣ совпадаетъ съ моментами наиболѣе единодушной политической борьбы рабочаго класса. Въ 1905 г., какъ извѣстно, такими моментами были: январьскія забастовки (бастовало 233.411 челов.), первомайскія (110.690), первая всеобщая въ октябрѣ (365.441), вторая всеобщая въ ноябрѣ, декабрьскія забастовки въ связи съ вооруженными возстаніями (372 528); въ 1906 г. — забастовки начала года въ память 9 января и въ связи съ выборами въ Думу и потомъ — въ связи съ роспускомъ Думы и съ рядомъ бунтовъ въ войскахъ. Очевидно, забастовки повторялись, главнымъ образомъ, въ эти моменты обостренія политической борьбы, и только незначительная часть заведеній бастовала сверхъ того еще по нѣсколько разъ по экономическимъ мотивамъ. Такой выводъ подтверждается и группировкой бастовавшихъ заведеній. Такъ въ 1905 г. бастовали, по абсолютному числу участниковъ стачекъ отъ 2 до 5 разъ полнымъ контингентомъ рабочихъ крупныя фабрики, сосредоточивающія значительное количество рабочихъ и расположенныя преимущественно въ большихъ промышленныхъ центрахъ или населенныхъ городахъ, а также заведенія, хотя и не столь крупныя, но расположенныя главнымъ образомъ въ городахъ [1]), т. е. активно-политическіе кадры рабочихъ, болѣе чутко откликавшіеся на политическія злобы великаго года.

Мы можемъ, такимъ образомъ, установить, что экономическія стачки 1905—1906 гг. были болѣе упорны по своей продолжительности, хотя и менѣе упорны по повторяемости; политическія забастовки, наоборотъ,—кратковременны и повторны. Каково же относительное значеніе тѣхъ и другихъ стачекъ въ общемъ движеніи 1905 и 1906 гг.? Суммарныя годовыя данныя говорятъ, что по числу участвовавшихъ въ стачкахъ рабочихъ политическія и экономическія забастовки играли почти одинаковую роль: въ 1905 г. изъ общаго числа бастовавшихъ рабочихъ 48% участвовало въ политическихъ забастовкахъ и 52% въ экономическихъ, въ 1906 г.—первыхъ было 58,7%, вторыхъ 41,3%. Если, однако, разбить эти общія данныя по четвертямъ каждаго года, то отношеніе существенно измѣнится:

Четверти года:	1905 г. % бастовавшихъ рабочихъ:		1906 г. % бастовавшихъ рабочихъ:	
	въ полит. ст.	въ экон. ст.	въ полит. ст.	въ экон. ст.
Первая	45,4	54,6	70,9	27,1
Вторая	59,3	40,7	52,3	47,7
Третья	42,0	58,0	57,9	42,1
Четвертая . . .	74,2	25,8	40,2	59,8

[1]) См. статистика стачекъ рабочихъ 1905 г., стр. 21.

Наиболѣе рѣзкое преобладаніе политическихъ забастовокъ надъ экономическими наблюдается въ послѣдней четверти 1905 г. и первой четверти 1906 г., менѣе рѣзкое—во второй четверти 1905 г. и во второй и третьей четвертяхъ 1906 г. Если мы сопоставимъ эти колебанія преобладающаго значенія политическихъ забастовокъ съ приведенными выше діаграммами, выясняющими періоды промышленной депрессіи, то увидимъ, что періоды депрессіи въ общемъ совпадаютъ съ періодами преобладанія политическихъ стачекъ: время наибольшей депрессіи падаетъ на послѣднюю четверть 1905 г. и первую половину 1906 г., при чемъ депрессіей отмѣчена также первая четверть 1905 г. и третья четверть 1906 г. Такимъ образомъ, политическія забастовки, несмотря на свою меньшую упорность, оказали на экономическую депрессію большее вліяніе, чѣмъ стачки экономическія, вліяніе которыхъ, несмотря на ихъ большую упорность, замѣтно въ болѣе слабой степени и при томъ въ періодѣ, отмѣченномъ наименьшей депрессіей. И въ этомъ нѣтъ ничего непонятнаго, хотя, казалось бы, политическія стачки, протекавшія менѣе продолжительное время, должны были оказать меньшее вліяніе на промышленность, чѣмъ стачки экономическія, болѣе упорныя по своей продолжительности.

Вліяніе политическихъ забастовокъ опредѣляется не столько тою или иною ихъ продолжительностью, сколько массовымъ ихъ характеромъ. Сила и смыслъ политической забастовки заключается въ томъ, что пріостанавливаются работы одновременно во многихъ и разнородныхъ группахъ производства; если забастовка распространяется по возможности на всѣ промышленныя предпріятія, то она разростается во всеобщую политическую забастовку. Послѣдней не только достигается эффектъ классовой солидарности рабочаго класса, но и раскрывается значеніе труда рабочихъ въ общемъ строѣ современнаго хозяйства: политическія забастовки въ наиболѣе яркой формѣ оказываютъ все то разрушительное вліяніе на промышленность, о которомъ мы говорили выше. Уже сравнительно скромныя массовыя забастовки въ январѣ 1905 г. сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи ударили чувствительно по промышленности, при чемъ ударъ этотъ оказался тѣмъ сильнѣе, что онъ совпалъ съ продолжавшимся неблагопріятнымъ вліяніемъ войны. Максимумъ разрушенія должна была, однако, принести съ собою всеобщая октябрьская забастовка, какъ протекавшая болѣе продолжительное время и охватившая не только фабрично-заводскихъ рабочихъ, но и желѣзнодорожныхъ и торговыхъ служащихъ, т. е. одновременно парализовавшая всю торговопромышленную жизнь страны. Сила этого разрушенія, какъ увидимъ ниже, значительная сама по себѣ, продолжала еще нѣкоторое время тяготѣть надъ промышленностью въ видѣ угрозы возможнаго повторенія всеобщей забастовки, являясь серьезнымъ препятствіемъ къ воз-

вращенію промышленности въ болѣе или менѣе нормальное русло. Не говоря уже о провозглашеніи забастовки, но одного слуха о близкомъ ея провозглашеніи достаточно было, чтобы породить панику какъ въ области производства, такъ и въ области торговли. И только постепенно падавшая энергія рабочаго класса, приводившая къ неудачѣ послѣдующихъ политическихъ забастовокъ, уничтожила это скорѣе отраженное, чѣмъ самостоятельное вліяніе политическихъ забастовокъ 1906 г.

Экономическія стачки, наоборотъ, только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ бываютъ массовыми или всеобщими. Въ частности, въ 1905 г. экономическая борьба рабочихъ принимала одновременно массовой характеръ только въ періодъ наибольшаго политическаго возбужденія, когда стачки, вызванныя политическими мотивами, осложнялись выставленіемъ экономическихъ требованій. Такой характеръ, въ особенности, носили стачки первой четверти 1905 г., когда, вслѣдъ за январьскими петербургскими днями, прокатились волны массовыхъ и даже всеобщихъ забастовокъ въ цѣломъ рядѣ промышленныхъ областей и городовъ; въ это время экономическая борьба рабочихъ приближалась по своему характеру къ массовой борьбѣ, оставивъ на промышленности чувствительные слѣды въ видѣ усиливавшейся въ первой четверти 1905 г. депрессіи. За исключеніемъ этого времени, а также конца 1905 г.—времени всеобщей политической забастовки и напряженной политической борьбы—экономическія стачки тянутся непрерывной полосой, переходя отъ одной группы производства къ другой, отъ одного предпріятія къ другому, захватывая то большіе, то меньшіе кадры рабочихъ, но оставаясь все же, такъ сказать, на степени партизанской, хотя и упорной, борьбы отдѣльныхъ, разрозненныхъ группъ рабочихъ съ отдѣльными группами предпринимателей. Не оказать вліянія на положеніе промышленности такія экономическія стачки, хотя и разрозненныя, конечно, не могли: перерывы въ производствѣ, даже если они не носятъ массового характера, сами по себѣ порождаютъ разстройство промышленной дѣятельности. Но разрозненность экономическихъ стачекъ должна была сдѣлать ихъ менѣе чувствительными для промышленности, по сравненію съ массовыми, всеобщими политическими забастовками. Пріостановка работъ въ одной группѣ предпріятій могла вызывать усиленную дѣятельность другой группы, недопроизводство одной пополнялось болѣе энергичнымъ производствомъ въ другой—и такимъ образомъ въ замѣтной степени могъ парализоваться ущербъ, наносимый промышленности разрозненными забастовками.

Но и помимо разрозненности, разрушительное вліяніе экономическихъ стачекъ, несмотря на ихъ упорность, ослаблялось другими причинами и, прежде всего, содержаніемъ стачечной борьбы рабочихъ.

1905 годъ былъ, въ сущности, первымъ годомъ широкой экономической

борьбы русскихъ рабочихъ. Не говоря о болѣе раннихъ временахъ,—стачки 1897 года, начала 900-хъ годовъ и даже 1903 года охватывали ничтожныя группы рабочихъ и приводили къ совершенно скромнымъ результатамъ. Стачечная борьба рабочихъ до 1905 года болѣе успѣшно приводила къ улучшенію фабричнаго законодательства, чѣмъ къ дѣйствительному улучшенію экономическаго положенія рабочихъ массъ — явленіе вполнѣ понятное при торжествѣ на Руси полицейскаго строя, готоваго, ради поддержанія внѣшняго спокойствія и порядка, поступиться нѣкоторыми интересами предпринимателей и пойти на реформы, и при отрицаніи тѣмъ же полицейскимъ государствомъ права коалиціи, сильнѣйшаго въ рукахъ рабочихъ орудія экономическихъ завоеваній. Законодательное ограниченіе рабочаго времени, охрана труда женщинъ, подростковъ и малолѣтнихъ, нормировка договорныхъ отношеній, какъ и все прочее содержаніе рабочаго законодательства оставалось само по себѣ, а фабричная жизнь протекала также сама по себѣ, въ обходъ и помимо закона. Циркулярныя распоряженія ослабляли значеніе закона, фабричная инспекція, съ своей стороны, старалась надъ дальнѣйшимъ его ослабленіемъ, а изворотливость предпринимателей вполнѣ гарантировала рабочихъ отъ сколько-нибудь серьезнаго осуществленія нормъ фабричнаго законодательства. Еще хуже обстояло дѣло въ той области, которой законъ совсѣмъ не касался, — въ области заработной платы и общихъ условій фабричной работы; заработная плата повышалась крайне медленно и для сравнительно немногочисленныхъ группъ рабочихъ, санитарно-фабричныя и жилищныя условія оставались на уровнѣ самомъ примитивномъ. Такимъ образомъ, къ 1905 году положеніе рабочихъ, въ общемъ, было вполнѣ безотраднымъ и что весьма существенно — значительно отставшимъ отъ роста промышленности. Съ одной стороны крупныя предпріятія съ новѣйшими машинами, тысячами рабочихъ, милліонными оборотами; расцвѣтъ промышленнаго капитализма и образованіе новыхъ промышленныхъ областей и крупныхъ промышленныхъ центровъ. Съ другой стороны—многомилліонный по своему составу рабочій классъ, остающійся при низкой заработной платѣ, продолжительномъ рабочемъ днѣ, вполнѣ архаическихъ фабричныхъ порядкахъ. Предприниматели не только не спѣшили съ удовлетвореніемъ хотя бы наиболѣе насущныхъ нуждъ рабочихъ, но въ безправіи и нуждѣ рабочихъ находили только новый источникъ болѣе легкой наживы. Экономическія требованія, которыя могли въ 1905 г. предъявить и въ дѣйствительности предъявили рабочіе, ни съ какой точки зрѣнія не были, поэтому, „чрезмѣрными“, и удовлетвореніе ихъ не могло вызвать никакого замѣшательства въ промышленности. Напротивъ, это было только предъявленіе счета по старому долгу и къ кредитору вполнѣ платежеспособному. Такъ смотрѣли на дѣло сначала и предприниматели, сравнительно быстро удовлетво-

ривше требованія рабочихъ, конечно, не изъ одного только страха предъ масовою борьбою рабочихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, основательность требованій рабочихъ въ 1905 году признается даже фабричной инспекціей. Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ констатируетъ рѣзкое повышеніе съ 1904 года числа поводовъ жалобъ и просьбъ рабочихъ, признанныхъ основательными: съ 58,5% въ 1903 г. число основательныхъ жалобъ увеличилось въ 1904 г. до 69,7% и въ 1905 г. до 65%. Ничтожное паденіе въ 1905 г. числа основательныхъ жалобъ, однако, вполнѣ компенсируется общимъ увеличеніемъ въ этомъ году числа жалобъ: по сравненію съ 1904 годомъ число жалобъ увеличилось въ $2^1/_2$ раза, между тѣмъ какъ въ 1904 г., по сравненію съ предшествующимъ годомъ, число жалобъ понизилось, т. е., несмотря на видимое паденіе, число основательныхъ жалобъ въ 1905 г. было значительно выше 1904 г. При этомъ, наибольшее число жалобъ (22,8%) падаетъ на низкіе заработки, неправильное исчисленіе и невыдачу заработной платы [1]). Точно также среди экономическихъ требованій, выставленныхъ рабочими въ 1905 г., преобладаютъ требованія, связанныя съ величиной и условіями заработка: почти въ половинѣ всего числа стачекъ (45%) въ видѣ единственной, главной или второстепенной причины отмѣчено требованіе рабочихъ увеличить заработную плату. Въ качествѣ главной причины стачекъ требованія, связанныя съ заработной платой, заявлены были въ 20,4% всѣхъ стачекъ и охватили 22,9% всего числа бастовавшихъ рабочихъ. Требованіе уменьшенія рабочаго времени фигурировало сравнительно рѣже, потому что въ нѣкоторой степени вопросъ этотъ все-таки былъ уже урегулированъ законодательствомъ: въ качествѣ главной или второстепенной причины стачекъ требованія, связанныя съ рабочимъ временемъ, заявлены въ 27,8% всего числа стачекъ, а въ качествѣ только главнаго—въ 10% всѣхъ стачекъ, охвативъ 11,3% бастовавшихъ рабочихъ. Если же взять только экономическія стачки, то окажется, что въ 63,9% всего числа экономическихъ стачекъ и для 60,8% всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ рабочихъ требованіе увеличенія заработной платы или урегулированія условій ея выдачи заявлено было въ качествѣ главнаго, требованія же, связанныя съ рабочимъ временемъ, были выставлены въ 31,4% стачекъ, охвативъ 30,7% рабочихъ.

Такимъ образомъ, экономическая борьба рабочихъ была направлена, главнымъ образомъ, на повышеніе заработной платы. Мы уже упоминали, что такой характеръ борьбы рабочихъ вполнѣ оправдывался уровнемъ заработной платы, остававшимся чрезвычайно низкимъ вплоть до 1905 года.

---

[1]) Сводъ отчетовъ фабр. инсп. за 1905 г, стр. XIV.

Г. Пажитновъ, основываясь на соотвѣтствующихъ данныхъ, вполнѣ резонно утверждаетъ, что въ каменноугольной промышленности Юга Россіи до 1905 г. „на протяженіи сорокалѣтняго періода мы не наблюдали сколько-нибудь значительнаго повышенія цѣнъ на трудъ"; столь же незначительно повысилась плата и въ металлургической промышленности Юга Россіи. На Уралѣ только часть цеховыхъ рабочихъ добилась болѣе или менѣе значительнаго повышенія платы, „остальная же часть ихъ, равно какъ и всѣ вспомогательные рабочіе остались при томъ же самомъ заработкѣ (т. е. при платѣ 70 годовъ)". Въ предпріятіяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за пятилѣтіе съ 1901 г. средняя плата составляла всего 206 р., а въ 1906—1907 гг., въ среднемъ, 244 р., т. е. за время революціи, она повысилась, въ среднемъ, на 19% [1]). При столь медленномъ повышеніи заработной платы до революціи и незначительномъ увеличеніи за время революціи, неудивительно, если предприниматели чаще всего уступали рабочимъ именно въ требованіяхъ, касавшихся заработной платы. Такъ, изъ всего числа стачекъ 1905 г., въ которыхъ въ качествѣ главнаго требованія фигурировала заработная плата, вполнѣ или отчасти въ пользу рабочихъ окончились 81%, въ пользу предпринимателей 19%; для требованій, касавшихся рабочаго времени, первыхъ было 79,4% и вторыхъ 20,6%, для требованій, связанныхъ съ порядкомъ въ заведеніяхъ, условіями и обстановкой труда—первыхъ 63,8% и вторыхъ 36,2%. Наибольшую уступчивость предприниматели обнаружили, такимъ образомъ, въ повышеніи заработной платы, хотя немногимъ меньшей оказалась ихъ уступчивость и въ вопросахъ рабочаго времени.

---

[1]) К. А. Пажитновъ. Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго вопроса въ Россіи. Спб. 1910 г., стр. 42 и сл. См. его же статью въ „Вѣстн. Финансовъ", 1908 г. № 32. Въ бакинской нефтяной промышленности до начала 1905 года рабочіе буровыхъ командъ получали отъ 15 до 18 р. въ мѣсяцъ, при чемъ съ нихъ взималась плата не только за керосинъ и мазутъ, но и за воду (Ю. Ларинъ. Рабочіе нефтяного дѣла. М. 1909 г.).

Повидимому, процентъ увеличенія заработной платы за время революціи, принятый Пажитновымъ, представляется нѣсколько увеличеннымъ. По крайней мѣрѣ, имѣется не мало свидѣтельствъ о болѣе умѣренномъ повышеніи платы: такъ, въ результатѣ ряда забастовокъ горныхъ рабочихъ Польскаго района заработная плата увеличилась на 4—10% (см. отчетъ Горнаго Департамента за 1905 годъ, стр. 183). Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что цѣны на продукты потребленія значительно повысились уже въ 1905 году, такъ что реальная заработная плата повышалась значительно медленнѣе номинальной. Это обстоятельство служило главнымъ мотивомъ непрестанной борьбы рабочихъ за увеличеніе платы. Если, напр., плату рабочимъ по металлу на Югѣ Россіи привести въ соотвѣтствіе съ повышеніемъ цѣнъ на продукты потребленія, то реальное ея измѣненіе получится такое: въ 1904 г.—392 руб., въ 1905 г.—386 руб., въ 1906 г. 372 руб. (А. Билимовичъ. Подъемъ товарныхъ цѣнъ въ Россіи. Кіевъ, 1909 года, стр. 62). Такимъ образомъ, реальная плата, по сравненію съ 1904 годомъ, понизилась въ 1905 году на 1,5% и въ 1906 году на 5,1%.

Очевидно, требованія уменьшенія рабочаго времени выставлялись рабочими въ предѣлахъ, совершенно осуществимыхъ и ни съ какой стороны не угрожавшихъ промышленности осложненіемъ.

Такимъ же характеромъ борьбы за удовлетвореніе неотложныхъ и вполнѣ осуществимыхъ нуждъ отмѣчены и всѣ прочія стороны экономическаго движенія рабочихъ въ 1905 г. Подъ вліяніемъ политическаго пробужденія на защиту своихъ правъ поднялись группы рабочихъ, до того мало проявлявшія какую-либо активность въ борьбѣ за удовлетвореніе даже экономическихъ нуждъ. Сплошь да рядомъ наблюдались случаи, когда на отдѣльномъ предпріятіи вслѣдъ за одной группой рабочихъ, обыкновенно болѣе передовой, добившейся нѣкоторыхъ улучшеній, бастовали другія группы рабочихъ, ранѣе не предъявлявшія никакихъ требованій. Такія же явленія замѣчались и въ цѣлыхъ группахъ производствъ: кадры забастовщиковъ постепенно увеличивались присоединеніемъ рабочихъ тѣхъ группъ производства, которыя до 1905 года принимали слабое участіе въ стачечномъ движеніи: такъ въ 1905 году увеличилось, по сравненію съ десятилѣтіемъ 1895—1904 г., участіе въ стачкахъ предпріятій группъ производства по обработкѣ шерсти, дерева, бумагомасснаго производства. Выступленіе на борьбу новыхъ слоевъ рабочихъ выразилось и въ участіи въ забастовочномъ движеніи губерній, въ которыхъ ранѣе стачки совсѣмъ не наблюдались или наблюдались въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Конечно, въ 1905—06 году, какъ и въ предыдущіе годы, наиболѣе активное участіе въ стачкахъ принимаютъ губерніи съ значительной концентрированной городской промышленностью, но и въ 1905, и въ 1906 г. къ нимъ постепенно приближается, по проценту бастующихъ рабочихъ, рядъ губерній, до того отмѣченныхъ чрезвычайно слабымъ стачечнымъ движеніемъ. Такъ, въ 1905 году впервые съ небывалой раньше энергіей вступили въ полосу стачечнаго движенія такія губерніи, какъ новгородская, смоленская, таврическая, самарская, саратовская, калужская, тульская; въ 1906 году — къ общему движенію съ запозданіемъ присоединяются губерніи архангельская, вологодская, оренбургская, симбирская, черноморская. Имѣющійся матеріалъ не даетъ возможности съ желательной полнотой выяснить вопросъ о вступленіи въ 1905 г. впервые въ экономическую борьбу многочисленныхъ группъ рабочихъ, но и безъ того ясно, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи до 1905 г. о забастовкахъ знали только по наслышкѣ и впервые на практикѣ ознакомились съ ними въ этотъ годъ массоваго движенія рабочихъ. Само собою разумѣется, что такое выступленіе новыхъ кадровъ рабочихъ, ранѣе вынужденныхъ мириться съ самыми тяжелыми формами эксплоатаціи, съ своей стороны, не могло не придать экономиче-

ской борьбѣ рабочихъ характера борьбы за удовлетвореніе требованій, которыя давно уже должны были и могли быть удовлетворены [1]).

Такой характеръ экономической борьбы, какъ упомянуто выше, подтверждается и отношеніемъ предпринимателей къ требованіямъ рабочихъ. Если распредѣлить результаты стачекъ по четвертямъ 1905 г.—въ процентномъ отношеніи къ общему числу стачекъ каждой четверти,—то получится такая картина исхода борьбы рабочихъ:

ЗАБАСТОВКИ ОКОНЧИЛИСЬ ВЪ (%%).

Четверти 1905 г.	Въ пользу рабочихъ.	Добровольн. уступками предприн.	Взаимными уступками.	Въ пользу предпринимателей.
Первая . . .	20,4	8,1	23,0	48,5
Вторая . . .	23,6	0,7	17,3	58,4
Третья . . .	20,4	1,6	20,9	57,1
Четвертая . .	7,1	2,3	9,5	81,1

Подлинные результаты экономическихъ забастовокъ нѣсколько затемняются этой таблицей, такъ какъ въ нее вошли не только чисто-экономическія, но и всѣ вообще стачки, включая демонстративно-политическія, отчего процентъ стачекъ, закончившихся удовлетвореніемъ, полнымъ или частичнымъ, требованій рабочихъ долженъ былъ понизиться. Но для выясненія уступчивости предпринимателей эта таблица наиболѣе пригодна, потому что учитываетъ всю совокупность условій, сопровождавшихъ стачки. Съ этой точки зрѣнія приведенная таблица чрезвычайно поучительна. Оказывается, что наибольшую уступчивость предприниматели обнаружили въ первую четверть 1905 г. и наименьшую—въ послѣднюю четверть; вмѣстѣ съ тѣмъ, исходъ стачекъ какъ съ добровольными уступками предпринимателей, такъ и съ взаимными уступками даетъ наибольшее повышеніе также въ первой четверти года. Значитъ ли это, что уступчивость предпринимателей опредѣлялась наступательнымъ натискомъ рабочихъ, становилась тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе единодушной была борьба рабочихъ? Очевидно—нѣтъ. Наибольшей силы и настойчивости рабочее движеніе достигло въ послѣдней четверти года, но это время оказалось для рабочихъ наименѣе благопріятнымъ: предприниматели уступили всего лишь въ 10,9% всѣхъ случаевъ забастовокъ. Приходится предположить, что на уступчивость предпринимателей вліяла не только сила натиска рабочихъ, но и характеръ требованій, предъявленныхъ рабочими.

[1]) Мы имѣемъ въ виду здѣсь, главнымъ образомъ, фабрично-заводскихъ рабочихъ. Еще болѣе значительнымъ было выступленіе новыхъ группъ рабочихъ, занятыхъ въ другихъ областяхъ примѣненія наемнаго труда. Такъ, въ 1905 году впервые бастовали служащіе желѣзныхъ дорогъ (кромѣ рабочихъ жел.-дорожныхъ мастерскихъ, бастовавшихъ и ранѣе), торговые служащіе, и т. д. См. нѣкоторыя подробности у Д. Кольцова „Рабочіе въ 1905—1907 гг." во II томѣ настоящаго изданія.

Предположеніе это вполнѣ подтверждается слѣдующей таблицей, въ которой изображено распредѣленіе стачекъ по четвертямъ года и по главной причинѣ ихъ возникновенія (въ $^0/_0{}^0/_0$ къ общему числу стачекъ каждой четверти года):

ГЛАВНЫЯ ПРИЧИНЫ СТАЧЕКЪ.

Четверти 1905 г.	Зараб. плата.	Рабоч. время.	Порядокъ въ заводѣ.	Разныя, общія-демонстр., полит.
Первая . . .	30,6	14,5	1,4	53,4
Вторая . . .	30,5	15,7	1,9	51,7
Третья . . .	32,2	13,2	2,8	51,0
Четвертая . .	10,4	4,3	0,8	84,5

Въ послѣдней четверти года экономическія требованія, въ качествѣ главной причины стачекъ, составляютъ совершенно ничтожную величину и почти теряются въ массовомъ предъявленіи политическихъ и демонстративныхъ требованій; во всю остальную часть года экономическія требованія остаются на равномъ уровнѣ съ требованіями неэкономическими. Если эти данныя сопоставить съ тѣмъ обстоятельствомъ, что экономическая борьба рабочихъ на протяженіи всего года велась съ неослабѣвающей энергіей и настойчивостью, то придется признать, что уступчивость предпринимателей опредѣлялась, по преимуществу, самимъ характеромъ требованій рабочихъ, вполнѣ отвѣчавшихъ положенію промышленности. Это не значитъ, конечно, что элементъ принужденія не игралъ въ уступчивости предпринимателей никакой роли. Принудительная сила стачекъ имѣетъ значеніе всегда и въ особенности имѣла значеніе въ 1905 г., но за всѣмъ тѣмъ остается достаточный просторъ для того, чтобы проявили свое вліяніе тѣ причины, которыя лежатъ внѣ воли и силы рабочаго класса, а коренятся въ данномъ строѣ промышленности, въ данной экономической конъюнктурѣ. Точно также это не значитъ, что экономическія требованія рабочихъ оставались всегда на уровнѣ, который не могъ породить никакого даже временного замѣшательства въ положеніи промышленности. Не только въ октябрѣ—декабрѣ 1905 г., но и въ остальное время рабочіе неоднократно предъявляли требованія программнаго и демонстративнаго характера, но, во-первыхъ, съ наибольшей настойчивостью эти требованія выставлялись и защищались только въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ болѣе передовыми слоями рабочаго класса, а, во-вторыхъ, рабочіе не продолжали настаивать на удовлетвореніи требованій этого рода, если предприниматели уступали имъ въ остальныхъ требованіяхъ, такъ сказать, обычно-экономическихъ. Во всякомъ случаѣ, для нашей цѣли достаточно установить, поскольку это дозволяетъ сдѣлать объективный матеріалъ, что экономическая борьба рабочихъ была направлена на завоеваніе давно назрѣвшихъ экономическихъ улучшеній, что если предпри-

нимателямъ пришлось въ 1905 г. расплачиваться съ рабочими, то это была лишь расплата за чрезвычайную эксплоатацію минувшихъ лѣтъ, что втянутыя политическимъ возбужденіемъ въ экономическую борьбу многочисленныя группы рабочихъ только впервые, за долгіе годы, добились увеличенія заработной платы и фактическаго сокращенія рабочаго дня, и что, такимъ образомъ, осуществленіе всѣхъ этихъ экономическихъ улучшеній, только подгонявшихся къ росту промышленности, не могло, само по себѣ, создать для послѣдней сколько-нибудь серьезныхъ осложненій.

Мы остановились на выясненіи характера экономической борьбы рабочихъ въ 1905 г., потому что установить ея значеніе въ общемъ движеніи 1905—1906 г. слѣдуетъ прежде всего. Въ годы революціи и въ послѣдующее время промышленные и правительственные круги не разъ указывали на рабочія экономическія стачки, какъ на главнѣйшій факторъ „смуты“ и главнѣйшую причину промышленной депрессіи. Безпрерывными стачками и чрезмѣрными требованіями рабочіе будто-бы въ конецъ раззорили промышленниковъ и внесли дезорганизацію въ промышленность. Мы пытались показать, что такое утвержденіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и что въ оцѣнкѣ факторовъ, породившихъ въ 1905—06 г. промышленную депрессію, нужно, прежде всего, исключить чрезвычайное якобы вліяніе экономической борьбы рабочихъ. Мы видѣли, что моменты наибольшей депрессіи вовсе не совпадаютъ съ моментами наибольшаго напряженія экономической борьбы рабочихъ и что, напротивъ, видимую связь съ депрессіей можно установить скорѣе для моментовъ политическихъ забастовокъ, кратковременныхъ и немногочисленныхъ. Само собою разумѣется, что этимъ не отрицается всякое вліяніе на депрессію экономическихъ стачекъ. Пріостановка работъ, конечно, создаетъ затрудненія для промышленности, а въ общемъ итогѣ приводитъ къ недобору въ производствѣ и временному пониженію производительности промышленныхъ предпріятій. Особенно чувствительною должна была быть такая пріостановка въ годъ войны и революціи, когда всѣ вообще условія складываются для промышленности неблагопріятно. Но за всѣмъ тѣмъ, не слѣдуетъ преувеличивать вліянія экономическихъ забастовокъ, видѣть въ экономической борьбѣ рабочихъ одинъ изъ главныхъ факторовъ, породившихъ промышленную депрессію, и забывать о характерѣ этой борьбы, который самъ по себѣ не могъ угрожать и ничѣмъ не угрожалъ промышленности.

Во всякомъ случаѣ, по своему вліянію экономическія стачки совершенно блѣднѣютъ предъ политическими. Въ непосредственной связи послѣднихъ съ моментами наибольшей депрессіи сомнѣваться не приходится. Но и здѣсь нужно сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Прежде всего политическія стачки рабочихъ явились однимъ изъ элементовъ общей политической борьбы; на-ряду съ рабочими въ послѣдней принимали активное участіе и другіе слои народа.

Далѣе, время наибольшаго развитія политическихъ забастовокъ совпало съ другими событіями, вліяніе которыхъ на депрессію также несомнѣнно. Въ послѣдней четверти 1905 г. по значительной полосѣ Россіи прокатились черносотенные погромы, нанесшіе чрезвычайный уронъ торговлѣ и промышленности; въ той же четверти года, помимо забастовокъ фабрично-заводскихъ (о которыхъ, собственно, выше шла рѣчь) бастовали другія пролетарскія группы, и прежде всего, желѣзнодорожные и торговые служащіе. Наконецъ, во второй половинѣ 1905 г. и первой половинѣ 1906 г. наибольшаго напряженія достигло аграрное движеніе, также не прошедшее безъ вліянія на промышленную депрессію. Такимъ образомъ, въ концѣ 1905 и началѣ 1906 г. совпало дѣйствіе нѣсколькихъ силъ, какъ бы конкуррировавшихъ во вліяніи на промышленность; наибольшее угнетеніе промышленности могло, поэтому, явиться только результатомъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ этихъ силъ. И если тѣмъ не менѣе, наиболѣе отчетливо пробивается вліяніе политическихъ рабочихъ забастовокъ, если это вліяніе остается налицо и въ тѣ моменты, когда дѣйствіе остальныхъ факторовъ ослабѣваетъ, то это объясняется не только тѣмъ, что въ общей борьбѣ рабочіе выступали передовымъ и наиболѣе сильнымъ отрядомъ, но и непосредственной связью рабочаго класса съ промышленнымъ строемъ, когда, по природѣ этой связи, политическая забастовка рабочихъ бьетъ одновременно на два фронта—политическій и экономическій. Но сила удара политическихъ стачекъ вообще и удара по промышленности въ частности опредѣлялась общими условіями, при которыхъ происходила стачка, и въ особенности ролью сопутствующихъ факторовъ.

IV.

Промышленная депрессія 1905—1906 гг.

Вся первая половина 1905 г. протекаетъ подъ вліяніемъ войны и потому въ это время въ полной мѣрѣ наблюдается все то разрушительное дѣйствіе ея, о которомъ мы говорили выше въ первой главѣ. Кромѣ того, въ первую половину года разразился рядъ забастовокъ, политическихъ и экономическихъ, и при томъ не только въ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, но и въ горной промышленности и на желѣзныхъ дорогахъ. Экономическія стачки за первую половину года охватили около 670 тыс. рабочихъ и политическія около 620 тыс., при чемъ въ первой четверти года по экономическимъ поводамъ бастовало свыше 440 тыс. рабочихъ и по политическимъ—около 365 тыс. Въ половинѣ февраля забастовки перекинулись въ донецкій горнозаводскій районъ, вызвавъ временную пріостановку работъ на многихъ

рудникахъ [1]). Въ началѣ же февраля забастовалъ рядъ желѣзныхъ дорогъ (московско-виндавская, московско-курская, варшавско-вѣнская и др.), въ мартѣ бастовали кавказскія дороги и въ апрѣлѣ бакинская вѣтвь [2]). Все это, вмѣстѣ взятое, не могло не вызвать значительной промышленной депрессіи, тѣмъ болѣе, что политическое возбужденіе наростало съ каждымъ днемъ во всѣхъ почти слояхъ народа и порождало настроеніе общей неувѣренности.

И, дѣйствительно, какъ въ производствѣ, такъ и въ торговлѣ первая половина 1905 г. отмѣчена застоемъ. Такъ, производствочугуна въ январѣ по Имперіи обнаружило, по сравненію съ декабремъ 1904 г., уменьшеніе на 7,3%, при чемъ запасы увеличились на 2,6%; въ южномъ районѣ производство понизилось на 8,2%, а запасы увеличились незначительно; въ февралѣ выплавка чугуна даетъ дальнѣйшее уменьшеніе—противъ января на 23%, съ увеличеніемъ запасовъ на 2,8%, въ частности на югѣ выплавка понижается почти на 20%; въ мартѣ выплавка повышается почти на 20%, одновременно нѣсколько уменьшаются и запасы; въ апрѣлѣ и маѣ замѣчается дальнѣйшее, хотя и очень скромное повышеніе выплавки, а съ іюня по августъ включительно постепенное, но слабое пониженіе; запасы угля съ мартовскаго уменьшенія понижаются по май, а затѣмъ постепенно увеличиваются, такъ что въ августѣ запасы приближаются къ увеличеннымъ запасамъ начала года. Приблизительно въ такомъ же направленіи измѣняется производство полупродукта и готоваго продукта; послѣ паденія въ январѣ и февралѣ значительное повышеніе въ мартѣ (на 34 и 51%), затѣмъ вслѣдъ за чувствительнымъ пониженіемъ въ апрѣлѣ (на 16 и 12%) повышеніе въ маѣ и вялое состояніе производства въ три послѣдующихъ лѣтнихъ мѣсяца. Офиціальный источникъ объясняетъ сильное пониженіе производства начала года забастовками рабочихъ, а дальнѣйшее увеличеніе—наступившимъ успокоеніемъ рабочихъ [3]). Конечно, таковы „видимые“ результаты рабочихъ стачекъ: во время забастовокъ производство падаетъ, съ возобновленіемъ работъ—повышается. Но для правильной оцѣнки положенія промышленности, какъ и вліянія на послѣднюю стачекъ, важно не это „видимое“ и естественное колебаніе производства, а характеръ этого колебанія. Сильное повышеніе производства названныхъ продуктовъ въ мартѣ связано, понятно, съ возобновленіемъ рабочими работъ и необходимостью восполнить пробѣлы, образованные въ производствѣ стачками. Но и усиленное такимъ образомъ производство все же не дости-

---

1) См. статью Д. Кольцова во II томѣ настоящаго изданія, стр. 207.

2) ibid, стр. 201.

3) См. Сводъ статистическ. данныхъ по желѣзодѣлательной промышленности, вып. за январь, февраль, мартъ 1905 г.

гаетъ размѣровъ соотвѣтствующихъ мѣсяцевъ предыдущаго года; вмѣстѣ съ тѣмъ запасы либо остаются на прежнемъ уровнѣ, либо даже увеличиваются. Очевидно, здѣсь на состояніи производства сказываются велѣнія рынка, и одного „успокоенія“ рабочихъ оказалось недостаточнымъ для того, чтобы успокоилась и промышленность: нѣтъ сбыта продукта—нѣтъ импульса для увеличенія производства. Въ южномъ районѣ, центрѣ чугуноплавильной и желѣзодѣлательной промышленности, торговля почти всю первую половину года шла чрезвычайно вяло. Съ чугуномъ въ январѣ было тихо, въ февралѣ появился слабый спросъ, который, окрѣпнувши нѣсколько въ мартѣ, оставался на одномъ уровнѣ до конца года, при чемъ цѣны не превышали 18 к. Спроса на сортовое желѣзо почти не было и цѣны стояли низкія, послѣ нѣкотораго оживленія въ февралѣ конецъ марта и весь апрѣль прошли совсѣмъ безъ дѣлъ, въ маѣ появился слабый спросъ, и въ такомъ вяломъ настроеніи рынокъ оставался до іюня. Точно такъ же вяло закончилась первая половина года для кровельнаго желѣза, спросъ усилился только въ іюнѣ [1]).

Для нефтяной промышленности первая половина года, по добычѣ нефти, оказалась неблагопріятной: за первые семь мѣсяцевъ было добыто на 43,9 м. п. меньше соотвѣтствующихъ мѣсяцевъ предыдущаго года. И здѣсь паденіе производства обычно объясняется забастовками рабочихъ [2]). Однако, ближайшій анализъ данныхъ едва-ли подтвердитъ такое объясненіе. „Обзоръ бакинской нефтяной промышленности“ даетъ, въ противоположность другимъ источникамъ, нѣкоторыя свѣдѣнія о забастовкахъ и потому позволяетъ съ большей ясностью выяснить ихъ вліяніе. Свѣдѣнія эти, прежде всего, показываютъ, что недоборъ нефти далеко не покрывается недоборомъ вслѣдствіе забастовокъ. Такъ, простой производительныхъ скважинъ вслѣдствіе забастовокъ въ январѣ выразился въ 190 скважино-дняхъ, что дало въ результатѣ недоборъ вслѣдствіе забастовокъ немногимъ свыше 200 т. пудовъ, между тѣмъ общій недоборъ нефти въ январѣ около 500 т. пудовъ; въ февралѣ простой составилъ всего 29 скважино-дней съ недоборомъ отъ забастовокъ около 41 т. п., а общій недоборъ достигъ 3,2 м. п.; въ мартѣ забастовокъ совсѣмъ не было, но недоборъ все же равнялся $1^1/_2$ м. п., и даже въ маѣ, когда забастовки охватили 132 промысла съ простоемъ въ скважино-дняхъ 9.702 и съ недоборомъ свыше 10 м. п., общій недоборъ все же составилъ 17,1 м. п. Далѣе „Обзоръ“ даетъ чрезвычайно любопытную таблицу числа скважино-дней бездѣйствія скважинъ въ связи съ причинами бездѣйствія [3]), изъ которой приведемъ слѣдующую сводку (по главнымъ причинамъ въ процентахъ):

1) См. отчетъ о торговлѣ горнозаводскими продуктами въ Сборникѣ статист. свѣдѣній о горнозаводской промышленности въ 1905 г.

2) „Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1905 г.“. Т. I. Баку 1906. Введеніе, стр. V и сл.

3) Ibid., стр. 32 – 33.

Мѣсяцы.	Причина бездѣйствія: Малая производительность скваж.	Забастовки рабочихъ.	Недостатокъ рабочихъ.	Народная смута.
Январь	40,3	2,3	0,6	—
Февраль	42,6	0,1	0,3	6,1
Мартъ	39,7	—	0,2	-
Апрѣль	46,9	1,0	0,3	—
Май	35,6	41,1	—	—
Іюнь	60,3	0,1	—	—
Іюль	41,9	1,5	0,2	—

Мы видимъ, что только въ маѣ значительный процентъ скважинъ бездѣйствовалъ по причинѣ забастовокъ, во всѣ остальные мѣсяцы процентъ этотъ ничтоженъ вообще и въ особенности по сравненію съ процентомъ скважинъ, бездѣйствовавшихъ вслѣдствіе ихъ малой производительности. Такимъ образомъ, простой скважинъ и явившееся въ результатѣ его паденіе добычи нефти только въ малой степени можетъ быть поставлено въ связи съ забастовками рабочихъ. Очевидно, на нефтяную промышленность угнетающе дѣйствовали другія причины. Одна изъ нихъ вырисовывается уже изъ только что приведенной таблицы: въ февралѣ 6,1% скважино-дней простоя вызванъ „народной смутой“, т. е. происшедшей въ этомъ мѣсяцѣ такъ называемой рѣзней. Національные раздоры, провоцированные реакціонной агитаціей, создали въ бакинской промышленности тревожное настроеніе, временами переходившее въ панику, исключавшую возможность сколько-нибудь спокойнаго продолженія работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ забастовкахъ рабочихъ пугали предпринимателей не столько экономическія требованія, выполненіе которыхъ, въ концѣ концовъ, не угрожало промышленности серьезными осложненіями [1]), сколько политическое недовольство рабочихъ, непредвѣщавшее скораго ихъ „успокоенія“. „Майская забастовка рабочихъ показала, читаемъ, напр., въ „Обзорѣ“, что въ ихъ движеніи не малую роль играли политическіе мотивы, и что они не могутъ совершенно успокоиться въ случаѣ удовлетворенія однихъ экономическихъ требованій“ [2]). Послѣ мая забастовки принимаютъ сравнительно скромные размѣры, но паденіе добычи нефти продолжаетъ оставаться даже болѣе значительнымъ, чѣмъ въ первые мѣсяцы года. Очевидно, бакин-

[1]) Отчетъ Горнаго Департамента улучшеніе „въ весьма значительной степени“, положенія бакинскихъ рабочихъ, благодаря забастовкѣ, признаетъ „вполнѣ своевременнымъ, такъ какъ условія жизни на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ, вслѣдствіе роста нефтедобывающей промышленности, измѣнились въ послѣдніе годы весьма замѣтно“. (Отчетъ Горн. Департамента за 1905 г., стр. 287).

[2]) „Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1905 г.“ Т. II, стр. 138.

ская промышленность находилась все это время подъ сильнымъ вліяніемъ политическихъ событій, создававшихъ атмосферу полной неувѣренности и убивавшихъ всякую предпріимчивость. Вліяніе это было столь велико, что его не могло преодолѣть твердое настроеніе рынка и повышенная, въ виду недостатка на рынкѣ продукта, цѣна. Запасы нефтяныхъ остатковъ на заводахъ въ началѣ года сильно понизились: въ январѣ они равнялись 44,6 м. п. противъ 71,2 м. п. средняго остатка за предыдущее двухлѣтіе, въ февралѣ— 60,7 м. п. противъ 96,2 м. п., въ мартѣ—81,9 м. п. противъ 109,5 м. п. и т. д. Несмотря на столь сильное сокращеніе запасовъ въ Баку и еще большее сокращеніе ихъ на Волгѣ, угнетенное состояніе общаго рынка нѣкоторое время сдерживало повышеніе цѣнъ. „Волненія и забастовки рабочихъ по всей Россіи, говоритъ по этому поводу „Обзоръ", въ связи съ общимъ политическимъ броженіемъ, заставляли думать, что нормальная работа желѣзныхъ дорогъ и различныхъ промышленныхъ предпріятій будетъ невозможна въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, и что спросъ на топливо будетъ меньше обычнаго; покупатели занимали выжидательное положеніе, сдѣлки налаживались туго до самаго марта, цѣны колебались, слабо проявляя тенденцію къ повышенію" [1]), и только съ открытіемъ навигаціи, когда, по выраженію „Обзора", „дальше ждать нельзя было", сдѣлки становятся болѣе частыми, а цѣны сразу повышаются, такъ что къ концу марта котировка остатковъ достигла 17—17½ к. противъ 14—15 к. въ январѣ; въ дальнѣйшемъ цѣны еще окрѣпли, поднявшись въ іюнѣ до 22,4 к.

Такое вздорожаніе нефти, явившееся, какъ видимъ, результатомъ угнетеннаго состоянія нефтяной промышленности и нефти на рынкѣ, не замедлило отразиться благопріятно на каменноугольной промышленности, въ значительной мѣрѣ ослабивъ въ ней силу кризиса. По даннымъ комитета харьковской каменноугольной биржи, въ началѣ 1905 г. настроеніе рынка было твердое и цѣны были склонны къ повышенію, неосуществившемуся, главнымъ образомъ, благодаря обычной неурядицѣ въ перевозкѣ грузовъ. Всю первую половину года цѣны стояли почти на одномъ уровнѣ и не понижались, какъ того можно было ожидать въ виду общаго промышленнаго угнетенія. Запасы, въ Донецкомъ рынкѣ поднявшись въ февралѣ, въ послѣдующіе мѣсяцы, съ незначительными колебаніями, уменьшаются, въ то время какъ добыча топлива, по размѣрамъ своимъ, измѣняется очень мало. Если исключить апрѣль, когда добыча всегда рѣзко понижается, то окажется, что замѣтное увеличеніе добычи далъ только мартъ, въ остальные мѣсяцы до сентября добыча колеблется между 60 и 70 м. пудовъ въ мѣсяцъ. При этомъ, по сравненію съ 1904 г. добыча не претерпѣла серьезныхъ измѣненій: въ теченіе двухъ

[1]) Ibid., стр. 135

мѣсяцевъ 1905 г., она ниже добычи 1904 г., въ теченіе двухъ мѣсяцевъ— выше, а въ остальные (до сентября) остается на томъ же уровнѣ, что въ 1904 г. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что забастовки первой половины года (по преимуществу экономическія) мало отразились на положеніи каменноугольной промышленности, а затрудненія въ нефтяной промышленности и высокая цѣна нефти, повысивъ спросъ на твердое топливо, спасли каменноугольную промышленность отъ обостренія кризиса.

Для мануфактурной промышленности вся первая половина года прошла при такомъ же угнетенномъ состояніи, какъ 1904 годъ. „Просматривая обозрѣніе промысловъ за прошлый годъ,—подводятъ итоги 1905 г. московскіе статистики,—нельзя не видѣть, что положеніе всѣхъ видовъ промышленности находилось почти въ такомъ же тяжеломъ положеніи, какъ въ трудный годъ войны“ [1]). Въ частности, положеніе фабричнаго ткачества въ 26 случаяхъ отмѣчается, какъ плохое, въ 27 — одинаковое съ прошлымъ годомъ и въ 13 замѣчается улучшеніе по сравненію съ прошлымъ годомъ. По свидѣтельству другого земскаго источника, „фабричное дѣло въ началѣ 1905 г., подъ вліяніемъ общаго угнетеннаго состоянія промышленности отъ войны, значительно сократилось даже по отношенію къ 1904 г. Изъ отвѣтовъ корреспондентовъ Владимірской губернской земской управы (140 отвѣтовъ) усматривается, что объ улучшеніи фабричныхъ промысловъ говорятъ только 6%, о прежнемъ положеніи 53%, а всѣ остальные отвѣты объ ухудшеніи. Значительная доля этихъ послѣднихъ отвѣтовъ (31%) сваливаютъ всю вину паденія фабричныхъ заработковъ на войну... Въ общемъ первая половина 1905 г. характеризуется большимъ пониженіемъ фабричныхъ заработковъ, сокращеніемъ производства, довольно тяжелымъ положеніемъ рабочаго люда“ [2]). Земскіе корреспонденты отмѣчаютъ преобладающее вліяніе войны, а не забастовокъ. Оно и понятно: экономическая забастовка прерываетъ производство на сравнительно непродолжительное время; съ прекращеніемъ забастовки работы возобновляются и продолжаются такимъ же темпомъ, какъ до забастовки. Подъ вліяніемъ же войны и вызваннаго ею затрудненія въ сбытѣ товаровъ производство сокращается, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ пріостанавливается. Свѣдѣнія подобнаго рода, во все продолженіе первой половины 1905 г., продолжаютъ поступать какъ изъ московской и владимірской, такъ и изъ другихъ губерній съ развитой мануфактурной промышленностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря неблагопріятнымъ условіямъ, созданнымъ войною, мануфактурный рынокъ остается въ угнетенномъ настроеніи. Мы уже упоминали, что съ января въ

---

[1]) Статистич. ежегодникъ московской губерніи за 1906 г. Промысл. въ 1905—1906 гг., стр. 22—25.

[2]) А. Смирновъ. Положеніе фабричныхъ промысловъ во владимірской губ., за 1905 г. „Вѣстникъ Фин.“ 1906 г., № 17.

Москвѣ послѣдовало общее пониженіе цѣнъ — на ситецъ $^3/_4$ к., на тяжелыя бумажныя ткани приблизительно 10% рыночной цѣны. Весенняя торговля прошла нѣсколько лучше прошлаго года, но все же достаточно вяло. Несмотря на значительное паденіе цѣнъ на хлопокъ и крупныя сбавки съ цѣнъ пряжи и миткаля, мануфактура, по преимуществу ситецъ, удержалась на уровнѣ январьскихъ цѣнъ. Но такое удержаніе явилось результатомъ не улучшеннаго спроса, а негласнаго соглашенія фабрикантовъ. „Возникшее съ начала года рабочее движеніе на фабрикахъ московскаго района, читаемъ въ „Торг.-Пром. Газ.“, и вызванныя этимъ движеніемъ осложненія въ нормальной жизни фабрично-заводской дѣятельности оказали вліяніе на производителей въ смыслѣ большей сплоченности и солидарности при рыночной расцѣнкѣ готоваго фабриката“ [1]); такая же „солидарность“ вызвала и въ красильномъ производствѣ 10% надбавку цѣнъ на окраску, какъ и облегчила неуклонное повышеніе цѣнъ на мануфактуру въ послѣдующее время.

Съ лѣта 1905 г. въ положеніи промышленности намѣчается явный поворотъ къ улучшенію. Окончательный разгромъ на Дальнемъ Востокѣ, предвѣщавшій близкое окончаніе войны, пріостановка мобилизаціи, прекращеніе военныхъ дѣйствій, а затѣмъ и заключеніе мира—постепенно стали оказывать благопріятное вліяніе на настроеніе товарнаго рынка и внесли нѣкоторое оживленіе въ область производства. Въ противоположность первой половинѣ года, во вторую половину промыслы повсюду стали замѣтно оживать. Во владимірской губ. „за вторую половину 1906 г. 40% корреспондентовъ отмѣтили улучшеніе въ отхожихъ промыслахъ, а въ мѣстныхъ промыслахъ—даже 54%; 40% въ первомъ случаѣ и 18% во второмъ повторяли по-старому, что промыслы плохи. Относительно строительныхъ промысловъ, объ ухудшеніи ихъ во вторую половину года говорили только 30% корреспондентовъ, остальные—объ ихъ прежнемъ положеніи и объ улучшеніи; главною причиною подъема ихъ указывали на прекращеніе войны, затѣмъ на открывшіяся работы въ Баку и Сибири“ [2]). Цѣны на рабочія руки поднялись у плотниковъ почти до нормальной высоты 5 — 6 р. и даже 6 р. 50 к. въ недѣлю, у столяровъ 6—6 р. 50 к. и даже до 8 р. Кустарные промыслы владимірской губ. во вторую половину года поднялись даже больше, чѣмъ отхожіе—объ улучшеніи ихъ, какъ мы видѣли, говорятъ 54% корреспондентовъ, объ ухудшеніи только 18%. Объ улучшеніи дѣлъ въ домашнемъ ткачествѣ и связанной съ нимъ размоткѣ нитей сообщаютъ 12 корреспондентовъ, объ ухудшеніи 6 и о прежнемъ положеніи одинъ [3]). Что касается

[1]) Торг.-Пром. Газ. 1905 г. № 111 (май).

[2]) А. Смирновъ. Положеніе мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ во владимірской губ. въ 1905 г. „Вѣстн. Фин.“ 1906 г. № 29.

[3]) „Съ августа у ручныхъ ткачей пошла работа очень хорошо у всѣхъ хозяевъ, даже у тѣхъ, которые прошлой зимой закрыли конторы, теперь стали выдавать

фабричныхъ промысловъ, то и здѣсь вторая половина 1905 г. отмѣчена улучшеніемъ: 29% сообщеній свидѣтельствуютъ объ улучшеніи промысловъ, тогда какъ въ первую половину года такихъ сообщеній было только 6% [1]). Въ московской губ. „почти половина корреспондентовъ (46%) говоритъ, что состояніе промысловъ было плохое, однако 27% говоритъ, что промыслы шли средне и 27% — хорошо; въ этомъ отчасти можно усматривать измѣненіе положенія промышленности къ лучшему по сравненію съ временами Японской войны“ [2]). Само собою разумѣется, что возвращеніе народнаго хозяйства къ сколько-нибудь нормальному положенію могло совершиться только постепенно и медленно, тѣмъ болѣе, что оно затруднялось неурожаемъ 1905 г. и упадкомъ отхода въ виду непрекращавшихся народныхъ волненій [3]). Но прекращеніе войны, какъ всегда, сразу стало сказываться на положеніи промышленности. Уже нижегородская ярмарка проходитъ въ нѣсколько болѣе твердомъ настроеніи. Правда, товарооборотъ ея колебался между 125—135 м. р. противъ 145—150 м. р.—товарооборота болѣе удачныхъ лѣтъ, но зато развязка съ товарами оказалась довольно удачной: мануфактура во всѣхъ видахъ, сырье, пушнина, выдѣланныя кожи—всѣ эти главнѣйшіе на ярмаркѣ товары прошли почти цѣликомъ. Особенно оживилась мануфактурная промышленность, которая, испытавъ на себѣ наиболѣе чувствительное сокращеніе спроса подъ вліяніемъ войны, должна была столь же чувствительно реагировать на усиленіе спроса. Лѣтомъ цѣны на мануфактуру сразу повысились. По объясненію самихъ мануфактуристовъ, „обыкновенно послѣ войны является оживленіе на томъ или другомъ рынкѣ, и цѣны произвольно повышаются вслѣдствіе усиленнаго спроса, вызываемаго существовавшимъ застоемъ во время войны; если сопоставимъ цѣны на мануфактуру до и послѣ войны, то получимъ разницу въ 31—37%, несмотря на то, что шерсть и прочій сырой

основы, да и погоняютъ съ работой—теперь фабричнымъ стало повеселѣе“ (Покровскій у.). „Домашнее ткачество поднялось: раньше ткали 45—50 к. кусокъ, а теперь—75 к.“ (Вяз. у.). Въ прошлую осень и весну размотка шелка совершенно стала, но нынѣшней осенью зажиточные домохозяева стали радоваться, и жизнь ихъ пошла повеселѣе, такъ какъ порядочно получили шелка сырца для размотки. Женщины и дѣвочки, не живущія на фабрикахъ, тоже стали заниматься размоткой шелка, получивши отъ зажиточныхъ крестьянъ“ (Александр. у.).

1) А. Смирновъ. Положеніе фабричныхъ промысловъ во владим. губ. за 1905 г. „Вѣстн. Фин.“ 1906 г. № 17.

2) Статистич. ежегодникъ московск. губ. за 1906 г.

3) Въ московской губ. „44% ушедшихъ не могли найти работу за сокращеніемъ всѣхъ вообще работъ, 44% вернулись вслѣдствіе начавшихся забастовокъ, 6%—вслѣдствіе болѣзни и 6% по лѣности и пьянству“ (Статист. ежегодникъ московск. губ. за 1906 г.). Въ саратовской губ. отхожіе заработки, по проценту сообщеній, выше—6,2, одинаковы—17,7, ниже—76,1; причина — „повсемѣстные неурожаи, скопленіе безработнаго люда и народные безпорядки“. (Сборникъ свѣдѣній по саратовск. губ. за 1905 г., стр. 228).

матеріалъ вздорожали только на 1,45%; что касается забастовокъ, то онѣ также безспорно послужили толчкомъ къ поднятію цѣнъ, но не столь значительному, гораздо сильнѣе дѣйствовало вліяніе внезапнаго и сильнаго оживленія на мануфактурномъ рынкѣ, явившагося послѣ войны" [1]). Безспорно, въ поднятіи цѣнъ сыграла крупную роль отмѣченная выше „солидарность" фабрикантовъ, въ особенности поскольку оно должно было компенсировать повышеніе заработной платы, но, какъ это отмѣчаютъ и сами фабриканты, благопріятную почву оно нашло въ усилившемся спросѣ. 12 іюля послѣдовала въ Москвѣ первая прибавка на ситцевые товары въ размѣрѣ полной копѣйки; съ этого дня цѣны на мануфактуру безпрерывно растутъ, такъ что уже 1 сентября сдѣлана была вторая прибавка на ситецъ; на бѣлостокскомъ рынкѣ въ іюнѣ цѣны оказались повышенными на 15—25%. Оживленное настроеніе рынка отразилось и на оживленіи фабричной дѣятельности. Фабрики усилили производство, чтобы пополнить запасы и снабдить рынокъ нужными товарами. Уже въ іюнѣ, какъ сообщали, напр., изъ Лодзи, „фабрики завалены крупными заказами; торговцы быстро соглашаются на повышеніе цѣнъ, лишь бы запастись издѣліями для пополненія распроданныхъ запасовъ" [2]).

Въ меньшей степени оживленіе наблюдалось въ горнозаводской промышленности; но и здѣсь положеніе многимъ улучшилось по сравненію съ первою половиною года. На югѣ уже въ іюнѣ появился значительный спросъ на чугунъ при устойчивыхъ цѣнахъ, рынокъ оставался оживленнымъ и къ іюню настроеніе его стало твердымъ; въ первой четверти іюня спросъ началъ остывать, но цѣны удержались на прежнемъ уровнѣ; къ сентябрю рынокъ окрѣпъ, цѣны проявили тенденцію къ новому повышенію. На нижегородской ярмаркѣ цѣны сортоваго желѣза были очень крѣпкія и свободнаго желѣза у заводчиковъ было весьма мало; этимъ воспользовались, между прочимъ, торговцы-складчики, которые „составили между собою письменное соглашеніе на честное слово не продавать желѣза дешевле 1 р. 30 к. при партіяхъ меньше 3 т. пудовъ, а при болѣе крупныхъ — по свободной цѣнѣ" [3]). Остатковъ сортоваго къ концу ярмарки у заводчиковъ совсѣмъ не было, и нѣкоторые заводы не успѣвали даже выполнить принятыхъ заказовъ — въ результатѣ твердое настроеніе на нижегородскомъ желѣзномъ рынкѣ. На каменноугольномъ рынкѣ въ серединѣ іюня появился усиленный спросъ, который повышался и въ послѣдующее время подъ вліяніемъ бакинскихъ событій. Мы уже отмѣчали, что, въ соотвѣтствіи съ рынкомъ, въ лѣтніе мѣсяцы производство шло относительно ровнымъ темпомъ, а въ сентябрѣ выплавка чугуна

---

[1]) „Торгово-Пром. Газета", 1906 г. № 244.

[2]) „Торгово-Пром. Газета", 1905 г., № 131.

[3]) Сборникъ статистич. свѣдѣній о горнозавод. промышленности въ 1905 г. стр. LXXIV.

повысилась на 1,4%, производство полупродукта на 9 и готоваго продукта на 15%. Добыча минеральнаго топлива въ Донецкомъ бассейнѣ въ третью четверть года, по сравненію со второй, повысилась на 7%.

Въ сторонѣ отъ намѣтившагося оживленія осталась бакинская нефтяная промышленность. Въ августѣ, на почвѣ армяно-татарской рѣзни, значительная часть бакинскихъ промысловъ была уничтожена пожаромъ, на долгое время выбившимъ промышленность изъ строя. На всѣхъ площадяхъ сгорѣло 1.994 вышки, въ томъ числѣ 161 вышка скважинъ заброшенныхъ; средняя суточная добыча сгорѣвшихъ производительныхъ скважинъ составляла 919.447 п. или 57,1% общей добычи скважинъ, бывшихъ въ эксплоатаціи [1]). Въ августѣ добыча падаетъ, по сравненію съ августомъ 1904 г., на 22,5%, при чемъ изъ общаго числа простоя скважинъ 35,5% вызвано „народной смутой" и только 16,1% малой производительностью скважинъ. Послѣ пожаровъ до 1 сентября промысловыхъ работъ не было ни у одной фирмы, въ сентябрѣ въ эксплоатаціи было только 141 скважина, которыя дали 2,1 м. п. добычи (противъ 54,1 м. п. 1904 г.), въ октябрѣ число находящихся въ эксплоатаціи скважинъ повышается до 589 съ добычей 13,4 м. п. (противъ 59,8 м. п. въ 1904 г.), въ ноябрѣ эксплоатировалось 764 скважины при добычѣ 24,5 м. п. (противъ 61 м. п. въ 1904 г.). Такимъ образомъ, къ концу года бакинская промышленность еще далеко не оправилась отъ пожара, а пониженіе добычи за послѣдніе четыре мѣсяца, по сравненію съ соотвѣтствующимъ временемъ 1904 г., составляло 138,7%. Столь сильное паденіе добычи повело къ вздорожанію нефти и къ замѣнѣ ея, во многихъ случаяхъ, твердымъ минеральнымъ топливомъ.

Если подвести итоги сказанному до сихъ поръ объ общемъ положеніи промышленности приблизительно за первыя три четверти 1905 года, то не трудно замѣтить, что, при общемъ подавленномъ настроеніи промышленности, разсмотрѣнное нами время можно раздѣлить на два періода, различающихся по степени промышленной депрессіи. Первый періодъ, совпадающій приблизительно съ первой половиной года, протекаетъ еще всецѣло подъ вліяніемъ войны. Рынокъ угнетенъ, спросъ слабый, производство сжимается. Забастовки рабочихъ, по преимуществу въ этотъ періодъ экономическія, несомнѣнно, усиливаютъ депрессію, сокращая, въ свою очередь, производство; однако, дѣйствительное вліяніе стачечнаго движенія, поскольку его можно учесть на основаніи объективныхъ признаковъ, значительно уступаетъ вліянію войны, подорвавшей покупательную силу населенія и сузившей рынокъ, а также

---

[1]) „Обзоръ бакинск. нефтяной промышленности за 1905 г." т. I. Стоимость сгорѣвшихъ вышекъ опредѣлена въ 12.066 т. р., а общій убытокъ отъ пожара — въ 26 м. р. („Торг.-Пром. Газ." 1905 г. № 215).

вліянію политическихъ событій, исключавшихъ возможность спокойной промышленной дѣятельности. Во второй періодъ начинаетъ сказываться благопріятное вліяніе прекращенія войны. Мѣстные промыслы улучшаются, рынокъ крѣпнетъ, цѣны, благодаря увеличившемуся спросу, повышаются, усиливается работа фабрикъ, особенно мануфактурныхъ. Вліяніе забастовокъ, хотя и сократившихся по сравненію съ предыдущимъ періодомъ, но все же значительныхъ (въ третью четверть года бастовало почти 300 т. рабочихъ, при чемъ въ экономическихъ стачкахъ участвовало 58% ихъ), чувствуется слабѣе, благодаря, главнымъ образомъ, нѣсколько улучшившейся общей промышленной конъюнктурѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (особенно въ Баку) прорывается разрушительное дѣйствіе организованной реакціонной провокаціи, широко развернувшейся въ послѣдующее время.

Наступившее улучшеніе продолжалось слишкомъ недолго, чтобы оно могло укрѣпить промышленность. Съ сентября революціонное движеніе разгорается, переходя въ октябрѣ во всеобщую забастовку и пріостановивъ почти совершенно на три мѣсяца промышленную жизнь страны.

О характерѣ и силѣ октябрьской забастовки и слѣдовавшихъ за ней историческихъ событій здѣсь нѣтъ нужды говорить подробно [1]). Упомянемъ, однако, что въ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, въ октябрѣ бастовало 518.252 раб., въ ноябрѣ 325.534 и въ декабрѣ 433.140. Кромѣ того, какъ извѣстно, забастовка охватила предпріятія горнозаводскія, желѣзнодорожныя, ремесленныя, торговыя и т. д., и т. д. Къ сожалѣнію, привести хотя бы приблизительно достовѣрныя данныя о размѣрахъ, какихъ достигла забастовка во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, нѣтъ возможности въ виду полнаго отсутствія такихъ данныхъ. Только желѣзнодорожная забастовка поддается нѣкоторому статистическому изученію, впрочемъ, весьма неполному. Мы уже видѣли, насколько сократилась, подъ вліяніемъ забастовки, перевозка грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ въ послѣдней четверти 1905 года. Наиболѣе рельефно сокращеніе желѣзнодорожнаго движенія выясняется по сравненію числа отправленныхъ поѣздовъ и количеству сдѣланныхъ ими верстъ послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ 1905 г. съ соотвѣтствующими данными за 1904 г. Что касается числа поѣздовъ торговаго движенія, то въ послѣднюю четверть 1905 г., по сравненію съ 1904 г., послѣдовало ихъ уменьшеніе—для поѣздовъ большой и средней скорости на 20,2% и малой скорости на 32,7%. По отдѣльнымъ мѣсяцамъ число поѣздовъ измѣнялось такимъ образомъ (въ тыс.) [2]):

---

[1]) Объ этомъ см. въ статьяхъ многихъ авторовъ во II т. настоящаго изданія.

[2]) Составлено по статистическому сборнику минист. путей сообщенія, вв. 85—89.

	Больш. и средн. скорости.		Ум. 1905 г. по срав. съ 1904 г. (въ %)	Малой скор.		Ум. 1905 г. прот. 1904 г. (въ %).	ВСЕГО.		Ум. 1905 г. прот. 1904 г. (въ %).
	1904 г.	1905 г.		1904 г.	1905 г.		1904 г.	1905 г.	
Октябрь . .	93,1	68,3	26,6	195,0	114,3	41,3	288,1	182,6	36,5
Ноябрь. . .	89,0	84,9	4,6	184,3	157,6	14,4	273,3	242,5	14,4
Декабрь . .	91,5	75,1	17,9	170,6	98,3	42,3	262,1	173,4	33,0

Наиболѣе значительно сократилось число поѣздовъ въ октябрѣ (свыше чѣмъ на треть), весьма сильнымъ сокращеніе остается въ декабрѣ и до сравнительно небольшихъ размѣровъ опускается оно въ ноябрѣ. Въ частности, поѣзда большой скорости, какъ и слѣдовало ожидать, въ меньшей степени испытали сокращеніе, чѣмъ поѣзда малой скорости, которыхъ въ октябрѣ и декабрѣ 1905 г. было отправлено почти на половину меньше, чѣмъ въ 1904 г. Такая же картина вырисовывается изъ данныхъ о количествѣ верстъ, сдѣланныхъ поѣздами товарнаго движенія (въ тыс. верстъ).

	Больш. и средн. скорости.		Ум. 1905 г. прот. 1904 г. (въ %).	Малой скор.		Ум. 1905 г. прот. 1904 г. (въ %).	ВСЕГО.		Ум. 1905 г. прот. 1904 г. (въ %).
	1904 г.	1905 г.		1904 г.	1905 г.		1904 г.	1905 г.	
Октябрь . .	9.818	7.359	25	17.543	10.199	42,1	27.351	17.558	33,2
Ноябрь. . .	9.459	9.013	3,8	16.960	14.072	17,1	26.319	23.165	12,3
Декабрь . .	9.718	8.070	17,1	15.866	9.197	42,0	25.584	17.267	32,5

И здѣсь наибольшее пониженіе наблюдается въ ноябрѣ и декабрѣ, при чемъ для малой скорости движеніе сократилось сильнѣе, чѣмъ для большой скорости. Въ общемъ, за всю послѣднюю четверть года пробѣгъ поѣздовъ большой скорости уменьшается на 15,4%, малой—на 33,6%, Что касается пассажирскаго движенія, то уменьшеніе его видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Перевезено пассажировъ. (въ мил.).		Уменьш. 1905 г. противъ 1904 (въ %).
	1904 г.	1905 г.	
Октябрь	9,6	6,5	32,2
Ноябрь	8,1	6,5	19,7
Декабрь	8,2	5,1	37,8

Если даже принять во вниманіе, что въ виду тревожнаго времени перевозка пассажировъ должна была вообще уменьшиться, то и въ такомъ случаѣ общее пониженіе пассажирскаго движенія должно быть отнесено въ значительной степени за счетъ прекращенія желѣзнодорожнаго сообщенія во время забастовокъ.

Приведенныя данныя, въ итогѣ, показываютъ, что желѣзнодорожная забастовка приняла весьма широкіе размѣры. За всю четверть года она понизила торговое движеніе на цѣлую треть, а въ октябрѣ и декабрѣ больше, чѣмъ на $^2/_5$; сравнительно благополучный ноябрь также закончился умень-

шеніемъ движенія почти на $^1/_5$ [1]). Столь сильное сокращеніе желѣзнодорожнаго сообщенія могло вызвать въ промышленности чрезвычайныя осложненія, если бы даже оно не сопровождалось всеобщей забастовкой; въ связи же съ послѣдней оно должно было совершенно парализовать промышленную жизнь.

Мы уже говорили, что для правильной оцѣнки вліянія на промышленность революціоннаго движенія конца 1905 г. и начала 1906 г., нужно принять во вниманіе разразившіеся въ это время черносотенные погромы и аграрное движеніе, принявшее особенно широкіе размѣры во второй половинѣ 1905 и первой 1906 г. Черносотенные погромы, по преимуществу еврейскіе, нанесли громадный уронъ промышленности и торговлѣ, во многихъ случаяхъ неизмѣримо болѣе тяжкій, чѣмъ всеобщая забастовка. Потери отъ погромовъ исчисляются въ 51.094,705 р. [2]), но несомнѣнно, что даже эти непосредственные убытки отъ погромовъ въ нѣсколько разъ превышаютъ указанную сумму. Такъ, въ одномъ Ростовѣ-на-Дону, по даннымъ биржевого комитета, итогъ убытковъ отъ еврейскаго погрома достигъ 7 м. рублей: грабежемъ и пожарами уничтожено и попорчено товаровъ на 4 м. р.; за три дня уничтожено было 511 торговыхъ заведеній, изъ нихъ 500 принадлежащихъ евреямъ, число пострадавшихъ биржевой комитетъ опредѣлилъ въ 30 т. [3]) Въ Кіевѣ управляющій отдѣленіемъ государственнаго банка, г. Афанасьевъ, произвелъ своего рода анкету, которая, впрочемъ, не коснулась одного участка города и одного предмѣстья, населенныхъ евреями; въ результатѣ оказалось, что всего разбито и разграблено 588 магазиновъ и лавокъ, жилыхъ помѣщеній разграблено 188; убытокъ отъ потери товара и разрушеннаго имущества равняется, по меньшей мѣрѣ, 3.800 т. р. [4]) Въ Бѣлостокѣ убытки отъ погрома исчислялись приблизительно въ 1 м. р. [5]). Въ Одессѣ, гдѣ погромъ принялъ исключительный, даже по русскому масштабу, звѣрскій характеръ, убытки исчисляются въ десятки милліоновъ рублей, число пострадавшихъ по самому скромному подсчету, достигло 40 т. чел. [6]). „Первымъ результатомъ безпорядковъ, читаемъ въ отчетѣ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ, явилось необычайное сокращеніе оборотовъ торговли. Необходимо имѣть въ виду, что во время безпорядковъ были разгромлены до полнаго опустошенія многіе весьма крупные магазины, въ которыхъ на складахъ лежали товары на сумму въ 200—300 и даже болѣе тысячъ рублей. Достаточно указать

---

1) Составлено по Статистическому сборнику министерства путей сообщенія, вв 85 и 89.

2) По свѣдѣніямъ комитета по оказанію помощи пострадавшимъ отъ погромовъ. Приведено въ статьѣ В. Мукосѣева „Промышленный подъемъ или промышл кризисъ“. „Образованіе“, 1907 г. августъ.

3) „Торг.-Пром. Газета“, 1905 г. № 258.

4) „Торг.-Пром. Газета“, 1905 г. № 256.

5) „Торг.-Пром. Газета“, 1906 г. № 134.

6 „Торг.-Пром. Газета“, 1905 г. № 241.

на уничтоженный дотла мануфактурный магазинъ Фельдмана, дѣлавшій милліонные обороты и поставлявшій товары на весь югъ Россіи... Можно съ увѣренностью сказать, что половина товаровъ, находившихся на мануфактурныхъ складахъ Одессы, были разграблены и уничтожены. То же самое приходится отмѣтить о торговлѣ обувью, галантерейными товарами, ювелирными издѣліями и т. д... Нѣтъ точныхъ данныхъ для окончательнаго подсчета убытковъ отъ расхищенія всѣхъ этихъ товаровъ, но безъ всякаго преувеличенія можно утверждать, что потери эти опредѣляются многими милліонами рублей“ [1]). Не выдержавъ столь необычайнаго патріотическаго испытанія, многія фирмы вынуждены были совсѣмъ ликвидировать дѣла, а другія сократить ихъ въ мѣру оставшейся возможности. „При необходимости непрерывнаго обмѣна товаровъ, на который разсчитана торговля, особенно въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Одесса, единовременное внезапное исчезновеніе громаднаго количества товаровъ всегда лишаетъ возможности сразу пополнить образовавшійся пробѣлъ; тѣмъ труднѣе это было сдѣлать въ концѣ 1905 г., въ періодъ общаго потрясенія, когда потерпѣла не одна только Одесса, но и весь югъ и многіе пункты болѣе сѣверныхъ районовъ“ [2]).

То, что стряслось надъ Одессой, стряслось надъ очень многими городами и привело къ такимъ же послѣдствіямъ. Разгромленныя до основанія торговыя и промышленныя заведенія, ликвидація фирмъ, массовыя несостоятельности, длительный торгово-промышленный застой. Разрушительное вліяніе погромовъ не ограничились только тѣми мѣстами, которыя контръреволюція избрала мѣстомъ своего дѣйствія. Такіе крупные торговые центры, какъ Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ, Ростовъ на Дону, не говоря уже о менѣе крупныхъ центрахъ и массѣ мелкихъ, но оживленныхъ городовъ и мѣстечекъ, слишкомъ тѣсно связаны съ другими торговыми и промышленными центрами, чтобы постигшее ихъ разореніе не отразилось самымъ чувствительнымъ образомъ на положеніи торговли и промышленности вообще. „Ярмарочные города—Нижній, Ярмолинцы и др.,—въ этотъ сезонъ съ Бѣлостокомъ сдѣлокъ не заключили изъ-за общаго волненія и погрома въ особенности“—писали изъ Бѣлостока [3]). Гомельскій погромъ, въ свою очередь, „повліялъ на Бѣлостокъ угнетающе“ [4]). „Еврейскіе погромы довершили тяжелое положеніе торговли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они, главнымъ образомъ, сосредоточены въ рукахъ евреевъ“, учитываютъ результатъ патріотическаго дѣла московскіе мануфактуристы [5]). „Нижегородская ярмарка, ожидавшая

[1]) Отчетъ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ за 1903—1905 гг. Од. 1906 г., стр. 212—213.

[2]) Ibid, стр. 213.

[3]) „Торг.-Пром. Газета“, 1906 г. № 142.

[4]) „Торг.-Пром. Газета“, 1906 г. № 22.

[5]) „Торг.-Пром. Газета“, 1905 г. № 241.

много отъ Бѣлостока, врядъ-ли будетъ имѣть съ нимъ хотя бы частичныя сношенія—подъ вліяніемъ происшедшихъ событій"—такъ отразились погромы на всероссійскомъ торжищѣ [1]). Подобныхъ свидѣтельствъ можно было бы привести еще достаточное количество, если бы въ этомъ была какая-либо нужда. Слишкомъ понятна, и безъ дальнѣйшихъ иллюстрацій, вся сила разрушенія, произведеннаго черносотеннымъ движеніемъ не только въ мѣстахъ погромовъ, но и далеко за ихъ предѣлами. Еврейскіе погромы, разорившіе наиболѣе торговые слои населенія въ наиболѣе торговой полосѣ Россіи, должны быть отнесены къ самымъ сильнымъ факторамъ, породившимъ промышленную депрессію въ послѣдней четверти 1905 г. и въ послѣдующее время.

Вліяніе на промышленность аграрнаго движенія, конечно, также не подлежитъ сомнѣнію. По анкетѣ Вольно-Экономическаго общества—источнику наиболѣе достовѣрному—аграрное движеніе, вообще разросшееся наиболѣе сильно во вторую половину 1905 г. и первую половину 1906 г., въ это-же время, особенно осенью 1905 г., приняло наиболѣе тяжелыя формы погромовъ усадьбъ, поджоговъ, рубки лѣса и т. д. [2]). Эти именно формы движенія должны были оказать на промышленную жизнь страны наибольшее воздѣйствіе. Вліяніе аграрнаго движенія на промышленность не можетъ быть, понятно, такимъ-же непосредственнымъ, какъ вліяніе рабочихъ забастовокъ или еврейскихъ погромовъ, потому что крестьяне не связаны такъ непосредственно съ промышленностью, какъ рабочіе или еврейское торговое населеніе. Крестьянское движеніе могло оказать вліяніе на промышленность, главнымъ образомъ, постольку, поскольку крестьянская масса являетъ собою потребительный рынокъ и поскольку движеніе среди крестьянъ является движеніемъ соціально-политическимъ. Крестьянскіе „безпорядки", въ особенности когда они приняли форму разгрома помѣщичьихъ усадьбъ, должны были быть учтены не одними только промышленниками въ качествѣ грознаго фактора, лишившаго „общественный порядокъ" всякой устойчивости и несущаго съ собой этимъ радикальную перестройку аграрныхъ отношеній. Съ другой стороны, крайнее неспокойствіе деревни, явившееся результатомъ какъ аграрнаго движенія, такъ и суровыхъ формъ его усмиренія, дѣлало цѣлыя губерніи недоступными для сколько-нибудь нормальнаго сбыта товаровъ, до крайности сузивши этимъ объемъ внутренняго рынка. Кромѣ того, имѣются данныя, заставляющія предполагать, что аграрныя волненія отразились неблагопріятно на положеніи мѣстныхъ промысловъ и заработкѣ населенія. Такъ, саратовская земская статистика устанавливаетъ связь сокращенія заработковъ и паденія промысловъ съ массовымъ крестьянскимъ движеніемъ осени 1905 г. Если сравнить

---

[1]) „Торг.-Пром. Газета", 1905 г. № 134.

[2]) Напр., въ центральныхъ земледѣльческихъ и малороссійскихъ губерніяхъ. См. Труды В.-Экон. Общества 1908, № 3—4.

районы, въ которыхъ были аграрные безпорядки, съ районами, въ которыхъ не было безпорядковъ, то положеніе промысловъ и заработковъ опредѣлится такимъ образомъ (въ процентахъ къ числу сообщеній корреспондентовъ) [1]):

	Промыслы.			Заработки промышленниковъ.		
	Увелич.	Не измѣн.	Уменьш.	Увелич.	Не измѣн.	Уменьш.
Районы аграрн. безпор. . .	7,9	58,8	33,3	6,3	31,7	62,0
Остальн. уѣзды.	3,3	80,0	16,7	12,5	47,5	50,0

Въ то время какъ въ районѣ аграрныхъ волненій 33,3% всѣхъ сообщеній констатируютъ сокращеніе промысловъ, въ остальныхъ уѣздахъ о сокращеніи говорятъ только 16,7% сообщеній; паденіе заработковъ для перваго района отмѣчено 62,0% сообщеній, для второго 50%. Еще рельефнѣе выступаетъ вліяніе волненій на сокращеніе заработковъ, въ слѣдующей таблицѣ, въ которой всѣ данныя сгруппированы въ одно цѣлое [2]).

Уѣзды.	Число всѣхъ сообщеній о безпорядкахъ.	Число сообщеній о сокращеніи заработковъ.
Балашовскій . . .	27	17 или 63 %
Петровскій	23	13 „ 56,5 „
Кузнецкій	12	6 „ 50,0 „
Сердобскій	16	7 „ 43,8 „
Аткарскій	21	7 „ 33,3 „
Саратовскій . . .	13	3 „ 23,1 „

Процентъ сообщеній о сокращеніи заработковъ растетъ параллельно увеличенію числа сообщеній о безпорядкахъ. При этомъ сокращеніе коснулось не только собственно сельско-хозяйственныхъ работъ, но и разныхъ заработковъ другого рода,—бондарнаго, котельнаго, пильнаго, швейнаго [3]). Кромѣ того, вліяніе волненій сказалось не только въ тѣхъ селахъ, гдѣ были волненія, но и за предѣлами районовъ безпорядковъ; изъ многихъ мѣстъ подаются сообщенія, что, хотя безпорядковъ не было, но, изъ опасенія возникновенія ихъ, работы въ экономіяхъ многихъ мѣстъ стали сокращаться [4]). Несомнѣнно, аналогичныя явленія имѣли мѣсто и въ другихъ губерніяхъ, понижая покупательную силу населенія и въ значительной мѣрѣ ослабляя торговыя связи деревни съ промышленными центрами. Противоположное вліяніе аграрнаго движенія—повышеніе покупательной силы въ результатѣ увеличенія платы сельскихъ рабочихъ и уменьшенія арендной платы—должно было сказаться позже.

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. за 1906 г. В. I., стр. 198.
[2]) Ibid., стр. 200.
[3]) Ibid., стр. 199.
[4]) Ibid., стр. 200.

Такимъ образомъ, въ послѣдней четверти 1905 г. промышленность должна была испытать на себѣ вліяніе совокупнаго дѣйствія такихъ факторовъ, какъ всеобщая политическая забастовка, охватившая и желѣзныя дороги, рядъ декабрьскихъ возстаній, аграрное движеніе и многочисленные еврейскіе погромы. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что въ это время промышленная жизнь совсѣмъ пріостановилась. Фабрики перестали выбрасывать на рынокъ новые товары, желѣзнодорожная забастовка пріостановила подвозъ на фабрики матеріаловъ, почтово-телеграфная забастовка порвала связь между торгово-промышленными центрами, произведя величайшее замѣшательство въ области кредита и торговаго оборота, товарный рынокъ, сдавленный безпрерывной цѣпью неблагопріятныхъ условій, не проявлялъ признаковъ жизни. Промышленныя отрасли, обнаруживавшія еще недавно признаки нѣкотораго оживленія, снова очутились въ полосѣ кризиса, болѣе опустошительнаго, чѣмъ кризисъ времени войны. „Октябрь по торговлѣ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ мѣсяцевъ за послѣдніе два года“, идутъ въ это время вѣсти съ московскаго мануфактурнаго рынка. Общее стачечное движеніе прекратило всякую торговлю въ первой половинѣ мѣсяца, а во второй—своеобразное толкованіе (?!) манифеста какъ ультрарадикальными, такъ и ультраконсервативными партіями поставило имущіе классы, къ которымъ слѣдуетъ отнести и большинство покупателей московскихъ фабрикантовъ, между двухъ огней“ [1]). „Фабрики работаютъ плохо. Въ одномъ Ивановѣ-Вознесенскѣ недоработано около 6 м. кусковъ. Торгуютъ въ Москвѣ, сравнительно съ октябремъ прошлаго года, въ три раза меньше“ [2]). Въ декабрѣ обороты крупныхъ московскихъ фирмъ уменьшились больше чѣмъ на 25% противъ средняго оборота за послѣднее трехлѣтіе и до 30% противъ декабря 1904 г. [3]). „Московскія событія отразились на бѣлостокскомъ рынкѣ угнетающе. Послѣ южныхъ погромовъ взоры бѣлостокскихъ промышленниковъ обратились на Москву, являющуюся для Бѣлостока значительнымъ покупателемъ; къ сожалѣнію, надеждамъ, повидимому, не суждено осуществиться. Въ Бѣлостокѣ гостятъ теперь (въ началѣ января 1906 г.) нѣсколько московскихъ покупателей, сдѣлавшихъ чрезвычайно ничтожные, по сравненію съ прошлымъ, заказы“ [4]). „Торгово-Промышленная Газета“, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, такъ формулировала вліяніе всеобщей забастовки на мануфактурный рынокъ: „1) послѣдняя желѣзнодорожная забастовка, совпавшая съ предпраздничной расторжкой товарами, скопила на фабрикахъ значительныя количества издѣлій, части же запроданнаго и отправленнаго по назначенію товара застряли въ пути и, такимъ образомъ, не могли

---

1) „Торг.-Пром. Газета“, 1905 г. № 241.
2) „Торг.-Пром. Газета“, 1905 г. № 231.
3) В. Шимановскій. Мануфактурный рынокъ въ 1906 г. „Вѣстн. Фин.“ 1907 г. № 46.
4) Корреспонденція изъ Бѣлостока въ „Торг.-Пром. Газ.“ 1906 г. № 6.

быть проданы въ самый горячій торговый періодъ; 2) торговыя фирмы не успѣли во-время запастись свѣжими товарами, такъ какъ еще октябрьская забастовка внесла путаницу въ торговыя дѣла и измѣнила обычные сроки выписки товаровъ. Въ данномъ случаѣ, болѣе удаленные пункты оказались въ лучшемъ положеніи, нежели ближайшіе къ промышленнымъ центрамъ, ибо первые дѣлаютъ выписки товара заблаговременно и могли еще получить свѣжіе транспорты до послѣдняго срока, съ цѣлью выгадать на ускореніи оборота. 3) Отсутствіе достаточнаго подбора товаровъ сдерживало вообще предпраздничныя покупки, а убыль, за выѣздомъ за границу, наиболѣе состоятельныхъ людей въ городскихъ центрахъ и общая осторожность задержали сбытъ предметовъ роскоши (дорогихъ тканей и галантерей), сбываемыхъ, главнымъ образомъ, въ предпраздничное время, что отразилось еще болѣе на сокращеніи оборотовъ магазиновъ. 4) Почтово-телеграфная забастовка совершенно пріостановила поступленія платежей со стороны провинціальныхъ кліентовъ фирмъ, вслѣдствіе чего послѣднія не могли также оправдать своихъ срочныхъ обязательствъ“ [1]).

Въ столь же хаотическомъ состояніи оказались и другіе рынки. „За послѣднія 15 лѣтъ, читаемъ, напр., въ земскомъ источникѣ объ одесской хлѣбной торговлѣ, только три хлѣбныхъ кампаніи (въ томъ числѣ двухъ голодныхъ годовъ 1892 и 1899 г.г.) оказались хуже 1905 г. Въ октябрѣ, когда надъ Россіей разразилась первая всеобщая забастовка и повсемѣстные еврейскіе погромы, экспортъ изъ Одессы испыталъ еще большія затрудненія. Торговцы лишились возможности руководствоваться въ своихъ операціяхъ обычными соображеніями — условіями мірового снабженія хлѣбомъ, видами на урожай, высотой цѣнъ, состояніемъ подвоза и пр. Необходимо было занять выжидательное положеніе, которое, естественно, привело къ необычной сдержанности и вялости рынка. Въ первый моментъ желѣзнодорожная забастовка привела къ чрезвычайному повышенію цѣнъ въ Соед. Штатахъ и во всемъ международномъ рынкѣ. Хлѣбные продукты котировались по небывало высокимъ цѣнамъ: напр., арнаутка, которой средняя цѣна 85—90 к. доходила на одесскомъ рынкѣ до 1 р. 12 к. и т. д. Но такое небывалое повышеніе цѣнъ держалось не долго, такъ какъ масса грузовъ, назначенныхъ къ отправкѣ изъ Россіи за границу, находилась въ моментъ прекращенія желѣзнодорожной забастовки въ портахъ. Хлѣбные продукты немедленно по возобновленіи желѣзнодорожнаго движенія стали проявлять рѣзкую тенденцію къ пониженію; вскорѣ послѣ ж.-д. забастовки вспыхнули повсемѣстно безпорядки и еврейскіе погромы, подѣйствовавшіе

---

[1]) „Торг.-Пром. Газ.“ 1906 г. № 6. См. также ст. В. Шимановскаго, „Вѣстн. Фин.“ 1907 г. № 46.

вообще угнетающе на весь экспортъ въ Россіи, особенно въ южныхъ портахъ. Въ ноябрѣ присоединилась почтово-телеграфная забастовка, продолжавшаяся въ Одессѣ около мѣсяца и совершенно парализовавшая нормальныя сношенія какъ съ внутренними, такъ и съ международными рынками“ [1]). Особенно чувствительно задѣла интересы хлѣбной торговли почтово-телеграфная забастовка. „Отсутствіе свѣдѣній о состояніи внутреннихъ и заграничныхъ рынковъ, говоритъ по этому поводу отчетъ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ, заставляло хлѣботорговцевъ относиться крайне осторожно ко всякаго рода новымъ сдѣлкамъ и обязательствамъ; неопредѣленность положенія и неизвѣстность предстоящаго будущаго совершенно лишала возможности сдѣлокъ со срочными товарами, такъ какъ исполненію срочныхъ обязательствъ могли встрѣтиться и въ будущемъ непреодолимыя препятствія; наконецъ, даже выполненіе обязательствъ уже по прибывшимъ на рынокъ товарамъ или отправки новыхъ также оказывались невозможными вслѣдствіе того, что накладныя оставались лежать на почтѣ. Кромѣ того, тревожное настроеніе совершенно лишало хлѣботорговцевъ кредита, такъ какъ банки отказывали въ немъ; а такъ какъ вся наша экспортная торговля основана на кредитѣ и учетѣ въ банкахъ коносаментовъ, то положеніе массы хлѣботорговцевъ оказалось весьма критическимъ и грозило громадными убытками, не меньшими, чѣмъ желѣзнодорожная забастовка. Почтово-телеграфная забастовка нанесла тѣмъ большій ущербъ хлѣбной торговлѣ, что въ тотъ періодъ, когда она происходила, Россія обыкновенно является главнымъ международнымъ поставщикомъ зерна“ [2]). Въ общемъ, по заключенію комитета, „въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1905 г. хлѣбная торговля почти совершенно замерла. Тревога и пріостановка торговой жизни проникла даже въ самые отдаленные

[1]) Статистико-экономическій обзоръ херсонской губ. за 1905 г. Од. 1908., стр. 140.

[2]) Отчетъ комитета торговли и мануфактуръ за 1903—1905 г.г., стр. 201—202. Одесса и хлѣбная торговля не явились, конечно, въ этомъ отношеніи исключеніемъ, совершенно такимъ должно было быть вліяніе почтово-телеграфной забастовки повсюду. Вотъ что, напр., писали изъ Екатеринбурга: „забастовка почтъ и телеграфа застигла многихъ совершенно врасплохъ, а частные банки оказались безъ достаточныхъ оборотныхъ средствъ... и прекратили всякій кредитъ и учетъ самыхъ благонадежныхъ векселей, даже не взирая на очень высокій процентъ на короткій срокъ (8% на 4 мѣсяца). Кредитъ въ госуд. банкѣ доступенъ былъ для немногихъ. Между тѣмъ, заводчики и фабриканты не имѣли ни оборотныхъ средствъ, ни матеріаловъ, ни угля; готовые заказы не отсылались, деньги съ заказчиковъ получить было невозможно“. Въ началѣ декабря собралось частное совѣщаніе 90 крупнѣйшихъ заводчиковъ, которые рѣшили организовать союзъ уральскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ для „объединенія и противовѣса широко распространившейся пропагандѣ агитаторовъ и представителей крайнихъ партій“, а также организовать круговую поруку среди членовъ союза для полученія кредита „Торг.-Пром. Газ.“ 1906 г. № 1). Организація круговой поруки не удалась „въ виду полнаго отсутствія денегъ какъ у частныхъ лицъ, такъ и въ банкахъ“. О судьбѣ „противовѣса пропагандѣ“ намъ ничего неизвѣстно, но, нужно полагать, что въ этомъ отношеніи уральскимъ заводчикамъ удалось скорѣе заручиться поддержкой, чѣмъ въ кредитѣ.

районы. Отсутствіе почтово-телеграфныхъ сообщеній, затруднительность желѣзнодорожнаго транспорта, дороговизна денегъ и полное отсутствіе кредита, при крайней неопредѣленности видовъ на будущее—все это вызвало полный застой въ хлѣбной торговлѣ нашего города“ [1]). Вполнѣ естественнымъ результатомъ такого положенія явился крахъ многихъ торговыхъ фирмъ и сокращеніе числа торговыхъ предпріятій: такъ въ 1905 г. въ херсонской губерніи, по сравненію съ 1903 г., число торговыхъ предпріятій уменьшилось на 20,4%, сумма ихъ оборотовъ на 35,4% и сумма прибылей на 23,4% [2]).

Одинаково опустошительное дѣйствіе произвели событія конца 1905 г. и въ горнозаводской промышленности. „Октябрьская забастовка, говорится въ докладѣ комиссіи XXX съѣзду горнопромышленниковъ юга Россіи, вызвала столь глубокое разстройство въ жизни и работоспособности желѣзныхъ дорогъ, что еще въ ноябрѣ не все пришло въ порядокъ,—затѣмъ частичными забастовками на южныхъ и центральныхъ желѣзныхъ дорогахъ все, что къ тому времени было налажено, опять разстроилось. Заводскіе запасы сырыхъ матеріаловъ совершенно истощены. Подвозъ слабый или его совершенно нѣтъ, стачки заводскихъ рабочихъ вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ, отпускъ издѣлій очень слабый, поступленіе платежей почти совершенно прекратилось, кредитъ затрудненъ и дорогъ. Все это вмѣстѣ взятое заставило нѣкоторые южнорусскіе заводы сильно сократиться, или даже совершенно пріостановиться“ [3]). На южныхъ рынкахъ въ началѣ октября спросъ на чугунъ мелкими партіями былъ оживленный, но уже къ концу мѣсяца положеніе рынка стало неопредѣленнымъ, въ началѣ ноября снова появился спросъ на мелкія партіи, который въ серединѣ мѣсяца даже окрѣпъ, но къ концу ноября и въ декабрѣ рынокъ характеризуется полнымъ отсутствіемъ дѣлъ [4]). Каменноугольный рынокъ почти весь октябрь бездѣйствовалъ и лишь въ послѣднихъ числахъ возобновились переговоры о продажѣ значительной партіи угля и кокса; въ ноябрѣ дѣятельность рынка вновь почти прекратилась и до конца года онъ продолжалъ бездѣйствовать [5]). Вывозъ минеральнаго топлива изъ западной части Донецкаго бассейна составилъ за послѣдніе три мѣсяца 1905 г.

---

[1]) Отчетъ одесскаго комитета т. п. м., стр. 202. Отчетъ комитета, между прочимъ, сообщаетъ о слѣдующемъ характерномъ фактѣ. Въ комитетъ поступили ходатайства о признаніи создавшагося положенія стихійнымъ, освобождающимъ отъ исполненія обязательствъ. Хотя арбитражной комиссіей установленъ принципъ force majeure для періодовъ народныхъ волненій, но „принципъ этотъ, какъ извѣстно, не всегда признается заграничными арбитражами, настаивающими на томъ взглядѣ, что, въ виду частыхъ народныхъ волненій въ Россіи, принципъ force majeure не можетъ быть къ нимъ примѣненъ“ (ib., стр. 201).

[2]) Статистико-экономическій обзоръ херсонской губ. за 1905 г., стр. 143.

[3]) Труды XXX съѣзда горнопром. юга Россіи. Т. I. Харьковъ 1906.

[4]) Сборникъ статистич. свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи въ 1905 г., стр. LXXVIII.

[5]) Ibid., стр. LXXXIX.

100,5 м. п. противъ 134,1 м. п. 1904 г., т. е. уменьшился на 25%. Въ частности, недогрузка противъ предположеннаго назначенія изъ западной части бассейна достигла въ октябрѣ 35,4%, въ ноябрѣ 20%, изъ восточной части въ октябрѣ 50,5% и въ ноябрѣ 25%, [1]).

Угнетенное состояніе рынка вполнѣ соотвѣтствовало угнетенному состоянію производства. Число дѣйствовавшихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ (по всей Имперіи) понизилось въ октябрѣ 1905 г. противъ октября 1904 г. съ 208 до 203, въ ноябрѣ—съ 206 до 200 и въ декабрѣ съ 206 до 199; также сильно уменьшилось число дѣйствовавшихъ домнъ: въ октябрѣ—съ 153 до 150, въ ноябрѣ—съ 158 до 151 и въ декабрѣ съ 167 до 155 [2]). Если за исходную точку для сравненія взять сумму производства въ сентябрѣ 1905 г., то для послѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ уменьшеніе производства выразится въ слѣдующихъ данныхъ [3]):

	Уменьш. въ % по отношенію къ сентябрю.		
	Чугунъ.	Полупродуктъ.	Готовый продуктъ.
Октябрь	5	5	13,2
Ноябрь	9,2	16,2	20,2
Декабрь	22	36,2	40,5

Наибольшаго паденія производство достигло въ декабрѣ, въ октябрѣ же оно уменьшилось сравнительно мало. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что на общемъ характерѣ приведенныхъ данныхъ отразилось положеніе Урала, который работалъ весь конецъ года безъ сколько-нибудь существенныхъ колебаній. Если взять, исключая Уралъ, два другихъ крупныхъ района—южный и польскій,—то получимъ такую картину:

	Южный районъ.			Польскій районъ.		
	Уменьш. въ % по отн. къ сент.			Увел. (+) или уменьш. (—) въ % по отн. къ сент.		
	Чугунъ.	Полупрод.	Готов. прод.	Чугунъ.	Полупрод.	Готов. прод.
Октябрь	8,7	11,5	17,9	—6,6	—86,6	— 40
Ноябрь	7,6	2,5	8,9	+4,1	—86,9	— 31,9
Декабрь	39,5	50	56,7	— 5	—90	— 40

Эти данныя показываютъ, что въ двухъ наиболѣе крупныхъ районахъ производство сократилось сильнѣе, чѣмъ въ среднемъ по всей Россіи; въ декабрѣ на югѣ производство понизилось почти на половину, въ октябрѣ для готоваго продута и полупродукта также уменьшилось больше, чѣмъ по всей Россіи. Больше другихъ пострадалъ Польскій районъ, въ которомъ произ-

[1]) Каменноугольная промышленность Россіи въ 1905 г. Ц. І. Х. 1906.

[2]) Свод. статистич. данныхъ по желѣзнодорож. промышл. въ 1905 г. за соотвѣтствующіе мѣсяцы.

[3]) Ibid.

водство полупродукта пало до совершенно ничтожныхъ размѣровъ, а производство готоваго продукта сократилось почти на половину. Если производство декабря 1905 г. сравнить съ производствомъ декабря 1904, то окажется, что послѣдовало сокращеніе для южнаго района въ предѣлахъ отъ 31,6% (полупродуктъ) до 35,5% (готовый продуктъ) и для польскаго въ предѣлахъ отъ 20% (готов. продуктъ) до 57,1% (чугунъ). Сокращеніе производства и почти полное прекращеніе сбыта, естественно, подорвало финансовую силу предпріятій и должно было въ итогѣ уменьшить прибыльность ихъ и повысить убыточность. По даннымъ отчетовъ за $1904/_5$ и 1905 г., каменноугольныя предпріятія дали 5,3% убытка, желѣзорудныя также закончили ихъ съ убыткомъ въ 2,4%, каменноугольныя же предпріятія съ доменнымъ (но безъ желѣзоруднаго) дали убытка 28,4% на основной капиталъ [1]). По вычисленію г. Расинскаго, прибыльность каменноугольныхъ предпріятій по всѣмъ районамъ въ 1905/6 г. уменьшилась, по сравненію съ 1901/2 г., съ 11,8% до 4,4%, убыточность увеличилась съ 7,1% до 9,1%; въ частности, въ Донецкомъ районѣ прибыльность понизилась съ 3,2% до 0,3%, а убыточность повысилась съ 7,2% до 9% [2]).

Мы приводили выше данныя о сокращеніи желѣзнодорожнаго движенія и отмѣтили вліяніе на промышленность желѣзнодорожной забастовки. Дабавимъ здѣсь, что перевозка грузовъ (малой скорости) составила (въ т. п.):

	1904 г.	1905 г.
въ октябрѣ . . .	805,7	481,8
„ ноябрѣ	738,1	614,5
„ декабрѣ . . .	662,9	388,0

—или, иначе говоря, понизилась въ октябрѣ на 40,2%, въ ноябрѣ на 16,2% и въ декабрѣ на 41,4%. Помимо чрезвычайныхъ осложненій на товарномъ рынкѣ, такое уменьшеніе грузового движенія привело къ сокращенію оборотовъ внѣшней торговли и вообще къ значительной пертурбаціи въ сношеніяхъ русскаго рынка съ заграничными. Такъ:

	Вывозъ (въ т. р.) 1904	1905	Уменьш. 1905 противъ 1904 г. въ %	Ввозъ (въ т. р.) 1904	1905	Уменьш. (—) или увелич.(+) 1905 противъ 1904 г. въ %
Октябрь	107,8	97,2	9,8	51,9	49,8	— 4,0
Ноябрь	100,6	77,4	23,0	48,2	41,9	—13,0
Декабрь	91,2	67,9	25,5	46,2	49,4	+ 6,4

---

[1]) Горназов. Листокъ 1906 г. № 31.

[2]) Расинскій. Доходность русскихъ каменноугольныхъ акціонерныхъ предпріятій въ 1905/6 г., „Вѣстн. Фин.“, 1907 г., № 6.

Вывозъ пострадалъ сильнѣе, чѣмъ ввозъ, что и понятно: во-первыхъ, желѣзнодорожныя забастовки сократили подвозъ русскихъ грузовъ къ таможенной границѣ, между тѣмъ какъ подвозъ заграничныхъ грузовъ къ русской границѣ могъ совершаться почти безпрепятственно, а, во-вторыхъ, на сокращеніе вывоза должно было отразиться общее замѣшательство въ торговлѣ и промышленности; на ввозѣ послѣднее обстоятельство не отразилось такъ чувствительно, по крайней мѣрѣ—въ октябрѣ и ноябрѣ онъ палъ сравнительно слабо, а въ декабрѣ даже повысился. Очевидно, импортеры, принимая во вниманіе вызванныя революціей затрудненія въ торговлѣ, учитывали также возможность сбыта своихъ товаровъ въ виду сокращенія производства въ Россіи.

Приведенныя данныя, конечно, далеко не исчерпываютъ матеріала, которымъ можно было бы иллюстрировать силу промышленнаго кризиса конца 1905 г. Но основные моменты его выступаютъ съ совершенной отчетливостью. Внутренняя, какъ и внѣшняя торговля, сократились въ небывалой степени, товарное обращеніе оказалось разрушеннымъ въ самомъ корнѣ, производство почти пріостановилось. Паденіе биржевыхъ цѣнностей, кризисъ въ области кредита и денежнаго рынка должны были внести еще большія осложненія въ промышленную жизнь. Страна, въ экономическомъ отношеніи, представляла собою явленіе совершенно необычное: производительныя силы парализованы, весь народно-хозяйственный организмъ въ состояніи омертвѣнія. Благодаря желѣзнодорожной, а затѣмъ и почтово-телеграфной забастовкѣ, ряду вооруженныхъ возстаній, безпрерывной цѣпи карательныхъ экспедицій, дѣйствовавшихъ по всѣмъ правиламъ войны,—деревня оказалась отрѣзанной отъ города, торговые районы—отъ промышленныхъ, промышленные районы—другъ отъ друта. Вмѣсто единаго народно-хозяйственнаго цѣлаго образовался рядъ какъ бы самостоятельныхъ единицъ, вынужденныхъ налаживать свою жизнь независимо отъ интересовъ цѣлаго, а иногда и вопреки имъ [1]), отчего разрушительныя силы кризиса должны были давать себя чувствовать еще сильнѣе какъ цѣлому, такъ и отдѣльнымъ его частямъ... Всеобщая забастовка и повсемѣстныя волненія отразились неблагопріятно

---

[1]) Управляющій кіевской конторой государств. банка разсказываетъ, между прочимъ, такой фактъ: во время почтово-телеграфной забастовки „на мѣстномъ рынкѣ бумаги продавались и покупались по собственному курсу, устанавливаемому мѣстной конторой госуд. банка на каждый день на основаніи отношенія между спросомъ и предложеніемъ въ предыдущій день. И что же? Когда пришли сразу всѣ курсовыя депеши изъ Петербурга, то оказалось, что въ то время какъ въ Петербургѣ курсъ ренты былъ 74,, въ Кіевѣ она совершенно спокойно продавалась по 78 и даже 80 р.“ (Операціи госуд. банка въ 1904 и 1905 г. „Вѣстн. Фин.“ 1906 г. № 18). Конечно, Кіевъ составилъ только рѣдкое исключеніе. Въ видѣ общаго правила, разобщеніе торгово-промышленныхъ центровъ могло только усилить панику и повести къ стремительному паденію биржевыхъ цѣнностей.

на положеніи крестьянскихъ промысловъ. Кустари, въ виду сокращенія сбыта и пріостановки работъ на фабрикахъ, вынуждены были сократить свое производство [1]). Уменьшился и отходъ: большинство уходившихъ не находили заработка, а многіе совсѣмъ предпочитали сидѣть дома, опасаясь тревожнаго времени [2]). Всѣ эти обстоятельства, въ свою очередь, вліяли угнетающе на настроеніе рынка.

Естественно, что ударъ, нанесенный промышленности, былъ слишкомъ грозенъ для того, чтобы послѣдствія его не сказались и въ 1906 году, если бы даже въ этомъ послѣднемъ и не было на лицо условій, способныхъ сами по себѣ создать промышленную депрессію. Но такія условія въ 1906 г. были. Революціонное движеніе, хотя и значительно ослабѣвшее, продолжалось и временами, до начала осени, сказывалось довольно интенсивно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, первое декабрьское пораженіе революціи дало возможность силамъ, ей враждебнымъ, выступить на борьбу съ большей энергіей; начало года отмѣчено введеніемъ почти повсемѣстно военнаго положеніе и чрезвычайныхъ охранъ, истребительнымъ дѣйствіемъ карательныхъ отрядовъ, организаціей черносотенныхъ бандъ, оказавшихся впослѣдствіи полными хозяевами многихъ городовъ и весей россійскихъ. Эта мобилизація реакціонныхъ силъ, проявившая всецѣло свое вліяніе на промышленность позже, ко времени окончательнаго торжества „успокоенія“, уже и теперь дезорганизовала промышленную жизнь, отдавая цѣлыя области подъ власть военной диктатуры. Измѣнилась и обстановка, въ которой протекало рабочее движеніе. Оно все еще остается весьма значительнымъ: въ первую половину 1906 г. въ политическихъ забастовкахъ принимаютъ участіе около 450 тыс. рабочихъ, въ экономическихъ — около 300 тыс. Особенно массовой характеръ носила первомайская забастовка, охватившая почти всѣ большіе и малые промышленные города; въ лѣтніе мѣсяцы политическое движеніе широко охватило Донецкій горнозаводскій районъ. Въ общемъ, однако, замѣчается паденіе политической энергіи рабочаго класса; первая годовщина январьскихъ дней 1905 г. вызываетъ однодневную забастовку только въ Петербургѣ и на окраинахъ; политическія стачки, за исключеніемъ немногихъ случаевъ,

---

[1]) „Забастовки, если и улучшили положеніе трудящихся, то это замѣчается лишь на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ, на положеніи мелкой кустарной промышленности онѣ отразились неблагопріятно: кустари по большей части не работали лишь въ силу обстоятельствъ и потому отъ забастовки ничего не выиграли. На неблагопріятное вліяніе забастовокъ жалуются 34 корреспондента, 15 говорятъ о прогулахъ“. (Статистич. ежегодникъ московск. губ. за 1906 г. Промыслы въ 1905—1906 г.).

[2]) „Боимся идти, говорили крестьяне, времена нынѣ, вишь, какія, вездѣ разнаго рода безпорядки. Посидимъ лучше дома“ (Петровск. у. Сборникъ статист. свѣдѣній по саратовской губ.) „Отходъ въ Баку въ виду безпорядковъ уменьшился“ (Вольск. у.) и т. д.

собираютъ все меньше рабочихъ и протекаютъ все болѣе кратко; если еще продолжается ихъ удручающее вліяніе на промышленность, то это, какъ мы уже отмѣчали, вліяніе отраженное, какъ рецидивъ паники имущихъ классовъ предъ октябрьской всеобщей забастовкой. Постепенно страшныя воспоминанія сглаживаются, упадокъ энергіи рабочихъ становится несомнѣннымъ и вліяніе политическихъ забастовокъ почти анулируется.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ совершенно иныхъ условіяхъ начинаетъ протекать и экономическая борьба рабочихъ. Мы видѣли выше, что въ 1905 году борьба эта, въ подавляющемъ большинствѣ, заканчивалась сравнительно быстрой побѣдой рабочихъ, а экономическія требованія, въ массѣ своей умѣренныя, тѣмъ быстрѣе удовлетворялись предпринимателями, что скорѣе отставали отъ положенія промышленности, чѣмъ его опережали. Событія конца года измѣнили общій характеръ экономической борьбы рабочихъ. Красный призракъ, если не революціи, то возможности осуществленія революціоннымъ путемъ требованій рабочихъ побуждаетъ предпринимателей выступить съ активнымъ сопротивленіемъ рабочему движенію, на что́ они осмѣливаются тѣмъ легче, что могутъ дѣйствовать подъ прикрытіемъ наступающей реакціи. Каждая стачка рабочихъ разсматривается не только, какъ обычная борьба рабочихъ за улучшеніе экономическаго положенія, но какъ признакъ возобновляющейся революціи. Отказъ въ удовлетвореніи требованій не прикрывается ссылкой на затруднительное положеніе промышленности, а открыто объявляется какъ актъ, вызванный необходимостью укротить рабочихъ и убить въ нихъ всякую активность. Экономическая борьба принимаетъ самыя ожесточенныя формы классовой борьбы, какихъ почти не зналъ 1905 годъ. Если въ 1905 году закрытіе фабрикъ, исключительно въ виду забастовокъ, наблюдалось сравнительно рѣдко, то теперь предприниматели прибѣгаютъ къ нему съ большой готовностью; если въ 1905 году о локаутахъ ничего не было слышно, то въ 1906 году предприниматели обращаются и къ этому суровому орудію борьбы съ рабочими: уже съ лѣта въ разныхъ мѣстахъ отмѣчается рядъ локаутовъ (типографскіе въ Москвѣ и Кіевѣ, портныхъ въ Москвѣ и т. д.) [1]), закончившіеся въ концѣ года грандіознымъ локаутомъ въ Лодзи. Экономическая борьба рабочихъ становится чрезвычайно трудной; число забастовокъ, оканчивающихся въ пользу рабочихъ, падаетъ: въ 1905 г., напр., рабочими проиграно стачекъ, въ которыхъ въ качествѣ главной причины выставлялась заработная плата, 19%, въ 1906 г. — 24,8%, въ частности, при требованіи увеличенія платы въ 1905 г. рабочіе проиграли 18,6%, въ 1906 г.— 23,7%. Репрессіи со стороны предпринимателей, попытки ихъ возвратиться

[1]) Подробности см. у Д. Кольцова, II т. „Обществ. движенія“, стр. 296 и сл.

къ до-революціоннымъ фабричнымъ порядкамъ, неудачный исходъ стачекъ приводятъ нѣкоторую часть рабочихъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ, которыя, въ свою очередь, даютъ поводъ предпринимателямъ усилить репрессіи. Въ такомъ, крайне напряженномъ, состояніи протекаетъ фабричная жизнь, пока не разразится локаутомъ, общимъ или частичнымъ разсчетомъ или закрытіемъ фабрики. При тяжеломъ наслѣдіи, полученномъ отъ 1905 г., всѣ эти условія могли только усилить промышленную депрессію.

На протяженіи почти всего 1906 г. рынокъ, за немногими исключеніями, остается вялымъ. Горнозаводскихъ продуктовъ, благодаря забастовкамъ конца 1905 г., на рынкахъ мало, цѣны, вслѣдствіе этого, естественно повышаются, но это не приводитъ къ оживленію ни производства, ни торговли. Особенно тяжелое время выпало на долю Царства Польскаго. Спросъ на продукты желѣзной промышленности падаетъ до крайности. Вслѣдствіе полной пріостановки строительныхъ сооруженій спросъ на балки понизился на 80% противъ обычной нормы [1]). Уменьшеніе казенныхъ заказовъ и значительное сокращеніе экспорта въ имперію желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, достигавшихъ ранѣе 60% годового производства, и, какъ слѣдствіе—сокращеніе работъ на машиностроительныхъ и металлическихъ заводахъ—оказали подавляющее вліяніе на польскій желѣзный рынокъ. Спросъ на всѣ сорта желѣза сильно сократился, въ особенности на сортовое высшихъ размѣровъ. Со стороны складчиковъ совершенно прекратились требованія желѣза на склады для пополненія запасовъ, а выписывалось только такое количество, которое требовалось у нихъ фабриками. Цѣны сильно пали уже въ мартѣ, при чемъ заводы дѣлали скидку до 50%, а въ дальнѣйшемъ основныя цѣны вообще перестали служить руководствомъ при заключеніи сдѣлокъ и уступили мѣсто предѣльной расцѣнкѣ, зависящей всецѣло отъ количества пудовъ и понижающейся въ зависимости отъ величины покупаемой партіи желѣза. Столь необычайное разстройство торговли заставило нѣкоторые заводы перейти на производство тонкосортнаго желѣза, но и эта попытка спасти положеніе закончилась неудачей, какъ и попытка экспортировать желѣзо въ Силезію и Австрію. Въ другихъ районахъ кризисъ не носилъ столь опустошительнаго характера, но все же протекалъ при тяжелыхъ условіяхъ. Цѣны на чугунъ, какъ и на сортовое желѣзо, держались до осени твердо, но все-же на рынкѣ не замѣчалось оживленія и спросъ въ сколько-нибудь удовлетворительномъ масштабѣ отсутствовалъ. Лѣтомъ совѣту съѣздовъ горнопромышленниковъ юга Россіи пришлось констатировать полный застой въ промышленности. „Уже въ настоящее время, писалъ совѣтъ директору горнаго департамента, многіе заводы работаютъ неполное число дней въ недѣлю вслѣдствіе отсутствія за-

[1]) По „Сборнику статистич. свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи въ 1906 г.“ и по Отчету горнаго департамента за 1906 и 1907 г.

казовъ преимущественно на крупносортный товаръ. Особенныя затрудненія испытываетъ производство балокъ вслѣдствіе сокращенія строительной дѣятельности, а также производство рельсовъ вслѣдствіе прекращенія желѣзнодорожнаго строительства. Предвидится въ скоромъ времени сокращеніе сортоваго желѣза вслѣдствіе упадка спроса на него. Уже теперь на многихъ заводахъ работа идетъ на складъ и заводы несутъ при этомъ значительныя финансовыя жертвы, обусловленныя дороговизной денегъ, стѣсненіемъ кредита и полнымъ отсутствіемъ видовъ на будущее“ [1]). И, дѣйствительно, соотношеніе между запасами и производствомъ подтверждаетъ наличность серьезныхъ затрудненій въ горнозаводской промышленности. Запасы чугуна съ февраля по май уменьшаются (съ 45,3 м. п. до 40,8 м. п., т. е. почти на 10%), съ мая по конецъ года увеличиваются (съ 40,8 до 49,7 м. п., т. е. почти на 18%), превысивъ въ концѣ года запасы не только конца 1904 г., но и 1905 г. Между тѣмъ, выплавка чугуна, нѣсколько оживившись въ весенніе мѣсяцы, заканчивается превышеніемъ выплавки второго полугодія надъ выплавкой перваго полугодія, т. е. уменьшеніе запасовъ въ первое полугодіе не привело, какъ это было бы въ нормальное время, къ увеличенію выплавки, а увеличеніе запасовъ во вторую половину года не остановило заводы отъ работы надъ пополненіемъ и безъ того возрастающихъ запасовъ. Запасы полупродукта до сентября стоятъ на одномъ уровнѣ, а затѣмъ немного увеличиваются, но и производство также повышается въ концѣ года, оставаясь до того на одномъ уровнѣ, т. е. и здѣсь нѣкоторое увеличеніе производства не вызвано увеличеніемъ спроса. Если мы обратимся, въ частности, къ южному району, то и тамъ увидимъ, что вывозъ полупродукта и готоваго продукта, вообще болѣе слабый, чѣмъ въ 1905 г., падаетъ во вторую половину 1906 г.—и однако производство продолжаетъ оставаться приблизительно на такомъ же уровнѣ, какъ въ первомъ полугодіи. Такія колебанія въ производствѣ и несогласованіе его съ наличностью запасовъ всецѣло отражало отсутствіе на рынкѣ спроса.

Совѣтъ съѣздовъ горнопромышленниковъ юга Россіи уменьшеніе вывоза полупродукта и готоваго продукта ставитъ въ прямую связь какъ съ „уменьшеніемъ заказовъ на рельсы и принадлежности для желѣзныхъ дорогъ вслѣдствіе прекратившагося желѣзнодорожнаго строительства“, такъ и съ „сокращеніемъ дѣятельности машиностроительныхъ и механическихъ заводовъ и общимъ значительнымъ ослабленіемъ народнаго спроса“ [2]). И, въ самомъ дѣлѣ, число дѣйствовавшихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ въ 1906 г., по сравненію съ 1905 г., испытало существенное сокращеніе: въ декабрѣ 1905 г. насчитывалось дѣйствовавшихъ заводовъ 199, домнъ 155, въ началѣ 1906 г.

[1]) „Горнозав. Листокъ“, 1906 г. № 28.

[2]) Докладъ совѣта экстренному съѣзду въ маѣ 1907 г.

число ихъ увеличивается (въ мартѣ, напр., дѣйствовало заводовъ 204, домнъ 160), но затѣмъ, все понижаясь, оно опускается въ августѣ до 182 для заводовъ и 112 для домнъ, послѣ августа число дѣйствовавшихъ заводовъ и домнъ немного повышается, но и въ декабрѣ остается меньшимъ, чѣмъ въ декабрѣ 1905 г.; точно также и число рабочихъ съ 263,4 т. чел. въ январѣ опускается до 236,6 т. въ іюнѣ и затѣмъ до конца года остается на уровнѣ болѣе низкомъ (240 – 248 т.), чѣмъ въ началѣ года [1]). По даннымъ фабричной инспекціи, „наибольшее вліяніе неблагопріятныхъ условій отразилось на механическихъ заводахъ, значительно сократившихъ число рабочихъ“ [2]). Такое сокращеніе отмѣчено на Брянскомъ заводѣ (орловск. губ.), на Тульскомъ патронномъ заводѣ, на Сормовскомъ и т. д.; въ харьковскомъ округѣ „наличный составъ рабочихъ далеко не былъ использованъ въ надлежащей нормѣ вслѣдствіе того, что нѣкоторыя промышленныя заведенія, во избѣжаніе сокращенія штата рабочихъ, производили работу при уменьшенной нормѣ рабочаго времени въ продолженіе дня или въ продолженіе недѣли (три, четыре дня въ недѣлю)“.

Надежнымъ показателемъ кризиса горнозаводской промышленности можетъ также служить совершенно исключительное увеличеніе въ 1906 г. вывоза горнозаводскихъ продуктовъ за границу. Такъ, вывезено было (въ тыс. пуд.):

	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.
Желѣзной руды . .	18.988	16.590	13.561	28.765
Чугуна	22	50	59	1.274
Желѣза	530	356	412	1.443
Стали	18	29	454	534

Вывозъ всѣхъ продуктовъ 1906 г. возросъ по сравненію съ 1905 г. чрезвычайно: руды болѣе, чѣмъ въ два раза, чугуна болѣе, чѣмъ въ 20 разъ, желѣза болѣе, чѣмъ въ 3 раза, и стали на 15% больше. Достаточно простого сопоставленія этихъ данныхъ, чтобы убѣдиться, что столь внезапное увеличеніе вывоза явилось результатомъ какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствъ. Послѣднія станутъ вполнѣ понятными, если вспомнить, что въ 1906 г. всемірный желѣзный рынокъ находился въ блестящемъ состояніи: германскій стальной синдикатъ, въ виду большихъ заказовъ, отказался отъ дешевой продажи продукта на вывозъ, приблизительно въ такомъ же положеніи находился американскій стальной трестъ и заводы Англіи, Бельгіи и Франціи [3]). Цѣны на міровомъ рынкѣ росли, спросъ на продуктъ не ослабѣвалъ. Неудивительно, если наши горнопромышленники воспользовались

---

1) По „Своду статист. данныхъ по желѣзодѣлат. промышленности“ за соотвѣтствующіе мѣсяцы.

2) Сводъ отчетовъ фабр. инспекторовъ за 1906 г., стр. III.

3) Мукосѣевъ, цит. статья.

столь благопріятными условіями, чтобы сплавить за границу хотя бы часть продуктовъ, не находящихъ сбыта на внутреннемъ рынкѣ. При сколько-нибудь сносномъ состояніи внутренняго рынка они ни когда не пытались овладѣть даже доступными внѣшними рынками и только платонически мечтали о завоеваніи рынковъ Ближняго Востока, и лишь въ годы кризиса естественно старались усиленно сбыть продуктъ за границу: вывозъ чугуна за границу въ 1902 г., т. е. въ годъ кризиса, превысилъ даже (3.348 т. п.) вывозъ 1906 г., а въ слѣдующемъ, сравнительно благополучномъ, 1907 г. сразу палъ до 22 т. п. Такой именно характеръ носилъ и вывозъ 1906 г., на что, помимо прочаго, указываетъ какъ пониженіе русскими заводами цѣнъ на заграничные заказы [1]), такъ и исходатайствованіе ими дешеваго вывознаго тарифа. При нормальномъ тяготѣніи къ внѣшнему рынку не было, конечно, нужды понижать цѣны и хлопотать объ удешевленномъ провозѣ.

Нефтяная промышленность въ 1906 г. еще далеко не оправилась отъ августовскаго погрома 1905 г. Несмотря на то, что въ ходъ пущены всѣ скважины, способныя давать нефть (въ декабрѣ число дѣйствовавшихъ скважинъ достигло 1.642—цифры, какая не наблюдалась за все время существованія бакинской промышленности), общая добыча 1906 г. (447,8 м. п.) превысила добычу 1905 г. всего на 87 м. п. и осталась далеко позади добычи 1904 г. (611,6 м. п.). Отчасти добыча нефти понизилась подъ вліяніемъ забастовокъ, которыя въ Баку, какъ и всюду, носили болѣе острый характеръ. Лѣтомъ начались частичныя забастовки, которыя вскорѣ одновременно охватили значительную часть промысловъ. Забастовки были вызваны отступленіемъ предпринимателей отъ декабрьскаго договора 1904 г. [2]), продолжались мѣстами свыше двухъ мѣсяцевъ [3]) и закончились только частичнымъ удовлетвореніемъ требованій рабочихъ. Однако на положеніе нефтяной промышленности въ 1906 г., по преимуществу, вліялъ августовскій погромъ, отъ котораго оправиться было вообще не легко, въ особенности же при крайне напряженной политической атмосферѣ. Въ результатѣ вывозъ нефти на рынокъ палъ значительно ниже 1905 г. (329,0 вмѣсто 376,0 въ 1905 г.), а цѣны на нефть поднялись еще выше.

Недостатокъ на рынкѣ нефти и сильное ея вздорожаніе отразились благопріятно на положеніи каменно-угольной промышленности, сдѣлавъ для нея

---

1) По сообщенію „Петерб. Экономиста“, „наши заводы, когда у нихъ были затребованы цѣны на вагоны для итальянскихъ дорогъ, дали такую раскладку, предъ которой не могутъ устоять ни рейнскіе, ни силезскіе заводы“.

2) Даже отчетъ Горнаго департамента вынужденъ признать, „что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и промышленники своимъ отношеніемъ къ декабрьскому договору 1904 г. способствовали развитію неудольствій среди рабочихъ и этимъ вызывали забастовки“ (Отчетъ за 1906 и 1907 г., стр. 437).

3) Забастовка продолжалась у Нобеля 71 день, у Касп. Черноморск. Общ. 62 дня, у Олеумъ 60 дней и т. д.

общій кризисъ менѣе чувствительнымъ. Всѣ потребители жидкаго минеральнаго топлива, и въ особенности желѣзныя дороги, должны были по необходимости перейти на твердое топливо, благодаря чему спросъ на него значительно увеличился. Такъ, потребленіе угля (Донецк. р.) главнѣйшими категоріями потребителей въ 1906 г. по сравненію съ 1905 г. представляется въ такомъ видѣ (въ мил. п.):

	1906 г.	1905 г.
а) Желѣзныя дороги	246	163
въ томъ числѣ взамѣнъ нефти .	41	7
б) Металлургическ. заводы	144,7	141,7
въ томъ числѣ взамѣнъ нефти .	3	0,9
в) Прочіе потребители	257,5	210,1
въ томъ числѣ взамѣнъ нефти .	17	3,1
г) Сахарные заводы	54,8	39
Всего	703	553
въ томъ числѣ взамѣнъ нефти .	61	11

Такимъ образомъ, какъ въ итогѣ, такъ и для отдѣльныхъ потребителей увеличеніе потребленія вызвано почти исключительно переходомъ съ нефти на уголь. Если бы бакинская промышленность могла поставить нужное количество нефти, потребленіе угля, за исключеніемъ сахарныхъ заводовъ, осталось бы на уровнѣ 1905 г.,—иначе говоря, повышенный сбытъ угля былъ вызванъ исключительными обстоятельствами и нисколько не противорѣчилъ общему застою промышленности. Поэтому и общее увеличеніе добычи въ 1906 г. не можетъ быть разсматриваемо, какъ результатъ оживленія каменноугольной промышленности. Въ 1906 г. добыто въ Донецкомъ бассейнѣ 908,6 м. п. противъ 795,9 м. п. 1905 г., т. е. съ увеличеніемъ почти на 113 м. п., но если отсюда исключить потребленіе угля взамѣнъ нефти, то увеличеніе добычи падетъ больше, чѣмъ на половину. Кромѣ того, имѣются и другіе признаки того, что, несмотря на кажущееся оживленіе, положеніе каменноугольной промышленности было далеко не благопріятнымъ. Расходъ угля на коксованіе понизился съ 133,3 м. п. въ 1905 г. до 118,5 м. п. въ 1906 г., въ связи съ чѣмъ и производство кокса упало съ 103 м. п. до 94,2 м. п. Запасы, несмотря на возможность замѣна нефти углемъ, къ концу года понижаются всего на 10 м. п. (съ 63,9 м. п. до 53 м. п.), оставаясь въ такомъ же положеніи, въ какомъ они были въ концѣ 1905 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно увеличивается вывозъ минеральнаго топлива за границу (въ 1906 г. 5.709 т. п. противъ 3.252 т. п. 1905 г.—увеличеніе на 75,6%), который, нося такой же характеръ, какъ вывозъ прочихъ горнозаводскихъ продуктовъ, указываетъ только на необходимость вывести на иностранный рынокъ продуктъ, не находящій сбыта на

внутреннемъ рынкѣ. Въ итогѣ можно признать, что общаго кризиса въ 1906 г. не избѣжала и каменноугольная промышленность, при чемъ острота его только смягчалась кризисомъ нефтяной промышленности.

Въ этой картинѣ общаго кризиса особое мѣсто занимаетъ мануфактурная промышленность. Въ началѣ года мануфактурный рынокъ проходилъ въ настроеніи вяломъ. Январьскій пріѣздъ купцовъ въ Москву былъ на 20% меньше противъ пріѣзда 1904 г., горячки въ закупкахъ не замѣчалось; въ виду недостатка товара цѣны стояли крѣпкія, что вызвало прибавку цѣнъ какъ на морозовскій, такъ и на ивановскій товаръ, при чемъ съ лѣта 1905 г. ивановскіе ситцы повысились на $2^1/_4$ к. и морозовскій на 2 к. [1]). Въ Бѣлостокѣ отсутствіе спроса, въ связи съ дороговизной кредита, заставили фабрикантовъ поставить вопросъ, не выгоднѣе ли пріостановить производство на мѣсяцъ-два, а то и на полгода; работы идутъ не полную недѣлю, по 4—3 дня изъ шести [2]). Въ такомъ же угнетенномъ состояніи остается бѣлостокскій рынокъ и въ февралѣ: „если бы не нѣсколько крупныхъ сдѣлокъ, рынокъ находился бы въ состояніи полнаго затишья“ [3]); фабриканты встревожены слухами о весеннихъ забастовкахъ рабочихъ съ цѣлью новаго повышенія платы, при чемъ тревоги эти настолько велики, что фабриканты, во избѣжаніе забастовокъ въ разгаръ сезона, пускаются на надувательство: просятъ крупныхъ покупателей пріѣхать попозже, дабы интенсивной работой накопить побольше товара [4]). Въ Москвѣ февральскій пріѣздъ покупателей хуже двухъ предыдущихъ лѣтъ; отчетъ Цинделя виды на будущее ставитъ въ зависимость „отъ внутренняго политическаго положенія въ странѣ“ [5]). Но уже начало весенняго сезона вноситъ въ мануфактурную торговлю небывалое оживленіе. Въ мартѣ на бѣлостокскомъ рынкѣ „сильное оживленіе; удовлетворить всѣ требованія фабриканты, за отсутствіемъ на складахъ готоваго товара, не въ состояніи“ [6]); въ Лодзи „фабрики завалены заказами, покупатели охотно соглашаются на повышеніе цѣнъ; предусмотрительность фабрикантовъ не спасла ихъ отъ забастовокъ: въ мартѣ рабочіе выставили рядъ экономическихъ требованій—въ результатѣ закрытіе фабрикъ Познанскаго и Шейблера съ 15 т. рабочихъ. Въ Москвѣ майская торговля носитъ лихорадочный характеръ: къ іюню склады очистились, какъ никогда раньше; на ситецъ снова послѣдовала прибавка 1 к., такъ что цѣна его къ 1 іюня повысилась до 14 к.—„такихъ цѣнъ московскій рынокъ не помнитъ современи турец-

---

1) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г. № 6.
2) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 22.
3) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 44.
4) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 35.
5) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 55.
6) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 62.

кой войны“ [1]). Въ Лодзи въ іюлѣ „недостатокъ товара небывалый; въ то время, какъ обыкновенно крупнѣйшія фабрики располагали въ отдѣльности по милліону кусковъ, а среднія не менѣе 300 т. штукъ, теперь во всей Лодзи не будетъ 500 штукъ товара“ [2]); цѣны повысились на 10%. Къ осени, какъ увидимъ ниже, дѣла становятся хуже, настроеніе рынка сильно понижается. Но въ теченіе весны и всего лѣта рынокъ проходитъ при чрезвычайно напряженномъ состояніи. Усиленный спросъ и систематическій подъемъ цѣнъ вызвали усиленіе производства и даже возникновеніе ряда новыхъ промышленныхъ предпріятій. Такъ, въ владимірской губерніи въ 1906 г. открылось 6 паровыхъ бумаготкацкихъ фабрикъ съ 1.005 ткацкими станками и 3 льноткацкія фабрики съ 148 механическими станками; при этомъ характерно, что основатели новыхъ фабрикъ раньше большей частью занимались раздачею пряжи для ручного ткачества кустарямъ, а теперь, закрывъ свои раздаточныя конторы, перешли на механическое ткачество [3]). На шуйскихъ фабрикахъ въ теченіе года поставлено 200 новыхъ механическихъ станковъ. На ситцепечатныхъ и красильныхъ фабрикахъ усиленіе производства достигалось какъ постановкою новыхъ машинъ, такъ и переходомъ съ денной на суточную работу и вообще усиленіемъ комплекта рабочихъ [4]). Не меньшее оживленіе наблюдалось въ текстильной промышленности московской губерніи; и здѣсь ставились новыя машины, расширялись фабричныя помѣщенія, увеличилось число рабочихъ [5]).

Чѣмъ было вызвано это оживленіе мануфактурной промышленности, вступавшей какъ будто въ полосу подъема въ то время, какъ въ другихъ отрасляхъ промышленности царилъ кризисъ? Несомнѣнно, здѣсь, прежде всего, продолжало сказываться прекращеніе войны. Мы видѣли уже, что лѣтомъ 1905 г. мануфактурная промышленность проявила признаки значительнаго оживленія. Это благотворное вліяніе прекращенія войны было прервано позднѣйшими событіями, когда вся вообще жизнь была выбита изъ колеи, а промышленная жизнь временами и совсѣмъ замирала. Когда же спала наиболѣе бурная волна революціи и жизнь стала хотя бы относительно возвращаться къ нормѣ, вліяніе прекращенія войны должно было возобновиться. Пробѣлы, образовавшіеся въ народномъ потребленіи, могли теперь восполниться; въ теченіе первой половины 1906 г. продолжалась демобилизація арміи, крестьянское хозяйство получило обратно рабочія силы, которыхъ оно лишилось на время войны; нарушенное въ крестьянскомъ хозяйствѣ равновѣсіе по-

1) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 127.

2) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 160.

3) Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1906 годъ, стр. 10.

4) Значительно увеличили число станковъ ткацкія фабрики Шуи, Кохмы, Иванова, Кинешмы и пр. Въ Ивановѣ большинство ситцевыхъ фабрикъ увеличили число печатныхъ машинъ („Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г. № 217).

5) Сводъ отчетовъ фабр. инспекторовъ за 1906 г., стр. V.

немногу возстанавливалось, въ результатѣ чего крестьянскій потребительный рынокъ могъ только укрѣпиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ на оживленіе мануфактурнаго рынка должно было оказать вліяніе наступившее въ странѣ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ обостренной борьбы, относительное спокойствіе. Въ разгаръ революціи торговля прекратилась, склады не пополнялись, въ торговыхъ оборотахъ образовалась угрожающая брешь. Поэтому, какъ только представилась возможность, торговцы стали энергично пополнять склады въ разсчетѣ на усиленный сбытъ и въ надеждѣ интенсивной торговлей вознаградить себя за понесенные убытки. Но, помимо того, имѣются основанія предположить, что въ оживленіи рынка начало проявляться положительное вліяніе революціи на промышленность. Въ процессѣ политической борьбы широкія народныя массы боролись и за улучшеніе своего экономическаго положенія; параллельно политической борьбѣ, а часто и въ сторонѣ отъ нея, шла борьба за повышеніе уровня жизни, за лучшее матеріальное существованіе. Несомнѣнно, что эта экономическая борьба на первыхъ порахъ дала благопріятные результаты. Мы видѣли, что заработная плата фабричныхъ рабочихъ повысилась въ среднемъ на 19%, повысилась плата и прочихъ категорій рабочихъ, какъ и торговыхъ служащихъ, портовыхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и другихъ группъ трудящихся, принимавшихъ участіе въ экономической борьбѣ. Аграрное движеніе, въ свою очередь, привело къ тому, что въ однихъ мѣстахъ повысилась плата сельскихъ рабочихъ, въ другихъ — понизилась арендная плата, въ третьихъ—уменьшились земельныя цѣны [1]). Все это не могло не улучшить до нѣкоторой степени экономическаго положенія нѣкоторыхъ слоевъ населенія и не усилить, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ покупательной способности. Съ этой точки зрѣнія характерно особенное оживленіе тѣхъ именно отраслей мануфактурной промышленности, которыя изготовляютъ продукты массоваго потребленія. Мы отмѣчали уже энергичное повышеніе цѣнъ на ситецъ, выдѣляющееся тоже среди общаго повышенія цѣнъ мануфактурныхъ товаровъ: къ іюню ситецъ поднялся до цѣны, какой не зналъ московскій рынокъ со времени турецкой войны. Усиленіе производства также замѣтно болѣе значительное во владимірской губерніи и, въ частности, въ иваново-вознесенскомъ районѣ, работающемъ, по преимуществу, на народный рынокъ. Характеръ

1) Анкета вольно-экономическаго общества показываетъ, что, напр., въ югозападномъ краѣ плата сельскихъ рабочихъ мѣстами повысилась на 40—50% (Труды общества, № 4—5 1908 г., стр. 39), для малороссійскихъ губерній измѣненіе платы констатируется „въ благопріятную сторону по всѣмъ тремъ губерніямъ“ (ib., стр. 294). Въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ арендная плата понизилась въ среднемъ на 35%, а земельная цѣна на 16% (Труды, № 3, 1908 г., стр. 53); понизилась арендная цѣна и въ средне-волжскихъ губерніяхъ (ib., стр. 103). Вообще, „въ районахъ преобладанія мелкой продовольственной аренды, гдѣ крестьянство боролось за землю, произошло пониженіе арендной платы и усилилось предложеніе помѣщичьихъ земель крестьянскому банку“. (Петръ Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. Т. II, стр. 445).

оживленія въ иваново-вознесенскомъ районѣ показываетъ, что оно шло исключительно въ счетъ усиленія ситцебумажнаго производства. Такъ, на ситцепечатныхъ фабрикахъ Иваново-Вознесенска число рабочихъ въ 1906 г., по сравненію съ 1904 г., увеличилось, въ среднемъ, на 18,6%, въ то время какъ на ткацкихъ фабрикахъ число рабочихъ уменьшилось на 0,7%; количество произведеннаго продукта на ситцепечатныхъ фабрикахъ увеличилось на 6,5%, а на ткацкихъ понизилось на 6,01%; точно также и улучшеніе технической стороны производства послѣдовало только на ситцепечатныхъ и ситценабивныхъ фабрикахъ, на ткацкихъ же и прядильныхъ фабрикахъ техника производства не улучшилась или даже понизилась [1]). Очевидно, небывалый подъемъ цѣнъ на ситецъ и усиленіе ситцебумажнаго производства могло явиться результатомъ возросшаго народнаго потребленія, какъ и это послѣднее должно было покоиться на увеличеніи покупательной способности населенія.

Оживленіе мануфактурной промышленности продолжалось не долго, потому что непрочнымъ оказалось и вліяніе тѣхъ силъ, которыя его вызвали. Экономическія завоеванія рабочихъ и крестьянъ скоро обнаружили полную свою эфемерность. Сильное вздорожаніе всѣхъ продуктовъ привело, въ концѣ концовъ, къ тому, что реальная плата понизилась; мы видѣли, напр., что реальная заработная плата рабочихъ по металлу въ 1906 г., по сравненію съ 1904 г., уменьшилась на 5,1%, для сельскихъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ районахъ реальная заработная плата понизилась на 25% [2]). Уже одно это обстоятельство должно было быстро возвратить покупательную способность къ прежнему низкому уровню. Кромѣ того, положеніе рабочихъ вообще шло на ухудшеніе. Кризисъ промышленности понижалъ заработки: фабрики работали не полнымъ ходомъ и не всѣ дни недѣли, временныя закрытія предпріятій, разсчетъ рабочихъ и локауты увеличивали армію безработныхъ. Работы на помѣщичьихъ поляхъ подъ охраной ингушей и казаковъ едва-ли помогли сельскимъ рабочимъ удержать за собою долго повышенную плату. Уменьшеніе арендной платы и земельныхъ цѣнъ, вообще благопріятное для болѣе состоятельной части крестьянства, было парализовано дѣятельностью крестьянскаго банка, а въ послѣдующемъ и землеустроительной политикой правительства: „ставки на сильныхъ“ отбрасывали слабыхъ къ старому разбитому корыту. Въ довершеніе неурожай, поразившій въ 1906 г. рядъ губерній, снова подѣйствовалъ разрушающе на крестьянское хозяйство и ставилъ на очередь вопросъ не объ оживленіи внутренняго рынка, а о прокормленіи милліоновъ россійскихъ гражданъ. Все это не замедлило сказаться на ману-

---

[1]) В. Корде. Отраженіе 1905 г. на состояніи ситцебумажнаго пропзводства Иваново-Вознесенска. „Вѣстн. Фин.“ 1909, № 52.

[2]) Масловъ. Аграрный вопросъ. Т. II, стр. 450.

фактурной промышленности и сдѣлать ея оживленіе скоропреходящимъ. Въ сентябрѣ и октябрѣ проѣздъ покупателей въ Москву былъ на 50% ниже нормы, а общій оборотъ торговли ниже средняго уровня за три мѣсяца предъидущихъ лѣтъ; тормозили торговлю „переживаемый нѣкоторыми губерніями неурожай и общее невыясненное внутреннее положеніе“ страны [1]). Въ Бѣлостокѣ въ это время также наступило затишье: заказовъ мало, съѣздъ покупателей ослабѣлъ, торговля вообще вялая; „застой объясняютъ угнетеннымъ состояніемъ суконно-мануфактурныхъ рынковъ въ Москвѣ, Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ, которые сократили спросъ до минимума, между тѣмъ какъ въ предшествовавшіе годы, къ наступленію зимняго сезона, вывозъ товаровъ въ упомянутые пункты выражался относительно въ 23—31% болѣе“ [2]). Въ такомъ положеніи рынокъ оставался до конца года, когда въ Москвѣ снова началось оживленіе, но уже по инымъ причинамъ, чѣмъ раньше.

Положеніе мануфактурной промышленности въ 1906 г., какъ сказано, было только исключеніемъ. Всѣ остальныя отрасли промышленности, какъ и торговли, переживали тяжкій кризисъ. Нижегородская ярмарка этого года получила въ торговыхъ кругахъ кличку „безтолковой“—дотого непостояннымъ и колеблющимся оставалось ея настроеніе. Отчеты „Вѣстн. Финанс.“, пытающіеся пріукрасить конечные результаты ярмарки, вынуждены, однако, признать, что „къ 25 іюля, когда уже выясняется болѣе или менѣе опредѣленно физіономія ярмарки, она оставалась столь же невыясненной, какъ и въ началѣ“. Въ общемъ ярмарка протекала какъ подъ вліяніемъ кризиса, такъ и подъ опасеніемъ новаго взрыва экономическихъ и въ особенности политическихъ забастовокъ. „Всѣ разсчеты, читаемъ въ „Вѣстн. Фин.“, путались вслѣдствіе неизвѣстности: будутъ ли фабрики и заводы работать нормальнымъ ходомъ, слѣдуетъ ли ожидать дальнѣйшаго подъема цѣнъ, и безъ того сильно взвинченныхъ, благодаря недостатку товаровъ, или же произойдетъ обратное движеніе цѣнъ; возникали сомнѣнія относительно своевременной и безпрепятственной доставки товаровъ, не говоря уже объ опасеніяхъ болѣе тревожнаго характера, черпаемыхъ изъ обильнаго источника самыхъ преувеличенныхъ, порою совершенно вздорныхъ, слуховъ, циркулировавшихъ въ обществѣ вслѣдъ за роспускомъ Госуд. Думы“ [1]). Благодаря этому, ярмарка носила все время нервный характеръ. Начавшійся съѣздъ покупателей внезапно оборвался, наступило затишье, которое къ концу ярмарки смѣнилось новымъ притокомъ покупателей. Дѣла закончились съ успѣхомъ, какъ и слѣдовало ожидать, только въ торговлѣ мануфактурой; цѣны держались все время высокія: по сравненію съ предыдущей ярмаркой, ситецъ шелъ на 20—25% дороже, лодзинскій

[1]) „Торг.-Пром. Газ.“ 1906 г. № 253.
[2]) „Торг.-Пром. Газ.“ 1906 г. № 258.
[3]) «Вѣстн. Фин.» 1906 г. № 44.

товаръ на 20%, московскія сукна на 20—25% дороже. Остальныхъ товаровъ на ярмарку было привезено мало, и только поэтому цѣны стояли высокія, взвинченныя какъ синдикатами, такъ и, въ особенности, скупщиками и складчиками. Въ денежныхъ разсчетахъ замѣчалась крайняя осторожность, сроки кредита сокращались до возможнаго минимума, счетъ векселей во всѣхъ банкахъ къ концу ярмарки достигъ только 24.700.000 р., оказавшись почти на 3 м. р. меньше даже 1905 г. (26.400.000 р.), при чемъ въ учетѣ преобладаютъ мелкіе векселя и замѣтно сократился учетъ крупныхъ суммъ въ однѣ руки. Словомъ, при всей своей нервности, ярмарки протекали въ угнетенной атмосферѣ, при полной неувѣренности въ прочности и цѣлесообразности заключаемыхъ сдѣлокъ.

Нижегородская ярмарка отразила на себѣ положеніе всей торговли въ странѣ. Общіе торговые обороты въ 1906 г. должны были быть ниже оборотовъ 1905 г. Послѣдствія бурныхъ событія конца 1905 г., продолжавшееся революціонное движеніе, постоянный страхъ передъ новыми забастовками, неувѣренность въ спокойствіи завтрашняго дня, усилившіяся административныя репрессіи—все это могло только понизить темпъ торговли и съузить размѣры торговыхъ оборотовъ [1]); сумма основныхъ капиталовъ акціонерныхъ торговыхъ предпріятій остались въ 1906 г. почти безъ движенія (по сравненію съ 1905 г. увеличилось всего на 1,1%), а число выданныхъ промысловыхъ свидѣтельствъ на право торговли понизилось на 1,6% [2]). Особенно сильно должны были тормозить торговлю неимовѣрно поднявшіяся товарныя цѣны. Мы будемъ имѣть еще случай коснуться вопроса, связаннаго съ характеромъ и причинами подъема товарныхъ цѣнъ, здѣсь же упомянемъ, что въ 1906 г. цѣны сдѣлали рѣзкій скачекъ кверху: если уровень цѣнъ на всѣ товары въ среднемъ за періодъ 1890—1899 г.г. при-

---

[1]) Изъ Одессы, напр., въ концѣ іюня писали „Торг.-Пром. Газ." (1906 г., № 141): „торговля въ Одессѣ и вообще на югѣ Россіи ухудшается. Изъ-за границы поступленіе товаровъ сокращается довольно замѣтно въ виду значительнаго сокращенія кредита русскихъ фирмъ. Мѣстный банковый кредитъ также стѣсненъ. Товаръ отпускается по преимуществу съ задаткомъ и подъ наложенный платежъ: мѣстная желѣзнодорожная касса уплачиваетъ теперь по наложеннымъ платежамъ $1^1/_2$ м. р. ежемѣсячно, тогда какъ въ прошломъ году уплата не превышала 700—800 т. р." Изъ Одессы „за первые 7 мѣсяцевъ было вывезено за границу всего 37 м. п. хлѣба, т. е. даже меньше, чѣмъ въ тотъ же періодъ за предыдущій годъ; въ новую хлѣбную кампанію вступили при полномъ истощеніи хлѣбныхъ запасовъ и при возникновеніи продолжительной забастовки рабочихъ и судовыхъ командъ, сильно тормазившихъ правильное движеніе экспорта" (Стат. Экономическій обзоръ херсонской губ. за 1906 г., стр. 82). Отчетъ управленія петербургскаго торговаго порта за 1906 г. также утверждалъ, что дѣятельность порта „значительно сократилась почти по всѣмъ своимъ отпускнымъ статьямъ, за исключеніемъ лишь лѣсного экспорта, который нѣсколько увеличился; результатомъ такой дѣятельности порта явилось то обстоятельство, что общая сумма сборовъ въ 1906 г. понизилась съ 1.015.228 р. въ 1905 г. до 936.945 р., т. е. въ отчетномъ году недовыручено 78.343 р." «Вѣстн. Фин.» 1907, № 31).

[2]) По даннымъ „Ежегодника Министерства Финансовъ".

нять за сто, то цѣны окажутся возросшими въ 1904 г. до 110,4, въ 1905 г. до 115,1 и въ 1906 г. до 124,2, то же самое въ 1905 г. онѣ увеличились на 4,7, а въ 1906 г. на 9,1. Если такое повышеніе цѣнъ не находитъ себѣ оправданія въ увеличеніи „издержекъ производства", то еще въ меньшей степени оно могло разсчитывать на укрѣпленіе покупательной силы населенія. Въ условіяхъ матеріальнаго существованія широкихъ слоевъ народа никакихъ существенныхъ измѣненій къ лучшему не произошло, а то, что къ лучшему измѣнилось, удержалось слишкомъ не долго для того, чтобы выдержать давленіе высокихъ товарныхъ цѣнъ. Поэтому уже въ 1906 г. сказывается задерживающее вліяніе возросшихъ цѣнъ на сбытъ товаровъ, а въ послѣдующемъ это вліяніе принимаетъ еще болѣе острый характеръ. Правда, подъемъ цѣнъ далъ возможность крупному торговому капиталу пожать хорошую жатву,— выдачи дивидента повысились почти для всѣхъ группъ акціонерныхъ торговыхъ предпріятій (группа торговли волокн. издѣліями съ 12,08% на основной капиталъ въ 1905 г. до 13,9% въ 1906 г., группа колоніальной торговли съ 7,8% до 9,6%, торговли металлич. издѣліями съ 6% до 9,2% и т. д.), но интересы крупнаго торговаго капитала не покрываютъ еще собою интересовъ всей вообще торговли. Мелкіе и средніе торговцы должны были сильнѣе испытать противодѣйствіе потребительнаго рынка несоотвѣтственно возросшимъ товарнымъ цѣнамъ. По крайней мѣрѣ, положеніе коммерческаго кредита вполнѣ отражало кризисное состояніе торговли: учетъ векселей въ 1906 г. сильно опустился, переучетъ сократился, протестъ значительно возросъ [1]).

Въ частности, внѣшняя торговля проявила въ 1906 г. значительную пассивность какъ въ вывозѣ, такъ и въ привозѣ. Общія данныя, по внѣшней торговлѣ (по границамъ Европейской и Кавказско-Черноморской) представляются въ такомъ видѣ (въ милл. р.):

	Вывозъ			Ввозъ.		
	1904	1905	1906	1904	1905	1906
Жизненные припасы .	615,4	685,0	597,4	92,8	98,2	104,5
Сырье, полуфабрикаты.	301,1	292,2	343,5	330,8	307,1	337,4
Животныя	16,1	15,7	27,3	1,6	1,1	0,9
Издѣлія	23,2	24,9	31,1	156,6	158,4	117,1
Всего . .	955,8	1017,8	999,8	581,8	559,4	619,9

Наиболѣе характернымъ для положенія внѣшней торговли въ 1906 г. является пониженіе вывоза и сильное повышеніе привоза. Все десятилѣтіе 1896—1905 гг. отмѣчено увеличеніемъ вывоза при почти полной неподвиж-

[1]) Мукосѣевъ, цит. статья.

ности ввоза, при чемъ, въ частности, напр., за пятилѣтіе 1901—1905 гг. вывозъ увеличился на 33%, а ввозъ повысился только на 1%; въ 1906 г., наблюдается, наоборотъ, увеличеніе ввоза на 9,6% противъ 1905 г. и даже на 6,7% противъ 1904 г. Такое нарушеніе обычнаго соотношенія между ввозомъ и вывозомъ уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о разстройствѣ народнаго хозяйства. Приведенная таблица подтверждаетъ, однако, и въ деталяхъ пассивность внѣшней торговли и отраженіе его кризиса въ промышленности. Паденіе вывоза объясняется сильнымъ уменьшеніемъ вывоза жизненныхъ припасовъ, т. е. хлѣба; такое уменьшеніе и не удивительно, такъ какъ въ 1906 г. пораженъ былъ неурожаемъ рядъ губерній, а возросшія цѣны на хлѣбъ уничтожали возможность конкурренціи на міровомъ рынкѣ для русскаго хлѣба. Такъ какъ наша вывозная торговля основана на хлѣбномъ экспортѣ, то паденіе послѣдняго не могло быть искуплено даже усиленнымъ вывозомъ всѣхъ остальныхъ товаровъ; если же принять во вниманіе, что усиленіе вывоза сырья, полуфабрикатовъ и издѣлій произошло, главнымъ образомъ, за счетъ повышеннаго вывоза горнозаводскихъ продуктовъ, который, какъ мы видѣли, вызванъ былъ кризисомъ въ промышленности, то вывозную торговлю 1906 г. придется признать сугубо неблагопріятной. Что касается ввоза, то здѣсь нужно отмѣтить, прежде всего, увеличеніе привоза жизненныхъ припасовъ — явленіе вполнѣ понятное при неурожаѣ и дороговизнѣ хлѣба. Увеличился также привозъ сырья и полуфабрикатовъ, но это увеличеніе было вызвано, главнымъ образомъ, недостаткомъ минеральнаго топлива и ввозомъ иностраннаго угля взамѣнъ нефти (въ 1906 г. было привезено свыше 235 т. пудовъ угля противъ 23,0 т. п. 1905 г. и 123,0 т. п. 1904 г.); усиленнаго привоза сырья, годнаго для фабричной переработки, наоборотъ, не наблюдалось, и привозъ, въ частности, хлопка даже понизился (до 8,8 т. п. противъ 9,3 т. п. въ 1905 г.). Можно было, наконецъ, ожидать, что въ виду упавшей производительности русскихъ фабрикъ и высокихъ товарныхъ цѣнъ оживится привозъ заграничныхъ издѣлій. Однако, привозъ ихъ значительно понизился, въ чемъ нельзя не видѣть яркаго показателя крайне вялаго настроенія внутренней торговли. Такимъ образомъ какъ вывозъ, такъ и ввозъ носятъ одинаково пассивный характеръ,—первый, поскольку онъ вообще понизился, второй—поскольку онъ отражалъ на себѣ промышленный кризисъ и нѣсколько пополнялъ пробѣлы, образованные кризисомъ въ народномъ хозяйствѣ.

Мы обозрѣли, въ существенныхъ чертахъ, фактическое положеніе промышленности и торговли въ 1905—1906 гг. Подведемъ теперь нѣкоторые итоги, пользуясь отчасти матеріаломъ, включеннымъ въ приведенную выше діаграмму № 1.

Общіе итоги, относящіеся къ горнозаводской и текстильной промышленности, приведены въ таблицѣ I [1]).

Если данныя 1903 г., какъ года болѣе нормальнаго, принять за 100, то колебанія производительности горнозаводской и текстильной промышленности представятся въ такомъ видѣ:

	Доб. угля.	Выпл. чуг.	Производство.		Потр. хлопка.
			Полупр.	Гот. прод.	
1903 . .	100	100	100	100	100
1904 . .	110	120	113	122	90
1905 . .	119	111	103	107	77
1906 . .	124	109	101	105	90
1907 . .	145	115	110	110	—

Производство въ горнозаводской промышленности во все четырехлѣтіе 1904—1907 гг. остается на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ въ 1903 г. Однако, если исключить каменноугольную промышленность, ростъ производства въ которой вызывался чрезвычайными обстоятельствами, то въ остальныхъ отрасляхъ горнозаводской промышленности, послѣ максимальнаго увеличенія производства въ 1904 г., вызваннаго потребностями войны, въ остальные годы ростъ производства сокращается, при чемъ наибольшее сокращеніе падаетъ на 1906 годъ. Въ текстильной промышленности, наоборотъ, производство съ 1903 г. понижается, достигая минимума въ 1905 г. и повышаясь въ 1906 г. только до уровня 1904 г. Если мы обратимся къ движенію основныхъ капиталовъ акціонерныхъ предпріятій въ горнозаводской и текстильной промышленности, то и въ немъ найдемъ приблизительно такія же погодныя колебанія:

	Группа акціонерныхъ предпріятій		
	Горнопромышл.	Металлич.	Волокнист.
1903. . .	100	100	100
1904. . .	87	90,8	102
1905. . .	109,7	99,7	102
1906. . .	109,2	97,5	103
1907. . .	110,8	102,5	115

Въ горнопромышленной, какъ и въ металлической группѣ увеличеніе основныхъ капиталовъ, начавшееся въ 1905 году, пріостановилось въ 1906 году. Въ волокнистой группѣ значительное увеличеніе основныхъ капиталовъ наблюдается только въ 1907 г.,—въ 1906 г., несмотря на оживленіе въ

[1]) См. въ приложеніи.

мануфактурной торговлѣ, основные капиталы остаются почти на томъ же уровнѣ, что и въ 1905 г. Такимъ образомъ, какъ эти, такъ и вышеприведенныя данныя показываютъ, что изъ двухъ лѣтъ—1905 и 1906 г. наиболѣе неблагопріятнымъ для промышленности былъ 1906 г.

Изъ остальныхъ отраслей промышленности наибольшій интересъ представляютъ для насъ керамическая и лѣсная группы, поставляющія строительные матеріалы, а также группы по благоустройству городовъ (домостроительныя предпріятія, водоснабженіе, трамваи, освѣщеніе и пр.) и химическая (производство красокъ, лаковъ, асфальта и пр.), изъ которыхъ первая въ большей, а вторая въ меньшей степени связаны съ строительной дѣятельностью.

Движеніе основныхъ капиталовъ въ этихъ группахъ (см. таблицу II), если принять данныя 1903 г. за 100, представится въ такомъ видѣ:

	Группы предпріятій:			
	Керамич.	Лѣсная	Благоустр. город.	Химич.
1903 . .	100	100	100	100
1904 . .	102,8	116,2	114,0	109,8
1905 . .	96,3	106,9	106,8	110,7
1906 . .	78,0	116,7	106,4	106,9
1907 . .	77,4	120,1	108,6	107,8

И въ этихъ группахъ наблюдается, въ общемъ, пониженіе основныхъ капиталовъ въ 1906 г. по сравненію съ 1905 г. Исключеніе составляетъ лѣсная группа, давшая въ 1906 г. повышеніе капиталовъ, но это послѣднее должно быть поставлено въ связь съ усиленнымъ вывозомъ лѣсныхъ матеріаловъ за границу [1]). Особенно стремительно сократились основные капиталы керамической группы, строительной по преимуществу, при чемъ 1906 г. отмѣченъ исключительно рѣзкимъ уменьшеніемъ суммы основныхъ капиталовъ. Сокращеніе строительной дѣятельности—надежный показатель общаго промышленнаго угнетенія,—можетъ быть, такимъ образомъ, для 1906 г. установлено въ большей степени, чѣмъ для 1905 г.

Для общей характеристики положенія промышленности въ 1905—1906 г. могутъ служить также данныя таблицы III о числѣ выданныхъ промысловыхъ свидѣтельствъ для промышленныхъ предпріятій. Если данныя 1903 г. принять за 100, то для послѣдующихъ годовъ колебанія будутъ

---

[1]) Въ 1905 г. въ Германію, напр., было вывезено сырого лѣса 78,5 милл. п., обработаннаго 41,2 м. п.; въ 1906 г.: перваго—111,7 м. п., второго—49,1 м. п. Вообще за послѣдніе годы замѣчается усиленный вывозъ строительнаго лѣса за границу, хотя и раньше онъ составлялъ одинъ изъ главныхъ предметовъ вывозной торговли (см. ст. „Міровая торговля лѣсомъ“ въ „Обзорахъ главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли“, изд. ред. „Вѣстн. Фин.“ Спб. 1910).

такія: 1904 г.—121,1; 1905 г.—77,2; 1906 г.—79,1 и 1907 г.—80,8. Наибольшее пониженіе даетъ 1905 г. Однако, если разбить предпріятія на группы соотвѣтственно величинѣ, то картина существенно измѣнится:

	Группы предпріятій:			
	I—II	III—IV	V—VI	VII—VIII
1903	100	100	100	100
1904	93,3	99,4	94,0	91,5
1905	95,0	95,1	86,4	73,4
1906	94,5	90,5	83,7	77,2
1907	97,5	93,8	85,6	78,7

Различныя группы, какъ и слѣдовало ожидать, реагировали на промышленную депрессію неодинаково. Чѣмъ меньше по оборотамъ своимъ предпріятія, тѣмъ большій уронъ понесли они во время революціи: въ то время, какъ колебанія перваго ряда происходятъ въ предѣлахъ отъ 94,5 до 97,5, а второго—въ предѣлахъ отъ 90,5 до 99,4, третій рядъ колеблется уже въ предѣлахъ 83,7—86,4, а четвертый—даже въ предѣлахъ 73,4—78,7. Больше всего, такимъ образомъ, число выданныхъ свидѣтельствъ сократилось для самыхъ мелкихъ предпріятій, менѣе чувствительно—для болѣе крупныхъ предпріятій. При этомъ, въ 1906 г. увеличеніе наблюдается только для VII и VIII группъ, въ остальныхъ же группахъ этотъ годъ, наоборотъ, отмѣченъ наиболѣе значительнымъ уменьшеніемъ числа выданныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, и эти данныя свидѣтельствуютъ о большемъ паденіи промышленности въ 1906 г., чѣмъ въ 1905 г. Значеніе увеличеннаго въ 1906 г. числа выданныхъ свидѣтельствъ для мелкихъ предпріятій парализуется какъ относительно скромными размѣрами увеличенія, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что мелкія предпріятія вообще пострадали во много разъ сильнѣе, чѣмъ предпріятія прочихъ категорій.

Переходя къ общему положенію торговли, мы, прежде всего, убѣждаемся, что крупный торговый капиталъ перенесъ промышленныя потрясенія сравнительно очень легко. Основные капиталы акціонерныхъ торговыхъ предпріятій въ періодъ 1903—1907 г. (см. таблицу II) изъ года въ годъ повышаются, при чемъ въ 1906 г. замедляется только темпъ увеличенія. Очевидно, такому удачному исходу, какъ и упомянутому выше повышенію дивиденда, содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, подъемъ товарныхъ цѣнъ, который больше всего могъ быть использованъ только крупными торговыми предпріятіями. Но мы оговорили уже выше, что интересы крупнаго торговаго капитала не покрываютъ собою интересовъ всей вообще торговли, и потому по успѣхамъ его нельзя еще судить о положеніи торговли вообще. Данныя о числѣ выданныхъ торговыхъ промысловыхъ свидѣтельствъ вполнѣ подтверждаютъ, что,

несмотря на преуспѣяніе крупнаго торговаго капитала, торговыя предпріятія въ массѣ своей находились въ 1905—1906 г. въ крайне угнетенномъ состояніи. Принимая и здѣсь данныя 1903 г. за 100, получимъ, прежде всего, такую таблицу:

	Свидѣт. для торговыхъ предпріятій.	Купеческія свидѣтельства.
1903	100	100
1904	102,3	98,5
1905	100,1	95,3
1906	98,5	86,4
1907	103,9	81,8

Число выданныхъ свидѣтельствъ, понизившись въ 1905 г., особенно уменьшилось въ 1906 г. какъ для торговыхъ предпріятій, такъ и для гильдейскихъ свидѣтельствъ. Замѣшательство, произведенное революціей въ положеніи торговли, выяснится еще болѣе рельефно, если приведенныя общія данныя разбить по группамъ торговыхъ предпріятій и характеру выданныхъ свидѣтельствъ:

	Торговыя предпріятія Разряды				Приказч. свидѣт. класса		Ярмарочн. свидѣт.
	I.	II.	III—IV.	V.	I.	II.	
1903 . .	100	100	100	100	100	100	100
1904 . .	99,8	98,6	103,2	94	102,1	90,8	90,0
1905 . .	97,6	95,6	101,4	81	99,7	101,2	85,0
1906 . .	88,8	92,7	100,2	72	99,1	100,9	75,8
1907 . .	90,3	95,2	110,4	71	—	—	81,8

Всѣ безъ исключенія группы, обозначенныя въ этой таблицѣ, даютъ наибольшее пониженіе въ 1906 г. Относительно незначительныя колебанія наблюдаются въ III и IV группѣ, т. е. группѣ мелкихъ торговыхъ предпріятій. Это и понятно: какія бы внутреннія осложненія ни переживала страна, самыя неотложныя потребности населенія должны быть удовлетворены; поэтому мелочная торговля, какъ наиболѣе приближенная къ населенію и поставляющая предметы необходимаго потребленія, меньше пострадала, чѣмъ прочія торговыя предпріятія,—все же и мелкая торговля въ 1906 г. понизилась. Наиболѣе сократилось число свидѣтельствъ по V разряду (на развозный и разносный торгъ): бурныя событія 1905—1906 г., конечно, должны были затруднить разносную и развозную торговлю. Характерно также сильное уменьшеніе числа выданныхъ ярмарочныхъ свидѣтельствъ. При постепенномъ упадкѣ въ Россіи ярмарочной торговли, ярмарка все еще остается крупнымъ торговымъ факторомъ, а во многихъ мѣстностяхъ сколько-нибудь оживленная

торговля только и замѣчается, что во время ярмарокъ. Сокращеніе ярмарочнаго торга наиболѣе убѣдительно говоритъ, поэтому, объ упадкѣ торговли въ 1905 и, въ особенности, въ 1906 г.

Такимъ образомъ, приведенныя данныя устанавливаютъ наибольшую депрессію для 1906 г. Такой же выводъ, по существу, былъ нами сдѣланъ на основаніи разсмотрѣнной выше діаграммы № 1; если тамъ нѣкоторые показатели обнаружили въ 1906 г., по сравненію съ 1905 г., повышеніе, то это объясняется исключительными обстоятельствами, отмѣченными нами въ своемъ мѣстѣ и нисколько не ослабившими общей картины торгово-промышленнаго угнетенія. Выдѣленіе, въ смыслѣ наибольшей депрессіи 1906 г., бросаетъ достаточно опредѣленный свѣтъ на основныя причины, породившія депрессію въ интересующую насъ эпоху. Казалось бы, 1905 годъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы тяжелый жребій промышленнаго разстройства палъ именно на него. Продолжавшаяся на протяженіи шести мѣсяцевъ война, безпрерывныя экономическія забастовки рабочихъ, политическое возбужденіе, бурно прорывавшееся наружу, наконецъ, всеобщая забастовка и вооруженныя возстанія конца года—все это должно было создать чрезвычайное замѣшательство въ промышленности. И мы видѣли, какъ изъ приведенныхъ только-что данныхъ, такъ и на діаграммѣ № 1, рѣзкое пониженіе въ 1905 г. показателей по всѣмъ признакамъ. Однако, еще болѣе рѣзкое пониженіе показателей наблюдается въ 1906 г., хотя этотъ послѣдній годъ и не зналъ такого богатаго совпаденія неблагопріятныхъ факторовъ. Несомнѣнно, въ этомъ разнообразіи факторовъ, какъ и въ особенномъ характерѣ ихъ, слѣдуетъ искать причину меньшей депрессіи 1905 г. по сравненію съ депрессіей 1906 г. Вліяніе войны оставалось, конечно, въ 1905 г. достаточно сильнымъ, но въ общихъ итогахъ года оно въ замѣтной степени парализовалось тѣмъ оживленіемъ, какое наступило въ промышленности и торговлѣ послѣ окончанія войны; правда, оживленію этому не суждено было продолжаться долго, но все же оно было временемъ нѣкотораго просвѣтлѣнія на общемъ фонѣ непрекращавшейся промышленной депрессіи. Политическія событія 1905 г. также, несомнѣнно, вызывали осложненія въ промышленной жизни, но и здѣсь вліяніе ихъ отчасти парализовалось самымъ характеромъ политической борьбы. Мы уже отмѣчали, что́ наиболѣе рѣзкимъ проявленіемъ классовой борьбы отмѣченъ 1906 г., а не 1905 г. Классовой антагонизмъ въ политическомъ движеніи 1905 г. умѣрялся выступленіемъ на борьбу разнообразныхъ слоевъ населенія, что въ извѣстномъ смыслѣ придавало политической борьбѣ общенаціональный характеръ. Каждый новый натискъ боровшихся силъ встрѣчалъ широкое сочувствіе, приближая паденіе стараго режима и наступленіе новой свободной жизни. Поэтому самыя бурныя событія не порождали паники не только въ такъ называемомъ обществѣ, но и въ

промышленно-торговыхъ кругахъ, и проходили для промышленности менѣе болѣзненно, чѣмъ если бы они сопровождались хотя бы пассивнымъ противодѣйствіемъ большинства или его паническимъ страхомъ. Все это не относится, понятно, къ концу 1905 г., когда революціонная волна достигла максимальной точки подъема и когда въ соотношеніи силъ произошелъ коренной переломъ. Но, очевидно, и эти три послѣднихъ мѣсяца года, при всѣхъ своихъ тяжелыхъ для промышленности условіяхъ, не могли сдѣлать 1905 г., въ общихъ его итогахъ, менѣе благопріятнымъ, чѣмъ 1906 годъ. А это означаетъ, что событія первыхъ трехъ четвертей года не всегда и не сплошь неизбѣжно приводили къ депрессіи и что порожденная ими депрессія была, во всякомъ случаѣ, болѣе слабой, чѣмъ 1906 г.

Иныя условія складываются съ конца 1905 г. Если первая всеобщая забастовка еще протекаетъ до нѣкоторой степени подъ знакомъ общенаціональнаго движенія, то третья забастовка и вооруженныя возстанія рѣзко измѣняютъ общую картину революціи. Ярко обнаруживается враждебное отношеніе къ новымъ формамъ движенія промышленной буржуазіи и вообще имущихъ классовъ; на полѣ битвы остается одинъ рабочій классъ. Равнымъ образомъ, экономическая борьба рабочихъ принимаетъ формы ожесточенной классовой борьбы, суровой и мстительной со стороны предпринимателей. Революціонное двженіе теряетъ яркость въ смыслѣ внѣшнихъ эффектовъ, но концентрируется въ области, особенно чувствительной для промышленности,— въ области борьбы предпринимателей и рабочихъ. Общее чрезвычайно напряженное политическое настроеніе тѣмъ легче отражается въ это время на промышленности, что она еще продолжаетъ испытывать на себѣ чрезвычайную депрессію конца 1905 г., отъ которой такъ скоро оправиться не легко было. Съ другой стороны, падаетъ надежда на возможность близкаго обновленія политической жизни, а разгонъ первой Думы окончательно разбиваетъ въ этомъ отношеніи всѣ иллюзіи, вызывая тревожное настроеніе въ торгово-промышленныхъ кругахъ, какъ это мы видѣли, между прочимъ, на примѣрѣ нижегородской ярмарки. Межъ двухъ огней—продолжавшимся, хотя и утихавшимъ, революціоннымъ движеніемъ рабочаго класса и все сильнѣе надвигавшейся контръ-революціей — протекала, такимъ образомъ, въ 1906 году промышленная жизнь, испытывая на себѣ все неблагопріятное вліяніе какъ перваго, такъ и второй. Если бы эту зависимость промышленной депрессіи отъ политическихъ событій мы начертали на діаграммѣ, то въ концѣ 1905 г. получили бы максимальную точку паденія производительныхъ силъ, отъ которой поднимались бы двѣ кривыя—одна въ 1905 г., другая въ 1906 г., при чемъ послѣдняя оставалась бы на уровнѣ болѣе низкомъ, чѣмъ кривая первыхъ трехъ четвертей 1905 г. Наиболѣе ярко вліяніе революціи на промышленность сказалось въ концѣ 1905 г., непосредственнымъ продол-

женіемъ ея, хотя и не столь яркимъ, остается депрессія 1906 г. Разсмотрѣнная нами выше діаграмма № 2 показала, что періодъ наибольшей депрессіи падаетъ на послѣднюю четверть 1905 г. и первую половину 1906 г., т. е. на время, когда только-что нами отмѣченныя соціально-политическія условія проявлялись всего рѣзче.

Эта связь россійской революціи съ промышленной депрессіей не составляетъ, конечно, исключительнаго явленія въ міровой исторіи. Процессъ насильственнаго измѣненія политическихъ формъ не можетъ не сопровождаться болѣе или менѣе серьезными осложненіями въ экономическомъ строѣ страны. Такъ было во время великой французской революціи, революцій 1848 года и при другихъ менѣе значительныхъ политическихъ сотрясеніяхъ [1]). Такъ было, какъ видимъ, и въ годъ россійской революціи, при чемъ наиболѣе ярко вліяніе революціонныхъ событій сказалось въ послѣдніе три мѣсяца 1905 г. и въ первую половину 1906 г. Но дальше этого аналогія между нашей революціей и революціями конца XVIII г. и середины XIX вѣка не идетъ, потому что ближайшій характеръ промышленной депрессіи долженъ былъ опредѣлиться въ зависимости отъ состоянія производительныхъ силъ каждой страны во время революціи. Если въ концѣ XVIII в. преобладало еще ремесленное производство со слабымъ товарообмѣномъ, а въ серединѣ XIX в. лолько укрѣплялся промышленный капитализмъ, то въ Россіи начала XX в. промышленный капитализмъ и развитой товарообмѣнъ составляютъ преобладающую форму организаціи промышленности. Отсюда—существенное различіе вліянія революціи на промышленность современной Россіи и европейскихъ государствъ прошлыхъ вѣковъ. Капиталистическая организація, связывающая промышленный строй въ одно цѣлое, объединяющая всѣ промышленные и торговые районы сложной сѣтью взаимнопереплетающихся интересовъ, должна испытывать вліяніе революціи съ большей чувствительностью, чѣмъ, напр., ремесленная организація или первоначальныя формы капиталистической организаціи, когда хозяйство остается въ значительной степени натурально-изолированнымъ, простымъ и несложнымъ по своему строенію. Въ первомъ случаѣ ударъ, нанесенный въ одномъ мѣстѣ, быстро отдается на всемъ промышленномъ организмѣ, и каждой группѣ производства или каждому про-

---

[1]) Относительно, напр., французской революціи г. Тарле, на основаніи разнородныхъ свидѣтельствъ, устанавливаетъ, что „сильный ударъ былъ испытанъ промышленностью и торговлей въ первые мѣсяцы революціи“ (см. „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи“. Историческіе очерки. Ч. I. Спб. 1909, стр. 120). Относительно революціи 1848 г. во Франціи Жоржъ Ренаръ приходитъ къ такому выводу: „въ 1847 г. экономическій кризисъ увеличился еще благодаря политическому кризису и еще болѣе благодаря соціальной борьбѣ, которая составляла сущность революціи и вовлекла въ борьбу другъ съ другомъ двѣ большія категоріи производителей, нанимателей и нанимаемыхъ“ (Ж. Ренаръ. Республика 1848 года. Спб. 1907, стр. 392).

мышленному району приходится испытывать сотрясеніе, не только непосредственно ему причиненное, но и причиненное другимъ группамъ и районамъ; во второмъ случаѣ ударъ локализуется въ одномъ мѣстѣ и слабо передается или совсѣмъ не передается въ другія мѣста. Если это такъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что промышленная депрессія, вызванная россійской революціей, должна была оказаться сильнѣе, чѣмъ депрессія Франціи конца XVIII в. или Германіи и Франціи середины прошлаго вѣка. Но съ другой стороны, тотъ-же характеръ промышленнаго капитализма позволяетъ ему скорѣе оправиться отъ удара и быстрѣе возвратиться къ болѣе или менѣе нормальному порядку. Невозможность длительнаго простоя машинъ, необходимость безпрерыано выбрасывать на рынокъ все новые товары, усовершенствованная техника торговаго оборота, дающая возможность быстро возстановить нарушенныя связи,—все это не только облегчаетъ промышленному капитализму возвращеніе къ нормальному порядку, но и дѣлаетъ для него неизбѣжной интенсивную работу надъ восполненіемъ понесеннаго урона. Иное дѣло, конечно, болѣе отсталыя формы промышленности, которыя могутъ оправляться отъ испытаннаго сотрясенія только постепенно и медленно, долгое время оставаясь какъ-бы оглушенными нанесеннымъ ударомъ. Если и это правильно, тогда правильнымъ будетъ предположеніе, что промышленная депрессія, подъ вліяніемъ нашей революціи, должна была оказаться менѣе продолжительной, чѣмъ депрессія, порожденная революціями былыхъ временъ.

Само по себѣ вліяніе революціи на промышленность, въ смыслѣ ея дезорганизаціи, остается въ значительной мѣрѣ поверхностнымъ и скоропреходящимъ. Вліяніе это, поскольку оно исходитъ отъ политическихъ факторовъ, только слегка затрагиваетъ тѣ внутреннія пружины, которыми опредѣляется бытіе промышленности. Дезорганизація производства и сбыта порождаются внѣшнимъ воздѣйствіемъ—политическимъ возбужденіемъ или паникой, неувѣренностью въ прочности „правопорядка“ или непосредственнымъ вліяніемъ „безпорядковъ“. Проходятъ эти осложненія—и промышленность возвращается къ обычнымъ своимъ условіямъ, учитывая происшедшія подъ вліяніемъ революціи соціально-политическія измѣненія и такъ или иначе на нихъ реагируя. Въ этомъ смыслѣ депрессія, вызванная революціей, существенно отличается отъ промышленнаго кризиса, вызваннаго общими условіями промышленнаго развитія и порожденнаго основными противорѣчіями капиталистическаго строя. Промышленный кризисъ такого рода протекаетъ въ болѣе сложныхъ и болѣзненныхъ формахъ и оставляетъ по себѣ на промышленности болѣе чувствительные слѣды, чѣмъ осложненія революціоннаго времени. Если мы обратимся къ Россіи, то увидимъ, что депрессія 1905—1906 г. по силѣ своей во многомъ уступаетъ кризису начала 900-хъ годовъ. Такъ, добыча угля въ Донецкомъ бассейнѣ, послѣ максимальнаго подъема

въ 1900 г. (691,4 м. п.) достигла наибольшаго паденія въ 1902 г. (654,9 м. п.), т. е. сократилась во время кризиса на 5,2%; въ годъ же революція (1905 г.) она понизилась (по сравненію съ 1904 г.) всего на 1,6%. Выплавка чугуна во время кризиса пала на 11,5% (maximum 1900 г.—176,9 м. п., minimum 1902 — 156,4 м. п.), въ годы революціи— на 8,7% (выплавка 1906 г. по отношенію къ выплавкѣ 1904 г.). Такая же картина наблюдается и въ движеніи основныхъ капиталовъ акціонерныхъ предпріятій: въ металлической группѣ предпріятій годъ кризиса далъ пониженіе на 5,1%, годъ революціи—на 2,2%, горнопромышленная группа во время кризиса дала пониженіе на 5,3%, а въ годъ революціи неизмѣнно повышалась, точно также и волокнистая группа. Словомъ, почти всѣ показатели даютъ въ годъ революціи меньшее пониженіе, чѣмъ въ годы промышленнаго кризиса. Несомнѣнно, конечно, что въ отдѣльные періоды 1905—1906 г.г., въ особенности въ концѣ 1905 г., когда революціонная борьба достигла наибольшаго напряженія, промышленность переживала моменты болѣе острые, чѣмъ во время кризиса начала 900-хъ годовъ, но острота эта была относительно непродолжительна и оставила сравнительно незначительные слѣды, благодаря чему и общіе итоги революціоннаго времени оказались для промышленности болѣе благопріятными, чѣмъ полоса промышленнаго кризиса девятисотыхъ годовъ.

При этомъ для правильной оцѣнки вліянія минувшей революціи на промышленность не слѣдуетъ упускать изъ виду положенія, въ которомъ находилась промышленность наканунѣ революціи. Въ первомъ томѣ настоящаго изданія мы ознакомили читателей съ опустошеніемъ, произведеннымъ въ промышленности кризисомъ начала девятисотыхъ годовъ. Мы видѣли также, что въ 1903 г. начался слабый поворотъ къ улучшенію, который уже въ 1904 г. прервался неблагопріятнымъ вліяніемъ войны съ Японіей. Такимъ образомъ, въ 1905 годъ промышленность вступила обезсиленной какъ многолѣтнимъ кризисомъ, такъ и продолжавшейся войною и потому должна была особенно чувствительно реагировать на осложняющее вліяніе революціоннаго времени. При такихъ условіяхъ можно было ожидать, что депрессія, вызванная революціей, будетъ особенно острой и длительной, и, если, несмотря на это, на самомъ дѣлѣ, депрессія оказалась не столь острой и менѣе продолжительной, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что вліяніе революціи на промышленность, по существу своему, остается въ значительной степени поверхностнымъ и не приводящимъ къ такимъ осложненіямъ, къ какимъ приводитъ промышленный кризисъ [1]).

---

[1]) *Прим. редакціи.* Болѣе подробный анализъ вліянія революціи на хозяйственный строй страны будетъ данъ въ V т. настоящаго изданія.

V.

По пути къ «успокоенію».

Если съ конца 1906 г. и на протяженіи 1907 г. революціонная волна все больше падала и замирала, то для промышленности уже съ конца 1906 г. начинаются счастливые дни „успокоенія“. Реакція возвращается и прочно осѣдаетъ на старыхъ позиціяхъ, „правопорядокъ“ неуклонно охраняется „твердой властью“, революція ликвидируется со всею жестокостью военно-полевой юстиціи, профессіональныя организаціи рабочихъ, подъ давленіемъ административнаго воздѣйствія, распадаются, экономическая борьба рабочаго класса теряетъ свою интенсивность и силу, вспыхивая только моментами безъ надежды на благопріятный исходъ. Словомъ, по сравненію съ недавнимъ прошлымъ, для промышленности наступило время тишины и глади.

Какъ реагировала промышленность на это успокоеніе? Обнаружила ли она какіе-либо признаки оживленія? На этотъ вопросъ можно отвѣтить вполнѣ опредѣленно: нѣтъ. Въ свое время вопросъ о томъ, вступила ли наша промышленность послѣ революціи въ полосу подъема, вызвалъ довольно оживленную полемику [1]). На-ряду съ одними авторами, которые доказывали, что нѣтъ никакихъ признаковъ не только подъема, но даже оживленія, другіе (гг. Пилецій, Гольдбергъ и Новоселовъ), наоборотъ, утверждали, что промышленность вступаетъ въ періодъ подъема. Теперь не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что правда была не на сторонѣ послѣднихъ. Ошибки ихъ заключались въ томъ, что они исходили изъ анализа мірового рынка, игнорируя рѣшающее значеніе состоянія русскаго рынка, либо оживленіе, случайное и вызванное исключительными обстоятельствами, принимали за естественно-необходимое и нормально наступившее оживленіе. На самомъ дѣлѣ промышленность въ 1907 г. находилась въ состояніи застоя, ставшаго хроническимъ состояніемъ русской промышленности.

Для иныхъ заключеній въ соблазнъ могло ввести только положеніе мануфактурной промышленности, но нѣкоторое и частичное оживленіе ея въ московскомъ районѣ вызвано было исключительно лодзинскимъ локаутомъ,

---

[1]) А. Пилецкій. Экономическій кризисъ и его окончаніе. «Образованіе», апрѣль 1906; Г. Гольдбергъ. Промышленный подъемъ и экономическая борьба рабочихъ въ Россіи. «Образованіе», май 1907; А. Финнъ-Енотаевскій. Революція и промышленный кризисъ. «Вѣстникъ Жизни», іюнь 1907; М. Б—овъ. Имѣются ли признаки промышленнаго кризиса? «Отзвуки», августъ 1907; М. Новоселовъ. Обостреніе экономической нужды и классовая борьба — въ сборникѣ «Темы дня». Спб. 1907; В. Мукосѣевъ. Промышленный подъемъ или промышленный кризисъ? «Образованіе», августъ—октябрь 1907.

выбившимъ изъ строя польскій мануфактурный районъ. Мы видѣли, что осенью 1906 г., послѣ мѣстнаго оживленія, положеніе мануфактурнаго рынка стало вялымъ и малодѣятельнымъ. Въ декабрѣ начинается лодзинскій локаутъ—и на московскомъ рынкѣ немедленно наступаетъ сильное оживленіе. „Декабрь по дѣламъ былъ яркій мѣсяцъ,—сообщаетъ „Торг.-Пр. Газ.“,—а по характеру торговли напоминалъ разгаръ сезона; локаутъ въ Лодзи, несомнѣнно, благопріятно отразился на сбытѣ издѣлій московскаго района“ [1]). При этомъ, однако, характерно, что оживленіе замѣчается только въ производствахъ, непосредственно конкуррирующихъ съ Лодзью, въ остальныхъ же производствахъ по-прежнему царитъ застой. Такъ, въ январѣ 1907 года „торговали прекрасно, благодаря лодзинскому локауту, всѣ Морозовы: покупатели замѣнили лодзинскій бѣльевой и одежный товаръ морозовскимъ“, но въ общемъ „торговали недурно, но все-таки хуже, чѣмъ въ прошломъ году и даже хуже, чѣмъ въ послѣднее трехлѣтіе“ [2]). Въ февралѣ оказывается „товара въ общемъ вдоволь, а въ особенности ивановскихъ ситцевъ, на нѣкоторые сорта которыхъ скупщики даже увеличили скидку“, но параллельно снова констатируется, что „продолжающійся лодзинскій локаутъ обезпечиваетъ московскимъ фабрикантамъ свободный сбытъ зимнихъ тканей; „всѣ Морозовы“ прибавили 2% на весь прейсъ-курантъ [3]). Въ надеждѣ на усиленный лѣтній сбытъ и въ воспоминаніи о прошлогоднемъ оживленіи вздуваютъ цѣны и ивановскіе фабриканты—въ началѣ апрѣля цѣна на ситецъ поднялась до $14^1/_2$ к.: „это цѣна еще небывалая въ лѣтописяхъ отечественнаго хлопчатобумажнаго производства,—писала „Торг.-Пр. Газ.“,—представляя собою повышеніе противъ цѣнъ, бывшихъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почти на 50% [4]), а противъ 1905 г.—на 3%. Но ивановскимъ фабрикантамъ, какъ и „всѣмъ Морозовымъ“, пришлось жестоко разочароваться: лодзинскій локаутъ пришелъ къ концу, а товаръ шелъ плохо. Въ іюнѣ московская торговля оказалась „несомнѣнно хуже соотвѣтствующаго періода прошлаго года; количество сбытаго на 1 августа товара менѣе двухъ послѣднихъ лѣтъ; относительно крупнѣе запасы издѣлій иваново-вознесенскаго района, а запасы ситцевъ высшей доброты московскихъ фабрикъ все же довольно незначительны [5]), т. е. хуже шли именно товары массового потребленія. Нижегородская ярмарка также, вопреки ожиданіямъ, прошла съ мануфактурой вяло. „Недостатка съ мануфактурой не наблюдается,—писала „Торг.-Пр. Газ.“ [6]),—но если принять во вниманіе, что товаровъ польскаго района на ярмаркѣ

[1]) «Торг.-Пр. Газ.» № 5, 1907.
[2]) «Торг.-Пр. Газ.» № 30, 1907.
[3]) «Торг.-Пр. Газ.» № 53, 1907.
[4]) «Торг.-Пр. Газ.» № 85, 1907.
[5]) «Торг.-Пр. Газ.» № 183, 1907.
[6]) «Торг.-Пр. Газ.» № 192, 1907.

почти не было, то придется признать, что, въ общемъ, его было меньше обычнаго и потому спросъ долженъ былъ быть особенно крѣпокъ. Однако, оказывается, что „торговля идетъ не бойко; съ деньгами на мануфактурномъ рынкѣ не такъ свободно, какъ въ соотвѣтствующіе періоды прошлыхъ лѣтъ [1]). По другимъ же болѣе объективнымъ источникамъ оказывается, что „покупатели сверхъ ожиданія выказали чрезвычайную сдержанность и нерѣшительность въ покупкахъ въ самомъ началѣ ярмарки“, въ виду чего скупщики, „опасаясь за возможные остатки товаровъ, пошли на уступки, т. е. стали увеличивать обычныя скидки, удлинять сроки кредита и т. д.“ [2]). Очевидно, на потребительскомъ рынкѣ не все обстояло благополучно, если даже на нижегородской ярмаркѣ, при меньшемъ привозѣ товара, спросъ оставался чрезвычайно слабымъ. И дѣйствительно, отчетъ о московской торговлѣ въ сентябрѣ свидѣтельствуетъ уже о томъ, что „спросъ со стороны провинціи минималенъ, ибо запасы на мѣстахъ имѣются довольно большіе; обстоятельство это оказываетъ неблагопріятное вліяніе и на расплату, которая совершается чрезвычайно туго, не говоря уже объ открытыхъ счетахъ, но даже и по срочнымъ обязательствамъ; большинство векселей приходится волей-неволей переписывать, часть же векселей приходитъ обратно съ протестами“ [3]). Чѣмъ дальше, чѣмъ положеніе становилось хуже, и къ концу года сдѣлалось совершенно критическимъ. „За полтора мѣсяца, пишутъ, напримѣръ, въ ноябрѣ изъ Бѣлостока, вояжеры исколесили всю Россію и ни одинъ изъ посѣщенныхъ ими пунктовъ не оправдалъ ихъ надеждъ даже на половину. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на Волыни и въ Подоліи, имъ не приходилось даже разворачивать коллекцій; въ другихъ мѣстахъ (какъ Харьковъ, Кіевъ, Одесса) покупали крайне неохотно и къ тому же крайне мало. На Волгѣ, вмѣсто новыхъ заказовъ, приходилось принимать обратно товаръ, который остался нераспроданнымъ. Тамъ же (на Волгѣ) попадались мѣста, гдѣ, изъза полнаго прекращенія спроса, торговцы-мануфактуристы оставляютъ товаръ невостребованнымъ по полугоду и даже больше“ [4]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что оживленіе московскаго района было мимолетнымъ и прекратилось тотчасъ, какъ только окончился лодзинскій локаутъ. Если исключить этотъ незначительный періодъ оживленія, коснувшагося только части одного района, то вообще для московскаго мануфактурнаго района 1907 годъ останется годомъ тяжкаго застоя. Еще хуже обстояло дѣло въ польскомъ районѣ. Послѣ окончанія локаута наступило естественное оживленіе, которое, однако, скоро смѣнилось упадкомъ: въ послѣдней четверти года поступленіе заказовъ начало уменьшаться, изготов-

1) Ibid.
2) «Слово», августъ 1907.
3) «Тор.-Пр. Газ.» № 211, 1907.
4) «Торг.-Пр. Газ.» № 270, 1907.

ленные товары стали поступать на заводскіе склады, нѣкоторыя фабрики сократили рабочее время; производительность хлопчатобумажныхъ издѣлій повысилась, по сравненію съ 1906 г., на 27 мил. руб., но осталась ниже нормальной годовой на 10 мил. руб. [1]). Почти $^2/_3$ шерстяныхъ и суконныхъ товаровъ, отправленныхъ на Нижегородскую ярмарку, остались нераспроданными и въ значительной части переотправлены въ Ирбитъ; Покровская ярмарка тоже оказалась для шерстяного производства неблагопріятной. Уже въ августѣ спросъ на шерстянныя ткани уменьшился и большая часть фабрикъ была принуждена сократить рабочее время съ 5 до 4 дней въ недѣлю [2]). Словомъ, и польскій, и московскій районы—первый послѣ локаута, второй послѣ непродолжительнаго оживленія—очутились предъ однимъ и тѣмъ же тупикомъ: для товара не было сбыта, рынокъ угнеталъ своею вялостью. Несомнѣнно, нѣкоторое вліяніе на пониженіе спроса оказали чрезмѣрно возросшія цѣны, совершенно не соотвѣтствовавшія покупательной силѣ населенія, но основная причина застоя оставалась все въ томъ же обнищаніи внутренняго рынка. Къ 1907 г. ничего не измѣнилось по сравненію съ тѣмъ, что было раньше,—не было, поэтому, основаній и къ тому, чтобы улучшилось состояніе мануфактурнаго рынка.

Въ этомъ отношеніи положеніе мануфактурной промышленности не составляло исключенія. „Судостроительство, читаемъ, напр., въ „Сводѣ отчетовъ“ фабричныхъ инспекторовъ относительно Поволжскаго округа, „было чрезвычайно ограничено, такъ какъ и нынѣ значительная часть флота не находитъ себѣ работы, и судовой ремонтъ былъ сокращенъ до предѣла крайней необходимости... Лишь осенью 1907 года механическій и судостроительный заводъ Сормово въ нижегородской губерніи получилъ сравнительно крупный заказъ на 8 желѣзныхъ баржъ, вслѣдствіе чего въ немъ временно было увеличено число рабочихъ въ судостроительномъ и механическомъ цехахъ на 1.109 человѣкъ, остальные же цехи, за исключеніемъ желѣзопередѣлочнаго, за неимѣніемъ заказовъ работали вяло. Такія же крупныя затрудненія испытывали и другіе механическіе заводы, а Усть-Катавскій заводъ въ уфимской губерніи постоянно находился даже подъ угрозой закрытія“ [3]). „Въ Харьковскомъ округѣ, по словамъ „Свода отчетовъ“, обработка металловъ пережила въ 1907 году еще большій кризисъ, чѣмъ въ 1906 г. Помимо прекращенія работъ (машиностроительный заводъ Пастухова, сталелитейный заводъ) многіе крупные заводы едва работали. Тульскій патронный заводъ, имѣвшій въ концѣ 1906 года 7.100 рабочихъ, въ началѣ отчетнаго года имѣлъ ихъ 3.153, въ концѣ же от-

[1]) С. М. Нейманъ. Положеніе промышленности въ Царствѣ Польскомъ въ 1907 г., «Вѣстн. Фин.» № 7, 1908.

[2]) Ibid.

[3]) «Сводъ отчетовъ» за 1907 г., стр. IV.

четнаго—только 1.470. На Брянскомъ заводѣ (орловской губ.) число рабочихъ постепенно сокращалось съ 10.176, бывшихъ въ концѣ 1905 года, до 7.400 въ отчетномъ году. Радицкій вагоностроительный заводъ, постепенно сокращая работу, въ началѣ 1908 г. вовсе временно прекратилъ ее. Постепенное сокращеніе числа рабочихъ происходило также до конца отчетнаго года на Луганскомъ заводѣ Гартмана и Харьковскомъ паровозостроительномъ заводѣ". Желѣзопрокатные заводы Домбровскаго района, за отсутствіемъ казенныхъ заказовъ и полной пріостановкой строительныхъ работъ, стали въ началѣ года, почти полнымъ составомъ рабочихъ, катать желѣзо на складъ. Само собою разумѣется, что одного желанія заводчиковъ было еще недостаточно для того, чтобы спросъ увеличился, и потому „заводы принуждены были сокращать число рабочихъ, пріостановить часть цеховъ и производить убыточную распродажу заводскихъ запасовъ" [1]). Въ этомъ отношеніи особенно чувствительно отражалось на положеніи желѣзодѣлательной промышленности прекращеніе строительства. Отчетъ о состояніи польскихъ рынковъ констатируетъ „сильное сокращеніе въ потребленіи тяжелыхъ профилей, балокъ и кровельнаго желѣза", вызванное „почти полнѣйшимъ пріостановленіемъ каменныхъ построекъ для жилыхъ и фабричныхъ помѣщеній. Металлическія, а въ особенности машиностроительныя и конструкціонныя фабрики работаютъ лишь со дня на день безъ надежды на программныя работы" [2]). Еще въ худшемъ положеніи находились „чугунно-литейные заводы, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которые въ своей спеціальности имѣютъ изготовленіе вертикально-литыхъ трубъ, примѣняемыхъ для водопроводныхъ и канализаціонныхъ цѣлей; послѣднія, вслѣдствіе почти полной пріостановки строительныхъ работъ, совершенно не находятъ сбыта". Все это, конечно, дало поводъ заводчикамъ, послѣ нѣкотораго вынужденнаго революціей перерыва, снова начать энергичную аттаку на казну. XXXII съѣздъ горнопромышленниковъ Юга Россіи, засѣдавшій въ концѣ 1907 г., послалъ министру торговли телеграмму, въ которой указывалъ, что „затяжной кризисъ послѣднихъ лѣтъ принимаетъ все болѣе серьезные размѣры и грозитъ дальнѣйшимъ закрытіемъ крупныхъ заводовъ; непосредственными причинами такого положенія являются, съ одной стороны, неопредѣленность работы заводовъ вслѣдствіе отсутствія заранѣе фиксированныхъ и непланомѣрности казенныхъ годовыхъ заказовъ и крайне ослабѣвшей кредитоспособности и платежеспособности рынка, съ другой—повышеніе себѣстоимости производства въ зависимости отъ измѣнившихся условій жизни и особенно отъ непомѣрнаго увеличенія накладныхъ расходовъ, вызываемаго сокращеніемъ производительности". Еще болѣе мрачную кар-

[1]) Нейманъ, Цит. ст. «Вѣстн. Фин.», № 7, 1908.
[2]) «Торг.-Пром. Газ.» № 139, 1907.

тину набросалъ г. Вольскій на совѣщаніи о положеніи металлургической и машиностроительной промышленности, созванномъ, по ходатайству заводчиковъ, въ маѣ 1908 г.: „капиталисты разоряются; вложенныя въ предпріятія деньги теряются; новаго притока капиталовъ быть не можетъ; число рабочихъ сокращается и число лицъ, имѣющихъ средства къ существованію благодаря желѣзной промышленности, все болѣе и болѣе падаетъ“ [1]). А г. Токарскій, отъ имени совѣта съѣздовъ металлозаводчиковъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ, прямо поставилъ вопросъ о возрожденіи старой политики „воспособленія“: „въ настоящее время внутренній спросъ ничтоженъ. Отсутствіе творчества въ организаціи внутренняго въ странѣ строительства желѣзнодорожнаго, городского и мореходнаго; отсутствіе иниціативы въ дѣлѣ сосредоточенія запасовъ государственной обороны; полное забвеніе вопіющихъ нуждъ сельско-хозяйственной индустріи и, несмотря на все это, допущеніе въ государство иностраннаго фабриката,—все это невольно заставляетъ промышленность предъявить нынѣ къ правительству требованія о возрожденіи политики воспособленія, но только не въ сферѣ производства, а въ области внутренняго потребленія продукта въ самой странѣ“ [2]), т. е., попросту говоря, въ усиленіи таможеннаго покровительства, не допускающаго въ страну иностранныхъ продуктовъ.

При такомъ положеніи вещей нужно отнестись весьма скептически къ увеличившейся въ 1907 г. производительности горнозаводскихъ предпріятій. На таблицѣ, приведенной въ приложеніи къ настоящей статьѣ, видно, что въ 1907 г. увеличились и добыча угля, и выплавка чугуна, и производство годового продукта съ полупродуктомъ. Но это увеличеніе, являясь только нѣкоторымъ скачкомъ послѣ паденія производства въ 1906 г., меньше всего можетъ свидѣтельствовать объ оживленіи горнозаводской промышленности. Рынокъ, за немногими исключеніями, оставался вялымъ. На Харьковскомъ рынкѣ, напр., уже къ началу года выяснилось, что всѣ крупные потребители на весь годъ покрыли свою надобность въ чугунѣ, почему заводы усиленно старались получить мелкіе заказы на литейный чугунъ. Если при такихъ условіяхъ цѣны не испытали значительнаго паденія, то это объясняется исключительно тѣмъ, что заводчики усиленно вывозили чугунъ за границу. Цѣны на сортовое желѣзо въ теченіе всего года безпрерывно понижались. „Не имѣя возможности найти сбыта на своихъ естественныхъ рынкахъ, заводы сильно конкуррировали между собою, при чемъ расположенные менѣе выгодно въ тарифномъ отношеніи вынуждены были къ значительному

---

1) Стенограммы совѣщанія о положеніи металлургической и машино-строительной промышленности. Спб. 1908 г., стр. 9.

2) Ibid., стр. 11.

пониженію цѣнъ“ [1]). На Нижегородскомъ рынкѣ кровельное желѣзо покупалось не для построекъ, а на склады, такъ какъ продавцы, въ виду появленія синдиката „Кровля“, стремились обезпечить себя желѣзомъ цѣною ниже синдикатской. Въ неизмѣнно твердомъ настроеніи оставался только каменноугольный рынокъ, такъ какъ нефтяная промышленность все еще продолжала оставаться въ положеніи, далекомъ отъ нормальнаго, и цѣны на нефть стоятъ высокія. Такъ, средняя годовая цѣна на сырую нефть составляла въ 1905 г. 20,1 к., въ 1906 г.—25,8 к., въ 1907 г.—28,2 к., т. е. повысилась въ 1907 г. на 40,3% противъ 1905 г. и на 9,3% противъ 1906 г. Естественно, что при такомъ повышеніи цѣнъ уголь продолжалъ вытѣснять на рынкѣ нефть, чѣмъ и объясняются крѣпкія цѣны на твердое топливо.

Отмѣченный выше усиленный вывозъ въ 1906 г. за границу горнозаводскихъ продуктовъ увеличился въ 1907 г. еще болѣе. Такъ, угля и кокса было вывезено 13.152 т. п. (противъ 5.709 т. п. 1906 г.), чугуна—4.506 т. п. (противъ 1.243 т. п. 1906 г.) и желѣза—4.445 т. п. (противъ 788 т. п. 1906 г.), т. е. по сравненію съ 1906 г. вывозъ угля и кокса увеличился на 56,5%, чугуна на 72,4% и желѣза на 82,2%. Очевидно, промышленники еще въ болѣе широкомъ масштабѣ воспользовались средствомъ, къ которому они прибѣгали и раньше: продуктъ, не находившій сбыта на внутреннемъ рынкѣ, сплавлялся за границу. „Продукты русской металлургіи вывозятся за границу!—восклицалъ органъ южныхъ горнопромышленниковъ.—Въ предѣлахъ нашего отечества, съ его многомилліоннымъ населеніемъ, нѣтъ сбыта ни чугуну, ни болванкамъ, ни желѣзу! И это въ то время, когда деревня наша еще не перестала быть соломенной, когда наши желѣзныя дороги хронически страдаютъ отъ недостатка паровозовъ и вагоновъ, когда въ обиходѣ нашего мужика желѣзо играетъ болѣе чѣмъ скромную роль... Дѣйствительно, въ Россіи нѣтъ того внутренняго рынка, гдѣ могла бы сбывать отечественная металлургія свои продукты“ [2]). Эта, въ общемъ, основательная ламентація „Горноз. Листка“ должна быть, однако, существенно исправлена въ одномъ отношеніи: продукты вывозились за границу не только потому, что для нихъ не было мѣста на внутреннемъ рынкѣ, но и для того, чтобы, сокративъ предложеніе, удержать цѣны на желательномъ для заводчиковъ уровнѣ. Объ этомъ особенно заботились синдикаты, сыгравшіе такую крупную роль въ удорожаніи продуктовъ горнозаводской промышленности. Синдикатъ „Продомета“ продавалъ желѣзныя части для вагоновъ, предназначенныя для вывоза, на 20—30% дешевле, чѣмъ внутри страны [3]). Синдиката „Гвоздь“ въ договорѣ съ заводчиками

---

[1]) Отчетъ Горнаго Департамента за 1906 и 1907 г., стр. 346.

[2]) „Горнозав. Листокъ“ № 8, 1907 г.

[3]) Л. Б. Кафенгаузъ, Синдикаты въ русской желѣзной промышленности. М. 1910, стр. 144.

оставляетъ за собою „право *обязать* контрагента принять участіе въ операціи вывоза за границу издѣлій соглашенія“, если синдикатъ, „въ зависимости отъ положенія рынковъ сбыта, признаетъ цѣлесообразнымъ и выгоднымъ предпринять вывозъ таковыхъ за границу“. Въ этомъ стремленіи отдѣлаться отъ продукта, не находящаго сбыта внутри страны, и тѣмъ удержать цѣны отъ паденія, заводчики съ готовностью понижали цѣны для заграничныхъ рынковъ. Къ примѣрамъ, только-что приведеннымъ, добавимъ, что разница между цѣнами рельсъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ достигала 56 копѣекъ, а вагоны вывозились за границу съ значительнымъ убыткомъ, который покрывался прибылью съ внутреннихъ заказовъ [1]). При такой организаціи сбыта едва-ли можно говорить о завоеваніи внѣшняго рынка и въ увеличеніи вывоза увидѣть признаки какого-либо оживленія промышленности. Напротивъ, процессъ этотъ оставался процессомъ болѣзненнымъ, свидѣтельствовавшимъ о скудости внутренняго рынка и застоѣ промышленности.

Мы незамѣтно очутились въ полосѣ застоя, типичной для дореволюціоннаго положенія промышленности. Та же вялость рынка, то же отсутствіе спроса, тѣ же причитанія и домогательства промышленниковъ. Такъ же, какъ въ 1903 г., промышленность оказалась въ тупикѣ, изъ котораго не видно было выхода, если не считать выходомъ требованія промышленниковъ объ усиленіи казенныхъ заказовъ, хотя бы цѣною заключенія займовъ на „производительные расходы“. Все осталось по-старому. Да и не могло не остаться, потому что ничего не измѣнилось въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ протекаетъ промышленная жизнь страны.

Если судить по иноземнымъ образцамъ, то можно было бы ожидать, что вслѣдъ за революціей промышленность наша вступитъ въ полосу дѣятельнаго оживленія. „Часто—читаемъ, напр., у Зомбарта,—первые годы, которые слѣдуютъ за политическими событіями, налагающими оковы на какой-нибудь народъ, являются сами по себѣ эпохой раздольной наживы. Дѣлаются затраты, отъ которыхъ долго отказывались; это оживляетъ рынокъ; большое маховое колесо товарообращенія начинаетъ вращаться, цѣны поднимаются, открывается возможность скорыхъ барышей. Но въ то же время люди начинаютъ особенно тяготѣть къ погонѣ за наживой. Политическіе интересы вытѣсняются чувствомъ удовлетворенія, доставляемымъ матеріальнымъ благополучіемъ; такое чувство, въ свою очередь, рождаетъ желаніе получить въ удѣлъ обильное количество благъ міра сего. Это объясняетъ происхожденіе періодовъ оживленія въ хозяйственной жизни Европы, въ частности же Германіи—періодовъ, наступившихъ за Великой французской революціей, за вой-

[1]) Ibid.

нами Наполеона I, за іюльской революціей (для Франціи), за волненіями 1848 г. и, наконецъ, за франко-германской войной (для Германіи) [1]). Зомбартъ соединяетъ здѣсь въ одинъ процессъ оживленіе, которое слѣдуетъ за революціей, съ оживленіемъ, которое можетъ имѣть мѣсто при побѣдѣ контръ-революціонной реакціи. Но, конечно, можно съ полнымъ основаніемъ этотъ процессъ расчленить, и оживленіе одного порядка не соединять съ оживленіемъ другого порядка. Дѣло, вѣдь, не только въ погонѣ за наживой— и въ этомъ отношеніи Зомбартъ нѣсколько переоцѣнилъ силу правильно имъ понятой психологіи буржуа, готоваго, при первой представившейся возможности, почивать на лаврахъ и широко пользоваться благами новой жизни. Погоня за наживой становится осуществимой и расцвѣтаетъ на основахъ и въ мѣру реализованныхъ завоеваній революціи. Въ этомъ смыслѣ дѣйствительный импульсъ къ оживленію промышленность получаетъ только отъ тѣхъ измѣненій въ политическомъ и соціальномъ строѣ, которыя являются результатомъ революціи. Если развитіе производительныхъ силъ задерживалось отсталой политической организаціей государства, если свободной промышленной дѣятельности мѣшала полицейская опека старой власти, если свободный ростъ общественныхъ классовъ тормзился упорной поддержкой привиллегій дворянства и поземельной родовой знати, то революція, разрушая старый укладъ жизни и выдвигая новые соціальные классы, тѣмъ самымъ уничтожаетъ препятствія для роста производительныхъ силъ и открываетъ предъ промышленностью просторъ свободнаго развитія. Наиболѣе рельефно это вліяніе революціи сказалось во Франціи конца XVIII вѣка, когда Великая революція, на ряду съ грандіознымъ переворотомъ въ политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ, дала сильный толчекъ росту національнаго богатства конфискаціей и распродажей церковныхъ земель [2]). Уже въ 1790 г. промышленность Франціи начинаетъ оправляться отъ тяжелаго кризиса предреволюціоннаго и революціоннаго времени, въ рядѣ провинцій замѣчается энергичный ростъ производства, а общая экономическая конъюнктура становится настолько благопріятной, что въ 1791 г. дѣлается возможнымъ единственн крупное за все время революціи стачечное движеніе рабочихъ, имѣвшее цѣлью добиться увеличенія заработной платы [3]). Такой же процессъ прод

---

[1]) В. Зомбартъ. Исторія экономическаго развитія Германіи въ XIX вѣка. Спб. стр. 69.

[2]) «Революцію поддержалъ грандіозный ростъ богатства, и если дѣятельность великихъ ученыхъ и великихъ людей, страсть къ свободѣ и къ наукѣ, духъ смѣлости и изобрѣтательности, возникающей во время великихъ кризисовъ, не мало способствовали этому росту національнаго богатства, то, все-таки, основной и главной причиною послѣдняго была революціонная экспропріація церковныхъ имуществъ». Ж. Жоресъ Учредительное Собраніе. Спб., 1908, стр. 416.

[3]) Е. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи, стр. 119—120.

мышленнаго подъема можно было наблюдать и въ эпохи, слѣдовавшія за революціями XIX вѣка [1]).

Россія, какъ мы видѣли, составила въ этомъ отношеніи исключеніе. Послѣ революціи наша промышленность не проявила никакихъ признаковъ ни подъема, ни оживленія. Напротивъ, она возвратилась къ тому же сосостоянію длительнаго застоя, въ какомъ она находилась до революціи. Едва ли нужно подробно доказывать, что такой результатъ находится въ непосредственной зависимости отъ соціально-политическихъ итоговъ революціоннаго движенія. Въ политической области, подъ вліяніемъ революціи, произошли только формальныя измѣненія и при томъ вполнѣ ничтожнаго свойства. Признаніе за народомъ права на участіе въ законодательствѣ свелось къ избирательному закону 3 іюня, а законодательныя права Думы оказались только простымъ придаткомъ къ неограниченному самовластію бюрократіи. Свобода и ея гарантіи, объявленныя въ октябрьскомъ манифестѣ, остались нереализованными и нисколько не помѣшали безудержному проявленію административнаго произвола и усмотрѣнія. Въ послѣднемъ смыслѣ послѣреволюціонная Россія побила всѣ рекорды и едва-ли можетъ найти соперниковъ не только въ прошломъ Европы, но и въ старо-русской исторіи. Диктатура черной сотни и полновластныхъ градоправителей сдѣлали Россію страною „неограниченныхъ возможностей", въ специфическихъ свойствахъ которыхъ ростъ производительныхъ силъ долженъ былъ встрѣтить непреодолимое препятствіе. Столь же ничтожными оказались результаты революціи и въ отношеніи экономическихъ реформъ, которыя способны были бы оказать благотворное вліяніе на положеніе промышленности. Единственная реформа, проведенная въ это время—законъ 9 ноября—пока не оказала, да едва-ли сама по себѣ и окажетъ, сколько-нибудь серьезное воздѣйствіе на оживленіе внутренняго рынка. Разрушеніе общины пока привело только къ болѣе интенсивной пролетаризаціи деревни; среди массы обезземеленныхъ общинниковъ крѣпкіе домохозяева-хуторяне—эта новая опора „новаго" строя—составляютъ ничтожное меньшинство, при чемъ выселеніе на хутора, какъ и скупка надѣльныхъ земель, производится, по преимуществу, крестьянами, и ранѣе принадлежавшими къ болѣе состоятельному элементу деревни. Такимъ

[1]) Великія событія міровой исторіи, совершившіяся въ 1848 г., освободили народное хозяйство Германіи отъ состоянія «малокровія», въ которомъ оно находилось въ дореволюціонную эпоху—таково заключеніе Зомбарта. Интересны также данныя, которыя приводитъ Зомбартъ. Такъ, въ Баваріи въ промежутокъ времени отъ 1839 до 1848 г. было основано всего 6 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 3,99 м. марокъ,—въ слѣдующемъ десятилѣтіи (съ 1849 по 1858 г.) тамъ же было основано 44 акціонерныхъ компаніи съ капиталомъ свыше 145 м. марокъ; въ Пруссіи съ 1834 по 1851 г. основано было 14 акц. компаній (горнозаводскихъ и плавильныхъ) съ капиталомъ въ 23,2 м. талеровъ,—съ 1852 по 1857 г. основано 59 компаній съ капиталомъ въ 70,6 м. тал. И т. д. (Зомбартъ, цит. соч., стр. 72).

образомъ, земельная реформа, осуществленная бюрократіей, пока ничего не измѣнила въ строѣ нашего внутренняго рынка, который остался, въ общемъ, при той же слабой покупательной способности, въ какой онъ пребывалъ въ дореволюціонное время.

Но если въ соціально-политическомъ строѣ Россіи, въ результатѣ революціи, не произошло сколько-нибудь существенныхъ измѣненій, благопріятныхъ для роста промышленности, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что промышленность, послѣ осложненій, пережитыхъ во время революціи, возвратилась къ разбитому корыту. Не покончивъ съ политическими задачами, революція оставила открытой и основную экономическую проблему: уничтоженіе путъ, связывающихъ свободный ростъ промышленнаго капитализма.

Приведенныя выше слова Зомбарта, какъ мы видѣли, указываютъ, однако, на возможность промышленнаго оживленія и въ періоды, аналогичные наступившему въ Россіи „успокоенію“. „Періодъ экономическаго оживленія, говоритъ Зомбартъ въ томъ же мѣстѣ, начался съ того момента, когда, главнымъ образомъ, благодаря государственному перевороту Наполеона III и побѣдѣ реакціи въ Германіи, во внутренней жизни странъ создалась гарантія безмятежнаго стяжанія на многіе годы“. И дѣйствительно, эпохи побѣды реакціи и торжества реставраціи нерѣдко сопровождались небывалымъ промышленнымъ оживленіемъ. Въ эти періоды „безмятежному стяжанію“ открывается безграничный просторъ и, какъ во Франціи временъ наполеоновскаго переворота, тогда съ гордостью повторяется фраза современника Людовика XI: „кому барышъ, тому и почетъ“. Погоня за наживой буржуазіи, наслаждающейся спокойствіемъ страны-кладбища, находитъ сильнаго покровителя въ лицѣ реакціонной власти, которая, расправившись съ демократіей путемъ респрессій и предоставивъ крестьянству расхлебывать земельную реформу, готова открыть золотой мѣшокъ казны для утоленія безграничныхъ аппетитовъ промышленно-торговой буржуазіи. Промышленное оживленіе этихъ эпохъ носитъ, поэтому, характеръ явнаго грюндерства и ажіотажа. Ростутъ какъ грибы акціонерныя компаніи и банки, строются фабрики и желѣзныя дороги, создаются рискованныя и смѣлыя предпріятія. Одни наживаются, другіе гибнутъ, но всѣ лихорадочно тянутся къ золоту, къ наживѣ, къ тому барышу, который даетъ почетъ и обезпечиваетъ возможность дальнѣйшаго безмятежнаго стяжанія. Пятидесятые годы прошлаго столѣтія—годы всяческихъ реставрацій и торжества реакціи—были почти во всѣхъ передовыхъ государствахъ Запада временемъ небывалаго грюндерства. Политическое „успокоеніе“ не совпало тогда съ экономическимъ застоемъ.

Замѣчаются ли въ послѣреволюціонной Россіи признаки хотя бы такого рода оживленія? На протяженіи разсмотрѣннаго нами времени — до конца

1907 г.—никакихъ признаковъ оживленія, какъ мы убѣдились, не наблюдалось; не было ихъ и въ послѣдующіе два года, когда торгово-промышленная жизнь продолжала пребывать въ состояніи застоя все болѣе тяжелаго. И только въ 1910 г. появляются признаки, указывающіе на возможность наступленія и у насъ полосы грюндерства. Биржа временами достигаетъ напряженія симптоматическаго ажіотажа; нѣкоторыя промышленныя, банковыя и желѣзнодорожныя бумаги вздуваются до небывалой высоты. Домогательства промышленниковъ объ усиленіи заказовъ и „производительныхъ“ расходахъ, повидимому, также близки къ осуществленію. Правительство щедро поощряетъ частное желѣзнодорожное строительство, обременяя казну, какъ и раньше, гарантіями; параллельно производятся изысканія новыхъ линій, сооруженіе которыхъ проектируется на казенный счетъ. Патріотическая Государственная Дума, спекулирующая на вопросахъ государственной обороны, торопитъ правительство съ возсозданіемъ флота и перевооруженіемъ арміи, при чемъ настойчиво домогается—и съ успѣхомъ, конечно,—чтобы все изготовлялось въ Россіи и изъ русскаго матеріала. Оффиціозная пресса задачами момента выдвигаетъ вопросы хозяйственнаго развитія страны, вокругъ которыхъ, какъ она думаетъ, могутъ объединиться всѣ „государственно-настроенные“ элементы населенія. Все это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ близкій расцвѣтъ грюндерства. Казенные заказы перельютъ золото изъ кладовыхъ казны въ карманы промышленниковъ, оживутъ зачахшія промышленныя предпріятія, воспрянутъ духомъ биржевые спекулянты и рыцари темной наживы, лозунгомъ времени станетъ безмятежное стяжаніе.

Наступленіе этого счастливаго времени остается, конечно, дѣломъ гадательнымъ. Но не будетъ ничего удивительнаго, если въ обстановкѣ россійской реставраціи будетъ разыгранъ актъ исторіи, напоминающій аналогичную эпоху грюндерства на Западѣ. Во всякомъ случаѣ, такой прогнозъ для ближайшаго времени является наиболѣе вѣроятнымъ. Столь же вѣроятно, что возможная полоса грюндерства не будетъ у насъ продолжительной и скоро завершится еще болѣе грандіознымъ крахомъ, поскольку форсированный подъемъ промышленной дѣятельности столкнется съ соціально-политическими условіями, стоящими на пути нормальнаго роста производительныхъ силъ. О промышленномъ подъемѣ, отвѣчающемъ интересамъ народнаго хозяйства, можетъ быть рѣчь лишь тогда, когда разрѣшены будутъ основные политическіе и экономическіе вопросы нашего времени, поставленные, но не разрѣшенные минувшей революціей.

VI.

Нѣкоторыя измѣненія въ строѣ капиталистическихъ отношеній.

Если промышленная депрессія времени революціи, по силѣ своей, уступаетъ промышленному кризису начала девятисотыхъ годовъ, то и тѣ измѣненія, которыя произошли въ нѣкоторыхъ сторонахъ нашего промышленнаго строя, должны отличаться отъ измѣненій, являющихся обычными результатами промышленнаго кризиса. На-ряду, такъ сказать, съ обычнымъ процессомъ роста промышленнаго капитализма долженъ былъ намѣтиться и процессъ, вызванный исключительнымъ вліяніемъ революціи.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что революціонныя осложненія не ослабили позиціи промышленнаго капитализма. Вытѣсненіе кустарнаго производства фабричнымъ, ручного — машиннымъ продолжалось и въ годы революціи. Можно даже думать, что въ этомъ отношеніи ростъ промышленнаго капитализма совершался болѣе интенсивно, потому, во-первыхъ, что мелкія производства должны были чувствительнѣе реагировать на промышленную депрессію и быстрѣе поддаваться ея разрушительному вліянію, чѣмъ крупное производство, и потому, во-вторыхъ, что періоды оживленія, напр., въ мануфактурной промышленности сопровождались, какъ мы видѣли, ростомъ текстильнаго производства, возникновеніемъ новыхъ фабрикъ—новыхъ враговъ кустарнаго производства. О такомъ именно процессѣ свидѣтельствуютъ тѣ немногіе источники земской статистики, которые продолжаютъ изученіе нашей экономической эволюціи. Такъ, въ костромской губерніи констатируется ростъ фабричныхъ промысловъ. „Въ нашей мѣстности все болѣе развиваются фабрики“,—сообщаетъ корреспондентъ земской статистики изъ кинешемскаго уѣзда; „замѣтно очень, что фабричное производство увеличивается и развивается очень хорошо... Уходятъ на фабрики изъ семьи всѣ, начиная съ 15-тилѣтнихъ, остаются старики и малолѣтки“,—пишутъ изъ нерехтск. уѣзда [1]). Параллельно съ этимъ отмѣчается паденіе кустарныхъ промысловъ. „Мѣстный промыселъ — тканье холстовъ — падаетъ по случаю фабрикъ“ (кинеш. у.). „До устройства фабрикъ занимались на домахъ выработкой деревенскихъ полотенъ и холста, но съ возведеніемъ фабрикъ этотъ заработокъ прекратился“ (нерехт. у.). „Развиваются фабрики и падаетъ промыселъ ручного ткачества въ домахъ холста, миткаля, салфетокъ“ (кинеш. у.). Аналогичный процессъ наблюдался и въ московской губ. „Въ ткацкомъ промыслѣ ручныя машины вытѣсняются самоткацкими; гдѣ прежде кормилось

[1]) Статистическій ежегодникъ костромской губ. за 1908 г., ч. I, стр. 28—30.

пятеро, шестеро, тамъ на самоткацкой машинѣ работаетъ одна“ (подольск. у.)[1]). „Ручная выдѣлка гильзъ замѣняется машинной; гдѣ продолжаютъ еще ручнымъ способомъ вставлять мундштуки, цѣны очень понизились“ (подольск. у.). „Иконописцы также лишились много работы, такъ какъ теперь пошли образа штампованной работы“. Мы уже упоминали выше, что во владимірской губ. возникъ рядъ новыхъ предпріятій, основатели которыхъ раньше большей частью занимались раздачею пряжи для ручного ткачества кустарямъ, а теперь, закрывъ свои раздаточныя конторы, перешли на механическое ткачество. „Вновь открытыя фабрики, —читаемъ въ „Сводѣ отчетовъ“ фабричныхъ инспекторовъ,—выстроились въ тѣхъ же районахъ, гдѣ раньше дѣйствовали раздаточныя конторы, и ручные ткачи-кустари создали главный контингентъ рабочихъ этихъ фабрикъ. Обученіе и пріобрѣтеніе навыка къ механическому ткачеству миткалей, требуя не болѣе 4—6 недѣль, не могло служитъ препятствіемъ къ такому переходу, который, въ виду вдвое большаго заработка механическихъ ткачей по сравненію съ ручными, былъ для нихъ крайне желательнымъ. Съ другой стороны, пользованіе мѣстными рабочими, живущими въ своихъ домахъ и имѣющими подспорье въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, создавало для новыхъ фабрикантовъ возможность оплачивать трудъ ткача дешевле, чѣмъ платятъ крупныя мануфактуры въ промышленныхъ центрахъ“ [2]). Такимъ образомъ, насколько можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, ростъ промышленнаго капитализма продолжался и въ годы революціи; кустарные промыслы вытѣснялись фабрикой или перерождались въ фабричное производство, кустари становились фабричными рабочими.

Къ такому же результату мы придемъ, если обратимся къ другой сторонѣ процесса роста промышленнаго капитализма—концентраціи производства. Въ слѣдующей таблицѣ приведены данныя о числѣ рабочихъ по группамъ промышленныхъ предпріятій для 1900 — 1902 г.г. и 1904 — 1908 г.г., такъ что представляется возможнымъ сравнить въ отношеніи концентраціи годы кризиса съ временемъ революціи [3]).

---

[1]) Статистич. ежегодникъ московской губ. за 1907 г.

[2]) Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1906 г., стр. IV—V.

[3]) Данныя относятся къ предпріятіямъ, подчиненнымъ надзору фабричной инспекціи, и взяты изъ „Свода отчетовъ“ фабричныхъ инспекторовъ. За данныя 1900 г. и 1902 г. приняты данныя о числѣ рабочихъ къ началу 1901 г. и 1903 г., какъ болѣе точныя и относящіяся, въ сущности, къ предыдущему году (см. общее поясненіе въ „Сводѣ“ за 1908 г., стр. 2). Такимъ образомъ, данныя первой части таблицы охватываютъ періодъ отъ конца 1901 г. по конецъ 1902 г., т. е. періодъ наибольшаго обостренія промышленнаго кризиса. Данныя 1904 г., 1906 г. и 1908 г. относятся къ концу этихъ годовъ и охватываютъ, такимъ образомъ, время отъ начала революціи до полной ея „ликвидаціи“. О пригодности данныхъ „Сводовъ“ для выясненія общей картины процесса концентраціи, несмотря на нѣкоторые существенные ихъ недостатки, см., между прочимъ, полемику г. Тугана-Барановскаго съ г. Микулинымъ („Рѣчь“ 1909 г.,

Группы предпріятій съ числомъ рабоч.	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Число рабочихъ (въ тыс.)					Увелич. (+) или уменьш. (—) числа рабоч. въ проц.			
	1900	1902	1904	1906	1908	1902 ср. съ 1900	1906 ср. съ 1904	1904 ср. съ 1900	1908 ср. съ 1904
I До 100 чел.	418,7	379,0	362,0	348,8	355,7	— 9,4	— 3,6	— 13,5	— 1,7
II Отъ 100 до 500 ч.	495,2	463,3	465,9	464,7	472,1	— 6,4	— 0,2	— 5,9	+ 1,3
III „ 500 „ 1000 „	272,0	276,4	273,7	286,0	270,0	+ 1,5	+ 4,3	+ 0,6	— 1,3
IV Свыше 1000 ч. . .	525,6	521,5	561,3	623,6	657,2	— 0,7	+ 9,9	+ 6,3	+ 14,5

Данныя, относящіяся къ 1900—1902 г.г. (графы 1, 2 и 6 таблицы), даютъ картину процесса концентраціи производства, вполнѣ характерную для періода промышленнаго кризиса. Потрясенное, въ основахъ своихъ производство приводитъ къ сокращенію числа рабочихъ почти во всѣхъ группахъ предпріятій; только третья группа даетъ небольшое повышеніе. При этомъ, мелкія и среднія предпріятія, какъ и слѣдовало ожидать, понесли значительно большій уронъ, чѣмъ крупныя предпріятія, а самыя крупныя предпріятія, по числу рабочихъ, дали уменьшеніе сравнительно ничтожное. Въ годы революціи (графы 3, 4 и 7) картина получается существенно иная. Сокращается число рабочихъ только въ мелкихъ и среднихъ предпріятіяхъ, въ крупныхъ, наоборотъ, оно повышается, при чемъ сокращеніе числа рабочихъ остается въ предѣлахъ, значительно уступающихъ времени промышленнаго кризиса начала девятисотыхъ годовъ. Очевидно, въ 1905—1906 г.г. концентраціи протекали въ приблизительно нормальныхъ условіяхъ: крупныя предпріятія поглощали мелкія. Этотъ процессъ выясняется еще болѣе отчетчиво, если сравнить четырехлѣтіе до революціи (1900—1904 г.г.) съ послѣдующимъ четырехлѣтіемъ (1904 — 1908 г.г.). Итоги перваго даютъ сильное пониженіе числа рабочихъ для мелкихъ и среднихъ предпріятій и увеличеніе для крупныхъ, съ наибольшимъ увеличеніемъ для самыхъ крупныхъ предпріятій. Промышленный кризисъ, произведя опустошеніе въ промышленности, вмѣстѣ съ тѣмъ, вообще, ослабилъ интенсивность концентраціи. Въ итогахъ второго четырехлѣтія понижательная тенденція явно уступаетъ повышательной, при чемъ вполнѣ рельефно выступаетъ поглощеніе каждой послѣдующей болѣе крупной группой предыдущей, менѣе крупной; вліяніе исключительныхъ условій сказалось въ чрезвычайномъ повышеніи числа рабочихъ въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ, очевидно, болѣе стойко выдержавшихъ давленіе революціонныхъ затрудненій. Въ общемъ, данныя о концентраціи свидѣтельствуютъ еще разъ, что промышленная депрессія времени

№№ отъ 6 и 20 ноября). Въ нашей таблицѣ изъ данныхъ 1908 г. исключены, для допустимости сравненія съ 1904 г., данныя, относящіяся къ бакинской губерніи, промышленныя предпріятія которой, въ значительнѣйшей части, подчинены надзору фабричной инспекціи только въ 1907 г.

революціи оказалась для промышленности менѣе чувствительной, чѣмъ кризисъ начала девятисотыхъ годовъ, сохранивъ для промышленныхъ предпріятій приблизительно обычныя условія концентраціи и только усиливъ ростъ наиболѣе крупныхъ предпріятій. Если мы обратимся къ относительному значенію отдѣльныхъ группъ предпріятій въ отдѣльные годы, то и здѣсь убѣдимся въ возрастаніи силы крупныхъ предпріятій.

Группы предпріятій съ числомъ рабочихъ.	Проц. отношеніе числа рабочихъ къ итогамъ каждаго года.		
	1900 г.	1904 г.	1908 г.
До 100 чел.	24,4	21,7	20,2
Отъ 100 до 500 чел.	28,2	28,0	26,8
„ 500 „ 1000 „	16,8	16,4	15,3
Свыше 1000 чел. . .	31,7	33,7	37,2

Изъ года въ годъ постепенно уменьшается относительное значеніе всѣхъ группъ предпріятій, кромѣ группы самыхъ крупныхъ, сила которой, напротивъ, увеличивается. Это означаетъ не только неизмѣнно продолжающійся интенсивный процессъ концентраціи, но и указываетъ на исключительно быстрый ростъ крупнаго производства и на все возростающую роль въ нашей промышленности крупнаго капитала.

Если, такимъ образомъ, въ годы революціи продолжался обычный процессъ роста промышленнаго капитализма, то вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ исключительныхъ условій революціоннаго времени, намѣтился болѣе интенсивный ростъ крупнаго производства. Всѣ осложненія политическія и соціальныя, которыя принесла съ собой революція, крупное производство выдержало легче, чѣмъ производства мелкія или среднія; въ то время, какъ послѣднія сокращали число рабочихъ или совершенно ликвидировали дѣла, крупныя предпріятія оказались въ силахъ пережить тяжелыя времена и вышли изъ борьбы даже укрѣпленными. Ихъ значеніе въ общемъ строѣ промышленности стало еще болѣе крупнымъ, чѣмъ было раньше, до революціи. Отсюда—укрѣпленіе позицій крупнаго капитала, какъ основное измѣненіе въ строѣ капиталистическихъ отношеній, явившееся результатомъ революціи. Торжество реакціи дало крупному капиталу возможность реализовать свою возросшую силу для активной борьбы съ рабочими, съ одной стороны, и для порабощенія внутренняго рынка—съ другой.

Мы видѣли, что въ разгаръ революціи рабочимъ удалось добиться лучшихъ условій труда—повысить плату, уменьшить продолжительность рабочаго времени,—какъ удалось имъ также измѣнить многое въ строѣ фабричной жизни. Какъ только обнаружилась непрочность политическихъ завоеваній революціи и побѣда реакціонныхъ силъ, крупный капиталъ повелъ систематическую борьбу съ рабочимъ классомъ. Открытое возвращеніе къ старому, путемъ прямого уменьшенія заработной платы и увеличенія рабочаго

времени было припасено къ тому времени, когда воцарится „успокоеніе“ и нельзя будетъ ожидать никакого сопротивленія со стороны рабочихъ. На первыхъ порахъ крупный капиталъ, чувствуя за собой силу, старался вознаградить себя другимъ путемъ — путемъ усиленія интенсивности труда, выжиманія изъ рабочихъ всей той рабочей силы, на которую они способны. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, вводятся техническія усовершенствованія въ производствѣ, къ которымъ до того предприниматели оставались упорно равнодушными, машины начинаютъ примѣняться тамъ, гдѣ раньше довольствовались ручнымъ трудомъ, усиливается ходъ машины, вводится такъ называемая американская система, и т. д. На московской конференціи текстильщиковъ въ докладѣ союза аппретурщиковъ отмѣчалось введеніе во многихъ случаяхъ усовершенствованныхъ машинъ; въ Ивановѣ ускоренъ ходъ ткацкихъ станковъ; въ Кинешмѣ увеличено число оборотовъ машинъ и введены новыя машины; „на фабрикѣ Красильщиковой одинъ рабочій ходитъ теперь за большимъ числомъ станковъ,—чесальныя машины, вырабатывавшія 3 пуда, теперь вырабатываютъ 9 п.“ [1]). „Многія мануфактурныя предпріятія центральнаго района, — читаемъ въ „Торг.-Пр. Газ.“, — въ послѣднее время стремятся къ усовершенствованію производства, устанавливаютъ у себя паровыя турбины“ [2]). Варшавская газета „Наша Жизнь“ произвела въ свое время анкету о причинахъ остраго кризиса въ мѣстной металлообрабатывающей промышленности; опрошенные инженеры, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, указали на вздорожаніе рабочихъ рукъ и единственнымъ выходомъ считали „введеніе новѣйшихъ машинъ и вообще поднятіе техники“ [3]). Въ началѣ 1907 г. въ разныхъ печатныхъ заведеніяхъ Петербурга имѣлось въ наличности около 20 наборныхъ машинъ [4]), а въ послѣдующее время число ихъ увеличилось еще больше. „Повышеніе заработной платы на 30—40 проц. на металлургическихъ заводахъ,—писала въ свое время „Торг.-Пр. Газ.“,— заставило промышленниковъ быть болѣе экономными въ распоряженіи рабочей силы и позаботиться прежде всего о повышеніи производительности труда путемъ соотвѣтственнаго усовершенствованія орудій производства“ [5]). Такъ во многихъ отрасляхъ производства промышленники, подгоняемые завоеваніями, которыя сдѣлали рабочіе во время революціи, вынуждены были позаботиться о техническомъ усовершенствованіи производства, хотя, само собою разумѣется, они помышляли не столько о техническомъ прогрессѣ, сколько объ усиленіи интенсивности труда и объ удешевленіи рабочей силы. Поэтому

---

[1]) См. „Рабочій по металлу“ 1907 г., № 18.
[2]) „Торг.-Пр. Газ.“ 1907 г., № 273.
[3]) „Кузнецъ“ 1908, № 8.
[4]) „Торг.-Газ.“ 1907, № 115.
[5]) „Торг.-Пр. Газ.“ 1907, № 132.

тамъ, гдѣ представлялась возможность, они просто усиливали интенсивность труда, прибѣгая къ скрытымъ или явнымъ способамъ болѣе утонченной эксплоатаціи рабочей силы. Въ петербургской, напр., металлообрабатывающей промышленности поденная плата замѣняется почасной, чѣмъ, между прочимъ, у рабочихъ отнималось вознагражденіе за 3 субботнихъ часа; дѣлается цѣлый рядъ попытокъ перейти къ американской системѣ, что̀ сопровождалось рѣзкимъ пониженіемъ цѣнъ на работу; возстанавливаютъ въ широкихъ размѣрахъ сверхурочныя работы, устраиваютъ даже особыя автоматически запирающіяся ворота, которыя захлопываются точно въ положенный для начала работы часъ, и т. д. [1]). Наиболѣе радикально усиленіе интенсивности труда достигается измѣненіемъ въ распредѣленіи рабочаго времени, переходомъ съ односмѣнной на двух- и трехсмѣнную работу; машины, при такомъ порядкѣ, работаютъ безъ перерывовъ круглыя сутки, а изъ рабочихъ каждой смѣны можетъ быть выжата вся ихъ способность къ труду. Насколько существенно измѣнилось за годы революціи распредѣленіе рабочаго времени, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся къ предпріятіямъ по обработкѣ хлопка [2]):

	Число рабочихъ, работавшихъ:		
	1 компл.	2 компл.	3 компл.
1904 г.	144.034	193.434	716
1905 „	141.982	200.387	823
1907 „	134.130	266.583	2.831

Въ 1907 г., по сравненію съ 1904 г., число рабочихъ, занятыхъ однокомплектной работой, уменьшилось на 6,8 проц., занятыхъ двухкомплектной работой увеличилось на 27,4 проц. и работавшихъ тремя комплектами увеличилось въ 4 раза. Въ двухкомплектной работѣ въ 1907 г. участвовали 71 проц. всего числа женщинъ и подростковъ, 65,7 проц. малолѣтнихъ и 58,8 проц. мужчинъ, т. е. для каждой возрастной группы преобладали двухкомплетныя работы, женщины, подростки и дѣти работали по преимуществу двумя комплектами; меньшее число взрослыхъ мужчинъ, занятыхъ двухкомплектной работой, объясняется только тѣмъ, что они, сверхъ того, были заняты въ трехкомплектной работѣ, куда входитъ ночная работа. Такъ предприниматели вознаградили себя за сокращеніе рабочаго дня, добытое рабочими цѣною упорной борьбы; вводя новые комплекты, хотя и съ меньшей продолжительностью рабочаго времени, они добились болѣе напря-

[1]) Матеріалы объ экономич. положеніи и профессіон. организаціи петербургск. рабочихъ по металлу. Спб. 1909, стр. 108 и сл.

[2]) Продолжительность рабочаго времени въ предпріятіяхъ по обработкѣ хлопка. „Вѣстн. Фин.“ 1908, № 40, см. также изданіе отдѣла промышленности „Данныя о продолжительности рабочаго времени въ предпріятіяхъ по обработкѣ хлопка за 1907 г.“.

женной работы. Это усиленіе интенсивности работы сказалось, между прочимъ, на увеличеніи числа несчастныхъ случаевъ. Какъ разъ въ предпріятіяхъ по обработкѣ хлопка, гдѣ измѣненіе въ распредѣленіи рабочаго времени проявилось наиболѣе ярко, число несчастныхъ случаевъ быстро увеличилось: такъ, на каждую тысячу несчастныхъ случаевъ приходилось на предпріятія по обработкѣ хлопка въ 1904 г. 140,0, въ 1905 г.—155,0, въ 1906 г.—176,3. Точно также и вообще увеличилось число несчастныхъ случаевъ: въ 1904 г. на 1.000 рабочихъ приходилось 28,6 несч. случая, въ 1905 г.—32,0 и въ 1906 г.—36,3 [1]).

Натискъ предпринимателей на рабочихъ не ограничился, однако, усиленіемъ интенсивности работы. На-ряду съ этимъ въ годы революціи намѣтился и другой путь къ возстановленію старыхъ фабричныхъ порядковъ—широкое стремленіе къ замѣнѣ труда мужчинъ трудомъ женщинъ и малолѣтнихъ. Причины такой замѣны весьма просты, и мы находимъ имъ, напр., слѣдующее объясненіе въ „Сводѣ отчетовъ“ фабричныхъ инспекторовъ: „явленіе это есть результатъ бывшаго рабочаго движенія: фабриканты всюду, гдѣ только возможно, замѣняютъ мужчинъ женщинами, не только среди взрослыхъ, но и среди подростковъ, считая женскій элементъ на фабрикахъ болѣе спокойнымъ и устойчивымъ, чѣмъ мужской, тѣмъ болѣе, что такая замѣна выгодна еще и тѣмъ, что женскій трудъ оплачивается вообще дешевле мужского“ [2]). Такимъ образомъ, замѣна мужчинъ женщинами приводитъ къ двойной выгодѣ: мѣсто безпокойнаго элемента занимаетъ элементъ спокойный и понижается заработная плата. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ изъ года въ годъ отмѣчаютъ это измѣненіе въ составѣ рабочихъ на предпріятіяхъ, подчиненныхъ ихъ надзору. Старшій инспекторъ владимірской губ., подводя итоги 1907 г., сообщаетъ: „неизмѣнно ежегодно повторяющееся увеличеніе числа женщинъ наблюдалось съ особой силой и въ отчетномъ году. Въ то время, какъ число мужчинъ, достигавшее въ началѣ года 88.832 чел., увеличилось на 970 чел., т. е. на 0,85 проц., число женщинъ возросло на 7.316, т. е. на 9,25 проц. Усиленіе примѣненія женскаго труда особенно рѣзко выразилось въ бумаготкацкой промышленности, гдѣ женщина-ткачиха вытѣсняетъ мужчину“ [3]). Въ московской губ. наблюдалось то же явленіе, при чемъ, какъ и всюду, замѣна мотивировалась тѣмъ, что „замѣненные рабочіе-мужчины были на фабрикѣ самымъ безпокойнымъ элементомъ“. „Предпочтеніе фабрикантами труду женщинъ, сообщаютъ въ отчетѣ по владимірской губ. за 1908 г., настолько велико, что есть уже

[1]) Къ „Статистикѣ несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабр. инспекціи“ за соотв. годы.

[2]) Сводъ отчетовъ за 1906 г., стр. VII.

[3]) Сводъ отчетовъ за 1907 г., стр. VII.

фабрики, гдѣ женщины, съ одной стороны, исполняютъ обязанности таскальщиковъ тяжестей, съ другой же—занимаютъ мѣста младшихъ конторскихъ служащихъ, пріемщиковъ суровья, товаровъ и т. д.“. Въ московской губ. обойная фабрика, гдѣ исключительно работали женщины, ввела отчасти и женскій трудъ, фабрика жестяныхъ коробокъ ввела женскій трудъ въ паяльномъ отдѣленіи и на механическихъ штампахъ [1]). Аналогичныя данныя имѣются о другихъ губерніяхъ и о прочихъ производствахъ, какъ имѣются и данныя объ увеличеніи на фабрикахъ числа подростковъ и малолѣтнихъ [2]). О силѣ этого процесса можно судить по слѣдующей таблицѣ, въ которой приведено увеличеніе или уменьшеніе (въ %) числа рабочихъ мужчинъ и женщинъ по нѣкоторымъ производствамъ въ 1906 г. по сравненію съ 1904 г. [3]).

Группы производствъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
Обработка хлопка	3,3	+ 9,7
„ льна, пеньки и джута .	+ 11,4	+ 15,9
„ дерева	— 3,1	+ 9,4
„ металловъ	+ 3,0	+ 13,2
„ животныхъ прод. . .	— 2,8	+ 12,0
„ пищевыхъ „ . . .	+ 2,4	+ 10,3

Число женщинъ, какъ это видно изъ таблицы, увеличилось во много разъ больше, чѣмъ мужчинъ, и при томъ даже въ такихъ производствахъ (какъ, напр., обработка металловъ), гдѣ трудъ женщины примѣняется рѣдко.

Мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія остальные пути, по которымъ предприниматели слѣдуютъ къ возстановленію дореволюціоннаго „равновѣсія“ въ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, такъ какъ изученіе такого рода измѣненій въ нашу задачу не входитъ. Мы остановились только на нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ явленіяхъ, свидѣтельствующихъ о тѣхъ результатахъ, къ которымъ привела революція. Экономическая борьба рабочихъ непосредственно улучшила условія ихъ работы: повысилась заработная плата, сократилась продолжительность рабочаго времени, существенно измѣнились общіе фабричные порядки. Крупный капиталъ на первыхъ порахъ стремился возмѣстить понесенный имъ уронъ улучшеніемъ техники производства, замѣной старыхъ машинъ усовершенствованными, введеніемъ машинъ тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, и т. д.—отсюда несомнѣнный технической про-

[1]) Сводъ отчетовъ за 1908 г., стр. 12.

[2]) Усиленіе примѣненія дѣтскаго труда падаетъ преимущественно на мелкія ткацкія фабрики, возникшія „на почвѣ домашней ткацкой промышленности (черезъ раздаточныя конторы), искони широко и безпощадно пользовавшейся трудомъ малолѣтнихъ“ (Сводъ отчетовъ за 1906 г., стр. 14).

[3]) Составлено по „Статистикѣ несчастныхъ случаевъ“ за соотв. годы.

грессъ, которымъ до сихъ поръ и вообще русская промышленность похвалиться не могла. Въ дальнѣйшемъ, поскольку все больше выяснялась побѣда реакціи, капиталъ широко пользуется болѣе простыми, но въ то же время существенно измѣняющими строй промышленности, способами „реванша"— увеличеніемъ интенсивности труда, усиленіемъ эксплоатаціи рабочей силы, замѣной труда мужчины трудомъ женщины, т. е. втягиваніемъ въ капиталистическую обработку новыхъ элементовъ рабочаго населенія. Если технической прогрессъ можетъ только ускорить ростъ промышленнаго капитализма, то остальныя стороны разсмотрѣннаго процесса создаютъ элементы для обостренія классовой борьбы.

Укрѣпляясь на новыхъ позиціяхъ, крупный капиталъ спѣшитъ собрать свои силы, объединиться въ организаціи, умножающія его вліяніе и силу. Мы наблюдали уже возникновеніе ряда синдикатовъ въ разгаръ промышленнаго кризиса начала девятисотыхъ годовъ. Въ революціонное, и особенно въ послѣреволюціонное время это объединеніе капитала происходитъ еще въ болѣе широкомъ масштабѣ. Причиной тому послужила, какъ всегда при возникновеніи синдикатовъ, промышленная депрессія, но еще въ большей степени здѣсь сказались сознанныя капиталомъ, въ годы революціонной борьбы, сила и значеніе объединенія. Послѣ 1905 г. возникаютъ въ желѣзной промышленности такіе крупные синдикаты, какъ „Кровля", „Продвагонъ", синдикаты рельсопрокатныхъ и паровозостроительныхъ заводовъ, „Продарудъ" и т. д.; послѣ 1905 г. расцвѣлъ и наиболѣе вліятельный синдикатъ „Продомета", такъ какъ съ этого времени къ нему примкнулъ рядъ крупныхъ заводовъ [1]). Одновременно съ чрезвычайной быстротой возникаютъ синдикаты и въ другихъ отрасляхъ производства, такъ что въ короткое время вся наша промышленность покрывается густою сѣтью торгово-промышленныхъ организацій. Помимо только-что названныхъ синдикатовъ или такихъ общеизвѣстныхъ, какъ „Продуголь", „Проволока", соляной, сахарный, спичечный, можно указать длинный рядъ синдикатовъ, охватившихъ въ большей или меньшей степени тѣ или другія производства: стекольный, резиновый, цементный, мѣдный, ниточный, мукомольный, мыловаренный, польскій хлопчатобумажный и пр., и пр. На-ряду съ этими, вполнѣ оформленными синдикатами, имѣются въ безконечномъ числѣ зародыши синдикатовъ, неоформленныя соглашенія и объединенія, особенно широко распространенныя въ продажѣ продуктовъ массоваго потребленія; таковы многочисленные синдикаты мясоторговцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые закрылись, а другіе продолжаютъ существовать (брестскій, виленскій, кіевскій и т. д.), союзъ южныхъ прасоловъ, объединеніе мурманскихъ рыбопромышленниковъ, петербургскихъ тор-

[1]) См. Кафенгаузъ, цит. соч.

говцевъ рыбой, кирпичемъ, дровами и т. д. О силѣ всѣхъ этихъ организацій, далеко не призрачной, можно судить по тому, что, напр., синдикатъ „Мѣдь“ объединяетъ 90% производства, „Продарудъ“ — 80%, „Продамета“—75%, „Продуголь—до 70%, „Кровля“—60%, не говоря уже о такихъ синдикатахъ, какъ распавшійся „Гвоздь“ или сахарный, которые объединяютъ все производство.

Всѣ усилія всѣхъ этихъ разнообразныхъ синдикатовъ направлены къ одной цѣли—къ повышенію цѣнъ на товары, и поставленную себѣ задачу они, общими усиліями, разрѣшили въ совершенствѣ. Мы уже приводили выше общія данныя о повышеніи цѣнъ на товары въ 1905 — 1907 г.г.: если принять за 100 уровень цѣнъ на всѣ товары въ среднемъ за періодъ 1890—1899 г.г., то для 1904 г. показатель цѣнъ повысится до 110,4, для 1905 г.—115,1, для 1906 г.—124,2 и для 1907 г.—130,8, т. е. особенно сильно цѣны поднялись съ 1904 по 1907 г. и, въ частности, съ 1905 г. по 1906 г. По отдѣльнымъ группамъ товаровъ цѣны измѣнялись такимъ образомъ [1]):

	Среднее за 1890--1899	1904	1905	1906	1907
Хлѣбные продукты	100	104,8	114,7	119,8	142,3
Животные „	100	121,7	127,8	137,3	148,4
Прядильные матеріалы . .	100	131,3	125,2	139,4	147,1
Продукты горноз. пром. [2]) .	100	106,9	119,0	137,9	141,8
Масличные продукты [3]) . .	100	97,1	102,5	115,8	109,8
Москательные товары [4]) . .	100	102,7	105,3	112,7	121,0
Бакалейные „ [5]) . .	100	108,4	111,4	106,8	105,1

По отдѣльнымъ группамъ товаровъ, какъ видно изъ этой таблицы, цѣны повышались еще болѣе значительно, чѣмъ въ среднемъ для всѣхъ товаровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Что могло послужить причиной такого повышенія? Промышленники, прежде всего, указываютъ на увеличеніе издержекъ производства, на вздорожаніе сырыхъ матеріаловъ и въ особенности на повышеніе заработной платы за годы революціи. Что касается послѣдняго аргумента, то легковѣсность его обнаруживается сама собою, при бѣгломъ даже знакомствѣ съ приведенной таблицей. Допустивъ даже, что повышеніе заработной платы было столь значительно и такъ чувствительно для промышленниковъ, что

---

[1]) См. Ал. Билимовичъ. Подъемъ товарныхъ цѣнъ въ Россіи. Кіевъ, 1909. „Движеніе цѣнъ на товары у насъ и за границей“. Инженеръ С. „Вѣстн. Фин.“, 1908, № 50.

[2]) Сюда входятъ какъ уголь и нефть, такъ и желѣзо, чугунъ, нефть и пр.

[3]) Сюда входятъ сѣмя, масло, жмыхи.

[4]) Сюда входятъ бѣлила, красочные экстракты, поташъ, селитра, сѣра и т. д.

[5]) Сюда входятъ, среди другихъ товаровъ, соль, сахаръ, чай, рисъ.

они должны были повысить цѣну товаровъ, мы находимъ объясненіе для подъема цѣнъ только въ 1905 г., когда послѣдовало дѣйствительное повышеніе заработной платы. Но цѣны товаровъ продолжаютъ повышаться и тогда, когда ростъ заработной платы пріостанавливается; онѣ продолжаютъ повышаться даже и тогда, когда заработная плата начинаетъ понижаться. Мы видѣли, съ какой энергіей принялись промышленники за обезвреживаніе экономическихъ завоеваній рабочихъ, а затѣмъ и за возстановленіе дореволюціонныхъ условій фабричной работы; усиленіе интенсивности труда, измѣненія въ продолжительности рабочаго времени, замѣна труда мужчинъ трудомъ женщинъ фактически быстро обезвредили и уменьшеніе рабочаго дня, и повышеніе заработной платы. Очевидно, подъемъ товарныхъ цѣнъ меньше всего связанъ съ экономическими завоеваніями рабочихъ, ибо при такой связи товарныя цѣны должны были пасть уже въ 1906 г., не говоря уже о 1907 г. Ссылка на вздорожаніе сырыхъ матеріаловъ и вообще на увеличеніе себѣ стоимости продукта, при замкнутомъ кругѣ синдикатской круговой поруки, пріобрѣтаетъ нѣкоторую видимость убѣдительности. Если „Продуголь“ вздуваетъ цѣны на твердое топливо, то „Продамета“ можетъ оправдывать повышеніе цѣны металла повышеніемъ цѣны каменнаго угля. Но если разорвать этотъ кругъ и поставить вопросъ о причинахъ вздорожанія угля, то и отъ ссылки на увеличеніе себѣстоимости останется очень мало. Наиболѣе разительно несоотвѣтствіе между повышеніемъ цѣнъ на фабрикаты и увеличеніемъ цѣны на сырье обнаруживается въ мануфактурной промышленности. Вотъ, напр., цѣны на фабрикаты и сырье въ 1901—03 гг. и 1906 г. [1]):

	1901—3	1906	Повышеніе въ %.
Утокъ № $^{36}/_{38}$ . .	16 р. 83 к.	23 р. 50 к.	39,6
Медіо № 34 . .	17 „ 30 „	24 „ — „	38,7
Миткаль 60 ф. . .	— „ 5,4 „	— „ $7^{1}/_{2}$ „	32,0
„ 74 „ . .	— „ 6,3 „	— „ $8^{15}/_{16}$ „	41,9
„ 80 „ . .	— „ 7,3 „	— „ 10 „	37,0
Хлопокъ среднеаз. .	12 „ 49 „	12 „ 60 „	1,0

Сырой матеріалъ повысился въ цѣнѣ только на 1 проц. въ то время, какъ цѣна издѣлій увеличилась на 32 — 41,9 проц. Очевидно. никакого соотвѣтствія между вздорожаніемъ сырья и вздорожаніемъ фабриката здѣсь нѣтъ. Такое же несоотвѣтствіе можно было бы установить какъ для горнозаводской, такъ и для другихъ отраслей промышленности. Когда промышленники указываютъ, что стоимость оборудованія заведовъ повысилась, а производительность ихъ, за отсутствіемъ спроса, не можетъ быть всецѣло

[1]) В. Шпмановскій. Мануфактурный рынокъ въ 1906 г. „Вѣстн. Фин.“, 1907 г., № 46).

использована и, что это именно обстоятельство заставляетъ ихъ повышать цѣны, то они правы только отчасти и въ самой небольшой степени. Увеличеніе „издержекъ производства“ въ только-что отмѣченномъ смыслѣ не поддавалось быстрымъ измѣненіямъ и на протяженіи значительнаго періода времени оставалось неизмѣннымъ; между дѣла, цѣны, совершенно независимо отъ спроса, продолжала повышаться. Мы видѣли выше, что въ годы революціи, за рѣдкими исключеніями, рынокъ оставался вялымъ, спросъ—слабымъ, но это не удержало цѣны отъ повышенія: онѣ росли, вопреки тому, что спроса не было, и независимо отъ того, увеличились или нѣтъ „издержки производства“.

Несомнѣнно, что при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась торгово-промышленная жизнь страны въ годы революціи, нѣкоторый подъемъ товарныхъ цѣнъ являлся естественнымъ. Перерывы въ производствѣ, сокращавшіе предложеніе, невозможность своевременнаго пополненія товарныхъ складовъ, вынужденная, въ виду народныхъ волненій, оторванность рынковъ, затрудненія въ условіяхъ кредита и осложненія въ денежномъ обращеніи,— все это создавало почву, чрезвычайно благопріятную для подъема товарныхъ цѣнъ, и дѣлало этотъ подъемъ неизбѣжнымъ. Трудно, конечно, сказать, гдѣ кончается вліяніе этихъ исключительныхъ обстоятельствъ и до какого предѣла подъемъ цѣнъ долженъ быть отнесенъ на ихъ счетъ. Но можно положительно утверждать, что безъ воздѣйствія организованнаго капитала этотъ подъемъ не былъ бы столь значительнымъ и такъ продолжителенъ. Подтвержденіе этому можно видѣть какъ въ томъ, что повышеніе цѣнъ продолжалось и тогда, когда вліяніе исключительныхъ условій прекратилось, такъ и въ непосредственномъ вздуваніи цѣнъ синдикатами и прочаго сорта соглашеніями торговцевъ и промышленниковъ. Хроника товарныхъ рынковъ во все время революціи не переставала отмѣчать, что цѣны на синдикатскіе товары стоятъ выше несиндикатскихъ; одного появленія на рынкѣ слуховъ о возникновеніи синдиката достаточно было для того, чтобы цѣны сразу поднялись, такъ какъ складчики спѣшили запастись относительно дешевымъ товаромъ. Съ возникновеніемъ же синдикатовъ цѣны росли безудержно и внѣ какой-либо связи съ состояніемъ производства или положеніемъ рынка. Такъ, синдикатъ „Кровля“ въ приволжскомъ районѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя монополистомъ, сразу поднялъ цѣны на 10—15 проц. въ то время, какъ въ другихъ районахъ, гдѣ требовалось уничтожить конкуррента, цѣны понижались. До возникновенія синдиката „Продуголь“ цѣна на уголь стояла на уровнѣ $6^1/_2$—$7^1/_2$ к.,—синдикатъ поднялъ ее до $8^1/_2$ и даже до 10 к. за пудъ. Прекращеніе дѣятельности синдикатомъ „Гвоздь“ понизило цѣны на 30 проц., а затѣмъ, съ организаціей продажи синдикатомъ „Проволока“, цѣны снова поднялись. Синдикатъ бахмутскихъ солепромышленниковъ поднялъ

цѣны на 200 проц. и т. д.[1]). Нѣтъ положительно ни одной группы производства, гдѣ бы цѣны не были искусственно подняты, благодаря соглашенію предпринимателей въ той или иной формѣ. Неоформленныя соглашенія дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи также вѣрно, какъ самые совершенные синдикаты—форма не играла никакой роли, важенъ былъ только самый фактъ соглашенія. Московскіе или ивановскіе мануфактурные фабриканты не объединены въ синдикатъ, но это не помѣшало имъ солидарно повышать цѣны даже и въ тѣ періоды, когда спросъ ослабѣвалъ. Еще менѣе можно говорить объ организованности тѣхъ нижегородскихъ складчиковъ, которые, какъ мы видѣли выше, просто обязались „честнымъ словомъ“ не продавать ниже опредѣленной цѣны. Тонъ этой вакханаліи задавалъ организованный капиталъ, но его съ достойнымъ усердіемъ поддерживалъ всякій, кому не была лѣнь.

Въ общемъ хаосѣ дезорганизаціи производства и сбыта капиталъ нашелъ источникъ для укрѣпленія своего вліянія на внутреннемъ рынкѣ, который сталъ его вотчиной. Высокія цѣны не ослабили промышленной депрессіи, не спасли отъ крушенія мелкія предпріятія, которыя въ синдикатъ и соглашенія не входятъ, но сохранили силу за крупными предпріятіями, во много разъ увеличили силу и значеніе крупнаго капитала. Не случайность, поэтому, что именно въ послѣдніе годы промышленники заговорили объ образованіи трестовъ. Крупный капиталъ уже не довольствуется организаціей сбыта, онъ стремится къ дальнѣйшему объединенію и ставитъ на очередь организацію производства. Синдикаты дали ему все, что они могли дать, но стать полновластнымъ властителемъ рынка капиталъ можетъ только послѣ того, какъ онъ объединитъ производство. Нѣкоторыя функціи трестовъ синдикаты выполняли и раньше. Такъ какъ никто изъ участниковъ соглашенія не имѣетъ права продавать помимо синдиката, то заказами центральной конторѣ синдиката и опредѣляется размѣръ производства на каждомъ заводѣ; обладая всѣми данными о производительности заводовъ, синдикаты, кромѣ того, сами опредѣляютъ, сколько и что именно долженъ производить каждый заводъ[2]). Такимъ образомъ, синдикаты получаютъ возможность, помимо сбыта, регулировать также производство, т. е. присваивать себѣ нѣкоторыя функціи трестовъ. Но, конечно, этой рудиментарной формѣ объединенія производства еще далеко до настоящаго треста, и потому промышленники такъ энергично стремятся перейти къ формѣ самой совершенной. Недовѣріе, оказанное на первыхъ порахъ проекту металлургическаго треста въ Гос. Думѣ, печатью и даже правительствомъ, нисколько ихъ не обезкуражило. „Какимъ образомъ

[1]) Дальнѣйшія подробности можно найти въ цит. книгѣ г. Кафенгауза и въ анкетѣ о синдикатахъ газеты „Русское Слово“.

[2]) Кафенгаузъ, цит. соч., стр. 153.

вы изловите трестъ?—съ нескрываемой ироніей спрашивалъ своихъ противниковъ г. Вольскій на совѣщаніи о положеніи металлургической и машиностроительной промышленности [1]).—Вы изловить его не можете. Мнѣ представляется яснымъ, что, что бы вы ни предпринимали, разъ только въ самой промышленности, среди самихъ промышленниковъ, существуетъ потребность въ этомъ, то, конечно, вы это никакъ не уловите, никакъ эту организацію не прекратите и не искорените". Эти угрозы, сказанныя въ маѣ 1908 г., уже къ серединѣ 1910 г. звучали анахронизмомъ. Промышленникамъ не придется укрываться въ „подпольѣ" и дѣйствовать въ обходъ закона. Можно ожидать, что вслѣдъ за одобреніемъ, заявленнымъ правительствомъ по отношенію къ синдикатамъ, послѣдуетъ признаніе полезности и трестовъ, и фактическая побѣда крупнаго капитала будетъ закрѣплена положительнымъ закономъ.

Въ этомъ объединеніи крупнаго капитала и въ укрѣпленіи его позицій можно видѣть наиболѣе существенное измѣненіе въ строѣ промышленности, явившееся результатомъ революціи. Ростъ промышленнаго капитализма, усиленная концентрація производства, замѣтный техническій прогрессъ, увеличеніе интенсивности труда съ одновременнымъ усиленіемъ эксплоатаціи рабочей силы, чрезвычайный ростъ и вліяніе синдикатовъ и другихъ предпринимательскихъ организацій—таковы главнѣйшіе факты, въ которыхъ проявилось это измѣненіе.

---

[1]) Стенограммы совѣщанія, стр. 218.

Измѣненія въ сферѣ финансовъ и Государственнаго Кредита.

В. МУКОСѢЕВЪ.

Государственное хозяйство.

(Военное и переходное время 1904—1907 гг.).

I.

Начало двадцатаго столѣтія въ области нашего государственнаго хозяйства не ознаменовалось поворотомъ къ лучшему и не принесло съ собой сколько-нибудь замѣтныхъ измѣненій; точно также не изъ этой даты исходитъ то теченіе въ финансахъ страны, которое, видоизмѣняясь и непрерывно наростая, привело, въ концѣ концовъ, государственное хозяйство Россіи къ тяжкому кризису. Пышный расцвѣтъ міровой политики русскаго правительства во второй половинѣ девяностыхъ годовъ и китайская экспедиція, острый застой промышленности 1899—1900 гг. и хроническіе неурожаи только констатировали скорую неизбѣжность этого кризиса, подготовлявшагося въ теченіе предшествовавшихъ десятилѣтій. Блестящая же по внѣшности финансовая система, построенная на не эластичной узко-классовой организаціи налоговъ и эксплоатаціи государственнаго кредита, внутри себя содержала элементы краха, ибо стояла въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ низкимъ уровнемъ народнаго хозяйства и, отягощая податныя силы страны, препятствовала его поступательному развитію. Развалъ этой системы можно было задержать, но нельзя было предотвратить его.

Къ разсматриваемому времени концентрація экономической политики въ рукахъ правительства достигла крайнихъ предѣловъ. Американскій экономистъ Джекобсонъ, чуждый идеямъ „государственнаго соціализма“ и воспитанный на принципахъ хозяйственной свободы, по этому поводу писалъ: „никогда, быть можетъ, въ исторіи человѣчества дѣятельность правительства въ чисто промышленной области не была болѣе широкой и всеобъемлющей, чѣмъ за послѣдній періодъ русской исторіи. Русское правительство съ помощью центральнаго государственнаго банка контролируетъ финансовое положеніе страны: оно владѣетъ и управляетъ двумя третями всей желѣзнодорожной сѣти и семью восьмыми всѣхъ телеграфовъ. Почти одна треть всей земли и двѣ трети лѣсовъ еще въ его непосредственномъ завѣдываніи. Оно владѣетъ наиболѣе цѣнными рудниками и обрабатываетъ на своихъ заводахъ продукты, добытые изъ этихъ рудниковъ. Оно продаетъ всѣ спиртные напитки, потребляемые свыше чѣмъ 120 милліоннымъ населеніемъ, и скупаетъ весь спиртъ, необходимый для народнаго потребленія. Русское государство, какъ было правильно указано, „самый крупный земле-

владѣлецъ, самый крупный капиталистъ, самый крупный строитель желѣзныхъ дорогъ и самый крупный предприниматель во всемъ мірѣ [1]).

Столь значительное сосредоточеніе въ рукахъ правительства важнѣйшихъ хозяйственныхъ отраслей навязывало государственному казначейству чуждыя для него функціи руководящаго органа экономической политики страны. Въ одномъ изъ докладовъ министръ финансовъ Витте писалъ, что „сдержанность (въ расходахъ) имѣетъ свои предѣлы, за которыми отклоненіе предъявляемыхъ требованій о разрѣшеніи расходовъ можетъ угрожать серіозными затрудненіями нормальному развитію гражданской и экономической жизни страны... Въ нашемъ отечествѣ, изобилующемъ разнообразными естественными богатствами для возвышенія своего благосостоянія, финансовая политика не только не должна упускать изъ вниманія нежелательныхъ послѣдствій излишней сдержанности, но, напротивъ, должна поставить своей задачею разумное содѣйствіе экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ [2]). Такая активная финансовая политика требовала обширныхъ денежныхъ рессурсовъ, ибо выполненіе ея, поставленное внѣ всякаго общественнаго контроля, въ конечномъ итогѣ опиралось на средства государственнаго казначейства.

Такимъ образомъ, финансовое хозяйство Россіи, не замыкаясь въ опредѣленныхъ границахъ, вмѣщало въ себѣ посторонніе ему элементы, какъ-бы являясь нервомъ экономической жизни страны. Но это расширеніе финансовой власти правительства достигалось при помощи займовъ и путемъ усиленія податныхъ тяготъ, которыя всею своею тяжестью ложились на плечи малоимущей части населенія, представлявшей въ податномъ смыслѣ весьма слабую силу. Подходя къ народно-хозяйственному доходу съ масштабомъ большого измѣренія, правительство подымало налоговыя поступленія, которыя шли на оплату долговъ, на цѣли милитаризма, на постройку стратегическихъ линій, на поддержку дворянъ (дворянскій земельный кредитъ) и крупной буржуазіи (промышленныя ссуды, вывозныя преміи и всякія тарифныя покровительства), не давая взамѣнъ ничего положительнаго, не содѣйствуя повышенію этого дохода. Неизбѣжное при такой финансовой политикѣ ослабленіе податныхъ силъ, принявшее въ первой половинѣ девятисотыхъ годовъ тревожные размѣры и вызвавшее учрежденіе „Комиссіи для обсужденія вопроса объ экономическомъ положеніи населенія центрально-черноземнаго района Европейской Россіи“ и „Особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“, еще усугублялось „міровой политикой“, въ которой Россія начала играть активнѣйшую роль съ момента вступленія на постъ министра иностранныхъ дѣлъ кн. Лобанова-Ростовскаго. Агрессивное

---

[1]) Departament of Commerce and Labour. *Commercial Russia* in 1904, page 2755.
[2]) *Министерство Финансовъ*, II, 315, 1902.

движеніе на Дальній Востокъ въ концѣ девяностыхъ годовъ, китайскій походъ и занятіе Манчжуріи не прошли даромъ для государственнаго казначейства и ознаменовались цѣлой серіей повышеній налоговыхъ ставокъ [1]).

Въ частности, система вооруженнаго мира, который царилъ въ Европѣ, и положеніе Россіи, какъ міровой державы, въ свою очередь, требовали усиленныхъ тратъ на военное дѣло. Фактъ созыва мирной конференціи (въ 1898 г.), исходившій отъ русскаго царя, неоспоримо доказывалъ чрезмѣрное отягощеніе государственнаго бюджета военными расходами. „Правительственный Вѣстникъ“ тогда заявилъ, что „такіе колоссальные расходы, конечно, не могутъ быть производительными. Они истощаютъ источники доходовъ націи, содѣйствуютъ увеличенію налоговъ, парализуютъ дѣятельность финансовыхъ органовъ и задерживаютъ развитіе общаго благосостоянія“. Существенныхъ послѣдствій для государственнаго бюджета это заявленіе не имѣло. Вопросъ о боевой готовности продолжалъ стоять такъ же остро, какъ и раньше [2]).

Еще за нѣсколько лѣтъ до начала войны съ Японіей въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ практиковалось накопленіе запаснаго фонда, т. е. вопросы *финансовой боевой готовности* не только не *игнорировались, но, напротивъ, правительство* стремилось къ ихъ разрѣшенію въ той или иной формѣ. Подобное обстоятельство было тѣсно связано *съ усиленіемъ обложенія* и ростомъ бюджета, ибо суммы указаннаго фонда имѣли налоговое происхожденіе.

Конечно, излишки доходовъ надъ расходами, будучи зачислены въ запасныя средства, въ свободную наличность казначейства, не оказывали на народно-хозяйственную жизнь благотворнаго вліянія и, извлекаемые изъ ея оборота, приносили только вредъ, заставляя праздно лежать многомилліонный капиталъ и ослабляя податныя силы населенія. Съ другой стороны, эта система служила превосходной декораціей для нашихъ финансовъ; при ея помощи замаскировалось налоговое переутомленіе и бюджетные дефициты. Но благодаря запасному фонду, правительство всегда имѣло въ своемъ распоряженіи сотни милліоновъ рублей и ему нестрашны были внезапныя внутреннія и внѣшнія осложненія.

Вышеизложеннымъ не исчерпывается финансовая политика, которой дер-

---

1) *Мигулинъ*, Война и наши финансы, ст. 13—19 и слѣд. Харьковъ. 1905.

2) Вопросъ о финансовой боевой готовности впервые былъ поднятъ при министрѣ Вышнеградскомъ (см. всеподданнѣйшій докладъ о росписи на 1888 г.), который противопоставлялъ финансовую готовность къ войнѣ боевой готовности, запасный военный фондъ вооруженной арміи. При Виттѣ эта идея получила дальнѣйшее развитіе, но не въ такомъ видѣ, какъ она формулировалась Вышнеградскимъ. На-ряду съ накопленіемъ запаснаго фонда былъ увеличенъ численный составъ арміи и флота. Накопленіе запаснаго фонда производилось отчасти изъ займовъ, но главнымъ образомъ изъ излишковъ, получавшихся отъ преуменьшеннаго исчисленія доходовъ.

жалось правительство наканунѣ войны съ Японіей. Ни одно государственное хозяйство въ мірѣ не имѣло столько задачъ, сколько русское. И эта специфическая особенность должна быть для него роковой. Достаточно указать, что за время съ 1893 г. по 1903 г. въ распоряженіе правительства поступило въ общемъ итогѣ 3.043.773.000 рублей, но изъ этой громадной суммы почти ничего не было израсходовано на поднятіе народнаго благосостоянія. Выкупъ и постройка желѣзныхъ дорогъ, стоимость которыхъ къ 1903 г. достигала пяти милліардовъ рублей, взвалили на государство ежегодные расходы, вызываемые покрытіемъ убытковъ по эксплоатаціи: съ 1893 г. по 1903 г. убытки казны отъ желѣзныхъ дорогъ достигли 439,7 милл. рублей. Винная монополія служила интересамъ высокопоставленныхъ винокуровъ, а цѣна на вино, опредѣляемая министромъ финансовъ, становится орудіемъ повышенія государственныхъ доходовъ. Промышленный кризисъ въ концѣ 90-хъ годовъ потребовалъ ссудъ изъ государственнаго банка на 170 милл. руб., которые только задержали агонію ряда предпріятій, дышавшихъ на ладанъ. Неблагопріятные для насъ разсчетные балансы, вызывая отливъ золота за границу, свидѣтельствовали объ угрожающей народному хозяйству опасности [1]).

Купленная дорогой цѣною золотая валюта покоилась на неустойчивомъ базисѣ и для урегулированія денежнаго обращенія правительство прибѣгало къ чисто механическимъ пріемамъ привлеченія золота въ Россію. Заключая для этой цѣли займы и подымая ставки таможеннаго тарифа, оно, однако, ничего не сдѣлало для того, чтобы вызвать естественный притокъ золота путемъ расширенія вывоза продуктовъ той части нашей обрабатывающей и добывающей промышленности, которая могла бы прочно завоевать внѣшній рынокъ, или, по крайней мѣрѣ, успѣшно конкуррировать у себя дома съ привозными товарами.

Итакъ, концентрація экономической политики и сосредоточеніе народныхъ рессурсовъ въ рукахъ правительства, неэластичный доходный бюджетъ, построенный на косвенныхъ налогахъ, введеніе въ кругъ казначейства задачъ, преисполненныхъ величайшей трудности—постройка и эксплоатація желѣзныхъ дорогъ и даже чужихъ—промышленныя ссуды и покровительство дворянскому землевладѣнію, невозможность выполненія этихъ задачъ безъ усиленія государственнаго долга и непрерывнаго увеличенія налоговъ, какъ результатъ крупной задолженности заграницѣ—неблагопріятные изъ года въ годъ разсчетные балансы, которые заставляли опасаться за прочность валюты и которые требовали спеціальныхъ мѣропріятій по привлеченію золота въ страну, агрессивная международная политика, требовавшая большихъ расходовъ на

[1]) „.. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ съ 1893 по 1903 г. включительно, страна уплачивала въ среднемъ ежегодно по разсчетнымъ балансамъ 243.200.000 р.“. *С. С. Х*, Финансы Россіи, стр. 49, СПБ. 1908.

милитаризмъ и накопленія запаснаго фонда, хроническіе неурожаи, промышленный кризисъ, явное ослабленіе платежныхъ силъ и пониженіе народнохозяйственнаго дохода, — обусловили собой тотъ кризисъ государственнаго хозяйства, который особенно рельефно проявилъ себя въ революціонную эпоху и признаки котораго наблюдались еще до начала русско-японской войны.

Рудольфъ Мартинъ, характеризуя итоги русской финансовой политики за время, предшествовавшее войнѣ, между прочимъ, указывалъ: „Внѣшній блескъ русскихъ финансовъ, которымъ до сихъ поръ правительство ослѣпляло лицъ мало свѣдущихъ, покоился на двухъ причинахъ, а именно: на наплывѣ иностранныхъ капиталовъ и на абсолютизмѣ. Двѣнадцать милліардовъ марокъ (5.556 милліоновъ рублей), которыя иностранныя государства дали взаймы Россіи, и четыре милліарда марокъ (1.852 милліона рублей), которыя иностранцы вложили въ промышленныя предпріятія Россіи, придали бѣдной Россіи богатый видъ. Они дали возможность Россіи ввести золотое обращеніе, платить проценты по долгамъ и вести міровую политику. При конституціонной формѣ правленія, русское государство не было бы въ состояніи провести равновѣсіе бюджета, золотое обращеніе, переходъ желѣзныхъ дорогъ къ государству и правильный платежъ процентовъ по долгамъ. Для такихъ дѣлъ Россія слишкомъ бѣдна. *Только желѣзная рука абсолютизма создала блестящее финансовое положеніе Россіи на счетъ народнаго хозяйства и жизненныхъ силъ народа*“ [1]).

Нижеслѣдующія таблицы даютъ представленіе о ростѣ бюджета и о размѣрахъ свободной наличности въ предшествовавшій указаннымъ событіямъ періодъ [2]).

I.

Годы.	Обыкнов. доходы (милл. руб.). Всѣ.	Безъ доход. отъ каз. жел. дор. и винн. монополіи.	Возраст. въ % %. Доходовъ.	Населенія.	Всѣхъ доходовъ на душу. Рубли.
1892 . . .	964,7	890,3	—	—	8,2
1893 . . .	1.031,5	946,3	6,29	1,3	8,7
1894 . . .	1.145,4	1.029,3	15,62	2,8	9,5
1895 . . .	1.244,4	1.038,8	16,69	4,2	10,1
1896 . . .	1.368,7	1.047,7	17,68	5,8	10,9
1897 . . .	1.416,4	1.086,1	21,99	7,3	11,2
1898 . . .	1.584,8	1.134,5	27,44	8,8	11,6
1899 . . .	1.673,3	1.215,0	36,48	10,4	12,9
1900 . . .	1.704,1	1.224,5	37,55	11,8	12,9
1901 . . .	1.799,4	1.257,4	41,24	13,3	13,5
1902 . . .	1.905,4	1.286,8	44,65	14,6	14,0
1903 . . .	2.031,8	1.344,6	51,02	16,4	14,7

[1]) *R. Martin*, Die Zunkunft Russlands, S. 128. Lpzg. 1906.

[2]) Данныя для таблицъ взяты: Кашкаровъ, Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія, т. I (1892—1901), стр. 72, Спб. 1903.—*С. С. Х.*, l. c., вѣдомости. — Мигулинъ, Русскій государственный кредитъ, т. III, стр. 1024, 1037. X. 1907.

II

Годы.	Обыкновенные доходы съ остатками отъ заключенныхъ смѣтъ.	Обыкнов. расходы.	Превышеніе доходовъ.		Свободн. наличн. казначейства[1]).	Всѣ обыкновенные и чрезв. расходы.	Тоже на душу. Рубли.
				въ %.			
1892. . .	979,6	928,0	51,6	5,5	71,9	1.125,4	9,66
1893. . .	1.054,8	946,5	107,9	11,4	239,5	1.060,5	8,97
1894. . .	1.163,3	991,2	172,1	17,3	333,4	1.155,1	9,63
1895. . .	1.276,1	1.137,8	138,2	12,1	273,9	1.520,8	12,48
1896. . .	1.427,9	1.229,0	198,9	16,2	246,5	1.484,3	11,99
1897. . .	1.429,3	1.299,6	129,6	10,0	214,7	1.494,5	11,89
1898. . .	1.596,1	1.358,3	237,8	17,9	134,9	1.772,2	13,87
1899. . .	1.681,2	1.363,2	217,6	14,8	216,7	1.785,1	13,76
1900. . .	1.764,1	1.555,4	208,7	13,4	104,9	1.889,2	14,34
1901. . .	1.834,8	1.664,9	169,9	10,2	268,4	1.874,3	14,02
1902. . .	1.925,1	1.802,1	122,9	6,8	257,4	2.167,1	15,96
1903. . .	2.057,3	1.883,0	174,3	9,3	381,3	2.107,8	15,28

Изъ первой таблицы видно, что за двѣнадцатилѣтній періодъ 1892—1903 гг. обыкновенные государственные доходы, за исключеніемъ поступленій отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и прибыли винной монополіи, увеличились на 51,02%, т. е. болѣе, чѣмъ въ три раза по сравненію съ ростомъ населенія, которое за разсматриваемое время возросло только на 16,4%. Естественно, подобное обстоятельство рѣшающимъ образомъ вліяло на размѣръ платежей, вносимыхъ населеніемъ въ государственное казначейство. Если же взять общую цифру обыкновенныхъ доходовъ (не прибавляя къ ней остатки отъ заключенныхъ смѣтъ), которой характеризуется отношеніе бюджета къ народно-хозяйственному доходу, и раздѣлить ее на цифры населенія, то получимъ поразительные результаты: за указанный періодъ эти платежи поднялись съ 8,2 руб. до 14,7 руб. на душу или на 79,2%, между тѣмъ какъ само населеніе увеличилось на 16,4%, т. е. запросы къ народно-хозяйственному доходу со стороны бюджета необыкновенно повысились, обогнавъ ростъ населенія почти въ пять разъ.

Данныя второй таблицы показываютъ соотношеніе между обыкновенными доходами и расходами. Мы видимъ, что доходы превышали расходы,—этому обстоятельству, главнымъ образомъ, обязано накопленіе свободной наличности. Но, тѣмъ не менѣе, достигнуть прочнаго бюджетнаго равновѣсія не всегда удавалось. Общая сумма обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ часто превышала наличные доходы, которые въ своемъ ростѣ временами отставали

[1]) Къ 1 января.

отъ роста расходовъ. Въ результатѣ—займы [1]). Для сравненія приводимъ сводную таблицу, показывающую всѣ доходы и всѣ расходы (въ милліонахъ рублей):

Годы.	Сумма всѣхъ доходовъ обыкнов. и чрезвычайн.	Сумма всѣхъ расходовъ обыкнов. и чрезвычайн.	Превышеніе (+) или перерасходъ (—).
1893	1.239,8	1.060,5	+ 179,2
1894	1.247,3	1.155,1	+ 92,2
1895	1.443,4	1.520,8	— 77,3
1896	1.474,3	1.484,3	— 10,0
1897	1.472,5	1.494,5	— 22,1
1898	1.689,7	1.772,2	— 82,4
1899	1.869,2	1.785,1	+ 84,1
1900	1.800,7	1.889,2	— 88,4
1901	2.019,1	1.874,3	+ 144,9
1902	2.138,6	2.167,1	— 29,1
1903	2.235,3	2.107,8	+ 127,4
Итого	18.629,7	18.311,3	+ 318,4

Такимъ образомъ, за одиннадцать лѣтъ общій бюджетный дефицитъ былъ шесть разъ, а превышеніе доходовъ надъ расходами пять разъ. Выведенная цифра 318,4 милл. руб. не есть результатъ сбереженій, ибо изъ нея нужно исключить выручку по двумъ 4% внѣшнимъ займамъ 1901—1902 г. въ суммѣ 324, 25 милл. руб., а безъ нея получится даже дефицитъ въ 5,8 милл. руб.

II.

Государственное хозяйство, построенное на принципѣ достаточности, который выражается въ строгомъ соотношеніи доходовъ съ расходами, въ бюджетномъ равновѣсіи, разсчитано на нормальное время. Всякая война, предъявляя къ финансовымъ силамъ страны чрезвычайные запросы, нару-

[1]) Поступленія отъ займовъ за время 1893—1903 г. составили 1.217,3 милл. руб. при общей суммѣ чрезвычайныхъ поступленій 1.342,8 милл. руб. Чрезвычайныхъ расходовъ за это время было сдѣлано 2.979,3 милл. руб.; изъ нихъ ушло: на желѣз.-дорожн. дѣло 1.647,4 милл. руб., на улучшеніе и сооруженіе портовъ—17,2 милл. руб., на усиленіе средствъ госуд. банка—42,3 милл. руб., на выкупъ пропинаціи—33,6 милл. руб., на систему госуд. кредита—376,7 милл. руб., въ возвратъ долга госуд. банку—481,6 милл. руб., на военн. надобности—295,9 милл. руб. и на продовольственные расходы—84,7 милл. руб. Недоборы въ чрезвычайныхъ доходахъ пополнялись изъ свободной наличности государственнаго казначейства. Мигулинъ, l. c. 1033.

шаетъ принципъ достаточности и вызываетъ кризисъ государственнаго хозяйства, ибо послѣднее ставится въ зависимость отъ случая и находится во власти всякаго рода критическихъ обстоятельствъ. Поэтому, строго говоря, въ періоды войнъ не можетъ идти рѣчь о нормальныхъ отправленіяхъ государственнаго хозяйства,—чрезвычайныя событія порождаютъ чрезвычайныя мѣры. Но какъ показала англо-бурская война, при эластичной податной системѣ и солидной емкости внутренняго денежнаго рынка государственное хозяйство можетъ безъ особыхъ напряженій вынести бремя войны, не разстраивая народно-хозяйственную жизнь ни бумажными деньгами, ни принудительными займами, ни повышеніемъ налоговъ на необходимое (акцизы) [1]). Въ данномъ случаѣ задача сводится къ тому, чтобы передвинуть центръ тяжести финансоваго кризиса на народное хозяйство. И чѣмъ выше уровень послѣдняго и чѣмъ совершеннѣе податная система, тѣмъ легче онъ воспринимается,—наличность непосредственной связи между народнымъ хозяйствомъ и государственными финансами ослабляетъ остроту государственно-хозяйственнаго кризиса. Но при другихъ условіяхъ, когда народное хозяйство и податная организація находятся на низкомъ уровнѣ, выполненіе данной задачи можетъ пагубно отразиться на народномъ хозяйствѣ, и тогда финансовый кризисъ принимаетъ затяжной, длительный характеръ. Въ отношеніи русскихъ финансовъ послѣдняя война, какъ увидимъ ниже, имѣла въ высшей степени печальные результаты.

За нѣсколько недѣль до начала военныхъ дѣйствій съ Японіею министръ финансовъ, представляя всеподданнѣйшій докладъ по поводу росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1904 г., отмѣтилъ въ немъ, что „...финансы Россіи находятся въ благопріятномъ состояніи: исполненіе росписи истекающаго года (1903) оказывается вполнѣ хорошимъ, свободная наличность достигаетъ крупнаго размѣра, а роспись на 1904 годъ сведена съ соблюденіемъ должнаго равновѣсія между доходами и расходами".

Несмотря на то, что въ воздухѣ уже пахло порохомъ, тонъ доклада былъ оптимистическій и спеціальныхъ ассигнованій на усиленіе обороны на Дальнемъ Востокѣ въ роспись внесено не было. Правда, кредитъ Россіи стоялъ высоко и свободная наличность выражалась въ крупной цифрѣ, но при условіи, что въ это время въ Японіи была произведена частичная мобилизація—подобный оптимизмъ не находилъ себѣ оправданія. Обыкновенные доходы на 1904 г. были исчислены въ суммѣ 1.980 милл. руб. и превышали обыкновенные расходы (1.966 милл. руб.) на 14 милл. руб.; чрезвычайные расходы на 1904 г. значились въ 212,2 милл. руб., которые предполагалось покрыть излишкомъ обыкновенныхъ доходовъ (14 милл. руб.),

1) *W. Hilsenbeck*, Die Deckung d. Kosten des Kriegs in Süd-Afrika von 1899—1902, auf Seite Englands. Stuttgart u. Bel. 1904.

поступленіями отъ вѣчныхъ вкладовъ (2,7 милл. руб.) и изъ свободной наличности (195,8 милл. руб.). Вопросъ же о займѣ, который можно было заключить на благопріятныхъ условіяхъ, ибо 4% рента тогда стояла на уровнѣ 99,50, совершенно не дебатировался,—объ этомъ обстоятельствѣ съ сожалѣніемъ вспоминали три мѣсяца спустя, когда пришлось размѣщать 5% обязательства государственнаго казначейства и когда курсъ ренты упалъ до $88^1/_4$.

Война застала наше финансовое вѣдомство, какъ и военное, врасплохъ [1]). Свободная наличность, на которую указывалъ министръ финансовъ въ упомянутомъ докладѣ, въ январѣ 1904 г. достигала 352,4 милл. руб., но такъ какъ изъ этой суммы должны быть покрыты чрезвычайные расходы на 195,8 милл. руб., то наличность казначейства, свободная отъ какихъ-либо обязательствъ, уменьшалась до 156,6 милл. руб. Эта столь незначительная въ условіяхъ военнаго времени величина вызывала необходимость изысканія новыхъ рессурсовъ. Согласно съ Высочайше утвержденнымъ 6 марта 1904 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было сокращено уже разрѣшенныхъ расходовъ на 134,4 милл. руб. Данное сокращеніе коснулось, главнымъ образомъ, росписи 1904 г., изъ которой исключено 115,5 милл. руб.; остальная часть сокращеній падаетъ на счетъ росписей предшествовавшихъ лѣтъ. Важно отмѣтить, что непроизводительные расходы совершенно не пострадали отъ этихъ сокращеній, распространившихся преимущественно на производительную часть расходнаго бюджета. Кромѣ упомянутыхъ сокращеній, Высочайшими указами 19 февраля и 1 апрѣля сдѣлано увеличеніе рессурсовъ казначейства путемъ сокращенія расходовъ на содержаніе Императорскаго Двора на 1 милл. руб. и отсрочки на 10 лѣтъ 2,9 милл. руб., которые казна уплачивала удѣльному вѣдомству взамѣнъ выкупныхъ платежей, поступавшихъ въ ея распоряженіе съ крестьянъ бывшихъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ. И далѣе, согласно Высочайшаго указа 19 марта, зачислено въ рессурсы казны свободныхъ остатковъ отъ ассигнованій прошлыхъ лѣтъ 10 милл. руб. Въ результатѣ указанныхъ урѣзокъ роспись на 1904 г. въ части, касающейся расходовъ, измѣнилась и приняла такой видъ (въ милл. руб.):

	Первоначальныя назначенія.	За измѣненіями, послѣдовавшими по случаю войны.	±
Расходы обыкновенные . . .	1.966,4	1.909,2	— 53,2
„ чрезвычайные . . .	212,2	153,9	— 68,3
	2.178,6	2.063,1	— 115,5

[1]) Въ правительственномъ сообщеніи по поводу указа 6 марта о сокращеніи расходовъ говорилось: „Начавшаяся, вопреки миролюбивымъ намѣреніямъ Россіи, война не застала, однако, нашу родину врасплохъ въ финансовомъ отношеніи“.

Независимо отъ сокращенія расходной части бюджета и другихъ мѣръ, направленныхъ къ усиленію рессурсовъ казначейства, было приступлено къ изысканію средствъ для покрытія военныхъ издержекъ путемъ займовъ. Согласно Высочайшаго указа 29 апрѣля, на парижскомъ рынкѣ былъ произведенъ выпускъ 5% обязательствъ казначейства на нарицательный капиталъ 300 милл. руб. срокомъ на 5 лѣтъ, т. е. $^{1}/_{14}$ мая 1909 г. эти обязательства подлежали выкупу по нарицательной цѣнѣ. Выручка отъ этого займа составила 282 милл. руб. или 94,36%, что при оплатѣ интереса изъ 5% и погашенія въ короткій срокъ по номинальной цѣнѣ нужно признать маловыгодной операціей. Несмотря на тревожное положеніе внутренняго денежнаго рынка, онъ не былъ пощаженъ. Высочайшимъ указомъ 30 іюня министру финансовъ предоставлялось право на выпускъ шести серій 3,6% билетовъ государственнаго казначейства по 25 милл. каждая, а всего на 150 милл. руб.; билеты эти выпускались на четырехлѣтній срокъ и принимались во всѣ платежи казначейства и государственнаго банка наравнѣ съ кредитными билетами, т. е. имъ было придано значеніе процентныхъ бумажныхъ денегъ. Серіи прошли туго, онѣ были навязаны частнымъ банкамъ и сберегательнымъ кассамъ, каковое обстоятельство было сопряжено съ комиссіонными расходами по размѣщенію, такъ что вся выручка составила 148,538 милл. руб. (100,038 милл. руб. поступило въ 1904 г. и 48,5 милл. руб. въ 1905 г.) или 99%.

Чрезвычайныя поступленія въ 1904 г. были ограничены указанными операціями. Соотношеніе между доходами и расходами за первый годъ войны получилось такое (въ милл. руб.):

	Доходы.	Расходы.	Превышеніе (+) или перерасходъ (—)
Обыкновенный бюджетъ . . .	2.032,4	1.906,8	+ 125,6
Чрезвычайный „ . . .	388,1	830,8	— 442,7
	2.420,5	2.737,6	— 317,1

Полученный по общему бюджету дефицитъ въ суммѣ 317,1 милл. руб. былъ покрытъ изъ свободной наличности государственнаго казначейства, размѣры которой въ концѣ 1904 г. уменьшились съ 381,3 милл. руб. до 61,8 милл. руб.

Такимъ образомъ, первый годъ войны, стоившій 676,8 милл. руб., прошелъ для русскихъ финансовъ въ общемъ удовлетворительно, и военныя издержки частью были покрыты краткосрочными займами, частью изъ суммъ „запаснаго фонда“—свободной наличности и спеціальными выпусками кредитныхъ билетовъ. Несмотря на жестокія пораженія, которыя терпѣла рус-

ская армія при столкновеніи съ японцами при Ляоянѣ и Шахе, паденіе Портъ-Артура и гибель судовъ дальневосточной эскадры, нашъ государственный кредитъ былъ поколебленъ мало, и довѣріе къ русскому оружію еще окончательно не утратилось: 4% рента къ концу 1904 г. стояла около 92, мнѣніе западно-европейской печати, за исключеніемъ англійской, относительно русскихъ финансовъ было благопріятное и въ близость революціи никто не вѣрилъ.

Роспись на 1905 г., впервые составленная послѣ двадцатипятилѣтняго мирнаго періода, слабо отразила на себѣ условія военнаго времени [1]). Въ докладѣ по поводу росписи министръ финансовъ писалъ: „Безпрепятственное покрытіе въ 1904 г. крупныхъ экстренныхъ расходовъ, благополучное сведеніе росписи на 1905 г., устойчивость денежнаго обращенія, выгодно слагающіяся условія хлѣбной кампаніи при обильномъ урожаѣ и отсутствіе рѣзкихъ затрудненій—свидѣтельствуютъ объ удовлетворительномъ въ экономическомъ отношеніи исходѣ перваго года войны. Тѣмъ не менѣе, воздѣйствіе военнаго времени на хозяйственныя условія государства безспорно. Но безспорно и то, что экономическія силы Россіи велики. Наша родина, не разъ уже выходившая съ честью изъ испытаній военныхъ невзгодъ, и нынѣ, съ помощью Божіею, послѣ совершонныхъ подвиговъ (?!) возвратится къ мирной дѣятельности окрѣпшею и обновленною“. Здѣсь отсутствуетъ государственная точка зрѣнія на создавшееся положеніе дѣлъ, и платоническая аппелляція къ великимъ силамъ Россіи и къ Божьей помощи замѣнила предвидѣніе грозныхъ событій, бывшихъ уже у порога.

Указъ 12 декабря 1904 г., направленный къ усовершенствованію государственнаго порядка на основѣ полнаго самодержавія, стоялъ въ связи съ

---

[1]) Напротивъ, въ росписи 1906 г. мы встрѣчаемъ такое заявленіе: „Вызванное войною увеличеніе расходовъ привело къ необходимости повысить нормы нѣкоторыхъ налоговъ и сборовъ. Такъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 31 декабря 1904 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, повышена цѣна на ведро, крѣпостью въ 40°, обыкновеннаго и столоваго вина для Европейской Россіи на 40 коп. и 1 рубль, а для губерній и областей Сибири на 20 к. и 40 коп. Высочайше утвержденнымъ 13 апрѣля 1905 г. мнѣніемъ Госуд. Совѣта постановлено: 1) установить съ окладовъ содержанія и пенсій, превышающихъ 600 руб. въ годъ, дополнительный вычетъ на составленіе пенсіоннаго капитала въ зависимости отъ размѣра окладовъ отъ 1 до 3 к. съ рубля. 2) наслѣдственныя пошлины увеличить на 50%; 3) повысить акцизъ съ солода при пивоваренiи, смотря по нормѣ выхода экстракта съ солода, въ среднемъ на 33⅓%, 4) акцизъ съ зажигательныхъ спичекъ увеличить вдвое; 5) акцизъ съ прессованныхъ дрожжей повысить на 10 коп. съ каждаго фунта, поступающаго въ продажу; 6) обложить акцизомъ въ 60 коп. съ пуда всѣ продукты перегонки или химической или всякой иной обработки нефти и освѣтительныя масла, оплачивающіяся акцизомъ въ 50 коп. съ пуда. На основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 30 мая возвышены нѣкоторые оклады гербоваго сбора. Наконецъ, согласно заключенію Госуд. Совѣта предложено повысить съ начала 1906 г. нормы обложенія государственнымъ промысловымъ налогомъ“.

*

усиливающимся общественнымъ движеніемъ, которое, однако, сурово не подавлялось въ виду предстоявшаго займа. Заемъ этотъ былъ выпущенъ въ силу указа 15 декабря 1904 г. на нарицательный капиталъ 231,5 милл. руб. = 500 милл. марокъ, изъ $4^1/_2\%$, на германскомъ рынкѣ. Синдикатъ банкировъ, взявшій на себя его реализацію, уплатилъ только 209,462 милл. руб. = 452,500 милл. мар., т. е. онъ далъ $90^1/_2$ за 100. Согласно условіямъ, заемъ этотъ долженъ быть краткосрочнымъ, ибо держателямъ предоставлялось право, начиная съ 1911 г., получать нарицательный капиталъ по займу; если же до 1917 г. заемъ не будетъ выкупленъ, то онъ можетъ быть или конвентированъ, или срочно погашенъ ежегодными тиражами. Удержаніе впередъ суммы для оплаты полугодового купона понизило дѣйствительную цѣну займа до $88^1/_4$ за 100. Столь тяжелыя условія заключенія займа, усугубленныя невыгоднымъ для насъ торговымъ договоромъ („дополнительная конвенція къ торговому договору съ Германіей 1894 г."), неоспоримо доказывали, что въ европейскихъ финансовыхъ кругахъ наступило время переоцѣнки русскаго государственнаго кредита. „Кровавое воскресенье" 9 января не вывело начавшуюся революцію изъ береговъ и только породило серьезное недовѣріе за границей къ устойчивости внутренней жизни страны [1]). Хроническія военныя неудачи и нароставшее революціонное движеніе привели къ тому, что выручка по указанному $4^1/_2\%$ займу 1904 г. осталась за границей въ обезпеченіе разнаго рода платежей какъ настоящихъ, такъ и будущихъ.

Крайне важно отмѣтить, что къ началу 1905 г. билетное обращеніе государственнаго банка возросло съ 630 милл. руб. въ началѣ 1904 г. до 900 милл. руб. или на 270 милл. руб., при чемъ золотой запасъ увеличился за указанное время съ 1.845,0 милл. руб. до 1.922,3 милл. руб., или на 77,3 милл. руб. Такимъ образомъ, подкрѣпляя золотые запасы государственнаго банка за счетъ займовъ, часть которыхъ *оставалась на текущемъ счету у иностранныхъ банкировъ*, якобы въ обезпеченіе выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, министерство финансовъ усиливало рессурсы казначейства выпусками кредитныхъ билетовъ. Этотъ источникъ министръ финансовъ имѣлъ въ виду ранѣе, когда рѣчь шла по поводу выпуска 5% обязательствъ: „средства на войну,—говорилъ онъ,—могли бы быть найдены въ порядкѣ *позаимствованія* ихъ государственнымъ казначействомъ изъ государственнаго банка на счетъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, обезпеченныхъ наличнымъ золотомъ" [2]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что „деньги на военные расходы — въ той или иной формѣ — добывались преимущественно

[1]) „The Economist", № 3205, „Russia: reform or revolution", а также „Stock markets".

[2]) „Вѣстникъ Финансовъ", 1904 г. № 18.

внутри страны. Къ этимъ источникамъ правительство вынуждено было обратиться снова, такъ какъ весной 1905 года на международномъ денежномъ рынкѣ реализовать новый военный заемъ не представлялось возможнымъ вслѣдствіе отказа французскихъ банкировъ и вообще недовѣрія къ русскимъ финансамъ заграницы. Въ своихъ статьяхъ въ „Times“ Люсьенъ Вольфъ писалъ: „Россія двигается прямо по пути къ банкротству. Ея національный счетный балансъ погружаетъ ее съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе въ долги. Ея обязательства по отношенію къ иностранцамъ превышаютъ силы народа, и фактически она ничего не можетъ предъявить имъ. Ея золотой запасъ представляетъ собою колоссальный несгораемый шкафъ г-жи Эмберъ, знаменитые милліоны которой были безразсудно даны ей глупцами для ихъ собственнаго разочарованія въ будущемъ“ [1]). Слабыя, въ общемъ, статьи Л. Вольфа о состояніи русскихъ финансовъ, по признанію оффиціальной „Торгово-Промышленной Газеты“, произвели заграницей сильное впечатлѣніе [2]). Противъ безпомощнаго положенія (the hopelessnes of the situation) русскихъ финансовъ, о которомъ писалъ Л. Вольфъ, возражалъ Поль Леруа Больё въ „Neue Freie Presse“; статья послѣдняго, написанная въ духѣ розоваго оптимизма, не имѣла успѣха [3]). Благодаря всему этому, за деньгами пришлось обратиться къ внутреннему рынку: указами 12 марта и 29 іюля были произведены два выпуска 5% внутренняго займа на общую сумму 400 милл. руб.; первый выпускъ (200 милл. руб.) далъ 188,4 милл. руб. или 94,2% за 100; второй, реализація котораго совпала съ заключеніемъ мира,—190,4 милл. руб. или 95,2% за 100. Манифестъ 6 августа, который провозгласилъ законосовѣщательную Государственную Думу, не произвелъ сколько-нибудь серьезнаго впечатлѣнія ни внутри страны, ни за границей. Только въ моментъ заключенія мира (17 августа) русскіе фонды испытали значительное повышеніе: государственная 4% рента поднялась съ 85 до 91. Но послѣдовавшія за нимъ крестьянскія волненія парализовали это благотворное вліяніе мира на русскій государственный кредитъ. Оптимистическія заявленія въ „Neue Freie Presse“, сдѣланныя парижскимъ агентомъ министерства финансовъ г. Рафаловичемъ, плохо вязались съ фактическимъ положеніемъ дѣла [4]). Вышедшая же въ двадцатыхъ числахъ августа (1905) книга Рудольфа Мартина—„Die Zukunft Russlands und Japans“—произвела необычайный шумъ и ея содержаніе въ теченіе нѣсколькихъ дней облетѣло всѣ части свѣта. Оффиціозная „Norddeutsche Algemeine Zeitung“ [5]) тогда же

---

[1]) „The Times“, 26 февраля, 1905 г.
[2]) „Т.-П. Г.“, № 61, 1905.
[3]) „Вѣстникъ Финансовъ“, № 18, 1905.
[4]) „Т.-П. Г.“, № 228, 1905.
[5]) „Norddeutsche Alg. Zeit.“, отъ 3 сент. 1905.

заявила: „Среди германскихъ капиталистовъ, заинтересованныхъ русскими цѣнностями, возбудило нѣкоторое безпокойство недавно появившаяся книга „Будущность Россіи и Японіи“. Такое безпокойство, въ виду содержанія этой книги, можно объяснить только тѣмъ, что авторъ ея д-ръ Рудольфъ Мартинъ—статскій совѣтникъ императорскаго статистическаго вѣдомства и на заглавномъ листѣ выставилъ свой полный титулъ. Само собою понятно, что правительство не имѣетъ никакого отношенія къ книгѣ, на основаніи легкомысленныхъ предпосылокъ, приходящей къ рискованнымъ пророчествамъ относительно судьбы Россіи въ ближайшее десятилѣтіе“. Тѣмъ не менѣе, вліяніе книги Мартина было настолько сильное, что, благодаря ей, были совершены многочисленныя продажи русскихъ бумагъ. Министръ финансовъ Коковцовъ нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ корреспондентомъ „Standard“ и съ представителями „Pester Lloyd“ и „Neeus Wiener Tageblatt“ объ этой книгѣ, называя ее пустой болтовней.

Само собой понятно, что вскорѣ послѣ появленія книги Мартина заключить военный ликвидаціонный заемъ на сколько-нибудь пріемлемыхъ условіяхъ было весьма трудно. Между тѣмъ заемъ этотъ былъ необходимъ, такъ какъ къ 1 сентября текущій счетъ государственнаго казначейства понизился до 94,8 милл. руб., а къ 1 октября — до 69,4 милл. руб., при параллельномъ сокращеніи золотыхъ запасовъ государственнаго банка до 921,1 милл. руб. и 913,9 милл. руб., возрастаніи золота на текущихъ счетахъ иностранныхъ банкировъ съ 235,9 милл. руб. до 252,2 милл. руб. и усиленіи билетнаго обращенія до 1.038,0 милл. руб. и 1.095,6 милл. руб. Хроническія забастовки рабочихъ, вліявшія на поступленіе нѣкоторыхъ видовъ косвеннаго обложенія (акцизъ съ сахара, табаку и освѣтительныхъ маслъ), тревожное положеніе валюты, препятствовавшее новымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, серьезное ослабленіе рессурсовъ государственнаго казначейства и не требующіе отлагательства крупные расходы по ликвидаціи войны при отсутствіи надлежащихъ условій для заключенія займа — поставили государственное хозяйство въ невыносимое состояніе. Тѣмъ не менѣе переговоры съ иностранными банкирами относительно займа, перешедшіе уже на почву *спеціальныхъ обезпеченій*, налаживались: 6 октября въ Петербургъ пріѣхали банкиры г. Море изъ Парижа и г. Фишель изъ Берлина [1]). Трудно сказать, въ какую форму могъ бы вылиться этотъ заемъ, если бы онъ былъ заключенъ,—во всякомъ случаѣ это былъ бы первый заемъ въ новѣйшей исторіи Россіи, которая со времени Екатерины II и Павла I не занимала подъ спеціальное обезпеченіе. Такъ низко палъ престижъ самодержавной Россіи, еще недавно стоявшій на недосягаемой высотѣ! Г.г. Фишель и Море прервали переговоры и, не

[1]) „Т.-П. Г.“, № 224, 1905.

выполнивъ своей миссіи, вынуждены были уѣхать на пароходѣ... Желѣзнодорожная забастовка и всеобщая забастовка въ дни, предшествовавшіе 17 октября, устрашили иностранныхъ банкировъ, лишивъ ихъ послѣдней надежды на прочное положеніе того правительства, которому они собирались дать сотни милліоновъ золота. Будущій историкъ русской революціи отмѣтитъ, какую важную роль сыграло это обстоятельство въ изданіи акта 17 октября.

Манифестъ, возвѣстившій свободы, несмотря на симпатію биржъ и крупной буржуазіи къ гр. Витте, не произвелъ должнаго эффекта, ибо въ искренность этой конституціонной хартіи мало кто вѣрилъ, потому что, съ одной стороны, военное положеніе, хулиганскій терроръ, кровавые ужасы и насилія въ Одессѣ, Томскѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Твери и другихъ городахъ, крупные погромы и безпорядки, пожары отъ артиллерійскаго огня и, съ другой стороны—широкія, неутихающія аграрныя волненія, забастовки желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, почты и массы торгово-промышленныхъ предпріятій—указывали, что хозяйственная и политическая жизнь страны такова, что ни у кого нѣтъ увѣренности за завтрашній день, что никакихъ твердыхъ коммерческихъ разсчетовъ строить нельзя и что правительство въ цѣляхъ самозащиты способствуетъ существующей анархіи. Результатомъ этихъ событій явилась паника на биржахъ и массовый переводъ капиталовъ за границу, осложнившійся еще истребованіями вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ. „Вѣстникъ Финансовъ“ писалъ: „Всеобщая забастовка, предшествовавшая манифесту 17 октября, рядъ событій, слѣдовавшихъ за его опубликованіемъ, и, въ особенности, мрачные дни московскаго возстанія постепенно низводятъ курсъ русскихъ фондовъ до уровня, до котораго ни разу они не опускались въ самые тяжелые моменты нашихъ военныхъ неудачъ... Биржа учла въ $1^1/_2$ раза сильнѣе внутреннія затрудненія, чѣмъ военныя пораженія“ [1]). „Подъ вліяніемъ внутреннихъ смутъ, обостренныхъ агитаціей революціонеровъ,—указывала тогда оффиціальная „Т.-П. Г.“,—отмѣчалось усиленное востребованіе вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ [2]). На-ряду съ

---

1) „Вѣстникъ Финансовъ“, № 47, 1907.

2) „Отчетный 1905 г.,—читаемъ мы въ отчетѣ сберегательныхъ кассъ за 1905 годъ,—отмѣченъ небывалымъ отливомъ денежныхъ вкладовъ, результатомъ котораго было уменьшеніе общей ихъ суммы къ концу года на 79,4 милл. руб., а если не считать причисленныхъ по вкладамъ годовыхъ процентовъ (27,0 милл. руб.), то на 106,4 милл. руб.“ (стр. 1). Начиная съ октября, „подъ вліяніемъ событій нашей внутренней жизни и въ особенности агитаціи, въ кассы начали предъявляться массовыя требованія возврата вкладовъ“ (стр. 2). Въ октябрѣ вкладовъ истребовано на сумму 2,5 милл. руб., въ ноябрѣ—на 55,0 милл. руб., въ декабрѣ—на 91,1 милл. р., а всего — на 148,6 милл. руб. Изъ данныхъ отчета усматривается, что абсолютная цифра убыли вкладовъ падаетъ на два района — центрально-промышленный (22,9 милл. руб.) и петербургскій (15,2 милл. руб.). Въ процентномъ же отношеніи денежные вклады болѣе всего уменьшились въ районахъ: прибалтійскомъ (24,8%), петербургскомъ (18,7%), привислянскомъ (16,6%), закавказскомъ (14,5%) и центральн-

этимъ происходило бѣгство за границу людей болѣе состоятельныхъ и отливъ вмѣстѣ съ ними туда русскаго золота... Какими путями добывалось и лилось это золото—всѣмъ хорошо извѣстно, ибо биржа должна была учесть массовыя спѣшныя реализаціи всякихъ цѣнностей чувствительнымъ паденіемъ курсовъ. Люди словно потеряли голову и, не отдавая себѣ яснаго отчета о дѣйствительномъ положеніи вещей, лишившись способности оцѣнивать событія и соразмѣрять силы правительства и революціоннаго движенія, бросились въ водоворотъ реализаціи въ самый неблагопріятный, быть можетъ, моментъ, какой только переживали отечественныя биржи“ [1]).

Какъ революція, такъ и контръ-революція въ моменты своихъ проявленій не содѣйствуютъ образованію новыхъ цѣнностей и отдаютъ государственное и народное хозяйство во власть критическихъ обстоятельствъ, гдѣ нѣтъ предвидѣнія и предвѣдѣнія, гдѣ все поставлено въ зависимость отъ слѣпого случая. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 г. эти критическія обстоятельства безраздѣльно завладѣли русскими финансами. Усиленный отливъ золота за границу и изъ сберегательныхъ кассъ въ народное обращеніе, ослабивъ золотой фондъ государственнаго банка до 818 милл. руб., угрожалъ валютѣ, въ прочность которой уже перестали вѣрить за границей, а паденіе счетовъ государственнаго казначейства до 54 милл. руб. (на 1 декабря) при наличности широкихъ платежей говорило о скоромъ банкротствѣ, т. е. фактическомъ безсиліи ихъ выполнить въ ближайшее время. Казалось, что Россія не избѣгнетъ перспективы бумажныхъ денегъ.

И въ печати и въ обществѣ создалась рѣшительная увѣренность, что финансовый крахъ неминуемъ, что данный кризисъ государственное хозяйство не переживетъ. На этой почвѣ возникла неудачная идея финансоваго бойкота,—извѣстный „манифестъ“ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, давшій ей слабое обоснованіе, въ данномъ случаѣ былъ безрезультатенъ [2]). Однако, несмотря на этотъ явный трагизмъ государственнаго хозяйства, краха не произошло. И вотъ почему.

Прежде всего, косвенные налоги, на которыхъ покоится доходная часть обыкновеннаго бюджета, исправно и даже съ избыткомъ—увеличеніе моно-

промышленномъ (11,8%). Т. е. наибольшій успѣхъ агитація имѣла въ обѣихъ столицахъ, балтійскихъ губерніяхъ, западномъ краѣ и Закавказьѣ, именно въ тѣхъ районахъ, которые сильнѣе другихъ были охвачены революціоннымъ движеніемъ. Нужно сказать, что истребованіе вкладовъ коснулось всѣхъ категорій вкладчиковъ, за исключеніемъ военныхъ, при чемъ самая крупная категорія „земледѣліе и сельскіе промыслы“ осталась почти незатронутой агитаціей (см. стр. 10 и 15). Другими словами, военные и крестьянская масса не вняли призыву „манифеста“. Тѣмъ не менѣе для того времени успѣхъ „манифеста“ (Совѣта Рабочихъ Депутатовъ), выразившійся въ отливѣ вкладовъ на 148,6 милл. руб., очевидный и по своимъ результатамъ поразительный.

[1]) „Т.-П. Г.“, № 279, 1905.

[2]) *М. Фридманъ*, О финансовомъ бойкотѣ. „Полярная Звѣзда“, № 12, 1905.

польнаго дохода—питали государственное казначейство [1]). Непосредственное подчиненіе государственнаго банка министру финансовъ давало возможность увеличить билетное обращеніе для правительственныхъ нуждъ, не говоря уже о томъ, что самый фактъ зависимости центральнаго банка страны отъ правительства несравненно увеличивалъ его матеріальныя силы. Большія суммы золота государственнаго банка, находившіяся на текущемъ счетѣ у иностранныхъ банкировъ (свыше 200 милл. руб.), обезпечивали наличные платежи за границей: въ спеціальномъ заявленіи французскаго министра финансовъ Рувье говорилось, что суммъ этихъ хватитъ на оплату процентовъ по внѣшнимъ русскимъ займамъ въ теченіе двухъ—трехъ лѣтъ [2]). Далѣе, въ острый моментъ денежнаго стѣсненія, а именно 9 декабря 1905 г. согласно Высочайше утвержденнаго положенія комитета финансовъ и вопреки Высочайшаго указа 29 августа 1897 г., коимъ регулируется валютное обращеніе, былъ разрѣшенъ выпускъ $5^1/_2\%$ краткосрочныхъ обязательствъ казначейства на сумму до 400 милл. руб.; обязательства эти подлежали *размѣну на золото* наравнѣ съ кредитными билетами, но съ извѣстнымъ учетомъ, такъ что на государственный банкъ, золотой запасъ котораго (818,4 милл. руб.) былъ недостаточенъ для полнаго обезпеченія кредитныхъ билетовъ (1.124,9 милл. рублей), возложены были чуждыя для него функціи [3]). Разумѣется, это было вопіющимъ нарушеніемъ закона о денежномъ обращеніи, но вѣдь мы знаемъ, что данный законъ, какъ и многіе другіе, не соблюдался! Разъ правительство стало на путь беззаконія, оно не могло сойти съ него, когда рѣчь шла о томъ, что только беззаконіе въ сферѣ финансоваго управленія является единственно спасительнымъ средствомъ. Обращаясь къ вышеупомянутымъ обязательствамъ казначейства, нужно замѣтить, что первая серія ихъ была выпущена въ силу Высочайше утвержденнаго положенія комитета финансовъ отъ 10 апрѣля 1905 г. изъ 5%, на номинальную сумму 150 милл. руб., срокомъ на 8—10 мѣсяцевъ,—выручено же только 142,5 милл. руб. или $94{,}9\%$ за 100; вторая серія, какъ мы уже говорили, выпущена въ декабрѣ, но не на 400 милл. руб., а только на 20 милл. марокъ или на 9,260 милл. руб., такъ какъ даже Мендельсонъ, у котораго были размѣщены эти обязательства, проявилъ необыкновенную сдержанность въ пріемѣ русскихъ

[1]) Въ 1905 г. обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ поступило болѣе противъ росписи на 47.512.834 руб. или на $2{,}4\%$.—Общее среднее косвенныхъ налоговъ за 1895—1904 гг. составляетъ 84,6%, а прямыхъ—15,4%.

[2]) „M. Rouvier and Russland Balances Abroad". *The Economist*, № 3250.

[3]) „Установленіе обязанности учета со стороны государственнаго банка означаетъ не что иное, какъ то, что новые векселя не являются уже болѣе простыми обязательствами государства и безъ спеціальнаго обезпеченія, но что, напротивъ, выпускъ ихъ послѣдовалъ *подъ гарантіей государственнаго банка* и, такимъ образомъ, не исключена возможность *выплаты валюты* владѣльцамъ этихъ обязательствъ изъ золотого запаса государственнаго банка внутри и внѣ страны". *Frankfurter Zeitung*, отъ 26 ноября 1905 г.

бумагъ; реализація этой второй серіи обязательствъ дала 868.264 руб. или 93,77% за 100, т. е. за 8—10 мѣсяцевъ Мендельсонъ взялъ безбожный процентъ—6,23%. Таково было паденіе русскаго государственнаго кредита! И правъ былъ Рудольфъ Мартинъ, когда по этому поводу писалъ: „Врядъ ли какое-либо государство заключало заемъ на болѣе суровыхъ условіяхъ. На эти условія русское правительство не должно было идти, если оно желало само уважать изданный имъ законъ о государственномъ банкѣ“ [1]). Данныя обязательства заканчиваютъ особый циклъ кредитныхъ операцій въ 1905 г.

Исполненіе государственной росписи за этотъ годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ милл. руб.):

	Доходы.	Расходы.	Превышеніе (+) или перерасходъ (—).
Обыкновенный бюджетъ .	2.043,6	1.925,2	+118,4
Чрезвычайный „ .	946,1	1.279,5	—333,4
	2.989,7	3.204,7	—215,0

Такимъ образомъ, общій бюджетный дефицитъ выразился въ солидной цифрѣ 215,0 милл. руб. Крайне важно отмѣтить, что, несмотря на войну, революцію и контръ-революцію, обыкновенные государственные доходы превысили обыкновенные государственные расходы на 118,4 милл. рублей. Обращаясь къ разъясненію этой загадки, мы видимъ, что въ число доходовъ, давшихъ въ 1905 г. превышеніе, первое мѣсто занимаетъ доходъ отъ казенной продажи питей—83.997.980 р., каковая сумма составляетъ 71,4% общаго итога превышеній; другія статьи дали незначительное приращеніе дохода. Значитъ, бюджетъ вывезла монополія [2]). Фактъ этотъ стоитъ въ

[1]) *R. Martin*, Die Zukunft Russlands. 1906, стр. 115.

[2]) „При назначеніи смѣтныхъ поступленій на 1905 г.,—читаемъ мы въ отчетѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1905 г., — предполагалось, что годовое потребленіе вина, въ зависимости отъ недорода хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а также подъ вліяніемъ военныхъ событій 1908 г., отвлекшихъ изъ внутреннихъ губерній наиболѣе трудоспособную часть населенія, въ мѣстностяхъ Европейской Россіи, гдѣ монополія дѣйствовала болѣе 3 лѣтъ, окажется ниже потребленія 1903 г.“ (стр. 24). Предположенія эти не оправдались. Въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля 1905 г. говорится слѣдующее: „Общее по имперіи потребленіе достигло въ 1905 г. 75 милл. ведеръ 40% вина, превысивъ потребленіе предыдущаго года (71,2 милл. ведеръ) почти на 4 милл. ведеръ... Отчетныя данныя не позволяютъ объяснить его подъемомъ благосостоянія населенія; напротивъ того, на лицо рядъ отрицательныхъ въ семъ отношеніи показателей: недородъ во многихъ мѣстностяхъ Имперіи настолько значительный, что, въ общемъ, по Имперіи урожай оказался ниже урожая не только 1904 г., но и другихъ, менѣе благопріятныхъ лѣтъ послѣдняго пятилѣтія; застой въ промышленности и торговлѣ, желѣзнодорожныя и другія забастовки, а равно общіе безпорядки въ концѣ 1905 г. и, въ зависимости отъ нихъ, пониженіе въ поступленіи прямыхъ налоговъ“ (стр. 18—19). Благодаря повышенію цѣны на вино съ 1 января 1905 г. на 1 рубль „доходъ“ монополіи поднялся на 26 милл. руб.

связи съ уменьшеніемъ прямыхъ налоговъ — государственныхъ и земскихъ. Очевидно, сельское населеніе за счетъ неплатежа прямыхъ налоговъ увеличило расходы на водку,—вѣдь въ 1905 г. былъ неурожай, потребовавшій спеціальныхъ ассигнованій на продовольственное дѣло до 40,6 милл. руб. Конечно, на тѣхъ статьяхъ дохода, которыя непосредственно связаны съ народнымъ хозяйствомъ или имущественнымъ положеніемъ налогоплательщика, событія 1905 г. оказали серьезное вліяніе: доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ далъ менѣе противъ смѣтныхъ предположеній на 39,8 милл. руб., сборъ съ пассажировъ и грузовъ—на 2,3 милл. руб., лѣсной доходъ—на 4,9 милл. руб., нефтяной—на 4,1 милл. руб., табачный—на 1,7 милл. руб., сахарный — на 0,5 милл. руб., выкупные платежи — на 21,0 милл. руб., налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подати—на 6,7 милл. руб., государственный промысловый налогъ — на 6,1 милл. руб. и т. д. [1]). Во всякомъ случаѣ, обыкновенный бюджетъ 1905 г. пострадалъ слабо и именно благодаря упругости главной части доходныхъ источниковъ — косвеннаго обложенія.

Ожидаемаго краха, который объявлялся надежнымъ союзникомъ революціи, не произошло, ибо ея слѣпыя силы въ извѣстномъ смыслѣ мѣшали ему осуществиться: въ наиболѣе уязвимой части бюджета—косвенные налоги, составляющей 85% общаго поступленія государственныхъ доходовъ, вліяніе революціи оказалось ничтожнымъ и даже,—какъ ни странно—благопріятнымъ. Но если краха и не случилось, то финансовый кризисъ, т. е. острое разстройство всѣхъ государственныхъ хозяйственныхъ процессовъ, былъ очевидный. Борьба съ этимъ кризисомъ за возстановленіе нормальнаго бюджетнаго порядка являлась поэтому главнѣйшей задачей правительства. Малѣйшее промедленіе, пустяковая отсрочка могли ухудшить положеніе дѣлъ, внести хаосъ въ бюджетныя предположенія и столкнуть государственное хозяйство съ непрочнаго базиса въ пропасть... Отсюда понятна та лихорадочная дѣятельность, которую проявило правительство для упорядоченія бюджета на 1906 г. и денежнаго обращенія.

Въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Standard“ по поводу книги Мартина министръ финансовъ Коковцовъ заявилъ: „Я могу предсказать, что бюджетъ на 1906 г. будетъ блестящій. Я надѣюсь, что всѣ чрезвычайные расходы будутъ покрыты обыкновенными поступленіями“. Это было сказано въ началѣ сентября 1905 г. Въ концѣ декабря новый министръ финансовъ Шиповъ вынужденъ былъ признаться, „что современное положеніе русскихъ финансовъ довольно трудное. Положеніе это, вызванное войною и внутренними безпорядками, однако, временное, и въ будущемъ можно ожидать несомнѣн-

[1]) Объяснительная записка къ отчету Государственнаго Контроля за 1905 годъ, стр. 7.

наго улучшенія“ [1]). Бюджетъ на 1906 г., составленный со всевозможными ухищреніями, былъ сбалансированъ съ колоссальнымъ дефицитомъ 481,1 милл. руб. Въ эту сумму не вошли платежи по краткосрочнымъ обязательствамъ казначейства апрѣльскаго выпуска 1905 г. на 150 милл. руб., срокъ которымъ истекалъ въ началѣ 1906 г. Такимъ образомъ, дефицитъ на 1906 г. достигалъ цифры 631,1 милл. руб. Этотъ, по выраженію Мартина, „самый большой дефицитъ въ исторіи финансовъ“, естественно, связывалъ государственное хозяйство по рукамъ и ногамъ. Положеніе государственнаго банка, къ которому можно было бы обратиться за помощью, теперь, напротивъ, внушало тревогу и требовало наискорѣйшаго изысканія средствъ для подкрѣпленія его золотого фонда, такъ какъ эмиссіонное право было давно уже использовано и кредитные билеты выпускались безъ соотвѣтствующаго золотого обезпеченія: на 1 января 1906 г. золотой фондъ составлялъ 913,5 милл. руб., а если исключить 206,1 милл. руб. золота, находившагося на текущихъ счетахъ иностранныхъ банкировъ въ обезпеченіе разныхъ платежей и, слѣдовательно, *никакого отношенія не имѣвшаго къ выпуску кредитныхъ билетовъ*, то этотъ фондъ уменьшится до 707,4 милл. руб., которымъ обезпечивались выпущенные кредитные билеты на 1.204,6 милл. руб. Государственный банкъ имѣетъ право выпустить кредитныхъ билетовъ на 300 милл. безъ соотвѣтствующаго покрытія рубль на рубль, общая же цифра дозволеннаго уставомъ банка выпуска кредитныхъ билетовъ къ 1 января 1906 г. составляла: 704,4 милл. руб. (золотое обезпеченіе и тратты) + 300 милл. руб. (льготные) = 1.007,4, въ дѣйствительности же было выпущено кредитныхъ билетовъ на 1.204,6 милл. руб. или болѣе на 197,2 милл. руб. Такимъ образомъ, законъ о денежномъ обращеніи былъ нарушенъ. Вслѣдствіе этого на берлинской биржѣ выплата на Петербургъ при паритетѣ 216 марокъ за 100 рублей упала до 213—214,5 мар., а на болѣе продолжительные сроки—на 6 мѣсяцевъ—до 206—207 марокъ, т. е. въ январѣ 1906 г. русскій сторублевый кредитный билетъ стоилъ въ Берлинѣ 99 руб. 8 коп. наличныя, а на іюнь—95 руб. 37 коп. „Причиной такого паденія русскаго бумажнаго рубля,—говоритъ Мартинъ,—было недовѣріе къ прочности русскаго золотого обращенія“ [2]). Государственный банкъ, работая на деньги казначейства и сберегательныхъ кассъ, находился въ критическомъ положеніи, такъ какъ самъ вынужденъ былъ придти на помощь сберегательнымъ кассамъ путемъ выдачи спеціальной ссуды подъ процентныя бумаги на сумму 82,4 милл. руб. [3]), между тѣмъ какъ спеціальный текущій счетъ казначейства на 1 января 1906 г. равнялся 103,8 милл. руб., т. е. былъ недостаточенъ для безпрепятственнаго питанія кассы

---

[1]) См. Докладъ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1906 г.
[2]) *Martin*, l. c., 161.
[3]) См. Отчетъ сберегательныхъ кассъ за 1905 г., стр. XXXI.

банка, къ которому предъявлялись обширныя требованія со стороны частныхъ кредитныхъ учрежденій подъ вліяніемъ отлива золота за границу и истребованія вкладовъ. Кромѣ того, на золотомъ фондѣ государственнаго банка лежали краткосрочныя обязательства казначейства, выпущенныя въ декабрѣ 1905 г. Даже министръ финансовъ признавалъ, что „такія явленія не могутъ, конечно, не внушать опасеній за наше денежное обращеніе“ [1]).

Непокрытый дефицитъ по росписи на 1905 г., колоссальный дефицитъ по росписи на 1906 г., срочные платежи по краткосрочнымъ обязательствамъ, неотлагательные расходы по ликвидаціи войны, разстройство денежнаго обращенія и крайне пессимистическое отношеніе заграничныхъ финансовыхъ круговъ къ Россіи—поставили государственное хозяйство страны въ болѣе тяжкія условія, чѣмъ оно находилось въ самый разгаръ революціи. Въ началѣ февраля 1906 г. оффиціальное „Русское Государство“ напечатало статью, въ которой говорилось, что правительство весьма озабочено изысканіемъ 600—700 милл. руб., необходимыхъ для покрытія дефицита, „путемъ такой операціи, которая возбуждала бы меньше сомнѣній и наиболѣе соотвѣтствовала бы цѣли, *но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ придется, по всей вѣроятности, прибѣгнуть къ способамъ, болѣе или менѣе крайнимъ*, къ которымъ, впрочемъ, неоднократно прибѣгали и другія страны, находившіяся въ трудныхъ положеніяхъ“ [2]). Этимъ открыто признавалось, что русскій бюджетъ могутъ спасти только *крайнія* мѣры, и что страна находится въ такихъ условіяхъ, при которыхъ нужны героическія усилія для того, чтобы спасти корабль государственныхъ финансовъ отъ угрожающаго ему крушенія.

III.

Заключенію новаго займа, о которомъ писало „Русское Государство“ и который, какъ увидимъ ниже, имѣлъ рѣшающее значеніе въ ближайшихъ судьбахъ государственнаго хозяйства Россіи, предшествовали въ высшей степени важныя событія какъ въ сферѣ финансово-экономической, такъ и политической.

Государственное хозяйство, построенное на принудительномъ началѣ, опирается на народное хозяйство, черпаетъ средства для осуществленія поставленныхъ ему задачъ изъ народно-хозяйственныхъ источниковъ. Естественно, что разстройство этихъ источниковъ, совершающееся подъ вліяніемъ какихъ-нибудь вулканическихъ потрясеній въ экономикѣ страны, имѣетъ тяжкія послѣдствія для государственнаго хозяйства. Въ докладѣ по поводу росписи на 1906 г. министръ финансовъ писалъ: „...можно разсчитывать, что смѣт-

[1]) Цит. по докладу о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1096 г.
[2]) Цит. *Мигулинъ*, Настоящее и будущее русскихъ финансовъ, стр. 258. X. 1907.

ныя предположенія оправдаются, *если только происходящая въ Россіи смута прекратится*; продолженіе же смуты можетъ имѣть послѣдствіемъ недоборъ въ нѣкоторыхъ доходныхъ статьяхъ, размѣръ котораго опредѣлить заранѣе невозможно". Говоря иначе, бюджетъ на 1906 г. ставился въ фактическую зависимость отъ тѣхъ условій народнаго хозяйства, которыя преобладали въ немъ въ моментъ составленія проекта бюджетныхъ предположеній.

Первые мѣсяцы 1906 г. показали, что условія эти *измѣнились*. Паника, господствовавшая среди капиталистическихъ круговъ, улеглась и смѣнилась пассивнымъ спокойствіемъ. Прекращеніе желѣзнодорожной и почтово-телеграфной забастовокъ возстановило товаро-обмѣнъ съ заграницей, внесло нѣкоторое успокоеніе въ сферу товарнаго рынка, выравняло цѣны и т. д. Въ области производства также начало замѣчаться сокращеніе забастовокъ и медленный переходъ къ нормальной дѣятельности. Побѣда правительственныхъ войскъ надъ революціонерами въ Москвѣ благопріятно отразилась на биржѣ и подняла расцѣнку русскихъ фондовыхъ бумагъ. Хотя неурожай въ наиболѣе хлѣбородныхъ губерніяхъ толкалъ деревню въ потокъ революціи, но аграрные безпорядки безпощадно подавлялись. Отливъ капиталовъ за границу совершенно прекратился. Высокій учетный процентъ, доходившій до 8—10%, препятствовалъ утоку золота изъ государственнаго банка, улучшая его кассовыя средства; ослабленіе золотого фонда банка теперь вызывалось переводомъ золота за границу для оплаты срочныхъ обязательствъ казначейства, а также необходимостью покрыть излишки импорта, который увеличился въ виду предстоявшаго повышенія таможеннаго тарифа. Обратный приливъ вкладовъ въ частные банки и сберегательныя кассы сократилъ задолженность этихъ учрежденій государственному банку, рѣзко уменьшивъ выдачи послѣдняго, такъ что въ началѣ марта оказалось возможнымъ *изъять изъ обращенія* кредитныхъ билетовъ на 75 милл. рублей. На денежномъ рынкѣ стало свободнѣе, и частный дисконтъ понизился на $^1/_2$ %. Все это, разумѣется, должно было отразиться на поступленіи государственныхъ доходовъ, которые за два первые мѣсяца дали *переборъ на 23,9 милл. рублей*. Столь значительное улучшеніе экономической и финансовой жизни страны, являющееся простой реакціей послѣ двухлѣтняго застоя и кризиса, обусловленныхъ войной и революціей, должно было показать, что въ теченіе ближайшаго времени государственное хозяйство можетъ функціонировать *вполнѣ нормально*. Это обстоятельство, въ свою очередь, явилось опредѣляющимъ моментомъ административной и законодательной дѣятельности правительства.

Въ февралѣ и мартѣ, когда опредѣлились виды на благопріятное поступленіе государственныхъ доходовъ, издается рядъ новеллъ, дѣйствіе которыхъ было непосредственно направлено на подавленіе революціоннаго движенія и про-

тивъ общественныхъ организацій [1]). 7 февраля получило Высоч. утвержденіе мнѣніе Государственнаго Совѣта „Объ измѣненіи правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ"; 9 февраля—„Объ отвѣтственности за изготовленіе, пріобрѣтеніе, храненіе, ношеніе и сбытъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ"; 13 февраля—„Объ установленіи уголовной отвѣтственности за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ"; 4 марта—„О временныхъ правилахъ объ обществахъ и союзахъ"; этого же числа—„О временныхъ правилахъ о собраніяхъ"; 18 марта—„Объ измѣненіи и дополненіи временныхъ правилъ о періодической печати" и „О мѣрахъ къ сокращенію времени производства наиболѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ". Вмѣстѣ съ этими актами, носившими характеръ послѣдовательныхъ репрессій, изданы были и другіе: 13 января—„О повышеніи процента по вкладамъ, вносимымъ въ государственныя сберегательныя кассы"; 22 марта—„Объ установленіи отвѣтственности за распространеніе ложныхъ слуховъ о кредитоспособности государственныхъ кредитныхъ установленій" и, кромѣ того, 14 марта—„Объ учрежденіи комитета по землеустроительнымъ дѣламъ и землеустроительныхъ комиссій". Такимъ образомъ, репрессивныя мѣры шли рука объ руку съ мѣрами хозяйственнаго порядка,—и тѣ, и другія имѣли своей непосредственной цѣлью укрѣпленіе правительственной власти, авторитетъ которой среди исполнительныхъ органовъ администраціи не былъ еще поколебленъ настолько, чтобы выполненіе этихъ мѣръ встрѣтило какое-нибудь серьезное затрудненіе. Это весьма облегчало задачу борьбы. *На этой почвѣ* были созданы бюджетныя правила 8 марта и апрѣльскіе основные законы.

Совокупность указанныхъ явленій должна была рѣшительнымъ образомъ измѣнить политическую конъюнктуру. Очевидное улучшеніе экономической жизни давало гарантіи, что государственное хозяйство и денежное обращеніе легко могутъ выйти изъ кризиса, если только нарушенное равновѣсіе въ бюджетѣ будетъ возстановлено, что *притокъ средствъ извнѣ*, за счетъ которыхъ можно покрыть сковывающіе государственное хозяйство дефициты и лежащія на золотомъ фондѣ обязательства казначейства, вполнѣ эмансипируетъ правительство отъ революціи и будущей Государственной Думы. Почерпнувъ энергію для борьбы съ революціей въ наступившемъ улучшеніи народнаго хозяйства, правительство уже не имѣло нужды измѣнять избраннаго имъ пути;—напротивъ, казалось, — жестокими расправами и полицейскимъ устрашеніемъ оно стремилось къ тому, чтобы этотъ процессъ улучшенія совершался возможно скорѣе. Вопросъ же абсолютной экономической цѣлесообразности подобныхъ мѣръ для него не имѣлъ никакого значенія.

---

[1]) См. „Законодательные акты переходнаго времени", изд. 3-е Спб. 1909 г.

Съ другой стороны, цѣнные результаты дало поведеніе русскаго уполномоченнаго на Алжесирасской конференціи, гр. Кассини, который рѣшительнымъ вмѣшательствомъ въ пользу Франціи, т. е. англо-французскаго соглашенія въ дѣлахъ Марокко, опредѣлилъ результаты конференціи не къ выгодѣ Германіи. Корыстный мотивъ этого вмѣшательства былъ очевиденъ, несмотря на робкое извиненіе передъ Германіей. За помощь, оказанную Франціи и отчасти Англіи въ Алжесирассѣ, русское правительство потребовало компенсаціи въ формѣ займа, согласіе на который эти державы волей-неволей должны были дать. Такимъ образомъ, исходъ алжесирасской конференціи былъ для русскаго правительства весьма благопріятный; препятствія, мѣшавшія заключенію займа, устранялись, и въ „крайнихъ средствахъ“, о которыхъ писало „Русское Государство“, никакой нужды уже не существовало.

Весной 1906 г. центръ политической тяжести былъ сосредоточенъ на этомъ займѣ. Мы видѣли, что условія для его заключенія складывались весьма благопріятно, — этимъ въ извѣстной степени предрѣшалась политическая судьба страны на ближайшіе мѣсяцы. Правда, потомъ, когда ходъ событій вполнѣ опредѣлился, стало извѣстнымъ, что французскіе банкиры не хотѣли давать денегъ *безъ согласія* Государственной Думы и требовали, чтобы государственное хозяйство было подчинено народному представительству (that for the future the finances of Russia were to be conducted under the supervision of a representative assembly) [1]), но въ дѣйствительности ничего подобнаго не случилось, такъ какъ давленіе французскаго правительства на банковыя сферы, непопулярность революціи среди западно-европейскихъ капиталистическихъ круговъ и необычайно выгодныя для держателей условія займа—склонили чашку вѣсовъ не въ пользу того мнѣнія, что заемъ долженъ быть заключенъ съ согласія Думы, а въ пользу правительства, которое хотѣло эмансипироваться отъ ея вліянія въ этомъ, крайне важномъ для его существованія, вопросѣ. И Высоч. указомъ 4 апрѣля, т. е. за 23 дня до созыва Государственной Думы, было объявлено о заключеніи этого займа.

Оффиціальный органъ министерства финансовъ тогда же отмѣтилъ: „*До послѣдняго времени существовало лишь одно серьезное затрудненіе*, которое надлежало преодолѣть,—а именно необходимость покрыть *крупный дефицитъ*, вызванный военными расходами. Теперь, *съ заключеніемъ новаго займа, это затрудненіе устраняется* и въ бюджетѣ возстановится равновѣсіе, временно нарушенное войною.“ [2]). Какъ будто бы новый заемъ былъ лишенъ всякихъ политическихъ тенденцій и его значеніе — чисто бюджетное Проф. Мигулинъ, напротивъ, указываетъ, что политическій факторъ

---

[1]) „The Collapse in Russian Securities“, *The Economist*, № 3283.
[2]) „Торгово-Пром. Газета“ № 82, 1906 г.

игралъ первостепенную роль: „... правительство гр. Витте,—говоритъ онъ,—собирая Государственную Думу, рѣшило не останавливаться передъ цѣною (займа), лишь бы имѣть въ своемъ распоряженіи необходимыя деньги на случай роспуска этой Думы или несогласія ея дать санкцію на заемъ. *Послѣ* созыва Думы, конечно, о займѣ говорить *безъ* ея согласія было бы безполезно. Все это банкиры прекрасно понимали и поэтому предложили за заемъ цѣну совершенно невѣроятную по состоянію денежнаго рынка и для страны, только что заключившей миръ и вступающей на путь конституціализма. Банковый синдикатъ прямо билъ на спекуляцію по случаю созыва Думы, разсчитывая на огромный подъемъ цѣнъ всѣхъ русскихъ фондовъ“ [1]).

Политическая атмосфера, въ которой созрѣвалъ планъ займа, какъ мы видѣли, мало благопріятствовала тому, чтобы реализація его въ отношеніи государственнаго кредита могла пройти болѣе или менѣе нормально, не уронивъ курсъ фондовъ и не поколебавъ кредитоспособность страны. Синдикатъ, состоявшій изъ французскихъ, англійскихъ, австрійскихъ, голландскихъ и русскихъ банковъ, предложилъ русскому правительству 5% заемъ по цѣнѣ $83^1/_2$ за 100 съ тѣмъ, чтобы онъ былъ погашенъ по нарицательной цѣнѣ въ теченіе 50 лѣтъ (съ 1917 г. по 1956 г.); до 1916 г. заемъ не подлежалъ конверсіи и, какъ предшествовавшіе военные займы, навсегда освобожденъ отъ всякихъ русскихъ налоговъ. Номинальный капиталъ выпуска—843.750.000 руб., изъ которыхъ $187^1/_2$ милл. руб. должны были дать русскіе банки. Выручка изъ этого займа составила 698.528.814 р. или 82,81% по отношенію къ номинальной суммѣ, т. е. фактически облигаціи займа были реализованы изъ 17,19%—процентъ прямо-таки чудовищный. Вотъ какой дорогой цѣной правительство купило свою независимость отъ народнаго представительства! Низкій реализаціонный курсъ и высокій процентъ оплаты интереса этого займа неминуемо должны были понизить расцѣнку русскихъ фондовыхъ бумагъ, ранѣе выпущенныхъ, доходность которыхъ была ниже займа 1906 г.: по случаю выпуска послѣдняго займа 5% внутренніе займы опустились съ 96 до 94, не говоря уже о 4% рентѣ.

Заключая этотъ заемъ, правительство имѣло въ виду покрыть изъ его выручки дефициты по росписямъ 1905—1906 гг. и краткосрочныя обязательства казначейства, размѣщенныя на германскомъ рынкѣ въ апрѣлѣ 1905 г., которымъ истекъ срокъ въ январѣ 1906 года и которые такимъ образомъ угрожали валютѣ [2]). Непокрытые расходы 1905 г. (215 милл. руб.) опредѣлены въ указѣ 17 марта въ суммѣ всего 180 милл. руб., дефицитъ въ бюджетѣ на 1906 г. равнялся 482 милл. руб. и платежи по обязатель-

---

[1]) *Мигулинъ*, Русскій государственный кредитъ, III, стр. 1184—1185.

[2]) См. отчетъ о засѣданіи Госуд. Совѣта въ № 130 „Т.-П. Г.“ за 1906 г.

ствамъ казначейства составляли 150 милл. руб., а всего 812 милл. руб. Послѣдняя цифра должна была увеличиться благодаря ассигнованіямъ внѣ смѣты: на продовольствіе голодающихъ крестьянъ 80 милл. руб., владѣльцамъ имѣній, пострадавшимъ отъ аграрныхъ безпорядковъ, 8 милл. рублей, вознагражденіе Японіи за содержаніе плѣнныхъ 26 милл. руб. и на непредвидѣнные расходы по ликвидаціи войны около 100 милл. руб. Во всякомъ случаѣ апрѣльскій внѣшній заемъ, давшій 677 милл. руб., *не могъ покрыть* всѣ сверхсмѣтные расходы, дефициты и просроченныя обязательства казначейства. Государственная Дума перваго созыва, имѣвшая всего 39 засѣданій, за исключеніемъ ассигнованія 15 милл. руб. на продовольствіе (21 іюня), не успѣла разсмотрѣть бюджетъ, такъ какъ была распущена (8 іюля 1906 г.). *Послѣ* роспуска Думы о новомъ внѣшнемъ займѣ мечтать было невозможно, и для государственнаго хозяйства снова наступили тяжелые дни. Пришлось опять обратиться къ учету краткосрочныхъ обязательствъ казначейства, а также къ размѣщенію рентъ на внутреннемъ рынкѣ. Но и эти мѣры помогали мало, такъ какъ безкредитныхъ расходовъ, обременявшихъ бюджетъ, было много. Въ секретномъ письмѣ г. Коковцова къ предсѣдателю совѣта министровъ (№ 368 отъ 5 сентября 1906 г.), опубликованномъ въ парижскомъ „Le Temps“, говорилось: „Въ 1906 г. мы очутились въ условіяхъ, коихъ уже давно не видали... Я обращалъ вниманіе совѣта (министровъ) и вашего высокопревосходительства на *исключительныя и особенно затруднительныя обстоятельства*, въ какихъ находится государственное казначейство. Эти обстоятельства заставляютъ насъ принимать съ крайнею осторожностью вновь испрашиваемые кредиты. Тѣмъ не менѣе, эти мои настоянія до сихъ поръ не имѣли сколько-нибудь значительнаго успѣха. Многія вѣдомства, въ частности же военное министерство, неизмѣнно продолжаютъ предъявлять все новыя требованія, удовлетвореніе которыхъ ставитъ государственное казначейство *въ безвыходное положеніе*...“ Охарактеризовавъ далѣе бюджетъ на 1906 г., который, по его подсчетамъ, несмотря на размѣщеніе рентъ и избытокъ доходовъ надъ обыкновенными расходами, даетъ „колоссальный дефицитъ въ 155 милл. руб.“, г. Коковцовъ указываетъ, что для покрытія его имѣется одинъ рессурсъ—дальнѣйшее размѣщеніе ренты въ сберегательныхъ кассахъ на 20 милл. руб. максимумъ. „На основаніи вышеуказаннаго, ваше высокопревосходительство, вы можете судить о положеніи нашего государственнаго казначейства. Я не въ состояніи улучшить это положеніе и не располагаю средствами удовлетворить новымъ требованіямъ“. Если расходы не будутъ вновь сокращены, то „въ противномъ случаѣ, я признаю себя безсильнымъ удовлетворить предъявляемымъ требованіямъ. Помимо того, я долженъ признаться въ своемъ безсиліи усвоить себѣ фискальную систему, которая открываетъ кредиты для новыхъ расходовъ, не указывая никакихъ источниковъ для ихъ

покрытія". Указавъ на то, что открытіе безкредитныхъ расходовъ привело къ заключенію „огромнаго внѣшняго займа на тягостныхъ условіяхъ", г. Коковцовъ въ заключеніе говоритъ: *„повтореніе подобной ошибки въ настоящее время было бы безумiемъ*, а кромѣ того, я теперь не усматриваю возможности заключить внѣшній заемъ". Почти то же самое говорится въ другомъ секретномъ докладѣ, опубликованномъ черезъ полтора мѣсяца послѣ этого въ „Königsberger Zeitung".

Такимъ образомъ, апрѣльскій заемъ 1906 г. не вывелъ государственное хозяйство изъ того кризиса, въ которомъ оно очутилось въ концѣ 1905 г. Вліяніе его было огромно въ политическомъ отношеніи, но въ области бюджета—второстепенное. Вышеприведенная записка г. Коковцова констатируетъ, что во второй половинѣ 1906 г., т. е. спустя шесть мѣсяцевъ послѣ заключенія займа, положеніе русскихъ финансовъ не представляло существенной разницы между положеніемъ ихъ до займа, когда органъ графа Витте „Русское Государство" вынужденъ былъ признать, что для упорядоченія бюджета необходимо „прибѣгнуть къ способамъ болѣе или менѣе крайнимъ". Однако, несомнѣнно, что *характеръ* кризиса принялъ другія формы: острый финансовый кризисъ смѣнился затяжнымъ, длительнымъ. Вопросъ заключался не въ томъ, чтобы *срочно* покрыть безкредитные расходы на 800 милл. рублей, а въ томъ, что усилившіеся запросы государственнаго хозяйства къ народному не находили себѣ надлежащаго удовлетворенія и вызывали бюджетный дефицитъ въ сотню милл. руб. Въ первомъ случаѣ *немедленно* нужна была колоссальная сумма въ три четверти милліарда рублей, во второмъ—сокращеніе сверхсмѣтныхъ ассигнованій и небольшой заемъ. Если бы ассигнованія эти стремительно возрастали, то опять создалось бы положеніе, мало чѣмъ отличающееся отъ остраго кризиса. Хроническій кризисъ государственнаго хозяйства въ послѣдующій за апрѣльскимъ займомъ періодъ характеризуется тѣмъ, что наличныя финансовыя силы страны не въ состояніи были выполнить возложенныя на нихъ задачи, что ростъ расходовъ *обгонялъ* ростъ доходовъ, что бюджетнаго равновѣсія не было. Записка г. Коковцова подчеркиваетъ, что дальнѣйшая устойчивость русскихъ финансовъ зависитъ именно отъ сокращенія расходовъ и абсолютнаго устраненія безкредитныхъ ассигнованій.

Народно-хозяйственныя условія, въ которыхъ находились русскіе финансы послѣ заключенія займа, были *болѣе благопріятны*, чѣмъ въ началѣ года. И въ этомъ слѣдуетъ искать причины быстраго улучшенія государственнаго хозяйства, которое *при такихъ условіяхъ* функціонируетъ нормально, не ставя бюджетныя предположенія вверхъ ногами. Конфиденціальная записка г. Коковцова, помѣщенная въ „Königsberger Zeit.", устанавливаетъ, что народное хозяйство, испытавъ на себѣ тяжесть войны, подорвано „возникшими

и до сихъ поръ еще не улегшимися внутренними смутами, *болѣе вредно* отразившимися на хозяйственной жизни страны, чѣмъ даже самая война, что видно, между прочимъ, изъ пониженія курса биржевыхъ цѣнностей, которыя никогда еще не падали такъ низко. Такое положеніе грозитъ тягчайшими осложненіями. *Если смутное время затянется, средствъ не хватитъ даже на покрытіе самыхъ необходимыхъ, совершенно неотложныхъ расходовъ*". Поэтому правительство, прежде всего, стремилось къ подавленію „смуты", ибо репрессіи являлись предпосылкой правильнаго поступленія государственныхъ доходовъ.

Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ области ассигновокъ. На засѣданіи государственнаго совѣта 15 апрѣля 1906 г. разрѣшенъ отпускъ $4^1/_2$ милл. рублей „на передвиженіе войскъ соотвѣтственно внутреннимъ потребностямъ имперіи"; въ журналѣ департамента экономіи государственнаго совѣта отъ 8 декабря 1905 г. говорится, что состоялось постановленіе объ ассигнованіи 9.740.775 руб. „на дополнительное содержаніе мобилизованныхъ войскъ для внутренней службы въ Европейской Россіи и на Кавказѣ"; въ томъ же журналѣ отъ 20 декабря совѣтъ подсчитываетъ еще до 23 милл. руб. новыхъ расходовъ, „обусловленныхъ происходящими внутри Имперіи тревожными событіями революціоннаго свойства". Кромѣ этихъ актовъ, нашедшихъ себѣ отраженіе въ цифрахъ государственныхъ расходовъ, былъ мобилизованъ весь аппаратъ устрашенія: страна очутилась на военномъ положеніи, не было губерніи, которая бы не находилась во власти исключительныхъ законовъ и военно-полевыхъ судовъ. Несомнѣнно, эти мѣры стѣсняли экономическую дѣятельность населенія, тяжело отражаясь на поступленіи государственныхъ доходовъ. Однако, въ разсматриваемый періодъ народное хозяйство не только не деградировало, но, напротивъ, обнаружило *явные признаки улучшенія* и прогресса. Уже это одно обстоятельство должно было предрѣшить финансовые результаты кроваваго 1901 года. Не взирая на застой большинства промышленныхъ отраслей и на неурожай во многихъ губерніяхъ, народное хозяйство Россіи вынесло на своихъ плечахъ злокачественныя финансовыя недомоганія, поставивъ государственный бюджетъ на болѣе прочную основу.

Исполненіе государственной росписи за 1906 г. представляется въ слѣдующихъ цифрахъ (милл. руб.):

	Назначено по росписи.			Исполнено.		
	Доходы.	Расходы.	+или —	Доходы.	Расходы.	+или —
Обыкнов. бюджетъ. . .	2.027,8	2.018,0	+9,8	2.288,8	2.061,1	+227,7
Чрезвычайный бюджетъ	2,0	492,9	—490,9	1.134,0	1.151,5	—16,6
Всего. . .	2.029,8	2,510,9	—481,1	3.423,7	3.212,6	+211,1

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ таблицъ, мы видимъ, что числовыя данныя одной таблицы далеко не совпадаютъ съ данными другой: проектъ росписи имѣлъ *дефицитъ* въ суммѣ 481,1 милл. руб., между тѣмъ какъ выполненіе ея дало *превышеніе* доходовъ на 211,1 милл. руб. Мы уже говорили, что въ 1906 г. государственное хозяйство вступило подъ знакомъ кризиса. Обыкновенные доходы были исчислены въ 2.027,8 милл. руб. и чрезвычайные—въ 2,0 милл. руб.,—вклады въ государственный банкъ на вѣчное время, а всего 2.029,8 милл. руб. Эти источники не покрывали общаго итога расходовъ (2.510,9), такъ что роспись была сбалансирована съ дефицитомъ 481,1 милл. руб. Однако, уже въ первые мѣсяцы дѣйствія бюджета 1906 г., который „составлялся въ концѣ 1905 г. въ самый разгаръ революціонныхъ безпорядковъ [1])“, обнаружилось, что поступленіе доходовъ прекрасное и что суммы отсроченныхъ сборовъ срока 1905 г. уплачиваются исправно. Такимъ образомъ, пессимистическія ожиданія, на которыхъ строилась доходная часть бюджета, не оправдались: съ причисленіемъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ обыкновенные доходы составили 2.288,8 милл. руб. вмѣсто ожидаемыхъ 2.027,8 милл. руб., или *болѣе на 261 милл. руб.* Но какъ обстояло дѣло съ расходами, общая цифра которыхъ все же превышала наличныя средства для ихъ покрытія? Обыкновенные расходы, первоначально исчисленные въ цифрѣ 2.018,0 милл. руб., увеличились на 43,0 милл. руб., какъ результатъ спеціальныхъ ассигнованій, и достигли 2.061,1 милл. руб., которые свободно покрывались обыкновенными доходами (2.288,8 милл. руб.). Чрезвычайные же расходы, кстати сказать, выдѣленные въ особую группу по условному признаку, значились въ росписи въ суммѣ 492,9 милл. руб. и на 490,9 милл. руб. не имѣли никакого покрытія. Расходы эти въ продолженіе года еще увеличились, благодаря дополнительнымъ ассигнованіямъ на уплату краткосрочныхъ обязательствъ казначейства, ликвидацію войны, выдачу ссудъ голодающимъ и проч.—до 1.151,5 милл. руб., или на 658,6 милл. руб. Для покрытія этихъ расходовъ были произведены нижеслѣдующіе займы: 5% апрѣльскій заемъ (704,3 милл. руб.), учетъ новыхъ 5% и $5\frac{1}{2}$% обязательствъ казначейства на германскомъ и парижскомъ рынкахъ (336,8 милл. руб.), а также размѣщеніе въ сберегательныхъ кассахъ 4% ренты (35 милл. руб.), къ этимъ рессурсамъ слѣдуетъ прибавить еще мелкія поступленія (0,8 милл. рубл.), и спеціальные капиталы, обращенные на нужды казны (5,5 милл. руб.). Общій итогъ чрезвычайныхъ поступленій такимъ образомъ достигъ цифры 1.134,9 милл. руб.; а такъ какъ чрезвычайные расходы составляли 1.151,5 милл. руб., то въ чрезвычайномъ бюджетѣ получился перерасходъ на 16,6 милл. руб.

---

[1]) Цит. по отчету „Вѣст. Фин.“ № 47, 1907 г.

Эта сумма покрывалась изъ излишка 227,7 милл. руб., полученнаго отъ превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами. Въ результатѣ бюджетъ былъ сведенъ съ превышеніемъ доходовъ 211,1 милл. руб. Если изъ послѣдней цифры исключить 158 милл. руб. неоплаченныхъ расходовъ 1905 г. и 53 милл. руб., на каковую сумму осталось къ началу 1907 г. непогашенныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, то окажется, что бюджетные результаты 1906 года получились блестящіе: за покрытіемъ *всѣхъ расходовъ* въ распоряженіи правительства осталась еще свободная отъ какихъ бы то ни было обязательствъ сумма 1 милл. руб.

Столь благопріятное исполненіе росписи 1906 года *произвело потрясающее впечатлѣніе* въ особенности за границей, гдѣ еще не остылъ жаръ критическаго разслѣдованія русскихъ финансовъ. „Никто не приписалъ, конечно, этого успѣха финансовому вѣдомству,—говоритъ по этому поводу проф. Мигулинъ,—всѣмъ хорошо извѣстно, что вѣдомство далеко не на высотѣ, и объ искусствѣ его руководителей говорить вовсе не приходится. Ясно, что результатъ оказался благопріятнымъ, *несмотря* на всѣ ошибки, на неумѣніе финансоваго вѣдомства, ясно, что вся сила въ огромной экономической и финансовой мощи Россіи, обладающей несомнѣнными естественными богатствами,—работающей несмотря на всѣ забастовки и притѣсненія“ [1]) Блестящіе финансовые результаты 1906 г., обусловленные цѣлымъ рядомъ причинъ политико-экономическаго свойства,—о нихъ мы будемъ говорить ниже,—должны были показать, что для предположеній о государственномъ банкротствѣ уже нѣтъ мѣста и что матеріальныя силы правительства настолько велики, что борьба даже за укрѣпленіе *достигнутыхъ* революціей успѣховъ не принесетъ желаемыхъ послѣдствій и только пріуготовитъ путь для реакціи. Сто-трехдневное существованіе Государственной Думы второго созыва и сопутствовавшій ея роспуску государственный переворотъ (актъ 3 іюня) подкрѣпляютъ эти соображенія до полной очевидности.

Временный бюджетъ на 1907 г., составленный на основаніи 116 ст. основныхъ законовъ, ясно обнаружилъ господствовавшія политическія тенденціи, а именно стремительное возрастаніе расходовъ на полицію и тюрьмы; а съ государственно-хозяйственной точки зрѣнія онъ не обладалъ сколько-нибудь цѣнными достоинствами, такъ какъ былъ сбалансированъ съ дефицитомъ въ 240,2 милл. руб. Такимъ образомъ финансовый кризисъ былъ и въ 1907 г., хотя степень его вліянія чувствовалась значительно слабѣе, чѣмъ въ 1906 г. Въ половинѣ января 1907 г. выяснился результатъ выборовъ въ Думу, которая, по всѣмъ даннымъ, обѣщала быть лѣвѣе первой. Это обстоятельство повлекло за собой изданіе Высоч. указа отъ 24 января о

---

[1]) *Мигулинъ*. Настоящее и будущее русскихъ финансовъ, 239.

выпускѣ 4% ренты на нарицательный капиталъ 70 милл. руб. Внесенная въ апрѣлѣ въ законодательныя учрежденія роспись 1907 г. констатировала уменьшеніе упомянутаго дефицита до 186,6 милл. руб. Любопытно отмѣтить, что данная роспись, несмотря на увеличеніе непроизводительныхъ тратъ, все же обнаружила нѣкоторую „экономію“ въ области расходнаго бюджета. Разумѣется, финансовый результатъ „экономіи“ былъ невеликъ, онъ не могъ имѣть глубокаго значенія для текущаго ординарнаго бюджета, а чрезвычайный еще увеличился на 17,5 милл. руб. „конституціоннымъ закономъ“ 31 мая 1907 г., предоставлявшимъ министру внутреннихъ дѣлъ расходовать ихъ на продовольственное дѣло. Послѣ акта 3 іюня правительство опять прибѣгло къ выпуску ренты на 50 милл. руб. Въ силу указа 8 іюня, который разрѣшалъ эту операцію, рѣшено было изъ выручки по размѣщенію ренты покрывать текущіе расходы, удовлетвореніе которыхъ очевидно не могло производиться безпрепятственно. На-ряду съ этимъ была произведена пересрочка краткосрочныхъ обязательствъ казначейства на 50 милл. руб. Вслѣдствіе всякаго рода постановленій расходная часть бюджета увеличилась на 26,3 милл. руб., такъ что, несмотря на использованіе чрезвычайныхъ рессурсовъ, дефицитъ возросъ, т. е. государственно-хозяйственная дѣятельность протекала подъ знакомъ нужды. Она не могла однако парализовать отправленія государственной жизни; для устраненія ея правительство рѣшило повысить обложеніе. Борьба съ финансовымъ кризисомъ, создавшимся на почвѣ ненормальныхъ условій—войны и революціи,—такимъ образомъ переносилась въ плоскость нормальныхъ отношеній государства къ народному хозяйству. Другихъ способовъ, болѣе раціональныхъ, отвѣчающихъ на постановленныя этимъ кризисомъ задачи, у правительства не было, а если они и были, то оно не могло ими воспользоваться, одновременно не измѣняя политикѣ реакціи.

Исполненіе государственной росписи за 1907 г. представляется въ слѣдующихъ цифрахъ (въ милл. руб.).

	Доходы.	Расходы.	±
Обыкнов. бюджетъ . - .	2.373,2	2.195,9	+ 176,3
Чрезвыч. „ . . .	157,6	386,6	— 229,0
Итого .	2.529,8	2.582,5	— 52,7

Несмотря на освобожденіе бюджета отъ огромной массы чрезвычайныхъ расходовъ, фигурировавшихъ въ бюджетахъ 1904, 1905 и 1906 гг., общій бюджетный балансъ 1907 г. далъ дефицитъ 52,7 милл. руб. Съ другой стороны, возрастаніе обыкновенныхъ доходовъ было обогнано ростомъ обыкновенныхъ расходовъ настолько, что для спасенія равновѣсія между этими частями бюджета пришлось втискивать обыкновенныя статьи расхода въ чрезвычайную смѣту, дефицитъ по которой не такъ конфузенъ для министра фи-

нансовъ. Подобная искусственность, совершенно не приличествующая въ бюджетныхъ вопросахъ, разумѣется, не помогла скрыть общаго дефицита 1907 г. И 1908 и 1909 годы ознаменовались тѣмъ же самымъ:

Годы.	Доходы (въ милл. руб.).	+ или — по сравненіюсъ 1903 г. въ %.	Расходы (въ милл. руб.).	+ или — по сравненіюсъ 1903 г. въ %.
1903 . . .	2.031,8	—	1.883,0	—
1904 . . .	2.018,3	— 0,7 %	1.906,8	+ 1,3 %
1905 . . .	2.024,5	— 0,4 %	1.925,2	+ 2,3 %
1906 . . .	2.071,7	+ 11,8 %	2.075,8	+ 10,2 %
1907 . . .	2.342,5	+ 15,3 %	2.196,0	+ 16,6 %
1908 . . .	2.417,8	+ 19,0 %	2.387,7	+ 26,8 %
1909 . . .	2.458,7	+ 21,3 %	2.449,5	+ 30,3 %
Средній ежегодный % возрастанія		+ 3,6 %		+ 5,2 %

Такимъ образомъ, несоотвѣтствіе между доходами и расходами очевидное: доходы въ среднемъ возросли на 3,6%, а расходы на 5,2% или болѣе на 1,6%. Другими словами, правительство жило не по средствамъ. Установленіе бюджетнаго равновѣсія въ послѣдующіе за революціей годы являлось для правительства задачей первостепенной важности. Какъ показываетъ вышеприведенная таблица, до 1910 г. задача эта не разрѣшена. Но во всякомъ случаѣ было бы большимъ оптимизмомъ видѣть здѣсь что-нибудь тревожное,—это не симптомы финансоваго развала, а простая разновидность того, что Лоренцъ фонъ-Штейнъ называетъ дефицитомъ нужды (deficit der Noth) [1]). Для устраненія этого дефицита требуется повышеніе налогового бремени и нѣкоторая сдержанность въ расходахъ. Формально этого правительство достигло въ 1910 г., сбалансировавъ бюджетъ *безъ дефицита*. При такомъ положеніи государственнаго хозяйства, конечно, не можетъ быть рѣчи о возможности въ ближайшемъ будущемъ остраго финансоваго кризиса.

IV.

Прошла война, прошла революція и наступила переходная эпоха. Но вотъ, является вопросъ, какъ отразились военныя неудачи и революціонныя событія на государственномъ хозяйствѣ и какое наслѣдіе они оставили переходному времени? Что пережили за этотъ періодъ Sturm und Drang'a русскіе финансы, бывшіе на службѣ у правительства, которое, при помощи ихъ, вело сперва войну внѣшнюю, а потомъ внутреннюю? Дѣйствительно ли военный

1) *Lorenz v. Stein*, Lehrbuch d. Finanzwiss. I, 29. Lpzg. 1885.

разгромъ Россіи прошелъ безнаказанно для ея финансовыхъ силъ? Дѣйствительно ли революція, взбаламутившая всѣхъ и вся, явилась въ области финансовыхъ отношеній союзникомъ правительства, а не народа, какъ въ этомъ были всѣ увѣрены?

Чтобы отвѣтить на все это, достаточно окинуть бѣглымъ взглядомъ перипетіи, черезъ которыя прошло государственное хозяйство за разсматриваемый періодъ. До начала войны положеніе русскихъ финансовъ было мало удовлетворительное. Промышленный кризисъ въ первой половинѣ девятисотыхъ годовъ, осложненный рядомъ неурожайныхъ лѣтъ, существеннымъ образомъ понизилъ платежеспособность населенія, что, между прочимъ, было признано самимъ правительствомъ. Хищническая финансовая система, ставившая государственному казначейству непосильныя задачи, не могла, конечно, смягчить эффектъ налогового переутомленія и требовала отъ народнаго дохода все большей и большей части. Однако, высокій военный престижъ Россіи и ея огромное вліяніе въ дѣлахъ международной политики поддерживали государственный кредитъ, давая возможность безпрепятственно заключать займы, которые шли на поддержку валюты, на постройку стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ и другія непроизводительныя затраты. Сохраненіе части этихъ займовъ въ связи съ накопленіемъ запаснаго фонда изъ налоговыхъ источниковъ позволяло имѣть „свободную наличность казначейства“, которая выражала финансовую готовность правительства ко всякимъ неожиданностямъ и въ частности къ войнѣ. Такимъ образомъ, передъ войной русское правительство имѣло хорошій кредитъ, устойчивое денежное обращеніе и большой запасъ свободныхъ денегъ (381 милл. руб.), но въ народномъ хозяйствѣ оно не имѣло твердой базы, ибо двухъ-милліардный бюджетъ опирался на истощенныя платежныя силы.

Начатая на далекихъ поляхъ Манчжуріи война явилась во всѣхъ отношеніяхъ „пробнымъ камнемъ“, такъ какъ послѣдовавшія вскорѣ за ея объявленіемъ неудачи поставили государственному хозяйству тяжелыя испытанія. Открытіе военныхъ дѣйствій ознаменовалось не только мобилизаціей войскъ, но и финансовой мобилизаціей. Имѣвшаяся въ запасѣ свободная наличность въ суммѣ 381 милл. руб. позволила на первыхъ порахъ удовлетворить неотложные платежи и расходы, вызываемые военнымъ временемъ. Но крайне неэластичная податная система ставила непреодолимыя преграды для усиленія рессурсовъ казначейства путемъ поднятія обложенія, тѣмъ болѣе, что народное хозяйство, по своему положенію, не могло бы безболѣзненно вынести тѣ чрезвычайные запросы, за счетъ которыхъ можно было бы вести войну, не прибѣгая къ сокращенію текущихъ невоенныхъ расходовъ и не налегая на государственный кредитъ. Въ распоряженіи правительства, слѣдовательно, не было одного огромной важности источника — цвѣтущаго

народнаго хозяйства, на которое въ подобныхъ обстоятельствахъ передвигается вся тяжесть военныхъ расходовъ. Благодаря же высокой кредитоспособности Россіи, эта тяжесть сосредоточилась преимущественно на государственномъ кредитѣ. Если бы кредитъ Россіи стоялъ низко, то при данныхъ нашего неразвитаго народнаго хозяйства война *неизбѣжно* привела бы къ крушенію валюты и къ господству бумажныхъ денегъ, т. е. къ полному разстройству финансовъ и экономической жизни страны. Такимъ образомъ, вызванный войною финансовый кризисъ былъ локализованъ государственнымъ кредитомъ. При достаточныхъ золотыхъ запасахъ,—а они были—подобное обстоятельство давало прочную гарантію финансовой обезпеченности войны, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года, пока не выяснятся результаты военнаго единоборства.

Восемнадцать мѣсяцевъ войны вызвали грандіозные расходы. Впослѣдствіи министръ финансовъ Коковцовъ вынужденъ былъ признаться, „...что расходы у насъ были чрезмѣрны, что мы были неэкономны во многихъ случаяхъ... мы издержали $2^1|_2$ милліарда рублей, Японія издержала 1 милліардъ 200 милліоновъ рублей“ [1]). Покрытіе военныхъ расходовъ производилось за счетъ займовъ, поступавшихъ частью для подкрѣпленія золотыхъ запасовъ государственнаго банка и изъ суммъ свободной наличности. Однако, то золото, которое получалось отъ займовъ и перечислялось со счета государственнаго казначейства на счетъ банка, во внутрь страны не поступало, а оставалось *за границей* въ обезпеченіе текущихъ платежей, хотя государственный банкъ выпускалъ кредитные билеты, передавая ихъ казначейству, якобы въ обмѣнъ на золото. Подобная политика давала возможность усилить рессурсы казначейства. И, несомнѣнно, часть военныхъ издержекъ покрывалась кредитными билетами, выпущенными безъ *наличнаго* металлическаго обезпеченія, т. е. вопреки закону о денежномъ обращеніи. Послѣдній періодъ войны былъ для русскихъ финансовъ особенно тягостнымъ, такъ какъ систематическія военныя неудачи и тревожное внутреннее политическое положеніе серьезно разстроили государственный кредитъ: лѣтомъ 1905 г. за границей получить деньги на сколько-нибудь пріемлемыхъ условіяхъ было дѣломъ невозможнымъ. Если бы не удалось размѣстить два внутреннихъ займа, то для золотой валюты наступилъ бы конецъ. „Передъ войной,—говоритъ проф. Гельферихъ,—часто русскую валюту третировали какъ карточный домикъ, готовый разсыпаться при первомъ дуновеніи вѣтра, однако, она оказалась настолько солидной и устойчивой, чтобы вынести бури незадачливой и дорогой войны“ [2]). Но, какъ правильно замѣчаетъ по этому

---

[1]) Цит. изъ рѣчи г. Коковцова, произнесенной въ государственномъ совѣтѣ 8 іюня 1909 г. „Т.-П. Г.“№ 130, 1909 г.

[2]) *Helfferich*. Das Geld im russisch-Japanischen Kriege, 179. Berl 1906.

поводу проф. Боголѣповъ, „...война и не предъявляла особыхъ претензій къ русской валютѣ, такъ какъ грузъ финансовыхъ расходовъ лежалъ не на государственномъ банкѣ, а на общемъ государственномъ кредитѣ. Кредитоспособность государства, хотя и дорогою цѣною, но спасла русскую валюту, въ значительной мѣрѣ и безъ того обязанную своимъ происхожденіемъ публичному кредиту“ [1]).

Высокая кредитоспособность и отчасти превосходный урожай 1904 г., увеличившій нашъ платежный балансъ съ заграницей, позволили вынести то финансовое напряженіе, которое породила война. Не безъ вліянія на бюджетъ прошло и то, что значительная сумма военныхъ расходовъ тратилась *внутри страны*. Но уже послѣдній періодъ войны, совпавшій съ пониженіемъ кредитоспособности государства, неурожаемъ и бурно проявлявшимся революціоннымъ движеніемъ, ограничивалъ финансовыя возможности ея дальнѣйшаго веденія. Несомнѣнно, при заключеніи портсмутскаго договора финансовый моментъ сыгралъ выдающуюся роль.

При нормальныхъ условіяхъ государственной жизни заключеніе мира должно было поднять государственный кредитъ, ввести бюджетъ въ естественное русло и создать предпосылки для народно-хозяйственнаго подъема. Такъ всегда было, такъ отразился миръ на Японіи, но Россія послѣ прекращенія войны пошла особымъ путемъ, ибо этихъ условій въ ея государственной жизни не было. Послѣ заключенія мира наступила революція, т. е. прекращеніе войны для государственнаго хозяйства знаменовало не переходъ къ нормальнымъ условіямъ, а, напротивъ, переходъ изъ ненормальныхъ, вызванныхъ войною, въ критическія. Благодаря этому, реализовать военный ликвидаціонный заемъ, въ которомъ существовала острая нужда, нельзя было, банкиры денегъ не дали, оставивъ Петербургъ въ неописуемой тревогѣ. Оптимистическія предположенія, на которыхъ было построено изданіе акта 17 октября, не оправдались: актъ этотъ не расположилъ международный денежный рынокъ въ пользу правительства, потому что революція, внося хаосъ въ податной аппаратъ, губитъ государственный кредитъ. И дѣйствительно, „революціонный вулканизмъ“ окончательно скомпрометтировалъ бюджетъ: за ноябрь и декабрь недоборы въ доходахъ составили 87 милл. руб. Занять можно было только небольшія суммы и на короткій срокъ подъ спеціальное обезпеченіе, а положеніе народнаго хозяйства, обнаружившаго было тенденцію къ улучшенію, въ данное время исключало всякія предположенія о помощи съ его стороны. Такимъ образомъ, наступилъ острый кризисъ государственнаго хозяйства и денежнаго обращенія. Подъ знакомъ этого кризиса была составлена роспись на 1906 г.; ея предположенія покоились на признаніи, что если революція продолжится—произой-

[1]) *Боголѣповъ*, l. c., 357.

детъ финансовый крахъ, а если нѣтъ—краха не будетъ. Относительно этого можно сдѣлать нѣсколько заключеній, но безспорно одно—продолжайся революція такъ же интенсивно еще два мѣсяца, какъ въ октябрѣ—декабрѣ, намъ бы не избѣгнуть бумажныхъ денегъ, потому что многомилліонные безкредитные расходы, отягощавшіе бюджетъ, пришлось бы покрывать изъ суммъ государственнаго банка,—другихъ источниковъ не существовало.

Революціонная волна, достигнувъ въ періодъ московскаго вооруженнаго возстанія своей высшей точки, начала по-немногу спадать. Податныя отношенія, въ которыя революція внесла сильное замѣшательство, въ началѣ 1906 г. приняли болѣе или менѣе нормальный характеръ. Народное хозяйство стремилось войти въ естественное русло, ибо за время войны и революціи въ немъ назрѣли силы для реакціи противъ застоя. Финансовый кризисъ, такимъ образомъ, локализовался самъ собою, принимая болѣе узкія границы. Въ данный моментъ государственное хозяйство функціонировало уже относительно исправно, и только острая нужда въ деньгахъ для покрытія произведенныхъ безкредитныхъ расходовъ и для оплаты краткосрочныхъ обязательствъ давила на бюджетъ: нуженъ былъ заемъ немедленно, въ противномъ случаѣ валюта взлетала на воздухъ. Другими словами, передъ правительствомъ стояла альтернатива: перенести грузъ неоплаченныхъ финансовыхъ расходовъ на государственный кредитъ и избавиться отъ краха, или же передать ихъ государственному банку и вызвать крушеніе валюты, и безъ того уже подорванной войной и революціей. Но государственный кредитъ стоялъ низко, заключить заемъ на выгодныхъ условіяхъ было нельзя: страна далеко еще не успокоилась, а близость созыва Думы порождала пессимистическія предположенія о ближайшемъ политическомъ будущемъ Россіи. Съ другой стороны, инстинктъ самосохраненія подсказывалъ правительству, что обращеніе къ государственному банку будетъ для него роковымъ. Выходъ указала сама революція. Ослабленіе революціоннаго движенія, при параллельномъ улучшеніи государственныхъ доходовъ и народнаго хозяйства, внушило правительству счастливую мысль: двинуть на остатки революціи весь аппаратъ репрессій, дабы прочно наладить податныя отношенія и укрѣпить государственный кредитъ. Въ области государственно-хозяйственной эта мѣра дала превосходный результатъ, тѣмъ болѣе что само народное хозяйство какъ бы шло противъ революціи. Оградивъ бюджетъ отъ всякихъ сюрпризовъ, которые ему могла бы преподнесть революція, правительство убѣдилось, что опасность для государственнаго хозяйства со стороны революціи почти миновала, а для того, чтобы ее окончательно ликвидировать, надо спасти денежное обращеніе, разстройство котораго можетъ опять открыть двери революціи. Поэтому рѣшено было перенести неоплаченные расходы на государственный кредитъ и, такимъ обра-

зомъ, вопросъ о займѣ принялъ для правительства гамлетовское значеніе: to by or not to by—that is the question!

Событія въ Алжессирасѣ, приведшія къ новой группировкѣ державъ, явились необходимой предпосылкой для заключенія займа, ибо поднятіе внѣшняго престижа Россіи болѣе содѣйствовало укрѣпленію кредита, чѣмъ всѣ репрессіи взятыя вмѣстѣ. Но желаніе освободиться отъ Думы, стать внѣ ея вліянія въ вопросѣ о займѣ и имѣть деньги на случай ея роспуска—отдавало правительство во власть банкировъ, диктовавшихъ ему свои безбожныя условія. Принеся въ жертву банкирамъ сотню милл. рублей, правительство заняло деньги, которыя, освобождая бюджетъ отъ безкредитныхъ расходовъ, спасли валюту и обезпечили государственное хозяйство отъ остраго кризиса. по крайней мѣрѣ, въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ. Послѣдующія за роспускомъ первой Думы событія показали, что, хотя этотъ кризисъ существуетъ, но борьба съ нимъ возможна, разъ народное хозяйство находится въ болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ. Ликвидировавъ неотложные военные расходы перенесеніемъ ихъ на государственный кредитъ, правительство покрывало часть оставшихся неоплаченныхъ расходовъ, путемъ хитроумныхъ комбинацій и опять-таки изъ государственнаго кредита — учетъ и переучетъ краткосрочныхъ обязательствъ казначейства и выпуски рентъ. А такъ какъ поступленіе обыкновенныхъ доходовъ превысило всякія ожиданія, то бюджетъ 1906 г. былъ сбалансированъ съ излишкомъ надъ расходами. Другими словами, отнесеніе всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ на государственный кредитъ, покрытіе громадной массы неоплаченныхъ расходовъ займами дало возможность избавиться отъ крупнаго дефицита по чрезвычайному бюджету, неуравновѣшенность котораго ставила государственное хозяйство въ крайне опасное положеніе, а обыкновенные доходы возрасли настолько, что дали огромный переборъ, позволившій погасить оставшіеся въ бюджетѣ безкредитные расходы. Такимъ образомъ, острый бюджетный кризисъ миновалъ. Въ теченіе 1907—1909 гг. государственное хозяйство непрерывно улучшалось, хотя тяжелое наслѣдство войны и революціи давало себя чувствовать. И въ эти годы затяжного финансоваго кризиса, государственный кредитъ неоднократно являлся въ знакомой роли спасителя русскихъ финансовъ. Но, вообще говоря, въ переходный періодъ, вѣрнѣе, въ періодъ реакціи государственное хозяйство находилось уже внѣ опасности.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію причинъ, приведшихъ русскіе финансы къ благопріятнымъ результатамъ, не взирая на недавнюю войну и революцію, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить устойчивость государственнаго кредита, высокую кредитоспособность оффиціальной Россіи. Фактически эта кредитоспособность спасла русскіе финансы отъ многихъ невзгодъ, хотя и причинила первостепенный политическій вредъ: на средства государственнаго

кредита велась война, изъ этихъ же средствъ были покрыты расходы по ликвидаціи войны, государственный кредитъ эмансипировалъ правительство отъ Думы и окрылилъ реакцію, онъ позволилъ возстановить бюджетное равновѣсіе въ послѣреволюціонные годы и т. д. Если бы кредита не было — дальневосточная авантюра, стоившая милліарды рублей, не получила бы осуществленія, она была бы невозможна. Равнымъ образомъ, при отсутствіи кредита правительство силою вещей вынуждено было бы капитулировать передъ Думой, ибо крушеніе валюты, за счетъ которой можно было покрыть неоплаченные многомилліонные расходы, неизбѣжно вызываетъ и крушеніе кредита. Далѣе, актъ 3 іюня былъ бы невозможенъ, если бы имъ ставился на карту государственный кредитъ, но онъ получилъ реализацію, опираясь на сочувствіе кредиторовъ Россіи и т. д. Достаточно просмотрѣть „Le Temps“, чтобы убѣдиться въ наличности этого сочувствія. Правда, и во французской печати были попытки создать противовѣсъ русскимъ займамъ, но онѣ такъ же не достигли успѣха, какъ и агитація соціалистовъ [1]). Англійская печать въ отношеніи русскаго государственнаго кредита радикально измѣнила мнѣніе послѣ алжессираской конференціи; только „Daily News“ и „The Economist“, упрекавшіе русское правительство въ безчестности (the bad faith), представляли исключеніе. Въ Германіи не было единодушія, да и мнѣніе германской прессы не имѣло цѣны, такъ какъ въ Берлинъ за деньгами не обращались (послѣ $4^1/_2\%$ займа 1905 г.), а Мендельсонъ, у котораго учитывались краткосрочныя обязательства казначейства, все равно бралъ безбожные проценты.

Движеніе государственнаго долга за разсматриваемый періодъ характеризуется нижеслѣдующими цифрами (въ милл. руб.):

ГОДЫ.	Образовалось долговъ въ теченіе года.	Погашено.	Остатокъ долговъ къ концу года.	Расходы по системѣ государ. кредита.	% отношеніе этихъ расходовъ къ общей суммѣ обыкн. расходовъ безъ казен. операцій.
1903	134,0	126,1	6.651,8	289,7	22,2 %
1904	452,5	22,6	7.081,7	298,7	22,7 %
1905	842,7	83,3	7.841,1	306,9	23,2 %
1906	1.275,1	490,7	8.625,5	356,9	25,0 %
1907	174,7	74,8	8.725,5	374,4	25,0 %
Увеличеніе.	—	—	2.073,7 (31,2 %)	84,7 (29,1 %)	

[1]) «La France et les finances Russes par Un Ami de l'alliance», pp. 17—19. P. 1906 (брош.). Матеріалы по данному вопросу приведены у *Богольпова*, Финансы, правительство и общественные интересы, 273—275. Спб. 1907.

Такимъ образомъ, съ 1903 г. по 1907 г. государственный долгъ взросъ съ 6.651,8 милл. руб. до 8.725,5 милл. руб., или на 2.073,7 милл. рублей, что въ процентномъ отношеніи составитъ 31,2%. Расходы по системѣ государственнаго кредита также весьма поднялись: въ 1903 г. платежи по займамъ равнялись 289,7 милл. руб., а въ 1907 г. уже 374,4 милл. руб. или болѣе на 84,7 милл. руб. (29,1%), составляя одну четвертую часть всѣхъ государственныхъ расходовъ (безъ валовыхъ расходовъ по казеннымъ операціямъ). Эти цифры, свидѣтельствующія о томъ, что за четыре года государственный долгъ увеличился на 31,2%, а платежи по долгу на 29,1%, также показываютъ, въ какой мѣрѣ производилась эксплоатація государственнаго кредита. Столь неумѣренное пользованіе кредитомъ, который былъ сильно поколебленъ войною и еще сильнѣе революціей, должно было тяжело отразиться на курсѣ русскихъ бумагъ.

Для сравненія беремъ рядъ руководящихъ бумагъ:

	Высшій курсъ		Низшій курсъ въ 1907 г.	Курсовое паденіе по сравненію съ 1905/6 г.	Высшій курсъ въ 1908 г.	Повышеніе курса по сравненію съ 1907 г.
	1904 г.	1905 и 1906 г.				
$2^1/_2$% англійск. консоли	91	$91^{15}/_{16}$	$80^3/_4$	$-11^3/_{16}$	$88^3/_8$	$+7^5/_8$
3% герм. имп. заемъ	$91^1/_8$	$91^1/_4$	80	$-11^1/_4$	$85^1/_2$	$+5^1/_2$
3% франц. рента	$98^3/_4$	100	93	—7	$97^1/_2$	$+4^1/_2$
4% русская госуд. рента	$99^1/_2$	93	69	—24	79	+10

Изъ этой таблички видно, что война не такъ глубоко уронила курсъ 4% ренты, какъ реакція: въ 1907 г., когда Россія вступила на путь „успокоенія“, рента упала до 69. Нуженъ былъ годъ дешевыхъ денегъ и общаго курсового подъема, чтобы она поднялась на 10%. При курсовомъ колебаніи бумагъ и общей политической неопредѣленности реализація всякаго займа неизбѣжно влекла за собой крупныя потери, вызывая дальнѣйшее пониженіе курсовыхъ отмѣтокъ; всякій новый заемъ долженъ былъ обладать большей доходностью, чтобы найти себѣ размѣщеніе на рынкѣ, а увеличеніе доходности новой бумаги приводило къ пониженію расцѣнокъ старыхъ до уровня одинаковой доходности. Насколько были велики эти потери, видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

Перечень займовъ, заключенныхъ въ 1904—1907 гг.	Номинальная сумма.	Выручка.	% отношеніе выручки къ номинальной суммѣ займа.
5% обязательства казначейства 1904 г.	300.000.000	282.000.000	94,00
3,6% серіи.	150.000.000	150.000.000	100,00
4½% заемъ 1905 г. . . .	231.500.000	209.462.250	90,50
5% „ „ внутр. I .	200.000.000	188.450.000	94,22
5% „ „ „ II .	200.000.000	190.400.000	95,20
5% краткс роч. обязат. 1905 г.	150.000.000	142.495.536	94,99
5½% „ „	9.258.000	8.681.263	93,43
5% заемъ 1906 г.	843.750.000	698.528.814	82,75
5½% краткср. обязат. „	279.005.415	262.575.360	93,93
„ „ „	75.600.000	74.147.250	98,40
4% рента „	50.000.000	35.000.000	70,00
„ „ 1907 г.	120.000.000	85.425.000	71,42
5½% краткср. обязат. „	52.978.905	49.572.381	93,50
Итого. . . .	2.662.092.320	2.376.737.854	89,46

Общая потеря на этихъ займахъ составляетъ колоссальную цифру 285.354.466 рублей или 10,54%. Такой дорогой цѣною производилась эксплоатація государственнаго кредита! И тѣмъ не менѣе, несмотря на эти потери, огромное увеличеніе суммы капитальнаго долга и платежей по нему, государственный кредитъ не былъ разрушенъ: довѣріе къ русскимъ бумагамъ не утратилось ни разу за все время войны, революціи и контръ-революціи. Всякое паническое пониженіе биржевыхъ курсовъ быстро проходило и не могло *прочно* понизить расцѣнки русскихъ фондовъ. Повторяемъ, высокая кредитоспособность оффиціальной Россіи въ буквальномъ смыслѣ *спасла* государственное хозяйство отъ краха, который быстро нарасталъ и развивался на почвѣ революціи.

Переходя къ характеристикѣ народно-хозяйственныхъ условій, на которыя опиралось государственное хозяйство за разсматриваемый періодъ, нужно сказать, что условія эти не могли быть благопріятными, ибо война и революція непосредственно не содѣйствуютъ увеличенію національнаго дохода, понижаютъ общую производительность страны и нарушаютъ процессы обращенія, а это неизбѣжно вызываетъ финансовый кризисъ. Но, съ другой стороны, война влечетъ за собою *огромные расходы* и внутри страны, и за границей, а революція, исходящая изъ экономическихъ предпосылокъ, создаетъ *перераспредѣленіе* національнаго дохода. Какъ увидимъ ниже, явленія эти представляютъ для государственнаго хозяйства чрезвычайно крупное значеніе.

Съ 1904 г. по 1907 г. расходы на войну и ликвидацію ея составили колоссальную цифру 2.282.834.241 руб. [1]),—большая часть этихъ расходовъ была произведена *внутри страны*. Такія траты не могли, конечно, не отразиться на поступленіи государственныхъ доходовъ, тѣмъ болѣе, что средства для этихъ тратъ были получены извнѣ, путемъ, главнымъ образомъ, внѣшнихъ займовъ. Если въ извѣстныхъ случаяхъ выручка отъ займа оставалась за границей, то этимъ предупреждалась отправка золота изъ страны. Хорошій урожай 1904 г., посредственный—1905 г., высокія цѣны на хлѣбъ и внѣшніе займы благопріятно отразились на нашемъ балансѣ, вексельный курсъ держался у точекъ паритета, временами склоняясь въ нашу пользу; золото за границу не уплывало и въ большихъ количествахъ оставалось внутри страны [2]). Значительное увеличеніе денегъ въ дѣловомъ оборотѣ было настолько очевиднымъ, что Нижегородская ярмарка (1906 г.) прошла хорошо именно потому, что былъ сильный приливъ денегъ изъ Манчжуріи и Сибири. Разумѣется, возвращеніе войскъ съ Дальняго Востока увеличило траты населенія; вмѣстѣ съ арміей возвратились и тѣ, кто наживались на войнѣ: послѣ окончанія войны вклады въ банкахъ возрасли и замѣчалась общая тенденція къ спекулятивнымъ начинаніямъ [3]). Рѣзкое увеличеніе денегъ, какъ результатъ огромныхъ военныхъ расходовъ, неизбѣжно должно было вызвать ростъ потребленія товаровъ, въ томъ числѣ и товаровъ, обложенныхъ акцизомъ.

Огромный *расходный* бюджетъ государства, во всякомъ случаѣ, оказалъ сильное вліяніе на поступленіе доходовъ.

Не менѣе сильное вліяніе на поступленіе государственныхъ доходовъ оказала и революція. Изъятіе вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ и банковъ сопровождалось ихъ тратою,—революція не создаетъ новыхъ цѣнностей, а скорѣе способствуетъ истребленію народныхъ сбереженій. По словамъ проф. Мигулина „...значительная часть (140 милл. руб.) этихъ денегъ (вкладовъ) уже обратно въ кассы не вернулась, а была *растрачена*, т. е. поступила въ оборотъ и способствовала росту государственныхъ доходовъ (преимущественно косвенныхъ, особенно питейныхъ). Многочисленные погромы, грабежи, „экспропріаціи“ (и карательныя экспедиціи, добавимъ мы отъ себя) и т. д. сопровождались также усиленнымъ разгуломъ, естественно, создавали

---

[1]) Объяснительная записка къ отчету государственнаго контроля за 1907 г. стр. 46.

[2])

	Отпускъ.	Привозъ.	Балансъ.	Чистый урожай хлѣбовъ.	
	Въ милліонахъ рублей.			Общій сборъ (въ милл. пуд.).	на 1 жител. (пуды).
1904 г.	1.006,4	651,4	+355,0	3.699,5	28,6
1905 „	1.077,3	635,1	+442,2	3.056,9	23,4
1906 „	1.094,0	800,7	+293,3	2.518,2	18,9
1907 „	1.053,0	847,4	+205,6	2.990,8	22,1

[3]) См. „Вѣстникъ Финансовъ“ № 18, 1906.

ростъ государственныхъ доходовъ... Продолжающійся размахъ революціонной волны, сопровождаемый общимъ разгуломъ и тратой сбереженій, не могъ не отразиться на общемъ ростѣ государственныхъ доходовъ отъ косвенныхъ налоговъ. Ликвидація сельско-хозяйственныхъ экономій дала средства для усиленныхъ тратъ нашимъ землевладѣльцамъ, широкія „экспропріаціи“ послужили „экспропріаторамъ“ также не для цѣлей сбереженія, отмѣна выкупныхъ платежей дала средства крестьянамъ для увеличенія ихъ потребленія... Увеличеніе налоговъ также, конечно, сыграло свою роль въ дѣлѣ роста государственныхъ доходовъ. Общій размахъ, всегда сопровождающій войну и революцію, когда все ставится на карту, самая жизнь, никто не жалѣетъ сбереженій, не дѣлаетъ ихъ, все пускается въ оборотъ, также надо принять во вниманіе“ [1])...

Конечно, „разгулъ“ и „размахъ“, о которыхъ говоритъ проф. Мигулинъ, не исчерпываютъ всей сути вопроса: ими устанавливается вліяніе на бюджетъ только однихъ *отрицательныхъ* моментовъ революціи. Правда, это вліяніе громадно: потребленіе вина за 1906 г. возросло на 10.429,2 тыс. ведеръ, а доходъ винной монополіи увеличился на 84 милл. руб. (въ 1905 г. потребленіе увеличилось на 4,725,5 тысячъ ведеръ, а доходъ — на 68 милл. руб.). Въ отчетѣ объ операціяхъ винной монополіи читаемъ: „рѣзкое непредвидѣнное увеличеніе потребленія питей въ 1906 г., даже въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, объясняется, главнымъ образомъ, отмѣною половины оклада выкупныхъ платежей, повышеніемъ платы за рабочій трудъ, оказаніемъ правительственной помощи крестьянскому населенію и возвращенію войсковыхъ частей изъ театра военныхъ дѣйствій [2]). Это повышеніе потребленія вина оказало на бюджетъ *исключительное* вліяніе. Конечно, мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ этому способствовали погромы и карательныя экспедиціи, но ихъ вліяніе на поступленіе монопольнаго дохода также несомнѣнно.

Еще болѣе благопріятное вліяніе на поступленіе государственныхъ доходовъ оказали *положительные* моменты революціи. Послѣдняя, какъ извѣстно, сопровождалось повышеніемъ заработной платы фабричныхъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Кромѣ того, существовавшія сельско-хозяйственныя отношенія рѣзко измѣнились, благодаря аграрнымъ безпорядкамъ: въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ цѣна на землю упала отъ 10 до 20% и арендная плата понизилась отъ 10 до 50%,—въ большемъ или меньшемъ масштабѣ то же самое наблюдалось и въ другихъ губерніяхъ [3]).

---

[1] *Мигулинъ*. Настоящее и будущее русскихъ финансовъ, 326—340.

[2]) Отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1906 г., стр. 24.

[3]) „Аграрное движеніе въ Россіи въ 1905—1906 гг.“. Труды И. В. Э. О. 1908 г. № 3, стр. 53.

Экономическая борьба рабочихъ и мелкихъ арендаторовъ въ большинствѣ случаевъ оканчивалась побѣдой надъ капиталистами и помѣщиками, вслѣдствіе чего достатки пролетаріата и крестьянства расширились. Подобное *перераспредѣленіе* народнаго дохода въ пользу малоимущихъ слоевъ населенія должно было неизбѣжно привести къ увеличенію потребленія вообще, и въ частности къ увеличенію потребленія продуктовъ, обложенныхъ акцизомъ. И дѣйствительно, за годы революціи рѣзко поднялось потребленіе сахара, чая, табаку и хлопка. Вліяніе этихъ факторовъ на поступленіе государственныхъ доходовъ громадное и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть оспариваемо.

Такимъ образомъ, война и въ особенности революція въ ея положительныхъ и отрицательныхъ проявленіяхъ принесли фиску колоссальныя выгоды. При тѣхъ народно-хозяйственныхъ комбинаціяхъ, которыя сложились въ періодъ революціи и при той системѣ налоговъ, которая опредѣляетъ собою доходный бюджетъ государства, финансовый бойкотъ являлся слишкомъ эфемернымъ орудіемъ борьбы. На вопросъ сотрудника „Le Journal“, какъ можетъ отразиться выборгскій манифестъ на поступленіи налоговъ, г. Коковцовъ отвѣтилъ: „Выборгскій манифестъ могъ бы отразиться лишь на поступленіи прямыхъ налоговъ, между тѣмъ какъ въ основу податной системы въ Россіи положены косвенные налоги. Нельзя думать, чтобы народъ, даже, если допустить, что онъ послушается призыва бывшихъ депутатовъ Думы,—отказался отъ употребленія спичекъ или водки. Мы имѣемъ доказательства противоположнаго свойства“ [1])... Это заключеніе г. Коковцова можно подтвердить нижеслѣдующими данными о поступленіи доходовъ налогового характера (въ милл. руб.):

	1903	1904	1905	1906	1907	+
Прямые налоги .	135,2	134,9	126,9	163,2	183,3	+ 48,1
Косвенные . . .	811,9	795,3	848,8	1.013,5	995,6	+ 183,7
Пошлины	107,3	104,2	100,0	113,3	122,6	+ 15,3
Выкупные платежи	88,8	81,6	55,4	35,0	0,6	— 88,2
Итого налоговъ .	1.143,2	1.116,0	1.131,1	1.325,0	1.302,1	+ 158,9
Всѣхъ поступленій безъ валовыхъ доходовъ по казеннымъ операціямъ .	1.444,8	1.432,5	1.437,2	1.644,6	1.645,3	+ 200,5

[1]) „Бесѣда представителя *Le Journal* съ нашимъ министромъ финансовъ“, Т.-П. Г.“ № 213, 1906.

За четыре года доходы налогового характера увеличились на 158 милл. руб., при чемъ уменьшеніе выкупныхъ платежей на 88,2 милл. руб. совершенно парализовалось ростомъ косвенныхъ налоговъ, поступленія отъ которыхъ поднялись на 183,7 милл. руб. За указанные годы общій доходный бюджетъ увеличился на 200 милл. руб., такъ что ежегодное возрастаніе составляетъ 50 милл. руб.,—фактъ въ условіяхъ военнаго и революціоннаго времени въ высшей степени замѣчательный. Именно, благодаря кредиту былъ ликвидированъ острый финансовый кризисъ, угрожавшій валютѣ. Затѣмъ, колоссальные военные расходы, большею частью производившіеся внутри страны, въ извѣстной степени питали доходный бюджетъ, ограничивая недоборы, которые дала война. Революція въ своей основѣ была для государственнаго хозяйства факторомъ отрицательнымъ, но поскольку она была побѣждена экономическіе и соціальные результаты были утилизированы фискомъ. Они помогаютъ справляться съ затяжнымъ финансовымъ кризисомъ, наступившимъ послѣ ликвидаціи военныхъ расходовъ и продолжавшимся въ теченіе послѣдующихъ за 1906 г. лѣтъ. Этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что повышеніе налоговъ, вызванныхъ ростомъ расходнаго бюджета и отмѣной выкупныхъ платежей, также сыграло замѣтную роль въ увеличеніи доходныхъ статей.

V.

Конституціонная эпоха, въ которую Россія вступила послѣ акта 17 октября, не ознаменовалась переустройствомъ государственнаго хозяйства на новыхъ началахъ и не измѣнила финансоваго положенія страны. Причины этого лежатъ въ общихъ условіяхъ политической жизни русскаго народа и лишь отчасти въ несовершенствахъ дѣйствующаго бюджетнаго права. Оптимистическія ожиданія, предшествовавшія созыву первой Думы, оказались тщетными, а роспускъ ея убѣдилъ въ иллюзорности существованія самого „новаго строя“. Государственный переворотъ 3 іюня 1907 г. лишь подвелъ политическіе итоги освободительнаго движенія, и ходомъ вещей надъ русской конституціей водрузился флагъ раффинированнаго самодержавія.

Такимъ образомъ, создавшаяся политическая конъюнктура исключала широкую борьбу народнаго представительства на почвѣ бюджета. Торжество старыхъ теченій, приведшее къ третьей Думѣ, исключало эту борьбу и въ будущемъ, несмотря на массу компрометтирующаго бюджетнаго матеріала и на крайне ограниченныя бюджетныя права Думы. При такихъ условіяхъ воздѣйствіе правительственныхъ учрежденій на государственное хозяйство ничтожно и не можетъ принести должныхъ результатовъ. Другими словами, нынѣшнее вліяніе парламентскаго фактора на государственное хозяйство не

настолько велико и значительно, чтобы радикально измѣнить дѣйствующій и во всѣхъ отношеніяхъ вызывающій суровую критику финансовый режимъ.

Переходя къ характеристикѣ нашего бюджетнаго права, слѣдуетъ установить два момента: формальный и матеріальный. Формально утвержденіе бюджета народнымъ представительствомъ есть актъ, исходящій изъ верховной законодательной власти. Отличительный признакъ этого акта заключается въ его характерѣ высшей нормы, и юридическая сила, присущая этой нормѣ, называется силой закона. Говоря иначе, никакое другое волеизъявленіе государственной власти, будь то правительственный актъ или судебное рѣшеніе, не могутъ ни измѣнить, ни отмѣнить бюджета, ставшаго послѣ его утвержденія закономъ. Равнымъ образомъ государственное хозяйство, которое объемлетъ бюджетъ, перестаетъ функціонировать, если бюджетъ не имѣетъ силы закона, т. е. если онъ не утвержденъ народнымъ представительствомъ. Въ томъ, что бюджетъ есть *высшая норма*, содержится объективный признакъ конституціи и конституціоннаго бюджетнаго права. Такъ проф. Лазаревскій, анализируя русское бюджетное законодательство, приходитъ къ нижеслѣдующему заключенію: „Во всякомъ случаѣ,— говоритъ онъ,— первое основное начало конституціоннаго бюджетнаго права, а именно законодательный характеръ бюджета, у насъ установлено вполнѣ ясно. Существующій въ западныхъ государствахъ пріоритетъ нижней палаты въ дѣлахъ бюджетныхъ у насъ утрачиваетъ значеніе въ виду того, что этотъ пріоритетъ установленъ для всѣхъ законопроектовъ, вносимыхъ правительствомъ, и въ этомъ отношеніи у насъ бюджетъ подчиняется только общему правилу“ [1]). Съ чисто формальной точки зрѣнія, наличность бюджетнаго конституціоннаго права у насъ какъ бы не подлежитъ оспариванію. Оно можетъ быть оспариваемо въ одномъ пунктѣ, въ *правѣ отказа въ бюджетѣ*, такъ какъ нельзя допустить, чтобы постоянно существовало гармоническое взаимодѣйствіе правительства съ палатами. Статья 14 бюжетныхъ правилъ 8 марта 1906 г. гласитъ: „Если смѣта не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній“. Относительно данной статьи проф. Лазаревскій говоритъ: „это постановленіе дѣлаетъ невозможнымъ у насъ отказъ въ бюджетѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сущности сводитъ на-нѣтъ всѣ бюджетныя права Думы, ибо неутвержденіе бюджета къ сроку можетъ получиться не только, если Дума откажетъ въ бюджетѣ, или если она задержитъ его разсмотрѣніемъ, но и въ томъ случаѣ,

---

[1]) *Лазаревскій*, Лекціи по русскому государственному праву, т. I, стр. 445, 2 изд. Спб. 1910.

если бюджетъ съ тѣми измѣненіями, которыя Дума въ него внесла, не будетъ утвержденъ Государемъ или вызоветъ возраженія Гос. Совѣта. Такимъ образомъ, если Дума уменьшитъ хотя бы и тѣ кредиты, которые не относятся къ бронированнымъ, то Государь, не утверждая бюджета, можетъ возстановить эти кредиты въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они были въ послѣдней смѣтѣ, и это можетъ повториться любое число лѣтъ“ [1]). Значитъ, Дума имѣетъ право *только утверждать* бюджетъ, она обладаетъ правомъ лишь положительнаго вотума. Но вѣдь это не есть право. „Нельзя представить себѣ право разрѣшать (т. е. вотировать доходы и расходы) безъ его логическаго противовѣса—права не разрѣшать. Одно безъ другого теряетъ всякую цѣнность, даже всякое значеніе“ [2]). Изъ русскаго конституціоннаго бюджетнаго права вынуто то революціонное жало, безъ котораго оно по словамъ Штурма теряетъ „всякое значеніе“. Такимъ образомъ, съ формальной стороны бюджетъ и тогда будетъ облацать силой закона, когда онъ будетъ неутвержденъ Думой, т. е. когда будетъ носить характеръ не закона, а правительственнаго акта, самого по себѣ подзаконнаго, не являющагося *высшею* нормой. Въ русской юридической и финансовой литературѣ, вопросъ этотъ въ такой постановкѣ ни разу не возбуждался, но несомнѣнно двухъ рѣшеній его быть не можетъ. *Конституціоннаго бюджетнаго права у насъ нѣтъ*, если въ одно и то же время бюджетъ обладаетъ свойствомъ закона и правительственнаго акта: если бюджетъ утвержденъ Думой—онъ законъ, если не утвержденъ—тоже законъ, хотя его утвержденіе въ данномъ случаѣ исходило не отъ высшей законодательной власти, а отъ правительства, распоряженія котораго подзаконны. Это двухстороннее его содержаніе исключаетъ всякое представленіе о конституціонномъ законѣ. Теорія Лабанда и его послѣдователей, созданная для оправданія политики Бисмарка въ прусскомъ бюджетномъ конфликтѣ 1860 г., сюда не подходитъ, ибо она извращаетъ понятіе конституціонализма, считая бюджетъ конкретнымъ распоряженіемъ, а не закономъ.

Разсмотрѣніе бюджетнаго права Думы съ формальной стороны привело насъ къ отрицательнымъ выводамъ. Не менѣе печальные результаты получаются, когда мы знакомимся съ нимъ со стороны его матеріальнаго содержанія. Бюджетныя правила 8 марта 1906 г., опредѣляющія права палатъ по отношенію къ государственному хозяйству, были изданы въ періодъ паденія революціонной волны и одновременно съ актами крайне репрессивнаго свойства. Отражая на себѣ реакціонныя тенденціи тогдашняго времени, пра-

---

1) Ibid., 448.

2) *Штурмъ*, Бюджетъ, 340. Спб. 1907. Ср. *Фридманъ*, Наше законодательство о бюджетѣ. „Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права“, стр. 21, Спб. 1907.

вила эти не могли быть либеральными. Въ противоположность западно-европейскимъ бюджетнымъ конституціямъ, выросшимъ на почвѣ финансовой зависимости короля отъ сословій и подъ давленіемъ общественныхъ силъ, наша бюджетная конституція явилась свободнымъ волеизъявленіемъ короны, ибо въ моментъ ея изданія эхо революціи умолкало. Поэтому она не принесла для государственнаго хозяйства сколько-нибудь цѣлесообразное устройство, отвѣчающее характеру конституціонной страны. Финансово-правовые результаты революціи у насъ получились далеко не тѣ, что на Западѣ, или, напримѣръ, во Франціи послѣ 1873 г. Относительно послѣдней Лабандъ пишетъ: „Ежегодное обсужденіе бюджета, контроль надъ государственными расходами, гласность въ государственномъ отчетѣ, отвѣтственность министровъ за производимые ими расходы,—таковы основныя директивы, которыя законодательство революціи дало въ области финансоваго управленія“ [1]). Этого полнаго бюджетнаго верховенства за русскимъ народнымъ представительствомъ признано не было. Эффектъ октроированнаго бюджетнаго права получился ничтожный, а легальная борьба на его почвѣ заранѣе обрекалась на неуспѣхъ.

Правила 22 мая 1862 г. гласятъ (ст. I, отд. I): „Государственная роспись есть исчисленіе: а) *всѣхъ* предстоящихъ по государству расходовъ и б) источниковъ къ ихъ удовлетворенію...“ [2]). Въ статьѣ 33 пунктъ 6 указа 20 февраля 1906 г. мы читаемъ: „Вѣдѣнію Думы подлежатъ: государственная роспись доходовъ и расходовъ вмѣстѣ съ финансовыми смѣтами министерствъ и главныхъ управленій, равно какъ и денежныя изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя,—*на основаніи установленныхъ правилъ*“. Въ этой статьѣ вышеприведенное понятіе росписи уже ограничивается спеціальной оговоркой. Пунктъ I правилъ 8 марта, къ которымъ отсылаетъ ст. 33 указа 20 февраля, рѣшительно ограничиваетъ понятіе росписи, какъ документа, содержащаго въ себѣ совокупныя смѣтныя предположенія о доходахъ и расходахъ: „Проектъ государственной росписи доходовъ и расходовъ разсматривается Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою въ общемъ, въ учрежденіяхъ ихъ установленномъ, порядкѣ обсужденія подлежащихъ вѣдѣнію Совѣта и Думы законодательныхъ дѣлъ *съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ*“ (ст.ст. 2—13). Правила эти говорятъ намъ, что по отношенію къ Думѣ и Совѣту роспись есть нѣчто другое, что̀ понимается подъ росписью правилами 1862 г. Для палатъ она не есть „исчисленіе *всѣхъ* расходовъ и источниковъ къ ихъ удовле-

---

1) *Laband*, Staatsrecht des Deutschen Reiches, 938, B. I., Frbrg. 1895.

2) См. Обзоръ бюджетнаго законодательства Россіи за 1862—1890 годы, стр. 113. Изд. государственной канцеляріи. Спб. 1891.

творенію, а только *части* ихъ, такъ какъ на другую часть наложена броня".

Центральный пунктъ ограниченія бюджетныхъ полномочій палатъ содержится въ статьяхъ 8 и 9 правилъ 8 марта. Статья 8: „При обсужденіи проекта государственной росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, штатовъ росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ". Статья 9: „Возникающія въ Государственномъ Совѣтѣ или Государственной Думѣ при обсужденіи проекта государственной росписи предположенія: а) объ измѣненіи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній, на основаніи коихъ внесены въ роспись доходы и расходы, и б) объ ассигнованіи средствъ на новыя, не относящіяся ранѣе на средства казны, потребности,—получаютъ дальнѣйшее движеніе въ порядкѣ, для разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ установленномъ". Такимъ образомъ, эти статьи считаютъ обязательными для палатъ расходы и доходы, основанные не только на законѣ, но и на „Высочайшихъ повелѣніяхъ, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ"; отмѣнять такіе легальные титулы можно только въ законодательномъ порядкѣ, т. е. бюджетной инициативы у насъ не существуетъ.

Уже статсъ-секретарь Кобеляцкій, авторъ проекта бюджетныхъ правилъ, составленныхъ до манифеста 17 октября и легшихъ въ основу правилъ 8 марта, находилъ, что эти ограниченія не имѣютъ юридическаго основанія [1]). На практикѣ, — писалъ онъ въ своей объяснительной запискѣ, приложенной къ проекту выработанныхъ имъ правилъ,—„возникнутъ, конечно, сомнѣнія относительно того, всякое ли Высочайшее повелѣніе,—независимо отъ порядка, въ коемъ оно издано,—можетъ считаться безспорнымъ оправданіемъ расхода. Это опасеніе тѣмъ болѣе основательно, что въ настоящее время Государственнымъ Совѣтомъ признана необходимость устранить наблюдавшіяся ранѣе отступленія въ порядкѣ изданія законовъ, при чемъ постановлено, что изданіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также измѣненіе, дополненіе, пріостановленіе дѣйствія, отмѣна и преподаваемое Высочайшею властью изъясненіе истиннаго разума законовъ и означенныхъ правилъ происходитъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ Основными Государственными законами. Между тѣмъ весьма многіе, при томъ очень крупные и мало популярные расходы (напр. на секретныя надобности по полиціи) имѣютъ основаніемъ для своего производства Высочайшія повелѣнія, испрошенныя все-

[1]) См. *Струве*, Къ вопросу о нашемъ бюджетномъ правѣ. „Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права", 309. Спб. 1907.

подданнѣйшими докладами. Независимо отъ сего, въ примѣненіи къ смѣтному дѣлу можно указать на такія Высочайшія повелѣнія, дающія основанія къ испрошенію кредитовъ, которыя послѣдовали по меморіямъ Департамента, т. е. безъ обсужденія въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Справедливо ли,—спрашиваетъ статсъ-секретарь Кобеляцкій,—примѣнять къ этимъ узаконеніямъ то же строгое правило, которое ограждаетъ безостановочное примѣненіе *закона въ истинномъ значеніи* этого понятія, или въ отношеніи поименованныхъ кредитовъ могли бы быть допущены нѣкоторыя послабленія, въ смыслѣ расширенія полномочій Думы".

Этого послабленія, какъ мы знаемъ, допущено не было. Статьями 8 и 9 не исчерпываются ограниченія бюджетнаго права. Согласно ст. 7 „назначенія на платежи по государственнымъ долгамъ и по другимъ, принятымъ на себя государствомъ, обязательствамъ не подлежатъ сокращенію". Статья 4 изъемлетъ изъ обсужденія „кредиты на расходы министерства Императорскаго двора съ состоящими въ его вѣдѣніи учрежденіями", если суммы этихъ кредитовъ не превышаютъ ассигнованій на 1906 годъ; „не подлежатъ обсужденію такія измѣненія означенныхъ кредитовъ, которыя обусловливаются постановленіями учрежденія о Императорской фамиліи, соотвѣтственно происшедшимъ въ ней перемѣнамъ". По статьѣ 5 расходы собственной Е. И. В. канцеляріи и канцеляріи по принятію прошеній, а также расходы, не предусмотрѣнные смѣтами на экстренныя въ теченіе года надобности, подлежатъ обсужденію лишь въ той мѣрѣ, въ которой превышаютъ назначеніе по росписи 1906 г. Кромѣ этого, статья 16 допускаетъ производство непредусмотрѣнныхъ росписью неотложныхъ расходовъ внѣ законодательнаго порядка, а „по постановленію Совѣта Министровъ",—если эти расходы военнаго времени или такіе, которые не могутъ быть покрыты изъ фонда на экстренныя надобности или изъ ожидаемыхъ сбереженій. Ст. 118 Основ. Зак. гласитъ: „государственные займы для покрытія какъ смѣтныхъ, такъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, разрѣшаются порядкомъ, установленнымъ для утвержденія государственной росписи доходовъ и расходовъ". Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда заемъ предназначается на расходы военнаго времени, или когда роспись не получила утвержденія палатъ (ст. 116), то займы заключаются въ порядкѣ верховнаго управленія. Въ этомъ же порядкѣ опредѣляются условія займа (черезъ комитетъ финансовъ). Государственная Дума въ бюджетныхъ дѣлахъ ограничена правами Государственнаго Совѣта, имѣющаго одинаковую компентенцію съ Думой (ст. 1). Разногласія между палатами регулируются особыми комиссіями, которыя составляются изъ равнаго числа членовъ отъ Думы и Совѣта. Но если работы этой комиссіи будутъ безрезультатны, то спорный кредитъ вносится въ роспись въ цифрѣ назначенія послѣдней росписи, а если палаты не сходятся только относительно

величины назначенія, принимается цифра, ближайшая къ назначенію послѣдней росписи.

Не вдаваясь въ анализъ вышеприведенныхъ статей, регламентирующихъ дѣйствующее бюджетное право, и устраняя второстепенныя ограниченія бюджетной компетенціи палатъ, замѣтимъ, что эти статьи лишаютъ наши представительныя учрежденія возможности принести государственному хозяйству сколько-нибудь серьезную пользу [1]). Благодаря бронировкѣ, у насъ нѣтъ ни бюджетной иниціативы, ни годичности бюджета; она создала то, что вѣдомства получили твердый, неподлежащій никакимъ урѣзкамъ кредитъ на расходы, выплачиваемый казначействомъ кредитъ, который не нуждается въ ежегодныхъ утвержденіяхъ, т. е. бюджетное право, поскольку оно существуетъ, служитъ цѣлямъ правительства, а не цѣлямъ народа, въ интересахъ котораго оно должно было бы быть. Правила 8 марта по словамъ Предсѣдателя бюджетной комиссіи 2-й Думы, „установили бюджетное право только для министровъ“, которые его не имѣли, а бюджетныя обязанности по охранѣ этихъ правъ возложили на обѣ законодательныя палаты. Дѣйствительно, бюджетное положеніе вѣдомствъ, съ изданіемъ правилъ 8 марта, значительно улучшилось: ихъ штаты и кредиты на канцеляріи и на административные расходы, зависѣвшіе прежде отъ ежегоднаго утвержденія, превратились въ гарантированный закономъ доходъ, выплачиваемый изъ государственнаго бюджета; прежде Государственный Совѣтъ, разсматривая смѣту, могъ хоть сколько-нибудь вліять своимъ авторитетомъ на улучшеніе росписей; теперь и Государственный Совѣтъ лишенъ прежней свободы обсужденія, ибо ст. 2 правилъ 8-го марта предоставляетъ ему обсужденіе росписи „съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ въ послѣдующихъ статьяхъ отъ 3 до 14 включительно, т. е. ограничиваетъ его такъ же, какъ и Государственную Думу“ [2]). Эта убійственная критика нашего „конституціоннаго бюджетнаго права“ можетъ быть подкрѣплена цифрами, указывающими размѣры свободныхъ отъ брони кредитовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ [3]):

Св. Синодъ	1%
Министерство Внутреннихъ Дѣлъ	19 „
„ Финансовъ	82 „
„ Путей Сообщенія	99 „
„ Торговли и Промышленности .	70 „

[1]) См. подробный разборъ у *Фридмана*, l. c., *Богольпова*, l. c., 49, *Шиньарева*, „Русская мысль“, 1908, VIII—X, *Яснопольскаго*, „Право“, 1908.

[2]) *Федоровъ*, Доклады бюджетной комиссіи второй Государственной Думы, 25. Спб., 1907.

[3]) Ibid., 4.

Главное Управленіе Землеустройства . . .	65%
Военное Министерство.	13 „
Морское „	92 „
Государственный Контроль	44 „
Народное Просвѣщеніе	23 „
Министерство Иностранныхъ Дѣлъ	19 „
„ Юстиціи	37 „

По словамъ г. Федорова, тѣ смѣты министерствъ, которыя наиболѣе свободны отъ брони—путей сообщенія, финансовъ, морского, торговли и промышленности и управленія землеустройства и земледѣлія — „не поддаются воздѣйствію Думы по самому ихъ существу", такъ какъ весьма прочно связаны съ операціями даннаго министерства. „Однимъ словомъ, — говоритъ онъ, — правила 8 марта и существующій порядокъ составленія смѣтъ созданы такъ, что получается какая-то видимость бюджетнаго права, а на самомъ дѣлѣ Государственная Дума лишена возможности сдѣлать что-нибудь по упорядоченію бюджетнаго хозяйства".

Противопоставимъ этой оцѣнкѣ бюджетныхъ правъ Думы ихъ общее значеніе въ политической жизни конституціонной страны: „Критикой отдѣльныхъ бюджетныхъ предложеній, отказомъ въ требуемыхъ правительствомъ новыхъ кредитахъ, отклоненіемъ требующихъ утвержденія увеличеній бюджета, несогласіемъ на новые источники доходовъ,—Парламентъ можетъ достигнуть большого вліянія съ одной стороны на финансовое хозяйство и управленіе вообще, и на политическое положеніе министерства съ другой" [1]). Ничего подобнаго у насъ быть не можетъ, ибо дѣйствующее бюджетное право является не центральнымъ пунктомъ парламентскихъ полномочій, какъ на Западѣ, а „видимостью..."

Первая Дума и вторая не успѣли за свое кратковременное существованіе разсмотрѣть бюджетъ [2]). Эта работа выпала на долю третьей Думы. Нельзя сказать о плодотворности результатовъ, достигнутыхъ Думой въ бюджетномъ дѣлѣ за первыя двѣ сессіи. Прежде всего самый составъ третьей Думы, избранной на основѣ избирательнаго закона 3 іюня, исключалъ возможность поднять бюджетныя пренія на государственную высоту.

Основная идея, которая одухотворяла Думу во время ея бюджетныхъ работъ, высказана графомъ Доррером въ слѣдующихъ словахъ: „М. Г.! Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ юридическихъ и финансо-

---

1) *Jellinek*, Budgetrecht, Conrad's Handw. d. Staatswiss..

2) «Выборгское воззваніе» никакого вліянія на поступленіе прямыхъ налоговъ не имѣло. См. «Сводъ данныхъ о поступленіи казенныхъ окладныхъ сборовъ по имперіи за 1904 - 1906 гг., стр. 22—39.

выхъ тонкостей для насъ слѣдующая простая мысль, которая составляетъ наше твердое убѣжденіе: только совмѣстными дѣйствіями, дружными и согласными дѣйствіями законодательнаго учрежденія и правительства и *нечиненіемъ ему препятствій*, хотя бы подъ благовиднымъ предлогомъ расширенія и укрѣпленія правъ Государственной Думы, можетъ быть достигнута наша общая цѣль—благо и величіе родины" (Стеногр. отчетъ, стр. 2150). Результаты думской работы выразились въ скрупулезныхъ размѣрахъ: въ бюджетѣ на 1908 г. доходы увеличены на $2^1/_2$ проц., а расходы сокращены на 0 проц. (l. c., 3550). Разница та, что въ 1908 г. государственное хозяйство *впервые* получило „конституціонный бюджетъ". Новый порядокъ разсмотрѣнія росписи не открылъ эры въ нашихъ финансахъ, такъ какъ кромѣ скромныхъ пожеланій практически никакихъ измѣненій въ бюджетъ внесено не было. Судьба этихъ пожеланій, въ большинствѣ случаевъ, горькая.

Въ роспись внесены 11 милл. руб. на постройку новыхъ броненосцевъ и исключены 163 милл. руб., которые предназначались на обмѣнъ билетовъ государственнаго казначейства,—Государственный Совѣтъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не согласился съ Думой. Проектъ объ измѣненіи бюджетныхъ правилъ не получилъ движенія. Пожеланія Думы относительно пересмотра условій закупки спирта и сахарной нормировки были признаны не подлежащими удовлетворенію.

Вмѣсто организаціи желѣзнодорожной анкетной комиссіи по желѣзнодорожному дѣлу была учреждена „высшая комиссія" въ порядкѣ верховнаго управленія, ни въ чемъ не отличающаяся отъ всякой другой бюрократической комиссіи и т. д. [1]). Всѣ эти данныя относительно „конституціоннаго" порядка разсмотрѣнія росписи свидѣтельствуютъ о малой продуктивности думскихъ бюджетныхъ работъ независимо отъ компетенціи Думы въ области государственнаго хозяйства. Правда, неудовлетвореніе пожеланій Думы указываетъ на недостаточную авторитетность ея въ бюджетныхъ дѣлахъ, вѣрнѣе, на отсутствіе этой авторитетности. Тѣмъ не менѣе, проектъ отмѣны правилъ 8 марта, которыми Дума руководствуется въ своихъ бюджетныхъ работахъ, несмотря на то, что внесенъ к.-д. черезъ 10 дней послѣ ея открытія, сданъ въ комиссію, гдѣ и лежитъ подъ сукномъ, т. е. руководящее большинство Третьей Думы *не желаетъ* отмѣны стѣснительныхъ правилъ 8 марта. Такъ, на засѣданіи 20 января 1908 г., посвященномъ обсужденію законопроекта объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей этихъ правилъ, октябристъ кн. Тенишевъ заявилъ: „порядокъ, вновь предлагаемый, я считаю и нецѣлесообразнымъ съ

---

1) См. *Мукосѣевъ*, Экономическіе и финансовые результаты 1908 г., «Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества», 1909 г., I, стр. 37. Сводка всѣхъ пожеланій дана у *Шингарева*, l. c., X.

точки зрѣнія дѣловой и принципіально непріемлемымъ...", — рѣчь шла объ отмѣнѣ ст. 9,—нельзя „отрицательный вотумъ Государственной Думы или совѣта сравнивать (?!) съ положительнымъ ея рѣшеніемъ, подлежащимъ еще утвержденію Верховной Власти". Правые устами депутата Коваленко прямо заявили, что въ такой отмѣнѣ „у насъ нѣтъ широкой нужды". Такимъ образомъ, реакціонное большинство третьей Думы въ принципѣ отвергаетъ всякія попытки расширить вліяніе палатъ на государственное хозяйство. Очевидно, оно считаетъ цѣлесообразнымъ такой порядокъ, при которомъ вся область финансоваго управленія находится внѣ воздѣйствія и контроля правительственныхъ учрежденій.

Оцѣнивая результаты думской работы по разсмотрѣнію бюджета 1908 г., депутатъ Жуковскій сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Водружая впервые флагъ народнаго представительства на русскомъ государственномъ бюджетѣ, Государственная Дума, конечно, ставитъ нѣкоторыя вѣхи своей будущей работы, но вѣхи эти поставлены такъ, что опредѣлить теперь, какъ эта работа пойдетъ, едва ли возможно". Было бы однако большимъ оптимизмомъ надѣяться, что эта работа принесетъ въ ближайшемъ будущемъ важныя измѣненія для нашего государственнаго хозяйства. Особенность состава третьей Думы, избирательный законъ 3 іюня, отзвуки контръ-революціи и проч. съ достаточной ясностью говорятъ за направленіе думскихъ работъ вообще и въ частности бюджетной. Отрицая необходимость отмѣны правилъ 8 марта, сознательно суживая свою и безъ того ограниченную компетенцію въ бюджетныхъ вопросахъ, противясь прогрессивнымъ начинаніямъ въ сферѣ финансоваго управленія и контроля, стоя на стражѣ реакціонныхъ началъ въ дѣлахъ податной политики, поощряя милитаристическія тенденціи и патріотическое изувѣрство—Государственная Дума при всѣхъ этихъ качествахъ не можетъ благотворно вліять на государственное хозяйство. Послѣднее по-прежнему продолжаетъ плыть въ старыхъ берегахъ, не мѣняя курса ни влѣво, ни вправо.

Если законодательная дѣятельность въ области нашего государственнаго хозяйства скромна, то и финансовое управленіе, выступающее въ представительныхъ собраніяхъ съ защитой своихъ смѣтъ, не проявило никакого творчества. Все остается по-старому. „На Шипкѣ все спокойно"... Въ Государственномъ Совѣтѣ 8 іюня 1909 г. министръ финансовъ Коковцовъ, между прочимъ, сказалъ: „...правительство всегда стремилось къ достиженію 4 цѣлей: оно стремилось къ поддержанію бюджетнаго равновѣсія, стремилось сохранить незыблемость нашего денежнаго обращенія, стремилось къ возстановленію нашего государственнаго кредита, наконецъ, оно стремилось къ тому, чтобы сколько возможно удовлетворять культурнымъ запросамъ и настойчивымъ требованіямъ государственной жизни, и ему казалось, что этого оно въ мѣру своего умѣнія достигло... Финансоваго разстройства Россіи въ

истинномъ смыслѣ слова нѣтъ. Вы можете, какъ многіе, называть меня неисправимымъ оптимистомъ, можно даже меня обвинить въ финансовомъ дальтонизмѣ, но я всегда буду неустанно твердить одно: финансоваго разстройства въ Россіи нѣтъ".

Какъ у насъ создавалось бюджетное равновѣсіе, мы говорить не будемъ. Денежное обращеніе спасено займами, оплата процентовъ по которымъ возложена на населеніе,—„незыблемость" денежнаго обращенія куплена слишкомъ дорогой цѣной. Улучшеніе государственнаго кредита произошло за счетъ общихъ условій денежнаго рынка; конечно, въ данномъ случаѣ принесли пользу и военно-полевые суды, ибо въ репрессіяхъ биржа видѣла положительный политическій факторъ. Другое дѣло „удовлетвореніе культурныхъ запросовъ и настойчивыхъ требованій государственной жизни". Послѣднія обнаружили такой галопирующій ростъ, что министръ финансовъ въ той же рѣчи признался: „я могу повторить то, что говорилъ раньше: безъ новыхъ налоговъ намъ не обойтись". Въ какомъ направленіи шло удовлетвореніе „требованій государственной жизни", можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ. (См. таблицу на стр. 193).

Данныя этой таблицы не свидѣтельствуютъ о сколько-нибудь полномъ удовлетвореніи „культурныхъ запросовъ". Наоборотъ, непроизводительные расходы, показанные въ I группѣ, возросли съ 1903 по 1907 г. на 16,6 проц., составляя 84 проц. всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ. Производительные расходы, фигурирующіе во II группѣ, дали за это время меньшій процентъ возрастанія—на 10,3 проц.; непроизводительные расходы обогнали въ своемъ ростѣ производительные на 6,3 проц. Замѣчательно, за разсматриваемый періодъ расходы на полицію возросли на 100,2 проц., а расходы на просвѣщеніе и проч.—на 8,2 проц., т. е. по отношенію именно къ культурнымъ расходамъ траты на полицію увеличились почти въ тринадцать разъ, находясь въ одной пропорціи съ расходами на судъ.

Изъ другихъ расходовъ обращаютъ на себя наибольшее вниманіе расходы на платежи процентовъ и капитала по обязательствамъ государства и расходы на землеустройство. Первые поднялись на 36 проц. (вмѣстѣ съ доплатами крестьянскому банку) и въ 1907 г. уже составляли 29,1 проц. всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ. Вторые, несомнѣнно, отразили на себѣ земельную политику правительства: по размѣру возрастанія (87,0 проц.) они занимаютъ второе мѣсто послѣ расходовъ на полицію. Но для страны, переживающей острый аграрный кризисъ, они не имѣютъ серьезнаго значенія, такъ какъ общая величина ихъ по отношенію ко всему расходному бюджету ничтожна (1,6 проц.).

Нужно сказать, что понятіе „производительнаго расхода", насколько, конечно, оно укладывается въ рамки бюджетной классификаціи, условно.

Обыкновенные государственные расходы по предметамъ назначенія (безъ расходовъ по казеннымъ операціямъ и эмеритурамъ).	1903 г.		1907 г.		Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—).	
	Въ милліонахъ руб.	% отношеніе къ итогу.	Въ милліонахъ руб.	% отношеніе къ итогу.	Въ милліонахъ руб.	въ % отношеніи.
I. Расходы общаго управленія	243,4	19,2	284,5	19,6	+ 41,0	+ 16,9
Изъ нихъ: на полицію	32,5	2,5	64,1	4,4	+ 31,6	+100,2
„ судъ	30,2	2,3	32,8	2,2	+ 2,6	+ 8,6
„ тюремную часть . .	15,8	1,2	16,9	1,1	+ 1,1	+ 7,7
Оборона государства	408,1	32,2	415,5	28,5	+ 7,4	+ 1,8
Расходы по обязательствамъ государства .	312 8	20,0	425,7	29,1	+112,8	+ 36,0
Вознагражденіе рентнаго характера . . .	16,6	1,3	16,7	1,1	+ 0,1	+ 1,1
Пенсіонные расходы и аренды	69,1	5,4	82,0	5,6	+ 12,8	+ 18,6
	1.050,0	83,1	1.224,4	84,0	+174,4	+ 16,6
II. Содержаніе духовенства и церковные расходы.	17,1	1,3	17,7	1,1	+ 0,6	+ 3,2
Просвѣщеніе, науки и искусства	79,4	6,3	85,9	5,9	+ 6,5	+ 8,2
Врачебная часть	22,4	1,7	26,0	1,7	+ 3,6	+ 16,2
Торговля и промышленность	4,4	0,3	5,1	0,3	+ 0,6	+ 15,0
Пути сообщенія, кромѣ жел. дорогъ, и торговые порты.	34,3	2,6	27,1	1,8	— 7,1	— 21,0
Землеустройство, переселеніе и сельское хозяйство	12,4	0,9	23,3	1,6	+ 10,8	+ 87,0
Почта, телеграфъ и телефонъ.	36,8	2,9	43,9	3,0	+ 7,1	+ 19,4
	206,8	16,0	228,2	15,4	+ 21,4	+ 10,3
На непредвидѣнныя смѣтами надобности. .	12,1	0,9	10,0	0,6	— 2,1	— 16,6
Итого	1.268,9	100	1.462,6	100	+193,7	+ 15,2

Напр., церковные и просвѣтительные расходы, хотя и содержатъ въ себѣ несомнѣнный признакъ производительнаго расхода, въ нашихъ условіяхъ часто превращаются въ непроизводительные, ибо на учрежденія духовныя и просвѣтительныя въ извѣстной мѣрѣ возложены полицейскія функціи. Такимъ образомъ, выведенныя цифры непроизводительныхъ расходовъ (84 проц.) могутъ увеличиться, примѣрно, до 90 проц.

Вышесказанное въ достаточной степени опровергаетъ заявленіе министра финансовъ, что правительство неусыпно стремится удовлетворить потребности культурнаго характера. Съ другой стороны, признаніе за непроизводительными расходами положительной государственной необходимости, рѣзкая тенденція къ увеличенію этихъ расходовъ въ ущербъ расходамъ производительнымъ оставляютъ наши финансы въ прежнемъ положеніи, какъ они были до войны, если не ухудшаютъ ихъ. Эффектъ такихъ бюджетныхъ порядковъ неизбѣжно одинъ и тотъ же.

Заявленіе министра финансовъ, что „финансоваго разстройства въ Россіи нѣтъ“, нѣсколько оптимистично. Оптимистично оно потому, что до настоящаго времени условія государственнаго хозяйства не измѣнились: не говоря уже о необычайномъ хищничествѣ, на государственномъ хозяйствѣ лежитъ рядъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ не входитъ въ кругъ его дѣятельности. Объ этомъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Если бы Россія была богата, то наше финансовое будущее не вызывало бы тревоги. Но какъ разъ о богатствѣ говорить не приходится. Переносъ тяжести военныхъ расходовъ на государственный кредитъ, утилизація экономическихъ результатовъ революціи и новые налоги помогли исправить поврежденія русской финансовой системы, и процессъ финансоваго разложенія пріостановился. Правда, этому обстоятельству нѣсколько способствовало то, что увеличеніе тратъ культурнаго характера, вызваннаго революціей, систематически задерживалось: удовлетвореніе получили преимущественно полицейскіе расходы,—даже оборона государства не поощрялась ассигнованіями. Сдержанность въ расходахъ вообще (послѣ 1907 г.), конечно, вещь хорошая, но вѣдь государственное хозяйство строится не на частно-правовомъ принципѣ, а на *принципѣ достаточности*, который является выраженіемъ наличныхъ неотложныхъ государственныхъ задачъ. Въ государственномъ хозяйствѣ, какъ хозяйствѣ принудительномъ, руководящимъ мѣриломъ являются не доходы, а расходы, объективная граница которыхъ лежитъ въ народномъ хозяйствѣ. Отказываясь отъ реформы всего бюджетнаго дѣла и податной организаціи, министръ финансовъ держится частнохозяйственнаго принципа: „Достиженіе у насъ прочнаго бюджетнаго равновѣсія,—говоритъ онъ,—возможно только путемъ увеличенія налоговъ и сокращенія расходовъ“ [1]).

[1]) См. Объяснительную записку къ росписи на 1909 г., стр. 56.

Если придерживаться такого правила, то никакихъ финансовыхъ реформъ не нужно. Да и зачѣмъ онѣ? Подобный порядокъ, щадя интересы богатыхъ классовъ, временно удерживаетъ корабль государственнаго хозяйства въ томъ положеніи крена, въ какое его поставила финансовая политика 90-хъ годовъ и дальне-восточная война. Правительство находитъ такое положеніе наиболѣе удобнымъ. Насколько оно устойчиво, — другой вопросъ. Безусловно, общій подъемъ производительныхъ силъ страны и хорошіе урожаи помогутъ протянуть нѣсколько лѣтъ и при нынѣшней финансовой системѣ безъ всякой реформы податнаго и бюджетнаго дѣла. Но возможно, что этого не послѣдуетъ, и тогда повелительная необходимость заставитъ правительство взяться за реформу, если она не будетъ предпочтена эксплоатаціи государственнаго кредита. Въ перспективѣ—острое разстройство государственнаго хозяйства, займы и реформа финансовой системы.

Свою статью мы закончимъ словами проф. И. И. Кауфмана относительно вліянія бумажныхъ денегъ на государственное хозяйство во время войны 1877 г.: „Въ послѣднюю войну наши финансовыя силы весьма наглядно показали, что онѣ вполнѣ заслуживаютъ лучшаго мнѣнія о нихъ, чѣмъ о нихъ были не только враги, но и друзья“ [1]).

Эти слова проф. Кауфмана можно легко примѣнить къ послѣдней войнѣ 1904—1905 гг. и революціи.

В. Мукосѣевъ.

---

[1]) *Кауфманъ*, Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возрастаніе, 251. Спб., 1888.

В. МУКОСѢЕВЪ.

Кредитъ, биржа и денежное обращеніе.

I.

Въ концѣ 1903 г. и въ началѣ 1904 г. положеніе денежнаго рынка и биржевой дѣятельности признавалось удовлетворительнымъ. Вліяніе англо-бурской войны, поглотившей милліарды англійскихъ денегъ и ослабившей финансовую мощь соединеннаго королевства, сошло на-нѣтъ, а американскій кризисъ вступилъ въ періодъ ликвидаціи. Въ дѣловой жизни Европы и Америки начали появляться всѣ признаки промышленнаго подъема. Денегъ было много, учетный процентъ стоялъ низко и биржевыя операціи расширились. Россія также не осталась чужда этому движенію.

Въ 1903 г. наша торговля и промышленность замѣтно оживились и дѣла пошли вверхъ,—было ясно, что кризисъ 1899—1900 г.г. уже утратилъ свою остроту. Это оживленіе, между прочимъ, отразилось на операціяхъ государственнаго банка. Въ 1903 г. его учетъ поднялся на 14 милл. руб. или на 6,6 проц. (съ 209 милл. до 223 милл. руб.), при чемъ переучетъ и спеціальный счетъ подъ векселя—операціи, посредствомъ которыхъ частные банки пополняютъ свою кассовую наличность—сократились на 8 милл. руб. или на 16,3 проц. Сокращеніе затратъ на эти операціи показывало, что наличныя средства денежнаго рынка расширились. И, дѣйствительно, деньги были дешевы: частный дисконтъ доходилъ до $4^1/_2$ проц., а по онкольнымъ счетамъ—до 4 проц. Дешевизна денегъ вызывалась увеличеніемъ текущихъ и конто-коррентныхъ счетовъ въ банкахъ, послѣдовавшихъ благодаря выпуску желѣзнодорожныхъ облигацій, городскихъ займовъ и притоку дешевыхъ заграничныхъ денегъ. Въ области денежнаго обращенія обстоятельства складывались удовлетворительно: золотой фондъ, обезпечивающій валютное обращеніе, достигалъ 901,5 милл. руб. при выпускѣ кредитныхъ рублей на 578,7 милл. Направленіе вексельныхъ курсовъ было благопріятное, и выплаты на С.-Петербургъ временами превышали паритетъ. Въ биржевой дѣятельности господствовала приподнятость духа: фонды держались стойко все время и для дивидендныхъ бумагъ только осенью замѣчалась нѣкоторая реакція [1]).

[1]) *Мукосѣевъ.* Промышленный подъемъ или промышленный кризисъ, „Образованіе“, IX, 1907.

Таковы были дѣловыя конъюнктуры до начала войны. Въ нашихъ банковыхъ и биржевыхъ сферахъ она была непопулярна, ея не хотѣли. 1904 г. былъ встрѣченъ при оптимистическихъ ожиданіяхъ, несмотря на тревожныя сообщенія съ Дальняго Востока. Первые дни января принесли съ собой горькое разочарованіе, такъ какъ извѣстія эти стали настолько интенсивными, что биржа со дня на день ждала открытія военныхъ дѣйствій. Биржевое собраніе 12 января прошло при крайне подавленномъ настроеніи. Въ послѣдующіе дни обстоятельства къ лучшему не измѣнились. Томительная неизвѣстность относительно ближайшаго будущаго приводила биржу въ отчаяніе. Сколько-нибудь серьезной освѣдомленности о намѣреніяхъ японскаго правительства мы не имѣли, предполагая до послѣдняго момента, что конфликтъ разрѣшится мирнымъ путемъ. 23 января вечеромъ лондонскіе банки и банкирскіе дома получили изъ Foreign Office увѣдомленіе о предстоящемъ разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Японіей, а до насъ это извѣстіе дошло только 25 января утромъ и, конечно, поразило всѣхъ своей неожиданностью. Биржу охватилъ паническій страхъ. Въ первый день войны, 27 января, биржевое собраніе представляло изъ себя нѣчто невообразимое по своему пессимистическому настроенію. Горькимъ плачемъ и стенаніями огласился биржевой залъ. Трусливая кулисса нещадно экзекутировалась банкирами вмѣстѣ съ остальной биржевой публикой. Въ этотъ день сотни мелкихъ биржевыхъ дѣятелей оказались выброшенными за бортъ биржи. Пониженіе расцѣнокъ носило стихійный характеръ и въ большинствѣ случаевъ было лишено логики и здраваго смысла. Почти то же самое наблюдалось и на заграничныхъ биржахъ. По словамъ „Der Deutsche Oeconomist“, нѣмецкіе спекулянты осаждали тамошнія маклерскія бюро, чтобы какъ можно скорѣе передать свои приказы о продажѣ бумагъ. Во Франціи,—какъ передаетъ „Le Monde Economique“, — въ первые дни войны всѣ группы цѣнностей испытали значительное пониженіе, а въ Англіи, — по словамъ „The Economist'a“,—тяжкое и всеобщее. Вслѣдствіе этого въ Парижѣ были приняты мѣры къ упроченію курса французской ренты, а въ Берлинѣ предполагалось учредить спеціальную комиссію для успокоенія биржи. 29 января министерство финансовъ опубликовало заявленіе относительно биржевой паники. По смыслу этого заявленія, главною причиной паники „является совершенно безпочвенная растерянность держателей бумагъ, эксплоатируемая беззастѣнчивой спекуляціей на пониженіе“. 30 января въ оффиціозѣ министерства финансовъ эта мысль была формулирована съ большой откровенностью: „...во всякой войнѣ приходится считаться не только съ врагами, вооруженными пушками, но и съ врагами биржевыми, сѣющими смуту и панику, оказывая этимъ предательскимъ оружіемъ сильное вліяніе на общественные круги, на настроеніе толпы и нанося этимъ жестокій вредъ госу-

дарственному кредиту". Конечно, это безтактное заявленіе не могло повліять на биржу укрѣпляющимъ образомъ. Однако полученныя послѣ 27 января извѣстія о томъ, что атака на Портъ-Артуръ отбита и что потопленъ одинъ японскій крейсеръ—произвели на биржу успокоительное впечатлѣніе, и въ послѣдующіе дни замѣтно было значительное улучшеніе. Этому способствовало вмѣшательство государственнаго и частныхъ банковъ, выступившихъ покупателями за общій счетъ на нѣкоторыя дивидентныя бумаги, фонды и выигрышные займы.

Начавшаяся война отразилась на банковомъ кредитѣ крайне неблагопріятно. Прежде всего, 30 января государственный банкъ повысилъ дисконтъ на 1%. Этимъ мѣропріятіемъ имѣлось въ виду сжать затраты на коммерческіе активы, такъ какъ государственный банкъ работаетъ на деньги казначейства, къ которому война предъявила обширныя требованія. Деньги эти нужны были правительству на веденіе войны, т. е. свободная наличность, принадлежащая казначейству, могла быть взята со счета банка цѣликомъ, или же оставлена, но новые выпуски кредитныхъ билетовъ, на такую же сумму, зачислялись бы за казначействомъ. Государственный банкъ не могъ, разумѣется, сразу реализовать казначейскіе капиталы, а постепенно, да при томъ и не всѣ. Для этого онъ повысилъ дисконтъ съ цѣлью ослабить требованія на деньги со стороны народнаго хозяйства; во-вторыхъ, не дожидаясь результатовъ этой мѣры, началъ выпускать кредитные билеты, которые передавалъ казначейству.

Такимъ образомъ увеличеніе рессурсовъ казначейства создавалось не только за счетъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, но и за счетъ сокращенія продуктивныхъ статей актива. Высокій дисконтъ гналъ векселя въ частные банки, а государственный банкъ всецѣло былъ озабоченъ высвобожденіемъ капиталовъ, завязанныхъ въ активныя операціи. Но частные банки также не могли широко развернуть свои активы, ибо переучетъ въ государственномъ банкѣ былъ сжатъ, а дешевые иностранные кредиты обнаружили тенденцію къ неуклонному сокращенію. Нужда въ кредитѣ обнаружилась въ первые мѣсяцы войны. „Изъ разныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, крупныхъ и мелкихъ, — писалъ тогда по этому поводу „Промышленный Міръ"—получаются однородныя извѣстія, рисующія крайнюю сдержанность частныхъ банковъ и даже дисконтеровъ въ учетѣ векселей даже перворазрядныхъ, каковое обстоятельство начинаетъ отражаться весьма неблагопріятно на торговыхъ дѣлахъ... Сокращеніе банковаго кредита надо разсматривать, какъ главное зло, основной недугъ нашей торгово-промышленной жизни въ данную минуту" [1]). Вызванное войною сокращеніе банко-

[1]) „Промышленный Міръ", № 11, 1904.

ваго кредита осложнилось несостоятельностями, что только усилило эффектъ денежнаго голода. Благодаря этому хозяйственная жизнь страны испытывала чрезвычайныя затрудненія. „Промышленный Міръ“ тогда же отмѣтилъ, что „съ одной стороны, наши банки сократили свою дѣятельность до минимальныхъ размѣровъ и упорно защищаютъ свои кладовыя отъ поползновенія купечества, съ другой, платежи по обязательствамъ за отпущенный ранѣе товаръ поступаютъ такъ туго и неаккуратно, что производить торговлю при настоящихъ условіяхъ становится съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе. При массѣ банкротствъ и просьбахъ объ отсрочкѣ платежей не знаешь, кому теперь можно отпускать товаръ безъ риска“ [1]).

Все вышесказанное можно иллюстрировать цифрами, взятыми изъ балансовъ государственнаго и частныхъ банковъ. Съ 1 января 1904 г. по 1 января 1905 г. учетъ и переучетъ въ государственномъ банкѣ сократился съ 253,0 милл. руб. до 171,2 милл. руб., или на 32%, а спеціальный текущій счетъ подъ векселя упалъ съ 11,9 милл. руб. до 9,1 милл. руб., или на 23,8%. Ушедшіе изъ государственнаго банка векселя не нашли себѣ мѣста въ частныхъ банкахъ, такъ какъ, судя по сводному балансу послѣднихъ, ими учтено векселей на 642,7 милл. руб., противъ 643,7 милл. руб., или менѣе за годъ на 1 милл. руб. Съ другой стороны, наблюдалось расширеніе тѣхъ операцій, которыя обладаютъ наибольшей чувствительностью воспринимать ненормальныя условія рынка. Такъ, затраты по онкольнымъ счетамъ и ссудамъ поднялись въ государственномъ банкѣ на 5%, а въ частныхъ банкахъ—на 4%; протестъ векселей увеличился почти на 50%; вкладная операція поднялась на 8%. Изъ приведенныхъ цифръ видно, какое глубокое вліяніе имѣла война на систему коммерческаго кредита независимо отъ общихъ гнетущихъ условій промышленности и торговли, создавшихся на почвѣ той же войны. Это констатировалъ докладъ совѣта московскаго учетнаго банка за 1904 г., представленный общему собранію акціонеровъ. „Общія тяжелыя условія минувшаго года,—гласитъ докладъ,—вызвавшія застой въ нѣкоторыхъ отрасляхъ торговли и промышленности, а также пониженіе биржевой стоимости большинства бумагъ, не могли не оказать ощутительнаго вліянія на размѣръ и результаты операцій банка. Съ одной стороны, вслѣдствіе затрудненій въ торговыхъ платежахъ, имѣвшихъ мѣсто главнымъ образомъ въ провинціи, пришлось естественно нѣсколько сократить учетъ векселей и соблюдать сугубую осмотрительность и разборчивость въ ссудной операціи; съ другой стороны, наступившая вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ дороговизна денегъ, побудившая банкъ временно повысить

[1]) Ibid., № 20, 1904.

размѣръ процентовъ, платимыхъ по вкладамъ и текущимъ счетамъ, во второй половинѣ года смѣнилась неожиданнымъ пониженіемъ дисконта и сравнительно слабымъ спросомъ на учетъ". Такимъ образомъ для коммерческаго кредита, предполагающаго въ своемъ основаніи плавные мѣновые процессы и твердые торговые разсчеты, война, какъ мы видѣли, имѣла крайне неблагопріятныя послѣдствія. Деньги вздорожали, учетъ сократился, онкольно-ссудная операція возросла, вклады и текущіе счета увеличились, протестъ векселей сильно поднялся. Столь серьезныя осложненія въ области кредита не могли, конечно, не повліять на народное хозяйство, печальное положеніе котораго въ данномъ случаѣ усугублялось этимъ разстройствомъ кредитной системы.

Война не предъявила особыхъ требованій къ нашей валютѣ, такъ какъ центръ тяжести военныхъ расходовъ былъ передвинутъ на государственный кредитъ. Свободная наличность государственнаго казначейства позволила на первыхъ порахъ избѣгнуть непосредственнаго обращенія къ кредитнымъ билетамъ. Она въ извѣстномъ смыслѣ сыграла роль запаснаго военнаго фонда, но конечно это не былъ тотъ фондъ, который вполнѣ отвѣчалъ бы идеѣ финансовой готовности къ войнѣ [1]). Значительная часть этихъ денегъ была завязана въ коммерческихъ операціяхъ государственнаго банка, а сколько-нибудь серьезныхъ запасовъ заграничной золотой валюты и иностранныхъ векселей не имѣлось. Чтобы придать относительную эластичность операціямъ государственнаго банка, превратить его въ орудіе войны, пришлось повысить дисконтъ и терпѣть ущербъ отъ неминуемыхъ въ такихъ случаяхъ колебаній вексельныхъ курсовъ. На 1 января 1904 г. текущій счетъ казначейства составлялъ 343,2 милл. руб., а къ началу войны, т. е. по балансу на 1 февраля 1904 г.,— 419,0 милл. рублей. Къ 1 января 1905 года эти суммы сократились до 174,2 милл. руб., или на 245,0 милл. руб., которые и были переданы банкомъ казначейству. Банкъ получилъ эти деньги частью за счетъ сокращенія активныхъ операцій, частью за счетъ расширенія денежнаго обращенія. Къ началу 1904 года кредитныхъ билетовъ было выпущено на 630 милл. руб., а къ 1 января 1905 года ихъ уже было въ обращеніи и въ кассахъ банка на 930 милл. руб., или болѣе на 300 милл. руб. Что кредитные билеты выпускались на нужды мобилизаціи и войны, видно изъ того, что изъ общей суммы выпуска 177 милл. падаютъ на мелкіе билеты, а 123 милл.—на крупные. Война должна была вызвать отливъ золота за границу, несмотря на то, что въ районѣ военныхъ дѣйствій платежи производились кредитными билетами. Болѣе или менѣе значительная часть этихъ билетовъ поступала обратно

---

[1]) *Riesser*, Zur Entwicklungsgeschichte d. deutschen Grossbanken mit besonderer Rücksicht auf die Konzentrationsbestrebungen, 17. Berl. 1906. Zweite Aufl.

въ Россію черезъ Шанхай и Берлинъ и сопровождалась тратой золота и серебра на ихъ покупку. А такъ какъ серебра въ достаточныхъ количествахъ не имѣлось, то на пріобрѣтеніе его приходилось тратить опять-таки золото. На 1 января 1904 г. въ государственномъ банкѣ золотые запасы достигали 901,5 милл. руб., а на 1 января 1905 г.—1.026,0 милл. руб., или болѣе на 124,5 милл. руб. Увеличеніе золота обусловливалось, во-первыхъ, сужеміемъ каналовъ денежнаго обращенія внутри страны и, во-вторыхъ, зачисленіемъ за банкомъ того золота, которое поступало по займамъ на счетъ казначейства и подъ которое государственный банкъ выпускалъ кредитные билеты, передавая ихъ казначейству. Подобная операція была сопряжена съ большимъ рискомъ, такъ какъ золото послѣдней категоріи фактически оставалось за границей на текущихъ счетахъ у тамошнихъ банкировъ-корреспондентовъ казначейства въ обезпеченіе различнаго рода иностранныхъ платежей. Выпускать подъ него кредитные билеты государственный банкъ не имѣлъ права, потому что оно не могло служить гарантіей размѣна, оно давало только номинальное обезпеченіе выпущеннымъ кредиткамъ, находясь въ прямомъ противорѣчіи съ указомъ 29 августа 1897 г. Эта непосредственная близость казначейства къ государственному банку внушала серьезныя опасенія за устойчивость валюты. Однако, благопріятный урожай, столь выгодно отразившійся на нашемъ разсчетномъ балансѣ, вліялъ на валюту укрѣпляющимъ образомъ. По даннымъ статистики въ 1904 году Россія уплатила заграницѣ по разсчетному балансу 476 милл. руб. золотомъ, каковая сумма въ условіяхъ войны должна быть признана незначительной, тѣмъ болѣе, что общіе запасы золота въ странѣ на 1 января 1905 г. составляли 1.365,8 милл. руб. противъ 1.079,9 милл. руб. двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ [1]).

Война не разстроила наше денежное обращеніе, несмотря на рядъ отступленій отъ правилъ эмиссіонной политики, допущенныхъ администраціей банка. Къ началу войны, т. е. по балансу на 1 февраля 1904 г., золотой фондъ, обезпечивающій валютное обращеніе, составлялъ 915,1 милл. руб.; въ моментъ заключенія мира (23-го августа 1905 года) онъ равнялся 1.136,1 милл. руб. или увеличился на 221,0 милл. руб. Выпускъ кредитныхъ билетовъ за это время поднялся съ 598,9 милл. руб. до 936,7 милл. руб. или на 337,8 милл. руб. Другими словами, девятнадцать мѣсяцевъ войны отразились на нашемъ денежномъ обращеніи сравнительно слабо, вызвавъ увеличеніе циркуляціи кредитнаго рубля на 116,9 милл. руб. сверхъ полученнаго банкомъ золота. Нѣкоторую тревогу порождало уменьшеніе текущаго счета казначейства, который къ 1 іюня 1905 г. опустился до 89,5 милл. руб.

---

[1]) *С. С. Х.*, Финансы Россіи въ связи съ экономическимъ положеніемъ ея населенія 172. Спб. 1908. 2-е изд.

(къ 1 февраля 1904 года онъ достигалъ 419 милл. руб.), какъ результатъ отказа заграничныхъ финансовыхъ круговъ размѣстить новый русскій заемъ весной и лѣтомъ 1905 г. Однако, два внутреннихъ 5% займа, выпущенныхъ въ силу Высоч. указовъ 12 марта и 29 іюля 1905 года на общую сумму 400 милл. руб., усилили рессурсы казначейства, и къ 23 августа 1905 года, когда былъ заключенъ миръ, текущій счетъ казначейства поднялся до 143 милл. руб. Это лишній разъ указываетъ на то, что существовала непосредственная зависимость валюты отъ государственнаго кредита. Если бы военные расходы нельзя было покрыть путемъ займовъ, то наше денежное обращеніе пришло бы въ величайшее разстройство. Упуская изъ виду этотъ важный факторъ, Ладонъ въ „Zukunft'ѣ“ и Гельферихъ въ „Marine-Rundschau“ пѣли незаслуженные панегирики русской валютѣ. Они указывали, что въ отношеніи „finanzielle Mobilmachung“ наше денежное обращеніе блестяще выполнило возложенныя на него войною задачи и обнаружило поразительную устойчивость [1]). Между тѣмъ вся тяжесть „финансовой мобилизаціи“ легла не на валюту, а на государственный кредитъ, т. е. война не предъявила къ валютѣ сколько-нибудь серьезныхъ требованій.

Но если для денежнаго обращенія война прошла безъ особенныхъ послѣдствій, то эти послѣдствія сильно проявились на государственномъ кредитѣ. Мы уже говорили, что при первыхъ громахъ войны дѣла на биржѣ пришли въ острое замѣшательство. Для характеристики направленія биржевого курса возьмемъ отмѣтки руководящей бумаги—4% русской государственной ренты. Въ концѣ 1903 г. она стояла на уровнѣ $99^1/_2$. Слухи о разрывѣ дипломатическихъ сношеній въ первой половинѣ января 1904 г. вызвали пониженіе расцѣнокъ всѣхъ бумагъ и, прежде всего, ренты: 8 января она опустилась до 99, а 16-го до 98. Усилившаяся тревога гнала отмѣтки внизъ: 19 января рента котировалась по 97, 20-го—по 96, 26-го—по 95, а въ первые два дня войны 27-го—по 94 и 28-го—по 93. Въ теченіе ближайшаго времени была замѣтна нѣкоторая устойчивость курса, но гибель адмирала Макарова, отступленіе на Ялу и сраженіе при Чжинь-Чжоу понижаютъ ренту до $88^1/_2$ (конецъ апрѣля). Тѣмъ не менѣе, начиная съ мая, курсъ улучшился и впредь до второй половины декабря, т. е. до сдачи Портъ-Артура, отмѣтки показывали 91—92. Расцѣнка въ концѣ 1904 г. ухудшилась до $89^3/_8$. Она оставалась на этомъ уровнѣ до начала февраля 1905 г., когда подъ вліяніемъ приказовъ Куропаткина повысилась до $90^5/_8$, но бой у Мукдена опять понизилъ ее до $89^3/_8$ (конецъ февраля). Выпущенный въ мартѣ 5% внутренній заемъ на 200 милл. руб. по 96 за 100 вызвалъ паденіе ренты до 83, како-

[1]) См. *Helfferich*, Die finanzielle Seite des Russisch-Iapanischen Krieges. „Marine Rundschau“ (v. Okt. 1904), а также его Das Geld im russisch-japanischen Kriege. Berl. 1906.

вая расцѣнка уже прочно закрѣпила понижательную тенденцію для всѣхъ бумагъ капитальнаго рынка. Въ теченіе дальнѣйшихъ мѣсяцевъ рѣзкаго колебанія курсовъ не наблюдалось, и отмѣтки варьировались около 84—85. 16 августа ренту покупали 85, 17-го въ связи съ благопріятными слухами о ходѣ мирныхъ переговоровъ въ Порсмутѣ $88^1/_2$, а 18-го, когда слухи эти подтвердились, курсъ ренты поднялся до 91. Конечно, на этой высотѣ она не могла долго удержаться и на другой день опустилась до 89. Для страны побѣжденной и къ тому же обуреваемой внутренними волненіями такое пониженіе курса было явленіемъ естественнымъ и говорило за то, что биржа еще питаетъ большое довѣріе къ русскому государственному кредиту.

Итакъ, девятнацать мѣсяцевъ кровопролитной войны, стоившей около $2^1/_2$ милліардовъ рублей, не повліяли дурно на наше денежное обращеніе, которое все время было устойчивымъ, несмотря на опасную близость казначейства къ государственному банку. Въ области коммерческаго кредита конъюнктура складывалась крайне неблагопріятно, ибо война повлекла за собой вздорожаніе учета, отливъ дешевыхъ заграничныхъ денегъ и сокращеніе банковскаго кредита, тѣмъ самымъ вызывая многочисленные крахи и банкротства. Для биржевой дѣятельности война принесла колоссальный ущербъ, такъ какъ большинство бумагъ рѣзко опустились въ цѣнѣ, что̀, при дорогихъ деньгахъ и стѣсненномъ кредитѣ, лишало биржу увѣренности въ возвратѣ понесенныхъ ею потерь.

II.

Подъемъ міровой промышленной конъюнктуры продолжался и въ 1905 г., несмотря на сдерживающее вліяніе русско-японской войны. Заключеніе мира застало европейскую и американскую промышленность въ моментъ проявленія ея первыхъ послѣ кризиса успѣховъ, чему, между прочимъ, благопріятствовали прекрасный урожай хлѣбовъ, хорошій сборъ хлопка и расширеніе экспортной дѣятельности. Съ деньгами было свободно: хотя осенью германскій денежный рынокъ испытывалъ нѣкоторыя затрудненія отъ дороговизны учетныхъ нормъ. На биржѣ обстоятельства складывались удовлетворительно, но съ другой стороны, такія событія, какъ русско-японская война, портсмутскій договоръ, разрывъ между Швеціей и Норвегіей, острые конфликты между Австріей и Венгріей, тревожныя осложненія въ Марокко и революціонное движеніе въ Россіи, не могли, конечно, не вліять на ходъ биржевой дѣятельности съ тѣмъ, чтобы не вызвать пониженія отмѣтокъ бумагъ капитальнаго рынка. А наступленіе высокой промышленной конъюнктуры, увели-

чивая количество игрового матеріала, передвинуло центръ вниманія биржи съ фондовъ на дивидентныя цѣнности. Поэтому разсматриваемое время характеризуется повсемѣстнымъ пониженіемъ расцѣнокъ государственныхъ займовъ и вообще твердопроцентныхъ бумагъ. Отмѣченныя выше тенденціи въ міровой промышленной и биржевой дѣятельности съ наибольшею силою проявили себя въ 1906 г. и въ первой половинѣ 1907 г., т. е. волна промышленнаго оживленія на западѣ и въ Америкѣ подымалась до того времени, когда наступила американская катастрофа (октябрь 1907 г.). А затѣмъ „высокая конъюнктура“ смѣнилась депрессіей.

Если, благодаря войнѣ, начавшійся въ 1904 г. заграницей промышленный подъемъ не захватилъ насъ, то окончаніе войны создало условія для воспріятія его въ полной мѣрѣ. И дѣйствительно, съ августа 1905 г. на русскомъ денежномъ рынкѣ начали появляться признаки наступающаго дѣлового оживленія. „Заключеніе портсмутскаго договора и притомъ на такихъ условіяхъ, на которыя трудно было разсчитывать, вызвало надежды на лучшее будущее. Предпріимчивость оживилась. Многія лица, которыя до этого времени не рисковали за что-нибудь взяться, теперь стали входить въ дѣла и для этого брать свои деньги съ текущихъ счетовъ и вкладовъ“ [1]).

Изъятіе изъ банковъ части денегъ не внушало опасенія, ибо въ предшествовавшее время застоя ихъ на складахъ накопилось достаточно, такъ что банки отнеслись къ этому благожелательно,—„видно было, что дѣла оживляются, а это сулило прибыли“ [2]).

Съ заключеніемъ мира биржа оправилась. Пессимистическія сѣтованія уступили мѣсто розовымъ надеждамъ на скорое улучшеніе торгово-промышленной жизни, и отмѣтки игровыхъ бумагъ стремительно поднялись вверхъ.

Бакинская катастрофа не повліяла на этотъ курсовой подъемъ сколько-нибудь серьезнымъ образомъ. Вводъ на парижскую котировку нѣсколько игровыхъ бумагъ, свобода въ открытіи онкольныхъ кредитовъ, стремленіе повысить расцѣнки до уровня, на которомъ они стояли передъ войной, и слухи о новыхъ грюндерствахъ создавали почву для игры a la hausse. Въ половинѣ сентября, когда отмѣтки поднялись на неестественную высоту, на которой онѣ никакъ не могли удержаться, наступила реакція и въ настроеніи, и въ цѣнахъ.

Денежное обращеніе находилось въ порядкѣ. Къ моменту заключенія мира (23 августа) золотые запасы достигли 1.136,1 милл. руб. при выпускѣ кредитныхъ билетовъ на 936,7 милл. руб., а текущій счетъ казначейства выражался въ солидной цифрѣ 143,0 милл. руб. Однако, потребность въ

---

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ“, № 18. 1906.
[2]) Ibid.

деньгахъ на ликвидацію войны и на хлѣбную кампанію диктовали государственному банку опредѣленныя условія: покрыть неоплаченные военные расходы за счетъ новаго займа; а для обслуживанія хлѣбной кампаніи увеличить циркуляцію кредитнаго рубля и только въ крайнемъ случаѣ поднять дисконтъ.

Такимъ образомъ, прекращеніе войны отразилось на денежномъ рынкѣ и биржѣ весьма благопріятно: дѣла оживились и настроеніе улучшилось. Положеніе денежнаго обращенія не внушало тревоги, тѣмъ болѣе, что вопросъ о военномъ ликвидаціонномъ займѣ былъ уже предрѣшенъ, т. е. валюта оставалась внѣ вліянія военныхъ расходовъ.

Начавшаяся революція радикально измѣнила положеніе дѣлъ. Прежде всего, пострадала кредитная система, ибо пріостановка всѣхъ народно-хозяйственныхъ процессовъ вызывала неизбѣжный въ такихъ случаяхъ параличъ коммерческой дѣятельности, всѣ операціи строились не на основаніи твердыхъ коммерческихъ расчетовъ, а на основаніи совершенно гадательныхъ и проблематическихъ выкладокъ. Краткосрочный кредитъ, основанный на довѣріи и на устойчивости мѣнового оборота, предполагаетъ нормальные хозяйственные процессы. Революція же сама по себѣ актъ разрушительный, ибо не создаетъ новыхъ цѣнностей, сжимаетъ циркуляцію товаровъ и пріостанавливаетъ накопленіе. Русская революція, кромѣ того, осложнилась погромами ряда усадебъ и городовъ, что только увеличило ея разрушительныя тенденціи. Почтово-телеграфная и желѣзно-дорожная забастовки парализовали банковую дѣятельность, ибо переводы, платежи по векселямъ и ссудамъ, полученія вкладовъ и по чекамъ было крайне затруднено, не говоря уже о томъ, что такія важныя операціи, какъ учетъ векселей и ссуды подъ процентныя бумаги, разрѣшались только первоклаcснымъ кліентамъ, у которыхъ имѣлось солидное обезпеченіе. Погромы, въ свою очередь, породили громадное количество протестованныхъ векселей, которыхъ и безъ того было въ изобиліи. А при системѣ конто-коррентныхъ счетовъ и взаимныхъ вексельныхъ обязательствъ протестъ векселей торговцевъ изъ „черты осѣдлости“ весьма часто велъ за собой банкротство владимирскихъ и московскихъ фирмъ. Современная экономическая жизнь такъ устроена, что каждое отдѣльное звено ея неразрывно связано съ цѣлымъ. Ударъ, полученный А, передается В, потомъ С и такъ на весь алфавитъ до Z. Изъятіе вкладовъ и массовой переводъ денегъ заграницу уменьшили оборотный капиталъ страны, а между тѣмъ при крайне замедленномъ темпѣ хозяйственной дѣятельности его требовалось больше, чѣмъ въ нормальное время. Въ результатѣ—денежный голодъ и высокія товарныя цѣны.

Такое положеніе дѣлъ заставило государственный банкъ принять на себя всѣ заботы по возстановленію потрясенной кредитной системы. Онъ пришелъ на помощь частнымъ банкамъ, которые къ нему обратились послѣ того, какъ иностранные кредиты были взяты обратно и требованіе на вклады угрожало серьезнымъ ослабленіемъ наличныхъ кассовыхъ средствъ. Государственный банкъ открылъ имъ кредитъ не только въ этихъ предѣлахъ, т. е. въ размѣрѣ истребованныхъ вкладовъ и отозванныхъ заграничныхъ денегъ, но и для поддержки ихъ активныхъ операцій на уровнѣ, отвѣчающемъ потребностямъ рынка. Но это послѣднее обстоятельство осложнялось именно тѣмъ, что ближайшее экономическое будущее рисовалось въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, такъ какъ опасность за послѣдствія забастовокъ, погромовъ и несвоевременной доставки товаровъ была велика, т. е. удовлетворить требованія рынка при полномъ его разстройствѣ нельзя было, не рискуя потерять часть выданныхъ денегъ, хотя-бы даже подъ солидное обезпеченіе. Благодаря этому утратилось само понятіе кредитоспособности, что, въ свою очередь, лишило банки объективнаго критерія въ дѣлѣ учета векселей, или выдачи ссуды. Неизбѣжное при такихъ условіяхъ сжатіе коммерческихъ активовъ частными банками имѣло своимъ результатомъ расширеніе ихъ въ государственномъ банкѣ, къ которому, какъ къ единственному прибѣжищу, обратились всѣ, кто имѣлъ право на банковый кредитъ и кто его лишился. Вслѣдствіе этихъ причинъ операціи государственнаго банка необычайно возрасли.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ, въ какихъ размѣрахъ совершалась это возрастаніе затратъ на коммерческіе активы государственнаго банка и каково было положеніе частныхъ банковъ въ разсматриваемое время (въ милл. руб.). (См. таблицу на стр. 207).

Легко замѣтить, что между числовыми данными этой таблицы существуетъ прочная связь. Активныя коммерческія операціи государственнаго банка возрастали потому, что вклады и текущіе счета частныхъ банковъ падали и что активы послѣднихъ не могли поэтому удовлетворить серьезныя требованія рынка. Это видно изъ того, что учетная статья расширяется въ государственномъ банкѣ при параллельномъ сжатіи ея въ частныхъ банкахъ. Съ другой стороны, достаточно сопоставить затраты государственнаго банка на спеціальный текущій счетъ обезпеченный векселями съ переучетомъ и перезалогомъ у частныхъ банковъ, чтобы убѣдиться, какое громадное вліяніе на систему кредита оказалъ отливъ вкладовъ. Частные банки даже при уменьшенномъ объемѣ активовъ вынуждены были прибѣгнуть къ переучету и перезалогу, дабы этимъ путемъ пополнить оскудѣніе кассовыхъ средствъ. Подобная мѣра позволила удержать пассивы на уровнѣ уменьшенныхъ требованій по учету и ссудамъ, вѣрнѣе объемъ этихъ послѣднихъ опредѣлялся размѣрами остав-

	На 1-е каждаго мѣсяца.						
	1905 годъ.				1906 годъ.		
	Сент.	Октяб.	Нояб.	Дек.	Янв.	Февр.	Мартъ
I. **Коммерческія операціи государственнаго банка.**							
Учетъ и переучетъ.	153,3	156,2	171,4	216,3	269,0	258,4	217,2
On call.	125,7	126,8	135,0	172,1	198,1	204,5	190,5
Портфель бумагъ.	78,7	72,0	70,0	79,4	77,9	74,4	78,2
Спеціальный текущій счетъ, обезпеченный векселями	13,9	11,7	20,2	60,9	74,6	32,6	25,1
Итого	371,6	366,7	396,6	528,7	619,6	569,9	511,0
Тоже двѣнадцать мѣсяцевъ назадъ.	354,7	374,7	358,1	361,9	349,3	338,5	326,3
Болѣе (+), или менѣе (—)	+16,9	—8,0	+38,5	+163,8	+250,3	+231,4	+184,3
II. **Операціи частныхъ коммерческихъ банковъ.**							
Касса и текущ. счета.	95,2	87,3	91,5	82,2	96,6	88,8	92,4
Учетъ	657,5	659,5	640,0	620,7	568,1	546,5	535,0
On call и товар. ссуды	420,7	434,5	446,0	451,9	438,7	411,4	405,9
Портфель бумагъ.	124,6	115,2	113,5	109,9	104,9	103,4	102,8
Итого по активамъ.	1.298,0	1.296,5	1.291,0	1.264,7	1.208,3	1.150,1	1.136,1
Тоже двѣнадцать мѣсяцевъ назадъ.	1.231,6	1.242,4	1.254,4	1.242,4	1.259,2	1.276,2	1.282,6
Болѣе (+) или менѣе (—)	+66,4	+54,1	+36,6	+22,3	—51,1	—126,2	—146,5
Вклады и текущ. счета.	836,6	833,3	823,7	742,8	698,2	728.5	744,6
Переучетъ и перезалогъ	65,1	64,7	84,9	149,9	163,6	108,3	77,2
Итого по пассивамъ.	901,7	898,0	908,6	892,7	861,8	836,8	821,8
Тоже двѣнадцать мѣсяцевъ назадъ.	844,6	852,4	857,9	857,8	854,6	882,6	893,1
Болѣе (+) или менѣе (—)	+57,1	+45,6	+50,7	+34,9	+7,2	—45,8	—71,3

шихся вкладовъ и сильно развитаго перезалога и переучета. Спеціальный текущій счетъ подъ векселя и перезалогъ и переучетъ являются показателями денежнаго рынка страны. Мы видѣли, что эти статьи стремительно возрастали, а это иллюстрируетъ острое денежное стѣсненіе, которое по своему характеру и по вліянію на народное хозяйство мало чѣмъ отличалось отъ кризиса. Уже расширеніе затратъ на on call и товарные ссуды при одновременномъ сжатіи другихъ активныхъ статей, или, наоборотъ, противоестественномъ ростѣ ихъ указываетъ на потрясеніе кредита страны.

Что это дѣйствительно было такъ, подтверждается отчетами банковъ. „Заключеніе мира дало толчекъ къ улучшенію положенія (денежнаго рынка),—

говорится въ отчетѣ *Русскаго торгово-промышленнаго банка*,—но наступившія потомъ забастовки и волненія окончательно остановили всю торгово-промышленную жизнь страны за послѣднюю четверть года. Стѣсненіе денежнаго рынка, обычно наступающее въ концѣ года, получило у насъ въ 1905 г. особенно острый характеръ и потребовало отъ банковыхъ учрежденій *чрезвычайнаго сокращенія* ихъ активной дѣятельности и сосредоточенія значительныхъ средствъ для покрытія заграничной задолженности". „Тяжкія событія переживаемыя нашимъ отечествомъ,—читаемъ мы въ отчетѣ *Русскаго для внѣшней торговли банка* за 1905 г.,—не могли не отразиться и на дѣятельности нашего учрежденія, и въ послѣдніе четыре мѣсяца отчетнаго года, подъ вліяніемъ террора, вызвавшаго стремленіе къ переводу капиталовъ заграницу,—вклады и текущіе счета уменьшились, а вслѣдствіе этого и забастовокъ желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ и телеграфныхъ, пріостановившихъ торговыя операціи, сократился и учетъ"... Отчетъ *С.-Петербургскаго международнаго коммерческаго банка* за 1905 г. констатируетъ, что „вспыхнувшіе безпорядки и погромы, особенно на югѣ Россіи, не могли не отразиться серьезно на интересахъ всѣхъ вообще торговыхъ классовъ и, въ частности, на интересахъ нѣкоторыхъ кліентовъ банка, что, въ свою очередь, неминуемо должно было отразиться и на количествѣ протестовъ по векселямъ". *Московскій учетный банкъ* подчеркиваетъ въ своемъ отчетѣ за 1905 г. тяжелое положеніе денежнаго рынка въ концѣ года, „когда, послѣ октябрьской желѣзнодорожной забастовки и послѣдовавшей за ней забастовки почты и телеграфа, разразились въ Москвѣ печальныя декабрьскія событія. Подъ вліяніемъ охватившей общество тревоги замѣтно усилился отливъ денегъ съ текущихъ счетовъ и процентныхъ вкладовъ, продолжительный перерывъ почтово-телеграфнаго сообщенія вызвалъ повсемѣстную крайне тягостную пріостановку срочныхъ поступленій и для поддержки необходимой кассовой наличности приходилось прибѣгать къ широкому пользованію кредитомъ въ государственномъ банкѣ въ видѣ переучета векселей и спеціальныхъ текущихъ счетовъ и притомъ по необычайно высокому размѣру процентовъ". „Погромы и разбои съ одной стороны, съ другой—вздорожаніе денегъ и сокращеніе кредитовъ повели къ разоренію многія торговыя фирмы, еще недавно считавшіяся весьма солидными",—жалуется *Тифлисскій коммерческій банкъ*.

Эти выдержки изъ офиціальныхъ документовъ въ достаточной степени опредѣляютъ положеніе коммерческаго кредита въ революціонные мѣсяцы. Положеніе его было чрезвычайно стѣсненное. Оно усиливалось тѣмъ, что взрывъ революціи пришелся въ осенніе мѣсяцы, когда деньги дорожаютъ подъ вліяніемъ требованій сезона и когда иностранные кредиты идутъ въ Россію не охотно. Событія въ Россіи вызвали не только отозваніе этихъ кредитовъ, но и поднятіе дис-

конта въ Германіи, что только усиливало тревогу нашего рынка. Однако, благодаря помощи государственнаго банка паники не произошло, ибо его кассы оказались незапертыми для тѣхъ, кто не имѣлъ возможности получить деньги въ частныхъ банкахъ. Конечно, подобное обстоятельство вызвало неизбѣжное въ такихъ случаяхъ повышеніе учетнаго процента: 8 ноября онъ былъ поднятъ до $6^1/_2\%$, а въ декабрѣ въ два пріема былъ снова повышенъ до 8%. Въ частныхъ банкахъ дисконтъ доходилъ до 10—12%. Столь значительная высота учетныхъ нормъ свидѣтельствовала о крайнемъ разстройствѣ денежнаго рынка, ибо такая непомѣрная дороговизна денегъ для нѣкоторыхъ фирмъ, не обладавшихъ собственными оборотными средствами, являлась препятствіемъ къ тому, чтобы пользоваться кредитомъ: 10—12% обладаютъ способностью разорить всякую мало-мальски слабую въ денежномъ отношеніи фирму. Болѣе того, въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центрахъ частный дисконтъ достигалъ совершенно ростовщическихъ размѣровъ, а именно 18%, въ томъ числѣ 12% законныхъ плюсъ дамно и плюсъ экстра-куртажъ.

Острота денежнаго стѣсненія начала уменьшаться въ февралѣ, когда истребованные вклады стали обратно поступать въ банки и когда волна забастовокъ спала. Въ апрѣлѣ государственный банкъ понизилъ учетъ до 7%, а частные банки установили нормы на $^1/_2\%$ ниже государственнаго банка. Въ теченіе дальнѣйшаго времени положеніе кредита непрерывно улучшалось. Конечно, это улучшеніе было относительнымъ, ибо политическая жизнь страны не создавала благопріятныхъ условій для сколько-нибудь свободной и широкой коммерческой дѣятельности. Сдержанность частныхъ банковъ и дисконтеровъ въ учетѣ векселей даже перворазрядныхъ давала себя чувствовать повсемѣстно. Лѣтомъ и осенью 1906 г. отовсюду слышны были жалобы на недостатокъ банковаго кредита. Варшавскія газеты тогда сообщали, что „главной причиной застоя слѣдуетъ считать большой недостатокъ наличныхъ денегъ на денежномъ рынкѣ, отсутствіе довѣрія у торговцевъ, 12% годовой учетъ частными банками и сильное сокращеніе торговли съ внутренними губерніями Россіи. „Въ частности въ Варшавѣ, подъ вліяніемъ военнаго положенія и развивающейся анархіи, „банки начали воздерживаться отъ кредитныхъ операцій, а частные капиталисты, опасаясь кризиса, какъ это было въ 1904 г., спѣшатъ собрать свои капиталы и пересылаютъ ихъ въ заграничные банки“. Изъ Ростова на-Дону жаловались, что режимъ военнаго положенія „тяжелымъ кошмаромъ сдавилъ жизнь большого торговаго города... Банки почти на половину уменьшили кредитъ, опасаясь краховъ“. Въ докладной запискѣ, представленной совѣтомъ съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи директору горнаго департамента говорилось, что „заводы несутъ... значительныя финансовыя

жертвы, обусловленныя дороговизной денегъ, стѣсненіемъ кредита". Изъ Одессы писали, что „мѣстный банковый кредитъ весьма стѣсненъ. Одесскія фирмы, въ свою очередь, прекратили кредитъ провинціальнымъ торговцамъ и плохо вслѣдствіе этого торгуютъ, такъ какъ безъ кредита торговля немыслима". Въ Кіевѣ при обслуживаніи сахарной кампаніи „съ деньгами было нѣсколько стѣснительнѣй. Отчасти это находилось въ связи съ низкимъ курсомъ процентныхъ бумагъ, отчасти съ сдержанностью, съ которой петербургскіе банки поддерживали свои здѣшнія отдѣленія... и... перевели въ августѣ (1906) денегъ меньше на три съ половиной милл. руб." Въ Ригѣ, согласно спеціальнаго сообщенія, „больнымъ мѣстомъ промышленности является недостатокъ въ деньгахъ ...требуются значительные и продолжительные кредиты. Несостоятельность какой-нибудь болѣе значительной фирмы можетъ при настоящемъ положеніи дѣлъ вызвать крупныя затрудненія и порядочную заминку во многихъ предпріятіяхъ". Изъ Москвы тогда писали, что тамъ „въ настоящее время банки сократили учетъ векселей". На-ряду съ сжатіемъ банковаго кредита внутри страны замѣчалась сугубая сдержанность въ кредитѣ со стороны иностранныхъ фирмъ, которыя экспортировали свои товары въ Россію. „Намъ извѣстны случаи,—отмѣчала тогда „Т. П. Г.",—когда заграничныя фирмы требуютъ не только деньги аккредитивомъ на банки за выписанные товары, но и требуютъ высылки впередъ обезпеченія обратнаго транспорта, если товаръ почему-либо не будетъ принятъ покупателемъ" [1]).

Сдержанность банковаго кредита находила себѣ оправданіе въ неблагопріятныхъ условіяхъ международнаго денежнаго рынка и въ томъ, что у банковъ не было достаточно матеріала для широкаго развитія продуктивныхъ статей актива. Они вынуждены были повысить процентъ по вкладамъ до 6% (Кіевъ), чтобы за эту дорогую цѣну пріобрѣсти деньги, такъ какъ многіе капиталисты перевели свои капиталы заграницу, довольствуясь $2^1/_2$—$3^1/_2$%. Но, конечно, главная причина этого — тяжелый внутренній политическій кризисъ.

Какъ было уже выше замѣчено, послѣ заключенія мира биржевая дѣятельность значительно улучшилась. Сентябрьское ультимо прошло благополучно, хотя чувствовалось ослабленіе бумагъ капитальнаго рынка и банковой группы. Первые дни октября не ознаменовались измѣненіемъ биржевого фронта, ибо слухи о заключеніи новаго займа, пріѣздъ въ Петербургъ иностранныхъ банкировъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса, извѣстіе о выдачѣ нефтепромышленникамъ долгосрочной ссуды въ 10 милл. руб и по-

[1]) Цит. *Мухоспѣевъ*, Кредитъ и революція, „Русск. Экономистъ", № 40. 1906.

вышательная кампанія парижской биржи съ русскими металлургическими цѣнностями парализовали сенсаціонныя политическія сообщенія объ убійствѣ директоровъ заводовъ въ Ригѣ и Екатеринославѣ и о рядѣ забастовокъ въ промышленныхъ центрахъ Россіи. Однако, во второй половинѣ октября положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось въ сторону ухудшенія, главнымъ образомъ съ фондами. Тревожная неопредѣленность политической жизни, забастовки, погромы и военныя положенія заставили биржу скептически отнестись къ манифесту 17 октября. Правда, съ его опубликованіемъ фонды нѣсколько оправились: въ Берлинѣ $4^1/_2$% заемъ поднялся до pari, въ Парижѣ 5% обязательства повысились съ 102,40 до 104, въ Лондонѣ 4% консоли отмѣчались $92^1/_4$, противъ 89. Эта повышательная тенденція долго не удержалась и смѣнилась реакціей, какъ только получились извѣстія о погромахъ, которые ввергли биржу въ неописуемое уныніе. „Состояніе нашего фондового рынка,—отмѣчалъ тогда „Промышленный Міръ“,—не поддается описанію. Рента и другія государственныя бумаги не встрѣчаютъ спроса, и съ прекращеніемъ интервенціонныхъ покупокъ со стороны государственнаго банка, курсъ ихъ предоставленъ слѣпой судьбѣ“ [1]). Слабо было и съ дивидентными, въ особенности съ банковыми, такъ какъ погромы произошли въ городахъ, гдѣ сосредоточены отдѣленія почти всѣхъ русскихъ банковъ. А пожары, аграрные безпорядки и въ нѣкоторыхъ городахъ обстрѣлъ домовъ артиллерійскимъ огнемъ дурно вліяли на расцѣнку ипотечныхъ и страховыхъ цѣнностей. Разгромъ и разграбленіе промысловъ въ Баку вызывали естественное пониженіе нефтяныхъ бумагъ. Прекращеніе желѣзнодорожнаго движенія влекло за собой паденіе курса желѣзнодорожной группы. Механическія и металлургическія цѣнности, испытывая вліяніе непрекращающихся забастовокъ, шли внизъ. Словомъ пониженіе было общее и глубокое. Иностранныя биржи отнеслись къ упомянутымъ событіямъ весьма пессимистически. Англійская печать, въ лицѣ вліятельнаго „The Economist'a“ выразила полное осужденіе политикѣ гр. Витте и предостерегала капиталистовъ отъ подписки на новый заемъ [2]). Французская спеціальная пресса хранила молчаніе, не желая наводить панику на встревоженныхъ держателей русскихъ бумагъ. Подобная паника произошла въ Берлинѣ, гдѣ русскимъ цѣ н ностямъ угрожало совершенное обезцѣненіе. Въ октябрѣ рента упала до 86 съ $90^1/_2$, а 5% займы до 99 съ 102. Пониженіе фондовъ вызвало естественное пониженіе рынка капитальныхъ бумагъ: въ этомъ мѣсяцѣ $4^1/_2$% закладные листы земельныхъ банковъ опустились до 84 съ $87^1/_2$.

Погромы въ шестидесяти двухъ городахъ, а затѣмъ кронштадтскія событія, объявленіе Польши на военномъ положеніи, вторая забастовка и т. п.

1) „Промышленный Міръ“, № 40—41. 1905.
2) „The Disturbances in Russia and the new olan„. *The Economist*, № 3.245.

лишили биржу обычнаго равновѣсія. „Бумаги выбрасывались на рынокъ со стремительной быстротой и по какой угодно цѣнѣ. Испугавшіеся за цѣлость своихъ on call'ныхъ счетовъ банкиры и нѣкоторые банки стали экзекутировать своихъ кліентовъ, не внесшихъ доплатъ по ссудамъ, что еще болѣе усиливало панику. Болѣе другихъ кредитныхъ учрежденій усердствовало въ этомъ отношеніи отдѣленіе французскаго банка Credit Lyonnais. Оно немилосердно расправлялось съ своими кліентами и пустило по міру не одинъ десятокъ людей, которые еще наканунѣ 2 ноября располагали сносными достатками... Credit Lyonnais отказался выдать ссуду, даже самую минимальную, подъ билеты выигрышныхъ займовъ... Если бы примѣру Credit Lyonnais послѣдовали другіе банки, то всѣ обращающіяся на биржѣ бумаги потеряли бы всякую цѣну; наступила бы такая паника, которой не видѣла ни одна биржа въ мірѣ. Къ счастью банки были настолько благоразумны, что не прибѣгли къ крайнимъ мѣрамъ, и это безъ сомнѣнія должно было произвести благопріятное впечатлѣніе на держателей биржевыхъ цѣнностей“ [1]). Любопытно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ городахъ, отрѣзанныхъ отъ Петербурга въ силу почтово-телеграфной забастовки, биржевой курсъ опредѣлялся мѣстными конторами и отдѣленіями государственнаго банка. Въ Кіевѣ, напримѣръ, рента спокойно разцѣнивалась по 78—80 руб., тогда какъ петербургская биржа ее котировала по 74 [2]).

Въ ноябрѣ рента понизилась до $74^1/_2$ съ $85^3/_4$, а 5% займы до 93 съ $100^1/_8$. Временное прекращеніе почтово-телеграфной забастовки не принесло успокоенія, такъ какъ событія въ Севастополѣ и резолюціи крестьянскаго союза, дошедшія до заграницы, держали биржу въ состояніи крайней подавленности. Заявленія Рувье 4 декабря въ палатѣ депутатовъ относительно безпочвенности происшедшей въ Парижѣ паники, которая угрожала курсамъ французскихъ рентъ, нѣсколько успокоили биржу. Но массовый отливъ денегъ заграницу, вызывая продажи бумагъ, т. е. не менѣе массовыя реализаціи, естественно лишилъ биржу всякой опоры. Она окончательно потеряла голову, когда началось возстаніе въ Москвѣ. „Торгово-Промышленная Газета“ тогда писала: „Люди словно потеряли голову и, не отдавая себѣ яснаго отчета о дѣйствительномъ положеніи вещей, лишившись способности оцѣнивать событія и соразмѣрять силы правительства и революціоннаго движенія, бросались въ водоворотъ реализацій, въ самый неблагопріятный, быть можетъ, моментъ, какой только переживали отечественныя биржи“ [3]).

Послѣ подавленія московскаго возстанія курсы русскихъ бумагъ нѣсколько оправились. „Какъ только выяснилось, что возвѣщенная совѣтомъ рабочихъ

---

1) „Русскій экономистъ“, № 42—43. 1905.
2) „Вѣстникъ финансовъ“, № 18. 1906.
3) „Т.-П.Г“, № 279, 1905.

депутатовъ и другими революціонными организаціями забастовка не прошла, биржа стала повышать фондовыя и дивидентныя бумаги въ надеждѣ на то, что расшатанныя многочисленными арестами революціонныя организаціи вынуждены будутъ прекратить свою агитаціонную дѣятельность и слѣдовательно наступитъ столь желанный биржей „миръ“ [1]). И дѣйствительно, отмѣтки подались вверхъ: въ концѣ декабря рента котировалась 80—82, тогда какъ въ началѣ мѣсяца она стояла на уровнѣ 75.

1906 г. былъ неблагопріятенъ для биржевой дѣятельности вообще. „Weltkonjunktur in der industrie—Marasmus an der Boerse“,—говоритъ въ своемъ отчетѣ *Deutsche Bank* за этотъ годъ. Необычайное оживленіе промышленности и дороговизна денегъ вліяли на курсы капитальныхъ бумагъ, которые совершенно игнорировались биржей. Вздорожаніе кредита заграницей отразилось на мѣстномъ рынкѣ, хотя причины этого вздорожанія различны. Иностранные банкиры давали намъ денегъ въ ограниченномъ количествѣ, а на мѣстномъ рынкѣ денегъ было не много да и тѣ получить было трудно, такъ какъ кредитованіе было сопряжено съ рискомъ. Поэтому учетъ достигалъ у насъ 8—10% даже для вполнѣ солидныхъ обезпеченій. Съ другой стороны, увеличеніе государственной задолженности, благодаря выпуску 5% займа, давило на ранѣе выпущенные фонды, расцѣнка которыхъ естественно должна была упасть. Далѣе, отсутствіе политическаго спокойствія, военныя положенія, многочисленные грабежи и т. п. создавали напряженную атмосферу, исключающую спокойную коммерческую дѣятельность. Наконецъ, къ числу неблагопріятныхъ факторовъ слѣдуетъ отнести неурожай для ряда хлѣбородныхъ губерній, потребовавшій спеціальныхъ ассигнованій на продовольствіе и обсѣмененіе. Совокупность означенныхъ условій вліяла на расцѣнку нашихъ фондовъ понижающимъ образомъ. Первые мѣсяцы 1906 г. рента стояла на уровнѣ 80—79, но подготовка къ новому 5% „апрѣльскому“ займу понизила ее до $75^1/_2$. Затрудненія при размѣщеніи этого займа въ твердыя руки вызвали къ началу іюля дальнѣйшее пониженіе, до $72^1/_2$. Слухи о роспускѣ Думы и роспускъ ея привели къ тому, что 10 іюля рента отмѣчалась по 69, хотя въ ближайшіе за этимъ событіемъ дни расцѣнка улучшилась, но непрерывное увеличеніе государственной задолженности путемъ выпусковъ рентъ, дорогія деньги и плохой результатъ жатвы дурно вліяли на курсъ, такъ что къ началу сентября отмѣтки упали опять до 69. Другія процентныя бумаги, какъ-то: фонды, облигаціи, закладные листы, городскіе займы и проч., неизбѣжно отразили на себѣ это понижательное движеніе ренты, на буксирѣ которой они идутъ. Конечно, тѣ цѣнности, которые цѣликомъ размѣщены заграницей, напримѣръ $4^1/_2$% заемъ (Германія) или 5% обязательства казна-

[1]) „Русскій Экономистъ“, № 44. 1905.

чейства (Франція), остались внѣ этого вліянія,—расцѣнка ихъ опредѣлялась тамошними условіями денежнаго рынка. Начиная съ 20 чиселъ сентября замѣчалось повышеніе, которое затѣмъ сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи благодаря снятію съ рынка значительнаго количества фондовъ и передачи ихъ сберегательнымъ кассамъ. Тѣмъ не менѣе, котировки начала 1907 г. показывали $73^1/_2$ или на 7 р. ниже, чѣмъ двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ. Свирѣпствовавшая реакція не могла не отразиться на направленіи курса. Въ настоящее „ненадежное въ политическомъ отношеніи время,—читаемъ мы въ отчетѣ *Съвернаго банка* за 1906 г.,—публика воздерживается отъ помѣщенія своихъ средствъ въ капитальныя, а тѣмъ болѣе въ спекулятивныя цѣнности". Изъ спекулятивныхъ бумагъ повысились: нефтяныя, благодаря высокимъ цѣнамъ на нефть; акціи коммерческихъ банковъ, вслѣдствіе займовъ и высокаго учета; земельныя, какъ результатъ продажи земель крестьянскому банку. Остальныя игровыя бумаги, вродѣ механическихъ, страховыхъ, желѣзнодорожныхъ, не только не получили никакого приращенія курса, но испытали дальнѣйшее пониженіе. Нужно сказать, что пониженіе расцѣнокъ закладныхъ листовъ и облигацій городскихъ кредитныхъ обществъ повлекло за собой повсемѣстную пріостановку строительныхъ работъ, уменьшило выработку предметовъ, относящихся къ оборудованію жилыхъ помѣщеній и производство балокъ, остановило занятія массы строительныхъ рабочихъ и т. д. Такимъ образомъ, въ 1906 г. биржа стояла подъ знакомъ недовѣрія къ прочности политическаго status quo, а давленіе излишней задолженности, разстроенный государственный кредитъ, дорогія деньги, плохой урожай и тяжелое положеніе торгово-промышленной жизни только усугубляли тревогу биржи за устойчивость курса.

Война не оказала на денежное обращеніе сколько-нибудь серьезнаго вліянія. По крайней мѣрѣ, формально никакого нарушенія закона 29 августа не было.

До начала декабря положеніе валюты было удовлетворительнымъ, такъ какъ начавшійся отливъ капиталовъ заграницу и паденіе курса рубля еще не могли оказать на нее серьезнаго воздѣйствія. Вторая половина этого мѣсяца ознаменовалась значительной убылью золота изъ государственнаго банка, что стояло въ непосредственной связи съ массовымъ переводомъ денегъ заграницу. Господствовавшая паника вызвала вздорожаніе иностранной валюты на мѣстномъ рынкѣ, такъ какъ требованія на переводные векселя и чеки, главнымъ образомъ въ маркахъ, необычайно возросли. Благодаря усиліямъ спекуляціи курсъ рубля упалъ, и 100 руб. расцѣнивались въ Берлинѣ вмѣсто 216 мар. только 214 мар. Разница между курсомъ рубля въ Берлинѣ и выплатами въ Петербургѣ дала арбитражерамъ превосходный матеріалъ для игры на эту разницу. Такимъ образомъ явилось опасеніе за прочность нашей валюты, потому что при неблагопріятныхъ вексельныхъ курсахъ автоматическій утокъ золота изъ страны

неизбѣженъ. Это событіе нашло себѣ тенденціозную оцѣнку на страницахъ „Торгово-Промышленной газеты“, которая писала, „что биржевая игра и переводъ денегъ заграницу производились въ очень большихъ размѣрахъ и что въ этомъ принимали участіе всѣ классы населенія отъ самыхъ высокопоставленныхъ и титулованныхъ до обыкновенныхъ смертныхъ. Изъ отдѣльныхъ же группъ населенія ближайшее участіе въ этомъ приняли евреи, тотчасъ же послѣ октябрьскихъ еврейскихъ погромовъ. Напуганные насиліями, евреи усиленно стали переводить свои капиталы заграницу и затѣмъ, по свойственной этой націи духу спекуляціи, начали опредѣленную игру на пониженіе. Такую же игру вели и нѣкоторыя кредитныя учрежденія и частныя лица... Насколько значительно было движеніе, сознательно или безсознательно направленное къ пониженію, можно судить по тому, что за послѣдніе мѣсяцы ушло золота изъ Россіи приблизительно на *двѣсти милліоновъ рублей*“ [1]). Въ отношеніи операцій съ золотомъ 1905 г. поэтому былъ крайне неблагопріятнымъ, изъ ряда выходящимъ годомъ по количеству уплатъ и переводовъ заграницу. По подсчетамъ С. С. Х. „въ 1905 г. страна уплатила по разсчетному балансу золотомъ 1.022,7 милл. руб.“ [2]), каковая сумма должна быть признана грандіозной.

На 1-е января 1906 г. золотой запасъ государственнаго банка достигалъ 707,4 милл. руб.—самая низшая цифра за разсматриваемое пятилѣтіе,—а суммы заграницей выражались въ 206,1 милл. руб., такъ что общій итогъ составлялъ 913,5 милл. руб.; кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на 1.204,6 милл. руб., причемъ текущій счетъ казначейства показывалъ 103,8 милл. руб. Очевидно, отливъ золота заграницу и изъ сберегательныхъ кассъ, которымъ государственный банкъ вынужденъ былъ выдать ссуду въ 82,4 милл. руб., поколебалъ золотой фондъ настолько, что дальнѣйшее его ослабленіе могло погубить валюту. Къ этому нужно добавить, что усиленіе затратъ на коммерческія операціи при незначительныхъ капиталахъ казначейства и огромный грузъ неоплаченныхъ военныхъ расходовъ осложняли положеніе дѣлъ. Кромѣ этого, на золотомъ фондѣ лежали краткосрочныя обязательства казначейства, учтенныя у Мендельсона. Въ теченіе дальнѣйшаго времени обстоятельства не измѣнились къ лучшему и хотя вексельные курсы оправились, но предстоявшее введеніе новаго таможеннаго тарифа, вызвавъ увеличеніе ввоза, увеличило траты золота, которое шло теперь на оплату излишковъ импорта. Къ первому апрѣля количество золота, находившагося въ кассахъ государственнаго банка, въ слиткахъ, монетѣ и ассигновкахъ горныхъ управленій, на текущихъ счетахъ у ино-

---

[1]) «Т.-П. Г.», № 9. 1906.

[2]) *С. С. Х.*, Финансы Россіи, 172. СПБ. 1908.—Данныя С. С. Х. носятъ условный характеръ, такъ какъ онѣ не опираются на твердыя доказательства.

странныхъ банкировъ, а также принадлежащихъ банку тратъ и переводовъ на заграничныя мѣста, за исключеніемъ выданныхъ банкомъ тратъ на своихъ заграничныхъ корреспондентовъ, равнялось 879,4 милл. руб., которые обезпечивали выпущенные въ обращеніе кредитные билеты на 1.149,0 милл. рубл. и 55 милл. основнаго и запаснаго капитала банка, т. е. 1.204,0 милл. руб. Исключая 300 милл. руб., которые по уставу банка могутъ быть выпущены безъ металлическаго обезпеченія, получимъ 904,0 милл. руб. Эта цифра превышала золотой фондъ (879,4 милл. руб.) на 25 милл. руб., т. е. эмиссіонное право банка было нарушено и выпущенные на 25 милл. руб. кредитные билеты не имѣли металлическаго покрытія. Если же изъ суммъ золотого фонда исключить проблематическихъ 135,6 милл. руб. „золота заграницей", то внѣуставный выпускъ кредитнаго рубля поднимется съ 25 милл. руб. до 160,2 милл. руб., каковая цифра составитъ 15,5% общей суммы выпущеннаго въ обращеніе кредитнаго рубля (1.149,0 милл. руб.).

Уставъ о денежномъ обращеніи былъ нарушенъ какъ съ формальной стороны, такъ и съ матеріальной. Валюта еще держалась, ибо нашъ законъ, регулирующій денежное обращеніе и созданный по типу банковскаго акта Роберта Пиля 1844 г., весьма суровъ, требуя большое металлическое обезпеченіе и игнорируя товаро-вексельное покрытіе выпущенныхъ банкнотъ. Система непосредственнаго контингентированія непокрытыхъ звонкою наличностью банковыхъ билетовъ, на которой построены эмиссіонныя операціи государственнаго банка, имѣетъ только одну хорошую сторону, а именно она ограничиваетъ банковый кредитъ отъ спекуляціи, давая возможность съ большей или меньшей точностью установить самый моментъ, съ котораго наступятъ затрудненія въ полученіи кредита. Высокій дисконтъ (8—10%) свидѣтельствовалъ о наступленіи этого момента, а излишне выпущенные кредитные билеты опредѣляли остроту затрудненій. Конечно, 160 милл. руб. кредитныхъ билетовъ не могли серьезно разстроить каналы денежнаго обращенія страны, которая можетъ поглотить ихъ вдвое больше, не вызывая никакого лажа на золото. Пресыщенія кредитными билетами и автоматическаго утока золота изъ обращенія, которые обыкновенно предшествуютъ появленію бумажныхъ денегъ, у насъ не было. Тенденція къ этому замѣчалась, и, несомнѣнно, условія для отмѣны закона 29 августа 1897 г. и для принудительнаго курса рубля складывались весьма благопріятно. Текущій счетъ казначейства непрерывно падалъ, несмотря на уменьшеніе затратъ на коммерческіе активы и обратный притокъ вкладовъ въ сберегательныя кассы. По балансу 16 апрѣля 1906 г. онъ выражался въ ничтожной суммѣ 11,3 милл. руб.; наличный золотой фондъ былъ равенъ 757,5 милл. руб., а „суммы заграницей" упали до 132,3 милл. руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ безотлагательно требовалось увеличить рессурсы казначейства для оплаты произве-

денныхъ расходовъ въ сотни милліоновъ рублей. Также необходимо было немедленно увеличить текущіе счета заграницей для оплаты иностранныхъ обязательствъ по займамъ, краткосрочнымъ обязательствамъ и проч. Всѣ эти требованія могли быть удовлетворены только не за счетъ увеличенія циркуляціи кредитнаго рубля, ибо подобная мѣра была-бы для валюты роковой.

Критическій моментъ миновалъ, когда заграничные банкиры дали согласіе на заключеніе 5% займа на нарицательную сумму 843 милл. руб.

Для валюты заемъ этотъ имѣлъ рѣшающее значеніе, такъ какъ срочные неоплаченные расходы переносились на государственный кредитъ и для ихъ покрытія уже не требовалось увеличить и безъ того гипертрофированный выпускъ кредитныхъ билетовъ. А кромѣ того, благодаря зачисленію нѣкоторой части выручки займа за иностранными банкирами, удалось возстановить нарушенный эмиссіонный законъ. Къ 23 апрѣля 1906 г. наличный золотой фондъ составлялъ 763,4 милл. руб., а „золото заграницей“ равнялось 138,7 милл. руб. всего 902,9 милл. руб. при билетномъ обращеніи 1.131,0 милл. руб. Къ 23 мая этого же года наличный золотой фондъ выражался въ суммѣ 782,2 милл. руб., плюсъ золото заграницей 243,8 милл. руб., всего 1.026,0 милл. руб. при 1.128,8 милл. руб. кредитныхъ билетовъ. Другими словами, спустя мѣсяцъ послѣ заключенія займа общая сумма металлическаго покрытія билетовъ увеличилась на 123,1 милл. руб., причемъ билетное обращеніе сжалось на 2,2 милл. руб., т. е. положеніе валюты улучшилось на 125,3 милл. руб. Если на 23 апрѣля 902,9 милл. руб. золота покрывали 886 милл. руб. кредитокъ (за исключеніемъ 300 милл. льготныхъ и прибавленіемъ капиталовъ банка), то къ 23 мая это отношеніе золота къ кредитнымъ билетамъ весьма улучшилось и составляло 1.026,0 милл. руб. къ 883,8, или 1,16: 1. Принимая во вниманіе, что это улучшеніе валюты произошло за счетъ возрастанія заграничныхъ суммъ сила впечатлѣнія должна уменьшиться. Но съ другой стороны, если бы при всемъ этомъ наличный золотой фондъ не возросталъ, а билетное обращеніе расширялось, тогда не могло-бы быть рѣчи о реальномъ улучшеніи валюты. Въ томъ и дѣло, что наличный фондъ также увеличился, а циркуляція кредитнаго рубля сжалась. На 1-е іюля 1906 г. этотъ фондъ взросъ до 801,6 милл. руб. (къ 1 апрѣля онъ былъ 743,8 милл. руб.) и золото заграницей увеличилось до 307,7 милл. руб. (къ 1 апрѣля его было 135,6 милл. руб.) = 1.109,3 милл. руб. (къ 1 апрѣля 879,4 милл. руб., между тѣмъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи было 1.117,2 милл. руб. (1.149,0 милл. руб.). Ясно, что по мѣрѣ размѣщенія займа улучшалось и крѣпло денежное обращеніе; къ 1 іюля 1906 г. оно уже настолько оправилось, что банкъ имѣлъ неиспользованное

право на выпускъ кредитокъ на 237,1 милл. руб. (1.117,2 + 55,0—300 = = 872,2; 1.109,3 — 872,2 = 237,1).

Такимъ образомъ въ области денежнаго обращенія наступилъ нормальный порядокъ. Въ теченіи дальнѣйшаго времени ничего особеннаго и тревожнаго не замѣчалось. Нѣкоторое безпокойство вызывало вздорожаніе иностранной валюты и пониженная расцѣнка русскаго рубля, какъ результатъ, съ одной стороны, усиленнаго спроса на иностранные девизы и, съ другой, недовѣрія къ нашей валютѣ. Спросъ на иностранные девизы обусловливался переводами денегъ заграницу, а недовѣріе къ валютѣ объяснялось политическимъ кризисомъ. Тѣмъ не менѣе, ни то, ни другое не могло серьезно угрожать валютѣ, хотя бы уже потому, что у государственнаго банка имѣлись въ большомъ количествѣ тратты на заграничныя мѣста, а при помощи ихъ вексельные курсы легко регулируются.

Несмотря на то, что въ 1906 г. по разсчетному балансу было уплачено 640,3 милл. руб. [1]) общія условія для денежнаго обращенія должны быть признаны тяжелыми. Конецъ тогда характеризовался возрастаніемъ билетнаго обращенія и дорогими деньгами, какъ это было и въ началѣ года. Въ 1907 г. обстоятельства складывались болѣе благопріятно, но тревожное положеніе международнаго денежнаго рынка заставило государственный банкъ держать дисконтъ на высокомъ уровнѣ ($7^1/_2$%), что для народнаго хозяйства принесло замѣтный ущербъ. Курсъ рубля постепенно улучшался и въ октябрѣ (1907) достигъ паритета и выше (217,05 марокъ за 100 руб. при паритетѣ 216 мар.). Одновременно наблюдалось значительное предложеніе иностранной валюты, которой было куплено для заграничныхъ платежей на сумму около 80 милл. руб. Въ 1907 г. уплачено было по разсчетному балансу 535,7 милл. руб. [1]).

III.

Резюмируемъ все вышесказанное. До начала войны положеніе биржевой дѣятельности было удовлетворительнымъ, на денежномъ рынкѣ замѣчалось оживленіе, впервые наступившее послѣ кризиса 1900 г.; денежное обращеніе находилось въ порядкѣ: золотой фондъ превышалъ выпущенные кредитные билеты, а направленіе вексельнаго курса складывалось въ нашу пользу. Наступленіе войны, въ возможность которой наши банковыя и биржевыя сферы не вѣрили, породило на биржѣ панику,—всѣ бумаги испытали значительное пониженіе и затѣмъ колебались въ курсѣ, лишая биржевыхъ дѣятелей твердой увѣренности относительно постоянства биржевой погоды. На денежномъ рынкѣ произошло замѣшательство, деньги вздорожали, иностранные кредиты сократи-

[1]) С. С. Х., l. c., 172.

лись, учетъ сжался, ссудныя операціи расширились и протестъ векселей увеличился. Громадное и чисто-отрицательное вліяніе этого фактора на народное хозяйство было очевиднымъ, вызывало жалобы представителей промышленности и торговли на необычайное суженіе банковаго кредита. Государственный банкъ стремился, во-первыхъ, уменьшить затраты на комерческіе активы и расширить рессурсы казначейства; во вторыхъ, увеличить циркуляцію кредитнаго рубля за счетъ извлеченнаго изъ оборота золота и того, которое зачислялось за нимъ изъ выручекъ по займамъ. Сжатіе активовъ, т. е. учета и переучета лишало денежный рынокъ надлежащей опоры и внесло въ кредитныя отношенія крайнюю сдержанность, хотя подобная мѣра давала возможность увеличить казначейскіе капиталы, т. е. средства для веденія войны. Съ другой стороны, благодаря займамъ война не предъявила къ валютѣ особенныхъ требованій,—она предъявила ихъ сугубо къ государственному кредиту. Такимъ образомъ, вліяніе войны сказалось только на денежномъ рынкѣ, извлеченіемъ изъ дѣлового оборота казначейскихъ капиталовъ, что, разумѣется, вызвало повсемѣстную сдержанность въ кредитѣ, тѣмъ болѣе, что иностранныя деньги были отозваны.

Прекращеніе войны создало предпосылки для подъема торгово-промышленной и биржевой дѣятельности. На денежномъ рынкѣ и биржѣ наступило весьма замѣтное оживленіе. Въ положеніи денежнаго обращенія обстоятельства складывались удовлетворительно, такъ какъ новый ликвидаціонный заемъ поглощалъ неоплаченные военные расходы и тѣмъ самымъ освобождалъ валюту отъ финансовыхъ послѣдствій войны.

Наступившая революція поставила все вверхъ ногами. На денежномъ рынкѣ и биржѣ наступила тревога, перешедшая въ панику. Бумаги падали съ каждымъ днемъ все ниже, банки отказывали въ выдачѣ ссудъ даже подъ солидныя цѣнности, покупателей по отмѣткамъ дня не было и биржевая публика потеряла голову. Наступила полоса безудержныхъ стремительныхъ реализацій. Бумаги нещадно экзекутировались, а вырученныя деньги широкой волной шли заграницу, вмѣстѣ съ требованными изъ банковъ вкладами. Погромы, насилія и забастовки почты, телеграфа и желѣзнодорожная парализовали обмѣнъ и пріостановили торговыя операціи. При такомъ положеніи дѣлъ не могло быть рѣчи о нормальныхъ отправленіяхъ банковаго кредита, тѣмъ болѣе, что средства послѣднихъ были серьезно ослаблены изъятіемъ вкладовъ. На помощь пришелъ государственный банкъ, онъ развернулъ активы и, хотя по дорогой цѣнѣ, открылъ частнымъ банкамъ неограниченный кредитъ. Несмотря на громадное количество протестовъ и несостоятельностей, денежнаго кризиса не произошло, онъ былъ предотвращенъ государственнымъ банкомъ. Правда, послѣдній самъ находился въ тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ заемъ, о которомъ говорилось выше, не былъ заключенъ. Валютѣ угрожала опасность съ двухъ сторонъ—отъ государственнаго казначейства и сберегательныхъ кассъ и отъ неблагопріятныхъ

вексельныхъ курсовъ. Однако, курсы скоро оправились, вкладчики снова понесли деньги въ кассы и только тревожное ослабленіе текущаго счета казначейства внушало опасеніе за цѣлость валюты. Но такъ какъ паника на денежномъ рынкѣ постепенно уменьшалась и, слѣдовательно, затраты на коммерческія операціи банка суживались, то казначейство питалось деньгами въ размѣрѣ текущихъ расходовъ. Только неоплаченные расходы продолжали висѣть надъ валютой и для дальнѣйшаго существованія ея быъ необходимъ заемъ. За двѣ недѣли до его заключенія государственный банкъ превысилъ принадлежащее ему эмиссіонное право на выпускъ кредитныхъ билетовъ, т. е. былъ сдѣланъ первый шагъ къ господству бумажныхъ денегъ. Такъ велика была потребность правительства въ деньгахъ. Собственно говоря, начало апрѣля было самымъ критическимъ періодомъ въ исторіи нашего золотого денежнаго обращенія. Извѣстный заемъ въ три четверти милліарда спасъ валюту, хотя это спасеніе куплено было дорогою цѣной.

Въ послѣдующее время, какъ на биржѣ, такъ и на денежномъ рынкѣ возстанавливаются нормальныя отношенія. 1907 г. прошелъ подъ знакомъ довѣрія.

В. Мукосѣевъ.

Международныя отношенія.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Внѣшняя политика Россіи отъ Портсмутскаго мира до нашихъ дней.

Русско-японская война кончилась полнымъ военнымъ разгромомъ русской арміи, потерей Портъ-Артура, Манчжуріи, уничтоженіемъ всего русскаго флота и боевыхъ запасовъ, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ накоплявшихся въ нашихъ крѣпостяхъ и арсеналахъ. Полная военная немощь Россіи, такъ ярко обнаруженная нашими неудачами, полное израсходованіе всякаго рода военныхъ запасовъ, на возстановленіе которыхъ понадобились бы сотни милліоновъ рублей и годы „внутренняго“ мира, наконецъ, самый страхъ передъ внутреннимъ врагомъ—все это предопредѣлило дальнѣйшее направленіе внѣшней политики нашего правительства. Поскольку эта политика до войны отличалась своимъ аггрессивнымъ характеромъ и проявлялась въ вызывающемъ отношеніи Россіи одновременно къ самымъ сильнымъ государствамъ, къ Англіи, съ которой у насъ были вѣчные нелады изъ-за Тибета, Афганистана, Персидскаго залива, Китая и проч., къ Соединеннымъ Штатамъ, которымъ мы не хотѣли „открыть двери“ для свободной торговли въ Манчжуріи, къ Германіи, противъ которой велась нами ожесточенная дипломатическая война на берегахъ Босфора изъ-за Багдадской желѣзной дороги, наконецъ, даже къ Италіи, которая враждовала противъ насъ изъ-за столь чуждой Россіи Абиссиніи, гдѣ дѣятельно работали нѣкогда русскіе агенты, не говоря уже о постоянныхъ конфликтахъ съ второстепенными государствами, Турціей, Швеціей, Китаемъ и т. д., постольку, наоборотъ, наша внѣшняя политика со времени Портсмутскаго договора сдѣлалась миролюбивой и направленной къ улаженію или устраненію столкновеній съ болѣе или менѣе сильными сосѣдями. „Богъ съ нимъ—съ престижемъ»,—писалъ впослѣдствіи Меньшиковъ, „Что далъ намъ этотъ престижъ? Еврейскіе журналисты спятъ и грезятъ. какъ бы втравить Россію въ европейскую войну, дабы отвлечь армію отъ подавленія смуты. Мы не готовы къ войнѣ и не хотимъ воевать“. Въ этихъ словахъ Меньшикова вся программа нашей внѣшней политики со времени Портсмутскаго мира.

I.

Англо-русское соглашеніе и средне-азіатскій вопросъ (Россія въ Средней Азіи).

1) Англо-русская распря.—2) Измѣненія англо-русскихъ отношеній подъ вліяніемъ германской и индусской опасности.—3) Англо-русское соглашеніе 18 авг. 1907 г., его основные пункты и значеніе.—4) Англо-русская политика въ Персіи со времени конвенціи 1907 г.

Первымъ результатомъ русско-японской войны было коренное измѣненіе въ англо-русскихъ отношеніяхъ, и это наложило рѣзкій отпечатокъ на общій характеръ всей международной политики Россіи, начиная съ 1905 г. Подобно двумъ поѣздамъ, мчавшимся на всѣхъ парахъ по одной линіи, но въ противоположномъ направленіи, Англія и Россія въ теченіе послѣдняго столѣтія, въ процессѣ расширенія своихъ территоріальныхъ границъ и развитія своихъ оборонительно-наступательныхъ силъ, неизбѣжно приближались къ моменту рѣшительнаго столкновенія. Въ то время, какъ Россія, завоевавъ постепенно сѣверный и южный Кавказъ, присоединила къ своей территоріи персидскую Арменію, затѣмъ Карсъ и Батумъ, овладѣла шагъ за шагомъ Ташкентомъ, Самаркандомъ, правымъ берегомъ Аму-Дарьи, прилегающими Хивинскими землями, Кокандомъ, Ахалтекинскимъ оазисомъ и т. д. и, въ своемъ поступательномъ движеніи къ Персидскому заливу и обѣтованной землѣ Великаго Могола, вынуждена была остановиться на разстояніи болѣе чѣмъ тысячи верстъ отъ индійской границы, Англія, начавъ походное движеніе со средняго теченія Ганга, стала подыматься къ сѣверу, овладѣла бассейномъ могучей рѣки на всемъ его протяженіи и плоскогоріями Инда. Она подчинила себѣ Кашмиръ и, перебросившись черезъ вершины Гималаевъ, утвердила свое владычество въ Маломъ и Среднемъ Тибетѣ, а выдвинувъ передовую позицію на Яркандъ, проникла въ сердце Китайскаго Туркестана. На западѣ, двигаясь впередъ навстрѣчу русскимъ батальонамъ, она уничтожила имперію сейковъ, присоединила Пенджабъ, перешла средній Индъ, овладѣла англійскимъ Афганистаномъ до Сулеймановыхъ горъ и, подчинивъ послѣ трехъ войнъ (1839—1842, 1878, 1879) своему исключительному вліянію Афганистанъ и Белуджистанъ, пришла въ соприкосновеніе съ русскими владѣніями. И уже при первомъ взглядѣ на историческую карту расширенія территоріальныхъ границъ обоихъ государствъ, Россіи—стремившейся по направленію къ Индіи, и Англіи, — форсированнымъ маршемъ двигавшейся впередъ на сѣверъ, какъ будто для того, чтобы дать скорѣе бой своему

противнику и при томъ въ пунктѣ по возможности наиболѣе отдаленномъ отъ индійской границы, создается впечатлѣніе неизбѣжности конфликта между обѣими странами.

И въ сущности вся внѣшняя политика и военная исторія Россіи въ теченіе почти всего минувшаго столѣтія была въ значительной степени исторіей англо-русскаго конфликта. Въ Крымской кампаніи, въ русско-турецкихъ войнахъ 1828 и 1877 гг., въ войнахъ съ Кавказомъ, во всѣхъ среднеазіатскихъ кампаніяхъ, наконецъ, въ послѣдней войнѣ съ Японіей, старая Россія, Россія квасного патріотизма и воинственнаго лозунга „шапками всѣхъ закидаемъ", Россія Невельскихъ, Нессельроде, Черняевыхъ, Скобелевыхъ, Игнатьевыхъ, Алексѣевыхъ и т. д., всегда имѣла передъ собой Англію Джонъ-Буля, имперіалистическую драчливую Англію Пальмерстона, Биконсфильда, Чемберлена, Сесиля Родса, Киплинга, Керзона и пр. въ качествѣ явнаго или тайнаго врага. Особенно быстро и рѣзко стали обостряться англо-русскія отношенія съ момента окончанія войны 1877—78 гг., когда наше правительство, чтобы «сбить спѣсь» съ Англіи и отомстить послѣдней за ея упорное и успѣшное противодѣйствіе осуществленію грандіозныхъ русскихъ плановъ на Ближнемъ Востокѣ, начало усиленное движеніе именно по направленію къ индійской границѣ. Первоначально, это движеніе, послѣдовательные захваты Геокъ-Тепе, Денгли-Тепе, Асхабада, завоеваніе Ахалъ-Текинскаго оазиса, присоединеніе Мерва, Пенде и т. д., всѣ эти территоріальныя завоеванія, ложившіяся тяжкимъ бременемъ на нашъ бюджетъ, понижавшія покупательную силу внутренняго рынка и въ то же время ничуть не расширявшія нашего вывоза, имѣли главной цѣлью созданіе новыхъ опорныхъ базъ для дальнѣйшаго походнаго движенія и угрозой индійскимъ границамъ Англіи заставить послѣднюю войти въ полюбовное соглашеніе съ Россіей по ближне-восточному вопросу. „*Чѣмъ ближе мы будемъ въ Азіи къ Англіи, тѣмъ сговорчивѣе будетъ она по отношенію къ намъ въ Европѣ*" — такова точка зрѣнія, которая проводилась въ цѣломъ рядѣ появившихся въ Россіи книгъ и брошюръ, посвященныхъ индійскому вопросу [1]). Однако, въ случаѣ нежеланія Англіи вступить въ соглашеніе съ Россіей,

[1]) См. между прочимъ, *Нотовичъ*. «Гдѣ дорога въ Индію» Москва, 1889. *Соболевъ*. «Возможенъ ли походъ русскихъ въ Индію» Москва, 1901. *Лебедевъ*. „Въ Индію". Спб. 1898. *Таліевъ* „Русскіе на Индію" и т. д. Скобелевъ былъ убѣжденъ въ возможности разрѣшить всѣ наши вѣковые вопросы на Ближнемъ Востокѣ именно путемъ диверсіи въ Индію и только такимъ путемъ, «Безъ серьезной демонстраціи къ Индіи»—писалъ онъ М. Н. Каткову—«по всей вѣроятности, къ сторонѣ Кандагара, немыслимо себѣ представить войны за Балканскій полуостровъ. Предвзятіемъ театра дѣйствій на случай острыхъ осложненій, какъ въ 1878 г., несомнѣнно, будетъ нынѣ завоеванный край (Туркестанъ, М. П.) въ связи съ исключительнымъ и могущественнымъ нашимъ вліяніемъ въ Персіи». См. *М. Грулевъ*. «Соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азіи» Спб. 1909 г., стр. 28.

предусматривалась неизбѣжность присоединенія Индіи къ великой Россійской имперіи. Между тѣмъ, аггрессивное движеніе Россіи въ Средней Азіи въ необычайной степени усиливало тревожное настроеніе въ правящихъ кругахъ Англіи и обостряло въ широкихъ слояхъ населенія чувство вражды къ Россіи. Постепенно отношенія между обоими государствами принимали все болѣе натянутый характеръ, и эта взаимная вражда стала проявляться въ серединѣ 90-хъ годовъ даже на страницахъ многихъ органовъ прогрессивной печати обѣихъ странъ. Въ то время, какъ англійская печать изобиловала джингоистскими статьями и книгами по адресу варварской и «вѣроломной» Россіи, наша пестрѣла угрозами и далеко не лестными эпитетами по адресу „коварнаго Альбіона". Конфликтъ между обѣими странами казался неустранимымъ и, такъ сказать, закономѣрнымъ — и это былъ очень тревожный симптомъ крайне натянутыхъ отношеній между обѣими странами — даже многимъ представителямъ нашей лѣвой, народнической печати. Радикальный русскій публицистъ, извѣстный политикъ г. Южаковъ, доказывалъ неизбѣжность этого конфликта и объяснялъ англо-русскую распрю полною противоположностью типовъ обоихъ государствъ, тѣмъ, что Англія организовала свой государственный, политическій и соціальный строй согласно съ идеалами лендлорда и капиталиста, въ то время какъ Россія организовала его по типу мужика, сообразно съ взглядами и воззрѣніями крестьянина. Примиреніе между обѣими странами казалось Южакову возможнымъ только въ томъ случаѣ, если Англія измѣнитъ свою внутреннюю экономическую организацію въ смыслѣ болѣе справедливаго распредѣленія богатствъ, а въ отношенія къ своимъ колоніямъ внесетъ болѣе правды, дастъ полную автономію и т. д. Безъ этой радикальной трансформаціи помѣщичья Англія, какъ государство рѣзко выраженаго эксплоататорскаго типа, неизбѣжно обречена встрѣтить передъ собой непримиримаго врага въ лицѣ „мужицкой" крестьянской Россіи [1]). Въ этихъ

[1]) «Несомнѣнно поэтому, что покуда Англія свою внутреннюю жизнь, свое богатство и свое могущество строитъ на нынѣшнихъ основахъ, нами выше очерченныхъ, до тѣхъ поръ *война между Россіей и Англіей вполнѣ неизбѣжна и является лишь вопросомъ времени*. Только существенныя внутреннія преобразованія Англіи, политическія (въ смыслѣ напримѣръ равноправной федераціи колоній и метрополіи) и соціальныя (переворотъ въ распредѣленіи покупательной способности различныхъ классовъ) могутъ спасти ее и насъ отъ роковой необходимости борьбы не на жизнь, а на смерть. Такая борьба между лендлордомъ и капиталистомъ съ одной стороны и русскимъ мужикомъ съ другой предписывается всей логикой исторіи обоихъ государствъ». *Н. Южановъ*. «Англо-русская распря» стр. 106. Это пренебрежительное и враждебное отношеніе къ Англіи объяснялось, въ нѣкоторой степени, господствующими въ то время народническими теоріями. „Для демократа наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду», писалъ еще за долго до того Н. Г. Чернышевскій (см. Ю. М. Стекловъ, Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность, стр. 180 Спб. 1909), но понятно, послѣднему не пришло бы въ голову писать о роковой необходимости борьбы не на жизнь, а на смерть между Россіей и Англіей.

странныхъ аргументахъ передового русскаго публициста того времени звучала, какъ нынѣ въ нелѣпыхъ германофобскихъ статьяхъ англійскаго соціалиста Блечфорда, крайне опасная нотка и слышался призывъ къ братоубійственной войнѣ.

Въ 1885 г. послѣ столкновенія отряда Комарова у Кушки съ афганцами, дѣло чуть-было не дошло до вооруженнаго столкновенія между Англіей и Россіей. Но, какъ это часто бываетъ въ международныхъ отношеніяхъ, именно потому, что катастрофа была такъ близка и вопросъ о войнѣ и мирѣ висѣлъ уже на волоскѣ, правительство обѣихъ странъ въ послѣднюю минуту остановилось въ страхѣ передъ опасностью тяжкой и грозной своими послѣдствіями войны, которая истощила бы оба государства и послужила бы лишь на пользу германской дипломатіи, всѣми силами разжигавшей вражду между Англіей и Россіей, ибо, начиная съ 1871 г., міровая гегемонія Германіи покоилась одновременно на англо-русской и англо-французской враждѣ. Договоръ 10 сентября 1885 г. устраняетъ опасность конфликта. 22 іюля 1887 г. подписывается протоколъ о разграничительной линіи между Россіей и Англіей. Съ 1891 по 1895 гг. регулируется памирская граница между Англіей и Россіей; въ то же время по взаимному соглашенію регулируется граница между Белуджистаномъ и Афганистаномъ; постепенно между Россіей и Великобританіей устанавливаются болѣе нормальныя отношенія. Договоры 1885, 1887, 1895 и 1899 гг. замедляютъ русское движеніе къ индійской границѣ и Персидскому заливу, хотя въ то же время даютъ поступательному движенію Россіи толчекъ въ другую сторону, по направленію къ Тихому океану. Захватъ Портъ-Артура въ 1898 г., оккупація Манчжуріи, учрежденіе дальневосточнаго намѣстничества 1905 г. и т. д., все это снова обостряетъ англо-русскія отношенія. Къ опасности на средне-азіатскихъ границахъ присоединилась для Англіи „русская“ опасность на Дальнемъ Востокѣ, откуда грозилъ уже неминуемый ударъ торговому и политическому вліянію Великобританіи въ Китаѣ.

Но то былъ моментъ, когда Англія была занята обширными имперіалистическими планами въ другихъ частяхъ свѣта. Увлеченная своей африканской мечтой, стремясь во что бы то ни стало овладѣть всѣмъ чернымъ континентомъ отъ Капштадта до Александріи, Англія направляетъ всѣ свои силы къ Судану, неожиданно останавливаетъ угрозой немедленной войны Францію у Фашоды и, утвердивъ свое господство на всемъ сѣверо-востокѣ Африки, неожиданно бросается къ югу и начинаетъ войну съ бурами, которую побѣдоносно заканчиваетъ послѣ трехлѣтняго кровопролитія. Въ теченіе всего этого періода Англія даетъ возможность своимъ противникамъ—Германіи въ Турціи и особенно въ Малой Азіи, Россіи—въ Китаѣ, особенно въ сѣвер-

*

ныхъ областяхъ его и затѣмъ въ Тибетѣ — глубоко пустить корни своего политическаго и экономическаго вліянія.

Въ 1900 г. представитель и экстраординарный посланникъ Тибетскаго Далай-ламы, Джорджіевъ, удостаивается аудіенціи въ С.-Петербургѣ. Въ 1901 г. отправляется въ Тибетъ русская миссія (бурятъ Цибиковъ), которая и остается въ столицѣ запретнаго для иностранцевъ Тибета, въ священной Лассѣ, въ теченіе всего 1901 г. и подготовляетъ почву для русско-тибетскаго договора. Имѣя основнымъ правиломъ своей внѣшней политики— въ противоположность методамъ бездарной и безтолковой русской дипломатіи, разбрасывающейся всегда въ самыя различныя стороны—сосредоточивать всѣ свои силы въ данный моментъ на одной цѣли, Великобританское правительство позволяетъ Германіи и Россіи опередить Англію на всѣхъ спорныхъ пунктахъ, увѣренное, что въ удобный моментъ оно сумѣетъ загородить дорогу своимъ соперникамъ и отбросить ихъ назадъ. И дѣйствительно, сейчасъ послѣ окончанія бурской войны Англія вступаетъ въ соглашеніе съ Франціей [1]), добивается прекращенія начатыхъ между послѣдней и Германіей переговоровъ по вопросу о совмѣстномъ участіи финансистовъ обѣихъ странъ въ постройкѣ Багдадской желѣзной дороги и, нанеся такимъ образомъ рѣшительный ударъ мечтамъ Вильгельма II, относительно близкаго уже, казалось, осуществленія велико-германскихъ плановъ въ Малой Азіи, становится въ боевую позицію противъ Россіи. Заключивъ 30 января 1902 г. союзъ съ Японіей, Великобританія начинаетъ выбивать Россію изъ всѣхъ занятыхъ послѣдней во время англо-бурской войны позицій въ Персіи, Тибетѣ и сѣверномъ Китаѣ и особымъ языкомъ заговариваетъ съ нашимъ правительствомъ. На представленія русскаго посланника относительно впечатлѣнія, произведеннаго въ Петербургѣ отправкой англійской миссіи въ Лассу (апрѣль 1905 г.), лордъ Ландсоунъ вызывающе отвѣчаетъ, что „онъ съ удивленіемъ слышитъ подобные протесты отъ государства, которое никогда не церемонилось врываться въ территорію сосѣда, разъ только представлялся удобный случай, что если русское правительство имѣетъ основаніе быть въ претензіи на Великобританію въ виду необходимыхъ мѣръ, принятыхъ послѣдней по отношенію къ Тибету, то какимъ же языкомъ должно говорить великобританское правительство по поводу вторженія и захватовъ Россіи въ Персіи, Туркестанѣ и Манчжуріи“. Ясно было, что Англія чувствовала уже за собой могучую силу, которая въ состояніи будетъ сразить сѣвернаго колосса, и считала возможнымъ не церемониться съ послѣднимъ. Этой силой была армія микадо, все могущество которой сумѣла оцѣнить умная англійская дипломатія, воспользовавшаяся Япо-

---

[1]) Пріѣздъ короля Эдуарда и торжественный пріемъ его въ Парижѣ въ 1903 г. знаменуетъ собой поворотный пунктъ въ англо-французскихъ отношеніяхъ.

ніей, какъ ядромъ, чтобы сокрушить твердыню русскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ и во всей Азіи.

Пользуясь русско-японскими осложненіями и затѣмъ войной между обѣими странами, Англія, стремясь возстановить утраченное вліяніе въ Тибетѣ и взять реваншъ, отправляетъ въ западную Лхассу сильную военную экспедицію подъ командой полковника Югусбинда, который 13 декабря 1903 г. переходитъ англо-тибетскую границу, а 3 августа 1904 г.—послѣ необычайно труднаго похода черезъ высочайшія въ мірѣ горныя вершины по крутымъ и обрывистымъ тропинкамъ, по мѣстностямъ, гдѣ невозможно было достать какую-либо провизію, вступаетъ въ Лхассу. Далай-лама покидаетъ столицу и спасается въ Монголію. Вмѣстѣ съ нимъ оставляютъ Лхассу и представители Россіи, капитанъ Козловъ и бурятъ Джорджіевъ. 7 декабря 1904 г., какъ разъ на другой день послѣ взятія японцами Высокой горы, откуда японская артиллерія могла уже легко уничтожить послѣдніе обломки русской Тихоокеанской эскадры, скрывающейся на рейдѣ въ Портъ-Артурѣ, подписывается англо-тибетскій договоръ, который фактически уничтожилъ все вліяніе Россіи въ Тибетѣ и отдавалъ послѣднюю подъ протекторатъ Великобританіи.

Не ограничиваясь экспедиціей въ Тибетъ, Англія принимаетъ мѣры къ возстановленію своего вліянія въ Афганистанѣ и Персіи. Уже 23 января 1902 г. Кранборнъ, выражая въ палатѣ общинъ мнѣніе правящихъ круговъ Англіи, заявляетъ, что Великобританія не откажется ни отъ своихъ правъ, ни отъ своего политическаго вліянія въ Персіи и провинціяхъ, примыкающихъ къ Индійской границѣ. Лѣтомъ того же года Англія, пользуясь столкновеніями между Афганистаномъ и Персіей, посылаетъ для улаженія конфликта спеціальную миссію подъ командой полковника Макъ-Магона, отправившагося на персидско-афганскую границу въ сопровожденіи цѣлаго штаба офицеровъ, многочисленнаго военнаго экскорта и громаднаго обоза (1.500 верблюдовъ). Эта своеобразная третейская комиссія, несущая вѣтку мира на штыкахъ сильнаго экспедиціоннаго отряда, пробыла въ Сеистанѣ 2 года, провела разграничительную линію между Афганистаномъ и Персіей и вернулась обратно послѣ того, какъ достигла своей цѣли, показавъ Россіи, что Англія намѣрена продолжать энергичную политику въ Центральной Азіи, и напомнивъ персамъ, что только одна Великобританія имѣетъ право вмѣшиваться въ ихъ отношеніи къ сосѣднимъ съ Индіей странамъ. Въ качествѣ отвѣтной демонстраціи на посѣщеніе береговъ Персидскаго залива русскимъ военнымъ судномъ „Адмиралъ Корниловъ“ [1]), намѣстникъ Индіи, лордъ Керзонъ, сопутствуемый

[1]) Плаваніе «Адмирала Корнилова» относится къ февралю 1902 г., къ моменту Коветнскаго конфликта, когда Англія обострила изъ-за господства на Персидскомъ заливѣ свои отношенія къ Германіи, Персіи, Турціи. По сообщеніямъ англійскихъ

своей супругой, окруженный блестящей и многочисленной свитой, совершаетъ въ сопровожденіи сильной военной эскадры, состоящей изъ 7 судовъ, путешествіе вдоль побережья Персидскаго залива. Эта внушительная демонстрація (ноябрь 1903) производитъ сильное впечатлѣніе на мусульманскій міръ и показываетъ Россіи, что Англія энергичнѣе, чѣмъ когда-либо, стоитъ на стражѣ Персидскаго залива и что было бы безумiемъ оспаривать у нея господство надъ послѣднимъ [1]).

Возстановивъ такимъ образомъ свой утраченный за время англо-бурской войны престижъ на границахъ Афганистана, въ Персидскомъ заливѣ и въ южныхъ провинціяхъ Персіи, Англія переноситъ центръ своей тяжести въ сѣверную Персію и начинаетъ здѣсь кампанію противъ Россіи. Но такъ какъ русское политическое и экономическое вліяніе въ Тегеранѣ оказывается очень сильнымъ, благодаря въ особенности тяготѣнію шаха къ нашему правительству, поддерживающему старый персидскій режимъ силой казацкой бригады, обученной и руководимой русскими офицерами, и золотомъ, доставленнымъ шаху при посредствѣ займовъ 1897, 1901, 1902 гг., Англія, чтобы подорвать вліяніе противника въ Персіи, пользуется пробуждающимся здѣсь конституціоннымъ движеніемъ и, оказывая энергичную поддержку населенію, борющемуся за свободу, въ необычайной мѣрѣ подымаетъ свой престижъ и въ сѣверной Персіи. Ослабивъ силу шаха и сломивъ этимъ самымъ оружіе русскаго вліянія въ сѣверной Персіи, Англія начинаетъ быстро втягивать и эту область въ сферу своего протектората.

Такимъ образомъ, къ окончанію русско-японской войны Россія оказывается побѣжденной на всѣхъ пунктахъ, гдѣ она до сихъ поръ боролась съ коварнымъ Альбіономъ, потерявшей плоды долголѣтней работы ея безтолковой, одновременно бросавшейся въ разныя стороны дипломатіи. Въ результатѣ столѣтняго анти-русскаго конфликта изъ-за вліянія въ Азіи, Англія выходитъ побѣдительницей, увѣнчанная въ глазахъ азіатскаго міра ореоломъ славы и могущества, озаренная при томъ блескомъ побѣдъ ея союзника, Японіи. Безсмысленная, стоившая столько жизней и денегъ русскому народу, политика устрашенія Англіи путемъ движенія къ индійской границѣ потерпѣла полное фіаско и привела къ обратнымъ результатамъ. Устрашавшій превратился въ устрашеннаго. Заключеніе англо-японскаго союзнаго договора 13 августа 1905 г., предоставившаго въ распоряженіе Великобританіи въ случаѣ атаки ея индійскихъ границъ всю военную силу Японіи, отымаетъ и въ будущемъ возможность давленія со стороны Россіи на Англію путемъ угрозы индійскимъ

газетъ, «Адмиралъ Корниловъ» выгрузилъ десятки тысячъ ружей въ Бендеръ-Аббаси. (См. *Л. Гальберштадтъ*. Иностранная политика „Русская Мысль“ 1908 № 8).

[1]) *Ernest Lemonon*, l'Europe et la politique britannique (1882—1909). Paris, 1910, см. стр. 425.

владѣніямъ послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, теряетъ всякую почву мысль о реваншѣ, о возможности въ близкомъ будущемъ успѣшной войны съ цѣлью отвоеванія потерянныхъ позицій или, по крайней мѣрѣ, возстановленія утраченнаго военнаго престижа. Послѣ этого соглашеніе между Россіей и Англіей становится неизбѣжнымъ. Тяжкія пораженія, которыя англійская дипломатія нанесла русской въ Манчжуріи, Тибетѣ, Афганистанѣ, Персіи, на всемъ азіатскомъ континентѣ, лишали всякаго содержанія англо-русскую вражду, такъ сказать, ликвидировали ее. Во внѣшней политикѣ государствъ, подобно тому, какъ это часто наблюдалось во внутренней жизни любой страны, въ классовыхъ конфликтахъ, пораженіе, безсиліе, трусость, вызываютъ у побѣжденной или только чувствующей себя побѣжденной и оробѣвшей стороны стремленіе замѣнить принципъ борьбы съ „вѣковымъ“ врагомъ принципомъ сотрудничества съ нимъ, чтобы такимъ образомъ въ единеніи съ вчерашнимъ недругомъ добиться хотя бы частичнаго осуществленія результатовъ, достиженіе которыхъ инымъ путемъ начинаетъ казаться немыслимымъ. Стоя лицомъ къ лицу съ счастливымъ соперникомъ, опирающимся нынѣ, помимо могучаго флота, и на побѣдоносную силу японскихъ штыковъ, занятая внутренней войной, обремененная громаднымъ государственнымъ долгомъ, не имѣя уже возможности не только что-либо выиграть въ Азіи, Россія начинаетъ обнаруживать, какъ это было съ Франціей послѣ Фашоды, желаніе примириться съ непобѣдимымъ врагомъ. Кромѣ того, не удовлетворяясь уже въ виду возросшихъ затрудненій, однимъ союзомъ съ республиканской Франціей, оффиціальная Россія ищетъ матеріальной и моральной поддержки для успѣшнаго продолженія своей традиціонной внутренней политики въ дружественномъ соглашеніи съ правительствомъ самой передовой, свободолюбивой и въ то же время богатѣйшей страны въ Европѣ.

Въ то же время цѣлый рядъ факторовъ толкалъ и Англію къ соглашенію съ Россіей; хотя и союзница Японіи, Англія отнюдь не желала отдать послѣдней въ полное распоряженіе весь Дальній Востокъ. Въ этомъ отношеніи дружественная Россія могла оказать большую поддержку Англіи въ качествѣ серьезнаго противовѣса слишкомъ сильному союзнику послѣдней. И хорошо извѣстно, что уже во время выработки условій Портсмутскаго договора Англія, стоя за спиной Америки, старалась умѣрить аппетиты Японіи и заставить ее заключить миръ съ Россіей [1]).

Сейчасъ же послѣ окончанія русско-японской войны, въ англійской печати стали появляться статьи о безцеремонныхъ дѣйствіяхъ Японіи въ Манчжуріи, о препятствіяхъ, чинимыхъ ввозу англійскихъ товаровъ въ эту часть

---

[1]) *Волонтеръ.* «Русско-японская война». Спб. 1905, см. стр. 11, 12. *Ernest Lemonon,* L'Europe et la politique britannique, стр. 433.

Китая, о „безчестной“ японской конкурренціи, съ одной стороны, и съ другой — статьи объ англо-русской торговлѣ, о громадномъ русскомъ рынкѣ, о необходимости соглашенія съ Россіей. Такимъ образомъ, неожиданно и съ особой силой возобновилась руссофильская кампанія, которую еще въ 1902 г. началъ Calchas на страницахъ „Forthnigtly Review“.

Въ то же самое время съ особой силой стала обнаруживаться для Россіи и Англіи „германская опасность“, угрожавшая обѣимъ странамъ на всемъ азіатскомъ континентѣ и особенно въ Средней Азіи. Еще въ 1895 г. Германія не имѣла никакихъ торговыхъ сношеній съ побережьемъ Персидскаго залива, который Англія считала своимъ владѣніемъ, какъ вдругъ въ 1906 г. пароходы Гамбургско-Американской линіи стали регулярно по одному разу въ мѣсяцъ появляться у береговъ южной Персіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали замѣчаться очевидные признаки усиленія германскаго вліянія въ Тегеранѣ и во всей сѣверной и центральной Персіи. Послѣ долгихъ усилій Германія, несмотря на противодѣйствіе Англіи и Россіи, добилась въ началѣ 1907 г. отъ персидскаго правительства разрѣшенія учредить нѣмецкій банкъ въ Тегеранѣ [1]), стала основывать школы въ Персіи, открыла торговыя отдѣленія въ различныхъ городахъ, начала отправлять въ страну „царя царей“ научныя миссіи для археологическихъ изысканій и т. д. Ясно было, что съ окончаніемъ Багдадской желѣзной дороги, этого кратчайшаго пути къ центру Персіи, приближавшаго Германію къ индійскимъ границамъ Англіи [2]), Германія, утвердившая уже свою гегемонію въ Малой Азіи, въ необычайной степени усилитъ свое вліяніе въ Средней Азіи тѣмъ болѣе, что среди населенія Персіи стало уже наблюдаться тяготѣніе къ Германіи. Находясь на громадномъ разстояніи отъ Персіи, не соприкасаясь съ ней границами, не имѣя возможности завоевать эту страну и поэтому видя въ ея независимости лучшее средство обезпечить сбытъ своимъ товарамъ и создать себѣ новое поприще для выгодныхъ концессій [3]), промышленная Германія, несмотря на свой сравнительно отсталый политическій строй, являлась единственнымъ естественнымъ союзникомъ новой Персіи, заинтересованнымъ въ ея экономическомъ возрожденіи и, особенно, въ

---

[1]) Договоръ объ учрежденіи нѣмецкаго банка въ Тегеранѣ, см. Memorial Diplomatique 1907 p. 306.

[2]) «The Real India» by J. D. Rees см. стр. 161. London, 1908.

[3]) Въ рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ 16 (29) марта 1909 г., канцлеръ Бюловъ такъ формулировалъ германскую точку зрѣнія на персидскій вопросъ: «Наши интересы въ Персіи будутъ лучше всего ограждены, если останутся неприкосновенными независимость и цѣлость Персіи и свобода торговли въ этой странѣ». Стремленія Германіи поддержать дружескія отношенія съ Персіей датируютъ не со вчерашняго дня. Такъ въ торговомъ германо-персидскомъ договорѣ, подписанномъ въ Берлинѣ 6 іюня 1871 г., принцемъ Бисмаркомъ и Мирза Гусейнъ Ханомъ, мы читаемъ (§ XVIII): «Въ случаѣ столкновенія Персіи съ какимъ-либо другимъ государствомъ императорское германское правительство будетъ готово, по желанію правительства Его Величества Шаха, употребить свое вліяніе, чтобы содѣйствовать улаженію конфликта».

ея національной независимости, какъ и въ независимости Турціи, бурскихъ республикъ, Марокко и т. д. Французскій капитанъ Лакостъ, посѣтившій въ 1905 г. съ оффиціальной миссіей Персію, писалъ въ своемъ столько разъ цитировавшемся докладѣ правительству республики, что Германія старается привить персамъ взгляды „Персія для персовъ“, и предсказывалъ неизбѣжность англо-русскаго сближенія для борьбы съ общимъ врагомъ [1]). Въ такомъ же духѣ писалъ еще въ 1902 г. извѣстный англійскій изслѣдователь, майоръ Sykes [2]).

И по отношенію къ настоящему моменту для всякаго, посвященнаго въ персидскія дѣла, не составляетъ тайны выдающаяся роль Германіи въ успѣхѣ персидскаго революціоннаго движенія. Именно нѣмецкимъ оружіемъ, доставленнымъ съ большими трудностями изъ Берлина, были вооружены бахтіары и персидскіе революціонеры, взявшіе приступомъ Тегеранъ. Когда незадолго передъ тѣмъ представители персидской миссіи, объѣхавшей Европу, Раимъ Заде и д-ръ Мирза-Абдулла посѣтили Берлинъ, ихъ пригласилъ къ себѣ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ фонъ-Штемрихъ [3]) и послѣ продолжительнаго конфиденціальнаго разговора сказалъ имъ: „Вамъ незачѣмъ путешествовать въ Англію и Францію. У васъ есть мечи и ружья. Отправляйтесь на родину. Будьте мужественны. Англіи и Россіи не будетъ позволено остаться въ Персіи“. Однако, отсталый политическій режимъ мѣшаетъ Германіи развернуть ту политику, на которую ея правящіе классы противъ своей воли толкаются гигантскимъ ростомъ производительныхъ силъ Германіи, неудержимо расширяющимися потребностями ея міровой индустріи, политику, которая могла бы сдѣлать Германію непобѣдимымъ соперникомъ Россіи, Франціи и, особенно, Англіи въ Персіи, Марокко, Афганистанѣ, Египтѣ, повсюду, гдѣ пробуждающееся къ новой жизни мусульманство стремится къ политической и національной независимости, совпадающей съ интересами Германіи.

Съ другой стороны, Англія поддерживала конституціонное движеніе въ Персіи лишь до той поры, пока нужно было оказать противодѣйствіе русскому вліянію при дворѣ шаха, но въ это же время Англія всѣми силами подавляла освободительное движеніе въ южныхъ провинціяхъ, прилегающихъ къ индійской границѣ, и оказывала въ этихъ областяхъ всяческую помощь персидскимъ сатрапамъ, боровшимся противъ новыхъ идей [4]). Ростъ революціоннаго движенія среди 300 милліоннаго населенія Индіи еще болѣе, чѣмъ страхъ пе-

---

[1]) „La Russie et la Grande Bretagne en Asie centrale“ par le commandant H. de Lacoste, Comité de l'Asie française. Novembre 1907, см. стр. 435—465. Краткое резюме доклада въ русской прессѣ см. «Рѣчь» 1907 № 282.

[2]) Mayor Sykes „Ten Thousand miles in Persia» London, 1902.

[3]) Былъ незадолго передъ тѣмъ нѣмецкимъ посланникомъ въ Тегеранѣ и много содѣйствовалъ росту германскаго вліянія въ Персіи.

[4]) Eugène Aubin, La Perse d'aujourd'hui, Paris, 1908, см. стр. 204, 227 и т. д.

редъ Германіей, толкаетъ Англію къ сближенію съ Россіей [1]). Именно опасеніе, что торжество революціи во всей Персіи дастъ сильный толчекъ революціонному броженію въ Индіи, заставляетъ англійскую дипломатію круто измѣнить свой курсъ по отношенію къ освободительному движенію въ Персіи.

23 октября 1905 г., всего черезъ 2 мѣсяца послѣ заключенія Портсмутскаго мира, петербургскій корреспондентъ „The Times“ телеграфировалъ въ свою газету по поводу аудіенціи, которой удостоился англійскій посланникъ Чарльзъ Гардинъ, что на аудіенціи былъ затронутъ вопросъ о подготовленіи сближенія Англіи съ Россіей [2]). 22 мая 1906 г. берлинскій корреспондентъ той-же газеты телеграфировалъ на основаніи свѣдѣній, добытыхъ имъ въ оффиціальныхъ германскихъ кругахъ, о необходимости скораго заключенія англо-русскаго соглашенія. 24 мая министръ Грей на запросъ въ палатѣ общинъ относительно правильности этихъ слуховъ заявляетъ о „дружескихъ отношеніяхъ“ между Россіей и Англіей и о „тенденціи“ къ сближенію между обѣими странами. Въ іюнѣ 1907 г. англійское правительство, отвѣчая на замѣчанія англійской демократической печати и нѣкоторыхъ представителей палаты общинъ, рѣшительно заявляетъ, что оно не желаетъ вмѣшиваться *во внутреннія дѣла* Россіи, что послѣднія не имѣютъ никакого отношенія къ переговорамъ, ведущимся между правительствами обѣихъ странъ въ цѣляхъ улаженія спорныхъ вопросовъ, касающихся границъ обоихъ государствъ. 5 іюля Эдвардъ Грей, отвѣчая на нападки представителей „Labour party“ по поводу предполагавшагося визита англійской эскадры въ русскихъ водахъ, заявляетъ: „Англійская эскадра не будетъ считаться съ внутреннимъ положеніемъ въ Россіи; она отправляется, чтобы засвидѣтельствовать уваженіе царю, вождю русской націи, въ дружескомъ настроеніи къ нынѣшнему русскому правительству, но этотъ визитъ будетъ также визитомъ русскому народу“. Однако, внутреннія осложненія въ Россіи помѣшали англійской эскадрѣ совершить проектируемое путешествіе въ цѣляхъ визита одновременно русскому правительству и русскому народу. Это не могло ослабить дружескихъ отношеній между правительствами обѣихъ странъ.

18 (31) августа 1907 г. былъ подписанъ въ Петербургѣ англо-русскій договоръ. Означенное соглашеніе регулируетъ англо-русскія отношенія въ Персіи, Афганистанѣ, Тибетѣ. Положеніе Англіи въ Персидскомъ заливѣ опредѣляется въ приложенномъ къ тексту конвенціи письмѣ британскаго ми-

---

[1]) См. объ этомъ статьи въ «The Indian Sociologiste» 1909 № 12 и въ «Соврем. Мірѣ» 1909 №№ 2 и 9.

[2]) По распространенной во французскихъ дипломатическихъ кругахъ версіи впервые вопросъ объ англо-русскомъ сближеніи былъ затронутъ въ сентябрѣ 1901 г. на свиданіи императора Николая II съ президентомъ Лубэ въ Компьенѣ, при чемъ Лубэ указалъ на всѣ благодѣтельныя послѣдствія такого сближенія.

нистра иностранныхъ дѣлъ Грея англійскому посланнику въ Петербургѣ сэру Никольсону.

По вопросу о Тибетѣ обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются: I) уважать территоріальную цѣлость Тибета и воздерживаться отъ всякаго посягательства въ его внутреннее управленіе... II) сноситься съ Тибетомъ только черезъ посредство китайскаго правительства... IV) не домогаться или пріобрѣтать ни за свой собственный счетъ, ни въ пользу подданныхъ никакихъ концессій желѣзнодорожныхъ, дорожныхъ, телеграфныхъ и горныхъ, ни другихъ правъ въ Тибетѣ.—По вопросу о *научныхъ* экспедиціяхъ въ Тибетѣ оба правительства обязуются не допускать въ Тибетъ какой-либо научной экспедиціи и находятъ нужнымъ побудить китайское правительство принять на себя подобное же обязательство [1]).

По вопросу объ Афганистанѣ „Россійское императорское правительство объявляетъ, что оно признаетъ Афганистанъ находящимся *внѣ сферы русскаго вліянія*; и оно обязуется пользоваться для всѣхъ своихъ политическихъ сношеній съ Афганистаномъ посредствомъ правительства его британскаго величества“; оно обязуется также не посылать никакихъ агентовъ въ Афганистанъ. Оба правительства „принимаютъ по отношенію къ Афганистану принципъ торговаго равноправія“, конечно, только для обѣихъ договаривающихся сторонъ (§ IV).

Изъ изученія пунктовъ договора, касающихся Афганистана и Тибета, явствуетъ, что Англія и Россія уговариваются сохранить statu quo въ этихъ странахъ, отгородить ихъ китайской стѣной отъ всякаго чуждаго политическаго, экономическаго и умственнаго вліянія, особенно со стороны третьей державы, чтобы, такимъ образомъ, помѣшать пробужденію новой жизни въ этихъ отсталыхъ странахъ, прилегающихъ къ границамъ Индіи.

Но центральная часть конвенціи относится къ вопросу о Персіи. Персидскій вопросъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій сильно волновалъ правящіе круги Англіи. Выдающіеся англійскіе публицисты и государственные

---

1) Китайское правительство, дѣйствительно, не отправляло само и не допускало поскольку отъ него зависѣло, никакой научной экспедиціи въ Тибетъ, чего такъ боялась осторожная англо-русская дипломатія, опасаясь, какъ бы подъ видомъ нѣмецкихъ археологовъ, ботаниковъ и лингвистовъ не проникли въ Тибетъ носители германскаго „Drang nach Osten“, но зато китайское правительство къ изумленію Англіи и Россіи неожиданно отправило въ февралѣ 1910 г. въ заповѣдную страну уже не скромную научную экспедицію, а двухъ-тысячную армію, вооруженную пушками и пулеметами и обученную нѣмецкими и японскими инструкторами. Начавъ такимъ образомъ внушительныя военныя операціи въ томъ самомъ Тибетѣ, изъ-за протектората надъ которымъ только недавно боролись между собой Россія и Англія, ставъ, бряцая оружіемъ на границахъ областей, которыя обѣ эти державы считали своими владѣніями, Китай этимъ самимъ положилъ начало новой эрѣ въ исторіи Азіи вообще и средне-азіатскаго вопроса въ особенности.

дѣятели посвятили этому вопросу цѣлый рядъ капитальныхъ трудовъ [1]). Борьба „противъ русскаго вліянія въ Персіи", этой дорогѣ на Индію, считалась основнымъ принципомъ великобританской политики въ средней Азіи. Съ этой точки зрѣнія конвенція явилась неожиданностью даже для многихъ англійскихъ публицистовъ и государственныхъ дѣятелей, какъ представляющая собой актъ отреченія отъ традиціонныхъ принциповъ англійской внѣшней политики.

Конвенція устанавливаетъ три сферы вліянія въ Персіи: сѣверную, нейтральную и южную. Сѣверная Персія, наиболѣе богатая и промышленная, со столицей Тегераномъ, городами Рештомъ, Тавризомъ, Казвиномъ, Испаганью и т. д.— центрами революціоннаго движенія, признается входящей въ сферу русскаго вліянія. По отношенію къ этой области „Великобританія обязуется не домогаться для себя самой и не поддерживать въ пользу британскихъ подданныхъ, равно какъ и въ пользу подданныхъ третьихъ державъ, какихъ-либо концессій политическаго или торговаго свойства, какъ-то: концессіи желѣзнодорожныя, дорожныя, банковскія, телеграфныя, транспортныя, страховыя и т. д." и „не противиться ни прямо, ни косвенно требованіямъ концессій въ этой области, поддерживаемыхъ россійскимъ правительствомъ" (§ I). Россія, съ своей стороны, даетъ такое же обязательство по отношенію къ области, лежащей по ту сторону линіи, идущей отъ Афганской границы черезъ Газинъ, Биржанъ, Керманъ и оканчивающейся въ Бендеръ-Аббасѣ. Эта бѣдная область, лишенная всякаго экономическаго и торговаго значенія, признается входящей въ сферу британскаго вліянія. Наконецъ, территорія, лежащая между русской и англійской сферами вліянія, признается нейтральной [2]).

8 октября персидскій меджилисъ протестуетъ противъ этой конвенціи, какъ оскорбительной для національнаго достоинства страны и противорѣчащей признанію ея независимости. Меджилисъ собирается на тайное засѣданіе и обсуждаетъ вопросъ о мѣрахъ къ защитѣ цѣлости и независимости страны [3]).

---

1) „England and Russia in the East" by gener. Hemy *Rawlinson*. London, 1875; „Persia and the Persian question" 2 vol. by *Curson*. London 1892 г. „The struggle for Persia" by *Donald Stuart*. London 1902, „Persia revisited" by *Gordon*. London 1896. „The Persian problem" by *H. S. Whigham*. 1903. „The middle eastern question" by *V. Chiro*, 1903 и т. д.

2) Текстъ англо-русскаго договора 18 (31) авг. 1907 см. „Le Memorial diplomatique" 1907, № 39; также „Вѣстникъ Европы" 1907, № 10, стр. 835—840.

3) Объ отношеніи персидской прессы и общества къ англо-русскому соглашенію см. интересную статью знаменитаго профессора Эдварса Брауна: *Edward G. Browne* „The Persian view of the anglo-russian agreement" Albany Review, Decembre 1907; его же „The Persian constitutionalists" London, 1909. Любопытно, что „синія книги", считающіяся образцомъ объективности и правдивости, ни словомъ не упоминаютъ о протестѣ меджилиса и персидскаго общества противъ англо-русскаго соглашенія. Болѣе подробно о тенденціозномъ освѣщеніи англо-русской политики въ Персіи англійскими

Указаніе на то, что каждое изъ договаривающихся правительствъ имѣетъ, по причинамъ географическаго и экономическаго свойства, соціальный интересъ въ поддержаніи мира и порядка въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, смежныхъ или сосѣднихъ съ русской границей, съ одной стороны, и съ границами Афганистана и Белуджистана, съ другой — ясно обнаруживаетъ намѣреніе Англіи и Россіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла Персіи. Затѣмъ, весь тонъ и содержаніе конвенціи говоритъ о намѣреніи договаривающихся сторонъ прямымъ и косвеннымъ путемъ оказать противодѣйствіе третьей державѣ, которая попыталась бы поднять производительныя силы Персіи и дать толчокъ ея экономическому и политическому возрожденію.

Конвенція вызвала глубокое возмущеніе со стороны той части англійской промышленной буржуазіи, которая была заинтересована въ развитіи англо-персидской торговли, ибо она обозначала полное уничтоженіе англійскаго торговаго вліянія во всей сѣверной Персіи и въ значительной части остальной [1]). Всѣ 6 сѣверныхъ торговыхъ дорогъ, по которымъ шли русскіе товары, остались за Россіей, изъ трехъ важнѣйшихъ англійскихъ дорогъ одна цѣликомъ перешла въ сферу русскаго вліянія, головные же пункты двухъ другихъ включены въ русскую зону. Неудивительно, что на засѣданіи общинъ 14 февраля 1908 г. предсѣдатель „спеціальнаго наблюдательнаго комитета по персидскимъ дѣламъ", извѣстный депутатъ Линчъ, столь содѣйствовавшій экономическому развитію нѣкоторыхъ областей Персіи учрежденіемъ пароходныхъ линій и проведеніемъ знаменитой дороги черезъ горныя вершины бахтіаровъ, такъ рѣзко критиковалъ англо-русскую конвенцію [2]) и заявилъ, что онъ лично никогда не началъ бы своихъ предпріятій въ Персіи, если бы могъ предвидѣть, какой характеръ будетъ имѣть англо-русское соглашеніе.

Спрашивается, въ чьихъ интересахъ, по чьей иниціативѣ была выработана и принята эта конвенція, безсмысленная съ точки зрѣнія англійской

оффиціальными книгами, именно „Синей книгой" (Cd 4733) и Бѣлой книгой (Cd 4581) см. нашу статью: *Michel Pavlovitch* „La Revolution persane et l'entente anglo-russe". „Les Documents du progrès". Fevrier 1910.

1) См. нашу статью „Новая Персія и ея противники". Современный Міръ 1909, № 2, стр. 71, 72. Вопросъ о томъ серьезномъ ударѣ, который англо-русская конвенція нанесла англо-персидской торговлѣ и промышленности, заинтересованной въ средне-азіатскомъ рынкѣ, разбирается въ обстоятельной статьѣ полковника Yate „The anglo-russian convention" by colonel Yate („The imperial and asiatic quarterly Review", January 1908). Многіе другіе англійскіе журналы и газеты посвятили рѣзкія критическія статьи англо-русской конвенціи (The Scotman, the Outlook etc.), доказывая, что возрожденная Персія могла бы явиться немаловажнымъ рынкомъ для англійской промышленности, и что эта конвенція скомпрометтировала навсегда благопріятные результаты, которые англійская индустрія и торговля могли ожидать отъ введенія европейскихъ порядковъ и конституціоннаго режима въ странѣ „царя царей".

2) Текстъ этой рѣчи и комментаріи къ ней см. статью Линча „The anglo-russian convention" by H. F. B. Lynch. Asiatic Quarterly Review 1908, April.

торговли, вредная и съ точки зрѣнія русской промышленной буржуазіи, ибо это соглашеніе обозначало водвореніе анархіи въ странѣ, мирное развитіе которой могло бы дѣйствительно дать громадный толчекъ росту русскаго вывоза въ Персію, быстро расширявшагося въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и значительно опередившаго импортъ другихъ странъ въ Персію?

Изъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ оффиціальныхъ документовъ явствуетъ,—что не было замѣчено ни въ европейской, ни въ персидской литературѣ,—что идея раздѣленія Персіи на три зоны съ предоставленіемъ сѣверной, наиболѣе богатой и промышленной—Россіи, а южной—пустынной [1])—Англіи, принадлежитъ индійскому правительству. Такъ, въ обстоятельномъ докладѣ, отправленномъ еще за 9 лѣтъ до заключенія англо-русской конвенціи 1907 г., именно 21 сентября 1899 г. отъ имени правительства Индіи (за подписью Керзона и другихъ), государственному секретарю по индійскимъ дѣламъ, лорду Гамильтону, указывается, что по отношенію къ Индіи могутъ быть предложены двѣ политики: политика возрожденія Персіи путемъ введенія реформъ, реорганизаціи ея администраціи и финансовъ, развитія ея естественныхъ богатствъ при совмѣстномъ содѣйствіи Англіи и Россіи—каковая политика признается непріемлемой по причинамъ, не требующимъ объясненій. Правительство Индіи признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ раздѣленіе Персіи на зоны вліянія между Россіей и Англіей и даетъ схему соглашенія (agreement), которая цѣликомъ и легла въ основу конвенціи 1907 г. И если въ 1899 г. англо-индійская бюрократическая идея раздѣла Персіи на двѣ сферы вліянія между Англіей и Россіей казалась лондонскому правительству нецѣлесообразной или преждевременной, въ 1907 г., вмѣстѣ съ усиленіемъ революціоннаго движенія въ Индіи и внезапно выросшей германской опасностью, соглашеніе съ Россіей на означенной базѣ являлось уже вполнѣ

---

1) Желаніе превратить области, лежащія къ сѣверу отъ индійской границы, въ пустыни, составляетъ, очевидно, завѣтную мечту многихъ представителей англо-индійской бюрократіи и является одной изъ наиболѣе характерныхъ тенденцій Великобританской политики по отношенію къ средней Азіи. Когда въ 1903 г. полковникъ Макъ-Магонъ по порученію правительства Индіи произвелъ изслѣдованіе Сеистана и Белуджистана, онъ въ результатѣ своихъ двухъ-лѣтнихъ работъ (1903—1905) по изученію упомянутыхъ областей представилъ по начальству рапортъ, въ которомъ настойчиво указывалъ на необходимость открытія древняго канала Таракунъ, каковая операція, по словамъ браваго полковника, вызвала бы засуху въ Сеистанѣ и окончательную гибель этой области, что разъ навсегда устранило бы возможность нашествія на Индію съ сѣвера, со стороны ли Россіи, возрожденной Персіи или, наконецъ, утвердившейся въ Малой Азіи, какъ на опорной базѣ, Германіи. Чтобы сохранить въ своихъ рукахъ гигантскій 300-милліонный рынокъ, страну Голконды, куда англійскіе лэндлорды отправляютъ своихъ непристроившихся на родинѣ сынковъ черпать золото пригоршнями на счетъ умирающихъ съ голоду индусовъ, правящіе классы Англіи не прочь пожертвовать малымъ и отдать на потокъ и разграбленіе, обречь засухѣ Тибетъ, Афганистанъ и Персію.

умѣстнымъ и даже необходимымъ шагомъ внутренней и внѣшней имперской политики.

Такимъ образомъ, ясна позорная роль, выпавшая на долю Россіи, навязанная русскому народу нашей дипломатіей въ интересахъ охраны порядка въ Индіи, и въ благодарность за финансовую и моральную поддержку, оказываемую оффиціальной Великобританіей нашему „конституціонному“ режиму въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними осложненіями. Не желая возбудить противъ себя общественное мнѣніе Англіи, стремясь, по скольку возможно, сохранить на своей сторонѣ симпатіи персидскаго народа и не уронить своего престижа въ Европѣ и Азіи въ качествѣ передового защитника конституціонныхъ идей и представительнаго режима, великобританское правительство возлагаетъ задачу подавленія освободительнаго движенія въ Персіи на Россію, выступающую, такимъ образомъ, въ роли Великобританскаго „мавра“, которому, послѣ успѣшнаго выполненія взятой имъ на себя позорной миссіи, то же самое англійское правительство не постѣняется сказать правду въ дипломатическихъ выраженіяхъ: „мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ уйти“.

При объективномъ изученіи вопроса очевидно, что англо-русская конвенція, опубликованная именно въ тотъ моментъ, когда Персія добилась, наконецъ, конституціи и народнаго представительства, преслѣдовала по отношенію къ этой странѣ — помимо другихъ мотивовъ — тѣ же цѣли, какія уже относительно Турціи легли годомъ позже въ основу пресловутаго австро-болгарскаго соглашенія 1908 г., выразившагося въ одновременныхъ актахъ аннексіи Босніи и Герцеговины и провозглашенія болгарской независимости именно въ критическій моментъ перехода Оттоманской имперіи отъ стараго режима къ новому. Англо-русская конвенція 1907 г. и австро-болгарское соглашеніе 1908 г. представляютъ съ этой точки зрѣнія явленія одного и того же порядка. Опубликованіе англо-русской конвенціи, обозначавшее фактически уничтоженіе персидской независимости и учрежденіе англо-русскаго протектората надъ Персіей, сильно встревожило сознательные слои персидскаго общества [1]) и внесло сильное смятеніе во внутреннюю жизнь страны, обострив чувство неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Повсюду усиливается анархія, реакція подымаетъ голову [2]), и шахъ съ особой энергіей начинаетъ готовиться къ рѣ-

---

[1]) „A brief narrative of recent events in Persia“ by Edward g. Browne см. стр. 27, London 1909

[2]) Уже скоро послѣ опубликованія англо-русской конвенціи была сдѣлана первая дерзкая попытка реакціоннаго coup d'etat, при чемъ толпа персидскихъ черносотенцевъ обстрѣливала зданіе парламента (Декабрь 1907), но была отбита волонтерами, выступившими на защиту меджилиса.

[3]) См. объ этомъ интересную брошюру профессора Брауна: *For private circulation only* The responsibility of the Russian governement for the Chaos now existing in Persia

шительному выступленію, ведя въ то же время систематическую подпольную войну противъ новыхъ учрежденій.

11 (24) іюня 1908 г. начальникъ персидской казачьей бригады полковникъ Ляховъ, дѣйствуя по плану, выработанному имъ совмѣстно съ русскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ Гартвигомъ, главой персидскихъ реакціонеровъ, эмиромъ Багадуромъ Джанкомъ, и съ одобренія командующаго войсками кавказскаго военнаго округа подвергъ бомбардировкѣ персидскій меджилисъ. Многіе народные представители были убиты или казнены (мирза Ибрагимъ, мирза Ханъ, Мутакалиминъ и друг.), другіе подверглись пыткамъ и брошены въ тюрьмы, третьи изгнаны или бѣжали сами. Немало волонтеровъ (tufangdârs) погибло при защитѣ меджилиса. Часть конституціоналистовъ скрылась въ англійскомъ посольствѣ, которое, не рискуя окончательно скомпрометтировать себя въ глазахъ населенія, на этотъ разъ дало пріютъ бѣглецамъ, но впослѣдствіи стало закрывать двери передъ персидскими революціонерами [1]). Много домовъ въ Тегеранѣ подверглось разграбленію [2]), было отдано въ добычу казакамъ и черни. Доблестный Ляховъ въ награду за свои заслуги былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Тегерана и въ странѣ введено осадное положеніе. Шахъ торжествовалъ. Но скоро въ цѣломъ рядѣ городовъ снова вспыхнуло революціонное движеніе, которое приняло особенно грозные размѣры въ Тавризѣ, гдѣ конституціоналисты, руководимые Сатаръ-ханомъ и Бакиръ-ханомъ, послѣ цѣлаго ряда уличныхъ боевъ и баррикадныхъ сраженій изгнали изъ города банды вооруженныхъ роялистовъ и, захвативъ въ свои руки правительственный арсеналъ съ 20.000 ружей, тремя горными орудіями, нѣсколькими мортирами и старыми пушками, заряжающимися съ дула, объявили правительству шаха, что сложатъ оружіе только послѣ возстановленія конституціи, созыва меджилиса и удаленія изъ страны чужеземныхъ бандитовъ, убивающихъ народныхъ представителей. Такъ началась осада и геройская оборона Тавриза. Громадная армія, состоящая изъ 25.000 полудикихъ горцевъ и попросту разбойниковъ, сбѣжавшихся съ разныхъ концовъ Персіи исключительно ради добычи, которая ожидала ихъ въ случаѣ взятія города, милостью шаха отданнаго заранѣе на потокъ и разграбленіе побѣдителямъ [3]), окружила Тавризъ со всѣхъ сторонъ, отрѣ-

---

by E. G. Browne. Кембриджъ 1909. Означенная брошюрка предназначалась исключительно для частнаго обращенія и разослана Брауномъ нѣкоторымъ общественнымъ дѣятелямъ и личнымъ знакомымъ.

[1]) См. Blue Book Cd 4581. (№№ 194, 199, 201, 202, 205 и др.). Persia № 1. 1909.

[2]) См. Синія книги о Персіи Cd. 4581 (№ 133 и друг.). Persia № 1. 1909.

[3]) Въ своемъ знаменитомъ приказѣ отряду, направлявшемуся подъ командой русскихъ офицеровъ для дѣйствій противъ мятежнаго Тавриза, неустрашимый Ляховъ, выразивъ свое глубокое сожалѣніе по поводу того, что „политическія обстоятельства“

зала его отъ внѣшняго міра и послѣ цѣлаго ряда бомбардировокъ сдѣлала нѣсколько попытокъ взять городъ приступомъ. Но всѣ эти атаки были отбиты, при чемъ каждый разъ въ рукахъ геройскихъ защитниковъ оставались въ качествѣ военныхъ трофеевъ, отнятыхъ у непріятеля, десятки ружей, а иногда и пушки. Однако, въ результатѣ долговременной осады и постепеннаго истощенія припасовъ положеніе Тавриза становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Являлось опасеніе, что городъ будетъ или взятъ силой или вынужденъ изъ-за голода сдаться на милость шаха. Такой результатъ могъ бы увеличить силу шаха въ странѣ и упрочить его власть. Но, очевидно, что, въ виду измѣнившейся конъюнктуры и обнаружившейся во многихъ случаяхъ несговорчивости шаха, чрезмѣрное усиленіе его престижа и могущества не соотвѣтствовало планамъ высокихъ договаривающихся сторонъ. 20 апрѣля 1909 г. представители Россіи и Англіи г. Саблинъ и сэръ Барклай потребовали немедленной аудіенціи у шаха и заявили послѣднему о необходимости временно прекратить военныя дѣйствія противъ Тавриза, чтобы дать возможность ввезти провіантъ въ осажденный городъ и спасти отъ лишеній голода какъ членовъ русской и англійской миссіи въ Тавризѣ и всѣхъ иностранныхъ подданныхъ, такъ и вообще всѣхъ жителей города, не принимающихъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ (habitants non combattants de la ville)[1]). На заявленіе шаха, что онъ уже 9-й мѣсяцъ осаждаетъ Тавризъ, что для успѣшнаго окончанія начатыхъ имъ операцій ему необходимо отрѣзать всякій подвозъ провіанта къ городу, что даже самое кратковременное перемиріе сдѣлаетъ невозможнымъ успѣшное окончаніе осады и, наконецъ, что онъ не знаетъ, почему члены и англійскаго и русскаго консульствъ и иностранные подданные не покидаютъ Тавризъ, англійскій посланникъ рѣшительно заявилъ, что все это побочные вопросы, и потребовалъ совмѣстно съ представителемъ Россіи немедленнаго объявленія перемирія[2]). Шаху пришлось подчиниться и дать перемиріе на 6 дней (20—36 апрѣля). Но одновременно съ этими благодѣтельными мѣрами для спасенія осажденнаго города, англійскій и русскій

мѣшаютъ ему принять личное участіе въ славномъ дѣлѣ, подбодрялъ тегеранскихъ казаковъ тѣмъ, что они все-таки отправляются подъ командой русскаго офицера, и раззадоривалъ ихъ аппетиты богатствами Тавриза. Возмущенный тѣмъ, что „нѣкоторые изъ казаковъ, потерявъ честь и совѣсть, убѣжали, чтобы не ѣхать въ Тавризъ“ Ляховъ доказывалъ своимъ доблестнымъ воинамъ, что у нихъ нѣтъ другого выбора, какъ „со щитомъ или на щитѣ“, ибо если они не уничтожатъ конституціи, то конституція ихъ упразднитъ. Въ заключеніе Ляховъ обѣщаетъ казакамъ за удачное ускореніе конституціи осыпать ихъ „орденами, денежными подарками и монаршими милостями и при томъ не только персидскими, но и русскими“. См. передовицу въ „Рѣчи“ отъ 30 окт. 1908.

1) См. циркулярную ноту нашего правительства всѣмъ иностраннымъ державамъ отъ 23 апр. 1909.

2) См. обстоятельную телеграмму за № 282 отъ 20 апр. 1909 въ Бѣлой книгѣ. Persia № 2. (1909) Cd 4733, стр. 122.

представители, уничтожая одной рукой то, что сдѣлано другой, начинаютъ бить тревогу по поводу опасности, якобы угрожающей русскому и англійскому генеральнымъ консульствамъ со стороны тавризскихъ націоналистовъ, собирающихся де взять приступомъ консульства и убить одного изъ консуловъ [1]). Такого же рода тревожныя телеграммы о намѣреніяхъ тавризскихъ фидаевъ день за днемъ публикуются во всей англійской прессѣ. Наконецъ, къ радости многихъ англичанъ, 10 (23) апрѣля кавказскій намѣстникъ получаетъ приказъ двинуть въ Тавризъ 5.000-й отрядъ. Въ нотѣ, редактированной совмѣстно съ великобританскимъ правительствомъ, наше правительство указываетъ на опасность, угрожающую европейскому населенію Тавриза, и заявляетъ о своемъ твердомъ рѣшеніи силой оружія защитить мирныхъ жителей. „Какъ только порядокъ будетъ возстановленъ въ Тавризѣ и жизни и имуществу представителей консульствъ, русскихъ и иностранныхъ подданныхъ не будетъ грозить никакой опасности, русскій отрядъ будетъ отозванъ“,—гласитъ правительственное сообщеніе. 24 апрѣля русскій отрядъ подъ командой Снарскаго выступаетъ въ походъ и идетъ форсированнымъ маршемъ въ Тавризъ для ввоза провіанта въ осажденный городъ и спасенія англійскаго и русскаго консульствъ, подданныхъ обѣихъ странъ и всѣхъ остальныхъ иностранцевъ отъ ужасной смерти подъ кинжалами и пулями тавризскихъ революціонеровъ и „черни, обезумѣвшей подъ вліяніемъ голода и лишеній долговременной осады“ [2]). 17 (30) апрѣля авангардъ отряда Снарскаго послѣ семидневнаго похода вступаетъ въ Тавризъ, къ крайнему недоумѣнію и недовольству жителей города. 19 апрѣля энджуменъ обращается къ русскому консулу съ просьбой сообщить ему, для какой цѣли прибыли русскія войска. Русскій и англійскій консулы за общей подписью отвѣчаютъ, что русскія войска прибыли временно для открытія дорогъ къ Тавризу, для обезопасенія русскихъ и другихъ иностранныхъ подданныхъ и для защиты города отъ грабежей въ случаѣ взятія его шахскими войсками. Главныя силы русскаго отряда располагаются лагеремъ за городомъ. Шахскимъ войскамъ приходится снять осаду и удалиться. Тавризъ попадаетъ изъ огня въ полымя. 17 (30) мая Саттаръ-ханъ, Багиръ-ханъ и Таки-Заде, встревоженные безцеремонными дѣйствіями непрошенныхъ спасителей въ „освобожденномъ“ городѣ [3]), скрываются въ турецкомъ консульствѣ, послѣ того, какъ двери англійскаго закрываются передъ

---

[1]) См. телеграммы за №№ 246 и 282 (приложеніе). Бѣлая книга. Persia № 2, стр. 110, 123.

[2]) „The populace of that town, driven to desperation by starvation“... Бѣлая книга. Persia № 2. (1909), см. стр. 110.

[3]) О насиліяхъ русскихъ войскъ въ Тавризѣ, обезоруженіи ими націоналистовъ съ цѣлью помѣшать походу послѣднихъ на Тегеранъ, вторженіи русскихъ солдатъ въ гаремы и проч. см. письмо за подписью Брауна, Линга и др. въ The Times 13 іюля 1909; см. также жалобу азейрбаджанскаго муниципальнаго совѣта въ палату общинъ на дѣйствія русскихъ войскъ въ Персіи. The Times 14 July 1909.

ними [1]). Скоро число конституціоналистовъ, ищущихъ спасенія отъ незванныхъ гостей подъ защитой турецкаго флага, возрастаетъ въ необычайныхъ размѣрахъ [2]).

Между тѣмъ революціонныя силы въ странѣ не дремали. Въ виду того, что къ внутренней опасности, реакціоннымъ дѣйствіямъ шаха и его камарильи присоединилась опасность внѣшняя, съ очевидностью для всѣхъ грозившая окончательно уничтожить національную независимость и свободу страны, персидскіе революціонеры удвоили энергію и рѣшили поставить все на карту. Вскорѣ въ печать стали проникать слухи о движеніи революціонныхъ отрядовъ изъ Решта и Казвина и перешедшихъ на сторону конституціи бахтіаровъ на Тегеранъ. Одновременно съ этими извѣстіями въ оффиціальной и оффиціозной русской и англійской печати стали проскальзывать сообщенія объ опасности, угрожающей европейцамъ въ случаѣ взятія Тегерана конституціонными войсками. Скоро The Times, The Daily Telegraph, The Daily Mail и т. д., въ Англіи, „Новое Время“ и т. д. въ Россіи запестрѣли тревожными телеграммами отъ своихъ корреспондентовъ насчетъ неизбѣжности рѣзни въ Тегеранѣ и истребленія европейцевъ. Тщетно представители спеціальной персидской миссіи, пріѣхавшіе въ Англію для агитаціи въ пользу персидскаго конституціоннаго движенія, соціалдемократы д-ръ Мирза-Абдулла и тегеранскій купецъ Раим-Заде пытались разъяснить виднымъ представителямъ англійскаго общественнаго мнѣнія, редакторамъ вліятельныхъ газетъ и нѣкоторымъ государственнымъ дѣятелямъ истинный смыслъ бахтіарскаго движенія [3]). Ихъ увѣщанія остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Движеніе бахтіаровъ по-прежнему комментируется словно какое-то гунское нашествіе, грозящее окончательно уничтожить всѣ плоды цивилизаторской дѣятельности европейскихъ государствъ въ Персіи, и чѣмъ ближе подходятъ конституціонныя войска къ воротамъ Тегерана, тѣмъ болѣе сгущаются краски, изображающія всѣ мрачныя послѣдствія вторженія революціонной арміи въ столицу славной своей древней цивилизаціей страны. Напуганный быстрымъ движеніемъ конституціонныхъ отрядовъ, опасаясь рѣшительнаго разгрома партіи реакціи, русскій посланникъ выѣзжаетъ нѣсколько разъ совмѣстно съ англійскимъ

---

[1]) См. телеграмму въ The Times отъ 30 мая 1909.

[2]) Изъ всей англійской прессы только „Manchester Guardian“ и „Daily News“, да одна, двѣ соціалистическія газеты протестовали противъ движенія русскихъ войскъ въ Персію, какъ рѣзко противорѣчащаго принципу невмѣшательства во внутреннія персидскія дѣла, принятому и Россіей и Англіей, и рѣзко осуждали дѣйствія русскаго отряда въ Тавризѣ.

[3]) Авторъ этихъ строкъ сопровождалъ персидскихъ делегатовъ въ ихъ странствіяхъ по Лондону. Повсюду на указанія относительно истинной цѣли бахтіарскаго похода получался одинъ и тотъ же отвѣтъ: „къ сожалѣнію, мы имѣемъ другія свѣдѣнія“.

представителемъ навстрѣчу предводителямъ революціонной арміи и убѣждаетъ ихъ остановить наступательное движеніе своихъ войскъ, грозясь въ противномъ случаѣ гнѣвомъ Великобританіи, серьезными осложненіями и возможностью занятія Тегерана русскими войсками, перешедшими уже, по соглашенію между правительствами обѣихъ странъ, персидскую границу и идущими по пятамъ революціонной арміи на разстояніи нѣсколькихъ дней пути [1]). Дѣйствительно, 6-го іюля изъ Энзели выступаетъ 2.000 русскій отрядъ изъ трехъ родовъ оружія и форсированнымъ маршемъ идетъ къ Тегерану для соединенія съ казачьей бригадой Ляхова и защиты шаха. Въ палатѣ общинъ депутатъ Линчъ энергично протестуетъ противъ такого вмѣшательства англійскаго и русскаго правительствъ во внутреннія дѣла Персіи въ пользу реакціи и во вредъ конституціонному движенію въ странѣ, но всѣ эти протесты не производятъ никакого впечатлѣнія на палату и послѣдняя одобряетъ образъ дѣйствій Грея. Англійскій и русскій представители продолжаютъ съ удвоенной энергіей угрожать вождямъ конституціонной арміи гнѣвомъ своихъ правительствъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства и настаиваютъ на немедленной пріостановкѣ наступательнаго движенія къ Тегерану съ явной цѣлью дать возможность русскому отряду опередить революціонныя войска и вступить въ столицу прежде, чѣмъ послѣднія успѣютъ взять ее съ бою. Но вожди революціонной арміи, поощряемые въ этомъ рѣшеніи телеграммами своихъ друзей изъ Лондона, именно д-ра Измаила хана, Шейх-Ассана, нѣкоторыхъ му-

[1]) „Вождь бахтіаровъ Сардаръ-Азадъ"—писалъ послѣ нѣсколькихъ саркастическихъ замѣчаній по поводу теоріи „Персія для персовъ" The Times въ передовой статьѣ отъ 2 іюля 1909 г.—„получилъ внушительное предупрежденіе отъ генеральныхъ консуловъ обѣихъ державъ, что его образъ дѣйствій (наступленіе на Тегеранъ) возмущаетъ Россію и Англію и можетъ повесть къ разгрому персидской конституціи, якобы дорогой сердцу Сардаръ-Азада (to defeat the cause of constitutional liberty which he professes have to heart). Шахъ далъ все, что могъ. Онъ окончательно возстановилъ конституцію, даровалъ всеобщую амнистію и подписалъ избирательный законъ, носящій, какъ телеграфировалъ британскій посланникъ въ Тегеранѣ министру Грею, въ высшей степени демократическій характеръ (a most democratic character"). И въ такомъ возмутительномъ и лживомъ тонѣ писали о демократическомъ характерѣ шахской конституціи, о якобы всеобщей амнистіи, о разбойничьихъ планахъ конституціонныхъ отрядовъ и о великой цивилизаторской дѣятельности казачьихъ войскъ десятки наиболѣе вліятельныхъ англійскихъ газетъ. Болѣе того: лицемѣрная политика Грея по отношенію къ Персіи встрѣтила сочувствіе не только со стороны всей англійской печати (за исключеніемъ, понятно, соціалистической прессы и нѣсколькихъ демократическихъ органовъ, какъ Daily News, Manchester Guardian), но и была оффиціально одобрена на послѣднемъ конгрессѣ либеральной партіи въ Саутпортѣ, гдѣ присутствовало 1.500 делегатовъ, привѣтствовавшихъ единодушными аплодисментами заявленіе предсѣдателя конгресса, указавшаго съ глубокимъ удовлетвореніемъ, что „въ тотъ моментъ, когда возникла персидская опасность, во главѣ британскаго правительства, къ счастью, оказался такой человѣкъ, какъ сэръ Эдвардъ Грей, къ которому съ глубокимъ уваженіемъ и довѣріемъ относится вся страна и весь цивилизованный міръ". (The Manchester Guardian, 2 July 1909).

жественныхъ англійскихъ депутатовъ и общественныхъ дѣятелей и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ персидскому движенію, форсированнымъ маршемъ идутъ впередъ, не обращая вниманія ни на угрозы, ни на увѣщанія великобританскаго и русскаго посланниковъ.

Быстрое и одновременное вступленіе революціонныхъ отрядовъ въ Тегеранъ, выполненное съ замѣчательномъ искусствомъ, неожиданное овладѣніе всѣмъ городомъ послѣ ряда военныхъ маневровъ и трехдневныхъ сраженій 13, 14, 15 іюля, внезапная сговорчивость Ляхова, этого тегеранскаго Стесселя, беззавѣтно храбраго противъ безоружныхъ корреспондентовъ, что не помѣшало ему однако сдаться революціоннымъ отрядамъ, несмотря на то, что казачья бригада имѣла полную возможность продержаться еще нѣсколько дней и тѣмъ дать желанный предлогъ русскимъ войскамъ продолжать наступательное движеніе къ Тегерану — все это какъ будто сразу измѣнило положеніе вещей въ пользу персидскихъ конституціоналистовъ, въ рукахъ которыхъ очутилось центральное правительство и столица страны. Но въ этотъ моментъ англійское и русское правительства, которыя только недавно такъ ревниво будто бы пеклись о введеніи конституціоннаго режима въ Персіи [1]), рѣшительно взяли подъ свое покровительство шаха. Поставивъ почетный караулъ и сильную стражу изъ русскихъ казаковъ и англійскихъ сипаевъ у воротъ нашего посольства, въ которомъ подъ прикрытіе русскаго и англійскаго флаговъ укрылся шахъ, оба правительства взялись за энергичную защиту притязаній свергнутаго тиранна, отказавшагося удалиться изъ предѣловъ раззоренной имъ же страны, пока ему не будетъ обѣщана громадная, крайне обременительная для финансовъ страны пожизненная рента. Стремясь въ данномъ случаѣ къ единственной цѣли—создать всевозможныя затрудненія конституціонной Персіи и поставить новое тегеранское правительство въ зависимость отъ себя, англо-русская дипломатія вынуждаетъ истощенную долгой внутренней войной страну взять на себя обязательство выплатить всѣ частные долги экс-шаха (болѣе 10 милл. фр.) и назначить послѣднему пожизненную пенсію въ 100 тысячъ томановъ (500.000 франковъ). Понятно, что, находясь въ крайне стѣсненномъ финансовомъ положеніи, новое правительство Персіи фатально оказывается вынужденнымъ прибѣгнуть къ заключенію займа у русскаго и англійскаго правительствъ и, такимъ образомъ, теряетъ свободу дѣйствій [2]).

---

[1]) См. Persia № 2. (1909) № 177, стр. 193 etc.

[2]) Русское и англійское правительства согласились дать извѣстную сумму—пять милліоновъ рублей—конституціонному правительству, но подъ условіемъ, чтобы въ сѣверную Персію были приглашены русскіе инструктора для жандармеріи. Это предложеніе встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны персовъ, изъ которыхъ многіе открыто заявляли: „Мы скорѣе умремъ, чѣмъ допустимъ, чтобы у насъ опять хозяйничали русскіе инструкторы“. По этому поводу, The Times, выступая на защиту англо-

Понятно, что и при новомъ конституціонномъ режимѣ русскія войска продолжали оставаться въ Персіи, возбуждая своимъ присутствіемъ и беззаконными дѣйствіями сильную тревогу въ населеніи за будущность страны. Это настроеніе выразилось и въ тронной рѣчи, прочитанной при открытіи меджилиса 2 ноября: „Мы твердо надѣемся—гласитъ эта часть тронной рѣчи—что тревога и печаль, охватившія населеніе Персіи вслѣдствіе присутствія на персидской территоріи иностраннаго войска, въ самомъ скоромъ времени исчезнутъ, благодаря дружественнымъ переговорамъ, къ коимъ приступлено, а также благодаря даннымъ намъ категорическимъ обѣщаніямъ и тѣмъ хорошимъ результатамъ, кои мы въ этомъ отношеніи уже увидѣли“ [1]).

Такъ въ теченіе долгаго періода два чужеземныхъ правительства не переставали терзать несчастную Персію, вмѣшиваясь въ ея внутреннюю жизнь, поддерживая всѣми силами анархію и безпорядокъ въ странѣ и мѣшая развитію послѣдней, при чемъ одно изъ этихъ чужеземныхъ правительствъ, отчасти подчиняясь своимъ собственнымъ влеченіямъ, отчасти дѣйствуя въ угоду своему „другу“, совершаетъ дѣло, за которое правительство самой передовой и свободолюбивой страны въ Европѣ не рѣшило бы само взяться изъ стыда и страха передъ своимъ собственнымъ народомъ и общественнымъ мнѣніемъ цивилизованнаго міра.

Въ условіяхъ современной международной обстановки русская политика въ Персіи, гдѣ наше правительство беретъ на себя роль азіатскаго жандарма, въ угоду, межлу прочимъ, той группѣ великобританскихъ дѣльцовъ, интересы которыхъ такъ ярко представляетъ пресловутая палата лордовъ, стремящаяся въ числѣ другихъ задачъ къ сохраненію во что бы то ни стало деспотическаго режима въ Индіи и борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ

русскихъ предложеній, цинично замѣчаетъ, что вопросъ не въ томъ, готовы ли персы умереть вмѣстѣ съ русскими инструкторами, а въ томъ, можетъ ли Персія жить безъ послѣднихъ, потому что безъ инструкторовъ значитъ—безъ денегъ. *„Русскіе инструкторы и деньги предлагаются вмѣстѣ, а отказъ отъ инструкторовъ есть отказъ отъ денегъ“*. Здѣсь солидарность нѣкоторыхъ слоевъ англійской націи, представителемъ которыхъ является The Times, съ ляховской политикой въ Персіи, выражена какъ нельзя ярче.

1) Эта рѣчь вызвала сердитую отповѣдь со стороны „Новаго Времени“: „Персидское правительство умѣетъ сочинять тронныя рѣчи—иронически замѣчаетъ редакція почтенной газеты—но совершенно безсильно охранять не только общій порядокъ, но даже безопасность иностранныхъ дипломатическихъ представителей... Прибытіе русскихъ войскъ встрѣчено мирнымъ населеніемъ съ признательностью и благословеніями, а вовсе не съ печалью и тревогой!.. Мы можемъ понять тронную рѣчь только какъ проявленіе враждебныхъ чувствъ персидскаго правительства къ Россіи и отмѣтить для будущаго“. Съ какой признательностью и благословеніями встрѣчаетъ прибытіе русскихъ войскъ персидское населеніе, видно хотя бы изъ тѣхъ горячихъ протестовъ, которые недавно вызвала отправка русскаго отряда въ Карадашъ, гдѣ передъ тѣмъ свирѣпствовалъ Рахимъ ханъ со своей бандой.

въ прилегающихъ къ этой области странахъ—такая политика является однимъ изъ безумнѣйшихъ актовъ нашего новаго курса, авантюрой, грозящей намъ въ конечномъ счетѣ бо̀льшими осложненіями, чѣмъ былыя манчжурскія увлеченія. Занятая въ области внѣшней политики, главнымъ образомъ, борьбой съ персидскимъ конституціоннымъ движеніемъ, борьбой, ведущейся ради своекорыстныхъ интересовъ кучки русскихъ бюрократовъ, всей высшей англо-индусской бюрократіи и нѣкоторой части великобританской финансовой биржевой и земельной плутократіи, не имѣя возможности удѣлить должнаго вниманія тому, что̀ происходитъ нынѣ въ Срединной имперіи, на Дальнемъ Востокѣ вообще и сибирскихъ окраинахъ въ частности, гдѣ китайское и японское нашествіе повсюду вытѣсняетъ русское вліяніе и грозитъ экономическимъ завоеваніемъ значительной части Сибири, оффиціальная Россія создаетъ себѣ врага въ возрождающейся, несмотря на всѣ препятствія, Персіи, толкаетъ Турцію, не могущую примириться съ хозяйничаньемъ русскихъ войскъ въ пограничной странѣ, въ объятія тройственнаго союза и обезсиливаетъ себя по отношенію къ болѣе сильнымъ противникамъ въ Европѣ и Азіи.

Англо-русское соглашеніе далеко не оправдало тѣхъ розовыхъ надеждъ, которыя возлагала на него наша бюрократія. Съ финансовой точки зрѣнія Англія оказалась не особенно подходящимъ помѣщеніемъ для русскихъ займовъ, ибо міровая англійская промышленность, пустившая свои корни въ Индіи, Австраліи, Канадѣ, Китаѣ, Турціи, Египтѣ и т. д., сама нуждается въ свободныхъ капиталахъ, и потому Великобританія не можетъ подобно Франціи превращать безпрерывно прибавочную стоимость въ государственныя русскія, испанскія, турецкія, сербскія и др. бумаги. Однако, несомнѣнно все-таки, что соглашеніе съ Англіею содѣйствовало подъему курса русскихъ цѣнностей на международной биржѣ и тѣмъ въ нѣкоторой, хотя и незначительной, степени улучшило финансовое положеніе Россіи.

Англо-русское соглашеніе не могло, конечно, содѣйствовать усиленію нашего дипломатическаго вліянія передъ правительствами другихъ странъ, подъему нашего престижа въ области внѣшней политики, ибо оно не могло уравновѣсить нашего военнаго разгрома на поляхъ Манчжуріи, не могло никого заставить забыть о Мукденѣ и Цусимѣ. Это соглашеніе, поэтому, не предотвратило нашего пораженія на Балканахъ въ столкновеніи съ „гнилой“, „разлагающейся“, „близкой къ распаденію“ Австріей, не пріостановило безпрерывнаго отступленія Россіи передъ Японіей, не помѣшало неудержимому развертыванію и скрытому военно-походному движенію Срединной имперіи, начинающей все грознѣе и грознѣе бряцать на границахъ Россіи своимъ новымъ усовершенствованнымъ оружіемъ, частью выписаннымъ изъ-за границы, частью изготовленнымъ на китайскихъ же заводахъ подъ присмотромъ японскихъ и нѣмецкихъ инструкторовъ.

Но если англо-русское соглашеніе очень мало дало нашей бюрократіи въ финансовомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ, зато оно все-таки оказало и продолжаетъ оказывать серьезное содѣйствіе старому порядку въ его борьбѣ съ революціоннымъ русскимъ движеніемъ. Русское освободительное движеніе проиграло уже потому, что вмѣстѣ съ полюбовнымъ англо-русскимъ соглашеніемъ по вопросу о раздѣлѣ Средней Азіи настроеніе либеральныхъ круговъ Англіи и руководимыхъ ими народныхъ массъ рѣзко измѣнилось въ пользу нашей бюрократіи, противъ нашей оппозиціи. Отнынѣ русская бюрократія получила со стороны англійскаго общественнаго мнѣнія carte blanche для свободнаго дѣйствія въ предѣлахъ имперіи сообразно съ взглядами и желаніями нашихъ черносотенныхъ круговъ. Подобно тому какъ это уже съ давнихъ поръ сдѣлалось закономъ во Франціи, какъ это начинаетъ создаваться и въ Италіи, вся англійская пресса, за исключеніемъ двухъ, трехъ газетъ крайне-демократическаго и соціалистическаго лагеря, рѣшительно перешли со всѣмъ своимъ оружіемъ и богажомъ на сторону русскихъ правящихъ круговъ, и послѣдніе получили новаго могучаго союзника и моральную поддержку съ той стороны, откуда до сихъ поръ имѣли однѣ лишь непріятности. Эта помощь со стороны пятой великой державы-прессы — не могла, конечно, не явиться серьезнымъ оружіемъ въ рукахъ нашего правительства въ борьбѣ съ „крамолой“.

Со стороны цѣлей, которыя англо-русская дипломатія поставила себѣ по отношенію къ Азіи, соглашеніе обѣихъ державъ можетъ быть охарактеризовано, какъ одно изъ самыхъ мрачныхъ явленій международной политики послѣднихъ десятилѣтій. Въ основѣ этого мирнаго договора лежатъ по отношенію къ пробуждающемуся Востоку въ значительной мѣрѣ тѣ же мотивы, которые нѣкогда уже по отношенію къ самой Европѣ вызвали пресловутый Священный Союзъ, стремившійся къ защитѣ „вѣчныхъ началъ нравственности и порядка“, иначе говоря—къ безпощадной войнѣ съ проявленіями въ какой бы то ни было формѣ свободной мысли и особенно оппозиціоннаго настроенія въ народныхъ массахъ на всемъ европейскомъ континентѣ до Пиренейскаго полуострова включительно. Однако нельзя не видѣть, что съ этой стороны англо-русское соглашеніе, несмотря на свой временный успѣхъ, является безусловно мертворожденнымъ дѣтищемъ великобританской дипломатіи, что Россіи и Англіи не удастся помѣшать возрожденію Персіи, пробужденію Афганистана, горныя племена котораго, взбудораженныя подвигами бахтіаровъ, начинаютъ проявлять признаки настроенія, крайне опаснаго для эгоистическихъ плановъ правительствъ обѣихъ странъ, проникновенію новыхъ вліяній въ священный Тибетъ, наконецъ, паденію деспотическаго режима въ Индіи,—однимъ словомъ, не удастся грознымъ окрикомъ „остановись, солнце!“ помѣшать расцвѣту новой жизни въ этихъ отсталыхъ до сихъ поръ странахъ и пріобщенію ихъ къ вели-

кому культурно-политическому движенію, подъ знакомъ котораго развивается нынѣ весь Ближній и Дальній Востокъ.

II.

Россія на Дальнемъ Востокѣ.

А. Россія и Японія.

1) Русско-японская рыболовная конвенція 15 (28) іюля 1907 г. и договоръ о торговлѣ и мореплаваніи.—2) Желѣзнодорожная конвенція и японско-русское соглашеніе о пограничной станціи Куанъ-Ченъ-Тзы.—3) Крушеніе русскаго политическаго и экономическаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ.

Подобно тому, какъ нѣкогда севастопольскій разгромъ положилъ конецъ притязаніямъ Россіи на гегемонію въ Европѣ, Портсмутскій миръ покончилъ съ безсмысленными азіатскими мечтаніями о господствѣ на Тихомъ океанѣ, о постепенномъ захватѣ Китая и прочими фантазіями, въ погонѣ за которыми ежегодно тратились сотни милліоновъ рублей. Но не только пришлось отказаться отъ несбыточныхъ мечтаній, оказалось еще нужнымъ, въ виду необходимости напречь всѣ государственныя силы для борьбы со смутой и внутреннимъ врагомъ, сдѣлать—помимо возвращенія побѣдителю, согласно условіямъ Портсмутскаго мира, половины Сахалина, Портъ-Артура съ Дальнимъ и всѣмъ Ляодунскимъ полуостровомъ и цѣннаго подарка въ видѣ 1.200 километровъ построенной на русскія деньги восточно-азіатской дороги—очень важныя уступки японскимъ притязаніямъ по отношенію къ дальневосточнымъ областямъ, оставшимся за Россіей и возбуждавшимъ аппетиты японской буржуазіи. „Какъ извѣстно, Портсмутскій договоръ имѣлъ во многихъ отношеніяхъ въ сущности прелиминарный характеръ; по нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ въ немъ были намѣчены лишь общія основанія будущихъ спеціальныхъ соглашеній между Россіей и Японіей, а именно торговаго трактата, рыболовной конвенціи и конвенціи о соединеніи желѣзнодорожныхъ линій“ [1]). Понятно, что вся совокупность договорныхъ правъ, формулированныхъ въ соглашеніи 15 іюля 1907 г. и опредѣлявшихъ положеніе обоихъ государствъ въ Азіи вообще и по отношенію къ рыболовной конвенціи на *русской* территоріи въ частности, неизбѣжно должна была носить характеръ, болѣе благопріятный для побѣдителя, чѣмъ для побѣжденнаго, но амплитуда тѣхъ уступокъ, которыя Россія оказалась

---

[1]) См. заявленіе министра иностранныхъ дѣлъ въ засѣданіи Думы 27 февраля, 1908 г.

вынужденной сдѣлать Японіи черезъ 2 года послѣ заключенія Портсмутскаго мира, опредѣлялась, конечно, прежде всего тѣмъ положеніемъ „усиленной“ или „чрезвычайной“ охраны, въ которомъ находилась Россія въ 1907 г.

Переговоры о спеціальныхъ соглашеніяхъ съ Японіей начались сейчасъ же послѣ подписанія Портсмутскаго договора, но подвигались впередъ очень медленно. Начиная съ декабря 1905 г. до конца 1907 г. въ европейской печати нѣсколько разъ распространялись извѣстія о новыхъ трeніяхъ между Россіей и Японіей въ связи съ переговорами о чрезвычайныхъ требованіяхъ японскаго правительства, о шовинистическомъ настроеніи всего японскаго общества, мобилизаціи арміи, возможности прекращенія переговоровъ между обѣими странами и т. п. Но благодаря энергичному посредничеству англійскаго и французскаго правительствъ недоразумѣнія, въ концѣ концовъ, были улажены, 1 (13) іюня 1907 г. была подписана конвенція относительно эксплоатаціи восточно-китайской и южно-манчжурской желѣзныхъ дорогъ [1]) и протоколъ относительно русскаго и японскаго вокзаловъ на станціи Куанъ-Ченъ-Тзы. 15 (28) іюля была подписана русско-японская рыболовная конвенція и торговый договоръ, а 17 (30) іюля соглашеніе общаго политическаго свойства, которое по русской оффиціальной формулировкѣ имѣло цѣлью „упрочить мирныя и добрососѣдскія отношенія, столь счастливо [2]) возстановившіяся между Россіей и Японіей“.

Русская печать какъ консервативнаго, такъ и либеральнаго лагеря [3]), отмѣтила уже въ свое время, что Россія уступила японцамъ больше, чѣмъ обязана была по Портсмутскому трактату, и предоставила имъ въ высшей степени цѣнныя льготы и преимущества по торговлѣ и судоходству безъ соотвѣтствующихъ для Россіи компенсацій. Такъ § 11 Портсмутскаго договора гласитъ: „Россія обязуется войти въ соглашеніе съ Японіей по вопросу о предоставленіи японскимъ подданнымъ правъ рыболовства вдоль русскаго побережья морей Японскаго, Охотскаго и Берингова. Само собой разумѣется, что это обязательство не будетъ нарушать правъ, уже принадлежащихъ

---

[1]) Эксплоатація желѣзно-дорожной вѣтви отъ Портъ-Артура и Дальняго до Мукдена и Іентая передана японскимъ правительствомъ южно-манчжурской желѣзнодорожной компаніи съ капиталомъ въ 200 милліоновъ іенъ. „Japan Mail“ 18 Mai 1907.

[2]) Это выраженіе „счастливо“ вызвало недоумѣніе въ нашей печати. („В. Европы“ 1907, № 9), ибо если это соглашеніе имѣло счастливые результаты для опредѣленныхъ слоевъ японскаго народа, далеко не столь благопріятными оказались эти послѣдствія для нашихъ окраинъ.

[3]) См. „Рѣчь“, сент. 1907, статьи Брянчанинова о торговомъ договорѣ съ Японіей, „Новое Время“ (іюль 1907) ст. о русско-японской рыболовной конвенціи, далѣе „Вѣстникъ Европы“ 1907, № 9, „Вѣстникъ Рыбопромышленности“ и т. д. Въ иностранной литературѣ см. *Paul Labbé* Les accords russo-japonais. Bulletin du comité de l'Asie française, Octobre, 1907. Очень интересныя статьи о русско-японскомъ договорѣ о торговлѣ и мореплаваніи см. „Japan Mail“ за іюль, августъ, сентябрь и октябрь, 1907.

русскимъ подданнымъ и иностраннымъ въ этой области". Вотъ эта-то статья Портсмутскаго договора, формулированная всего въ нѣсколькихъ строчкахъ, и послужила основаніемъ для пресловутой русско-японской рыболовной конвенціи, по поводу которой было пролито столько чернилъ и высказано столько угрозъ въ желтой японской прессѣ. Конвенція предоставила японцамъ право ловить, собирать и обрабатывать всякаго рода рыбу и продукты моря, кромѣ котиковъ и морскихъ бобровъ, вдоль побережья морей Японскаго, Охотскаго и Берингова на спеціально предназначенныхъ для этой цѣли участкахъ, расположенныхъ, какъ на берегу, такъ и на морѣ. Участки эти должны сдаваться въ аренду съ публичныхъ торговъ безъ всякаго различія между японскими и русскими подданными, будь то на долгій срокъ, будь то на короткій. Россійское императорское правительство обязалось не взимать никакихъ пошлинъ съ рыбы и продуктовъ моря, выловленныхъ или собранныхъ въ Приморской и Амурской областяхъ, независимо отъ того, будутъ ли эти рыбы и продукты моря обработаны или не обработаны, разъ они будутъ предназначены для вывоза въ Японію. Собственно говоря, по буквѣ Портсмутскаго договора японцы имѣли право заниматься лишь „рыболовствомъ" (pecherie) [1]) вдоль русскаго побережья, однако, по рыболовной конвенціи они получили право промысла не только рыбъ, но и млекопитающихъ, китовъ, кашелотовъ, устрицъ, черепахъ, морской капусты и вообще всѣхъ продуктовъ моря [2]). Далѣе, имъ предоставлено по конвенціи право не только ловить, но и приготовлять рыбу, стало быть, устраивать на русскомъ берегу собственныя рыбообдѣлочныя заведенія, засольни, коптильни, сушильни, мѣста для ремонта судовъ и т. д., иначе говоря, въ сущности, право воздвигать на русскомъ берегу цѣлые поселки и города съ сплошнымъ японскимъ населеніемъ. Японцы, кромѣ того, получили неограниченное право ловли рыбы и, вообще, продуктовъ моря не только въ прибрежныхъ водахъ, но и въ бухтахъ, заливахъ и лиманахъ нашихъ тихоокеанскихъ владѣній [3]). Но помимо этихъ существенныхъ льготъ, все значеніе которыхъ

---

[1]) „La Russie s'engage à s'entedre avec le Japon pour accorder aux sujets japonais les droits de pecherie le long des côtes des possessions russes dans les mers du Japon d'Okhotsk et de Behring".

[2]) „Условлено, что выраженіе „рыба и продукты моря", употребленное въ рыболовной конвенціи и въ приложенномъ къ ней протоколѣ, будетъ понимаемо въ смыслѣ всѣхъ видовъ рыбы, животныхъ, растеній и другихъ продуктовъ моря за исключеніемъ котиковъ и морскихъ бобровъ". Русско-японская рыболовная конвенція. Протоколъ, статья 13.

[3]) О бухтахъ (inlets), являющихся предметомъ исключенія, упомянутаго въ ст. 1 рыболовной конвенціи, см. протоколъ ст. 1. Японцы потребовали и добились, чтобы терминъ inlet былъ истолкованъ какъ бухта широкая и глубокая, что для нихъ было очень выгодно. Изъ списка 43 бухтъ, являющихся предметомъ исключенія для японской рыболовной дѣятельности, были изъяты семь, при томъ наиболѣе удобныя. По вопросу о рыбной ловлѣ въ Амурскомъ лиманѣ японцы пріобрѣли право кратко-

слишкомъ очевидно, наше правительство, въ своей уступчивости японскимъ притязаніямъ, обязалось не предоставлять за все время дѣйствія рыболовной конвенціи правъ на рыбную ловлю переселенцамъ или туземнымъ племенамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже будутъ открыты рыболовные участки. (Изъ протокола рыболовной конвенціи, ст. 4).

Рыболовная конвенція представляетъ собой для Японіи фактъ колоссальной экономической важности, равносильной по своему значенію безвозмездному полученію Японіей съ Россіи ежегоднаго подарка, цѣнность котораго не поддается пока даже исчисленію. Русское побережье Тихаго океана въ необычайной степени богато всѣми видами рыбы, млекопитающихъ морскихъ животныхъ, растеній и т. д., особенно различными родами сельди, лососевыхъ [1]), осетровыхъ, китовидныхъ и т. д. Японія—страна бѣдная по природнымъ богатствамъ. Она живетъ культурой индиго и въ особенности риса и шелковицы. Японцы питаются различными видами семги (лосось), сельдь же употребляется, какъ предметъ удобренія. Нѣкогда японцы удобряли свои поля стручками китайскихъ и корейскихъ бобовъ. Удобреніе сельдью стоитъ въ пять разъ дороже, чѣмъ удобреніе стручками бобовъ, но за то химическое могущество рыбнаго удобренія въ десять разъ превышаетъ дѣйствіе растительнаго удобренія. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ рыболовства на русскомъ побережьѣ представляетъ собой для Японіи вопросъ жизни и смерти. Ясно, что, ставъ одной ногой на русской территоріи, японцы не успокоятся, пока фактически не завладѣютъ нашимъ тихоокеанскимъ побережьемъ. Казалось, что наше правительство, дѣлая столь важныя уступки японцамъ, сумѣетъ добиться какихъ-либо компенсацій для Россіи. Но, увы, всѣ компенсанціи со стороны Японіи сводятся къ слѣдующему пункту, этому заключительному аккорду русско-японскаго договора: „Японское правительство не будетъ взимать не только ввозныхъ пошлинъ, упомянутыхъ въ статьѣ XII, но и никакихъ пошлинъ, налоговъ или сборовъ, подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, на рыбу и продукты моря, выловленные или собранные въ русскихъ водахъ Приморской и Амурской областей и ввозимые въ Японію, независимо отъ того, будутъ ли эти рыбы и продукты моря обработаны или нѣтъ“. Однимъ словомъ, Японія великодушно отказывается налагать пошлину на продукты первой необходимости, безъ которыхъ она жить не можетъ, при томъ на продукты, выловленные, какъ правило, японскими же рыбаками. Такимъ образомъ, озна-

---

срочной аренды рыболовныхъ участковъ, расположенныхъ на разстояніи отъ $^1/_2$ до 1 версты отъ участковъ русскихъ; при этомъ и японскіе предприниматели получили право нанимать японскихъ рабочихъ.

1) Общая добыча однихъ только только лососевыхъ на русскомъ тихоокеанскомъ побережьи исчисляется приблизительно 35.000.000 рыбъ въ 1907 г. см. „Пріамурье“, Москва, 1909, стр. 263.

ченная компенсація оказывается очень выгодной для населенія Японіи, но ея значеніе для русскаго населенія нашего Тихо-океанскаго побережья сводится къ минимуму.

Уже при первыхъ извѣстіяхъ о содержаніи русско-японской рыболовной конвенціи можно было предвидѣть, что осуществленіе ея поведетъ въ самомъ ближайшемъ времени къ японизаціи всего нашего Тихо-океанскаго побережья,—перспектива, которая будто бы такъ страшила нашихъ руссификаторовъ. Но необходимость пріобрѣсть полную свободу дѣйствій внутри страны естественно толкала нашихъ патріотовъ къ сговорчивости по отношенію къ внѣшнему врагу и къ такимъ уступкамъ, которыя отнюдь не вытекали изъ буквы и духа Портсмутскаго договора. Прежде всего нужно было исполнить Аннибалову клятву подавить смуту, а потомъ только можно было бы подумать о защитѣ жизненныхъ интересовъ государства [1]) противъ притязаній со стороны „внѣшнихъ враговъ".

„Договоръ о торговлѣ и мореплаваніи", уравнявшій права русскихъ и японскихъ подданныхъ безъ уравненія гражданскихъ правъ и политическаго режима нашей дальне-восточной окраины съ режимомъ, господствующимъ въ культурной и конституціонной Японіи, естественно могъ только усугубить серьезность положенія, созданнаго рыболовной конвенціей во всемъ Амурскомъ и Уссурійскомъ краѣ, на Камчаткѣ и вообще вдоль всего русскаго побережья Тихаго океана. Завершеніе японизаціи этого края, сдѣлавшей гигантскіе успѣхи за истекшіе два года, представляетъ собой лишь вопросъ времени [2]).

Японо-русское соглашеніе о пограничной станціи Куанъ-Ченъ-Тзы 15 (28) іюля 1907 г. закончило циклъ главныхъ конвенцій, вытекавшихъ изъ Портсмутскаго договора. И въ этомъ вопросѣ наше правительство сдѣлало такую уступку японскимъ притязаніямъ, на которую Японія не имѣла никакихъ правъ по духу и буквѣ мирнаго договора. Въ моментъ подписанія послѣдняго упомянутая станція находилась въ русскихъ, а не въ японскихъ рукахъ. По статьѣ VI Портсмутскаго договора японцамъ уступленъ

---

[1]) О значеніи рыбныхъ промысловъ для русскаго населенія нашего Тихо-океанскаго побережья см. между прочимъ „Пріамурье", Москва, 1909, стр. 226—265.

[2]) „Въ мѣстахъ, открытыхъ для японскаго лова, русскимъ промышленникамъ, повидимому, придется оставить поле дѣйствія, потому что конкурренція съ японцами, располагающими болѣе дешевымъ трудомъ и имѣющими собственный рынокъ сбыта, едва-ли окажется имъ по силамъ. Въ будущемъ это обстоятельство можетъ имѣть и болѣе важныя послѣдствія, такъ какъ возможно, что амурскимъ рыбопромышленникамъ придется столкнуться съ конкурренціей японцевъ и на міровомъ рынкѣ. „Пріамурье", стр. 258. Въ общемъ, современное положеніе русской рыболовной промышленности на Дальнемъ Востокѣ вполнѣ оправдало пессимистическія предсказанія Paul Labbé насчетъ неизбѣжныхъ результатовъ русско-японской рыболовной конвенціи, см. „Bulletin du comité de l'Asie française", Octobre, 1907.

участокъ Восточно-Китайской желѣзной дороги въ Манчжуріи отъ Портъ-Артура до Куанъ-Ченъ-Тзы. Объ уступкѣ Портъ-Артура имѣется въ договорѣ спеціальная статья (V), что же касается Куанъ-Ченъ-Тзы, то, подписывая Портсмутскій договоръ, Витте предполагалъ, что уступается только дорога до этой станціи, а вовсе не сама станція [1]). Однако, и въ этомъ пунктѣ Россіи волей-неволей пришлось уступить японскимъ притязаніямъ. Упомянутая станція была признана принадлежащей по договору японцамъ, кои и перепродали ее обратно русскимъ уполномоченнымъ за полмилліона рублей. На эти деньги, полученныя отъ продажи жалкихъ станціонныхъ лачугъ Куанъ-Ченъ-Тзы, японцы и выстроили на той же станціи новый уже прекрасно оборудованный вокзалъ. Соглашеніе 15 (28) іюля, подтвердившее прелиминарный договоръ 13 іюня [2]), урегулировало вопросъ о соединеніи японской и русской вѣтвей Манчжурской желѣзной дороги. Было обусловлено, что узкоколейная Южно-Манчжурская желѣзная дорога будетъ продолжена отъ Шантунга—своего прежняго конечнаго пункта—именно до Куанъ-Ченъ-Тзы, русская же ширококолейная Восточно-Китайская желѣзная дорога будетъ продолжена до новаго вокзала, который японцы выстроили на русскія деньги въ Куанъ-Ченъ-Тзы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по этому соглашенію угольныя копи, находящіяся въ районѣ упомянутой станціи и считавшіяся собственностью русской Восточно-Китайской желѣзной дороги, перешли въ руки японцевъ, что, конечно, равносильно было уплатѣ новой контрибуціи въ пользу послѣднихъ.

Недавнее японо-китайское соглашеніе по вопросу объ Антунгъ-Мукденской желѣзной дорогѣ является какъ бы похоронной пѣснью, послѣднимъ гвоздемъ, вбитымъ рукой исторической Немезиды въ гробъ, гдѣ покоятся великіе планы Безобразовыхъ, Алексѣевыхъ, Бирилевыхъ о господствѣ надъ Тихимъ океаномъ, о захватѣ Кореи, Іессо, о владычествѣ надъ многомилліоннымъ Китаемъ, къ которому протягивались уже цѣпкія руки не только нашихъ, но и всѣхъ европейскихъ и американскихъ хищниковъ. Немного воды утекло съ той поры, а новые пришельцы уже окончательно утвердились на обильно орошенной кровью бѣдныхъ японскихъ и русскихъ солдатъ территоріи и проложили двѣ великія желѣзнодорожныя линіи вдоль пути, по которому черезъ трупы „своихъ“ и „чужихъ“ побѣдно прошли легіоны микадо. Обѣ эти стальныя шпаги, рукоятки которыхъ покоятся въ крѣпкихъ японскихъ рукахъ въ Антунгѣ и Портъ-Артурѣ, а остріе упирается въ одну точку—Мукденъ, врѣзываются въ сердце Манчжуріи и даютъ Японіи громадное стратегическое преимущество въ войнѣ съ сѣвер-

---

1) См. свидѣтельство А. Н. Брянчанинова. „Рѣчь“, 1908. № 5.
2) Japan Mail, 1 Juin, 1907.

нымъ или южнымъ соперникомъ, а въ случаѣ нужды, и на оба фронта. Отъ грандіознаго военнаго и бюрократическаго аппарата, созданнаго съ цѣлью утвержденія нашей гегемоніи на Дальнемъ Востокѣ и Тихо-океанскомъ побережьи, ничего не осталось, кромѣ громадныхъ расходовъ, оплаченныхъ пока лишь кровью и жизнью сотенъ тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ. Болѣе того, въ то время, какъ Портъ-Артуръ съ Ляодунскимъ полуостровомъ и вся южная вѣтвь выстроенной на русскія деньги Китайско-Восточной Манчжурской дороги превратилась лишь въ неприступную твердыню, глядящую зіяющими дулами своихъ орудій одновременно и на Пекинъ, и на Иркутскъ, сѣверная вѣтвь той же дороги, которую лучше всего нужно было бы, и какъ можно скорѣе, продать Китайцамъ, даетъ лишь дефицитъ [1]) и понынѣ, ложась тяжкимъ бременемъ на нашъ бюджетъ. Являясь крайне слабымъ орудіемъ колонизаціи дальневосточной окраины русскимъ элементомъ, эта вѣтвь служитъ, наоборотъ, могучимъ проводникомъ всерастущаго вліянія желтой расы на нашей территоріи, пособникомъ побѣдоноснаго движенія вашихъ сосѣдей къ центральнымъ областямъ Восточной Сибири. Только немедленное введеніе на этихъ окраинахъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, подъемъ культуры и народнаго образованія, полная свобода артельнаго, кооперативнаго и профессіональнаго рабочаго движенія, далѣе привлеченіе опытнаго и предпріимчиваго въ торговыхъ дѣлахъ населенія Россіи къ экономической войнѣ за русское вліяніе на Дальнемъ Востокѣ могло бы остановить неудержимое при данныхъ условіяхъ движеніе китайскаго и японскаго капитала на дальневосточныя окраины [2]) и экономическое завоеваніе этихъ областей желтымъ элементомъ, якобы столь страшное нашимъ патріотамъ.

---

[1]) Въ общемъ, на территорію, по которой проходитъ эта злополучная дорога, было израсходовано около полутора милліардовъ рублей. Эти затраты неокончились и продолжаются до сихъ поръ; ежегодно на нужды К. В. ж. дороги русское казначейство выплачиваетъ до 26.000.000 рублей и при этомъ нужно помнить, что эти расходы никогда не окупятся. *Чѣмъ больше будетъ затрачено этихъ денегъ, чѣмъ лучше будетъ оборудована дорога, тѣмъ больше выгодъ Китаю, такъ какъ черезъ 80 лѣтъ по концессіонному договору дорога и все принадлежащее ей имущество должны быть отданы Китаю безвозмездно.* (Изъ рѣчи, произнесенной министромъ финансовъ Коковцовымъ въ Харбинѣ, на собраніи главныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ 12 окт. 1909).

[2]) Для борьбы съ желтой иммиграціей наши оффиціальные мудрецы не придумали ничего другого, кромѣ обложенія китайскихъ переселенцевъ 5 рублевымъ сборомъ. Не говоря уже о томъ, что эта мѣра совершенно безполезна въ борьбѣ съ желтой опасностью и что дальнѣйшія репрессіи по отношенію къ иностранцамъ являются непримѣнимыми въ виду условій Портсмутскаго договора, обязавшаго насъ предоставить иностраннымъ подданнымъ пользоваться тѣми правами на Дальнемъ Востокѣ, какими они пользовались дотолѣ, очевидно, что экономическое завоеваніе русской окраины совершается не этими невзыскательными пришельцами, которые, наоборотъ, берутся за такія тяжкія работы по „оттаптыванію земли“ и т. д., каковыя оказываются не подъ силу и не по вкусу сибирскому крестьянину, пользующемуся непритязательностью желтолицаго труженика, охотно идущаго въ кабалу ко всякому покупаю-

Б. Россія и Китай.

1) Русско-китайское отношеніе 1907 г.—2) Вопросъ о русской юрисдикціи въ полосѣ отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги и обостреніе русско-китайскихъ отношеній.

2 (15) апрѣля 1907 г. истекалъ 18-ти мѣсячный промежутокъ, опредѣленный Портсмутскимъ договоромъ для эвакуаціи Манчжуріи. 8 апр. эвакуація была закончена, осталась только желѣзно-дорожная стража. За русскими, какъ и за японцами, было сохранено право содержать въ Манчжуріи военную стражу, по 15 человѣкъ на одинъ километръ желѣзнодорожнаго пути; такимъ образомъ число русскихъ военныхъ силъ не могло превышать 27.000 человѣкъ, а японскихъ—14.500.

Въ іюлѣ 1907 г. было заключено *русско-китайское соглашеніе* относительно Манчжурской желѣзной дороги, основные пункты котораго заключаются въ слѣдующемъ. По обѣимъ сторонамъ дороги была учреждена свободная зона, шириной въ 100 китайскихъ ли; товары, провозимые по желѣзной дорогѣ, платятъ $^2/_3$ пошлины; въ Харбинѣ площадь около вокзала, обнимающая окружность, имѣющую радіусъ въ 24 ли, объявлена свободной зоной, въ 16 станціяхъ радіусъ свободной окружности опредѣленъ въ 10 ли. Конвенція заключена въ видѣ опыта на одинъ годъ. Но всѣ эти конвенціи не могли уже имѣть для Россіи того значенія, какое имѣли въ прежнія времена всѣ наши договоры съ Китаемъ, дававшіе возможность нашему правительству все дальше и дальше проникать на территоріи Срединной имперіи и утверждать здѣсь господство русскаго штыка и казацкой нагайки на мѣсто архаическихъ китайскихъ бамбуковыхъ палокъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ разгрома русскихъ военныхъ силъ на поляхъ Манчжуріи явилось паденіе прежняго русскаго престижа въ Пекинѣ, основывавшагося исключительно на страхѣ китайскаго правительства передъ мнимой силой русской арміи и уваженія къ священнымъ основамъ русскаго государственнаго строя. „Противъ Россіи мы ничего не имѣемъ“ говорилъ одинъ изъ вождей черносотеннаго боксерскаго движенія Жонъ-лу, а съ ея помощью мы можемъ вызвать на бой весь міръ“. И нигдѣ упадокъ русскаго престижа не сказался такъ сильно, какъ въ столицѣ Китая. Отнынѣ бюрократія Срединной имперіи считается уже прежде всего съ Германіей, Англіей, Франціей, Америкой и особенно Японіей, ибо дорога въ Пекинъ лежитъ нынѣ черезъ Портъ-Артуръ, и если Японская Формоза можетъ отрѣзать

щему его услуги; это завоеваніе русской области совершается японскимъ капиталомъ, который со времени отмѣны porto-franco въ Пріамурьѣ, начинаетъ понемногу эмигрировать на русскую территорію и подчинять ее своему вліянію.

путь къ Пекину съ юга, Японо-Манчжурская желѣзная дорога грозно протягивается, какъ осадная параллель, вдоль сѣверо-восточнаго фронта. Но именно поэтому въ нѣкоторыхъ органахъ китайской прессы все чаще и чаще высказывается мысль о необходимости экономическаго и политическаго сближенія съ Россіей, соприкасающейся съ китайской границей на протяженіи тысячъ километровъ, но понятно съ новой, нарождающейся Россіей, а не съ старой, оставившей по себѣ въ сердцахъ китайцевъ много тяжкихъ воспоминаній, благодаря всякаго рода звѣрствамъ, въ родѣ Благовѣщенскаго потопленія, примѣненія истязаній и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, не говоря уже о простыхъ смертныхъ, даже къ китайскимъ мандаринамъ за отказъ уступить тому или другому русскому чиновнику облюбованный послѣднимъ земельный участокъ, законно принадлежащій данному мандарину, и т. п. [1]). И нынѣшняя политика русскаго правительства лишь усиливаетъ недовѣріе китайцевъ къ Россіи и грозитъ ей серьезными послѣдствіями на Дальнемъ Востокѣ.

Особенно роковое вліяніе на русско-китайскія отношенія имѣлъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ пресловутый вопросъ о русской юрисдикціи въ полосѣ отчужденія Сѣверо-Манчжурской желѣзной дороги, т. е. на линіи Харбинъ—Хайларъ. По русско-китайской конвенціи 1896 г., Россіи, собственно обществу Восточно-Китайской желѣзной дороги, было предоставлено „абсолютное и исключительное право“ осуществлять административную власть надъ русскими и иностранными подданными въ полосѣ отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги, при чемъ границы этого абсолютнаго и исключительнаго права не были твердо установлены и, въ зависимости отъ той или другой политической и международной конъюнктуры, характеризовались большей или меньшей растяжимостью. Конечно, это обстоятельство могло имѣть громадное значеніе въ дѣлѣ осуществленія грандіозныхъ плановъ постепеннаго превращенія Манчжуріи въ Желто-Россію и потому какъ нельзя лучше соотвѣтствовало захватной политикѣ нашихъ дальне-восточныхъ авантюристовъ, но Портсмутскій миръ отнялъ всякую юридическую базу у этихъ притязаній и свелъ къ нулю значеніе русско-китайской конвенціи 1896 г., создавъ почву для превращенія аренднаго и административнаго права общества В.-К. ж. д. въ простую желѣзно-дорожную концессію, отличающуюся отъ другихъ европейскихъ концессій только правомъ Россіи содержать воинскую охрану на линіи дороги. По третьей статьѣ Портсмутскаго договора Россія и Японія обязались возвратить въ исключительное управленіе Китая *вполнѣ и во всемъ объемѣ* (entierly and completely) всѣ части Манчжуріи—за исключеніемъ

---

[1]) „Наша „культурная“ дѣятельность въ Китаѣ (по оффиціальнымъ документамъ)“. „Рѣчь“, 1908, № 2.

Портъ-Артура и Ляодунскаго полуострова—при чемъ „Россійское императорское правительство объявляетъ, что оно не обладаетъ въ Манчжуріи земельными преимуществами либо преференціальными или исключительными концессіями, могущими затронуть верховныя права Китая или несовмѣстимыя съ принципомъ равноправности".

Но въ томъ-то и дѣло, что русская юрисдикція въ полосѣ отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги затрагиваетъ, съ одной стороны, верховныя права Китая, а съ другой, противорѣчитъ принципу равноправности, ибо она ставитъ Россію на китайской территоріи въ исключительно привилегированное положеніе сравнительно съ другими европейскими государствами, и потому нельзя было не ждать, что даже самое осторожное пользованіе правами и преимуществами, вырванными у Китая въ 1896 г., когда Срединная имперія была безконечно слаба, а Россія, наоборотъ, пользовалась общепризнаннымъ престижемъ всемогущества и непобѣдимости, вмѣстѣ съ паденіемъ этого престижа вызоветъ неизбѣжно серьезныя тренія между Россіей, съ одной стороны, возрождающимся и осмѣлѣвшимъ Китаемъ и прочими, заинтересованными въ манчжурскомъ вопросѣ, государствами,—съ другой.

Упомянутая выше третья статья Портсмутскаго договора была истолкована многими правительствами, какъ возвращеніе подъ власть Китая не только частей Манчжуріи, занятыхъ по случаю войны, но и полосы отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги. Починъ былъ сдѣланъ Соединенными Штатами, назначившими въ 1906 г. въ Харбинъ американскаго консула, который получилъ *exequatur* отъ китайскаго правительства, а не отъ русскихъ властей. Въ слѣдующемъ 1907 г. примѣру Соединенныхъ Штатовъ послѣдовали Японія, учредившая, съ согласія Китая, генеральное консульство въ Харбинѣ, Бельгія, Франція, Германія, Англія, пославшія въ Харбинъ вице-консуловъ съ китайскими exequatur. Наконецъ, само русское правительство назначило въ Харбинъ нашего вице-консула (кн. Мещерскій), а скоро послѣ того и генеральнаго консула (генералъ Хорватъ). Этимъ самымъ наше правительство признало Харбинъ китайской территоріей, управляемой китайскими властями, представлять передъ которыми Россію и были, очевидно, назначены князь Мещерскій и генералъ Хорватъ, и этимъ самымъ какъ бы санкціонировалась самой Россіей та статья Портсмутскаго договора, которая гласитъ, что во всѣхъ частяхъ Манчжуріи, за исключеніемъ Портъ-Артура съ Ляодунскимъ полуостровомъ, возстановляется вполнѣ и во всемъ объемѣ исключительно китайская администрація. Однако, отсутствіе послѣдовательности въ этомъ отношеніи вызвало для Россіи цѣлый рядъ непріятныхъ осложненій съ другими странами.

Первый серьезный конфликтъ съ Китаемъ возникъ въ началѣ 1908 г.,

когда правленіе Русско-Китайской дороги, опираясь на ст. VI желѣзнодорожной конвенціи 1896 г., предприняло крупную административную реформу въ предѣлахъ полосы отчужденія и рѣшило ввести новую муниципальную систему въ трехъ пунктахъ: въ Харбинѣ, Хайларѣ и поселкѣ при станціи Манчжурія. Однако, уже первый шагъ къ введенію этой реформы вызвалъ рѣшительный протестъ со стороны намѣстника Манчжуріи, который отвергъ въ основѣ какія бы то ни было права Россіи на администрацію въ полосѣ отчужденія, а затѣмъ и центральнаго китайскаго правительства, немедленно протестовавшаго въ оффиціальной нотѣ, адресованной представителямъ иностранныхъ державъ въ Пекинѣ, противъ незаконныхъ дѣйствій Россіи. Такъ возникъ *харбинъ-хайларскій инцидентъ* 1908 г., надѣлавшій въ свое время много шуму въ китайской и международной прессѣ. Американскій консулъ въ Харбинѣ, въ свою очередь, протестовалъ противъ русской юрисдикціи въ полосѣ отчужденія, и его протестъ былъ поддержанъ государственнымъ секретаремъ Соединенныхъ Штатовъ Рутомъ. Это было очень важно, такъ какъ представляло собой опасный для Россіи прецедентъ. И, дѣйствительно, уже въ слѣдующемъ году, хотя по другому поводу, международная пресса снова запестрѣла статьями подъ заголовкомъ „*Харбинскій инцидентъ*“. Теперь дѣло шло уже о столкновеніи между германскимъ консуломъ въ Харбинѣ и русской судебной властью по дѣлу нѣмецкаго товарищества пивовареннаго завода „Харбинъ“, при чемъ обнаружилось, что какъ частные германскіе подданные, проживающіе въ Манчжуріи, такъ и оффиціальные представители германскаго правительства рѣшительно не признаютъ юрисдикціи мѣстнаго русскаго суда и правъ мѣстной русской администраціи [1]).

Эти инциденты вызвали сильное волненіе въ правящихъ кругахъ Японіи, ибо послѣдняя имѣетъ столько же правъ на Южную Манчжурію, сколько

---

[1]) Какъ только были опубликованы первыя телеграммы о томъ, что русская судебная власть „осмѣлилась“ нарушить экстерриторіальность германскихъ подданныхъ въ Китаѣ и сдѣлала попытку приступить къ аукціонной продажѣ имущества нѣмецкаго завода „Харбинъ“, причемъ германскій консулъ, защищая интересы своихъ согражданъ, поднялъ германскій флагъ надъ воротами завода и будто бы смертельно ранилъ въ порывѣ патріотическаго негодованія русскаго пристава, почти вся нѣмецкая печать разразилась угрозами по адресу Россіи. О тонѣ нѣмецкой прессы можно судить хотя бы по слѣдующему образцу изъ уравновѣшенной и спокойной обыкновенно, Berliner Tageblatt: „Безполезно обсуждать мотивы, которые могутъ привести русскіе, чтобы оправдать ихъ скандальный образъ дѣйствій. Русскіе все еще считаютъ себя хозяевами въ Манчжуріи. Остается только принять самыя суровыя мѣры, чтобы защитить въ этой области интересы международной торговли“. Можно думать, чт пресловутое скандальное дѣло „Ангальтъ“ о наложеніи ареста на русскія государственныя деньги, находящіяся въ Берлинѣ, въ виду отказа Россіи уплатить долгъ в $3^1/_2$ милл. марокъ, присужденный въ пользу авантюриста Хельфельда мѣстнымъ германскимъ судомъ въ Кіао-Чау, явилось отместкой со стороны германскихъ властей за дерзкую попытку наложить арестъ на имущество нѣмецкаго завода по рѣшеніе какого то русскаго окружнаго суда въ Харбинѣ.

*

Россія на Сѣверную. Вчерашніе враги находятся въ одинаковомъ положеніи по отношенію къ Китаю, С.-Амер. Соед. Штатамъ и другимъ заинтересованнымъ державамъ.

И это обстоятельство, на-ряду со страхомъ оффиціальной Россіи передъ военной силой Японіи, неспособностью нашей бюрократіи окончательно отказаться отъ продолженія дальневосточной авантюры и желаніемъ сохранить какой бы то ни было цѣной жалкіе, хотя и дорого стоющіе русскому народу, остатки былого величія на манчжурской территоріи, толкаютъ патріотическую Русь къ военному союзу со страной Микадо, противоестественному союзу, въ которомъ Россіи придется играть роль Италіи, бросившейся въ объятія Австріи столько же изъ-за желанія сохранить свое вліяніе въ Тунисѣ и вообще Сѣверной Африкѣ, поскольку и изъ страха передъ военной силой Австріи и стремленія обезоружить послѣднюю лицемѣрной дружбой съ ней на жизнь и на смерть.

III.

Россія на Балканахъ.

1) Русско-австрійское соглашеніе 1897 г. — 2) Мюрцштегское соглашеніе 1903 г. — 3) Балканская политика Россіи отъ Портсмутскаго мира до нашихъ дней.

Послѣ того, какъ въ результатѣ русско-турецкой войны съ ея безчисленными жертвами, деньгами и людьми и тяжелымъ наслѣдіемъ, оставленнымъ ею въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ, нашей бюрократіи не удалось, благодаря черной неблагодарности, обнаруженной нашими славянскими „братушками“, превратить Болгарію въ Дунайскую губернію и создать здѣсь опорную базу для дальнѣйшаго наступательнаго движенія на Константинополь, пріостановленнаго въ 1878 г., русское правительство круто измѣнило политику по отношенію къ балканскимъ единовѣрцамъ и поставило своей задачей рѣшительную борьбу съ стремленіями славянскихъ народностей къ независимости и освобожденію отъ Турціи. Филиппопольскій переворотъ въ сентябрѣ 1885 г.—соединеніе бывшей Восточной Румеліи съ Болгарскимъ княжествомъ, совершившійся при тайномъ содѣйствіи великобританской дипломатіи, возбудилъ глубокое негодованіе въ русскихъ оффиціальныхъ кругахъ, увидѣвшихъ въ этомъ актѣ злыя козни „англичанки“, стремящейся созданіемъ осложненій на Ближнемъ Востокѣ отвлечь вниманіе Россіи отъ Персидскаго залива и индійскихъ границъ, и знаменовалъ крутой поворотъ въ позиціи и балканской политикѣ обѣихъ державъ: Англіи, повернувшей фронтъ и ставшей на сторону балканскихъ народностей противъ Турціи, и Россіи, поднявшейся на

защиту священныхъ правъ султана противъ нашихъ неблагодарныхъ братушекъ. Извѣстно, что въ октябрѣ 1895 г. уже не Россія, а Англія выступила съ проектомъ раздѣла Оттоманской имперіи [1]).

Сильное антирусское движеніе въ Болгаріи, въ значительной мѣрѣ вызванное интригами нашихъ дипломатовъ и преступными дѣйствіями въ княжествѣ русскихъ агентовъ-провокаторовъ [2]), приведшее къ пресловутой стамбуловщинѣ (1886—1895), которая при всѣхъ своихъ ошибкахъ и преступленіяхъ означала естественный, хотя и выразившійся въ уродливой формѣ, вызовъ, брошенный молодымъ, пробуждающимся къ новой жизни, народомъ старой Россіи и ея агрессивнымъ планамъ на Балканахъ; далѣе возмутительное поведеніе нашей дипломатіи въ періодъ армянскихъ погромовъ и страшной армянской рѣзни, когда на улицахъ Трапезунда, Битлиса, Діарбекира, Цезареи и въ самомъ Константинополѣ (авг. 1896 г.) въ двухъ шагахъ отъ европейскихъ посольствъ, подъ ножами и ятаганами оффиціальныхъ убійцъ падали преслѣдуемые, какъ дикіе звѣри, армяне, при чемъ погибло около 300.000 жертвъ, и Россія помѣшала Англіи заступиться за послѣднихъ, мотивируя свой безчеловѣчный образъ дѣйствій нежеланіемъ, чтобы изъ Арменіи создалась 2-ая Болгарія (another Bulgaria) [3]), цѣлый рядъ другихъ фактовъ — все это ярко иллюстрируетъ новый курсъ русской политики по отношенію къ турецкимъ христіанамъ. Вмѣстѣ съ этимъ рѣзко проявляется тенденція къ сближенію съ антиславянской Австріей „въ силу общихъ симпатій къ консервативнымъ и аристократическимъ началамъ“ [4]). Балканская политика Россіи начинаетъ руководиться не столько *славянскими*, сколько *консервативными* принципами, при чемъ, очевидно, примѣненіе революціонныхъ методовъ борьбы — военные заговоры (сверженіе съ престола князя Александра Баттенбергскаго въ 1886 г., дѣло маіора Паницы 1890 г.), динамитныя бомбы и организація террористическихъ покушеній (подготовленіе убійства князя Фердинанда Болгарскаго 1888)—допускается лишь постольку, поскольку сіе можетъ вести къ торжеству консервативныхъ принциповъ и побѣдоносной борьбѣ съ болгарскими мечтаніями о независимости, о „демокра-

---

[1]) *Victor Berard.* La Revolution turque, p. 296. Paris, 1909.

[2]) См. *Leonow*, Geheime Documente per Russichen Orient Politik, 1881—1890. Berlin, 1893. Переводъ книги, напечатанной въ Софіи, въ типографіи бывшаго органа болгарскаго правительства „Свобода“. Предисловіе къ этой книгѣ написано болгарскимъ президентомъ палаты Петковымъ, а фактическимъ издателемъ ея былъ тогдашній министръ президентъ Стамбуловъ. Нѣкоторые документы изъ означенной книги цитировались, между прочимъ, въ рѣчи депутата Покровскаго на засѣданіи Думы 13 дек. 1908 г.

[3]) Заявленіе русскаго министра иностранныхъ дѣлъ кн. Лобанова-Ростовскаго англійскому послу въ Петербургѣ по поводу проекта автономіи Арменіи.

[4]) Выраженіе Н. А. Комарова, занимавшаго недавно отвѣтственный постъ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ: см. его статью. *Komaroff.* L'Autriche Hongrie et la Russie devant la question d'Orient, Le Correspondant, 1905, 25 sept.

тическомъ“ режимѣ, о „Болгаріи для болгаръ“, однимъ словомъ, къ сохраненію statu quo, противъ котораго нѣкогда боролась Россія.

Первое соглашеніе между Россіей и Австріей послѣ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. было заключено въ 1897 г. Это соглашеніе явилось результатомъ стремленій правительствъ обѣихъ странъ помѣшать Франціи и Англіи нарушить священныя права султана и поколебать statu quo на Балканахъ. Македонское возстаніе 1896 г., волненія на Критѣ, страшная армянская рѣзня вызвали взрывъ общественнаго негодованія въ Европѣ. Въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ были организованы грандіозные митинги, гдѣ представители всѣхъ слоевъ общества и самыхъ различныхъ партій, начиная отъ соціалистической и кончая консервативными, разоблачали всѣ ужасы турецкаго режима и звѣрства краснаго султана; англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Салисбюри на банкетѣ лорда-мэра 10 ноября 1896 г., ссылаясь на библію, угрожалъ султану гнѣвомъ Всевышняго и предвѣщалъ близкую гибель Оттоманской имперіи. Но репрессіи по отношенію къ султану не входили ни въ планы Австріи и стоявшей за ней Германіи, ни тѣмъ болѣе въ планы Россіи. Во время своего пребыванія въ Парижѣ русскій министръ Шишкинъ заявилъ французскому министру Ганото, что „всякая мѣра понужденія по отношенію къ Турціи крайне непріятна“.

То былъ періодъ, когда Россія, очертя голову, мчалась по направленію къ свободному выходу на Тихомъ океанѣ. Въ ноябрѣ 1897 г. на совѣтѣ министровъ, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Государя, рѣшается вопросъ о занятіи Портъ-Артура [1]). Прежде чѣмъ отправиться въ такое продолжительное путешествіе, нужно было принять нѣкоторыя предосторожности по отношенію къ ближайшимъ сосѣдямъ. Заключеніе австро-русскаго соглашенія послѣ свиданія императора Франца-Іосифа съ Императоромъ Николаемъ II въ Петербургѣ давало возможность надѣяться на сохраненіе порядка и спокойствія на Балканахъ, пока Россія покончитъ свои дѣла на Дальнемъ Востокѣ. По характерному выраженію Милюкова въ его отвѣтной рѣчи Извольскому на засѣданіи Государственной Думы 4 апрѣля 1908 г.: „Въ 1897 г. мы положили тяжелый камень на Балканы, чтобы удержать тамъ все на мертвой точкѣ, въ положеніи неизмѣнномъ и неприкосновенномъ до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ имѣть вновь свободы и досуга заняться Балканами“ [2]). Петербургское и вѣнское правительства даютъ понять urbi et orbi, что они не потерпятъ никакого вмѣшательства извнѣ въ турецкія дѣла,

---

[1]) „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка“, томъ II, стр. 11.

[2]) Еще болѣе рѣзко характеризуетъ значеніе австро-русскаго соглашенія Викторъ Бераръ: „Австро-русское соглашеніе тяготѣло съ 1896 г. надъ балканскими государствами въ интересахъ „охраны statu quo и общаго мира“, иначе говоря въ интере-

никакого бунта внутри. 29 апрѣля 1897 г. правительства Черногоріи, Сербіи и Болгаріи получаютъ предостереженіе, что оба императора, встрѣтившись въ Петербургѣ, твердо рѣшили сохранить всѣми зависящими отъ нихъ средствами statu quo на Балканахъ и общій миръ.

Между тѣмъ, скоро послѣ того имперіалистическая Англія, представитель которой съ такимъ гнѣвомъ бичевалъ султана и говорилъ о грозной десницѣ, карающей за несправедливости даже высшихъ міра сего, отправляется въ походъ противъ маленькихъ бурскихъ республикъ. Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ никто не мѣшаетъ Россіи и Австріи блюсти за сохраненіемъ порядка на Балканахъ. Но вотъ кончается южно-африканская война. Англія, пролившая потоки христіанской крови въ плоскогоріяхъ и равнинахъ Трансвааля, испытываетъ жгучее желаніе возстановить свою честь какимъ-нибудь блестящимъ актомъ гуманности по отношенію не къ индусамъ, конечно, а къ угнетеннымъ христіанамъ Оттоманской имперіи. Бывшая нѣкогда другомъ Турціи, пока послѣдняя имѣла сильнаго врага въ лицѣ Россіи и видѣла своего спасителя въ Великобританіи, воинствующая Англія, подобно отвергнутому ревнивцу, становится злѣйшимъ врагомъ Оттоманской имперіи съ того момента, какъ прекрасная турчанка пріобрѣтаетъ расположеніе Россіи и обзаводится вѣрнымъ другомъ въ лицѣ Вильгельма II. Такимъ образомъ, великобританское правительство, съ одной стороны, выступаетъ въ ореолѣ защитника всѣхъ оскорбленныхъ и угнетенныхъ и искусно отвлекаетъ такимъ образомъ шумной агитаціей по поводу ужасовъ въ Македоніи, Конго и т. д. вниманіе идеалистически настроенныхъ народныхъ массъ Англіи отъ индусскихъ голодовокъ и всякаго рода иныхъ домашнихъ неустройствъ, съ другой, бросая перчатку Турціи, создаетъ помѣхи покровительницѣ послѣдней — Германіи. Выступленіе Англіи только заставляетъ Россію и Австрію сблизиться еще тѣснѣе. Между тѣмъ, балканскій костеръ разгорается. Македонія находится въ состояніи полной анархіи. Ожидается всеобщее возстаніе. Англійское и французское правительства настаиваютъ на необходимости морской демонстраціи передъ Салониками, чтобы такимъ образомъ заставить султана пойти на уступки. Но, какъ сообщаетъ французскій посланникъ въ Петербургѣ правительству республики (21 авг. 1903 г.):

сахъ турецкаго грабежа и Абдулъ-Гамидовой рѣзни. Отъ 1896 г. по 1902, ничто не могло оказать противодѣйствія этой тиранніи". *Victor Berard.* „La Revolution turque", р. 245. Но, конечно, наиболѣе суровую критику встрѣтило австро-русское соглашеніе на страницахъ балканской и въ особенности, македонской прессы, которая характеризовала австро-русскую политику на Балканахъ, какъ „безстыдное и своевольное дѣленіе всего Балканскаго полуострова на сферы вліянія", какъ политику „усерднаго содѣйствія цареградскому палачу въ его разбойничьихъ дѣйствіяхъ". См. „Гласъ на македонский таенъ революционенъ комитетъ" Юлій, 1898.

„русское правительство не желаетъ какимъ бы то ни было образомъ поощрять иллюзіи болгарскаго населенія княжества и Македоніи“ [1]). Въ виду такого отношенія къ болгарскимъ кознямъ, графъ Ламсдорфъ въ бесѣдѣ съ французскимъ посланникомъ 14 (27) августа 1903 г. выражалъ пожеланіе, чтобы увѣщанія были направлены по адресу не Турціи, а Болгаріи: „дабы снова рекомендовать Болгаріи не нарушать спокойствія и предупредить ее лишній разъ, что она не найдетъ поддержки, если навлечетъ на себя гнѣвъ Турціи“ [2]).

9 (22) окт. 1903 г. послѣ такъ называемаго Мюрцштегскаго соглашенія [3]), Австрія и Россія, желая отнять у Англіи поводъ вмѣшиваться въ турецкія дѣла, торжественно заявляютъ о своемъ рѣшеніи взять на себя какъ „на державъ, наиболѣе заинтересованныхъ“, заботу о проведеніи реформъ въ Македоніи и сообщаютъ турецкому правительству свой проектъ такъ называемаго улучшеннаго statu quo (statu quo amelioré) [4]). Но эта

---

1) „Русская политика въ Турціи—писалъ французскій посланникъ—остается неизмѣнной, покоясь на принципахъ: сохраненіе statu quo и недопущеніе вооруженнаго вмѣшательства... Что касается отправки судовъ въ Салоники, русское правительство желало бы устраненія этой демонстраціи, ибо оно рѣшительно не желаетъ какимъ бы то ни было дѣйствіемъ поощрять иллюзію болгарскаго населенія княжества и Македоніи. Но если державы считаютъ демонстрацію необходимой въ интересахъ ихъ подданныхъ, петербургскій кабинетъ не желаетъ взять на себя отвѣтственность за сопротивленіе такой мѣрѣ. Однако, русское правительство не приметъ участія въ этой демонстраціи и отзоветъ какъ можно скорѣе суда, находящіяся въ Иніадѣ“. Livre Jaune. Macedoine № 21. M-r Bompard à M. Delcassé.

2) „Le comte Lamsdorf m'a entretenu aujourd'hui d'une demarche concertée entre toutes les puissances, qu'il suggère de faire à Sofia pour recommander de nouveau le calme à la Bulgarie et la prevenir une fois de plus qu'elle ne serait pas soutenue, si elle s'attirait la colère de la Turquie“. Livre Jaune. Macedoine, 1903–1905. № 23.

3) Текстъ соглашенія см. Livre Jaune. Macedoine. № 40. Annexe (Décisions arrêtées à Mürzsteg).

4) Мюрцштегское соглашеніе доводитъ враждебное настроеніе македонскихъ революціонеровъ по отношенію къ Россіи до крайняго предѣла. „Россія была до сихъ поръ величайшимъ препятствіемъ къ разрѣшенію македонскаго вопроса“ писалъ 20 дек. 1902 „Le Mouvement macedonien“, органъ Бориса Сарафова. Это убѣжденіе, правильное или нѣтъ, въ данномъ случаѣ неважно—замѣчаетъ Cheradam—вызвало у македонскихъ сербовъ и болгаръ глубокую ненависть по отношенію ко всему русскому, о чемъ къ сожалѣнію мало думаютъ въ Петербургѣ и Москвѣ“. (André Cheradam. La Question d'Orient p. 379). Точку зрѣнія русской дипломатіи на македонскій вопросъ очень ясно формулировалъ русскій посланникъ въ Вѣнѣ графъ Каннистъ въ бесѣдѣ 23 марта 1904 г. съ извѣстнымъ французскимъ писателемъ Гастономъ де Рутье: „Автономія Македоніи—сказалъ Каннистъ—несбыточная мечта, которой могутъ увлекаться лишь фантазеры или люди, имѣющіе заднія мысли. Автономія Македоніи обозначала бы присоединеніе ея черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ къ Болгаріи. Россія этого никогда не позволитъ. Болгарія не будетъ обладать всей Македоніей, не сдѣлается всемогущимъ государствомъ на Балканахъ. Этого никогда не будетъ, ибо это противорѣчило бы традиціонной политикѣ Россіи... Въ Македоніи Россія должна стремиться къ сохраненію равновѣсія между болгарами, греками, сербами и кутцовалахами“. *Gaston Routier de Beaulieu.* „La Macedoine et les puissances“ (L'enquete du Petit Parisien), Paris, 1904, p. 354.

программа не только не вноситъ спокойствія въ Македонію, наоборотъ, она доводитъ смуту и внутреннюю войну въ этой части Балканскаго полуострова до крайняго предѣла. 3-й пунктъ этой программы по возстановленію спокойствія въ Македоніи обѣщаетъ „добиться отъ турецкаго правительства территоріальнаго измѣненія административныхъ единицъ съ цѣлью болѣе правильной группировки различныхъ національностей“; этотъ пунктъ по своему вліянію на обостреніе македонской смуты былъ равносиленъ искрѣ, брошенной въ пороховой складъ. Отнынѣ между различными національностями Македоніи, болгарами, сербами, греками, начинается безпощадная война не на жизнь, а на смерть. Вооруженныя греческія банды, руководимыя греческими офицерами, врываются въ болгарскія деревни, убиваютъ лицъ мужского пола, насилуютъ женщинъ, не щадятъ и дѣтей и стремятся вообще истребить въ Македоніи представителей другой христіанской національности прежде всего болгарской, чтобы въ случаѣ территоріальнаго расчлененія Македоніи обезпечить своей національности большую добычу. Такимъ же образомъ дѣйствуютъ по отношенію къ болгарамъ и сербы. Болгарскіе „комитаджи“ не остаются, конечно, въ долгу передъ своими братушками и единовѣрцами, и македонская рѣзня принимаетъ съ благословенія султана и при помощи его башибузуковъ все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры, проявляясь порой въ самыхъ дикихъ формахъ. Сегодня какая-нибудь болгарская банда подвергаетъ пыткѣ попавшагося ей въ руки грека, скальпируетъ его живымъ, выкалываетъ ему глаза, отрѣзаетъ языкъ (деревня Селино), на-завтра греческая банда врывается на фабрику, гдѣ работаютъ болгарскіе пролетаріи, и убиваетъ всѣхъ, кто не успѣваетъ спастись, при чемъ не оказывается пощады 14-лѣтнимъ подросткамъ (Салоники) [1]). Къ такимъ благодѣтельнымъ результатамъ приводитъ австро-русское попеченіе о славянскихъ единовѣрцахъ и пресловутый III пунктъ Мюрцштегской программы.

Между тѣмъ скоро Россія начинаетъ войну съ Японіей и, по горло занятая въ Манчжуріи, передаетъ всю заботу о защитѣ славянскихъ братушекъ въ Турціи добросердечной австрійской дипломатіи. Въ теченіе войны съ Японіей Россія болѣе, чѣмъ когда-либо, настаиваетъ на сохраненіи statu quo на Балканахъ и противится расширенію реформъ въ Македоніи. 1 февр. 1905 г. фран-

---

[1]) О македонскомъ вопросѣ и македонскихъ ужасахъ см. Livre Jaune (affaires de Macedoine) 1902, 1903 и т. д. *Brailsdorf, H. N.* Macedonie, London, 1906. *Noe Buxton.* „Europe and the Turks“ London, 1907. *Engelhardt,* ministre. „La question macedoinienne“, Paris, 1906. *M. Paillarés,* Imbroglio macedonien. Paris, 1907. *Victor Berard,* Pro Macedonia, 1904. Le brigandage en Macedoine. D'apres un Rapport Confidentiel adressé au Gouvernement bulgare, Paris, 1908. Turcs et Grecs contre Bulgares en Macedoine. Paris, 1904. Fin d'année rouge (Documents sur les bandes grecques) Sofia, 1906. Уставъ на македонскиятъ таенъ революціоненъ комитетъ. *René Pinon* „L'Europe et l'Empire Ottoman“. Paris, 1909, см. гл. III—VI.

пузскій посланникъ Бомпаръ доноситъ Делькассе: „Графъ Ламсдорфъ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ раздѣляетъ точку зрѣнія австрійскаго кабинета по вопросу о реформахъ въ Македоніи. Онъ полагаетъ, что всякій проектъ расширенія мюрцштегской программы является въ настоящій моментъ неумѣстнымъ“ [1])... Войдя во вкусъ единоличнаго попеченія о благѣ турецкихъ христіанъ, пользуясь ослабленіемъ Россіи, опираясь на союзъ съ Германіей и тайную поддержку Франціи, въ благодарность за политику Австріи въ Алжесирасѣ, предоставившей Габсбургамъ полную свободу дѣйствій на Балканахъ [2]), послѣдняя начинаетъ болѣе энергичную политику на полуостровѣ. И хотя въ октябрѣ 1907 г. Австрія и Россія снова выступаютъ съ *совмѣстной* нотой къ правительствамъ болгарскому, сербскому и греческому, порицая кровавую борьбу національностей въ Македоніи и даютъ новое толкованіе пресловутому III-му пункту [3]), угрожая своимъ гнѣвомъ бунтовщикамъ и смутьянамъ, но уже становится очевиднымъ, что Австрія начинаетъ играть доминирующую роль въ балканскомъ вопросѣ, предоставивъ Россіи лишь скромную роль помощника въ дѣлѣ осуществленія великодержавныхъ плановъ австрійской дипломатіи.

Въ октябрѣ 1906 г. въ Австріи пало министерство Голуховскаго. Мѣсто послѣдняго занялъ баронъ Эренталь, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ.

---

[1]) M-r Bompard, ambassadeur de la République française à S-t Petersbourg à M. Delcassé. Livre Jaune. Affaires de Macedoine, 1903—1905, см. № 107.

[2]) Рѣзкій поворотъ въ политикѣ Франціи по отношенію къ турецкимъ христіанамъ начинается со времени министерства Клемансо, при которомъ пресловутый французскій посланникъ въ Константинополѣ Констанъ, вѣрный другъ Абдулъ-Гамида, получаетъ, наконецъ, полную свободу дѣйствій. Французское правительство совершенно перестаетъ интересоваться участью турецкихъ христіанъ и особенно армянъ, въ защиту которыхъ Клемансо нѣкогда издавалъ „Pro Armenia“ и съ лихорадочной энергіей, стараясь не отстать отъ Германіи, начинаетъ добиваться скорѣйшаго осуществленія тѣхъ и другихъ финансовыхъ комбинацій. „Неудобно безпокоить султана разговорами объ Арменіи или Македоніи—иронически замѣчаетъ Викторъ Бераръ—когда рѣчь идетъ о набережныхъ, угольныхъ копяхъ, маякахъ“. „La Revolution turque“, p. 313,237,151.

[3]) Оба правительства, признавъ наличность безмѣрнаго зла, которое неправильное толкованіе III пункта Мюрцштегской программы принесло населенію Македоніи въ теченіе четырехъ лѣтъ, заявляютъ, что они противоставляютъ насильственной національзаціи, практикуемой бандами, слѣдующіе принципы: 1) Согласно самому тексту III пункта Мюрцштегской программы, измѣненія въ территоріальномъ распредѣленіи національныхъ единицъ въ Македоніи могутъ быть рекомендованы Высокой Портѣ лишь послѣ констатированія факта полнаго успокоенія страны и окончательнаго исчезновенія бандъ. 2) Упомянутый III пунктъ ложно толкуется, поскольку обѣимъ державамъ приписывается намѣреніе рекомендовать Турціи дѣленіе Македоніи на національныя сферы. Австрія и Россія никогда не имѣли подобнаго намѣренія. Въ подходящій моментъ онѣ предложатъ Портѣ только второстепенныя измѣненія въ разграниченіи страны, съ цѣлью сдѣлать административное управленіе болѣе легкимъ. 3) Это раздѣленіе страны по округамъ, имѣющееся въ виду правительствами обѣихъ странъ,—каковъ бы ни былъ его характеръ,—ни въ коемъ случаѣ не будетъ находиться въ зависимости отъ тѣхъ такъ называемыхъ національныхъ измѣненій, какія могутъ явиться результатомъ дѣятельности террористическихъ бандъ.

Эта перемѣна должна была имѣть великія международныя послѣдствія. Эренталь рѣшилъ выступить въ роли великаго государственнаго человѣка и доказать всему міру, что Австрія, о близкомъ якобы распаденіи и дѣлежѣ наслѣдства которой толковали многіе слишкомъ увлекающіеся публицисты [1]), достаточно сильна, наоборотъ, чтобы навязать свою волю Европѣ и осуществить великіе планы австрійскаго Drang nach Osten. Международное положеніе,—военный разгромъ Россіи и ухаживанія Франціи, которая дружбой съ Габсбургами старается ослабить опасность со стороны Гогенцоллерновъ,—какъ нельзя болѣе благопріятствовало великодержавнымъ австрійскимъ планамъ. 1-го мая 1907 г. Эренталь отправляется въ Берлинъ и проводитъ тамъ нѣсколько дней въ таинственныхъ переговорахъ съ германскими дипломатами. Въ іюнѣ того же года Италія возобновляетъ на 6 лѣтъ союзный договоръ съ Австріей и Германіей. 15 іюля Эренталь встрѣчается съ итальянскимъ министромъ Титтони въ Дезіо, а 22 августа Титтони дѣлаетъ отвѣтный визитъ Эренталю въ Сёммерингѣ. 12 (25) сентября состоялось свиданіе между Извольскимъ и Эренталемъ въ Вѣнѣ. Вся европейская оффиціозная печать подчеркиваетъ важность этихъ свиданій. Многія газеты указываютъ, что главнымъ предметомъ обсужденія во время этихъ переговоровъ явился балканскій вопросъ, относительно котораго заинтересованныя стороны пришли къ полному и дружелюбному соглашенію. Однако, ясно, что всѣ эти сообщенія основываются на однѣхъ лишь догадкахъ. Скоро тайна разоблачается и истинная сущность переговоровъ между Извольскимъ, Эренталемъ и Титтони становится извѣстной всѣмъ.

Послѣ цѣлаго года предварительныхъ работъ и ощупываній почвы Эренталь неожиданно для непосвященныхъ въ январѣ 1908 г. въ рѣчи, произведшей громовое впечатлѣніе на всю Европу, заявилъ о рѣшительномъ намѣреніи Австріи соединить свои боснійскія желѣзныя дороги съ турецкими желѣзными дорогами, останавливающимися у Митровицы [2]). Чтобы осуще-

[1]) Особенно краснорѣчиво писалъ о роковой судьбѣ Австріи извѣстный французскій писатель Шерадамъ, см. его книгу: *André Cheradam* „L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siecle" 3-me edition. 1901, prix 10 fr. Книга эта произвела сенсацію и Шерадамъ выпустилъ ее въ 1902 г., въ сокращенномъ изложеніи для широкихъ массъ см. Andre Cheradam „L'Allemagne, la France et la Question d'Autriche" Paris, 1902, prix 3 fr. 50. Вообще вопросъ о судьбахъ Австріи вызвалъ обширную литературу на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Создались даже особыя теоріи насчетъ будущаго Австріи: theorie de la *dislocation* (dissolution) de l'Autriche Hongrie—теорія разложенія Австріи—и theorie du *partage* de l'Autriche-Hongrie—теорія раздѣла. Объ этихъ теоретическихъ построеніяхъ см. между прочимъ *René Henry* „Questions d'Autriche Hongrie et Question d Orient", Paris, 1904.

[2]) Проектъ Санджакской дороги Сараево-Митровица выработанъ австро-венгерскимъ министерствомъ еще въ окт. 1900 г. Тогда же одинъ слухъ объ этомъ проектѣ вызвалъ сильную тревогу въ европейской печати и уже въ 1901 г. *Charles Loiseau* въ своемъ капитальномъ произведеніи: L'equilibre adriatique (L'Italie et la question d'Orient), Paris, 1901, подробно изслѣдовалъ вопросъ о военно-стратегическомъ зна-

ствить этотъ великій планъ, нужно было построить короткую желѣзнодорожную вѣтку всего въ 110 километровъ черезъ Новобазарскій санджакъ, занятый австрійскими войсками. Такимъ образомъ, одна желѣзнодорожная линія соединила бы Берлинъ, Вѣну, Салоники. По увѣренію Эренталя, эта дорога должна была имѣть исключительно экономическое значеніе. Она имѣла цѣлью открыть путь австрійскимъ товарамъ въ Индію и Египетъ. „Когда боснійская вѣтвь—увѣрялъ Эренталь—будетъ соединена съ оттоманской, наши товары направятся прямо въ Эгейское и Средиземное море. Съ другой стороны, есть надежда добиться въ самомъ скоромъ времени соединенія греческихъ и турецкихъ желѣзныхъ дорогъ, и такимъ образомъ Вѣна, Будапештъ, Сараево, Аѳины и Пирей будутъ соединены прямымъ сообщеніемъ, что̀ создастъ кратчайшій путь между Центральной Европой, Египтомъ и Индіей“ [1]). Однако, эта рѣчь никого не обманула. Ясно было, что дѣло тутъ не только въ вопросѣ о сбытѣ австрійскихъ товаровъ, о мирныхъ интересахъ торговли и промышленности, на которые такъ часто и порой такъ лицемѣрно любятъ ссылаться государственные дѣятели даже въ томъ случаѣ, когда ими замышляются завоевательные планы, идущіе въ разрѣзъ съ желаніями и дѣйствительными интересами торгово-промышленныхъ классовъ своей страны. Естественный и кратчайшій путь изъ Австріи къ Эгейскому и Средиземному морямъ идетъ черезъ Сербію и пролегаетъ по равнинѣ, а не черезъ Новобазарскій санджакъ, по гористой мѣстности съ бѣднымъ и малокультурнымъ населеніемъ. Но все значеніе новой дороги должно было заключаться именно въ томъ, что она протягивалась, какъ грозная осадная параллель, вдоль западнаго фронта Сербіи и восточнаго—Черногоріи и врѣзывалась затѣмъ острымъ и могучимъ клиномъ въ разслабленное, распадающееся тѣло Европейской Турціи. Эта крошечная вѣтвь окончательно закрѣпляла господство Австріи въ Босно-Герцеговинѣ и Новобазарскомъ санджакѣ, сдавливала Черногорію и Сербію каждую въ отдѣльности полукольцомъ австрійскихъ штыковъ, укрѣпляла и усиливала доминирующее вліяніе Австріи въ Македоніи, а соединеніемъ греко-турецкой линіи въ Ларисѣ, давая возможность правительству дуалистической имперіи черезъ голову балканскихъ славянъ протянуть руку ихъ непримиримому врагу—Греціи, въ конечномъ счетѣ утверждала гегемонію Австріи въ Европейской Турціи, отдавая азіатскую въ распоряженіи Германіи.

Рѣчь Эренталя и обнаруженные ею планы имперіалистическихъ круговъ

ченіи этой дороги и опасностяхъ, которыми она грозитъ независимости балканскихъ народностей и сохраненію европейскаго равновѣсія. (См. гл. V. Les chemins de fer du Balcan occidental). О Санджакской желѣзной дорогѣ см. также очень интересную статью Милюкова: „Санджакская желѣзная дорога и приготовленія Австріи“. „Рѣчь“, 27 сент. 1908.

[1]) René Pinon. „L'Europe et l'Empire Ottoman“, p. 263.

Австріи вызвали сильное волненіе въ европейской прессѣ, особенно англійской, французской, итальянской и русской. „Новое Время“, „Русь“, „Слово“, Биржевыя Вѣдомости“, „Рѣчь“, „С.-Пет. Вѣдомости“ обрушились гнѣвными статьями по адресу лицемѣрнаго австрійскаго правительства, обвиняя его въ нарушеніи условій Мюрцштегскаго соглашенія и предсказывая неизбѣжный разрывъ между Австріей и Россіей. Русская пресса, равно какъ англійская и французская, доказывали, что проведеніе желѣзной дороги черезъ Новобазарскій санджакъ есть лишь первый шагъ по пути не только экономическаго, но и политическаго завладѣнія Македоніей вплоть до береговъ Эгейскаго моря, что выступленіе барона Эренталя съ его пресловутымъ проектомъ знаменуетъ собой конецъ соглашенія съ Россіей, такъ какъ имъ несомнѣнно нарушается statu quo на Балканахъ.—Въ виду кампаніи, поднятой прессой, баронъ Эренталь заявилъ, что онъ заранѣе предупредилъ о своихъ желѣзнодорожныхъ планахъ на Балканахъ Италію, Германію и *Россію* и не встрѣтилъ возраженія со стороны этихъ государствъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ многіе ждали отвѣта Извольскаго на это неожиданное заявленіе Эренталя. 4 апр. 1908 г. Извольскій на засѣданіи Государственной думы выступилъ съ подробной рѣчью о политикѣ Россіи на ближнемъ востокѣ, при чемъ рѣшительно заявилъ, что онъ „безъ всякаго колебанія отказался вступить на тотъ путь“, на который его толкали многіе, именно „выступить съ протестомъ противъ фактической постройки Санджакской жел. дороги“. „Въ XX вѣкѣ—заявилъ министръ—вообще безразсудно и безплодно противиться расширенію чьихъ бы то ни было желѣзнодорожныхъ сообщеній и экономическихъ интересовъ“... „Нельзя оспаривать у Австро-Венгріи постройки Санджакской желѣзной дороги; у нея можно оспаривать только монополію желѣзныхъ дорогъ на Балканскомъ полуостровѣ“.

Чтобы отнять эту монополію у Австріи, Извольскій предложилъ проектъ перекрестной Дунайско-Адріатической желѣзной дороги, пресловутый проектъ, который подвергся серьезной и основательной критикѣ на столбцахъ русской и европейской прессы, зато, какъ „съ особымъ удовольствіемъ“ и лицемѣрной наивностью отмѣтилъ Извольскій, встрѣтилъ сочувствіе въ правящихъ кругахъ Австріи. Въ сочувствіи послѣднихъ желѣзнодорожныхъ проектамъ Извольскаго не было ничего удивительнаго. Проведеніе Дунайско-Адріатической желѣзной дороги черезъ высокія горы, непроходимыя болота и глубокія рѣки, которыхъ нельзя было бы избѣжать, вызвавъ необходимость въ сложныхъ и дорогостоющихъ работахъ по постройкѣ мостовъ, туннелей и т. д., стоило бы громадной суммы денегъ и при какихъ бы то ни было комбинаціяхъ давало бы ежегодно колоссальный дефицитъ, такъ что проектъ Извольскаго отнюдь не отымалъ монополію желѣзныхъ дорогъ Австріи на Балканахъ, а наоборотъ лишь закрѣплялъ ее.

Однако, торжество австро-германскихъ плановъ на Балканахъ сильно взволновало правящіе круги Англіи. Уже въ 1905 г. лордъ Лэнсдоунъ, излагая взглядъ великобританскаго правительства на македонскій вопросъ, заявилъ въ верхней палатѣ, что мандатъ возстановить порядокъ въ трехъ вилайетахъ былъ данъ Австріи и Россіи не на безконечный срокъ, и что насталъ моментъ, когда и другія державы могутъ возвысить свой голосъ по поводу балканскихъ дѣлъ [1]). Тогда же Россія и Австрія, забѣгая впередъ, чтобы этимъ отнять у Англіи поводъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, предложили проектъ морской демонстраціи противъ султана, каковая съ участіемъ пяти державъ, за исключеніемъ Германіи, и состоялась въ Митиленѣ 27 октября. Теперь, съ момента охлажденія австро-русскихъ отношеній, Англія съ удвоенной энергіей берется за балканскія дѣла и прежде всего ищетъ соглашенія съ Россіей на этой почвѣ. Въ теченіе апрѣля мѣсяца ведутся оживленные переговоры между Англіей и Россіей. Несмотря на сильные протесты въ парламентѣ и многихъ органахъ прессы, настаивающихъ на томъ, чтобы свиданіе носило чисто семейный характеръ, король Эдуардъ рѣшаетъ предпринять поѣздку въ Ревель для торжественнаго оффиціальнаго свиданія съ русскимъ императоромъ и соглашенія по вопросамъ международной политики. Результатомъ свиданія явилось дальнѣйшее укрѣпленіе англо-русской дружбы и полное соглашеніе по персидскому и македонскому вопросу. Такъ какъ усиленіе австро-германскаго вліянія въ Турціи могло повлечь за собой полную гегемонію этихъ государствъ въ Оттоманской имперіи, англійское правительство рѣшило содѣйствовать расчлененію Турціи, чтобы такимъ образомъ вырвать хоть часть изъ рукъ австро-германскаго синдиката. Съ этой цѣлью по настоянію великобританскаго правительства и былъ предложенъ пресловутый англо-русскій проектъ реформъ, который долженъ былъ въ конечномъ счетѣ повести къ отдѣленію Македоніи отъ Турціи и образованію изъ нея самостоятельной области,—передового форпоста Англіи противъ австро-германскаго Drang nach Osten [2]).

Но ревельское свиданіе сыграло роль великаго историческаго событія и оказало совершенно неожиданно для русскаго и англійскаго правительствъ грандіозное вліяніе на судьбы Оттоманской имперіи. Союзъ между Россіей и Англіей, двумя государствами, историческая вражда которыхъ была въ глазахъ многихъ мусульманъ главной причиной сохраненія до сего времени Оттоманской имперіи, сильно взволновалъ сознательные круги турецкаго об-

---

[1]) См. Livre Jaune. Affaires de Macedoine, 1903—1905, p. 170 и 143 (№ 128, 109).

[2]) Англія выступила съ проектомъ назначенія въ Македоніи генералъ-губернатора „независимаго и несмѣняемаго". Понятно къ какимъ послѣдствіямъ для Оттоманской имперіи повело бы осуществленіе этого проекта. Русское правительство не рѣшилось идти такъ далеко за Англіей, и послѣдняя согласилась оставить Хильми-пашу въ его должности „генералъ-инспектора", отказалась, по настоянію Россіи, отъ требованія о сокращеніи турецкихъ войскъ въ Македоніи и т. д.

щества, услышавшаго въ звонѣ заздравныхъ кубковъ въ Ревелѣ погребальную пѣснь надъ Оттоманской имперіей. По словамъ многихъ историковъ турецкой революціи, главный герой ея, Энверъ-бей, при извѣстіи о ревельскомъ свиданіи и англо-русскомъ проектѣ реформъ три ночи подрядъ не могъ сомкнуть глазъ отъ волненія и горькихъ думъ о будущей судьбѣ дорогого отечества. Легендарный эпизодъ или историческій фактъ, какъ бы то ни было, младотурецкая партія рѣшила не откладывать дѣла въ долгій ящикъ и подняла знамя возстанія противъ стараго режима. Торжество младотурецкаго движенія, провозглашеніе турецкой конституціи вызвали необычайный взрывъ восторга во многихъ европейскихъ странахъ, особенно въ Англіи. Великобританское правительство рѣшило оказать возможное содѣйствіе новому режиму, видя въ созданіи самостоятельной и сильной Турціи могучій ударъ германскимъ планамъ на берегахъ Босфора и въ Малой Азіи. Бурныя волны младотурецкаго движенія сорвали съ якоря, лишили всякой базы англо-русскіе проекты македонскихъ реформъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ разбили устои, на которыхъ покоилось доминирующее вліяніе Вильгельма II въ Турціи. И это была лучшая компенсація, которой только могло желать англійское правительство. Но именно по тому, что торжество турецкой конституціи разбивало иллюзіи многихъ европейскихъ правительствъ насчетъ близкой кончины больного человѣка, передъ Турціей, освободившейся отъ англійскихъ интригъ, неожиданно обнаружилась новая опасность. Пробужденіе національнаго чувства и революціоннаго настроенія во всѣхъ провинціяхъ имперіи и особенно въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ мусульманское населеніе съ неописуемымъ энтузіазмомъ привѣтствовало провозглашеніе конституціи въ Константинополѣ и при кликахъ: „Да здравствуетъ турецкая Боснія, долой Австрію“ [1]) демонстрировала въ пользу объединенія съ остальной Турціей, далѣе пансербская агитація, наконецъ, сознаніе, что усиленіе Оттоманской имперіи разбиваетъ всѣ новые завоевательные планы и разсчеты на турецкое наслѣдство и заставляетъ опасаться за сохраненіе захваченной уже насчетъ Турціи добычи—все это побудило правящіе круги Австріи по соглашеніи съ Болгаріей и послѣ предварительныхъ переговоровъ съ Россіей отважиться съ поразительнымъ цинизмомъ на рѣшительный шагъ, пользуясь переходнымъ состояніемъ, которое переживала Турція.

1 (14) сентября русскій министръ иностранныхъ дѣлъ прибылъ въ Вѣну. 2 (15) сентября Извольскій поѣхалъ въ Бухлау на свиданіе съ барономъ

[1]) „Une année de la politique exterieure“ par *Rene Moulin* et Serge de Chessin. Paris, 1909, см. стр. 250. Объясняя цѣлесообразность и необходимость для Австро-Венгріи аннексіи Босніи и Герцеговины венгерскій министръ Векерле указалъ на ростъ революціоннаго движенія въ этихъ провинціяхъ: „Мы не могли—заявилъ президентъ венгерскаго совѣта—смотрѣть сложа руки на развитіе движенія, которое вызвала турецкая революція въ оккупированныхъ нами областяхъ“. Matin 26 Novembre 1908.

Эренталемъ. Въ теченіе 2-хъ дней между русскимъ и австрійскимъ министрами ведутся какіе-то переговоры. Вся европейская пресса старается проникнуть въ тайну этихъ интригъ, но въ теченіе нѣкотораго времени все остается покрытымъ завѣсой непроницаемости. Однако, уже черезъ двѣ недѣли 17 (30) сентября англійскія газеты печатаютъ извѣстіе о томъ, что на свиданіи въ Бухлау былъ рѣшенъ вопросъ объ окончательномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи. И дѣйствительно, въ настоящее время установлено, что во время переговоровъ шла рѣчь именно о Босніи и Герцеговинѣ, и Извольскій съ Эренталемъ столковались насчетъ согласованнаго образа дѣйствій. 20 сентября (3 октября) графъ Кевенвюллеръ, австрійскій посланникъ при французскомъ правительствѣ, увѣдомилъ президента Французской республики объ аннексіи оккупированныхъ провинцій, а черезъ два дня,—по возвращеніи принца Фердинанда изъ Будапешта послѣ свиданія съ Францемъ-Іосифомъ,—болгарское правительство, которое незадолго передъ тѣмъ, воспользовавшись забастовкой турецкихъ рабочихъ на Румелійской желѣзной дорогѣ, заняло эту линію болгарскими штейкбрехерами и солдатами и объявило эту дорогу окончательной собственностью княжества, провозгласило Болгарію независимымъ государствомъ, а Фердинанда—царемъ болгаръ. 24 сентября (7 октября) въ Будапештѣ и Вѣнѣ публикуется рядъ актовъ, касающихся окончательнаго присоединенія Босніи и Герцеговины, и въ тотъ же день австро-венгерскій посолъ при Высочайшемъ дворѣ графъ Берхтольдъ сообщаетъ Императорскому русскому правительству циркулярную депешу отъ барона Эренталя о рѣшеніи Вѣнскаго кабинета „возвратить себѣ полную свободу дѣйствій относительно Босніи и Герцеговины“. И такъ въ тотъ моментъ, когда Турція переживала критическій періодъ своего существованія и новому правительству приходилось напрягать всѣ свои силы, чтобы урегулировать внутреннее положеніе вещей, Оттоманская имперія была неожиданно атакована извнѣ. Несомнѣнно, что у австрійскаго и болгарскаго правительствъ, опиравшихся на поддержку русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣлись болѣе широкіе планы, чѣмъ присоединеніе оккупированныхъ провинцій съ одной стороны, захватъ Румелійской дороги и провозглашеніе Болгарскаго царства съ другой. Вѣдь, одинъ изъ болгарскихъ министровъ открыто заявлялъ, что онъ де не понимаетъ поведенія Сербіи: если послѣдняя чѣмъ нибудь недовольна, пусть беретъ то, что у нея подъ рукой, намекая на необходимость занятія Сербіей турецкой территоріи. Такимъ образомъ, была ясна цѣль тѣхъ, кто открылъ „восточный кризисъ“—противоставить возрождающейся Турціи эгоистическіе интересы враждебныхъ ей христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова, вызвать конфликтъ между христіанскимъ и мусульманскимъ населеніемъ внутри самой Турціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы окончательно подорвать курсъ турецкихъ бумагъ на международной биржѣ, ухудшить финансовое положеніе Турціи и ускорить крушеніе революціи, болгарская и австрійская пресса распространяютъ завѣдомо ложныя извѣстія о всеобщемъ возстаніи въ Албаніи, о неминуемомъ отдѣленіи Крита, Самоса, о большихъ сраженіяхъ между турецкими войсками и сильными отрядами возставшихъ арабовъ, о кровавыхъ армянскихъ и еврейскихъ погромахъ въ Малой Азіи, наконецъ, о мобилизаціи грозной болгарской арміи, рвущейся въ бой и способной черезъ нѣсколько дней побѣдоноснаго похода очутиться подъ стѣнами Константинополя, и вообще рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ внутреннее и внѣшнее положеніе Оттоманской имперіи, предсказывая неминуемый разгромъ младотурецкой партіи и возстановленіе стараго режима на развалинахъ Турціи.

Австро-болгарскія интриги, поддерживаемыя втайнѣ Извольскимъ [1]), вызвали бурю негодованія въ Лондонѣ. Англійская печать единодушно и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ протестуетъ противъ „скандальнаго“ и „циничнаго“ нарушенія Берлинскаго договора. Въ такомъ же тонѣ комментируетъ фактъ „аннексіи“ вся русская печать, которая при этомъ подвергаетъ суровой критикѣ политику нашего правительства въ данномъ вопросѣ. Всѣ попытки Извольскаго доказать свое непричастіе къ австро-венгерскимъ планамъ терпятъ полное фіаско. 8 октября „Le Temps“ печатаетъ со словъ Извольскаго оффиціальное изложеніе политики русскаго правительства. Русскій министръ признаетъ, что баронъ Эренталь предупредилъ его о готовящейся аннексіи Босніи и Герцеговины, по поводу чего онъ, Извольскій, высказалъ де свое неодобреніе плану Эренталя, прибавивъ, однако, что нарушеніе Австріей условій Берлинскаго договора не можетъ служить casus belli между Россіей и Австріей. Высказавшись затѣмъ въ томъ смыслѣ, что уступка Австріей Новобазарскаго санджака Турціи составляетъ достаточную компенсацію для послѣдней, равно какъ для маленькихъ балканскихъ государствъ, видѣвшихъ въ оккупаціи санджака австрійскими войсками вѣчную

---

[1]) Если прежде можно было строить лишь однѣ гипотезы насчетъ мотивовъ, побудившихъ русскую дипломатію принять ревностное участіе въ этихъ интригахъ, то въ настоящее время послѣ правительственнаго отвѣта на статью, напечатанную въ ноябрской книгѣ „Fortinghtly Review“ и интересной полемики между „Рѣчью“ и „Новымъ Временемъ“ по вопросу о политикѣ Извольскаго на Балканахъ, можно считать установленнымъ что нашъ предусмотрительный министръ уже въ секретномъ мемуарѣ, адресованномъ 19 іюня 1908 г. вѣнскому кабинету, пытался учесть результаты „различныхъ случайностей“: насильственной смерти султана и перемѣны династіи въ Турціи, измѣненія режима или даже расчлененія Оттоманской имперіи и заранѣе дѣлилъ совмѣстно съ Эренталемъ пробудившуюся къ новой жизни Турцію, какъ онъ это сдѣлалъ совмѣстно съ Англіей по отношенію къ конституціонной Персіи.

угрозу ихъ независимости, Извольскій въ заключеніе высказался о необходимости компенсацій и для другихъ государствъ. Такимъ образомъ, политика Извольскаго вполнѣ выяснилась. Вначалѣ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, зная о подготовляющейся аннексіи Босніи и Герцеговины и провозглашеніи одновременно болгарской независимости, не заикается о надвигающихся событіяхъ при свиданіи съ англійскимъ и французскимъ министрами иностранныхъ дѣлъ [1]), боясь противодѣйствія этимъ планамъ со стороны „союзнаго“ и „дружественнаго“ Россіи государствъ и разсчитывая, что неожиданные „выпады“ австрійскаго и болгарскаго правительствъ возбудятъ шовинистическое настроеніе въ мусульманскомъ населеніи Турціи, подымутъ шансы реакціи въ сосѣднемъ государствѣ и, запутавъ до крайности балканскій узелъ, развяжутъ руки Россіи и дадутъ ей возможность добиться пересмотра Парижскаго трактата и Берлинскаго договора относительно Босфора, Дарданеллъ и т. п. Затѣмъ, когда, съ одной стороны, эти надежды оказываются разбитыми благодаря рѣшительному противодѣйствію Франціи и особенно Англіи, не желающихъ допустить расчлененія Оттоманской имперіи, а съ другой—планы нашихъ дипломатовъ подвергаются основательной критикѣ на страницахъ русской же прессы, доказывающей, что Россія ничего не можетъ выиграть отъ открытія Дарданеллъ для свободнаго прохода своихъ военныхъ судовъ [2]), наше правительство начинаетъ подстрекать Сербію противъ Австріи. Наша дипломатія выступаетъ съ проектомъ конференціи о пересмотрѣ условій Берлинскаго договора и навязываетъ сербамъ роковую мысль о „территоріальной компенсаціи“. Между тѣмъ, во всѣхъ внѣшнихъ злоключеніяхъ Сербіи виновна прежде всего оффиціальная Россія, расплачи-

---

1) Многіе французскіе и англійскіе дипломаты никакъ не могли допустить первоначально мысль о возможности такого коварства со стороны Извольскаго; „хотѣлось вѣрить“—писалъ недавно Бераръ—„что Извольскій самъ былъ жертвой вѣнскаго вѣроломства; можно ли вообразить, говорили многіе, чтобы Извольскій, этотъ основатель, духовникъ, чуть ли не мученикъ Тройственнаго соглашенія, былъ бы посвященъ въ секретные замыслы Эренталя и скрылъ ихъ отъ насъ, его Парижскихъ друзей, и отъ своихъ друзей въ Лондонѣ“. („Souci National“ par Victor Berard. Revue de Paris 1910 № 3). Однако ларчикъ просто открывается. Суть въ томъ, что Извольскій собирался потолковать въ Парижѣ и Лондонѣ о займѣ въ 1 милліардъ 200 милліоновъ. Онъ понималъ, что одинъ лишь слухъ о планахъ Австріи и грозящихъ международныхъ осложненіяхъ вызоветъ панику на биржѣ и во всякомъ случаѣ помѣшаетъ осуществленію нашихъ проектовъ о новомъ займѣ. Поэтому-то онъ и рѣшилъ скрыть замыслы Австріи отъ своихъ союзниковъ и друзей, разсчитывая заключить заемъ прежде, чѣмъ тучи покажутся на горизонтѣ, а потомъ подумать и о „компенсаціяхъ“.

2) См. очень дѣльныя статьи въ „Новомъ Времени“ („Дарданеллы“ „Международная конференція и проливы“) отъ 4, 16 октября 1908, затѣмъ въ „Русскомъ Словѣ“ 26 сент. (Гнилыя компенсаціи). Вообще же по вопросу о Дарданеллахъ см. работу *С. Горянова* „Босфоръ и Дарданеллы“ (Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главныхъ архивахъ). Спб. 1907, стр. 355.

вавшаяся всегда небольшими славянскими государствами, какъ мелкой, разменной монетой при своихъ счетахъ съ европейскими державами. Еще въ 1877 г., когда на свиданіи въ Рейхштадтѣ Андраши изложилъ представителю Россіи ту же точку зрѣнія на босно-герцеговинскій вопросъ, которую недавно защищалъ Эренталь, Россія своей подписью санкціонировала требованія Австріи, купивъ этимъ нейтралитетъ послѣдней въ войнѣ за славянскихъ братушекъ [1]). И на свиданіи въ Бухау Извольскій далъ carte blanche Эренталю по отношенію къ Босніи и Герцеговинѣ очевидно въ интересахъ тѣхъ же братушекъ. Болѣе того, какъ писала „Рѣчь“: „А. П. Извольскій самъ *первый и добровольно* предложилъ Австріи еще 6 іюня 1908 г. присоединить Боснію подъ условіемъ открытія проливовъ. Онъ ѣхалъ въ Бухлау съ *„заранѣе составленнымъ рѣшеніемъ“* [2]). Какъ бы то ни было, если нынѣ и неизвѣстно пока точное содержаніе документа, подписаннаго Извольскимъ, однако мы видѣли, что какъ только нашъ ми-

---

1) Какъ извѣстно, на засѣданіи Государственной думы Извольскій, критикуя тѣхъ, кто требовалъ отъ него „рѣзкаго протеста противъ присоединенія Босніи и Герцеговины“, заявилъ, что русскій министръ не „можетъ дѣйствовать въ этомъ вопросѣ внѣ *всякой зависимости отъ политической преемственности и отъ предыдущихъ обязательствъ*“. Оффиціозная австрійская пресса разъяснила сущность этихъ обязательствъ. „Neues Pester Journal“ 27 дек. 1908 г. заявилъ, что на свиданіи 1877 г. въ Рейхштадтѣ между императорами Францемъ Іосифомъ и Александромъ II было принято слѣдующее соглашеніе: въ случаѣ, если Черногорія и Сербія выйдутъ побѣдителями изъ конфликта съ Турціей, Австрія получитъ свободу дѣйствій для овладѣнія Босніей и Герцеговиной въ вознагражденіе за нейтралитетъ въ русско-турецкой войнѣ. Въ 1877 г. графъ Андраши и русскій посланникъ Новиковъ подписали тайное соглашеніе въ Будапештѣ, ратифицированное ихъ государями, по которому въ случаѣ территоріальныхъ измѣненій въ Турціи, которыя сдѣлаютъ послѣднюю неспособной умиротворить Боснійскій и Герцеговинскій вилайеты и *защищать ихъ противъ Сербіи и Черногоріи*, Австрія имѣетъ право овладѣть этими вилайетами, за исключеніемъ санджака, о которомъ будетъ особое соглашеніе позже. Наконецъ, спеціальный протоколъ, подписанный въ Берлинѣ 13 іюля 1878 г. между Адраши и Горчаковымъ, установилъ по отношенію къ обѣимъ сторонамъ значеніе Берлинскаго договора; этотъ протоколъ гласитъ, что Россія не будетъ дѣлать никакихъ возраженій, если Австро-Венгрія замѣнитъ Турцію въ санджакѣ и „окончательно займетъ эту территорію, какъ остатокъ Босніи и Герцеговины“; въ свою очередь, Австрія обязуется дипломатически поддерживать Россію Neue Freie Presse 28 дек. 1908 г. прибавилъ, что союзный договоръ трехъ императоровъ въ 1881 г., срокъ которому долженъ былъ истечь черезъ три года, давалъ Австріи право аннексировать оккупированныя провинціи. Эти секретные австро-русскіе договоры, содержаніе которыхъ разоблачается теперь съ большей или меньшей точностью, уже сами по себѣ проливаютъ свѣтъ на сущность той „политической преемственности и предыдущихъ обязательствъ“, о которыхъ говорилъ Извольскій.

2) „Рѣчь“ 23 сент. 1909. „Годовщина аннексіи“. Подробнѣе о всѣхъ этихъ дипломатическихъ мѣрахъ см. столь нашумѣвшую статью въ Fortinghtly Review, ноябрь 1909. M-r *Isvolsky and count von Aehrenthal: A Rectification* by Vox Alterae Partis. Эта статья является отвѣтомъ на статью, помѣщенную въ сентябрской книжкѣ того же журнала: Baron Aerenthal M-r Isvolsky: Diplomatic Enigmas“ и являющуюся защитительной статьей въ пользу Извольскаго и русской политики на Ближнемъ Востокѣ. Обѣ статьи, несомнѣнно, написаны лицами, очень близкими къ министрамъ, въ защиту которыхъ эти статьи напечатаны.

*

нистръ пытался изобразить изъ себя человѣка, якобы недовольнаго политикой Эренталя, послѣдній, прибѣгая къ дипломатитическому шантажу, нагибался къ своему портфелю и дѣлалъ видъ, будто онъ хочетъ вынуть оттуда какую-то бумажку. И этого жеста было достаточно, чтобы заставить „сѣвернаго медвѣдя“ неуклюже поплясать на дипломатическомъ канатѣ. И этого достаточно для насъ, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что Россія вторично поставила свою подпись на купчей о закрѣпленіи аннексированныхъ провинцій за Австріей. Къ несчастью, сербскіе правящіе круги оказались настолько недальновидными, что поддались на удочку провокацій и начали борьбу, которая чуть было не кончилась для нихъ полной катастрофой. Когда въ январѣ 1908 г. Эренталь выступилъ съ своимъ знаменитымъ проектомъ Новобазарской желѣзной дороги, которая должна была окончательно отдѣлить Сербію отъ Черногоріи и пройти, какъ осадная параллель, вдоль западнаго фронта Сербіи и открыть Австріи дорогу на Салоники,—русское правительство, которому, какъ установлено, было *заранѣе* сообщено Австріей объ этомъ проектѣ, выступило какъ бы въ противодѣйствіе австрійскимъ планамъ съ проектомъ Дунайско-Адріатической желѣзной дороги, которая, въ свою очередь, должна была пройти вдоль Балканскаго полуострова, но уже съ востока на западъ и перерѣзать австрійскую линію какъ разъ въ срединѣ, у знаменитаго въ сербской исторіи Коссово. Этимъ проектомъ оффиціальная Россія какъ бы говорила Сербіи и всему славянству: „братья славяне, въ тотъ моментъ, когда вамъ у Коссово снова придется дать великую битву врагамъ славянства, идущимъ уже не съ юга, а съ сѣвера, святая Русь. какъ одинъ человѣкъ, станетъ рядомъ съ вами на томъ самомъ бранномъ полѣ, гдѣ лежатъ ваши геройскіе предки, чтобы общими усиліями дать отпоръ надвигающемуся германизму“. И славяне повѣрили этимъ сказкамъ и обѣщаніямъ нашей дипломатіи отстаивать территоріальныя компенсаціи для Сербіи. 15 октября наслѣдникъ сербскаго престола королевичъ Георгій прибылъ въ Петербургъ. Во всей русской прессѣ начинается сильная агитація въ пользу несчастной Сербіи, очутившейся вмѣстѣ съ австрійской аннексіей Босніи и Герцеговины и отторженіемъ отъ Адріатическаго моря въ глухо-заколоченномъ гробу. Увѣренная въ поддержкѣ Россіи и другихъ европейскихъ государствъ, маленькая Сербія бросила вызовъ могучему сопернику.

Но когда насталъ роковой часъ, и Австрія, мобилизовавъ цѣлыхъ пять корпусовъ, потребовала отъ Сербіи, во-первыхъ, немедленнаго разоруженія и распущенія резервистовъ, во-вторыхъ, удаленія четъ съ боснійской границы, въ третьихъ, формальнаго отказа отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Босніи и Герцеговины, которыя являются „частями австро-венгерской имперіи“, въ четвертыхъ прямого заявленія, что Сербія намѣрена поддерживать добрососѣдскія отношенія съ Австріей, однимъ словомъ, полной и безу-

словной сдачи на милость вѣнскаго правительства безъ какого бы то ни было посредничества постороннихъ державъ, именно въ этотъ роковой моментъ, когда рѣшались судьбы маленькой славянской страны, оффиціальная Россія явилась на rendez-vous въ Коссово только для того, чтобы, подобно сербскому измѣннику, воеводѣ Вуку Бранковичу, перейти на сторону врага со всѣмъ своимъ оружіемъ.

Не предупредивъ даже Франціи и Германіи о готовящемся шагѣ, не считаясь съ тѣмъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которое оно ставило правительства и дипломатію этихъ странъ, связанныхъ съ Россіей дружбой и договорными отношеніями, наше правительство 25 марта—немедленно послѣ того, какъ Австрія, не довольствуясь уступчивостью Сербіи, заявившей, что она отрекается отъ требованій территоріальныхъ компенсацій и передаетъ свою судьбу въ руки державъ, подписавшихъ Берлинскій договоръ, готовилась уже вручить бѣлградскому правительству ультиматумъ,— неожиданно заявило, что оно оффиціально признаетъ аннексію Босніи и Герцеговины и предоставляетъ Сербію своей собственной судьбѣ. А незадолго передъ тѣмъ само же русское правительство побудило Сербію отречься отъ внушенной ей русскими же дипломатами идеи „территоріальныхъ компенсацій“. Такъ снова классическимъ coup de Sarnac кончилась трагическая для Сербіи исторія, въ которой русской дипломатіи пришлось лишній разъ сыграть традиціонную роль, а сербскому народу лишній разъ выполнить свою великую миссію служить удобной размѣнной монетой при сведеніи русскихъ счетовъ съ Австро-Венгріей.

Поспѣшное признаніе Россіей аннексіи Босніи и Герцеговины вызвало сильное возбужденіе противъ русскаго правительства во всей демократической печати Англіи, во многихъ органахъ ея консервативной прессы и глубокое недоумѣніе и негодованіе въ Россіи. Міровому престижу Россіи, ея вліянію въ Сербіи и на Балканскомъ полуостровѣ нанесенъ былъ жестокій, во многихъ отношеніяхъ непоправимый ударъ. Русская дипломатія стремилась въ данномъ случаѣ къ обостренію вопроса о Босніи и Герцеговинѣ отнюдь не въ интересахъ Сербіи, а только для того, чтобы добиться созыва конференціи, на которой, какъ это было до сихъ поръ на всѣхъ международныхъ конференціяхъ, гдѣ участь маленькихъ государствъ рѣшалась хищными сосѣдями, можно было бы подбросить хворосту подъ балканскій костеръ, поставить вопросъ о „компенсаціяхъ“, о Критѣ, объ Албаніи, о проливахъ и, въ концѣ концовъ, продать Боснію и Герцеговину съ Сербіей на придачу на выгодныхъ условіяхъ „австріяку“.

Планы русской дипломатіи были слишкомъ очевидны, чтобы ей удалось обмануть кого-нибудь, кромѣ несчастной Сербіи, гдѣ крики отчаянія заглушили голосъ разсудка. При первыхъ же извѣстіяхъ о предложенной

Извольскимъ программѣ будущей конференціи, о всѣхъ этихъ „компенсаціяхъ“ особенно встревожилась, и не безъ основанія, Турція. Первоначально глубоко возмущенная актомъ Эренталя, оффиціально протестовавшая противъ нарушенія Берлинскаго договора, объявившая и проведшая съ такой изумительной настойчивостью и выдержкой экономическій бойкотъ противъ Австріи, Турція при первыхъ же извѣстіяхъ о программѣ Извольскаго отказывается отъ идеи конференціи, на созывѣ которой она сама же незадолго передъ тѣмъ настаивала; боясь потерять и то, что у нея осталось, Турція начинаетъ обнаруживать стремленіе примириться съ Австріей, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ послѣдней найти союзника въ моментъ опасности. 14 (27) февраля подписывается соглашеніе, по которому Турція уступаетъ Австріи Боснію и Герцеговину и получаетъ обратно Новобазарскій санджакъ и 54 милліона кронъ въ видѣ вознагражденія за недвижимое имущество оттоманскаго правительства въ оккупированныхъ провинціяхъ [1]). Такимъ образомъ, благодаря притязаніямъ Извольскаго добиться „компенсацій“ для всѣхъ государствъ [2]), ограбленная Турція, справедливо опасаясь, что всѣ компенсаціи могутъ совершиться лишь за ея счетъ, бросается въ объятія Австріи, которая, захватывая Боснію и Герцеговину, все-таки возвращаетъ Новобазарскій санджакъ, а Сербія, по винѣ Россіи, теряетъ въ лицѣ Турціи своего единственнаго, естественнаго при данныхъ условіяхъ союзника, оставшись одна лицомъ къ лицу со своими слабыми силами передъ могучимъ противникомъ.

Но нужно признать въ интересахъ справедливости, что если Сербія очутилась въ безвыходномъ положеніи и является съ точки зрѣнія многихъ славянскихъ публицистовъ „конченной страной“, вина за этотъ роковой для сербскихъ патріотовъ исходъ падаетъ не только на русскую дипломатію, но и на ту часть нашей оппозиціонной печати, которая, выхвативъ изъ рукъ реакціи націоналистическое знамя, ея единственный психологическій рессурсъ, возбуждала въ сербскомъ народѣ несбыточныя надежды, поддерживая иллюзіи о помощи Россіи. Вмѣсто того, чтобы рѣшительно и категорически заявить сербамъ: „Оставь надежду всякъ сюда входящій!.. рабская Россія не можетъ помочь ни одному порабощенному народу“, многіе органы русской печати писали въ такомъ духѣ, какъ будто сербы не должны отказаться отъ надежды на помощь Россіи и тѣмъ самымъ толкнули маленькую страну на рискованный поединокъ съ могучимъ сосѣдомъ.

Февраль 1910 г.

Мих. Павловичъ.

---

1) Полный текстъ австро-турецкаго договора см. „Р. Богатство“, 1909 № 3. „Политика“ Южакова.

2) См. упомянутое выше интервью съ Извольскимъ. Le Temps, 8 Octobre 1908.

Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 г.г.

Ф. ДАНЪ.

Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 г.г.

I.

9 января—6 августа 1905 г.

Съ 9 января 1905 года начинается новая полоса въ исторіи русской общественности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, русскаго государственнаго строя и русской государственной власти.

Что, несмотря на всѣ предшествующіе предреволюціонные симптомы, день 9 января въ его историческомъ значеніи былъ неожиданностью для государственной власти,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но до сихъ поръ не имѣется достаточно безспорныхъ данныхъ, чтобы съ точностью установить роль, которую играла политика правительства или отдѣльныхъ его представителей въ цѣпи событій, предшествовавшихъ дню 9 января и подготовившихъ его.

Несомнѣннымъ можно считать слѣдующее: движеніе развивалось подъ непосредственнымъ руководствомъ легализованной рабочей организаціи, созданной при содѣйствіи и покровительствѣ высшихъ чиновъ полиціи и администраціи (петербургскій градоначальникъ, генералъ Фуллонъ, и мин. вн. дѣлъ В. К. Плеве). Въ самый ходъ движенія власти почти не вмѣшивались,—и при томъ не только тогда, когда оно по внѣшности носило экономическій характеръ, но и тогда, когда на многолюдныхъ рабочихъ собраніяхъ начали раздаваться политическія рѣчи и стала зрѣть мысль о шествіи къ Зимнему Дворцу. И въ рѣзкомъ контрастѣ съ этою политикою невмѣшательства стоитъ безпощадная расправа съ манифестантами въ самый день „кроваваго воскресенья“.

Правительственное сообщеніе объясняетъ невмѣшательство полиціи и общей администраціи въ бурно разгоравшееся движеніе слѣдующимъ образомъ: „Въ виду того, что стачка не была соединена съ нарушеніемъ порядка, никакихъ репрессивныхъ мѣръ властями предпринимаемо не было, и со времени ея возникновенія не было произведено ни одного ареста и обыска въ рабочей средѣ“. Недостаточность этого объясненія очевидна. Во-первыхъ, правительственное сообщеніе говоритъ лишь о „репрессивныхъ“ мѣрахъ; этимъ

во всякомъ случаѣ не объясняется полная пассивность властей, выразившаяся въ непринятіи какихъ бы то ни было мѣръ, хотя бы въ видѣ предупрежденія рабочихъ объ отношеніи правительства къ затѣваемымъ ими шагамъ. Во-вторыхъ, вся административная практика этого времени исключаетъ всякую мысль о томъ, чтобы не только всеобщая стачка сама по себѣ, но и лихорадочно возбужденные, многотысячные митинги во всѣхъ рабочихъ кварталахъ дѣйствительно не казались властямъ „нарушеніемъ порядка". Наконецъ, никакихъ мѣръ, ни репрессивныхъ, ни предупредительныхъ, не было принято и тогда, когда, по изложенію правительственнаго сообщенія, общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ съ Гапономъ во главѣ „съ утра 8 января перешло къ пропагандѣ явно революціонной", и началось „подстрекательство подпольныхъ революціонныхъ кружковъ" [1]). Депутаціи общественныхъ дѣятелей (К. Арсеньевъ, Г. Гессенъ, М. Горькій и др.), которую впослѣдствіи старались изобразить зародышемъ намѣченнаго уже „временнаго правительства", предсѣдатель комитета министровъ, С. Ю. Витте отвѣтилъ указаніемъ на свое безсиліе что-либо сдѣлать, а товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціею, генералъ Рыдзевскій,—совѣтомъ убѣждать рабочихъ не ходить ко дворцу. Но само министерство и въ этотъ день 8 января не сочло нужнымъ довести этотъ свой совѣтъ до свѣдѣнія жителей столицы, и единственной принятой властями притомъ секретной мѣрой было стратегическое раздѣленіе Петербурга на военные участки.

Точно также недостаточно опредѣленно и объясненіе, даваемое правительственнымъ сообщеніемъ обрушившейся на манифестантовъ жестокой репрессіи: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между ними (рабочими) и войсками, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованіямъ разойтись, а иногда даже нападенія на войска, произошли кровопролитныя столкновенія". Но случаевъ „нападенія на войска" невооруженныхъ рабочихъ не было и вообщеніе не указываетъ ихъ; не было и „столкновеній", если не считать такъ называемыхъ „баррикадъ" изъ телеграфныхъ столбовъ на Васильевскомъ островѣ, построенныхъ, однако, уже послѣ главныхъ разстрѣловъ и защищавшихся кучкой рабочихъ, вооруженныхъ холоднымъ оружіемъ и парой револьверовъ.

Сопротивленіе же толпы „подчиниться требованіямъ разойтись", конечно, могло быть преодолѣно другими средствами, чѣмъ залпы, унесшіе сотни людей въ могилу и переполнившіе больницы ранеными.

Такимъ образомъ, правительственное сообщеніе по поводу дня 9 января оставляетъ совершенно безъ освѣщенія поведеніе властей въ разыгрывавшихся

---

[1]) Въ дѣйствительности, переходъ къ политической пропагандѣ, вмѣшательство революціонныхъ организацій, какъ и мысль о петиціи и пр. относятся не къ 8 января, какъ это утверждаетъ правительств. сообщеніе, а къ 5—7.

событіяхъ. Можно лишь предполагать, что пассивность властей вплоть до самаго дня 9 января обусловливалась самыми различными мотивами. Значительную роль сыграла тутъ, несомнѣнно, общая внутренняя слабость и неувѣренность правительства, расшатаннаго ударами войны и напоромъ общественнаго движенія.

Дѣйствовала и связанная съ этимъ сознаніемъ внутренней слабости режима нерѣшительность и колебанія отдѣльныхъ представителей его, ихъ боязнь встать въ слишкомъ рѣзкое противорѣчіе съ общественнымъ движеніемъ, которому, быть можетъ, вскорѣ суждено окончательное торжество [1]).

Но, кромѣ этихъ элементовъ нерѣшительности и неустойчивости, въ опредѣленіи политики властей по отношенію къ январьскому движенію, играли роль и другіе. Какъ извѣстно, самому возникновенію и развитію „гапоновскаго“ общества администрація оказывала содѣйствіе въ разсчетѣ отвлечь такимъ образомъ рабочихъ отъ участія въ политическомъ движеніи. Естественно было теперь, въ эпоху кризиса и подъема движенія либеральныхъ слоевъ имущаго общества, попытаться воспользоваться для противодѣйствія этому движенію результатами этой политики „отвлеченія“, или, по крайней мѣрѣ, пассивнымъ отношеніемъ къ разбушевавшейся рабочей стихіи дать ей возможность произвести запугивающее и „отрезвляющее“ воздѣйствіе на либеральные общественные верхи. Поступать такимъ образомъ значило, въ концѣ концовъ, лишь продолжать идти по тому руслу, которое было уже—хотя пока еще лишь очень легкими чертами—намѣчено такъ называемыми „патріотическими“ манифестаціями, еврейскими погромами, избіеніями земскихъ служащихъ, учащихся и т. д.

Уровень развитія и общее настроеніе широкихъ рабочихъ массъ, казалось, позволяли считать небезнадежными такого рода разсчеты. Если внимательно присмотрѣться даже къ окончательному идейно-политическому продукту движенія—знаменитой петиціи, то и въ ней можно безъ труда замѣтить сочетаніе двухъ противорѣчивыхъ элементовъ: широкія политическія соціально-экономическія требованія, съ одной стороны, наивная вѣра и патріархальный складъ мышленія и чувствъ, съ другой. Въ текстѣ петиціи отразилось дѣйствительное состояніе петербургскаго рабочаго класса въ ту эпоху: сравнительно тонкій слой передовыхъ рабочихъ съ развитымъ классовымъ *созна-*

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ характерныя свѣдѣнія о визитѣ Гапона 6 января министру юстиціи Н. Муравьеву. Гапонъ предлагалъ министру сыграть историческую роль, взявъ на себя передачу петиціи по назначенію. Министръ лишь послѣ долгаго колебанія отказался отъ предложенія своего собесѣдника, которому, между прочимъ, еще до начала бесѣды гарантировалъ безопасность отъ ареста. 20 января Н. В. Муравьевъ былъ назначенъ посломъ въ Италію, а мѣсто министра юстиціи занялъ С. С. Манухинъ.

нѣмъ, опирающійся въ своихъ требованіяхъ на темныя широкія массы, въ которыхъ лишь начинаетъ говорить стихія классоваго *инстинкта* и на всей психологіи которыхъ еще лежитъ тяжелая печать стараго патріархально-крѣпостническаго уклада.

Историческая обстановка, въ которой протекало январьское движеніе 1905 года, опрокинула всѣ разсчеты на использованіе съ реакціонными цѣлями разбушевавшейся рабочей стихіи, находившейся, какъ казалось вначалѣ, подъ безраздѣльнымъ вліяніемъ такой политически двусмысленной организаціи, какъ гапоновская. Ударъ войны, экономическій кризисъ, просачивающіяся въ низы вліянія либеральной „весны“ и лихорадочная соціалдемократическая агитація, опиравшаяся на десятилѣтіе предшествующей работы,—все это позволило передовому слою рабочихъ политически овладѣть массовой стихіей, сдѣлать январьское движеніе исходной точкой сознательной политической борьбы рабочаго класса и придать событіямъ характеръ не угрозы по адресу умѣренно-либеральнаго движенія верховъ, а, наоборотъ,—фактора, вливающаго и въ это движеніе новыя силы, толкающаго и его далеко за предѣлы, достигнутые до тѣхъ поръ.

При той лихорадочной быстротѣ, съ какою протекали событія, вся эта эволюція совершилась въ нѣсколько дней, и когда она была замѣчена,—было уже поздно принимать предупредительныя мѣры, пришлось считаться съ наличностью мощнаго, массоваго движенія, написавшаго на своемъ знамени политическія требованія демократіи. Пассивное laisser faire смѣнилось паническимъ страхомъ и полною растерянностью, приведшею, въ концѣ концовъ, къ расправѣ, ни съ какой точки зрѣнія не вызывавшейся обстоятельствами. Такъ именно описывалъ настроеніе высшей бюрократіи въ это время одинъ „бывшій министръ [1]): „Правительство проявило въ этомъ случаѣ невѣроятную слабость. Я достовѣрно знаю, что оно не приняло никакихъ мѣръ, не сдѣлало рѣшительно ничего... Въ послѣднюю же минуту, совсѣмъ потерявъ голову, обратились къ содѣйствію арміи“.

Но именно эти дѣйствія „послѣдней минуты“ привели къ окончательному закрѣпленію за движеніемъ того соціально-политическаго характера, который оно начало пріобрѣтать въ недолгіе дни бурной агитаціи, сдѣлали достигнутую имъ ступень развитія прочнымъ пріобрѣтеніемъ петербургскаго рабочаго движенія и способствовали перекидыванію его на всю Россію, придавъ ему въ то же время смыслъ движенія общенаціональнаго, вовлекающаго въ свой круговоротъ и непролетарскіе слои населенія.

Правительство сразу очутилось въ еще гораздо болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ было раньше. Къ движенію либеральныхъ общественныхъ

---

[1]) „Echo de Paris“. Цит. по „Освобожденію“ 1905 г. № 65.

верховъ присоединялось движеніе широкихъ народныхъ массъ, существенно видоизмѣнявшее все политическое положеніе. Продолженіе политики „весны“, разсчитанной, главнымъ образомъ, на умиротвореніе имущаго общества, стало невозможнымъ, разъ приходилось ввести въ разсчеты такой новый и мощный факторъ, какъ движеніе рабочихъ милліоновъ [1]). Приходилось искать новыхъ путей.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было новое усиленіе репрессій. До 9-го января, въ видѣ уступки либеральному общественному мнѣнію, было временно уничтожено генералъ-губернаторство въ Москвѣ и занимавшій постъ московскаго ген.-губернатора Вел. Князь Сергій Александровичъ оставленъ лишь командующимъ войсками московскаго округа (1 янв. 1905). Теперь главные дѣятели этого генералъ-губернаторства, Д. Ф. Треповъ и А. Г. Булыгинъ, были назначены на самые отвѣтственные и руководящіе посты. А. Булыгинъ занялъ мѣсто уволеннаго кн. Святополка-Мирскаго, и Д. Треповъ — петербургскаго генералъ-губернатора,—должность, учрежденная 11 января.

Эти назначенія знаменовали собою оффиціальную ликвидацію „весны“ и измѣненіе административной практики въ смыслѣ перехода отъ доброжелательнаго „довѣрія“ къ явной враждебности и угрозамъ по адресу все разгоравшагося общественнаго движенія.

Но, независимо отъ измѣненія административной практики, приходилось подумать, прежде всего, объ успокоеніи рабочихъ. Сейчасъ же послѣ январьскихъ событій было расклеено объявленіе, подписанное министромъ финансовъ, В. Коковцовымъ, и петерб. ген.-губ., Д. Треповымъ, и обращенное къ рабочимъ. Объявленіе констатируетъ, что событія начались предъявленіемъ рабочими „ряда требованій, касающихся взаимныхъ отношеній между ними и фабрикантами“. Политическій же характеръ былъ приданъ волненіямъ „злонамѣренными лицами“, которыя „не остановились передъ затрудненіями, переживаемыми нашею Родиною въ тяжелое военное время“ [2]). Убѣждая рабочихъ „возвратиться къ своему обычному труду“, объявленіе напоминало имъ, что „Его Величество еще столь недавно повелѣть соизволилъ, по личному Своему произволенію, приступить къ разработкѣ вопроса о страхованіи

---

[1]) По подсчетамъ „Искры“, въ однѣхъ только послѣ-январьскихъ забастовкахъ участвовало свыше милліона лицъ.

[2]) Этотъ мотивъ подробнѣе и опредѣленнѣе развилъ Святѣйшій Синодъ въ своемъ „посланіи“, посвященномъ январьскимъ событіямъ: „Всего прискорбнѣе, что происшедшіе безпорядки вызваны подкупами со стороны враговъ Россіи... Значительныя средства присланы ими, дабы отвлеченіемъ рабочихъ отъ труда помѣшать своевременной посылкѣ на Дальній Востокъ морскихъ и сухопутныхъ силъ и затруднить снабженіе дѣйствующей арміи весьма необходимыми для нея припасами“. Это „посланіе“ дало толчокъ широкому распространенію басни о присланныхъ будто бы японцами 18 мил. рублей.

рабочихъ", что „этою мѣрою не исчерпываются заботы Государя Императора о благѣ рабочихъ и что одновременно съ симъ, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, министерство финансовъ готово приступить къ разработкѣ закона о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени и такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ".

Такимъ образомъ, первыми мѣрами, которыя правительство предлагало рабочимъ, были, на-ряду со страхованіемъ отъ увѣчья и болѣзней, законъ о сокращеніи рабочаго дня и извѣстный просторъ для рабочихъ организацій. Но этими обѣщаніями, выполненіе которыхъ, во всякомъ случаѣ, казалось рабочимъ дѣломъ будущаго, ограничиться было невозможно въ виду все ширившагося броженія въ рабочей средѣ. Необходимо было принять рядъ экстренныхъ мѣръ, которыя бы немедленно показали рабочимъ, что правительство заботится о нихъ, и въ то же время попытаться отнять у этихъ мѣръ характеръ уступокъ, слишкомъ явно вынужденныхъ напоромъ массоваго движенія и потому поощряющихъ къ продолженію и усиленію его.

19 января Д. Треповымъ были собраны въ Зимнемъ Дворцѣ 34 рабочихъ съ разныхъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ. Эти рабочіе были приняты Государемъ, высказавшимъ, между прочимъ, свое убѣжденіе, что въ январьскомъ движеніи рабочіе „дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнниками и врагами нашей родины", но въ то же время заявившимъ: „Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а потому прощаю имъ вину ихъ".

Этими словами для правительства открывалась возможность приступить къ удовлетворенію нѣкоторыхъ требованій рабочихъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 29. января 1905 г. была образована, подъ предсѣдательствомъ члена Гос. Совѣта, сенатора Шидловскаго, особая комиссія „для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ гор. С.-Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ". Кромѣ представителей вѣдомствъ, въ комиссію должны были входить „представители промышленниковъ, по ихъ выбору, и рабочихъ, по избранію самихъ рабочихъ". Порядокъ этихъ выборовъ предоставлялось установить предсѣдателю комиссіи, которымъ и была выработана особая инструкція на этотъ счетъ. По этой инструкціи промышленники выбираютъ 15 представителей на общемъ собраніи всѣхъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, имѣющихъ не менѣе 100 рабочихъ. Представители же рабочихъ (въ общемъ числѣ 54) избираются на слѣдующихъ основаніяхъ: рабочіе заведеній, имѣющихъ 100—500 рабочихъ, избираютъ одного выборщика; 500 — 1.000— двухъ, а затѣмъ по одному на каждые новые 500. Выборщиками могутъ быть только мужчины не моложе 25 лѣтъ отъ роду, работавшіе въ томъ же

заведеніи не менѣе 1 года. Всѣ выборщики группируются по 9 группамъ производствъ, при чемъ каждая группа особо, но въ одинъ и тотъ же день, выбираетъ положенное по росписанію число представителей (отъ 2 въ группахъ взрывчатыхъ веществъ и химической до 17—въ металлической).

Однако, въ назначенный для выборовъ день—18 февраля—выборщики устроили неразрѣшенное имъ общее собраніе всѣхъ группъ и, ссылаясь на фактъ ареста нѣсколькихъ выборщиковъ петерб. ген.-губернаторомъ, выработали на немъ заявленіе, въ которомъ требовали гарантій свободы и неприкосновенности своихъ представителей. Послѣ отвѣта предсѣдателя комиссіи, Шидловскаго, заявившаго, что многіе изъ предъявленныхъ рабочими требованій „не могутъ подлежать удовлетворенію, такъ какъ выходятъ изъ предѣловъ возложенной на комиссію задачи“,—7 группъ изъ 9 отказались отъ производства выборовъ.

20 февраля дѣятельность комиссіи Шидловскаго была объявлена прекратившеюся, и въ тотъ же день учреждена новая комиссія по рабочему вопросу подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ Коковцова. Составъ комиссіи былъ чисто бюрократическій, при чемъ, однако, предсѣдателю было предоставлено „привлекать къ участію въ занятіяхъ ея лицъ, извѣстныхъ своими научными или литературными трудами по разработкѣ рабочаго вопроса и при томъ практически знакомыхъ съ постановкою его въ Россіи“. Что касается представительства отъ рабочихъ, то комитетъ министровъ находилъ, что „установленіе по сему предмету нынѣ же какихъ-либо опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ правилъ, долженствующихъ обнять собою всю совокупность разнообразныхъ отношеній многомилліоннаго состава рабочаго класса, несходныхъ между собою по мѣстнымъ особенностямъ и условіямъ различныхъ производствъ, — представлялось бы едва-ли практичнымъ“. Поэтому предсѣдателю комиссіи была предоставлена въ этомъ отношеніи полная свобода дѣйствій, и лишь возложена на него обязанность „принимать въ соображеніе объясненія промышленниковъ и рабочихъ, которыя могутъ поступать въ комиссію, сообразно основанному на ходѣ работъ усмотрѣнію комиссіи и ея предсѣдателя, въ изустной или письменной формѣ“.

Какъ видно изъ соображеній комитета министровъ, которыя легли въ основу повелѣнія объ образованіи Коковцовской комиссіи, правительствомъ руководило мнѣніе, что „въ настоящее время наиболѣе необходимы мѣры, содѣйствующія скорѣйшему успокоенію фабрично-заводскаго населенія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ всталъ на ту точку зрѣнія, что взглядъ, будто въ Россіи не существуетъ рабочаго вопроса въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ существуетъ на Западѣ, слѣдуетъ признать ошибочнымъ. Отсюда—необходимость въ попыткахъ успокоенія рабочихъ слѣдовать по пути, уже проторенному западно-европейскими правительствами, особенно германскимъ, которому,

благодаря дѣятельности Бисмарка, настоявшаго на изданіи законовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ, союзахъ, стачкахъ и т. д., удалось, по мнѣнію комитета министровъ, „взять рабочее движеніе въ свои руки".

Эта курьезная характеристика отношенія между рабочимъ движеніемъ и государственною властью въ странѣ наиболѣе сильнаго развитія соціалдемократіи нужна была комитету министровъ для того, чтобы, закрывая глаза на политическую проблему, такъ остро выдвинутую именно рабочимъ движеніемъ, мотивировать свое желаніе перейти къ практикѣ „государственнаго соціализма" на нѣмецкій ладъ, какъ исчерпывающаго средства для успокоенія рабочихъ.

Новой комиссіи было поручено „безотлагательно выработать въ этомъ направленіи рядъ законопроектовъ: а) объ организаціяхъ для обсужденія и разрѣшенія возникающихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ на почвѣ договора найма вопросовъ, а также для улучшенія фабрично-заводскаго быта рабочихъ; б) о возможности дальнѣйшаго, сравнительно съ закономъ 2 іюня 1897 г., сокращенія рабочаго времени; в) объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій о стачкахъ и забастовкахъ; и г) объ обезпеченіи рабочимъ больничной помощи, а равно и другихъ вопросовъ, кои могутъ выясниться при обсужденіи вышеозначенныхъ мѣръ и, въ ряду ихъ, вопроса объ объемѣ правъ и обязанностей фабричной инспекціи".

Кромѣ того, комитетъ министровъ сдѣлалъ еще 2 принципіально важныхъ постановленія. Первое должно было еще разъ рѣшить тяжбу между двумя министерствами—внутреннихъ дѣлъ и финансовъ—о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ руководящее вліяніе въ направленіи рабочей политики. На этотъ разъ комитетъ рѣшилъ вопросъ въ пользу министерства финансовъ, исходя изъ двухъ соображеній: во-первыхъ, что м-во внутр. дѣлъ, „будучи вѣдомствомъ, по ближайшей своей задачѣ преслѣдующимъ цѣли охраны порядка, очевидно, направило бы прежде всего къ ней же и дѣятельность фабричной инспекціи"; во-вторыхъ, что руководить успѣшно направленіемъ рабочей политики можетъ лишь министерство, „которое вѣдаетъ торгово-промышленную политику государства и которое близко знаетъ бытовыя, техническія и экономическія условія фабрично-заводскаго дѣла" [1]). Въ это положеніе было, впрочемъ, тутъ же внесено весьма существенное ограниченіе сохраненіемъ въ силѣ В. п. 30 мая 1903 г. о подчиненіи фабричнаго надзора на мѣстахъ общему руководству губернаторовъ.

Вторымъ постановленіемъ было, что „опредѣленіе отношеній между фабрично-заводскими промышленниками и рабочими должно быть производимо

[1]) Съ учрежденіемъ министерства торговли и промышленности (27 окт. 1905 г.) рабочій вопросъ перешелъ въ его вѣдѣніе и разрабатывается въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ министра.

не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего никакія организаціи сихъ отношеній, не предусмотрѣнныя въ законѣ, не должны быть допускаемы". Это было признаніемъ банкротства всѣхъ разновидностей зубатовской политики, послѣднимъ опытомъ которой было покровительство созданію гапоновскаго общества [1]). Въ то же время это было какъ бы гарантіей отъ административнаго вмѣшательства, даваемой правительствомъ промышленникамъ.

А такая гарантія была тѣмъ болѣе нужна, что, потерпѣвъ въ комиссіи Шидловскаго неудачу въ попыткѣ столковаться съ самими рабочими, правительство теперь, въ лицѣ Коковцовской комиссіи, обращалось къ промышленникамъ въ надеждѣ, что они помогутъ ему успокоить рабочій классъ рядомъ благодѣтельныхъ экономическихъ реформъ, проводимыхъ сверху, безъ содѣйствія самихъ рабочихъ. Но промышленники не обнаруживали ни малѣйшаго желанія брать издержки этихъ успокоительныхъ попытокъ на свой счетъ. Какъ въ своихъ многочисленныхъ запискахъ этой эпохи, такъ и въ комиссіи они упорно отстаивали ту точку зрѣнія, что причины рабочихъ волненій—политическія, а не экономическія, и что для ихъ успокоенія необходимо не улучшеніе ихъ экономическаго положенія, а политическія реформы. При такихъ условіяхъ работа комиссіи не подвигалась ни на шагъ впередъ, а гибель эскадры Рождественскаго въ маѣ 1905 года дала промышленникамъ желанный и въ то же время весьма эффектный поводъ заявить, что, въ виду такихъ волнующихъ всѣхъ гражданъ событій, они чувствуютъ себя не въ состояніи спокойно продолжать занятія и потому покидаютъ комиссію.

Не болѣе удачны были и работы другой комиссіи подъ предсѣдательствомъ тов. мин. фин. В. И. Тимирязева, образованной еще 17 января 1905 г. для разработки вопроса объ обѣщанномъ указомъ 12 дек. 1904 г. „государственномъ страхованіи утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ [2]) на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ". Въ эту комиссію, кромѣ представителей различныхъ вѣдомствъ, были также введены 58 делегатовъ отъ различныхъ торгово-промышленныхъ организацій и учрежденій и

---

[1]) Обсуждая январьскія событія, комитетъ министровъ (особый журналъ 28—31 янв. 1905 г.), между прочимъ, призналъ: „случившееся несчастіе непоправимо. Но тѣмъ больше значеніе долженъ имѣть опытъ, полученный столь тяжкой цѣной, и послѣдствія его должны быть достаточны, чтобы навсегда покончить съ мыслью о возможности вмѣшательства полицейской власти въ сферу экономическихъ отношеній. (Цит. по И. Х. Озерову. Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. Москва 1906, стр. 238).

[2]) Въ указѣ 12 дек. говорилось лишь о „рабочихъ". „Служащіе" прибавленъ В. утв. пол. ком. мин. 17 янв. 1905 г. За то указъ говорилъ о страхованіи, какъ одной изъ „мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ" вообще, а В. у. п. к. м. лишь о страхованіи „утратившихъ трудоспособность", чѣмъ заранѣе исключалась изъ круга страхованія безработица.

10 делегатовъ отъ обществъ взаимнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ—рижскаго, иваново-вознесенскаго, одесскаго, кіевскаго и петербургскаго. Но этой комиссіи такъ и не пришлось ни разу собраться въ общемъ засѣданіи, и все дѣло ограничилось выработкой въ министерствѣ нѣкоторыхъ основныхъ положеній страхованія на случай болѣзни, несчастныхъ случаевъ и инвалидности, которыя были впослѣдствіи использованы при выработкѣ законопроектовъ для внесенія въ Гос. Думу.

Такимъ образомъ, судорожныя попытки наскоро принятыми мѣрами повліять на дальнѣйшій ходъ рабочаго движенія потерпѣли рѣшительное фіаско. Онѣ не только оказались не въ силахъ воздвигнуть плотину, которая задержала бы развитіе политическаго кризиса, но скорѣе, наоборотъ, лишь подливали масла въ огонь, показавъ наглядно рабочимъ невозможность разсчитывать на сколько-нибудь серьезныя завоеванія при сохраненіи стараго режима, а промышленникамъ — желаніе этого режима спастись за ихъ счетъ, и толкали такимъ образомъ и тѣхъ, и другихъ на путь политическихъ требованій и политической борьбы.

Изъ всѣхъ пышныхъ проектовъ мѣропріятій по рабочему вопросу не вышло ничего, и единственными актами правительства за время съ января по августъ 1905 г. остались „Временныя правила о выборныхъ отъ рабочихъ въ мастерскихъ и паровозныхъ депо казенныхъ ж. д.“ (8 февр. 1905), распространившія на эту категорію рабочихъ правила о выборѣ рабочихъ старостъ (законъ 10 іюня 1903 г.), а также состоявшаяся 15 апрѣля отмѣна двухъ циркуляровъ о преслѣдованіи бастующихъ рабочихъ: знаменитаго циркуляра мин. вн. дѣлъ губернаторамъ отъ 12 августа 1897 года [1]) и однороднаго циркуляра фабричнымъ инспекторамъ (8 апр. 1897), обязывавшаго ихъ принимать всѣ мѣры къ побужденію забастовавшихъ рабочихъ вновь становиться на работу. Отмѣна этихъ циркуляровъ означала отступленіе правительства передъ напоромъ безчисленныхъ стачекъ, охватившихъ всю Россію. Рабочіе фактически завоевывали себѣ право стачки, не гарантированное имъ закономъ. Это и было единственнымъ дѣйствительнымъ результатомъ разсматриваемаго періода, когда всѣ усилія государственной власти были направлены именно на изысканіе мѣръ, которыя бы, если не уничтожили, то довели до минимума стачечное движеніе рабочихъ, такъ наглядно показавшее въ январьскіе дни всю свою опасность для старой государственности.

* *
*

[1]) Объ этомъ циркулярѣ см. въ 1-ой части настоящей работы (Общ. движ. т. I, стр. 451).

На-ряду съ этими безплодными хлопотами вокругъ рабочаго вопроса, правительство усиленно занялось проектами осуществленія реформъ, обѣщанныхъ *указомъ 12 декабря 1904 года*. Закрывая глаза на все ближе и ближе надвигавшійся ураганъ, оно дѣлало отчаянныя усилія положить предѣлъ политическому кризису путемъ постепеннаго самореформированія съ сохраненіемъ въ неприкосновенности традиціоннаго государственнаго строя. Если „великія реформы“ 60-хъ годовъ характеризуются стремленіемъ прикрыть „либеральною“ формою старое абсолютистское содержаніе, то теперь, наоборотъ, всѣ усилія направляются на то, чтобы въ старыя формы абсолюстистской государственности вмѣстить новое „либеральное“ содержаніе, соотвѣтствующее уровню требованій усложнившихся соціально-экономическихъ отношеній.

Какъ мы уже говорили въ I томѣ настоящаго изданія, въ основу указа 12 дек. была положена та тенденція правительственной политики предреволюціонной эпохи, выразителемъ которой являлось преимущественно министерство финансовъ и которая сводилась къ стремленію приспособить абсолютистскую государственную машину къ потребностямъ капиталистическаго развитія страны. Въ своей совокупности проектированныя за данный періодъ реформы и даютъ какъ бы цѣлостную программу такого приспособленія,— программу, которая никогда не была, да и не могла быть осуществлена въ законченномъ видѣ и которая, являясь лебединою пѣснью „стараго режима“, свидѣтельствуетъ въ гораздо большей степени объ остротѣ противорѣчій, раздиравшихъ этотъ режимъ, чѣмъ о возможности для него своими внутренними силами преодолѣть эти противорѣчія.

Въ то же время, являясь „послѣднимъ словомъ“ старой, полицейско-бюрократической государственности, эта программа служитъ ей платформой во всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ перипетіяхъ, на которыя осудила ее исторія. И впослѣдствіи, при всѣхъ внѣшнихъ измѣненіяхъ государственныхъ формъ, мы увидимъ, что старая государственность хватается въ попыткахъ самосохраненія и приспособленія къ измѣнившимся условіямъ, все за ту же программу, формулированную ею въ послѣдніе дни ея предреволюціоннаго существованія, и все такъ же тщетно пытается, опираясь на эту программу, обойти раздирающія ее внутреннія противорѣчія.

Мы уже упоминали о тимирязевской комиссіи, на которую была возложена задача подготовить проведеніе въ жизнь одного изъ пунктовъ указа 12 декабря—государственнаго *страхованія рабочихъ*. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть работы и предположенія правительства по проведенію въ жизнь остальныхъ пунктовъ указа.

Самымъ важнымъ изъ этихъ пунктовъ былъ *крестьянскій вопросъ*. Какъ мы указывали уже въ I томѣ, въ постановкѣ, приданной этому во-

просу указомъ 12 дек., торжествовали тенденціи превращенія крестьянъ въ „полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей“ и къ „объединенію законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ Имперіи“,—тенденціи, защищавшіяся „особымъ совѣщаніемъ“ подъ предсѣдательствомъ Витте въ противоположность тенденціямъ опиравшейся на „губернскія совѣщанія“ такъ наз. „редакціонной комиссіи“ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, настаивавшей на сохраненіи и закрѣпленіи сословной обособленности и безправія крестьянства и неприкосновенности общиннаго строя.

Въ указанномъ 12 декабря духѣ и возобновило свои занятія „особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“. Оно начало съ проектовъ реформированія крестьянскаго управленія и суда. Смыслъ реформированія сводился къ тому, чтобы подготовить превращеніе общины въ чисто-хозяйственный добровольный союзъ съ лишеніемъ органовъ правительственной власти права вмѣшиваться во внутреннія распорядки этого союза и съ сохраненіемъ за ними лишь права надзора за законностью производимыхъ союзомъ дѣйствій. Что же касается суда, то въ области гражданскихъ отношеній, не касающихся надѣльнаго имущества, а также въ уголовныхъ дѣлахъ проектировалось подчинить крестьянъ дѣйствію общихъ законовъ. Положеніе 19 февраля, поскольку оно касается надѣльныхъ имуществъ, а также дополнительные законы, изданные по этому вопросу (правила о семейныхъ раздѣлахъ, о передѣлахъ, о неотчуждаемости надѣловъ и т. д.), должны были подвергнуться пересмотру въ смыслѣ объединенія законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ. Господство „обычая“ признавалось лишь въ особыхъ случаяхъ, которые должны быть спеціально оговорены въ законѣ. Волостные суды предлагалось уничтожить, такъ какъ „никакія мѣры по улучшенію такого суда не могутъ измѣнить его недостатковъ“. Этотъ волостной судъ долженъ быть замѣненъ „судомъ общимъ для всѣхъ сословій, свѣдущимъ въ техникѣ судебнаго дѣла, независимымъ отъ администраціи и входящимъ въ составъ судебнаго управленія“. Органы такого суда предполагались въ троякомъ видѣ: 1) выборный коллегіальный судъ, съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ для предсѣдателя и пониженнымъ для прочихъ членовъ; или 2) единоличный выборный судъ съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ; или 3) при невозможности, по мѣстнымъ условіямъ, организовать выборный судъ,—коронный судья съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ. Наконецъ, проектировалось устройство въ отдѣльныхъ поселкахъ „безсословныхъ судовъ третейскаго типа для разрѣшенія, по обоюдному желанію тяжущихся сторонъ, маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ“.

Эта реформа сословно-крестьянскаго управленія связывалась неизбѣжно съ преобразованіемъ общихъ мѣстныхъ учрежденій, въ вѣдѣніе которыхъ должны были перейти дѣла, выдѣляемыя изъ компетенціи существующаго

крестьянскаго общественнаго управленія. Первымъ шагомъ въ этомъ преобразованіи намѣчалось созданіе мелкой земской единицы—въ видѣ ли болѣе мелкаго, чѣмъ уѣздъ, территоріальнаго участка, въ видѣ ли поселковаго общества, обнимающаго всѣхъ постоянныхъ жителей даннаго населеннаго пункта (или нѣсколькихъ сосѣднихъ) и надѣленнаго функціями простѣйшаго городского самоуправленія; въ видѣ ли, наконецъ, сочетанія этихъ двухъ типовъ. Измѣненію подлежало и распредѣленіе административно-полицейскихъ функцій, при чемъ и тутъ открывалась возможность троякаго исхода: передача всѣхъ дѣлъ исключительно органамъ правительственной власти, или—исключительно мелкимъ земскимъ организаціямъ, или же, наконецъ, распредѣленіе этихъ дѣлъ между тѣми и другими. Во всякомъ случаѣ должно было прекратиться замѣщеніе низшихъ исполнительныхъ должностей въ порядкѣ натуральной повинности.

Покончивъ съ управленіемъ и судомъ, совѣщаніе приступило къ вопросамъ крестьянскаго землепользованія, но въ это время, подъ вліяніемъ начавшихся раннею весною крестьянскихъ безпорядковъ, правительственная политика по крестьянскому вопросу испытала новый зигзагъ. Не то, чтобы снова кореннымъ образомъ измѣнилось направленіе этой политики въ смыслѣ возврата къ старымъ тенденціямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Послѣ 9 января и всѣхъ связанныхъ съ нимъ событій этотъ возвратъ былъ невозможенъ, и бывшій противникъ С. Витте — И. Л. Горемыкинъ, теперь, въ засѣданіяхъ „особаго совѣщанія“, голосовалъ вмѣстѣ съ большинствомъ за основныя черты программы Витте противъ незначительнаго меньшинства бюрократовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ (гр. Шереметевъ, кн. Щербатовъ, Стишинскій, Хвостовъ, Лобко).

Но крестьянскіе безпорядки въ насыщенной электричествомъ послѣянварьской атмосферѣ внушали опасливое отношеніе вообще къ какимъ бы то ни было болѣе широкимъ мѣропріятіямъ въ такой щекотливой области, какъ крестьянскій вопросъ. Казалось, лучше не трогать этой опасной области, ограничиваясь самымъ необходимымъ и употребляя всѣ усилія для возможно болѣе быстраго подавленія безпорядковъ. Полицейскія соображенія еще разъ брали верхъ надъ политическими.

30 марта „особое совѣщаніе“ было внезапно упразднено. Въ тотъ же день, рескриптомъ на имя И. Л. Горемыкина, было учреждено новое „особое совѣщаніе“ подъ его предсѣдательствомъ — на этотъ разъ „о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія“. Въ самомъ названіи новаго «совѣщанія» было уже отмѣчено суженіе его задачъ по сравненію съ Виттевскимъ совѣщаніемъ «о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности». И, дѣйствительно, рескриптомъ намѣчались крайне ограниченныя задачи новаго совѣщанія: изысканіе „практическихъ путей“ для „непосредственнаго упро-

ченія земельнаго строя крестьянъ“ при „непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ“; „мѣры къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ способовъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями“; поощреніе переселенія и покупокъ земли при содѣйствіи крестьянскаго банка; и, наконецъ, завершеніе отграниченія надѣльныхъ земель отъ земель прочихъ владѣльцевъ, — опять-таки „дабы тѣмъ самымъ вящшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности“.

Какъ видно изъ донесеній губернаторовъ, чиновъ полиціи и жандармеріи, правительство было вполнѣ освѣдомлено не только о цѣляхъ, которыя ставило себѣ крестьянское движеніе, но и о тѣхъ причинахъ, которыя его непосредственно вызывали и коренились какъ въ тяжести бремени, наложеннаго на крестьянскія плечи государственнымъ хозяйствомъ, такъ и въ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками. Общій кризисъ лишь усиливалъ противорѣчія пореформеннаго крестьянскаго хозяйства и повышалъ до невыносимости гнетъ помѣщичьяго хозяйства надъ деревней. „У помѣщиковъ какое-то озвѣрѣлое чувство къ крестьянамъ“,—доносилъ, напр., начальникъ витебскаго губернскаго жандармскаго управленія шефу жандармовъ [1]), описывая усиленіе самыхъ разнообразныхъ формъ эксплоатаціи крестьянъ помѣщиками.

Но земельное дворянство играло слишкомъ видную роль въ механизмѣ „стараго режима“, чтобы правительство могло, ради скорѣйшаго успокоенія крестьянъ, прибѣгнуть по отношенію къ нему къ мѣрамъ, однороднымъ съ тѣми, которыя оно пыталось, хотя и безуспѣшно, примѣнить по отношенію къ промышленникамъ; передъ лицомъ напиравшей на дворянскую земельную собственность крестьянской стихіи отступали на задній планъ всѣ другія соображенія, клались подъ сукно болѣе или менѣе продуманные политическіе планы и выдвигалась, подчиняя себѣ все остальное, задача „охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ“. Тѣмъ самымъ дѣлались первые шаги для подчиненія всей государственной машины интересамъ земельнаго дворянства, которое до тѣхъ поръ, какъ мы указывали въ I томѣ, само должно было служить интересамъ этой машины и могло разсчитывать на удовлетвореніе своихъ интересовъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это совпадало или не шло въ разрѣзъ съ интересами государственной власти. Правда, эта мѣра была достаточно велика. Но притязанія дворянства должны были останавливаться передъ политическими интересами старой государственной власти. Теперь эта власть дѣлала первые шаги по пути, который дол-

---

[1]) Рапортъ отъ 13 марта 1905 г. См. Матеріалы къ исторіи русской контръ-революціи, стр. XXXVII.

женъ былъ привести ее къ подчиненію всей своей политики воздѣйствію земельнаго дворянства, начавшаго быстро поворачивать отъ политическаго фрондерства къ политическому консерватизму и реакціонности.

Указъ 5 апрѣля 1905 г. „о дарованіи сельскому населенію имперіи облегченій по уплатѣ продовольственныхъ и по обсѣмененію полей долговъ“ не могъ оказать сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на ходъ движенія въ деревнѣ. При всѣхъ разсрочкахъ, пересрочкахъ и частичныхъ сложеніяхъ долговъ, крестьянскіе платежи и недоимки росли такъ неудержимо, что новыя податныя льготы не давали крестьянамъ сколько-нибудь существеннаго облегченія.

Зато сильное впечатлѣніе — и при томъ въ смыслѣ, совершенно обратномъ, чѣмъ желательный правительству,—произвелъ другой указъ (10 апр. 1905), изданный опять-таки „въ цѣляхъ вящшаго развитія въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія въ неприкосновенности частной собственности“. Этимъ указомъ въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, были образованы дворянско-бюрократическія комиссіи, на которыя были возложены слѣдующія задачи: 1) выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ крестьянскихъ безпорядкахъ, и 2) исчисленіе понесенныхъ помѣщиками убытковъ „съ обращеніемъ взысканія на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи“. Наконецъ, тѣмъ же указомъ предусматривались и ссуды изъ казны помѣщикамъ. Такимъ образомъ, въ ту самую эпоху, когда правительство пришло къ сознанію необходимости превратить крестьянъ въ „полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей“, заботы о неприкосновенности помѣщичьей собственности привели его къ созданію спеціальнаго уголовнаго закона для крестьянъ, къ возстановленію недавно отмѣненной круговой поруки, къ распространенію ея на такого рода имущество, котораго она никогда не касалась, и къ примѣненію ея къ такого рода дѣламъ, которыя никогда подъ ея дѣйствіе не подводились [1]). Этотъ, въ полномъ смыслѣ слова „исключительный“, законъ, направленный противъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, долженъ былъ производить тѣмъ большее агитаціонное дѣйствіе, что былъ изданъ въ эпоху безчисленныхъ избіеній, грабежей и погромовъ, въ которыхъ пострадавшіе не только не получали вознагражденія въ экстраординарномъ порядкѣ, но и далеко не пользовались обычной защитой центральнаго и мѣстнаго административно-полицейскаго персонала.

---

1) Прецедентъ былъ созданъ лишь въ связи съ крестьянскими безпорядками въ полтавской и харьковской губерніяхъ въ 1902 г., но это было до отмѣны круговой поруки.

6 мая 1905 г. министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ было преобразовано въ „главное управленіе землеустройства и земледѣлія". Изъ состава прежняго министерства были выдѣлены и переданы въ мин. фин. всѣ установленія по горной части [1]). За то въ вѣдѣніе управленія перешли изъ министерства вн. дѣлъ переселенческое управленіе и всѣ дѣла по землеустройству и землепользованію инородцевъ и различныхъ сельскихъ обывателей, а также дѣла объ отграниченіи крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Наказъ новому управленію по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія, какъ и инструкцію крестьянскому банку было поручено выработать упомянутому уже горемыкинскому „особому совѣщанію". Т. о. новому главному управленію съ самаго начала было отведено очень подчиненное положеніе. Его роль еще больше суживалась тѣмъ, что одновременно „для общаго руководства дѣлами о земельномъ устройствѣ крестьянъ" былъ учрежденъ „комитетъ по земельнымъ дѣламъ", подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго Высочайшею Властью. Главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ входилъ въ этотъ комитетъ лишь на правахъ рядового члена вмѣстѣ съ министрами Двора, внутр. дѣлъ, финансовъ и юстиціи, госуд. контролеромъ и другими членами, назначаемыми Высочайшею Властью.

Работа всѣхъ этихъ учрежденій не подвигалась ни на шагъ впередъ. Непрекращающіеся удары войны, питавшіе все разростающееся народное движеніе, непрерывно напоминали, однако, о необходимости какихъ-либо общихъ, политическихъ мѣръ, которыя позволили бы правительству выйти изъ того порочнаго круга, въ которомъ оно очутилось. Послѣ Цусимы снова вспомнили о планѣ Виттевскаго „особаго совѣщанія", и Высоч. повелѣніемъ 24 мая 1905 г. журналы этого совѣщанія было поручено принять во вниманіе комитету министровъ, министрамъ внутр. дѣлъ и юстиціи, а также горемыкинскому „совѣщанію", какъ содержащіе „полезный матеріалъ". Но это не могло вывести правительственную политику изъ сѣти тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ она запуталась. Горемыкинское совѣщаніе распубликовало было циркуляръ о созывѣ выборныхъ отъ крестьянскаго населенія „для доставленія совѣщанію отвѣтовъ и объясненій", но эти выборные никогда созваны не были. Въ концѣ концовъ, вся дѣятельность этого совѣщанія исчерпалась составленіемъ проектовъ упомянутыхъ выше наказа и инструкціи, которые къ тому же дальнѣйшаго движенія не получили.

Остается еще упомянуть, что 14 іюля 1905 года были возстановлены операціи крестьянскаго банка, сильно ограниченныя 26 марта 1904 года по случаю войны и вызванныхъ ею крупныхъ расходовъ [2]), а 6 іюня 1905 г.—

---

[1]) Только поземельное устройство горнозаводскаго населенія оставлено въ рукахъ новаго главнаго управленія.

[2]) Операціи Дворянскаго банка были возстановлены В. п. 1 декабря 1906 г.

распространены на казенныя земли Европ. Россіи правила 6 іюня 1904 г. о переселенцахъ.

Мы уже упоминали, что проекты реформъ крестьянскаго самоуправленія неизбѣжно предполагали соотвѣтствующія видоизмѣненія и въ строѣ всего *мѣстнаго самоуправленія*. Однако, обсуждая соотвѣтствующій пунктъ указа 12 дек., комитетъ министровъ рѣшилъ воздержаться отъ высказыванія по существу предполагаемой земско-городской реформы, въ виду того, что составленіе законопроектовъ или основныхъ положеній этой реформы „потребовало бы значительнаго времени и вызвало бы соотвѣтствующую задержку въ осуществленіи предначертаній указа". Исходя вообще изъ признанія того факта, что „центральныя учрежденія не вполнѣ освѣдомлены непосредственно о всѣхъ подробностяхъ мѣстной жизни" (примѣромъ чего могутъ служить неудачные уставы о ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ), комитетъ рѣшилъ привлечь къ обсужденію вопроса „мѣстныхъ людей", которымъ и предоставить выработать проекты реформы на основаніи матеріаловъ, собранныхъ министерствомъ внутр. дѣлъ. Передача вопроса на мѣста—въ земскія собранія и городскія думы—была отвергнута опять-таки потому, что это „было бы равносильно отсрочкѣ осуществленія Высочайшей Воли на отдаленное время". Въ виду всѣхъ этихъ соображеній Выс. ук. пол. ксм. мин. 4 февр. 1905 г. было рѣшено образовать два особыхъ совѣщанія—земское и городское—съ выборными отъ губернскихъ и уѣздныхъ собраній и отъ думъ городовъ, насчитывавшихъ по переписи 1897 года не менѣе 50.000 жителей [1]). Затѣмъ комитетъ призналъ, что законъ 1903 года о завѣдываніи земскимъ хозяйствомъ въ 9 западныхъ губерніяхъ „не вполнѣ удовлетворителенъ" и при томъ противорѣчитъ указу 12 дек., „будучи основанъ на крайнемъ недовѣріи къ благонадежности мѣстныхъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія и на стремленіи устранить ихъ отъ службы по выборамъ". Поэтому мин. вн. дѣлъ было поручено разработать вопросъ о примѣненіи имѣющаго быть выработаннымъ общаго положенія и къ упомянутымъ 9 губерніямъ.

Однако, и эти проекты постигла общая судьба всего реформаторскаго прожектерства этого періода: особыя совѣщанія, придуманныя для ускоренія реформы, вовсе не были созваны, матеріалы не собирались, вопросъ о земскомъ самоуправленіи на окраинахъ не подвигался ни на шагъ впередъ. Вся дѣятельность правительства по данному вопросу исчерпалась за разсматриваемый періодъ двумя рескриптами: на имя иркутскаго ген.-губ. Кутайсова (3 апр.) съ порученіемъ разработать вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ генералъ-губернаторствѣ, а также губерніяхъ тобольской и том-

1) Кромѣ того должны были послать уполномоченныхъ 5 городовъ съ упрощеннымъ управленіемъ по указанію предсѣдателя совѣщанія по соглашенію съ мин. вн. дѣлъ.

ской, и на имя варшавскаго ген.-губ. К. К. Максимовича (14 марта) съ однороднымъ порученіемъ по отношенію „губерній Привислинскаго края". Въ числѣ причинъ, тормозящихъ реформы, въ послѣднемъ рескриптѣ указывались „чрезмѣрныя притязанія" нѣкоторыхъ круговъ польскаго общества „относительно примѣненія государственнаго языка", которому повсемѣстно должно быть „обезпечено подобающее высокое значеніе, безъ излишняго однако и несправедливаго стѣсненія языковъ мѣстныхъ". Практическихъ результатовъ и эти рескрипты не имѣли.

Вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи на окраинахъ и о мѣстныхъ языкахъ былъ связанъ съ другимъ вопросомъ, также поставленнымъ на очередь указомъ 12 декабря,—вопросомъ о расширеніи правъ неравноправныхъ *инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей*. Первою мѣрою, принятою въ этой области, была отмѣна запрещенія издавать книги Св. Писанія на малороссійскомъ языкѣ (25 февр.) [1]):

Польскій вопросъ обсуждался комитетомъ министровъ особо для 9 западныхъ губерній и особо для „губерній Царства Польскаго": Въ первомъ случаѣ комитетъ исходилъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ противорѣчивыхъ положеній. Съ одной стороны, онъ призналъ, что западныя губерніи—край „издревле русскій", что „основная цѣль политики въ 9 западныхъ губерніяхъ должна остаться неизмѣнною и состоять въ усиленіи русскаго преобладанія", и отсюда дѣлался выводъ, что „донынѣ сохранила свое значеніе" задача—„воспрепятствовать усиленію землевладѣнія польскихъ помѣщиковъ" и что „русскому языку, какъ государственному, должно быть и впредь попрежнему обезпечено господствующее положеніе". Но передъ комитетомъ вставали и другія соображенія. Опасность „польскаго мятежа" исчезла, „но зато существующій строй имѣетъ здѣсь (въ западныхъ губерніяхъ) другого врага—распространеніе вредныхъ ученій, стремящихся къ соціальному уравненію лицъ всѣхъ сословій и къ крайней демократіи". Въ виду этого роста соціализма комитету представляется важнымъ уничтоженіе тѣхъ ограниченій, которыя препятствовали мѣстнымъ крестьянамъ покупать землю. Правительство должно оказывать „содѣйствіе увеличенію класса мелкаго и средняго землевладѣнія, который вездѣ принадлежитъ къ самымъ консервативнымъ элементамъ и является оплотомъ противъ распространенія противогосударственныхъ и противообщественныхъ элементовъ" [2]). Но для борьбы съ соціализмомъ важны и польскіе помѣщики, ибо „какъ землевладѣльцы—

[1]) В. у. 21 янв. 1905 пол. ком. мин. (о печати) предполагало, м. пр., пересмотръ общихъ правилъ объ ограниченіяхъ печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ.

[2]) Въ качествѣ дополнительнаго аргумента приводится то соображеніе, что покупка земли крестьянами повыситъ цѣны на землю „какъ польскихъ, такъ и русскихъ имѣній".

польскіе помѣщики принадлежатъ къ числу лицъ наиболѣе консервативныхъ и склонныхъ защищать существующій строй. Поэтому необходимо устранить причины, возбуждающія ихъ неудовольствіе и поддерживающія рознь съ русскими". Отсюда—стремленіе построить окраинное законодательство такъ, чтобы оно „вызывало чувства любви и уваженія подчиненныхъ народовъ къ господствующему" и тѣмъ могло „устранить или хотя бы значительно ослабить племенную рознь и недовольство".

Всѣ эти противорѣчивыя соображенія привели въ концѣ концовъ комитетъ министровъ къ рѣшенію не уничтожить, но лишь смягчить тѣ ограниченія, которыя существовали въ западныхъ губерніяхъ для лицъ польскаго происхожденія (или, что̀ на практикѣ считалось равнозначущимъ,—римско-католическаго вѣроисповѣданія) въ отношеніи землевладѣнія и школы. В. у. 1 мая 1905 г. пол. ком. мин. и указомъ отъ того же числа и былъ проведенъ рядъ такихъ мѣропріятій въ смыслѣ смягченія исключительныхъ антипольскихъ законовъ въ 9 западныхъ губерніяхъ. Наиболѣе существенныя изъ этихъ мѣропріятій слѣдующія: 1) отмѣна ограниченій по покупкѣ земли крестьянами; 2) предоставленіе всѣмъ лицамъ польскаго происхожденія права аренды, покупки и т. д. земельныхъ имуществъ отъ лицъ польскаго же происхожденія; 3) порученіе министру вн. дѣлъ разработать вопросъ о возстановленіи дворянскихъ выборовъ въ западныхъ губерніяхъ; 4) допущеніе преподаванія польскаго и литовскаго языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ большинство учащихся принадлежитъ къ польской или литовской народности. Затѣмъ повелѣно было министрамъ отмѣнить не позднѣе, чѣмъ черезъ 6 мѣсяцевъ, всѣ административныя распоряженія, стѣсняющія употребленіе мѣстныхъ языковъ и не основанныя прямо на законѣ.

Для губерній Царства Польскаго предположенныя реформы имѣли еще болѣе скромный характеръ. Силу закона (В. у. 6 іюня 1905 г. пол. к. мин.) получили лишь нѣкоторыя льготы по преподаванію и употребленію польскаго языка въ школѣ (Законъ Божій) и употребленію его же во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ гминнаго управленія и частныхъ обществъ [1]). Въ видѣ порученій министрамъ выработать соотвѣтствующія предположенія остались другія намѣченныя комитетомъ реформы, какъ отмѣна административныхъ распоряженій, запрещающихъ употребленіе польскаго языка учащимся во внѣурочное время и обязывающихъ частныя учебныя заведенія вести преподаваніе на русскомъ языкѣ; разрѣшеніе вести первоначальное обученіе ариѳметикѣ на польскомъ языкѣ; замѣщеніе должностей по крестьянскому управленію лицами, знающими русскій и польскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы къ 1 янв. 1910 года всѣ эти должности были замѣнены такими лицами;

[1]) Эти льготы не были распространены на „мѣстности съ сплошнымъ русскимъ или литовскимъ населеніемъ въ восточныхъ частяхъ люблинской, сѣдлецкой, ломжинской и сувалкской губерній".

введеніе земскихъ и городскихъ учрежденій; разрѣшеніе пріобрѣтенія казенныхъ земель польскими крестьянами; судебная реформа и, въ частности, открытіе варшавскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Иначе отнесся комитетъ министровъ къ дворянству прибалтійскому. Здѣсь, въ *Прибалтійскомъ краѣ*, предшествующая политика „руссификаціи“, старавшаяся демагогически использовать антагонизмъ эстонскаго и латышскаго крестьянства къ нѣмецкому дворянству, не привела къ желательнымъ для правительства результатамъ. Именно въ крестьянствѣ этого края революція нашла себѣ сильную опору. Комитетъ министровъ призналъ крушеніе „руссификаторской“ политики и въ своихъ разсужденіяхъ исходилъ изъ мысли, что „высшіе и образованные классы прибалтійской окраины, наравнѣ съ лучшими людьми коренныхъ областей Россіи, всегда принадлежали къ числу лицъ, по убѣжденіямъ приверженныхъ твердой законной власти и государственному порядку. Въ крестьянскомъ населеніи помянутые классы стремились путемъ школы внѣдрить чувства вѣрноподданнической преданности Императору, уваженіе къ религіи и необходимость поддержанія существующаго строя“. В. у. 18 іюня полож. к. мин. было разрѣшено употребленіе мѣстныхъ языковъ въ школахъ Прибалтійскаго края, и кромѣ того было проектировано: 1) пересмотрѣть всѣ вообще положенія объ учебныхъ заведеніяхъ въ этомъ краѣ; 2) разрѣшить лифляндскому дворянству основать гимназію съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ; 3) разрѣшить частныя учебныя заведенія съ преподаваніемъ на мѣстныхъ языкахъ.

Тѣмъ же пол. ком. мин. было проектировано допущеніе первоначальнаго обученія на мѣстныхъ языкахъ иноплеменныхъ *народностей восточныхъ губерній* (татары, киргизы, калмыки, черемисы, чуваши, мордва и т. д.). Проектировалась также отмѣна ст. 3779 уст. учебн. учр., по которой только христіане могутъ получать званіе домашнихъ учителей, и рядъ спеціальныхъ льготъ магометанскому духовенству и учительскому персоналу, равно какъ усиленіе выборнаго начала въ волостномъ управленіи степныхъ областей.

Совершенно неразрѣшимымъ оказался для старой государственной власти *еврейскій вопросъ*, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточился весь государственный „націонализмъ“ стараго режима. Комитетъ министровъ призналъ себя безсильнымъ намѣтить линію поведенія правительства въ этомъ вопросѣ. Съ одной стороны, для него было ясно, что, „если стать на точку зрѣнія исключительно государственную (правительственную)“ то едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что въ государствѣ, имѣющемъ въ своемъ составѣ гражданъ многихъ, различныхъ національностей, не должно бы быть допускаемо существеннаго ограниченія правъ лицъ одной только національности, поэтому правильное разрѣшеніе еврейскаго вопроса, съ указанной точки зрѣнія, заключалось бы въ уравненіи евреевъ въ пра-

вахъ съ прочимъ населеніемъ Имперіи". Но тутъ вставали передъ комитетомъ „общественно-расовыя стороны вопроса", подъ которыми подразумѣвалось, въ сущности, не что иное, какъ та сложная цѣпь интересовъ и психологическихъ наслоеній, которая связывается съ еврейскимъ безправіемъ [1]). Комитетъ министровъ такъ и не нашелъ выхода изъ этого противорѣчія и аппеллировалъ къ будущему собранію выборныхъ отъ населенія, возвѣщенному рескриптомъ 18 февраля. Въ такой аппелляціи ком. мин. видѣлъ еще и ту выгоду, что „правительство избавится отъ нареканія какъ со стороны евреевъ, такъ и со стороны прочаго населенія". Въ этомъ смыслѣ и было формулировано Выс. утвержденное 8 іюня 1905 положеніе ком. мин., не предложившее ни одной конкретной мѣры въ отношеніи евреевъ и ограничившееся признаніемъ необходимости особаго внѣвѣдомственнаго совѣщанія для собиранія матеріаловъ по еврейскому вопросу. Законодательство же по этому вопросу за разсматриваемый періодъ ограничилось В. у. 16 іюня мнѣніемъ Гос. Совѣта о порядкѣ приведенія въ исполненіе указа 11 авг. 1904 года о правѣ жительства евреевъ.

Чтобы закончить обзоръ правительственной законодательной дѣятельности по національному и окраинному вопросамъ, надо еще упомянуть состоявшійся 4 авг. указъ о возвращеніи *армянской* церкви недвижимыхъ имуществъ, отобранныхъ у нея по В. у. положеніемъ ком. мин. отъ 26 марта 1898 и 12 іюня 1903 г., а также 2 важныхъ мѣры по отношенію къ *Финляндіи*, означавшія рѣшительное отступленіе правительства съ „руссификаторскихъ позицій": 16 марта было пріостановлено примѣненіе изданнаго 29 іюня (12 іюля) 1901 г. устава о воинской повинности въ Финляндіи и отмѣнено временное постановленіе отъ 1-го (14-го) августа 1902 года о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства.

Въ области *вѣроисповѣднаго вопроса* правительство обнаружило на первыхъ порахъ наибольшую рѣшимость провести въ жизнь нѣкоторыя мѣропріятія освободительнаго характера. В. у. 11 февраля пол. ком. министровъ было рѣшено отмѣнить и впредь не допускать никакихъ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ свободу вѣроисповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено не допускать впредь и отмѣнить всѣ мѣры по дѣламъ религіознаго свойства, принятыя на основаніи усиленной охраны. Оберъ-прокурору Синода было поручено войти съ докладомъ о помилованіи лицъ, подвергнутыхъ безъ суда наказаніямъ за „религіозныя заблужденія и вытекающіе изъ оныхъ поступки". Въ силу этого 26 февраля были возвращены изъ Сибири 72 сектанта, высланные по Выс. повелѣнію 5 авг. 1896 г.

---

[1]) См. объ этомъ въ 1-ой части настоящей работы: т. I, стр. 444—445.

за отказъ отбывать воинскую повинность, а самое повелѣніе отмѣнено. Въ тотъ же день были освобождены отъ различныхъ наказаній въ общей сложности 390 лицъ (въ томъ числѣ 142 греко-уніата, высланныхъ изъ Царства Польскаго во внутреннія губерніи). Циркуляромъ 19 февр. отмѣнены административныя мѣры и мѣры на основаніи усиленной охраны, примѣненныя къ дѣламъ религіознаго свойства; въ силу этого циркуляра мѣстными властями освобождено еще 672 лица. Помилованы еще 192 греко-уніата, высланные на основаніи особыхъ полномочій главныхъ начальниковъ Царства Польскаго. Отмѣнены правила объ административныхъ респрессіяхъ по отношенію къ армяно-грегоріанскимъ священникамъ. Наконецъ, 2 марта 278 духоборовъ освобождены отъ наказаній, наложенныхъ на ихъ Выс. пов. 30 апр. 1897 г., и помилованы еще 4 сектанта.

Но уже менѣе послѣдовательнымъ оказался комитетъ министровъ, когда ему пришлось столкнуться съ вопросомъ о вѣротерпимости въ полномъ объемѣ. Съ одной стороны, онъ исходилъ изъ соображенія, что „убѣжденія совѣсти каждаго человѣка не подлежатъ контролю со стороны государства до тѣхъ поръ, пока они не выразились въ какомъ-либо неправомѣрномъ дѣяніи“; что, благодаря преслѣдованіямъ за религіозныя убѣжденія, получалось положеніе, при которомъ „служители Церкви привлекались къ дѣятельности, не соотвѣтствующей призванію ихъ и носимому ими сану“ [1]); что затрудненія въ совершеніи актовъ гражданскаго состоянія, вызываемыя отсутствіемъ вѣротерпимости, разрушаютъ семью и тѣмъ создаютъ „благодарную почву для зарожденія всякаго рода смуты и беззаконія“. Но, съ другой стороны, стремленіе сохранить „господствующее“ положеніе православной церкви заставляло комитетъ не доводить до конца принципъ вѣротерпимости даже по отношенію къ старообрядцамъ и проектировать созданіе особаго совѣщанія для обсужденія тѣхъ мѣръ (въ особенности по отношенію къ „публичному оказательству“ старообрядчества и сектантства), которыя позволяли бы сочетать провозглашенный принципъ свободы религіи съ сохраненіемъ особыхъ привилегій за православною церковью. По отношенію къ нехристіанскимъ вѣроисповѣданіямъ комитетъ обнаружилъ еще большую непослѣдовательность. Въ разрѣзъ съ высказаннымъ имъ общимъ сужденіемъ, онъ призналъ, что „прямое разрѣшеніе въ законѣ принятія православными нехристіанскихъ вѣроисповѣ-

---

1) Для характеристики настроенія высшаго духовенства въ эту эпоху нужно отмѣтить, что приглашенный въ засѣданіе комитета петерб. митрополитъ Антоній раздѣлялъ эти соображенія, заявляя, что „церковь не можетъ желать насильственнаго въ ней удержанія“ отпадающихъ отъ нея, что „обязанность требовать преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ преступленій и проступковъ противъ вѣры противорѣчитъ положеннымъ въ основу православной церкви началамъ мира и христіанской любви“, и что поэтому въ высшей степени желательно освобожденіе церкви отъ этой „нравственно-тягостной“ обязанности.

даній не соотвѣтствовало бы глубокому сознанію истинности началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой". Поэтому—переходъ изъ православія въ магометанскую или еврейскую религіи „не долженъ вызывать какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ противъ отпавшаго, но для него останутся въ силѣ всѣ невыгодныя относительно актовъ гражданскаго состоянія послѣдствія".

Эти положенія комитета министровъ были утверждены 17 апрѣля 1905 г. и въ тотъ же день изданъ соотвѣтствующій указъ. Наиболѣе существенныя постановленія этого указа заключались: 1) въ признаніи права отпаденія отъ православія во всякое другое христіанское вѣроисповѣданіе; 2) раздѣленіи вѣроученій, объединенныхъ раньше подъ названіемъ „расколъ", на 3 группы: а) старообрядчество [1]), б) сектантство и в) послѣдователи изувѣрныхъ ученій, самая принадлежность къ коимъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ; 3) предоставленіи первымъ двумъ группамъ свободы частнаго и публичнаго богослуженія, постройки и ремонта церквей (съ существенными, однако, ограниченіями во всѣхъ этихъ случаяхъ); 4) распечатаніи всѣхъ закрытыхъ въ административномъ или судебномъ порядкѣ молитвенныхъ домовъ; 5) постановленіи о преподаваніи Закона Божія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій на природномъ языкѣ учащихся и при томъ духовными лицами (лишь при отсутствіи ихъ—свѣтскими учителями) подлежащаго исповѣданія.

Затѣмъ указъ предписывалъ пересмотръ положеній, касающихся религіознаго быта мусульманъ, а также ламаитовъ (бурятъ и киргизъ), которыхъ впредь запрещено именовать оффиціально идолопоклонниками или язычниками Рескриптомъ 18 мая 1905 г. было образовано подъ предсѣдательствомъ гр. А. П. Игнатьева особое внѣвѣдомственное совѣщаніе, которому и была поручена дальнѣйшая разработка мѣръ, вытекающихъ изъ указа 17 апрѣля. 16 іюня старообрядцамъ и сектантамъ было разрѣшено имѣть особыя кладбища, а 25 іюня изданъ указъ „объ облегченіи участи лицъ, пострадавшихъ (по суду) за религіозныя преступленія". Этимъ указомъ однимъ изъ лицъ, осужденныхъ или привлеченныхъ къ суду по дѣламъ религіознаго свойства, давалась полная амнистія, другимъ (по дѣламъ, обложеннымъ особенно тяжелою карою—каторгою, ссылкой на поселеніе, исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіемъ и пр.)—лишь сокращеніе сроковъ отбыванія наказаній и нѣкоторыя другія облегченія.

По вопросу о *положеніи печати* комитетъ министровъ намѣтилъ лишь самыя скромныя измѣненія. Высочайшимъ указомъ 21 января 1905 г. положеніе комитета министровъ давало печати лишь слѣдующія сколько-нибудь существенныя облегченія: 1) отмѣну права министерства внутреннихъ дѣлъ воспрещать печатаніе объявленій; 2) отмѣну обязательства отпечатывать пол-

[1]) Оффиціальное употребленіе термина „раскольникъ" воспрещено указомъ.

ностью изданія, освобожденныя отъ предварительной цензуры (и разбирать шрифтъ) еще до представленія въ цензурный комитетъ; 3) отмѣну разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ при переходѣ изданія отъ одного лица къ другому; 4) ограниченіе запрещенія розничной продажи лишь улицами и публичными мѣстами. Всѣ эти мѣры оставляли совершенно незатронутымъ общее положеніе печати, ея зависимость отъ администраціи, цензуру, систему предостереженій и запрещеній и пр. и пр. Для составленія проекта новаго устава о печати было образовано особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ директора Публичной библіотеки Д. Ѳ. Кобеко, съ назначеніемъ въ число его членовъ, кромѣ сенаторовъ и академиковъ (въ томъ числѣ Ключевскаго, Кони и Арсеньева), также нѣкоторыхъ редакторовъ и издателей: Стасюлевича, князя Мещерскаго, Пихно и Суворина, и съ правомъ приглашенія, по усмотрѣнію предсѣдателя, свѣдущихъ лицъ.

Не дожидаясь, однако, завершенія работъ этой комиссіи, правительство, подъ давленіемъ фактически завоевываемой печатью свободы, вынуждено было пойти нѣсколько дальше, чѣмъ это было намѣчено полож. ком. мин. 23 мая 1905 г. были изданы правила, отнимавшія у совѣщанія 4 министровъ (внутр. дѣлъ, нар. просв., юстиціи и об.-прокур. св. синода), право своею властью прекращать періодическія изданія. Отмѣнено было также право мин-ва внутр. дѣлъ пріостанавливать періодическія изданія съ предвар. цензурою на срокъ до 8 мѣсяцевъ.

Редакторамъ изданій, временно пріостановленныхъ послѣ троекратнаго предостереженія, разрѣшено на время пріостановки выдавать подписчикамъ изданія, выпускаемыя другими лицами.

Наконецъ, вопросъ о прекращеніи изданія предоставлено рѣшать сенату, а за мин. вн. дѣлъ оставлено право пріостанавливать изданія (хотя бы безъ предварительныхъ предостереженій) лишь до рѣшенія сената.

Что касается *судебнаго вѣдомства*, то министерство юстиціи находило, что для выполненія указа 12 декабря необходимо: 1) совершенное упраздненіе или коренное преобразованіе волостного суда; 2) передача судебной власти земскихъ (или крестьянскихъ) начальниковъ органамъ общей юстиціи; 3) учрежденіе должности уѣздныхъ единоличныхъ судей и введенія ихъ въ общую систему судебной организаціи; 4) отмѣна карательныхъ полномочій администраціи; 5) распространеніе начала судебной несмѣняемости на судей всѣхъ ранговъ и во всѣхъ мѣстностяхъ; 6) устраненіе всѣхъ проявленій зависимости суда отъ администраціи; 7) улучшеніе матеріальнаго положенія чиновъ судебнаго вѣдомства. 24 іюня было Высочайше утверждено полож. комитета министровъ въ указанномъ духѣ, и министру юстиціи повелѣно „незамедлительно“ разработать соотвѣтствующія мѣропріятія по надлежащему оглашенію съ мин. вн. дѣлъ. Въ дѣйствительности же по судебной части

за это время были приняты лишь двѣ мелкихъ мѣры: отмѣна права Кавказскаго Намѣстника распоряжаться вмѣсто министра юстиціи опредѣленіемъ, увольненіемъ, перемѣщеніемъ и т. д. чиновъ судебнаго вѣдомства на Кавказѣ (13 іюля), и не имѣющія существеннаго значенія измѣненія и дополненія закона 7 іюня 1904 г. о порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ (Высочайше утвержд. мн. Государ. Совѣта, 16 іюня 1905 г.).

Проекты судебной реформы стояли въ связи съ другимъ вопросомъ, которому указъ 12 декабря придавалъ первостепенное значеніе: вопросомъ объ „охраненіи полной силы закона". Этотъ вопросъ о *законности* комитетъ министровъ подраздѣлилъ на три: 1) недопущеніе отступленій въ порядкѣ изданія законовъ; 2) о снабженіи должною властью и средствами воздѣйствія органовъ, призываемыхъ къ охраненію силы закона, и 3) объ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Высочайше утв. 17 января 1905 г. пол. комитета мин. и послѣдующими Выс. утвержд. 6 іюня 1905 г. мнѣніемъ Госуд. Совѣта вопросы эти были рѣшены слѣдующимъ образомъ. Изданіе новыхъ законовъ (не исключая и временныхъ), измѣненіе, дополненіе, пріостановленіе дѣйствія, отмѣна и толкованіе законовъ должны были происходить впредь не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ основными законами. Отмѣнялось, такимъ образомъ, законодательство путемъ непосредственныхъ докладовъ министровъ Верховной Власти. Такимъ путемъ впредь должны были издаваться лишь Высочайшія повелѣнія въ порядкѣ верховнаго управленія. О всякихъ экстренныхъ мѣрахъ, вызванныхъ чрезвычайными обстоятельствами, и даже о тѣхъ, которыя утверждены Верховною Властью въ порядкѣ верховнаго управленія, министры обязывались доносить сенату, а въ случаѣ необходимости продлить ихъ на срокъ болѣе 6 мѣсяцевъ, проводить законодательнымъ порядкомъ.

Измѣнились и самыя полномочія сената. Еще рескриптомъ 22 января статсъ-секретарю А. А. Сабурову было поручено предсѣдательствованіе въ особомъ совѣщаніи, созванномъ для реформы сената. Но совѣщаніе это оказалось безсильнымъ. Упомянутымъ выше мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было положено, что „на обязанность правительствующаго сената возлагается не разрѣшать обнародованія законодательныхъ постановленій, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ правиламъ основныхъ государственныхъ законовъ". Этимъ и предполагалось разрѣшить вопросъ о надзорѣ за „охраною силы законовъ".

Наконецъ, рѣшеніе вопроса объ отвѣтственности должностныхъ лицъ свелось къ порученію министру юстиціи выработать, а Гос. Совѣту—„безотлагательно" разсмотрѣть соотвѣтствующіе законопроекты. Но до этого дѣло не дошло.

Не подвинулось оно дальше учрежденія особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ гр. А. П. Игнатьева (Выс. у. 10 февр. пол. ком. мин. и рескриптъ 13 февр.) и въ вопросѣ первостепенной важности для всей системы государственнаго управленія въ Россіи—вопросѣ объ *исключительныхъ положеніяхъ*. Обсуждая этотъ вопросъ, комитетъ мин. констатировалъ, прежде всего, крайнюю распространенность дѣйствія этихъ положеній, изданныхъ вначалѣ въ видѣ временной мѣры на 3 года. Къ концу 1903 г. подъ ихъ дѣйствіемъ находился районъ въ 850 тыс. квадр. верстъ съ населеніемъ свыше 30 милл. душъ, а, кромѣ того, дѣйствіе нѣкоторыхъ статей этого положенія (аресты и обыски по подозрѣнію, утвержденіе и увольненіе служащихъ по земскимъ, городскимъ и судебно-мировымъ учрежденіямъ, передача политическихъ дѣлъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ) распространено на всю имперію. Обозрѣвая результаты такого примѣненія исключительныхъ положеній, комитетъ призналъ, что цѣли—„искорененія крамолы“—онѣ не достигли. Въ частности, тов. мин. вн. дѣлъ, И. И. Дурново, ссылаясь на свою практику по департаменту полиціи, указалъ на „зависимость отъ личныхъ взглядовъ“ того или другого администратора количества практикуемыхъ арестовъ и высылокъ, на широко распространенное примѣненіе исключительныхъ законовъ „не только къ лицамъ, политически неблагонадежнымъ, но и вообще къ обывателямъ“, на „глухое раздраженіе“, поддерживаемое въ обществѣ этою практикою. А. предсѣдатель комитета министровъ, С. Ю. Витте, подчеркивалъ недѣйствительность исключительныхъ положеній, пока остаются въ силѣ причины, вызывающія броженіе, и въ числѣ такихъ причинъ выдвигалъ на первый планъ — бѣдственное положеніе рабочихъ, реакціонный университетскій уставъ и еврейское безправіе.

Заключеніе комитета министровъ сводилось къ тому, что необходимо пересмотрѣть исключительныя положенія съ тѣмъ, чтобы введеніе ихъ и особенно „стѣсненіе правъ частныхъ лицъ“ допускалось „только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности“. Т. о. объ отмѣнѣ исключительныхъ положеній не было и рѣчи. Но, какъ мы уже упоминали, ни шага не было сдѣлано и въ направленіи хотя бы того смягченія произвола, которое было намѣчено комитетомъ министровъ. Игнатьевское совѣщаніе, получившее порученіе „беззамедлительно“ составить соотвѣтствующій законопроектъ, послѣ нѣсколькихъ засѣданій перестало подавать признаки жизни. А 25 іюня Выс. утвержденнымъ положеніемъ того же комитета министровъ „положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ было продлено, „въ видѣ временной мѣры“, до завершенія пересмотра, „но во всякомъ случаѣ на срокъ не далѣе одного года“. И только, какъ бы въ утѣшеніе публикѣ, въ томъ же положеніи ком. мин. сообщалось, что мин. вн. дѣлъ ходатайствовалъ о продленіи не

на годъ, а на три года. Съ тѣхъ поръ эта формула „не далѣе одного года“ повторялась уже столько разъ, что и министръ вн. дѣлъ оказался въ своемъ ходатайствѣ слишкомъ большимъ оптимистомъ.

* * *

Таковы были законодательные акты и предположенія правительства и попытки намѣтить планъ самореформированія государственнаго строя подъ ударами неудачной войны и прямымъ натискомъ враждебныхъ ему силъ. Уже при самой выработкѣ плана совершенно ясно обнаруживалось безсиліе этого строя кореннымъ образомъ разрѣшить хоть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ признавали необходимымъ для дальнѣйшаго существованія старой государственности сами же ея представители. Правительство, рѣшивъ приступить къ разностороннимъ реформамъ, въ каждой изъ нихъ останавливалось на полдорогѣ. Но и намѣченныя полуреформы не получали осуществленія. И, наоборотъ, какъ мы видѣли, желаніе немедленно реагировать на тѣ или другія проявленія общественнаго и народнаго движенія нерѣдко вызывало изданіе законодательныхъ актовъ, стоявшихъ въ полномъ противорѣчіи съ только что намѣченнымъ планомъ реформъ.

Это безсиліе государственной власти обнаружилось и въ такомъ вопросѣ, который самымъ непосредственнымъ образомъ задѣвалъ ея интересы и, казалось бы, больше, чѣмъ какой-либо другой, могъ вызвать правительство на рѣшительные и энергичные шаги. Мы говоримъ объ организаціи войны. И въ этой области все ограничилось мѣрами, чисто бюрократическаго характера. Рескриптомъ 5 мая на имя вел. кн. Николая Николаевича было образовано особое совѣщаніе для выработки положенія о совѣтѣ государственной обороны, а 8 іюня утверждено самое положеніе, въ которое, впрочемъ, уже 28 іюня были внесены нѣкоторыя измѣненія. Указомъ 8 іюня былъ упраздненъ особый комитетъ Дальняго Востока, а Выс. повелѣніемъ 21 іюня—различнаго рода учрежденія, состоявшія при намѣстникѣ на Дальнемъ Востокѣ, при чемъ вопросъ о замѣщеніи самой должности намѣстника оставленъ открытымъ. Наконецъ, Выс. п. 20 и 25 іюня была учреждена должность начальника генеральнаго штаба, непосредственно подчиненнаго Верховной Власти, и сформировано соотвѣтствующее управленіе. Этимъ и ограничились реформы въ области организаціи войны, которыя, разумѣется, не могли оказать сколько-нибудь существеннаго вліянія на ходъ ея.

Понятно, почему, не подвигая ни на шагъ впередъ дѣло дѣйствительнаго приспособленія государственнаго строя къ требованіямъ сложившихся подъ его покровомъ соціальныхъ силъ, всѣ эти реформаторскіе проекты, слухи, распространяемые о нихъ, противорѣчивыя мѣры, принимаемыя правительствомъ, и т. п., подхватываемые возбужденною общественною средою,

воспринимались ею какъ доказательство не мнимой силы стараго режима къ самореформированію, а несомнѣннаго безсилія его противостоять тому натиску, которому онъ подвергался со всѣхъ сторонъ. Попытки намѣтить планъ реформъ лишь раздражали своимъ явнымъ безплодіемъ и служили новымъ элементомъ, питавшимъ общественное движеніе.

Даже тѣ общественные круги, которые готовы были бы удовлетвориться тою скромною и непослѣдовательною программою, которую намѣтило правительство во исполненіе указа 12 декабря 1904 г., даже они не могли рѣшиться прочно связать себя съ правительственною политикою: не только фактически принимавшіяся законодательныя мѣры, но, еще больше, вся практика *управленія* громко свидѣтельствовала о томъ, что даже эту скромную программу реформъ старый порядокъ выполнить не въ силахъ. Въ слишкомъ кричащемъ противорѣчіи съ этою программою стояла вся практика государственной власти этого времени.

Это противорѣчіе тѣмъ острѣе давало себя знать, что 18 февраля правительство вынуждено было сдѣлать общественному движенію уступку, имѣвшую огромное принципіальное значеніе. Въ этотъ день рескриптомъ на имя мин. вн. дѣлъ А. Г. Булыгина было возвѣщено о намѣреніи „привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“. Такъ какъ въ рескриптѣ одновременно говорилось о „непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ имперіи“ и привлеченіи къ „совмѣстной работѣ“ съ правительствомъ „зрѣлыхъ“ силъ общественныхъ, то было ясно, что рѣчь идетъ о созданіи законосовѣщательнаго учрежденія съ ограниченнымъ представительствомъ. При всей своей скромности эта программа, несомнѣнно, отвѣчала пожеланіямъ, высказывавшимся еще недавно огромнымъ большинствомъ земствъ и дворянскихъ собраній и нашедшимъ себѣ выраженіе въ мнѣніяхъ меньшинства ноябрьскаго земскаго съѣзда. Такимъ образомъ правительство могло разсчитывать оторвать отъ общественнаго движенія опредѣленные землевладѣльческіе круги.

Въ этомъ отношеніи, быть можетъ, еще большее значеніе, чѣмъ рескриптъ, имѣлъ послѣдовавшій въ тотъ же день указъ правительствующему сенату. Указомъ этимъ на совѣтъ министровъ возлагалось „разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія“. Этотъ указъ, которымъ поспѣшили широко воспользоваться и земства, и думы, и общественныя организаціи, былъ толкуемъ какъ прямое обращеніе правительства къ населенію за содѣйствіемъ и въ этомъ смыслѣ служилъ какъ бы

доказательствомъ искренности намѣреній государственной власти и безповоротности принятыхъ ею рѣшеній.

Болѣе того. Эти рѣшенія были дважды торжественно подтверждены. Одинъ разъ — въ видѣ отвѣта на сомнѣнія, высказанныя представителями промышленности, покидавшими Коковцовскую комиссію по рабочему вопросу. 26 мая министръ финансовъ, по порученію Государя Императора, увѣдомилъ предсѣдателя московскаго биржевого общества, Крестовникова, что „скорѣйшее осуществленіе Высочайшей воли, изъясненной въ рескриптѣ 18 февраля, составляетъ предметъ особыхъ заботъ Его Величества“, и что совѣту министровъ повелѣно немедленно приступить къ разсмотрѣнію вопроса о созывѣ выборныхъ. Еще болѣе торжественно было подтверждено намѣреніе правительства созвать выборныхъ въ отвѣтѣ Государя извѣстной земско-городской депутаціи 6 іюня: „Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля — воля Царская созывать выборныхъ отъ народа—непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ“ [1]).

И, однако, всѣмъ доступная дѣйствительность въ сильнѣйшей степени питала сомнѣнія даже въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, которые готовы были бы удовлетвориться правительственною программою, если бы можно было разсчитывать на ея дѣйствительное, быстрое и послѣдовательное выполненіе.

Уже самый день опубликованія рескрипта 18 февраля далъ достаточно характерныя указанія. Рескриптъ былъ опубликованъ. Но еще утромъ того же самаго дня появился извѣстный манифестъ, въ которомъ о созывѣ выборныхъ не было ни слова, но который, наоборотъ, клеймилъ „ослѣпленныхъ гордынею злоумышленныхъ вождей мятежнаго движенія“ и призывалъ всѣхъ чиновниковъ „усугубить бдительность по охранѣ закона, порядка и безопасности“, а „благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній“ — „соединиться... во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ землѣ нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней“. Самая форма манифеста, въ противоположность указу и рескрипту, благодаря прочтенію его во всѣхъ церквахъ, обезпечивала этому акту государственной власти несравненно болѣе широкое

[1]) 18 іюня была принята еще одна депутація, состоявшая изъ петербургскаго (графъ В. В. Гудовичъ) и московскаго (князь П. Н. Трубецкой) предводителей дворянства. Депутація эта поднесла записку, выработанную на совѣщаніи 26 губ. предв. дворянства. Записка, исходя, главнымъ образомъ, изъ опасностей аграрнаго движенія и неспособности „приказныхъ“ справиться съ „преступной дѣятельностью мятежниковъ“, апеллировала къ „совершенно добровольному, вынужденному сердцемъ и одобренному разумомъ союзу царя и старшаго сословія, слитаго со всею земщиной“, и въ *этомъ* духѣ поддерживала заявленія депутаціи 6 іюня. Предводителямъ дворянства было отвѣчено указаніемъ на скорое осуществленіе обширныхъ реформъ.

распространеніе и толковалась, какъ апелляція къ „низамъ“, особенно мелкогородскимъ и крестьянскимъ, противъ движенія „верховъ“ и городскихъ рабочихъ, вынужденной уступкой которому являлся рескриптъ.

Но и дальше накоплялись симптомы, вызывавшіе сомнѣнія въ намѣреніяхъ правительства. За депутаціей 6 іюня была принята (21 іюня) другая депутація, во главѣ которой стояли графы Шереметевъ, А. Бобринскій, Дорреръ и другіе дворяне, не примкнувшіе къ земскому движенію и, хотя не оспаривавшіе самой мысли о созывѣ выборныхъ, но настаивавшіе, прежде всего, на сохраненіи самодержавія и сословнаго строя. Милостивый отвѣтъ полученный этой депутаціей, подчеркнувшей свой антагонизмъ къ депутаціи 6 іюня, ослабилъ тѣ надежды, которыя возбудилъ въ умѣренно-либеральныхъ кругахъ отвѣтъ, полученный послѣднею.

Попытки широко использовать указъ 18 февраля также немедленно наткнулись на препятствія. Правительственное сообщеніе (16 марта) объявляло, что, „для ускоренія дѣла“, министръ вн. дѣлъ призналъ необходимымъ чтобы „особое совѣщаніе“ приступило къ выработкѣ положенія о созывѣ выборныхъ „независимо отъ собиранія матеріала“. Это было равносильно объявленію, что всѣ мнѣнія, записки, резолюціи и проч. и проч. во вниманіе приняты не будутъ. Намѣреніе правительства игнорировать мнѣнія не только общественныхъ организацій, но и органовъ земскаго и городского самоуправленія, биржевыхъ обществъ и т. п., сказалось и въ томъ, что ни одно изъ многочисленныхъ ходатайствъ различныхъ учрежденій о допущеніи представителей ихъ къ работамъ Булыгинской комиссіи фактически не было удовлетворено.

Но и съ формальной стороны использованіе указа 18 февраля наталкивалось на затрудненія. Въ утвержденной 1 апрѣля „меморіи совѣта министровъ“ правительство высказало свое неудовольствіе „распространительнымъ толкованіемъ указа 18 февраля“. Предложеніе мин. фин. Коковцова объ изданіи новаго указа, разъясняющаго указъ 18 февраля „въ смыслѣ предоставленія означенныхъ въ оном правъ частнымъ обществамъ лишь въ предѣлахъ круга ихъ законной дѣятельности“,—было отвергнуто изъ опасенія, что такой новый указъ „произведетъ тягостное впечатлѣніе на населеніе“. Но, по существу дѣла, совѣтъ министровъ всталъ именно на точку зрѣнія Коковцова, пытаясь истолковать указъ 18 февраля такъ, что онъ „предоставляетъ населенію новыя широкія полномочія собственно о *подачѣ* заявленій правительству, но отнюдь не даетъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ какихъ-либо другихъ, ранѣе не принадлежавшихъ имъ, *правъ*“. Расходясь съ мин. фин. въ избраніи пути для достиженія такого ограничительнаго толкованія указа, совѣтъ министровъ полагалъ, что все дѣло въ „недостаточно энергичномъ, смѣломъ пользованіи властями предоставленными имъ закономъ правами“ и, б. м., въ „несовершенствѣ или неполнотѣ нынѣ дѣйствующихъ указаній“. Министру юстиціи было пору-

чено имѣть въ виду эти сообщенія „въ руководствѣ текущею дѣятельностью судебныхъ чиновъ“, а мин. вн. дѣлъ издало 12 апрѣля циркуляръ, имѣвшій цѣлью внушить администраціи „энергію и смѣлость“. Въ этомъ циркулярѣ разъяснялось, что не допускается „разсмотрѣніе вопросовъ, по содержанію своему не соотвѣтствующихъ предуказаннымъ съ высоты престола преобразованіямъ“, а обсужденіе политическихъ вопросовъ въ собраніяхъ разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, „если не будетъ усмотрѣна опасность возможныхъ вслѣдствіе сего нарушеній общей тишины и спокойствія“.

Циркуляръ этотъ еще больше поощрилъ усердіе мѣстныхъ властей, и до него употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы помѣшать принятію политическихъ резолюцій не только въ частныхъ собраніяхъ, но и въ земскихъ и городскихъ. Эти усилія оставались безрезультатными. И мѣстная, и центральная администрація были не въ состояніи сопротивляться напору общественнаго движенія. Но тѣмъ больше эти усилія подчеркивали и неискренность дѣлаемыхъ уступокъ, и безсиліе правительства. Мѣшая однимъ общественнымъ кругамъ связать свою судьбу съ судьбою правительства, они поощряли другіе слои къ усиленію атаки на него, изолируя его и оставляя ему единственную опору въ лицѣ реакціонныхъ слоевъ дворянства и того „черносотеннаго“ движенія, которое начало въ эту эпоху складываться при содѣйствіи этого дворянства [1]).

Но дворянское содѣйствіе въ эту пору было еще сравнительно мало замѣтно и не носило организованнаго характера. Тѣмъ очевиднѣе за то было для жертвъ и свидѣтелей черносотеннаго движенія, выливавшагося въ избіенія и погромы, какъ „инородцевъ“, такъ и интеллигенціи, прямое участіе и руководящая роль мѣстнаго административнаго персонала и, особенно, полиціи. Февральскія избіенія въ Баку, Курскѣ, Казани, Псковѣ, Москвѣ, Тамбовѣ, Уральскѣ и др. мѣстахъ, апрѣльскіе погромы евреевъ въ Житомирѣ и мелкихъ мѣстечкахъ, іюльскія избіенія въ Нижнемъ-Новгородѣ, Балашовѣ, Екатеринославѣ, снова въ Баку и т. д.—вездѣ и всюду наблюдалась одна и та же картина прямого подстрекательства громилъ чинами мѣстной администраціи или, по крайней мѣрѣ, столь пассивнаго отношенія послѣдней и войскъ къ избіеніямъ евреевъ, земскихъ служащихъ, врачей, учителей, учащихся и т. д., что оно было равносильно поощренію и попустительству. Въ рядѣ оффиціальныхъ заявленій отъ имени департамента полиціи и отдѣльныхъ губернаторовъ правительство пыталось опровергнуть эту связь его мѣстныхъ агентовъ съ черносотеннымъ движеніемъ и даже утверждать, какъ это сдѣлалъ по поводу Балашовскаго избіенія земскихъ врачей саратовскій губернаторъ П. А. Столыпинъ въ своемъ письмѣ пред-

[1]) Объ этомъ движеніи см. въ нашей статьѣ „Политическая эволюція и пр.“ во II томѣ настоящаго изданія.

сѣдателю земской управы, что именно „имъ, полиціи и казакамъ, г.г. земскіе служащіе обязаны своею сохранностью". Но всѣ такого рода оффиціальныя попытки, противорѣчившія всѣмъ доступнымъ фактамъ, не только не мѣняли всеобщаго убѣжденія въ причастности мѣстной администраціи и полиціи къ черносотенному движенію, но еще служили въ глазахъ задѣтыхъ этимъ движеніемъ общественныхъ круговъ доказательствомъ того, что эти дѣйствія мѣстныхъ чиновъ прикрываются и поощряются центральною властью. Такіе инциденты, какъ опубликованіе „правительственнаго сообщенія" по поводу житомирскаго погрома съ рядомъ фактическихъ данныхъ, взваливавшихъ всю вину на евреевъ, а впослѣдствіи категорически опровергнутыхъ мѣстною губернскою властью, лишь усиливали это впечатлѣніе.

Оно пріобрѣло характеръ увѣренности, когда, сейчасъ же послѣ Цусимскаго пораженія, Д. Ф. Треповъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдущимъ полиціею (24 мая). Указомъ 23 мая этому товарищу были присвоены во всемъ, касающемся полиціи, ея правъ и обязанностей, права министра. Это означало, въ сущности, выдѣленіе полицейской части изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, а при всесиліи полиціи въ это время и подчиненіи полицейскимъ видамъ всѣхъ другихъ соображеній, означало настоящую диктатуру даннаго товарища министра надъ всѣмъ правительственнымъ механизмомъ.

Такъ именно и было понято новое назначеніе Д. Ф. Трепова,—прежде всего, тѣми именно общественными кругами, которыхъ правительство могло бы привлечь къ себѣ своей оффиціальной программой. Либеральные земцы, земская интеллигенція, люди либеральныхъ профессій, въ первую голову, почувствовали на самихъ себѣ и на своихъ дѣтяхъ начинающіеся ужасы черносотеннаго движенія. Это движеніе чувствовало себя еще слишкомъ слабымъ, чтобы обрушиться въ городахъ на рабочее населеніе. Оно шло по линіи наименьшаго сопротивленія и изливало свою ненависть на земцевъ и людей интеллигентныхъ профессій, тѣмъ болѣе, что въ этомъ именно направленіи легче всего было демагогически использовать антагонизмъ городскихъ низовъ къ „барину". Потребность въ самооборонѣ толкала умѣренно либеральные круги въ оппозицію, заставляла ихъ искать поддержки у революціонныхъ организацій, вызывала сплоченіе противоправительственныхъ силъ тамъ, гдѣ правительственная программа могла внести расколъ.

Уже возстановленіе московскаго генералъ-губернаторства (указъ 12 апр.) было понято умѣренно-либеральнымъ обществомъ, какъ актъ, направленный противъ его стремленій. Но и вообще въ то самое время, какъ въ комитетѣ министровъ разрабатывался рядъ вопросовъ, связанныхъ съ расширеніемъ правъ земскаго и городского самоуправленія и съ привлеченіемъ дѣятелей этого самоуправленія къ участію въ разработкѣ политическихъ вопро-

совъ, практика администраціи по отношенію къ органамъ мѣстнаго самоуправленія оставалась пропитанною тѣмъ же полицейскимъ духомъ, что и раньше. Такъ, въ январѣ 1905 г. тульскимъ губернаторомъ Шлиппе была уволена безъ прошенія вся губернская земская управа. О рядѣ конфликтовъ земствъ и городскихъ думъ съ администраціей на почвѣ использованія указа 18 февраля мы уже говорили. Съ новымъ назначеніемъ Д. Ф. Трепова попытка задавить либеральное движеніе приняла еще болѣе систематическій и настойчивый характеръ. И то, что эти попытки неизмѣнно оканчивались неудачею, лишь питало въ либеральныхъ кругахъ сознаніе своей силы и безсилія правительства. Такъ, Д. Ф. Треповъ пытался запретить майскій съѣздъ земцевъ, но съѣздъ этотъ не только состоялся, но и выбралъ извѣстную депутацію, которая была принята. Также безуспѣшны оказались и попытки запретить засѣданіе петербургской городской думы для выбора депутаціи и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ шаговъ. Циркуляръ 18 іюля, въ которомъ, послѣ неудачной попытки помѣшать созыву новаго земскаго съѣзда, іюльскаго, Треповъ объявлялъ рѣшительную войну земскому движенію и предписывалъ всѣмъ чинамъ полиціи ни въ какомъ случаѣ не допускать выполненія рѣшенія этого съѣзда о пропагандѣ принятыхъ имъ резолюцій среди населенія, увѣнчалъ этотъ походъ противъ земскаго либерализма [1]).

Не болѣе удачна была и борьба Трепова съ движеніемъ интеллигенціи. Препятствія, которыя начала чинить полиція интеллигентскимъ собраніямъ, то обходились (собраніе журналистовъ на пароходѣ и инженеровъ въ Сестрорѣцкѣ, демонстрація въ Павловскѣ), то просто игнорировались, подливая масла въ огонь и дискредитируя правительство. Не рѣшаясь напасть на выроставшіе, какъ грибы, интеллигентскіе „союзы“ прямо, полиція прибѣгала къ обходнымъ путямъ, какъ, напр., къ попыткамъ давленія на содержателей гостиницъ и ресторановъ, гдѣ устраивались собранія. Такъ было, напр., съ съѣздомъ „союза инженеровъ“, который Треповъ резолюціей 26 іюня приказалъ „разбить“. Или же власти просто мирились съ совершившимся фактомъ, удовлетворяясь, какъ это, напр., сдѣлалъ пермскій губернаторъ по отношенію къ собраніямъ мѣстнаго отдѣла союза инженеровъ, заявленіемъ, что будутъ считать всѣ такого рода собранія „впредь до какихъ-либо разъясненій лишенными законнаго основанія“. Разумѣется, все это лишь ставило органы власти въ смѣшное положеніе и внушало противникамъ ея увѣренность въ близости побѣды. Попытки же администраціи выполнить свою угрозу и при-

1) Для характеристики разложенія, начавшаго уже въ эту пору охватывать государственный механизмъ, любопытно отмѣтить, что, одновременно съ грознымъ циркуляромъ Трепова и помимо Трепова, былъ командированъ къ участникамъ закончившагося іюльскаго съѣзда сенаторъ Постовскій съ особымъ порученіемъ, состоявшимъ въ попыткѣ возстановить „хорошія отношенія“ между правительствомъ и земцами. См. „Освобожденіе“, №№ 76 и 78/79.

влечь лицъ, нарушающихъ ея приказанія, къ суду вышли еще неудачнѣе. На привлеченіе къ суду отдѣльныхъ членовъ союзовъ—сначала адвокатовъ, потомъ инженеровъ и другихъ—вся масса членовъ этихъ союзовъ реагировала заявленіями о своемъ соучастіи въ преступленіи, вмѣняемомъ въ вину отдѣльнымъ, наудачу выхваченнымъ, лицамъ. И такъ какъ въ эту эпоху „союзы" охватывали почти всю совокупность людей интеллигентскихъ профессій, то передъ перспективой посадить на скамью подсудимыхъ всю русскую адвокатуру, или всѣхъ русскихъ инженеровъ и т. д. правительство вынуждено было отступить и превращать свою угрозу въ пустой жестъ.

Борьба съ интеллигенціей, тѣсно соприкасавшейся съ либеральнымъ обществомъ, дополнялась тою политикою, которую вело министерство народнаго просвѣщенія подъ руководствомъ генерала Глазова. Въ виду широко распространившейся студенческой забастовки было образовано подъ предсѣдательствомъ Витте совѣщаніе министровъ и продсѣдателей департаментовъ гос. совѣта для выработки мѣръ борьбы съ этимъ явленіемъ. В. у. 16 апрѣля мнѣніе госуд. совѣта, явившееся плодомъ работъ этого совѣщанія, намѣтило мѣры чисто репрессивнаго характера: закрытіе общежитій, столовыхъ и т. п.; угроза закрытіемъ учебныхъ заведеній съ увольненіемъ всѣхъ студентовъ и профессоровъ и т. д. [1]). Какъ извѣстно, эти мѣры не возымѣли желаемаго дѣйствія. Правительство вынуждено было уступить. 10 іюня было образовано подъ предсѣдательствомъ мин. нар. просв. совѣщаніе для пересмотра университетскаго устава, а 27 августа высшимъ учебнымъ заведеніямъ была дана автономія, вводившая выборное начало въ управленіе ими и предоставлявшая имъ возможность болѣе самостоятельно регулировать свою внутреннюю жизнь.

Это благопріятное для либеральнаго общества окончательное рѣшеніе университетскаго вопроса не мѣшало, конечно, всей политикѣ мин. нар. прос. оказывать самое раздражающее вліяніе какъ разъ на умѣренные общественные круги. И это—тѣмъ болѣе, что, благодаря избіенію гимназистовъ и гимназистокъ въ разныхъ городахъ (Курскъ, Псковъ и др.) и переносу броженія въ средне-учебныя заведенія, очень острое значеніе пріобрѣла и политика министерства по отношенію къ средней школѣ. Не довѣряя педагогическому персоналу этой школы, не надѣясь на него даже въ смыслѣ огражденія дѣтей отъ насилій черносотенцевъ и полиціи, родители, даже самые

---

[1]) Мотивы, игравшіе роль въ политикѣ мин. нар. просвѣщ., видны, напр., изъ письма варш. ген.-губ. К. Максимовича министру нар. просв. отъ 21 марта (Осв. № 69—70). Предлагая, по совѣщаніи съ попеч. уч. окр. Шварцемъ, закрыть высшія уч. заведенія и исключить студентовъ, ген.-губ. поясняетъ: „осуществленіе этой мѣры дастъ мнѣ возможность немедленно же выслать изъ Варшавы, по мѣсту приписки, до 1.200 студентовъ, числящихся постоянными жителями иногородныхъ мѣстностей, и принять болѣе радикальныя мѣры относительно остальныхъ".

умѣренные, невольно толкались къ попыткамъ самостоятельнаго вмѣшательства въ ходъ учебной и воспитательной жизни. Министерство ставило препятствіе этому вмѣшательству родителей, не допускало совмѣстныхъ собраній ихъ съ учащимися (цирк. 4 мая), воспрещало педагогическимъ совѣтамъ принятіе политическихъ резолюцій, грозило учителямъ карами за образованіе союзовъ (цирк. 21 іюня) и т. д. и т. д.

Вотъ—цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій, которыми непосредственно вносилось раздраженіе въ либеральные круги общества и сѣялось справедливое сомнѣніе въ искренности реформаторскихъ намѣреній. Но—это еще не все. Наблюдая въ цѣломъ рядѣ случаевъ солидарность между чинами администраціи и черносотеннымъ движеніемъ, либеральное общество естественно переносило эту солидарность и на всѣ проявленія этого движенія. А между тѣмъ оно въ эту эпоху начало угрожать либеральнымъ землевладѣльцамъ и съ такой стороны, съ которой трудно было ожидать. Мы видѣли, съ какою суровостью расправлялось правительство съ крестьянскими волненіями. Эта суровость не помѣшала тому, чтобы въ то же самое время велась на почвѣ крестьянскаго недовольства демагогическая черносотенная агитація, имѣвшая цѣлью натравить крестьянина на либеральнаго „барина“. Въ газетахъ этого времени то и дѣло появляются извѣстія о „патріотическихъ“ рѣчахъ священника, послужившихъ послѣднимъ толчкомъ къ аграрнымъ безпорядкамъ (напр., въ аткарскомъ у. сарат. губ.), то о какихъ то прасолахъ, появившихся на сельскихъ базарахъ съ призывомъ „бить студентовъ и баръ“ (напр., въ дмитровскомъ уѣздѣ курской губ.), то о прокламаціяхъ „православнаго русскаго комитета“, призывающихъ къ избіенію „поляковъ и жидовъ“ и въ награду обѣщающихъ крестьянамъ землю [1]). Всѣ такого рода явленія, какъ и избіенія въ городахъ, іюльскій пожаръ одесскаго порта, рѣзня и пожаръ въ Баку и т. д., разумѣется, не подкрѣпляли, а уничтожали усилія, дѣлаемыя правительствомъ для сближенія съ умѣренными общественными слоями, и все больше и больше изолировали государственную власть. Революціонное движеніе народныхъ массъ пока лишь въ слабой степени развернуло свою сторону, обращенную противъ имущихъ классовъ. А попытки демагогически использовать и раздуть эту именно сторону для борьбы съ политическими притязаніями имущихъ классовъ заставляли послѣдніе напрягать усилія, чтобы, наоборотъ, направить народное движеніе въ политическое русло, обратить его противъ правительства.

---

[1]) Вотъ, напр., выписка изъ одной такой прокламаціи: „Царь секретно сказалъ если бы избавиться отъ поляковъ и жидовъ, то всю землю роздалъ бы между крестьянъ“. (См. „Право“ за 1905 г., № 10, стр. 730. Письмо прис. пов. Гольдовскаго).

Это было тѣмъ легче, что, при всемъ показномъ народолюбіи и реформаторскомъ прожектерствѣ, народныя массы на каждомъ шагу своей дѣйствительной борьбы наталкивались на жесточайшія репрессіи правительства. Мы упоминали уже объ этомъ по отношенію къ крестьянскому движенію. Еще въ большей мѣрѣ пришлось испытать это на себѣ рабочему классу. Въ то самое время, когда созывались комиссіи, обсуждалось рабочее законодательство, проектировалось провозглашеніе права стачекъ и т. п.,—въ это самое время происходили массовые разстрѣлы бастующихъ рабочихъ (Варшава, Рига и др.—въ январѣ, Баку—въ февралѣ, Варшава, Лодзь, Калишъ—въ апрѣлѣ, Лодзь, Одесса, Тифлисъ—въ іюнѣ, Новороссійскъ—въ іюлѣ, Баку—въ августѣ и т. д. и т. д.). Въ это же самое время формулируемыя рабочими требованія права стачекъ объявлялись „не подлежащими разсмотрѣнію“, газетамъ воспрещались сборы на безработныхъ, по адресу стачечниковъ раздавались угрозы военнымъ судомъ и дѣлались попытки сломить забастовку призывомъ рабочихъ, состоящихъ въ запасѣ, внѣ очереди на дѣйствительную военную службу.

Національный гнетъ не прекращался [1]). Окраины постепенно оказались почти всѣ на военномъ положеніи. А для Кавказа, гдѣ революція дѣлала особенно быстрыя завоеванія, было возстановлено намѣстничество (указъ 26 февр.). По вступленіи въ должность намѣстника, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ оффиціально объявилъ, что имъ будутъ собраны совѣщанія представителей населенія для обсужденія мѣръ для прекращенія разбоевъ и составленія предположеній о судебной и земской реформѣ, о размежеваніи земель и разселеніи малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ. Кромѣ того, намѣстникъ обѣщалъ пересмотръ вопроса объ имуществахъ армянской церкви. Какъ извѣстно, послѣднее обѣщаніе было выполнено, въ остальномъ же власть намѣстника была направлена почти исключительно на борьбу съ народными движеніями. Для этой цѣли сначала (указомъ 3 мая) была усилена власть намѣстника и его независимость отъ министровъ, а затѣмъ (указъ 22 мая) учреждена должность завѣдывающаго полиціею на Кавказѣ, получившаго права помощника намѣстника. Рѣзня армянъ на Кавказѣ, аналогичная по обстановкѣ еврейскимъ погромамъ на западѣ и югѣ, придала въ глазахъ населенія этой окраины всей кавказской политикѣ смыслъ, весьма далекій отъ задачъ умиротворенія.

Вѣротерпимость и послѣ указа 17 апрѣля на практикѣ оказывалась почти не существующею. На отсутствіе ея указывали, напр., губернскіе предводители дворянства въ своей запискѣ, поданной на аудіенціи 18 іюня. Примѣромъ административной практики въ этомъ вопросѣ можетъ служить хотя бы объявленіе варшавскаго генералъ-губернатора (20 мая). Въ этомъ

[1]) Маленькій, но характерный примѣръ представляетъ циркуляръ варш. ген.-губ. (17 іюня), подтверждавшій запрещеніе носить польскій „національный костюмъ“.

объявленіи ген.-губ. говорилъ, что ему „съ горестнымъ чувствомъ приходится замѣчать, какъ нѣкоторыми людьми, или по заблужденію, или вслѣдствіе злой воли, великая Царская милость толкуется совершенно превратно". „Превратное толкованіе" заключалось въ отпаденіи отъ православія и попыткахъ склонять и другихъ къ такому же отпаденію въ римско-католическую вѣру. Ген.-губ. заявлялъ, что „право свободно распространять свое вѣроученіе" принадлежитъ лишь православной церкви и воспрещается, подъ страхомъ уголовной кары, лицамъ другихъ исповѣданій. Одновременно ген.-губ. освѣдомлялъ православное населеніе, что „православные монастыри, церкви и святыя иконы Царь православный и впредь никому не отдастъ". Это было равносильно утвержденію, что полякамъ не будетъ возвращено отобранное у нихъ въ разное время церковное имущество.

Не повезло и „законности". Именно послѣ указа 12 декабря и послѣ утвержденнаго въ серединѣ января мнѣнія комитета министровъ, цѣлый рядъ важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ былъ принятъ внѣ законнаго порядка, т. е. помимо государственнаго совѣта. Сюда относятся, напр. отмѣна моск. ген.-губернаторства (1 янв.); учрежденіе петербургскаго ген.-губернаторства (11 янв.); упраздненіе Виттевскаго „особаго совѣщанія" (30 марта); репрессивныя мѣры противъ крестьянскихъ безпорядковъ (10 апр.); расширеніе правъ кавказск. намѣстника (3 мая); опредѣленіе правъ тов. мин. вн. д., завѣдующаго полиціей (21 мая); учрежденіе комитета по земельнымъ дѣламъ и образованіе главнаго управленія землеустройства (6 мая); учрежденіе должности завѣдующаго полиціей на Кавказѣ (22 мая); положеніе о совѣтѣ госуд. обороны (8 іюня); учрежденіе должности начальника генеральнаго штаба (20 іюня) и т. д. и т. д.

Само собою разумѣется, въ данной обстановкѣ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы сенатъ воспользовался своимъ правомъ отказать въ распубликованіи этихъ мѣръ, принятыхъ внѣ законнаго порядка. Наоборотъ. И сенатъ, и судъ, несмотря на всѣ проекты усиленія ихъ „независимости", своими противорѣчивыми толкованіями и своей измѣнчивой практикой—то мягкой, то суровой, примѣнительно къ господствовавшимъ „вѣяніямъ",—слишкомъ очевидно обнаруживали свою все возраставшую зависимость отъ общаго направленія правительственной политики [1]).

А этой политикѣ некогда было думать сейчасъ о правильной постановкѣ суда. Вопреки всѣмъ разговорамъ о „законности", упорядоченіи „усиленной охраны" и т. д., она шла въ борьбѣ съ общественнымъ движе-

[1]) Мелкимъ, но характернымъ показателемъ состоянія суда служитъ нашумѣвшій эпизодъ, происшедшій 21 іюля въ петербургской судебной палатѣ, гдѣ предсѣдатель т. с. Гредингеръ, вмѣсто резолюціи по одному дѣлу, прочиталъ, по ошибкѣ вполнѣ готовую резолюцію по другому дѣлу, еще не слушавшемуся.

ніемъ на проломъ [1]). Началась эра военныхъ судовъ и смертныхъ казней [2]). Все чаще стали раздаваться со стороны начальствующихъ лицъ предписанія войскамъ „дѣйствовать оружіемъ безъ малѣйшихъ снисхожденій [3]). Циркуляръ Д. Ф. Трепова (28 іюня) возводилъ эту безпощадность въ систему, внушая чинамъ полиціи, что „примѣненіе ими оружія при обдуманной оцѣнкѣ этой мѣры отнюдь не можетъ быть имъ вмѣняемо въ служебную вину, которая, наоборотъ, будетъ усмотрѣна въ уступчивомъ отношеніи къ нарушителямъ порядка". Исключительныя положенія, вопреки всѣмъ разсужденіямъ комитета министровъ, распространялись съ угрожающею быстротою, и при томъ не только при наличности „безпорядковъ", но и (напр. въ севастопольскомъ и николаевскомъ градоначальствахъ) „для *предупрежденія возможности возникновенія* безпорядковъ". Съ января по августъ положеніе объ усиленной охранѣ и военное положеніе введено въ цѣломъ рядѣ мѣстностей [4]).

Само собою понятно, что и печать не осталась внѣ этого града репрессій [5]). А рядъ циркуляровъ стремился ограничить кругъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ печати. Такъ, циркуляромъ главн. упр. по дѣламъ печати отъ 23 апр. было запрещено въ теченіе 3 мѣсяцевъ оглашать или обсуждать извѣстія, касающіяся земскаго съѣзда; 5 мая—въ теченіе 6 мѣсяцевъ обсуждать Выс. приказъ о капитанѣ Кладо; 23 маѣ—писать о предстоящемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей; 25 мая приказано представлять

---

[1]) Каково было на практикѣ отношеніе къ законности, суду, уничтоженію административнаго произвола и пр., показываетъ, напр., слѣдующая выписка изъ циркуляра (29 іюля 1905 г.) саратовскаго губернатора, П. А. Столыпина, по поводу балашовскаго избіенія: „если *не будутъ* достаточно изобличены *судебною властью* участники погрома, то во всякомъ случаѣ я подвергну административному взысканію лицъ, *изобличенныхъ полиціею*".

[2]) 17 казней за январь—августъ.

[3]) Объявленіе варш. ген.-губ. (14 мая).

[4]) Вотъ ихъ списокъ: усиленн. охрана: константиноградскій, переяславскій и лубенскій уѣздъ полтавской губ.; Бѣлостокъ (31 дек. 1904); одновременно предоставлены исключительныя права администраціи въ Саратовѣ, саратовской губ., Полтавѣ и Кременчугѣ съ уѣздами, Могилевѣ, Гомелѣ, Минскѣ, Юрьевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и томской губ.; Мелитополь (22 янв.); губ.: калишская, сѣдлецкая, радомская (26 янв.); Варшава, Лодзь и губ. варшавск. и петроковская (10 февр.); Кутаисъ и 3 уѣзда кутаисск. губ. (13 ф.); губ. люблинская, сувалкская, полоцкая, ломжинская и кѣлецкая (15 ф.); Эривань (25 ф.); Лифляндія и Курляндія (14 марта); витебская губ. (16 м.); Вильна, Гродно, Сморгонь (20 апр.); 3 уѣзда тифлисск. губ. (10 мая); таврическая губ. (11 мая); Уфа (13 мая); Новороссійскъ (25 іюля); военное положеніе: 3 уѣзда кутаисской губ. и 1 уѣздъ батумской области (21 февр.); Баку и бакинская губ. (25 ф.); Лодзь и лодзинскій уѣздъ (11 іюня); Одессса и одесскій уѣздъ (15 іюня); Эривань, Севастополь, Николаевъ, Ѳеодосія, Тифлисъ и тифлисская губ., Иваново-Вознесенскъ (16 іюня).

[5]) Различныя репрессіи (воспрещеніе розничной продажи, пріостановка, предостереженія и пр.) постигли за январь—іюль слѣдующія столичныя изданія: Русскія Вѣдомости, Русь, Вечерняя Почта, Русское Слово, Слово, Новости, Наша Жизнь, Наши Дни, Сынъ Отечества, Русская Мысль. Усчитать репрессіи, обрушивавшіяся на провинціальныя изданія, мы не имѣемъ возможности.

всѣ замѣтки и статьи, касающіяся стачекъ и безпорядковъ, на разрѣшеніе полиціи; 26 мая запрещено дѣлать извлеченія изъ изданнаго на правахъ рукописи сборника документовъ по переговорамъ съ Японіею въ 1903—1904 гг. Затѣмъ было запрещено сообщать свѣдѣнія о „неразрѣшенныхъ правительствомъ всякаго рода съѣздахъ, союзахъ и собраніяхъ“, а также о „внутренней жизни отдѣльныхъ войсковыхъ, сухопутныхъ и морскихъ частей“ (цирк. 12 іюня). 4 іюля былъ изданъ общій циркуляръ, которымъ имѣлось въ виду лишить печать права обсуждать соціальные, политическіе и тактическіе (споръ о бойкотѣ Думы) вопросы. Наконецъ, 27 іюля было запрещено газетамъ дѣлать сборы въ пользу стачечниковъ.

Печать совершенно игнорировала большую часть этихъ распоряженій. Волнующіе факты, потрясающія извѣстія напирали со всѣхъ сторонъ, заполняли столбцы газетъ, разнося повсемѣстно возбужденіе. Число читателей періодической прессы возросло необычайно. То, что недоговаривала легальная печать, договаривала подпольная и зарубежная, распространявшаяся въ огромномъ количествѣ. Политическіе памфлеты, брошюры, каррикатуры встрѣчали небывалый спросъ. Политическія собранія множились, ихъ резолюціи принимали все болѣе радикальный характеръ, общественныя организаціи росли, какъ грибы.

Всему этому бурному потоку противостояло правительство, обнаружившее уже и неувѣренность въ себѣ, и неискренность въ реформаторскихъ проектахъ, и растерянность при каждомъ новомъ ударѣ. А эти удары шли не только извнѣ, но и изнутри устойчивость государственнаго механизма подрывалась разлагавшими его процессами. Волненія въ сухопутныхъ войскахъ, среди новобранцевъ и запасныхъ возстанія во флотѣ (броненосецъ „Потемкинъ“, волненія въ Либавѣ и Кронштадтѣ) порождали настоящую панику. Попытки бороться съ броженіемъ въ войскахъ усиленнымъ распространеніемъ реакціонной литературы[1]) достигали обратныхъ результатовъ, обостряя интересы къ политическимъ вопросамъ. Строгія карательныя мѣры (см., напр., рескриптъ 25 іюня на имя морского министра А. А. Бирилева) также не помогали охранѣ арміи и флота отъ политическаго возбужденія, вливавшагося въ нихъ изъ окружающей среды. Административный персоналъ также обнаруживалъ колебанія, подобныя тѣмъ, которыя можно было констатировать на самыхъ верхахъ бюрократической лѣстницы при началѣ массоваго движенія—въ январѣ 1905 года. Въ то время, какъ одна часть этого персонала все тѣснѣе связывалась съ черносотеннымъ движеніемъ, ослабляя такимъ путемъ свою зависимость отъ непосредственнаго начальства, другая—подъ впечатлѣніемъ успѣховъ общественнаго движе-

[1]) Примѣръ такихъ попытокъ даетъ, напр., „Приказъ по 159 пѣхотн. Гурійскому полку 19 янв. 1905 г.“ (Осв. № 68): „предписываю гг. офицерамъ, назначеннымъ для производства чтенія въ батальонахъ, прочитать и разъяснить нижнимъ чинамъ помѣщенную въ № 7—14 газеты „Свѣтъ“ статью: „Японцы—созидатели забастовки“.

нія и явнаго безсилія правительства не чувствовала особеннаго желанія быть слишкомъ усердной въ выполненіи возложенныхъ на нее репрессивныхъ обязанностей. Такъ, напр., еще въ январѣ саратовская полиція отказывается насильственно разгонять митинги, а высшіе чины ея даже демонстративно подаютъ въ отставку. Избіеніе учащихся въ Курскѣ (12 февр.) даетъ поводъ приставамъ екатеринославской полиціи выразить свое порицаніе приставамъ курскимъ и т. д. и т. д.

Единственною ставкою правительства остаются крайне проблематичные успѣхи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Миръ послѣ ряда неудачъ представляется невозможнымъ. Еще 15 іюля на телеграммѣ оренбургскаго духовенства кладется резолюція: „Русскіе люди могутъ положиться на Меня.—Я никогда не заключу позорнаго или недостойнаго великой Россіи мира“. Но пораженіе слѣдуетъ за пораженіемъ. Эскадра Рождественскаго—послѣдняя иллюзорная надежда—гибнетъ. Смѣна главнокомандующаго ничего въ положеніи дѣлъ не мѣняетъ. Приходится, при посредничествѣ президента Сѣв.-Американскихъ штатовъ, идти навстрѣчу Портсмутскому миру (23 авг.), условія котораго наносятъ тяжелый ударъ національному самолюбію и означаютъ отреченіе отъ задачи—утвердить свое господство на водахъ Тихаго океана, которая была возвѣщена, какъ цѣль войны. Манифестъ 6 августа о созывѣ Государственной Думы долженъ былъ смягчить тяжесть этого удара, успокоить общественное движеніе и облегчить его примиреніе съ крушеніемъ военнаго могущества Имперіи.

II.

6 августа—27 октября 1905 г.

Гибель эскадры Рождественскаго — послѣдней отчаянной ставки въ войнѣ—вызвала настоящую панику въ правящихъ сферахъ. Какъ видно изъ „меморіи совѣта министровъ“ по дѣлу о Госуд. Думѣ, въ связи съ Цусимой явилась даже мысль о немедленномъ созывѣ выборныхъ („Земскаго собора“) для рѣшенія вопроса о продленіи или прекращеніи войны и для обсужденія другихъ вопросовъ „какъ законодательства, такъ и высшаго управленія“. Былъ уже составленъ и рядъ проектовъ Высочайшихъ указовъ и манифестовъ въ этомъ смыслѣ. Эта мысль была оставлена лишь въ виду „возможности попытки самовольнаго продленія ими (выборными) своихъ полномочій и занятій внѣ всякаго контроля правительства, ихъ собравшаго“.

Но за то была ускорена выработка порученнаго мин. вн. дѣлъ А. Г. Булыгину проекта народнаго представительства и уже 23 мая, минуя предположенное ранѣе „совѣщаніе“, проектъ поступилъ въ совѣтъ министровъ.

Плодомъ работъ совѣта министровъ, внесшаго, въ общемъ, лишь второстепенныя измѣненія въ первоначальный булыгинскій проектъ, явились „*Учрежденіе Государственной Думы*“ и „Положеніе о выборахъ въ Гос. Думу“, изданныя при особомъ манифестѣ 6 августа 1905 года Этимъ манифестомъ было создано „особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ“.

Составителями „Учрежденія Государственной Думы“ руководило несомнѣнное желаніе поступиться, какъ можно меньше, правами старой государственной власти въ пользу новаго, выборнаго элемента ея. Сила этого желанія умѣрялась лишь натискомъ общественнаго движенія, заставлявшаго опасаться „всѣхъ излишнихъ поводовъ къ конфликтамъ съ правительствомъ“. Этого рода соображенія заставили, между прочимъ, отказаться и отъ возникавшей было мысли—не создавать особаго представительнаго установленія, а ввести выборныхъ въ составъ Государственнаго Совѣта. Булыгинъ находилъ опаснымъ „неуклонное утвержденіе Верховной Властью мнѣній меньшинства“ (назначеннаго) Гос. Совѣта въ случаѣ разномыслія этого меньшинства съ выборнымъ большинствомъ, находилъ опаснымъ—при возможномъ стремленіи выборныхъ „вступить въ борьбу съ правительствомъ на почвѣ политическихъ правъ“,—допустить ихъ „столкновеніе не съ другимъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, а непосредственно съ Верховною Властью“. Отсюда—предпочтительность особаго представительнаго органа съ сохраненіемъ Госуд. Совѣта въ видѣ буффера.

Но въ опредѣленіи *компетенціи* этого органа, какъ уже сказано, руководящимъ принципомъ было желаніе дать ему возможно меньше правъ и ввести возможно незамѣтнѣе въ общую систему существовавшихъ бюрократическихъ учрежденій. То опредѣленіе функцій Государственной Думы, которое дано въ манифестѣ 6 августа, было шире дѣйствительнаго объема ихъ. Такъ, изъ числа *законодательныхъ дѣлъ* въ вѣдѣніе Думы были отнесены лишь дѣла, входящія въ компетенцію Государственнаго Совѣта (съ исключеніемъ подлежащихъ вѣдѣнію Г. С. дѣлъ административнаго и судебнаго характера). Къ дѣламъ же несомнѣнно законодательнаго характера, но проводимымъ по дѣйствующему законодательству въ особомъ порядкѣ, Дума доступа не получила. Важнѣйшимъ изъ этихъ изъятій было исключеніе изъ вѣдѣнія Думы законодательныхъ дѣлъ по военному и морскому вѣдомствамъ.

Внѣ ея вѣдѣнія оставлено также направленіе внѣшней политики, объявленіе войны и заключеніе мира [1]).

Въ высшей степени существенныя ограниченія были внесены въ права Думы по вопросамъ *финансоваго и хозяйственнаго свойства*. За нею было оставлено право разсмотрѣнія государственной росписи, но возможность вліянія ея на роспись сведена до минимума, чѣмъ старая государственная власть отнимала у Думы одно изъ самыхъ острыхъ орудій парламентской борьбы. Мы вернемся къ этому ограниченію бюджетныхъ правъ Думы ниже, когда будемъ разсматривать фиксировавшія его правила 8 марта 1906 года. Здѣсь же отмѣтимъ, что цѣлый рядъ дѣлъ финансоваго и экономическаго характера былъ прямо исключенъ изъ сферы компетенціи Думы. Сюда относятся: 1) такъ называемыя чрезвычайныя финансовыя мѣры; 2) порядокъ и условія совершенія займовъ; 3) отчеты Государственнаго Банка (въ виду „неудобства столь широкаго и гласнаго обсужденія существа государственныхъ кредитныхъ операцій"); 4) принудительное отчужденіе имуществъ и временное занятіе ихъ для государственной и общественной пользы; 5) правительственныя гарантіи, пособія и льготы при постройкѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п.

Всю организацію Думы и *порядокъ ея работъ* предполагалось построить по чисто бюрократическому образцу. Подобно Гос. Совѣту, и Дума дѣлилась на *„отдѣлы"*, завѣдующіе каждый своимъ спеціальнымъ кругомъ вопросовъ [2]), и *общее собраніе*, куда должны были вноситься работы, подготовленныя отдѣлами. „Заключенія" общаго собранія Думы должны были передаваться въ Гос. Совѣтъ, и оттуда, вмѣстѣ съ „заключеніемъ" и „меморіей" Совѣта, идти на усмотрѣніе Верховной Власти, которой и принадлежало окончательное рѣшеніе вопроса. Исключеніе было сдѣлано лишь для законопроектовъ, отвергнутыхъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ въ общихъ собраніяхъ и Думы, и Государственнаго Совѣта. Такіе законопроекты возвращались для переработки внесшему ихъ министру. Въ случаѣ разногласія между общими собраніями Думы и Совѣта послѣднему предоставлялось также

---

[1]) Въ сущности, ст. 33 Положенія 6 августа была формулирована такъ, что допускала и толкованіе въ смыслѣ полной свободы правительства вносить или не вносить тѣ или другія дѣла на обсужденіе Думы. Такъ, напр., п. а.) этой статьи, перечисляющей предметы, которые подлежатъ „вѣдѣнію Гос. Думы", изложенъ такъ: „предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ" и т. д. Между тѣмъ, напр., соотвѣтствующій пунктъ Учрежденія Гос. Сов., откуда эта статья заимствована, говоритъ: „*всѣ* предметы, требующіе" и т. д. (Учр. Г. С. 1892 г. ст. 31, п. 1).

[2]) По словамъ объяснительной записки Булыгина дѣленіе на „отдѣлы" имѣло, м. пр., въ виду, чтобы „всѣ члены Думы приставлялись къ отвѣтственному и производительному труду, чѣмъ устранялась бы... возможность образованія... нежелательнаго разряда членовъ, ограничивающихъ свою дѣятельность политиканствомъ и произнесеніемъ рѣчей по общимъ вопросамъ".

право, до передачи дѣла на разсмотрѣніе Верховной Власти, образовать согласительную комиссію изъ равнаго числа членовъ Думы и Совѣта, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя послѣдняго или одного изъ его департаментовъ.

Но были предусмотрѣны и такіе случаи, когда правительство могло обойтись и *вовсе безъ заключенія Думы*. Такой случай наступалъ, во 1) если Государь обратитъ вниманіе на медленность разсмотрѣнія Думою внесеннаго въ нее дѣла и она не окончитъ этого дѣла въ срокъ, назначаемый Гос. Совѣтомъ; во 2) когда, послѣ отмѣны засѣданія за неявкою надлежащаго числа членовъ [1]), дѣло не будетъ разсмотрѣно въ теченіе ближайшихъ двухъ недѣль.

Первоначальный булыгинскій проектъ предусматривалъ возможность образованія при „отдѣлахъ“ Думы „постоянныхъ и временныхъ *комиссій*“ (ст. 11). При этомъ предполагалось, что „въ засѣданіяхъ отдѣловъ Г. Д. и комиссій, при нихъ образуемыхъ, могутъ быть приглашаемы предсѣдателями отдѣловъ, для представленія объясненій, лица, кои знаніями и опытомъ своимъ могутъ быть полезны“ (ст. 13). Совѣтъ министровъ нашелъ „осторожнымъ исключить правила о допущеніи въ отдѣлы Думы постороннихъ лицъ для представленія объясненій“, исходя, между прочимъ, изъ того, что такимъ допущеніемъ „легко могъ бы извратиться самый характеръ засѣданій отдѣловъ Думы“. Въ результатѣ въ Учрежденіе 6 августа соотвѣтственныя статьи булыгинскаго проекта не вошли, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и упоминаніе о правѣ Думы или ея отдѣловъ образовывать комиссіи.

Право *законодательной иниціативы* Думы было сужено изъятіемъ изъ него „началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными“, и сведено до минимума сложною бюрократическою процедурою. Въ порядкѣ иниціативы могли вноситься—за подписью 30 членовъ—не разработанные законопроекты, а лишь „основныя положенія“, сопровождаемыя „объяснительною запискою“. Эти „положенія“ должны были поступать сначала въ соотвѣтствующій отдѣлъ, потомъ—въ общее собраніе Государственной Думы, при чемъ о днѣ слушанія въ отдѣлѣ надлежащіе министры должны быть увѣдомлены не позднѣе, чѣмъ за мѣсяцъ. Въ случаѣ согласія министра съ мнѣніемъ Думы о желательности того или иного законопроекта, ему предоставлялась выработка его. При несогласіи же дѣло получало дальнѣйшій ходъ (черезъ Гос. Совѣтъ и Верховную Власть) лишь при томъ условіи, что за желательность высказалось не менѣе $^2/_3$ членовъ общаго собранія Думы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если на то послѣдовало Высочайшее повелѣніе, разработка законопроекта поручалась опять таки министру.

---

1) Quorum былъ установленъ для общаго собранія—$^1/_3$ всего числа членовъ, для отдѣловъ—$^1/_2$.

Не менѣе ограничено было и *право запросовъ*, предоставленное Думѣ. Запросы объ общей политикѣ правительства или отдѣльныхъ вѣдомствъ исключались правиломъ (ст. 58), по которому въ заявленіяхъ, подписанныхъ не менѣе, чѣмъ 30 членами, должно было содержаться точное указаніе, „въ чемъ усматривается нарушеніе закона и какого именно“. Для отвѣта министрамъ предоставлялся мѣсячный срокъ, но они могли и отказаться отъ отвѣта, извѣстивъ Думу о причинахъ, лишающихъ ихъ возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія. До Верховной Власти (черезъ Г. С.) дѣло должно было восходить лишь въ томъ случаѣ, если Дума большинствомъ $^2/_3$ голосовъ не признаетъ возможнымъ удовлетвориться объясненіями министра.

Бюрократическій характеръ задуманнаго учрежденія, превращавшій его какъ бы въ выборную „комиссію свѣдущихъ людей“ при правительствѣ, былъ подчеркнутъ въ проектѣ Булыгина тѣмъ, что *предсѣдатели* какъ общаго собранія, такъ и отдѣловъ назначались Высочайшей Властью изъ числа членовъ Думы, а предсѣдатель общаго собранія, какъ это было установлено указомъ 27 авг. для предсѣдателя Государственнаго Совѣта, входилъ въ совѣтъ и комитетъ министровъ. При разсмотрѣніи проекта совѣтъ министровъ нашелъ,—не пояснивъ въ своей „меморіи“ мотивовъ этого мнѣнія,—„что необходимости въ присутствованіи предсѣдателя Думы въ комитетѣ министровъ не настоитъ“. Изъ соображеній же о возможныхъ конфликтахъ Верховной Власти съ Думою, совѣтъ министровъ призналъ нужнымъ измѣнить предположеніе Булыгина, предоставивъ Думѣ избирать одного кандидата въ предсѣдатели общаго собранія, который и представлялся бы на утвержденіе. Въ изданномъ 6 авг. учрежденіи Г. Д. утвержденіе Верховною Властью вообще было отмѣнено. Выборными же сдѣланы и предсѣдатели отдѣловъ.

Предусмотрѣно составленіе стенографическихъ *отчетовъ*, но *публикъ* доступъ на засѣданія Думы и ея отдѣловъ воспрещенъ. На общее собраніе допускаются, съ разрѣшенія предсѣдателя, представители печати. Но по рѣшенію общаго собранія, по распоряженію Предсѣдателя или по требованію министровъ могутъ назначаться закрытыя засѣданія, отчеты которыхъ не оглашаются.

Избирается Дума *на 5 лѣтъ*, но Императорскимъ указомъ можетъ быть распущена и до срока, причемъ тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы. Продолжительность ежегодныхъ сессій Думы и перерывы въ нихъ также опредѣляются указами.

Члены Думы при вступленіи даютъ присягу и пользуются полною свободою сужденій и мнѣній „по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы“. Они могутъ подвергаться лишенію или ограниченію свободы „не иначе, какъ

по распоряженію судебной власти", и не подлежать личному задержанію за долги. Они выбываютъ изъ состава Думы въ случаѣ утраты ценза, утраты русскаго подданства, поступленія на дѣйствительную военную службу, назначенія на гражданскую штатную должность, а также въ цѣломъ рядѣ случаевъ по положенію о выборахъ, лишающихъ права принимать въ нихъ участіе. Привлеченіе къ слѣдствію или суду по ряду преступленій, а также объявленіе несостоятельности (до опредѣленія ея свойства) влечетъ за собою временное устраненіе члена Думы отъ участія въ ея собраніи. При этомъ какъ исключеніе, такъ и временное устраненіе членовъ Думы, по учр. 6 авг., было поставлено въ зависимость не отъ согласія Думы, а отъ Сената. „За преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей", члены Думы должны были привлекаться къ отвѣтственности въ порядкѣ, установленномъ для членовъ Гос. Совѣта [1]). Во время занятія Думы членамъ ея было положено суточное вознагражденіе (10 р.), а также разъ въ годъ путевыя издержки по проѣзду отъ мѣста жительства до Петербурга и обратно.

Подробности *внутренняго распорядка* въ Думѣ предоставлено было регулировать самой Думѣ наказомъ, „издаваемымъ ею" и лишь „публикуемымъ во всеобщее свѣдѣніе" Сенатомъ. Впослѣдствіи это правило, какъ извѣстно, было истолковано въ смыслѣ права Сената входить въ обсужденіе думскаго наказа по существу съ точки зрѣнія его законности.

Таково было устройство Думы, предметы ея вѣдѣнія и права ея членовъ: выборная комиссія съ крайне неопредѣленнымъ и ограниченнымъ правомъ совѣщательнаго голоса и съ единственной дѣйствительной привилегіей ея членовъ въ видѣ освобожденія отъ административныхъ наказаній. Но значеніе Думы въ ту эпоху обостренной политической борьбы, когда былъ возвѣщенъ ея созывъ, обусловливалось не писаннымъ учрежденіемъ ея. Хотя въ своихъ оффиціальныхъ „соображеніяхъ" мин. вн. дѣлъ и считалъ „крайне преувеличеннымъ" „опасеніе, что избранныя отъ населенія лица склонны будутъ выходить изъ предѣловъ своихъ полномочій и стремиться къ расширенію своихъ правъ въ направленіи, несоотвѣтствующемъ историческимъ основаніямъ нашего государственнаго строя"; хотя онъ и полагалъ, что „подобнаго рода стремленія вообще не свойственны русскому національному характеру"; и хотя его мнѣніе на этотъ счетъ раздѣлялось и высказавшимся въ оффиціальной „меморіи" боль-

1) Порядокъ этотъ (Учр. Г. С. изд. 1901 г., ст. 105—113) сводится, въ общихъ чертахъ, къ тому, что удостоенныя Высочайшаго уваженія жалобы и донесенія поступаютъ въ Деп. гражд. и духовныхъ дѣлъ, который если признаетъ нужнымъ, поручаетъ производство предварительнаго слѣдствія одному изъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ по Выс. назначенію, съ возложеніемъ на мин. юстиціи прокурорскихъ обязанностей. Послѣ слѣдствія Деп. гражд. и дух. дѣлъ постановляетъ о прекращеніи дѣла, преданіи суду или наложеніи взысканія безъ суда, при чемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ требуется утвержденіе постановленія Верховною Властью.

шинствомъ совѣта министровъ;—но на самомъ дѣлѣ правительство, конечно, прекрасно сознавало, что въ эту эпоху „захватнаго права“ представительное учрежденіе даже такого типа, какъ Дума, можетъ послужить сильнымъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ политическихъ „домогательствъ“ тѣхъ слоевъ населенія, которые получатъ къ нему доступъ.

Отсюда—первостепенная важность вопроса о томъ, кому именно будетъ открытъ этотъ доступъ, вопроса объ *избирательномъ правѣ*. Какъ замѣчала меморія совѣта министровъ, „основанія выборовъ предрѣшатъ самое направленіе дѣятельности этихъ (избранныхъ) лицъ и свойство ихъ отношеній къ упадающей на нихъ трудной задачѣ“. Съ этой именно точки зрѣнія бюрократія положила необычайно много труда и проявила большое искусство въ составленіи „положенія о выборахъ въ Г. Д.“, которое по своей искусственности, сложности и, въ то же время, по систематическому и настойчивому стремленію къ устраненію отъ представительства наиболѣе недовольныхъ слоевъ населенія,—мало знаетъ себѣ равныхъ [1]).

Всеобщее и пр. избирательное право, выдвинутое, какъ лозунгъ, соціалистическими партіями и начавшее становиться почти обязательною составною частью резолюцій либеральныхъ и демократическихъ банкетовъ, организацій, съѣздовъ и органовъ самоуправленія, было, разумѣется, отвергнуто съ самаго начала, такъ какъ при этомъ „въ лучшемъ случаѣ, при условіи устраненія случайностей и постороннихъ вліяній, составъ избранныхъ населеніемъ членовъ Г. Д. слагался бы, по всей вѣроятности, преимущественно изъ лицъ низшихъ слоевъ населенія, совершенно неподготовленныхъ къ этому дѣлу“.

Вообще стремленіе избѣжать „излишняго расширенія круга избирателей“ проходитъ красною нитью черезъ всѣ разсужденія министра внутреннихъ дѣлъ и совѣта министровъ. Въ частности, совершенно устранены отъ участія въ выборахъ были *рабочіе*. Совѣтъ министровъ понималъ, что „если при исполненіи предначертаній рескрипта 18 февраля фабрично-заводское населеніе окажется изъ дѣйствія его изъятымъ, то съ вѣроятностью можно ожидать обостренія рабочаго вопроса“; онъ помнилъ, что „уже неоднократно

---

[1]) 6-го августа было учреждено особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ графа Сольскаго для разсмотрѣнія дополнительныхъ правилъ; 1) о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ, 2) о приведеніи въ дѣйствіе положенія о выборахъ въ Думу и 3) о распространеніи этого положенія на окраины. Плодомъ работъ этого совѣщанія явились по первому пункту правила 8 марта 1906 г., по второму—правила 18 сент. 1905 г., по третьему—рядъ правилъ, вводившихъ положеніе 6 августа съ болѣе или менѣе существенными водоизмѣненіями: въ Царствѣ Польскомъ (11 окт. 1905), тобольской, тамбовской, иркутской и енисейской губерніяхъ (20 окт.) на Кавказѣ (2 февр. 1906), въ областяхъ акмолинской, семипалатинской, уральской, тургайской (22 февр.), въ мѣстностяхъ, запятыхъ кочевыми инородцами въ астрах. и ставроп. губ. (25 марта), въ областяхъ амурской, приморской, забайкальской, якутской, семирѣченской, закаспійской, самаркандской, сыр.-дарьинской, ферганской и для православнаго населенія сѣдлецкой и люблинской губерній (22 апрѣля).

бывали весьма неудобные примѣры проявленія этой иниціативы („по назрѣвшимъ вопросамъ“) не сверху, какъ бы то слѣдовало, а снизу“. И все же, не желая допустить рабочихъ къ участію въ выборахъ, совѣт. мин. оттоваривался тѣмъ, что „получить избирательныя права онъ („классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“) могъ бы лишь при выборахъ всеобщихъ, примѣнить которые представляется у насъ совершенно невозможнымъ“, и еще тѣмъ, что нѣтъ „рабочихъ организацій“, которыя могли бы сдѣлать возможнымъ участіе рабочихъ въ выборахъ и безъ всеобщаго избирательнаго права. Наконецъ, совѣтъ пришелъ къ заключенію, что „и при дѣйствіи порядка выборовъ на началѣ ценза, рабочему населенію вообще не преграждается доступъ къ избирательному праву постольку, поскольку оно не потеряло связи съ сельскимъ населеніемъ“. Въ качествѣ членовъ сельскихъ обществъ, „рабочіе, въ случаѣ своего на то желанія, не только будутъ имѣть доступъ къ выборамъ, но и могутъ быть выбранными въ составъ Думы“. Цѣна этого „права“ для рабочихъ была опредѣлена самимъ совѣтомъ министровъ, отмѣтившимъ, что имъ „будутъ пользоваться только тѣ изъ нихъ, которые будутъ имѣть возможность отлучиться отъ фабрики, потерявъ соотвѣтственный заработокъ, и произвести соотвѣтствующіе расходы по передвиженію къ мѣсту выборовъ и обратно“...

Къ *крестьянству* у правительства въ эту пору было совершенно иное отношеніе. Аграрныя волненія, правда, уже разливались довольно широкою волною. Но цѣли, которыя они себѣ непосредственно ставили, носили чисто экономическій и мѣстный характеръ. Политически крестьянство было индифферентно, а старыя традиціи въ немъ были такъ живучи, что именно въ эту эпоху дѣлаются попытки подвинуть аграрное движеніе крестьянъ въ демагогически - „патріотическомъ“ направленіи, пользуясь ненавистью крестьянъ къ „барамъ“ и натравливая ихъ на городскую либеральную и демократическую интеллигенцію, а подчасъ и на городскихъ рабочихъ. Естественно, что мин вн. дѣлъ въ своихъ „соображеніяхъ“ разсчитывалъ, между прочимъ, на „надежность этого сословія въ политическомъ отношеніи“, и что это мнѣніе его раздѣлялось и всѣмъ совѣтомъ министровъ. Такимъ образомъ, у правительства не было никакихъ основаній лишать крестьянъ самаго широкаго участія въ выборахъ. Въ качествѣ *избирателей* крестьяне представлялись ему самымъ желательнымъ элементомъ.

Нѣсколько иначе стоялъ вопросъ, когда правительство задумывалось надъ ролью крестьянъ въ качествѣ *избранныхъ*, въ качествѣ членовъ Думы. При всей политической „надежности“ крестьянъ было слишкомъ очевидно, что, войдя въ значительномъ числѣ въ Г. Д. или составляя въ ней большинство, крестьянскіе депутаты поставятъ очень остро земельный вопросъ. И хотя бюрократія безъ особеннаго огорченія смотрѣла на запугивающее

дѣйствіе аграрнаго движенія на либеральныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, но такая острая постановка земельнаго вопроса была чревата слишкомъ опасными послѣдствіями, чтобы можно было съ легкими сердцемъ помириться съ нею.

Лишь два члена совѣта министровъ (генералы Лобко и Глазовъ) мужественно шли навстрѣчу этой опасности, полагаясь на „свойственную крестьянскому сословію стойкость взглядовъ“. Остальные же 18 членовъ находили, что „строй и условія дѣятельности Г. Д. должны исключать всякое основаніе для принятія мѣръ къ искусственному привлеченію въ среду ея крестьянъ въ особо значительномъ числѣ“. Не исключена опасность, что въ дѣлахъ законодательнаго, финансоваго и экономическаго свойства крестьянскіе депутаты будутъ „руководствоваться или общими впечатлѣніями, или тѣми взглядами и мыслями, которые имъ будутъ подсказаны со стороны“. А „при такихъ условіяхъ присутствіе большого количества крестьянъ въ Думѣ не принесетъ пользы для дѣла, а при случаѣ можетъ даже причинить правительству и не малыя затрудненія“. Поэтому—хотя крестьянскимъ „интересамъ должно быть отведено надлежащее мѣсто, но *выражены и поддержаны они могутъ быть и не непремѣнно крестьянами*“.

Исходя изъ этихъ соображеній, совѣтъ министровъ отвергъ предложеніе Лобко и Глазова, чтобы каждый изъ трехъ разрядовъ избирателей (частные землевладѣльцы, городскіе избиратели и крестьяне), которые, какъ увидимъ ниже, были установлены положеніемъ о выборахъ, выбиралъ членовъ Думы исключительно изъ своей среды. Отверженіе этого предложенія шло, несомнѣнно, въ разрѣзъ съ общимъ правиломъ, по которому на всѣхъ остальныхъ стадіяхъ многостепенныхъ выборовъ былъ проведенъ принципъ—„ограниченія выборовъ кругомъ лицъ, имѣющихъ право на участіе въ соотвѣтствующемъ съѣздѣ или собраніи“. Но это правило было продиктовано особыми соображеніями. Какъ говоритъ „меморія“ совѣта министровъ, „отсутствіе его расширило бы предѣлы избирательной агитаціи и весьма часто приводило бы выборы къ непредвидѣннымъ результатамъ“.

Но неувѣренность правительства въ тѣхъ общественныхъ силахъ, на которыя оно могло разсчитывать, была такъ велика, что, несмотря на все желаніе „имѣть ясное представленіе о вѣроятномъ составѣ, взглядахъ и настроеніи того представительства интересовъ населенія, которое призывается къ жизни“, приходилось идти въ этомъ вопросѣ ощупью. И послѣ новыхъ колебаній въ положеніе 6 августа вошло, вопреки мнѣнію совѣта министровъ, компромиссное правило: одного члена Думы крестьянскимъ выборщикамъ каждой губерніи предоставлялось выбирать изъ своей среды.

То же самое опасеніе чрезмѣрнаго представительства крестьянъ послужило одной изъ причинъ отказа отъ выборовъ по сословіямъ, т. к. при такихъ выборахъ пришлось бы или примириться съ такимъ представительствомъ

или прибѣгнуть при распредѣленіи числа представителей между крестьянствомъ и дворянствомъ къ такой „поправкѣ“, которая, какъ указывалъ мин. вн. дѣлъ, „окажется искусственной и не будетъ внушать къ себѣ довѣрія, тѣмъ болѣе, что поправка, для дѣйствительности ея, должна бы выразиться въ сокращеніи крестьянскаго и увеличеніи дворянскаго представительства въ десятки разъ по сравненію съ дѣйствительнымъ соотношеніемъ численности этихъ сословій“.

При разсмотрѣніи установленнаго положеніемъ 6 августа избирательнаго права нетрудно замѣтить, что правительство останавливалось не столько передъ неравномѣрностью представительства крестьянъ и дворянъ, сколько передъ *неприкрытостью* этой неравномѣрности при организаціи выборовъ на чисто сословномъ началѣ. Но, кромѣ того, было еще одно соображеніе, которое заставляло отказаться отъ чисто-сословной избирательной системы. Это то обстоятельство, что капиталистическое развитіе или, по выраженію А. Г. Булыгина, „общій всѣмъ народамъ экономическій процессъ давно уже расшаталъ, а во многомъ и уничтожилъ, тѣ сословныя подраздѣленія, которыя начертаны въ законѣ“. Въ особенности же это замѣтно въ городахъ, гдѣ „на дѣлѣ сословный строй не имѣетъ почти никакого значенія и всѣ отношенія, и экономическія, и бытовыя, покоятся на иныхъ совершенно началахъ“. Экономическое развитіе подорвало сословный строй и при упорномъ желаніи строить избирательную систему на сословной основѣ правительству пришлось бы ввести въ кругъ избирателей элементы, для него нежелательные, и, наоборотъ, оставить за бортомъ элементы, въ которыхъ оно разсчитывало найти опору.

Эти соображенія рѣшили судьбу сословной системы и заставили перейти къ системѣ имущественно-*цензовой*. Но это не значитъ, чтобы сословныя подраздѣленія были окончательно сданы въ архивъ. Нѣтъ. Рѣшивъ разбить избирателей на разряды съ цѣлью изолировать одни слои ихъ отъ другихъ, правительство не установило этого подраздѣленія по чисто-имущественному признаку. Оно взяло за основаніе систему земскаго положенія 1864 года, въ которой признаками, опредѣлявшими принадлежность избирателя къ одному изъ трехъ разрядовъ (городскіе избиратели, землевладѣльцы, крестьяне), служили родъ занятій, съ одной стороны, сословность съ другой, и лишь кругъ лицъ, имѣющихъ доступъ къ избирательнымъ урнамъ въ предѣлахъ каждаго разряда, а также подраздѣленіе одного изъ разрядовъ (землевладѣльческаго) опредѣлялись имущественнымъ признакомъ.

Принятіе этой смѣшанной, сословно-цензовой системы мин. вн. дѣлъ мотивировалъ, между прочимъ, симпатіями широкихъ общественныхъ круговъ къ земскому положенію 1864 года, симпатіями, которыми не слѣдо-

вало пренебрегать въ цѣляхъ успокоенія возбужденнаго общественнаго мнѣнія. Въ дѣйствительности же, въ эту эпоху положеніе 1864 года уже перестало играть роль лозунга даже тѣхъ земско-либеральныхъ круговъ, которые выдвинули его въ 90-е годы предыдущаго вѣка. Зато оно давало возможность наиболѣе незамѣтно и въ привычныхъ путяхъ провести избирательную процедуру, изолировать различные слои избирателей другъ отъ друга, постараться разбить общность настроенія ихъ, противоставить выборщиковъ одного разряда выборщикамъ другого, открывая такимъ образомъ возможность разносторонняго воздѣйствія администраціи на комбинацію голосовъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи, свести до минимума размахъ и содержаніе избирательной агитаціи и—одно изъ самыхъ важныхъ „преимуществъ“ системы 1864 года—сложною процедурою прикрыть поразительную неравномѣрность избирательныхъ правъ различныхъ слоевъ населенія, допущенныхъ къ участію въ выборахъ, неравномѣрность, открытое констатированіе которой при системѣ чисто-сословныхъ выборовъ показалось совѣту министровъ столь шокирующимъ.

Итакъ, основой избирательной системы по положенію 6 августа было дѣленіе избирателей на 3 разряда, выборщики которыхъ сходятся *въ губернскомъ избирательномъ собраніи*, избирающемъ изъ своей среды депутатовъ въ Думу,—съ тѣмъ, уже упомянутымъ, исключеніемъ, что, прежде всего, крестьянскіе выборщики выбираютъ одного члена Думы изъ своей среды.

Но до губернскаго собранія выборщики разныхъ разрядовъ доходятъ не одинаковымъ путемъ. Выборщики отъ *крестьянъ* выбираются такимъ путемъ: каждый волостной сходъ выбираетъ двухъ уполномоченныхъ, при чемъ „меморія“ совѣта министровъ и положеніе 6 августа спеціально оговаривали, что эти уполномоченные не должны принадлежать къ числу членовъ волостного схода, а лишь—одного изъ сельскихъ обществъ данной волости. Уполномоченные всего уѣзда собираются на уѣздный съѣздъ, который и выбираетъ положенное число выборщиковъ. Т. о. выборы отъ крестьянъ—четырехстепенные: выборы на волостной сходъ, въ уѣздное собраніе, въ губернское собраніе, въ Думу.

Землевладѣльцы раздѣляются на полноцензовыхъ и неполноцензовыхъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: а) лица, владѣющія опредѣленнымъ количествомъ земли, установленнымъ особымъ росписаніемъ для каждаго уѣзда; б) владѣльцы поссессіонныхъ дачъ опредѣленнаго размѣра; в) владѣльцы другого недвижимаго имущества въ уѣздѣ, не составляющаго торгово-промышленнаго заведенія и оцѣненнаго земствомъ въ сумму не ниже 15.000 рублей. Къ неполноцензовымъ—лица, владѣющія не менѣе $^1/_{10}$ указанныхъ категорій полнаго ценза, и священнослужители, владѣющіе церков-

ною землею. Полноцензовые владѣльцы земли и недвижимыхъ имуществъ въ уѣздѣ участвуютъ въ уѣздномъ избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ лично, неполноцензовые—черезъ уполномоченныхъ, выбираемыхъ на предварительныхъ съѣздахъ мелкихъ владѣльцевъ пропорціонально числу представленныхъ на этихъ съѣздахъ полныхъ цензовъ. Т. о. для крупныхъ владѣльцевъ выборы—двухстепенные, для мелкихъ—трехстепенные.

Въ съѣздѣ *городскихъ избирателей* участвуютъ лица, владѣющія въ городахъ недвижимою собственностью, стоющею по земской оцѣнкѣ не менѣе 1.500 рублей, и владѣющія въ городѣ или уѣздѣ торговымъ (1 и 2 разряда), промышленнымъ (1—5 разряда) или пароходнымъ (не менѣе 50 рубл. основн. промысл. налога) предпріятіемъ; лица, уплачивающія квартирный налогъ не ниже 10 разряда и, наконецъ, плательщики личнаго промысловаго налога по первому разряду. Для горожанъ выборы, такимъ образомъ, были установлены двухстепенные.

Какъ мы уже говорили, выборщики всѣхъ этихъ разрядовъ сходятся въ губернскомъ избирательномъ собраніи. Исключеніе сдѣлано для обѣихъ столицъ и еще 24 болѣе крупныхъ городовъ, получившихъ право выбирать выборщиковъ (въ столицахъ—160, въ другихъ городахъ—80) въ особое *городское избирательное собраніе*, въ свою очередь выбирающее членовъ Думы (по Петербургу—6, Москвѣ—4, Варшавѣ—2, прочимъ городамъ—1). Давая такую льготу болѣе крупнымъ городамъ совѣтъ министровъ руководился соображеніемъ, что иначе представительство городскихъ интересовъ можетъ быть такъ же поглощено „интересами прочихъ мѣстностей“, какъ это наблюдается въ земствѣ. Вначалѣ льготу предполагалось дать только городамъ съ населеніемъ не ниже 100.000. Но затѣмъ, въ виду преобладанія такихъ городовъ на окраинахъ, были добавлены „нѣкоторые чисто русскіе города“ съ меньшимъ населеніемъ. Цензъ для участія въ такихъ городскихъ выборахъ одинаковъ съ общимъ цензомъ для городской куріи, за исключеніемъ столицъ, гдѣ цѣнность имущества повышена до 3.000 рублей, а основного промысловаго налога—до 500, и гдѣ только 1-ый разрядъ торговаго и первые три разряда промышленнаго предпріятія даютъ право участія въ выборахъ [1]).

Желаніе усилить представительство „чисто-русскихъ областей“ по сравненію съ *окраинами* выразилось не только въ этомъ вопросѣ о городахъ, но было положено въ основу всей избирательной системы: въ то время, какъ для „коренныхъ русскихъ областей“ 1 членъ Думы приходился на 250.000 населенія, для окраинъ это число было повышено до 350.000.

---

[1]) Цифры выборщиковъ по разрядамъ, членовъ Думы и т. п. мы дадимъ ниже при разсмотрѣніи закона 11 декабря, окончательно установившаго избирательную систему, по которой были собраны первыя двѣ Думы.

При разсмотрѣніи вопроса объ окраинахъ министромъ вн. дѣлъ былъ возбужденъ и вопросъ о представительствѣ *Финляндіи*. А. Г. Булыгинъ предлагалъ рѣшить этотъ вопросъ такимъ образомъ, чтобы при разсмотрѣніи Думою такъ называемыхъ „общеимперскихъ“ законовъ въ засѣданіяхъ ея имѣло право участвовать опредѣленное число депутатовъ, выбранныхъ сословіями финляндскаго сейма, при чемъ отсутствіе ихъ не должно было мѣшать разсмотрѣнію дѣла. Это порядокъ, однородный тому, который былъ установленъ министр. финансовъ 3 февр. 1899 года для соотвѣтствующихъ засѣданій Гос. Совѣта съ тою разницею, что въ засѣданіяхъ Совѣта должны были участвовать депутаты не отъ финл. сейма, а отъ сената. По обстоятельствамъ времени, совѣтъ министровъ нашелъ, однако, „болѣе осторожнымъ вопросъ объ участіи въ Г. Д. членовъ сейма В. К. Финляндскаго и разсмотрѣніи его финляндскихъ дѣлъ оставить впредь до времени открытымъ“. Манифестъ 6 авг. ограничился упоминаніемъ, что по этому вопросу „будетъ указано особо“. А 11 августа, въ отвѣтъ на петицію сейма, Финляндіи былъ обѣщанъ пересмотръ ряда правилъ, введенныхъ въ „бобриковскую“ эпоху, въ томъ числѣ правилъ 1 авг. 1902 г. объ отвѣтственности должностныхъ лицъ и 26 іюня 1903—о порядкѣ созыва церковныхъ соборовъ, а также возвѣщена разработка законопроектовъ о свободѣ публичныхъ собраній и уничтоженіи жандармеріи въ Финляндіи съ передачей ея функцій финляндскимъ полицейскимъ органамъ.

Сомнѣнія были возбуждены министромъ вн. дѣлъ и по вопросу объ участіи въ выборахъ *евреевъ*. Ссылаясь на недопущеніе евреевъ къ избранію въ земскіе и городскіе гласные, А. Г. Булыгинъ предлагалъ оставить вопросъ объ участіи евреевъ въ выборахъ въ Г. Д. „открытымъ для будущаго времени“ впредь до „пересмотра всѣхъ вообще относящихся до нихъ узаконеній“. Совѣтъ министровъ отвергъ это предложеніе, т. к. полагалъ, что оно „несомнѣнно раздражитъ еще болѣе эту національность, и нынѣ уже, благодаря экономическимъ и правовымъ условіямъ своимъ, находящуюся въ значительной части своей въ состояніи броженія“. Совѣтъ находилъ, что „къ успокоенію ея (евр. національности) надлежитъ стремиться всѣми возможными мѣрами и, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ избѣгать вносить въ среду ея новый горючій матеріалъ“. Предоставленіе же евреямъ одинаковыхъ съ другими національностями избирательныхъ правъ тѣмъ болѣе безопасно, что „съ предположеннымъ гофмейстеромъ Булыгинымъ установленіемъ ценза, отъ участія въ выборахъ будетъ фактически отстранена вся главная масса—его пролетаріатъ“. Эти соображенія были уважены, и никакихъ спеціальныхъ ограниченій для евреевъ положеніемъ 6 авг. установлено не было.

Особое вниманіе было посвящено министромъ внутр. дѣлъ и совѣтомъ министровъ участію въ выборахъ *чиновниковъ* и *военныхъ*. Относительно

первыхъ вопросъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ, что они (за исключеніемъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, градоначальниковъ, ихъ помощниковъ и чиновъ полиціи) имѣютъ право быть избирателями, если обладаютъ нужнымъ цензомъ. Въ глазахъ совѣта „русское чиновничество“ было тѣмъ классомъ, который „занимаетъ виднѣйшее по численности мѣсто въ развитой части общества“. И это было, разумѣется, справедливо, поскольку рѣчь шла о цензовомъ „обществѣ“. Но все же права быть членами Думы совѣтъ мин. не рѣшился дать чиновникамъ, занимающимъ штатныя должности, такъ какъ это внесло бы дезорганизацію въ гражданскую службу.

Что касается военныхъ, то нижніе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ, были лишены и активнаго, и пассивнаго избирательнаго права. Иначе былъ рѣшенъ вопросъ объ офицерахъ. С. Витте и Д. Треповъ находили „едва-ли осторожнымъ и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствующимъ условіямъ жизни монархическаго государства“ участіе офицерства въ выборахъ. Они находили, что, благодаря предвыборной агитаціи, „допущенные къ выборамъ строевые офицеры пройдутъ цѣлую политическую школу и могутъ попасть въ такую политическую волну, воздѣйствіе которой на нихъ можетъ оказаться отнюдь нежелательнымъ“. Большинство совѣта министровъ раздѣляло высказанные С. Витте и Д. Треповымъ опасенія, но находило „весьма неудобнымъ съ принципіальной точки зрѣнія“ лишать офицерство права, предоставленнаго всему прочему населенію. Поэтому, утѣшаясь знакомымъ уже намъ соображеніемъ, что „значительное большинство офицеровъ, и именно строевыхъ, не обладаетъ намѣченнымъ цензомъ и такимъ образомъ останется внѣ выборовъ“,—совѣтъ предлагалъ признать за офицерствомъ активное избирательное право. Иначе отнесся совѣтъ къ его пассивному избирательному праву. Тутъ совѣтъ былъ единодушенъ въ признаніи, что „возврѣнія и форма ихъ выраженія, которыя принесутъ съ собою нѣкоторые члены Думы, окажутся въ противорѣчіи съ традиціями, которыя обязательны для лицъ, носящихъ воинскій мундиръ“. Въ виду этого, а также несовмѣстности правъ, предоставленныхъ членамъ Думы, „съ условіями военной субординаціи“, совѣтъ полагалъ пассивнаго избирательнаго права офицеровъ лишить. Положеніе 6 авг. рѣшило, однако, этотъ вопросъ болѣе радикально—въ духѣ Витте и Трепова: „воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ“, были вообще лишены права участія въ выборахъ.

Соображенія о возможномъ суженіи размаха агитаціи и возможно болѣе полномъ устраненіи „наблагонадежнаго“ элемента отъ участія въ выборахъ послужили, несомнѣнно, однимъ изъ видныхъ факторовъ для установленія различныхъ ограниченій. Ими, въ значительной степени, объясняется высокій возрастный цензъ (25 лѣтъ) и устраненіе учащихся въ учебныхъ за-

веденіяхъ [1]), а также формулировка тѣхъ „преступныхъ дѣяній", которые влекутъ за собою лишеніе избирательныхъ правъ. Такъ, по буквальному смыслу ст. 7 этихъ правъ лишаются всѣ привлекаемые по дѣламъ не только уголовнаго, но и политическаго свойства, поскольку они прямо не *оправданы* судомъ.

* *
*

При наличныхъ обстоятельствахъ манифестъ 6 августа, вопреки крайнему несовершенству создаваемаго имъ народнаго представительства, пріобрѣталъ характеръ первой принципіальной и серьезной уступки стараго режима общественному движенію. Брешь въ старомъ порядкѣ была пробита,—въ этомъ были согласны всѣ, несмотря на тотчасъ же возгорѣвшіеся тактическіе споры объ отношеніи къ Думѣ.

Но въ своемъ конкретномъ видѣ учрежденіе Г. Д. могло удовлетворить не многихъ. Оно шло, правда, навстрѣчу желаніямъ славянофильски настроенныхъ круговъ умѣреннаго земскаго дворянства (Шиповъ и др.). Но и эти круги не могли съ спокойнымъ удовлетвореніемъ отнестись къ этому продукту бюрократическаго творчества. Все разроставшееся общественное движеніе, втягивавшее въ свой водоворотъ все новые и новые элементы, дѣлало слишкомъ очевиднымъ, что Булыгинская Дума не внесетъ въ страну „успокоенія", а что, наоборотъ, первый принципіальный успѣхъ лишь окрылитъ энергію тѣхъ, кто почувствовалъ себя обдѣленнымъ, и еще болѣе тѣхъ, кто, какъ городской пролетаріатъ и демократическая интеллигенція, являлся главнымъ факторомъ движенія въ данную эпоху и въ то же время совершенно обездоленъ положеніемъ 6 августа. Для этихъ слоевъ Булыгинская Дума была лишь осязательнымъ доказательствомъ возможности сокрушить режимъ, еще недавно стоявшій, казалось, такъ прочно, и не менѣе осязательнымъ доказательствомъ упорнаго нежеланія этого режима удовлетворить самыя насущныя требованія демократическихъ слоевъ населенія. И то, и другое, какъ и плачевный балансъ войны, подведенный въ портсмутскомъ мирномъ договорѣ, въ равной мѣрѣ стимулировало энергію этихъ слоевъ къ продолженію и усиленію своей наступательной борьбы. А это, въ свою очередь, заставляло и высшіе классы общества, разувѣрившіеся въ могуществѣ старой власти и въ ея способности подавить народное движеніе, относиться съ недовѣріемъ къ булыгинскому учрежденію, требовать демократизаціи избирательнаго права и расширенія полномочій Думы. Недовѣріе еще усиливалось сомнѣніемъ насчетъ дѣйствительныхъ намѣреній правительства. Вся практика его агентовъ въ связи съ начавшей принимать серьезные размѣры черносотенной агитаціей, заставляла и умѣренно-либеральное общество опасаться, что въ видѣ Думы для него готовится ловушка.

[1]) Кромѣ упомянутыхъ уже категорій, права участія въ выборахъ были лишены женщины, бродячіе инородцы и иностранные подданные.

Возникало опасеніе, что правительство хочетъ задавить въ Думѣ голосъ либерализма голосомъ реакціонныхъ „лавочниковъ“, какъ казалось однимъ, „мужиковъ“, какъ думали другіе. Сложность и искусственность избирательной системы и полная неувѣренность въ настроеніи мелкаго городского населенія и крестьянства питали эти опасенія.

Правительство само сознавало, что, при данныхъ условіяхъ, его дѣтище имѣетъ мало шансовъ пріобрѣсти симпатіи широкихъ общественныхъ круговъ. Съ характерною для всего этого періода противорѣчивостью, оно одною рукою пыталось дать общественному движенію въ видѣ Гос. Думы „успокоительное“ средство, другою, сознавая всю недостаточность этого средства,—зажать ротъ недовольнымъ и попытаться раздавить силою движеніе, которому оно вынуждено было уступать. Сейчасъ же послѣ 6 августа вся энергія власти сосредоточилась на томъ, чтобы прекратить развитіе политической агитаціи, предотвратить возможность широкой постановки ея въ связи съ избирательной кампаніей, разрушить складывавшіяся политическія организаціи и прекратить проявленія массоваго движенія.

Въ самый день изданія учрежденія Гос. Думы былъ отмѣненъ указъ 18 февраля, дававшій право частнымъ лицамъ и учрежденіямъ формулировать свои политическія пожеланія. Отмѣна указа не остановила потока собраній, съѣздовъ, организацій и политическихъ резолюцій, но дала мѣстной и центральной администраціи поводъ къ непрерывному вмѣшательству въ занятія собраній, съѣздовъ, банкетовъ, вмѣшательству безсильному и потому только раздражавшему и обострявшему проявленія общественнаго протеста.

Правила 18 сентября о примѣненіи и введеніи въ дѣйствіе учрежденія Гос. Думы и положенія о выборахъ, сопровождаемыя указомъ, повелѣвшимъ „приступить безотлагательно къ распоряженіямъ о производствѣ выборовъ“, давали широкій просторъ дѣйствіямъ должностныхъ лицъ по составленію списковъ избирателей, созыву избирательныхъ собраній и съѣздовъ и надзору за ними. Въ то же время эти правила стремились ограничить занятія избирательныхъ собраній и съѣздовъ исключительно избирательной процедурой, запретивъ имъ входить въ какія бы то ни было разсужденія и сдѣлать какія бы то ни было постановленія, не относящіяся до производства выборовъ. „Для совѣщанія о достойныхъ быть избранными лицахъ“ избирателямъ и выборщикамъ предоставлялось созывать въ *городскихъ поселеніяхъ* особыя „подготовительныя собранія“. Но, въ цѣляхъ стѣсненія широты такого „совѣщанія“ на этихъ собраніяхъ получили право присутствовать только избиратели и выборщики даннаго избирательнаго съѣзда или собранія, и о времени и мѣстѣ ихъ долженъ быть извѣщенъ начальникъ мѣстной полиціи не позднѣе, какъ за 24 часа, съ приложеніемъ именныхъ

списковъ устроителей. По требованію чина, назначеннаго начальникомъ полиціи для присутствованія на собраніи, оно должно быть немедленно закрыто.

Циркуляръ мин. вн. дѣлъ отъ 22 сентября обращалъ вниманіе губернаторовъ на необходимость неуклоннаго соблюденія правилъ, стѣсняющихъ агитацію, въ ходѣ крестьянскихъ выборовъ. Онъ напоминалъ имъ, что подвѣдомственные имъ чины, „воздерживаясь отъ всякаго вмѣшательства въ ходъ выборовъ, обязаны, однако, наблюдать и за тѣмъ, чтобы постороннія лица, участія въ выборахъ не имѣющія, съ своей стороны не вмѣшивались никакими способами въ производство ихъ“. Послѣдующая практика показала, насколько трудно провести границу между „наблюденіемъ“ и „вмѣшательствомъ“ и насколько велика склонность администраціи къ расширительному толкованію рекомендованныхъ ей циркуляромъ „наблюдательныхъ“ функцій [1]).

Во всякомъ случаѣ общественные слои, принимавшіе болѣе или менѣе активное участіе въ движеніи, не имѣли основанія довѣрять намѣреніямъ администраціи и руководившаго ею правительства. И отмѣна указа 18-го февраля одновременно съ опубликованіемъ манифеста 6 августа, и все расширявшееся черносотенное, погромное движеніе при явномъ соучастіи мѣстныхъ представителей администраціи и полиціи, и попытка еще больше усилить репрессіи противъ всѣхъ проявленій общественнаго недовольства,— все это, при данныхъ обстоятельствахъ, не столько пугало, сколько питало недовѣріе и раздраженіе. Сентябрьское свиданіе съ германскимъ императоромъ въ Біоркэ комментировалось, какъ желаніе Германіи вмѣшаться во внутреннія русскія дѣла...

Уже въ самый день опубликованія манифеста 6 августа было введено военное положеніе въ Курлядской губерніи, а черезъ 3 дня—въ Варшавѣ и ея уѣздѣ. Затѣмъ послѣдовалъ Бѣлостокъ съ уѣздомъ (4 сентября) Харьковъ (13 октября) и рядъ исключительныхъ положеній въ различныхъ мѣстностяхъ. Кавказъ былъ прямо переведенъ на военное положеніе, и 26 августа мобилизованы войска кавказскаго военнаго округа. Военные суды начали усиленно работать, участились смертные приговоры, военно-судебная процедура упростилась до послѣдней степени, приводя къ неизбѣжнымъ и частью скоро раскрывавшимся ошибкамъ (дѣло Манковскаго). Командующіе войсками начали широко пользоваться своимъ правомъ не пропускать кассаціонныхъ жалобъ осужденныхъ военнымъ судомъ (бунтъ

[1]) Къ выборамъ относился и циркуляръ мин. вн. дѣлъ отъ 30 сентября. Въ этомъ циркулярѣ указывалось, что положеніе 6 авг. не предусматриваетъ необходимости перевыборовъ волостныхъ сходовъ для выбора уполномоченныхъ, но въ то же время констатировалось, что *право* перевыбора за крестьянскими сельскими обществами сохраняется.

матросовъ въ Либавѣ, бунтъ на „Георгіѣ Побѣдоносцѣ“, дѣло Окрусенъ). Генералъ-губернаторы и командующіе войсками въ своихъ воззваніяхъ и приказахъ все чаще стали грозить населенію примѣненіемъ вооруженной силы. Въ типичномъ для того времени приказѣ по войскамъ варшавскаго военнаго округа ген. Скалонъ упрекалъ, напр., гражданскія власти въ томъ, что онѣ, „вызвавъ войска, не рѣшаются на энергичныя мѣры“. Онъ требовалъ принятія „рѣшительныхъ мѣръ“; эти мѣры „въ каждомъ частномъ случаѣ дадутъ, можетъ быть, лишнія жертвы, но это неизбѣжно“. И приказъ кончался напоминаніемъ, что „боязни отвѣтственности мѣста нѣтъ“.

Пресса, вопреки штрафамъ и репрессіямъ завоевывавшая себѣ все большую свободу, широко разносила и комментировала всѣ такого рода проявленія старой власти. И уже одно то, что ея распоряженія подвергались рѣзкой критикѣ, осмѣивались въ народившейся политической сатирѣ, вызывали протесты и органовъ самоуправленія, и обществъ, и организацій, одно это служило въ глазахъ общества свидѣтельствомъ, что на-лицо имѣется въ гораздо большей степени желаніе правительства подавить общественное движеніе, чѣмъ возможность осуществить это желаніе. Несмотря на всѣ угрозы, кровавыя репрессіи и такіе эпизоды, какъ чудовищная бакинская рѣзня, сопровождавшаяся новымъ пожаромъ нефтяныхъ вышекъ, революціонное и оппозиціонное движеніе все наростало и наростало.

Впрочемъ, собственное поведеніе правительства и его агентовъ свидѣтельствовало о внутренней слабости, нерѣшительности и колебаніяхъ. Регулярная законодательная и правительственная дѣятельность почти пріостановилась. Единственными актами ея за періодъ августъ—октябрь были указъ 1 октября, расширявшій кругъ предметовъ, по которымъ въ частныхъ польскихъ школахъ разрѣшается преподаваніе на польскомъ языкѣ, и наказъ земскимъ начальникамъ, сопровожденный циркуляромъ мин. вн. дѣлъ отъ 31 августа и имѣвшій цѣлью нѣсколько сузить ихъ административный произволъ. Въ общемъ же вся дѣятельность правительства цѣликомъ сосредоточивается на подавленіи „смуты“.

Въ этомъ подавленіи, какъ уже сказано, обнаруживается явная внутренняя слабость правительства. Самые рѣшительные сторонники грозныхъ репрессій не приводятъ своихъ угрозъ въ исполненіе, предпринимаютъ шаги, показывающіе всѣмъ и каждому, какъ они сами боятся выполненія своей собственной программы, шаги, дискредитирующіе правительство и вливающіе бодрость въ души его противниковъ [1]). Запрещенные съѣзды собираются,

[1]) Маленькая, но характерная исторія съ англійскимъ авантюристомъ-журналистомъ, Вилльямомъ Стэдомъ, какъ нельзя лучше подчеркнула эту внутреннюю неувѣренность правительства. На нѣсколько недѣль Стэдъ пріобрѣлъ значеніе человѣка, по слову котораго грозный „диктаторъ“ Треповъ отмѣняетъ приказъ объ арестѣ (П. Н. Милюкова), разрѣшаетъ запрещенные митинги и собранія, обезпечиваетъ пол-

организаціи и не думаютъ закрываться, попытки подвергнуть уголовному преслѣдованію кого-либо изъ ихъ членовъ немедленно вызываютъ сотни заявленій о солидарности съ требованіемъ привлеченія къ суду.

При такихъ условіяхъ, стремясь по-прежнему къ неумолимой репрессіи по отношенію къ движенію низовъ, особенно рабочихъ, правительство пытается изолировать это движеніе отъ движенія другихъ слоевъ общества. Продолжая одного рукою дезорганизовывать и это движеніе, внося повсюду раздраженіе, правительство другою рукою даетъ новыя уступки либеральному обществу, пытаясь привлечь его на свою сторону. Такой уступкой была отмѣна В. пов. 8 янв. 1904 г. о репрессіяхъ по отношенію къ либеральному тверскому земству. Такой уступкой было терпимое отношеніе къ съѣздамъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. И, наконецъ, самой важной изъ этихъ уступокъ былъ указъ 27 августа объ *университетской автономіи* [1]).

Указомъ вводилась выборность ректора, его помощника, деканов и секретарей факультетовъ и предоставленіе университетскимъ совѣтамъ завѣдыванія внутреннимъ распорядкомъ. Правительство шло этимъ навстрѣчу вліятельному профессорскому либерализму, тѣсно связанному въ эту эпоху съ либерализмомъ земскимъ, и въ то же время разсчитывало, успокоивъ студенческую молодежь и водрузивъ знамя академической свободы, повліять на настроеніе и всей демократической интеллигенціи. Но время было не такое, чтобы подобныя мѣры могли вбить клинъ въ освободительное движеніе. Народныя массы, особенно городскія, слишкомъ громко заявляли о себѣ и своей силѣ, только что заключенный миръ слишкомъ громко свидѣтельствовалъ о слабости правительства, чтобы „академическая свобода“, въ свое время служившая знаменемъ извѣстной части интеллигенціи, какъ „земское положеніе 1864 г.“—знаменемъ извѣстной части земцевъ, могла оторвать отъ движенія сколько-нибудь широкіе слои. Наоборотъ. И въ этой уступкѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, освободительное движеніе нашло новую опору для новыхъ завоеваній.

Съѣхавшееся послѣ каникулъ студенчество, какъ извѣстно, значительнымъ большинствомъ стало на точку зрѣнія, выдвинутую „Искрой“, и сочло „автономію“ поводомъ для прекращенія уже изжившей себя „забастовки“, но лишь затѣмъ, чтобы перейти отъ „обороны къ наступленію“. Университеты, защищенные „автономіей“ отъ вмѣшательства полиціи, стали первымъ

ноту печатанія отчетовъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, ранѣе имъ самимъ не разрѣшеннаго, и пр. и пр. Все это даетъ поводъ къ безконечному потоку насмѣшекъ въ газетахъ, и вся исторія кончается запрещеніемъ газетамъ писать о Стэдѣ и „открытымъ письмомъ“ газеты „Сынъ Отечества“ къ „мистеру Стэду“ съ просьбой „употребить свое вліяніе на русское правительство и добиться для русскихъ газетъ разрѣшенія писать о немъ, г. Стэдѣ“.

[1]) Рескриптомъ 17 сент. дѣйствіе этого указа распространено и на всѣ спеціальныя высшія учебныя заведенія.

въ Россіи мѣстомъ, гдѣ смогли открыто собираться *революціонные* митинги и гдѣ могли проходить школу политическаго воспитанія и организаціи широкія массы городского населенія, особенно рабочаго. Вмѣсто предполагавшагося „успокоенія“ отъ прекращенія студенческой забастовки получился колоссальный ростъ революціоннаго броженія; вмѣсто изоляціи демократически-интеллигентскихъ слоевъ отъ пролетарскаго движенія—очаги политической и профессіональной организаціи рабочихъ, прикрываемые на первыхъ порахъ наиболѣе демократическою частью интеллигенціи — студенчествомъ; вмѣсто обезкровленія революціонныхъ партій отвлеченіемъ отъ нихъ игравшаго въ это время столь замѣтную роль студенчества—арена, на которой революціонныя партіи, выйдя изъ подполья, впервые могли открыто развернуть широкую агитацію передъ массами. Повторялись въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ недолгіе дни, предшествовавшіе „кровавому воскресенью“, и какъ бы возстановлялась оборванная тогда нить развитія.

Событія въ университетахъ находили громкій откликъ и за ихъ стѣнами, особенно въ пролетарской средѣ. Попытки кое-какихъ либеральныхъ профессоровъ (напр. въ Москвѣ) прекратить революціонное использованіе университетовъ, кое гдѣ (напр. въ Москвѣ), снова закрывъ высшія учебныя заведенія, не встрѣтили большого сочувствія даже въ ихъ собственный средѣ и не могли имѣть успѣха: движеніе городскихъ низовъ опиралось уже на прочныя „январьскія“ традиціи; въ нѣсколько дней оно такъ выросло, что всестороннимъ напоромъ вырвало университеты изъ „академическихъ“ рукъ, превратившись изъ терпимаго и покровительствуемаго „гостя“ въ ихъ „хозяина“.

Дальнѣйшій ходъ событій извѣстенъ: забастовка московскихъ типографскихъ рабочихъ, гдѣ впервые функціонировалъ представительный органъ рабочихъ—прообразъ будущихъ „совѣтовъ рабочихъ депутатовъ“; „совѣщаніе по пересмотру устава ж.-д. пенсіонныхъ кассъ“, созванное правительствомъ, и самочинное превращеніе его въ „первый делегатскій съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ“ съ смѣщеніемъ назначеннаго правительствомъ предсѣдателя; начало желѣзно-дорожной забастовки (7 окт.); возникновеніе петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ и, наконецъ, всеобщая забастовка, желѣзнымъ кольцомъ охватившая весь государственный организмъ, пріостановившая его кровообращеніе, перерѣзавшая нервы, связывавшіе центръ съ провинціей и отдѣльныя части провинцій другъ съ другомъ, парализовавшая на время весь административный, военный и полицейскій аппаратъ и въ то же время дававшая новую пищу уже довольно замѣтному броженію въ войскахъ, разочарованныхъ неудачною войною, изнуренныхъ непрерывнымъ подавленіемъ „безпорядковъ“, переполненныхъ людьми, призванными изъ запаса и жаждавшими возвращенія домой...

*

Растерянность правительственныхъ чиновъ и въ центрѣ, и на мѣстахъ была колоссальна. По характеристикѣ, данной въ рапортѣ начальника харьковскаго охраннаго отдѣленія отъ 10 окт., „повсюду и во всемъ, вѣроятнѣе всего изъ страха, уклончивое отношеніе къ предупрежденію проявленій общественной распущенности и разнузданности“ [1]).

Это „уклончивое отношеніе“ сказалось одинаково и въ сношеніяхъ высшихъ властей съ представителями открыто выступившихъ революціонныхъ силъ. Министръ путей сообщенія, кн. Хилковъ, дѣланною наивностью старался отвести отъ себя неудовольствіе явившихся къ нему делегатовъ желѣзно-дорожнаго съѣзда. Онъ заявилъ, что находится „не въ курсѣ дѣла“ и выражалъ „изумленіе“, узнавъ отъ делегатовъ, что въ Россіи существуютъ жандармскіе обыски и аресты, подавленіе забастовокъ вооруженной силой [2]), смертная казнь и т. п. Предсѣдатель комитета министровъ, графъ Витте, обѣщалъ той же депутаціи желѣзнодорожниковъ законъ о свободѣ сходокъ, собраній и митинговъ, „болѣе совершенный, нежели законы по этому вопросу Австріи и Италіи“, полную свободу печати, снятіе военнаго положенія на желѣзныхъ дорогахъ, 8-часовой рабочій день. Рѣшительно непріемлемымъ казалось ему за то учредительное собраніе и всеобщее и пр. избирательное право. Но онъ аппеллировалъ къ делегатамъ, какъ къ рабочимъ, противъ „буржуазіи“, ссылаясь на Америку, гдѣ, благодаря всеобщему избирательному праву, „всю страну держитъ въ рукахъ группа капиталистовъ со своими милліонами, подкупающими голоса“. Онъ умолялъ депутатовъ одуматься и помнить, что при „такихъ обстоятельствахъ можетъ пасть правительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ погибнете и вы, лучшія силы народа, и такимъ образомъ сыграете въ руку той же буржуазіи, противъ которой вы боретесь“ [3]). Въ этихъ свиданіяхъ ж.-д. делегаціи съ двумя министрами мелкими чертами, но весьма характерно сказалась и растерянность бюрократіи, и ея изолированность, и ея желаніе спекулировать на соціальные антагонизмы, и готовность всего правящаго персонала, ради минутнаго успѣха, отдѣлить свою судьбу отъ судьбы тѣхъ общественныхъ классовъ, на которые она еще такъ недавно опиралась, и, наконецъ, трусливое стремленіе каждаго отдѣльнаго представителя ея свалить отвѣтственность со своихъ плечъ...

Центромъ разыгрывавшейся драмы, естественно, сталъ Петербургъ. Въ столицу были стянуты войска, а 12 октября всѣ воинскія силы Петербурга были подчинены генералъ-губернатору Трепову. Всѣ усилія сосредоточились на подавленіи собраній или, такъ какъ подавить ихъ совершенно казалось уже

---

[1]) Мат. по ист. р. к.-р. стр. LXVIII.

[2]) „Неужели вы не считаете себя въ правѣ защищаться, когда въ васъ стрѣляютъ?“ спрашивалъ словоохотливый министръ. „Бирж. Вѣд.“. Цитир. по „Праву“ за 1905 г. № 45—46, Прилож., стр. 28.

[3]) Тамъ же, стр. 18.

невозможнымъ, на „урегулированіи“ ихъ. Въ тотъ же день 12 октября были изданы *временныя правила о собраніяхъ*. Эти правила [1]) требовали заблаговременнаго извѣщенія начальника мѣстной полиціи о днѣ, часѣ, мѣстѣ и предметахъ занятій собранія съ указаніемъ именъ и адресовъ устроителей и докладчиковъ. Начальнику полиціи предоставлялось право воспрещать собранія, „цѣль и предметъ занятій которыхъ противны закону, или устройство которыхъ угрожаетъ общественнымъ спокойствію и безопасности“. Собранія подъ открытымъ небомъ допущены лишь съ особаго разрѣшенія. Воспрещено посѣщеніе ихъ нижними воинскими чинами, учащимися въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, малолѣтними. Представителю полиціи, присутствующему на собраніи, предоставлено право закрывать его въ случаѣ „противозаконныхъ проявленій“, хотя и перечисленныхъ (напр., отклоненіе отъ предмета занятій, сужденія, возбуждающія вражду одной части населенія противъ другой и т. д.), но въ такихъ растяжимыхъ терминахъ, которые поддавались самому распространительному толкованію. Дѣйствію этихъ правилъ не подлежали „частныя всякого рода собранія“, но лишь въ томъ случаѣ, если приглашеніе на нихъ не совершается „безыменными извѣщеніями или объявленіями въ повременныхъ изданіяхъ“. Это правило о „частныхъ собраніяхъ“ давало легальную возможность созывать при помощи именныхъ повѣстокъ многолюдныя собранія внѣ правилъ 12 октября [2]).

Но сейчасъ правительство объ этомъ не думало. Его занимало непосредственно прекращеніе революціонныхъ собраній въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обратившихся въ мѣсто непрерывныхъ митинговъ, длившихся съ утра до поздней ночи. 13 октября состоялось постановленіе „особаго совѣщанія министровъ“, которымъ, въ виду изданія указа 12 окт., категорически воспрещались собранія и митинги въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, причемъ, въ нарушеніе указа 27 августа объ университетской автономіи, совѣтамъ учебныхъ заведеній, въ случаѣ неудачи ихъ борьбы съ собраніями, предписывалось „немедленно закрыть учебное заведеніе и о семъ донести“ [3]). Петербургскій генералъ-губернаторъ расклеилъ это постановленіе съ добавленіемъ, что имъ „приняты мѣры къ недопущенію въ зданія учебныхъ заведеній постороннихъ лицъ“, и съ указаніемъ на 3 залы (охтенскій и василе-

---

[1]) Они относились собственно, какъ говорилъ разд. I, лишь къ собраніямъ „по вопросамъ государственнымъ, общественнымъ или экономическимъ“.

[2]) Циркуляръ мин. вн. д. отъ 14 окт. рекомендовалъ губернаторамъ благожелательное толкованіе правилъ 12 окт. и подчеркивалъ, что они примѣнимы только къ собраніямъ *публичнымъ*“ и притомъ такимъ въ которыхъ обсуждаются именно вопросы общественные, государственные или экономическіе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, министръ указывалъ, что впредь такого рода собранія, созванныя вопреки правиламъ 12 окт. „не могутъ быть допускаемы“, а въ случаѣ созыва должны быть приняты мѣры „къ немедленному ихъ прекращенію“.

[3]) Пунктъ б § 2 ук. 27 авг., на который ссылалось постановленіе, говоритъ лишь о *правѣ* совѣта „ходатайствовать о пріостановленіи занятій“.

островскій театръ, домъ Нобеля), предоставленные въ распоряженіе градоначальника „въ виду назрѣвшей потребности въ публичныхъ собраніяхъ“.

На слѣдующій день, 14 октября, новое объявленіе Д. Ф. Трепова извѣстило населеніе Петербурга, что войскамъ и полиціи дано приказаніе „подавлять немедленно самымъ рѣшительнымъ образомъ“ всякую попытку къ „массовымъ безпорядкамъ“; „при оказаніи же со стороны толпы сопротивленія—холостыхъ залповъ не давать и патроновъ не жалѣть“.

Но ни этотъ приказъ, ставшій знаменитымъ, ни всѣ другія мѣры не могли задержать бурнаго движенія. Волна грандіознѣйшей всеобщей политической забастовки, когда-либо видѣнной міромъ, прокатилась по всей Россіи и вынесла на гребнѣ своемъ манифестъ 17 октября. Правительство капитулировало, традиціямъ стараго государственнаго строя была нанесена неизлечимая рана...

III.

„Дни свободы“.

Стояли желѣзныя дороги, не работали фабрики и заводы, наполовину остановилась торговля, прекратилась жизнь учебныхъ заведеній, бастовали либеральныя профессіи—врачи, адвокаты, аптекаря, учителя, инженеры, бездѣйствовала значительная часть администраціи и магистратуры, легкими, но непрерывными вспышками прорывался огонь, тлѣвшій въ главныхъ силахъ „стараго режима“—арміи и полиціи,—и старое государственное зданіе заколебалось до основанія. Правительство стояло въ нерѣшительности. Различныя вліянія боролись другъ съ другомъ. Военная диктатура—конституція, въ этихъ предѣлахъ качался правительственный маятникъ, къ нимъ тяготѣли мнѣнія высшаго правительственнаго персонала, группировавшагося вокругъ двухъ центральныхъ фигуръ: Трепова и Витте.

Вопросъ для даннаго момента рѣшили „смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ имперіи“: съ ссылки на нихъ начинается манифестъ 17 октября, надеждою на „прекращеніе сей неслыханной смуты“ онъ кончается. Обѣщаніе *конституціи*, какъ средства для прекращенія „смуты“,—таковъ былъ смыслъ манифеста 17 октября. Что имъ обѣщана конституція и даже, болѣе того, что имъ фактически введенъ конституціонно-монархическій строй, хотя и не отлившійся еще въ форму основного закона,—на этотъ счетъ ни у враговъ новаго порядка, ни у друзей его въ данную минуту, сомнѣнія не было. „Мы убѣждены, что возврата отъ *кон-*

стиуціи (курс. н.) назадъ нѣтъ и не должно быть", писало 19 ноября „Новое Время", обсуждая высказанныя французскимъ оффиціозомъ, газетою „Temps", опасенія насчетъ поведенія арміи „въ тотъ день, когда властью завладѣетъ кучка реакціонеровъ". И такой взглядъ на значеніе октябрьскаго манифеста высказывали и высшіе чины администраціи, даже тѣ, которые всѣмъ поведеніемъ своимъ свидѣтельствовали о несочувствіи новому строю. Такъ, въ приказѣ по войскамъ варшавскаго военнаго округа отъ 25 октября варшавскій ген.-губ. Скалонъ характеризовалъ манифестъ 17 октября, какъ „только-что объявленную *конституціонную реформу*" (к. н.) [1]).

Содержаніе манифеста вполнѣ оправдывало такую характеристику. Имъ было обѣщано: 1) „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ", 2) „привлечь къ участію въ Думѣ... тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку"; 3) „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Г. Д., и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій... властей". Кромѣ того манифестъ признавалъ „необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства".

Объединеніе этой дѣятельности было въ тотъ же день поручено графу Витте, а черезъ день (19 октября) указомъ „о мѣрахъ къ укрѣпленію единства въ дѣятельности министерствъ и главныхъ управленій" былъ созданъ кабинетъ министровъ подъ названіемъ „совѣта". Въ составъ совѣта министровъ вошли „министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, принадлежащими къ общему политическому устройству", и общимъ правиломъ стало, что „никакая, имѣющая общее значеніе мѣра управленія не можетъ быть принята главными начальниками вѣдомствъ, помимо совѣта министровъ, а также, что черезъ совѣтъ проходятъ всѣ предположенія, вносимыя въ Г. Думу, и всѣ всеподданнѣйшіе доклады, имѣющіе общее значеніе [2]).

Однако, эта, объединяющая направленіе политики дѣятельность совѣта, была существенно ограничена нѣкоторыми изъятіями. Изъ вѣдѣнія совѣта исключено было замѣщеніе главныхъ должностей высшаго и мѣстнаго управленія по вѣдомству Двора и удѣловъ, по управленію арміею и флотомъ и

---

[1]) „Русскій Инвалидъ". Цит. по „Праву" 1905 г. № 43, с. 3534. Еще во второй половинѣ ноября въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Daily Telegraph" („Право", № 48—49, с. 3920) графъ Витте говорилъ о манифестѣ 17 октября, „который ввелъ конституціонные принципы въ управленіе Имперіей".

[2]) Указомъ 14 апр. 1906 г. было разъяснено, что вѣдѣнію совѣта не подлежитъ ревизіонная дѣятельность государственнаго контролера.

по дипломатической части. Дѣла, касающіяся Двора и удѣловъ, государственной обороны и внѣшней политики, вносятся въ совѣтъ только по Высочайшему повелѣнію, или желанію начальниковъ этихъ вѣдомствъ, или, наконецъ, поскольку эти дѣла касаются другихъ вѣдомствъ. При отсутствіи *единогласія* въ совѣтѣ, вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣла переносится на усмотрѣніе Верховной власти. Наконецъ, временно былъ оставленъ и комитетъ министровъ, т. е. учрежденіе, въ которомъ, на-ряду съ министрами, засѣдали особы императорской фамиліи и предсѣдатели общаго собранія и департаментовъ гос. совѣта, и которое имѣло такимъ образомъ возможность проводить мѣры, нисколько не согласованныя съ политикою „объединеннаго" кабинета [1]).

Программой дѣятельности новаго кабинета долженъ былъ служить докладъ Витте, „принятый къ руководству" и въ своей принциціальной части положенный въ основу манифеста 17 октября, съ однимъ, впрочемъ, характернымъ исключеніемъ: манифестъ умалчивалъ объ упомянутомъ въ докладѣ „уравненіи передъ закономъ всѣхъ подданныхъ, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности". „Реформаторскія" мысли доклада исходили изъ признанія, что „Россія переросла форму существующаго строя" и „стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы". Эта „основа" должна была быть создана работой „объединеннаго" правительства, программой котораго должно быть „осуществленіе мѣръ, предрѣшенныхъ указомъ 12 декабря" (1904 г.).

Такимъ образомъ, очевидно, на-лицо были признаки, которые позволяли говорить о новомъ, грядущемъ строѣ, какъ о конституціонномъ. Но, съ другой стороны, конституція не была октроирована въ видѣ „основного закона", точно опредѣляющаго компетенцію органовъ государственной власти и ясно формулирующаго права гражданъ или границы этихъ правъ. Она не была матеріально воплощена хотя бы въ видѣ немедленной отмѣны цѣлаго ряда законоположеній и пріемовъ управленія, выражавшихъ созданную предыдущимъ развитіемъ русскаго государственнаго строя гипертрофію бюрократическаго всевластія. Самое слово „конституція" не было упомянуто ни въ манифестѣ, ни въ докладѣ Витте, ограничивавшемся характеристикой новаго строя, какъ „правового на основѣ гражданской свободы". И, наоборотъ, манифестъ 17 октября сохранялъ за носителемъ Верховной власти имѣющій вполнѣ опредѣленное политическое значеніе титулъ „самодержца". Никакія оптимическія толкованія либеральной печати, которыми она старалась ослабить значеніе сохраненія стараго титула и умолчаніе о конституціи,

---

[1]) Комитетъ министровъ былъ упраздненъ лишь наканунѣ съѣзда 1-ой Думы—указомъ 23 апр. 1906 г.

не могли скрыть того факта, что вопросъ былъ въ дѣйствительности не въ словахъ, а въ существѣ дѣла.

Существо же это заключалось въ томъ, что манифестомъ 17 октября была создана не конституція, а лишь конституціонная форма, и вопросъ о содержаніи, которымъ эта форма будетъ наполнена, оставался открытымъ. Это значило, что манифестъ 17 октября создавалъ не прочный компромиссъ между „старымъ порядкомъ“ и общественнымъ движеніемъ, или отдѣльными элементами его, а лишь новую почву, на которой отнынѣ предстояло вести борьбу: общественному движенію—за выдвинутыя имъ цѣли, старой власти—за самосохраненіе. Въ завоеваніи этой новой почвы заключалась огромная принципіальная побѣда общественнаго движенія и пораженіе старой власти. Общественное движеніе получило въ свои руки новыя орудія борьбы, ему стали доступны новые методы организаціи, обороны и наступленія. Позиція старой власти утратила былую цѣльность, стала противорѣчивой, вынуждающей къ такимъ пріемомъ, которые стояли въ коренномъ противорѣчіи съ самымъ основами того режима, сохраненію котораго они должны были служить. Но самая борьба между „старымъ порядкомъ“ и общественнымъ движеніемъ не только не была закончена 17 октября, а, наоборотъ, начиная съ этого дня, развернулась во всей силѣ. Наступалъ періодъ, когда старые законы, силою обстоятельствъ, переставали дѣйствовать, а новые еще не были созданы; когда всякая власть, всякое правовое положеніе, всякое учрежденіе были поставлены подъ сомнѣніе; когда каждый конкретный публично-правовой вопросъ рѣшался открытымъ измѣреніемъ силъ борющихся сторонъ примѣнительно къ условіямъ мѣста и времени.

Создалось положеніе, характеризованное Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ въ передовицѣ его „Извѣстій“:

„Дана свобода собраній, но собранія оцѣпляются войсками. Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной. Дана свобода науки, но университеты заняты войсками. Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными. Данъ Витте, но оставленъ Треповъ. Дана конституція, но оставлено самодержавіе. Все дано и ничего не дано“.

Какъ мы уже видѣли, дѣло обстояло дѣйствительно такъ, что было дано „все“, ибо содержаніе, которое могли вмѣстить новыя формы государственной жизни было ограничено только силами напиравшаго на нихъ общественнаго движенія. А, съ другой стороны, дѣйствительно не было дано „ничего“—ни одной прочной нормы, ни одного рѣшительнаго и безповоротнаго акта, который на дѣлѣ демонстрировалъ бы и фиксировалъ переломъ въ государственнымъ строѣ.

Дѣйствительно прочнымъ былъ поворотъ лишь въ области *соціальной* программы старой власти въ томъ смыслѣ, что отнынѣ окончательно торже-

ствуетъ формулированная въ духѣ былыхъ тенденцій министерства финансовъ программа соціальнаго переустройства. Эта программа, положенная въ основу манифеста 12 декабря 1904 года, означала признаніе неизбѣжности капиталистическаго, буржуазнаго развитія Россіи во всѣхъ сферахъ хозяйства, отказъ отъ попытки путемъ закрѣпленія принудительно-общинныхъ порядковъ въ деревнѣ, возрожденія сословной организаціи и т. п. сохранить „патріархальный“, до-капиталистическій соціальный укладъ. Тѣ двѣ тенденціи, о которыхъ мы говорили въ I томѣ, сглаживаются, и уже въ послѣянварьскихъ совѣщаніяхъ комитета министровъ, какъ мы констатировали, въ такомъ, напр., капитальномъ вопросѣ, какъ крестьянскій, прежніе „противники“ одинаково сходятся на точкѣ зрѣнія необходимости крестьянскаго „раскрѣпощенія“. Поворотъ этотъ, конечно, не былъ выраженіемъ продуманнаго убѣжденія, измѣнившаго взгляды всего правительственнаго персонала. Онъ совершался эмпирически, благодаря тому, что въ своихъ стремленіяхъ и планахъ, направленныхъ къ тому, чтобы укрѣпить свои собственныя позиціи или разстроить позиціи врага, бюрократія не находила другихъ средствъ кромѣ тѣхъ, которыя опирались на капиталистическое развитіе страны и, въ свою очередь, толкали это развитіе впередъ.

Къ этой эмпирически констатированной неизбѣжности буржуазнаго соціальнаго развитія приспособляютъ съ этихъ поръ свою программу всѣ силы „стараго режима“: не только государственная власть, но и отсталое, пропитанное крѣпостническими вожделѣніями земельное дворянство, бывшее ранѣе главной опорой и орудіемъ закрѣпленія самобытныхъ соціальныхъ устоевъ. Соціальной устойчивости этого дворянства ясно вскрывшаяся неизбѣжность „обуржуазиванія“ соціальныхъ отношеній во всей Россіи, въ томъ числѣ и деревенской, наноситъ неизлечимый ударъ, ощущаемый особенно остро благодаря пожару аграрнаго движенія, непосредственно направленнаго противъ помѣщиковъ. Крѣпостническое дворянство теряетъ всякую надежду на *увѣковѣченіе* своего экономическаго господства путемъ закрѣпленія старыхъ соціальныхъ отношеній; оно можетъ мечтать лишь о *продленіи* этого господства путемъ эксплоатаціи тѣхъ противорѣчій, посреди которыхъ совершается ихъ эволюція. Оно не можетъ уже думать о *предотвращеніи* своей ликвидаціи, какъ сословія, экономически господствующаго надъ деревней; его заботы сосредоточиваются на томъ, чтобы сдѣлать эту ликвидацію наиболѣе для себя *выгодной*. Выбиваемое изъ старыхъ *соціальныхъ* позицій, оно съ тѣмъ большимъ жаромъ бросается на позиціи *политическія*, становится во главѣ реакціонныхъ силъ, стремится подчинить себѣ, пользуясь ея ослабленіемъ, ту государственную власть, которая раньше сама заставляла его служить себѣ и пустить въ ходъ весь матеріальный и принудительный аппаратъ государства для огражденія своихъ интересовъ.

Но, если совершенно ясенъ былъ совершившійся въ январьско-октябрьскіе дни поворотъ въ соціальной программѣ старой власти, то этого отнюдь нельзя было сказать объ ея *политической* программѣ. „Данъ Витте, но оставленъ Треповъ"—это было вовсе не тождественно съ „дана конституція, но оставлено самодержавіе". Витте такъ же мало былъ олицетвореніемъ „конституціи", какъ Треповъ—„самодержавія", хотя либеральное общественное мнѣніе и хотѣло видѣть въ нихъ такое олицетвореніе. На самомъ дѣлѣ въ фигурахъ Витте и Трепова воплощались въ данный моментъ лишь двѣ тенденціи одного и того же „стараго режима", два метода дѣйствій, одинаково направленныхъ къ самооборонѣ этого режима, къ сохраненію за собою максимума силы и власти и, по возможности, къ отобранію назадъ тѣхъ завоеваній, которыя были сдѣланы общественнымъ движеніемъ. И когда, 10 ноября, была упразднена должность тов. мин. вн. дѣлъ, завѣдующаго полиціей, было уничтожено петербургское генералъ-губернаторство, и сошелъ съ оффиціальной политической сцены Д. Ф. Треповъ, назначенный дворцовымъ комендантомъ, по существу дѣла ничто въ намѣченныхъ двухъ тенденціяхъ не измѣнилось. Та тенденція, представителемъ которой былъ Д. Ф. Треповъ,—методъ репрессіи и военной мобилизаціи всѣхъ наличныхъ контръ-революціонныхъ силъ [1]),—скрылась за кулисы оффиціальной государственности, нашла себѣ средоточіе въ такъ наз. „звѣздной полатѣ", создала себѣ изъ того же самаго административнаго и жандармскаго персонала какъ бы параллельную, тайную государственную организацію, конкуррирующую съ другой явной организаціей, во главѣ которой стоялъ Витте — представитель метода „реформъ", разсчитанныхъ, по словамъ его доклада, на „благоразумное большинство общества", на отрывъ этого „благоразумнаго" общества отъ всего общественнаго движенія въ цѣломъ съ цѣлью ослабленія этого послѣдняго.

Эти двѣ тенденціи до извѣстной степени были продолженіемъ тѣхъ тенденцій, которыя можно было наблюдать въ правительственной политикѣ дореволюціоннаго времени, поскольку, въ силу упомянутыхъ выше причинъ, одна изъ нихъ—репрессивная—находила все большую и большую опору въ дворянствѣ, а другая—„реформаторская"—опиралась на соціальное буржуазное развитіе и была разсчитана на сочувствіе буржуазныхъ и обуржуазивающихся классовъ общества. Поскольку эти двѣ тенденціи воплощались въ различныхъ бюрократическихъ фигурахъ, онѣ неизбѣжно порождали конкурренцію между ихъ носителями, интриги, соперничество, все то, что, на поверхностный взглядъ, создавало видимость политической „борьбы" въ пра-

[1]) Въ отвѣтъ на письмо тульскаго губернатора (1 сент. 1905) о невозможности для администраціи неодинаково относиться къ разрѣшенію собраній и организацій разныхъ направленій, Д. Треповымъ была положена резолюція: „Сего взгляда не раздѣляю. Правительство обязано поддерживать друзей и не поощрять враговъ правительства". „Матеріалы" и пр. стр. LXXVII.

вительственныхъ верхахъ. Въ дѣйствительности, за вычетомъ столкновеній различныхъ бюрократическихъ котерій, на-лицо были лишь два метода борьбы старой власти за самосохраненіе, не только направленные къ единой цѣли, но и строго согласованные другъ съ другомъ. Въ лицѣ министерства Витте—Дурново эта согласованность была подчеркнута даже персональной уніей. Еще громче говорила о ней послѣдовательность фактовъ, выражавшихъ направленіе правительственной политики.

Въ самый день объявленія манифеста была разстрѣлена въ Петербургѣ мирная манифестація (уголъ Гороховой ул. и Загороднаго проспекта), а затѣмъ немедленно начались погромы и избіенія, направленные противъ евреевъ, интеллигенціи и „забастовщиковъ" вообще и прокатившіеся кровавою волною по всей Россіи, главнымъ образомъ,—по югу, юго-западу, центру, Поволжью и востоку [1]), оставляя на своемъ пути тысячи труповъ, десятки тысячъ раненыхъ, избитыхъ, поруганныхъ и разоренныхъ людей, пепелища и развалины.

Ужасающіе размѣры приняли погромъ въ Овидіополѣ, Каларашѣ (60 убитыхъ, 80 тяжело раненыхъ), Елисаветградѣ (10 убитыхъ, болѣе 100 раненыхъ), Кишиневѣ (60 уб., около 200 ран.), Оршѣ (болѣе 40 убит.), Ростовѣ на Д. (176 уб., 500 ран.), Минскѣ (болѣе 100 уб. и 400 тяж. ран.), Кіевѣ (ок. 150 уб. и 300 ран.) и особенно въ Томскѣ (ок. 1150 убитыхъ и сгорѣвшихъ и 76 тяж. ран.) и Одессѣ (болѣе 1000 убит. и 5000 ран.). Общее же число убитыхъ, по подсчетамъ В. Обнинскаго, равно 3500—4000, а раненыхъ и изувѣченныхъ—болѣе 10.000.

Въ другомъ мѣстѣ [2]) мы старались выяснить, на какіе общественные слои опиралась эта погромная политика. Но во всякомъ случаѣ участіе мѣстныхъ представителей администраціи и полиціи въ подготовкѣ, органи-

---

1) Вотъ приблизительно полный списокъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ произошли въ октябрьскіе дни болѣе или менѣе серьезные черносотенные погромы: Одесса, Кіевъ Кременчугъ, Ростовъ на Д., Томскъ, Орша, Кишиневъ, Саратовъ, Ѳеодосія, Казань, Минскъ, Ярославль, Калуга, Тула, Тверь, Владиміръ, Кострома, Новгородъ, Пенза Архангельскъ, Тифлисъ, Баку, Джебраилъ, Аккерманъ, Александровскъ (Екатер.) Ананьевъ, Арзамасъ, Байрамча (Бесс.), Балта, Бирзула, Богополь, Брянскъ, Бѣл.-Церковь, Вел. Луки, Вел. Устюгъ, Винница, Воронежъ, Вязьма, Гадячъ, Геническъ, Голта, Горовскъ, Елисаветградъ, Екатеринославъ, Жмеринка, Затишье, Зельцъ Злынка (Черн.), Золотоноша, Иваново-Вознесенскъ, Измаилъ, Каларашъ (Бесс.), Каменецъ-Подольскъ, Клинцы, Климовичи, Козелецъ, Кролевецъ ,Курскъ, Крюковъ (посадъ), Лозовая, Павловка (Екат.), Луганскъ, Макаровка, Маріуполь, Маяки, Мирополь, Могилевъ-Подольскъ, Николаевъ, Новгородъ - Сѣверскъ, Новогеоргіевскъ, Новозыбковъ, Новомосковскъ, Новопетровка, Новочеркасскъ, Носовичи, Нѣжинъ, Обухово, Овидіополь, Орелъ, Раздѣльная, Ромны, Рыбинскъ, Рязань, Рѣпка (Черн.), Рѣчица (Минск.), Седнево (Черниг.), Семеновка (Черн.), Симферополь, Стародубъ, Страшены (Бесс.), Суражъ, Тирасполь, Ученн, Умань, Фестеровка, Херсонъ, Челябинскъ, Черниговъ, Чучелены, Юзовка (по „Праву"). Отдѣльныя черносотенныя избіенія и грабежи происходили и въ другихъ городахъ.

2) См. т. II настоящаго изданія, ст. „Очеркъ политической эволюціи и т. д."

зацiи и руководствѣ погромами было несомнѣннымъ для всѣхъ очевидцевъ. Оно было констатировано и назначенными въ началѣ ноября, подъ вліяніемъ возбужденнаго общественнаго мнѣнія, ревизіями, порученными сенаторамъ Кузьминскому и Турау. Въ результатѣ этихъ ревизій былъ возбужденъ вопросъ о преданіи суду цѣлаго ряда высшихъ должностныхъ лицъ—губернаторовъ (Курловъ), градоначальниковъ (Нейдгардтъ, Коцебу), полицеймейстеровъ (Цихоцкій) и т. д.

Но за этой мѣстной организаціей погромнаго дѣла ясно видѣлась направляющая ее рука центральной организаціи. Для послѣдующаго періода (послѣ 17 октября) существованіе такой организаціи, нити которой сходились въ департаментѣ полиціи, доказано неопровержимыми документами: рапортомъ завѣдующаго особымъ отдѣломъ департамента полиціи Макарова (15 февр. 1906), письмомъ бывшаго директора деп. полиціи А. А. Лопухина министру вн. д. П. А. Столыпину и рѣчью бывш. тов. мин. внутр. дѣлъ кн. Урусова (зас. Г. Д. 8 іюня 1906 г.). Документальныя данныя устанавливали наличность особой организаціи въ нѣдрахъ департамента полиціи, отдѣленной отъ общей организаціи департамента и состоящей въ непосредственномъ завѣдываніи Рачковскаго. Эти же данныя указывали на Д. Ф. Трепова, какъ на лицо, въ рукахъ котораго находилось главное направленіе дѣломъ, разрѣшеніе къ печатанію черносотенныхъ прокламацій, печатавшихся въ тайной типографіи, помѣщавшейся въ самомъ домѣ департамента полиціи и т. п.

Наличность такой организаціи послѣ октябрьскихъ дней дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ существованіе ея и въ предъ-октябрьскіе дни, объясняющее то единообразіе, съ которымъ повсюду инсценировались погромы. Авторъ оффиціальной записки, поданной въ ноябрѣ 1905 года С. Ю. Витте [1]), такимъ образомъ описываетъ это подозрительное единообразіе: „толпа патріотическихъ манифестантовъ шла съ портретомъ Е. И. В., въ нее стрѣлялъ какой-нибудь еврей, и толпа разъярялась и кидалась громить и убивать евреевъ, при чемъ власти въ теченіе 1, 2 или 3 дней оказывались безсильными, а затѣмъ, чаще всего, безъ выстрѣла, разгоняли погромщиковъ и водворяли порядокъ. Населеніе указывало прежде всего на странность того, что все происходило такъ однообразно: всюду толпа шла съ портретомъ Е. И. В., чего прежде никогда не дѣлалось, всюду находился такой еврей, который въ него стрѣлялъ, и опять-таки всюду этотъ выстрѣлъ имѣлъ одинаковыя послѣдствія, вплоть до безсилія властей подавить погромы, которые производились, однако, очень небольшой кучкой людей“ [2]). Все, что могло сказать „правительственное сооб-

1) См. Матеріалы по исторіи и пр. стр. LXXVI.

2) Въ запискѣ, поданной С. Ю. Витте сейчасъ же послѣ октябрьской погромной волны (см. „Наша Жизнь“, ноябрь, ст. „Реакціонные заговорщики“), горнопромышленникъ Ф. А. Львовъ опредѣленно указывалъ наличность такой центральной органи-

щеніе", опубликованное въ отвѣтъ на „обращаемыя къ правительству заявленія по поводу происходящихъ безпорядковъ" съ „безпрестанно повторяющимися" указаніями „на искусственное возбужденіе или поддержку ихъ администраціей", заключалось въ „категорическомъ объявленіи, что со стороны *центральныхъ учрежденій* (курсивъ нашъ) всѣ распоряженія клонились лишь къ одной цѣли—поддержанію спокойствія и порядка"...

Репрессивная политика имѣла цѣлью не только подавить непосредственно втянутыя въ революціонное движеніе массы, но и запугать ужасами кровавой анархіи то „благоразумное большинство общества", на которое была разсчитана политика „реформъ", сдѣлать его болѣе податливымъ и уступчивымъ. Упомянутое уже правительственное сообщеніе ссылалось на то, что „опасность дальнѣйшаго возбужденія народныхъ страстей" должна быть „для всѣхъ одинаково очевидна", и говорило, что при отсутствіи въ самомъ населеніи „уваженія къ жизни, собственности и личнымъ правамъ другихъ и повиновенія законности и порядку" „гражданская свобода, дарованная въ принципѣ, можетъ остаться внѣ всякаго житейскаго примѣненія" [1]). И въ числѣ обстоятельствъ, которыя „создаютъ положеніе вещей, неблагопріятное для введенія реформъ", сообщеніе указывало не только на враждебныя отношенія крайнихъ политическихъ партій, но и на „безучастіе умѣренныхъ, которое проявилось при обращеніи правительства къ активной ихъ поддержкѣ".

Призывами къ „обществу" наполнены всѣ многочисленныя правительственныя сообщенія этого періода. „Если большинство общества сочтетъ своею обязанностью придти на помощь правительству, то въ положеніи вещей немедленно произойдетъ улучшеніе, въ противномъ случаѣ, на правительство не должна упадать отвѣтственность за могущія произойти тягостныя послѣдствія" (20 окт.). Этотъ лейтъ-мотивъ „сообщеній" дополняется другимъ: „правительство еще разъ обращается ко всѣмъ прервавшимъ обычныя свои занятія и работу съ призывомъ овладѣть собою, успокоиться и приняться за правильный трудъ"; „правительство не можетъ не обратить вниманія, въ интересахъ общаго спокойствія и безопасности, на необходимость для всѣхъ избѣгать всякихъ вызывающихъ дѣйствій и поступковъ, могущихъ обострять положеніе".

заціи, возникшей подъ названіемъ „Боевой дружины" еще до октября, руководимой называемыми имъ поименно видными лицами правительственнаго персонала и имѣвшей сначала цѣлью организацію контръ-революціонныхъ погромовъ *предупредить* готовившуюся забастовку. Но забастовка разразилась раньше, чѣмъ предполагалось, а организація сыграла свою роль въ октябрьскихъ погромахъ.

[1]) Эту же мысль еще болѣе опредѣленно повторилъ Витте въ упомянутой уже бесѣдѣ съ корр. „Daily Telegraph": „Безъ нравственнаго содѣйствія общества правительству анархія будетъ продолжаться. . . . и тогда возможно, что въ видѣ подготовительной мѣры принципы, положенные въ основу манифеста, будутъ отмѣнены или дѣйствіе ихъ будетъ пріостановлено" („Право", № 48—49, с. 3922).

Но обстоятельства были не таковы, чтобы такого рода обращеніями можно было побѣдить „безучастіе умѣренныхъ“. Съ одной стороны, не прошло еще опьяненіе побѣды и не успѣли еще достаточно вскрыться глубокіе антагонизмы, зрѣвшіе въ нѣдрахъ „освободительной“ арміи. Съ другой стороны слишкомъ свѣжо было воспоминаніе о военномъ разгромѣ, слишкомъ глубоко недовѣріе къ намѣреніямъ правительства и слишкомъ очевидно его желаніе сохранить всю „полноту власти“ въ своихъ рукахъ. При такихъ обстоятельствахъ погромные методы борьбы съ революціей оказали на умѣренные слои общества какъ разъ обратное дѣйствіе. Въ насыщенной электричествомъ атмосферѣ именно умѣреннымъ слоямъ внушали крайнее опасеніе и стремленіе использовать въ контръ-революціонныхъ цѣляхъ темные соціальные инстинкты низовъ городского населенія, и связанная съ этимъ использованіемъ разнузданность административнаго и полицейскаго произвола. Несочувствіе огромнаго большинства мѣстнаго правительственнаго персонала новымъ порядкамъ было очевидно. Очевидна была и невозможность для центральной правительственной власти въ лицѣ Витте справиться съ этимъ несочувствіемъ, или смѣнить мѣстный персоналъ. За этой невозможностью видѣлось явное нежеланіе,—ибо не было сдѣлано ни одного рѣшительнаго акта, не было отмѣнено ни одного исключительнаго положенія, не было смѣщено ни одно изъ должностныхъ лицъ, ненавистныхъ населенію, а въ своихъ сообщеніяхъ правительство настойчиво повторяло, что „сразу измѣнить всѣ порядки государственной жизни Россіи немыслимо ни для кого“.

Дѣло было, однако, не въ измѣненіи „сразу“. Члены организаціоннаго бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей, вызванные гр. Витте, представили ему 20 октября программу, признаніе которой считали въ тотъ моментъ необходимымъ для оказанія поддержки правительству. Эта программа гласила: учредительное собраніе, всеобщее и пр. избирательное право, немедленное осуществленіе свободъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ, и полная политическая амнистія. Гр. Витте отвѣчалъ, что сходится со своими собесѣдниками „по вопросу о конечныхъ цѣляхъ предстоящаго преобразованія“, но расходится съ ними „въ методахъ ихъ осуществленія“. Онъ требовалъ „довѣрія общества къ искренности намѣреній правительства и возможности для этого послѣдняго пользоваться содѣйствіемъ отдѣльныхъ лицъ изъ общества“.

Какъ мы уже говорили, обстоятельства дѣлали невозможнымъ оказать правительству это довѣріе въ кредитъ даже для умѣренныхъ слоевъ общества. Попытка Витте привлечь въ составъ своего кабинета „общественныхъ дѣятелей“ въ лицѣ Д. Шипова, кн. Е. Трубецкого и А. Гучкова окончилась неудачею. Впрочемъ, самая попытка предложенія портфелей одновременно славянофильствующему сторонніку законосовѣщательной, высокоцензовой Думы, члену только что образовавшейся и принявшей радикальную полити-

ческую программу к.-д. партіи и провозвѣстнику воинствующаго либеральнаго націонализма свидѣтельствовала о нежеланіи правительства Витте связать себя опредѣленной программой дѣйствій и внушала мысль не столько о намѣреніи старой власти вступить на новый путь, сколько объ ея желаніи скомпрометтировать различные элементы общественнаго движенія двусмысленнымъ сотрудничествомъ съ бюрократіею.

Графу Витте пришлось отказаться отъ своего намѣренія ввести въ министерство „общественныхъ дѣятелей“ и составить первое министерство изъ чиновниковъ, менѣе компрометтированныхъ въ дѣйствіяхъ правительства за послѣднее время (Тимирязевъ, И. Шиповъ, Немѣшаевъ, Философовъ, Кутлеръ и др.).—за исключеніемъ П. Н. Дурново, вступленіе котораго въ управленіе министерствомъ внутр. дѣлъ служило свидѣтельствомъ, что репрессивныя мѣры входятъ органическою составною частью въ политику новаго кабинета.

Но еще до образованія министерства были проведены нѣкоторыя мѣры въ видѣ уступки общественному движенію. Сюда относится, прежде всего, *амнистія* (21 окт.) по политическимъ дѣламъ. Амнистія была неполною, она лишь смягчала участь, но оставляла въ заключеніи и ссылкѣ обширныя категоріи революціонеровъ и потому не удовлетворила демократически настроенные элементы. Но она снимала всѣ кары, наложенныя въ административномъ порядкѣ, освобождала значительную часть лицъ, приговоренныхъ за политическія дѣла по суду, и открывала двери политическимъ эмигрантамъ. Составъ политическихъ ссыльныхъ, заключенныхъ и эмигрантовъ въ это время былъ таковъ, что, благодаря амнистіи, въ активно-дѣйствующіе ряды возвращались, главнымъ образомъ, соціалисты, а это вело, въ свою очередь, къ колоссальному усиленію пропагандистской, агитаціонной и организаціонной работы въ средѣ пролетаріата и крестьянства.

Слѣдующей мѣрой, имѣвшей крупное принципіальное и практическое значеніе, былъ манифестъ 22 окт. (4 ноября) о *Финляндіи*. Манифестъ признавалъ „заслуживающими вниманія и подлежащими осуществленію“ „мѣры къ возстановленію законномѣрнаго порядка въ краѣ“, указанныя въ петиціи финляндскаго сейма отъ 31 декабря 1904 года. Ссылаясь на „установленныя основными законами права финскаго народа“, манифестъ отмѣнялъ всѣ мѣры, принятыя, начиная съ 1899 года, въ разрѣзъ съ этими законами. Одновременно Высочайшимъ повелѣніемъ созывался на 7 (20) декабря 1905 года чрезвычайный сеймъ для обсужденія финансовыхъ мѣропріятій, выработки „проекта новаго основного закона о народномъ представительствѣ въ Финляндіи на началахъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, съ установленіемъ отвѣтственности мѣстныхъ правительственныхъ органовъ передъ народными представителями края“, и разсмотрѣнія „проекта основныхъ за-

коноположеній, въ частности о свободѣ печати, собраній и союзовъ", составленіе котораго было поручено сенату. Такимъ образомъ, угрожаемое общественнымъ движеніемъ внутри Россіи, и стремясь обезпечить себя съ тылу, правительство уступало по всѣмъ пунктамъ бурнымъ требованіямъ финскаго народа [1]). Вопреки своимъ намѣреніямъ, оно создавало этимъ новую базу для русскаго общественнаго движенія, которое въ ближайшій періодъ всесторонне использовало финляндскую свободу въ интересахъ выполненія своихъ задачъ.

27 октября было учреждено *министерство торговли и промышленности*, въ составъ котораго было включено главное управленіе торговаго мореплаванія и портовъ и въ вѣдѣніе котораго были переданы изъ министерствъ внутр. дѣлъ и финансовъ дѣла (за исключеніемъ налоговыхъ и финансовыхъ), касающіяся „областей торговаго, промышленнаго и въ особенности рабочаго законодательства" [2]). Учрежденіемъ новаго министерства правительство преслѣдовало цѣль—дать особое представительство интересамъ торгово-промышленнаго класса. Но, поскольку оставалась нетронутой старая организація государственной власти и безотвѣтственность ея передъ народнымъ представительствомъ, новое министерство не могло пріобрѣсти сколько-нибудь самостоятельнаго, независимаго отъ полицейски-бюрократическихъ вліяній характера и потому не могло получить и существеннаго значенія для широкихъ слоевъ капиталистической буржуазіи. Что же касается привилегированныхъ магнатовъ капитала, то для нихъ министерство финансовъ, направляющее кредитно-ссудную политику государственнаго банка и таможенную политику, а вскорѣ вернувшее въ свое вѣдѣніе и тарифную политику, продолжало имѣть, при указанныхъ условіяхъ, гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ новорожденное министерство торговли и промышленности.

Еще меньше значенія могло имѣть это министерство для рабочихъ,

---

[1]) Оффиціальный взглядъ на государственно-правовое положеніе Финляндіи въ это время виденъ, м. пр., изъ слѣдующихъ словъ „правительственнаго сообщенія", направленнаго противъ требованія автономіи Польши: „Примѣръ Финляндіи, на который ссылаются сторонники движенія,—неподходящій. В. К. Финляндское въ географическомъ и политическомъ отношеніи не имѣетъ ничего общаго съ Ц. Польскимъ. Дарованныя нынѣ Финляндіи права уже принадлежали ей въ недавнемъ прошломъ, и возвращеніе ихъ согласовалось съ началами, провозглашенными въ манифестѣ 17 октября". Раньше сообщеніе разъясняетъ, что „общій характеръ ея (автономіи) клонится къ полному административному и законодательному обособленію отъ имперіи" (Право, № 43, с. 3532). Въ тронной рѣчи при открытіи чрезвычайнаго сейма (9 дек.) было выражено убѣжденіе, что всеобщее и равное избирательное право „возвыситъ, противъ настоящаго, значеніе дѣятельности сейма въ жизни народа".

[2]) Штаты новаго министерства рѣшено было представить „на уваженіе законодательныхъ учрежденій". В. п. 19 ноября 1905 г. была намѣчена организація новаго министерства, а указомъ 29 марта 1906 г. возвращены въ вѣдѣніе мин. фин. совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ, тарифный комитетъ и департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

Въ извѣстной своей ноябрьской телеграммѣ къ „братцамъ-рабочимъ“ графъ Витте указывалъ на образованіе новаго министерства, „которое должно установить справедливыя отношенія между рабочими и предпринимателями“ и можетъ служить залогомъ, что „все возможное будетъ для васъ (рабочихъ) сдѣлано“. Язвительный скептицизмъ, съ которымъ рабочіе встрѣтили это обращеніе, нашелъ себѣ полное подтвержденіе въ послѣдующей дѣятельности министерства торговли и промышленности, и это учрежденіе, образованное, по словамъ телеграммы графа Витте, для того, чтобы „обратить особое вниманіе на рабочій вопросъ“, никакой роли въ уменьшеніи враждебности рабочихъ къ правительству ни впослѣдствіи, ни въ данный моментъ, что̀ представлялось особенно важнымъ, не сыграло.

А между тѣмъ ходъ событій развертывался такъ, что только въ лицѣ *рабочаго класса* правительство встрѣтило въ данную минуту упорнаго и дальновиднаго противника, быть можетъ и преувеличивавшаго свои силы, но во всякомъ случаѣ правильно понявшаго положеніе и вытекавшія изъ него проблемы. Главной изъ этихъ проблемъ былъ вопросъ о государственной власти, оставшейся въ рукахъ стараго бюрократическаго персонала, что̀ ставило на карту всѣ сдѣланныя завоеванія. Въ лицѣ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ пролетаріатъ создалъ себѣ, сначала въ столицахъ, затѣмъ и въ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ, опорные пункты для обороны уже сдѣланныхъ пріобрѣтеній и дальнѣйшаго наступленія на старый порядокъ и поставилъ себѣ главной очередной задачей, на-ряду съ организаціей своихъ собственныхъ силъ и усиленіемъ своего вліянія на непролетарскіе слои города,—вовлеченіе въ борьбу новыхъ силъ—арміи и крестьянства.

Очутившись лицомъ къ лицу съ такимъ рѣшительнымъ противникомъ, ослабленное и дезорганизованное правительство вынуждено было дѣйствовать на первыхъ порахъ съ величайшею осторожностью. Не нападая на него прямо, оно старалось какъ бы окружить его со всѣхъ сторонъ, вырвавъ у рабочаго движенія изъ-подъ ногъ почву, опираясь на которую оно могло вести рѣшительную политику, раздавить тѣ силы, на которыя оно разсчитывало въ своемъ наступленіи, изолировать пролетаріатъ отъ его бывшихъ и возможныхъ союзниковъ.

Броженіе въ *арміи* и флотѣ достигло въ это время значительныхъ размѣровъ и непрерывно питалось броженіемъ окружающей среды и недовольствомъ и дезорганизованностью войскъ, возвращавшихся съ Дальняго Востока послѣ неудачной войны. Начался рядъ солдатскихъ и матросскихъ бунтовъ, выливавшихся въ настоящія возстанія (Кронштадтъ, Кіевъ, Севастополь, Сибирь и т. д.). Правительство употребляло всѣ усилія, чтобы раздавить эти возстанія и безпощаднымъ наказаніемъ участниковъ и руководителей ихъ положить конецъ столь опасному для него броженію.

Но, по указаннымъ уже выше причинамъ, для рабочаго движенія армія начала въ это время пріобрѣтать особенно важное значеніе, и первая же попытка правительства сурово расправиться съ возставшими кронштадтскими матросами вызвала со стороны петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ объявленіе новой всероссійской политической забастовки. Требованіе отмѣны предполагавшагося военно-полевого суда надъ возставшими матросами было сплетено съ требованіемъ отмѣны военнаго положенія въ Польшѣ, объявленнаго уже 10 дней спустя послѣ манифеста 17 октября. Оба требованія забастовки были, въ концѣ концовъ, удовлетворены, но въ этой первой попыткѣ, вмѣсто обѣщаннаго „стремленія къ устраненію *исключительныхъ законоположеній*“, расширить сферу ихъ примѣненія рабочіе не безъ основанія увидѣли первый открытый шагъ назадъ отъ октябрьскихъ обѣщаній, означавшій стремленіе правительства вернуться на старые, только-что торжественно покинутые пути. И дѣйствительно: 28 октября было введено военное положеніе въ Польшѣ и въ Кронштадтѣ, 29-го—была введена усиленная охрана въ районѣ аграрныхъ безпорядковъ, 5-го ноября—районъ дѣйствія этой охраны еще больше расширенъ, 21-го ноября объявлено военное положеніе въ Кіевѣ, 22-го въ Лифляндской губерніи, 4-го декабря—въ Сувалкской, а затѣмъ всѣ виды исключительныхъ положеній съ необычайною быстротою начали распространяться чуть не на всю Россію.

Возвращаясь къ усиленію практики исключительныхъ положеній, правительство не даромъ начинало введеніе ихъ съ земледѣльческихъ районовъ, гдѣ оно вообще могло встрѣтить меньше сопротивленія, и съ Польши. Идя въ первомъ случаѣ навстрѣчу помѣщикамъ, оно въ послѣднемъ разсчитывало не только на непосредственное дѣйствіе военнаго положенія, но и на то впечатлѣніе, которое должна была произвести анти-польская политика на извѣстные слои дворянства и крупной буржуазіи, начавшіе склоняться къ воинствующему націонализму. Спекулируя на этотъ націонализмъ, рядъ правительственныхъ сообщеній въ самыхъ преувеличенныхъ краскахъ рисовалъ опасность неминуемаго „отложенія“ Польши отъ Россіи въ случаѣ, если своевременно не будетъ подавлено стремленіе поляковъ къ автономіи. Правительстно выступало, такимъ образомъ, въ роли защитника „русскаго дѣла“. Опровергая распространившіеся въ обществѣ „слухи, что мѣра, принятая по отношенію Царства Польскаго, внушена правительству настояніемъ сосѣдней державы“, и правительственныя сообщенія, и генералъ-губернаторъ Скалонъ въ своихъ объявленіяхъ одинаково подчеркивали желаніе при рѣшеніи польскаго вопроса „выслушать предварительно голосъ по этому дѣлу русскаго народа“ въ лицѣ Государственной Думы.

Эта спекуляція на *націоналистическія чувства*, за которыми скры-

вался сложный комплексъ интересовъ и настроеній [1]), до извѣстной степени удалась, особенно по отношенію къ опредѣленному слою крупной буржуазіи. Если правительству въ данный моментъ еще не удалось даже и этотъ слой привлечь окончательно на свою сторону—чему мѣшало отсутствіе вѣры въ силу старой власти и ея готовность провести хотя и умѣренную, но дѣйствительно конституціонную реформу—то ему нетрудно было использовать въ своихъ интересахъ тотъ поворотъ въ настроеніи *капиталистической буржуазіи*—отъ дружественнаго нейтралитета по отношенію къ революціонному движенію черезъ выжидательное отношеніе къ нейтралитету враждебному,—который происходилъ въ это время подъ вліяніемъ развертывавшихся противорѣчій революціи. Правительство, съ своей стороны, дѣлало все возможное, чтобы ускорить этотъ поворотъ. Оно воспользовалось съ этою цѣлью сплетеніемъ экономическихъ и политическихъ требованій въ движеніи рабочаго класса и, раздувая значеніе первыхъ, взяло на себя иниціативу грандіознаго ноябрьскаго локаута. Казенные заводы первыми закрыли свои ворота передъ рабочими и, подъ видомъ борьбы съ „чрезмѣрными“ экономическими притязаніями рабочихъ, открыли войну, главною задачею которой было убить политическое движеніе пролетаріата. Капиталистическая буржуазія охотно пошла по указанному казенными заводами пути, имѣя въ виду экономическія выгоды, но попутно служа службу и политическимъ интересамъ старой власти.

Тамъ, гдѣ локауты не могли играть существенной роли, на настроеніе крупной буржуазіи по отношенію къ правительству оказывали вліяніе и факторы другого порядка, какъ, напр., 20 милліонная ссуда, выданная изъ средствъ государственнаго казначейства бакинскимъ нефтепромышленникамъ (11 ноября).

Въ связи съ поворотомъ настроенія капиталистической буржуазіи и отчасти въ зависимости отъ него совершался и поворотъ въ настроеніи части *либеральной и демократической интеллигенціи*, также использованный въ своихъ цѣляхъ правительствомъ Витте. Интеллигенція эта играла весьма важную роль въ октябрьскомъ движеніи, такъ что даже, по мнѣнію петербургскаго охраннаго отдѣленія, „въ октябрьскую забастовку Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ серьезнаго значенія не имѣлъ, и руководителемъ забастовки несомнѣнно былъ Союзъ союзовъ, по иниціативѣ котораго и возникла стачка“ [2]). Охранное отдѣленіе было право, поскольку быстрый и рѣшительный успѣхъ октябрьскаго движенія былъ въ значительной мѣрѣ обусловленъ участіемъ этого слоя интеллигенціи, выполняющаго организатор-

---

[1]) См. объ этомъ въ моей статьѣ во 2-омъ т. настоящ. изданія: „Очеркъ полит. эволюціи и т. д.“.

[2]) Исторія С. Р. Д., стр. 160.

скія функціи въ капиталистическомъ хозяйствѣ и государственной жизни и имѣющаго возможность, благодаря своему соціальному положенію, играть роль посредствующаго звена между движеніемъ народныхъ массъ и движеніемъ имущихъ верховъ общества. Но сила представляемаго этими пластами интеллигенціи „общественнаго мнѣнія“, значеніе ихъ резолюцій, протестовъ, постановленій и т. д. опиралась цѣликомъ на наличность массоваго движенія. Это упускало изъ виду охранное отдѣленіе, упускала и опьяненная побѣдою либерально-демократическая интеллигенція. Отражая—хотя и въ переработанномъ по-своему видѣ—мнѣнія и настроенія имущихъ слоевъ общества, эта интеллигенція начала мало по малу отворачиваться отъ рабочаго движенія народныхъ массъ, обольщая себя возможностью одною силою „общественнаго мнѣнія“ рѣшить нерѣшенныя еще задачи, и обрушивалась на дѣятельность совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и соціалистическихъ партій съ укорами въ „безумствѣ“, въ потворствѣ „анархіи“ и т. д. и т. д.

Правительство очень умѣло воспользовалось этимъ колебаніемъ въ настроеніи либерально-демократическаго общества. Въ правительственныхъ сообщеніяхъ все настойчивѣе начинаютъ звучать указанія на то, что „созидательной работѣ“ по проведенію въ жизнь манифеста 17 октября мѣшаетъ именно продолжающееся движеніе, вынуждающее правительство „сосредоточивать вниманіе свое главнѣйшимъ образомъ на поддерживаніи внѣшняго порядка и устраненіи всякаго рода насилій“; что бѣда заключается не въ томъ, что тѣ или другія лица „примыкаютъ въ своихъ программахъ къ партіямъ соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ“, а въ томъ, что „многія изъ этихъ лицъ, по ихъ тактикѣ, близко подходятъ къ анархистамъ“ и увлекаютъ на анархическій путь рабочее движеніе.

Между тѣмъ, по мѣрѣ отворачиванія либерально-демократическаго общества отъ народнаго движенія, это общество явно обезсиливается и вмѣстѣ съ тѣмъ, по существу дѣла, отношеніе къ нему правительства становится все болѣе и болѣе неуступчивымъ. Рабочее движеніе и рабочія организаціи пользуются на первыхъ порахъ гораздо большею свободою дѣйствій, чѣмъ собранія и организаціи либерально-демократическія. Бастующіе желѣзнодорожники получаютъ обѣщаніе „рѣшительныхъ и безотлагательныхъ мѣръ къ улучшенію быта низшихъ служащихъ дорогъ“ (телегр. мин. пут. сообщ. отъ 22 окт.). Совѣты рабочихъ депутатовъ собираются безпрепятственно, своими постановленіями ограждаютъ свободу печати, сносятся непосредственно съ премьеръ-министромъ и петербургскимъ градоначальникомъ, принимаютъ просьбы горожанъ, дворниковъ, полицейскихъ, солдатъ, крестьянъ, обращающихся къ нимъ за помощью, становятся въ глазахъ всего населенія единственною силою, обезпечивающей пользованіе возвѣщенными свободами.

Наоборотъ, собранія и организаціи либерально-демократическія подвер-

гаются мало по малу различнымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, ихъ протесты оставляются безъ вниманія. Существенно мѣнялось и отношеніе правительства къ либерализму, представленному большинствомъ земскихъ съѣздовъ. Если раньше гр. Витте хлопоталъ о привлеченіи въ свой кабинетъ „общественныхъ дѣятелей", просилъ съѣздъ о поддержкѣ и увѣрялъ, что раздѣляетъ программу съѣзда, расходясь съ ними лишь въ способахъ осуществленія этой программы, то теперь отношеніе его къ нимъ было другое. Въ отвѣтъ на заявленіе депутаціи ноябрьскаго *земскаго съѣзда* (И. Петрункевичъ, С. Муромцевъ, Д. Кокошкинъ) о всеобщемъ и пр. избирательномъ правѣ, гражданскихъ свободахъ и отмѣнѣ исключительныхъ законовъ, какъ непремѣнномъ условіи поддержки правительства со стороны земскаго либерализма, гр. Витте письменно отвѣтилъ, что вопросъ—не въ „условіяхъ поддержки", а въ томъ, чтобы „общественныя группы совершенно ясно давали себѣ отчетъ въ тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ можетъ привести отечество наше нежеланіе ихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ содѣйствовать государственной власти". По существу же вопросовъ объ избирательномъ правѣ и исключительныхъ положеніяхъ отвѣтъ былъ сухо-отрицательный.

Было очевидно, что заигрыванью съ земскимъ либерализмомъ пришелъ конецъ. Сама депутація („Наша Жизнь", 23 ноября) вынесла впечатлѣніе, что графъ Витте намѣренъ повернуть въ сторону реакціи, а публицисты либерализма (П. Струве), недавно жаловавшіеся на „хозяйственную дезорганизацію страны" народнымъ движеніемъ, забили тревогу по поводу намѣренія правительства „улизнуть отъ всеобщаго избирательнаго права", „усмирить желѣзной рукой рабочихъ и интеллигентовъ" и вступить въ „торгъ за спиной націи" съ реакціоннымъ дворянствомъ. Но, и начавъ понимать положеніе, либерализмъ не имѣлъ мужества сдѣлать соотвѣтствующихъ выводовъ и къ тому же былъ обезсиленъ, какъ тѣмъ, что старая помѣщичья дворянская почва, подъ вліяніемъ аграрнаго движенія, уходила у него изъ-подъ ногъ, а новой онъ еще не успѣлъ обрѣсти, такъ и тѣмъ, что самъ преждевременно отмежевалъ себя отъ движенія народныхъ низовъ. Одного противника правительству удалось, такимъ образомъ, скинуть со счетовъ. Въ противовѣсъ либеральнымъ земскимъ съѣздамъ и съ очевиднымъ намѣреніемъ подчеркнуть ихъ безсиліе, Витте обратился (7 дек.) съ письмами ко всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ собраній, предлагая имъ намѣтить лицъ, къ которымъ правительство могло бы обращаться въ случаѣ надобности за содѣйствіемъ по нѣкоторымъ вопросамъ. Практическихъ результатовъ это обращеніе не имѣло и въ январѣ слѣдующаго года было отмѣнено.

Въ высшей степени важное значеніе для всей правительственной политики пріобрѣлъ въ это время, благодаря аграрному движенію, *крестьян-*

скій вопросъ. На крестьянскія волненія правительство реагировало, прежде всего, репрессіей, введеніемъ усиленной охраны и командировкой въ районы особенно сильнаго движенія генералъ-адъютантовъ „въ видахъ водворенія общественнаго порядка и спокойствія“. Но однѣми репрессіями ограничиться было невозможно. Крестьянское движеніе не носило еще, правда, ясно выраженнаго политическаго характера, но въ атмосферѣ обостреннаго общественнаго движенія оно легко могло пріобрѣсти такой характеръ; въ то же время расширяло свои экономическія цѣли вплоть до конфискаціи помѣщичьихъ земель. Было необходимо принять мѣры, которыя хоть нѣсколько успокоили бы крестьянъ и внесли раздѣленіе въ крестьянскую среду.

Въ правительственныхъ сферахъ возникаютъ въ это время различные проекты по крестьянскому вопросу и особое вниманіе привлекаетъ записка проф. М., рекомендовавшаго организацію выкупа крестьянами государственныхъ и удѣльныхъ земель и принудительное отчужденіе для этой цѣли половины земель помѣщичьихъ. Паника въ это время была такъ сильна, что именно тѣ элементы бюрократіи, которые наиболѣе послѣдовательно отстаивали прерогативы старой власти (Д. Ф. Треповъ и командированные въ мѣста аграрныхъ безпорядковъ генералъ-адъютанты) высказывались за этотъ проектъ [1]).

Совѣтъ министровъ, не отвергая проекта въ принципѣ, рѣшилъ, однако, что до созыва Думы принимать такія радикальныя мѣры невозможно. Но событія не ждали и что-нибудь сдѣлать, чтобы показать крестьянамъ заботливость о нихъ правительства, было необходимо. Манифестомъ 3-го ноября, сопровожденнымъ двумя указами, были приняты слѣдующія мѣры: 1) выкупные платежи съ бывшихъ государственныхъ, помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ были съ 1-го января 1906 года уменьшены на половину, а съ 1-го января 1907 года взиманіе ихъ должно было вовсе прекратиться. Какъ поясняло правительственное сообщеніе, это означало, что „крестьяне дѣлаются полными собственниками своихъ надѣловъ, и, такимъ образомъ, отпадаютъ всѣ ограниченія, установленныя положеніемъ о выкупѣ“. 2) Второю мѣрою было предоставленіе крестьянскому банку права для „содѣйствія къ увеличенію площади землевладѣнія малоземельныхъ крестьянъ“ реализовать свои свидѣтельства, т. е. пользоваться кредитомъ для покупки земель за свой счетъ, между тѣмъ какъ раньше онъ прибѣгалъ къ кредиту только для выдачи ссудъ покупщикамъ. При этомъ банку было разрѣшено выдавать покупщикамъ земли, въ извѣстныхъ случаяхъ, ссуду въ размѣрѣ полной оцѣнки земли.

Министръ финансовъ обратился ко всѣмъ уѣзднымъ земствамъ съ пред-

---

1) См. К. Изъ исторіи крестьянскаго вопроса. «Вѣстникъ Европы», апрѣль и май 1909 г.

ложеніемъ образовать уѣздныя комиссіи для содѣйствія банку въ покупкѣ земли и перепродажѣ ея малоземельнымъ крестьянамъ, а правительственное сообщеніе поясняло, что „расширеніе операцій крестьянскаго банка должно быть разсматриваемо, какъ приступъ къ первенствующему по своему значенію среди другихъ государственныхъ задачъ дѣлу землеустройства крестьянъ“, и „отъ народныхъ избранниковъ, въ средѣ коихъ будутъ и крестьяне, наилучшіе истолкователи своихъ нуждъ, должно зависѣть опредѣленіе наиболѣе соотвѣтствующихъ въ данномъ случаѣ мѣропріятій“.

Очевидно, во всякомъ случаѣ, что въ эту пору въ правительственной средѣ возникала мысль о неизбѣжности принятія болѣе или менѣе существенныхъ мѣръ въ области крестьянскаго вопроса. Настроеніе это не шло въ разрѣзъ съ тяготѣніемъ правительства ко все болѣе и болѣе тѣсному сближенію съ быстро реакціонизировавшимся *землевладѣльческимъ дворянствомъ*. Паника, вызванная бурнымъ ростомъ аграрнаго движенія, охватила и дворянскіе круги. Мысль о скорѣйшей и выгоднѣйшей продажѣ земли, которой угрожала крестьянская конфискація, начинала казаться заманчивой, и расширеніе операцій крестьянскаго банка по покупкѣ земель за свой счетъ шло, въ дѣйствительности, навстрѣчу не столько желаніямъ крестьянъ, надѣявшихся въ это время получить землю даромъ, сколько требованіямъ напуганныхъ помѣщиковъ [1]). Такимъ образомъ и землеустроительной политикой своею правительство Витте такъ же шло навстрѣчу требованіямъ помѣстнаго дворянства, какъ и распространеніемъ усиленной охраны на районы аграрнаго движенія и всѣми видами репрессій. А В. у. 6-го декабря 1905 г. меморіей совѣта министровъ губернаторамъ было предоставлено собственною властью разрѣшать землевладѣльцамъ образовывать и содержать на свои средства пѣшую и конную полицейскую стражу.

Правительство сближается съ реакціоннымъ землевладѣніемъ, а само землевладѣніе въ это время идетъ къ сближенію съ черносотенно-демагогическими организаціями. Ноябрьскій съѣздъ „союза землевладѣльцевъ“ вступаетъ въ сношенія съ „союзомъ русскаго народа“, который, какъ и другія черносотенныя организаціи, подпадаетъ цѣликомъ подъ политическое руководство дворянства и становится вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ главнѣйшихъ орудій государственной власти. Реакціонное дворянство становится постепенно главнымъ направителемъ и вдохновителемъ правительственной политики. Оно ждетъ только окончательнаго пораженія общественнаго движенія, чтобы выступить открыто въ роли политическаго гегемона, и толкаетъ къ ускоренію

---

[1]) По словамъ П. Струве („Наша Жизнь“, 25 ноября 1905 г. ст. „Торгъ за спиной націи“), существовалъ даже планъ—принять въ казну на выгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ ихъ просроченныя задолженныя имѣнія и образовать изъ нихъ фондъ для надѣленія землею малоземельныхъ крестьянъ.

развязки. Пока же оно пользуется всякимъ случаемъ для демонстрированія своихъ реакціонныхъ вожделѣній. Депутація тульскаго губернскаго земства съ гр. В. Бобринскимъ во главѣ (24 ноября) настаиваетъ на томъ, чтобы выборы въ Думу были произведены по положенію 6-го августа. Соединенная депутація „союза землевладѣльцевъ“ и „союза русскаго народа“ (1 декабря) идетъ еще дальше. Адресъ „союза землевладѣльцевъ“ жалуется на то, что „манифестъ 17 октября возбудилъ сомнѣніе относительно неприкосновенности исконной русской самодержавной неограниченной власти“, и настаиваетъ на томъ, чтобы были призваны „иные исполнители монаршей воли“, такъ какъ министерство Витте безсильно и ищетъ опоры въ элементахъ, враждебныхъ самодержавію. Адресъ нападаетъ на крестьянское и рабочее движеніе, требуетъ „неусыпнаго надзора, безпощадной кары злоумышленниковъ“, строгой власти надъ сельскимъ населеніемъ и „запрещенія, подъ страхомъ строжайшей кары, по законамъ военнаго времени, всеобщихъ забастовокъ“. Адресъ „союза русскаго народа“, въ свою очередь, игнорируя Государственную Думу, настаиваетъ на созывѣ сословнаго „Земскаго Собора“ и при томъ только изъ среды „коренного по вѣрѣ и происхожденію русскаго народа“. Оба адреса усиленно подчеркиваютъ при этомъ свое убѣжденіе въ неприкосновенности неограниченнаго самодержавія.

Используя въ своихъ цѣляхъ отхожденіе либерально-демократическихъ элементовъ отъ революціонной арміи и опираясь на организацію контръ-революціонныхъ силъ подъ политическимъ руководствомъ дворянства, правительство начинаетъ постепенно сжимать кольцо, которымъ оно окружило пролетаріатъ, и готовиться къ рѣшительной битвѣ. Разумѣется, и эта подготовка, какъ и вся намѣченная нами тактика правительства въ эту эпоху, не совершается непрерывно и неуклонно. Каждое новое военное возстаніе, каждая новая всеобщая забастовка или угроза его, каждое новое крупное событіе революціоннаго движенія, какъ, напр., почтово-телеграфная забастовка, каждая новая вспышка аграрнаго движенія и т. п. вносятъ разстройство въ ряды неувѣренной въ своихъ силахъ бюрократіи, заставляютъ ее колебаться, уступать, торговаться, идти зигзагами, искать обходныхъ путей, откладывать намѣченныя уже мѣры и т. п. [1]). Но, въ общемъ, тенденція къ мобилизаціи всѣхъ контръ-революціонныхъ силъ и принятію подготовительныхъ мѣръ для окончательной битвы проходитъ красною нитью сквозь всю дѣятельность правительства, и въ его активѣ за это время можно указать не болѣе двухъ мѣръ, имѣющихъ сколько-нибудь „либеральный“ поли-

[1]) Такъ, напр., передъ угрозой новой ж. д. забастовки правительство отмѣнило смертную казнь инженеру Соколову въ Кушкѣ (22 ноября), гдѣ ген. Прасоловъ объявилъ осадное положеніе. Примѣръ растерянности агентовъ правительства даетъ сочувствіе, выраженное иркутскимъ ген.-губ. гр. Кутайсовымъ требованіямъ забастовавшихъ почтово-телегр. чиновниковъ. Кутайсовъ былъ уволенъ въ 24 часа.

тическій характеръ. Это: увеличеніе 133 мѣстечками списка поселеній, доступныхъ свободному жительству евреевъ въ чертѣ осѣдлости (24 ноября) и состоявшаяся 2-го декабря отмѣна правилъ 15-го мая 1890 года объ особомъ порядкѣ надзора и составленія каталоговъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ. Быть можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести образованіе представительнаго совѣщательнаго органа отъ населенія (по 2 депутата отъ дворянства, губернскихъ городовъ и крестьянъ каждой губерніи) при прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ, должность котораго была учреждена 28-го ноября. Наконецъ, можно упомянуть упраздненіе Шлиссельбургской государственной тюрьмы (8-го декабря).

Большинство же мѣръ, принятыхъ кабинетомъ Витте за это время, носитъ совершенно иной характеръ. 2 ноября, въ связи съ образовавшимся почтово-телеграфнымъ союзомъ, совѣтъ министровъ постановилъ, что чиновники „не могутъ образовывать союзовъ, касающихся ихъ служебной дѣятельности“ [1]). 24 ноября генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ было предоставлено право издавать обязательныя постановленія о храненіи и продажѣ огнестрѣльнаго оружія и запрещенъ провозъ такого оружія, безъ разрѣшенія мин. вн. дѣлъ, изъ Финляндіи или изъ-за границы. Въ тотъ же день были изданы „временныя правила о повременныхъ изданіяхъ“. Правила эти, содержавшія рядъ крайне растяжимыхъ по своему смыслу параграфовъ и предоставлявшія очень широкій просторъ усмотрѣнію администраціи, были, при данныхъ условіяхъ, намордникомъ для прессы, которая за „дни свободы“ пользовалась почти полнымъ просторомъ. Они, правда, отмѣняли предварительную цензуру [2]), но, благодаря извѣстному постановленію совѣта рабочихъ депутатовъ и союза рабочихъ печатнаго дѣла, цензурныя путы, по крайней мѣрѣ—въ крупныхъ центрахъ, были уже давно порваны. За то, въ силу временныхъ правилъ, надъ печатью повисъ дамокловъ мечъ конфискацій и привлеченій къ суду, которыя, какъ показываетъ незакончившаяся еще серія процессовъ этого рода, дѣлали положеніе печати крайне неопредѣленнымъ и зависящимъ болѣе отъ усмотрѣнія правительства, чѣмъ отъ твердыхъ нормъ закона.

Слѣдующей мѣрой былъ указъ 29 ноября, предоставлявшій генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, въ случаѣ перерыва желѣзнодорожнаго, почтоваго и телеграфнаго сообщенія, право собственною властью объявлять подвѣдомственныя имъ мѣстности на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны. Почти одновременно (2 декабря) были изданы „временныя правила“ („впредь до изданія общаго о стачкахъ за-

[1]) Это постановленіе и послѣдовавшія за нимъ репрессіи дали толчокъ объявленію почтово-телеграфной забастовки.

[2]) Она была сохранена для объявленій и изданій, выходящихъ „внѣ городовъ“.

кона"), устанавливавшія суровыя наказанія (отъ 2 мѣсяцевъ тюрьмы до 4-хъ-лѣтняго заключенія въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ) за участіе, организацію и возбужденіе къ забастовкамъ „въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественное или государственное значеніе, а равно въ учрежденіяхъ правительственныхъ". Тѣми же правилами устанавливалось вознагражденіе для служащихъ въ правительственныхъ установленіяхъ или на желѣзныхъ дорогахъ, которые пострадаютъ отъ насилій, произведенныхъ надъ ними за противодѣйствіе забастовкѣ или отказъ отъ участія въ ней.

Въ своей карательной части новыя правила представляли собою настоящій исключительный законъ противъ всего пролетаріата вообще, такъ какъ подъ дѣйствіе правилъ (§ I, п. 1) подводились всѣ предпріятія, „прекращеніе или пріостановленіе которыхъ угрожаетъ безопасности государства или создаетъ возможность общественнаго бѣдствія",—выраженія, въ высшей степени неопредѣленныя и крайне растяжимыя.

Готовясь къ усиленнымъ репрессіямъ, правительство приняло рядъ мѣръ для усиленія работоспособности и направленія въ опредѣленную сторону судебной части. 12 ноября было разрѣшено возлагать обязанности слѣдователей на членовъ суда. 18 ноября совѣтомъ министровъ было постановлено принять рядъ мѣръ для ускоренія и усиленія судебной репрессіи по отношенію къ „имѣющимъ нынѣ особую важность государственнымъ преступленіямъ, аграрнымъ посягательствамъ, проступкамъ печати и т. п.". Результатомъ этого постановленія были два циркуляра министра юстиціи къ прокурорамъ (25 ноября) и предсѣдателямъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ (27 ноября), призывавшіе судебныхъ чиновъ къ оказанію „дружной, энергичной и самой широкой поддержки" дѣйствіямъ правительственной власти „по возстановленію въ государствѣ внутренняго порядка и прекращенію волненій и смутъ".

Необходимость усиленной дѣятельности судебныхъ мѣстъ мотивировалась тѣмъ, что „Государь Императоръ, 18 сего ноября, въ совѣтѣ министровъ, Высочайше соизволилъ признать, что исполненіе всемилостивѣйшаго манифеста отъ 17-го минувшаго октября вызываетъ значительное уменьшеніе области примѣненія административныхъ взысканій". Но и министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго остались „административныя взысканія", проявляло усиленную подготовительную дѣятельность, которая, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, далеко не вполнѣ стала достояніемъ гласности. Но и то, что стало извѣстнымъ печати, а, главное, дѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ показывали, что правительство усиленно готовится къ борьбѣ. Воспользовавшись поворотомъ въ настроеніи либерально-демократическаго общества, прямою враждебностью общественному движенію однихъ, пассивностью и безволіемъ другихъ, опираясь на реакціонныя силы, спло-

тившіяся подъ руководствомъ дворянства, стянувъ свои собственныя силы и изолировавъ, насколько было возможно, пролетаріатъ, правительство явно старалось ускорить развязку.

22 ноября въ Москвѣ было арестовано бюро почтово-телеграфнаго союза, а 29—предсѣдатель петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ. Это былъ пробный шаръ, а 2-го декабря въ газетахъ появилась доставленная почтово-телеграфными чиновниками копія циркуляра, разосланнаго губернаторами начальникамъ полиціи, такого содержанія: „Препровождая копію предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаю выяснить немедленно всѣхъ главарей, подстрекателей и руководителей политическаго и аграрнаго противоправительственнаго движенія и другихъ лицъ въ видѣ делегатовъ, затѣмъ арестовать ихъ для заключенія въ мѣстную тюрьму для поступленія съ ними согласно указаніямъ г. министра внутреннихъ дѣлъ“ [1]). 3 декабря петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ былъ арестованъ въ полномъ составѣ, а на слѣдующій день появилось правительственноо сообщеніе, не оставлявшее уже никакихъ сомнѣній насчетъ намѣреній и тактики бюрократіи. Сообщеніе въ крайне рѣзкой формѣ нападало на революціонныя партіи, обвиняя ихъ въ „анархической“ тактикѣ по отношенію къ правительству и „громаднѣйшей части общества и населенія страны“ и въ томъ, что они своей „крайней нетерпимостью и яростной злобою къ противникамъ терроризуютъ общество“ и такимъ образомъ мѣшаютъ ему пользоваться „свободою слова, печати и собраній, т. е. тѣми именно благами, защитниками которыхъ они якобы выступаютъ“. Намекнувъ на неизбѣжность „кровавой расправы населенія“ съ революціонерами, сообщеніе кончалось указаніемъ, что, если принятыя мѣры (правила о печати, забастовкахъ, усиленіе судебной репрессіи) окажутся недѣйствительными, „то, несомнѣнно, явится необходимость принятія совершенно исключительныхъ мѣръ противъ лицъ, не оставляющихъ своихъ преступныхъ замысловъ“.

Положеніе было ясно. „Дни свободы“, періодъ неопредѣленности, колебаній, захватнаго права, приходили къ концу. Рабочему классу, въ двухмѣсячной борьбѣ отстаивавшему октябрьскія завоеванія и теперь оставшемуся одинокимъ на своемъ посту, не оставалось другого исхода, какъ принять бой въ надеждѣ втянуть въ него другіе классы населенія, или, по крайней мѣрѣ, отстоять то, что еще возможно было спасти. Онъ его принялъ. 6-го декабря была объявлена 3-я политическая забастовка, вылившаяся во многихъ мѣстахъ въ открытое возстаніе. Движеніе было подавлено огнемъ и мечемъ...

---

[1]) Въ тотъ же день 2-го дек. были закрыты соціалистическія и другія газеты, напечатавшія манифестъ сов. раб. деп. объ изъятіи вкладовъ изъ госуд. сберегат. кассъ.

IV.

Передъ Думой.

Декабрьская забастовка окончилась неудачею. Подавленіе московскаго возстанія нанесло ей послѣдній ударъ. Въ самомъ ходѣ этой третьей всероссійской забастовки вскрылось существенное измѣненіе состава освободительной арміи, обусловливавшее ея слабость и являвшееся источникомъ ея пораженія: враждебность значительной части капиталистической буржуазіи по отношенію къ новому фазису движенія, исчезновеніе земскаго либерализма, отхожденіе или, въ лучшемъ случаѣ, пассивное сочувствіе широкихъ интеллигентскихъ слоевъ, и невозможность для движенія найти въ данный моментъ новую прочную опору въ мелко-городскомъ и крестьянскомъ населеніи вслѣдствіе недостаточной политической зрѣлости этого населенія. Это новое сочетаніе общественныхъ силъ, лежавшее въ основѣ неудачи декабрьскаго движенія, дѣлало его пораженіе—пораженіемъ, ликвидаціей цѣлой полосы революціоннаго развитія.

Разумѣется, это глубокое значеніе декабрьскихъ событій стало ясно не сразу, какъ не сразу сталъ очевиденъ даже чисто физическій разгромъ движенія. Еще долго спустя послѣ Москвы мѣстныя возстанія, волненія въ войскахъ, аграрное движеніе, забастовки и пр. и пр. бороздятъ поверхность страны, и только съ роспускомъ первой Думы разбушевавшаяся стихія постепенно входитъ въ берега и начинается царство видимаго „успокоенія“. Но, во всякомъ случаѣ, уже въ декабрѣ измѣненіе общественной атмосферы давало достаточно чувствовать себя, чтобы позволить всѣмъ элементамъ контръ-революціи и реакціи, съ помѣстнымъ дворянствомъ во главѣ, выйти наружу, а правительству—гораздо болѣе открыто, опредѣленно и настойчиво проводить тѣ тенденціи, которыя намѣтились уже въ предшествующій періодъ.

На первый планъ выдвинулась *карательная и репрессивная* дѣятельность, преслѣдовавшая цѣль истребленія элементовъ, непосредственно участвовавшихъ въ движеніи, и устрашенія всѣхъ, еще не вполнѣ втянутыхъ въ движеніе или занимавшихъ по отношенію къ нему выжидательное положеніе. Наступало царство тѣхъ „совершенно исключительныхъ мѣръ“, которыми правительство грозило революціонерамъ и которыя, въ дѣйствительности, главною своею тяжестью упали на плечи не революціонныхъ организацій, въ самой организованности своей находившихъ пути и средства для ухода „за предѣлы досягаемости“ (выраженіе адмирала Дубасова), а беззащитныхъ широкихъ слоевъ населенія.

Безпощадное подавленіе московскаго возстанія, въ своей жестокости далеко переходившее за предѣлы, необходимые, съ точки зрѣнія самихъ побѣдителей, въ интересахъ водворенія „порядка“, положило начало систематическимъ мѣрамъ устрашенія. За подавленіемъ возстанія послѣдовала извѣстная *карательная экспедиція* Семеновскаго полка по линіи Московско-Казанской ж. дороги, подъ начальствомъ полковника Римана. Въ основу дѣятельности экспедиціи легъ приказъ командира полка Мина [1]), велѣвшаго отряду „отыскать главарей“ „по указанію станового пристава князя Вадбольскаго и жандармскаго подполковника Смирницкаго“ и давшаго экспедиціи „общія указанія: арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно“. Отрядъ дѣйствовалъ согласно инструкціи и вернулся въ Москву безъ арестованныхъ, но оставивъ на своемъ пути до 150 труповъ [2]). Дѣятельность московскаго отряда послужила образцомъ для такихъ же карательныхъ экспедицій, дѣйствовавшихъ въ Прибалтійскомъ краѣ [3]), по линіи Сибирской ж. д., на Кавказѣ, и постепенно ставшихъ обычнымъ явленіемъ по всей Россіи, — главнымъ образомъ, въ мѣстахъ аграрныхъ безпорядковъ. Подсчитать число жертвъ карательныхъ экспедицій и размѣры раззоренія, вызваннаго сожженіемъ домовъ и усадебъ, разрушеніемъ хозяйственнаго инвентаря и т. д., невозможно. Но и эти жертвы, и это раззореніе должны быть огромны.

Методы дѣйствій карательныхъ экспедицій въ видѣ немедленнаго и безпощаднаго пусканія въ ходъ оружія [4]) и *смертныхъ казней* безъ суда получаютъ въ этотъ періодъ весьма широкое распространеніе и прямо рекомендуются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. П. Н. Дурново разсылаетъ циркуляръ вродѣ нижеслѣдующаго: „Сегодня въ мѣстности Кагарлыкъ, Кіевской губерніи, въ имѣніи Черткова арестованъ агитаторъ. Толпа съ угрозами требуетъ немедленнаго его освобожденія. Мѣстная вооруженная сила недостаточна. Въ виду этого настойчиво предлагаю какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ, приказать немедленно истребить силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія—сжигать ихъ жилища. Въ настоящую минуту необходимо разъ навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно. Нынѣ единственно необходимо, чтобы войска прониклись вышеизложенными ука-

---

[1]) Приказъ отъ 15 дек. 1905 г. за № 349. См. „Право“ за 1906 г. № 5, с. 430.

[2]) В. Владиміровъ. Карательная экспедиція. М. 1906, с. 61.

[3]) По подсчетамъ В. Обнинскаго („Полгода и т. д.“, с. 172) за 2 мѣсяца (янв.—февр.) въ Прибалтійскомъ краѣ было убито 749 чел. и нѣсколько сотъ прогнано сквозь строй; сотни усадебъ были сожжены.

[4]) Въ видѣ примѣра приводимъ выписку изъ приказа по 7 Донскому казачьему полку въ г. Николаевѣ отъ 19 янв. 1906 г.: „. . . 3) Внушить всѣмъ казакамъ, что въ случаѣ появленія красныхъ флаговъ или демонстрацій—рубить шашками или же еще лучше сейчасъ же спѣшить нѣсколько человѣкъ и обстрѣлять“. „Право“ 1906 г. № 8, с. 707.

заніями“ [1]). Однородныя распоряженія отдаютъ и мѣстныя власти. Омскій генералъ-губернаторъ Сухотинъ заявляетъ, что „необходимо раздавить крамолу дѣйствіемъ оружія такъ, чтобы не оставалось пищи ни для военныхъ, ни для гражданскихъ судовъ“; командующій войсками одесскаго военнаго округа, генералъ Каульбарсъ, пишетъ въ своемъ проектѣ, что дѣла о лицахъ, обвиняемыхъ въ храненіи, пріобрѣтеніи или употребленіи оружія и взрывчатыхъ веществъ, будутъ всѣми временными генералъ-губернаторами округа и комендантомъ севастопольской крѣпости разрѣшаться „въ административномъ порядкѣ съ примѣненіемъ смертной казни“ [2]); кременчугскій генералъ-губернаторъ объявляетъ, что „будутъ разстрѣливаемы безъ суда, какъ бунтовщики, виновные въ смѣщеніи законныхъ властей“, а за участіе въ аграрныхъ волненіяхъ „будутъ сжигаться усадьбы и хозяйства“; такое же постановленіе дѣлаетъ митавскій генералъ-губернаторъ Бекманъ; начальникъ карательной экспедиціи по линіи Сибирской ж. д., генералъ Ренненкампфъ, грозитъ, въ случаѣ покушенія на жизнь кого-либо изъ сопровождающихъ его лицъ, „разстрѣлять всѣхъ арестованныхъ, находящихся при эшелонахъ и содержащихся въ тюрьмахъ, какъ заложники“, и т. д. и т. д. [3]). Къ крестьянамъ обращаются спеціальныя увѣщанія съ угрозами „подавленія оружіемъ безъ всякой пощады“, „обстрѣла артиллерійскимъ огнемъ, что вызоветъ разрушеніе домовъ и пожаръ“, и т. п. [4]).

На-ряду съ смертною казнью безъ суда широкое распространеніе получаетъ казнь по суду въ силу передачи все возрастающаго количества дѣлъ въ военный и даже военно-полевой судъ [5]). А укореняющаяся практика недопущенія кассаціонныхъ жалобъ еще больше увеличиваетъ число смертныхъ приговоровъ, приводимыхъ немедленно въ исполненіе [6]).

Поскольку для того нужны были формальныя основанія, передача

---

[1]) Пр. 1906 г., № 9, с. 823.

[2]) Этотъ приказъ отданъ 28 янв., а уже наканунѣ командиръ черноморскаго флота, адм. Чухнинъ, велѣлъ немедленно разстрѣлять во дворѣ своего дома покушавшуюся на его жизнь Екатерину Измайловичъ.

[3]) См. „Право“ за 1906 г. №№ 4, 5, 6, 7, 9, 10.

[4]) См. „Право“ за 1906 г. №№ 3 и 4—воззванія херсонскаго и екатеринославскаго генералъ-губернаторовъ.

[5]) Такъ, бакинское жандармское управленіе предписало „арестовывать подстрекателей къ забастовкамъ и агитаторовъ и предавать ихъ военно-полевому суду“ („Право“ 1906, № 5, с. 454). Точно также полк. Нейгебауеръ, начальникъ закавказской ж. д., телеграммой отъ 20 янв. предлагаетъ „въ случаѣ предъявленія скопомъ какихъ-либо требованій со стороны служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ, арестовывать зачинщиковъ для преданія ихъ военно-полевому суду“ (П. 1906, № 4, с. 368).

[6]) Недопущеніе кассаціи по дѣлу возстанія на „Очаковѣ“ (приказъ 24 янв.) и послужило, между прочимъ, поводомъ для покушенія Е. Измайловичъ на жизнь адмирала Чухнина. По подсчету (далеко не полныхъ) свѣдѣній изъ агентскихъ телеграммъ съ 1 декабря 1905 по 31 марта 1906 совершено 585 казней (Обнинскій, l. c., с. 46).

различнаго рода дѣлъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ облегчалась непрерывнымъ расширеніемъ района *исключительныхъ положеній*. Къ 1 марта 1906 года на такомъ положеніи находилось уже 60 губерній и областей (30 цѣликомъ и 30 частями) или около 69% всѣхъ губерній и областей. Усиленная охрана была введена въ 26 губерніяхъ и областяхъ (8 цѣликомъ и 18 частями), чрезвычайная въ 15 (5 и 10), военное положеніе—въ 39 (17 и 22) [1]). Наконецъ, и въ случаѣ снятія или смягченія исключительныхъ положеній за губернаторами обыкновенно сохранялись чрезвычайныя полномочія.

Аресты и обыски, заключеніе въ *тюрьму и ссылка*, какъ по судебнымъ приговорамъ, такъ и въ административномъ порядкѣ, преслѣдованіе печати (конфискація, штрафы, привлеченіе къ суду, временная пріостановка и закрытіе навсегда) приняли грандіозные размѣры. Точныхъ данныхъ получить невозможно, но нѣкоторыя цифры даютъ достаточное представленіе о размѣрахъ этого вида репрессіи. Такъ, къ февралю 1906, по показанію мин. вн. дѣлъ П. Н. Дурново, было арестовано 24.000 человѣкъ, не считая тѣхъ, которые были арестованы на основаніи исключительныхъ положеній губернаторскою властью; съ присоединеніемъ послѣдней категоріи число арестованныхъ пришлось бы, по меньшей мѣрѣ, удвоить [2]). Тюрьмы буквально ломились отъ заключенныхъ. Такъ, по свѣдѣніямъ главнтюр. управленія, въ иркутской тюрьмѣ къ 20 марта на 500 мѣстъ числилось 1.212 заключенныхъ, въ саратовской на 460—1.068, харьковской на 371—748, митавской на 361—525 и т. д. и т. д. По даннымъ правительственнаго сообщенія [3]) подъ стражею въ видѣ административнаго наказанія находилось къ 1 мая 2.627 чел. и кромѣ того 3.351 привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ къ дознаніямъ; число административно высланныхъ составляло съ конца октября 1905 по конецъ апрѣля 1906—6.825 ч. [4]).

---

[1]) Дальнѣйшій ростъ исключительнаго положенія виденъ изъ слѣд. цифръ, относящихся къ сентябрю 1906 г. Всего на искл. положеніи—66 губ. и обл. (38 цѣл. и 28 частями), т. е. около 74$^{3}/_{4}$ общ. числа. Усил. охр.—34 (13 и 21), чрезвычайная—8 (2 и 6), военное положеніе—25 (16 и 9). Населеніе охваченнаго исключительными положеніями района превышало 98 милліоновъ. Значеніе уменьшенія числа мѣстностей, находившихся на военномъ положеніи, совершенно уничтожалось дѣйствіемъ введеннаго къ этому времени въ дѣйствіе закона о военно-полевомъ судѣ.

[2]) Приблизительное представленіе о колебаніяхъ числа арестовъ по мѣсяцамъ даютъ слѣдующія цифры для 15.000 арестовъ, подсчитанныхъ В. Обнинскимъ (l. c., стр. 70) по агентскимъ телеграммамъ: октябрь—450, ноябрь—780, декабрь—1.620, январь—7.460, февраль—2.490, мартъ—1.400.

[3]) См. „Право“ 1906 г., № 20, с. 1819.

[4]) Независимо отъ полноты этихъ свѣдѣній прав. сообщенія, нужно имѣть въ виду, что всѣ эти цифры относятся лишь къ репрессіямъ, налагаемымъ *центральною* властью. Сюда не входятъ также случаи заключенія и ссылки въ судебномъ порядкѣ.

Всѣ эти виды репрессіи падали на всѣ слои населенія, участвовавшіе въ октябрьско-декабрьскомъ движеніи. На эшафотахъ, на каторгѣ, въ тюрьмѣ и ссылкѣ появилась пестрая толпа, въ которой примелькавшіяся уже фигуры рабочаго и профессіональнаго революціонера смѣшивались съ рядовыми крестьянами, мелкими служащими, приказчиками, солдатами и всякой служащей и неслужащей интеллигенціей. Но, какъ для рабочихъ—локауты, а для крестьянъ—карательныя экспедиціи, такъ для всего служащаго на казенной, желѣзнодорожной, земской или городской службѣ люда контръ-революція пустила въ ходъ и специфическое средство, обрушившееся на десятки тысячъ жертвъ: массовыя увольненія врачей, инженеровъ, техниковъ, учителей, чиновниковъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и т. д. и т. д. создали многочисленные кадры раззоренныхъ, бездомныхъ и затравленныхъ людей. Въ этой травлѣ контръ-революція не останавливалась ни передъ какими „исключительными мѣрами“ вплоть до увольненія и высылки „несмѣняемаго“ предсѣдателя томскаго окружнаго суда Витте по телеграфному приказанію генерала Ренненкампфа (4 янв.).

Относительно *чиновниковъ* 16 дек. 1905 г. совѣтъ министровъ заявилъ: „правительство не потерпитъ болѣе на службѣ чиновниковъ, оказывающихъ противодѣйствіе его видамъ и не повинующихся законной власти“, а 11 янв. 1906 г., признавъ, что „принадлежность служащихъ въ правительственныхъ установленіяхъ къ той или иной партіи есть дѣло личнаго убѣжденія каждаго“, въ то же время постановилъ, что при этомъ, само собою разумѣется, „участіе въ партіяхъ, стремящихся къ разрушенію существующаго государственнаго строя, недопустимо“. При неопредѣленности „строя“, о которомъ шла рѣчь, это постановленіе означало запрещеніе чиновникамъ участвовать во всѣхъ партіяхъ, не отвѣчающихъ „видамъ правительства“. Позже (прав. сообщеніе 18 ноября 1906 года) скобки неопредѣленнаго выраженія постановленія совѣта министровъ были раскрыты, и къ числу партій, участіе въ которыхъ воспрещено чиновникамъ, отнесены всѣ партіи, которыя „обнаруживаютъ стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ“.

Еще категоричнѣе были мѣры, принятыя по отношенію къ *военнослужащимъ*. В. у. 16 дек. 1905 г. постановленіемъ совѣта министровъ [1]), циркуляромъ главнаго штаба отъ 31 янв. 1906 г. и приказами по морскому вѣдомству 19 дек 1905 г. и 22 янв. 1906 [2]) военно-служащимъ и гражданскимъ чинамъ военнаго и морского вѣдомства было, подъ страхомъ исключенія со службы—независимо отъ уголовнаго преслѣдованія,—воспрещено принимать участіе въ какихъ бы то ни было политическихъ обществахъ,

[1]) Это постановленіе было впослѣдствіи дополнено В. у. 8 окт. 1906 г. постановленіемъ военнаго совѣта.

[2]) Дополненъ приказомъ 7 дек. 1906 г.

союзахъ, партіяхъ, собраніяхъ и т. п. 7 марта 1906 г. былъ установленъ упрощенный порядокъ производства дѣлъ по обвиненію военно-служащихъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Это было началомъ ряда мѣръ, имѣвшихъ цѣлью ускорить и усилить репрессію за политическія преступленія военныхъ и изданныхъ уже въ послѣдующій періодъ. Такъ, сюда относятся: правила 1 мая 1906 г. о верховномъ военно-уголовномъ судѣ и подсудности высшихъ чиновъ военнаго управленія; Выс. повелѣнія 11 іюня 1906 г. объ усиленіи уголовной отвѣтственности служащихъ въ арміи и флотѣ за государственныя преступленія; В. п. 18 августа 1906 г. о порядкѣ замѣны для военно-служащихъ заключенія въ крѣпости или тюрьмѣ воинскими наказаніями и В. п. того же дня о назначеніи строжайшаго наказанія (вплоть до 6 лѣтъ каторги) за упорное уклоненіе отъ исполненія воинской повинности или воинскихъ обязанностей.

Подавивъ наиболѣе яркія проявленія революціоннаго движенія, правительство торопилось закрѣпить за собою рядъ *„исключительныхъ“ законодательныхъ мѣръ* для непосредственнаго искорененія „крамолы“. Такія мѣры сыплятся градомъ за разсматриваемый періодъ. 14 дек. 1905 года были изданы правила о чрезвычайной охранѣ на ж. д., предоставлявшія министру путей сообщенія или начальникамъ отдѣльныхъ дорогъ объявлять ихъ на военномъ положеніи съ предоставленіемъ диктаторскихъ полномочій комитету, состоящему изъ начальника дороги, завѣдующаго передвиженіемъ войскъ и начальника жандармскаго управленія, и широкимъ примѣненіемъ военнаго суда съ обязательнымъ назначеніемъ смертной казни за извѣстный разрядъ преступленій. 29 дек., въ цѣляхъ ускоренія судебной репрессіи, были усилены штаты судебнаго вѣдомства, что влекло за собою ежегодное увеличеніе расходовъ на 1.786.150 рубл. 1 января 1906 г. были установлены пособія для дѣтей воинскихъ чиновъ, пострадавшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей въ мирное время. 10 янв. приняты на счетъ казны расходы по высылкѣ лицъ по сельскимъ приговорамъ въ виду „массоваго характера аграрныхъ безпорядковъ“. 31 янв. увеличенъ на 158.593 р. ежегодно кредитъ на содержаніе фабрично-заводской полиціи. 7 февраля утверждены новыя правила о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Эти правила узаконяли уже описанную нами выше практику, и главное значеніе ихъ характеризовано въ мнѣніи Гос. Совѣта словами: „стрѣльба вверхъ и холостыми патронами воспрещается“. 9 февр. были усилены наказанія за изготовленіе, пріобрѣтеніе и храненіе взрывчатыхъ веществъ. 13 февр. была установлена уголовная отвѣтственность „за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ“. Одновременно къ числу дѣяній, возбужденіе къ которымъ путемъ печати наказуемо тюрьмою, отнесена „вражда между

отдѣльными частями или классами населенія, между сословіями, или между хозяевами и рабочими". 18 марта утверждены мѣры „къ сокращенію времени производства" политическихъ дѣлъ. 22 апрѣля установлено наказаніе тюрьмою съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ „за распространеніе ложныхъ слуховъ о кредитоспособности государственныхъ кредитныхъ установленій". Въ тотъ же день были изданы законы о преобразованіи верховнаго уголовнаго суда и о пособіяхъ дѣтямъ полицейскихъ и жандармовъ, пострадавшихъ или погибшихъ при безпорядкахъ и покушеніяхъ.

Такова была обстановка, въ которой подготовлялись выборы въ Государственную Думу по новому закону 11 дек.

Избирательный законъ 11 декабря, изданный въ самый разгаръ „смуты", а подготовлявшійся въ бурные „дни свободы", носилъ на себѣ печать того времени, когда возникъ, и означалъ, главнымъ образомъ, расширеніе избирательныхъ правъ тѣхъ именно слоевъ, которые особенно бурно проявляли себя въ этотъ періодъ,—рабочихъ, интеллигенціи и мелкаго торгово-промышленнаго населенія. Всеобщее и пр. избирательное право встрѣчало рѣшительный отпоръ со стороны правительства, хотя въ пользу его высказались даже приглашенные на засѣданіе совѣта министровъ „общественные дѣятели" такого типа, какъ А. Гучковъ или Д. Шиповъ. Правительственное сообщеніе, опубликованное одновременно съ закономъ 11 дек., ссылалось, для объясненія нежеланія ввести всеобщее и пр. избирательное право, на то обстоятельство, что „проведеніе въ жизнь этого начала, за силою Высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября 1905 г., предоставлено Гос. Думѣ.". Дѣйствительная же причина, какъ видно изъ того же прав. сообщенія, заключалась въ опасеніи „отрѣшиться всецѣло отъ тѣхъ началъ, кои до сихъ поръ неизмѣнно полагались въ Россіи въ основаніе всякаго рода общественныхъ и сословныхъ выборовъ". Уничтоженіе имущественныхъ и сословныхъ перегородокъ, особенно же перегородокъ, отдѣляющихъ крестьянство отъ другихъ слоевъ населенія, и утрата возможности искусной комбинаціей выборщиковъ отъ отдѣльныхъ группъ заранѣе предрѣшать до извѣстной степени исходъ выборовъ,—вотъ что заставляло правительство упорно бороться противъ требованія всеобщаго и пр. избирательнаго права и всѣми силами отстаивать куріальную систему положенія 6 августа.

Эту систему *законъ 11 дек.* оставилъ неизмѣнною. Онъ лишь прибавилъ къ существовавшимъ раньше куріямъ новую—рабочую, сильно расширилъ составъ избирателей городской куріи и нѣсколько раздвинулъ рамки куріи землевладѣльческой. Что касается *куріи крестьянской*, то относительно нея законъ 11 дек. ограничился положительнымъ установленіемъ права

*

крестьянъ производить передъ началомъ избирательной процедуры новое назначеніе выборныхъ на волостные сходы.

По *землевладѣльческой куріи* измѣненія заключались въ введеніи въ составъ участниковъ съѣздовъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ управляющихъ и арендаторовъ полноцензовыхъ имѣній, а въ составъ предварительныхъ съѣздовъ для выбора уполномоченныхъ—всѣхъ владѣльцевъ недвижимаго имущества въ уѣздѣ (хотя бы менѣе $^1/_{10}$ ценза) и представителей владѣющихъ землею церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ вѣроисповѣданій.

Самыя большія измѣненія испытала *городская курія*, въ составъ которой были введены всѣ жители городовъ и городскихъ поселеній, владѣющіе недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ государственнымъ налогомъ, городскими или земскими сборами, или занимающіе не менѣе года отдѣльную квартиру на свое имя, а также всѣ жители городскихъ поселеній и уѣзда, выбирающіе промысловыя свидѣтельства, уплачивающіе квартирный налогъ или личный промысловый налогъ, получающіе содержаніе или пенсію (за исключеніемъ низшихъ служителей и рабочихъ) на государственной, земской, городской, сословной или желѣзнодорожной службѣ. По вычисленіямъ А. Е. Лосицкаго [1])—весьма, впрочемъ, приблизительнымъ—въ городской куріи по закону 6 авг. числилось около 230.000 избирателей, а по закону 11 дек.—около 2.700.000. Какъ ни мало точны эти цифры, онѣ даютъ достаточно ясное представленіе о колоссальномъ увеличеніи числа избирателей городской куріи.

Въ выборахъ по *рабочей куріи* получили право участія [2]) лишь рабочіе предпріятій, насчитывающихъ не менѣе 50 рабочихъ-мужчинъ [3]). Рабочіе такихъ заведеній выбираютъ уполномоченныхъ: въ заведеніяхъ съ 50—1.999 рабочими-мужчинами—1 уполномоченнаго, 2.000—2.999—двухъ, 3.000—3.999—трехъ и т. д., по 1 уполномоченному на каждую новую полную тысячу. Уполномоченными могутъ быть избраны лишь рабочіе не моложе 25 лѣтъ и работающіе не менѣе 6 мѣсяцевъ въ томъ предпріятіи, въ которомъ производятся выборы. Уполномоченные эти выбираютъ изъ своей среды на общемъ собраніи по городу или губерніи положенное число выборщиковъ въ соотвѣтствующее (городское или губернское) избирательное собраніе.

Число выборщиковъ отъ другихъ курій, несмотря на огромное увеличеніе числа городскихъ избирателей, было оставлено такимъ же, какимъ было

---

1) „Избир. система Госуд. Думы". Спб. Стр. 20.

2) Въ 47 губерніяхъ и 19 городахъ съ отдѣльнымъ представительствомъ.

3) Вскорѣ послѣдовало разъясненіе министерства финансовъ, что рабочіе конокъ и трамваевъ, скотобоенъ, телефонныхъ станцій, пароходныхъ предпріятій, булочныхъ и т. п. въ рабочую курію не входятъ, т. к. въ законѣ говорится лишь о предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, а также ж. д. мастерскихъ.

по закону 6 авг.,—что̀, разумѣется, означало значительное усиленіе удѣльнаго вѣса землевладѣльческихъ и крестьянскихъ голосовъ. Что касается числа выборщиковъ отъ рабочихъ, то оно было крайне ничтожно: отъ 35 для Московской губерніи и города Москвы [1]) до 1 (Архангельская, Полтавская, Таврическая и др. губерніи). Общее число выборщиковъ отъ рабочихъ равнялось 237, а съ присоединеніемъ впослѣдствіи рабочей куріи на Кавказѣ— 246. Такимъ образомъ рабочіе выборщики совершенно тонули въ числѣ выборщиковъ другихъ курій [2]). О распредѣленіи выборщиковъ (въ 61 губ.) по куріямъ даютъ представленіе слѣдующія приблизительныя цифры, приводимыя А. Лосицкимъ [3]):

Курія.	Населеніе.	Выборщики.
Землевлад. . . .	4 мил.	2.231
Городская . . .	11 „	1.535
Крестьянская . .	78 „	2.726
Рабочая. . . .	21 „	236

Т. о. одинъ выборщикъ приходится на душъ населенія (приблизительно):

Землевлад. курія	2.000
Городская	7.000
Крестьянская	30.000
Рабочая.	90.000 [4]).

Цифры эти достаточно ярко иллюстрируютъ соціальный характеръ избирательнаго права по закону 11 декабря. Но для правильнаго пониманія

---

[1]) Распредѣленіе выборщиковъ между городами съ отдѣльнымъ представительствомъ и губерніей предоставлено производить губернскимъ комиссіямъ о выборахъ.

[2]) Правительственное сообщеніе указывало, какъ на нѣкотораго рода компенсацію, на „двойное участіе въ выборахъ“ рабочихъ, являющихся въ то же время крестьянами-домохозяевами. Какъ мы видѣли, „меморія“ совѣта министровъ о положеніи 6 августа вполнѣ опредѣленно считала фиктивнымъ это „право“ рабочихъ участвовать въ выборахъ по крестьянской куріи. А впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, сенатъ (передъ выборами во 2-ю Думу) именно недопустимостью „двойного участія въ выборахъ“ мотивировалъ лишеніе рабочихъ избирательныхъ правъ въ качествѣ квартиронанимателей.

[3]) Мы вносимъ въ эти цифры нѣкоторую поправку, вычитая изъ цифръ для городской куріи (14 мил. населенія и 3.455 выборщиковъ) входящія въ нихъ цифры, относящіяся къ 22 городамъ съ отдѣльнымъ представительствомъ (цит. брош., стр. 13, около 6 мил. нас. и 1.920 выб.). Это необходимо сдѣлать, такъ какъ соотношеніе между числами депутатовъ, выборщиковъ и населенія въ этихъ городахъ было установлено на совершенно особыхъ основаніяхъ. Т. к. въ числѣ 6 мил. населенія этихъ городовъ не менѣе половины составляетъ населеніе пролетарскаго характера, отнесенное Лосицкимъ къ рабочей куріи, то изъ цифры населенія, охватываемаго „городской“ куріею, придется вычесть 3 мил. Несомнѣнныя неточности не лишаютъ этихъ цифръ характера вѣрной *иллюстраціи*.

[4]) А. Е. Лосицкій, цит, бр., стр. 34.

политической мысли, руководившей правительствомъ при выработкѣ новаго закона, надо помнить, что рѣшающей избирательной инстанціей (оставляя въ сторонѣ города съ отдѣльнымъ представительствомъ) является губернское избирательное собраніе. Для исхода выборовъ важно, въ послѣднемъ счетѣ, соотношеніе числа выборщиковъ на этомъ собраніи. Соотношеніе же это (въ 51 губ. и обл. „коренной“ Европ. Россіи и губ. Томской и Тобольской) было таково: при общемъ числѣ 6.156 выборщиковъ на долю землевладѣльцевъ приходилось 1.946, крестьянъ — 2.659, горожанъ — 1.372, рабочихъ — 159. Союзъ землевладѣльцевъ и крестьянъ (имѣвшихъ, какъ помнимъ, въ каждой губерніи право на избраніе депутата изъ своей среды) долженъ былъ, по мысли правительства, рѣшать судьбу выборовъ во всѣхъ губерніяхъ. Какъ извѣстно, на самомъ дѣлѣ этого не вышло. Правительство ошиблось въ разсчетѣ какъ на настроеніе крестьянъ, такъ и на союзъ ихъ съ помѣщиками. Исходъ выборовъ почти повсюду опредѣлился союзомъ крестьянскихъ выборщиковъ съ городскими и рабочими.

Кромѣ измѣненія избирательнаго права законъ 11 дек. вносилъ существенныя улучшенія и въ постановку предвыборныхъ собраній. Главнымъ изъ этихъ улучшеній было право участія въ собраніяхъ всѣхъ избирателей данной куріи, а не только отдѣльныхъ участковъ и лишеніе полиціи права воспрещать такія собранія и посылать своего представителя на собранія выборщиковъ (но не избирателей).

Законъ 11 декабря былъ послѣднимъ, запоздалымъ политическимъ завоеваніемъ общественнаго движенія, и дальнѣйшая законодательная дѣятельность въ политической области сводится къ медленному и осторожному вначалѣ, быстрому и рѣшительному впослѣдствіи, пересмотру политическаго законодательства „дней свободы“ въ реакціонномъ духѣ.

Административная практика забѣгаетъ въ этомъ отношеніи далеко впередъ. Особенно на мѣстахъ она даетъ себя знать въ видѣ все усиливающагося произвола властей, возвращающихся къ старымъ привычкамъ административнаго усмотрѣнія съ тою разницею, что бурлящая общественная атмосфера, открытыя и рѣзкія столкновенія администраціи съ одними слоями населенія и все болѣе тѣсная связь ея съ другими, придаютъ произволу и усмотрѣнію особенно яркій и размашистый характеръ. Произволъ мѣстной власти даетъ себя въ высшей степени сильно знать и на всей предвыборной и выборной процедурѣ, особенно—по отношенію къ крестьянамъ.

Къ ходу выборовъ не осталась равнодушной и центральная власть. Лишь только послѣдовалъ (12 февраля) указъ о созывѣ Думы на 27 апрѣля[1]), мин. вн. дѣлъ разослалъ (13 февр.) циркулярную телеграмму губернато-

[1]) При этомъ было отмѣнено правило о повсемѣстномъ производствѣ выборовъ въ одинъ и тотъ же день.

рамъ съ предложеніемъ „не стѣснять свободу сужденій крестьянскихъ сходовъ“ относительно „производства выборовъ въ Думу и программъ дѣятельности ихъ представителей въ Г. Д.“. Но эта телеграмма дополнялась „инструкціей земскимъ начальникамъ“ [1]). Кромѣ „частныхъ собесѣдованій“ съ крестьянами для выясненія имъ „всей неосновательности программъ, клонящихся къ измѣненію основного государственнаго строя“, на земскихъ начальниковъ возлагался цѣлый рядъ порученій, которыя они должны были выполнять негласно, „черезъ довѣренныхъ людей“: наблюденіе за тѣмъ, чтобы „не имѣли мѣста насилія со стороны различныхъ противоправительственныхъ партій, какъ-то: соціалдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ, конституціоналистовъ-демократовъ и имъ подобныхъ“, удаленіе „безпокойнаго элемента“ въ видѣ „ораторовъ, которые обольщали бы крестьянъ несбыточными надеждами на даровое надѣленіе частновладѣльческими земельными участками“; удаленіе „какъ лицъ въ нетрезвомъ состояніи, такъ и крикуновъ“; недопущеніе „лицъ, зарекомендовавшихъ себя со стороны неблагонадежности“ путемъ предварительнаго вывѣшиванія списковъ такихъ „неблагонадежныхъ“ и предупрежденія выборщиковъ, что такія лица „кандидатами быть не могутъ“ и, въ случаѣ избранія ихъ, выборы будутъ признаны недѣйствительными. При попыткахъ обратить выборныя собранія въ комитеты для раздѣла помѣщичьихъ земель, земскимъ начальникамъ рекомендовалось немедленное обращеніе къ содѣйствію военной силы для ареста членовъ такихъ комитетовъ.

Этотъ циркуляръ П. Н. Дурново является лишь однимъ изъ образчиковъ тѣхъ указаній, которыя давало въ ходѣ выборовъ своимъ агентамъ министерство внутр. дѣлъ.

* * *

Какъ мы уже говорили, законъ 11 декабря былъ послѣднимъ отзвукомъ политическихъ успѣховъ наступательнаго общественнаго движенія. Вынужденное созвать обѣщанную Гос. Думу, правительство энергично используетъ остающееся до ея созыва время, чтобы, на-ряду съ описанными уже нами репрессивными мѣрами и опираясь на нихъ, укрѣпить свои позиціи, собрать вокругъ себя контръ-революціонныя силы, попытаться внести раздробленіе въ общественное движеніе и спѣшнымъ законодательствомъ предрѣшить до созыва Думы всѣ основные конституціонные и гражданскіе правовые вопросы.

Въ напуганномъ аграрнымъ движеніемъ и быстро реакціонизировавшемся *землевладѣльческомъ дворянствѣ* старая власть нашла себѣ, прежде всего, опору. Но поколебленная и расшатанная неудачною войною и бурнымъ

[1]) См. «Право», 1906 г., № 9, с. 792.

общественнымъ движеніемъ, эта власть была слишкомъ слаба, чтобы подчинить, какъ это бывало раньше, своимъ интересамъ движеніе дворянства. Наоборотъ. Она вынуждена была сама подчиниться ему, и съ этихъ поръ дворянство становится все больше и больше дѣйствительнымъ господиномъ положенія. Оно беретъ на себя роль организатора и политическаго руководителя всѣхъ контръ-революціонныхъ „черносотенныхъ“ силъ, объединяетъ и мобилизуетъ ихъ на защиту—одновременно—и стараго порядка, и дворянскихъ интересовъ.

Навстрѣчу непосредственнымъ матеріальнымъ интересамъ помѣщиковъ шли два закона—15 марта и 15 апрѣля. По первому ассигновывалось 8.000.000 р. для выдачи пособій владѣльцамъ имѣній, пострадавшихъ отъ погрома. Хотя эти пособія формально считались ссудою, но уплата % % и погашенія по этимъ ссудамъ отсрочивались до января 1910 года. Вторымъ закономъ были чрезвычайно усилены наказанія за стачки с.-х. рабочихъ и участіе въ сообществахъ, ставящихъ своею цѣлью руководство экономическою борьбою рабочихъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ (до 4 лѣтъ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ)... Еще болѣе тяжкія наказанія были назначены за дѣйствія (и при томъ даже такія, какъ „угрозы“), связанныя съ ходомъ стачки (отъ тюрьмы и арестантскихъ отдѣленій до 8 лѣтъ каторги).

Но эти мѣры носили частный характеръ. Гораздо знаменательнѣе было то обстоятельство, что земельное дворянство начало опредѣлять все направленіе *общей политики правительства*. Резолюція январьскаго съѣзда предводителей дворянства въ Москвѣ [1]) излагаетъ, въ сущности, программу всей послѣдующей правительственной дѣятельности. Трудно найти въ этой дѣятельности сколько-нибудь существенные элементы, которые не являлись бы воплощеніемъ и развитіемъ этой землевладѣльческо-дворянской программы. Однѣ изъ мѣръ, рекомендованныхъ дворянствомъ, раньше, другія—позже, нѣкоторыя—лишь въ наши дни, но всѣ онѣ такъ или иначе или были проведены, или проводятся въ жизнь.

Во главу угла дворяне поставили принятіе „твердыхъ мѣръ для подавленія революціоннаго движенія“, устраненіе „гибельной неустойчивости, которая существуетъ въ высшемъ правительствѣ“, согласованіе дѣйствій административныхъ и судебныхъ властей въ борьбѣ съ „преступленіями государственнаго характера“. Эти мѣры, какъ и усиленіе на мѣстѣ правительственной власти и „настойчивое преслѣдованіе всякаго возбужденія къ насилію“, энергичное и быстрое подавленіе забастовокъ и т. п., должны были составить тотъ фонъ, на основѣ котораго слѣдовало осуществлять дво-

[1]) „Право“ 1906 г. № 4, с. 330.

рянскую программу. И, какъ мы видѣли выше, всѣ эти пожеланія дворянства были выполнены въ ближайшіе же дни.

Самая программа настаивала на скорѣйшемъ созывѣ Думы (по возможности не позже 15 апрѣля), немедленномъ объявленіи срока созыва „отъ имени Его Величества“ [1]) и „огражденіи твердой властью свободы выборовъ“. Послѣднее пожеланіе вызывалось опасеніемъ насильственныхъ дѣйствій со стороны бойкотировавшихъ выборы революціонныхъ организацій. Самое же требованіе скорѣйшаго созыва Думы показываетъ, что дворянство вполнѣ раздѣляло иллюзорныя надежды правительства на составъ Думы, которая должна была выйти изъ выборовъ по закону 11 декабря [2]).

Но, требуя созыва Думы, предводители дворянства настаивали на томъ, чтобы уже сейчасъ, не дожидаясь созыва, была исправлена ошибка, заключавшаяся въ томъ, что манифесты 17 апрѣля (о вѣротерпимости) и 17 октября, „возвѣстивъ свободы, не опредѣлили границъ ихъ и не указали, на какихъ законахъ или временныхъ правилахъ должна идти жизнь въ государствѣ до созыва Думы“.

Главная же часть программы была посвящена двумъ вопросамъ: окраинно-національному и аграрному. Основнымъ принципомъ окраинно-національной программы дворянства было главенство „гражданскихъ и религіозныхъ интересовъ русскаго населенія“, „русскаго государственнаго языка и православной вѣры“. Для окраины допускалось лишь (съ „огражденіемъ интересовъ русскаго населенія“) „самоуправленіе въ хозяйственномъ отношеніи“. При этомъ во всѣхъ случаяхъ „интересы отдѣльныхъ народностей“ должны уступить „общегосударственнымъ интересамъ Россійской Имперіи“. Такова была первая формулировка той программы воинствующаго національнализма, которой суждено было впослѣдствіи получить такое широкое осуществленіе.

Въ основу аграрной программы былъ положенъ „принципъ неприкосновенности частной собственности“ [3]). Мѣры же, рекомендованныя дворянствомъ, заключались: 1) въ расширеніи переселеній; 2) обязательномъ отмежеваніи и разграниченіи крестьянскихъ надѣловъ и содѣйствіи уничтоженію чрезполосности и сервитутовъ; 3) облегченіи свободнаго перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному и хуторскому съ предоставленіемъ крестьянамъ права залога надѣловъ и продажи ихъ крестьянскому банку. Для выполненія этихъ задачъ предлагалась реформа крестьянскаго банка въ смыслѣ

---

[1]) Это пожеланіе было выполнено указомъ 12 февр., назначившимъ срокомъ созыва Думы—27 апрѣля.

[2]) Какъ извѣстно, и въ основаніи бойкотистской тактики лежало представленіе о неизбѣжной реакціонности Думы.

[3]) Исходя изъ указанныхъ выше представленій о вѣроятномъ характерѣ Думы, предводители дворянства требовали постановки „коренного разрѣшенія аграрнаго вопроса въ первую очередь въ Гос. Думѣ“.

болѣе активнаго содѣйствія покупкамъ земли крестьянами, покупки ея за свой собственный счетъ и пониженія платежей по ссудамъ въ крестьянскомъ банкѣ до уровня платежей въ дворянскомъ. Наконецъ, дворяне настаивали на предоставленіи государственныхъ и удѣльныхъ [1]) земель для отвода крестьянамъ за уплату по оцѣнкѣ.

Какъ видимъ, подъ вліяніемъ событій и измѣнившейся обстановки, дворянство круто поворачивало отъ традиціонной политики закрѣпленія общины и вообще „патріархальности“ въ имущественномъ строѣ крестьянства къ его хозяйственному раскрѣпощенію, конечно, облекая это раскрѣпощеніе въ своеобразныя формы и пытаясь построить на немъ сохраненіе и даже усиленіе политической закрѣпощенности. Во всякомъ случаѣ, черезъ всю новую аграрную программу дворянства красною нитью проходитъ мысль о фиксированіи и индивидуализаціи крестьянской собственности, съ одной стороны, наиболѣе выгодной продажѣ собственной своей земли или части ея, — съ другой. „Принудительное отчужденіе“ встрѣчаетъ со стороны дворянства яростное противодѣйствіе не потому, что оно грозитъ уменьшить площадь дворянскаго землевладѣнія, а потому, что, фиксируя оцѣнку земли, достигаетъ этого уменьшенія способомъ, который дворянство считаетъ для себя маловыгоднымъ.

Правительство въ своей *аграрной политикѣ* идетъ цѣликомъ навстрѣчу желаніямъ дворянъ. Проекты аграрной реформы, связанные съ „принудительнымъ отчужденіемъ“, окончательно сдаются въ архивъ. Правительственныя комиссіи намѣчаютъ планы, легшіе впослѣдствіи въ основу знаменитаго указа 9 ноября 1906 г. о выдѣлѣ изъ общины [2]). Но правительство не спѣшило придать этимъ планамъ форму закона. Оно, какъ и дворянство, разсчитывало на возможность проведенія намѣченной программы черезъ Думу и, только убѣдившись въ противномъ, начинаетъ, послѣ роспуска 1-й Думы, проводить ее въ жизнь на свой страхъ въ порядкѣ „чрезвычайнаго“ законодательства.

Въ разсматриваемый же періодъ были изданы лишь 2 закона. Первый изъ нихъ—указъ 4-го марта 1906 г.—имѣлъ цѣлью „облегченіе покупки крестьянами земель“ съ помощью крестьянскаго банка „при непремѣнномъ сохраненіи законныхъ правъ частныхъ владѣльцевъ“. Для выполненія этой задачи учреждались, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ пред-

---

[1]) 21 предводитель протестовали противъ отчужденія удѣльныхъ земель, считая ихъ частными, а 3 высказались противъ возбужденія такого вопроса на съѣздѣ.

[2]) По свидѣтельству гр. Витте (въ рѣчи, сказанной въ Г. С. при обсужденіи указа 9 ноября) „отцомъ указа“ былъ В. І. Гурко (впослѣдствіи—тов. мин. вн. дѣлъ, а затѣмъ — секретарь съѣздовъ объединеннаго дворянства), выработавшій его въ началѣ 1906 г., когда онъ управлялъ земскимъ отдѣломъ мин. вн. д. Проектъ Гурко былъ внесенъ министерствомъ Витте въ до-реформенный Гос. Совѣтъ, который, однако, рѣшилъ отложить вопросъ до Думы.

водителей дворянства и губернатора, губернскія и уѣздныя *землеустроительныя комиссіи* изъ чиновниковъ и ничтожнаго числа представителей земства и крестьянъ (3). Во главѣ этихъ комиссій былъ поставленъ „комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ“ при гл. упр. землеустр. и землед., составленный изъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Комитетъ по земельнымъ дѣламъ (6-го мая 1905 г.) былъ упраздненъ. Законъ 21-го марта 1906 г. видоизмѣнялъ основанія выдачи ссудъ изъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ. Прекращалась выдача ссудъ наличными деньгами и создавался рядъ льготныхъ правилъ, которыя должны были идти на пользу продавцамъ земли.

Такъ, подъ видомъ именныхъ обязательствъ, имъ предоставлено было получать по нормальной цѣнѣ бумаги, приносящія не 5, а 6% дохода, съ покрытіемъ убытковъ по этой операціи за счетъ государственнаго казначейства. Запрещеніе продавать такія обязательства могло быть обойдено самыми различными способами, а разница между курсовою и нарицательною цѣною была крупнымъ подаркомъ продающимъ землю помѣщикамъ.

Этими двумя мѣрами законодательная дѣятельность правительства по аграрному вопросу и исчерпалась до конца апрѣля. И только, когда ходъ выборовъ опрокинулъ всѣ разсчеты на предполагавшійся составъ Думы, въ самый послѣдній день передъ ея открытіемъ (26 апрѣля) былъ утвержденъ рядъ мелкихъ, но имѣвшихъ существенное значеніе законовъ. Такъ, въ этотъ день былъ ассигнованъ кредитъ въ 1.000.000 руб. на землеустроительныя комиссіи и 80.000 руб. для содѣйствія обращающимся къ ихъ помощи крестьянамъ [1]); были установлены правила о переводѣ крестьянскимъ банкомъ на себя ипотечныхъ долговъ, лежащихъ на покупаемыхъ имъ земляхъ; были изданы правила, облегчавшія переселеніе вообще и, въ частности, въ Алтайскій округъ. Наконецъ, въ этотъ же день былъ существенно измѣненъ драконовскій исключительный законъ 10 апрѣля 1905 г. противъ крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ безпорядкахъ; привлеченіе крестьянъ къ имущественной отвѣтственности должно было впредь производиться въ судебномъ порядкѣ, а самыя взысканія обращаться не на всѣхъ членовъ сельскихъ обществъ, а лишь на „участниковъ погромовъ и грабежей“, и не на „все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество“, а лишь на то, на которое по закону „распространяется отвѣтственность за частные долги“.

Точно также небогата за данный періодъ и законодательная дѣятельность правительства въ области *національно-окраинныхъ* и *вѣроисповѣдныхъ* вопросовъ. Но и эта дѣятельность, въ значительной степени,

---

[1]) Крестьяне, разсчитывавшіе въ это время на то, что Дума надѣлитъ ихъ землею, очень неохотно прибѣгали къ покупкѣ земли.

является еще отголоскомъ „либеральной“ программы, намѣченной во исполненіе указа 12 дек. 1904 г. Новыя рѣзко-національностическія ноты только еще начинаютъ прорываться въ законодательствѣ, значительно отстающемъ въ этомъ отношеніи отъ административной практики. 26 декабря 1905 былъ утвержденъ рядъ мѣръ, снимавшихъ значительную часть мелкихъ, но тѣмъ болѣе раздражающихъ стѣсненій съ дѣятельности римско-католическаго духовенства: ему была предоставлена большая самостоятельность въ замѣщеніи духовныхъ должностей и регулированіи отлучекъ духовенства; было отмѣнено упраздненіе и закрытіе римско-катол. монастырей; отмѣнены были запрещеніе крестныхъ ходовъ и религіозныхъ процессій, стѣсненія постановки крестовъ и т. п. Въ тотъ же день 26 дек. были отмѣнены ограниченія по занятію биржевыхъ должностей (маклеровъ и т. п.) лицами не-христіанскихъ вѣроисповѣданій. 11 апрѣля полякамъ было разрѣшено пріобрѣтать землю въ тѣхъ селеніяхъ Западнаго края, которыя вводятся наново въ списокъ мѣстъ, открытыхъ для жительства евреевъ. Болѣе непримиримо держалось правительство въ вопросѣ о языкѣ. Закономъ 27 марта была установлена обязательность употребленія русскаго языка въ частныхъ обществахъ Зап. края не только при сношеніяхъ ихъ съ администраціей, но и во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ. А законъ 19 апр., хотя и разрѣшалъ употребленіе мѣстныхъ языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, содержимыхъ исключительно на частныя средства, но обязательнымъ условіемъ пріобрѣтенія правъ по образованію ставилъ сдачу экзаменовъ на русскомъ языкѣ.

Какъ видно изъ изложенныхъ нами въ другомъ мѣстѣ соображеній комитета министровъ, подъ вліяніемъ событій, и высшая іерархія православной церкви склонялась къ освобожденію ея отъ нѣкоторыхъ обязанностей чистополицейскаго характера. Стремленіе низшаго православнаго духовенства къ церковной автономіи и освобожденію отъ служебнаго положенія по отношенію къ государственной власти, выливавшееся въ это время въ требованіе созыва *церковнаго собора*, нашло себѣ откликъ и въ высшей іерархіи. Она тоже добивалась созыва собора—конечно, иначе представляя себѣ составъ его и ставя ему другія задачи—видя въ такомъ соборѣ средство высвободиться изъ-подъ властной опеки бюрократіи, дѣйствовавшей черезъ посредство синодскаго оберъ-прокурора. Отзвукомъ этого движенія духовенства явился Выс. рескриптъ 27 дек. 1905 г. на имя петерб. митрополита. Рескриптъ указывалъ, что лишь „тяжелыя обстоятельства на Дальнемъ Востокѣ“ не дали возможности еще весною выполнить желаніе „церковной власти въ лицѣ Святѣйшаго Синода“ о созывѣ „чрезвычайнаго всероссійскаго помѣстнаго собора“. Теперь митрополитамъ петербургскому, московскому и кіевскому предлагалось „опредѣлить время созванія этого, всѣми

вѣрными сынами церкви ожидаемаго, собора". Выс. повелѣніемъ 16 янв. 1906 г. было утверждено синодское опредѣленіе объ образованіи, подъ предсѣдательствомъ петербургскаго митрополита, особаго предсоборнаго присутствія. Однако, на этомъ дѣло и остановилось. Съ паденіемъ общественнаго движенія исчезла единственная опора для стремленія духовенства къ высвобожденію изъ подчиненія государственной власти—ослабленіе бюрократіи.

Главная энергія государственной власти въ этотъ періодъ была обращена на созданіе тѣхъ „границъ" свободы, о которыхъ говорили предводители дворянства, и укрѣпленіе, до созыва Думы, своихъ политическихъ позицій [1]). Видную роль въ этой работѣ, дававшей „задній ходъ" государственной машинѣ, сыгралъ, доживавшій послѣдніе дни, дореформенный Государственный Совѣтъ, концентрировавшій въ себѣ какъ бы чистую мысль спасшейся отъ крушенія бюрократіи и неоднократно поправлявшій продиктованныя непосредственнымъ участіемъ въ борьбѣ „увлеченія" даже такого министерства, какъ министерство Витте-Дурново.

Начало „ограничительному" законодательству было положено временными *правилами 4 марта объ обществахъ и союзахъ*. Формально эти правила создавали возможность явочнаго открытія обществъ и союзовъ [2]). Для открытія ихъ требуется лишь подача опредѣленныхъ заявленій на имя подлежащей власти (губернатора или градоначальника). Отсутствіе протеста со стороны этой власти въ теченіе 2 недѣль позволяетъ обществу открыть свои дѣйствія. Общества, желающія пользоваться правами юридическаго лица, подаютъ на регистрацію свой уставъ, содержащій рядъ свѣдѣній, перечисленныхъ въ „правилахъ". И опять неопротестованіе этого устава въ теченіе мѣсячнаго срока дѣлаетъ общество законно существующимъ.

Но этой формально-правовой оболочкѣ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительное существо созданной правилами 4 марта „свободы обществъ

---

[1]) Внѣ этой сферы законодательной дѣятельности заслуживаютъ вниманія слѣдующія мѣры: закрытіе комитета сибирской ж. д. (15 дек.) и окончившей свои занятія комиссіи по составленію гражданскаго уложенія (4 янв.); попытки причять мѣры для „возсозданія боевого флота", ограничившіяся, однако, измѣненіями организаціи морского министерства (указъ 9 янв. и рескриптъ 24 апр.); преобразованіе высшаго военнаго управленія Сибири (17 марта); образованіе при совѣтѣ гос. обороны „аттестаціонной комиссіи" для оцѣнки производимыхъ въ генеральскіе чины (6 апр.); податныя льготы для семействъ лицъ, пострадавшихъ на войнѣ (26 дек. 1905); введеніе суда присяжныхъ въ губ. Ставропольской и Черноморской и области Кубанской (13 февр.); облегченіе участи сахалинскихъ ссыльныхъ, вынужденныхъ бѣжать во время войны (18 марта) и оффиціальное прекращеніе ссылки на Сахалинъ (10 апр.). Важною мѣрою было сокращеніе срока дѣйствительной службы въ пѣхотѣ и пѣшей артиллеріи до 3 лѣтъ, въ войскахъ прочихъ родовъ оружія—до 4 и во флотѣ—до 5 (рескрипты 7 марта и В. у. 26 апрѣля мнѣніе Г. С.).

[2]) Ст. 2: „Общества и союзы могутъ быть образуемы безъ испрошенія на то разрѣшенія правительственной власти, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ".

и союзовъ“ [1]). Министерскій проектъ предлагалъ вручить надзоръ за образованіемъ и дѣятельностью обществъ и союзовъ судебнымъ учрежденіямъ. Гос. Совѣтъ рѣшительно возсталъ противъ этого. Онъ призналъ недостаточнымъ предположеніе министерскаго проекта о воспрещеніи обществъ, преслѣдующихъ „цѣли, противныя нравственности или предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ“, и настоялъ на дополненіи соотвѣтствующей статьи запрещеніемъ также и тѣхъ обществъ, которыя преслѣдуютъ „цѣли, угрожающія общественному спокойствію или безопасности“. Исходя изъ такой постановки вопроса, Гос. Совѣтъ указалъ, что „нравственность есть понятіе условное“, и предусмотрѣть „всѣ виды безнравственности“ закономъ невозможно; что, съ точки зрѣнія политической и „дѣятельность общества, не отступающаго отъ устава, можетъ оказаться вредной“; что законъ „не предусматриваетъ всѣхъ тѣхъ проявленій преступной дѣятельности обществъ, кои нежелательны и недопустимы съ точки зрѣнія охраненія государственнаго порядка и обезпеченія общественной безопасности“ [2]); что, вообще, „отношеніе правительственной власти къ политическимъ обществамъ должно опредѣляться въ зависимости отъ условій времени и мѣста“. Такимъ образомъ, Гос. Совѣтъ открыто провозгласилъ то, что въ проектѣ министерства Витте-Дурново лишь подразумѣвалось: что матеріальное право ассоціацій допускается лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это считаетъ умѣстнымъ и допустимымъ административная власть. Послѣдовательнымъ выводомъ отсюда была передача всего надзора за открытіемъ и запрещеніемъ обществъ, съ полнымъ устраненіемъ судебныхъ учрежденій, въ руки „органовъ административной юстиціи“. Такіе органы и были созданы, по иниціативѣ Гос. Совѣта, въ видѣ „губернскихъ по дѣламъ объ обществахъ присутствій“ подъ предсѣдательствомъ губернатора [3]) въ составѣ, одинаковомъ съ губернскими по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіями и съ аппелляціонною инстанціей въ видѣ 1-го Департамента Сената.

Рядъ частныхъ ограниченій дополнялъ это основное ограниченіе, сводившее юридическія гарантіи свободы ассоціацій къ нулю. Такъ изъ-подъ дѣйствія правилъ 4 марта были изъяты религіозныя общества; были воспре-

---

[1]) Отмѣтимъ, что, по принятой „правилами“ терминологіи, „общество“ — это соединеніе нѣсколькихъ лицъ, преслѣдующихъ опредѣленную цѣль, не состоящую въ полученіи прибыли, а „союзъ“—соединеніе нѣсколькихъ обществъ.

[2]) Г. С. ссылался, между прочимъ, на то, что, несмотря на существованіе ст. 102, 118 и 125 уг. улож., „такія общества, какъ возникшіе за послѣднее время разнаго рода союзы съ политическими цѣлями, хотя они и успѣли проявить особо вредное и опасное для государства направленіе, не могли бы, на основаніи дѣйствующихъ карательныхъ постановленій, быть привлечены къ уголовной отвѣтственности.

[3]) Для городовъ Петербурга, Москвы, Одессы, Кронштадта, Николаева, Керчи, Севастополя и Ростова на Д.—„городскихъ по д. объ общ. присутствій“ подъ предсѣдательствомъ градоначальника.

щены политическія общества, управляемыя учрежденіями или лицами, находящимися за границею; общества, имѣющія отдѣленія, и также союзы были обязаны регистрировать уставъ, а мин. вн. д. получилъ право закрывать ихъ во всякое время по своему усмотрѣнію; для служащихъ на казенной, ж. д. и телефонной службѣ образованіе обществъ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія начальства, а образованіе союзовъ вообще запрещено. Наоборотъ, женщины получили право участія во всякихъ обществахъ, въ томъ числѣ и политическихъ, т. к. Г. С. видѣлъ въ нихъ „элементъ, сдерживающій политическія страсти мужской части населенія". Всѣ уже существующія общества и союзы были обязаны въ 3-недѣльный срокъ выполнить правила 4 марта.

Особый отдѣлъ правилъ былъ посвященъ *профессіональнымъ обществамъ*. Мотивы изданія закона о профессіональныхъ организаціяхъ изложены въ соображеніяхъ Г. С.: такъ какъ „среди лицъ, занятыхъ въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, особенно же между фабричными рабочими, стремленіе къ образованію общественныхъ организацій стало за послѣднее время фактомъ, съ которымъ нельзя не считаться", то правительство и Г. С. сочли нужнымъ открыть двери легальности именно *профессіональнымъ* организаціямъ, чтобы „ослабить для нихъ (рабочихъ) соблазнъ уклоненія въ сторону политики". Экономическія организаціи въ качествѣ противоядія организаціямъ политическимъ—такова была правительственная мысль, построенная на замѣченной м-вомъ вн. д. „сильной перемѣнѣ въ настроеніи рабочихъ массъ за послѣдніе мѣсяцы". Но въ то же время министерство постаралось—а Г. С. еще усилилъ это стараніе—сдѣлать все возможное, чтобы лишить эти экономическія организаціи рабочихъ классоваго и боевого характера.

Уже формально правила о профессіональныхъ обществахъ отнесены одинаково и къ рабочимъ, и къ предпринимателямъ [1]). Первоначальная формулировка проекта—„проф. о-ва имѣютъ цѣлью преслѣдованіе и защиту экономическихъ интересовъ и улучшеніе условій труда своихъ членовъ"—была признана Г. С-омъ неудовлетворительною, п. ч. она „предполагаетъ какъ бы боевое отношеніе" къ этимъ интересамъ, а между тѣмъ „цѣль проф. обществъ должна заключаться въ мирномъ разграниченіи сталкивающихся интересовъ труда и капитала и въ возможномъ ихъ согласованіи". Въ силу этихъ соображеній въ окончательномъ текстѣ закона цѣлью профессіон. о-въ указано „выясненіе и согласованіе экономическихъ интересовъ" и „улучшеніе условій труда своихъ членовъ", а въ перечисленіи отдѣльныхъ функцій предположенныя „выработка нормальныхъ таксъ и опредѣленіе другихъ нормальныхъ

[1]) Г. С. оговорилъ, между прочимъ, что „образованіе, на основаніи правилъ, предпринимательскихъ синдикатовъ терпимо быть не можетъ".

условій труда“ замѣнены „выясненіемъ вопросовъ о размѣрѣ заработной платы и другихъ условіяхъ труда“. Въ такомъ же духѣ были исправлены и всѣ другія выраженія министерскаго проекта.

Профессіональныя общества были подчинены всѣмъ общимъ постановленіямъ правилъ 4 марта, но съ обязательной регистраціей устава и съ весьма существенными ограниченіями. Такъ, по настоянію Г. С., профессіональнымъ обществамъ вовсе запрещено образовывать союзы, а отдѣленіямъ ихъ—имѣть особыя отъ общества правленія; они приравнены къ политическимъ обществамъ въ смыслѣ запрещенія управляться учрежденіями или лицами, находящимися за границею, — т. е. имъ запрещено вступать въ международныя профессіональныя организаціи и т. д.

Но мало того. Гос. Совѣтъ нашелъ, что предоставленіе рабочимъ права профессіональной организаціи „знаменуетъ собою переходъ отъ системы регламентаціи отношеній работодателей къ рабочимъ и административной надъ ними опеки на новый путь, открывающій фабрикантамъ и рабочимъ возможность свободной и въ то же время законодательной самодѣятельности въ составѣ особыхъ профессіональныхъ обществъ“. Подъ этимъ предлогомъ Г. С. призналъ „необходимость соотвѣтственныхъ измѣненій дѣйствующаго фабричнаго законодательства“, а именно: „значительнаго суженія предѣловъ предоставленныхъ фабричной инспекціи полномочій“; отмѣны обязательства фабриканта выдавать рабочему двухнедѣльный заработокъ при нарушеніи договора во время стачки; назначенія наказанія для лицъ, „подстрекающихъ“ или принуждающихъ „насиліемъ или угрозами“ рабочихъ къ стачкѣ, но въ то же время не являющихся участниками ни стачки, ни „сообщества“, ставящаго себѣ цѣлью возбужденіе къ стачкѣ. Министерство Витте заявило Г. Совѣту, что разрабатываетъ всѣ указанныя мѣры.

Въ тотъ же день 4 марта былъ изданъ указъ о временныхъ правилахъ о *собраніяхъ*. Изданіе новыхъ правилъ мотивировалось необходимостью „согласовать“ временныя правила о собраніяхъ 12 окт. 1905 года „съ началами гражданской свободы“, возвѣщенными манифестомъ 17 окт. На самомъ дѣлѣ новыя временныя правила означали значительный шагъ назадъ по сравненію съ старыми и особенно по сравненію съ тѣмъ либеральнымъ толкованіемъ, какое давали этимъ старымъ правиламъ министерскіе циркуляры.

Само собою понятно, что требованія „общественнаго спокойствія и безопасности“ остались въ рукахъ полиціи той формулой, которая давала возможность поставить разрѣшеніе, воспрещеніе или закрытіе собраній въ полную зависимость отъ административнаго усмотрѣнія. Но, въ отличіе отъ старыхъ правилъ, новыя давали точное опредѣленіе того, что слѣдуетъ считать собра-

ніями публичными, подчиненными надзору полиціи [1]). Такими собраніями должны были впредь считаться всѣ собранія, „доступныя неопредѣленному числу лицъ, или хотя бы опредѣленному числу лицъ, но лично неизвѣстныхъ устроителямъ собранія“, а также всѣ собранія, устраиваемыя въ театрахъ, концертныхъ залахъ, зданіяхъ общественныхъ и сословныхъ учрежденій и въ помѣщеніяхъ, „спеціально для публичныхъ собраній приспособленныхъ“. Воспрещены собранія въ гостиницахъ, ресторанахъ, трактирахъ и т. п. Собранія подъ открытымъ небомъ поставлены въ зависимость отъ разрѣшенія мѣстной власти. Запрещены собранія на извѣстномъ разстояніи отъ мѣстопребыванія Императора или мѣста засѣданій Г. С. и Г. Д. во время ихъ сессій и т. д. и т. д.

Были изданы также новыя временныя правила о періодической (18 марта) и непериодической (26 апрѣля) *печати*. Изданіе этихъ правилъ, какъ говоритъ указъ 18 марта, было вызвано тѣмъ, что существовавшія уже правила (въ томъ числѣ правила 24 ноября 1905 г.), „какъ опытъ ихъ примѣненія свидѣтельствуетъ, оказываются недостаточны для борьбы съ нарушеніями предписанныхъ требованій“. Новые законы о печати, несмотря на формальное уничтоженіе (или, вѣрнѣе, переименованіе въ „комитеты по дѣламъ печати“) цензурныхъ комитетовъ, означали новыя стѣсненія для періодической и непериодической прессы и фактически во многихъ случаяхъ возстанавливали предварительную — до выхода въ свѣтъ—цензуру.

Манифестъ 20 февраля возвѣстилъ объ изданіи новаго *учрежденія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта* примѣнительно къ обѣщаніямъ манифеста 17 октября. Основныя положенія манифеста были таковы: Гос. Совѣту предоставляются въ дѣлахъ законодательства равныя съ Гос. Думою права; со времени созыва Г. С. и Г. Д. „законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы“; Совѣтъ и Дума созываются ежегодно; въ промежуткахъ сессій, „если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость“, могутъ издаваться законодательныя мѣры путемъ указовъ. Но мѣры эти не могутъ вносить измѣненія ни въ основные законы, ни въ учрежденія Г. С. и Г. Д., ни въ постановленія о выборахъ въ С. или Д., и дѣйствіе ихъ прекращается, если онѣ не будутъ внесены въ Думу въ теченіе 2 мѣсяцевъ по возобновленіи ея засѣданій или будутъ отвергнуты Думою или Совѣтомъ.

Главное значеніе манифеста 20 февраля состояло въ томъ, что онъ создавалъ и уравнивалъ въ правахъ съ Думою новое законодательное учрежденіе— *Государственный Совѣтъ*. Мы видѣли, какую роль игралъ Г. С. въ эту

---

[1]) Г. С. высказалъ въ своихъ соображеніяхъ, что отсутствіе такого опредѣленія въ правилахъ 12 окт. «давало поводъ лицамъ недобросовѣстнымъ и злонамѣреннымъ устраивать, въ обходъ закона, многолюдныя и крайне опасныя по своимъ послѣдствіямъ собранія».

переходную эпоху. Постановленія 20 февраля, вошедшія въ новое учрежденіе Г. С. (24 апр.), сохраняли за нимъ эту роль, ибо не только клали въ основу выборовъ въ Г. С. сословно-корпоративную и высоко-цензовую систему, но и самый составъ этой „верхней палаты“ дѣлали выборнымъ лишь наполовину. Другая половина членовъ Г. С., какъ и президіумъ его, должны были назначаться Высочайшей властью. Т. е. лишь въ очень малой степени былъ ослабленъ сановно-бюрократическій характеръ Совѣта. Выборная половина Совѣта должна была составляться изъ 6 представителей духовенства (3—чернаго и 3—бѣлаго), избираемыхъ синодомъ, членовъ отъ губернскихъ земствъ (по одному отъ каждаго), 18 членовъ отъ дворянства, выбираемыхъ съѣздомъ выборщиковъ отъ губернскихъ и областныхъ дворянскихъ обществъ (по 2 отъ каждаго) [1]), 6 членовъ, выбираемыхъ выборщиками (по 3) отъ академіи наукъ и университетовъ, 12 членовъ отъ промышленности и торговли (по 6), выбираемыхъ выборщиками отъ различныхъ торгово-промышленныхъ и биржевыхъ комитетовъ. Члены Г. С. выбираются на 9 лѣтъ и составъ ихъ обновляется по третямъ разъ въ 3 года. Минимальный возрастъ—40 лѣтъ.

Въ *учрежденіе Г. Д.* были внесены, въ силу манифеста 20 февр., нѣкоторыя измѣненія по сравненію съ учрежденіемъ 6 авг. 1905 г. Такъ, въ 1-ой же статьѣ было вычеркнуто опредѣленіе функцій Думы, какъ „предварительной разработки“ законодательныхъ предположеній (что подчеркивало ея совѣщательный характеръ), но въ то же время оставлена двусмысленная формула—„обсужденіе законодательныхъ предположеній“. Въ ст. 3 введено новое правило: въ указѣ о досрочномъ роспускѣ Думы должны быть не только назначены новые выборы въ Думу, но и указано время ея созыва. Раздѣленіе на отдѣлы стало необязательнымъ для Думъ, что̀ уменьшало бюрократическій характеръ учрежденій. Лишеніе свободы членовъ Думы поставлено въ зависимость отъ „предварительнаго разрѣшенія“ самой Думы. Ей же, а не сенату, какъ это было по положенію 6 авг., предоставлено рѣшать вопросъ о выбытіи или временномъ устраненіи членовъ Думы отъ участія въ собраніяхъ. Исключеніе сдѣлано для случаевъ привлеченія членовъ Думы къ отвѣтственности „за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ

---

[1]) Депутація екатеринославскаго дворянства (1 марта) ходатайствовала объ увеличеніи числа членовъ отъ дворянства. Ей было отказано изъ опасенія „справедливаго недовольства другихъ сословій, какъ, напр., торгово-промышленнаго класса, который тоже ходатайствуетъ объ увеличеніи числа представителей“. Кромѣ того, депутаціи было указано, что на 34 земскихъ мѣста вѣроятно „будутъ избраны въ большинствѣ дворяне“.

на нихъ по сему званію“ [1]), или „задержаніи при самомъ совершеніи преступнаго дѣянія, или на слѣдующій день“. Должности министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями признаны совмѣстимыми съ званіемъ членовъ Думы,—что, въ принципѣ, давало возможность образованія думскаго министерства. Думѣ было предоставлено право законодательнаго почина не только въ смыслѣ побужденія министровъ выработать опредѣленный законопроектъ, но и въ видѣ права Думы выработать его силами собственныхъ комиссій въ случаѣ отказа министерства взять эту выработку на себя. Кромѣ запросовъ о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ Дума получила право требовать отъ министровъ „разъясненій“ (ст. 40), касающихся разсматриваемыхъ ею дѣлъ. Но за министрами сохранено право отказаться отъ дачи разъясненій, разъ предметъ думскаго вопроса „по соображеніямъ государственнаго порядка не подлежитъ оглашенію“. Верховной власти представляются лишь тѣ законопроекты, которые приняты большинствомъ Г. Д. и Г. С. Всѣ другіе законопроекты считаются отклоненными и дальнѣйшаго движенія не получаютъ. Въ согласительныхъ комиссіяхъ предсѣдательствуетъ не предс. Г. С. или предс. одного изъ его департаментовъ (какъ это было по положенію 6 авг.), а одинъ изъ ея членовъ по ея выбору. По постановленію той палаты, въ которой находится законопроектъ, онъ можетъ быть, въ случаѣ разногласій, вмѣсто передачи въ соглас. комиссію, возвращенъ въ другую палату. Наконецъ, засѣданія Думы и Совѣта сдѣланы публичными [2]). За этими измѣненіями учрежденіе 6 авг. осталось въ силѣ со всѣми тѣми, умалявшими значеніе народнаго представительства чертами, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ [3]).

Но рѣшающую роль въ смыслѣ такого умаленія предназначены были играть правила 8 марта о порядкѣ разсмотрѣнія *государственной росписи*. Этими правилами часть кредитовъ была вовсе изъята изъ вѣдѣнія Думы, часть—и при томъ громаднѣйшая—была ограждена отъ исключенія или измѣненія, „забронирована“, какъ говорили впослѣдствіи, и лишь малая и при томъ несущественная часть предоставлена свободному усмотрѣнію народнаго представительства. Исключены изъ вѣдѣнія Думы въ суммахъ, не превышающихъ смѣтныя назначенія на 1906 годъ, кредиты на расходы министерства Двора, собственной Е. В. канцеляріи и канцеляріи по принятію

[1]) Въ этомъ случаѣ на нихъ распространяются правила, установленныя для привлеченія къ суду высшихъ гос. чиновъ.

[2]) Правила о допущеніи постороннихъ лицъ въ помѣщенія Думы и Совѣта утверждены 17 апр. Этими же правилами создана особая „охрана Таврическаго дворца“, подчиненная мин. вн. дѣлъ. 20 апр. утверждены штаты этой охраны.

[3]) Опасеніе такъ наз. „активнаго“ бойкота, о которомъ въ то время говорила часть революціонныхъ организацій, вызвало изданіе правилъ 8 марта „объ огражденіи свободы и правильности“ выборовъ въ Г. Д. и Г. С., „а также безпрепятственной дѣятельности сихъ установленій“.

прошеній, а также на расходы на „экстренныя въ теченіе года надобности“ (10-милліонный фондъ). Кромѣ того обсужденію Думы не подлежатъ кредиты, обусловленные постановленіями учрежденій объ Импер. Фамиліи, и не могутъ быть сокращены назначенія на платежи по государственнымъ долгамъ и по другимъ принятымъ на себя государствомъ обязательствамъ. Послѣднее постановленіе имѣло громадное значеніе, т. к. правительство, учреждая особый „*комитетъ финансовъ*“ (ук. 28 марта), категорически разъяснило, что вѣдѣнію Думы подлежитъ лишь разрѣшеніе вопросовъ о необходимости займовъ. Время же заключенія займа и его условія—рынокъ заключенія займа, его характеръ, срокъ, размѣръ процентовъ, эмиссіонная цѣна, способъ реализаціи и т. д.—все это осталось въ исключительномъ вѣдѣніи правительства. Точно такъ же были изъяты изъ компетенціи Думы выкупъ, конверсіи и консолидаціи займовъ, вопросы денежнаго обращенія и вообще дѣла кредитной политики. Наконецъ, какъ помнимъ, Дума была устранена и отъ рѣшенія вопросовъ о правительственныхъ гарантіяхъ частному желѣзно-дорожному строительству [1]).

„Забронированная“ часть росписи состоитъ въ доходахъ и расходахъ, внесенныхъ въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній въ порядкѣ верховнаго управленія. Эти доходы и расходы не могутъ быть ни измѣняемы, ни исключаемы, какъ не могутъ быть измѣнены или исключены въ бюджетномъ порядкѣ тѣ законы, положенія и пр., на которыхъ основаны кредиты. Ихъ измѣненіе или отмѣна, какъ и ассигнованіе средствъ на новыя потребности, не относившіяся ранѣе на счетъ казны, могутъ совершаться лишь въ порядкѣ законодательномъ, т. е. въ томъ сложномъ и обезсиливающемъ Думу порядкѣ, о которомъ мы говорили выше.

Въ результатѣ дѣйствительныя бюджетныя права Думы распространяются лишь на незначительную часть бюджета. Да и значеніе этихъ бюджетныхъ правъ умаляется тѣмъ, что дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о доходахъ и расходахъ хозяйственно-операціонныхъ (винная монополія, эксплоатація казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п.). Бюджетныхъ правъ, какъ орудія воплощенія своей политической воли, Дума почти лишена [2]). Она можетъ

[1]) Ст. 118 основныхъ законовъ дополнила правила о займахъ въ томъ отношеніи, что предоставила Верховной Власти самое разрѣшеніе займовъ въ случаѣ неутвержденія росписи къ началу смѣтнаго періода, а также займовъ, предназначаемыхъ на военныя надобности.

[2]) Въ соображеніяхъ м. вн. д. Булыгина къ проекту учрежденія Г. Д. ничтожность бюджетныхъ правъ Думы признается совершенно открыто „за исключеніемъ условныхъ кредитовъ... всѣ остальныя расходныя статьи нашей госуд. росписи въ сущности уже предопредѣлены, однѣ—какъ по предмету, такъ и по размѣру расхода, другія (хозяйственно-операціонные расходы)—по крайней мѣрѣ по предмету назначенія... Обсужденіе росписи въ Г. Д. и Г. С. приметъ, по преимуществу, характеръ выясненія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и сомнѣній по немногимъ смѣтнымъ назначеніямъ“.

пользоваться ими, какъ оружіемъ въ острой борьбѣ съ правительствомъ, лишь отвергая всю роспись цѣликомъ, или отдѣльныя части ея.

Но значеніе такого отверженія сводится къ апелляціи Думы къ общественнымъ силамъ, стоящимъ внѣ ея и обладающимъ вліяніемъ на бюджетъ въ качествѣ плательщиковъ налоговъ или кредиторовъ. Непосредственное же практическое значеніе отказа Думы поставить свою подпись подъ росписью парализовано другими постановленіями правилъ 8 марта. Такъ, при разногласіи Думы и Г. С., не устраненномъ „согласительною" комиссіею, въ роспись вносится кредитъ въ цифрѣ назначенія послѣдней, утвержденной въ законномъ порядкѣ росписи. Если роспись не утверждена къ началу смѣтнаго періода, въ силу входитъ также послѣдняя роспись, кредиты по которой открываются каждый мѣсяцъ въ размѣрѣ $^1/_{12}$. Чрезвычайные кредиты на потребности военнаго времени и военныя приготовленія открываются внѣ всякой зависимости отъ Думы. И, наконецъ, правительство оставило за собою право производить „неотложные" расходы и безъ вѣдома Думы, внося въ нее соотвѣтствующія представленія лишь впослѣдствіи, а въ дѣлахъ, „требующихъ тайны",—лишь „по минованіи необходимости въ сохраненіи тайны".

Всѣ перечисленныя выше временныя правила и новыя узаконенія о Думѣ и Госуд. Совѣтѣ, постепенно сжимавшія какъ бы желѣзнымъ кольцомъ развернувшіяся въ „дни свободы" общественныя силы, были сведены воедино и закрѣплены „*основными государственными законами*", спѣшно изданными 23 апрѣля—за 3 дня до съѣзда 1-ой Г. Д. Въ эти основные законы вошла большая часть тѣхъ ограничительныхъ нормъ и толкованій, которыя были созданы послѣ 17 октября, и т. к. починъ въ измѣненіи основныхъ законовъ былъ оставленъ исключительно за Верховною Властью, учредительныя функціи Думы, возможность для нея путемъ законодательства повліять на форму государственнаго строя, призваннаго смѣнить старый порядокъ, была сведена до minimum'а.

Между тѣмъ сами основные законы тщательно избѣгали характеризовать юридическую природу новаго государственнаго строя. Изъ нихъ была устранена характеристика Верховной Власти, какъ власти „неограниченной". Рядъ статей, несомнѣнно, придавалъ „основнымъ законамъ" формальный характеръ конституціоннаго акта [1]). Но, съ другой стороны, фиксированіе цѣлаго

[1]) Ст. 7: „Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Г. С. и Г. Д."; ст. 11: „Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, издаетъ, въ соотвѣтствіи съ законами, указы и т. д."; ст. 92: „законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію (сенатомъ), если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ сихъ основныхъ законовъ"; ст. 87, по которой мѣры, принимаемыя безъ Думы въ силу „чрезвычайныхъ обстоятельствъ", теряютъ силу безъ ея утвержденія и не могутъ касаться ни основныхъ законовъ, ни учрежденія Г. Д. и Г. С., ни избирательнаго права и т. п.

ряда частныхъ ограниченій правъ (напр. бюджетныхъ) народнаго представительства въ основныхъ законахъ, оставленіе за Верховною Властью исключительнаго права распоряженія цѣлыми отраслями государственнаго хозяйства и политики [1]) и сохраненіе за нею титула „самодержавная“ дѣлали юридическое значеніе основныхъ законовъ двусмысленнымъ. А сопровождавшій изданіе основныхъ законовъ указъ характеризовалъ значеніе акта, какъ установленіе „новыхъ путей, по которымъ будетъ проявляться самодержавная власть Всероссійскихъ Монарховъ въ дѣлахъ законодательства“.

Въ этой формулировкѣ указа передъ нами первый оффиціальный намекъ на ту теорію „обновленнаго строя“—самодержавнаго, лишь осуществляющаго самодержавіе въ „новыхъ путяхъ“,—и потому свободнаго въ измѣненіи этихъ „путей“,—которой суждено было играть такую важную роль въ послѣдующихъ конституціонныхъ спорахъ и конфликтахъ. Практически-политически эта формулировка означала въ данное время сохраненіе открытыми дверей, ведущихъ народъ къ старому, до-октябрьскому режиму. Возможность дѣйствительнаго возврата зависѣла отъ результатовъ борьбы общественныхъ силъ на новой государственно-правовой почвѣ.

Мы уже говорили, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, эти результаты трудно было усчитать заранѣе. Пожаръ аграрныхъ волненій, забастовокъ, военныхъ возстаній далеко еще не улегся. Правительству, правда, удавалось подавлять всѣ открытыя вспышки народнаго и общественнаго движенія. Но, подавивъ однѣ, оно наталкивалось на другія, которымъ не предвидѣлось еще скораго конца [2]). Правда, удалось реализовать еще до созыва Думы столь нужный 600 - милліонный заемъ (указъ 17 марта). Но самая реализація его, въ виду настроенія европейскихъ биржевыхъ круговъ и ихъ недовѣрія къ подточенному военными неудачами и общественнымъ движеніемъ старому порядку, требовала крайней осторожности и постепенности въ поворотѣ назадъ. Наконецъ, какъ мы уже говорили, правительство, разсчитывавшее, между прочимъ, на политическій консерватизмъ крестьянства, въ

---

1) Сюда относятся: власть управленія, починъ пересмотра въ Думѣ и Г. С. основныхъ законовъ, внѣшняя политика, объявленіе войны и заключеніе мира, договоры съ иностранными государствами, верховное начальствованіе надъ всѣми вооруженными силами, устройство арміи и флота, объявленіе мѣстности на военномъ или исключительномъ положеніи, монетное дѣло, назначеніе и увольненіе министровъ и т. д. и т. д.

2) Еще въ концѣ февраля правительство считалось съ возможностью новой забастовки, и П. Н. Дурново разослалъ слѣдующую циркулярную телеграмму губернаторамъ и градоначальникамъ: „Получены свѣдѣнія изъ Москвы, что въ мартѣ затѣвается опять забастовка. Усильте наблюденія и всѣми мѣрами препятствуйте революціонерамъ возбуждать народъ къ безпорядкамъ. Освобожденіе арестованныхъ производите съ крайнею осторожностью“ („Наша Жизнь“. Цит. по „Праву“ 1906 г., № 11, с. 1072).

эту эпоху отнюдь еще не окончательно потеряло вѣру въ возможность выйти побѣдителемъ изъ выборной борьбы.

Всѣми этими обстоятельствами и опредѣлился двусмысленный, недоговоренный характеръ какъ всего законодательства данной эпохи, такъ, въ частности, и основныхъ законовъ. Значеніе этого законодательства заключалось не въ созданіи и закрѣпленіи прочнаго и юридически оформленнаго государственнаго строя, а лишь въ созданіи новой почвы, новыхъ формъ и новыхъ орудій для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые не смогло рѣшить до конца бурное общественное движеніе „дней свободы“. Какія общественныя силы выйдутъ побѣдителями изъ этой борьбы, это былъ вопросъ будущаго. Но все же завоеваніе новой арены борьбы означало коренной переломъ въ развитіи не только общественныхъ силъ, но и государственной власти. Общественныя силы впервые получили возможность политически проявлять себя, сплачиваться, группироваться открыто. Государственная власть была выведена изъ той мистической недосягаемости, въ какой она пребывала до тѣхъ поръ. Ей пришлось спуститься на ту же арену, на которой боролись всѣ другія общественныя силы, и такъ же открыто опредѣлять свое отношеніе къ нимъ. Тотъ „надклассовый“ характеръ, который ей удалось пріобрѣсти въ извѣстный періодъ развитія, исчезъ безслѣдно. Но точно такъ же исчезла и та изолированность, которая отличала ее въ предреволюціонную эпоху. Степень ея самостоятельности сильно понизилась, и ея дальнѣйшей политикѣ суждено было проходить въ тѣсномъ и открытомъ союзѣ съ одними классами населенія, въ упорной борьбѣ—съ другими.

Мы уже говорили, что первымъ и естественнымъ союзникомъ явилось круто повернувшее вправо земельное дворянство. Оффиціальная дворянская программа этой эпохи носила, сообразно условіямъ времени, переходный характеръ. Но дворянство не скрывало и своихъ дальнѣйшихъ вожделѣній. Оно мобилизовало и организовало подъ своимъ руководствомъ всѣ силы, готовыя сейчасъ встать на пути дальнѣйшимъ завоеваніямъ общественнаго движенія, и, выкинувъ націоналистическое знамя, демагогически использовало въ реакціонныхъ цѣляхъ и соціальные инстинкты отсталыхъ демократическихъ массъ. А бюрократія санкціонировала это своеобразное „черносотенное“ движеніе даже въ самыхъ крайнихъ его проявленіяхъ [1]).

---

[1]) Такъ, когда сенатъ 14 марта разсматривалъ (и рѣшилъ прекратить) дѣла минскаго губ. Курлова и одесскаго градонач. Нейдгарта, обвинявшихся въ попустительствѣ погромамъ, мин. вн. дѣлъ П. Н. Дурново „въ своемъ словѣ высказалъ приблизительно такое мнѣніе, что такія лица, какъ г.г. Курловъ и Нейдгартъ, никогда не могутъ и не должны быть привлекаемы къ судебной отвѣтственности, ибо они въ своихъ дѣйствіяхъ сообразовались съ видами и предположеніями правительства и явились правильными выразителями его желанія“ („Рѣчь“, цит. по „Праву“ 1906 г., № 12, с. 1156.)

Рядъ депутацій формулировалъ пожеланія и политическую программу руководимаго дворянствомъ движенія. Такъ, депутація „союза русскаго народа“ (23 дек.), заявляя о „нетерпѣніи“, съ которымъ союзъ ждетъ созыва Думы, въ то же время высказывала убѣжденіе, что „самодержавіе вполнѣ совмѣстимо съ Г. Думою, какъ оно совмѣстимо съ существованіемъ судебныхъ учрежденій“, и увѣряла, что „всякая попытка захватить или ограничить царскую власть вызоветъ въ народѣ неслыханную, ужасающую смуту“. Кромѣ того депутація высказывалась противъ отобранія крестьянами земли у помѣщиковъ, настаивала на сохраненіи неравноправія евреевъ и обвиняла часть „высшихъ сановниковъ“ въ „потаканіи крамольникамъ“. Депутаціи тамбовскаго, тульскаго (2 февр.) и владимирскаго (9 февр.) дворянства просили и получили увѣреніе въ „неотъемлемости частной земельной собственности“ при предстоящей крестьянской реформѣ. Депутаціи самодержавно-монархической партіи гор. Иваново-Вознесенска (16 февр.) было заявлено, что при непремѣнномъ осуществленіи реформъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, и неотъемлемости правъ, данныхъ одинаково всему населенію, „самодержавіе остается такимъ, какимъ оно было встарь“.

Таково было положеніе, при которомъ происходили выборы въ первую Госуд. Думу. Администрація не щадила усилій, чтобы направить выборы въ русло, желательное министерству: прямое давленіе, аресты и ссылки намѣченныхъ кандидатовъ, привлеченіе ихъ къ суду по статьямъ, влекущимъ за собою лишеніе избирательныхъ правъ, — все это было пущено въ ходъ. Тѣмъ большею неожиданностью былъ ярко оппозиціонный исходъ выборовъ не только въ городѣ, но и въ деревнѣ. Министерство Витте-Дурново получило отставку (22 апр.). Либеральныя газеты, въ упоеніи избирательными успѣхами, готовы были видѣть въ этой отставкѣ признакъ новой и на этотъ разъ рѣшительной побѣды „избирательныхъ бюллетеней“ надъ „зміемъ“. Опубликованіе основныхъ законовъ черезъ день послѣ отставки Витте-Дурново и образованіе министерства Горемыкина очень скоро показали, что дѣло обстояло совершенно иначе. Въ лицѣ министерства Витте-Дурново сходилъ въ могилу кабинетъ, на „неустойчивость“ котораго жаловалось дворянство и который самыми условіями того времени, когда ему приходилось дѣйствовать, вынужденъ былъ запятнать себя въ глазахъ „патріотовъ“ компромиссами и „неустойчивостью“. Въ лицѣ кабинета Горемыкина выступала бюрократія, не скомпрометтировавшая себя конституціонною фразою и готовая вступить въ систематическую, сначала медленную и осторожную, потомъ все болѣе настойчивую и явную борьбу съ противниками дворянско-бюрократическаго пересмотра созданнаго 17-мъ октября положенія.

(Окончаніе во II ч. тома).

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

въ началѣ XX-го вѣка.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Книга седьмая.

ТОМЪ IV. ЧАСТЬ 2-ая.

а) Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи. *(Продолженіе).*

б) Національныя движенія.

в) Общественное движеніе въ Финляндіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, № 39.
1911.

Оглавленіе.

т. IV. ч. II.

стр.

Ф. ДАНЪ. Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 г.г.
(Продолженіе).

5. Первая Дума 1
6. Первое междудумье 58
7. Вторая Дума 86
8. 3-е іюня 1907 г. 143

К. ЗАЛЕВСКІЙ. Національныя движенія 149

А. КОЛЛОНТАЙ. Общественное движеніе въ Финляндіи.

1. „Финляндскій вопросъ“ въ концѣ 80-хъ годовъ. Расцвѣтъ хозяйственной жизни Финляндіи и интересы русскихъ промышленниковъ. Первыя обрусительныя мѣропріятія 1840—1843 гг. 247
2. Общественные классы и политическія партіи въ Финляндіи до 1898 г. Шведоманы. Ихъ отношеніе къ отечественной конституціи и русскому Монарху. Суометаріанцы или старо-финны, ихъ соціальныя задачи. Внутренняя политика. Возникновеніе рабочаго вопроса. Сельскій пролетаріатъ. Ростъ промышленности. Начало рабочаго движенія. Младо-финны—ихъ буржуазный радикализмъ 252
3. Финляндія съ 1898 по 1904 г. Начало „обще-имперской“ политики. Воинскій законъ 1898 г. Назначеніе Бобрикова и Плеве. Манифестъ 1899 г. „Великая петиція“. Чрезвычайный Сеймъ 1899 г. Начало „пассивнаго сопротивленія“. Законы и постановленія, пративорѣчащіе конституціи. Режимъ диктатуры 262
4. Отношеніе общества. Національный моментъ и классовый интересъ. Новая перегруппировка общественныхъ элементовъ. Конституціоналисты или „партія пассивнаго сопротивленія“ и партія „сенатская“. Двѣ тактики. Образованіе рабочей соціалдемократической партіи. Классовыя противорѣчія. Анти-конституціонныя дѣйствія буржуазіи. Вопросъ избирательной реформы. Политика Бобрикова по отношенію къ финляндскому пролетаріату. Ростъ политическаго самосознанія рабочихъ 268

стр.

5. Финляндія съ 1904 г. по октябрьскіе дни. Убійство Бобрикова. Событія въ Россіи. Сеймъ 1904 г. Борьба партій. „Партія активнаго сопротивленія"; ея буржуазный характеръ. Участіе соціалдемократіи въ избирательной кампаніи. Измѣненіе политическаго курса Имперіи по отношенію къ Финляндіи. Частичныя уступки. Борьба рабочихъ за избирательную реформу. Поправѣніе конституціоналистовъ . 278
6. Октябрьскіе дни 1905 г. 30-го октября—начало „Великой забастовки". Стачечныя комитеты. Попытки соглашенія конституціоналистовъ и соціалдемократіи. Митинги. Резолюціи. 31-го октября—рабочій митингъ на желѣзнодорожной площади. Митингъ конституціоналистовъ въ пожарномъ домѣ. Классовой моментъ. „Красная гвардія" и студенческая милиція. Отставка Сената. Манифестъ 4 ноября. Прекращеніе забастовки 284
7. Вопросъ о реформѣ народнаго представительства. Борьба рабочихъ съ буржуазіей. Конституціоналисты у власти. Работа—на два фронта. Уступки Императорскимъ властямъ. Новый Сеймовый Уставъ 7 іюля 1906 г. Законопроекты буржуазнаго Сейма 1906 г. 290
8. Избирательная кампанія 1907 г. на основѣ новаго Сеймоваго Устава. Перегруппировка общественныхъ элементовъ. Составъ и характеръ политическихъ партій „по-реформеннаго" періода. Соціалдемократія; ея политическая изолированность. Результаты выборовъ въ четыре послѣдовательныхъ Сейма 298
9. Новая эра обще-имперской политики съ 1907 г. Вопросъ объ ассигновкѣ 20 милл. мар. на военныя нужды имперіи. Третья дума. Столыпинскія „Положенія" 1908 г. Коалиціонный Сенатъ. Повторный роспускъ Сеймовъ. Дальнѣйшія мѣропріятія. Манифестъ 27 Марта 1910 г. Финальный аккордъ—вотумъ третьей Думы. 298
Прилоѵеніе 301

Ф. ДАНЪ.

Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 гг.

Ф. ДАНЪ.

Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 гг.

(Окончаніе).

V.

Первая Дума.

Результаты выборовъ въ первую Государственную Думу были почти для всѣхъ полною неожиданностью. И революціонныя, и оппозиціонныя партіи, и партіи реакціи, и правительство, — всѣ сходились въ увѣренности, что законъ 11 декабря и административная практика во время избирательной кампаніи обезпечиваютъ реакціонный составъ перваго народнаго представительства Россіи, и на этой увѣренности строили политическія перспективы. Разно оцѣнивались лишь шансы бо́льшаго или меньшаго проникновенія оппозиціи въ будущую Думу и возможность использованія выборовъ и Думы въ оппозиціонныхъ и революціонныхъ цѣляхъ. Но самый фактъ неминуемаго господства въ Думѣ партій соціально-политическаго консерватизма и реакціи никѣмъ, въ сущности, не подвергался сомнѣнію.

Разсчеты эти, которые, можетъ быть, и оправдались бы, если бы выборы происходили въ мирное, нормальное время, въ данной обстановкѣ оказались совершенно неправильными. Въ открыто-революціонномъ массовомъ движеніи произошла, правда, остановка: декабрьскія пораженія нанесли ему тяжелый ударъ. Но общее соціально-политическое броженіе далеко еще не улеглось, а мирныя формы парламентскихъ выборовъ служили благопріятнымъ условіемъ для того, чтобы это броженіе охватило какъ разъ тѣ слои населенія, которые во время предшествующихъ битвъ и пораженій стояли болѣе или менѣе въ сторонѣ, а теперь въ подачѣ избирательнаго бюллетеня получили подходящій способъ выразить свое, хотя бы и смутное, соціально-политическое недовольство. Настроеніе средняго и мелкаго купечества, мѣщанъ, приказчиковъ, крестьянъ рѣшило судьбу выборовъ. На предполагаемой реакціонности, консерватизмѣ этихъ слоевъ, ихъ политической пассивности и податливости давленію администраціи былъ въ значительной мѣрѣ построенъ весь

думскій избирательный механизмъ [1]). При отсутствіи этого основного условія, весь аппаратъ, разсчитанный на наиболѣе реакціонный отборъ депутатовъ— многостепенность выборовъ, выборы по спискамъ и т. д.—дѣйствовалъ какъ разъ въ обратномъ направленіи, столь же автоматически отбирая и проводя въ Думу оппозиціонные, политически наиболѣе опредѣленные и организованные элементы. На каждой слѣдующей ступени длинной избирательной лѣстницы этимъ именно элементамъ было наиболѣе легко овладѣть позиціей и явиться выразителями того смутнаго, неоформленнаго броженія и недовольства, которыя охватывали политически невоспитанную и неорганизованную массу первичныхъ избирателей. И точно такъ же понятно, что избирательная система, нѣсколькими голосами большинства въ избирательномъ съѣздѣ, коллегіи выборщиковъ или губернскомъ избирательномъ собраніи опредѣлявшая *весь* составъ выборщиковъ даннаго съѣзда или *весь* составъ депутатовъ даннаго города или данной губерніи, при наличныхъ условіяхъ, дѣлала побѣду оппозиціи и пораженіе реакціи столь же полными, какъ, при другихъ условіяхъ, при правильности разсчетовъ творцовъ системы, она сдѣлала бы полною побѣду противоположныхъ тенденцій [2]).

К.-д., какъ единственная оппозиціонная партія, принимавшая систематическое и организованное участіе въ выборахъ, пожала всѣ плоды такого положенія дѣла. На ихъ долю выпала господствующая роль въ первой Государственной Думѣ. Господство к.-д. основывалось не на томъ, что они имѣли въ Думѣ абсолютное большинство. Такого большинства у нихъ никогда не было. Но посреди политическаго хаоса и неоформленности, они являлись единственною прочно организованною и дисциплинированною политическою группою въ Думѣ, увлекавшею за собою всѣ распыленные и политически мало сознательные элементы новой палаты. При каждомъ важномъ голосованіи въ Думѣ повторялся тотъ процессъ выдвиганія на первое мѣсто болѣе организованныхъ и политически дисциплинированныхъ элементовъ, который и въ ходѣ выборовъ приводилъ къ отбору оппозиціонныхъ депутатовъ.

Въ общемъ же политическая неоформленность той избирательной массы, которая послала своихъ представителей въ Думу, была такъ велика, а из-

---

[1]) Еще въ концѣ марта, наканунѣ окончательныхъ выборовъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, „Русское Государство“ писало: „Своей сплоченностью, своимъ спокойствіемъ, своимъ природнымъ чутьемъ крестьянскій элементъ, стоящій ближе къ нуждамъ дѣйствительности, сдержитъ горячіе отвлеченные споры и заставитъ думу работать въ томъ направленіи, какого требуетъ реальная жизнь Россіи“.

[2]) Когда начали выясняться результаты выборовъ по закону 11 декабря, въ реакціонныхъ и октябристскихъ газетахъ стали появляться даже запоздалыя воздыханія по всеобщемъ избирательномъ правѣ, а А. И. Гучковъ засвидѣтельствовалъ въ „Словѣ“ свою полную солидарность въ этомъ вопросѣ съ „честнымъ демократомъ В. В. Водовозовымъ“.

бирательная кампанія, по различнымъ причинамъ[1]), такъ мало могла сдѣлать для преодолѣнія этой неоформленности—особенно въ средѣ крестьянства, что значительная часть, можно сказать, большинство депутатовъ только уже въ самой Думѣ размѣстились по различнымъ фракціоннымъ ячейкамъ, а $^1/_4$—$^1/_5$ всего числа ихъ такъ и осталась до самаго конца Думы въ положеніи „безпартійныхъ". Эта постепенная политическая кристаллизація продолжалась во все время существованія Думы. Ей обязана своимъ ростомъ к.-д. фракція, а своимъ возникновеніемъ—трудовая группа и выдѣлившаяся изъ ея среды рабочая группа, впослѣдствіи примкнувшая къ с.-д. партійнымъ депутатамъ Кавказа и вмѣстѣ съ ними образовавшая соціалъ-демократическую фракцію. Такая же текучесть наблюдается и на немногочисленномъ правомъ флангѣ Думы, и только „національныя" делегаціи нѣкоторыхъ окраинъ, благодаря самому характеру своей организаціи, обнаруживаютъ больше устойчивости. Вслѣдствіе этого не только количественный составъ думскихъ фракцій, но и самая группировка по фракціямъ различны въ началѣ и концѣ существованія Думы.

Къ 10—15 мая наличные 448 членовъ Думы раздѣлялись на слѣдующія группы:

	Число.	%
К.-д.	153	34,1
Трудовики	107	23,9
Автономисты	63	14,0
Парт. демократ. реформъ	4	0,9
Союзъ 17 октября	13	2,9
Умѣренно-прогрессивная	2	0,4
Торгово-пром. гр.	1	0,2
Безпартійные	105	23,4
	448	100,0

Къ концу же существованія Думы (къ 26 іюня) группировка была такова:

	Число.	%	
К.-д.	179	37,4	
Трудовики	94	19,7	
С.-д.	17	3,6	
Польское коло	32	6,7	9,2
Безпарт. автономисты	12	2,5	
П. дем. реф.	6	1,3	

[1]) См. объ этомъ, м. пр., т. II наст. изд., часть 2, с. 130—131.

П. мирнаго обновленія		26	5,4	
Прогрессисты		12	2,5	
Безпартійные	Сорганизов.	34	7,1	20,9
	Остальные	66	13,8	
		478	100,0 [1]).	

Неожиданные результаты выборовъ на первыхъ порахъ вызвали, несомнѣнно, и въ рядахъ правительства нѣкоторое смущеніе и колебаніе. Первымъ движеніемъ была попытка „столковаться“ съ представителями кадетской партіи. „До Думы довольно еще времени, писало правительственное „Русское Государство“ при первыхъ же обозначившихся успѣхахъ кадетовъ на выборахъ, чтобы правительство имѣло время еще разъ обратиться къ обществу, въ лицѣ партіи —побѣдительницы, и столковаться о будущей программѣ временныхъ дѣйствій... Такъ же, какъ правительство *не можетъ* игнорировать идеи, выдвинувшей кадетовъ, такъ и эти послѣдніе *не могутъ* и не должны игнорировать власти, опирающейся на законъ и волю Монарха“.

Мы уже говорили о томъ, какъ борьба старой государственной власти за самосохраненіе вела ее, въ ходѣ пережитыхъ революціонныхъ бурь, на путь все бо́льшаго сближенія съ земельнымъ дворянствомъ, безпощадной борьбы съ демократическими слоями населенія и отстаиванія полной независимости бюрократіи отъ воздѣйствія народнаго представительства. „Столковаться“ на отказѣ отъ этого пути и вступить на новый путь—опредѣленнаго буржуазнаго конституціонализма,—на такой рѣзкій переломъ, очевидно, старую государственную власть могло бы подвинуть только еще болѣе сильное внѣшнее давленіе, чѣмъ октябрьско-декабрьское. И поскольку Дума могла бы явиться однимъ изъ факторовъ такого давленія, только острый конфликтъ ея съ „старымъ порядкомъ“ и побѣда въ этомъ конфликтѣ могли бы послужить прологомъ къ смѣнѣ „стараго порядка“ новымъ, конституціоннымъ.

Если у отдѣльныхъ лицъ правительственнаго персонала и могли быть на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія, то это были именно иллюзіи отдѣльныхъ лицъ, и притомъ иллюзіи, которыя должны были быстро исчезать подъ вліяніемъ логики событій. Въ общемъ же, правительство не заблуждалось насчетъ того отношенія къ Думѣ, которое диктовалось старой государственной

[1]) Цифры взяты изъ книжки Н. А. Бородина: „Госуд. Дума въ цифрахъ“, Спб. 1906. Измѣненіе въ общемъ числѣ членовъ Думы объясняется тѣмъ, что на окраинахъ выборы происходили уже во время засѣданій Думы и не вездѣ были закончены даже къ ея роспуску. Съ другой стороны, мандаты 11 тамбовскихъ депутатовъ, вошедшихъ въ первую группировку, были кассированы Думой. „Сорганизованіе“ безпартійныхъ имѣло цѣлью проведеніе членовъ этой группы въ думскія комиссіи.

власти интересами ея самосохраненія. Говоря о побѣдѣ кадетовъ, какъ побѣдѣ „идеи свободы“, правительственный оффиціозъ противоставлялъ этой „идеѣ“ отстаиваемую правительствомъ „идею порядка“. Проповѣдуя „столковываніе“, онъ заранѣе намѣчалъ его возможныя условія, предостерегая будущее народное представительство не только отъ „жестокихъ намѣреній кого то судить и распинать“, но и отъ сколько-нибудь серьезныхъ мѣръ для воплощенія въ жизнь „идеи свободы“. „Теперь всѣхъ занимаетъ одинъ вопросъ, писало „Русское Государство“,—съ чего начнетъ Дума, и что отвѣтитъ на ея починъ власть? Наиболѣе распространено мнѣніе, что Дума, въ угоду своимъ избирателямъ и въ угоду крайнимъ лѣвымъ партіямъ... приступитъ съ мѣста въ карьеръ къ пересмотру основныхъ законовъ Имперіи и потребуетъ гарантіи дарованной конституціи. Къ этому требованію, будто бы, примкнутъ и крестьяне, которые уже пришли къ сознанію, что аграрный вопросъ есть только часть политическаго и что, не покончивъ съ первымъ (вторымъ?), нельзя разрѣшить правильно и второго (перваго?). ...Если бы кадетское большинство Думы рѣшилось съ перваго же шага новаго режима вступить въ конфликтъ съ правительствомъ, этимъ оно доказало бы только свою политическую близорукость... Конфликтъ Думы съ правительствомъ былъ бы на руку только соціалистамъ, да, пожалуй, еще абсолютистамъ... Штыки, которыми пришлось бы очистить отъ кадетовъ Думу, очистили бы въ то же время отъ нихъ передовыя позиціи общественнаго мнѣнія. Но эти позиціи не остались бы пустыми. Какъ кадеты вытѣснили октябристовъ, такъ и соціалисты вытѣснятъ кадетовъ, если, Боже сохрани, будетъ примѣнена къ Думѣ какая-либо крайность... У руководителей обѣихъ крайнихъ партій (правыхъ и лѣвыхъ) остался въ рукахъ крупнѣйшій козырь ихъ игры—конфликтъ Думы съ правительствомъ“ [1]).

Мы привели эту длинную выписку потому, что въ ней, какъ нельзя отчетливѣе, выраженъ взглядъ правительства Витте-Дурново на положеніе дѣлъ. Правительство, предлагающее кадетамъ „столковаться“, въ то же время открыто говоритъ, что попытка Думы добиться „гарантіи дарованной конституціи“ неизбѣжно поведетъ къ конфликту, въ которомъ „штыкамъ“ придется выполнять „очистительную“ работу. Государственная власть заранѣе намѣчаетъ и слѣдующій этапъ своего развитія въ этомъ конфликтѣ, пугая кадетовъ, а черезъ ихъ голову все имущее общество, „краснымъ призракомъ“ и предвѣщая на другомъ полюсѣ формальное торжество „абсолютистовъ“.

Мы уже говорили о формированіи этой „абсолютистской“ арміи съ земельнымъ дворянствомъ во главѣ, „черносотенными“ организаціями въ осно-

[1]) „Русское Государство, № 50. Цитир. по журналу „Безъ заглавія“, 1906 г. кн. 12.

ваніи и „тайнымъ“ бюрократическимъ штабомъ. Говорили также и о томъ, какъ и почему земельное дворянство стало фактически все больше и больше подчинять себѣ старую государственную власть. „Абсолютистовъ“ не оказалось или почти не оказалось въ Государственной Думѣ. Тѣмъ настойчивѣе организуются они за порогомъ народнаго представительства. Майскій „всероссійскій дворянскій съѣздъ“ открыто заявляетъ о своей враждебности вновь избранной Думѣ, ея политической и соціальной программѣ [1]). Защита „неприкосновенности частной собственности“ (земельной) и защита самодержавія сливаются въ единую, цѣлостную программу. Если министерство Витте-Дурново, охраняя прерогативы старой государственной власти, и могло временами подумывать объ отдѣленіи ея интересовъ отъ интересовъ владѣльцевъ латифундій (Кутлеровскіе проекты принудительнаго отчужденія), то министерство Горемыкина означало окончательный переходъ правительства на точку зрѣнія, формулированную дворянскимъ съѣздомъ и ставшую съ тѣхъ поръ неотъемлемымъ достояніемъ правительственной программы.

Позиція этой „абсолютистской“ арміи находила сильное подкрѣпленіе въ поведеніи капиталистической буржуазіи. Въ массѣ своей она на выборахъ еще подавала голоса за к.-д. Но въ ней замѣтно усиливались тенденціи рѣзкой враждебности революціонному движенію вообще и, особенно, движенію рабочихъ. Значительная часть ея, организуясь экономически (январьскій и апрѣльскій съѣзды [2]), обнаруживала значительный политическій индифферентизмъ или, въ составѣ такихъ организацій, какъ „союзъ 17 октября“, плелась въ хвостѣ дворянско-бюрократическихъ элементовъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ горячо привѣтствуя всякое проявленіе „твердой власти“, направленное на подавленіе „анархіи“ въ демократическихъ низахъ. Тѣмъ самымъ капиталъ фактически поддерживалъ наступательное движеніе „абсолютистовъ“.

Организующейся арміи реакціи противостояла разбитая и частью деморализованная армія революціи. Крестьянство въ массѣ своей не сдѣлало еще и первыхъ шаговъ по пути политической борьбы. Тонкій передовой слой его, б. м., и связывалъ уже въ своемъ представленіи требованіе „земли“ съ требованіемъ „воли“. Въ существѣ своемъ аграрное движеніе оставалось движеніемъ крестьянскаго *сословія*, ставящимъ своею единственною цѣлью захватъ помѣщичьихъ земель, идейно чуждымъ революціонному движенію города и, наоборотъ, пропитаннымъ еще всѣми традиціонными политическими предразсудками и иллюзіями. Крестьянство посылало въ Думу своихъ депутатовъ, какъ ходоковъ, которымъ представляется удобный случай миновать

[1]) См. во 2-мъ полут. II т. наст. изд. ст. Б. Веселовскаго, „Движеніе землевладѣльцевъ“, стр. 23.

[2]) См. во-2мъ полут. II т. ст. А. Ерманскаго, „Крупная буржуазія въ 1905—1907 г.“, стр. 86.

бюрократическое „средостѣніе“. Этимъ объясняется и возможность для правительства организовать на первыхъ порахъ значительную группу крестьянскихъ депутатовъ въ своихъ цѣляхъ (Еропкинское „общежитіе“), и внезапный переходъ этой группы вчерашнихъ „реакціонеровъ“ въ ряды „крайней“ трудовой группы, лишь только выяснилось, что „земли“ отъ Горемыкинскаго министерства ждать нельзя. Но этимъ же объясняются и тѣ огромныя надежды, которыя крестьянство возлагало на Думу, и та колоссальная роль, которую Дума дѣйствительно могла бы сыграть въ крестьянскомъ движеніи, если бы властнымъ словомъ санкціонировала его цѣли и акты, направленные на достиженіе этихъ цѣлей. Положеніе складывалось такъ, что крестьянство ждало иниціативы отъ Думы. Но той же иниціативы ждалъ отъ нея пролетаріатъ. Разбитый въ открытомъ бою вслѣдствіе нападенія съ тылу однихъ изъ его вчерашнихъ союзниковъ, измѣны другихъ, индифферентизма широкихъ слоевъ промежуточнаго городского населенія и политическаго молчанія деревни, рабочій классъ невольно занялъ выжидательную позицію. Сравнительно успѣшное проведеніе бойкота выборовъ въ Думу было показателемъ не столько революціонныхъ иллюзій *рабочей массы*, сколько ея политическаго разочарованія на почвѣ пережитыхъ пораженій и тяжелаго экономическаго положенія. Иллюзіи извѣстной части передовыхъ рабочихъ и соціалистическихъ партій относительно близости и неминуемости возстанія крестьянства и мелко-буржуазнаго городского населенія были лишь окрашеннымъ въ революціонный цвѣтъ и субъективнымъ отраженіемъ того объективнаго факта, что для немедленнаго возрожденія широкаго политическаго движенія рабочихъ необходимо было, чтобы рабочая масса увидѣла въ рядахъ „освободительной“ арміи тѣхъ, чьей измѣнѣ, чьему равнодушію или чьему отсутствію она справедливо приписывала свое пораженіе. Вопросъ объ иниціативной роли Думы былъ, такимъ образомъ, для пролетаріата вопросомъ о позиціи буржуазно-крестьянскихъ слоевъ. Но къ такого рода иниціативѣ партія, ставшая во главѣ Думы, оказалась совершенно неспособна, ибо сама не находила достаточныхъ импульсовъ въ тѣхъ слояхъ, на которые опиралась. Опьяненная избирательными успѣхами, партія к.-д. готова была видѣть въ отставкѣ министерства Витте-Дурново и въ отсрочкѣ опубликованія основныхъ законовъ рѣшительную побѣду „общественнаго мнѣнія“, „отходъ въ вѣчность“ „цѣлой полосы русской политики“—полосы „конституціоннаго самодержавія“ или „самодержавной конституціи“ [1]), словомъ, рѣшеніе вопроса о государственной власти въ смыслѣ окончательнаго торжества конституціонализма. Въ такой перспективѣ и рѣшалъ вопросъ о думской дѣятельности к.-д. партіи ея съѣздъ, собравшійся наканунѣ съѣзда Думы. Неожиданное

[1]). См. ст. П. Н. Милюкова въ № 51 „Рѣчи“ отъ 18 апр. (перепеч. въ сб. „Годъ борьбы“), передовицу № 16 „Права“ (отъ 18 апр.) и др.

для съѣзда опубликованіе основныхъ законовъ къ концу его занятій подѣйствовало, какъ ударъ грома съ яснаго неба. Намѣченныя съѣздомъ учредительныя функціи Думы оказались выведенными за предѣлы легальности, въ рамкахъ которой рѣшила держаться к.-д. партія. Вопросъ о государственной власти оказался не только не рѣшеннымъ, но поставленнымъ такъ остро, какъ никогда. Передъ лицомъ такъ ясно раскрывшейся ситуаціи съѣздъ обнаружилъ полную растерянность и отклонилъ предложеніе одного изъ депутатовъ—обсудить, что же дѣлать при измѣнившихся обстоятельствахъ, подъ курьезнымъ предлогомъ, что это—„новое предложеніе“ и потому не можетъ быть принято![1]) Если это постановленіе означало что-нибудь, то только то, что остаются въ силѣ *старыя* рѣшенія, естественно получившія „при измѣнившихся обстоятельствахъ“ совершенно *новый* смыслъ, несомнѣнно учтенный правительствомъ. Хотя и впослѣдствіи раздаются со стороны к.-д. оптимистически-презрительныя отзывы о значеніи „основныхъ законовъ“ и новаго министерства[2]), но становится вполнѣ очевидно, что Дума въ большинствѣ своемъ не только не намѣрена брать на себя иниціативы, способной возродить октябрьско-декабрьское движеніе, но, наоборотъ, возлагаетъ всѣ надежды свои на „силу мнѣнія“, побѣждающую „средостѣніе“, возвращаясь тѣмъ самымъ, въ сущности, къ уровню традиціонныхъ представленій крестьянства[3]). При такихъ условіяхъ создается съ самаго начала порочный кругъ, въ которомъ суждено дѣйствовать Думѣ: внѣ-думскія силы ждутъ иниціативы со стороны Думы, а она сама становится способной дѣйствовать сколько нибудь энергично лишь въ той мѣрѣ, въ какой получаетъ импульсы со стороны. Посреди этихъ противорѣчій движется ея дѣятельность.

* *
*

27 Апрѣля члены Думы собрались впервые въ зданіи Таврическаго дворца. Требованія бурныхъ народныхъ митинговъ, адреса, привѣтствія, петиціи, телеграммы провожали ихъ съ мѣста избранія въ столицу и начали засыпать съ перваго же дня засѣданій въ Думѣ. Но одновременно, по сви-

---

[1]) „Право“ 1906 г. № 18, стр. 1695.

[2]) „Будущій историкъ, описывая все значеніе великаго дня 27-го апрѣля, вѣроятно лишь мелькомъ и въ примѣчаніи коснется этой попытки акта 23 апрѣля ограничить права народнаго представительства“. „Право“ 1906 г. № 17, с. 1538 (30 апрѣля).

[3]) „Мы знаемъ, что старыя препятствія—средостѣнія между монархомъ и народными представителями—остаются. Мы знаемъ, что та организація, которая въ теченіе десятковъ лѣтъ управляла, увы, ковала не права, а ковала гнетъ. Мы знаемъ, что эта организація цѣликомъ вошла въ новый составъ того средостѣнія, которое она и обновила въ настоящую минуту (Аплодисменты). Рѣчь Ф. И. Родичева въ засѣданіи 2 мая.

дѣтельству С. А. Муромцева[1]), въ Думу хлынулъ и потокъ другихъ заявленій, злобныхъ, непримиримыхъ, полныхъ угрозъ, исходившихъ изъ землевладѣльческихъ и связанныхъ съ ними черносотенныхъ круговъ. Бюрократія встрѣчала народныхъ представителей съ холодною враждебностью и, не рѣшаясь принять по отношенію къ нимъ какихъ-либо крутыхъ мѣръ, преслѣдовала ихъ мелочными оскорбленіями, обысками на вокзалахъ и т. д. На столбцахъ „Правительственнаго Вѣстника“ изо дня въ день печатались телеграммы и ходатайства черносотенныхъ организацій, осыпавшія Думу ругательствами, требовавшія немедленнаго разгона ея и крутой расправы съ „крамольными“ избирателями и депутатами. Демократическое населеніе столицы сохраняло, хотя и повышенное, но выжидательное, полунедовѣрчивое настроеніе. Крики „амнистія!“ сопровождали депутатовъ на всемъ ихъ пути въ Зимній Дворецъ, куда они направлялись для выслушанія тронной рѣчи, и обратно.

Тронная рѣчь обходила молчаніемъ вопросъ о юридическомъ существѣ новаго государственнаго строя и не упоминала ни о конституціи, ни о самодержавіи. Она не давала и опредѣленной политической программы предстоящихъ Думѣ работъ. Привѣтствуя въ лицѣ депутатовъ „лучшихъ людей“, она обѣщала охранять непоколебимыми дарованныя учрежденія и подчеркивала, что „необходима не одна свобода, необходимъ порядокъ на основѣ права“.

Но *программа думскихъ работъ* была уже заранѣе намѣчена В. утв. 10 марта 1906 года положеніемъ совѣта министровъ, находившаго, что „правительству необходимо выступить передъ выборными людьми во всеоружіи готовой и стройной программы по важнѣйшимъ вопросамъ предстоящей дѣятельности“. Въ дѣйствительности „стройнымъ“ въ этой программѣ было одно: взглядъ на Думу, какъ на новое звено въ той цѣпи „инстанцій“, которую проходили до сихъ поръ законодательныя предположенія. Ничего принципіально новаго, никакого коренного поворота въ законодательную дѣятельность созывъ народнаго представительства внести не долженъ былъ. Ему просто передавались „тѣ законопроекты, которые были уже разработаны въ вѣдомствахъ и поступили на разсмотрѣніе Г. Совѣта, но въ настоящее время, согласно В. п. отъ 23 сентября 1905 года, возвращены подлежащимъ министрамъ и главноуправляющимъ для направленія ихъ во вновь установленномъ законодательномъ порядкѣ“. Предполагалось, что уставъ паспортный, вотчинный, межевой и т. п. послужатъ первымъ предметомъ занятій Думы. И только по крестьянскому вопросу правительство, отказываясь отъ внесенія къ началу дѣятельности Думы „цѣльнаго законопроекта“ въ виду „сложности и спорности“ вопроса и „краткости времени“, предпо-

[1]) Въ его рѣчи на процессѣ о Выборгскомъ воззваніи.

лагало внести „общую программу“, наряду, впрочемъ, съ „отдѣльными законопроектами“, разработанными въ разныхъ вѣдомствахъ.

Этотъ разсчитанно-подчеркнутый взглядъ министерства Витте-Дурново всецѣло раздѣлялся и такъ же настойчиво выдвигался его преемниками. Первый же разговоръ премьеръ-министра Горемыкина съ вновь избраннымъ предсѣдателемъ Думы свелся къ предложенію Думѣ пріостановить свои занятія на лѣтніе мѣсяца, когда бюрократія „не привыкла работать“. А первымъ законопроектомъ, внесеннымъ въ Думу министерствомъ, былъ законопроектъ объ устройствѣ оранжереи и прачешной при Юрьевскомъ университетѣ.

Само собою понятно, что, при всемъ желаніи Думы начать „органическую“, т. е. правильную законодательную работу, для нея немыслима была работа въ рамкахъ министерской программы. Съ точки зрѣнія этой программы Дума должна была съ самаго начала оказаться и дѣйствительно оказалась „неработоспособной“. Ее несла волна народнаго одушевленія, она опиралась на слои населенія, жаждавшіе коренныхъ соціальныхъ и политическихъ реформъ, и, слабая, неувѣренная въ своей *тактикѣ*, не могла круто порвать со своею соціально-политическою *программою*.

Начавъ свою дѣятельность съ единогласнаго избранія предсѣдателемъ С. А. Муромцева [1]), Дума, въ лицѣ И. И. Петрункевича, сочла нужнымъ, прежде всего, повторить тотъ крикъ объ *амнистіи*, который ея члены непрерывно слышали на улицахъ [2]). Лишь послѣ этого предсѣдатель произнесъ свое *вступительное слово*, въ которомъ призывалъ Думу вести свою работу „на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго монарха и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства“. Громъ апплодисментовъ выразилъ согласіе подавляющаго большинства Думы съ этимъ краткимъ изложеніемъ основъ ея работы, въ которое, наряду съ подчеркиваніемъ конституціонно-монархическаго принципа, было вложено и выраженіе надежды на расширеніе правъ Думы до предѣловъ, обусловливаемыхъ ея „природою“ народнаго представительства, а не апрѣльскими основными законами.

Какъ ни велики могли быть разногласія о *способахъ* достиженія та-

---

[1]) Впослѣдствіи составъ президіума опредѣлился такъ: товарищи предсѣдателя—кн. П. Д. Долгоруковъ и проф. Н. А. Гредескулъ, секретарь—кн. Д. И. Шаховской; всѣ—члены к.-д-ой фракціи.

[2]) Рѣчь Петрункевича была для к.-д. въ то же время средствомъ уклониться отъ рѣшенія щекотливаго вопроса объ амнистіи по существу. К.-д-ій съѣздъ постановилъ, что законъ объ амнистіи входитъ въ компетенцію Думы. И хотя это постановленіе осталось въ силѣ и послѣ того, какъ съѣздъ ознакомился съ вновь изданными основными законами, фактически к.-д-ы готовы были безъ боя сдать эту позицію.

кого расширенія, необходимости его не рѣшалась отрицать въ то время и значительная часть думской „правой“, представленной графомъ Гейденомъ и другими членами тогдашняго „союза 17 октября“. Это обнаружилось въ преніяхъ объ *отвѣтномъ адресѣ* на тронную рѣчь, къ составленію котораго Дума немедленно приступила. Октябристъ Астафьевъ, нижегородскій уѣздный предводитель дворянства, такъ же категорически, какъ и ораторы-кадеты и трудовики, заявилъ, что „новый законъ (23 апрѣля) совершенно противорѣчитъ обѣщаніямъ манифеста 17 октября“, и что „представители народа должны прямо и искренно сказать, что только законодательнымъ путемъ черезъ Гос. Думу законы могутъ проходить, и что тѣ законы, которые изданы 23 апрѣля, должны быть во всякомъ случаѣ пересмотрѣны“.

Но еще до начала преній по проекту отвѣтнаго адреса, составленному к.-д-ой фракціей, но предварительно обсужденному съ трудовой группой, Думѣ снова пришлось посвятить вниманіе вопросу объ *амнистіи*. Этотъ вопросъ висѣлъ въ воздухѣ. То или иное рѣшеніе его должно было въ глазахъ всѣхъ служить пробнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ намѣреній государственной власти. Демократическія массы настойчиво требовали отъ Думы проведенія амнистіи въ жизнь, и Дума не могла уклониться отъ постановки вопроса на очередь. Онъ и былъ поставленъ въ видѣ наказа комиссіи по разсмотрѣнію проекта отвѣтнаго адреса включить въ текстѣ адреса „указаніе на безусловную необходимость объявленія нынѣ же полной амнистіи по всѣмъдѣламъ религіознымъ, аграрнымъ и политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекавшіе изъ политическихъ побужденій“. Въ преніяхъ по поводу этого наказа, какъ и впослѣдствіи—по поводу редакціи соотвѣтствующаго мѣста въ текстѣ адреса—не раздавалось возраженій противъ необходимости амнистіи и даже амнистіи полной. Наоборотъ, въ адресѣ еще опредѣленнѣе была подчеркнута всеобщность ожидаемой амнистіи, необходимость распространенія ея „на всѣ предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія, вытекавшія изъ побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія“. Кромѣ того адресъ былъ дополненъ указаніемъ на необходимость, не дожидаясь законодательной отмѣны *смертной казни*, немедленно пріостановить приведеніе въ исполненіе всѣхъ смертныхъ приговоровъ. Но, въ связи съ вопросомъ объ амнистіи, думская правая (гр. Гейденъ, М. Стаховичъ, бар. Роппъ) выдвинула другой вопросъ, которому суждено было стать такимъ же пробнымъ камнемъ для прочности контръ-революціоннаго настроенія отдѣльныхъ партій и фракцій, какимъ вопросъ объ амнистіи служилъ для искренности конституціоннаго настроенія правительства. Это—вопросъ объ *„осужденіи террора“*. Рѣчь шла не только о террорѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а о революціонныхъ методахъ борьбы вообще, о томъ, чтобы Дума, признавая необходимость амнистіи,

обратилась „и къ народу, требуя, чтобы среди него водворилось опять уваженіе къ жизни и собственности другихъ гражданъ“ (бар. Роппъ). Политическій смыслъ этого предложенія въ эпоху карательныхъ экспедицій, военныхъ и исключительныхъ положеній былъ слишкомъ очевиденъ, чтобы большинство Думы могло пойти въ разставленную ему ловушку и безповоротно отрѣзать себя отъ волновавшихся за порогомъ Думы массъ, настроеніе которыхъ служило опорою для борьбы думскихъ фракцій за упроченіе конституціоннаго строя. „Единственный путь возобновленія мира въ нашей странѣ— это санкція того, что мы сегодня постановили, что мы сегодня единодушно примемъ“, отвѣчалъ М. Стаховичу к.-д. Ломшаковъ, а Ф. Родичевъ, парируя обвиненіе въ покиданіи мирной „конституціонной“ позиціи и выходя ради этого за предѣлы обычной к.-д-ой постановки вопросовъ въ Думѣ, вторилъ ему: „Съ той минуты, когда наше заявленіе передано Верховной Власти, мы неповинны за кровь, за слезы, за преступленіе. Пусть Верховная Власть рѣшаетъ, продолжаться ли старымъ насиліямъ, которыя ведутъ къ борьбѣ, или воцариться царству правды и свободы. Мы только за это царство будемъ работать и только этому царству присягаемъ и остаемся вѣрны!“

Общее *содержаніе адреса*, его программа, не возбудило большихъ споровъ въ Думѣ. Представленный проектъ начинается указаніемъ на тронную рѣчь, какъ на „торжественное обѣщаніе“ „укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія порядка законодательства, соотвѣтствующаго строго конституціоннымъ началамъ“. Съ своей стороны Дума предупреждала, что внесетъ „законъ о народномъ представительствѣ, основанный на началахъ всеобщаго избирательнаго права“. Указавъ на стремленіе Думы „создать государственный порядокъ, основанный на мирномъ сожитіи всѣхъ классовъ и народностей и на прочихъ устояхъ гражданской свободы“, адресъ переходилъ къ характеристикѣ препятствій, стоящихъ на пути возрожденію страны. „Главная язва всей нашей государственной жизни“—„самовластіе чиновниковъ, отдѣляющихъ Царя отъ народа“. Они „покрыли страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній“. И, требуя отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ, адресъ ссылался не только на то, что безъ этого немыслимо „умиротвореніе страны“, но и на то, что это требуется въ интересахъ укорененія „мысли о полной безотвѣтственности Монарха“. Съ этой же точки зрѣнія адресъ настаивалъ на немедленномъ снятіи всѣхъ исключительныхъ положеній, какъ особенно способствующихъ „самовластію безотвѣтственныхъ чиновниковъ“. Наконецъ, въ интересахъ того же „единенія Монарха съ народомъ“ и „уничтоженія всѣхъ средостѣній между Верховною Властью и народомъ“ адресъ высказывалъ отрицательное отношеніе Думы къ существованію Государственнаго Совѣта и

всякимъ узаконеніямъ, ограничивающимъ „законодательную компетенцію народнаго представительства".

Этимъ намекомъ на апрѣльскіе основные законы кончалась первая часть адреса, посвященная выраженію взгляда Думы на общее политическое положеніе и вопросы государственнаго строительства. Вторая часть излагала *программу* предстоящей Думѣ *законодательной работы.*

Сюда входили: 1) гражданскія свободы: неприкосновенность личности, свобода совѣсти, слова и печати, союзовъ, собраній и стачекъ [1]); 2) гражданское равноправіе „съ отмѣною всѣхъ ограниченій и привилегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью и религіею" [2]); 3) независимость судебной власти; 4) отмѣна смертной казни; 5) всеобщее безплатное обученіе [3]); 6) болѣе равномѣрное распредѣленіе налоговъ; 7) преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія съ введеніемъ всеобщаго избирательнаго права. По предложенію Щепкина (к.-д.) адресъ былъ дополненъ указаніемъ на работы Думы объ „укрѣпленіи въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права".

По *крестьянскому вопросу*, кромѣ уничтоженія сословныхъ ограниченій и безправія крестьянъ, Дума обѣщала расширеніе крестьянскаго землевладѣнія „путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ [4]) и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ". По *національному* вопросу адресъ заключалъ лишь общее обѣщаніе—„озаботиться широкимъ удовлетвореніемъ справедливыхъ нуждъ" отдѣльныхъ племенъ и народностей. Столь же неопредѣленное „удовлетвореніе нуждъ" было обѣщано и *рабочему* классу, причемъ конкретизировался лишь „первый шагъ" на пути этого удовлетворенія—въ видѣ „обезпеченія наемнымъ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ труда (намекъ на исключительные законы о рабочихъ и служащихъ желѣзныхъ дорогъ и т. п.!) свободы организаціи и самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія".

Мы уже говорили, что большихъ споровъ и острыхъ столкновеній самое содержаніе адреса въ Думѣ не вызвало [5]). Но все же по нѣкоторымъ вопросамъ намѣтились *разногласія*, имѣвшія принципіальное значеніе. Кромѣ амнистіи, и въ другихъ вопросахъ намѣчались уже линіи раздѣленія, если еще не внутри кадетско-трудовическаго блока, то между этимъ блокомъ и

---

[1]) Принята поправка о „правѣ обращаться съ петиціями къ народному представительству".

[2]) Въ окончательной редакціи прибавлено: „или поломъ".

[3]) Упоминаніе объ „обязательности" обученія было отвергнуто.

[4]) Комиссія прибавила: „и церковныхъ".

[5]) Стоитъ отмѣтить, что было отвергнуто предложеніе М. Ковалевскаго высказаться въ адресѣ по вопросамъ внѣшней политики. Выступавшіе ораторы признавались въ своей неосвѣдомленности въ этихъ вопросахъ.

думскою „правою“. Такъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ передъ Думою вызвалъ заявленіе октябристовъ объ отрицаніи ими „парламентарнаго“ строя. Вопросъ о Государственномъ Совѣтѣ обнаружилъ наличность въ Думѣ не только принципіальныхъ сторонниковъ верхней палаты, хотя и съ ограниченными полномочіями (М. Ковалевскій), но и—въ лицѣ тѣхъ же октябристовъ—людей, готовыхъ примириться и съ Г. С. въ томъ видѣ, какъ онъ былъ созданъ въ февралѣ. Принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель встрѣтило въ Думѣ не только попытку свести на нѣтъ его реформаторское значеніе, истолковавъ принудительное отчужденіе, какъ мѣру, допускаемую лишь въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ (гр. Гейденъ и др.), но и принципіальную оппозицію со стороны, главнымъ образомъ, помѣщиковъ Царства Польскаго, Юго и сѣверо-западнаго края (Скирмунтъ, гр. Потоцкій и др.). Польскіе депутаты, въ своей борьбѣ противъ принудительнаго отчужденія, подняли и *національный вопросъ*, требуя, чтобы и рѣшеніе аграрнаго вопроса въ Польшѣ было отнесено къ сферѣ польской автономіи. Свое требованіе автономіи 27 польскихъ депутатовъ заявили въ торжественной декларації еще до начала обсужденія отвѣтнаго адреса, связавъ его съ протестомъ противъ опущенія въ текстѣ изданныхъ 23 апрѣля основныхъ законовъ названія „Царство Польское“ [1]). Отстаивая національное равноправіе, думское большинство не рѣшилось, однако, внести въ текстъ адреса требованіе автономіи окраинъ, какъ и вообще ограничилось, какъ мы видѣли, по національному вопросу лишь неопредѣленными, общими фразами. Воинствующій націонализмъ, какъ разъ въ это время начавшій поднимать голову, въ Думѣ нашелъ, правда, лишь единичнаго представителя—въ лицѣ священника Кунцевича, внесшаго даже соотвѣтствующую „ироническую“ поправку къ адресу [2]),—но было слишкомъ очевидно, что попытка болѣе обстоятельно обсудить національный вопросъ легко можетъ нарушить единодушіе, къ которому стремилась руководящая партія Думы: октябристской „правой“ легче всего было бы въ этомъ вопросѣ внести смуту и въ ряды крестьянскихъ депутатовъ, какъ безпартійныхъ, такъ и трудовиковъ. Національный вопросъ былъ оставленъ открытымъ.

По *рабочему вопросу* „манчестерская“, какъ ее характеризовалъ М.

---

[1]) Съ формальной точки зрѣнія этотъ протестъ былъ ошибоченъ, потому что новые основные законы (ст. 24 и 25) указали, что и за ихъ изданіемъ, сохраняютъ силу основныхъ законовъ различныя постановленія, въ томъ числѣ и ст. 4 старыхъ основныхъ законовъ („съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“), на опущеніе которой жаловались польскіе депутаты. Въ Сводъ основн. гос. законовъ изданія 1906 г. статья эта вошла, какъ ст. 26.

[2]) „Дума озаботится,... чтобы Россія, населенная многочисленными племенами и народностями, потеряла свое своеобразіе и даже самое свое имя“. Дума отказалась ставить эту „поправку“ на голосованіе.

Ковалевскій, позиція проекта, ограничивавшагося упоминаніемъ о свободѣ и самодѣятельности рабочихъ, была дополнена требованіемъ законодательной охраны труда. Но ни одно конкретное требованіе въ адресъ не вошло. Не вошло и требованіе 8-часового рабочаго дня—этого „перваго лозунга рабочихъ, перваго слова ихъ“ (Михайличенко), хотя введеніе этого требованія въ адресъ могло сыграть огромную роль въ смыслѣ преодолѣнія недовѣрія и индифферентизма рабочихъ массъ къ Думѣ. Впрочемъ, и сами рабочіе депутаты на внесеніи такихъ конкретныхъ требованій по рабочему вопросу не настаивали, откладывая это до того времени, когда „намъ придется издавать объ этомъ законы“ (Михайличенко). Съ тѣмъ большимъ жаромъ добивались они открытаго провозглашенія послѣдовательныхъ *обще-демократическихъ требованій*. „Мы, какъ представители рабочихъ, должны подчеркнуть, что мы требуемъ учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ, безъ различія пола, вѣры и національности, на равной, прямой и тайной подачѣ голосовъ. Этого требуетъ соціалдемократическая партія, этого требуютъ рабочіе“ (Михайличенко). Вопросъ объ учредительномъ собраніи былъ устраненъ изъ дебатовъ. Неорганизованные рабочіе депутаты, растворенные въ трудовой группѣ, не могли послѣдовательно отстаивать свою точку зрѣнія. Зато вопросъ о томъ, чтобы „развернуть“ краткую формулу—„всеобщее“ избирательное право,—употребленную въ адресѣ, получилъ важное значеніе. Громадное большинство Думы заявляло себя сторонниками „четырехчленной“ формулы [1]). К.-д.-ы формально обѣщали въ ближайшемъ же будущемъ внести соотвѣтствующій законопроектъ. И все же выраженіе, употребленное въ адресѣ, „развернуто“ не было.

Это была не случайность, а неизбѣжное слѣдствіе *тактической позиціи*, занятой думскимъ большинствомъ. Возложивъ свои надежды на „силу мнѣнія“, оно, естественно, стремилось укрѣпить эту силу единодушіемъ. Не оттолкнуть октябристской „правой“ ему въ данный моментъ казалось важнѣе, чѣмъ пойти навстрѣчу настроенію рабочихъ массъ, отъ которыхъ немедленной поддержки ждать было невозможно. Стремленіе къ единогласію проявляли отнюдь не одни к.-д.-ы. Лидеры трудовиковъ (Жилкинъ, Аладьинъ) обращались къ крестьянамъ и рабочимъ съ пламеннымъ призывомъ—во имя единенія не настаивать на болѣе отчетливомъ формулированіи ихъ требованій въ текстѣ адреса. Отдѣльные голоса, упрекавшіе адресъ въ „слабости“, „смиреніи“, требовавшіе „бо́льшей рѣшительности“ (Кутомановъ, Меркуловъ, Теля), терялись въ общемъ хорѣ. Сами недовольные не могли формулировать опредѣленно, какъ они себѣ представляютъ поведеніе Думы. и не находили поддержки въ рядахъ своихъ ближайшихъ политическихъ друзей.

Такимъ образомъ, въ попыткѣ опереть свои первые шаги на единодушную

[1]) Только вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ возбуждалъ сомнѣнія у части крестьянъ.

„силу мнѣнія“ въ Думѣ царило почти полное согласіе. Но дальше все же начинались *тактическія разногласія*, какъ оказалось, неустранимыя и въ то же время вскрывавшія противорѣчія въ занятой Думой позиціи. Рѣшившись опереться исключительно на „силу мнѣнія“, поддерживаемую лишь „сочувствіемъ“ народныхъ массъ [1]), думское большинство переходило тѣмъ самымъ на точку зрѣнія „правой“, не будучи однако въ состояніи сдѣлать послѣдовательно всѣ выводы изъ такого перехода. „Правые“, даже въ той части своей, которая отстаивала конституціонный строй, отвергая „парламентарный“ (гр. Гейденъ, Стаховичъ и др.), во всякомъ случаѣ признавали, какъ данный, тотъ ублюдочный и шаткій режимъ, который создался въ результатѣ до-думскаго законодательства. Они хотѣли стоять на почвѣ этого режима и настаивали, что въ предѣлахъ созданныхъ имъ правовыхъ нормъ Думѣ только и возможно медленною работою подвигаться къ намѣченной въ адресѣ цѣли. Отсюда—и редакція тѣхъ поправокъ, которыя гр. Гейденъ и его друзья предлагали къ адресу (напр., въ вопросѣ о пересмотрѣ основныхъ законовъ), и отказъ ихъ отъ безповоротнаго осужденія Гос. Совѣта и т. д. Отсюда же—естественно и послѣдовательно выдвигалась „сила мнѣнія“, какъ единственное орудіе Думы, ибо другихъ „законныхъ“ орудій ей, дѣйствительно, не было дано.

Отношеніе же к.-д-овъ къ созданному до-думскимъ законодательствомъ положенію продолжало быть столь же неяснымъ, какимъ, какъ мы выше видѣли, оставилъ его послѣдній к.-д-ій съѣздъ. Оптимизмъ, навѣянный избирательными побѣдами, позволялъ закрывать глаза на этотъ вопросъ и мечтать, что однимъ удачнымъ парламентскимъ натискомъ, „штурмомъ“ удастся опрокинуть нагроможденныя основными законами и учрежденіемъ Г. Думы и Г. Совѣта препятствія. И эту задачу, принципіально отличную отъ той, которую ставили себѣ гр. Гейденъ и его сторонники, к.-д-ы разсчитывали выполнить „силой мнѣнія“. Для этого имъ приходилось закрывать глаза на дѣйствительное положеніе вещей и, исходя изъ фикціи *наличности* „конституціоннаго строя“, ободрять себя расширительнымъ толкованіемъ правъ Думы, безъ твердой рѣшимости воплощать это расширительное толкованіе въ практику Думы, безъ отчетливаго представленія о методахъ борьбы за дѣйствительное расширеніе конституціонныхъ гарантій [2]). Для этого же приходилось

---

[1]) „Никогда, б. м., массовая поддержка выставленной Думой программы не была такъ важна, какъ въ настоящій моментъ (по принятіи адреса Ф. Д.). Мы говоримъ здѣсь не о той „активной“ поддержкѣ, которой принято грозить правительству... Всего опаснѣе было бы для успѣха этой работы,—и всего выгоднѣе для правительства,- если бы внѣпарламентская поддержка приняла форму внѣпарламентскаго „давленія“... Страна должна активно поддержать принятый Думой адресъ многочисленными выраженіями солидарности съ нимъ“. П. Милюковъ. „Рѣчь“ 6 мая, № 66. Перепеч. въ сб. „Годъ борьбы“, с. 408.

[2]) „Намъ не нужно, въ нашихъ же интересахъ, указывать въ адресѣ, что мы считаемъ наше право почина связаннымъ. Въ нашихъ интересахъ считать, что право почина закона принадлежитъ намъ въ полномъ объемѣ... Отъ насъ же

отказаться отъ принципіальной и открытой борьбы со всѣмъ режимомъ, отворачиваться отъ вопроса о государственной власти и сосредоточить всю силу нападенія на борьбѣ съ „средостѣніемъ“, на борьбѣ съ министерствомъ. И опять-таки лишь одинокіе голоса напоминали, что „не столько отвѣтственно чиновничество, сколько весь режимъ“ (Локоть). Дума, въ общемъ, почти единодушно пошла по этому пути, который казался и болѣе легкимъ, и—таково было приподнято-оптимистическое настроеніе—неминуемо ведущимъ къ побѣдѣ. Ближайшіе же дни дали въ этомъ отношеніи внушительное предостереженіе...

Въ ночь на 5-е мая, послѣ сплошного 4-дневнаго засѣданія, прерываемаго лишь для принятія пищи и краткаго ночного отдыха, Дума огромнымъ большинствомъ *приняла адресъ*. Полнаго единогласія установить все таки не удалось. Группа гр. Гейдена (11 человѣкъ) сочла для себя все же невозможнымъ голосовать за окончательный текстъ адреса, но, „не желая нарушать единодушія“, не голосовала противъ, а удалилась изъ залы засѣданій. Т. о., воспользовавшись своимъ вліяніемъ для внушенія большей умѣренности составителямъ адреса и для поощренія ихъ стремленія сохранять „единодушіе“, думская „правая“ отказывалась солидаризоваться съ текстомъ адреса и тѣмъ самымъ уничтожала цѣль, ради которой, была принята компромисная тактика. Съ другой стороны, рабочая группа (15 человѣкъ) также увидѣла себя вынужденной воздержаться отъ голосованія, не подчеркнувъ этого воздержанія демонстративно лишь изъ нежеланія смѣшаться съ группой гр. Гейдена [1]). Но, какъ бы то ни было, „сила мнѣнія“ была выражена думскимъ вотумомъ достаточно внушительно.

Для приданія этому акту еще большей торжественности Дума постановила, что адресъ будетъ поднесенъ *депутаціей* въ составѣ думскаго президіума—въ тотъ же день, 5 мая. Однако 8-го мая С. Муромцевъ вынужденъ былъ доложить Думѣ письмо предсѣдателя совѣта министровъ съ извѣщеніемъ, что адресъ долженъ быть посланъ при „всеподданнѣйшей запискѣ“ предсѣдателя Думы. Дума вышла съ достоинствомъ изъ затруднительнаго положенія въ которое она была поставлена, выразивъ почти единогласно свое убѣжденіе, что „значеніе отвѣта на тронную рѣчь заключается въ его содержаніи, а не въ способѣ его представленія“.

Дѣло заключалось, однако, не въ томъ только, чтобы выйти изъ затруд-

---

зависитъ расширить эти путы (ст. 55 и 57 Учр. Г. Д.), обойти ихъ и воспользоваться этимъ правомъ въ полномъ объемѣ. Если же мы эти ограниченія внесемъ, то мы лишимъ себя возможности воспользоваться этимъ правомъ до тѣхъ поръ, пока сверху это право не будетъ расширено“ (Набоковъ, зас. 3 мая). Какъ извѣстно, при первой же попыткѣ законодательнаго почина (законопр. о смертной казни), к.-д-ы увидѣли себя вынужденными признать, что „расширеніе путъ“ не отъ нихъ зависитъ“.

[1]) См. заявленіе рабочей группы въ № 6 „Невской Газеты“, 8 мая 1906 г.

нительнаго положенія, а въ томъ, чтобы уразумѣть дѣйствительный смыслъ постигшей Думу неудачи и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы. Но попытка Аладьина въ этомъ направленіи встрѣтила немедленно уже рѣзкій отказъ со стороны к.-д овъ, желавшихъ не видѣть въ инцидентѣ ничего, кромѣ вопросовъ „придворнаго этикета". Дума перешла къ очереднымъ дѣламъ—составленію временнаго наказа и первому срочному запросу (объ участіи администраціи въ организаціи погромовъ, о переполненіи тюремъ и незаконномъ задержаніи подъ стражею), который и былъ принятъ послѣ крайне мирныхъ дебатовъ, касавшихся болѣе формулировки запроса, чѣмъ содержанія его. Въ ближайшіе дни Дума занималась провѣркой депутатскихъ полномочій, направила въ комиссіи два внесенныхъ к.-д-ою фракціею законопроекта (по земельному вопросу и о неприкосновенности личности) [1]), приняла новый срочный запросъ объ утвержденіи прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ 8 смертныхъ приговоровъ въ Ригѣ послѣ того, какъ думскій адресъ высказалъ пожеланіе о пріостановкѣ смертныхъ казней.

Настроеніе сохранялось повышенно-оптимистическое. „Въ недѣлю 6—13 мая господствовало ожиданіе, почти увѣренность, что та или иная амнистія будетъ, нѣкоторые члены Думы торопили съ обсужденіемъ адреса, чтобы не дать правительству объявить ее раньше, чѣмъ Дума попроситъ о ней: воображали, что правительство вступитъ въ состязаніе съ Думой по части великодушія и гуманности. Каждое утро развертывали газеты, ища прежде всего указъ объ амнистіи" [2]).

Министерская декларація 13 мая подѣйствовала, какъ ударъ грома изъ яснаго неба, какъ содержаніемъ, такъ и формою своею. Адресъ Думы былъ переданъ совѣту министровъ. На обращеніе ея къ Верховной Власти отвѣчалъ г. Горемыкинъ, и отвѣтъ его былъ сплошнымъ отрицаніемъ всей Думской программы. Декларація категорически отказывалась останавливаться на пожеланіяхъ Думы объ отвѣтственномъ министерствѣ, упраздненіи Гос. Совѣта, расширеніи предѣловъ законодательной власти Думы и т. д., какъ касающихся основныхъ законовъ, которые находятся внѣ сферы думской инициативы. Стоя на почвѣ „строгой законности", какъ оно сложилась до Думы, министерство обѣщало свое „содѣйствіе" Думѣ, но лишь въ тѣхъ вопросахъ, „которые не выходятъ изъ предѣловъ предоставленнаго ей законодательнаго почина". Но и въ этихъ предѣлахъ декларація объявляла измѣненіе изби-

---

1) Немедленнымъ образованіемъ подготовительныхъ комиссій въ связи съ рѣшеніемъ вопроса о направленіи законопроекта Дума обошла постановленіе закона, осуждавшаго ее на бездѣйствіе втеченіе мѣсячнаго срока, предоставленнаго министрамъ для формулированія своего отношенія къ думскимъ законопроектамъ. С. А. Муромцевъ истолковалъ это постановленіе такъ, что „нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы, пока втеченіе мѣсяца будетъ думать министръ, въ то же самое время работала и Г. Д. въ лицѣ своей комиссіи".

2) Езерскій, гл. I-ой Г. Д. (к. д.). Госуд. Дума перваго созыва. Пенза 1907, с. 25.

рательнаго права—„не подлежащимъ немедленному обсужденію“, гражданскія свободы—пріемлемыми лишь при условіи „вооруженія административной власти дѣйствительными способами“ борьбы со „злоупотребленіемъ дарованными свободами“, принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, какъ и обращеніе въ земельный фондъ удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель—„безусловно недопустимымъ“. Вопросъ объ исключительномъ положеніи правительство объявляло не подлежащимъ вѣдѣнію Думы, какъ вопросъ „государственнаго управленія“, а на критику исключительныхъ законовъ отвѣчало выраженіемъ рѣшимости, впредь до пересмотра этихъ законовъ въ „подлежащихъ вѣдомствахъ“, и впредь бороться со „смутою“ „всѣми существующими нынѣ законными способами“. По поводу амнистіи министерство заявляло, что, поскольку рѣчь идетъ о „помилованіи приговоренныхъ по суду“,—это „прерогатива Верховной власти“, но, по мнѣнію совѣта министровъ, „благу общему не отвѣчало бы, въ настоящее смутное время, помилованіе преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ“. Изъ лицъ, пострадавшихъ въ административномъ порядкѣ, министерство обѣщало освобожденіе лишь тѣхъ, „предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности“. Наконецъ, въ заключительной части декларації Думѣ предлагалась программа работъ, представляющая простое повтореніе изложенной выше программы 10 марта.

Министерская декларація произвела почти на всѣхъ членовъ Думы, безъ исключенія, ошеломляющее *впечатлѣніе*, въ которомъ бурное чувство возмущенія и негодованія смѣшивалось съ тоскливымъ ощущеніемъ крушенія оптимистическихъ надеждъ, горькаго разочарованія въ недавнихъ иллюзіяхъ. „Когда нѣсколько недѣль тому назадъ прежній кабинетъ гр. Витте подалъ въ отставку, то такая отставка всего министерства, наканунѣ открытія Думы, не могла имѣть иного объясненія, какъ только то, что отнынѣ правительство рѣшило стать на новую дорогу, что новые министры намѣрены вступить на конституціонный путь“, говорилъ к.-д. Набоковъ, и ему вторилъ Ф. И. Родичевъ: „мы ждали, что власть выйдетъ къ намъ навстрѣчу, мы готовы были забыть прошлую дѣятельность людей, въ рукахъ которыхъ была власть. Мы готовы были не вспоминать о томъ, что на порогѣ обновленной Россіи власть находится въ рукахъ лицъ, работавшихъ надъ угнетеніемъ страны. Сегодня наши надежды рушились“.

Рушились надежды не однихъ лидеровъ к.-д-ой фракціи. Рушились—и еще въ большей степени—надежды думскихъ представителей крестьянства, и въ рѣчахъ ораторовъ трудовиковъ звучалъ—наряду съ болѣе рѣзко выраженнымъ негодованіемъ—тотъ же тонъ безпомощнаго разочарованія, что и въ рѣчахъ к.-д-овъ. „Этотъ листокъ помутилъ глаза тѣхъ крестьянъ, которые тутъ, съ нами, помутилъ глаза и сердца тѣхъ, которые ждали, что

осуществитъ намъ эта Дума", восклицалъ въ простой, сильной рѣчи крестьянинъ трудовикъ Лосевъ; „до сегодняшняго дня я былъ движимъ чувствомъ радости, я думалъ, что вотъ настанетъ тотъ моментъ, въ который начнется обновленіе нашей измученной страны, я думалъ, что этотъ голосъ измученной страны раздался по всей странѣ и дошелъ до слуха великаго священнаго нашего монарха. Но, друзья, я вамъ скажу, радость моя была, и сердце мое чувствовало радость только до сегодня"... Наивно-традиціонному міросозерцанію крестьянъ былъ нанесенъ первый серьезный ударъ. Его думскіе представители получили первый наглядный урокъ политическаго „реализма". Но это былъ лишь первый урокъ и воспринятъ онъ былъ непосредственно пока лишь крестьянами-депутатами, которыхъ охватило чувство безнадежности. „Могучій, но слѣпой Самсонъ"—по выраженію Лосева—„пришелъ въ безвыходное положеніе" и, казалось, ему не осталось уже ничего другого, какъ „умереть", похоронивъ вмѣстѣ съ собою подъ развалинами и „филистимлянъ"...

Выходъ, котораго, не находили рядовые крестьяне - депутаты, былъ найденъ въ выраженіи „передъ лицомъ страны *полнаго недовѣрія къ безотвѣтственному* передъ народнымъ представительствомъ *министерству*" и требованіи министерства, „пользующагося довѣріемъ государственной думы". Какъ программная резолюція въ отвѣтъ на декларацію министерства, эта формула перехода къ очереднымъ дѣламъ собрала голоса почти всѣхъ членовъ Думы. Противъ нея голосовали лишь 10 депутатовъ съ гр. Гейденомъ и Стаховичемъ во главѣ, но и то—какъ они пояснили въ особомъ заявленіи—не изъ солидарности съ министерствомъ, декларація котораго и ихъ разочаровала и возмутила, а изъ формальныхъ соображеній, не позволявшихъ имъ признать за Думою право на выраженіе недовѣрія министрамъ [1]).

Итакъ, лозунгъ—„исполнительная власть да подчинится власти законодательной!" (Набоковъ), лозунгъ, имѣвшій огромное агитаціонное значеніе, былъ воспринятъ Думою почти единогласно. Но возникалъ вопросъ: станетъ ли думская резолюція актомъ непосредственной наступательной борьбы Думы за воплощеніе въ жизнь своей программы? Такимъ актомъ она могла бы стать въ двухъ случаяхъ: если бы лозунгъ „отвѣтственное министерство" подхватили немедленно народныя массы, сдѣлавъ его своимъ требованіемъ и своимъ вмѣшательствомъ развертывая все политическое содержаніе кризиса, скрытаго подъ оболочкой конфликта Думы съ министерствомъ; или—если бы Дума рѣшила перешагнуть Рубиконъ, если бы резолюція была подкрѣплена

---

[1]) Декларація дала, однако, толчокъ выдѣленію изъ „Союза 17 окт." группы гр. Гейдена, которая приняла названіе „партіи мирнаго обновленія" и включила въ свою программу отвѣтственность министерства передъ Думой.

рядомъ рѣшительныхъ, категорическихъ постановленій, которыми народное представительство, ставя на карту свою судьбу, дѣлало бы себя источникомъ новой „законности“, противоставленной той старой, на почвѣ которой продолжало функціонировать министерство безотвѣтственное...

Но въ томъ „порочномъ кругу“, въ которомъ какъ мы выше говорили очутилась Дума, ни то, ни другое не оказалось возможнымъ. Народнаго движенія, способнаго непосредственно поддержать Думу и тѣмъ самымъ толкнуть ее на рѣшительныя дѣйствія, на лицо не было.

Почти всѣ революціонныя партіи и фракціи не отдавали себѣ ни малѣйшаго отчета въ возможномъ значеніи думскаго конфликта. Наоборотъ, большинство революціонеровъ, иллюзіи которыхъ—вопреки ихъ бойкотизму—были подогрѣты именно атмосферой возбужденія, созданной выборами и функціонированіемъ Думы, сосредоточивало свои усилія на агитаціи противъ „конституціонныхъ иллюзій“ [1]). Агитація с.-д-овъ меньшевиковъ, съ центральнымъ комитетомъ во главѣ, обращеніе Г. В. Плеханова къ рабочимъ [2]), извѣстное воззваніе 14 рабочихъ депутатовъ (18 мая), выдѣлившихся къ этому времени изъ состава трудовой фракціи въ особую группу,—все это начало производить коренной поворотъ въ настроеніи рабочихъ и ихъ отношеніи къ задачамъ и дѣятельности Думы: обращенія рабочихъ къ думскимъ депутатамъ начинаютъ сыпаться градомъ. Но всего этого было слишкомъ мало чтобы побудить рабочихъ къ непосредственному активному вмѣшательству въ конфликтъ Думы съ министерствомъ.

Спасти положеніе могла бы иниціатива Думы... Но мы уже говорили, почему, при сложившихся обстоятельствахъ, она была неспособна на такую иниціативу. Стоя на точкѣ зрѣнія строгой формальной законности и не допуская и мысли объ ея нарушеніи, графъ Гейденъ предупреждалъ Думу о неудобствахъ категорическаго требованія выхода министерства въ отставку, предсказывая, что Дума очутится въ „тупикѣ“: „или мы должны будемъ уйти, или должно будетъ уйти министерство“, а „уходъ министерства не въ нашей власти“. При отсутствіи активнаго массоваго движенія и неспособности Думы къ самостоятельной иниціативѣ предсказаніе гр. Гейдена оправдывалось. Дума все больше сосредоточивалась на борьбѣ съ министерствомъ и все настойчивѣе старалась строго локализовать эту борьбу, избѣгая

---

[1]) Администрація нѣкоторыхъ городовъ, особенно Петербурга, была, видимо, не прочь использовать въ своихъ цѣляхъ *эту сторону* революціонной агитаціи и потому оставляла нѣкоторый просторъ митингамъ, на которыхъ выступали революціонные ораторы. Скоро, впрочемъ, она убѣдилась, что ущербъ, приносимый ей такимъ образомъ дѣйствій, превышаетъ возможныя выгоды.

[2]) „Курьеръ“ 20 мая, № 4. „Письмо“ должно было быть совмѣстнымъ обращеніемъ Г. Плеханова и П. Аксельрода. Подпись послѣдняго отсутствуетъ по случайнымъ причинамъ.

постановки того болѣе общаго вопроса о государственной власти и государственномъ строѣ Россіи, на почвѣ котораго только и могъ успѣшно разрѣшиться конфликтъ съ министерствомъ. И даже тогда, когда, съ появленіемъ въ Думѣ с.-д-ой фракціи, этотъ болѣе общій вопросъ былъ поставленъ съ думской трибуны, думское большинство упорно продолжало свою безнадежную тактику сокрушенія „средостѣнія", стараясь лишь еще и еще ярче обличить дѣйствія министерства, еще громче выкрикнуть свое негодованіе и возмущеніе въ тщетной надеждѣ быть услышаннымъ и оправданнымъ въ своей тяжбѣ съ министерствомъ.

Эта тактика была безплодной и безнадежной, ибо и у самихъ участниковъ ея порождала чувство безсилія [1]), и бюрократіи раскрывала слабость Думы. Между тѣмъ сама *бюрократія* въ это время далеко не чувствовала еще своего положенія окончательно упрочившимся, а своей позиціи—неприступной. Уже во время преній по декларації министръ юстиціи Щегловитовъ выступилъ съ рѣчью, въ которой явно старался *смягчить впечатлѣніе*, произведенное заявленіемъ Горемыкина. Онъ сказалъ, что правительство лишь „съ тяжелымъ сознаніемъ" „вынуждено руководствоваться старыми законами, усовершенствованіе которыхъ представляется не только желательнымъ но, скажу прямо,—необходимымъ". Онъ оправдывался отъ подозрѣнія, будто правительство „является представителемъ дальнѣйшаго попиранія закона", признавая, такимъ образомъ, „попираніемъ закона" дѣятельность предшествующаго кабинета. Онъ смягчалъ категорическое заявленіе декларації объ аграрномъ законодательствѣ, увѣряя, что это только „воззрѣніе", „мнѣніе", правительства, „неправильность котораго не должна устрашать тѣхъ, кто держится по этому вопросу иного воззрѣнія", ибо „отъ столкновенія различныхъ мнѣній дѣло разъясняется, рождается истина". И онъ заканчивалъ свою рѣчь торжественнымъ заявленіемъ: „правительство смотритъ на разницу своихъ воззрѣній въ той или другой области съ Гос. Думой, какъ на залогъ совершенствованія тѣхъ новыхъ законовъ, которые тѣмъ болѣе будутъ истиннымъ выраженіемъ воли народа, представительницей которой является Государственная Дума".

Какъ мы видѣли, министерство и въ своей декларації не рѣшалось категорически отвергнуть всякую *амнистію*. Оно желало только лишить ее принципіальнаго характера, изъявъ изъ ея дѣйствія „преступниковъ, уча-

---

[1]) „Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше сгущалась атмосфера, работа шла какъ-то толчками, Дума становилась нервнѣе. Въ основѣ лежало все то же сознаніе тупика, глухой стѣны, стоявшей передъ Думой. Министерство не уходило, положеніе страны оставалось то же, какъ свидѣтельствовали запросы, вся думская работа казалось ничтожной и безплодной. Какой бы вопросъ ни подымался, всегда его практическое разрѣшеніе парализовалось присутствіемъ министерства, столь чуждаго Думѣ". Н Езерскій, l. c,, стр. 67.

ствовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ". Такъ же ставилъ вопросъ объ амнистіи въ своемъ адресѣ и Государственный Совѣтъ, чутко отражавшій настроенія бюрократическихъ верховъ: онъ просилъ объ облегченіи участи „тѣхъ, кои, въ неудержимомъ стремленіи къ скорѣйшему достиженію желанной свободы или въ борьбѣ за охрану порядка, нарушили грани, закономъ поставленныя, но не посягнули при этомъ на чужую жизнь или имущество, а также не вовлекли въ эти преступленія другихъ" [1]). Вопросъ о частичной амнистіи оживленно дебатировался въ это время въ бюрократическихъ сферахъ и, казалось, не разъ былъ близокъ къ положительному разрѣшенію.

Административная практика обнаружила въ это время также нѣкоторые симптомы колебанія и неувѣренности. Наряду съ продолжающимися и даже усилившимися репрессіями, наряду съ произволомъ, начавшимъ пріобрѣтать особенно невыносимый характеръ вслѣдствіе „децентрализаціи" — почти полной самостоятельности каждаго генералъ-губернатора, губернатора, градоначальника въ примѣненіи предупредительныхъ и карательныхъ мѣръ,— наряду съ этимъ явилась бо́льшая свобода для печати, организацій, собраній, чѣмъ это имѣло мѣсто въ періодъ, непосредственно предшествовавшій созыву Думы. Снова появилась соціалистическая періодическая пресса. И хотя соціалистическія и вообще „лѣвыя" газеты неоднократно конфисковывались и закрывались, на мѣсто закрытыхъ возникали новыя. Облегчилась организаціонная работа. Оппозиціонныя и революціонныя партіи получили бо́льшую возможность открыто проявлять себя [2]). Сталъ доступнѣе созывъ легализованныхъ собраній, и полиція начала — по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ центрахъ — болѣе терпимо относиться къ устройству собраній нелегализованныхъ. Смягчилась *судебная практика* по отношенію къ нѣкоторымъ разрядамъ политическихъ дѣлъ, особенно — по дѣламъ печати и, напр., 15 мая петер-

---

[1]) Въ остальномъ *адресъ Г. С.* (5 мая) отстаивалъ всеобщее обученіе, охрану правъ народа и дарованной свободы, развитіе производительныхъ силъ страны и подъемъ благосостоянія всѣхъ слоевъ населенія, особенно крестьянства. Затѣмъ Г. С. считалъ необходимымъ „развитіе началъ самоуправленія и распространеніе ихъ на мѣстности, до сихъ поръ его лишенныя, а также справедливое уваженіе къ особенностямъ племенъ и народностей".

[2]) Правда, при этомъ имѣлись въ виду и нѣкоторыя спеціальныя цѣли. Такъ въ циркулярѣ шефа жандармовъ, ген. Дедюлина отъ 26 апрѣля 1906 г., посвященномъ партіи к.-д., говорится: „Дѣйствія партіи лишены нынѣ всякой конспиративности, и со стороны правительства пока не имѣется въ виду воспрещать членамъ партіи открытую политическую дѣятельность". Но при этомъ начальникамъ жандармскихъ управленій предписывается: „воспользоваться настоящимъ временемъ,... чтобы выяснить съ полною опредѣленностью организацію этой партіи, наиболѣе видныхъ, руководящихъ и вліятельныхъ ея дѣятелей, направленіе ихъ агитаціи, а равно и истинныя цѣли и стремленія партіи, приступивъ неотлагательно къ составленію списковъ означенныхъ дѣятелей".

См. Б. Обнинскій „Лѣтопись русской революціи". т. 3, вып. II, стр 13—14.

бургская судебная палата оправдала редакторовъ „Русскаго Богатства“ (В. Г. Короленко) и „Свободнаго Народа“ (І. Гессенъ и П. Милюковъ), обвинявшихся въ томъ самомъ преступленіи (напечатаніе „манифеста“ Совѣта Раб. Депутатовъ), за которое еще недавно та же палата приговаривала редакторовъ (напр., Д. М. Герценштейна, редактора газ. „Начало“) къ годовому заключенію въ крѣпости.

Наконецъ, начинаются *переговоры* видныхъ дѣятелей бюрократіи (Д. Треповъ [1]), П. Столыпинъ [2]) и др.) съ лидерами к. д-ой фракціи (Муромцевъ, Милюковъ, Петрункевичъ и др.), а также съ другими „общественными дѣятелями“ (гр. Гейденъ, М. Стаховичъ, Д. Шиповъ) о вступленіи ихъ въ министерство или образованіи *„думскаго министерства“*. Въ то же время оффиціозная пресса, съ „Новымъ Временемъ“ (а въ составѣ его сотрудниковъ—М. О. Меньшиковымъ) во главѣ, начинаетъ вести усиленную кампанію въ пользу „кадетскаго министерства“, восхваляетъ „государственную мудрость“ к.д-овъ и т. д. и т. д. Переговоры съ к.д-ими лидерами объ образованіи министерства не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. По понятнымъ причинамъ путемъ закулисныхъ переговоровъ государственная власть такъ же мало могла воспринять два основныхъ требованія к.д-ой партіи—полную амнистію и принудительное отчужденіе земли,—какъ к.д-іе лидеры не могли отказаться отъ этихъ двухъ пунктовъ, символизировавшихъ ихъ политическую и соціальную программу, не порывая круто съ тѣми слоями населенія, на сочувствіе которыхъ опиралась партія и внѣ связи съ которыми она сразу обращалась въ полное ничтожество.

Эти переговоры были, несомнѣнно, свидѣтельствомъ колебанія и неувѣренности государственной власти. Рѣшительная тактика Думы, вынесеніе вопроса изъ за кулисъ на открытую сцену, стремленіе придать резолюціи Думы объ отвѣтственномъ министерствѣ властный характеръ могли сдѣлать ихъ источникомъ дальнѣйшаго ослабленія бюрократіи. Но при тѣхъ условіяхъ, которыя мы описывали, эти переговоры должны были очень скоро вскрыть отсутствіе реальной опоры въ притязаніяхъ к.д-ой партіи и стать въ рукахъ бюрократіи средствомъ держать ея лидеровъ „на привязи“, усыпляя ихъ надеждами на быстрое и и безболѣзненное разрѣшеніе кризиса. Изъ источника ослабленія бюрократіи ея переговоры съ лидерами либеральной оппозиціи превраща-

---

1) См. „Рѣчь“ 18 февр. 1909 г. П. Милюковъ. „Мое свиданіе съ генераломъ Треповымъ“.

2) См. рѣчь П. Милюкова въ засѣданіи Гос. Д. 13 февр. 1909 г., сообщеніе „Освѣд. Бюро“ („Въ іюнѣ 1906 г. П. Н. Милюковъ былъ приглашенъ къ министру вн. дѣлъ Столыпину, согласно Высочайшему указанію“) и отвѣтъ Милюкова въ „Рѣчи“ отъ 15 февр. 1909 г., разъясняющій, что рѣчь шла не о выясненіи „пожеланій к.-д-ой партіи“, какъ утверждаетъ „осв. бюро“, а о продолженіи переговоровъ о „коалиціонномъ“ или чисто к. д-мъ министерствѣ, начатыхъ генераломъ Д. Ф. Треповымъ.

лись, такимъ образомъ, въ источникъ разслабленія и деморализаціи руководящей партіи Думы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой Думы...

* * *

Между тѣмъ Дума спѣшила начать свою *законодательную дѣятельность*. Какъ мы видѣли, министерство Горемыкина, хотя и выдвинуло „стройную программу", на самомъ дѣлѣ никакого матеріала для законодательной работы Думы не давало. Руководящей партіи Думы пришлось взять иниціативу на себя. Уже 8 мая кадетской фракціей были внесены основныя положенія закона о неприкосновенности личности, жилища и частной корреспонденціи и земельнаго закона. Затѣмъ 15 мая послѣдовало внесеніе законопроекта о гражданскомъ равенствѣ, 18-го—объ отмѣнѣ смертной казни, 23-го—объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей учрежденія Государственной Думы (ст. 55—57), 30-го—о свободѣ собраній. Одновременно Дума занималась выработкой наказа [1]). Со стороны министерства за все время функціонированія Думы былъ внесенъ лишь одинъ законопроектъ крупнаго общественнаго значенія—объ ассигнованіи 50 мил. рублей на удовлетвореніе продовольственной и сѣменной нужды крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая.

Вся эта законодательная работа совершалась на фонѣ непрерывной и все обострявшейся войны съ министерствомъ, при постоянныхъ перерывахъ, вызываемыхъ этою войною. Особенно затянулось предварительное обсужденіе *аграрнаго законопроекта*, занявшее—до сдачи въ комиссію—цѣлый мѣсяцъ. Конечно, въ этой затяжкѣ большую роль играло и желаніе чуть не большинства членовъ Думы высказаться по этому острому и коренному вопросу.

Въ основу дебатовъ былъ положенъ *законопроектъ партіи народной свободы* (42-хъ). Основныя черты его заключались въ слѣдующемъ: „руководящимъ началомъ земельной политики" законопроектъ провозглашалъ „передачу земли въ руки трудящихся". Конкретныя же предложенія, направленныя къ достиженію этой „конечной цѣли", сводились къ такимъ положеніямъ: 1) *расширеніе землепользованія* лицъ, обрабатывающихъ землю *личнымъ трудомъ*; 2) образованіе для этой цѣли *государственнаго*

---

1) Кромѣ того по иниціативѣ членовъ Думы поднимались въ законодательномъ порядкѣ, но за роспускомъ Думы дальнѣйшаго движенія не получили вопросъ о свободѣ совѣсти, объ измѣненіи дѣйствующихъ законовъ судоустройства и судопроизводства, объ отмѣнѣ правилъ, запрещающихъ стачки с. х. рабочихъ, и свободѣ стачекъ вообще, о безплатныхъ школахъ грамоты, объ измѣненіи законовъ о печати. Гос. Совѣтъ возбудилъ лишь одинъ законодательный вопросъ о новыхъ правилахъ о сѣменныхъ и продовольственныхъ ссудахъ и пособіяхъ крестьянамъ, пострадавшимъ въ 1906—07 гг. отъ неурожая.

земельнаго запаса путемъ обращенія въ него: а) государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель, б) земель, *обязательно отчужденныхъ* изъ частнаго владѣнія отдѣльныхъ лицъ и учрежденій; 3) вознагражденіе владѣльцевъ отчуждаемой земли по *справедливой оцѣнкѣ*; 4) сдача земель изъ государственнаго запаса, по установленнымъ для каждой мѣстности *нормамъ обезпеченія*, въ *долгосрочное пользованіе*, прежде всего—*мѣстному населенію*, а затѣмъ и *переселенцамъ*. Размѣръ обезпеченія желательно довести до *потребительной нормы*.

Въ нашу задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе и характеристика взглядовъ к.-д-ой и другихъ партій на аграрный вопросъ [1]). Но мы должны коснуться содержанія этого и другихъ проектовъ, поскольку оно вызывало оживленные споры въ Думѣ и давало матеріалъ для политической борьбы думскихъ фракцій, какъ между собою, такъ и съ государственною властью и другими силами, не нашедшими себѣ выраженія въ думскомъ представительствѣ.

Существующаго *мелкаго землевладѣнія* проектъ 42-хъ не затрагивалъ. Точно также онъ не касался и *надѣльныхъ земель*. Наоборотъ, оффиціальныя заявленія партіи народной свободы и ея думскихъ ораторовъ подчеркивали неприкосновенность земель мелкаго и надѣльнаго владѣнія. Но въ то же время проектъ умалчивалъ о судьбѣ тѣхъ *ограниченій въ правѣ свободнаго распоряженія* землею, которыя тяготѣли на надѣльномъ землевладѣніи [2]). Эти ограниченія, по мысли авторовъ проекта, должны были во всякомъ случаѣ лечь на ту землю, которая предназначалась для крестьянства изъ государственнаго запаса. Проектировалась передача земли крестьянамъ не въ собственность, а въ пользованіе, регулируемое государствомъ, единственнымъ собственникомъ „земельнаго запаса“. Основная идея проекта въ этомъ отношеніи ярко выражена въ рѣчи одного изъ главныхъ творцовъ его, М. Я. Герценштейна (зас. 18 мая): „я не думаю, чтобы можно было считать прогрессомъ такое состояніе, когда изъ нашего крестьянства будетъ выдѣлена элита, то, что нѣмцы называютъ „здоровымъ крестьянствомъ“, потому что, наряду съ этимъ, растетъ и батрачество. Если мы стремимся къ реформамъ, если мы прибѣгаемъ къ такой чрезвычайной мѣрѣ, какъ принудительное отчужденіе, то дѣлаемъ это для *болѣе равномѣрнаго распредѣленія богатства*“. И, возражая защитникамъ передачи отчужденныхъ земель въ собственность крестьянамъ, Герценштейнъ указывалъ, что „это значило бы

---

1) Объ этомъ см. въ III томѣ, въ статьяхъ, посвященныхъ отдѣльнымъ партіямъ.

2) Впрочемъ, нѣкоторые ораторы к.-д-ты и прямо высказывались въ пользу ограниченія права распоряженія землями надѣльнаго и мелкаго владѣнія. См. напр., рѣчь Присецкаго въ зас. 18 мая :„ эти земли могутъ быть оставлены въ частныхъ рукахъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы перепродажа, переуступка этой частной собственности могла быть сдѣлана только въ пользу того земельнаго фонда, который будетъ образованъ“.

создать такой строй, гдѣ богатый богатѣетъ, а бѣдный бѣднѣетъ", но „это не нашъ идеалъ".

Такимъ образомъ, к.-д-ій законопроектъ по существу стоялъ на почвѣ стараго, окрашеннаго въ народническій цвѣтъ, земскаго либерализма съ его утопическимъ идеаломъ—уничтоженіемъ дифференціаціи и классовой борьбы въ деревнѣ путемъ созданія равномѣрности въ надѣленіи землею и съ его доброжелательно-бюрократическимъ представленіемъ о государствѣ, какъ заботливомъ опекунѣ народныхъ массъ въ ихъ хозяйственной жизни.

Совершеннно на такой же почвѣ стоялъ въ данномъ отношеніи и „проектъ основныхъ положеній", внесенный *трудовою группою* (проектъ 104-хъ), только въ немъ народническія тенденціи были еще болѣе опредѣленно подчеркнуты. И трудовики отстаивали образованіе „общенароднаго земельнаго фонда", раздаваемаго не въ собственность, а лишь въ пользованіе всѣмъ, желающимъ обрабатывать землю своимъ трудомъ, съ предпочтеніемъ мѣстнаго населенія пришлому и земледѣльческаго—неземледѣльческому. Только, въ противоположность к.-д.-ому, проектъ трудовиковъ отстаивалъ обезпеченіе не по „продовольственной", а по „трудовой" нормѣ, предоставляя право переселенія на счетъ государства изъ мѣстъ, гдѣ „земли для надѣленія всего земледѣльческаго населенія не хватитъ", въ „мѣстности, гдѣ въ землѣ избытокъ", всѣмъ крестьянамъ, „имѣющимъ менѣе продовольственной нормы". Дѣлая государство *собственникомъ* отчужденной земли, проектъ трудовиковъ какъ бы стремился ослабить централизацію, возлагая *„завѣдываніе* общенароднымъ земельнымъ фондомъ" на демократически-организованные органы мѣстнаго самоуправленія, но зато онъ, еще болѣе усиливая роль государства въ земельномъ дѣлѣ, настаивалъ на принятія такихъ законодательныхъ мѣръ по отношенію къ землямъ надѣльнымъ и мелкаго владѣнія, которыя, не посягая сейчасъ на собственность ихъ владѣльцевъ, должны „предотвратить скопленіе земель выше трудовой нормы въ однѣхъ рукахъ и обезпечить постепенный переходъ ихъ въ общенародную собственность". Такимъ путемъ долженъ былъ быть постепенно проведенъ въ жизнь руководящій принципъ проекта: установленіе такихъ порядковъ, „при которыхъ вся земля съ ея нѣдрами и водами принадлежала бы всему народу" и отдавалась бы въ пользованіе всѣмъ гражданамъ, но только при условіи обработки ее „своимъ трудомъ".

Такимъ образомъ, въ этой части земельной программы между к.-д.-ою и трудовою фракціями *принципіальнаго* разногласія не было, оба проекта стояли на *либерально-народнической* почвѣ и оба ставили въ основу своихъ построеній одинъ и тотъ же народническій руководящій принципъ. Это не мѣшало тому, что въ составѣ обѣихъ фракцій, и даже въ числѣ подписавшихъ законопроекты, были люди, по своимъ взглядамъ на аграрный вопросъ да-

леко отходившіе отъ средней линіи, выраженной въ законопроектахъ. Такъ 8 іюня—т. е. уже послѣ сдачи земельныхъ законопроектовъ въ комиссію—33 члена трудовой группы, изъ числа внесшихъ законопроектъ 104-хъ, внесли новый проектъ „основного земельнаго закона", послѣдовательно проводившій принципы *революціоннаго народничества*. Авторы этого новаго проекта оговаривали, правда, что считаютъ его лишь развитіемъ руководящаго принципа, изложеннаго въ 1-омъ параграфѣ законопроекта 104-хъ, а другіе параграфы этого законопроекта разсматриваютъ лишь, какъ указаніе на „переходныя мѣры". Но на самомъ дѣлѣ, въ качествѣ проекта, разсчитаннаго на практическое осуществленіе, „основной земельный законъ", возвѣщавшій уничтоженіе всякой частной собственности на землю и переходъ всей земли (въ томъ числѣ и земель надѣльныхъ и мелкаго владѣнія) въ собственность демократическаго государства, организующаго уравнительное пользованіе ею,—этотъ проектъ „соціализаціи земли" имѣлъ мало общаго съ проектомъ 104-хъ, вся задача котораго сводилась къ увеличенію площади крестьянскаго землепользованія. Дѣло однако въ томъ, что для самихъ авторовъ этого „основного закона" онъ былъ скорѣе деклараціей принциповъ, чѣмъ практическимъ предложеніемъ. И хотя отдѣльные ораторы трудовой группы и высказывали въ своихъ рѣчахъ точку зрѣнія, близкую „основному земельному закону" [1]), но фактически въ ходѣ преній она никакой роли не играла. И когда представители министерства, Стишинскій и Гурко, запугивая депутатовъ-крестьянъ, старались доказать, будто внесенные въ Думу проекты отчужденія земли посягаютъ и на крестьянское надѣльное владѣніе, въ залѣ Думы не нашлось никого, кто возразилъ бы М. Я. Герценштейну, назвавшему „аграрной провокаціей" эту спекуляцію на „черный передѣлъ". С.-р.-скія настроенія части лидеровъ трудовой группы получали лишь слабое выраже-

---

[1]) См., напр.. рѣчь депутата Заболотнаго въ засѣданіи 27 мая: „Мы говоримъ: всѣ земли въ полномъ ихъ составѣ должны перейти въ руки трудящагося народа... Мы хотимъ добиться коренного измѣненія общественнаго строя, въ виду большей справедливости и обезпеченія труда... Если мы оставимъ участки земли, превышающіе трудовую норму, этимъ самымъ мы оставимъ возможность существованія того пролетаріата, который долженъ ихъ обрабатывать". Любопытно, что и въ средѣ к.-д. фракціи были сторонники такихъ же взглядовъ. Такъ к.-д. Присецкій, крупный землевладѣлецъ Полтавской губерніи, возражая противъ ограниченія принудительнаго отчужденія извѣстными размѣрами землевладѣнія: „я считаю это отступленіемъ отъ принципа... Разъ мы рѣшили, что земля должна принадлежать трудящемуся классу, то ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть выдѣлены особые участки, которые въ разныхъ мѣстностяхъ могутъ быть и довольно крупными". Это „нехорошо пахнетъ потому, что въ результатѣ наличности крупнаго землевладѣнія является эксплоатація трудящагося народа". Соглашаясь на оставленіе въ частной собственности земли „въ размѣрѣ, не превышающемъ трудовую норму", Присецкій все же находитъ, что въ принципѣ „частная собственность нежелательна" (с. 18 мая) .

ніе въ дѣятельности группы, какъ таковой, многіе ея члены голосовали вмѣстѣ съ большинствомъ, когда Дума постановила—ссылаясь на формальныя причины—не передавать „основного земельнаго закона“ въ аграрную комиссію отъ своего имени [1]).

Съ другой стороны, въ Думѣ были и рѣшительные *противники народническихъ тенденцій* въ аграрномъ вопросѣ. Прежде всего, встрѣчала сопротивленіе идея образованія государственнаго земельнаго фонда и сосредоточенія направленія всего земельнаго дѣла въ рукахъ центральной власти. Уже среди самихъ к.-д овъ и трудовиковъ возникало опасеніе, какъ бы такая централизація не привела къ чрезмѣрному усиленію государства—бюрократіи. Проектъ трудовиковъ, какъ мы видѣли, считался съ этою опасностью, передавая завѣдываніе земельнымъ закономъ въ руки органовъ мѣстнаго самоуправленія. Среди к.-д-овъ также были сторонники такой децентрализаціи распоряженія земельнымъ фондомъ (напр., Имшенецкій). Но другіе, какъ к.-д-ы (В. Обнинскій), такъ и трудовики (Сѣдельниковъ), и отдѣльные безпартійные депутаты (напр., литовскій крестьянинъ Гринюсъ) шли въ этомъ направленіи дальше, проектировали передачу права не только распоряженія, но и собственности органамъ мѣстнаго самоуправленія, словомъ, въ этомъ вопросѣ подходили къ программѣ „муниципализаціи“, какъ она была формулирована с.-д-ою партіею.

Съ другой стороны подходили къ вопросу о централизаціи земельнаго дѣла и рѣшали его отрицательно *окраинные депутаты*, прибалтійскіе, польскіе, сѣверо-западные. У нихъ борьба противъ централизаціи въ этомъ случаѣ связывалась съ борьбою за общую автономію представляемыхъ ими окраинъ. И хотя требованіемъ автономіи преимущественно крестьянскіе депутаты Прибалтійскаго края покрывали совершенно иные методы рѣшенія земельнаго вопроса, чѣмъ преимущественно земледѣльческіе депутаты Польши и Сѣверо-западнаго края, но и тѣ, и другіе одинаково сходились на отрицательномъ отношеніи къ идеѣ государственной централизаціи земельнаго дѣла.

Такъ же отрицательно относилась къ ней третья думская группа—будущая *„мирнообновленческая“* (гр. Гейденъ, М. Стаховичъ и др.), къ которой въ земельномъ вопросѣ примыкали и часть к.-д-овъ (Петражицкій, Н. Львовъ, впослѣдствіи перешедшій къ мирнообновленцамъ, и др.). Для

1) Соціалдемократическая фракція не имѣла случая высказать свои взгляды на земельный вопросъ, т. к. конституировалась уже по окончаніи преній по аграрнымъ законопроектамъ. Эти взгляды изложены въ запискѣ, составленной фракціей для думской аграрной комиссіи (см. М. Б—овъ и Ф. Данъ. „Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ“, стр. 140 и сл.) Въ основу записки положена принятая Стокгольмскимъ съѣздомъ программа конфискаціи церковныхъ, монастырскихъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и частновладѣльческихъ земель (кромѣ мелкаго и надѣльнаго владѣнія) и муниципализаціи. Роспускъ Думы послѣдовалъ раньше передачи записки въ комиссію.

этой группы отрицательное отношеніе къ государственному земельному фонду связывалось съ ея общими представленіями о задачахъ и размахѣ земельной реформы. Въ полную противоположность народническимъ тенденціямъ к.-д-овъ и трудовиковъ, эта группа ставила цѣлью реформы—„создать прочное крестьянство“ (гр. Гейденъ [1]), ту „элиту“, о которой съ такимъ пренебреженіемъ говорилъ М. Герценштейнъ. Выдѣленіе изъ среды крестьянства и поддержка зажиточнаго слоя, крѣпкаго и устойчиваго въ хозяйственномъ отношеніи, подъемъ культуры, хуторское хозяйство и поглощеніе обезземеливающагося крестьянства быстро развивающейся промышленностью—вотъ рѣшеніе земельнаго вопроса съ точки зрѣнія этой группы. Естественно, что и размѣры „принудительнаго отчужденія“, и величина образующагося такимъ путемъ „земельнаго фонда“ представлялись съ точки зрѣнія этой группы совсѣмъ иными, чѣмъ съ точки зрѣнія к.-д-аго и, тѣмъ болѣе, трудовическаго проекта. Все сводилось къ прирѣзкѣ кое-какихъ земель на мѣстахъ и исчезала не только государственная централизація „земельнаго запаса“, но и самый этотъ „запасъ“.

Естественно также, что „мирнообновленческая“ группа и примыкающіе къ ней элементы рѣзко возставали и противъ идеи не только какого бы то ни было „уравнительнаго“ пользованія землею, но и вообще отдачи земли только въ „пользованіе“. Они отстаивали надѣленіе крестьянъ землею въ полную *собственность*, и въ этомъ отношеніи находили также поддержку среди другихъ членовъ Думы,—какъ отдѣльныхъ депутатовъ-крестьянъ [2]), такъ и окраинныхъ депутатовъ, въ мнѣніи которыхъ въ этомъ случаѣ не всегда отражались пожеланія крупныхъ землевладѣльцевъ, а часто (напр., у большинства депутатовъприбалтійскаго края) и требованія мѣстнаго крестьянства.

Но какъ бы велики ни были разногласія по вопросу о томъ, какъ быть и что дѣлать съ тѣми новыми землями, которыя проектировалось перевести въ пользованіе крестьянъ, серьезныя битвы на этомъ полѣ — были дѣломъ будущаго. Сейчасъ же *центральный вопросъ* заключался въ томъ, гдѣ, сколько и на какихъ условіяхъ взять земли, которой настойчиво требовали крестьяне. Большинство выходившихъ на думскую трибуну ораторовъ-крестьянъ вовсе и не задавалось вопросомъ, что дѣлать съ землей, которая попадетъ въ крестьянскія руки. Одни за другими выходили крестьяне только затѣмъ, чтобы заявить требованіе земли. Въ этомъ требованіи сходились одинаково и крестьяне, выступавшіе какъ убѣжденные монархисты (напр. Перевозчиковъ,

---

[1]) См. Первая Государств. Дума. Изд. А Муханова и В. Набокова. Вып. III. Ст. А Кауфмана. Аграрный вопросъ. Стр. 37.

[2]) „Для крестьянъ Тамбовской губерніи земля должна быть дана только на правахъ собственности“ (Бочаровъ). „Если крестьянинъ не получитъ земли въ собственность, онъ будетъ считать себя пришельцемъ на ней“ (рязанскій депутатъ-крестьянинъ Черниковъ).

деп. Пермской губ.), и трудовики, и безпартійные. „Вопросъ о томъ, кому принадлежитъ земля, говорилъ, напр., безпартійный крестьянинъ Бабичъ, вопросъ уже рѣшенный. Вопросъ этотъ рѣшилъ самъ народъ—земля принадлежитъ тому, кто на ней трудится, — вопросъ только въ томъ, какъ эту землю взять, какимъ образомъ передать эту землю трудовому народу".

Выборы въ Думу и дѣятельность ея сильно оживили *крестьянскія надежды* на полученіе земли, начавшія было падать подъ вліяніемъ карательныхъ экспедицій первой половины года, кое-гдѣ возобновились волненія, связанныя съ порубками, погромами и поджогами [1]); сильное распространеніе получила стачечная борьба, направленная къ повышенію заработной платы и пониженію арендныхъ цѣнъ; но повсюду въ деревняхъ начались собранія, выносившія резолюціи съ требованіемъ земли, посылавшія петиціи и телеграммы въ Думу и т. д. и т. д. [2]).

Центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго возгорѣлась борьба въ Думѣ естественно сталъ вопросъ о *принудительномъ отчужденіи* частновладѣльческихъ земель. Какъ мы видѣли, этотъ принципъ вошелъ одинаково въ проекты и к.-д-овъ, и трудовиковъ, при чемъ и въ томъ, и въ другомъ одинаково предполагалась не конфискація земель, а выкупъ ихъ на извѣстныхъ условіяхъ. Различны были *размѣры предполагавшагося отчужденія*. Въ общемъ можно сказать, что, если к.-д-ій проектъ стремился ограничить отчужденіе крупнымъ землевладѣніемъ, оставляя по возможности неприкосновеннымъ среднее, то проектъ трудовиковъ имѣлъ тенденцію провести границу по линіи, отдѣляющей среднее землевладѣніе отъ мелкаго. Затѣмъ проекту трудовиковъ чуждо было стремленіе кадетскаго законопроекта подвести подъ отчужденіе преимущественно земли, сдаваемыя въ аренду и обрабатываемыя крестьянскимъ инвентаремъ, оберегая по возможности площадь собственнаго, самостоятельнаго хозяйства помѣщиковъ и участки интенсивной культуры. Въ этомъ именно пунктѣ, гораздо больше, чѣмъ въ вопросѣ о судьбахъ отчужденной земли, сказалось различіе между буржуазно-либеральной позиціей кадетовъ и крестьянско-демократической—трудовиковъ. Такое же различіе выразилось и въ вопросѣ объ *оцѣнкѣ отчуждаемыхъ земель*. Мы уже говорили, что за все время преній по аграрному вопросу ни одна изъ думскихъ группъ не проводила точки зрѣнія конфискаціи, безвозмезднаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Желаніе взять помѣщичью землю да-

---

[1]) Въ Воронежской губ. волненія приняли такіе размѣры, что управлявшій губерніею вице-губернаторъ Кохъ обратился къ с.-д. депутату Михайличенко съ просьбою прибыть въ мѣста волненій и своимъ вліяніемъ предотвратить распространеніе поджоговъ и разгромовъ. Михайличенко, дѣйствительно, постарался придать движенію болѣе сознательный и организованный характеръ. Кохъ былъ уволенъ въ отставку.

[2]) Крестьяне пока воздерживались отъ покупки земли, и „землеустроительныя комиссіи" (см. 1-ю часть этого тома, стр. 378-379) бездѣйствовали.

ромъ проскальзывало, конечно, въ рѣчахъ отдѣльныхъ крестьянъ. Были въ Думѣ и принципіальные сторонники конфискаціи. Но ни тѣ, ни другіе не думали класть конфискаціи въ основу практической программы своихъ дѣйствій по аграрному вопросу. Какъ заявилъ Аладьинъ, самъ—несомнѣнный сторонникъ конфискаціи, „въ широкихъ массахъ населенія народъ предпочитаетъ *пока* взять землю и, въ томъ или иномъ размѣрѣ, заплатить за нее". Но что несомнѣнно, такъ это то, что трудовики, переносившіе вопросъ о размѣрахъ вознагражденія на мѣста, и крестьяне вообще, представляли себѣ эти размѣры гораздо ниже, чѣмъ ихъ опредѣлялъ к.-д ій проектъ, и имѣли тенденцію расширить область примѣненія безвозмезднаго отчужденія,—главнымъ образомъ, на земли чисто феодальнаго владѣнія въ противоположность землямъ владѣнія буржуазнаго, капиталистическаго [1]). Кадетскій же проектъ клалъ въ основу вознагражденія „справедливую оцѣнку", т. е. капитализацію доходности при условіи веденія самостоятельнаго хозяйства. И хотя изъ среды самихъ к.-д. раздавались возраженія противъ такой оцѣнки, какъ преувеличенной, ибо и на доходности самостоятельнаго хозяйства сказывается общая закабаленность и приниженность крестьянства, сводящія заработную плату до голоднаго минимума, но въ общемъ, несомнѣнно, этотъ проектъ и въ основаніяхъ оцѣнки, посягая на феодальное, кабальное землевладѣніе, имѣлъ тенденцію оградить отъ сколько-нибудь существенныхъ невыгодъ землевладѣніе обуржуазившееся, капиталистическое.

Еще щедрѣе въ основаніяхъ оцѣнки должны были быть, разумѣется, представители теченія, тяготѣвшаго къ взглядамъ фракціи „мирнаго обновленія", въ программѣ которыхъ принудительное отчужденіе вообще не имѣло такого кардинальнаго значенія, какъ въ проектахъ к.д-овъ и трудовиковъ. И для к.д-овъ и для трудовиковъ дѣло шло о болѣе или менѣе широкой реформѣ, которая должна была кореннымъ образомъ измѣнить распредѣленіе земельной собственности въ Россіи. Для гр. Гейдена и его единомышленниковъ все сводилось къ нѣкоторой прирѣзкѣ земли „во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ инымъ путемъ нельзя разрѣшить земельнаго вопроса" [1]).

Открытаго протеста *противъ принудительнаго отчужденія*, какъ широкой государственной мѣры, въ Думѣ почти не раздавались. Единственное

---

1) Крестьянинъ Шапошниковъ говорилъ, напр., что гдѣ „земля пріобрѣтена трудомъ, потомъ и кровью, тамъ оно (крестьянство) готово заплатить; но тамъ, гдѣ оно видитъ, что землевладѣльцы распоряжаются землею лишь, какъ потомки, м. б., какого нибудь ловкаго царедворца или просто браваго воеводы, тамъ оно говоритъ: за что же мы будемъ платить за то, что предки даннаго лица случайно, незаслуженно сотню и болѣе сотни лѣтъ владѣли землей и жирно питались отъ этой земли?" Нѣкоторые депутаты крестьяне и трудовики (Еропкинъ, Оранскій, Сѣдельниковъ и др.) требовали возвращенія крестьянамъ всѣхъ выкупныхъ платежей или части ихъ.

2) См. А. Кауфманъ. Цит. ст. Стр. 37.

исключеніе составлялъ, б. м., рязанскій депутатъ Ярцевъ, протестовавшій противъ „насилія надъ собственностью“ и „разоренія вѣкового гнѣзда семьи одного въ пользу улучшенія новаго другого“. Но, если уже „мирнообновленческая“ позиція заключала въ себѣ скрытое отрицаніе широкаго и чрезвычайнаго характера проектируемой мѣры, сведеніе всего вопроса къ частнымъ случаямъ примѣненія обычнаго юридическаго института [1]), то явною враждебностью, хотя и не высказываемою прямо, дышали рѣчи депутатовъ-помѣщиковъ сѣверо-и юго-западнаго края и особенно—польскаго кола. Подъ предлогомъ отстаиванія автономіи окраинъ эта группа депутатовъ явно стремилась избавиться отъ послѣдствій распространенія принципа принудительнаго отчужденія на представляемыя ею мѣстности [2]).

Депутаты польскаго коло отстаивали автономію Польши въ земельномъ вопросѣ подъ предлогомъ борьбы съ традиціями „притѣснительныхъ временъ абсолютизма“ (Стецкій). На самомъ дѣлѣ они, благодаря своему враждебному отношенію къ принудительному отчужденію, ослабляли связь, соединявшую ихъ въ рядѣ вопросовъ съ либеральными русскими партіями, и протягивали руку тѣмъ самымъ силамъ, для которыхъ, какъ мы уже говорили, защита земельныхъ интересовъ дворянства и возвращеніе къ традиціямъ „притѣснительныхъ временъ“ начали слагаться въ цѣлостную и недѣлимую программу. Землевладѣльческое дворянство крѣпостническаго типа не было или почти не было представлено въ Думѣ, какъ не были представлены и пестрые „черносотенные“ элементы, объединявшіеся подъ знаменемъ возстановленія „стараго порядка“. Но, какъ мы видѣли, *дворянскую программу* отстаивало предъ лицомъ Думы *министерство* Горемыкина въ своей декларацiи. Столь же рѣшительно и категорически высказывались противъ принудительнаго отчужденія главноупр. землеустр. Стишинскій и тов. мин. вн. д. Гурко, выступавшіе отъ имени правительства въ ходѣ преній по аграрному вопросу (зас. 19 мая). Отъ „примирительной“ позиціи, на которую, какъ мы видѣли, старался одно время встать Щегловитовъ, не осталось и слѣда, какъ и вообще, при всѣхъ своихъ колебаніяхъ и подчасъ видимой готовности къ нѣкоторымъ уступкамъ, въ одномъ пунктѣ правительство съ этихъ поръ непоколебимо, и этотъ пунктъ—рѣшительное отрицаніе всякой аграрной реформы, въ основу

---

[1]) См., напр., рѣчь Л. Петражицкаго въ засѣд. 18 мая.

[2]) По характеристикѣ думскаго хроникера „Русск. Вѣдомостей“, „Царство Польское послало представителей, отстаивающихъ интересы землевладѣльцевъ. Если прислушиваться къ ихъ рѣчамъ, то можно придти къ заключенію, что съ землею они разставаться не хотятъ. Наряду съ весьма законными и по существу правильными возраженіями, здѣсь придется, можетъ быть, натолкнуться на систематическое противодѣйствіе со стороны землевладѣльцевъ, не желающихъ ничѣмъ поступиться въ пользу меньшей братіи“. См. Кауфманъ. Цит. ст. Стр. 77. Наоборотъ, сувалкскій депутатъ-крестьянинъ Гирнюсъ категорически требовалъ распространенія прин. отчужденія и на Царство Польское.

которой положено сколько-нибудь широкое принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель. Для землевладѣльцевъ-дворянъ, какъ мы уже упоминали, рѣчь шла въ эту эпоху не столько о сохраненіи за собою помѣстій, сколько о продажѣ ихъ по возможно болѣе высокимъ цѣнамъ [1]). *Ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія* путемъ принудительнаго отчужденія они, а вмѣстѣ съ ними и министерство, противоставляли не столько сахраненіе неприкосновенности его, сколько ликвидацію путемъ покупокъ крестьянскаго банка по цѣнамъ, имѣющимъ мало общаго даже съ тою „справедливою оцѣнкою", которая была положена въ основу к.д-аго проекта. Вздутыя земельныя цѣны и сохраненіе политическаго господства—этими двумя словами исчерпывалась суть дворянской программы. Кто не хотѣлъ пассовать передъ этой программой, для того аграрный вопросъ, въ данной стадіи его развитія, сводился неизбѣжно къ вопросу объ *экономической и политической экспропріаціи дворянства*, вопросу, который, въ свою очередь, приводилъ къ постановкѣ нерѣшенной проблеммы государственной власти въ Россіи.

Но такъ опредѣленно никто не поставилъ вопроса въ Думѣ. К.д-ы не хотѣли такъ ставить, трудовики, опиравшіеся на рыхлую крестьянскую массу, несомнѣнно, разсчитывавшую на возможность мирнаго, полюбовнаго рѣшенія аграрнаго кризиса, не могли. Поэтому именно центръ тяжести думскихъ преній перемѣстился въ вопросъ о будущемъ поземельномъ устройствѣ крестьянъ, въ вопросъ о дѣлежѣ шкуры неубитаго еще медвѣдя, что сильно облегчало позицію представителей правительства, направившихъ главное остріе своей критики на наиболѣе уязвимыя, народническія тенденціи представленныхъ проектовъ. Поэтому же, не только „мирнообновленцы", аграрной программѣ которыхъ это вполнѣ соотвѣтствовало, но и значительное большинство к.д-ихъ ораторовъ старалось умалить дѣйствительное соціальное и политическое значеніе проектируемаго „принудительнаго отчужденія". Не авторами думскихъ проектовъ, а членомъ кабинета Стишинскимъ (зас. 23 мая) было подчеркнуто это значеніе, кореннымъ образомъ отличающее широкую аграрную реформу, основанную на „принудительномъ отчужденіи", отъ частичнаго отчужденія, обычно практикуемаго въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Отъ такой принципіальной постановки вопроса Дума явно уклонялась.

---

[1]) См. 1-ю часть настоящаго тома, стр. 377—378. О размѣрахъ предложенія дворянскихъ земель крестьянскому банку въ эту эпоху свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя: за десятилѣтіе 1896—1905 г.г. банкъ пріобрѣлъ за свой счетъ 961,5 тыс. десятинъ, за 4-лѣтіе же 1906—1909 г.г.—около 3½ мил. десятинъ. Предложеніе земель со стороны дворянъ еще значительно превышало покупательную способность банка. Такъ, въ 1906 г. ему было предложено болѣе 7½ мил. дес,, въ 1907 г.—около 3 мил., въ 1908—около 1½ мил., въ 1909 г.—около ½ мил. Забѣгая впередъ, отмѣтимъ кстати, что эти цифры хорошо иллюстрируютъ значеніе разгрома „освободительнаго движенія" для дворянъ и смыслъ дворянско-бюрократической политики за послѣдніе годы.

Реакціонное дворянство уже громко заявило, что не уступитъ добровольно ни пяди своихъ владѣній, а руководящая партія Думы продолжала твердить, что не хочетъ „требовать отъ частнаго землевладѣнія больше жертвъ, чѣмъ это необходимо для земельной реформы“ (В. Якушкинъ). Отстаивая свои матеріальные интересы, это дворянство успѣло уже въ союзѣ съ правительствомъ подкопать всѣ „конституціонные“ устои „новаго строя“, а представители думскаго большинства все еще тѣшили себя надеждой, что „аграрный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ—путемъ конституціоннаго законодательства“. Наконецъ, по Думѣ шла уже пальба изъ всѣхъ занятыхъ дворянствомъ политическихъ баттарей, а ея руководители все еще старались „ни кого не доводить до отчаянія“, все еще хотѣли истолковать свой проектъ, какъ „попытку сдѣлки съ тѣми интересами, съ тѣми физическими силами стараго строя, которыя стоятъ за старыми точками зрѣнія въ аграрномъ вопросѣ“ (Е. Щепкинъ) [1]). Изъ наступательной позиціи, которую Дума старалась занять при обсужденіи отвѣтнаго адреса, они все болѣе и болѣе переходили въ оборонительную...

* * *

Неудобства такой позиціи били въ глаза, лишь только Дума пыталась приступить къ законодательству о *гражданскихъ свободахъ*. При всѣхъ своихъ недостаткахъ съ точки зрѣнія огражденія интересовъ и правъ народныхъ и, особенно, рабочихъ массъ, серія законопроектовъ, выработанныхъ почти исключительно партіею народной свободы, стремилась обезпечить элементарныя условія общежитія въ конституціонномъ государствѣ. Но лишь только заходила рѣчь о воплощеніи этихъ законопроектовъ въ жизнь, становилось очевидно, что, при отсутствіи основного условія — гарантированнаго конституціоннаго строя, всѣ проектируемыя мѣры либеральнаго „упорядоченія“ пользованія свободами должны были, въ рукахъ старой государственной власти, превратиться въ новыя орудія произвола и уничтоженія обѣщанныхъ манифестомъ 17 октября свободъ.

Наименѣе сказалось это положеніе при обсужденіи законопроекта о *гражданскомъ равенствѣ*. Но это происходило потому, что самый законопроектъ носилъ, если можно такъ выразиться, „отрицательный“ характеръ, не столько устанавливалъ новыя нормы права, сколько отмѣнялъ всѣ старыя ограниченія. Исходя изъ основного положенія, что „всѣ граждане обоего пола равны передъ закономъ“, проектъ внесенный 151 депутатомъ, предлагалъ возложить на общую комиссію выработку законопректовъ объ отмѣнѣ 1) огра-

[1]) А. Кауфманъ. Цит. ст. Стр. 64.

*

ниченій въ правахъ крестьянъ [1]), 2) ограниченій въ правахъ инородцевъ и иновѣрцевъ, 3) привилегій дворянства, 4) ограниченій въ правахъ женщинъ. При такой постановкѣ вопроса проектъ почти не встрѣтилъ въ Думѣ критики по существу. Только крестьянинъ Крутиковъ протестовалъ противъ равноправія женщинъ и проф. Локоть требовалъ не отмѣны ограниченій, лежащихъ на однихъ сословіяхъ, и привилегій, дарованныхъ другимъ, а уничтоженія самихъ сословій. Думская правая боролась противъ законопроекта на формальной почвѣ, требуя предварительнаго внесенія въ Думу уже вполнѣ разработанныхъ предположеній объ отмѣнѣ тѣхъ или другихъ законовъ, и протестуя противъ метода „законодательныхъ пулеметовъ“ тамъ, гдѣ, по ея мнѣнію, надо было затратить на работу 5 лѣтъ (гр. Гейденъ). Несмотря на эту попытку затянуть работу Думы, проектъ 8 іюня былъ сданъ въ комиссію, но, за роспускомъ Думы, больше свѣта не увидѣлъ.

Сложнѣе обстояло дѣло съ законопроектомъ о *неприкосновенности личности, жилища и частной корреспонденціи*, пытавшимся воплотить основное положеніе — „никто не можетъ быть наказанъ безъ суда“ — въ рядѣ положительныхъ нормъ. Первоначальный проектъ, выработанный партіей к.-д., былъ значительно улучшенъ въ комиссіи, куда онъ былъ сданъ послѣ двухдневныхъ преній. Но и въ своемъ улучшенномъ видѣ онъ не только не могъ избѣгнуть, но еще рѣзче подчеркивалъ то основное противорѣчіе думской законодательной работы, на которое мы указывали выше. По признанію самихъ авторовъ законопроекта [2]), при разработкѣ его одинъ вопросъ неизбѣжно цѣплялся за другой. Для того, чтобы проектируемая неприкосновенность не оставалась на бумагѣ, необходимо было бы реформировать всѣ судебныя установленія и, въ частности, мѣстный судъ; обезпечить единообразіе и независимость суда и уничтожить всякіе исключительные суды; установить дѣйствительную отвѣтственность должностныхъ лицъ и пересмотрѣть правила дисциплинарнаго производства; реформировать военно-судный кодексъ; отмѣнить всѣ существующія исключительныя законоположенія; разработать вопросъ о случаяхъ и условіяхъ пріостановки закона о неприкосновенности и т. д. и т. д. И всѣ эти проблемы упирались въ одну основную проблему о государственной власти, которая менѣе всего склонна была примѣнять проектируемые законы въ конституціонномъ духѣ [3]).

Это основное противорѣчіе особенно ярко выступило наружу при обсуж-

---

[1]) Интересно отмѣтить, что проектъ предлагалъ,—въ разрѣзъ съ тенденціей аграрныхъ законопроектовъ к.-д. и трудовиковъ,—и отмѣну ограниченій крестьянъ въ правѣ распоряженія имуществомъ.

[2]) См. Первая Гос. Дума. Изд. Муханова и Набокова. Вып. 2. Ст. Н. И. Новгородцева, Законопроектъ о неприкосновенности личности.

[3]) Комиссія успѣла закончить свою работу и законопроектъ былъ поставленъ на повѣстку 10 іюля. Но наканунѣ Дума была распущена.

деніи законопроекта о *свободѣ собраній*. И не только потому, что самъ законопроектъ былъ въ высшей степени неудаченъ даже съ либеральной точки зрѣнія; въ своемъ стремленіи къ регламентаціи пользованія свободами, к.-д-іе авторы проекта допускали и такого рода мѣры, какъ предупрежденіе администраціи за 24 часа до собранія, запрещеніе собраній подъ открытымъ небомъ на разстояніи версты не только отъ мѣстопребыванія Государя, но и отъ мѣста засѣданій Думы, присутствіе полицейскаго чиновника на собраніяхъ и право его закрывать собраніе, если оно, по его мнѣнію, „приметъ характеръ, непосредственно угрожающій общественной безопасности“, и т. п. Эта полная неудовлетворительность законопроекта въ результатѣ стремленія, какъ говоритъ „объяснительная записка“, „привести въ согласіе интересы свободы съ интересами общественнаго порядка“, была подвергнута рабочими депутатами жестокой критикѣ съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса и дала поводъ къ принципіальному выступленію гр. Гейдена противъ соціализма. Но особенное значеніе пріобрѣли дебаты по вопросу о свободѣ собраній потому, что тутъ впервые, благодаря выступленію вполнѣ конституировавшейся с.-д. фракціи (16 іюня), тактикѣ думскаго большинства были послѣдовательно противоставлены, и затѣмъ противоставлялись втеченіе недолговременной дальнѣйшей дѣятельности Думы, принципіально отличные взгляды на задачи думской дѣятельности вообще и думскаго законодательства въ частности. Соціалдемократы высказали то, что висѣло въ воздухѣ, о чемъ говорила вся дѣйствительность думской работы, но что плохо замѣчалось одними, упорно замалчивалось другими. Тактикѣ борьбы съ „средостѣніемъ“ впервые была послѣдовательно противоставлена тактика борьбы за государственную власть, придававшая и конфликту Думы съ министерствомъ принципіально отличный смыслъ. Выраженіе недовѣрія министерству должно было превратиться въ выраженіе недовѣрія всему режиму. Задачей парламентской дѣятельности должно было стать стремленіе не отдѣлить „средостѣніе“ отъ режима, предъявляя обвинительный актъ первому и пытаясь склонить на свою сторону второй, а, наоборотъ, вскрывать неразрывную связь обоихъ и, за конфликтомъ съ министерствомъ, показать народнымъ массамъ наростающій и неизбѣжный конфликтъ со всѣмъ режимомъ.

Такая задача предполагала и соотвѣтственное использованіе всѣхъ парламентскихъ правъ или зародышей правъ, находившихся въ распоряженіи Гос. Думы. Примѣнительно къ законодательной работѣ она требовала отказа Думы санкціонировать своимъ согласіемъ сохраненіе орудій господства въ рукахъ стараго режима. За абстрактными „интересами общественнаго порядка“ никоимъ образомъ не долженъ былъ быть скрытъ тотъ конкретный фактъ, что огражденіе „порядка“ сосредоточено въ рукахъ тѣхъ, кто менѣе всего склоненъ заботиться объ интересахъ „свободы“. Естественно, что, съ точки

зрѣнія тѣхъ задачъ, которыя ставила своей думской дѣятельности с.-д-ая фракція, законодательство думское должно было преслѣдовать двоякую цѣль: 1) ослабленіе позицій стараго режима путемъ отмѣны всѣхъ существующихъ ограниченій правъ гражданъ и всѣхъ чрезвычайныхъ полномочій правительственной власти и 2) санкціонированіе тѣхъ завоеваній, которыя дѣлало или будетъ дѣлать непосредственное движеніе народныхъ массъ. И было вполнѣ послѣдовательно, что въ вопросѣ о свободѣ собраній с.-д-ая фракція противоставила к.-д-ому законопроекту свой собственный, носившій такой же „отрицательный“ характеръ и такъ же посвященный лишь формулированію основного положенія [1]) и отмѣнѣ всѣхъ существующихъ ограниченій, какъ упомянутый уже нами к.-д-ій законопроектъ о гражданскомъ равенствѣ.

К.-д-ому „центру“ Думы и шедшему за нимъ въ политическихъ вопросахъ большинству трудовой группы приходилось не разъ становиться эмпирически на ту-же почву, на которую сознательно становились с.-д-ы. Но думское большинство было не въ состояніи ни продумать этой точки зрѣнія, ни послѣдовательно проводить ее. Первое выступленіе с.-д-овъ было встрѣчено негодованіемъ к.-д-овъ, видѣвшихъ тутъ лишь „оказательство, такъ сказать, болѣе лѣваго направленія, независимо отъ здраваго смысла и существа дѣла“ (проф. Петражицкій) и заявлявшихъ, что самое присутствіе с.-д-овъ въ Думѣ, при такихъ условіяхъ, является безполезнымъ (Шершеневичъ, Гредескулъ). Вопреки оппозиціи с.-д-овъ, к.-д-ій законопроектъ былъ сданъ въ комиссію.

Но противорѣчія тактики думскаго большинства были не таковы, чтобы ихъ можно было искусственно скрыть. Выгнанныя въ дверь, они влетали въ окно. Не успѣло думское большинство справиться съ законопроектомъ о свободѣ собраній, какъ передъ нимъ всталъ еще болѣе сложный вопросъ, гдѣ противорѣчіе зіяло еще болѣе неприкрыто, ибо рѣчь шла о первомъ бюджетномъ ассигнованіи министерству, которому столько разъ уже Дума выражала недовѣріе и которое всѣми дѣйствіями своими показывало не только явное нежеланіе считаться съ постановленіями Думы, но и прямую враждебность народному представительству.

19 іюня, въ тотъ самый день, когда возмущенная появленіемъ на трибунѣ военнаго прокурора Павлова, Дума въ бурномъ порывѣ заставила его уйти изъ залы, не произнеся ни одного слова, и затѣмъ единогласно приняла

---

[1]) „Всѣ россійскіе граждане вольны собираться всегда и вездѣ, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій, не спрашивая на то никакого разрѣшенія, и вести обсужденіе на какомъ угодно языкѣ“. Проф. М. Ковалевскій присоединился къ „англійскому“ принципу не-регламентированія права собраній. И хотя политическій смыслъ позиціи проф. К. былъ совершенно иной, чѣмъ позиціи с.-д., присоединеніе его было очень цѣнно, подорвавъ попытки свести споръ съ с.-д. къ вопросамъ юридической техники.

законъ объ отмѣнѣ смертной казни,—въ этотъ самый день министрами вн. д. и финансовъ былъ внесенъ законопроектъ *объ ассигнованіи министерству 50 мил. рубл. на выдачу пособій населенію, пострадавшему отъ неурожая.* Дума приступила къ обсужденію этого законопроекта 23 іюня. Но уже за 2 недѣли до того ей пришлось заняться продовольственнымъ вопросомъ, когда 12 іюня мин. вн. дѣлъ Столыпинъ давалъ отвѣтъ на обращенный къ нему Думою запросъ по этому поводу. Въ происходившихъ преніяхъ была вскрыта не только полная неудовлетворительность и раззорительность правительственной организаціи продовольственнаго дѣла, но и прямое злоупотребленіе въ видѣ использованія продовольственной помощи, какъ орудія политическаго угнетенія: отказа въ помощи „неблагонадежнымъ“ крестьянамъ (циркуляръ мин. вн. дѣлъ 11 ноября 1905 г.) и т. п. Послѣ обычной въ первой Думѣ бурной сцены, когда мин. вн. дѣлъ заявилъ, что „не будетъ отвѣчать“ на „клеветы и угрозы“ лѣвыхъ депутатовъ, „на ихъ угрозу захвата исполнительной власти“, а Дума встрѣтила это заявленіе криками: довольно! Бѣлостокъ! Погромщикъ!—была принята формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, выразившая полное недовѣріе Думы къ продовольственнымъ операціямъ правительства [1]). Но эта формула означала въ то же время обязательство Думы не ассигновывать средствъ на продовольственное дѣло въ распоряженіе министерства. Такъ именно толковали ее не только ораторы-трудовики, но и к.-д-ы (см., напр., рѣчь Ф. И. Родичева. Стен. отч. Стр. 1250—1). Правда, когда деп. Галецкій прямо поставилъ вопросъ о внесеніи этого обязательства въ резолюцію, к.-д-ы высказались противъ его поправки, и она была провалена. Но если одни (Набоковъ) уже тогда мотивировали свое отрицательное отношеніе къ поправкѣ Галецкаго тѣмъ, что „этой поправкой дѣло продовольственное, дѣло помощи будетъ совершенно атрофировано“, то другіе (Кокошкинъ) ссылались лишь на нежеланіе допустить въ резолюцію мысль, будто, „когда дѣло дойдетъ до расходованія средствъ, касающихся ассигновки на продовольственное дѣло, то власть будетъ находиться все еще въ рукахъ министерства, лишеннаго довѣрія страны“.

Но попытка укрыться за эту политическую маниловщину не помогла, когда вопросъ объ ассигнованіи всталъ конкретно въ видѣ прямого требованія министерства. Думское большинство искало и здѣсь спасенія отъ бившихъ

[1]) „Г. Д., признавая, что дѣло помощи голодающему населенію тормозилось вмѣшательствомъ администраціи, руководившейся въ этомъ дѣлѣ соображеніями о политической благонадежности, и будетъ тормозиться и впредь, пока остается у власти нынѣшнее безотвѣтственное передъ народными представителями министерство, признаетъ, что необходима организація помощи при участіи общественныхъ элементовъ, и, поручая продов. комиссіи выработать такой планъ организаціи помощи, при которомъ ассигнуемыя средства находились бы подъ строгимъ контролемъ Г. Д.,—переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

въ глаза противорѣчій его тактики въ указаніи на исключительность даннаго случая, на невозможность сдѣлать постановленіе, которое можетъ быть понято населеніемъ такъ, что Дума не желаетъ оказать ему помощи, на которой настаиваетъ министерство, и т. п. Но всѣ эти соображенія только прикрывали дѣйствительную шаткость позиціи, вытекавшей изъ общихъ тактическихъ взглядовъ думскаго большинства. Парализовать демагогическую агитацію противъ Думы на почвѣ отверженія министерскаго законопроекта было очень легко, ассигновавъ деньги, но связавъ ихъ ассигновку условіями, которыя устраняли бы администрацію отъ завѣдыванія продовольственными средствами. Эту точку зрѣнія, прямо и послѣдовательно вытекавшую изъ думской резолюціи 12 іюня, развивала въ своей резолюціи с.-д-ая фракція. Она требовала отказа въ ассигнованіи денегъ министерству, но въ то же время— немедленнаго образованія продовольственнаго комитета при Г. Д., командировки его членовъ на мѣста и организаціи мѣстныхъ комитетовъ изъ среды голодающихъ крестьянъ при содѣйствіи органовъ самоуправленія и общественныхъ элементовъ. Указывая цѣлый рядъ смѣтныхъ назначеній, служащихъ исключительно цѣлямъ укрѣпленія господства бюрократіи, резолюція предлагала возложить на бюджетную коммисію Думы порученіе немедленно выработать и доложить Думѣ проектъ сокращенія смѣты, которое дало бы возможность добыть обильныя средства для помощи голодающимъ.

Оставаясь на своей позиціи борьбы съ „средостѣніемъ“ и аппеляціи кверху черезъ его голову, думское большинство рѣшительно отвергло данную с.-д. фракціей постановку вопроса. Оно сократило ассигнованіе съ 50 милл. рубл. до 15 милл., потребныхъ на ближайшій мѣсяцъ; оно отвергло заемную операцію, предложенную министерскими законопроектами, предложило изыскать нужныя средства путемъ сокращенія смѣтныхъ расходовъ по усмотрѣнію министра финансовъ. Но оно ассигновало средства въ распоряженіе министерства и тѣмъ самымъ признавало слабость той позиціи, на которую встало 12 іюня, невозможность удержать эту позицію и, слѣдовательно, вскрывало свое безсиліе въ борьбѣ съ „безотвѣтственнымъ министерствомъ“. Это безсиліе еще подчеркивалось тѣмъ, что ассигновка была явно сдѣлана, „скрѣпя сердце, со скрежетомъ зубовнымъ“ (деп. Племянниковъ), безъ всякихъ иллюзій насчетъ плодотворности и цѣлесообразности употребленія ассигнуемыхъ средствъ [1]). Гос. Совѣтъ вполнѣ оцѣнилъ политическій смыслъ этого отступленія Думы и, не считаясь съ бюрократическимъ самолюбіемъ министерства, настаивавшаго на принятіи законопроекта въ его первоначальномъ видѣ, принялъ всѣ думскія поправки большинствомъ

[1]) „Кн. П. Долгоруковъ (ст. „Продовольственный вопросъ въ 1-й Г. Д.“ въ сборникѣ „Перв. Гос. Дума“, вып. 3) признаетъ, что рѣчи с.-д. депутата Рамишвили оказались „пророческими“ и что „единственной надеждѣ“ думскихъ ораторовъ к.-д. на контроль Думы „не суждено было осуществиться“.

72 голосовъ противъ 45 (зас. 1 іюля). Утвержденный 3 іюля „законъ о помощи населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожая 1906 года", остался единственнымъ памятникомъ законодательной работы первой Думы, внесеннымъ въ собраніе узаконеній.

* * *

Такъ и въ своей законодательной работѣ Дума билась въ тупикѣ, въ которомъ очутилась съ перваго же дня своего существованія, наталкивалась на тѣ же основные вопросы государственнаго строительства, отъ рѣшенія которыхъ хотѣла уклониться, встрѣчалась лицомъ къ лицу съ тѣмъ же министерствомъ, которому въ самомъ началѣ выразила недовѣріе. Война съ министерствомъ не прекращалась ни на минуту. Она и прямо врывалась въ законодательную дѣятельность Думы. Министерство тормозило эту дѣятельность, и Дума взяла на себя иниціативу законодательной *отмѣны ст. 55—57 учрежденія Г. Д.*, дающихъ министрамъ возможность крайне замедлить теченіе законодательной думской работы. Министерство пыталось привлечь къ судебной отвѣтственности и т. о. изъять изъ Думы рядъ депутатовъ (Ульяновъ и др.); Дума отвѣчаетъ рѣшеніемъ выработать законопроектъ о *депутатской неприкосновенности*. И. т. д. и т. д.

Но главнымъ оружіемъ борьбы съ министерствомъ были *запросы*, развернувшіе передъ страной ужасающую картину его карательной и истребительной дѣятельности. Число этихъ запросовъ достигло за 72 дня существованія Думы чудовищной цифры—236 [1]), болѣе 3 запросовъ въ среднемъ въ день. Нѣтъ возможности хотя бы вкратцѣ обозрѣть содержаніе этихъ запросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ мы упоминали. Изъ приведенной въ примѣчаніи группировки видно, что огромное большинство запросовъ касалось грубаго нарушенія самыхъ элементарныхъ основъ свободы. Насилія, аресты, тюрьма, ссылка, избіенія, исключительные суды и т. п. исчерпываютъ содержаніе почти всѣхъ запросовъ. Жалобы на административный произволъ льются такимъ обильнымъ потокомъ, что Дума вынуждена организовать особую комиссію по изслѣдованію „незаконномѣрныхъ дѣйствій" властей. Вопли страны несутся со всѣхъ сторонъ; отовсюду ждутъ отъ

---

[1]) По подсчетамъ В. Обнинскаго (цит. ст. т. 3., вып. II) запросы эти группируются по предмету своему такъ: почта и цензура—3, не законномѣрныя дѣйствія властей—9, прав. сообщенія и оффиц. печать—6, голодъ—2. военн. вѣдомство—4, увольненія служащихъ—8, аресты—10, заключеніе въ тюрьмѣ—18, содержаніе въ тюрьмахъ—58, голодовки въ тюрьмахъ—6, высылка и адм. ссылка—48, насилія войскъ и полиціи—16, избіенія—5, истязанія и пытки—2, убійства, совершенныя должн. лицами—4, погромы—2, карат. отряды—5, военн. суды—9, смертн. казнь—15, разные—6.

Думы немедленной помощи. Чуть не всѣ запросы признаются спѣшными, немедленно передаются въ министерскія канцеляріи, а тамъ—вылеживаются въ теченіе установленнаго закономъ мѣсячнаго срока. Обсужденіе каждаго запроса передъ его принятіемъ и затѣмъ отвѣтъ правительства, когда дѣло доходитъ до отвѣта, это—все новыя и новыя стычки съ министерствомъ, новый поводъ для Думы выразить ему свое недовѣріе, новый случай для министровъ подчеркнуть свою независимость отъ Думы и ея безсиліе въ затѣянной борьбѣ. Самое количество запросовъ, буквально затопляющихъ Думу, свидѣтельствуетъ объ этомъ безсиліи. Дума работаетъ, рѣшаетъ, выноситъ постановленія, а въ странѣ событія идутъ своимъ чередомъ внѣ всякаго вліянія этой думской работы...

Изъ всѣхъ запросовъ особенно важную роль и въ судьбахъ Думы, и въ раскрытіи тайныхъ пружинъ административнаго механизма сыграли запросы о погромахъ и о смертной казни. Запросы объ участіи должностныхъ лицъ въ *организаціи погромовъ* (Вологда, Калязинъ, Царицынъ) были первыми запросами, принятыми Г. Думою (8 мая). Интерпелляты ссылались, между прочимъ, на рапортъ чин. ос. пор. при мин. вн. д. Макарова, напечатанный еще 15 февраля въ газетѣ „Рѣчь“. Рапортъ этотъ вызванъ былъ порученіемъ министра разслѣдовать справедливость заявленія литератора Оболенскаго о томъ, что въ гор. Александровскѣ Екатеринославской губ. начальникомъ екатер. губ. жанд. управленія ротмистромъ Будоговскимъ ведется систематическая агитація съ призывомъ къ избіенію евреевъ и революціонеровъ. Производя разслѣдованіе, Макаровъ нашелъ не только представленные Будоговскимъ экземпляры распространенныхъ имъ воззваній, но и рядъ донесеній его же въ департаментъ полиціи объ успѣхахъ этой агитаціи. Что агитація не была личнымъ дѣломъ Будоговскаго доказывалось не только официальнымъ характеромъ его донесеній деп-ту полиціи, но и констатированною рапортами Макарова освѣдомленностью въ этомъ дѣлѣ извѣстнаго Рачковскаго, завѣдывавшаго всѣми охранными отдѣленіями, и завѣд. такъ наз. особымъ отдѣломъ Тимофѣева, въ которомъ публика справедливо видѣла правую руку ген. Трепова [1]).

Опубликованіе рапорта произвело въ свое время сенсацію. Онъ относился, правда, формально къ дѣятельности министерства Витте-Дурново. Но новый министръ внутр. дѣлъ Столыпинъ не могъ не коснуться его, когда 8 іюня—по истеченіи законнаго срока—далъ Думѣ объясненія

[1]) Тимофеевъ былъ юрисконсультомъ при моск. градоначальникѣ, когда Треповъ занималъ эту должность, сталъ чиновникомъ деп. полиціи, когда Треповъ занялъ должность тов. мин. вн. дѣлъ завѣд. полиціей, и, наконецъ, превратился въ чиновника особыхъ порученій при дворцовомъ комендантѣ, когда Треповъ былъ призванъ на этотъ постъ.

по ея запросу о погромахъ. Не отрицая фактовъ, сообщенныхъ о Будоговскомъ, мин. вн. дѣлъ старался представить весь эпизодъ, какъ, хотя и не похвальное, но частное дѣло отдѣльныхъ чиновниковъ, зарвавшихся въ пылу борьбы. Всѣ воззванія распространялись, по его словамъ, лишь въ „смутные“ декабрьскіе дни; никакой типографіи для печатанія погромныхъ воззваній, на существованіе которой намекалъ рапортъ Макарова, деп. полиціи не оборудовалъ: дознаніе обнаружило лишь, что пара воззваній была напечатана по собственной иниціативѣ ротмистромъ Коммиссаровымъ, которому продолженіе этой работы было рѣшительно воспрещено, лишь только о ней узналъ деп. полиціи; награжденъ былъ Будоговскій не за погромную агитацію, а за услуги по подавленію безпорядковъ; Рачковскій съ декабря былъ уволенъ отъ должности завѣдующаго политическимъ отдѣломъ и т. д. Точно такъ же отрицалъ мин. вн. д. причастность администраціи къ вологодскому погрому (жанд. ротм. Пышкинъ), хотя и допускалъ, что въ Царицынѣ полиція распоряжалась не совсѣмъ правильно. Во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія министерства, все дѣло сводилось къ маленькимъ недостаткамъ административнаго механизма. А переходя къ самому организму исключительныхъ положеній и административнаго усмотрѣнія, министръ, при шумныхъ протестахъ Думы, заявилъ, что, въ интересахъ „порядка, необходимаго для развитія самыхъ широкихъ реформъ“, онъ, и сознавая всю устарѣлость „кремневаго ружья“, будетъ пользоваться имъ, пока не получитъ въ свое распоряженіе новаго.

Отвѣтомъ на рѣчь министра послужила ставшая историческою рѣчь кн. Урусова, члена партіи дем. реформъ. Въ качествѣ бывшаго товарища мин. вн. дѣлъ въ кабинетѣ Витте-Дурново, кн. Урусовъ имѣлъ возможность противопоставить утвержденіямъ мин. вн. дѣлъ совершенно исключительную освѣдомленность и раскрыть наличность цѣлой погромной организаціи, верхушка которой теряется въ кругахъ, имѣющихъ „такую власть, что находили возможнымъ исхлопатывать награды и повышенія“, а развѣтвленія захватываютъ не только черносотенные союзы, но и огромное число лицъ, стоящихъ на всѣхъ ступеняхъ административной, полицейской и жандармской іерархіи. Въ частности, кн. Урусовъ доказалъ наличность тайной типографіи при департ. полиціи для печатанія погромныхъ воззваній, типографіи, къ которой „былъ приставленъ, а не самъ сталъ Коммиссаровъ“. Организація дѣйствовала такъ успѣшно, что „приставленный“ къ ней жандармскій офицеръ хвасталъ: „погромъ устроить можно какой угодно; хотите на 10 человѣкъ, а хотите и на 10 тысячъ“. Несмолкаемый громъ аплодисментовъ привѣтствовалъ оратора, закончившаго выраженіемъ протеста противъ вліянія на судьбы страны людей—„по воспитанію вахмистровъ и городовыхъ, по убѣжденію погромщиковъ“.

Разоблаченія кн. Урусова были дополнены разоблаченіями другихъ ораторовъ. Винаверъ (к.-д.) доказалъ, что обо всемъ былъ освѣдомленъ не только Треповъ, но и бывшій мин. вн. дѣлъ Дурново; что Рачковскій, лишенный Высоч. приказомъ званія вице-директора деп. полиціи, на самомъ дѣлѣ продолжалъ занимать эту должность и получилъ даже 75.000 р. награды; что и при другихъ погромахъ агенты полиціи и жандармеріи (напр., въ Гомелѣ—графъ Подгоричани-Петровичъ) стояли во главѣ погромной организаціи, какъ то доказывается офиціальными данными. Набоковъ (к.-д.), съ своей стороны, нарисовалъ детальную картину роли ротмистра Пышкина въ Вологдѣ. Попытка отрицать вѣрность этой картины вызвала заявленіе Набокова, что все, сказанное имъ, уполномочилъ его сказать ведущій слѣдствіе по дѣлу судебный слѣдователь.

Министръ вн. дѣлъ явно растерялся передъ этой неожиданной аттакой. Его вторая рѣчь была полна смущенія. Онъ обѣщалъ, что „то, что нехорошо, того больше не будетъ“, и ссылался на свое безсиліе въ области законодательства: „захватывать законодательную власть я не вправѣ, измѣнять законовъ я не могу. Законы измѣнять и дѣйствовать въ этомъ направленіи будете вы“. Дума встрѣтила это заявленіе крикомъ „отставка!“, но усвоенная большинствомъ ея тактика не дала ей возможности использовать выгоды своего положенія и снова вела ее въ тупикъ. С.-д-ій проектъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, связывавшій вскрытыя язвы со всѣмъ направленіемъ послѣ-октябрьской политики, былъ отвергнутъ. Правда, и думскому большинству нельзя было закрыть глаза на то, что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ не только о министерствѣ. Болѣе того. По мнѣнію кн. Урусова „никакое министерство, будь оно даже взято изъ состава Г. Думы, не сможетъ обезпечить порядокъ и спокойствіе“ при наличныхъ условіяхъ. Другіе ораторы большинства говорили еще опредѣленнѣе, протестуя противъ поисковъ „стрѣлочника“, когда суть дѣла въ томъ, что „при старомъ режимѣ жить невозможно“, что „отрицаніе права—основа всего стараго режима“. (Родичевъ). И все же наклонная плоскость борьбы со „средостѣніемъ“ влекла думское большинство отъ этой ясной постановки вопроса къ исканію другого выхода. Этотъ выходъ былъ указанъ еще въ рѣчи кн. Урусова. Восхваляя Г. Думу, „которую такъ легко и охотно называютъ революціонной“ и которая, „съ самаго начала своей дѣятельности и до послѣдняго дня, бережно старается поднять царскую корону“, „въ которой личные интересы и классовая борьба уступили мѣсто идеѣ единаго народнаго и государственнаго блага“, кн. Урусовъ возлагалъ всю вину за погромъ на тѣхъ „неизвѣстныхъ намъ, людей или темныя силы“, которыя „стоятъ за недосягаемой оградой“ и „грубыми руками хватаются за отдѣльныя части государственнаго механизма“. Этотъ мотивъ былъ развитъ въ рѣчахъ к.-д-ихъ

ораторовъ и положенъ въ основу предложенной к.-д-ами и принятой большинствомъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Въ основу формулы была положена мысль о наличности особой тайной организаціи, противостоящей и даже противодѣйствующей явной организаціи административной власти. Министерство, неповинное въ организаціи погромовъ, повинно въ безсиліи справиться съ противодѣйствіемъ „темныхъ силъ“ и потому должно уступить мѣсто „кабинету, пользующемуся довѣріемъ Г. Думы“.

Этотъ ходъ мыслей, на первый взглядъ, казалось, естественно вытекалъ изъ установленныхъ фактовъ. Факты эти стали неопровержимы, когда, спустя нѣкоторое время послѣ думскихъ дебатовъ, стало извѣстно письмо, адресованное министру внутр. дѣлъ бывшимъ директоромъ деп. полиціи А. Лопухинымъ [1]). Признавая себя иниціаторомъ напечатанія рапорта Макарова, Лопухинъ договаривалъ то, что было недоговорено въ Думѣ. Опровергая цѣлый рядъ неточныхъ утвержденій въ отвѣтѣ министра на думскій запросъ и дополняя сообщенія думскихъ ораторовъ [2]), Лопухинъ прямо говорилъ о Д. Ф. Треповѣ, какъ главѣ „параллельной“ административной организаціи.

Но при всей вѣрности отмѣченныхъ фактовъ, двѣ тенденціи правительственной политики, какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ [3]), находились въ неразрывной внутренней связи, не противодѣйствовали, а дополняли другъ друга, хотя и порождали подчасъ междувѣдомственную борьбу. Согласованность этихъ тенденцій, отмѣченная уже личнымъ составомъ министерства Витте-Дурново, въ дальнѣйшемъ лишь укрѣплялась, поскольку дворянство становилось главнымъ творцомъ и направителемъ политики [4]).

Думское большинство сознательно уклонялось отъ такой постановки вопроса и хваталось за предполагаемое непримиримое противорѣчіе двухъ тенденцій и двухъ организацій, несмотря на протесты министра внутреннихъ дѣлъ, заявлявшаго о врученной ему „полнотѣ власти“.

Однако, еще ранѣе, чѣмъ министерство дало отвѣтъ на думскій запросъ, разразился *бѣлостокскій погромъ* (1—3 іюня), жертвой котораго

---

[1]) Письмо помѣчено 14 іюня. Напечатано въ газ. „Товарищъ“ въ № отъ 25 октября.

[2]) Наиболѣе существенныя указанія письма Лопухина: погромная агитація продолжалась значительно позже декабрьскихъ дней и о ней былъ вполнѣ освѣдомленъ дир. деп. пол. Вуичъ; печатаніе въ помѣщеніи деп. пол. было прекращено по требованію Витте, но станокъ перевезенъ на квартиру Комиссарова; Рачковскій, несмотря на „увольненіе“, занималъ свою должность до 20-хъ чиселъ апрѣля; главными черносотенными дѣятелями, распространявшими воззванія деп. полиціи, были д-ръ Дубровинъ и ред. „Моск. Вѣд.“ Грингмутъ; и т. д.

[3]) См. 1-ую часть настоящаго тома, стр. 347 и сл.

[4]) Самъ Лопухинъ приходилъ къ общему выводу о м-вѣ вн. дѣлъ: „не полиція и жандармерія находятся въ его рукахъ, а оно находится въ рукахъ у правителей этихъ учрежденій“. См. также по этому поводу рѣчь Гамартель (с.-д.) въ засѣд. 29 іюня.

пало 82 убитыхъ и 70 раненыхъ. Правительственное сообщеніе рисовало обычную картину крестнаго хода, „бомбы“, брошенной въ толпу, безсилія полиціи и войскъ справиться съ „анархистами“, съ одной стороны, съ шайками громилъ, съ другой, и т. д. Совершенно иную картину дало разслѣдованіе, произведенное депутатами Щепкинымъ, Араканцевымъ и Якубсономъ, въ порывѣ негодованія немедленно командированными Думою на мѣсто погрома. Съ документальными данными въ рукахъ думская делегація опровергла версію оффиціальнаго сообщенія и доказала самое активное участіе властей въ подготовкѣ организаціи и совершеніи погрома. Долго сдерживаемое негодованіе нарушило всѣ тактическіе разсчеты. С.-д. формула перехода къ очереднымъ дѣламъ обращенная къ народнымъ массамъ, не встрѣтила обычной рѣзкой критики со стороны большинства. А въ засѣданіи 29-го іюня к.-д. Кокошкинъ внесъ проектъ резолюціи, въ которомъ бѣлостокскій погромъ разсматривался, какъ одно изъ звеньевъ общей погромной политики, въ свою очередь, падающей „на отвѣтственность не однихъ мѣстныхъ органовъ власти, но, главнымъ образомъ, центральнаго правительства“. Критикуя всю традиціонную политику по отношенію къ евреямъ, формула кончалась требованіемъ „немедленнаго преданія суду всѣхъ отвѣтственныхъ за нихъ (погромы) высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ безъ различія ихъ ранга и положенія“.

Практическаго значенія требованіе „немедленнаго преданія суду“, разумѣется, не имѣло. Скорѣе эта аппеляція къ „суду“, какъ указывали с.-д. депутаты, подчеркивала безоружность Думы въ ея борьбѣ. Да за роспускомъ ея ей и вообще не пришлось принять никакого рѣшенія по вопросу о Бѣлостокскомъ погромѣ. Но аргументація к.-д-ой формулы означала явное покиданіе той позиціи, на которую Дума пыталась встать при обсужденіи общаго вопроса о погромахъ, чтобы не обострять положенія. Подъ напоромъ все растущихъ противорѣчій Думѣ приходилось—б. м. невольно и почти безсознательно—порывать съ усвоенной съ самаго начала тактикой, то и дѣло сходить съ протореннаго пути. Накоплялись симптомы назрѣвающей развязки [1]).

Эта медленно назрѣвавшая перемѣна въ настроеніи Думы сказалось и при обсужденіи вопроса о *смертной казни*. Первыя 2 недѣли засѣданій Думы прошли безъ казней. Въ своемъ адресѣ Дума, какъ мы видѣли, не только настаивала на „отмѣнѣ смертной казни навсегда“, но и выразила увѣренность, что, до изданія закона объ отмѣнѣ казни, смертные приговоры не будутъ приводиться въ исполненіе. Смертный приговоръ 8 рабочимъ въ

---

[1]) 25 іюня бѣлостокскимъ войскамъ была объявлена благодарность за „честное и справедливое отношеніе къ исполненію своего долга“ во время погрома.

Ригѣ послужилъ поводомъ къ спѣшному запросу Думы (12 мая). Но приговоръ въ тотъ же день былъ не только утвержденъ генералъ-губернаторомъ, но и приведенъ въ исполненіе. А черезъ 4 дня Дума была обычнымъ канцелярскимъ путемъ извѣщена, что ея запросъ переданъ „по принадлежности г. военному министру".

18-го мая въ Думу былъ внесенъ законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Было постановлено обсудить этотъ законопроектъ не позже, чѣмъ черезъ недѣлю. Но 26-го мая министръ морской, военный и юстиціи увѣдомили Думу, что желаютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ мѣсячнымъ срокомъ, т. к. вопросъ „представляется въ высшей степени сложнымъ", требуетъ пересмотра массы узаконеній, а въ болѣе короткій срокъ „подобная работа не можетъ быть выполнена". Изъ среды депутатовъ-трудовиковъ раздались предложенія, не обращая вниманія на сообщенія министровъ, приступить сейчасъ же къ разсмотрѣнію законопроекта (Локоть, Михайличенко и др.). Но такія предложенія шли въ разрѣзъ со всею тактикою думскаго большинства. Съ другой стороны, оно не желало принять и другого предложенія (деп. Сипягинъ и др.), заключавшагося въ томъ, чтобы, черезъ посредство предсѣдателя Г. Д., аппелировать, согласно ст. 10 учрежденія Г. Д., непосредственно къ Верховной Власти [1]). Оно удовлетворилось принятіемъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, въ которой рѣзко клеймило „дальнѣйшее исполненіе смертныхъ приговоровъ" и требовало ихъ пріостановки.

Казни не только не прекратились, а участились. А 1-го іюня, явившись отвѣчать на думскій запросъ отъ имени военнаго министра, главн. воен. прокуроръ ген. Павловъ заявилъ категорически, что смертные приговоры будутъ приводиться въ исполненіе, „пока существуетъ законъ, опредѣляющій за извѣстныя преступленія смертную казнь", и что министръ не позволитъ себѣ „совершенно незаконнаго вторженія въ права" генералъ-губернаторовъ, которымъ предоставлено утвержденіе приговоровъ военныхъ судовъ. Шумное негодованіе, встрѣтившее слова ген. Павлова, было предвѣстникомъ бури, разыгравшейся въ засѣданіи 19-го іюня, когда наступилъ, наконецъ, срокъ разсмотрѣнія думскаго законопроекта. Въ этомъ засѣданіи министръ юстиціи сообщилъ Думѣ итоги мѣсячной работы министерства, сводившейся къ предложенію отмѣнить казнь за карантинныя преступленія [2]).

---

[1]) Такой аппеляціи Дума сознательно избѣгала и тогда, когда она была прямо предусмотрѣна учрежденіемъ Г. Д. Такъ, признавъ себя неудовлетворенной объясненіями предсѣдателя Сов. Министровъ по поводу печатанія въ „Правит. Вѣстникѣ" телеграммъ черн. организацій, Дума согласилась съ деп Набоковымъ, что и въ этомъ случаѣ „нѣтъ основаніи прибѣгать къ этому экстраординарному способу" (зас. 30 іюня).

[2]) Въ дѣйствительности за 40 лѣтъ ни одной такой казни не было.

Когда послѣ этого взошелъ на кафедру ген. Павловъ, разыгралась неописуемая сцена, заставившая главнаго военнаго прокурора покинуть трибуну, не произнеся ни одного слова...

Дума приняла единогласно слѣдующій законопроектъ: „1. Смертная казнь отмѣняется. 2. Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами [1]) установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ". 28 іюня думскій законопроектъ былъ переданъ Г. Совѣтомъ въ особую комиссію, гдѣ его и засталъ роспускъ Думы.

* * *

Между тѣмъ атмосфера въ Думѣ сгущалась. Большинство депутатовъ, по свидѣтельству В. Обнинскаго, до самыхъ послѣднихъ дней не вѣрили въ возможность роспуска Думы, но въ то же время безплодность Думской работы, безысходность той позиціи, на которую привела ея тактика большинства, сказывались въ начавшемся разложеніи дотолѣ сплоченныхъ думскихъ группъ [2]), „Сознаніе, что всѣ резолюціи только матеріалъ для думскаго архива, все больше проникало во всѣ умы, а между тѣмъ никто не находилъ предложить чего-либо иного, пишетъ другой бывшій депутатъ к. д. Н. Езерскій [3]) и прибавляетъ: „нельзя опредѣлить, когда это тягостное состояніе достигло высшаго напряженія, но тѣмъ, кто имѣлъ случай уѣзжать на нѣсколько времени изъ Думы и затѣмъ вернуться въ нее въ концѣ іюня, перемѣна была замѣтна очень отчетливо: Дума производила впечатлѣніе давно невентилированной комнаты, переполненной людьми, гдѣ не хватаетъ уже воздуха для дыханія и хочется хоть окно разбить, чтобы освѣжить атмосферу. Нервность возростала не только въ отношеніи къ министерству, но даже между собой, даже между представителями одной партіи. Несмотря на образцовое предсѣдательствованіе С. А. Муромцева, Дума какъ будто развинчивалась".

Въ противоположность этому „развинчиванію" Думы, министерство дѣятельно укрѣпляли свои позиціи и стягивало свои силы. Оно выступало въ Думѣ—по формѣ то рѣзко, то, особенно въ послѣдніе дни, сравнительно мягко [4]);

---

[1]) Редакціонная комиссія перечислила эти законы: уголовное уложеніе, уложеніе о наказ. угол. и исправ., воинскій и военно-морской уставы о наказаніяхъ.

[2]) См. В. Обнинскій, цит. соч. с. 115 и 137.

[3]) Н. Езерскій. Госуд. Дума перваго созыва. Стр. 68—70.

[4]) Особенной мягкостью отличалось выступленіе представителя министерства юстиціи Соллертинскаго по запросу о препятствіяхъ, которыя встрѣчаютъ мировые судьи при посѣщеніи тюремъ и освобожденіи незаконно-арестованныхъ (зас. 30 іюня), а также мин. вн. дѣлъ, обѣщавшаго дать 10 іюля отвѣтъ на запросъ о бѣлостокскомъ погромѣ. Послѣднее выступленіе заслужило министру со стороны польскаго публициста Мичинскаго знаменитую характеристику: „маска джентльмена".

у отдѣльныхъ представителей его проскальзывали фразы, которыя могли быть истолкованы, какъ выраженіе глубокаго почтенія къ Думѣ и ея работамъ; разныя высокопоставленныя лица вели все время, какъ мы уже упоминали, переговоры то объ образованіи „думскаго министерства“, то о вступленіи тѣхъ или другихъ членовъ Думы въ составъ кабинета. Но за всѣми этими видимыми колебаніями, продиктованными отчасти неувѣренностью въ прочности занятой позиціи, отчасти необходимостью выиграть время и усыпить подозрѣнія, правительство упорно не поступалось ничѣмъ изъ того основного, что еще въ министерской декларації выдвигалось, какъ задача правительственной политики.

Репрессія, нѣсколько ослабѣвшая съ началомъ дѣятельности Думы, постепенно снова входитъ въ полную силу. И если въ столицахъ административная расправа немного умѣряется, то провинція и при наличности Думы живетъ тою же необезпеченною жизнью, какъ и весь послѣ-декабрьскій періодъ [1]). Но, независимо отъ репрессій, лишь только окончательно выяснился оппозиціонный составъ Думы, правительство начинаетъ дѣятельно готовиться къ ея роспуску. Для этой цѣли приводятся въ движеніе какъ черносотенныя организаціи, такъ и административная машина. Первыя организуютъ агитацію противъ Думы и направляютъ въ Петербургъ рядъ телеграммъ и адресовъ, требующихъ принятія рѣшительныхъ мѣръ и печатающихся на столбцахъ „Правительственнаго Вѣстника“. Что касается администраціи, то и въ центрѣ, и на мѣстахъ ея усилія направлены къ тому, чтобы дискредитировать Думу въ глазахъ населенія, внушить ему недовѣріе къ ея способности провести обѣщанныя ею реформы и убѣдить его возложить всѣ надежды на правительство. Мѣстная администрація не стѣсняется открыто выражать свою враждебность Думѣ. Воззваніе 14 рабочихъ депутатовъ даетъ поводъ ряду губернаторовъ выступить съ почти тождественными рѣчами и прокламаціями, содержащими не только полемику съ авторами воззванія, но и прямое нападеніе на всю Думу, противъ которой выдвигаются все тѣ же

---

[1]) Приводимъ данныя В. Обнинскаго, при всей ихъ неточности (они преуменьшены, т. к. въ подсчетъ не вошли всѣ свѣдѣнія безъ точныхъ цифровыхъ указаній, а кромѣ того газеты того времени не имѣли ни малѣйшей возможности регистрировать всѣ случаи административной респрессіи, особенно—мелкіе какъ обыски, аресты и т. п.), являющіеся интересной иллюстраціей:

	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Всего.
Аресты, обыски и т. п. .	493	464	538	3597	4092
Тюрьма и ссылка	3605	2812	967	2380	9764
Увольненіе со службы . .	6165	354	54	79	6652
Избито и ранено.	57	57	442	43	599
Убито	7	4	9	32	52
Военный судъ	16	14	5	9	44

(Цит. соч. См. вып. 1-й, стр. 73 и вып. 2-й, стр. 101).

два обвиненія, составляющія лейтъ-мотивъ всей кампаніи противъ народнаго представительства: Дума хочетъ „оставить безъ наказанія убійства, поджоги, грабежи и другія тяжкія преступленія, если они совершены изъ политическихъ побужденій“, и „упразднить право частной собственности на землю“, т. е. собственности и крестьянской.

Этотъ же лейтъ-мотивъ, звучавшій и въ рѣчахъ представителей министерства въ Думѣ, передается въ иностранную прессу. Въ интервью съ корреспондентомъ газеты Times членъ кабинета, государственный контролеръ Шванебахъ заявляетъ, что „Дума вовсе не парламентъ; Дума—просто революціонное сборище, вродѣ совѣта рабочихъ депутатовъ или союза союзовъ. Она доказала свое революціонное происхожденіе и свои революціоныя цѣли, отказавшись вотировать порицаніе политическимъ убійствамъ, внеся свой аграрный проектъ и требуя полной амнистіи и отмѣны смертной казни. Она дискредитируетъ себя, натворитъ много бѣдъ и кончитъ безславной смертью не позднѣе, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ“ [1]).

Но „смерть“ первой Думы наступила еще раньше, чѣмъ пророчилъ государственный контролеръ. Ареной послѣдней битвы правительства съ Думой послужилъ все тотъ же аграрный вопросъ. Обсужденіе его въ Думѣ сильно будоражило крестьянъ и дало новый толчокъ аграрному движенію во многихъ губерніяхъ. Среди помѣщиковъ начали воцаряться растерянность. Невозможность провести свою программу черезъ Думу стала для нихъ очевидной, и они, естественно, должны были толкать министерство къ скорѣйшему прекращенію опасной для нихъ агитаціи, связанной съ работой Думы [2]).

20-го Іюня было опубликовано *правительственное сообщеніе по земельному вопросу*. Не называя Думы, сообщеніе рѣзко критиковало проекты принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель, повторяя аргументацію г.г. Гурко и Стишинскаго, доказывая неизбѣжность—при осуществленіи этихъ проектовъ—нарушенія и крестьянской собственности, пугая зажиточныхъ крестьянъ перспективой отобранія у нихъ земли, а всѣхъ крестьянъ вообще — лишеніемъ заработковъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ и полною зависимостью отъ „тѣхъ властей, которыя распоряжались бы землей“. Напоминая крестьянству, „какъ во всѣ времена Русскіе Государи заботились о его благосостояніи“ и, перечисляя рядъ мѣръ, свидѣтельствующихъ объ этихъ заботахъ,—надѣленіе крестьянъ землею при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, учрежденіе крестьянскаго банка, установленіе неотчуждаемости надѣловъ, сложеніе выкупныхъ платежей, — сообщеніе призывало крестьянство „знать и

---

[1]) Цит. по ст. П. Милюкова въ „Рѣчи“ отъ 6 іюня—„Подготовка госуд. переворота“ Перепеч. въ сб. „Годъ борьбы“, стр. 369.

[2]) Въ поданной секретно запискѣ Совѣтъ съѣздовъ объединеннаго дворянства протестовалъ противъ дѣлаемыхъ Думѣ „уступокъ“.

помнить, что не отъ смутъ и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя Императора".

Одновременно сообщеніе излагало и положительную программу правительства по земельному вопросу. Программа эта заключалась въ слѣдующемъ: 1) „передача" малоземельнымъ крестьянамъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ всѣхъ годныхъ для земледѣлія казенныхъ земель; 2) покупка для той же цѣли за счетъ государства добровольно продаваемыхъ частновладѣльческихъ земель; 3) принятіе на счетъ казны разницы между покупной цѣной помѣщичьей земли и продажной, „по цѣнамъ, доступнымъ для крестьянъ"; 4) приравненіе „передаваемыхъ" крестьянамъ казенныхъ земель къ надѣльнымъ въ смыслѣ запрещенія продавать ихъ „лицамъ другихъ сословій" и обращать на нихъ взысканія частныхъ лицъ; 5) облегченіе переселенія и помощь переселенцамъ; 6) облегченіе крестьянамъ возможности продавать свои надѣлы; 7) разселеніе желающихъ, устраненіе чрезполосности и сведеніе мелкихъ полосъ въ болѣе крупные участки; 8) объявленіе надѣльныхъ участковъ частною собственностью пользующихся ими крестьянъ въ общинахъ, гдѣ въ теченіе 24 лѣтъ не было передѣловъ; 9) предоставленіе отдѣльнымъ крестьянамъ права выхода изъ общины и укрѣпленія въ частную собственность участковъ общинной земли, съ сохраненіемъ, однако, за общиною права выкупа этихъ участковъ; 10) прекращеніе правительственнаго вмѣшательства во внутренніе земельные распорядки общинъ.

При всей опредѣленности намѣченнаго направленія аграрной политики правительства, программа его, въ этой стадіи, оставляла еще открытымъ рядъ вопросовъ, то или иное рѣшеніе которыхъ, очевидно, должно было зависѣть отъ дальнѣйшаго хода и интенсивности крестьянскаго и обще-политическаго движенія. Такъ, по отношенію къ казеннымъ землямъ сообщеніе указывало на намѣреніе правительства „передать" ихъ крестьянамъ, совершенно не поясняя условій этой передачи. Вопросъ о помѣщичьихъ земляхъ, являвшійся при наличныхъ обстоятельствахъ центральнымъ, рѣшался категорически въ смыслѣ покупки лишь добровольно продаваемыхъ земель. Но что касается цѣнъ земли, которыя при такой покупкѣ должны были быть значительно выше „справедливой оцѣнки", то тутъ возможенъ былъ двоякій исходъ, одинаково допустимый по мысли правительственной программы: пріобрѣтенныя за счетъ государственнаго казначейства земли перейдутъ по тѣмъ же цѣнамъ въ руки болѣе зажиточныхъ хозяевъ, выдѣленіе которыхъ изъ общей деревенской массы входило органическою составною частью въ программу; или-же—въ случаѣ неизбѣжности надѣленія землею маломощнаго крестьянства—государство возьметъ на себя извѣстную доплату. Интересы дворянъ-землевладѣльцевъ во всякомъ случаѣ не должны были пострадать.

Правительственное сообщеніе, естественно, было понято Думою, какъ прямой вызовъ, отъ принятія котораго невозможно уклониться. Было ясно, что въ исторіи Думы наступаетъ рѣшительный поворотный моментъ. Возможно было одно изъ двухъ: либо безславно уступить, отречься отъ своей программы, признавъ право министерства диктовать направленіе земельной политики и дискредитировавъ себя окончательно въ глазахъ населенія; либо же принять бой, рѣшившись довести его до конца, что — въ данномъ фазисѣ борьбы—означало окончательное, безповоротное санкціонированіе крестьянскаго движенія и его захватовъ, объявленіе открытой войны дворянству и т. д.

Вопросъ о санкціонированіи крестьянскаго движенія не разъ выдвигался трудовою группою, но безсистемно, безъ отчетливаго сознанія, о чемъ собственно идетъ рѣчь. И даже тогда, когда эта тенденція трудовой группы была облечена въ форму конкретнаго предложенія—немедленнаго образованія *мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ*, избираемыхъ всеобщимъ и т. д. голосованіемъ (зас. 26 мая),—группа немедленно же отступила передъ первымъ натискомъ к. д-овъ, мирнообновленцевъ и октябристовъ, присоединилась къ предложенію депутата Кокошкина (к. д.) сдать вопросъ въ аграрную комиссію и больше къ нему не возвращалась.

Теперь этотъ вопросъ въ болѣе широкой постановкѣ вставалъ самъ собою. Отступленіе было невозможно, нужно было вырваться изъ порочнаго круга, въ которомъ Дума вращалась такъ долго. Въ засѣданіи 26 іюня былъ единогласно принятъ запросъ министерству о правительственномъ сообщеніи. Но въ данномъ случаѣ было слишкомъ очевидно, что запросъ—это простая отписка, которую министерство будетъ такъ же игнорировать, какъ игнорировало другіе запросы Думы. А между тѣмъ правительственное сообщеніе въ громадномъ количествѣ распространялось по деревнямъ и, оставленное безъ отвѣта, неизбѣжно должно было толковаться, какъ отступленіе Думы въ земельномъ вопросѣ. При такихъ условіяхъ запросъ былъ недостаточенъ и, по предложенію Кузьмина-Караваева (п. дем. реф.), Дума рѣшила дополнить его *обращеніемъ къ народу* съ разъясненіемъ дѣйствительнаго положенія вопроса о земельной реформѣ.

Мы уже говорили, въ какомъ „развинченномъ“ состояніи находилась Дума къ этому времени. Естественно, что „желаніе покончить съ этимъ положеніемъ, сдвинуться съ мертвой точки становилось всеобщимъ, недовольство было одинаково сильно у кадетовъ, какъ и у трудовиковъ, по крайней мѣрѣ у чисто крестьянской части ихъ. Вотъ почему съ такою жадностью схватились за мысль обратиться къ народу съ разъясненіемъ по аграрному вопросу. Это было не Богъ вѣсть что, но это было хоть что-нибудь: съ этимъ, можно было думать, наступитъ новая эра въ жизни Думы, связь съ народомъ сдѣлается крѣпче, а работа внутри Думы живѣе. Какимъ

образомъ? Этого никто еще себѣ ясно не представлялъ“ [1]). Но именно въ этой неясности значенія предпринимаемаго акта для самихъ творцовъ его, въ психологіи „развинченности“ и отчаянія, продиктовавшихъ обращеніе къ народу, заключалась причина того, что, избравъ изъ двухъ возможныхъ путей путь открытой борьбы, Дума остановилась на полдорогѣ, сама испугалась своего шага, хотѣла повернуть обратно, когда повернуть было уже поздно, и, въ концѣ концевъ, „разбивъ окно“, не только не почерпнула новыхъ силъ въ „свѣжемъ воздухѣ“ общенія съ народными массами, но собственными руками подготовила себѣ самое тяжелое морально-политическое положеніе.

Проектъ обращенія былъ выработанъ и подписанъ особою подкомиссіею въ составѣ к.-д. (Обнинскій), трудовика (Аладьина) и октябриста (Стаховича) [2]) и одобренъ аграрною комиссіею. Проектъ начинался цитатою изъ отвѣтнаго адреса Думы, касающагося земельнаго вопроса; напоминалъ, что послѣ декларации министерства Дума выразила ему недовѣріе; излагалъ основы вырабатываемаго Думою земельнаго закона, подчеркивалъ, что „надѣльныя земли всѣхъ наименованій, а затѣмъ также и мелкія владѣнія“ принудительному отчужденію не подлежатъ, и что одновременно вырабатывается законъ о мѣстныхъ комитетахъ, въ которыхъ само населеніе сможетъ принять участіе въ земельномъ дѣлѣ. Въ противовѣсъ правительственному сообщенію, проектъ напоминалъ, что „по манифесту 17-го октября 1905 г. никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы“. Заявляя, что отъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, какъ „основанія новаго земельнаго закона“, Гос. Дума не отступитъ, проектъ выражалъ надежду, что „населеніе будетъ покойно и мирно ожидать окончанія ея (Думы) работы по изданію такого закона“.

4-го Іюля проектъ былъ поставленъ на обсужденіе Думы, и сейчасъ же вскрылась та неясность, которая лежала въ основѣ предпринимаемаго шага. С.-д-ы (Рамишвили) и трудовики (Жилкинъ) желали придать обращенію послѣдовательный характеръ призыва народныхъ массъ къ организованной борьбѣ. Часть к.-д-овъ, очевидно, примыкала въ этомъ вопросѣ къ нимъ. К. д. Сафоновъ заявлялъ, что „обращеніе къ странѣ расколетъ теперешнюю власть на двѣ, и съ сегодняшняго дня передъ народомъ встанутъ двѣ силы, двѣ власти: власть бюрократіи и власть народныхъ представителей“. Депутатъ Ледницкій требовалъ обращенія къ странѣ не съ простымъ опроверженіемъ правительственнаго сообщенія, а съ „манифестомъ“, раскрывающимъ все положеніе дѣлъ. Депутатъ Николаевскій настаивалъ, что „Г. Д. должна

[1]) Н. Езерскій, Цит. соч. Стр. 70.
[2]) См. В. Обнинскій. Цит. соч. вып. II, с. 120.

принять въ свои руки временно исполнительную власть“ и т. д. и т. д. Съ другой стороны члены той же фракціи к. д. (Кокошкинъ, Протопоповъ и др.) старались умалить значеніе обращенія, изображая его какъ простую справку, имѣющую цѣлью исправить невѣрности правительственнаго сообщенія, ставя ему задачу „загасить пожаръ“. На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ и иниціаторъ обращенія Кузьминъ-Караваевъ. Наконецъ, была въ средѣ к.-д-ой фракціи и группа (Петражицкій и др.), которая выступала вмѣстѣ съ правыми противъ этого „перваго активнаго движенія Думы, а не только ея сужденій“ (Стаховичъ), пытался добиться, по крайней мѣрѣ, отсрочки вопроса въ надеждѣ на измѣненіе въ настроеніи Думы.

Въ концѣ концовъ, проектъ обращенія былъ все же принятъ въ первомъ чтеніи. 5 Іюля засѣданія Думы не было. Съ тѣмъ большею настойчивостью дѣйствовали внѣ-думскія вліянія, особенно сказавшіяся на поведеніи к.-д-ой фракціи. По разсказу Н. Езерскаго [1]), вліянія эти были двоякаго рода. Съ одной стороны, шли усиленные разговоры о „скорой замѣнѣ кабинета Горемыкина думскимъ кабинетомъ Муромцева“. Замѣна эта представлялась столь вѣроятной, что „вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе въ думской фракціи к.-д. партіи, вызовъ Муромцева въ Петергофъ ожидался со дня на день“. Съ другой стороны, „въ среду (5-го іюля) къ вечеру стали распространяться слухи, что предположеніе образовать думскій кабинетъ, о которомъ никогда такъ много не говорили, какъ въ предшествующіе дни, начинаетъ терять почву, и колебаніе вызвано именно проектомъ обращенія къ народу“.

„Развинченность“ и желаніе хоть какъ нибудь выпутаться изъ положенія, отстаивать которое до конца не хватало мужества, были такъ велики въ рядахъ к.-д-ой фракціи, что она усиленно старалась увѣрить себя и другихъ въ справедливости этихъ сшитыхъ бѣлыми нитками, распускаемыхъ преднамѣренно слуховъ. Возникала мысль о замѣнѣ обращенія „мотивированнымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ“. Но отъ нея пришлось отказаться, такъ какъ слишкомъ ясно было, что „уступка по первому намеку сверху дискредитируетъ Думу окончательно не только въ глазахъ крайнихъ лѣвыхъ, но въ глазахъ самой камарильи“. Тогда выдвинулся новый планъ, о которомъ писала „Рѣчь“ въ номерѣ отъ 5 іюля: „Если тотъ простой выходъ, который въ данномъ случаѣ представляется (мотивированный переходъ), уже закрытъ, и оповѣщеніе населенія будетъ сдѣлано отдѣльно, самостоятельно, то оно должно тщательно избѣгать характера аппеляціи къ народу и, стремясь къ успокоенію, убѣдить народъ, что правительство безсильно противъ Думы, что она сумѣетъ добиться своего“.

Такая постановка вопроса свидѣтельствовала о полномъ параличѣ воли

[1]) См. цит. соч. стр. 74—76.

была самымъ неудачнымъ изъ всего того, что можно было придумать: сохраняя всѣ невыгоды „не-конституціоннаго“ по внѣшности акта, обращеніе въ такомъ видѣ лишалось смысла. При всѣхъ колебаніяхъ и неясности взглядовъ иниціаторовъ обращенія, они ссылались на „исключительное время“ и такъ или иначе, хотя бы разсчитывая лишь на пассивное сочувствіе, признавали необходимымъ втянуть народъ въ свою тяжбу съ министерствомъ. Теперь предлагалось, наоборотъ, темою обращенія сдѣлать призывъ народныхъ массъ къ полному невмѣшательству, распространенія среди нихъ убѣжденія, что Дума сама „сумѣетъ добиться своего“.

Утромъ 6-го іюля въ малолюдномъ засѣданіи к. д-ой фракціи планъ этотъ былъ принятъ 40 голосами противъ 24, и И. Петрункевичъ внесъ на засѣданіе Думы новый проектъ, представлявшій переработку стараго, но въ то же время рѣзко мѣнявшій его смыслъ [1]). Это измѣненіе произошло, главнымъ образомъ, потому, что выраженіе надежды на „покойное и мирное“ поведеніе населенія было не только поставлено во главѣ обращенія, но и усиленно подчеркивалось. Между тѣмъ какъ с.-д-ы и трудовики вели переговоры съ к.-д-ой фракціей о поправкѣ къ первоначальному проекту обращенія съ смыслѣ устраненія его конца (въ случаѣ отверженія этой поправки с.-д-ы рѣшили воздержаться отъ голосованія), к.-д-ы неожиданно вносили новый проектъ, гдѣ призывами къ „покойному и мирному ожиданію“ — и притомъ окончанія не „работъ Думы“, какъ было сказано въ первомъ проектѣ, а „работы по изданію земельнаго закона“, — мотивировалась самая необходимость обращенія.

Внесеніе этого новаго проекта означало нежеланіе к.-д-ой фракціи идти въ этомъ вопросѣ совмѣстно съ трудовиками и с.-д-ами. Но думская правая высказалась противъ обращенія, а польское коло, подъ предлогомъ отстаиванія автономныхъ правъ Польши въ земельномъ вопросѣ, уклонилось отъ голосованія. Такимъ образомъ, фактически позиція к. д-овъ вела къ тому, что обращеніе могло быть вообще отвергнуто.

Лѣвыя фракціи протестовали противъ того, что проектъ, уже принятый въ первомъ чтеніи, неожиданно замѣняется новымъ. Тогда к.-д-ы, разбивая свой новый проектъ, на части, начинаютъ вносить ихъ въ видѣ поправокъ. И. Петрункевичъ въ своей рѣчи убѣждаетъ Думу „не поддаваться на коварную удочку“, подчеркнуть, что ея обращеніе — „не революціонный шагъ“: „мы стремимся къ разрѣшенію смуты, возникшей въ странѣ, исключительно мирными средствами. Это — наша задача и заслуга“. Такая постановка вопроса вызываетъ страстный протестъ со стороны с. д-овъ, заявляющихъ,

---

[1]) Стенограммы послѣднихъ двухъ засѣданій Думы (6 и 7 іюля) не вошли въ оффиціальное изданіе. Свѣдѣнія объ этихъ засѣданіяхъ приходится черпать изъ газетъ и отдѣльныхъ книгъ о 1-ой Думѣ.

что за это отступленіе народъ назоветъ депутатовъ „трусами, продажными измѣнниками“ (Гомартели), и лидеровъ трудовой группы, вносящихъ поправку съ призывомъ народа „къ мощной и организованной поддержкѣ Думы для проведенія въ жизнь ея предначертаній“. Но всѣ такія поправки отвергаются, и 197 голосами противъ 100, т. е. к.-д-ами и правыми противъ трудовиковъ и с. д-овъ принимается первая поправка Петрункевича. Трудовики и с.-д-ы покидаютъ залъ для совѣщанія. Первые возвращаются, не принявъ опредѣленнаго рѣшенія; вторые читаютъ заявленіе о томъ, что новый „текстъ обращенія, главный смыслъ котораго сводится къ укору народу и призыву его къ спокойствію“, заставляетъ ихъ отказаться отъ участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи проекта, а при окончательномъ голосованіи вотировать противъ.

Въ третьемъ чтеніи обращеніе принимается 124 голосами членовъ к.-д. фракціи противъ 53 (правые и с. д-ы) при 101 воздержавшемся (трудовики и польское коло). Если бы воздержавшіеся голосовали противъ, обращеніе было бы отвергнуто. То же самое произошло бы, если бы правые и с.-д-ы воздержались: въ этомъ случаѣ въ голосованіи участвовало бы число депутатовъ, недостаточное для дѣйствительности голосованія. Это именно и произошло послѣ безтолковыхъ дебатовъ о распубликованіи только что принятаго обращенія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Безсиліе Думы и ея неспособность къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ были такъ очевидны, что, кромѣ к.-д-ой фракціи съ ея 129 голосами, никто не пожелалъ принять участія въ этомъ голосованіи, заранѣе осужденномъ на безплодіе. Вопросъ повисъ въ воздухѣ...

Органъ к.-д-ой партіи „Рѣчь“ торжествовалъ побѣду по случаю того, что „думское большинство разрѣшило трудную задачу чрезвычайно удачно... Противъ неконституціоннаго „сообщенія“ оно отвѣтило не такимъ же неконституціоннымъ шагомъ, не „обращеніемъ къ народу“, а простымъ фактическимъ опроверженіемъ и фактическимъ сообщеніемъ о намѣреніи Думы по аграрному вопросу. Будучи совершенно неуязвимымъ съ точки зрѣнія конституціонной, это сообщеніе Думы легко, какъ бы мимоходомъ, отбрасывало отъ Думы ударъ, который готовило Думѣ министерство“. Этому наивному самодовольству поддалась и часть депутатовъ, увѣрившая себя, что роспуска не послѣдуетъ; особенно окрѣпла эта увѣренность, когда 7 іюля мин. вн. дѣлъ Столыпинъ выразилъ предсѣдателю Думы желаніе дать 10 іюля объясненія по запросу о бѣлостокскомъ погромѣ [1]). Дѣйствительность скоро показала

---

[1]) См. о послѣднихъ двухъ дняхъ Думы: (стеногр. отчеты этихъ засѣданій не опубликованы): Н. Езерскій, цит. соч., стр. 73—80; И. И. Поповъ, Дума народн. надеждъ. Москва 1907, стр. 170—179; А. Цитронъ. 72 дня перваго русскаго парламента, Спб. 1906. Стр. 156—165; М. Б-овъ и Ф. Данъ. Рабочіе депутаты въ 1-ой

всю смѣхотворность надеждъ на возможность „мимоходомъ“ обойти основныя политическія проблеммы, вплотную надвигавшіяся на Думу...

Дума еще засѣдала, обнаруживая явные признаки разложенія и „развинченности“, когда министерство начало принимать окончательныя мѣры къ ея роспуску. По свидѣтельству ген. Рейнбота подготовка началась еще съ іюня, когда онъ—въ числѣ другихъ градоначальниковъ и губернаторовъ—былъ вызванъ въ Петербургъ. Здѣсь мин. вн. дѣлъ сообщилъ ему, что Думу рѣшено распустить, но правительство опасается повторенія возстанія въ Москвѣ [1]). Съ конца іюля началось стягиваніе войскъ въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерскій оффиціозъ, газета „Россія“ заговорила о возможности вмѣшательства иностранныхъ державъ въ русскія дѣла [2]).

7 Іюля вечеромъ еще засѣдали думскія комиссіи и парламентскія фракціи, а въ то же самое время полиція закрывала типографіи соціалистическихъ газетъ, Петербургъ и петерб. губ. были объявлены на положеніи чрезвычайной охраны и уже набирался указъ о роспускѣ Думы. 8-го іюля депутаты прочли его въ газетахъ. Бросившись къ зданію Таврическаго дворца, они нашли его занятымъ войсками. Ворота были заперты, и на нихъ бѣлѣлъ листокъ указа.

Дальнѣйшее извѣстно: собравшись въ Выборгѣ въ большомъ числѣ, депутаты к.-д-ой, трудовой и с.-д-ой фракціи подписали воззваніе къ народу, въ которомъ призывали къ отказу отъ платежа податей и поставки рекрутъ. Не прошло трехъ дней съ тѣхъ поръ, какъ большинство Думы отказалось придать своему „обращенію“ хоть сколько нибудь боевой характеръ, а члены этого большинства уже обращались къ народу съ прямымъ призывомъ къ борьбѣ и обѣщали, что „въ этой вынужденной, но неизбѣжной борьбѣ ваши выборные люди будутъ съ вами“.

Но это уже былъ призывъ не отъ Думы, а отъ бывшихъ членовъ ея, не отъ борющагося учрежденія, а отъ учрежденія побѣжденнаго, вливающаго въ этотъ послѣдній актъ всѣ остатки своей энергіи. „Выборгское“ воззваніе имѣло большое агитаціонное значеніе, но для большинства подписавшихъ

Г. Д. Стр. 145—154. Окончательный текстъ обращенія въ изд. партіи дем. реформъ: „Рѣчи членовъ партіи въ 1-ой Г. Д“. Спб. 1907 стр. 175, перепечатано у Г. Савича. Новый гос. строй Россіи. Спб. 1907.

[1]) Изъ книги объясненій ген. Рейнбота, представленныхъ Прав. Сенату Цитир. по „Рѣчи“ отъ 7 іюля 1910 г.

[2]) „Россія“ писала, что „былъ сдѣланъ изъ Берлина оффиціальный запросъ, на который „Вѣнскія правящія сферы“ отвѣтили, что „при извѣстныхъ условіяхъ, активное вмѣшательство этой державы во внутреннія дѣла Россіи, съ цѣлью подавленія или ограниченія аграрно-революціоннаго движенія, могло бы явиться желательнымъ и полезнымъ“. Въ Австро-Венгріи поставили, однако, условіемъ вмѣшательства не только согласіе, но также „прямо и ясно высказанное соотвѣтственное желаніе русскаго правительства“. Цит. по статьѣ П. Милюкова въ „ Рѣчи“ отъ 6 іюля 1906 г. (перепеч. въ сб. „Годъ борьбы“, стр. 378—381).

его депутатовъ оно было не началомъ открытой, упорной борьбы, а послѣдней вспышкой отчаянія. Народныя движенія, связанныя съ роспускомъ Думы (Свеаборгское и Кронштадтское возстанія, забастовка петербургскихъ рабочихъ и др.), не видѣли въ своей средѣ тѣхъ „выборныхъ людей", которые обратились къ народу съ революціоннымъ воззваніемъ. Послѣ рѣшительнаго удара, нанесеннаго ей правительствомъ, первая Дума кончила самоубійствомъ, и „выборгское" воззваніе было ея лебединою пѣснью...

VI.

Первое междудумье.

Обстоятельства, сопровождавшія прекращеніе занятій 1-ой Думы, ясно говорили о томъ, что для правительства дѣло идетъ не просто о новомъ „опросѣ мнѣній" страны, а объ актѣ рѣшительной борьбы съ тѣми требованіями, выразителями которыхъ явились депутаты распущеннаго парламента. Этотъ особый характеръ роспуска былъ подчеркнутъ манифестомъ, изданнымъ на слѣдующій день послѣ указа—9 іюля. Манифестъ мотивировалъ роспускъ тѣмъ, что „выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ намъ на несовершенства законовъ основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію". Не упоминая объ аграрныхъ проектахъ Думы, манифестъ именно этой *политической* дѣятельности Думы приписывалъ „смущеніе" въ крестьянствѣ, толкнувшее его къ безпорядкамъ. Грозя карою „ослушникамъ закона" и обѣщая „поднятіе благосостоянія крестьянства" „безъ ущерба чужому владѣнію", манифестъ подтверждалъ „неизмѣнное намѣреніе сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи" Г. Думы, призывалъ „всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться" и выражалъ надежду, что „появятся богатыри мысли и дѣла и что самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли Русской".

Первымъ видимымъ и знаменательнымъ результатомъ такого роспуска Думы оказалось не только усиленіе дѣятельности *„черносотенныхъ" организацій*, но и ихъ открытое выступленіе въ качествѣ хозяевъ политической сцены. Организаціи эти и въ предшествующій періодъ играли достаточно видную служебную роль. Но теперь ихъ роль изъ служебной становится командующей. Онѣ не только все чаще и все громче заявляютъ свою политическую программу—возстановленіе неограниченнаго самодержавія и превращеніе Думы въ совѣщательное сословное представительство „господствующей",

русской націи,—но и встрѣчаютъ на верхахъ правительственной лѣстницы все болѣе явное и демонстративное поощреніе. Предсѣдатель „союза" русскаго народа", Дубровинъ совершаетъ тріумфальную поѣздку по Россіи, его всюду торжественно встрѣчаютъ высшіе представители мѣстной административной и духовной іерархіи; генералъ-губернаторы, губернаторы и архіереи принимаютъ участіе въ пышныхъ церемоніяхъ открытія новыхъ отдѣловъ „союза", а его видные члены, не стѣсняясь, дѣлаютъ публичныя внушенія какъ административному персоналу—вплоть до министровъ, такъ и высшимъ представителямъ церкви [1]). По указанію членовъ союза не только арестовываютъ, сажаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ „неблагонадежныхъ", но и смѣщаютъ съ должностей чиновниковъ, судей, полицейскихъ, учителей, земскихъ врачей и т. д., почему-либо ставшихъ неугодными союзнымъ дѣятелямъ. Сами же члены черносотенныхъ организацій пользуются усиленнымъ покровительствомъ, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ насиліямъ надъ обывателями и открыто хвастаются своею неприкосновенностью. Убійцы депутата распущенной Думы М. Я. Герценштейна остаются долго неразысканными, хотя всѣ слѣды слишкомъ очевидно ведутъ къ главарямъ „союза русскаго народа", которые, впрочемъ, почти и не скрываютъ своей причастности къ этой „патріотической" расправѣ съ наиболѣе яркимъ выразителемъ аграрно-реформаторскихъ стремленій большинства 1-ой Думы.

Такъ идетъ дѣло въ дѣйствительности. Офиціально же центральное правительство занимаетъ на первыхъ порахъ выжидательное положеніе. Одновременно съ роспускомъ Думы получаетъ отставку Горемыкинъ и два члена его кабинета — кн. Ширинскій - Шихматовъ (оберъ-прокуроръ синода) и Стишинскій (главноупр. землеустройствомъ и земледѣліемъ). Во главѣ *новаго кабинета* становится П. А. Столыпинъ, мин. вн. дѣлъ. Новое министерство вначалѣ, очевидно, далеко еще не увѣрено въ прочности своего

[1]) См., напр., извѣстное „открытое письмо" Дубровина петербургскому митрополиту Антонію съ категорическимъ предложеніемъ: или „дать благословеніе русскимъ православнымъ людямъ, стоящимъ за вѣру, самодержавнаго царя и русскій народъ", или.. „уйти". (Переп. у Брянчанинова: Междодумье, Спб. 1907, стр. 341 и сл.). Митрополитъ Антоній предпочелъ первую половину дилеммы. Б. м. еще характернѣе для роли черносотенныхъ организацій въ эту пору необычайный обмѣнъ телеграммами между г. Юзефовичемъ, предсѣдателемъ кіевскаго съѣзда монархистовъ, и германскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, ф. Микелемъ. Юзефовичъ послалъ отъ имени съѣзда телеграмму императору Вильгельму съ выраженіемъ сожалѣнія о вниманіи и милостяхъ, оказанныхъ имъ будто бы графу Витте. Германскій мин. вн. дѣлъ счелъ нужнымъ поручить германскому послу немедленно же сообщить Юзефовичу, что его телеграмма „основана на ошибочномъ предположеніи". А на телеграмму Юзефовича совѣту министровъ, предсѣдатель совѣта, П. А. Столыпинъ отвѣтилъ, что „совѣтъ министровъ искренно благодаритъ въ лицѣ вашемъ представителей партій за привѣтствіе и готовность содѣйствовать правительству" (См. Брянчаниновъ, цит. соч. стр. 352—353).

положенія. Послѣдствія роспуска Думы и „выборгскаго“ воззванія далеко еще не выяснены [1]). Демонстративныя забастовки рабочихъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ, крестьянскія волненія, выраженія протеста со стороны разнообразныхъ слоевъ населенія заставляли опасаться широкаго подъема общественнаго движенія, подъема, о возможности котораго, какъ мы видѣли, правительство задумывалось и до роспуска Думы. Возстанія въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ, Ревелѣ, Либавѣ, волненія въ другихъ частяхъ арміи и флота вселяли большія опасенія. Финансовое положеніе, несмотря на только что заключенный 800-милліонный заемъ, также было далеко не блестящимъ, заставляло ожидать новаго крупнаго дефицита и необходимости снова обращаться за займомъ къ европейскимъ банкирамъ [2]). Все это обязывало къ извѣстной осторожности.

Министерство исподволь принимало рядъ мѣръ для предотвращенія грозившихъ, по его мнѣнію, волненій [3]) и для усиленія *репрессій*. Одна мѣстность за другою объявлялись на положеніи усиленной или чрезвычайной

---

[1]) Насколько лозунгъ неплатежа податей могъ встрѣтить, при благопріятныхъ условіяхъ, широкій откликъ среди крестьянъ, видно изъ того, что, какъ сообщаетъ циркуляръ губернаторамъ и управл. казенными палатами отъ 11 авг. 1906 г. о взысканіи недоимокъ, прямые налоги, въ частности земскіе сборы, поступали за 1906 г. очень туго. Въ то время какъ въ 1905 г. за первые 6 мѣсяцевъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель при годовомъ окладѣ въ 32 мил. руб. поступило 15 милл., за первые 6 мѣс. 1906 г., при окладѣ въ 35 милл. руб., поступило всего 8 мил. Циркуляръ объясняетъ это паденіе земскихъ сборовъ, м. пр., тѣмъ, что „политическія волненія понизили въ населеніи чувство законности и сознаніе долга; плательщики стали намѣренно пренебрегать своими податными обязанностями“.

[2]) См. изв. письмо мин. фин. Коковцева къ предс. сов. мин., исчисляющее вѣроятный дифицитъ на 1907 г. въ 155 мил. руб. Письмо было полностью напечатано въ парижской газетѣ „Le Temps“; перепечатано въ „Рѣчи“ отъ 26 сент. 1906 г. Правда, „Прав. Вѣстникъ“ въ № отъ 8 дек. оффиціально заявилъ по поводу слуховъ о предстоящемъ новомъ займѣ, что „всѣ указаннаго рода слухи ни на чемъ не основаны и представляютъ собою совершенный вымыселъ“. Это не помѣшало тому, что уже черезъ нѣсколько дней оффиціальныя „предположенія о госуд. росписи доходовъ и расходовъ на 1907 г.“ вынуждены были констатировать, что для покрытія части расходовъ „предполагается кредитная операція въ размѣрѣ, который имѣетъ быть выясненъ впослѣдствіи“. По предварительнымъ подсчетамъ—расходы, для покрытія которыхъ необходимъ былъ заемъ, исчислялись въ 242 мил. рублей.

[3]) См,, напр., циркулярную телеграмму и циркуляръ м. в. д. отъ 11 іюля. Телеграмма, немедленно опубликованная, требовала отъ губернаторовъ „самаго рѣшительнаго безъ всякихъ колебаній руководительства въ дѣлѣ быстраго, твердаго и неуклоннаго возстановленія порядка“, но въ то же время заявляла, что „огульныя репрессіи не могутъ быть одобрены. Дѣйствія незакономѣрныя и неосторожныя, вносящія, вмѣсто успокоенія, озлобленіе, нетерпимы“. Одновременно же разосланный циркуляръ требовалъ отъ губернаторовъ „особыхъ мѣръ для предотвращенія революціонныхъ волненій“, а именно—не разрѣшенія „ни собраній, ни митинговъ, возбуждающихъ къ противозаконнымъ дѣяніямъ“, и „удаленія всѣхъ лицъ, проявляющихъ склонность къ возбужденію населенія“,

охраны [1]), или на военномъ положеніи [2]). „Собраніе узаконеній и распоряженій правительства“ буквально переполняется распоряженіями объ усиленіи штатовъ полиціи, стражниковъ, жандармеріи въ различныхъ мѣстностяхъ. Всевозможныя общественныя организаціи, какъ политическія, такъ и иныя— особенно же рабочія организаціи — подвергаются усиленному притѣсненію. Высылки, обыски, аресты, конфискаціи газетъ и брошюръ льются широкимъ потокомъ. Мѣстныя власти и, особенно, вновь испеченные временные генералъ-губернаторы одинъ передъ другимъ стараются выдѣлиться рѣшительностью своихъ репрессивныхъ дѣйствій [3]). Съ своей стороны, и министерство юстиціи (цирк. 19 іюля) заботилось объ усиленіи судебной репрессіи, призывая свое „вѣдомство“ къ „особому напряженію бдительности“ и „быстрому воздѣйствію на враговъ государства и общества“.

Въ то же время, нажимая на мѣстахъ репрессивный винтъ и стягивая всѣ силы „стараго порядка“, министерство офиціально объявляетъ, что все это дѣлается лишь во имя „реформъ“. „Борьба ведется не противъ общества, а противъ враговъ общества... Старый строй получитъ обновленіе“, говоритъ та же самая циркулярная телеграмма 11 іюля, которая требуетъ отъ губернаторовъ „твердаго и неуклоннаго возстановленія порядка“. Репрессія и реформы“, или „репрессія для реформъ“ — такова офиціальная программа новаго кабинета, и къ этой программѣ онъ требуетъ „довѣрія“ общества. На основѣ этого требованія ведутся и вновь начавшіеся переговоры о вступленіи въ министерство *„общественныхъ дѣятелей“*,— переговоры, имѣющіе дѣйствительною цѣлью не передачу министерскихъ портфелей въ руки не-бюрократическихъ элементовъ, а выигрышъ времени и нащупываніе настроенія различныхъ общественныхъ группъ. Программно-политическая безпринципность переговоровъ документировалась уже тѣмъ, что они велись одновременно съ представителями весьма разнообразныхъ группъ: выразителемъ реакціонныхъ стремленій дворянства Самаринымъ, членами союза 17 октября и нарождавшейся партіи мирнаго обновленія А. Гучковымъ,

---

1) Дѣйствіе положенія 14 авг. 1881 г. объ охранѣ было 5 авг. 1906 г. снова продлено „до пересмотра исключит. законоположеній, но во всякомъ случаѣ на срокъ не долѣе одного года, т. е. по 4 сент. 1907 г.“

2) Къ 1 авг. изъ 87 г. и обл. военное положеніе было введено въ 40, усил. охр.—въ 15, чрезв.—въ 27. См. „Право“ за 1906 г. № 31.

3) Какъ широко пользовались врем. ген. губ. своими полномочіями, видно изъ отвѣта николаевск. ген.-губ. Штерича учредителямъ проф. союза металлистовъ. Имъ было отвѣчено, что „врем. никол. ген.-губ., въ виду явно вреднаго направленія дѣятельности проф. союзовъ, образованіе таковыхъ въ ген.-губернаторствѣ въ данное время находитъ недопустимымъ “(„Рѣчь“, 5 ноября 1906 г.). Кременчугскій ген.-губ., въ свою очередь, находилъ учрежденіе проф. союзовъ вредной „модной затѣей“. Онъ же требовалъ, чтобы, при встрѣчѣ съ нимъ, прохожіе останавливались и снимали шляпы.

Д. Шиповымъ, гр. Гейденомъ, Н. Львовымъ и др., вчерашнимъ членомъ к.-д-ой думской фракціи кн. Львовымъ и т. д. [1]).

Попытка части этихъ „общественныхъ дѣятелей“ обусловить свое вступленіе въ кабинетъ принятіемъ опредѣленной программы вызвала заявленіе, что „вопросъ о принятіи и опубликованіи программы долженъ остаться открытымъ, въ виду того, что правительство рѣшило и безъ того неуклонно слѣдовать по пути реформъ“ [2]). Офиціальное сообщеніе 24 іюля констатировало неудачу переговоровъ съ „общественными дѣятелями“, самимъ сообщеніемъ характеризованными какъ люди, „которые положили въ основу своей дѣятельности закономѣрное проведеніе этихъ („дарованныхъ“) реформъ“. Попытка сообщенія приписать кн. Львову, гр. Гейдену и Д. Шипову солидарность съ правительственной программой и объяснить неудачу переговоровъ лишь разногласіемъ по вопросу о числѣ „общественныхъ дѣятелей“, которые должны были войти въ кабинетъ, вызвала немедленное опроверженіе со стороны названныхъ лицъ. А самая неудача—имѣя въ виду крайне умѣренное направленіе людей, къ которымъ обращалось правительство, — достаточно опредѣленно говорила о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ и дѣйствительной „программѣ“ новаго министерства.

Однако, „неудача переговоровъ“ съ точки зрѣнія пошедшихъ на нихъ „общественныхъ дѣятелей“ отнюдь не означали безплодности ихъ съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей, которыя ставило себѣ, начиная ихъ, правительство. Наоборотъ. Эти переговоры были не только полезны новому министерству, вскрывая передъ нимъ готовность къ компромиссу извѣстныхъ „общественныхъ“ группъ, но дали и непосредственные, практическіе результаты. Эти результаты подчеркивало оффиціальное сообщеніе: „отдѣльные общественные дѣятели, изъ которыхъ Н. Н. Львовъ и А. И. Гучковъ были приняты его Величествомъ въ продолжительной аудіенціи, полагали, что они, въ цѣляхъ мирнаго проведенія реформъ, могутъ оказать большую пользу, не уходя въ настоящую минуту отъ общественной дѣятельности, которая имъ свойственна и которая требуетъ мобилизаціи всѣхъ трезвыхъ общественныхъ силъ“. Сами Н. Львовъ и А. Гучковъ не только не опровергали этого оффиціальнаго сообщенія, но послѣдній въ цѣломъ рядѣ публичныхъ заявленій и „открытыхъ писемъ“ (къ кн. Е. Трубецкому и Д. Шипову) подтвердилъ его правильность.

---

1) Впослѣдствіи выяснилось, что, одновременно съ этими переговорами, предс. сов. мин. принималъ извѣстнаго дѣятеля союза р. н. Ѳ. Булацеля и привелъ его въ восторгъ своимъ рѣзко-отрицательнымъ отношеніемъ къ „конституціонному строю“.

2) Письмо гр. Гейдена въ „Новомъ Времени“ (29 іюля 1906 г.). Однородныя сообщенія сдѣлали въ своемъ коллективномъ письмѣ въ томъ же № „Нов. Вр.“ Д. Шиповъ и кн. Львовъ.

Такимъ образомъ *реальное завоеваніе правительства* въ ходѣ переговоровъ заключалось въ пріобрѣтеніи людей, формально числившихся въ „конституціонномъ“ и даже „оппозиціонномъ“ лагерѣ и въ то же время согласившихся стать проводниками политики новаго кабинета, апологетами его репресивной дѣятельности во имя ожидаемыхъ „реформъ“. Пріобрѣтеніе это было тѣмъ болѣе цѣнно, что за этими лицами стояла политическая организація—„Союзъ 17 Октября“, —ставившая себя такимъ образомъ на службу правительству. И хотя именно этотъ открытый поворотъ октябризма далъ окончательный толчекъ выдѣленію изъ „Союза 17 Октября“ новой партіи—„мирнаго обновленія“, все же для правительства онъ имѣлъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что за нимъ скрывался поворотъ въ настроеніи и политической позиціи не только новыхъ слоевъ землевладѣльческаго дворянства, но и значительной части капиталистической буржуазіи [1]).

Опираясь на усиленную мобилизанію дворянско-черносотенныхъ силъ, съ одной стороны, готовность капиталистической буржуазіи оказать „довѣріе“ министерству „роспуска госуд. думы“, поддержать его контръ-революціонную дѣятельность, отказаться отъ всякихъ политическихъ притязаній и сосредоточить свои силы въ экономической организаціи „съѣздовъ“, съ другой,—правительство получило возможность дѣйствовать гораздо увѣреннѣе. Явная нерѣшительность оппозиціонныхъ партій, какъ к.д-овъ, не рѣшавшихся приступить даже къ пропагандѣ ими самими брошенныхъ лозунговъ „пассивнаго сопротивленія“; политическая незрѣлость и раздробленность крестьянскаго движенія; безсиліе изолированныхъ пролетарскихъ элементовъ города;—все это укрѣпляло почву подъ ногами контръ-революціоннаго кабинета и если онъ не рѣшался еще совершить тотъ открытый переворотъ, котораго требовали отъ него дворянскій съѣздъ и черносотенная организаціи, то къ серединѣ августа онъ во всякомъ случаѣ почувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы приступить—подъ прикрытіемъ 87 ст. основныхъ законовъ—къ проведенію всѣхъ мѣропріятій, на пути которымъ стояла Дума, и къ подготовленію условій для измѣненія характера и обезсиленія народнаго представительства.

Въ преддверіи этой своеобразной „реформаторской“ работы стояло новое колоссальное усиленіе репрессіи. Эру „реформъ“ открылъ законъ 19 авг. о *военно-полевомъ судѣ*, превращавшій терроръ карательныхъ экспедицій въ „законом*ѣ*рное“ средство управленія [2]). Согласно этому закону и изданнымъ на слѣдующій день правиламъ, въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе во II томѣ наст. изд. (часть 2-я), въ моей статьѣ: „Очеркъ полит. эволюціи“ и т. д. Стр. 136 и слѣд.

[2]) Поводомъ къ изданію закона послужило покушеніе на П. А. Столыпина—взрывъ его дачи на Аптекарскомъ островѣ (12 августа). Самая мѣра была предложена съѣздомъ объединеннаго дворянства.

военномъ положеніи или положеніи чрезвычайной охраны, военно-полевому суду съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени могли предаваться гражданскія лица, когда „учиненіе преступнаго дѣянія является настолько очевиднымъ, что нѣтъ надобности въ его разслѣдованіи“. Судъ—изъ строевыхъ офицеровъ—долженъ былъ „слѣдовать безотлагательно за совершеніемъ преступнаго дѣянія и по возможности въ теченіи сутокъ“, приступать немедленно къ разбору дѣла при закрытыхъ дверяхъ, безъ участія защиты и кончать разсмотрѣніе его „не далѣе, какъ въ теченіи двухъ сутокъ“. Приговоръ немедленно вступаетъ въ законную силу и приводится въ исполненіе во всякомъ случаѣ не позже сутокъ.

Передача дѣла на разсмотрѣніе военно-полевого суда была всецѣло предоставлена генералъ-губернаторамъ, которые и поспѣшили воспользоваться своими новыми правами, и притомъ еще значительно шире, чѣмъ то вытекало изъ самой формулировки закона. Правительственное сообщеніе 20 августа говорило, что военно-полевые суды учреждаются лишь „для сужденія обвиняемыхъ въ наиболѣе тяжкихъ“ и даже „выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ“ преступленіяхъ. Но уже циркуляръ 6 сентября вводилъ въ число преступленій, при которыхъ „желательно неуклонное примѣненіе“ военно-полевыхъ судовъ, и вооруженныя нападенія на должностныхъ или частныхъ лицъ, и разбои, и грабежи и даже неопредѣленныя „насилія“. Генералъ-губернаторы пошли еще гораздо дальше и не только заранѣе объявляли цѣлыя категоріи преступленій подлежащими сужденію военно-полевымъ судомъ въ то время, какъ законъ говорилъ лишь объ отдѣльныхъ случаяхъ и „очевидности“ дѣяній, но и расширяли эти категоріи вплоть до „оскорбленія присутственныхъ мѣстъ и чиновниковъ“, похищенія бумагъ изъ присутственныхъ мѣстъ“, „противо-правительственной агитаціи среди войсковыхъ и полицейскихъ чиновъ“ и т. д. [1]). Фактически создалось такое положеніе, что генералъ-губернаторы могли предавать и дѣйствительно предавали военно-полевому суду за всякія преступленія, даже такія мелкія, какъ кражи. Въ то же время они не считали для себя обязательнымъ указаніе закона, что приговоръ военно-полевого суда—окончательный, и не стѣсняясь, кассировали оправдательные или „мягкіе“ (каторга вмѣсто казни) приговоры такихъ судовъ. Всѣ эти вопіющія нарушенія были констатированы и новымъ циркуляромъ П. Столыпина (12 Окт.), пытавшимся какъ будто ограничить сферу примѣненія военно-полевыхъ судовъ [2]). Но само собою понятно, что,

[1]) См. напр. обязат. пост. врем. ген.-губ. гор. Двинска. „Товарищъ“, 17 сент. 1906 г.

[2]) Въ дѣйствительности этотъ циркуляръ значительно раздвигалъ рамки, намѣченныя прав. сообщеніемъ 20 авг. Такъ, вмѣсто преступленій „выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ“, циркуляръ 12 окт. указывалъ и такіе, какъ „пріобрѣтеніе, храненіе, ношеніе и сбытъ взрывчатыхъ веществъ“, „убійство, разбой, грабежъ“ и т. п.

при сохраненіи самаго учрежденія „скорострѣльнаго“ суда и фактическомъ всемогуществѣ генералъ-губернаторовъ, всѣ такіе циркуляры имѣли лишь декоративное значеніе, и военно-полевые суды продолжали играть роль узаконеннаго орудія контръ-революціоннаго террора [1]). Ими казнено за время ихъ существованія (20 Авг. 1906 г.—20 апр. 1907 г.) 683 человѣка. Въ то же время не только продолжали, но и усилили свою истребительную работу „обыкновенные“ военные суды. Тюрьма и ссылка также начали поглощать еще большее число лицъ, чѣмъ раньше [2]).

Одновременно съ закономъ о военно-полевыхъ судахъ, какъ указывало прав. сообщеніе, „въ виду развивающагося за послѣднее время новаго тягчайшаго вида преступленія—*пропаганды въ войскахъ*—изданы также временныя правила объ усиленіи наказуемости за этого рода преступленія“. Согласно этимъ правиламъ (18 авг.) обвиняемые въ такой пропагандѣ предаются военному суду и наказываются каторгою. Огражденіе отъ „вредныхъ вліяній“ и „подтягиваніе“ своего *защитнаго аппарата*—войска, полиціи, бюрократіи, магистратуры — занимаетъ въ это время очень большое мѣсто въ работахъ правительства. Съ этою цѣлью было напр., отсрочено отбываніе воинской повинности для поднадзорныхъ (6 Ноября 1906 г.). Съ этою же цѣлью былъ принятъ рядъ мѣръ, усиливавшихъ наказанія военно-служа-

---

[1]) Какое малое значеніе для предотвращенія злоупотребленій имѣлъ циркуляръ 12 окт., видно взъ того, что уже нѣсколько недѣль спустя (28 ноября) московскій ген. губ. Гершельманъ отмѣнилъ приговоръ военно-полевого суда, приговорившаго братьевъ Кабловыхъ и братьевъ Тараканниковыхъ, обвинявшихся въ нанесеніи ранъ городовому, къ безсрочной каторгѣ, и предалъ ихъ новому суду, пославшему ихъ на казнь. Случай этотъ послужилъ поводомъ къ запросу во второй Думѣ (см. стеногр. отч., зас. 30 марта, 3 и 30 апрѣля). Въ Думѣ представители правительства выступили рѣшительно въ защиту Гершельмана. Военный министръ, ген. Редигеръ, доказывалъ, что „въ данномъ случаѣ не было отмѣны приговора“, а „только непризнаніе законной силы за приговоромъ“ въ виду различныхъ дефектовъ его; мин. юстиціи, Щегловитовъ, „удостовѣрилъ“, что „резолюція ген. Гершельмана не содержитъ въ себѣ словъ: отмѣняю приговоръ военно-полевого суда“; а тов. мин. вн д. Макаровъ находилъ, что „постановленіе, которое вечеромъ 27 ноября было представлено ген. Гершельману, въ качествѣ приговора суда, составляло не приговоръ, потому что оно исходило изъ учрежденія юридически не существовавшаго“, такъ какъ де приказъ объ учрежденіи в. п. суда былъ напечатанъ на слѣдующій день послѣ того, какъ судъ этотъ состоялся. Вопросъ деп. Маклакова, что же сдѣлали въ такомъ случаѣ съ „самозванными“ судьями, начальникомъ тюрьмы, препроводившимъ въ „не существовавшій“ судъ заключеннаго и т. д.,—остался безъ отвѣта.

[2]) По даннымъ г. Вентина („Пятилѣтніе итоги“ въ декабрьской кн. „Совр. Міра“ за 1910 г.) число казненныхъ „политическихъ преступниковъ“ (кромѣ казненныхъ военно-пол. судами) было таково: въ 1906 г. —249; 1907—624; 1908—1340. 1909—717; 1-я полов. 1910 — 110. Всего казнено за 5-лѣтіе 17 окт. 1905 — 17 окт. 1910 г. 3741 чел., изъ нихъ „политическихъ“ — 3015. Среднее ежедневное число заключенныхъ въ тюрьмахъ было: въ 1897—1904 г.—отъ 77.255 (1897 г.) до 96.005 (1903 г.); въ 1905 г. — 85.184; 1906 — 111.403; 1907 — 138.500; 1908—166.064; къ 1 апр. 1909 г.—181.241.

щихъ и закрывавшихъ имъ и чиновникамъ доступъ въ неугодныя правительству политическія партіи [1]).

Опредѣленіемъ сената (9 Окт. 1906 г.) ограниченія въ политической дѣятельности были распространены и на магистратуру: судьямъ было запрещено вообще участвовать въ политическихъ партіяхъ, прочимъ же чинамъ судебнаго вѣдомства—въ партіяхъ, обнаруживающихъ „стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ". Всѣ эти циркуляры и опредѣленія имѣли для подчиненныхъ смыслъ прямого приказа—примыкать къ угоднымъ правительству,—главнымъ образомъ, черносотеннымъ — организаціямъ, активное участіе въ которыхъ обезпечивало чиновникамъ быструю карьеру.

Изъ другихъ мѣръ репрессіи за это время особенно замѣтными были: законъ 30 сент. 1906 г. о наложеніи — для предупрежденія побѣговъ — *„предупредительныхъ связокъ"* на лицъ, задерживаемыхъ полиціею, и арестантовъ и законъ 24 дек. 1906 г. объ уголовной отвѣтственности (тюрьма 2 — 8 мѣсяцевъ, арестъ до 3 мѣсяцевъ или штрафъ до 500 р.) за *„восхваленіе преступныхъ дѣяній* въ рѣчи и печати". Первый законъ имѣлъ цѣлью дальнѣйшее униженіе и приравниваніе къ уголовнымъ арестантамъ такъ наз. „политическихъ" [2]); второй—еще большую необезпеченность и зависимость отъ усмотрѣнія администраціи свободы устнаго и печатнаго слова.

Атмосфера „бѣлаго террора", въ которой очутилась страна, еще усиливалась благодаря такимъ событіямъ, какъ *погромъ въ Сѣдлецъ* (27—28 Авг.), и обстановка, въ которой этотъ погромъ совершался. Эта обстановка была раскрыта докладомъ сѣдлецкаго жандармскаго ротмистра Пѣтухова Варшавскому генералъ-губернатору, немедленно попавшимъ въ печать. По описанію Пѣтухова, погромъ былъ подготовленъ, организованъ и выполненъ начальникомъ охраны г. Сѣдлеца, подполковникомъ 39 драгунскаго полка Тихановскимъ, полагавшимъ, что „на терроръ революціи мы должны отвѣтить еще болѣе сильнымъ террором". Жертвами этого „болѣе сильнаго террора" и сопровождавшихъ его грабежей пали сотни людей. Разслѣдованіе обстоятельствъ погрома чиновникомъ особыхъ порученій мин. вн. д. Губони-

---

1) См. 1-я часть наст. тома. стр. 369—370.

2) Въ этомъ же направленіи шелъ и указъ 22 ноября 1909 г. о замѣнѣ крѣпости другими видами наказанія, а также „опредѣленіе" сената, разъяснившее, что мировые судьи имѣютъ право входа въ мѣста заключенія лишь тогда, когда у нихъ есть точныя данныя о неправильномъ задержаніи какого-либо опредѣленнаго лица. Между тѣмъ еще 30 іюня, въ отвѣтъ на запросъ Г. Д., тов. мин. юст. Соллертинскій торжественно подтвердилъ, что, по точному смыслу Суд. Уставовъ, „мировые судьи имѣютъ право безпрепятственнаго входа въ мѣста заключенія для провѣрки правильности задержанія заключенныхъ". Послѣ сенатскаго разъясненія посѣщенія мировыхъ судей должны были прекратиться, и органы охраны снова почувствовали себя совершенно свободными отъ обязанности соблюдать хотя бы формальную „законность".

нымъ подтвердило указаніе Пѣтухова. И все же въ результатѣ—ротмистръ Пѣтуховъ былъ уволенъ отъ службы, а подполковникъ Тихановскій и его сотрудники получили выраженіе „искренней благодарности“ со стороны варш. ген.-губ. Скалона. (прик. 7 Февр. 1907 г.) [1]).

Въ то же время начинается ускоренная *ликвидація политическихъ дѣлъ*, завѣщанныхъ прошлымъ, поднять которыя раньше казалось опаснымъ. Быстро проводится процессъ противъ петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ (19 сент.—17 окт.), обращающійся, благодаря мужественному выступленію подсудимыхъ и сочувственной поддержкѣ рабочихъ, въ грандіозную обличительную манифестацію и заканчивающійся болѣе мягкими приговорами (ссылка на поселеніе), чѣмъ разсчитывали иниціаторы процесса. Послѣ $2^1/_2$ мѣсяцевъ колебанія составляется постановленіе о привлеченіи къ суду бывшихъ депутатовъ 1-й Думы за выборгское воззваніе (20 сент.), и одновременно этихъ депутатовъ не только вычеркиваютъ изъ списковъ избирателей, но требуютъ ихъ устраненія изъ сословныхъ и земскихъ учрежденій. Большинство дворянскихъ обществъ по собственной иниціативѣ исключаетъ изъ своей среды членовъ, подписавшихъ выборгское воззваніе [2]), а земства безъ сопротивленія идутъ навстрѣчу требованіямъ правительства. Въ провинціи также широко развертывается „ликвидаціонная“ работа и съ новой силой возобновляется „чистка“ среди „третьяго элемента“. Усиливаются репрессіи противъ печати, совершенно беззащитной передъ мѣропріятіями многочисленныхъ временныхъ генералъ-губернаторовъ. Существованіе всѣхъ общественныхъ организацій попадаетъ въ полную зависимость отъ административнаго усмотрѣнія. Не только партія к.-д. и даже партія мирнаго обновленія получаютъ отказъ въ легализаціи, но и союзъ 17 октября администрація соглашается регистрировать лишь послѣ долгихъ колебаній. Зато безъ промедленія легализуются черносотенныя организаціи, въ томъ числѣ и такія, какъ „общество активной борьбы съ революціей и анархіей“ (17 сент.), представляющее собой боевой отрядъ при „союзѣ русскаго народа“.

* * *

На фонѣ „бѣлаго террора“ и начинается *„реформаторская“ дѣятельность* новаго кабинета. Ст. 87 основныхъ законовъ, говорящая о „чрезвычайныхъ обстоятельствахъ“, при которыхъ становится возможнымъ внѣ-думское законодательство, превращается въ формальное прикрытіе для проведенія въ жизнь цѣлаго ряда мѣропріятій, не имѣющихъ ни въ малѣй-

---

[1]) См. матер. по истор. и т. д. стр. 405 и сл.

[2]) Костромское дворянство, наоборотъ, принимаетъ въ свой составъ лицъ, исключенныхъ дворянскими обществами другихъ губерній.

шей степени „чрезвычайнаго“ характера и въ то же время глубоко врѣзывающихся въ соціально-политическую жизнь страны [1]).

Въ правительственномъ сообщеніи о военно-полевыхъ судахъ была уже намѣчена программа тѣхъ мѣропріятій, которыя—по „чрезвычайной неотложности“ ихъ и въ виду того, что „направленіе ихъ уже предрѣшено“,—кабинетъ намѣревался провести въ жизнь въ періодъ междудумья. „На первомъ мѣстѣ“ въ ряду этихъ „предрѣшенныхъ“ задачъ правительство ставило „вопросъ земельный и землеустроительный“. Затѣмъ слѣдовали „нѣкоторыя неотложныя мѣропріятія въ смыслѣ гражданскаго равноправія и свободы вѣроисповѣданія“. А именно предполагалось „отмѣнить отжившія ограниченія, стѣсняющія крестьянъ и старообрядцевъ“ и „безотлагательно“ разсмотрѣть „въ области еврейскаго вопроса, какія ограниченія, какъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія, могутъ быть отмѣнены немедленно“. Наконецъ, междудумское законодательство должно было быть исчерпано „расширеніемъ сѣти народныхъ школъ въ связи съ планомъ введенія всеобщаго обученія и улучшеніемъ матеріальнаго положенія учителей“.

Изъ этой программы многое не было выполнено и, наоборотъ, въ область законодательства по 87 ст. вошло многое, что этою программою не предусматривалось. Но земельный вопросъ, дѣйствительно, былъ поставленъ „на первое мѣсто“. Дворянство, которое раньше, какъ мы видѣли [2]), настаивало на скорѣйшемъ рѣшеніи земельнаго вопроса въ Думѣ, теперь, послѣ плачевнаго для него опыта, столь же настойчиво требовало рѣшенія этого коренного вопроса соціально-политической жизни безъ всякаго участія Думы. Правительство охотно пошло на это и такимъ образомъ разрубило гордіевъ узелъ тѣхъ двухъ основныхъ вопросовъ, на почвѣ которыхъ разыгрывались его конфликты съ первою Думою. Вопросъ о государственной власти былъ, если не формально-юридически, то практически разрѣшенъ, по крайней мѣрѣ, для даннаго момента роспускомъ Думы и послѣдующею административно-законодательною дѣятельностью. Вопросъ земельный—проведеніемъ въ жизнь, подъ прикрытіемъ 87 ст., всей земельной программы, рѣшительно отвергнутой Думою. Тѣмъ самымъ значеніе Думы, какъ законодательнаго органа, сводилось до нуля.

Дворянско-бюрократическую программу „разрѣшенія земельнаго вопроса“, какъ мы видѣли, формулировало правительственное сообщеніе 20 іюня. Теперь она начала приводиться въ исполненіе. Правительственнное сообщеніе, сопровож-

---

[1]) Какъ намѣрено было правительство толковать ст. 87, видно изъ замѣчанія правительственнаго оффиціоза, „Россіи“. Доказывая право пр-ва на „реформаторскую“ дѣятельность, оффиціозъ заявлялъ, что пр-во, если бы захотѣло, „могло бы освободить себя“ отъ Думы не на 7 мѣсяцевъ, а на гораздо болѣе долгій срокъ.

[2]) См. 1-ую ч. наст. тома, с. 377.

давшее указъ 27 авг. о продажѣ крестьянамъ казенныхъ земель, констатировало наличность „громаднаго числа предложеній“ *частновладѣльческой земли*— крестьянскому банку, а законъ 21 окт. еще расширилъ возможность такихъ предложеній, допустивъ продажу крестьянамъ участковъ изъ заповѣдныхъ, маіоратныхъ и т. п. имѣній. 12 августа состоялось Выс. повелѣніе о „передачѣ крестьянскому банку значительной части *удѣльныхъ земель*—приблизительно въ предѣлахъ, намѣченныхъ к.-д. проектомъ о принудительномъ отчужденіи. Земли эти передавались банку, для продажи крестьянамъ, за цѣну, въ основу которой была положена капитализація изъ 5% средней годовой доходности за трехлѣтіе 1903—1905 г.г. (В. п. 28 окт.). Распредѣленіе земель для продажи крестьянамъ возлагалось на бездѣйствовавшія до того землеустроительныя комиссіи (зак. 4 марта 1906 г.). 27 авг. состоялся указъ о продажѣ крестьянамъ *казенныхъ земель*, 86% которыхъ, по признанію прав. сообщенія, и до того находились въ арендномъ пользованіи крестьянъ. Земли эти были назначены въ распродажу черезъ посредство землеустроительныхъ комиссій, по цѣнѣ, представляющей капитализацію средней годовой доходности земли въ данной мѣстности, и съ погашеніемъ ссуды по нормамъ, принятымъ крестьянскимъ банкомъ. При продажѣ этихъ земель землеустроительнымъ комиссіямъ предписано было наблюдать, чтобы количество покупаемой казенной надѣльной и ранѣе купленной земли въ рукахъ одного домохозяина не превышало, въ общей сложности, нормы, устанавливаемой для каждой мѣстности особо землеустроительной комиссіей[1]). *Кабинетскія земли* алтайскаго округа (ук. 13 сент.) въ собственность крестьянамъ не продавались. Изъ нихъ образовывались переселенческіе участки, поступающіе въ собственность казны—съ сохраненіемъ за кабинетомъ права собственности на нѣдра и уплатою ему по 22 коп. съ десятины въ теченіе 49 лѣтъ,—и передаваемые ею въ постоянное пользованіе переселенцамъ за оброчную подать.

Таковы были мѣры для *увеличенія крестьянскаго землевладѣнія*. Сюда же слѣдуетъ отнести указъ 30 авг., облегчавшій скупку кр. банкомъ земель у помѣщиковъ разрѣшеніемъ банку принимать на себя лежащіе на имѣніяхъ долги дворянскому и акціонернымъ земельнымъ банкамъ и указъ 14 окт. о пониженіи платежей заемщиковъ кр. банка съ возложеніемъ вытекающихъ отсюда убытковъ на казначейство[2]). Правительственное сообще-

---

[1]) 11 янв. 1907 г. были изданы правила о порядкѣ продажи крестьянамъ казенныхъ лѣсовъ.

[2]) По вычисленіямъ прав. сообщенія доплата казны должна была составлять $1^1/_2$ мил. руб. ежегодно на ссуды, выданные уже ко времени изданія указа, и по 1 мил. руб. въ годъ на каждые вновь выдаваемые 100 мил. руб. ссуды На дѣлѣ, вслѣдствіе скопленія земель въ рукахъ банка (см. ниже), приплаты оказались гораздо выше.

ніе по поводу этого пониженія платежей много распространялось на тему о нежелательности „искусственнаго повышенія цѣнъ“ на землю. На самомъ дѣлѣ для крестьянъ всѣ проведенныя послѣ роспуска Думы мѣры по „увеличенію крестьянскаго землевладѣнія“ означали именно необходимость—или оставаться безъ земли, или платить за нее крайне вздутыя цѣны. Это привело къ тому, что продажа земель крестьянамъ шла гораздо медленнѣе, чѣмъ скупка ихъ крестьянскимъ банкомъ. Въ рукахъ банка начали скопляться огромныя земельныя имущества, а госуд. казначейству пришлось нести въ пользу помѣщиковъ, ликвидирующихъ свое землевладѣніе, громадныя приплаты [1]).

Такимъ образомъ, эта категорія мѣропріятій—для даннаго періода, по крайней мѣрѣ,—имѣла значеніе помощи не столько крестьянамъ, сколько помѣщикамъ, создавая благопріятныя условія для ликвидаціи ими своихъ земельныхъ имуществъ. Точно такъ же сравнительно малое значеніе для крестьянства имѣла и *переселенческая политика* правительства, начавшаго въ эту пору употреблять энергичныя усилія для развитія переселенческаго дѣла, переданнаго (19 авг.) въ вѣдѣніе Главнаго Управленія землеустройства и земледѣлія. 25 авг. былъ, м. пр., изданъ законъ, распространявшій податныя льготы, установленныя врем. правилами 6 іюня 1904 г. для переселенцевъ въ Алтайскій округъ и средне-азіатскія владѣнія, также и на переселенцевъ на Кавказъ и въ Сибирь. Какъ ни быстро пошло въ гору число переселенцевъ, благодаря усиліямъ правительства, вліяніе переселенія на развитіе земельнаго кризиса могло быть лишь ничтожнымъ [2]).

Гораздо большее значеніе для дальнѣйшаго хода этого кризиса имѣло законодательство, касающееся *надѣльныхъ земель*. Мы уже неоднократно говорили, какъ тѣ же самыя цѣли дворянско-бюрократической политики, которыя раньше вели на путь насильственнаго закрѣпленія „общиннаго“ землевладѣнія, теперь, въ новой обстановкѣ толкали къ попыткамъ столь же насильственнаго и притомъ быстраго разрушенія общиннаго землевладѣнія. Дѣло шло не столько объ отмѣнѣ принудительно-административнаго характера сословной „общины“ — тутъ напротивъ, правительство не слишкомъ торопилось,—сколько о крутой ломкѣ земельныхъ отношеній, съ цѣлью, по возможности, превратить борьбу сплоченнаго сословно-крестьянскаго „міра“ за помѣщичью землю въ междоусобную борьбу разнородныхъ элементовъ внутри этого „міра“, элементовъ, на которые медленно, но неуклонно разслаивалась деревня, за землю надѣльную.

---

[1]) О цѣнахъ на землю и продажѣ ея см. въ ст. П. Маслова. „Землед. хозяйство послѣ революціи“, въ 1-ой ч. наст. тома, стр. 7 и сл.

[2]) Цифровыя данныя о переселеніи см. въ цит. уже ст. Маслова въ 1-ой ч наст. тома, стр. 21 и сл.

Этой именно цѣли служилъ *указъ 9 ноября*[1]) объ укрѣпленіи въ собственность надѣльной земли[2]), а также *указъ 15 ноября* о разрѣшеніи залога надѣльныхъ земель въ крестьянскомъ банкѣ. Въ числѣ мотивовъ Совѣта министровъ къ первому указу подчеркивалось „укрѣпленіе въ широкихъ слояхъ сельскаго населенія правильныхъ взглядовъ на частную собственность вообще“,—взглядовъ, слабостью которыхъ „въ значительной мѣрѣ обусловливались происходившіе почти повсемѣстно грабежи и разгромы частновладѣльческихъ земель“. Своимъ законодательствомъ о надѣльныхъ земляхъ правительство стремилось создать въ лицѣ мелкихъ собственниковъ опору своей общей политикѣ въ деревнѣ и оплотъ противъ аграрнаго движенія крестьянъ мало- и безземельныхъ. Кадры этой деревенской „арміи порядка“ должны были пополняться и лицами, не связанными съ уничтожаемымъ крестьянскимъ „міромъ“. Для этой цѣли къ покупкѣ казенныхъ и удѣльныхъ, а также надѣльныхъ земель, заложенныхъ въ крестьянскомъ банкѣ, допускались не только крестьяне, но и „землевладѣльцы другихъ сословій“. Такимъ образомъ былъ нанесенъ ударъ традиціонной политикѣ правительства по отношенію къ надѣльнымъ землямъ: земля, неподвижная въ теченіе полувѣка, была мобилизована и брошена въ товарный оборотъ.

Земельное законодательство было тѣсно связано съ *землеустроительною политикою*. Бездѣйствовавшій до того времени аппаратъ землеустроительныхъ комиссій (зак. 4 марта 1906 г.) былъ пущенъ въ ходъ. 19 сентября была утверждена подробная инструкція для ихъ дѣятельности[3]). Онѣ начали быстро формироваться во всѣхъ уѣздахъ, особенно—въ уѣздахъ, гдѣ происходили аграрныя волненія, и приступали къ работѣ—съ опредѣленною цѣлью содѣйствовать возможно скорѣйшему созданію „мелкихъ собственниковъ“ путемъ устройства хуторскаго или отрубного хозяйства. Эта цѣль неоднократно подчеркивалась правительствомъ—и въ сообщеніи о продажѣ казенныхъ земель, и въ мотивахъ совѣта министровъ къ указамъ 9 и 15 ноября. Крестьянамъ, согласнымъ на заведеніе такого хозяйства, обѣщались всевозможныя льготы и ссуды.

Вся эта политика—„ставки на сильныхъ“, какъ она была впослѣдствіи названа,—на первыхъ порахъ большихъ практическихъ результатовъ—въ смыслѣ передвиженія земельной собственности—не дала. Пока сохранялась надежда на возможность въ скоромъ времени получить помѣщичью землю, крестьяне неохотно пользовались всѣмъ междудумскимъ аграрнымъ законодательствомъ и лишь впослѣдствіи, послѣ роспуска 2-й Думы, оно

---

[1]) Нынѣ, послѣ принятія закона 3-й Думою,—зак. 14 іюня 1910 г.

[2]) Изложеніе указа см. въ ст. Маслова, с. 11. Отдѣльные пункты указа разъяснены циркуляромъ м. вн. д. отъ 9 дек. 1906 г. за № 70.

[3]) 16 ноября комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ далъ дополнительныя разъясненія къ этой инструкціи.

приводитъ къ дѣйствительно замѣтной мобилизаціи земли въ деревнѣ. Съ другой стороны, въ конечномъ счетѣ законодательство это,—хотя и крайне болѣзненнымъ для крестьянскихъ массъ и всего народнаго хозяйства путемъ быстраго обезземеленія милліоновъ крестьянства,—должно было вести къ такому перераспредѣленію земельной собственности и такому росту городовъ, которые подрывали бы самые устои дворянско-бюрократическаго господства. Но сейчасъ объ этомъ некогда было думать. На первомъ планѣ стояла непосредственная цѣль земельной и землеустроительной политики—ослабленіе крестьянскаго противопомѣщичьяго движенія путемъ разжиганія внутреннихъ антагонизмовъ крестьянскаго „міра“ и созданіе въ деревнѣ, хотя бы среди отдѣльныхъ группъ, настроенія, болѣе благопріятнаго правительству, и эта цѣль до извѣстной степени была достигнута.

Земельными законами, въ сущности, была выполнена та задача, ради которой правительству было необходимо, во что бы то ни стало, скорѣе „освободить себя отъ Думы“. И если фактически междудумское законодательство далеко не ограничилось этими законами, то только потому, что, вынужденное снова созвать Думу, правительство поставило передъ собою другую задачу — независимо отъ суженія избирательнаго права и особыхъ пріемовъ предвыборной политики, о чемъ рѣчь будетъ ниже, попытаться создать болѣе благопріятное настроеніе для себя среди избирателей. Отсюда—рядъ законовъ, для которыхъ оправдывающія ихъ „чрезвычайныя обстоятельства“ сводились исключительно къ тому, что каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду воздѣйствіе на настроеніе совершенно опредѣленнаго круга избирателей.

Въ ряду этихъ законовъ самое важное мѣсто занимаетъ *указъ 5 октября* объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ *правахъ крестьянъ* [1]). Закономъ этимъ всѣмъ „природнымъ“ россійскимъ гражданамъ (т. е. съ исключеніемъ сибирскихъ инородцевъ, кочевниковъ и евреевъ) предоставлены „одинаковыя въ отношеніи государственной службы права“ [2]), и снятъ съ крестьянъ и другихъ лицъ „податныхъ сословій“ рядъ личныхъ и правовыхъ ограниченій. Важнѣйшія изъ реформъ были таковы: отмѣна обязательнаго увольненія изъ общества при поступленіи въ учебныя заведенія и на гражданскую службу; разрѣшеніе выдачи безсрочныхъ паспортныхъ книжекъ; отмѣна отдачи въ заработки, какъ мѣры противъ неисправнаго платежа податей или какъ особаго наказанія—самостоятельнаго или въ замѣну штрафа; отмѣна закона 18 Марта 1866 г. о семейныхъ раздѣлахъ и запрещенія крестьянамъ, не владѣющимъ недвижимымъ имуществомъ, выдавать векселя; отмѣна права губернаторовъ утверждать земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ;

[1]) См. также изданные въ разъясненіе закона циркуляры м. вн. д. отъ 16 ноября, 9 и 14 декабря.

[2]) Другой указъ того же дня опредѣлилъ порядокъ производства въ первый классный чинъ.

отмѣна права земскихъ начальниковъ налагать на крестьянъ административныя взысканія безъ формальнаго производства и т. д. При всемъ значеніи, которое могли бы имѣть эти реформы для крестьянъ, дѣйствіе ихъ было парализовано не только общей атмосферой безправія, въ деревнѣ еще болѣе ощутительной, чѣмъ въ городѣ, но и тѣмъ, что подлинное равноправіе крестьянства съ другими гражданами было бы возможно лишь при уничтоженіи сословій и, какъ признавалъ самъ указъ, при „коренномъ пересмотрѣ дѣйствующихъ узаконеній, опредѣляющихъ порядокъ устройства мѣстнаго управленія и суда". Пересмотръ же этотъ отчасти вовсе не произведенъ до сихъ поръ, а поскольку произведенъ,—отнюдь не въ духѣ „гражданскаго равноправія".

По отношенію къ *фабрично-заводскимъ рабочимъ* никакихъ законодательныхъ мѣръ по 87 ст. принято не было. Ихъ ограниченныя избирательныя права, осуществляемыя къ тому же въ особой куріи, и прочно укоренившееся революціонное настроеніе дѣлали ихъ „не интересными" съ точки зрѣнія предвыборнаго законодательства. Правительственныя комиссіи продолжаютъ, при участіи промышленниковъ, разрабатывать рабочіе законопроекты— о фабричной инспекціи, о договорѣ найма, о 10 часовомъ рабочемъ днѣ, о страхованіи, объ „училищныхъ комитетахъ", о промысловыхъ судахъ и т. д. Но работа совершается крайне вяло и почти цѣликомъ сводится къ внесенію все новыхъ и новыхъ ухудшеній въ первоначальныя предположенія. Несмотря на данное рабочимъ закономъ 4 Марта 1906 г. право профессіональной организаціи и на отмѣну еще указомъ 2 дек. 1905 г. статей 1358 и 1358-I. улож. о наказаніяхъ, каравшихъ стачки въ цѣляхъ прекращенія работъ для измѣненія условій труда, уже въ этотъ періодъ рабочимъ приходится съ величайшимъ напряженіемъ силъ отстаивать свое право на легальныя организаціи и стачечную борьбу противъ все болѣе и болѣе настойчивыхъ покушеній со стороны администраціи [1]).

За то *ремесленные рабочіе* и, особенно *приказчики*, составляющіе видный элементъ въ составѣ городскихъ избирателей, явились объектомъ „чрезвычайной" заботливости правительства. 15 ноября были изданы два закона объ отдыхѣ приказчиковъ и служащихъ, и, въ видѣ такъ называемыхъ „смѣшанныхъ комиссій" [2]), приказчики и ремесленники получили даже своего рода опорные пункты, использованные ими для организаціонныхъ и агитаціонныхъ цѣлей. Ощутительныхъ практическихъ послѣдствій законы эти для огромнаго большинства приказчиковъ и ремесленниковъ не имѣли. [3])

[1]) Эти покушенія и, въ особенности, настойчивое преслѣдованіе профессіональныхъ союзовъ въ Петербургѣ послужили предметомъ запроса, внесеннаго с.-д. фракціею во 2-ю Думу (см. стеногр. отч., зас. 9 апр., стр. 1825).

[2]) Правила объ образованіи смѣшанныхъ комиссій изданы 16 ноября.

[3]) Содержаніе законовъ 15 ноября см. въ 1-ой ч. 2-го тома наст. изд. въ ст. Д. Кольцова: Рабочіе въ 1905—1907 гг., стр. 320—321.

По адресу разношерстной *интеллигенціи* были обращены двѣ „либеральныхъ“ мѣры: упраздненіе университетской инспекціи (14 сент. 1906) и введеніе явочнаго порядка для устройства народныхъ чтеній, сначала—лишь чтеній по сельскому хозяйству (30 октября), потомъ—всѣхъ чтеній вообще (31 янв. 1907).

Воздѣйствіе на опредѣленныя, широкія группы крестьянства, городского мѣщанства и купечества преслѣдовало междудумское законодательство о *старообрядцахъ и сектантахъ*. Законъ 17 окт. 1906 г. опредѣлялъ довольно льготными правилами „порядокъ образованія и дѣйствія старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ“, въ разсчетѣ, что „мѣра сія послужитъ къ укрѣпленію въ старообрядцахъ вѣками испытанной преданности ихъ Отечеству“. Рядъ частныхъ законовъ регулировалъ веденіе метрическихъ книгъ, узаконеніе браковъ старообрядцевъ и сектантовъ (31 янв. 1907), узаконеніе ихъ дѣтей (12 февр.) и т. д.

Въ области *національнаго вопроса*,—несмотря на начавшійся сильный націоналистическій подъемъ въ тѣхъ именно кругахъ общества, на которые правительство опиралось,—новый кабинетъ дѣйствуетъ осторожно и, ради соображеній избирательной борьбы, не прочь прибѣгать и къ мѣрамъ, имѣющимъ либеральную внѣшность. Понятно, что съ наибольшею симпатіею правительство относилось къ нѣмецкому *прибалтійскому дворянству* и вообще къ нѣмцамъ, которые уже и предыдущимъ законодательствомъ были поставлены въ культурномъ отношеніи въ лучшія условія, чѣмъ другія нерусскія народности. Указомъ 3 авг. лифляндскому и эстляндскому дворянству было разрѣшено заключить въ Берлинѣ 5-милліонный заемъ для выдачи ссудъ мѣстнымъ помѣщикамъ, пострадавшимъ отъ аграрныхъ безпорядковъ. 1 Декабря однородная льгота была дана дворянству острова Эзеля. 31 Янв. 1907 г. было разрѣшено преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ въ начальныхъ училищахъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа.

По отношенію къ *полякамъ* были приняты такія мѣры: 24 августа были отмѣнены правила 3 апрѣля 1892 года о взысканіяхъ за тайное обученіе въ Ц. Польскомъ и Западномъ краѣ. 28 ноября была узаконена секта маріавитовъ, борьбу которой съ католическимъ духовенствомъ правительство пыталось использовать въ своихъ цѣляхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, законъ 28 ноября ограждалъ всѣ имущественныя права католическаго духовенства. Было созвано правительственное совѣщаніе о введеніи городского и земскаго самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ [1]). Но, наряду съ этимъ

[1]) Интересно отмѣтить, что 14 представителей польскаго населенія, приглашенные въ совѣщаніе по указанію варш. ген.-губернатора, единогласно высказались за предоставленіе избир. правъ въ городахъ всѣмъ грамотнымъ, до-

внѣшне-благожелательнымъ отношеніемъ къ полякамъ стали снова проскальзывать уже и другія ноты. Такъ, 29 ноября римско-католическимъ духовнымъ учрежденіямъ Царства Польскаго было предписано вести все дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ [1]).

Изъ остальныхъ мѣръ, принимаемыхъ по отношенію къ „инородцамъ", можно отмѣтить В. п. 24 ноября, ставившее въ зависимость отъ мин. вн. дѣлъ замѣщеніе нѣкоторыхъ духовныхъ должностей въ армяно-григоріанской церкви, и 2 янв. 1907 г.—о льготахъ по отбыванію воинской повинности для ламайскаго духовенства.

Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что *евреи* остались внѣ того круга, въ предѣлахъ котораго осуществлялось внѣ-думское законодательство, хотя, какъ мы видѣли, первоначально расширеніе „черты осѣдлости" намѣчалось правительственной программой. Слѣды этого стремленія — обнаружить „благожелательное" отношеніе къ еврейскому населенію—остались еще, напр., въ законахъ 15 ноября объ отдыхѣ приказчиковъ и ремесленниковъ: законы эти допускали возможность замѣны воскреснаго дня отдыха столь же обязательнымъ для *всего* торгово-ремесленнаго населенія другимъ днемъ отдыха въ „поселеніяхъ съ рѣзко преобладающимъ инославнымъ или иновѣрнымъ населеніемъ". Такой степени „терпимости" ни раньше, ни позже русское законодательство никогда не обнаруживало. Но никакихъ мѣръ болѣе общаго характера по отношенію къ евреямъ принято не было, а законъ 5 октября, какъ мы видѣли, подчеркивалъ исключеніе евреевъ изъ числа лицъ, получившихъ, если не равноправіе, то нѣкоторыя новыя права. Еврейскій вопросъ еще разъ оказался самымъ тонкимъ и чувствительнымъ реактивомъ на національстическіе мотивы, какъ разъ въ эту эпоху снова начинавшіе играть въ правительственной политикѣ роль, которая вполнѣ развернулась въ наши дни.

По отношенію къ *Финляндіи* правительство держалось выжидательной политики, и тронная рѣчь, прочитанная при закрытіи чрезвычайнаго сейма (5/18 сент.) благосклонно привѣтствовала выработанный этимъ сеймомъ новый сеймовый уставъ, уничтожавшій сословный характеръ представительства, и новый избирательный законъ, распространявшій избирательное право на все совершеннолѣтнее населеніе безъ различія пола. Поскольку правительство покушалось въ эту пору на автономныя права Финляндіи, дѣло касалось русскихъ подданныхъ, укрывавшихся отъ преслѣдованій реакціи подъ сѣнь фин-

---

стигшимъ 25 лѣтъ, и противъ какого бы то ни было ограниченія изб. правъ евреевъ, на чемъ настаивали представители правительства. См. „Товарищъ", 1 ноября 1906 г.

1) Одновременно русское правительство добилось отъ папскаго престола отмѣны постановленія конгрегаціи инквизиціи отъ 11 іюня 1877 г., запрещавшаго употребленіе русскаго языка въ такъ наз. „дополнительномъ" богослуженіи

ляндскихъ законовъ. Въ этомъ отношеніи правительство добилось и нѣкоторыхъ успѣховъ, какъ, напр., циркуляра финляндскаго сената о задержаніи и выдачѣ русскихъ уроженцевъ по требованію русскихъ властей.

Изъ остальныхъ законодательныхъ мѣръ этого періода слѣдуетъ упомянуть *правила* 19 сентября *о росписи* на 1907 г. Правила эти устанавливали такой порядокъ ежемѣсячнаго расхода двѣнадцатыхъ долей бюджета, что доли эти исчислялись не къ общей суммѣ бюджета 1906 года, а къ этой суммѣ съ добавленіемъ къ ней всѣхъ расходовъ, вызванныхъ состоявшимися за 1906 г. правительственными распоряженіями и узаконеніями.

Наряду съ законодательною дѣятельностью, направленною на завоеваніе симпатій тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, правительство не устаетъ рисовать широкую *программу реформаторскихъ законопроектовъ*, подготовляемыхъ имъ къ внесенію во вторую Думу.

Слова телеграммы 11 іюля — „борьба ведется не противъ общества, а противъ враговъ общества“ — становятся лейтъ-мотивомъ многочисленныхъ правительственныхъ сообщеній, повторяемымъ съ тѣмъ большею настойчивостью, чѣмъ болѣе скептическое отношеніе онъ встрѣчаетъ и чѣмъ болѣе противорѣчатъ ему факты повседневной дѣйствительности. И въ сообщеніи о военно-полевыхъ судахъ, и въ циркулярной телеграммѣ (17 янв.), опубликованной въ разгаръ выборовъ, правительство одинаково ищетъ сочувствія общества развертываніемъ своей реформаторской программы. Бюрократическій аппаратъ напряженно работаетъ, и на столбцахъ газетъ то и дѣло мелькаютъ извѣстія о новыхъ и новыхъ вырабатываемыхъ законопроектахъ.

Наибольшую лепту въ эту работу вносятъ министерства вн. дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія. При *министерствѣ вн. дѣлъ* особая комиссія подъ предсѣдательствомъ А. Макарова вырабатываетъ законопроектъ объ *исключительномъ положеніи:* введеніе его лишь въ районѣ военныхъ дѣйствій, или мѣстностяхъ, имѣющихъ особо важное значеніе для военныхъ интересовъ, или, наконецъ, охваченныхъ внутренними волненіями; ограниченіе усмотрѣнія главно-начальствующихъ лицъ; отмѣна высылки „неблагонадежныхъ“ въ отдаленныя губерніи и т. д. и т. д. Затѣмъ идутъ проекты объ *реорганизаціи губернскихъ учрежденій, неприкосновенности личности, отмѣнѣ паспортовъ*, и, наконецъ, законопроекты о *земельныхъ обществахъ* и *уѣздномъ управленіи.*

Земельныя общества предполагается превратить въ совершенно добровольные хозяйственные союзы, сохранивъ однако принципъ неотчуждаемости надѣльныхъ земель въ руки лицъ не-крестьянскаго сословія [1]), введя пре-

[1]) Какъ мы выше видѣли, многіе акты земельной политики правительства шли фактически въ разрѣзъ съ этимъ принципомъ.

дѣльныя нормы сосредоточенія надѣльной земли въ однѣхъ рукахъ и облегчивъ переходъ къ хуторскому хозяйству.

Въ основѣ проекта новаго *уѣзднаго управленія* лежало упраздненіе особаго сословнаго управленія крестьянъ (волостного и сельскаго) и всѣхъ особыхъ установленій, завѣдующихъ крестьянскими дѣлами (земскіе и крестьянскіе начальники, уѣздные съѣзды, губернскія присутствія). Вмѣсто этого проектировалось созданіе *поселковыхъ обществъ* съ функціями хозяйственнаго характера въ составѣ всѣхъ, безъ различія сословій, владѣльцевъ недвижимаго имущества и торгово промышленныхъ заведеній и съ правомъ вступать между собою въ добровольные союзы. Низшимъ органомъ самоуправленія должна была быть сдѣлана *всесословная волость* съ общественно-хозяйственными функціями. Волостное собраніе предполагалось составлять изъ выборныхъ отъ земельныхъ обществъ и частныхъ владѣльцевъ, а также представителей казны, удѣловъ, монастырей. Члены *уѣзднаго земскаго собранія* должны были избираться, пропорціонально количеству полныхъ цензовъ (150 тыс. рубл.), отдѣльно частными землевладѣльцами, владѣльцами торгово-промышленныхъ заведеній и городскими собственниками и, наконецъ, волостными собраніями съ тѣмъ, однако, чтобы первые выбирали во всякомъ случаѣ не менѣе опредѣленнаго числа гласныхъ. Предполагалось реформировать и уѣздное управленіе, поставивъ во главѣ „его начальника уѣзда“ съ подчиненными ему участковыми начальниками и состоящимъ при немъ „уѣзднымъ совѣтомъ“.

Министерство юстиціи, съ своей стороны, сообщало о подготовляемыхъ имъ законопроектахъ о введеніи состязательнаго начала въ обрядъ преданія суду, объ условномъ осужденіи, о торгѣ женщинами, о взысканіи убытковъ, причиненныхъ распоряженіями должностныхъ лицъ, и т. д., и т. д. Министерство *народнаго просвѣщенія* обѣщало реформы въ области низшаго и средняго образованія. Для низшаго обѣщалось: всеобщее обученіе, расширеніе правъ земскаго и городского самоуправленія и сельскихъ обществъ, облегченіе общественной и частной иниціативы, объединеніе въ м-ствѣ нар. просвѣщенія наблюденія и руководства учебною частью въ школахъ всѣхъ вѣдомствъ, т. е. и церковно-приходскихъ, и т. д. Въ такомъ же духѣ проектировались и реформы въ постановкѣ средняго образованія. Допускалось также преподаваніе на родномъ языкѣ въ школахъ для не-русскаго населенія, за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ предметовъ: русскаго языка, исторіи Россіи и географіи Россіи—въ низшихъ школахъ, тѣхъ же предметовъ съ присоединеніемъ русской литературы—въ среднихъ. Однако, права учащіеся въ такихъ школахъ должны были получать лишь по выдержаніи экзамена на русскомъ языкѣ. Предполагало м-во нар. просв. и выработку новаго университетскаго устава и другихъ мѣръ, касающихся высш. учебн. заведеній.

Наконецъ правительство опубликовало и подробный проектъ *церковной реформы* съ реорганизаціей прихода, епархіальнаго управленія и суда, синода и съ предполагаемымъ періодическимъ созывомъ „помѣстнаго собора епископовъ съ участіемъ на соборѣ съ совѣщательнымъ голосомъ клириковъ и мірянъ“ [1]).

* *
*

Вся выполненная и проектированная „реформаторская“ дѣятельность кабинета могла имѣть, при сохранившихся въ неприкосновенности основахъ стараго строя, лишь крайне ограниченное значеніе. Ни одинъ изъ устоевъ этого строя проектированными и выполненными „реформами“ не затрагивался. Своимъ характеромъ полу-мѣръ они свидѣтельствовали скорѣе о безсиліи правительства справиться съ приспособленіемъ стараго зданія къ новымъ потребностямъ, чѣмъ объ искренности и твердости его въ проведеніи обѣщанныхъ „реформъ“. И это тѣмъ болѣе, что междудумская работа правительства надъ различными законопроектами сводилась фактически къ умаленію того „либеральнаго“ духа, которымъ были проникнуты первоначальныя предположенія, намѣченныя въ тяжелую для старой государственной власти эпоху „смуты“. Указъ 2 января 1907 г. подчеркивалъ эту тенденцію междудумской законодательной работы, повелѣвъ взять обратно всѣ внесенные въ 1-ю Думу и ранѣе подготовленные правительственные законопроекты и подвергнуть ихъ новому пересмотру въ совѣтѣ министровъ.

Впрочемъ, правительство и само не возлагало слишкомъ большихъ надеждъ на благопріятное вліяніе своего шумнаго „реформаторства“ на настроеніе избирателей и спѣшило принять болѣе дѣйствительныя мѣры для *воздѣйствія на исходъ выборовъ* въ желательномъ направленіи. Мѣры эти были приняты не сразу, такъ какъ, и примирившись съ необходимостью созыва новой Думы, правительство еще долго оставляло для себя открытымъ вопросъ, будетъ ли она созвана на тѣхъ же основаніяхъ, что и ея предшественница. Именно поэтому, вопреки точному указанію ст. 105 осн. законовъ, указъ о роспускѣ Думы обходилъ молчаніемъ вопросъ о срокѣ выборовъ [2]).

---

[1]) Изъ не упомянутыхъ въ нашемъ обзорѣ законодательныхъ мѣръ отмѣтимъ: уничтоженіе должности завѣдующаго полиціей на Кавказѣ (24 августа), новые штаты мин. пут. сообщенія (11 ноября), реорганизація морского министерства (1 и 11 янв. 1907), продленіе чрезвычайныхъ кредитовъ, вызванныхъ войною съ Японіей (4 янв. 1907). Правительственное сообщеніе 16 дек. успокаивало публику насчетъ хода переговоровъ съ Японіею по возникшимъ несогласіямъ въ толкованіи нѣкоторыхъ пунктовъ Портсмутскаго договора. Россія вынуждена была въ этомъ спорѣ уступить.

[2]) Начало выборовъ (6 февр.) было установлено лишь указомъ 7 декабря

Еще во время работъ 1-ой Думы, и еще настойчивѣе послѣ ея роспуска, дворянство—курское, харьковское, полтавское, саратовское, тульское и др.—требовали измѣненія избирательнаго закона въ направленіи, по которому пошелъ впослѣдствіи законъ 3 іюня 1907 г. Кіевскій съѣздъ монархическихъ органазацій просилъ государя, „въ силу принадлежащей ему верховной власти, повелѣть, дабы до назначенія новыхъ выборовъ въ Госуд. Думу былъ изданъ новый выборный законъ и дабы, если снова будетъ созвана Государственная Дума, ей было даровано, согласно манифесту 6 августа, лишь законосовѣщательное значеніе“ [1]).

Обстоятельства не позволили, однако, правительству рѣшиться сейчасъ же на такой шагъ, и оно пыталось достичь той же цѣли рядомъ обходныхъ мѣръ, толкованій существовавшаго избирательнаго закона, усиленіемъ вмѣшательства администраціи въ ходъ выборовъ и т. д. Надежды на достиженіе желательныхъ результатовъ были тѣмъ больше, что правительство ожидало гораздо болѣе благопріятнаго, чѣмъ въ первый разъ, исхода крестьянскихъ выборовъ. Съ одной стороны, возлагались упованія на дѣйствіе междудумскаго законодательства, съ другой—сѣрый, политически неопредѣленный и неоформленный составъ крестьянскаго представительства въ 1-ой Думѣ, внушилъ иллюзію, будто вступленіе крестьянскихъ депутатовъ на путь рѣзкой оппозиціи было лишь результатомъ пагубнаго вліянія тѣхъ „разночинцевъ“, которые прошли въ Думу по крестьянской куріи [2]). Благопріятнымъ симптомомъ являлась для правительства также и эволюція въ настроеніи и тактикѣ партіи, которая въ 1-ой Думѣ была „господствующею“. И въ своей текущей дѣятельности и прессѣ, и на своемъ сентябрьскомъ съѣздѣ к.-д-ы не только не обнаруживали намѣренія идти дальше по пути борьбы, достигшей кульминаціонной точки въ выборгскомъ воззваніи, но, наоборотъ, показывали явное тяготѣніе къ уступкамъ и соглашенію съ „безотвѣтственнымъ прави-

---

[1]) Программу желательныхъ дворянско-черносотеннымъ кругамъ измѣненій избирательнаго права наиболѣе ярко формулировалъ М. О. Меньшиковъ (Нов. Вр. 19 сент. 1906 г. ст. „Нація—это мы“). Меньшиковъ настаивалъ, чтобы изб. право было дано только „гражданамъ“, и если гражданами въ истинномъ, строгомъ смыслѣ слова окажутся лишь немногіе, „лучшіе“, то изъ этихъ лучшихъ и слѣдуетъ выбирать парламентъ“. А, между тѣмъ, „развѣ какой-нибудь бездѣльный, не способный прокормить себя молодой человѣкъ—гражданинъ? Развѣ темный, глубоко невѣжественный крестьянинъ отъ сохи—гражданинъ?.. Или безработный пролетарій, или мелкій рабочій, который никогда не имѣлъ ни бытовой культуры, ни школы, ни политической жизни, ни досуга, чтобы поразмыслить о государственныхъ дѣлахъ, развѣ они въ самомъ дѣлѣ настоящіе граждане? Или какой-нибудь отравленный ненавистью къ Русскому государству инородецъ—развѣ онъ гражданинъ Россіи?“

[2]) На эту точку зрѣнія всталъ между прочимъ, и октябрьскій съѣздъ „партіи центра“ Г. Совѣта.

тельствомъ", отставку котораго провозглашали въ 1-ой Думѣ основнымъ условіемъ для возможности плодотворной работы [1]).

Самой главной изъ обходныхъ мѣръ были извѣстныя октябрьскія *сенатскія „разъясненія"*, нанесшія огромный уронъ избирательнымъ правамъ рабочихъ, низшихъ служащихъ, разночинной интеллигенціи и крестьянъ. По отношенію къ *рабочимъ* это было достигнуто разъясненіемъ, что участники рабочей куріи не имѣютъ права участвовать одновременно въ выборахъ по другимъ куріямъ—городской, крестьянской, землевладѣльческой, хотя бы и имѣли соотвѣтствующій цензъ [2]). Еще болѣе открыто посягнулъ сенатъ на избирательныя права *низшихъ служащихъ*; прежде всего, было обращено вниманіе на желѣзно-дорожныхъ служащихъ (кондуктора, сигналисты, машинисты, кочегары, стрѣлочники, истопники, ремонтные рабочіе и т. д., и т. д.). По толкованію сената эти разряды ж.-д. труженниковъ должны быть относимы къ числу „низшихъ служителей и рабочихъ" и потому не могутъ пользоваться избирательными правами въ силу „полученія содержанія по службѣ". Съ другой стороны, они не могутъ пользоваться цензами и по занимаемымъ ими квартирамъ, т. к. отводимая имъ квартира „является эквивалентомъ части получаемаго ими содержанія". На томъ же основаніи были лишены избирательныхъ правъ по квартирному цензу и низшіе служители разныхъ учрежденій (вахтеръ, курьеръ, швейцаръ и т. п.). Избирательныя права *интеллигентской бѣдноты* и вообще мелкаго городского люда (въ томъ числѣ дворниковъ, швейцаровъ, сторожей, многихъ приказчиковъ, обитателей домовъ, состоящихъ изъ квартиръ-комнатъ и т. п.) были урѣзаны какъ тѣмъ, что „даровыя квартиры были объявлены не создающими ценза, такъ и тѣмъ толкованіемъ, которое далъ сенатъ понятію „жилое помѣщеніе". По этому толкованію обязательными признаками „квартиръ" долженъ быть: отдѣльный ходъ, неимѣніе внутренняго сообщенія съ другими помѣщеніями,

---

[1]) Заявляя, что партія нар. свободы нарушила въ 1-ой Думѣ „предѣлы благоразумія" и „пошла вмѣстѣ съ другими на „штурмъ", чтобы вести правильную осаду", лишь потому, что этого „требовала страна", „Рѣчь" (8 ноября) писала: „Но какъ бы то ни было, періодъ штурма прошелъ . Героическій періодъ борьбы—позади насъ: намъ нужно рѣшительно и твердо вступить въ періодъ историческій". А потому надо „осуществлять свои цѣли" самимъ, „сидя въ Думѣ, безъ проблематическаго содѣйствія „революціоннаго народа".

[2]) Сенатъ мотивировалъ это тѣмъ, что „право особаго классоваго (sic)! представительства... представляетъ для рабочихъ такую исключительную привилегію, которая вполнѣ и всецѣло выдѣляетъ ихъ изъ состава даннаго избирательнаго округа въ обособленную группу, пользующуюся участіемъ въ выборахъ не на имущественномъ, а на трудовомъ началѣ". Для оцѣнки этой аргументаціи напомнимъ, что правительственное сообщеніе, сопровождавшее законъ 11 декабря, оправдывало убогость „привилегіи" и скудость даннаго рабочимъ „классоваго представительства", м. пр., тѣмъ именно, что рабочіе не лишены возможности „двойного участія въ выборахъ". См. 1-ю ч. наст. т., стр 373, прим 2..

наличность особой кухни или очага для приготовленія пищи. Лишены были избирательныхъ правъ лица, занимающія квартиру сообща, комнатные или угловые жильцы, лица, пользующіяся по бѣдности даровыми квартирами [1]).

Разъясненія сената по отношенію къ *крестьянамъ* имѣли тенденцію не только сузить избирательныя права крестьянъ, но исказить и самые результаты крестьянскихъ выборовъ, сдѣлавъ невозможнымъ прохожденіе по крестьянской куріи болѣе интеллигентныхъ и передовыхъ элементовъ крестьянства, на которыхъ, какъ мы видѣли, возлагалась вина за рѣзко оппозиціонный характеръ крестьянскаго представительства въ 1-ой Думѣ. Сенатъ постановилъ, 1) что крестьяне-собственники не пользуются правомъ участія въ выборахъ по частно-владѣльческой куріи, поскольку „владѣніе и пользованіе землею опредѣляется узаконеніями, установленными для крестьянскаго землевладѣнія“ (напр. при покупкѣ земли черезъ крестьянскій банкъ, при помощи землеустроительныхъ комиссій и т. д., не говоря уже о крестьянскихъ частныхъ собственникахъ въ Малороссіи, на Кавказѣ, въ Сибири и др. окраинахъ). Этимъ сводилось къ нулю вліяніе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія на исходъ выборовъ по землевладѣльческой куріи [2]). 2) Въ уполномоченные отъ крестьянъ могутъ избираться исключительно домохозяева [3]). А одновременно сенатъ разъяснилъ, что владѣнія усадебною землею и домомъ недостаточно, чтобы быть признаннымъ „домохозяиномъ“, имѣющимъ право участія въ выборахъ: „крестьяне, не имѣющіе въ обществѣ ни осѣдлости, ни хозяйства и не пользующіеся землею, а постоянно проживающіе на сторонѣ, не могутъ быть признаны полноправными домохозяевами“.

Тенденція этихъ „разъясненій“ была слишкомъ очевидна, а юридическая шаткость и запутанность ихъ были удобны еще тѣмъ, что создавали безчисленное количество предлоговъ для кассаціи любыхъ выборовъ, давшихъ нежелательные правительству результаты. Министерство вн. дѣлъ, съ своей

---

[1]) Къ городскому населенію относилось и позднѣйшее (13 декабря) разъясненіе сената о томъ, что внесенію въ избирательные списки не подлежатъ лица, нанимавшія квартиру втеченіе года, но не прожившія въ ней дѣйствительно этого года, хотя бы съ временными перерывами. Цирк. мин. вн. д. (17 дек.) пояснилъ, что тутъ имѣлись въ виду случаи „перехода на службу въ другую мѣстность, вступленія въ присяжные повѣренные въ другомъ округѣ и такъ далѣе“.

[2]) Отмѣтимъ, что однородное ограниченіе правъ крестьянъ по земскимъ выборамъ мин. вн. дѣлъ и сов. мин. относили къ числу „стѣснительныхъ“ и „несправедливыхъ“. См. представленіе мин. в.-д. отъ 30 авг. и особ. журн. сов. мин. отъ 9 и 12 сент. 1906 г., послужившіе мотивами къ изданію закона 5 октября.

[3]) Сенатъ мотивировалъ свое разъясненіе тѣмъ, что выборъ уполномоченныхъ предоставленъ сельскимъ сходамъ, а въ нихъ могутъ участвовать лишь домохозяева. Между тѣмъ, „меморія“ сов. министровъ къ положенію 6 авг., опредѣлившему избирательныя права крестьянъ, въ которыя законъ 11 дек. не внесъ никакихъ измѣненій, категорически оговаривала, что уполномоченные вовсе не должны принадлежать къ составу волостного схода, а лишь быть членами одного изъ сельскихъ обществъ волости. См. 1-ую ч. наст. т., с. 330.

стороны развиваетъ лихорадочную дѣятельность по подготовкѣ выборовъ и высыпаетъ буквально градъ *циркуляровъ*, преслѣдующихъ все одну и ту жѳ цѣль.

Часть этихъ циркуляровъ была посвящена выводамъ изъ сенатскихъ „разъясненій“ (цирк. 3 ноября). Часть— самостоятельно истолковывала избирательный законъ въ ограничительномъ смыслѣ. Такъ, рабочимъ, входящимъ въ рабочую курію, но имѣющимъ избирательныя права и по другой куріи, было воспрещено выбирать эту другую курію для осуществленія своихъ избирательныхъ правъ съ отказомъ отъ участія въ рабочей куріи. При составленіи избирательныхъ списковъ постановлено общимъ правиломъ—исключеніе лицъ, „права коихъ на участіе въ выборахъ представляются недоказанными“ (цирк. 20 окт.), чѣмъ открывался просторъ безконечной волокитѣ. Исключены изъ списковъ лица, арендующія имѣнія не прямо у владѣльцевъ, а у арендаторовъ, (субъ-арендаторъ) и ихъ управляющіе (цирк. 24 окт.). Годовой срокъ службы, дающій право на участіе въ выборахъ, велѣно исчислять лишь по службѣ въ томъ именно городѣ или уѣздѣ, гдѣ въ данное время пребываетъ служащій (цирк. 22 ноября). И т. д.

Значительное число циркуляровъ было посвящено толкованію и измѣненію инструкціи 27 февраля 1906 г. Циркуляромъ 27 окт. опредѣлено, что удостовѣренія объ арендованіи или управленіи имѣніями дѣйствительны только, если выданы земскими начальниками или полиціей.

Цирк. 10 дек. внесъ въ инструкцію существенныя измѣненія еще большимъ стѣсненіемъ агитаціи во время выборовъ, запрещеніемъ выдавать избирательные бланки нелегализованнымъ партіямъ, лишившимся такимъ образомъ возможности заранѣе заполнить ихъ списками своихъ кандидатовъ, передачей полиціи дѣла врученія бланковъ избирателямъ. Цирк. 11 дек. пояснилъ, что полиція должна вручать бланки лично адресату „по удостовѣреніи его личности“. Цирк. 18 дек. запретилъ производство выборовъ на съѣздахъ уполномоченныхъ отъ волостей закрытою баллотировкою или по жребію.

Особое вниманіе было обращено на *предвыборныя собранія*. Циркуляръ 28 дек. требовалъ усиленія полицейскаго надзора за выступленіемъ ораторовъ, особенно „крайнихъ партій“, и обращалъ спеціальное вниманіе полиціи на изданный за 4 дня до того законъ о „восхваленіи преступныхъ дѣяній“. Мѣстныя полицейскія власти, разумѣется, поспѣшили воспользоваться этими указаніями. Одновременно съ стѣсненіемъ агитаціи оппозиціонныхъ партій стала, наоборотъ, поощряться агитація правительственныхъ чиновниковъ и черносотенныхъ организацій. А митрополитъ Антоній въ опубликованномъ письмѣ къ епископамъ (31 авг.) рекомендовалъ заблаговременно направить въ опредѣленную сторону и участіе духовенства въ избирательной борьбѣ.

Административная практика на мѣстахъ пошла, конечно, еще

гораздо дальше созданнаго сенатскими разъясненіями и министерскими циркулярами „писанаго права“. Произвольныя исключенія изъ избирательныхъ списковъ неугодныхъ лицъ, запрещенія и закрытія собраній, конфискаціи газетъ, арестъ и высылка уполномоченныхъ и выборщиковъ и, наоборотъ, надѣленіе избирательными правами лицъ, таковыхъ не имѣющихъ, но благонадежныхъ, вплоть до „мертвыхъ душъ“ (Кіевъ, Бессарабія), субсидированіе правой печати, безцеремонное обращеніе съ бланками и избирательными списками, все это имѣло мѣсто еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ на выборахъ въ 1-ю Думу. Такого рода манипуляціи облегчались какъ значительно расширившеюся областью господства военнаго положенія и временныхъ генералъ-губернаторовъ, такъ и ясно опредѣлившимся поворотомъ въ настроеніи верховъ городского населенія и городскихъ думъ, въ рукахъ которыхъ находится завѣдываніе избирательной процедурою.

Но достигнутые практическіе результаты отнюдь не соотвѣтствовали суммѣ затраченной энергіи. Огромное возбужденіе широкихъ массъ, получившее начало въ октябрьско-декабрьскіе дни 1905 г. и подогрѣтое дѣятельностью 1-ой Думы, далеко еще не улеглось. Народныя массы, уже начиная чувствовать свое безсиліе въ данный моментъ и теряясь въ поискахъ путей къ осуществленію своихъ требованій, еще страстно цѣплялись за эти требованія. Возбужденіе крестьянства было такъ велико, что ходъ выборовъ внушилъ правительству опасеніе насчетъ возможности новаго подъема крестьянскаго возстанія, и министерство сочло необходимымъ особымъ циркуляромъ (15 февр. 1907 г.) призвать мѣстныя власти къ энергичному подавленію безпорядковъ. Контрастъ съ незабытыми еще „днями свободы“ былъ слишкомъ рѣзокъ, чтобы населеніе могло спокойно мириться съ тѣмъ царствомъ административнаго террора, анархіи и господства черносотенства, которое водворилось на развалинахъ революціоннаго движенія. Такія дѣла, какъ дѣло Гурко-Лидваль [1]), вскрывшее преступно-небрежное и легкомысленное обращеніе высшихъ представителей власти съ деньгами, ассигнованными на прокормленіе голодающихъ, служили горючимъ агитаціоннымъ матеріаломъ. Отказъ революціонныхъ партій отъ «бойкотистской» тактики и вмѣшательство ихъ

---

[1]) Суть этого дѣла заключалась въ томъ, что завѣдующій земскимъ отдѣломъ мин. вн. дѣлъ, тов. мин. Гурко поручилъ милліонныя поставки хлѣба въ голодающія губерніи владѣльцу ватерклозетной фирмы Лидвалю, съ которымъ свелъ знакомство при дѣятельномъ участіи представительницъ петербургскаго полусвѣта. Лидваль оказался несостоятельнымъ въ выполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, въ счетъ которыхъ ему былъ выданъ авансъ въ размѣрѣ 10 милл. рублей. Еще въ большихъ злоупотребленіяхъ, осложненныхъ прямымъ взяточничествомъ, оказался повиненъ нижегородскій губернаторъ баронъ Фредериксъ. Такова оказалась судьба денегъ, ассигнованныхъ 1-ю Думою тѣмъ закономъ, который остался единственнымъ памятникомъ ея законодательной дѣятельности.

въ избирательную кампанію облегчало населенію прорывъ нагроможденныхъ рогатокъ и удесятерило его энергію въ использованіи завоеванныхъ правъ.

Такое положеніе дѣлъ вынуждены съ первыхъ же дней констатировать въ своихъ донесеніяхъ губернаторы, характеризующіе настроеніе населенія, какъ «уставшее и озлобленное» [1]). Междудумская правительственная практика не прошла безслѣдно для формированія «арміи порядка». Не говоря о размноженіи черносотенныхъ организацій и черносотенной прессѣ, земскіе выборы зимою 1906 г. дали почти повсюду реакціонное большинство и нанесли смертельный ударъ «земскому либерализму». Но попытка добиться желательнаго состава Думы безъ радикальнаго и открытаго измѣненія избирательнаго закона очень скоро выяснилась, какъ безнадежная. Правительственнымъ партіямъ и правительственной прессѣ пришлось идти въ избирательный бой подъ «конституціонной» маской. Не только «союзъ 17 октября», но и «партія центра Г. Совѣта», и даже такія партіи, какъ «партія правового порядка», объявляютъ своею цѣлью «неуклонное проведеніе въ государственную жизнь и въ народное сознаніе началъ конституціонной монархіи» [2]). А М. О. Меньшиковъ въ «Новомъ Времени» [3]) выступаетъ съ рѣзкой полемикой противъ министерской «Россіи», отрицающей «основное требованіе — парламентаризмъ, т. е. правительство, отвѣтственное передъ парламентомъ»: «объявить на весь міръ, что конституціонная реформа начата въ Россіи, но что она не будетъ завершена, это значитъ вооружить революцію самымъ страшнымъ оружіемъ, котораго ей недостаетъ».

Въ результатѣ выборовъ *партійный составъ второй Думы* опредѣлился такъ:

Соціалъ-демократы	64
Соціалисты-революціонеры	34
Народные соціалисты	14
Трудовая группа	100
Конституціоналисты-демократы	92
Мусульманская фракція	32
Польское коло	46
Партія дем. реф., прогресс., мирн. обн. . .	9
Союзъ 17 октября	32
Умѣренные и тяготѣющ. къ нимъ безпартійные .	59
Правые	20
Союзъ русскаго народа	2

[1]) „Страна“, 1 ноября 1906.

[2]) См. избир. воззваніе партіи прав. порядка въ „Новомъ Времени“, 22 окт. 1906.

[3]) См. „Нов. Время“, 24 окт. 1906.

По сравненію съ 1-ой Думой выборы дали замѣтное усиленіе обоихъ крыльевъ Думы—праваго и, въ особенности, лѣваго. Ослабленіе либеральнаго центра было наиболѣе замѣтнымъ и въ то же время симптоматическимъ результатомъ, указывавшимъ на рѣшительную схватку революціи и черной реакціи, какъ на единственно возможный исходъ изъ создавшагося положенія. Для даннаго историческаго момента, вопреки пораженію реакціи въ избирательной борьбѣ, исходъ этой схватки былъ предрѣшенъ. Революція съ огромнымъ напряженіемъ силъ собирала остатки разбитой арміи, «уставшей и озлобленной», для борьбы на парламентской аренѣ. На нее наступала реакція, укрѣпившая свои общественные устои и матеріальныя орудія своего господства въ странѣ и дѣлавшая первые шаги по завоеванію и приспособленію къ своимъ цѣлямъ новой думской позиціи. Ходъ и исходъ парламентскихъ битвъ зависѣлъ отъ либеральнаго центра. Но этотъ центръ, деморализованный измѣной своимъ собственнымъ лозунгамъ борьбы, потерявшій «земскую» опору и слабо связанный съ новыми соціальными слоями, ослабѣвшій численно, не могъ противоставить натиску реакціи систематическаго сопротивленія и не могъ найти въ себѣ рѣшимости безъ оглядки пойти въ бой рука объ руку съ «крайними партіями». Качаясь въ безсиліи между двумя думскими крыльями онъ фактически стремился къ замѣнѣ «героическаго» періода борьбы съ «безотвѣтственнымъ министерствомъ»—«историческимъ» періодомъ соглашенія съ нимъ, не имѣя въ то же время, подъ давленіемъ группировавшихся вокругъ него соціальныхъ слоевъ, возможности отказаться отъ программныхъ политическихъ и соціальныхъ формулъ, дѣлавшихъ дѣйствительное «соглашеніе» утопіей.

Именно поэтому, когда прошли первыя минуты растерянности, вызванныя исходомъ выборовъ, правительство почувствовало гораздо болѣе прочную почву подъ ногами въ своей борьбѣ съ Думой, чѣмъ это было по отношенію къ 1-ой Думѣ. Еще раньше, чѣмъ Дума собралась, мелкія сами по себѣ *правила объ охранѣ порядка и допущеніи постороннихъ лицъ* въ зданія Гос. Думы и Гос. Совѣта (16 февр.) подчеркнули, что правительство считаетъ для себя возможнымъ занять по отношенію къ Думѣ позицію строгаго опекуна и гораздо настойчивѣе, чѣмъ прежде, стремиться къ превращенію ея въ простую «выборную канцелярію». Смыслъ правилъ заключался въ строжайшей и придирчивой изоляціи членовъ Думы отъ общенія съ публикой и представителями прессы. Но дѣйствительное значеніе ихъ было въ томъ, что они являли собою какъ бы символъ всѣхъ будущихъ отношеній между государственною властью и «народнымъ представительствомъ».

VII.

Вторая Дума.

Большія требованія и тактика безсилія — этими словами бывшій с. д. депутатъ 2-ой Думы В. Митровъ мѣтко характеризовалъ [1]) настроеніе широкихъ народныхъ массъ, пославшихъ въ Таврическій дворецъ «лѣвую» Думу.

Октябрьско-декабрьская революція сходила въ могилу, пробивъ рядъ брешей въ старомъ государственномъ строѣ, но не рѣшивъ ни одного изъ выдвинутыхъ ею большихъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ. Произведя глубокія измѣненія въ направленіи развитія общественныхъ силъ, отбросивъ въ реакцію однѣ, давъ первый толчекъ политическому пробужденію другихъ, она въ данный моментъ исчерпала до дна революціонную энергію, накопленную до-октябрьскимъ періодомъ. Отсюда — одновременное и противорѣчивое существованіе «большихъ требованій» и «малой тактики».

Было очевидно, что, при такихъ условіяхъ, вторая Дума можетъ быть лишь переходнымъ этапомъ въ развитіи русской общественности, что судьба ея предрѣшена. И, дѣйствительно, еще до того, какъ Дума собралась, начали ходить слухи о предстоящемъ въ ближайшіе же дни роспускѣ ея. Считалось даже возможнымъ, что первымъ же актомъ правительства по отношенію къ Думѣ будетъ объявленіе объ ея роспускѣ. И когда наканунѣ предполагавшагося чтенія министерской декларації, обвалился весь потолокъ обширнаго думскаго зала, то, по свидѣтельству В. Митрова, «въ кулуарахъ Думы на минуту вздохнули свободно, такъ какъ считалось невѣроятнымъ, чтобы разгонъ послѣдовалъ непосредственно за такимъ скандаломъ, ибо это значило бы идти навстрѣчу напрашивавшемуся подозрѣнію» [2]).

Но, если немедленное возрожденіе общественнаго движенія въ прежнихъ октябрьско-декабрьскихъ формахъ было явно невозможно; если поэтому нельзя было разсчитывать на успѣхъ тактики «захвата» и приходилось сосредоточивать свои усилія на «использованіи законныхъ правъ Государственной Думы», то, съ точки зрѣнія не только послѣдовательной демократіи, но и послѣдовательнаго конституціонализма, эти «законныя права» могли и должны были быть использованы для собиранія остатковъ разбитой арміи, подготовки новаго общественнаго подъема и ослабленія начавшаго подымать голову «стараго порядка», окрасившагося въ яркій дворянскій цвѣтъ. Поскольку же внутреннія и внѣшнія условія существованія государства заставляли

---

[1]) „Изъ воспоминаній“. Въ сб. „Терніи безъ розъ“.

[2]) Въ атмосферѣ подозрительности возникла мысль, что паденіе потолка — не случайность, а предумышленное покушеніе на жизнь членовъ Думы. Случись паденіе на какой нибудь часъ позже, и подъ тысячепудовою тяжестью было бы погребено нѣсколько сотъ депутатовъ.

«старый порядокъ» прикрывать свое дворянско-бюрократическое соціальное и политическое содержаніе мнимо-конституціонными государственными формами, задача людей боровшихся съ этимъ «порядкомъ», естественно, сводилась къ тому, чтобы, используя эти формы въ своихъ собственныхъ цѣляхъ, неуклонно лишать господствующія силы возможности укрываться подъ сѣнь мнимаго конституціонализма.

Однако, на такую точку зрѣнія встала съ самаго начала лишь с.-д. фракція. И только постепенно ей удалось стать центромъ притяженія для другихъ «лѣвыхъ» группъ Думы (с.-р., н. с., трудовики) и увлечь ихъ за собою. Въ началѣ эти группы, несомнѣнно, тяготѣли къ к.-д. фракціи, притягивавшей къ себѣ и разнородные элементы справа—прогрессистовъ, мирнообновленцевъ, членовъ партіи демократическихъ реформъ, безпартійныя и національныя группы и даже часть октябристовъ.

Позиція, занятая к.-д-ою фракціею, облегчала эту концентрацію вокругъ нея «правыхъ» элементовъ Думы. Борьба за отвѣтственное министерство, окрашивавшая собою всю дѣятельность первой Думы, стушевывается, и даже к.-д-ая печать начинаетъ все чаще говорить не объ «отвѣтственномъ министерствѣ», а о «министерствѣ изъ общественныхъ дѣятелей». Фактически, однако, въ самомъ началѣ своей дѣятельности во 2-ой Думѣ к.-д. фракція сдаетъ и эту позицію. Иллюзіей большинства первой Думы было соглашеніе съ старою государственною властью черезъ голову «средостѣнія»—безотвѣтственнаго министерства; иллюзіею, большинства второй Думы—иллюзіею, вытекавшею изъ непониманія дворянско-помѣщичьяго характера новаго этапа въ развитіи старой государственной власти—стало соглашеніе съ этою властью въ лицѣ ея министерства, черезъ голову господствующихъ соціальныхъ силъ, торжество которыхъ приписывалось исключительно «безотвѣтственнымъ», закулиснымъ вліяніямъ и подчасъ начало даже противоставляться стремленію оффиціальнаго правительства сохранить за собою всю «полноту власти» [1]).

Слѣдствіемъ такого стремленія провести въ жизнь свою программу путемъ соглашенія съ министерствомъ Столыпина былъ не только отказъ отъ системы постояннаго дискредитированіи министерства и выраженія ему недовѣрія, но и глубокій поворотъ во всей тактикѣ. Если въ 1-ой Думѣ к.-д-ая фракція пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы сказать: никакіе законы не помогутъ, пока остается у власти безотвѣтственное министерство, то во-второй она, напротивъ, готова сказать: никакая смѣна министерства не поможетъ, пока остаются въ силѣ старые законы. Отсюда—взглядъ на текущее „законодательство“, какъ на очередную задачу, непосредственные практическіе ре-

[1]) Этотъ мотивъ, какъ извѣстно, былъ впервые развитъ въ 1-й Думѣ, во время преній о погромахъ (рѣчь кн. Урусова и др.).

зультаты которой приведутъ къ дѣйствительному упроченію конституціоннаго строя и исподволь сдѣлаютъ исполнительную власть отвѣтственной. „Одна изъ ошибокъ, писало „Право“ [1]), ...была преувеличенная вѣра въ ея (Думы) способность... заставить правительство перемѣнить всю свою политику до перемѣны всѣхъ тѣхъ *законовъ, которыми въ значительной степени политика эта обусловливалась*“ (курс.-нашъ). Т. о. к.-д-ы усваивали себѣ ту точку зрѣнія, которую старался внушить имъ въ 1-ой Думѣ П. Столыпинъ: виноватъ не часовой, а „кремневое ружье“, которое у него въ рукахъ. Задача исправленія часового сводится къ перемѣнѣ „ружья“. Таковъ именно былъ выводъ, который „Право“ дѣлало изъ своихъ разсужденій: „Основная задача Думы не въ томъ, чтобы устранить данное министерство, но въ томъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ подобное министерство. А этого Дума можетъ достигнуть только при помощи той дѣятельности, которая составляетъ ея основную задачу,—при помощи законодательствованія“.

Однако, конфликты, къ которымъ неизмѣнно приходила 1-я Дума и тогда, когда занималась законодательной работой, были еще слишкомъ свѣжи въ памяти. Было очевидно, что самый характеръ и предметъ „законодательствованія“ должны измѣниться, разъ ближайшей цѣлью думской тактики ставится не устраненіе „безотвѣтственнаго министерства“, а сотрудничество съ нимъ до тѣхъ поръ, пока новые законы не сдѣлаютъ невозможнымъ самое существованіе „подобнаго министерства“. Отсюда—стремленіе возможно дальше отодвинуть всѣ острые законодательные вопросы, „взяться за кирку и лопату, за тесало и топоръ“ и начать постройку „обитаемаго человѣческаго, гражданскаго жилища“ [2]) съ фундамента.

Этотъ утопическій планъ медленной „перестройки“ стараго „дома“ при отсутствіи самыхъ необходимыхъ орудій въ рукахъ „строителей“ к.-д-ая печать развивала съ самаго начала существованія Думы. Отчетливо онъ былъ формулированъ уже въ самомъ концѣ работъ Думы, въ засѣданіи 24 мая к.-д-имъ депутатомъ В. Гессеномъ, раздѣлившимъ стоящіе передъ Думой политическіе вопросы на двѣ категоріи: вопросы „государственной полиціи“, къ числу которыхъ В. Гессенъ отнесъ и вопросы о смертной казни, объ амнистіи, объ отмѣнѣ исключительныхъ положеній и т. п., и вопросы „органическаго переустройства нашей государственной, преимущественно мѣстной жизни“. Рѣшеніе первыхъ вопросовъ могло имѣть, по мнѣнію В. Гессена, „единственно демонстративный характеръ“. Это—путь „горячихъ рѣчей и безплодныхъ рѣшеній“, путь „опасный и ложный“, ибо „разочарованія и неудачи“ „могутъ внушить населенію пагубное и ложное—совершенно ложное предположеніе, что Дума безсильна“. Наоборотъ, сосредоточивъ свое вниманіе на во-

[1]) № 8 отъ 25 февраля 1907.
[2]) „Рѣчь“, 22 февр. 1907 г.

просахъ второго порядка, „Дума можетъ многое совершить“. И В. Гессенъ указывалъ на реформу мѣстнаго суда, крестьянскаго самоуправленія, школьнаго дѣла и т. д. и т. д.

Въ началѣ думской сессіи, отодвигая аграрный вопросъ и собираясь „перестраивать“ зданіе, к.-д-ая фракція выдвигала все же на первый планъ крупные вопросы—неприкосновенность личности, реформа мѣстнаго управленія, всеобщее избирательное право, свобода совѣсти и т. п. [1]). Въ рѣчи В. Гессена мы видимъ, какъ за 3 мѣсяца дѣятельности Думы логика позиціи, занятой к.-д-ой фракціей, привела ее къ отказу отъ крупныхъ политическихъ задачъ и сосредоточиванію своего вниманія на вопросахъ „преимущественно мѣстной жизни“, къ тактикѣ, которую можно назвать тактикой „малаго законодательства“. Правый депутатъ Синадино былъ правъ, когда, возражая В. Гессену и требуя въ своей разсчитанно-провокаціонной рѣчи постановки на первую очередь вопросовъ объ амнистіи и смертной казни, глумился надъ этой тактикой испуга: „Да, господа, вы запуганы, и я очень доволенъ, что вы запуганы... Та партія, которая всегда стояла во главѣ великаго освободительнаго движенія, отходную прочла она сегодня здѣсь себѣ“. И дѣйствительно, запуганность сказалась въ томъ, что и самъ В. Гессенъ не привелъ, въ сущности, другого критерія дѣленія законодательной работы на двѣ категоріи, кромѣ того, что по извѣстной категоріи вопросовъ правительство еще „въ первой Государственной Думѣ высказалось самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ“ [2]).

Рѣчь Гессена лишь подвела итоги той тенденціи думской тактики, которую старалась проводить к.-д-ая фракція и которая вела Думу въ тупикъ. Дѣло было не въ выдвиганіи „законодательствованія“ на первый планъ, а въ томъ, что самому „законодательствованію“ старались придать такой характеръ, чтобы сдѣлать его, какъ можно болѣе незамѣтнымъ, и исподволь „пріучить“ господствующія силы къ существованію народнаго представительства. Отсюда желаніе возможно умалить „шумъ“ вокругъ Думы, стремленіе избѣгать яркихъ выступленій и сузить всякіе общіе дебаты [3]), перенести главную

---

[1]) „Рѣчь“ (22 февр. 1907) доказывала, что начать необходимо съ законопроекта о неприкосновенности личности, не только потому, что „исторически, другими народами, она была завоевана раньше прочихъ свободъ, но и потому, что логически она составляетъ основу всѣхъ другихъ правъ личности“.

[2]) „Въ концѣ концовъ, отвѣчалъ деп. Демьяновъ (н.-с.) В. Гессену, мы дойдемъ до того, что будемъ съ покорностью разсматривать вопросы о томъ, чтобы устроить при Юрьевскомъ университетѣ прачешную. Я думаю, что вы къ этому приведете Думу, если пойдете по пути дальнѣйшихъ уступокъ“. С. о. т. II, с. 1161.

[3]) Яркій свѣтъ на смыслъ этого стремленія бросаетъ, напр., такая мотивировка „Рѣчью“ (24 марта 1907) необходимости сокращенія бюджетныхъ преній и скорѣйшей сдачи бюджета въ комиссію: „Когда и у насъ конституціонная жизнь войдетъ въ правильное русло, и бюджетныя права думы будутъ расши-

часть работы въ комиссіи [1]), придать всѣмъ занятіямъ Думы будничный, „дѣловой“ видъ,—словомъ усвоить себѣ всѣ внѣшніе пріемы обыденной парламентской работы при отсутствіи того содержанія, которымъ эти пріемы порождаются и оправдываются. Такимъ путемъ Дума должна была демонстрировать „работоспособность“, которой требовало отъ нея правительство. Только въ то время, какъ правительство вкладывало въ это понятіе требованіе вполнѣ опредѣленнаго *направленія* думской работы, готовности Думы поддержать его въ его контръ-революціонной дѣятельности, думское большинство, группировавшееся вокругъ к.-д-ой фракціи, старалось увѣрить себя, будто вопросъ „работоспособности“ сводится къ соблюденію „мирныхъ“, „корректныхъ“ *формъ* парламентской работы: въ представленіи этого большинства Дума должна была незамѣтно—и чѣмъ незамѣтнѣе, тѣмъ лучше,—„врости“ въ старый государственный строй [2]).

Со ступеньки на ступеньку эта тактика логически вела и привела къ тому, что вопреки всѣмъ разговорамъ о „законодательствованіи“, вторая Дума за 103 дня своего существованія посвятила гораздо меньше вниманія круп-

---

рены, тогда бюджетныя пренія и въ Россіи получатъ выдающееся политическое значеніе. Но въ настоящее время,—какой особенный интересъ могутъ имѣть именно *эти* пренія, когда бюджетъ, все равно, можно измѣнить лишь въ деталяхъ“, и т. д. Т. о. бюджетное безправіе должно было служить лишнимъ аргументомъ въ пользу преобладанія комиссіонной работы надъ общей бюджетной критикой въ открытыхъ засѣданіяхъ Думы. Иногда стремленіе устранить общеполитическія пренія (см. напр., пренія по запросу объ истязаніяхъ въ Алгачинской тюрьмѣ въ зас. 6 апр.—стен. отч. т. I, стр. 1681—4, 1749) вызывало рѣзкіе протесты лѣвой части Думы противъ дѣйствія предсѣдателя, шедшаго навстрѣчу этому стремленію. Въ засѣданіи 30 III, когда, по предложенію к.-д. фракціи, при поддержкѣ „правыхъ“ и противодѣйствіи „лѣвыхъ“, было сильно сокращено время общихъ засѣданій Думы, произошелъ такой діалогъ: *Родичевъ* (к.-д.) „...Господа, мы по закону выбраны на 5 лѣтъ...“. *Алексинскій* (с.-д., съ мѣста): „А вы этому вѣрите?“ *Род.*: „Мы живемъ въ такой атмосферѣ, въ которой всѣ говорятъ объ актѣ роспуска Думы, какъ о чемъ то такомъ, что само собою разумѣется. Но, господа, когда намъ правительство заявило, что оно ищетъ путей для совмѣстной работы съ Г. Думой...“ *Алекс.* (съ мѣста): „А вы ему вѣрите?“ *Род.*: „Оно торжественно обязалось вопросъ о роспускѣ изъять изъ обращенія (смѣхъ слѣва). Вы ему можете не вѣрить, но обязаны ему довѣрять и вести себя такъ, какъ будто эти слова были бы для васъ правдой“ (аппл. справа и въ центрѣ). См. стеногр. отч. т. I, с. 1416.

[1]) Такъ, напр., цѣлый рядъ важнѣйшихъ правительственныхъ законопроектовъ (объ отвѣтственности должн. лицъ, о неприкосновенности личности, объ отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ вѣроисповѣданіемъ и т. д.) былъ сданъ въ комиссію, вопреки протестамъ с.-д., безъ предварительныхъ преній. См. стен. отч. т. I, с. 880—7. Практику сокращеннаго порядка рѣшеній по „направленію“ вопросовъ увѣковѣчилъ думскій наказъ.

[2]) „Рѣчь“ (4 апр. 1907) писала: „День, когда дебаты въ Таврическомъ дворцѣ будутъ казаться такой же неизбѣжной принадлежностью дня, какъ обѣдъ днемъ и театръ вечеромъ, когда программа дня будетъ интересовать не всѣхъ вмѣстѣ, а тѣхъ или другихъ спеціально, когда дебаты объ общей политикѣ станутъ исключеніемъ,—этотъ день можно будетъ привѣтствовать, какъ день окончательнаго торжества представительнаго правленія въ Россіи“.

нымъ законодательнымъ вопросамъ, чѣмъ первая—за 72 дня. Правительство завалило Думу сотнями законопроектовъ, среди которыхъ были весьма крупные, составлявшіе плодъ его междудумской дѣятельности. Иниціативѣ членовъ Думъ были обязаны своимъ возникновеніемъ законопроекты по важнѣйшимъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Но весь этотъ матеріалъ безъ преній сдавался въ многочисленныя комиссіи, гдѣ и покоился, не привлекая ничьего вниманія за предѣлами тѣснаго круга членовъ комиссіи. Въ области *законодательной* работы Думы общественное вниманіе привлекъ только законъ объ *уничтоженіи военно-полевыхъ судовъ*, принятый окончательно 17 апрѣля [1]), а также *отклоненіе* Думою *изданныхъ по 87 ст. законовъ*: 24 окт. 1906 г.—о восхваленіи преступныхъ дѣяній, 6 ноября—объ острочкѣ отбыванія воинской повинности для поднадзорныхъ (зас. 21 мая), 30 сент.—о предупредительныхъ связкахъ и 18 авг.—объ усиленіи наказаній за пропаганду въ войскахъ (зас. 22 мая), а также утвержденіе состоявшейся въ порядкѣ 87 ст. отмѣны правилъ 3 апр. 1892 г. о наказаніяхъ за тайное обученіе въ Царствѣ Польскомъ и Западномъ Краѣ. Въ остальномъ—кромѣ обсужденія земельнаго вопроса, бюджета, контингента арміи и т. п., о чемъ мы скажемъ еще ниже, Дума исчерпала свою законодательную дѣятельность принятіемъ ряда мелкихъ финансовыхъ законовъ и смѣтныхъ ассигнованій [2]). И лишь за нѣсколько дней до своего роспуска она приступила къ разсмотрѣнію перваго законопроекта, имѣвшаго сколько-нибудь крупное принципіальное значеніе,—законопроекта о мѣстномъ судѣ. По ироніи судьбы, именно въ номерѣ, помѣченномъ 3 іюня—днемъ роспуска Думы, „Право“ (№ 221) сочло возможнымъ облегченно вздохнуть: „наконецъ, Дума приступила къ настоящей законодательной работѣ“!..

Антагонизмомъ между двумя тактическими тенденціями, наиболѣе полно выраженными с.-д-ой фракціей, съ одной стороны, к.-д-ой, съ другой, окрашена вся дѣятельность второй Думы. Этотъ тактическій антагонизмъ ярко сказался уже на выборахъ, на которыхъ лидеръ к.-д-ой партіи, П. Н. Милюковъ, счелъ нужнымъ презрительно отмежеваться отъ „красной тряпки“. Вполнѣ опредѣленно началъ онъ проявляться съ перваго же дня работъ Думы. Уже *выборъ президіума* далъ поводъ къ столкновенію. С.-д-ая фракція, какъ и вся думская „лѣвая“, поддерживала кандидатуру Ф. А. Головина, на предсѣдательское кресло, но, по ея настоянію была снята кандидатура к.-д-а

---

1) Практическаго значенія этотъ законъ не имѣлъ: за невнесеніемъ въ Думу изданный по 87 ст. законъ объ отмѣнѣ в.-п. судовъ все равно терялъ свою силу 20 апрѣля. Къ тому же Г. Совѣтъ отвергъ думскій законъ.

2) Такъ, напр.. въ зас. 18 мая были приняты законопроекты о пароходствѣ на Ленѣ и Дальнемъ Востокѣ; въ зас. 20 мая—объ обложеніи земель въ Туркестанѣ и рядъ мелкихъ пособій различнымъ промышленно-художественнымъ учрежденіямъ, и т. д.

И. В. Тесленко въ товарищи предсѣдателя, и оба поста товарищей замѣщены кандидатами „лѣвыхъ“—М. Е. Березинымъ (труд.) и Н. Н. Познанскимъ, а въ секретаріатѣ всѣ „лѣвыя“ фракціи получили представительство.

Раздраженіе к.-д-ой фракціи противъ с.-д. еще усилилось, когда стало извѣстно, что с.-д-ы, вопреки желанію всѣхъ другихъ фракцій, намѣрены съ самаго начала работъ Думы поднять вопросъ объ *амнистіи*, что шло въ разрѣзъ съ новой тактической позиціей к.-д. [1]). Питавшіяся вначалѣ к.-д-ою фракціею надежды, что с.-д-ы войдутъ въ составъ думскаго „лѣваго блока“ и черезъ его посредство будутъ втянуты въ сферу к.-д-аго вліянія, были немедленно разрушены, и—въ связи съ вопросомъ объ амнистіи и отказомъ с.-д. отъ „лѣваго блока“—„Рѣчь“ [2]) озлобленно писала: „чѣмъ скорѣе они (с.-д.) отдѣлятъ свое дѣло отъ дѣла Государственной Думы, тѣмъ спокойнѣе и ровнѣе Дума будетъ въ состояніи заняться своими собственными дѣлами“.

Но с.-д-ая фракція не желала довольствоваться уготованной ей позиціей „блестящей изолированности“, а, въ свою очередь, старалась подчинить своему вліянію какъ народническія „лѣвыя“ фракціи, такъ и демократическіе элементы к.-д-ихъ и безпартійныхъ круговъ. Борьба за вліяніе на направленіе Думской работы не прекращается за все время существованія Думы, особенно обостряясь послѣ апрѣльскаго пасхальнаго перерыва и мало-по-малу склоняясь въ пользу соціалъ-демократіи [3]), вопреки формулированной въ первые же дни работъ Думы угрозѣ к.-д-ой фракціи—при невозможности составить „конституціонный центръ“, опираясь на „лѣвыя“ фракціи, аппелировать къ „подозрительнымъ услугамъ М. А. Стаховича“ [4]), т. е. вовлечь въ предполагаемый „центръ“ правые элементы Думы.

Такое положеніе, понятно, сильно укрѣпляло позицію „праваго“ крыла Думы при всей его сравнительной немногочисленности. Кромѣ того, фрак-

---

1) Отказъ предсѣдателя Думы дать слово с.-д. Герусу для внѣочереднаго заявленія „впредь до конституированія Думы“ (зас. 24 февр., стен. о. т. I, с. 45 помѣшалъ с.-д. выполнить этотъ планъ и вопроса объ амнистіи они коснулись лишь въ своей извѣстной „декларації“.

2) 23 февр. 1907.

3) „Послѣ Пасхи сильно бросалась въ глаза полная сплоченность всѣхъ лѣвыхъ до трудовиковъ включительно и полная дезорганизація центра“. А. Зурабовъ. „Вторая Дума“. СПБ. 1908, с. 52. О томъ уже настроеніи депутатовъ вернувшихся въ Думу послѣ поѣздки на мѣста втеченіе пасхальныхъ каникулъ, пишетъ А. Цитронъ („103 дня второй Думы“, СПБ. 1907, с. 137): „Депутаты, считающіеся съ народнымъ настроеніемъ, учитывающіе общій упадокъ, какъ минусъ для народнаго представительства, готовы обострить всякій вопросъ, лишь бы поддержать честь лѣвой Думы. Умирающее вліяніе центра, подъ вліяніемъ слишкомъ болѣзненныхъ событій передъ перерывомъ засѣданій (NB.: „Зурабовскій инцинденть“, см. ниже, Ф. Д.), совершенно исчезаетъ. Партіи рѣзко отмежевались“.

4) „Рѣчь“, 21 февр.

ціонный составъ Думы создавалъ особое положеніе для польскаго коло: при дѣленіи Думы на двѣ части—„лѣвую“, подъ руководствомъ с.-д-іи, и „правую“, гдѣ к. д-ы смѣшивались съ различными группами безпартійныхъ, умѣренныхъ, октябристовъ и т. д.—Дума распадалась на двѣ почти равныя половины, и коло получало возможность играть рѣшающую роль. Такъ было, напр., при рѣшеніи такихъ важныхъ для второй Думы вопросовъ, какъ вопросъ о помощи безработнымъ, о бюджетѣ, контингентѣ арміи и др. Естественно, что коло стремилось использовать это положеніе въ своихъ собственныхъ интересахъ [1]).

Правительство энергично использовало всѣ слабые пункты думской позиціи. Угроза роспускомъ, висѣвшая надъ головой Думы, какъ мы видѣли, съ перваго же дня ея существованія, систематически выдвигалась передъ постановкой на очередь каждаго новаго крупнаго вопроса. Такимъ путемъ поддерживалось состояніе испуга, въ которомъ вошли въ Думу нѣкоторыя ея фракціи. Усиленно подчеркивалось, что „побѣда Думы надъ революціей“, „самоочищеніе“ ея отъ „лѣвыхъ“ обезпечитъ ея существованіе и откроетъ эру упроченія „конституціоннаго строя“ и „либеральныхъ реформъ“. „Дума имѣетъ смыслъ только при одномъ условіи,—если она погашаетъ революцію“, писало „Новое Время“ черезъ нѣсколько дней послѣ созыва Думы въ редакціонной статьѣ, требовавшей блока к.-д. съ „правыми“ для побѣды надъ думской „лѣвой“. „Безъ этого самоочищенія, безъ этого подавленія бунта противъ Думы въ самой Думѣ, ей невозможно существовать“ [2]). А, наряду съ запугиваніемъ, кажущееся и ни къ чему не обязывающее желаніе министерства пойти навстрѣчу к.-д-амъ въ различныхъ частныхъ вопросахъ поддерживало въ нихъ стремленіе идти дальше и дальше по характеризованному выше пути „малаго законодательства“. Искусно муссируемые слухи о „безотвѣтственныхъ вліяніяхъ“, только будто бы и обусловливающихъ видимое господство реакціонно-черносотенныхъ элементовъ, съ которымъ, скрѣпя сердце, приходится до поры, до времени мириться министерству, проникнутому искренними конституціонными намѣреніями,—въ свою очередь, вносили деморализующій элементъ въ среду думскаго большинства и порождали готовность протянуть руку министерству, извѣстные акты котораго толковались, какъ вынужденные, и которое фигурировало въ роли „жертвъ“ вліятельной камарильи.

Такимъ путемъ мало-по-малу *„береженіе Думы“* цѣною отказа не только отъ борьбы за расширеніе правъ народнаго представительства, но и

---

[1]) Этимъ именно положеніемъ коло думало воспользоваться, внося—полный компромиссовъ—проектъ объ автономіи Царства Польскаго (зас. 10 апр. стен. отч. т. I, стр. 1914 и сл.).

[2]) „Новое Время“, 26 февр. 1907.

отъ всесторонняго использованія правъ, ему, несомнѣнно, принадлежащихъ, стало основнымъ лозунгомъ руководящей думской фракціи—к.-д. „Пріученіе“ господствующихъ соціально-политическихъ силъ къ факту функціонированія Думы стало казаться единственнымъ путемъ для упроченія конституціоннаго строя въ Россіи. Голой оборонительной борьбой за существованіе почти исчерпывается содержаніе трехмѣсячной работы Думы, и каждый—мелкій и крупный—вопросъ, встающій передъ нею, разсматривается, прежде всего, подъ угломъ зрѣнія этой борьбы.

Всѣ указанные выше факторы проявили себя въ полной силѣ при первой же встрѣчѣ министерства съ Думою. Въ интересахъ „береженія Думы“ к.-д-ая фракція рѣшила молчаніемъ встрѣтить *программную декларацію министерства* и отвѣтить на нее простымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ. Къ этому рѣшенію примкнули и всѣ „лѣвыя“ фракціи Думы за исключеніемъ с.-д-овъ [1]). Декларація министерства, прочитанная въ зас. 6 марта, была сухимъ изложеніемъ той программы либеральныхъ реформъ, которую правительство непрестанно выдвигало за время междудумья, какъ доказательство, что борьба ведется не противъ „общества“, а лишь противъ „враговъ общества“. Въ основу всѣхъ правительственныхъ законопроектовъ, заявляла декларація, положена „одна общая руководящая мысль“—„создать тѣ матеріальныя нормы, въ которыя должны воплотиться новыя правоотношенія, вытекающія изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени... Отечество наше должно превратиться въ государство правовое“ [2]). Декларація кончалась выраженіемъ увѣренности, что „лишь обдуманное и твердое проведеніе въ жизнь высшими законодательными учрежденіями новыхъ началъ государственнаго строя поведетъ къ успокоенію и возрожденію великой нашей родины“, и—покрытымъ бурными аплодисментами справа—заявленіемъ, что „трудъ, добрая воля, накопленный опытъ правительства предоставляются въ распоряженіе Государственной Думы, которая встрѣтитъ, въ качествѣ сотрудника, правительство, сознающее свой долгъ хранить историческіе завѣты Россіи и возстановить въ ней порядокъ и спокойствіе, т. е. правительство стойкое и чисто русское, каковымъ должно быть и будетъ правительство Его Величества“.

Предсѣдателю совѣта министровъ отвѣчалъ с.-д-ій депутатъ Церетели. Въ сильной рѣчи, безпрестанно прерываемой протестами правыхъ, онъ сопо-

---

[1]) Мотивируя тактику „молчанія“ „Рѣчь“ писала: „вотумъ недовѣрія по строго-конституціоннымъ порядкамъ ведетъ за собой или отставку министерства или роспускъ Думы“, а при настоящемъ положеніи—„выборъ между Столыпинымъ и Думою будетъ сдѣланъ не въ пользу Думы“. Т. о. эта мотивировка расширяла вопросъ и отъ частнаго случая аппелировала къ общему правилу отказу отъ выраженія недовѣрія министерства или, иначе, готовности работать съ нимъ во имя „строго-конституціонныхъ порядковъ“.

[2]) О программѣ обѣщанныхъ „реформъ“ см. главу: „Первое междудумье“.

ставилъ дѣла министерства со словами его, характеризуя всю правительственную дѣятельность, какъ доказательство „неразрывной связи правительства съ кучкой помѣщиковъ-крѣпостниковъ, живущихъ на счетъ милліоновъ обездоленнаго крестьянства“ [1]). Прочитанная Церетели декларація с.-д-ой фракціи стояла на той же точкѣ зрѣнія, что правительство междудумья „является правительствомъ дворянъ, дѣйствующимъ въ тѣсномъ союзѣ съ крѣпостниками и паразитическими элементами общества“. Въ этомъ же духѣ и съ подчеркиваніемъ очередной задачи—„подчинить исполнительную власть законодательной“—была составлена и формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная Думѣ отъ имени с.-д-ой фракціи депутатомъ Джапаридзе. Бурное негодованіе думской „правой“ показывало, что выступленіе с.-д-ой фракціи ударило по больному мѣсту [2]). Но оно не заставило отказаться отъ тактики „молчанія“ фракціи думскаго большинства. Одинъ за другимъ всходили на трибуну ораторы к.-д., с.-р., н.-с., трудовиковъ, мусульманской группы и польскаго коло, чтобы заявить о своемъ присоединеніи къ формулѣ простого перехода къ очереднымъ дѣламъ. Различные представители „правой“ постарались отмѣтить это молчаніе, какъ выраженіе желанія совмѣстной работы съ министерствомъ. „Совмѣстная работа съ правительствомъ возможна“, говорилъ епископъ Платонъ. „Первая Дума хотѣла сразу взять въ свои руки ини ціативу въ работѣ, а мнѣ думается, что наша Дума могла бы совмѣстно работать съ правительствомъ и потомъ уже въ работѣ инициатива можетъ перейти въ ея руки“ [3]). „Правые и центръ желаютъ труда“, вторилъ ему Крупенскій [4]). „Правительство, которое дало намъ 17 октября“, заявлялъ Пуришкевичъ, „...не есть правительство реакціи, но мы хотимъ, мы, правыя партіи, и всѣ тѣ лица, которыя стремятся къ благу изможденной Россіи, мы хотимъ, чтобы историческое развитіе Россіи было эволюціоннымъ, а не революціоннымъ“ [5]). Но ни это выраженіе „правыми“ полной солидарности съ министерствомъ, ни насмѣшки Синадино, ни настойчивое истолкованіе ими молчанія, какъ отказа второй Думы отъ дѣла, завѣщаннаго ей первою,—ничто не сдвинуло думское большинство съ занятой имъ позиціи.

---

[1]) Стен. отч. т. I, с. 121.

[2]) О рѣчи Церетели правая печать писала: „никогда въ стѣнахъ первой Думы не было произнесено такихъ страшныхъ словъ. Бывали глупыя, дерзкія глупо-оскорбительныя рѣчи, но такой сосредоточенной, сжатой до ужаса ненависти, такого звѣрски-честнаго объявленія безпощадной войны власти еще не было. Нисколько не соглашаясь съ прямолинейностью его революціонной мысли, рвущейся точно изъ вулкана, все-таки поддаешься впечатлѣнію этой силы“. Цитир. у А. Цитрона. 103 дня Второй Думы. СПБ. 1907, стр. 43.

[3]) Ст. о. т. I с. 143.

[4]) Ib. с. 144.

[5]) Ст. отч. т. с. 142.

Оно осталось на ней и тогда, когда для отвѣта с.-д-амъ выступилъ снова Столыпинъ и въ своей рѣчи подтвердилъ и подкрѣпилъ всѣ комментаріи, которые давала его деклараціи думская „правая“. Второе выступленіе Столыпина было какъ бы выраженіемъ готовности правительства отдѣлить „центръ“ отъ „лѣвыхъ“, оппозицію отъ революціи. Первой правительство обѣщало, съ своей стороны, готовность стремиться къ „совмѣстной работѣ“, „найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково понятенъ намъ всѣмъ“; министерство сулило оппозиціи возможность „провести тутъ свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядамъ правительства“, и обѣщало „привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого-либо неустройства, какихъ-либо злоупотребленій“. Но все это—на извѣстныхъ условіяхъ: „общимъ языкомъ“ „не можетъ быть языкъ ненависти и злобы“; Дума должна помнить, что ей „волею Монарха не дано право выражать правительству неодобреніе, порицаніе и недовѣріе“; она должна примириться съ тѣмъ, что, ударяя по революціи, правительство не могло не задѣть и частныхъ интересовъ“; она должна отказаться отъ критики междудумской дѣятельности правительства, ибо „тутъ волею Монарха нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ, и эти скамьи—не скамьи подсудимыхъ, а мѣсто правительства“; наконецъ, она не должна забывать, что правительство будетъ безпощадно къ „нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе“. И тутъ, переходя къ „лѣвымъ, къ революціи“, предсѣдатель совѣта министровъ бросилъ имъ: „не запугаете“.

Сохраняя молчаніе и послѣ этой рѣчи, думское большинство молчаливо принимало поставленныя ему условія и покрывало „амнистіей“ междудумье. Правительство вышло побѣдителемъ въ первой парламентской битвѣ, и его положеніе на внутренней и международной аренѣ усилилось ровно настолько, насколько слабѣе стала позиція народнаго представительства. Формулы мотивированнаго перехода къ очереднымъ дѣламъ—с.-д-овъ, съ рѣзкой критикой министерства, и правыхъ, связавшихъ одобреніе дѣятельности правительства съ „осужденіемъ террора и революціи“,—не были поставлены на голосованіе, ибо значительнымъ большинствомъ Дума рѣшила простой переходъ [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи, во время бюджетныхъ преній (зас. 22 марта), к.-д. Родичевъ заявилъ: „мы сознательно подавили въ себѣ голосъ сомнѣнія, и мы въ настоящее время тоже стоимъ передъ судомъ исторіи: не вмѣнится ли намъ въ вину исторіей русскаго народа, что мы на возгласъ „не запугаете“ отвѣтили молчаніемъ и подавили въ себѣ голосъ сомнѣній, говорившій: не обманете“. Правда, это не помѣшало Родичеву въ той же рѣчи, черезъ нѣсколько фразъ формулировать такое положеніе: „я думаю, господа, уже тѣмъ, что вы явились въ Думу, вы возложили на себя обязанность борьбы за право; вы возложили на себя обязанность предположенія, что противникъ вашъ добросовѣстенъ“. Ст. отч. т. I, с. 978, 979.

* * *

Позиція, занятая к.-д-ой фракціею, не замедлила дать знать себя въ первомъ же вопросѣ, об сужденномъ Думою, — вопросѣ о *продовольственной помощи* голодающему населенію.

Вопросъ о продовольственной помощи возникъ въ засѣданіи 7 марта довольно случайно, въ связи съ предложеніемъ деп. Пьяныхъ (с.-р.) выбрать, въ числѣ прочихъ намѣченныхъ комиссій, и „комиссію для голодающихъ“ [1]). Предложеніе это было подхвачено с.-д-ой фракціей, которая придала ему болѣе широкую постановку, связала съ вопросомъ о помощи безработнымъ въ городахъ, и попыталась сдѣлать вопросъ о помощи голодающимъ и безработнымъ однимъ изъ средствъ для связыванія Думы съ демократическими массами населенія [2]). Лѣвая часть Думы приняла эту постановку. Въ предложеніи с.-д. на комиссію возлагалась задача 1) провѣрки продовольственныхъ операцій правительства, 2) анкеты, необходимой для выработки законопроектовъ объ оказаніи помощи голодающимъ и безработнымъ. Приэтомъ выполненіе той и другой задачи должно было, м. пр., производиться путемъ „разслѣдованія на мѣстахъ“.

Послѣ отдѣленія вопроса о помощи безработнымъ, главный бой закипѣлъ именно по вопросу о „разслѣдованіи на мѣстахъ“. С.-д. и другія „лѣвыя“ фракціи отстаивали право Думы на произведеніе парламентской анкеты на мѣстахъ, ссылаясь, м. пр., на извѣстную комиссію, посланную первою Думою въ Бѣлостокъ для разслѣдованія обстоятельствъ погрома. К.-д-ы, въ виду этой ссылки, не могли формально отрицать наличности такого права у Думы. Но они рѣшительно возставали противъ посылки думскихъ депутатовъ на мѣста и защищали ограниченіе функцій будущей комиссіи разсмотрѣніемъ министерскихъ отчетовъ по продовольственной операціи, исходя изъ соображеній, которыя наиболѣе отчетливо были выражены депутатомъ Родичевымъ, требовавшимъ разсмотрѣнія вопроса „съ точки зрѣнія политической, которая въ настоящее время имѣетъ, м. б., наибольшее значеніе“ [3]).

---

[1]) Ст. отч. т. I, с. 185.

[2]) См. рѣчи деп. Алексинскаго, Измайлова, Геруса, Ломтатидзе и др. и формулу перехода с.-д. фракціи. С. о. т. I с. 200, 236, 240, 241, 248 и сл., а также рѣчь Джапаридзе въ зас. 9 марта—с. 296.

[3]) Ib. с. 250. Деп. Кизеветтеръ пояснилъ эту „политическую точку зрѣнія“ такъ: „это будетъ бой съ представителями бюрократіи на такой почвѣ, допустимость которой долженъ будетъ признать самъ предсѣдатель совѣта министровъ“.— С. 230. А въ засѣданіи 9 марта, развивая дальше тѣ же мысли и отстаивая образованіе комиссіи въ томъ видѣ, какъ предложилъ ее Родичевъ, деп. I. Гессенъ высказалъ убѣжденіе, что „достаточно одного учрежденія такой комиссіи, чтобы отношенія администраціи сдѣлались совершенно иными“. 306—7. Изъ к.-д. только деп. П. Струве ставилъ, въ связи съ выборами комиссіи, принципіальный вопросъ о „компетенціи полномочій и правахъ самой Г. Д.“—с. 255.

Эта позиція слабости и отступленія была немедленно использована правыми, которые, оспаривая принципіально право Думы производить „разслѣдованія на мѣстахъ“ и заявляя, что такія функціи превратятъ продовольственную комиссію въ „филіальное отдѣленіе революціи“ [1]), въ то же время „всецѣло“ присоединялись къ предложенію „товарища Родичева“, какъ иронически выразился Пуришкевичъ [2]).

Однако, разстройство, внесенное въ ряды самой к.-д-й фракціи нападеніемъ слѣва, было такъ велико, что к.-д. употребили всѣ усилія для того, чтобы вопросъ былъ отложенъ [3]). Имъ это удалось. Въ слѣдующемъ засѣданіи выступилъ предсѣдатель совѣта министровъ, воспользовавшійся случаемъ, чтобы явиться толкователемъ правъ Думы. По его толкованію только предложеніе к.-д-й фракціи покрывалось законными правами Думы. А потому, сообщивъ, что „надняхъ долженъ быть обнародованъ отчетъ о продовольственной и сѣменной кампаніяхъ“, П. Столыпинъ заявилъ, что „правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ предложенію, внесенному членомъ Думы Родичевымъ [4]). Послѣ этого, съ отверженіемъ всѣхъ поправокъ, была принята голосами центра и правой противъ лѣвой части Думы формула к.-д.

Чтобы покончить съ продовольственнымъ вопросомъ, надо отмѣтить, что уже въ рѣчи П. Столыпина заключались указанія на намѣреніе правительства потребовать у Думы *продовольственныхъ ассигнованій* на продовольственныя нужды сверхъ назначенныхъ по бюджету. Въ засѣданіи 17 апр. Дума, дѣйствительно, ассигновала дополнительно 6 мил. руб. вопреки протестамъ с.-д. и н.-с., требовавшимъ передачи денегъ не правительственнымъ учрежденіямъ, а обще-земской организаціи [5]). Новое ассигнованіе—въ 17.500.000 р. пришлось Думѣ обсуждать въ засѣданіи 11 мая. Теперь, ссылаясь на выяснившіееся уже отсутствіе возможности какого-бы то ни было дѣйствительнаго контроля у продовольственной комиссіи, и с.-д., и трудовики требовали рѣшительнаго отказа въ ассигнованіи — или, точнѣе, въ утвержденіи уже

---

1) См. рѣчь Пуришкевича, с. 233.

2) Изъ среды правыхъ за посылку депутатовъ на мѣста, „во имя живого и прямого рѣшенія вопроса“, стоялъ Крушеванъ, Но для него депутаты, выбранные Думою, должны были просто служить уполномоченными министерства по раздачѣ пособій населенію. Ib. с. 234—6.

3) Аргументируя въ пользу отсрочки и желая внушить членамъ Думы мысль, что откладываніе нужно исключительно въ цѣляхъ прицанія рѣшеніямъ Думы технически совершенной формы, деп. Родичевъ заявилъ даже, что будетъ голосовать за первую часть с.-д. формулы (обслѣдованіе дѣйствій правительства, м. пр., и на мѣстахъ), а, м б., и за вторую. См. ст. отч. т. I, с 258.

4) См. отч. т. I, с. 331—2.

5) См. рѣчи Церетели, Алексинскаго, Джапаридзе, Карачевскаго-Волка. Ст. отч. т. I, с. 2254—2267. Изъ правыхъ неожиданно присоединился къ с.-д. предложенію деп. Келеповскій на томъ основаніи, что „въ настоящее время земства являются самымъ консервативнымъ элементомъ“. Ib. с. 2260.

произведеннаго правительствомъ расхода [1]). Рѣшеніе зависѣло отъ польскаго коло. Послѣ перерыва коло заявило о своемъ воздержаніи отъ голосованія [2]), и переходъ къ постатейному чтенію былъ принятъ 176 голосами противъ 149, и затѣмъ былъ принятъ и законопроектъ въ цѣломъ.

Вопросъ о *помощи безработнымъ* былъ, какъ мы видѣли, выдѣленъ въ засѣданіи 7 марта. По иниціативѣ с.-д. Дума приступила къ его обсужденію 15 марта и наткнулась немедленно на тѣ же самые вопросы, которые ей пришлось обсудить при образованіи продовольственной комиссіи. Въ данномъ случаѣ задача облегчалась тѣмъ, что фракція с.-р. представила готовыя основныя положенія законопроекта объ организаціи помощи безработнымъ [3]), которыя и могли послужить матеріаломъ для работъ комиссіи. Но этимъ не устранялся вопросъ о другихъ ея функціяхъ, въ особенности о томъ же „разслѣдованіи на мѣстахъ", которое и тутъ предлагали лѣвыя фракціи. Ораторы к.-д-й фракціи теперь еще меньше отрицали право Думы производить такія разслѣдованія, чѣмъ при обсужденіи продовольственнаго вопроса.

Но мин. торговли и промышленности категорически заявилъ, что считаетъ посылку депутатовъ на мѣста незаконною [4]). Колеблясь между нежеланіемъ открыто отречься отъ своихъ правъ и соображеніями, продиктованными „политической точкой зрѣнія", думское большинство признало вопросъ „невыясненнымъ" и, вопреки настояніямъ деп. Церетели, онъ такъ и не былъ рѣшенъ ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, повисъ въ воздухѣ [5]).

Но вопросъ о помощи безработнымъ представлялъ острый политическій интересъ еще и въ другомъ отношеніи. Въ своей первой же рѣчи деп. Джапаридзе (с.-д.) выяснилъ дѣйствительный характеръ массовой безработицы [6]), угнетавшій рабочій классъ въ Россіи. Джапаридзе указалъ, что безработица эта является слѣдствіемъ не только и, б. м., даже не столько экономическаго кризиса, сколько тѣхъ преслѣдованій, въ видѣ локаутовъ, массовыхъ разсчетовъ за забастовки и т. п., которыми побѣдившая контръ-революція мстила рабочему классу за роль,

---

[1]) См. рѣчи Измайлова (с.-д.) и Березина (труд.). Ст. отч. т. II, с. 466 и 493. „Или это есть преступленіе, или это есть сумасшествіе", заявилъ о позиціи с.-д. и труд. деп. Родичевъ. Ib. с. 512.

[2]) Ib., с. 515.

[3]) См. рѣчь деп. Архангельскаго. С. о. т. I, с. 573.

[4]) Ст. отч. т. I, с. 612.

[5]) Ib. с. 625—627. Вопросъ о посылкѣ депутатовъ для разслѣдованія на мѣста былъ возбужденъ еще разъ въ засѣданіи 12 апрѣля въ связи съ запросомъ о пыткахъ въ Ригѣ. Но и въ этомъ случаѣ онъ былъ оставленъ безъ отвѣта. Соотвѣтствующее предложеніе с.-д. было, согласно мнѣнію I. Гессена передано въ комиссію по запросамъ „для постановки вопроса о возможности посылки депутатовъ на мѣста для разслѣдованія вообще". Въ этой комиссіи оно и было погребено. Ст. отч. т. I, с. 1977—1980.

[6]) Ib. с. 556—566.

сыгранную имъ въ освободительномъ движеніи. Т. о. помощь безработнымъ дѣлалась элементарною политическою обязанностью классовъ и партій, продолжавшихъ стоять на почвѣ этого движенія.

Но поэтому именно правительство выступило рѣшительно противъ широкой постановки вопроса о помощи безработнымъ. Министръ торговли и промышленности категорически и съ особеннымъ удареніемъ заявилъ: „правительство можетъ идти на помощь безработнымъ, когда идетъ вопросъ о помощи безработнымъ, не имѣющимъ работы вслѣдствіе промышленнаго кризиса или стихійныхъ причинъ. Но когда поднимается вопросъ о томъ, чтобы правительство, чтобы государство приходило на помощь безработнымъ, страдающимъ отъ безработицы не вслѣдствіе непреодолимыхъ условій, а по собственной волѣ отъ забастовокъ, то я долженъ заявить, что правительство на такого рода ассигновки не пойдетъ никогда". [1]).

К.-д-ая фракція, вѣрная принятой ею политической линіи, склонилась и передъ этимъ требованіемъ. Ея формула предусматривала обсужденіе вопроса о помощи лишь „безработнымъ, пострадавшимъ отъ промышленнаго кризиса" [2]), а ея ораторъ, Кутлеръ, мотивировалъ это предложеніе тѣмъ, что иначе Дума поставитъ передъ собою „задачу необъятную [3]). Т. о. къ отказу отъ пользованія своими правами въ настоящемъ присоединялось въ вопросѣ о безработныхъ, во имя „береженія Думы", отреченіе отъ недавняго прошлаго. За бортъ выкидывались не только забастовщики „дней свободы", но и тѣ рабочіе, которые еще недавно откликнулись на призывъ „выборгскаго воззванія".

Это было, однако, уже слишкомъ для тѣхъ, чья „политическая точка зрѣнія" не допускала—въ данный моментъ, по крайней мѣрѣ,—такого откровеннаго разрыва съ недавнимъ прошлымъ. Не только польское коло, но и часть членовъ к.-д-ой фракціи отказались поддерживать к.-д-ую формулу и, при голосованіи выходомъ въ двери, 223 голосами противъ 202 при 11 воздержавшихся была принята поправка с.-д. объ исключеніи словъ „пострадавшихъ отъ промышленнаго кризиса" [4]).

Практическихъ результатовъ въ смыслѣ помощи ни продовольственная комиссія, ни комиссія о безработныхъ не дали. Но, какъ при самомъ возникновеніи ихъ, такъ и въ дальнѣйшемъ вокругъ нихъ фактически велась борьба за права народнаго представительства. Разъ начатое отступленіе логически вело къ тому, что Дума все дальше и дальше катилась по наклон-

---

1) Ib., с. 614.

2) Ib., с. 551.

3) Ib., с. 586

4) Ib., с. 624. Въ зас. 18 мая въ Г. Д. былъ внесенъ 34 депутатами проектъ закона объ ассигнованіи средствъ для выдачи городскимъ обществ. управленіямъ ссудъ на производство обществ. работъ для безработныхъ. С. о. т. II, с. 829.

ной плоскости. Правительство, „всецѣло и всемѣрно“ поддержавшее предложеніе Родичева, на практикѣ показало дѣйствительный смыслъ этого предложенія въ данной обстановкѣ. Продовольственная комиссія тщетно пыталась сквозь груду бумажной отчетности, которою ее заваливали, пробиться къ дѣйствительной провѣркѣ, хотя бы тѣхъ операцій по продовольственному дѣлу, которыя уже были произведены [1]). Когда-же ея члены попытались выйти изъ этого заколдованнаго круга, вопросъ о правахъ Думы, который тщательно избѣгала подымать к.-д. фракція, выплылъ немедленно-же въ видѣ вопроса о *правахъ комиссій*. Обращеніе предсѣдателя продовольственной комиссіи за свѣдѣніями къ земскимъ управамъ вызвало тотчасъ же рѣшительный отпоръ со стороны министерства. Письмомъ на имя предсѣдателя Думы П. А. Столыпинъ заявилъ категорически, что „подобнаго положенія вещей правительство, конечно, допустить не можетъ и ни въ какомъ случаѣ не допуститъ“, а циркуляромъ губернаторамъ предписалъ передать земскимъ управамъ запрещеніе пересылать какія бы то ни было свѣдѣнія въ думскія комиссіи [2]).

Тогда продов. комиссія попыталась выйти изъ тупика, приглашая на свои засѣданія „свѣдущихъ лицъ“. Но и этотъ шагъ ея встрѣтилъ немедленно протестъ со стороны премьеръ-министра, хотя право думскихъ комиссій приглашать на свои засѣданія экспертовъ не только вытекало изъ предоставленнаго Думѣ учрежденіемъ 20 февраля права совершенно самостоятельно опредѣлять внутренній распорядокъ своихъ работъ, но и было формулировано въ § 44 выработанной первой Думою части наказа, своевременно распубликованной сенатомъ [3]).

Положеніе складывалось такъ, что уклониться дальше отъ прямой постановки вопроса сдѣлалось невозможнымъ, и предсѣдатель Думы обратился къ П. А. Столыпину съ вопросомъ, „на основаніи какихъ статей закона предсѣдатель совѣта министровъ можетъ обращаться съ подобнаго рода запросомъ къ предсѣдателю Государственной Думы“. „Въ учрежденіи Г. Д., писалъ Ф. Головинъ, есть ст. 36, которая даетъ Гос. Думѣ право обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ съ запросами по поводу ихъ незаконномѣрныхъ дѣйствій, но нѣтъ статьи, которая давала бы право министрамъ дѣлать запросъ Государственной Думѣ или ея предсѣдателю“. На это письмо П. Столыпинъ отвѣтилъ, что лишь „законы вѣжливости“ заставляли его вступать въ переписку съ предсѣдателемъ Думы. Въ подтвержденіе же своего права вмѣшиваться въ вопросъ о приглашеніи „свѣдущихъ лицъ“ комиссіями сослался на правила о допущеніи постороннихъ лицъ на засѣданія Г. Д. и объ охранѣ Таврическаго дворца. Пользуясь этими пра-

---

[1]) См. „Изъ продов. комиссіи“ въ газ. „Народная Дума“ № 11 отъ 23 марта.
[2]) Сообщеніе „Освѣдом. бюро“ въ „Нар. Думѣ“, № 13, отъ 25 марта.
[3]) См. ст. „Казенные законники“ въ „Н. Думѣ“, № 14 отъ 27 марта.

вилами, онъ далъ начальнику думской охраны прямой приказъ не допускать въ зданіе дворца „свѣдущихъ лицъ“. Фактически вопросъ, о которомъ шелъ споръ, вопросъ о правахъ Думы, былъ рѣшенъ въ пользу министерства, но не путемъ казуистическаго толкованія юридическихъ правъ Думы, а путемъ открытаго примѣненія полицейской силы [1]). „Вопросъ сразу потерялъ свое принципіальное значеніе“, писало по этому поводу „Право“. Въ дѣйствительности, наоборотъ, лишь на этой стадіи раскрывался во всемъ своемъ принципіальномъ содержаніи вопросъ о взаимоотношеніи между Думою и силами „стараго порядка“, который министерство старалось прикрыть либеральною фразеологіею, а думскій либерализмъ—непрерывнымъ отступленіемъ и сдачей позицій парламентской борьбы безъ боя. За праздничной декораціей „совмѣстной работы“ ясно проступали неприглядныя черты грубой дѣйствительности... [2]).

Еще нагляднѣе выступили эти черты въ вопросѣ объ отмѣнѣ *военно-полевыхъ судовъ*. Для думскаго большинства, скомпрометировавшаго себя въ глазахъ демократическихъ массъ своими первыми шагами и имѣвшаго въ виду и дальше идти по пути попытокъ „совмѣстной работы“ съ министерствомъ, вопросъ этотъ пріобрѣталъ особое значеніе. Онъ не только долженъ былъ привлечь симпатіи широкихъ слоевъ къ Думѣ, но разрѣшеніе его должно было послужить доказательствомъ правильности избраннаго пути. Правительство не внесло въ Думу закона о в.-п. судахъ, изданнаго въ порядкѣ 87 статьи. Правда, у него было еще 2 мѣсяца впереди для такого внесенія, но пока что невнесеніе толковалось такимъ образомъ, что черезъ 2 мѣсяца законъ падаетъ самъ собою. Думскому большинству было, однако, важно добиться немедленной отмѣны закона. Согласіе правительства на такую отмѣну должно было послужить доказательствомъ искренности предложеннаго министерствомъ Думѣ „сотрудничества“. К.-д-ая фракція ожидала даже, что пред. сов. министровъ не воспользуется предоставленнымъ ему мѣсячнымъ срокомъ для дачи своего заключенія по думскому законопроекту, а немедленно выразитъ свое согласіе на него: „если его (П. А. Столыпина) декларація не только слова, не одни обѣщанія, то министерство присоединится къ намъ въ этомъ вопросѣ и, не выжидая мѣсячнаго срока, само скажетъ: позора военно-полевого убійства въ Россіи больше не будетъ“ [3]).

Но еще раньше, чѣмъ Дума приступила къ обсужденію вопроса о направленіи законопроекта, въ оффиціальной печати начало усиленно прово-

---

[1]) См. „Право“ № 13, отъ 1 апр., передовая и ст. „Законъ вѣжливости вмѣсто законовъ конституціонныхъ“ въ „Н. Думѣ“, № 18, отъ 31 марта.

[2]) Совершенно однородныя злоключенія испытывали и другія думскія комиссіи. См., напр., о затрудненіяхъ, чинившихся м-омъ комиссіи о мѣстномъ судѣ, въ рѣчи докладчика І. Гессена. Ст. отч. зас. 28 мая, т. 2 с. 1332.

[3]) Рѣчь деп. Маклакова (к.-д.) въ зас. 12 марта. Ст. о. т. І, с. 392.

диться мнѣніе, по которому Дума вовсе не вправѣ приступить самостоятельно къ отмѣнѣ закона о в.-п. судахъ. Ст. 87 толковалась такимъ образомъ, что законы, изданные по этой статьѣ, могутъ быть отмѣнены лишь въ томъ случаѣ, если правительство внесетъ ихъ въ законодательныя учрежденія, а эти послѣднія ихъ отклонятъ. Въ противномъ случаѣ законы, изданные въ порядкѣ 87 ст., прекращаютъ свое дѣйствіе лишь по истеченіи двухъ-мѣсячнаго срока со дня созыва законодательныхъ учрежденій. Юридическая сила этой попытки ограничительнаго толкованія правъ Думы была ничтожна. Но дѣло было не въ юридической аргументаціи, а въ томъ, что за казуистикой оффиціозовъ ясно проглядывало намѣреніе самаго министерства идти все дальше и дальше по пути урѣзыванія компетенцій и полномочій народнаго представительства. И, дѣйствительно, предсѣдатель сов. министровъ всталъ цѣликомъ на точку зрѣнія оффиціозовъ, заявивъ приэтомъ, что „если даже принять другую точку зрѣнія", „то и въ этомъ случаѣ обсуждаться по существу этотъ вопросъ можетъ не ранѣе мѣсяца", т. е. не ранѣе 12 апрѣля [1]).

Такая позиція П. А. Столыпина была большимъ ударомъ для к.-д-ой фракціи и шедшихъ за нею группъ. Еще бо́льшимъ ударомъ оказалась позиція предс. сов. министровъ по существу вопроса. Что юридическая природа военно-полевыхъ судовъ ничего общаго съ природой дѣйствительныхъ судовъ не имѣетъ,—насчетъ этого въ Думѣ споровъ не было [2]). Это признавалъ и самъ П. А. Столыпинъ: „въ этой плоскости мышленія (въ оцѣнкѣ в.-п. судовъ, „какъ судебнаго, какъ юридическаго института") я думаю, что я ни съ г. Маклаковымъ, ни съ другими ораторами, отстаивающими тотъ же принципъ,—я думаю, что я съ ними не разошелся бы".

Но въ томъ и было дѣло, что для дѣйствительности борьбы противъ в.-п. судовъ эту борьбу приходилось поставить вовсе не въ „эту плоскость мышленія". Никакія, поистинѣ потрясающія рѣчи, какъ рѣчь свящ. Тихвинскаго, рисовавшаго ужасное положеніе духовника, являющагося для послѣдняго напутствія къ осужденному на смертную казнь [3]); никакія описанія кровавыхъ жестокостей; никакія юридическія обличенія не могли подѣйствовать на тѣхъ, кто требовалъ „муравьевскаго галстуха" [4]) для всѣхъ, еще не казненныхъ революціонеровъ, кто самъ видѣлъ въ этихъ „судахъ" актъ „расправы" и, какъ выяснилъ с.-д. ораторъ, пускалъ ихъ въ ходъ въ видѣ

---

[1]) Рѣчь П. А. Столыпина въ зас. 13 марта. С. о. т. I, с. 512—3.

[2]) „Это есть не судъ, это есть расправа", заявилъ правый депутатъ Синадино. С. о. т. I, с. 473.

[3]) Ст. отч. т. I, с. 431 и сл.

[4]) Выраженіе Пуришкевича. Ib. с. 380.

орудія борьбы за существованіе контръ-революціонной „государственности“, окрашенной въ яркій дворянско-бюрократическій цвѣтъ [1]).

Не только вся лѣвая часть Думы и ея центръ, но и польское коло, и октябристы были единодушны въ требованіи отмѣны закона о в.-п. судахъ. С.-р. [2]) и трудовики [3]) требовали единовременной отмѣны всѣхъ военныхъ судовъ и исключительныхъ положеній, а с.-д. внесли поправку, по которой лица, не состоящія на дѣйствительной военной службѣ, ни при какихъ условіяхъ не могли бы предаваться военному суду [4]). Изъ правыхъ за отмѣну в.-п. судовъ высказался Крушеванъ на томъ основаніи, что эта отмѣна развяжетъ народный самосудъ [5]). Въ общемъ же правые—и въ этомъ къ нимъ примыкали октябристы—требовали отъ Думы „осужденія террора“, какъ необходимаго условія для досрочной отмѣны в.-п. судовъ. Врядъ-ли, однако, въ такой постановкѣ вопроса сказывалось нѣчто большее, чѣмъ желаніе заставить думское большинство, и особенно к.-д. фракцію, сдѣлать шагъ, политическое значеніе котораго мы уже неоднократно выясняли И, б. м., откровеннѣе высказалъ дѣйствительное отношеніе „правыхъ“ къ в.-п. судамъ деп. Крупенскій, когда неожиданно заявилъ, что, для возможности отмѣны в.-п. судовъ, необходимо предварительное разрѣшеніе вопросовъ 1) еврейскаго, 2) польскаго и 3) земельнаго,—т. е. тѣхъ именно вопросовъ воинствующаго національнизма и землевладѣнія, разрѣшеніе которыхъ контръ-революціонная „государственность“ ставила своею задачею или писала на своемъ знамени [6]).

Точно такъ же и предсѣдатель совѣта министровъ придалъ вопросу объ „осужденіи террора“ лишь ограниченное значеніе. Въ случаѣ, если „Дума толкнетъ Россію на спокойную работу“, П. А. Столыпинъ обѣщалъ лишь „ограничить этотъ суровый законъ только самыми исключительными случаями“ и не вносить его „на утвержденіе законодательнаго собранія“ въ теченіе остающагося еще до истеченія 2 мѣсяцевъ срока [7]). Оправданіе же „расправы“ въ глазахъ П. Столыпина заключалось въ „государственной необходимости“, которая „стоитъ выше права“, разъ „государство“ находится въ „состояніи необходимой обороны“: „когда домъ горитъ, господа, вы вламываетесь въ чужія квартиры, вы ломаете двери, ломаете окна“, и

---

[1]) См. рѣчь Алексинскаго. Ib. с. 465 и сл.

[2]) Рѣчь Ширскаго. Ib. с. 364—5.

[3]) Рѣчь Булата. Ib. с. 371.

[4]) Рѣчь Геруса. Ib. с. 420.

[5]) Ib., с. 377—9. Во время рѣчи деп. Тесленко (к.-д.), говорившаго объ авторахъ погромовъ, деп. Крушеванъ вызывающе всталъ и раскланялся. См. „Нар. Дума“ 13 марта, № 2. Ст. „Въ Гос. Думѣ“.

[6]) Рѣчь Крупенскаго. Ib. с. 446.

[7]) Ib. с. 516—7. Эти слова П. А. Столыпина подтверждали, что, въ началѣ дѣятельности Думы, правительство вовсе еще не оставляло мысли внести законъ въ Думу.

„Россія сумѣетъ отличить кровь на рукахъ палачей отъ крови на рукахъ добросовѣстныхъ врачей". И Столыпинъ рѣшительно отказывался дать свое согласіе на законопроектъ, какъ на „гласную уступку революціи".

Рѣчь П. А. Столыпина вызвала глубокое разочарованіе въ тѣхъ думскихъ кругахъ, которые разсчитывали на готовность правительства пойти навстрѣчу Думѣ. Разсчеты эти казались настолько достовѣрными, что к.-д. фракція сначала внесла предложеніе, чтобы комиссія, въ которую долженъ былъ поступить законопроектъ, окончила свою работу въ 24 часа. Теперь—разъ Дума не рѣшалась или не могла выйти за предѣлы своихъ законныхъ правъ,— эта спѣшка становилась излишнею, и законопроектъ былъ сданъ въ комиссію въ обычномъ порядкѣ [1]).

Изъ комиссіи законопроектъ вышелъ къ 17 апрѣля, когда и былъ принятъ единогласно съ тѣмъ существеннымъ дополненіемъ, что всѣ дѣла, по которымъ приговоры в. п. судовъ еще не приведены въ исполненіи или по которымъ осужденные отбываютъ еще наказаніе, должны быть немедленно наново разсмотрѣны въ обще-судебномъ порядкѣ. Единогласіе было достигнуто лишь потому, что въ голосованіи фактически не приняли участіе правые, протестовавшіе къ тому же противъ того, что законопроектъ обсуждался въ день, когда не былъ поставленъ на повѣстку. Это обстоятельство дало поводъ къ агитаціи, обвинявшей Думу въ незаконномъ образѣ дѣйствій. Предполагалось, что Г. С., ссылаясь на формальныя правонарушенія, откажется принять законъ къ разсмотрѣнію. Этого однако не случилось, и Гос. Совѣтъ просто отвергъ законъ. Правительство же законъ 19 авг. 1906 г. на утвержденіе Думы не внесло.

Мы уже говорили, что позиція министерства въ вопросѣ о в. п. судахъ вызвала большое разочарованіе въ фракціяхъ к. д. и примыкавшихъ къ нимъ. Но для к. д-ой фракціи это разочарованіе было поводомъ не свернуть съ разъ избраннаго пути „малаго законодательства", а, наоборотъ, еще настойчивѣе идти по нему, еще большую уступчивость проявить по отношенію къ министерству, занявшему по отношенію къ Думѣ явно наступательную позицію. Это сказалось уже въ томъ самомъ засѣданіи 13 марта, когда П. А. Столыпинъ произнесъ свою рѣчь о в.-п. судовъ. Упорное требованіе „правыхъ" — принять немедленно же резолюцію, осуждающую тер-

---

1) „Когда мы предложили обязать комиссію представить работу въ 24 часа, говорилъ к.-д. депутатъ В. Гессенъ, мы, разумѣется, имѣли въ виду возможность немедленнаго обсужденія проекта въ Г. Д., разсчитывая на то, что г. предсѣдатель совѣта министровъ не пожелаетъ воспользоваться тѣмъ мѣсячнымъ срокомъ, который предоставленъ ему по закону. Въ настоящее время, разъ выяснилось, что точка зрѣнія г. предсѣдателя совѣта министровъ иная, я полагаю, что обязывать комиссію опредѣленнымъ срокомъ представляется совершенно ненужнымъ и безполезнымъ". С. о. т. I с. 524.

ръ и революцію, „чтобы снять обвиненіе съ Г. Д. въ томъ, что (требуя отмѣны в.-п. судовъ. Ф. Д.) она покровительствуетъ революціонному террору“— вызвало, очевидно, такую панику въ части к. д-ой фракціи, что, спасаясь отъ натиска правыхъ, к.-д. Кизеветтеръ счелъ умѣстнымъ—„попросить присутствующаго здѣсь предсѣдателя совѣта министровъ дать намъ свое заключеніе: входитъ ли по учрежденію о Г. Д. въ компетенцію Г. Д. принятіе... общей резолюціи, декларації общаго этическаго характера“ [1]). Благодаря рѣзкой отповѣди предсѣдательствовавшаго Ф. Головина [2]), непосредственныхъ практическихъ результатовъ эта унижающая Думу выходка не имѣла, но она характерно иллюстрировала настроеніе извѣстной части думскаго большинства. Настроеніе это наложило свою печать и на всю дальнѣйшую работу Думы.

* * *

Настроеніе упадка и нерѣшительности сказалось и при обсужденіи *земельнаго вопроса*, поглотившаго значительную часть думскаго времени: общія пренія, начавшіяся 19 марта, закончились лишь къ 26 мая.

Въ характеристику принципіальной позиціи думскихъ фракцій эти пренія внесли мало новаго по сравненію съ преніями въ 1-ой Думѣ. Всѣ фракціи сохранили свои принципіальныя точки зрѣнія, но только аграрныя программы с. д-овъ [3]) и с. р-овъ и н. с.-овъ получили болѣе опредѣленное и яркое выраженіе, благодаря наличности сильныхъ и хорошо организованныхъ фракцій.

Полнѣе развернулась и *программа партій праваго крыла* Думы. Въ сущности, эта программа сводилась къ поддержкѣ и развитію положенія, созданнаго и намѣченнаго междудумскимъ законодательствомъ [4]). Вопросъ о пагубности, съ точки зрѣнія партій патріархальной реакціи, разрушенія общины указомъ 9 ноября не ставился сколько-нибудь отчетливо и послѣдовательно. Первый же ораторъ „правой“—кн. Святополкъ-Мирскій почти исчерпалъ варіировавшуюся затѣмъ на разные лады аграрную программу контръ-революціи, когда говорилъ: „Итакъ, господа, оставьте мысль объ увеличеніи площади крестьянскаго землевладѣнія, кромѣ исключительныхъ случаевъ дѣйствительной земельной тѣсноты; всѣ силы своего духа обратите на разселеніе крестьянства, а чтобы вамъ было съ кѣмъ работать, поддер-

[1]) С. о. т. I с. 529.

[2]) „Лицами, компетентными въ разрѣшеніи вопроса о томъ, что подлежитъ сужденію Думы и что нѣтъ, являются предсѣдатель Думы и сама Дума (громкіе апплодисменты слѣва и центра). Слова предсѣдателю совѣта министровъ я по этому вопросу не даю“. Ib.

[3]) Литовская с.-д. внесла свой собственный проектъ. См. ст. о. т. II, с. 681.

[4]) См., напр., „программу“ Пуришкевича. Ст. о. т. I, с. 1532—3.

жите и сохраните частныхъ владѣльцевъ... Если мы не будемъ дорожить нашими частными владѣльцами... то мы рискуемъ въ недалекомъ будущемъ поставить наше сѣрое, темное, невѣжественное крестьянство въ положеніе стада безъ пастыря“ [1]).

Итакъ – разселеніе и поднятіе „культуры“, какъ единственный путь разрѣшенія аграрнаго вопроса, и поддержка „частныхъ владѣльцевъ“, помѣщиковъ, какъ необходимый первый шагъ на этомъ пути, — такова офиціальная „программа“ правыхъ. Какъ мы уже говорили, всѣ другіе ораторы „правыхъ“—за исключеніемъ части крестьянъ, о чемъ еще скажемъ ниже,— въ томъ или иномъ видѣ повторяли ходъ разсужденій кн. Святополкъ-Мирскаго [2]). Особую ноту въ эти разсужденія вносили лишь демагогическіе ораторы „правой“, старавшіеся изобразить покушеніе на помѣщичью собственность—покушеніемъ и на крестьянскую и даже покушеніемъ на всякую собственность вообще, изобразить не только конфискацію дворянскихъ земель, но и принудительное отчужденіе ихъ по фиксированной оцѣнкѣ—непосредственнымъ прологомъ соціальной революціи. Утопическіе проекты „соціализаціи земли“, развивавшіеся фракціей с. р-овъ, давали до нѣкоторой степени благодарный матеріалъ для такого рода демагогіи, разсчитанной на запугиванье крестьянъ и буржуазіи. Но этого матеріала было все же недостаточно, и ораторы правой дополняли его собственными разсужденіями. „Мы ожидали услышать сокрушающіе аргументы противъ самаго понятія о собственности, говорилъ деп. Келеповскій. Однако, мы ихъ не слыхали“. Но, во всякомъ случаѣ, „если собственность прикосновенна, то мы не понимаемъ, почему собственникъ земли долженъ потерять свое имущество, а собственникъ закладныхъ листовъ, которыми эта земля обезпечена (которые этою землею обезпечены? Ф. Д.), терять его не долженъ“ [3]).

---

[1]) Ст. о. т. I, с. 707.

[2]) Изъ не крестьянскихъ правыхъ депутатовъ неожиданнымъ сторонникомъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія и чуть-ли не принудительнаго отчужденія явился еп. Евлогій, депутатъ Холмской Руси: „отъ имени 3000 русскаго населенія Холмскаго края мнѣ поручено горячо просить Г. Думу не забыть, при рѣшеніи аграрнаго вопроса, и этотъ отдаленный бѣдный уголокъ русской земли. Наши холмскіе крестьяне, страдающіе отъ малоземелья и безземелья, также ждутъ расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія. Они желаютъ рѣшить этотъ вопросъ точно такъ же, какъ онъ будетъ рѣшенъ для всего всероссійскаго крестьянства“. Эта готовность поддержать на „всероссійскихъ“ основаніяхъ отчужденіе земель польскихъ помѣщиковъ, вопреки требуемой польскимъ коло автономіи Польши въ аграрномъ вопросѣ, подчеркивалась еп. Евлогіемъ, какъ „новое и весьма сильное доказательство необходимости скорѣйшаго выдѣленія Холмской Руси изъ состава Царства Польскаго“. Ст. отч. т. I, с. 1942.

[3]) Ст. отч. т. I, с. 1507—8. См. также рѣчи другихъ правыхъ ораторовъ и, особенно, деп. Шульгина съ его шутовской программой партіи „соціаль-капиталистовъ“. Ib. с. 1142. Или рѣчь деп. Крупенскаго: „несомнѣнно, что если дѣлить землю, то нужно дѣлить логически и капиталъ“, и т. д. Ib. с. 784. Деп. Келеповскій указалъ, впрочемъ,—вполнѣ въ духѣ демагогически-націоналистической

Особую позицію занимали правые депутаты-крестьяне—за исключеніемъ крестьянъ такого типа, какъ депутаты западнаго края Балло, Мельникъ и др., являвшіеся представителями сравнительно крупныхъ арендаторовъ и съ тѣмъ большею готовностью поддерживавшіе „правыхъ“, что демагогически-націоналистическая часть „правой“ программы давала — на словахъ, по крайней мѣрѣ,—полное удовлетвореніе ихъ мѣстнымъ интересамъ. Рядовые же правые крестьяне, подчеркивая свой монархизмъ, націонализмъ, антисемитизмъ и т. д., въ то же время по земельному вопросу отдѣлились отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей по думскимъ скамьямъ. Такъ деп. Шиманскій предлагалъ „членамъ Думы, помѣщикамъ, чтобы они вышли на эту каѳедру и сказали, что они желаютъ уступить крестьянамъ по справедливой оцѣнкѣ землю“ [1]), а деп. Петроченко шелъ еще дальше и заявлялъ о предложенной деп. Кутлеромъ „справедливой оцѣнкѣ“, что „мы, крестьяне, бѣдные, столько не можемъ заплатить“ [2]).

Главное значеніе аграрныхъ преній во 2-ой Думѣ состояло, однако, не въ детальномъ развитіи тѣхъ или иныхъ программъ, а въ роли, которую они играли въ *политической борьбѣ*, кипѣвшей вокругъ Думы.

программы, на почвѣ которой стоялъ и еп. Евлогій,—обширный источникъ для надѣленія землею „русскихъ“ крестьянъ, а именно—„инородческія“ земли: татарскія,- ибо Херсонская и Таврическая губерніи—„это 10 мил. десятинъ земли, завоеванныхъ у мусульманъ“, а „главное значеніе этихъ завоеваній въ томъ, что они образовали запасный фондъ, которымъ русскій народъ можетъ воспользоваться тогда, когда онъ ему понадбится“; киргизскія,—ибо „мы вовсе не покривимъ душою и не нарушимъ законовъ, если скажемъ киргизамъ: настало время уступить землю, которою вы временно пользовались, русскому народу“; кавказскія,—ибо „для того и существуютъ казенныя земли, чтобы селить на нихъ русскій народъ“: польскія,—ибо часть конфискованныхъ послѣ возстанія земель была отдана полякамъ обратно, а „земли, конфискованныя за преступленія противъ русскаго народа, должны быть ему возвращены“; наконецъ, такъ какъ „сочли необходимымъ и полезнымъ для русскаго народа ослабить польскіе элементы“, то долженъ быть возстановленъ отмѣненный, „благодаря польской интригѣ“ законъ о принудительной продажѣ земли польскими помѣщиками, и „это дастъ земельный фондъ въ сѣверо-западномъ краѣ“. Ib. с. 1509—1510. Какъ извѣстно, часть этой программы—по отношенію къ киргизскимъ землямъ—была приведена въ исполненіе третьей Государственной Думой; вся же она въ цѣломъ была съ тѣхъ поръ неоднократно используема въ агитаціонной платформѣ націоналистической демагогіи.

[1]) С. о. т. I, с. 1617.

[2]) С. о. т. I, с. 1616. Доводъ, что принудительное отчужденіе противорѣчитъ закону, Петроченко отводилъ тѣмъ, что „закона надо придерживаться, но для того, чтобы устранить малоземелье, нужно написать такой законъ, чтобы все это и сдѣлать по закону“, а попытки направить вниманіе крестьянъ на другую землю, кромѣ помѣщичьей, или на поднятіе „культуры“ вызвали у него ядовитую реплику: „сколько преній не ведите, другого земного шара не создадите. Придется, значитъ, эту землю намъ отдавать... А что мы невѣжественны, такъ мы ничего иного и не просимъ, какъ земли, чтобы по своей глупости въ ней же ковыряться. Со своей стороны я думаю, что, конечно, дворянину и неприлично возиться съ землей“. Ib. 1615.

„Государственная Дума, писалъ правительственный официозъ [1]), своимъ отношеніемъ къ земельнымъ законамъ ясно покажетъ Россіи, желаетъ ли и можетъ ли она работать на благо страны, или, по примѣру ея печальной предшественницы, будетъ лишь создавать затрудненія правительству и Родинѣ". Вопросъ былъ, такимъ образомъ, поставленъ ясно: отношеніе правительства къ Г. Думѣ и къ самому существованію ея ставилось въ зависимость отъ ея отношенія къ междудумскому земельному законодательству, имѣвшему цѣлью „огражденіе неприкосновенности частной собственности отъ всякихъ на нее посягательствъ". Думѣ предстояло либо санкціонировать это законодательство, либо вступить на почвѣ аграрнаго вопроса въ безпощадную борьбу съ тѣми соціальными силами, политическое господство которыхъ нашло въ этомъ законодательствѣ свое выраженіе. Аграрный вопросъ выступилъ, въ первую голову, какъ вопросъ политическій.

Такъ именно поставилъ его первый же с.-д. ораторъ, депутатъ Церетели. Онъ исходилъ изъ того, что „Россія переживаетъ теперь такую минуту", когда, говоря недавними словами предсѣдателя совѣта министровъ, „государственная необходимость стоитъ выше права". „Но почему же, спрашивалъ Церетели, государственная власть возвышается надъ правомъ лишь тогда, когда дѣло идетъ о раздачѣ народныхъ земель помѣщикамъ или о томъ, чтобы давить живыя силы страны, рвущіяся къ свободѣ, и отказывается стать выше права тогда, когда рѣчь идетъ о защитѣ такого сомнительнаго права, какъ право помѣщиковъ на землю?" Отвѣтъ Церетели находилъ въ дворянски-помѣщичьемъ характерѣ новѣйшей русской „государственности". „И вотъ, вся задача настоящаго момента заключается именно въ томъ, чтобы разрушить эту государственность съ ея помѣщичье-бюрократической основой и на развалинахъ этой государственности создать государственность современную, на новыхъ, культурныхъ началахъ. Во имя этой высокой задачи, во имя этой новой государственности должно быть разрушено священное право помѣщиковъ, должно быть принесено въ жертву помѣщичье землевладѣніе" [2]). Т. о., предоставляя будущему подробное рѣшеніе вопроса о судьбахъ отобранной у помѣщиковъ земли, с.-д ая фракція выдвигала уничтоженіе помѣщичьяго землевладѣнія, борьбу съ дворянствомъ, какъ очередную политическую задачу всего буржуазнаго общества, устраняя тѣмъ самымъ, съ одной стороны, безконечные и безплодные дебаты о дѣлежѣ шкуры неубитаго еще медвѣдя, въ которыхъ потонула первая Дума,, а съ другой, — отрѣзывая всякую возможность демагогическаго истолкованія своей позиціи, какъ непосредственнаго акта пролетарской „соціальной революціи".

---

1) „Россія" 28 февр. 1906.
2) С. о. т. I, с. 727—8.

Но эта ясная, открытая и послѣдовательная постановка не была принята большинствомъ Думы. Для ея принятія нужна была такая степень готовности къ безпощадной борьбѣ у однихъ, пониманія связи между соціальными запросами крестьянской массы и вопросами политическаго освобожденія у другихъ,—какой въ Думѣ не было въ наличности. Трусливая политика компромиссовъ к.-д-ой фракціи, соціальный утопизмъ фракцій революціоннаго и демократическаго народничества, политическая наивность и иллюзіи рядовыхъ крестьянскихъ депутатовъ соединились, чтобы заставить вторую Думу покатиться по той же наклонной плоскости многорѣчивыхъ и безплодныхъ преній, какъ и первую. Первый же ораторъ к.-д., говорившій непосредственно вслѣдъ за Церетели, деп. Кутлеръ, заявивъ о вѣрности своей принципу принудительнаго отчужденія, обошелъ полнымъ молчаніемъ вытекавшую отсюда политическую проблемму и всю свою рѣчь посвятилъ исключительно критикѣ распредѣленія отчужденной земли по проекту трудовой группы. Его примѣру послѣдовали почти всѣ другіе ораторы, и пренія вылились либо въ страстный вопль о землѣ, либо въ критику различныхъ земельныхъ программъ въ ущербъ основному политическому вопросу,—тому самому, о которомъ правительственный оффиціозъ говорилъ въ самомъ началѣ работъ Думы. Этотъ вопросъ оставался въ тѣни вплоть до самаго конца земельныхъ преній, когда, въ засѣданіи 26 мая, его снова попытался выдвинуть на первый планъ тотъ же деп. Церетели [1]).

Актуально-политическое значеніе аграрныхъ преній еще уменьшалось благодаря тому *порядку*, въ которомъ онѣ велись. Вокругъ этого порядка неоднократно возникали въ Думѣ споры, въ которыхъ отражалась общая тактическая позиція различныхъ думскихъ фракцій. Еще въ преніяхъ, возникшихъ въ засѣданіи 6 марта послѣ декларацiи П. А. Столыпина, деп. Пуришкевичъ и Крупенскій возвѣстили, отъ имени правыхъ, намѣреніе потребовать постановки въ 1-ю очередь земельнаго вопроса [2]). И, дѣйствительно, на слѣдующій же день, одновременно съ заявленіемъ трудовой группы и крестьянскаго союза, поступило и заявленіе за подписью 34 „умѣренныхъ крестьянъ“ о выборѣ земельной комиссіи, а въ засѣданіи 15 марта, когда с.-д-ы настаивали на обсужденіи вопроса о безработныхъ, правые и октябристы [3]) поддерживали требованіе „умѣренныхъ крестьянъ“ [4]) о немедленномъ приступѣ къ земельному вопросу.

Къ такой тактикѣ правое крыло Думы побуждало отчасти стремленіе

---

[1]) См. рѣчь Церетели. Ст, отч. т. II, с. 1220—1235.
[2]) С. о. т. I, с. 141, 145
[3]) См. рѣчи гр. Бобринскаго и Стаховича. Ib., с. 540, 541.
[4] Рѣчь Петроченко. Ib., с. 538.

сохранить вліяніе на „правые“ элементы крестьянства [1]), отчасти общая линія, намѣченная „правыми“ съ самаго начала и направленная къ тому, чтобы скомпрометировать Думу „революціонными эксцессами“, запугать к.-д-ій центръ, подвинуть его на дальнѣйшее отступленіе и углубленіе пропасти между собою и „лѣвыми“ и, ослабивъ, такимъ образомъ, позицію Думы, подготовлять ея роспускъ и измѣненіе избирательнаго закона, которое уже открыто выставляли дворянскіе съѣзды въ своей программѣ [2]). Естественно, что въ преніяхъ по такому острому вопросу, какъ земельный, „правые“ разсчитывали найти богатый матеріалъ для такого рода провокаціонной дѣятельности. Поэтому они не только голосовали за скорый приступъ къ земельному вопросу, но систематически противились всякой попыткѣ сокращенія преній. „Лѣвыя группы Думы, естественно, стояли за возможно болѣе широкій характеръ земельныхъ дебатовъ совершенно изъ иныхъ соображеній: они разсчитывали на агитаціонное значеніе ихъ. И, т. о., голосами праваго и лѣваго крыла Думы неоднократно отклонялись предложенія тѣмъ или инымъ способомъ пренія сократить.

Наоборотъ, фракція к.-д., вѣрная своей позиціи, старалась возможно дальше отодвинуть земельный вопросъ и особенно возможно меньше времени отвести гласному обсужденію его на открытыхъ засѣданіяхъ Думы. Еще 15 марта, въ противовѣсъ правымъ, деп. Булгаковъ (к.-д.) предложилъ отвести аграрному вопросу одинъ день въ недѣлю, а остальное время посвятить разсмотрѣнію „очередныхъ конституціонныхъ законовъ, внесенныхъ правительствомъ“ [3].) Рѣшеніе объ ограниченіи аграрныхъ преній однимъ днемъ въ недѣлю и было, дѣйствительно, принято въ засѣданіи 19 марта [4]). А въ первый же „аграрный“ день—26 марта — деп. Шингаревъ (к.-д.) внесъ предложеніе—либо совсѣмъ прекратить общія пренія, либо сильно сократить ихъ и немедленно избрать комиссію [5]), Послѣ продолжительныхъ преній Дума приняла рѣшеніе: немедленно избрать комиссію, прекратить запись ора-

---

[1]) Достаточно напомнить, что въ числѣ „умѣренныхъ крестьянъ“ были такіе, какъ Петроченко, рѣчь котораго мы цитировали выше.

[2]) Еще въ февралѣ совѣтомъ объединенныхъ дворянскихъ обществъ былъ разосланъ предводителямъ дворянства циркуляръ, предупреждавшій о неизбѣжности пересмотра избирательнаго закона „въ цѣляхъ согласованія его со степенью политической зрѣлости русскаго народа“ и рекомендовавшій немедленно же приступить къ собиранію матеріала для того, чтобы „представить правительству своевременно соотвѣтственныя ходатайства“. Особенно настоятельно требовались матеріалы „по вопросу о вліяніи на выборы закономъ установленнаго преобладанія многочисленной группы крестьянъ надъ другими общественными группами“. См. газ. „Русская Жизнь“, 1 марта, № 2, ст.„ Готовятся“.

[3]) С. о т. I, с. 548.

[4]) С. о. т. I, с. 790.

[5]) Ib., с. 1058.

торовъ и отвести аграрнымъ преніямъ 2 дня въ недѣлю вмѣсто одного [1]).

Получилось противорѣчіе: пренія велись по вопросу о „направленіи“ представленныхъ законопроектовъ; вопросъ этотъ былъ рѣшенъ передачей всѣхъ законопроектовъ въ коммиссію; а въ то же время общіе дебаты о „направленіи“ продолжались. Безпредметность преній скоро стала еще очевиднѣе, благодаря тому политически мало актуальному характеру, который эти пренія приняли съ самаго начала. Интересъ къ нимъ началъ явно падать, и неоднократно къ моменту, когда на очередь дня ставился аграрный вопросъ, въ Думѣ не оказывалось законнаго состава, и пренія приходились отмѣнять. Для „правыхъ“ это было лишней причиной упорно противиться всякому сокращенію преній. Но „лѣвое“ крыло Думы должно было скоро убѣдиться въ сравнительно ничтожной агитаціонной цѣнности такихъ безпредметныхъ преній на думской аренѣ. Въ засѣданіи 16 мая, при содѣйствіи „лѣвыхъ“ и противъ “правыхъ“ сначала было ограничено 10 минутами время и закрыта запись ораторовъ [3]), а потомъ—и совсѣмъ прекращены пренія [4]), съ предоставленіемъ слова лишь одному оратору по каждому изъ внесенныхъ проектовъ.

Но тактическая позиція к.-д. въ земельномъ вопросѣ давала себя знать не только въ стремленіи отодвинуть аграрные дебаты и замкнуться въ комиссіонной работѣ, но еще больше—въ способахъ защиты ими своей позиціи. Они не отказывались, да и не могли отказываться отъ своего требованія „принудительнаго отчужденія“, но, не отдавая себѣ яснаго отчета въ соціальной природѣ „государственности“, съ которою имѣло дѣло, они и эту часть своей программы разсчитывали провести въ жизнь исподволь, незамѣтно, путемъ искусныхъ парламентскихъ маневровъ, добившись „строго-конституціонными“ средствами согласія министерства на предлагаемую реформу. Мы уже упоминали, какъ одинъ изъ главныхъ ораторовъ ихъ въ аграрныхъ дебатахъ, Кутлеръ, обошелъ молчаніемъ всѣ острые вопросы, связанные съ принудительнымъ отчужденіемъ помѣщичьихъ земель. И если въ 1-ой Думѣ, к.-д. фракція, обращаясь со своей программой къ народнымъ массамъ, старалась выяснить имъ грандіозность предлагаемой аграрной реформы, то теперь, сохраняя ту же программу, но заботясь, главнымъ образомъ, о нахо-

---

1) Ib., с. 1062, 1063, 1069. Нѣкоторые правые, напр., Крупенскій, требовали, чтобы земельная комиссія состояла исключительно изъ крестьянъ и помѣщиковъ поровну: „рабочіе Петербурга не могутъ рѣшать земельнаго вопроса,—это было бы абсурдомъ, они не могли бы рѣшать правильно. Да и мы рабочаго вопроса, мы, земельные собственники, рѣшать не желаемъ, не собираемся, и если бы меня пригласили въ такую комиссію, я такого приглашенія не принялъ бы. Его можно было бы принять развѣ для политической агитаціи“. Ib. с. 785.

2) С. о. т. II, с. 619.

3) Ib., с. 676.

жденіи „совмѣстнаго явыка“ для разговоровъ съ министерствомъ, она, наоборотъ, усердно старалась умалить дѣйствительное значеніе своего программнаго требованія, показать его скромные размѣры по сравненію съ требованіями „лѣвыхъ“ партій. Въ 1-ой Думѣ грани между фракціей к.-д. и „лѣвыми“ фракціями въ аграрномъ вопросѣ нерѣдко стирались; во 2-й спеціальной заботой к.-д. фракціи стало возможно рѣзче подчеркнуть эти грани, подчеркнуть, что „принудительное отчужденіе въ программѣ правительства, принудительное отчужденіе въ программѣ партіи народной свободы, принудительное отчужденіе въ программахъ партій, лѣвѣе этой фракціи стоящихъ, это все вещи различныя. Здѣсь рѣчь идетъ не только о томъ,—что, сколько о томъ—какъ“ [1]).

Только что цитированная рѣчь Булгакова была отвѣтомъ на предложеніе всѣхъ „лѣвыхъ“ фракцій закрѣпить окончаніе аграрныхъ преній принятіемъ принципіальной резолюціи, которая возвѣщала бы населенію твердую рѣшимость Думы добиваться аграрной реформы въ извѣстномъ направленіи. Т. о. упоминаніе о правительственной программѣ „принудительнаго отчужденія“ (?) имѣло тутъ чисто академическое значеніе; практически же—это былъ актъ „отмежеванія“ отъ „лѣвыхъ“ программъ.

Наоборотъ, по отношенію къ позиціи правительства, к.-д-ая фракція все время сохраняетъ оптимистически-выжидательное положеніе, не теряя надежды, что правительство согласится еще сдѣлать извѣстные шаги навстрѣчу к.-д-ой программѣ. Еще первое выступленіе представителя правительства, главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ, кн. Васильчикова, съ упоминаніемъ о допустимости „въ извѣстномъ случаѣ принудительнаго передвиженія границъ [2]), толковалось оптимистически, хотя было довольно ясно, что подъ этими, намѣренно-двусмысленными, словами правительственный ораторъ подразумѣвалъ ничто иное, какъ принудительное разверстаніе при переходѣ крестьянъ, выдѣлившихся изъ общины, на отрубное или хуторское хозяйство.

Столь же оптимистически было встрѣчено второе и послѣднее выступленіе правительства по земельному вопросу—„*аграрная декларація*“ П. А. Столыпина въ засѣданіи 10 мая. „Право“ увидѣло въ этой „декларації“ „признаніе допустимости принудительнаго отчужденія“ и заявляло, что „это—только первый и далеко не достаточный [3]) шагъ, но все же шагъ по тому направленію, по которому должно пойти рѣшеніе аграрнаго вопроса, совершенно независимо отъ вопроса о томъ, кто будетъ стоять во главѣ правительства“ [4]).

---

[1]) Рѣчь Булгакова въ зас. 26 мая. С. о. т. II, с. 1241.
[2]) С. о. т. I, с. 755.
[3]) Право, 13 мая 1907 г., № 19. Передовая.

Между тѣмъ, въ самой „декларації“ было ясно оговорено, что „обязательное отчужденіе“ можетъ явиться необходимымъ лишь „въ видѣ исключенія“, и пояснено, что эти „исключительные“ случаи сводятся къ устройству водопоя, дорогъ, уничтоженію чрезполосицы и т. п. [1]). Т. о. рѣшительно никакихъ основаній къ оптимистическому толкованію „декларація“ эта не давала, если не считать такимъ основаніемъ ни къ чему не обязывающихъ и нарочито разсчитанныхъ на поддержаніе настроенія уступчивости фразъ вродѣ заявленія, что „мнѣнія, несогласныя со взглядами правительства, не могутъ почитаться послѣднимъ за крамолу“ [2]). Какъ мы видѣли, правительственный оффиціозъ заблаговременно уже пояснилъ, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ допустима для Думы „свобода мнѣнія“ въ земельномъ вопросѣ...

Въ дѣйствительности, заявленіе П. А. Столыпина было—сдѣланнымъ въ болѣе вѣжливой формѣ, но столь же рѣшительнымъ—„нѣтъ“ въ отвѣтъ на аграрные проекты Думы, какимъ было въ свое время правительственное сообщеніе Горемыкина, да и непосредственнымъ поводомъ къ заявленію послужило рѣшеніе аграрной комиссіи—положить въ основу своихъ работъ принципъ „принудительнаго отчужденія“ [3]). Въ своей рѣчи П. А. Столыпинъ собралъ воедино всю аргументацію праваго крыла Думы. Онъ обрушился, главнымъ образомъ, на аграрные проекты, предложенные „партіей лѣвыхъ“, не разбираясь въ различныхъ программахъ „лѣвыхъ“ фракцій, рисовалъ страшную картину „соціальной революціи“, при которой земля будетъ находиться въ рукахъ „соціалъ-демократическихъ присутственныхъ мѣстъ“, будетъ уничтоженъ „стимулъ къ труду“ и подвергнется опасности „самая цѣлость Россіи“. Что же касается к. д-аго проекта, то онъ неизбѣжно ведетъ логически къ нарушенію и крестьянскаго владѣнія „въ будущемъ“. Вся эта, явно-несерьезная часть рѣчи служила введеніемъ къ изложенію извѣстной уже намъ и формулированной въ періодъ междудумья правительственной программы „государственнаго соціализма“: покупка земли крестьянами черезъ крестьянскій банкъ съ доплатами изъ государственнаго казначейства и сохраненіе „очаговъ культуры“ въ видѣ дворянскаго землевладѣнія; созданіе „крѣпкой индивидуальной собственности“ и „упорядоченіе переселенія“; мелiоративный кредитъ и т. п.—словомъ, вся совокупность аграрныхъ мѣропріятій, намѣченныхъ дворянствомъ и исходившихъ изъ посылки, что вообще „разрѣшить этого (аграрнаго) вопроса нельзя, его надо разрѣшать“ [4]).

---

1) С. о. т. II, с. 444.

2) Ib. 433.

3) Рѣшеніе это было принято единогласно противъ правыхъ и поляковъ. См. А. Зурабовъ. Вторая Дума. С. 43.

4) С. о. т. II, с. 433—445.

Не высказывая угрозъ открыто, эта „декларація“ была на дѣлѣ угрозой, ибо формулировала непримиримое противорѣчіе между позиціей большинства Думы и позиціей министерства. А между тѣмъ, какъ мы видѣли, одна часть этого большинства считала необходимымъ снять борьбу противъ министерства съ очереди дня, а само министерство еще въ декларации 6 марта подчеркнуло не только полную необязательность для себя подчиняться волѣ Думы, но и обязанность Думы считаться съ „единою мыслью“ правительства. Безнадежность положенія при такихъ условіяхъ вскрылась сейчасъ же, лишь только „лѣвыя“ фракціи потребовали, чтобы Дума—въ видѣ отвѣта на „аграрную декларацію“ министерства—формулировала, по окончаніи аграрныхъ преній, свою собственную точку зрѣнія на земельный вопросъ въ особой формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ. Всѣ „лѣвыя“ фракціи внесли свои собственные проекты такой формулы. Но общую мысль, руководившую ими, выразилъ деп. Березинъ (труд.), пояснившій, что дѣло идетъ о томъ, чтобы формулировать: 1) твердую рѣшимость Думы не отступать отъ принципа принудительнаго отчужденія и 2) отрицательное отношеніе ея къ аграрнымъ законамъ, изданнымъ по 87 ст. въ періодъ междудумья“ [1]).

Но противъ этого именно возстали к.-д., хотя въ сущности рѣчь шла лишь о томъ, чтобы высказать отъ лица Думы то, что уже высказала думская комиссія. Но софистическая аргументація к.-д., образчики которой мы видѣли выше въ цитатахъ изъ рѣчи деп. Булгакова, прикрывала лишь ихъ дѣйствительное желаніе „не обострять“ вопроса,—желаніе, порожденное какъ общей тактической позиціей к.-д., такъ и спеціально иллюзіей, будто, за оптимистически втолкованнымъ въ рѣчь П. А. Столыпина „первымъ шагомъ“ министерства навстрѣчу к.-д-ой программѣ, могутъ послѣдовать дальнѣйшіе шаги въ томъ же направленіи — вплоть до мирнаго и постепеннаго осуществленія аграрной реформы.

При поддержкѣ праваго крыла Думы, к.-д-ы добились (238 гол. противъ 191) постановленія, что „принимать какія либо формулы не слѣдуетъ“ [2]). Это была ихъ побѣда, но одна изъ тѣхъ, которыя разлагали Думу извнутри, обнаруживали ея внутреннюю слабость врагамъ и порывали нити, связывавшія ее съ демократическими массами...

* * *

Земельный вопросъ—это было наслѣдіе 1-ой Думы. Съ *бюджетомъ* 2-ой Думѣ приходилось столкнуться впервые. Съ января 1907 г. дѣйствовалъ временный бюджетъ съ расходованіемъ $^1/_{12}$ доли въ мѣсяцъ. Теперь Думѣ

[1]) С. о. т. II, с. 1245.
[2]) С. о. т. II, с. 1246.

предстояло высказать свое отношеніе къ представленному ей бюджетному проекту. Бюджетное безправіе Думы не составляло тайны ни для кого. Не говоря уже о томъ, что огромная и самая важная часть бюджета была „забронирована“ отъ воздѣйствія Думы,—частью вовсе не подлежала ея обсужденію, частью могла быть измѣнена лишь въ законодательномъ порядкѣ, т. е. путемъ отмѣны или измѣненія тѣхъ законовъ, повелѣній и т. п., которые лежатъ въ основѣ бюджетныхъ ставокъ [1]),—самый отказъ Думы въ утвержденіи всего бюджета въ цѣломъ не лишалъ правительство возможности расходовать деньги, обрекая его лишь на незначительныя неудобства пользованія „системою двѣнадцатыхъ долей“.

Это открыто призналъ въ своей первой рѣчи и мин. финансовъ Коковцевъ. Требуя скорѣйшаго разсмотрѣнія и утвержденія бюджета, онъ счелъ нужнымъ подчеркнуть, что предъявляетъ это требованіе „вовсе не потому, что безъ утвержденія государственной росписи трудно правительственной власти выполнять своевременно тѣ или иные расходы. Такой трудности на самомъ дѣлѣ не существуетъ: въ распоряженіи правительства имѣются въ настоящее время всѣ необходимые къ тому способы, дарованные къ тому закономъ. Это необходимо по соображенію вы сшаго государственнаго порядка“ [2]). И только уже впослѣдствіи, когда пренія были закончены и выяснилось, что судьбу бюджета, хотя и сданнаго въ комиссію, нельзя еще считать обезпеченной, министръ финансовъ попытался доказывать, что бюджетныя права Думы не такъ малы, какъ кажется, и что „черная кружевная“ работа ея комиссіи можетъ дать значительные реальные результаты. А чтобы усилить дѣйствіе своихъ доказательствъ, министръ не прочь былъ третировать членовъ Думы, какъ школьниковъ, которымъ нужно „учиться“ бюджетной работѣ. Опредѣливъ сумму „незабронированныхъ“ расходовъ въ 1.280.000 р. [3]), В. Коковцевъ увѣрялъ депутатовъ, что, разъ они „свободны разбираться“ въ этой суммѣ, „то я думаю, что на первый годъ весьма достаточно работы Государственной Думѣ, чтобы показать, насколько она своей работой можетъ принести ту пользу, которой ожидаетъ отъ нея страна“ [4]).

---

1) О бюджетныхъ правахъ Думы см. I-ю часть настоящаго тома, стр. 378 и сл.

2) Зас. 20 марта. С. о. т. I, с. 796. Еще съ большей откровенностью констатировала бюджетное безправіе Думы „Россія“, заявившая, что, если правительству не дадутъ денегъ на покупку „новой шляпы“, оно спокойно надѣнетъ „старую“ и скажетъ „до свиданья“.

3) Какъ мы уже говорили (см. I-ю часть настоящей работы), въ эту сумму входятъ, гл. обр., операціонные расходы.

4) Рѣчь мин. фин. въ зас. 27 марта. С. о. т. I, с. 1249—1268. Неудивительно, что послѣдняя фраза была встрѣчена „смѣхомъ справа“. Это не помѣшало октябристу Шидловскому стоять именно на только что приведенной точкѣ зрѣнія мин. финансовъ. Онъ говорилъ, что бюджетныя права Думы должны быть рас-

Бюджетное безправіе Думы было очевидно и для всѣхъ ея членовъ, и ихъ рѣчи достаточно ярко характеризовали положеніе. Были въ Думу внесены и проекты измѣненія бюджетныхъ правилъ: сначала деп. Щербиной отъ имени фракціи народныхъ соціалистовъ [1]), потомъ членами к.-д .фракціи [2]). Но до окончанія работъ Думы эти проекты дальнѣйшаго движенія не получили.

Однако, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ приходилось работать второй Думѣ, дѣло было не столько въ юридическихъ правахъ Думы, сколько въ политическомъ значеніи ея бюджетнаго вотума. Какъ мы видѣли, несмотря на полную возможность пользоваться „старой шляпой“, министръ финансовъ признавалъ, что утвержденіе бюджета Думою необходимо „по соображеніямъ высшаго государственнаго порядка“. О характерѣ этихъ соображеній говорили довольно прозрачно слова самого В. Коковцева: „бюджетъ вездѣ и всюду приковываетъ къ себѣ вниманіе общества; онъ возбуждаетъ интересъ не только въ той странѣ, до которой онъ касается, но и въ странахъ сосѣднихъ, соединенныхъ общностью экономическою, финансовою и политическою“ [3]).

При такихъ условіяхъ вопросъ о направленіи бюджетной работы Думы рѣшался въ зависимости отъ того, пожелаетъ ли она сдѣлать бюджетъ орудіемъ парламентской борьбы за сохраненіе и расширеніе своихъ правъ, или нѣтъ. О томъ, что такого желанія не было и не могло быть у праваго крыла Думы, незачѣмъ, разумѣется, говорить. Но его не было въ данное время и въ партіи к.-д. Мы уже приводили выше мнѣніе „Рѣчи“, заключавшей отъ бюджетнаго безправія Думы къ безплодности политической борьбы на почвѣ бюджета и къ необходимости самоограниченія „дѣловою“ работою въ комиссіи. На той же точкѣ зрѣнія стояла и думская фракція к.-д. Ея первый ораторъ, Кутлеръ, началъ съ указанія, что повсюду, и съ полнымъ основаніемъ, въ связи съ бюджетомъ происходятъ „пренія, касающіяся общаго направленія правительственной политики“, но тутъ же оговорилъ, что онъ „по возможности останется въ предѣлахъ бюджета“ [4]). И, дѣйствительно, рѣчи обоихъ к.-д-ихъ ораторовъ, Кутлера и Струве, за предѣлы критики отдѣльныхъ частностей бюджета не выходили. Для дальнѣйшей „дѣловой“ работы к.-д-ая фракція предлагала сдать бюджетъ въ комиссію. Къ ней примыкали въ данномъ случаѣ и трудовики, не высказавшіе вообще опредѣленнаго взгляда на бюджетъ и бюджетныя задачи Думы.

ширены тогда, когда „мы докажемъ, что научились тому дѣлу, о которомъ теперь большинство изъ насъ никакого представленія не имѣетъ...Я, конечно, убѣжденъ, что тогда Государь Императоръ не откажетъ и дастъ необходимыя намъ права“. С. о. т. I, с. 962.

1) Зас. 20 марта. Ib. с. 869.

2) Зас. 2 апрѣля. Ib. с. 1535.

3) Ib., с. 794.

4) Ib. с. 809—810.

Дѣло было, однако, не въ сдачѣ въ комиссію, а именно въ отношеніи къ бюджетнымъ задачамъ Думы. За сдачу въ комиссію стояло и польское коло, но оно съ самаго начала поставило бюджетный вопросъ, какъ вопросъ политическій. Соотвѣтственно этому и рѣчи его ораторовъ—Стецкаго и Жуковскаго—носили характеръ ярко политическій. Деп. Жуковскій охарактеризовалъ „параллелизмъ между политической реакціей и государственнымъ капитализмомъ", системой казенныхъ регалій и монополій, создающей „независимый отъ податей и обложеній бюджетъ" [1]). Деп. Стецкій, обрисовавъ правительственную политику въ Польшѣ, намекнулъ на зависимость позиціи коло въ бюджетномъ вопросѣ отъ отношенія правительства къ полякамъ. Онъ началъ свою рѣчь съ указанія, что „отпускать правительству средства—значитъ давать свое согласіе на его планъ и дѣйствія; отказывать ему въ этихъ средствахъ—значитъ принуждать его подчиниться требованіямъ и указаніямъ народныхъ представителей"; и кончилъ заявленіемъ: „отнять, наконецъ, у правительства тѣ позиціи, занимая которыя оно не перестаетъ мечтать о наступленіи,—вотъ наша задача. При этомъ разрѣшеніи поляки встрѣтятся дружно съ представителями оппозиціонныхъ фракцій Г. Думы" [2]).

Противъ сдачи бюджета въ комиссію высказались послѣдовательно н.-с-ы, с.-д-ы и с.-р ы. Ораторъ н.-с-овъ, Волкъ-Карачевскій заявилъ, что „только тогда, когда правительство будетъ отвѣтственно передъ народнымъ представительствомъ, когда мы... сможемъ съ полною серьезностью взять на себя нравственную отвѣтственность за тѣ назначенія, которыя значатся въ росписи доходовъ и расходовъ, только тогда мы будемъ въ состояніи утверждать эту роспись. До тѣхъ поръ отъ такого утвержденія ея мы воздерживаемся и оставляемъ за собою право обсуждать бюджетъ во всякомъ данномъ случаѣ и подвергать критикѣ то или другое назначеніе" [3]). На такой же точкѣ зрѣнія стояла и фракція с.-р-овъ [4]).

Принципіально шире и глубже поставила критику бюджета с.-д-ая фракція, также требовавшая отверженія бюджета безъ сдачи ея въ комиссію. Ея ораторы, Алексинскій и Зурабовъ, подвергли критикѣ расходный и доходный бюджетъ и обрушились не на злоупотребленія его, а на самое его употребленіе, какъ орудія дворянско-бюрократической государственности, враждебной не тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ классамъ, но всему буржуазному обществу въ цѣломъ. Именно поэтому, оговоривъ, что с.-д-ы сами отвергаютъ бюджетъ всякаго классового государства, деп. Алексинскій, внесшій по пору-

---

1) Ib., с. 927.

2) Ib., с. 900, 907. На эту рѣчь деп. Стецкаго мин. финансовъ отвѣтилъ раздраженной филиппикой по адресу поляковъ Ib. 907—910.

3) Ib., с. 900.

4) См. рѣчь деп. Ширскаго и формулу перехода къ очер. дѣламъ. Ib., с. 1047—1050.

ченію с.-д. фракціи, формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, могъ заявить: „эту резолюцію мы считаемъ безусловно пріемлемой не только для соціал-демократіи, но и для всѣхъ истинныхъ демократовъ и для всѣхъ истинныхъ представителей народа“ [1]).

Выступленіе с.-д-овъ въ значительной степени измѣнило картину дебатовъ по бюджетному вопросу. Пока критика ограничивалась указаніемъ злоупотребленій и частныхъ несовершенствъ, представители министерства парировали ее вѣсокомѣрно и насмѣшливо. Отвѣчая деп. Кутлеру, В. Коковцовъ иронизировалъ насчетъ „послѣдней копѣйки“, которую казна отнимаетъ, будто бы, у народныхъ массъ, и которая, „съ Божьей помощью, ...пропивается и до сихъ поръ“ [2]). А предсѣдатель совѣта министровъ, обличая деп. Кутлера въ неправильномъ указаніи бюджетныхъ злоупотребленій по главному управленію по дѣламъ печати, закончилъ свою рѣчь насмѣшкой: „Здѣсь былъ нанесенъ ввѣренному мнѣ вѣдомству ударъ сильный и смѣлый, но пришелся онъ во истину, не по коню, а по оглоблямъ“ [3]). Но, несмотря на этотъ насмѣшливо-ироническій тонъ правительства, чувствовалось, что въ той плоскости мелкихъ поправокъ и улучшеній, на которую встала к.-д-ая фракція, серьезныхъ конфликтовъ быть не можетъ. Привѣтствуя начало „серьезной и основательной критики общаго основанія бюджета и бюджетныхъ правъ“, „Рѣчь“ констатировала „готовность министерства уступить и столковаться“ [4]).

Выступленіе с.-д-овъ сдѣлало сохраненіе этой позиціи мелкихъ домогательствъ и мелкихъ уступокъ невозможной. К.-д-ій ораторъ, Струве, рѣзко обрушился на с.-д-овъ, обвиняя ихъ въ любви къ „эффектнымъ жестамъ“, въ тактикѣ „безотвѣтственнаго меньшинства“ и „политической игрѣ за чужой счетъ“, и увѣряя, что именно „въ мелочахъ скрыты язвы стараго порядка“ [5]). Ему отвѣчалъ язвительною рѣчью деп. Зурабовъ, указавшій на странность „осады стараго порядка“, о которой говорилъ П. Струве, путемъ доставленія „пищевыхъ продуктовъ осажденному“ [6]). Но уже эта полемика показывала, что бюджетъ сталъ тѣмъ, чѣмъ его не хотѣла сдѣлать к.-д-ая фракція,—орудіемъ парламентской борьбы. И если для с.-д-овъ онъ былъ орудіемъ борьбы со всѣмъ послѣ-декабрьскимъ строемъ, то для значительной части Думы, б. м., для ея большинства, онъ сталъ орудіемъ борьбы, по крайней мѣрѣ, за отдѣльныя политическія права.

---

[1]) Ib., с. 959.
[2]) Ib., с. 842.
[3]) Ib., с. 851.
[4]) Цит. по рѣчи деп. Алексинскаго. Ib. 958.
[5]) Ib., с. 1035.
[6]) Ib., с. 1174—5.

Это дѣлало положеніе очень натянутымъ. Правительство сочло нужнымъ снова употребить привычное средство давленія. Слова о „чиновническомъ“ характерѣ объясненій В. Коковцова, сказанныя деп. Родичевымъ [1]), мотивировавшимъ необходимость скорѣйшей сдачи бюджета въ комиссію, послужили поводомъ для министра финансовъ и сопровождавшихъ его чиновниковъ покинуть залъ засѣданія. И снова поползли слухи о неминуемомъ роспускѣ.

Бюджетъ былъ сданъ въ комиссію. Но постановка вопроса въ общихъ преніяхъ не осталась безъ вліянія на направленіе ея работъ. По показанію деп. Салтыкова [2]), послѣ двухмѣсячныхъ занятій „бюджетная комиссія выяснила, что необходимо внести сначала на разсмотрѣніе Г. Думы общія основанія русскаго бюджета, и затѣмъ уже приступить къ его разсмотрѣнію по отдѣльнымъ смѣтамъ или параграфамъ“ [3]).

Независимо отъ бюджета въ цѣломъ Думѣ пришлось высказаться по двумъ *финансовымъ законамъ*, внесеннымъ В. Коковцовымъ. Первый—объ измѣненіи росписанія окладовъ государственнаго поземельнаго налога—Дума, по предложенію финансовой комиссіи, отклонила [4]); второй—о взиманіи налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ на 1907 г.—приняла, вопреки протестамъ с-д-овъ [5]), при воздержаніи трудовиковъ [6]).

Аналогичнымъ бюджету, по его значенію для Думы, былъ другой вопросъ—о *контингентѣ арміи*. И здѣсь рѣчь шла объ одномъ изъ самыхъ главныхъ орудій господства старой власти. И здѣсь Дума была лишена юридической возможности помѣшать набору: согласно 119 ст. осн.

---

[1]) Ib., с. 967.

[2]) См. его рѣчь въ зас. 22 мая. С. о. т. II, с. 1034. То же сообщаетъ А. Зурабовъ (l. c. с. 54): „въ бюджетной комиссіи при обсужденіи вопроса о томъ, въ какомъ порядкѣ его (бюджетъ) разсматривать, взяло верхъ, хотя и однимъ голосомъ, мнѣніе, требующее сперва разсмотрѣнія бюджета въ его общемъ видѣ, а потомъ уже постатейное“. Т. о. В. Мандельбергъ (Т. б. р., с. 26) ошибается, говоря, что на повѣсткѣ засѣданія 2-го іюня стояло „предложеніе бюджетной комиссіи—разрѣшить ей вносить въ Думу бюджетъ не цѣликомъ, а отдѣльными частями“.

[3]) Вопросъ о „порядкѣ внесенія бюджетною комиссіею въ Думу докладовъ по разсмотрѣнію гос. росписи“ былъ поставленъ на повѣстку въ послѣдній день жизни Думы, 2 іюня. До разсмотрѣнія его дѣло не дошло. С. о. т. II, с. 1607.

[4]) Зас. 22. мая. Ib. с. 1070.

[5]) Рѣчи деп. Салтыкова и Озола. Ib. с. 1457—1462 и 1466—1468. Зас. 29 мая.

[6]) Различное отношеніе Думы къ только что упомянутымъ двумъ финансовымъ законамъ дало поводъ деп. Озолу указать, что „наша Дума страдаетъ извѣстнымъ пристрастіемъ къ сельскимъ аграріямъ, и когда рѣчь шла о поземельномъ налогѣ, тогда она съ большимъ удовольствіемъ отклоняла законопроектъ именно по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ теперь предлагаютъ этотъ законопроектъ принять“. Ib. с. 1466. Наоборотъ, во время общихъ бюджетныхъ преній правый депутатъ Келеповскій жаловался на поддержку крупной промышленности въ ущербъ землевладѣльцамъ, какъ на причину разворенія страны. С. о. т I с. 1242.

законовъ, если законъ о контингентѣ арміи не будетъ изданъ къ 1 мая [1]), Государь Императоръ призываетъ на военную службу необходимое число людей, не свыше назначеннаго въ предшествующемъ году. И здѣсь, наконецъ, при всемъ юридическомъ безправіи, вотумъ Думы долженъ былъ имѣть огромное морально-политическое значеніе.

Естественно, что и позиціи различныхъ фракцій Думы въ вопросѣ о контингентѣ арміи были приблизительно однородны съ позиціями, которыя онѣ занимали въ вопросѣ о бюджетѣ. Исключеніе составляло польское коло, въ которомъ вопросъ возбудилъ острыя разногласія, но которое, въ концѣ концовъ, безъ оговорокъ заявило, что „во имя государственности, недѣлимости и нераздѣльности Россіи высказывается за утвержденіе проекта“ [2]). Значительныя тренія вызвалъ вопросъ и во фракціяхъ н.-с-овъ и трудовиковъ. И хотя и тамъ, и тутъ большинство высказалось за неутвержденіе контингента, разногласія нанесли уронъ сплоченности и дисциплинѣ фракціи [3]).

Подкомиссія бюджетной комиссіи, куда поступилъ законопроектъ, пыталась сократить контингентъ до нормы 1903 года, т. е. года до войны. Но ей пришлось скоро убѣдиться, что въ предѣлахъ ея полномочій находится лишь сказать—да или нѣтъ. Большинствомъ 4 голосовъ противъ 2 она сказала „да“ [4]). Въ общемъ засѣданіи Думы пренія съ самаго начала шли въ довольно повышенномъ тонѣ. Предложеніе докладчика подкомиссіи, деп. Кузьмина-Караваева, принять формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ съ указаніемъ на необходимость и возможность уменьшенія состава арміи путемъ освобожденія ея отъ несенія полицейскихъ обязанностей и отмѣны института деньщиковъ—вызвало рѣзкій и раздраженный отпоръ со стороны военнаго министра, ген. Редигера. А во время рѣчи с.-д-аго депутата Зурабова, критиковавшаго употребленіе арміи для внутренне-политическихъ цѣлей.

---

[1]) Необходимость спѣшить заставила передать въ тотъ же день въ комиссію представленіе воен. министра о величинѣ контингента новобранцевъ на 1907 г., внесенное 10 апр. за 7 дней до пасхальныхъ каникулъ. См. Ст. отч. т. I, с. 1844—6.

[2]) А. Цитронъ. Цит. Соч. Стр. 125 и 126. Засѣданія 16—17 апрѣля, въ которыхъ разсматривался вопросъ о контингентѣ, происходили, по требованію воен. министра, при закрытыхъ дверяхъ. Поэтому мы лишены возможности пользоваться стенографическими отчетами этихъ засѣданій, хотя отчеты эти (съ пропускомъ отдѣльныхъ цифръ и т. п.) и напечатаны были неизвѣстными издателями въ 1907 г. (безъ обозначенія типографіи и мѣста печатанія). И здѣсь, и въ дальнѣйшемъ мы пользуемся исключительно свѣдѣніями, опубликованными своевременно въ офиціальныхъ сообщеніяхъ, газетахъ, журналахъ и брошюрахъ.

[3]) Изъ фракціи н. с. вынужденъ былъ уйти деп. Щербина, подавшій въ комиссіи голосъ за утвержденіе; трудовики должны были предоставить меньшинству право не участвовать въ голосованіи. А. Цитронъ Ib. с. 123.

[4]) Ib., с. 123.

произошелъ извѣстный „инцидентъ“. Правые подняли крикъ объ „оскорбленіи арміи“. Къ нимъ присоединилась часть к.-д. [1]).

Попытка предсѣдателя исчерпать инцидентъ, давъ деп. Зурабову возможность объяснить отсутствіе „оскорбленія арміи“ въ его словахъ, вызвали новый протестъ со стороны праваго крыла Думы и демонстративный уходъ его изъ зала засѣданій. Одновременно покинули свои мѣста военный министръ и чины военнаго министерства. Среди хаоса криковъ и огромнаго возбужденія былъ объявленъ перерывъ на 10 минутъ.

Немедленно же возникъ слухъ о неминуемомъ роспускѣ Думы [2]). „Правые“ грозили к.-д-ой фракціи своимъ уходомъ, означавшимъ образованіе въ Думѣ „лѣваго“ большинства, готоваго отказать въ утвержденіи контингента. К.-д-ая фракція и предсѣдатель Думы сочли нужнымъ смириться, и послѣ перерыва, длившагося 2 часа, предсѣдатель заявилъ, что „ознакомившись во время перерыва по стенограммѣ съ рѣчью Зурабова, онъ находитъ, что въ ней заключались выраженія, недопустимыя по адресу арміи. Въ виду этого онъ дѣлаетъ автору третье замѣчаніе, лишаетъ его слова и проситъ Г. Думу баллотировкой высказаться, одобряетъ ли она его дѣйствія въ этомъ отношеніи или нѣтъ [3]). Вся „лѣвая“ съ протестомъ покидаетъ залъ засѣданія [4]), и засѣданіе снова кончается посреди хаоса и шума.

Но лишеніемъ деп. Зурабова слова не исчерпался еще „индицентъ“. Слухи о роспускѣ не замираютъ, и ночью предсѣдатель Думы считаетъ необходимымъ сдѣлать визитъ военному министру. На утро въ газетахъ появляется сообщеніе „Осв. Бюро“ объ „инцидентѣ“ [5]), правительственные оффиціозы и правая печать требуютъ рѣшительныхъ мѣръ, отдѣльныя лица изъ офицерской среды вызываютъ деп. Зурабова на дуэль, и въ такомъ видѣ весь „инцидентъ“ становится орудіемъ рѣзкой агитаціи противъ Думы и особенно „лѣваго“ крыла ея.

Въ такой обстановкѣ 193 голосами противъ 129 законопроектъ военнаго министерства былъ принятъ [6]). Принята была и предложенная комиссіей формула перехода къ очереднымъ дѣламъ. А затѣмъ предсѣдатель Думы

---

1) См. А. Зурабовъ. Вторая Дума, Спб. 1908, с. 76. Г. Струве „даже стучалъ кулаками по пюпитру и кричалъ—вонъ!“

2) Между прочимъ ушли изъ финансовой комиссіи и чиновники, дававшіе тамъ въ этотъ день объясненія. См. А. Цитронъ. L. c., с. 130.

3) Ib., с. 128.

4) Ib., с. 129. По словамъ А. Зурабова, къ „лѣвымъ“ присоединилось въ этомъ случаѣ и польское коло. См. открытое письмо деп. Зурабова въ ред. газ. „Товарищъ“ — „по поводу моего инцидента“. Перепеч. въ кн. А. Зурабова. Вторая Дума. С. 176—181.

5) По словамъ А. Зурабова, сообщеніе это является „тенденціознымъ извращеніемъ фактовъ“. Ib., с. 177.

6) Противъ голосовали с.-д., с.-р., н.-с. и 19 трудовиковъ. Остальные трудовики отсутствовали или воздержались отъ голосованія. А. Цитронъ, l. c., с. 131,

сдѣлалъ заявленіе [1]), въ которомъ, упомянувъ объ „обидномъ мнѣніи", высказанномъ въ Г. Думѣ „по отношенію къ нашей доблестной арміи", сказалъ, что „наша армія всегда отличалась своею самоотверженностью въ исполненіи тяжелаго долга, всегда отличалась высокою дисциплиною, непоколебимою преданностью отечеству и своему верховному вождю", и потому „Г. Дума протестуетъ противъ выраженій", употребленныхъ деп. Зурабовымъ.

Формально „зурабовскій инцидентъ" этими объясненіями предсѣдателя Думы закончился. Попытка с.-д. еще въ тотъ же день, по открытіи засѣнія, поставить вопросъ о дѣйствіяхъ предсѣдателя и о возможности для него оставаться на своемъ посту, разъ онъ не пользуется уже довѣріемъ большинства голосовъ Думы [2]), осталась безрезультатной за отказомъ предсѣдателя поставить этотъ вопросъ на обсужденіе [3]).

Но все значеніе „инцидента" сказалось впослѣдствіи, когда Дума снова собралась послѣ пасхальныхъ каникулъ [4]). Возможность для „правыхъ" терроризовать думскій центръ угрозой своего ухода; моральное униженіе предсѣдателя Думы, мѣнявшаго свой образъ дѣйствій подъ очевиднымъ вліяніемъ правительственнаго давленія; глубокая трещина, залегшая между центромъ и „лѣвыми"; явное трусливое безсиліе Думы:—все это не могло не сказаться на дальнѣйшихъ судьбахъ ея. Было слишкомъ очевидно, что дни ея близятся къ концу.

Создавшееся подъ вліяніемъ этого положенія настроеніе сказалось, несомнѣнно, и въ той теоріи думскаго законодательства, которую развилъ деп. В. Гессенъ [5]) и которая окончательно оформилась именно въ послѣ-пасхальную сессію Думы. Теорія эта означала окончательный и рѣшительный переходъ думскаго центра въ отступленіе, въ ожиданіи лучшаго будущаго. Для характеристики того, какъ далеко сдвинулся думскій центръ съ позиціи, которую онъ занималъ въ 1-ой Думѣ, стоитъ отмѣтить самый поводъ для формулировки теоріи „малаго законодательства". Этимъ поводомъ послужило рѣшеніе думскаго президіума поставить на повѣстку законопроекты народническихъ фракцій, и трудовой группы объ амнистіи и смертной казни [6]), т. е. подойти, наконецъ, къ вопросамъ, начать съ которыхъ считала своею обязанностью первая Дума. Въ противовѣсъ этому предложенію и развита была

---

1) Заявленіе это, по желанію военнаго министра, было тогда же опубликовано.

2) С. о. т. I, с. 2285—7.

3) Ib., с. 2265—6.

4) Вопросу о контингентѣ были посвящены 2 послѣднихъ засѣданія передъ Пасхою.

5) См. объ этомъ выше.

6) Комиссію, разсматривавшую законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, принятый 1-ю Думою, Гос. Сов. рѣшилъ закрыть и т. о. уничтожить плоды работъ Думы.

ораторами к.-д й фракціи, предлагавшими заняться, прежде всего, законопроектомъ о мѣстномъ судѣ, упомянутая выше теорія [1]). Мѣстный судъ долженъ былъ послужить, какъ выразился впослѣдствіи деп. І. Гессенъ [2]), тѣмъ „фундаментомъ", на основѣ котораго можетъ быть построено „зданіе" неприкосновенности личности и мѣстнаго самоуправленія, увѣнчиваемое „куполомъ" народнаго представительства, который иначе „грозитъ ежеминутнымъ паденіемъ".

Но, какъ-бы стройны ни были на бумагѣ эти теоріи, „куполъ" былъ уже въ наличности и, при всей шаткости своей, обязывалъ къ дѣйствіямъ стоявшимъ въ противорѣчіи съ теоріей архитектурнаго законодательства. И если думскій центръ отказывался выполнять эти обязательства, то причины такого отказа никакими теоріями невозможно было скрыть отъ враждебныхъ Думѣ силъ. Эти причины, заключавшіяся въ страхѣ передъ роспускомъ, открыто формулировалъ и органъ к.-д. партіи, когда писалъ по поводу требованія поставить на очередь законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни: „Правые въ этомъ вопросѣ могутъ сыграть роль вершителей думской судьбы. Очевидно, если этой эвентуальности можно избѣжать, то ее избѣжать нужно" [3]). Но демонстрированіемъ своего испуга центръ лишь побуждалъ „правые" элементы Думы добиваться постановки на очередь дня „опасныхъ" вопросовъ и пользоваться ими для дальнѣйшаго наступленія на к.-д. фракцію. Въ результатѣ продолжительныхъ и подчасъ бурныхъ преній центру удалось, правда, снять съ повѣстки законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни (194 голосами противъ 165), но за то законопроектъ объ *амнистіи* 193 голосами противъ 173 былъ поставленъ на первую очередь" [4]).

Мы уже упоминали о—не увѣнчавшейся успѣхомъ—попыткѣ с.-д. поставить Думу лицомъ къ лицу съ вопросомъ объ амнистіи въ самомъ началѣ сессіи. Теперь, въ зас. 28 мая, этотъ вопросъ вставалъ передъ Думою въ видѣ разработаннаго законопроекта, 8 статей котораго предусматривали освобожденіе и полное возстановленіе въ правахъ всѣхъ, пострадавшихъ такъ или иначе, въ судебномъ или административномъ порядкѣ, по дѣламъ политическаго, аграрнаго, религіознаго и т. п. характера [5]).

Лишь только возникъ вопросъ о законопроектѣ, офиціозная печать и правыя партіи, которыя своимъ голосованіемъ помогли поставить законопроектъ на повѣстку, подняли крикъ о „нарушеніи прерогативы короны", о самовольномъ захватѣ Думою права обсуждать вопросъ, не подлежащій ея

---

1) Ст. о. т. II, с. 1146 и сл. Зас. 24 мая.

2) Ib., с. 1344, зас. 28 мая.

3) Цит. въ рѣчи деп. Демьянова. С. о. т. II, с. 1161.

4) С. о. т. II, с. 1163—4.

5) Текстъ законопроекта см. въ кн. П. И. Люблинскаго. „Право амнистіи". 1907 г. Стр. 361.

компетенціи. На эту же точку зрѣнія всталъ и министръ юстиціи, назвавшій амнистію „групповымъ помилованіемъ", составляющимъ, какъ и помилованіе индивидуальное, „исконную прерогативу русскихъ монарховъ", осуществляемую—въ силу ст. 23 основныхъ законовъ —„Государемъ Императоромъ единолично". При громкихъ аплодисментахъ справа, министръ объявилъ „совершенно недопустимымъ" такого рода прикосновеніе къ „правамъ Верховной Самодержавной власти", а самый законопроектъ — не подлежащимъ обсужденію Думы [1]).

Иниціаторы законопроекта исходили изъ другого взгляда на амнистію. Они не отождествляли амнистіи съ помилованіемъ хотя бы и цѣлой группы лицъ или всѣхъ лицъ, осужденныхъ по извѣстной категоріи дѣлъ, и въ подтвержденіе своего взгляда ссылались, между прочимъ, на то, что помилованіе по ст. 23 не возстанавливаетъ лицъ, освобожденныхъ отъ наказанія, въ правѣ быть избирателями и выбранными на выборахъ въ Думу, спеціальный же законъ можетъ ихъ и въ этомъ правѣ возстановить. Эту точку зрѣнія отстаивалъ ораторъ трудовой группы свящ. Тихвинскій въ рѣчи, сказанной имъ по поводу предложенія, внесеннаго к.-д-й фракціей,—передать законопроектъ въ предварительную комиссію для выясненія компетенціи Думы въ данномъ вопросѣ [2]).

Это предложеніе, пренія по которому, согласно наказу, исчерпывались двумя рѣчами—за и противъ, мотивировалъ отъ имени к.-д-й фракціи деп. Маклаковъ. По существу вопроса к.-д-й ораторъ заявилъ отъ имени своей фракціи, что считаетъ амнистію—„прерогативой Монарха", но все же полагаетъ необходимымъ обсужденіе вопроса о компетенціи Думы въ этомъ случаѣ въ „предварительной" комиссіи, такъ какъ законопроектъ содержитъ, между прочимъ, пунктъ, говорящій о возвращеніи административно-сосланныхъ, которое прерогативы монарха не составляетъ, а и до сихъ поръ дѣлается постановленіемъ особаго совѣщанія при министрѣ внутреннихъ дѣлъ [3]).

За юридической контроверзой и въ данномъ случаѣ скрывались знакомыя уже намъ тактическія разногласія. „Лѣвыя„" группы Думы не считали возможнымъ практиковать дальше обезсиливавшую Думу тактику отступленія и закрыванія глазъ на острые вопросы. „Правые" хотѣли частью документировать отказъ Думы отъ завѣщаннаго ей предшествующимъ періо-

---

1) С. о. т. II, с. 1300.

2) С. о. т. II, с. 1306 и сл.

3) Ib., с, 1301 и сл. Мин. юстиціи отвѣчалъ на эти указанія деп. Маклакова ссылкой на ст. 10 осн. зак. — о принадлежности Государю Императору власти управленія во всемъ объемѣ—и на то, что власть эта осуществляется безъ содѣйствія Г. Думы. Ib., с. 1306. Впрочемъ, деп. Маклаковъ и самъ не намѣренъ былъ отстаивать это свое указаніе. Въ дальнѣйшей части своей рѣчи онъ самъ заявилъ, что и возвращенія сосланныхъ можно добиться лишь „уничтоживъ законодательнымъ порядкомъ самое административное наказаніе". Ib., с. 13.

домъ наслѣдія, частью—поставить ее снова въ „опасное“ положеніе. К.-д-я фракція, безсильная отказаться отъ требованія амнистіи и безсильная поддержать его, отказывалась не только отъ той юридической постановки, которую дали вопросу объ амнистіи народническія фракціи, но и отъ постановки этого вопроса вообще. „Единственный путь, которымъ, по нашему мнѣнію, можетъ начать Дума это дѣло, — путь обращенія къ Монарху“, сказалъ въ той же своей рѣчи деп. Маклаковъ. Но „мы хорошо понимаемъ, что обстоятельства политическаго момента не таковы, чтобы предлагать теперь подобное обращеніе [1]).

Тремя рѣчами—депутатовъ Маклакова и Тихвинскаго и министра юстиціи—пренія, по наказу, были исчерпаны. Но самая постановка на голосованіе подала поводъ къ крайне бурнымъ сценамъ. Отчасти это вытекало изъ неясности постановки вопроса. Ораторъ трудовиковъ свящ. Тихвинскій, также закончилъ свою рѣчь предложеніемъ сдать законопроектъ въ комиссію—но не для предварительнаго выясненія вопроса о компетенціи, а для обсужденія законопроекта, какъ принятаго въ принципѣ, по существу. „Правые“ и октябристы ухватились за эту путаницу двухъ „комиссій“, чтобы, подъ предлогомъ непониманія, высказать свое отношеніе къ „этому позорному предложенію“. [2]) и попытаться добиться возможности поставить по существу вопросъ о законопроектѣ, какъ о „беззаконіи, въ которомъ мы (правые) принимать участія не будемъ“ [3]). Послѣ безтолковыхъ и бурныхъ дебатовъ, вопросъ о сдачѣ законопроекта въ „предварительную“ комиссію былъ рѣшенъ большинствомъ 260 голосовъ противъ 165 [4]), причемъ трудовая группа неожиданно покинула защищавшуюся ея ораторомъ позицію и присоединилась къ предложенію к.-д. Умѣренные и правые отказались отъ участія въ выборахъ комиссіи. Отказались, „по совершенно противоположнымъ причинамъ“ (Церетели) и с.-д-ы [5]). Изъ „предварительной“ комиссіи до роспуска Думы законопроектъ выйти не успѣлъ.

* * *

Въ пользованіи правомъ *запросовъ* вторая Дума также существенно отличалась отъ первой. Жалобы и мольбы о помощи, по прежнему, летѣли тучею съ мѣстъ. Но депутаты были скупы на внесеніе запросовъ, а Дума—еще скупѣе на срочный порядокъ ихъ проведенія и на ихъ принятіе. Въ результатѣ вмѣсто сотенъ запросовъ, внесенныхъ въ 1-ю Думу, мы имѣемъ всего

---

1) Ib., с. 1301.
2) Слова гр. В. Бобринскаго. Ib., с. 1313.
3) Рѣчь Крупенскаго. Ib., с. 1316,
4) Ib., с. 1321.
5) Ib.,, с. 1321—2.

40, внесенныхъ во вторую [1]), причемъ запросъ — объ избіеніи депутатовъ Сигова и Ершова былъ внесенъ 19 марта, т. е. не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ ея созыва. Срочность, противъ которой систематически боролась к.-д-я фракція, была признана лишь въ 4 случаяхъ [2]). Изъ всего числа запросовъ лишь 10 успѣли быть приняты Думою [3]) и лишь по 5 были выслушаны отвѣты правительства и приняты постановленія [4]) 15 мая [5]). Дума, по предложенію к.-д., рѣшила отводить запросамъ всего 1 день въ недѣлю.

Иногда отверженіе срочности и предварительная обработка запроса въ комиссіи вызывались дѣйствительною потребностью въ лучшемъ обоснованіи и формулировкѣ запроса. Такъ было, напр., съ „рижскимъ“ запросомъ, когда внесшіе его с.-д-ы сами отказались отъ срочности съ тѣмъ, чтобы комиссія покончила свою работу въ одинъ день [6]). Но, вообще говоря, отношеніе думскаго большинста къ запросамъ диктовалось отнюдь не желаніемъ усилить впечатлѣніе, производимое ими, ограничивая область примѣненія запроснаго права лишь самыми крупными, выдающимися или имѣющими принципіальное значеніе случаями „незаконом҃рности“. Наоборотъ, вся тактика думскаго центра вела его къ тому, чтобы, по возможности, рѣже пользоваться правомъ запроса, а въ тѣхъ случаяхъ, когда такое пользованіе навязывалось обстоятельствами,—притуплять остроту этого оружія. Изъ орудія политическаго обличенія и политической борьбы, какимъ служили запросы въ рукахъ 1-ой Думы, вторая—имѣла тенденцію превратить ихъ въ способъ содѣйствія правительству въ его мнимой борьбѣ съ тѣми „злоупотребленіями“, о которыхъ говорилъ предсѣдатель совѣта министровъ въ своей декларації 6 марта [7]). Поэтому и въ рѣчахъ ораторовъ центра по запросамъ политическій анализъ

---

1) Эти запросы распредѣляются такъ: 1) нарушеніе неприкосновенности депутатовъ—6; 2) карательныя экспедиціи, огульные штрафы, военное положеніе—5; 3) насилія и избіенія—5; 4) тюремныя жестокости и насилія—4; 5) насилія надъ стачечниками и рабочими союзами—5; 6) пересел., аграрн. и продов. политика—3;; 7) погромы, притѣсненія иновѣрцевъ—2; 8) Военно-полевые суды—1.

2) Запросы: объ избіеніи рабочихъ на фабрикѣ Чешера въ Пб.-гѣ (12 апр. С. о. т. I, с. 1994), объ обыскѣ въ квартирѣ деп. Озола (7 мая, С. о. т. II, с. 203) о преслѣдованіи депутатовъ священниковъ (15 мая, Ib., с. 594), о переселенческомъ дѣлѣ (17 апр., с. о. т. 1, с. 2277).

3) Кромѣ 3 срочныхъ: о пыткахъ въ Ригѣ (13 апр.), о забастовкѣ каспійскихъ моряковъ и полномочіяхъ ген. Таубе (6 апр.), объ отмѣнѣ ген. Гершельманомъ приговора военно-пол. суда (3 апр.), объ избіеніяхъ въ Алгачинской кат. тюрьмѣ (6 апр)., о переселенческой политикѣ (15 мая), о штрафахъ въ Елисаветпольской губ. (24 мая).

4) Запросы: о пыткахъ въ Ригѣ (17 мая), о Ланчхутахъ (24 мая), о Гершельманѣ (30 апр.), объ Алгачахъ (7 мая), о перес. политикѣ (24 мая).

5) С. о. т. II, с. 577.

6) См. заявленіе деп. Церетели. С. о. т. I, с. 1561.

7) См., напр. рѣчь деп. Маклакова по запросу о ген. Гершельманѣ. С. о. т. I, с. 2303. Иногда ораторы к.-д. фракціи высказывали взгляды на значеніе запросовъ, не мирившіеся даже и съ этой тенденціей. Такъ, напр., деп. Роди-

отступаетъ совершенно на задній планъ передъ анализомъ юридическимъ. При отсутствіи же прочной конституціонной почвы, дѣлающей возможнымъ *такое* использованіе запроснаго права, при отсутствіи у Думы юридическихъ способовъ претворенія своей воли въ жизнь, при всесиліи бюрократіи и господствѣ исключительныхъ положеній, каждый запросъ заставляетъ думскій центръ безсильно биться въ тенетахъ юридической схоластики. На свои юридическія соображенія ораторы центра получаютъ въ отвѣтъ ироническія возраженія, еле-еле прикрытыя для вида quasi-юридическими же мотивами [1]). Побѣдоносно разбивая эту сомнительную аргументацію, думское большинство все же въ безсиліи останавливается передъ вытекающими изъ преній выводами.

Въ первой Думѣ, какъ извѣстно, большинство запросовъ вело къ выраженію недовѣрія „безотвѣтственному министерству“. Во второй—объ этомъ нѣтъ уже и рѣчи. Болѣе того. Поставивъ себѣ задачей всякою цѣною избѣгать конфликта съ министерствомъ, думское большинство всячески избѣгаетъ формулировать свое враждебное отношеніе къ общей политикѣ правительства и въ принимаемыхъ имъ „формулахъ перехода къ очереднымъ дѣламъ“ тщательно старается ограничиваться высказываніемъ отношенія лишь къ тому частному случаю „незаконом҃рности“, который является предметомъ даннаго запроса [2]). На этой же почвѣ ст. 60 учр. Г. Думы [3]) даетъ поводъ къ странной на первый взглядъ борьбѣ по каждому запросу между к.-д-ой фракціей, съ одной стороны, и с.-д-ой, за которой идутъ обычно и всѣ „лѣвыя“ группы, съ другой. К.-д-ая фракція упорно противится внесенію въ „формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ“ указанія на то, что Дума признаетъ объясненія правительства „неудовлетворительными“, и, наоборотъ, с.-д-ая фракція съ такимъ же упорствомъ добивается упоминанія этого слова [4]). За споромъ о словѣ скрывается глубокое различіе двухъ тактикъ: тактики обо-

---

чевъ, оспаривая спѣшность, „рижскаго“ запроса, между прочимъ, сказалъ: „мы чужого самолюбія затрагивать не должны и своимъ должны пожертвовать“! С. о. т. I, с. 1549. Въ этихъ словахъ запросъ превращается уже въ способъ ходатайства Думы передъ генералъ-губернаторомъ.

1) Образецъ такихъ возраженій см. выше въ отвѣтѣ министра юстиціи по запросу о ген. Гершельманѣ.

2) См., напр., формулы к.-д. по запросу о Гершельманѣ (с. о. т. I, с. 2321), по „рижскому“ запросу (с. о. т. II, с. 759) и др. „Они (к.-д.) вносили резолюцію не объ *отношеніи правительства* къ данному преступленію, т. е. не о томъ, что въ данный моментъ подлежитъ суду Г. Думы,— а о *самомъ преступленіи*“, говоритъ бывш. деп. В. Мандельбергъ. См. его статью въ сб. „Т. б. р.“, с. 69.

3) Ст. 60: „Если Г. Дума большинствомъ двухъ третей ея членовъ не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра или главноуправляющаго отдѣльною частью (ст. 59), то дѣло представляется предсѣдателемъ Г. Совѣта на Высочайшее благоволзрѣніе“.

4) См. споры о формулѣ по запросу о Гершельманѣ (с. о. т. I, с. 2341), объ Алчагинской тюрьмѣ (с. о. т. II, с. 285). Послѣ отклоненія поправки о „неудовлетворительности“ с.-д. систематически воздерживаются отъ голосованія.

стренія всѣхъ противорѣчій строя и обличенія всѣхъ его господствующихъ силъ и тактики сглаживанія противорѣчій и примиренія [1]).

При всемъ томъ и немногочисленные запросы второй Думы раскрывали ужасающую картину дѣйствительности. И хотя правительство находило уже при обсужденіи запросовъ дѣятельную поддержку себѣ въ „правомъ“ крылѣ Думы, поддержка эта далеко еще не приняла такого откровеннаго характера поощренія, какой она получила впослѣдствіи, въ 3-ей Думѣ [2]). Однако, думская „правая“ не скрывала своей готовности покрыть всякое „незакономѣрное“ дѣйствіе правительства, разъ это дѣйствіе вызывалось истребительною войною противъ революціи. И она пользовалась каждымъ запросомъ, чтобы, въ неоднократно характеризованныхъ уже нами цѣляхъ, ставить думскій центръ снова и снова лицомъ къ лицу съ вопросомъ о борьбѣ съ революціей.

„*Осужденіе террора*“—это требованіе думскаго „праваго“ крыла—висѣло постоянной угрозой надъ кадетской фракціей. Мы уже говорили, что дѣло шло не о „терроре“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а о цѣлой полосѣ общественнаго движенія съ ея революціонными цѣлями и методами. „Осужденія“ этой полосы правое крыло Думы добивается съ величайшимъ упор-

---

[1]) С.-д-я фракція добилась своей цѣли только одинъ разъ—въ „рижскомъ“ запросѣ, но и то случайно, благодаря отказу отъ участія въ голосованіи к.-д. вмѣстѣ со всѣмъ правымъ крыломъ Думы послѣ того, какъ одна за другой были отклонены всѣ предложенныя формулы перехода, а предсѣдатель разрѣшилъ трудовой группѣ внести послѣ перерыва новую формулу. К.-д. и „правыя“ группы сочли это нарушеніемъ наказа. При такихъ условіяхъ была принята с.-д.-я поправка (о „неудовлетворительности“) къ формулѣ трудовой группы, а затѣмъ — 184 голосами противъ 8 при 40 воздержавшихся, т. е. болѣе чѣмъ $^2/_3$ наличнаго состава,—и самая формула. Однако, по словамъ деп. В. Мандельберга („Т. б. р.“, с. 71), ст. 60 и въ этомъ случаѣ въ исполненіе приведена не была.

[2]) Отдѣльные ораторы „правой“ уже тогда, впрочемъ, начали усваивать себѣ столь характерный для позднѣйшаго времени цинично-откровенный тонъ. Такъ, при обсужденіи запроса объ избіеніи политическихъ каторжанъ въ Алгачинской тюрьмѣ, деп. Келеповскій заявилъ, что не можетъ „понять смысла всѣхъ этихъ запросовъ, которые сводятся къ протесту противъ того, что въ тюрьмахъ истязаютъ какихъ-то бубновыхъ тузовъ“. С. о. т. I, с. 1681. Зато никто другой, какъ деп. Пуришкевичъ, поддерживая Келеповскаго, счелъ все же нужнымъ высказать въ своей рѣчи такія положенія: „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякаго рода избіенія, откуда бы они ни происходили,—мерзость, и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, если всѣ тѣ случаи, которые здѣсь были приведены намъ въ видѣ выдержекъ изъ газетъ лѣваго направленія, съ одной стороны, а съ другой стороны процитированы изъ письма Сазонова, вѣрны, то, конечно, это заслуживаетъ нашего глубокаго порицанія. Въ такомъ случаѣ мы должны поставить запросъ во всей его полнотѣ, такъ какъ политическіе, пострадавшіе, хотя за искаженную, но тѣмъ не менѣе за идею, не могутъ быть подвергнуты такимъ истязаніямъ... розги и вообще насилія по отношенію къ политическимъ заключеннымъ не должны быть примѣняемы“. Ib., с. 1687—9. Запросъ былъ принятъ единогласно. Ib., с. 1693. Представители правительства иногда признавали, по крайней мѣрѣ, часть фактовъ, положенныхъ въ основаніе запроса. См., напр., двѣ рѣчи тов. мин. вн. дѣлъ Макарова по „рижскому“ запросу: въ зас. 10 апр. (с. о. т. I, с. 1899) и въ зас. 17 мая (с. о. т. II, с. 694—5).

ствомъ, начиная съ перваго „дѣлового“ засѣданія Думы—6 марта, когда прочитана была правительственная декларація. Епископъ Платонъ первый ставитъ вопросъ [1]). Его поддерживаетъ вся правая, отъ имени которой деп. Шульгинъ вноситъ соотвѣтствующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ [2]). Формула отнюдь не ограничивается осужденіемъ террористическихъ актовъ: она обвиняетъ окраины, инородцевъ, печать, высшія учебныя заведенія, чиновниковъ и суды и призываетъ Думу и правительство направить всѣ силы „къ подавленію безумнаго и злобнаго движенія, стремящагося опрокинуть вѣру въ собственность, Царскій престолъ и самую Россію“.

Когда Дума проходитъ мимо этой формулы, принявъ простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, правые возабновляютъ свою аттаку при обсужденіи закона о военно-полевыхъ судахъ (12 и 13 марта) [3]) и вносятъ опредѣленное предложеніе: „выразить глубокое порицаніе всѣмъ революціоннымъ убійствамъ и насиліямъ“, чтобы—въ виду отмѣны в.-п. судовъ—„снять обвиненіе съ Г. Д. въ томъ, что она покровительствуетъ революціонному террору, поощряя бомбометателей, и старается имъ предоставить возможно большую безнаказанность“ [4]). Состояніе духа к.-д-аго центра, боявшагося одинаково какъ принятія резолюціи „осужденія террору“, такъ и отверженія ея, хорошо сказалось въ извѣстной выходкѣ деп. Кизеветтера [5]), искавшаго спасенія отъ поставленнаго въ упоръ вопроса—въ готовности предсѣдателя совѣта министровъ играть роль толкователя компетенціи Думы, и при томъ толкователя въ ограничительномъ смыслѣ.

Но, чѣмъ болѣе очевиденъ испугъ думскаго центра, съ тѣмъ большею настойчивостью наступаетъ „правая“. Чуть не изо дня въ день ея ораторы требуютъ постановки вопроса о террорѣ на первую очередь [6]). Думскій центръ подъ всякими предлогами оттягиваетъ рѣшеніе вопроса. Наконецъ, 9 апрѣля Думѣ приходится высказаться по поводу требованія срочности. Правыхъ энергично поддерживаетъ октябристъ Шидловскій (могилевск. губ.), мотивирующій необходимость „порицанія террористическихъ убійствъ“ предстоящей отмѣной в.-п. судовъ и требующій кромѣ того, взамѣнъ этихъ судовъ, для огражденія „мирныхъ гражданъ Россійской Имперіи отъ террористовъ, созданія закона, который былъ бы скорый и правый, но не милостивый“ [7]). С.-д-ы и с.-р-ы высказываются за срочное обсужденіе вопроса, считая по-

---

1) С. о. т. I, с. 144.
2) Ib., с. 151.
3) См. рѣчи Шульгина и Крушевана (Ib., с. 374, 378).
4) Ib., с. 527.
5) Ib., с. 529.
6) См., напр., с. о. т. I, с. 791, 1533, 1715 и др.
7) Ib., с. 1834.

литику уклоненія—дискредитирующей Думу [1]). Но к.-д-овъ поддерживаютъ трудовики [2]), и противъ обоихъ крайнихъ крыльевъ Думы срочность отклоняется [3]).

Но уже на слѣдующій день, 10 апр., правые вносятъ предложеніе—назначить для вопроса о „терроръ“ одинъ изъ дней на Ѳоминой недѣлѣ. 12 апр. Дума обсуждаетъ это предложеніе. Октябристъ Рейнъ открыто грозитъ Думѣ роспускомъ [4]). Гр. Бобринскій обращаетъ вниманіе партіи народной свободы, что у нея „является случай доказать, что она партія конституціонная, а не революціонная“ [5]). Но центръ, вѣрный своей тактикѣ, предложеніе правыхъ отклоняетъ. Послѣ Пасхи правые почти ежедневно повторяютъ свое предложеніе [6]) и уже не скрываютъ своихъ дѣйствительныхъ намѣреній. 10 мая деп. Крупенскій, еще разъ требуя осужденія „политическихъ убійствъ“, ссылается на „надвигающіяся грозныя событія, въ которыхъ можетъ погибнуть наша молодая конституція“ [7]).

Между тѣмъ приближеніе этихъ „грозныхъ событій“ было слишкомъ очевидно. 5 мая происходитъ нашествіе полиціи и обыскъ въ помѣщеніи с.-д-ой фракціи. 7 мая, въ тотъ самый день, когда въ думу вносятся срочные запросы объ этомъ обыскѣ, предсѣдатель совѣта министровъ заявляетъ желаніе дать разъясненія по дѣлу о такъ наз. „террористическомъ заговорѣ“. Разъясненія эти служили отвѣтомъ на вопросъ (въ порядкѣ 40 ст.) правыхъ, хотя П. А. Столыпинъ оговорился, что, въ сущности, вопросъ этотъ выходитъ за предѣлы компетенціи Думы [8]). Вся лѣвая сторона Думы—с.-д., с.-р., н.-с. и трудовики—отсутствовала изъ залы засѣданія [9]), и въ ея отсутствіи была единогласно принята слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ: „Охваченная чувствомъ живѣйшей радости по поводу счастливо избѣгнутой опасности, грозившей Его Императорскому Величеству, относясь съ глубокимъ негодованіемъ къ обнаруженному преступному замыслу, Г. Дума переходитъ къ

---

1) Рѣчи деп. Джапаридзе и Ширскаго. Ib., с. 1831, 1833.

2) Рѣчь деп. Березина, Ib., с. 1826—8.

3) Ib., с. 1835, 1837.

4) Ib., с. 1927.

5) Ib., с. 1928.

6) См. С. о. т. I, с. 2344, т. II, с. 52, 286, 363, 455 и др.

7) О о. т. II, с. 363.

8) С. о., т. II, с. 196. Отмѣтимъ тутъ же, что ст. 40 вторая Дума воспользовалась еще 2 раза: правые внесли въ этомъ порядкѣ вопросъ о высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (с. о. т. I, с. 887), а трудовики—о дѣятельности землеустроительныхъ учрежденій по надѣленію крестьянъ землею (с.. о. т. II, с. 1026—7). При разсмотрѣніи думскаго наказа, по предложенію деп. Демьянова, была отброшена вторая часть ст. 75 проекта наказа, ограничивавшая права Думы въ постановкѣ вопросовъ въ порядкѣ 40 ст. Проектъ предоставлялъ такое право лишь комиссіямъ—„по поводу переданныхъ имъ для разработки дѣлъ“, а отдѣльнымъ членамъ Думы—„при разсмотрѣніи сихъ дѣлъ въ общемъ собраніи ея“. С. о. т. II, с. 352—3.

9) С. о. т. II, с. 193.

*

очереднымъ дѣламъ“ [1]). Сопротивленіе к.-д аго центра настойчивому требованію правыхъ явно начинаетъ слабѣть. Это сказывается и въ засѣданіи 15 мая, когда Думѣ приходится, наконецъ, выяснить свое отношеніе къ резолюціи, внесенной правыми. Эту резолюцію снова поддерживаютъ октябристы: Рейнъ, ссылающійся на съѣздъ октябристовъ, который „высказался за то, что долгъ и честь наша требуютъ скорѣйшаго осужденія террора“ [2]), и Капустинъ, видящій въ „осужденіи террора“ необходимое условіе для ослабленія правительственной репрессіи, отмѣны смертной казни и т. п. [3]). С.-д.-ы, с.-р-ы и н.-с-ы [4]) требовали отъ Думы высказыванія по существу. „Мы голосуемъ за обсужденіе этого вопроса“, говорилъ с.-д. Салтыковъ, ибо „за то, чтобы не сокращать компетенціи Г. Думы, мы стояли всегда и считаемъ этотъ вопросъ нисколько не выходящимъ изъ поля нашего сужденія“ [5]).

Салтыкову возражалъ отъ имени к.-д-ой фракціи говорившій немедленно послѣ него І. Гессенъ: „отказываясь отъ обсужденія вопроса, мы не раздѣляемъ всѣхъ доводовъ, которые приводились здѣсь [6]), а присоединяемся къ доводамъ дѣловымъ. Кромѣ того, мы еще болѣе протестуемъ противъ того заявленія, которое только что раздалось съ этой кафедры“ [7]).

215 голосовъ противъ 146 Дума отказалась принять вопросъ объ „осужденіи террора“ къ разсмотрѣнію [8]). Но уже черезъ день, 17 мая, при обсужденіи „рижскаго“ запроса, онъ всплылъ снова. Подъ натискомъ правыхъ, толковавшихъ постановленіе 15 мая, какъ „актъ общаго благословленія со стороны Думы политическимъ убійствамъ и террору“ [9]), грозившихъ тѣмъ, что „въ деревняхъ будутъ рвать на части бунтовщиковъ и поджигателей бросать въ огонь, будутъ массовые погромы, гдѣ никому пощады не будетъ“ [10]), центръ поколебался. Формула к.-д., слабо реагировавшая на ужасныя пытки въ рижскомъ „музеѣ“, содержала въ то же время еле прикрытое осужденіе прибалтійскихъ революціонеровъ: „совершавшіяся въ этомъ краѣ многочисленныя убійства и другія возмутительныя преступленія

---

1) Ib., с. 197.

2) С. о. т. II, с. 600.

3) Ib., с. 604.

4) Ib. с. 609. Изъ н.-с.-овъ депутатъ Алашеевъ высказался въ противоположномъ духѣ. Ib. с. 604—606.

5) Ib., с. 609.

6) „Доводы“, на которые намекалъ деп. Гессенъ, принадлежали деп. Алашееву, мотивировавшему отказъ отъ обсужденія вопроса тѣмъ, что правые „желаютъ еще болѣе уронить достоинство народнаго представительства, заставивши его сдѣлать постановленіе подъ вліяніемъ чувства страха за разгонъ Думы“. Такое постановленіе „не только не будетъ имѣть реальнаго значенія въ странѣ, но унизитъ авторитетъ народнаго представительства“. „Поэтому я предполагалъ бы не принимать этого предложенія только потому, что оно исходитъ изъ праваго лагеря„. Ib., с. 605—6

7) Ib., с. 609.

8) Ib., с. 608.

9) Рѣчь еп. Платона. Ib., с. 744.

10) Рѣчь деп. Шульгина. Ib., с. 746.

не должны быть терпимы“ [1]). Но эта попытка компромисса, естественно, никого не удовлетворила. Въ глазахъ „правыхъ“ она оставалась простой отговоркой. Въ глазахъ „лѣвыхъ“ она была равносильна измѣнѣ и нападенію съ тыла. Результатомъ былъ полный провалъ к.-д-ой формулы, какъ и всѣхъ другихъ [2]). А вопросъ, скрывавшійся за требованіемъ „осужденія террора“, вопросъ объ отношеніи к.-д. центра къ той революціонной почвѣ, на которой выросла Дума, оставался открытымъ. Скоро онъ долженъ былъ предстать передъ Думой въ совершенно обнаженномъ видѣ...

Требованіе „осужденія террора“ было въ рукахъ „правыхъ“ отнюдь не единственнымъ орудіемъ провокаціонной политики, разсчитанной на запугиваніе к.-д-аго центра и дискредитированіе Думы—ея „революціонностью“ въ глазахъ реакціи, ея безхарактерностью въ глазахъ народныхъ массъ. Они пользуются всякими предлогами, чтобы констатировать то мнимый „призывъ къ вооруженному возстанію“ [3]), то „раздираніе Россіи на части“ [4]), то „оскорбленіе Величества“ [5]), то „оскорбленіе арміи“. Когда нѣтъ подходящаго предлога, правые сами придумываютъ его. Деп. Шульгинъ, обращаясь къ депутатамъ „лѣвой“, спрашиваетъ, нѣтъ ли у кого-либо изъ нихъ бомбы въ карманѣ [6]). Черезъ двѣ недѣли послѣ „безмолвнаго“ почтенія вставаніемъ памяти убитаго Іоллоса [7]), депутата 1-ой Думы, деп. Пуришкевичъ вноситъ демонстративное предложеніе— почтить вставаніемъ память убитыхъ городовыхъ [8]). Тотъ же Пуришкевичъ шумно протестуетъ, когда предсѣдатель Думы отказывается дать слово тов. мин. дѣлъ Крыжановскому, желающему произнести общую рѣчь по вопросу о штатахъ думской канцеляріи въ то время, когда Дума перешла уже къ постатейному чтенію [9]). Всѣ такого рода выходки и протестъ сопровождаются шумными скандалами, влекущими за собою исключеніе ихъ виновниковъ на одно или нѣсколько засѣданій. Исключенія эти подаютъ поводъ къ новымъ протестамъ, и Дума живетъ въ атмосферѣ непрерывныхъ скандаловъ. „Зурабовскій инцидентъ“ показалъ, что и въ этой сферѣ тактика „правыхъ“ была отнюдь

---

1) Ib., с. 759. Еще опредѣленнѣе была въ этомъ отношеніи формула польскаго коло. Ib., с. 758.

2) Выше мы указали, какія неожиданныя послѣдствія имѣло это отклоненіе Думою всѣхъ формулъ перехода къ очер. дѣламъ.

3) С. о. т. I, с. 125.

4) Ib., с. 1916.

5) Ib., с. 982.

6) Ib., с. 450, 530, 1973.

7) Ib., с. 1554.

8) Ib., с. 589, зас. 15 марта. Іоллосъ былъ убитъ 14 марта въ Москвѣ у воротъ дома предсѣд. мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа, Торопова. Свѣдѣнія, сообщенныя впослѣдствіи его убійцей, рабочимъ Федоровымъ, указываютъ на организацію убійства главарями союза.

8) Ib., с. 1275.

9) С. о. т. II, с. 4—5.

не безнадежна. Инцидентъ этотъ имѣлъ самое разлагающее вліяніе на Думу. Поведеніе предсѣдателя заставило с.-д-ую фракцію не только требовать его смѣщенія, но и воздерживаться отъ содѣйствія дисциплинарнымъ мѣрамъ, принимавшимся имъ по отношенію къ правымъ депутатамъ. Думская же „правая“ почерпнула въ безхарактерности к.-даго центра силу для все новыхъ и новыхъ скандаловъ [1]). Реальная цѣль всего этого похода—добиться отъ Думы того „самоочищенія“ отъ „лѣвыхъ“, о которомъ говорили правительственные оффиціозы въ самомъ началѣ ея работъ, добиться затѣмъ, чтобы нанести ударъ и самому народному представительству въ томъ видѣ, какъ оно сложилось послѣ октябрьско-декабрьскихъ дней.

Мы уже говорили о томъ, что „объединенное дворянство“ открыто требовало измѣненія избирательнаго закона и условій функціонированія народнаго представительства. Одновременно оно требовало и пересмотра всѣхъ законопроектовъ, выработанныхъ правительствомъ въ періодъ междудумья. Эти законопроекты—особенно, касающіеся мѣстнаго самоуправленія—казались дворянству недостаточно обезпечивающими его господство [2]). Голосъ дворянства энергично поддерживался оффиціозною печатью, подготовлявшею роспускъ Думы и измѣненіе избирательнаго закона [3]).

Между тѣмъ правительство съ самаго начала работъ Думы также настойчиво преслѣдуетъ цѣль—заставить Думу вступить на путь „самоочищенія“. Мы говорили выше о томъ, какъ правительство стремилось заста-

---

1) Особенно грандіозный скандалъ былъ произведенъ правыми во время преній о сдачѣ въ комиссію законопроекта о всеобщемъ обученіи. Слова деп. Хасанова, что „теперь наша страна конституціонная“, вызвали цѣлую бурю. Правая сторона неистовствовала, обвиняя предсѣдателя въ томъ, что онъ „поддерживаетъ человѣка, который оскорблялъ Государя, нашу страну, нашу армію“. Исключенные на одно засѣданіе деп. Пуришкевичъ, Келеповскій и Созоновичъ отказались подчиняться постановленію Думы и въ наказаніе были исключены (при воздержаніи с.-д.) на 15 засѣданій. Дальнѣйшій отказъ Пуришкевича покинуть залъ Г. Д. вызвалъ закрытіе засѣданія. С. о. т. II, с. 186—190. Зас. 4 мая.

2) Какъ извѣстно, послѣ роспуска 2-ой Думы правительство пошло навстрѣчу всѣмъ этимъ притязаніямъ дворянства. Въ частности, законопроекты о поселковыхъ обществахъ и волостномъ земствѣ были подвергнуты переработкѣ въ дворянскомъ „совѣтѣ по дѣламъ земскаго хозяйства“

3) Послѣ обсужденія въ Думѣ вопроса объ амнистіи М. О. Меньшиковъ писалъ, напр., въ „Новомъ Времени“: „Роспускъ парламента есть конституціонное право монарха, а отмѣна гибельной статьи, ошибкой проникшей въ основные законы, есть не только право, но и долгъ той власти, которая эти основные законы даровала. Измѣненіе одной статьи вовсе не есть отмѣна конституціи. Это всего лишь необходимый ремонтъ, который всюду неизбѣженъ и всюду считается за укрѣпленіе зданія, а не за разрушеніе его. Основные законы вовсе не есть договоръ, сколько бы софистики ни тратили еврейскіе публицисты, старающіеся опутать нашу власть контрактами. Ложь, повторенная милліонъ разъ, будто конституція наша *отнята* у короны, — остается ложью. Въ созданіи акта нашей конституціи не было договаривающихся сторонъ. Была одна сторона, которая сочла за благо установить нѣкоторые принципы съ намѣреніемъ ихъ держаться“. Цит. у А. Цитрона, l. c., с. 177—8.

вить Думу суживать предѣлы своей собственной компетенціи и умалять свое значеніе. Этой же задачѣ служитъ отчасти и походъ, предпринятый противъ отдѣльныхъ депутатовъ: отказъ духовной власти освободить избраннаго депутатомъ свящ. Григорія Петрова отъ отбыванія наказанія въ Череменецкомъ монастырѣ, отобраніе отъ отдѣльныхъ депутатовъ „подписки о невыѣздѣ“ [1]), избіеніе депутатовъ (Сигова и Ершова) при попыткахъ общенія съ населеніемъ и т. п.

Но этотъ походъ преслѣдовалъ и другую цѣль—направить думское большинство на путь „самоочищенія“ со всѣми тѣми послѣдствіями, ради которыхъ толкали Думу на этотъ путь и „правые“. Наконецъ, устраненіе нѣкотораго, хотя бы небольшого, числа лѣвыхъ депутатовъ могло имѣть и практическое значеніе въ смыслѣ вліянія на результаты голосованія въ тѣхъ случаяхъ, когда к.-д. центръ соединялся съ правымъ крыломъ Думы, и исходъ голосованія цѣликомъ зависѣлъ отъ польскаго коло [2]). И вотъ, Думѣ представляются одно за другимъ требованія объ устраненіи ряда с.-д-ихъ депутатовъ, какъ привлеченныхъ къ слѣдствію или суду по политическимъ преступленіямъ—Геруса, Кузнецова, Кунстаса, Баташева, Кирієнко, Шпагина, Измайлова [3]). Думскій центръ старался, по возможности, и этотъ вопросъ откладывать въ долгій ящикъ. До самаго роспуска Думы ни по одному изъ предъявленныхъ ей требованій окончательнаго постановленія не состоялось. Но Думѣ пришлось высказаться по имѣвшему принципіальный характеръ вопросу о направленіи дѣлъ такого рода. По толкованію министра юстиціи, при привлеченіи депутата къ суду, ст. 21 Учр. Г. Думы вступаетъ въ дѣйствіе автоматически и Дума лишь отмѣчаетъ устраненіе даннаго депутата [4]). К.-д-ая фракція, стоя также исключительно на юридической почвѣ, толковала компетенцію Думы иначе. „Государственная Дума, говорилъ деп. І. Гессенъ, не можетъ ограничиться регистраціей постановленій судебнаго слѣдователя; она... разсматриваетъ вопросъ съ точки зрѣнія, во-первыхъ, правдоподобности предъявленныхъ обвиненій и, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія достаточности основанія въ предъявленномъ обвиненіи для признанія члена Думы несоотвѣтствующимъ участію въ засѣданіяхъ во время производства этого дѣла о немъ“. Въ виду этихъ соображеній к.-д-ая фракція предлагала сдать всѣ внесенныя уже дѣла въ комиссію по наказу,

---

[1]) Сенатъ разъяснилъ, что отобраніе такой подписки не составляетъ предусмотрѣннаго Учр. Г. Думы „лишенія свободы“. Право, 1907, № 12, с. 906—8.

[2]) По словамъ А. Зурабова, въ Думѣ говорили, что П. А. Столыпинъ просилъ предсѣдателя Думы поторопиться съ дѣлами объ устраненіи отдѣльныхъ депутатовъ, „такъ какъ участіе въ голосованіяхъ депутатовъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, составляетъ незаконное большинство“. А. Зурабовъ, l. c., с. 53.

[3]) См. о. т. I, 442, 1274, 1418, II 534, 539, 593, 1293, 1572. Изъ не-с.-д. былъ привлеченъ Красселюкъ. Ib., т. I, с. 1275.

[4]) С. о. т. I, с. 1427—1433.

поручивъ ей выработать и общій порядокъ направленія такихъ дѣлъ [1]). На иную—политическую—почву встали въ этомъ вопросѣ с.д-ы и примыкавшіе къ нимъ „лѣвыя“ фракціи: „сдавая его (вопросъ) въ комиссію, мы какъ бы косвенно соглашаемся съ тою постановкою вопроса о неприкосновенности депутатовъ, которую стремится навязать намъ наша русская юстиція. Она привлекаетъ за такія вещи, за которыя по нашему мнѣнію привлекать нельзя, и мы должны, ясно и опредѣленно, отказомъ сдать въ комиссію показать, что мы не считаемъ возможнымъ дѣлать въ этомъ отношеніи никакихъ уступокъ русской юстиціи“; „мы стоимъ не на почвѣ вашего формальнаго права, а на почвѣ интересовъ тѣхъ, кто насъ послалъ сюда; эти интересы требуютъ, чтобы органъ борьбы народа, какимъ должна являться Гос. Дума, не былъ обезсиленъ“ [2]). Пренія въ Думѣ, обостренныя вторымъ выступленіемъ министра юстиціи, стихійно пошли именно по политическому руслу и вылились въ рѣзкую критику суда, въ которой на-ряду съ с.-д. Наливкинымъ [3]), принялъ дѣятельное участіе и к.-д. Родичевъ [4]). Но рѣшеніе было принято именно то, которое предлагала к.-д-ая фракція, и вопросъ былъ сданъ въ комиссію по наказу.

Въ другой разъ Думѣ пришлось высказаться по вопросу о правахъ депутатовъ по поводу запроса о преслѣдованіи „лѣвыхъ“ депутатовъ-священниковъ [5]). Вопреки протестамъ еп. Евлогія, полагавшаго, что „запросъ касается области чисто церковной, имѣетъ отношеніе къ внутренней жизни церкви и не подлежитъ обсужденію Г. Думы“ [6]),—запросъ былъ признанъ срочнымъ и принятъ. Отвѣта на него Дума до своего роспуска отъ правительства не получила.

Между тѣмъ приближалась развязка. Мы уже говорили объ обыскѣ 5 мая въ помѣщеніи с.-д-ой фракціи. Это былъ не первый обыскъ.

---

1) С. о. т. I, с. 1422—3.

2) См. двѣ рѣчи деп. Алексинскаго. Ib., с. 1425, 1453.

3) Ib., 1463.

4) Ib. с. 1461.

5) Текстъ запроса такъ излагалъ обстоятельства дѣла: „14 мая 1907 года члены Думы священники: Архиповъ, Брилліантовъ, Гриневичъ, Колокольниковъ и Тихвинскій были вызваны особыми повѣстками къ митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому Антонію, который объявилъ явившимся указъ св. Синода отъ 12 мая за № 5577. На основаніи этого указа они должны выйти изъ состава партій, къ которымъ они принадлежатъ, и публично заявить объ этомъ выходѣ; причемъ митрополитъ Антоній объявилъ имъ, что они не должны принадлежать также къ безпартійнымъ лѣвымъ, но только къ монархистамъ, октябристамъ или безпартійнымъ правымъ и высказываться въ Думѣ только въ духѣ этихъ партій. Срокомъ для исполненія этого указа митрополитъ Антоній назначилъ пятницу 18 мая. Отказъ перемѣнить свои убѣжденія до пятницы 18 мая повлечетъ къ лишенію ихъ сана“. Какъ извѣстно, послѣдняя угроза была приведена въ исполненіе по отношенію къ опальнымъ священникамъ-депутатамъ послѣ роспуска Думы. С. о. т. II, с. 595.

6) Ib., с. 596.

Еще до начала засѣданій Думы полиція заняла фракціонную квартиру, но эпизодъ этотъ прошелъ безрезультатно. Теперь походъ на с.-д. фракцію носилъ характеръ очевиднаго наступленія на самое Думу [1]). Въ печати появились слухи о раскрытіи республиканскаго „заговора", во главѣ котораго стояла будто бы с.-д-ая фракція. На эту же почву старалась поставить вопросъ думская „правая", связывавшая этотъ „заговоръ" съ тѣмъ „террористическимъ заговоромъ" [2]), по которому давалъ объясненія П. А. Столыпинъ въ томъ самомъ засѣданіи 7 мая, когда были внесены запросы объ обыскѣ въ квартирѣ с.-д. фракціи. Деп. Шульгинъ восклицалъ, что, „если дальше будетъ продолжаться такая же исторія въ Россійской имперіи, какъ и сейчасъ, то она можетъ увидать въ рядахъ полиціи лучшихъ своихъ сыновъ... И меня также". И онъ упрекалъ правительство за то, что „заставляютъ насъ... сидѣть вмѣстѣ вотъ съ этой (жестъ влѣво) компаніей" [3]). Ему вторилъ октябристъ Шидловскій, восхвалявшій дѣйствія полиціи и, наоборотъ, нападавшій на судебную власть за ея „нерѣшительность" и „попустительство", выразившіяся въ томъ, что прокуроръ петербургской судебной палаты Камышанскій не арестовалъ на мѣстѣ с.-д-ихъ депутатовъ [4]). Представители правительства были сдержаннѣе въ своихъ объясненіяхъ. Министръ юстиціи призналъ, что „и представитель судебной власти въ указанную ночь" думалъ, что „обыскъ былъ лишенъ всякаго законнаго основанія", но увѣрялъ, что это произошло лишь потому, что „полиція опоздала на полчаса", въ настоящее же время „у судебнаго слѣдователя возбуждено предварительное слѣдствіе" о посѣщеніи квартиры деп. Озола „представителями революціонной военной организаціи" и с.-д-ая фракціи обвиняется въ допущеніи такихъ посѣщеній съ цѣлью „использовать народное представительство для участливаго отношенія къ нижнимъ чинамъ" [5]). О томъ же говорилъ П. А. Столыпинъ: „На слѣдующій день... было обнаружено отношеніе квартиры деп. Озола къ военно-революціонной организаціи, поставившей своей цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ". Предсѣдатель совѣта министровъ добавлялъ, что „полиція и впредь будетъ такъ же дѣйствовать, какъ она дѣйствовала" [6]).

С. д-имъ депутатамъ и ораторамъ народническихъ фракцій было нетрудно разрушить сшитую бѣлыми нитками мотивировку „закономѣрности" дѣйствій полиціи и обнаружить непримиримыя противорѣчія въ рѣчахъ да-

---

1) Объ обстоятельствахъ обыска въ помѣщеніи с.-д. фракціи и послѣдовавшаго затѣмъ привлеченія къ суду и ареста ея членовъ, см. въ т. Ш, наст. изданія, въ статьѣ Л. Мартова.

2) См. рѣчи гр. Бобринскаго и Красковскаго. С. о. т. II, с. 214, 239.

3) Ib., с. 236.

4) Ib., с. 249.

5) Ib., с. 221—2.

6) Ib., с. 207—8.

вавшихъ объясненія министровъ, съ одной стороны, прокурора судебной палаты, присутствовавшаго при обыскѣ, съ другой [1]).

Но было слишкомъ очевидно, что дѣло шло не объ юридическихъ основаніяхъ дѣйствій правительства въ данномъ случаѣ, а о политической тенденціи ихъ. Было очевидно, какъ сказалъ депутатъ Салтыковъ, что эти дѣйствія „грозятъ самому составу Думы“ [2]). Болѣе того. Они составляютъ лишь часть системы, которая стремится поставить Думу „въ положеніе парламента плѣненнаго“ [3]) и такъ или иначе—путемъ-ли внутренняго разложенія Думы, или путемъ обвиненія ея въ содѣйствіи „заговору“—подготовить ея роспускъ и измѣненіе избирательнаго закона. „Чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше, воскликнулъ депутатъ „правой“, Крупенскій: авось правительство проснется и разгонитъ! [4]).

Запросы были приняты и признаны срочными. Но для характеристики политическаго положенія было знаменательно, что к. д.-ій центръ, поставленный передъ дилеммой—либо подвергнуть народное представительство униженію, либо стать грудью за послѣдовательное использованіе его правъ, не боясь обвиненія въ сочувствіи „революціи“,—не внесъ со своей стороны запроса и не проронилъ за все время преній ни одного слова. Его молчаніе краснорѣчиво говорило о томъ, что стойкаго и послѣдовательнаго сопротивленія ждать съ этой стороны нельзя...

Нельзя было его ждать въ данный моментъ и со стороны широкихъ слоевъ населенія. Распадъ старой революціонной арміи продолжался неудержимо. Новыя силы находились еще въ зародышѣ. Народныя массы оставались, хотя и сочувствующими, но молчаливыми свидѣтелями думской драмы. Дворянство, опиравшееся на субсидируемыя и покровительствуемыя бюрократіей черносотенныя организаціи, наступало все рѣшительнѣе и, поскольку рѣчь шла о расправѣ съ движеніемъ народныхъ массъ и водвореніи „порядка“, встрѣчало сочувствіе и поддержку въ капиталистической буржуазіи. При такихъ условіяхъ Дума шла неудержимо къ гибели. Весь вопросъ былъ въ томъ, сумѣетъ-ли она погибнуть съ достоинствомъ, нанеся уронъ торжествующей контръ-революціи и своею смертью завѣщая традиціи непримиримой борьбы съ возрождающимся „старымъ порядкомъ“.

Правительству приходилось между тѣмъ торопиться. Переворотъ былъ

---

1) См. рѣчи деп. Салтыкова, Мандельберга, Сташинскаго, Ширскаго, Измайлова, Хвоста, Аникина, Озола, Березина и др. С. о. т. II, с. 209—251. Деп. Ширскій воспользовался случаемъ, чтобы заявить о непричастности партіи с.-р. къ „террористическому заговору“, о которомъ говорилось выше.

2) Ib., с. 209.

3) Рѣчь деп. Карташева. Ib., с. 234.

4) Ib., с. 239.

вполнѣ подготовленъ и новый избирательный законъ разработанъ во всѣхъ деталяхъ. Нуженъ былъ только подходящій предлогъ. Ждать дольше было нельзя, ибо, какъ мы говорили выше, бюджетная комиссія закончила свои предварительныя работы, и грозила явная опасность, что бюджетъ будетъ отвергнутъ въ первомъ чтеніи. Польское коло, отъ котораго зависѣлъ исходъ голосованія, держалось двусмысленно. Какъ мы видѣли, еще во время преній по направленію бюджета, коло отнюдь не связывало себя обѣщаніемъ голосовать за бюджетъ. Теперь, послѣ Пасхи, потерявъ надежду получить отъ к.-д. фракціи дѣйствительную поддержку въ проведеніи своего законопроекта объ автономіи Польши, коло было не прочь заигрывать съ лѣвымъ крыломъ Думы [1]). Въ бюджетной комиссіи его представитель своимъ голосомъ далъ перевѣсъ мнѣнію о необходимости предпослать разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей бюджета общее обсужденіе его, и онъ же взялъ на себя роль докладчика комиссіи. Бюджету грозилъ провалъ [2]). А это сильно ослабило бы позицію правительства.

Приходилось спѣшить. 1-го іюня, въ тотъ самый день, когда впередъ было поставлено на повѣстку предложеніе бюджетной комиссіи о порядкѣ обсужденія бюджета, П. А. Столыпинъ внезапно потребовалъ закрытія засѣданія. Планы министерства были такъ хорошо законспирированы, а эпизодъ съ обыскомъ въ квартирѣ с.-д. фракціи за истекшій мѣсяцъ такъ потерялъ свою остроту, что, по свидѣтельству В. Мандельберга [3]), только „въ шутку“ высказывалось нѣкоторыми предположеніе, что предсѣдатель совѣта министровъ намѣренъ потребовать устраненія изъ Думы всей с. д-ой фракціи. Предположеніе о причинахъ закрытія засѣданія вертѣлось больше въ области вопросовъ иностранной политики и государственной обороны. Тѣмъ неожиданнѣе было, что „шуточное“ предположеніе оказалось правильнымъ.

Съ самаго начала засѣданія П. А. Столыпинъ заявилъ, что правительство предъявитъ сейчасъ, черезъ прокурора Камышанскаго, Гос. Думѣ требованіе, которому оно придаетъ чрезвычайно важное значеніе, и что всякое промедленіе въ исполненіи этого требованія можетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія для Думы. Послѣ этого прокуроръ петербургской судебной палаты прочелъ помѣченное 31 мая постановленіе судебнаго слѣдователя о привлеченіи къ суду всего состава с.-д. фракціи и о немедленномъ заклю-

---

1) См. А. Цитронъ, l. c., c. 165.

2) См. А. Зурабовъ, l. c., c. 54. Желаніе правыхъ и к.-д. приступить непосредственно къ постатейному чтенію бюджета, понятно, означало принципіальное принятіе его и, какъ показалъ опытъ 3-ей Думы, поступавшей въ первыя сессіи свои именно такимъ образомъ, липило бы бюджетныя пренія почти всякаго политическаго значенія.

3) Т. б. р., с. 20.

ченіи подъ стражу 16 членовъ ея. Фракціи предъявлялось обвиненіе (по 1 ч. ст. 102) въ устройствѣ заговора съ цѣлью осуществленія насильственнаго государственнаго переворота, лишенія Государя Императора верховной власти и учрежденія демократической республики съ соціалистическимъ въ ней укладомъ общественныхъ отношеній.

Правительство требовало немедленнаго согласія Думы на преслѣдованіе с.-д. депутатовъ, и уже во время самаго засѣданія Думы квартиры ихъ были обысканы полиціей. Лѣвое крыло Думы настаивало на немедленномъ же отказѣ правительству въ его требованіи, такъ какъ политическій характеръ его былъ очевиденъ. Центръ колебался и, по своему обыкновенію, нашелъ выходъ въ образованіи комиссіи для обсужденія вопроса.

Въ кулуарахъ Думы уже открыто передавали содержаніе вновь выработаннаго избирательнаго закона [1]). Правительственная печать не скрывала значенія предъявленнаго Думѣ требованія: „сегодня ,писало „Новое Время", Дума очутилась лицомъ къ лицу съ вопросомъ, отъ котораго она такъ старательно увертывалась съ первыхъ дней нынѣшней сессіи—съ вопросомъ о томъ: служитъ ли она революціи или законному порядку? Но на сей разъ вопросъ этотъ поставленъ такимъ образомъ, что отказаться отъ прямого и яснаго на него отвѣта, кажется, немыслимо" [2]).

Все это не помѣшало распространенію слуховъ, разсчитанныхъ на податливость и безхарактерность думскаго центра. Говорили, что предсѣдатель совѣта министровъ является такою же жертвою насилія, какъ и Дума; что онъ подастъ въ отставку, если Дума будетъ распущена; что онъ проситъ Думу „выдать" хоть только 16 „наиболѣе виновныхъ", или хотя бы лишь 5 депутатовъ, чтобы спасти Думу и т. д. и т. д.

Всѣ эти слухи находятъ себѣ благопріятную почву въ части к.-д-ой фракціи. Избранная Думою комиссія серьезно приступаетъ къ юридическому разбору представленныхъ ей прокуроромъ судебной палаты данныхъ. Когда же выясняется, что въ 24 часа своей работы она закончить не можетъ, она проситъ у Думы отсрочки, а Дума приступаетъ къ обсужденію законопроекта о мѣстномъ судѣ. Тщетно с.-д-ы и другія лѣвыя фракціи указываютъ на недостойность такого поведенія, когда „мы стоимъ наканунѣ государственнаго переворота" [1]). Тщетно требуютъ они нарушенія наказа и немедленнаго обсужденія бюджета и законовъ, изданныхъ по 87 ст., съ цѣлью ихъ отверженія. Всѣ эти предложенія, какъ и неоднократныя настоянія прекратить или, по крайней мѣрѣ, сократить пренія, чтобы перейти къ стоявшему на повѣсткѣ

---

[1]) См. А. Цитронъ, l. c., c. 183.
[2]) Цит. у А. Цитрона, l. c., c. 181.
[3]) Рѣчь Церетели. С. о. т. II, с. 1591.

докладу бюждетной комиссіи,—систематически отклоняются по иниціативѣ к.-д-овъ, энергично, хотя и съ явной ироніей, поддерживаемыхъ правыми [1]).

„Конституціонно-демократическая партія всегда стремилась оставаться на строго конституціонной почвѣ и дѣйствовать въ рамкахъ существующихъ законовъ, и съ этой почвы к.-д. партія въ настоящее время при серьезныхъ условіяхъ, переживаемыхъ Думой и страной, не сойдетъ", отвѣчалъ В. Гессенъ на пламенный призывъ деп. Церетели „поставить на обсужденіе тѣ вопросы, которые могутъ показать народу, на какой почвѣ создается конфликтъ и подготовляется государственный переворотъ (показывая направо) . . . этихъ заговорщиковъ" [2]). „Необходимо предоставить высказаться всѣмъ въ этомъ столь важномъ, столь наболѣвшемъ вопросѣ, говорилъ кн. Долгоруковъ въ отвѣтъ на предложеніе о прекращеніи преній о мѣстномъ судѣ, „для того, чтобы направить дѣятельность комиссіи по извѣстному пути, чтобы дать ей извѣстныя директивы. Отъ тѣхъ положеній, которыя предлагается сейчасъ принять безъ преній, зависитъ весь дальнѣйшій ходъ работъ комиссіи" [3]). Кн. Долгорукову вторилъ насмѣшливо деп. Пуришкевичъ: „Полагая, что Дума доживаетъ послѣдніе моменты, они (лѣвые депутаты) желаютъ занять думскія засѣданія нѣкоторыми вопросами, которые не имѣютъ серьезнаго значенія, но могутъ показать странѣ, что вотъ-де мы являемся мучениками; вотъ правительство, вотъ кто кровопійцы, вотъ какъ они относятся къ народнымъ нуждамъ"; но „будетъ-ли Дума завтра существовать или нѣтъ, во всякомъ случаѣ въ лѣтописяхъ думскихъ засѣданій должно быть вполнѣ выражено все то, что накипѣло въ душахъ ораторовъ по вопросу о мѣстномъ судѣ" [4]). Слова деп. Пуришкевича были слишкомъ прозрачны, насмѣшка слишкомъ очевидна... Но думское большинство рѣшило „не нарушать наказа", при общемъ невниманіи полились длинныя рѣчи на тему о томъ, „что у ораторовъ накипѣло въ душѣ по вопросу о мѣстномъ судѣ" [5]). Первая Дума гибла въ атмосферѣ нерѣши-

---

[1]) „Я всецѣло присоединяюсь къ тому, что говорилъ почтенный ораторъ В. Гессенъ", заявилъ деп. Пуришкевичъ (с. о. т. II, с. 1595), какъ бы нарочно напоминая въ этотъ послѣдній день существованія Думы выраженіе солидарности съ „товарищемъ Родичевымъ", которое онъ же высказалъ, когда Дума (во время преній по продовольственному вопросу) совершала первый актъ открытаго отреченія отъ своихъ правъ.

[2]) С. о. т. II, с. 1593—4.

[3]) С. о. т. II, с. 1580.

[4]) Ib., с. 1595—6.

[5]) Любопытно отмѣтить, что правые ораторы очень мало думали о томъ, что говорить, и старались лишь затянуть преніе. Такъ вышло, что деп. Крупенскій явился неожиданнымъ защитникомъ введенія земства въ Царствѣ Польскомъ и употребленія мѣстныхъ языковъ въ судѣ: «Нельзя судить на языкѣ непонятномъ. Нельзя судить по русски, если люди, которые подлежатъ суду, не понимаютъ его. Я стою за національные языки на судѣ и вмѣняю знаніе ихъ въ обязанность судей». С. о. т. II, с. 1597—8.

тельности и растерянности. Вторая—тонула въ смѣшномъ и позорномъ желаніи показать свою „лояльность“ и потому отказывалась „поставить въ порядокъ дня обсужденіе насущнѣйшихъ вопросовъ народной жизни въ тотъ моментъ, когда правительство, по безсмертному выраженію Карла Маркса, поставило штыки въ порядокъ дня“ [1]). И когда—уже въ полномъ соотвѣтствіи съ наказомъ—деп. Джапаридзе внесъ предложеніе назначить вечернее засѣданіе для обсужденія доклада бюджетной комиссіи, к.-д. ораторъ П. Струве нашелъ въ себѣ печальное мужество возразить: „если вы будете искать повода, чтобы устроить засѣданіе для произнесенія громкихъ рѣчей, то вы можете устроить его по какому угодно поводу. Но, если вы желаете до конца сохранить спокойствіе и помнить о возложенныхъ на васъ задачахъ, то вы такимъ образомъ не поступите“ [2]).

201 голосомъ противъ 157 вечернее засѣданіе было отвергнуто. Своимъ поведеніемъ думскій центръ заранѣе давалъ обѣщаніе не оказывать планамъ министерства никакого сопротивленія. И, какъ бы нарочно для того, чтобы подчеркнуть жалкое и смѣшное положеніе, въ которое ставило Думу ея большинство, 4 к.-д.-ихъ члена слѣдственной комиссіи (П. Струве, В. Маклаковъ, С. Булгаковъ и М. Челноковъ) отправились ночью къ предсѣдателю совѣта министровъ для переговоровъ о „спасеніи“ Думы...

Ночью были арестованы всѣ наличные члены с.-д-ой фракціи, а утромъ 3 іюня появился указъ о роспускѣ Думы и манифестъ. Перечисливъ погрѣшенія Думы („духъ вражды“ въ ея средѣ, медленность разсмотрѣнія правительственныхъ законопроектовъ, отклоненіе законовъ о восхваленіи преступныхъ дѣяній и пропагандѣ въ войскахъ, отказъ „отъ осужденія убійствъ и насилій“, медленное разсмотрѣніе бюджета, превращеніе права запросовъ въ „способъ борьбы съ правительствомъ“ и т. п.), манифестъ продолжалъ:

„Наконецъ, свершилось дѣяніе, неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи. Судебною властью былъ раскрытъ заговоръ цѣлой части Г. Думы противъ Государства и Царской Власти. Когда же Правительство Наше потребовало временнаго, до окончанія суда, устраненія обвиняемыхъ въ преступленіи этомъ 55 членовъ Думы и заключенія наиболѣе уличаемыхъ изъ нихъ подъ стражу, то Г. Дума не исполнила немедленно законнаго требованія властей, не допускавшаго никакого отлагательства.

„Все это побудило Насъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 3-го сего іюня, Г. Думу второго созыва распустить, опредѣливъ срокъ созыва новой Думы на 1 ноября сего 1907 года.

„Но вѣря въ любовь къ Родинѣ и государственный разумъ народа

---

1) Ib., c. 1607.
2) Ib., c. 1608.

Нашего, Мы усматриваемъ причину двукратнаго неуспѣха дѣятельности Г. Думы въ томъ, что, по новизнѣ дѣла и несовершенству избирательнаго закона, законодательное учрежденіе это пополнялось членами, не явившимися настоящими выразителями нуждъ и желаній народныхъ.

„Посему, оставляя въ силѣ всѣ дарованныя подданнымъ Нашимъ Манифестомъ 17-го октября 1905 года и Основными Законами права, воспріяли Мы рѣшеніе измѣнить лишь самый способъ призыва выборныхъ отъ народа въ Г. Думу, дабы каждая часть народа имѣла въ ней своихъ избранниковъ.

„Созданная для укрѣпленія Государства Россійскаго, Г. Дума должна быть русскою и по духу.

„Иныя народности, входящія въ составъ Державы Нашей, должны имѣть въ Г. Думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто русскихъ.

„Въ тѣхъ же окраинахъ Государства, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ Г. Думу должны быть временно пріостановлены.

„Всѣ эти измѣненія въ порядокъ выборовъ не могутъ быть проведены обычнымъ законодательнымъ путемъ черезъ ту Г. Думу, составъ коей признанъ Нами неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе несовершенства самого способа избранія ея членовъ. Только Власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической Власти Русскаго Царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ“.

Этотъ новый избирательный законъ, подробно разработанный, былъ опубликованъ въ тотъ же день...

VIII.

3-е іюня 1907 г.

О соціально-политическомъ смыслѣ акта 3-го іюня выразительно говорятъ какъ самый способъ совершенія этого акта, такъ и характеръ измѣненій, внесенныхъ имъ въ избирательные законы 6 августа и 11 декабря 1905 г.

Измѣненія эти отразились, между прочимъ, и на самомъ числѣ членовъ Г. Думы, которое понизилось съ 524 до 442. Убыль 82 депутатовъ явилась, главнымъ образомъ, въ результатѣ стремленія сдѣлать Думу „русскою по духу“. Это стремленіе выразилось въ сокращеніи избирательныхъ правъ *окраинъ и инородцевъ*. Число депутатовъ Польши сокращено съ 37 до 14:

Кавказа—съ 29 до 10; Сибири—съ 21 до 15 [1]). Совсѣмъ лишены были избирательнаго права: области Степного и Туркестанскаго генералъ-губернаторствъ [2]), Тургайская, Уральская и Якутская, казаки Сибирскаго войска, калмыки и киргизы Астраханской и Ставропольской губ.

Въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ была выдѣлена особая „русская" курія, и кромѣ того новый законъ давалъ министру внутреннихъ дѣлъ широкую возможность дѣлить избирателей всѣхъ разрядовъ и на всѣхъ ступеняхъ избирательной лѣстницы на „отдѣленія" по мѣстностямъ, роду владѣемаго ценза или національностямъ.

Главнѣйшія измѣненія по отдѣльнымъ избирательнымъ куріямъ таковы:

Въ куріи *землевладѣльцевъ* лишены права участія въ избирательныхъ съѣздахъ управляющіе и арендаторы хотя бы и полноцензовыхъ имѣній. Возможность созданія особыхъ „отдѣленій" крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, съ распредѣленіемъ между ними выборщиковъ пропорціонально количеству владѣемой земли, обезпечивала преобладаніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Число выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ сильно увеличено. Прежде лишь въ 2 губерніяхъ (Минской и Полтавской) выборщики отъ землевладѣльцевъ составляли половину или болѣе половины всего числа выборщиковъ по губерніи; по закону 3 іюня—въ 32 изъ 53 губерній и областей Евр. Россіи (со включеніемъ губерній Томской и Тобольской).

Городская курія была раздѣлена на 2 разряда. Въ первый вошли лишь крупные владѣльцы недвижимыхъ имуществъ и крупные торговцы и фабриканты; во второй—всѣ остальные городскіе избиратели. При этомъ первой куріи дано право посылать почти въ $1^1/_2$ раза больше выборщиковъ, чѣмъ второй. Изъ 26 городовъ, пользовавшихся правомъ самостоятельнаго представительства, это право сохранено лишь за 7-ю (Петербургъ, Москва, Варшава, Кіевъ, Лодзь, Одесса, Рига). При этомъ лишь въ 2 городахъ (Варшавѣ и Лодзи) сохраненъ прежній порядокъ выборовъ [3]). Въ остальныхъ же 5 введены прямые выборы и раздѣленіе на 2 разряда, каждый изъ которыхъ выбираетъ по 3 депутата въ Петербургѣ, по 2—въ Москвѣ и по 1—въ Кіевѣ, Одессѣ, Ригѣ.

Въ *крестьянской куріи* главнѣйшее измѣненіе сводится къ уменьшенію болѣе чѣмъ на половину числа крестьянскихъ выборщиковъ. Затѣмъ были внесены въ законъ всѣ тѣ ограниченія избирательныхъ правъ кресть-

---

[1]) Сокращеніе избирательныхъ правъ Сибири при неприкосновенности правъ Прибалтійскаго края показываетъ, что въ противо-окраинной политикѣ новаго закона не всегда играли роль націоналистическія соображенія. При сокращеніи числа депутатовъ отъ окраинъ были лишены самостоятельнаго представительства города: Тифлисъ, Баку, Иркутскъ.

[2]) Лишился представительства (самостоятельнаго) и городъ Ташкентъ.

[3]) Впрочемъ въ Варшавѣ одно изъ 2 депутатскихъ мѣстъ предоставлено «русскимъ» избирателямъ, которые выбираютъ отдѣльно 20 выборщиковъ.

янъ, которыя были установлены сенатскими „разъясненіями“. Наконецъ, ст. 83 новаго закона требуетъ, чтобы избраніе крестьянскихъ уполномоченныхъ производилось „наличнымъ составомъ выборныхъ отъ сельскихъ и станичныхъ обществъ, избранныхъ для рѣшенія текущихъ дѣлъ“. Т. е. допускавшіеся раньше перевыборы волостныхъ сходовъ спеціально для выборовъ въ Г. Думу теперь отмѣнялись.

По *рабочей куріи* особыхъ измѣненій произведено не было, но число выборщиковъ отъ рабочихъ сократилось, т. е. исчезли особыя отъ губернскихъ рабочія куріи въ тѣхъ городахъ, которые раньше имѣли самостоятельное представительство [1]), а теперь его лишились.

Общій характеръ измѣненій въ избирательномъ правѣ можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія числа выборщиковъ по законамъ 11 декабря 1905 г. и 3 іюня 1907 года по 53 губерніямъ и областямъ [2]).

КУРІИ.	Число выборщиковъ. По зак. 11 д.	Число выборщиковъ. По зак. 3 іюня.	То-же въ %% къ общему числу выб. По зак. 11 д.	То-же въ %% къ общему числу выб. По зак. 3 іюня.
Землевладѣльцы	1952	2594 [3])	31,8	49,0 [4])
Горожане I разр.	1372	788	22,4	14,9
Горожане II разр.		590		11,1
		1378		26,0
Крестьяне.	2659	1168	43,4	22,1
Рабочіе	150	150	2,4	2,8
Всего	6133	5290	100,0	100,0

Эта табличка ярко иллюстрируетъ смыслъ акта 3 іюня: въ пользу помѣщиковъ противъ рабочихъ, крестьянъ и городской демократіи. Крупная буржуазія городовъ получила львиную долю того вліянія на исходъ выборовъ, которое было представлено городской куріи. Но тѣ же цифры говорятъ о томъ, что она можетъ по новому закону реально использовать эту долю

---

[1]) Изъ этихъ 26 городовъ особой рабочей куріи не было лишь въ 5: Вильнѣ, Иркутскѣ, Кишиневѣ, Самарѣ и Ташкентѣ. Здѣсь рабочіе выбирали только какъ квартиронаниматели. Само собою понятно, что уничтоженіе самостоятельнаго представительства городовъ, гдѣ рабочіе могли оказывать наибольшее вліяніе на исходъ выборовъ, означало полное лишеніе рабочихъ избирательнаго права

[2]) Сюда входятъ 51 губ. и обл. Европейской Россіи (безъ Польши и Кавказа) и 2 сибирскія губерніи (Томская и Тобольская). Въ цифры выборщиковъ по городской куріи не входятъ выборщики по городамъ, имѣвшимъ или сохранившимъ самостоятельное представительство.

[3]) Т. к. въ губ. Арханг., Ставроп., Тобольской и Томской особой землевл. куріи не существуетъ и землевл. выбираютъ вмѣстѣ съ город. избир. 1-го разр., то эти 2594 выборщика приходятся лишь на 49 губ. съ общимъ числомъ выборщиковъ 5025. Т. е. въ этихъ 49 губ. выборщикамъ отъ землевладѣльцевъ принадлежитъ абсолютное большинство.

[4]) См. предыд. прим.

лишь въ той мѣрѣ, въ которой прислоняется къ помѣщикамъ, въ рукахъ которыхъ фактически находится судьба выборовъ.

Правда, закономъ 3 іюня право на полученіе по крайней мѣрѣ одного депутатскаго мѣста по губерніи, принадлежавшее раньше лишь крестьянской куріи, распространено въ извѣстной степени и на остальныя куріи [1]).

Но въ то время, какъ по старому закону избраніе „обязательнаго“ крестьянскаго депутата было предоставлено самимъ крестьянскимъ выборщикамъ, теперь „обязательные“ депутаты отъ всѣхъ курій выбираются всѣмъ составомъ избирательнаго собранія. Нуженъ очень однородный составъ выборщиковъ по отдѣльнымъ куріямъ, чтобы воля чисто-помѣщичьяго или помѣщичье-крупнобуржуазнаго большинства этихъ собраній не могла идти рѣзко въ разрѣзъ съ волею самой куріи [2]).

Такимъ образомъ, актомъ 3 іюня была создана для дворянства возможность осуществленія своихъ цѣлей посредствомъ того аппарата „представительнаго строя“, который былъ порожденіемъ революціонной эпохи. Всѣ внѣшнія формы этого аппарата были сохранены въ виду необходимости считаться какъ съ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, такъ и съ тѣми кругами капиталистической буржуазіи, на испугѣ которыхъ и готовности содѣйствовать „твердой власти“ въ ея борьбѣ съ революціей была основана новая политическая комбинація. Но, въ дѣйствительности, былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ къ опустошенію того содержанія, которое было въ эти формы вложено 17-го октября, была на практикѣ примѣнена къ новому „представительному строю“ теорія „самодержавія, осуществляемаго въ новыхъ путяхъ“

Правительственная печать почти не скрывала этого. „Новое Время“

---

1) Въ 49 изъ 53 губ. обязательно избраніе 1 деп. изъ куріи землевладѣльцевъ; въ 25—одного изъ I или II разряда городской куріи; въ 26—по одному отъ каждаго разряда городской куріи: въ 3—одного отъ казачьихъ станицъ; въ 6—одного отъ рабочихъ. Отъ крестьянъ въ каждой губерніи должно быть выбрано обязательно по 1 депутату.

2) Сравненіе партійнаго состава 3-ей Думы съ партійнымъ составомъ 1-ой и 2-й показываетъ, какъ отразился новый избирательный законъ на результатахъ выборовъ. Вотъ цифры для 3-ей Думы по подсчетамъ приставской части (цит. по Рѣчи, 29 ноября 1910):

		Въ %%
Правые	52	11,8
Націоналисты	93	21,1
Правые октябристы	12	2,7
Октябристы	118	26,8
Безпартійные	19	4,3
Польское коло	18	4,1
Мусульм. фракція	9	2,0
Прогрессисты	40	9,1
К.-д.	51	11,6
Трудовики	13	3,0
С.-д.	15	3,4
	440	

писало: „Говорили, что этимъ (актомъ 3 іюня) нарушена неприкосновенность основныхъ законовъ, а слѣдовательно вся наша конституція оказывается зданіемъ на пескѣ. Совершенно вѣрно, но если таковъ фактъ нашей юной конституціонной жизни, то не доказываетъ ли онъ съ несомнѣнностью, что въ ходячемъ учетѣ нашего положенія и нашихъ политическихъ силъ очень крупную, едва-ли даже не самую крупную роль играютъ не реальныя величины, а мнимыя, созданныя всецѣло воображеніемъ тѣхъ, кто считалъ эти мнимыя величины за дѣйствительныя, и даже за большія силы?“[1]).

Актъ 3-го іюня и имѣлъ цѣлью выразить господство „реальныхъ величинъ“ даннаго момента. Но именно поэтому онъ создалъ положеніе, пропитанное противорѣчіями и носившее въ самомъ себѣ залогъ близкой гибели. Политическая диктатура дворянства опиралась отнюдь не на возрастаніи его соціальной мощи и крѣпости въ результатѣ революціонныхъ потрясеній. Наоборотъ, соціальные корни дворянскаго землевладѣнія были революціей окончательно подорваны, и, какъ мы видѣли, дворянство и выполнявшее его программу правительство всѣ усилія напрягали не столько на то, чтобы задержать ликвидацію дворянскаго землевладѣнія, сколько на то, чтобы сдѣлать эту ликвидацію для себя наиболѣе выгодною. Для огражденія своихъ экономическихъ выгодъ дворянство вынуждено было собственными руками проводить въ жизнь систему аграрныхъ мѣропріятій, которыя, при всей болѣзненности ихъ для крестьянскихъ массъ, въ конечномъ счетѣ двигали впередъ буржуазное развитіе деревни и тѣмъ самымъ подрывали возможность сохраненія патріархально-кабальныхъ формъ эксплоатаціи крестьянъ помѣщиками.

На фонѣ этого основного противорѣчія развивались и всѣ другія противорѣчія третье-іюньской политической диктатуры дворянства, использовавшаго въ своихъ интересахъ не только политическое безсиліе старой бюрократіи, но и временныя настроенія верховъ буржуазнаго общества, не удовлетворенныхъ соціально-политическими результатами революціи, но напуганныхъ ея быстрымъ развитіемъ.

Такъ создался строй, официальной цѣлью своей выставлявшій „успокоеніе“ и въ то же время, для оправданія своего существованія, самъ констатировавшій вездѣ и всюду наличность неумирающихъ элементовъ революціонизированія страны, требующихъ увѣковѣченія режима „бѣлаго террора“; строй, въ которомъ былой абсолютизмъ бюрократіи возстанавливается въ конституціонной оболочкѣ, а въ формѣ законодательныхъ палатъ функціонируютъ учрежденія, имѣющія фактически законосовѣщательный характеръ, строй, въ которомъ усиленіе репрессіи и бюрократическаго воздѣйствія на всѣ сферы народной жизни достигается путемъ ослабленія централизаціи власти, а царство административнаго произвола сочетается съ наличностью формально сохра-

[1]) „Новое Время“, 12 іюня 1907 г. „Новый избирательный законъ“

нившейся легальной арены для открытой организаціи общественныхъ силъ; строй, въ которомъ демагогическій великорусскій націонализмъ покоится на устраненіи русскихъ народныхъ массъ отъ участія въ политической жизни, и стремленіе играть болѣе активную роль въ міровой политикѣ опирается на глубокій застой внутри страны.

Глубокая противорѣчивость третье-іюньскаго строя дѣлала его съ самаго начала крайне неустойчивымъ. Каждое противорѣчіе создавало въ третье-іюньскомъ зданіи щель, напирая на которую общественныя силы буржуазнаго общества, получившія отъ революціи могучій импульсъ къ развитію, расшатывали и подготовляли крушеніе всего зданія. И только затяжной экономическій кризисъ, совпавшій съ пораженіемъ революціи и обусловившій сравнительную вялость развитія всѣхъ общественныхъ отношеній, замедлялъ и этотъ процессъ разложенія ублюдочнаго строя, оформленнаго актомъ 3 іюня 1907 года.

Но и ублюдочнаго характера этого строя было достаточно, чтобы закончить начатое революціей и ея предвѣстниками сведеніе старой государственной власти съ того „надклассоваго“, мистическаго пьедестала, на который она пыталась поставить себя „великими реформами“, и превращеніе ея—очевидно для всѣхъ и для нея самой—въ активную участницу той классовой борьбы, развитію которой дала мощный толчокъ революція...

Ф. Данъ.

Національныя движенія.

К. ЗАЛЕВСКІИ.

Національныя движенія [1]).

I.

Освободительное движеніе 1905 г. дало сильный толчекъ развитію національной культуры народовъ, населяющихъ Россійское Государство. Національный вопросъ, игравшій, впрочемъ, всегда важную роль въ общественной жизни, въ настоящее время выступаетъ, какъ одинъ изъ наиболѣе насущныхъ и злободневныхъ вопросовъ.

Борьба, охватившая въ 1905 г. все россійское государство, втянула въ водоворотъ политической жизни широкія массы его разноплеменнаго населенія, вывела ихъ изъ подполья, возбудила въ нихъ интересъ къ тѣмъ многочисленнымъ вопросамъ, которые тогда впервые встали на очередь дня, расширила ихъ умственный кругозоръ, обогатила ихъ духовную жизнь. Когда же широкія народныя массы проснулись къ духовной жизни, послѣдняя приняла у нихъ форму національно-культурнаго самоопредѣленія; сталъ развиваться и обогащаться національный языкъ, стали развиваться публицистика, литература, искусство. Все это усложнило разрѣшеніе національнаго вопроса въ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, придало ему особенно важное значеніе.

Въ теченіе этихъ памятныхъ лѣтъ впервые намѣчена была формула національнаго самоопредѣленія различныхъ народовъ, соотвѣтствующая современнымъ условіямъ ихъ жизни.

Такъ какъ въ развитіи этихъ условій замѣтны, съ одной стороны, тенденціи, содѣйствующія сплоченію ихъ отдѣльныхъ классовъ, какъ то общія условія развитія, формы національной культуры, политическій и въ частности національный гнетъ, а съ другой стороны—тенденціи, разъединяющія эти классы, создаваемыя развивающеюся подъ вліяніемъ капиталистическаго развитія классовой борьбой, то поэтому формула національнаго самоопредѣленія явилась общей для всѣхъ классовъ каждой націи, но у каждаго изъ

[1]) *Отъ редакціи*: статья К. Залевскаго „Національныя движенія“ и слѣдующая за ней статья А. Коллонтай „Общественное движеніе Финляндіи“ печатается въ этомъ томѣ, по случайнымъ обстоятельствамъ не войдя во 2-й томъ, посвященный описанію массовыхъ движеній.

нихъ получила специфическое классовое содержаніе. Если, напр., данная нація выставляла требованіе территоріальной автономіи той страны, которую она населяетъ, то зато каждый изъ ея общественныхъ классовъ представлялъ себѣ иначе степень демократизаціи автономныхъ учрежденій, а иногда и предѣлы ихъ компетенцій.

Но процессъ національнаго самоопредѣленія достигъ въ 1905 и послѣдующихъ годахъ сравнительно незначительной степени развитія; онъ на своемъ пути встрѣтилъ крупныя препятствія въ сложности создаваемыхъ капиталистическимъ развитіемъ общественныхъ отношеній и прежде всего въ томъ смѣшеніи національностей на каждой территоріи, которое является продуктомъ этого развитія. Если во многихъ случаяхъ намѣчено отношеніе окраинъ къ центру, необходимое въ интересахъ ихъ общественнаго развитія, то зато почти ничего не сдѣлано для опредѣленія взаимныхъ отношеній націй, населяющихъ отдѣльныя окраины. У многихъ же народовъ сама попытка національнаго самоопредѣленія проявилась лишь въ самой примитивной формѣ.

Характеристика національныхъ движеній въ Россіи представляетъ очень обширную тему [1]), даже несмотря на то, что характеристика классовыхъ организацій отдѣльныхъ націй въ нее не входитъ.

Для того, чтобы разработать ее во зможно полнѣе, мы дѣлимъ народы, населяющіе Россію, на 4 категоріи и по порядку разсмотримъ каждую изъ нихъ: 1) народы западныхъ окраинъ: поляки, литовцы, латыши, эсты, малороссы и бѣлоруссы; 2) экстерриторіальная нація, населяющая разныя окраины Россіи—евреи; 3) кавказскіе народы и примыкающіе къ нимъ: грузины, армяне, татары; 4) инородцы Сибири и мелкія племенныя группы, разсѣянныя въ Восточной и Сѣверной Россіи.

Мы, конечно, должны будемъ сосредоточить наше вниманіе на тѣхъ народахъ, у которыхъ національное движеніе приняло самые крупные размѣры.

Начнемъ поэтому съ поляковъ.

* * *

Царство Польское—территорія, на которой сосредоточено большинство поляковъ, заселено также и другими народами; въ немъ именно живутъ: поляки въ количествѣ 7.810.000, евреи—1.700.000, литовцы—600 тысячъ слишкомъ, малороссы и русскіе,—740.000, нѣмцы—451.000. Равнымъ образомъ, поляки, наряду съ Царствомъ Польскимъ, населяютъ также разныя

[1]) Мы считаемъ лишнимъ опредѣленіе количества народовъ, населяющихъ Россію, ибо опредѣленіе національной физіономіи многихъ изъ нихъ находится еще въ процессѣ развитія.

губерніи Литвы и даже центральной Россіи и Сибири, а также страны, не входящія въ составъ Россіи; а именно въ остальной части государства ихъ живетъ свыше 2.000.000, въ Австрійской и Прусской Польшѣ вмѣстѣ— около 2.000.000; въ Америкѣ и Австраліи свыше—2.000.000.

Царство Польское является центромъ развитія польской культуры; оно вмѣстѣ съ тѣмъ отличается высокою степенью экономическаго развитія и относится къ наиболѣе промышленнымъ областямъ государства. Сумма производства польской промышленности наканунѣ революціи достигала 600 м. р.; сумма производства земледѣльческихъ продуктовъ—300 м. р. Высокой степенью своего промышленнаго развитія Царство Польское обязано прежде всего сбыту продуктовъ его производства на русскихъ и восточныхъ рынкахъ, а равно спеціальнымъ заботамъ русскаго правительства, руководимаго, конечно, своими узкими фискальными интересами. Но въ значительной мѣрѣ развитію этому содѣйствовало введенное въ краѣ еще въ началѣ XIX ст. гражданское законодательство, основанное на кодексѣ Наполеона I.

Если съ одной стороны, русское правительство выказывало заботы о промышленномъ развитіи Царства Польскаго, то съ другой оно сильно тормозило его культурное развитіе, надѣясь, что путемъ преслѣдованія польскаго языка и другими репрессивными мѣрами ему удастся достигнуть полнаго культурнаго и политическаго сліянія этого края съ остальной Россіей. И вотъ, польскій языкъ былъ удаленъ изъ школъ, гдѣ раньше велось на немъ преподаваніе, и изъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, гдѣ по закону допускалось его употребленіе. Въ теченіи 47 лѣтъ край находился подъ давленіемъ исключительныхъ положеній. Лица польскаго происхожденія и даже лишь католическаго вѣроисповѣданія не допускались на государственную службу.

Въ 9 западныхъ губерніяхъ имъ воспрещалась даже покупка земли. Въ результатѣ этой политики получилось паденіе культурнаго уровня населенія Царства Польскаго. По послѣднимъ даннымъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, средняя цифра безграмотныхъ среди происходящихъ оттуда новобранцевъ—61,7%, въ то время какъ среди новобранцевъ изъ 48 губерній Европейской Россіи лишь 37%. Характерно, что число малолѣтнихъ преступниковъ возросло въ этомъ краѣ до 46%, во внутреннихъ же губерніяхъ составляетъ 14%; изъ числа осужденныхъ судомъ—80% безграмотныхъ. Такое положеніе дѣлъ особенно тяжело для рабочихъ массъ и для интеллигенціи. Но оно отражается косвенно и на промышленности и на интересахъ всего населенія, не исключая крупной капиталистической буржуазіи, ибо низкій культурный уронень массъ не благопріятствуетъ экономическому развитію страны, не говоря уже о томъ, что и бюрократическая политика вообще и въ частности существующая въ Польшѣ налоговая система вредны

въ большей или меньшей степени для всѣхъ слоевъ населенія Польши. Не смотря на все это, культурное развитіе Польши сдѣлало въ теченіе 100 лѣтъ ея принадлежности къ Россіи крупные успѣхи, что въ значительной мѣрѣ было слѣдствіемъ быстраго ея экономическаго развитія.

На основаніи анализа послѣдняго можно было заключить еще задолго до начала россійской революціи, что поляки, составляющіе около 70% населенія этого края, въ соотвѣтствующій моментъ энергично выступятъ на борьбу за необходимыя для нихъ политическія и національныя права, но что сложившаяся въ процессѣ этой борьбы формула національнаго самоопредѣленія найдетъ себѣ выраженіе не въ стремленіи къ отторженію Польши отъ Россіи, а въ требованіи демократизаціи государственнаго строя послѣдней и на этой почвѣ особыхъ правъ, гарантирующихъ свободное развитіе польскаго народа. Первое было очевидно изъ того, что въ Царствѣ Польскомъ быстро развивался капитализмъ, давая толчекъ развитію польской національной культуры и создавая пролетаріатъ,—классъ, способный отстаивать ея права; второе—изъ того, что капитализмъ, вслѣдствіе присущихъ ему тенденцій, сплачиваетъ узами общности интересовъ отдѣльные классы польскаго народа съ соотвѣтствующими классами населенія Россіи. И формула національнаго самоопредѣленія была намѣчена въ этомъ направленіи польскими марксистами въ то время, когда въ средѣ широкихъ народныхъ массъ еще не замѣчалось проявленій самодѣятельностн. Для того, чтобы уяснить, какимъ образомъ постепенно складывались тѣ политическіе идеалы, которые опредѣлились въ періодъ 1905—1907 гг., мы должны бросить бѣглый взглядъ на развитіе польской политической мысли. Въ 70 г.г. дифференціація народныхъ массъ Польши еще очень слаба. Большинство интеллигенціи группируется около А. Свентоховскаго и нѣсколькихъ его сотрудниковъ, превозгласившихъ т. н. „программу органическаго труда“ и извѣстныхъ подъ названіемъ „позитивистовъ“. Это періодъ „просвѣщенія“.

Суть новой программы состоитъ съ томъ, что съ точки зрѣнія ея творцовъ не вооруженная борьба, а дѣятельность, направленная на развитіе внутреннихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ польскаго народа ведетъ къ возрожденію. Привязанности польскихъ патріотовъ къ политической формѣ—къ идеалу независимой Польши—позитивизмъ противоставляетъ привязанность къ внутреннему содержанію національной жизни—къ культурѣ націи; красивымъ демократическимъ фразамъ—демократическое дѣло: развитіе самодѣятельности массъ и повышеніе ихъ умственнаго уровня; націонализму—хорошо понятый національный интересъ: сближеніе съ другими націями и признаніе ихъ правъ на національное развитіе.

Позитивисты впервые въ Польшѣ взялись за осуществленіе лучшихъ стремленій „Демократическаго Общества“ 30 г.г. XIX ст.

Позитивизмъ содѣйствовалъ глубокому духовному перерожденію польской интеллигенціи. Онъ отразился и въ области изящной литературы, давъ толчекъ къ ея развитію, къ преобладанію въ ней реалистическаго направленія, вдохнувъ въ нее духъ демократизма и здороваго индивидуализма, присущаго обыкновенно періоду просвѣщенія,

А. Свентоховскій, Б. Прусъ, А. Аснывъ, Э. Оржешко, М. Конопницкая, Северъ и др.—вотъ представители изящной литературы въ періодъ позитивизма.

На почвѣ, удобренной его идеями, развилась польская политическая мысль какъ соціалистическаго, такъ и буржуазныхъ направленій.

„Программа органическаго труда“ была лишь реакціей противъ политической романтики предыдущаго періода; она не содержала политическихъ требованій.

Таковыя впервые послѣ 1863 г. выставляются соціалистическими партіями. Конечно, надо помнить, что это не были партіи въ западно-европейскомъ значеніи этого слова, а небольшія тайныя группки интеллигенціи и рабочихъ, имѣвшія очень ограниченную связь съ рабочими массами, относившимися тогда еще очень пассивно къ вопросамъ политической жизни.

Эти партіи впервые вносятъ сознаніе въ среду рабочихъ массъ, первыя будятъ въ нихъ интересъ къ этимъ вопросамъ, и потому, несмотря на свою малочисленность, имѣютъ крупное общественное значеніе. Первой и единственной въ свое время революціонной партіей была соціалистическая группа „Пролетаріатъ“. Принадлежавшіе къ ея руководителямъ піонеры польскаго марксизма К. Длусскій, В. Пекарскій и одинъ изъ ея организаторовъ Л. Варынскій учли тенденціи общественнаго развитія Польши и указали путь къ созданію формулы національнаго самоопредѣленія польскаго народа, выяснивъ, что польскій пролетаріатъ можетъ достигнуть своего національнаго и политическаго освобожденія, вообще лишь борьбой, совмѣстной съ революціонными элементами Россіи, за радикальное преобразованіе ея политическаго устройства. Два первыхъ писателя полагали, что интересы польской буржуазіи указываютъ и ей тотъ же путь. 12 лѣтъ спустя Роза Люксембургъ, произведя анализъ промышленнаго развитія Польши, дала богатый матеріалъ для обоснованія политическаго прогноза первыхъ польскихъ марксистовъ. Когда же въ средѣ массъ появляются первые, еще очень слабые проблески политическаго сознанія, Соціалъ-демократія Польши и Литвы на своемъ III съѣздѣ выставляетъ требованіе автономіи польскаго народа на почвѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи.

Такъ намѣчается формула самоопредѣленія польскаго народа на основаніи анализа тенденцій общественнаго развитія населенной имъ страны.

Правда, наряду съ С.-Д. Ц. П. и Л. пользуется вліяніемъ среди ра-

бочихъ другая группа—Польская Соціалистическая партія (П. П. С.), выставившая въ своей программѣ требованіе возстановленія Польши, какъ независимаго государства, но она выставляетъ этотъ постулатъ не на основаніи анализа той объективной обстановки, въ которой развивается Польша, а выводитъ таковой изъ общихъ положеній соціализма и субъективной оцѣнки интересовъ польскаго пролетаріата.

И ея программу слѣдуетъ разсматривать, съ одной стороны, какъ реакцію противъ національнаго гнета, подъ игомъ котораго страдаетъ польскій народъ, и примиренческой политики по отношенію къ виновницѣ этого гнета—русской бюрократіи, политики, обнаружившейся въ средѣ польскихъ буржуазныхъ классовъ; съ другой, какъ слѣдствіе невозможности бороться съ національнымъ гнетомъ въ виду индифферентизма польскихъ народныхъ массъ и затишья въ русскомъ революціонномъ движеніи.

Польское дворянство и духовенство уже вскорѣ послѣ пораженія возстанія 1863 г. пошло на путь соглашеній съ феодальными элементами Россіи, покорно преклонивъ голову передъ ихъ могуществомъ. Что касается буржуазіи, то бюрократическій строй не отвѣчаетъ ея интересамъ, разсматриваемымъ въ ихъ цѣломъ; но заботы бюрократіи о развитіи польской промышленности, потребность польской буржуазіи въ защитѣ ея интересовъ на международномъ рынкѣ, потребность особенно сильная въ странахъ съ запоздалымъ экономическимъ развитіемъ, и наконецъ интенсивная борьба польскихъ рабочихъ за ихъ повседневные экономическіе интересы, начавшаяся въ концѣ 80 г.г.,—все это надолго сближаетъ ее съ бюрократіей: интересы одного періода развитія берутъ верхъ надъ интересами классовыми въ ихъ цѣломъ.

Развитіе рабочаго движенія и распространеніе въ Польшѣ привнесенныхъ туда съ запада идей соціализма упрочили это сближеніе и въ то же время заставили польскую буржуазію искать союза съ польскимъ дворянствомъ и защиты у католическаго духовенства, пользующагося вліяніемъ на широкія народныя массы, и примириться съ гегемоніей польскихъ феодальныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, наиболѣе значительная часть польскаго народа отказалась не только отъ идеала независимой Польши, за осуществленіе котораго боролись участники польскихъ возстаній, но и отъ борьбы за ограниченіе власти бюрократіи и встала на путь вымаливанія у послѣдней мелкихъ реформъ. Выразительницей стремленій этихъ классовъ явилась группа „примирителей“, т. н. „угодовцевъ“.

Борьба съ крупнымъ капиталомъ на экономической почвѣ, примиренческая политика его представителей, національный гнетъ, отъ котораго наряду съ рабочими и крестьянствомъ сильно страдали средніе слои населенія и особенно интеллигенція, вызвали въ этихъ слояхъ идейную реакцію.

Эта реакція отразилась на характерѣ политическихъ платформъ съ одной стороны образовавшейся въ концѣ 80 г.г. т. н. „Польской Лиги“, представлявшей интересы средней и мелкой буржуазіи и дворянства, съ другой—П. П. С., сгруппировавшей въ своихъ рядахъ слои революціонной интеллигенціи, ставшей подъ знамя соціализма, какъ наиболѣе революціонной идеологіи, а равно находящихся подъ ея вліяніемъ рабочихъ. Обѣ эти организаціи выставляютъ постулатъ возстановленія независимаго польскаго государства. Но мѣняются не только политическія требованія части общества. Реакція постепенно распространяется на всѣ отрасли общественной жизни. Начинается борьба не только противъ политической программы капиталистической буржуазіи, но и противъ „позитивизма“, отъ котораго ведутъ свое происхожденіе и „угода“, и соціализмъ, какъ правое и лѣвое крыло его идейныхъ наслѣдниковъ. Замѣчается поворотъ къ націонализму, къ тактикѣ національныхъ вооруженныхъ возстаній. Постепенно развивается антисемитизмъ, являющійся идейнымъ отраженіемъ конкуренціи польскихъ и еврейскихъ мелкобуржуазныхъ элементовъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Правда, и „Польская Лига“ и особенно П. П. С. требуютъ въ своихъ программахъ равноправія для всѣхъ населяющихъ страну національностей, но въ ихъ повседневной борьбѣ ярко намѣчаются узко-націоналистическія тенденціи. Программа же Націоналдемократической партіи, возникшей изъ Польской Лиги въ 1903 г., носитъ уже опредѣленный антисемитскій характеръ. Реакція противъ „позитивизма“ отражается и въ области изящной литературы, гдѣ постепенно развивается модернизмъ, а мѣсто индивидуализма эпохи просвѣщенія и демократизма занимаетъ индивидуализмъ періода распада буржуазнаго общества, націонализмъ, мистицизмъ, интересъ къ проблеммѣ пола, символизмъ, аристократизмъ духа. Представителями новой эпохи выступаютъ К. Тетмайеръ, С. Пшибышевскій, Я. Каспровичъ, Миріамъ и др.

Но революціонное движеніе, развившееся въ 1904 и 1905 г.г. въ Россіи и Польшѣ, выдвинуло силы для борьбы за политическое и національное освобожденіе польскаго народа и дало толчекъ сближенію революціонныхъ элементовъ обѣихъ странъ и соотвѣтствующему измѣненію въ характерѣ польской политической мысли.

Борьба рабочихъ подъ знаменемъ марксизма была важнѣйшей силой, разбудившей въ 1905 г. стремленіе къ національному освобожденію въ разныхъ слояхъ населенія Польши. Поэтому отличительной чертой польскаго революціоннаго и въ частности національнаго движенія является его международный характеръ, взаимное уваженіе представителей разныхъ слоевъ отдѣльныхъ націй къ правамъ на культурное развитіе каждой изъ нихъ, проявившееся въ ихъ политическихъ требованіяхъ и тождественности этихъ требо-

ваній съ выставленными въ остальныхъ частяхъ государства. И въ теченіи 1905 г. мы не видимъ тамъ никакихъ серьезныхъ признаковъ націонализма вообще и антисемитизма въ частности. Во главѣ массъ находилось революціонное ядро, состоявшее изъ небольшой, наиболѣе сознательной части рабочихъ и интеллигенціи, ставшей на точку зрѣнія интересовъ рабочаго класса.

Отдѣльныя части этого ядра находились въ обѣихъ соціалистическихъ партіяхъ, формально признавали двѣ различныхъ программы, но въ рѣшительные моменты революціонной борьбы 1905 г. онѣ выступали солидарно, во имя вполнѣ тождественныхъ политическихъ требованій.

И все, что было жизнеспособнаго въ странѣ, содѣйствовало этимъ выступленіямъ прямо или косвенно.

Памятный 1905 г. прошелъ въ Польшѣ подъ знакомъ марксизма.

Развитіе сознанія и активности въ средѣ рабочихъ въ теченіе предшествовавшаго революціи продолжительнаго періода ихъ борьбы за повседневные экономическіе интересы подготовило ихъ къ выступленію на арену политической борьбы въ революціонный періодъ; экономическія условія, создавшіяся въ Россіи и Польшѣ подъ вліяніемъ русско-японской войны, благопріятствовали этому выступленію. Такъ какъ польская промышленность развивается, главнымъ образомъ, благодаря сбыту ея продуктовъ на восточныхъ рынкахъ, то война нанесла ей сильный ударъ. Уже въ 1904 г. фабрики стали сокращать производство, и къ началу 1905 г. около 100.000 рабочихъ потеряли работу; положеніе же работавшихъ значительно ухудшилось.

Отношеніе къ войнѣ польскихъ рабочихъ и буржуазіи было очень различно.

Буржуазія, заинтересованная въ гегемоніи Россійскаго государства на Востокѣ, смотрѣла на войну, какъ на близкое ей дѣло. Буржуазная печать заявляла объ общности интересовъ Польши и Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Архіепископъ Попель во главѣ зажиточныхъ классовъ населенія занялся сборами въ пользу русской арміи. Наоборотъ, въ рабочей средѣ замѣчалось крайне недоброжелательное отношеніе къ войнѣ; благодаря ухудшенію ихъ экономическаго положенія, массы стали болѣе чувствительны и къ проявленію политическаго и національнаго гнета. Выставленный соціалъ-демократіей лозунгъ „война противъ войны!“ сразу нашелъ откликъ среди городского рабочаго населенія. Въ теченіе 1904 г. происходятъ въ Варшавѣ и другихъ городахъ Польши антимилитарныя демонстраціи рабочихъ. Онѣ оказали сильное содѣйствіе подготовкѣ массъ къ дальнѣйшимъ выступленіямъ. Эти демонстраціи встрѣтили рѣзкое осужденіе не только со стороны „угодовцевъ“, но и со стороны образовавшейся изъ „Польской Лиги“—Націоналъ-демократической партіи.

Когда же бюрократія потерпѣла рядъ пораженій со стороны японцевъ, а въ Россіи началось либеральное движеніе, тогда и польскіе буржуазные классы выставили требованія политическихъ правъ и гарантій національнаго развитія. Эти требованія отнюдь не отличались сепаратистскимъ храктеромъ. И представители Національ-демократіи на ноябрьской конференціи въ Парижѣ и „угодовцы“, принявшіе вскорѣ названіе партіи реальной политики, въ „меморіалѣ 23“ требуютъ лишь улучшенія положенія польскаго народа въ предѣлахъ россійскаго государства; разница лишь въ томъ, что требованія Н.-Д. радикальнѣе, требованія „реалистовъ“ умѣреннѣе.

Въ меморіалѣ 23 и въ другомъ, составленномъ по порученію Святополкъ-Мирскаго—гр. В. Тышкевичемъ, мы находимъ требованія: введенія въ Польшѣ городскаго и земскаго самоуправленія, введенія польскаго языка въ школахъ и канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, уравненія въ правахъ католическаго и греко-уніатскаго вѣроисповѣданій съ православнымъ.

Одновременно, по иниціативѣ Н-Д. началась „борьба за право“, состоявшая въ томъ, что по всей Польшѣ устраивались гминныя собранія, на которыхъ крестьяне вмѣстѣ съ помѣщиками принимали резолюціи, требовавшія возстановленія въ правахъ польскаго языка, допускавшагося къ употребленію въ дѣлопроизводствѣ по закону, но вытѣсненнаго оттуда администраціей.

Таковы были общественныя отношенія въ Польшѣ наканунѣ январьскихъ событій 1905 г.

* * *

Борьба петербургскихъ рабочихъ, начавшаяся 9 января 1905 г., дала, какъ извѣстно, толчекъ ко всеобщей всероссійской забастовкѣ. Черезъ нѣсколько дней забастовали рабочіе во всей Польшѣ.

Передъ этимъ среди нихъ были распространены воззванія трехъ соціалистическихъ партій—С.-Д. Ц. П. и Л., „Пролетаріата“ и П. П. С. Ихъ содержаніе служитъ до извѣстной степени показателемъ настроенія и стремленіе рабочихъ массъ; поэтому, бросимъ взглядъ на заключавшіяся въ нихъ политическія требованія.

С. Д. Ц. П. и Л. призывала рабочихъ на борьбу, солидарную съ рабочими всей Россіи за созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія, съ цѣлью измѣненія существующаго въ Россіи порядка на демократически-республиканскій и надѣленія Царства Польскаго автономіей. Одинаково по своему характеру было воззваніе „Пролетаріата“. П. П. С. въ первомъ воззваніи выставила лишь экономическія требованія, а во-второмъ—требованіе особаго сейма въ Варшавѣ. Всѣ три партіи выясняли въ своихъ воз-

званіяхъ необходимость полнаго равноправія всѣхъ другихъ національностей Россіи и всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія при выборахъ во всѣ государственныя и общественныя учрежденія. Забастовка охватила почти весь польскій пролетаріатъ. Число бастовавшихъ въ городахъ, мѣстечкахъ и сельскихъ фабрикахъ достигло въ концѣ января 600 тысячъ.

Какъ мы уже отмѣтили, лишь незначительное меньшинство рабочихъ выступало во имя вполнѣ опредѣленныхъ политическихъ требованій. Причины выступленія массъ коренились въ ихъ недовольствѣ своимъ экономическимъ положеніемъ и политическимъ и національнымъ гнетомъ. Онѣ чувствовали потребность выхода изъ создавшагося тяжелаго положенія и пошли за соціалистическими партіями потому, что во 1-хъ лозунги, выставленные послѣдними, указывали такой выходъ, а во 2-хъ рѣшительныя мѣры борьбы, рекомендуемыя ими, отвѣчали революціонному ихъ настроенію. Выступленіе широкихъ рабочихъ массъ въ Польшѣ въ январѣ 1905 г. отнюдь не свидѣтельствуетъ объ ихъ вполнѣ развитомъ политическомъ сознаніи, о томъ, что борьба именно за революціонные лозунги того момента стала ихъ жизненною потребностью, а лишь объ ихъ революціонномъ настроеніи и о томъ, что выходъ изъ положенія, въ которомъ онѣ находились, былъ указанъ партіями въ томъ направленіи, въ которомъ развивались не вполнѣ сознанныя а, быть можетъ, еще и вовсе несознанныя стремленія массъ.

Такъ или иначе, мы видимъ въ январьскихъ событіяхъ въ Польшѣ первое проявленіе среди рабочихъ массъ національнаго самоопредѣленія, мы видимъ, что именно требованіе автономіи Польши на почвѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи выражаетъ ихъ стремленія и становится формулой ихъ національнаго самоопредѣленія. Характерно, что это требованіе, правда, тогда еще въ невполнѣ опредѣленной формѣ, выставляется и П. П. С., которая въ теченіе 12 лѣтъ видѣла единственное средство освобожденія польскаго народа въ борьбѣ за возстановленіе независимаго польскаго государства.

Въ большинствѣ случаевъ выраженіемъ политическихъ стремленій рабочихъ массъ являются лишь лозунги, выставленные соціалистическими партіями. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши, мы встрѣчаемъ попытки формулированія рабочими непосредственно ихъ національныхъ требованій. Такъ, напр., въ мартѣ 1905 г. въ Домбровецкомъ каменноугольномъ районѣ состоялось собраніе делегатовъ, выбранныхъ всѣми фабриками и копями этого района. Это собраніе приняло рядъ требованій, среди которыхъ, на ряду съ требованіями 8 час. рабочаго дня, уничтоженія поштучной платы, государственнаго страхованія рабочихъ, мы находимъ слѣдующія:

1. Обязательное для всѣхъ образованіе; 2. преподаваніе на польскомъ языкѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, 3. употребленіе этого языка въ судѣ, администраціи и полиціи.

Майскія забастовки и демонстраціи въ Варшавѣ и другихъ городахъ Польши, іюньская баррикадная борьба рабочихъ въ Лодзи, всеобщія рабочія забастовки въ октябрѣ и декабрѣ того же года происходили во имя тѣхъ же политическихъ лозунговъ.

Для характеристики революціоннаго рабочаго движенія въ Польшѣ въ 1905 г. необходимо отмѣтить, что въ немъ приняли дѣятельное участіе и еврейскія рабочія массы, призванныя на борьбу „Бундомъ", который, выставивъ въ своихъ воззваніяхъ требованіе созыва всероссійскаго учредительнаго собранія на демократическихъ началахъ гражданскаго и политическаго равноправія всѣхъ угнетенныхъ народовъ, въ области польскаго вопроса занялъ позицію, тождественную съ позиціей С.-Д. Ц. П. и Л.

Въ теченіе всего 1905 г., на ряду съ забастовками фабричныхъ и ремесленныхъ рабочихъ, происходитъ рядъ забастовокъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Эти забастовки носятъ чисто-экономическій характеръ.

Это отнюдь не значитъ, что въ средѣ этой части польскихъ рабочихъ массъ не проявлялась потребность въ измѣненіи не отвѣчавшаго ихъ интересамъ политическаго строя; политическія стремленія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ нашли свое выраженіе, главнымъ образомъ, въ резолюціяхъ, принимавшихся ими совмѣстно съ хозяевами на гминныхъ сходахъ, происходившихъ во второй половинѣ 1905 г., характеристику коихъ мы дадимъ, говоря о крестьянскомъ движеніи.

Рабочее движеніе дало толчекъ движенію непролетарскихъ элементовъ. Подъ его давленіемъ выступили мелкобуржуазныя массы, профессіональная интеллигенція, началась борьба учащейся молодежи за польскую школу, усилилась начатая еще въ 1904 г. „борьба за право", наконецъ выступили съ своими требованіями зажиточные классы націи.

Всѣ эти элементы приняли формулу національнаго самоопредѣленія рабочаго класса, нѣсколько измѣнивъ ее, сообразно своимъ интересамъ и стремленіямъ и вложивъ въ нее свое классовое содержаніе; всѣ они требовали тѣхъ или иныхъ правъ, гарантирующихъ свободное развитіе польскаго народа въ рамкахъ государственнаго строя Россіи.

Стремленія мелкой буржуазіи полнѣе всего выразились въ программѣ Н.-Д., но ея широкія массы часто выступали солидарно съ рабочими; это было съ одной стороны слѣдствіемъ ея боевыхъ традицій, съ другой—подчиненія могуществу пролетарскихъ выступленій; такъ, напр. лавочники неоднократно закрывали лавки, какъ они объясняли, потому, что „такъ приказалъ соціалъ-демократическій комитетъ".

На ряду съ забастовками въ 1905 г. развивается т. н. „митинговое движеніе". На немъ слѣдуетъ остановиться въ виду того, что резолюціи, принимавшіяся на митингахъ, выражаютъ стремленія различныхъ классовъ

народа. Митинги созывались обыкновенно „Союзомъ общественной самопомощи“; кромѣ того, происходили собранія профессіональной интеллигенціи—адвокатовъ, инженеровъ, учителей. И на тѣхъ, и на другихъ большею частью выставлялись требованія созыва всероссійскаго учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого голосованія, и автономіи Польши.

Но бывали случаи, когда въ резолюціяхъ принятыхъ на митингахъ или профессіональныхъ собраніяхъ проявлялись давнія сепаратистскія стремленія интеллигенціи и выставлялись требованія созыва двухъ учредительныхъ собраній—одного для Россіи, другого для Польши и установленія федеративныхъ отношеній между этими странами.

Всѣ эти собранія требовали введенія польскаго языка въ школахъ и правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Консультація присяжныхъ повѣренныхъ при Варшавской Судебной Палатѣ въ особой докладной запискѣ, поданной Генералъ-Губернатору, подробно обосновывала необходимость и законность этого послѣдняго требованія.

Гигіеническія общества въ Варшавѣ и Лодзи, составляя проектъ „созданія нормальныхъ санитарныхъ условій“, связываютъ эту задачу съ задачами, выдвинутыми политическимъ моментомъ, и въ виду этого требуютъ: введенія мѣстнаго самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ съ высшимъ центральнымъ областнымъ органомъ; содѣйствія развитію самодѣятельности массъ и подъему ихъ умственнаго уровня путемъ гарантіи гражданскихъ свободъ и введенія польскаго языка въ преподаваніе и дѣлопроизводство.

Создаются общества профессіональной интеллигенціи, какъ, напр., инженеровъ, адвокатовъ, и входятъ въ составъ общероссійскихъ союзовъ этихъ профессій.

Борьба за польскую школу начинается подъ непосредственнымъ вліяніемъ январьской рабочей забастовки.

Уже 15 января состоялись собранія студентовъ Варшавскаго Политехникума, а затѣмъ Университета, постановившія начать борьбу за введеніе преподаванія на польскомъ языкѣ и свободу для учащихся собраній и союзовъ.

Въ обоихъ этихъ заведеніяхъ занятія прекратились.

Центральный Комитетъ организацій учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній призвалъ этихъ послѣднихъ къ бойкоту русскихъ школъ, и хотя за бойкотъ высказалась лишь $^1/_3$ учениковъ и хотя въ первый же день борьбы начались репрессіи, все же бойкотъ быстро распространился по всей странѣ и охватилъ всѣхъ учащихся. Организаціи бойкота содѣйствовали соціалистическія партіи и различныя организаціи учащейся молодежи, но болѣе всего организаціи учителей, какъ то „Группа воспитателей“ и „Союзъ національзаціи школъ“, возникшіе еще въ концѣ 1904 г.

Въ движеніи приняли участіе не только поляки, но и евреи и русскіе. Въ борьбѣ за польскую школу сыгралъ крупную роль состоявшійся въ Варшавѣ 6 февраля митингъ родителей и опекуновъ молодежи, въ которомъ приняло участіе 1500 человѣкъ. Митингъ призналъ себя общенаціональнымъ и постановилъ въ теченіе года не посылать учащейся молодежи въ русскія школы. Къ борьбѣ присоединились и ученики начальныхъ школъ. „Союзъ общественной самопомощи“ организовалъ временное обученіе молодежи на польскомъ языкѣ. Въ концѣ лѣта сочувствіе бойкоту въ средѣ буржуазныхъ сферъ общества стало слабѣть; часть буржуазной интеллигенціи начала агитацію за его прекращеніе, доказывая, что онъ уже выполнилъ свою задачу, обнаруживъ въ глазахъ польскаго и русскаго общества банкротство русской школы въ Польшѣ и что его продолженіе вредно для края, а въ частности для бѣдной части его населенія. Но учителя, значительная часть учащихся, соціалистическія партіи и организаціи профессіональной интеллигенціи высказываются за продолженіе бойкота, и таковой длится до сихъ поръ. Но число его участниковъ въ настоящее время очень незначительно, что вполнѣ понятно, ибо, будучи слѣдствіемъ развитія революціоннаго движенія, онъ не могъ продолжаться съ прекращеніемъ послѣдняго.

Одновременно съ борьбой рабочихъ и учащейся молодежи развивается крестьянское движеніе.

Въ немъ замѣтно, на ряду съ вліяніемъ обѣихъ соціалистическихъ партій, также вліяніе буржуазныхъ элементовъ, особенно же Н.-Д. Поэтому раньше, чѣмъ дать характеристику этого движенія мы остановимся на выступленіяхъ польской буржуазіи и на программахъ партій, ее представляющихъ, а именно партіи Реальной Политики, Національдемократической и образовавшейся въ 1905 г. Прогрессивно-демократической группы.

Если до революціи польская буржуазія находилась подъ вліяніемъ феодальныхъ элементовъ, то во время революціи она, выступая со своими классовыми требованіями, въ свою очередь побуждаетъ высказываться эти элементы. Мы уже видѣли ихъ общую платформу въ запискахъ 23 и Гр. В. Тышкевича, составленныхъ въ 1904 г. И въ дальнѣйшемъ буржуазія не могла оставаться индифферентной къ вопросу о свободѣ культурнаго народа, ибо этимъ развитіемъ въ значительной мѣрѣ обусловливается развитіе промышленности и ростъ прибавочной стоимости. Не принимая непосредственнаго участія въ борьбѣ, буржуазія неоднократно косвенно поддерживала ее и выставляла свои требованія, стараясь использовать революціонное движеніе для ихъ осуществленія. Позиція ея въ области національнаго вопроса оставалась прежней: она была обусловлена тенденціями развитія польской промышленности и сложившихся на этой почвѣ общественныхъ отношеній, выразившихся, между прочимъ, въ сплоченіи этой страны съ Россіей въ одно цѣлое. Въ виду этого

буржуазія стремилась къ созданію условій, благопріятствующихъ культурному развитію польскаго народа въ предѣлахъ россійскаго государства. Будучи же заинтересована въ спокойномъ ходѣ экономической жизни, она придала своимъ требованіямъ умѣренный характеръ, который давалъ возможность расчитывать на скорое ихъ осуществленіе мирнымъ путемъ. Изъ польскихъ политическихъ партій наиболѣе вѣрно отражала стремленія капиталистической буржуазіи партія Реальной Политики, ограничивавшаяся требованіями: введенія земскаго и городскаго самоуправленія, гарантій польскаго языка въ частной и публичной жизни и равноправія всѣхъ гражданъ, а равно римско-католическаго и уніатскаго вѣроисповѣданій.

Національдемократическая партія, отличавшаяся раньше сепаратистскими стремленіями, бывшими слѣдствіемъ принадлежности къ ней среднихъ слоевъ народа, въ періодъ революціи, по общему характеру своихъ требованій, приближается къ только что охарактеризованной нами партіи Реальной Политики. Она требуетъ: обоснованія государственной принадлежности Польши къ Россіи на началахъ автономіи края, сообразующихся съ національными его особенностями, историческимъ развитіемъ и соціально-экономическимъ строемъ, а именно на началахъ: 1. возстановленія польскаго языка въ публичной жизни и учебныхъ заведеніяхъ; 2. возстановленіи правъ католической и греко-уніатской церкви, и полной свободы всѣхъ вѣроисповѣданій; 3. обоснованія управленія края и его администраціи на мѣстномъ элементѣ; 4. введенія самоуправленія съ участіемъ всѣхъ слоевъ населенія; 5. отбыванія военной службы мѣстными уроженцами въ мирное время въ предѣлахъ края; 6. упраздненія во всемъ государствѣ всѣхъ исключительныхъ законовъ; 7. сообразованія съ мѣстными условіями и традиціями края его законодательства, администраціи, судопроизводства, народнаго просвѣщенія и выработки реформы выбранными лицами, знакомыми съ нуждами и условіями края. Прогрессивно-демократическая партія въ своихъ требованіяхъ, выставленныхъ въ 1905 г., была чужда оппортюнизма партій Реальной Политики и Н.-Д., но занимала идентичную съ ними позицію; она требовала тогда тѣхъ же, что и онѣ, гражданскихъ и политическихъ правъ и, какъ гарантіи ихъ, созыва всероссійскаго учредительнаго собранія и учредительнаго сейма для Польши. Но самой лучшей иллюстраціей политической позиціи буржуазіи служатъ документы, составленные во время непосредственныхъ ея выступленій—какъ-то резолюціи польскихъ промышленниковъ, выработанныя ими совмѣстно съ русскими, а также докладныя записки, подававшіяся польскими промышленниками на имя Генералъ-Губернатора; особенно интересны послѣднія. Во всѣхъ этихъ запискахъ выставлены требованія: 1) введенія органовъ самоуправленія и 2) польскаго языка. Въ нѣкоторыхъ говорится о необходимости, въ интересахъ промышленнаго развитія страны, облегченія

открытія фабричныхъ и заводскихъ школъ съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ, усовершенствованія программы этихъ школъ, права устройства вечернихъ курсовъ для рабочихъ. Промышленники высказываютъ взглядъ, что реорганизація школьнаго дѣла въ вышеотмѣченномъ направленіи, между прочимъ, содѣйствовала бы смягченію конфликтовъ между рабочими и предпринимателями. Въ нѣкоторыхъ запискахъ высказывается даже мнѣніе о необходимости конституціи на началахъ автономіи польскаго края.

Требованія гражданскихъ правъ, введенія во всеобщее употребленіе въ краѣ польскаго языка, равноправія католическаго вѣроисповѣданія и автономіи Царства Польскаго были выставлены даже съѣздомъ католическаго духовенства, состоявшимся въ Варшавѣ въ концѣ 1905 г.

Выяснивъ позицію въ области національнаго вопроса господствующихъ классовъ польскаго народа и ихъ идеологовъ, имѣвшихъ также сильное вліяніе на крестьянство, перейдемъ теперь къ крестьянскому движенію.

Благодаря рабочему движенію, выступленія крестьянъ получили въ 1905 г. боевой характеръ. Ихъ проявленія были самыя разнообразныя.

Съ одной стороны развилось т. н. „погромное“ движеніе: мѣстами крестьяне нападали на гминныя управленія, уничтожали царскіе портреты, русскія вывѣски и книги, мѣстами совершали самовольныя порубки помѣщичьихъ лѣсовъ; бывали также случаи нападеній на имѣнія, разгрома и поджога усадебныхъ построекъ. Съ другой стороны развивалась „борьба за право“. Развитіе революціонной борьбы дало сильный размахъ выступленіямъ деревенскаго населенія.

Гминныя собранія уже не ограничивались требованіями введенія польскаго языка, а выставляли наряду съ ними болѣе широкія требованія. Знакомясь съ послѣдними, легко замѣтить, что крестьянскія массы очень слабо оріентировались въ вопросахъ государственнаго устройства и большею частью слѣпо шли за интеллигенціей; въ виду этого въ однѣхъ резолюціяхъ видно вліяніе С-Д. Ц. П. и Л., въ другихъ вліяніе П. П. С., въ иныхъ вліяніе Н.-Д. Къ первой категоріи принадлежитъ, между прочими, резолюція гмины Ренчно Петроковскаго уѣзда и губерніи, принятая 362 крестьянами-хозяевами и требующая конституціи для всего государства и самоуправленія для Польши съ сеймомъ въ Варшавѣ, избраннымъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія; вліяніе П. П. С. замѣтно въ резолюціяхъ, принятыхъ 110 крестьянами гмины Станиславовъ и 1.500 крестьянами гмины Лятовичи и содержавшихъ требованіе созыва особаго учредительнаго собранія для Польши; вліяніе третьей категоріи обнаружилось, напр., въ резолюціяхъ гмины Бонки, гдѣ просто выставляется требованіе созыва сейма въ Варшавѣ и въ то же время видно преклоненіе передъ традиціями.

Крестьянское движеніе оказало сильное вліяніе на тактику національдемократической партіи, какъ организаціи буржуазно-дворянскихъ элементовъ, тѣсно связанной съ крестьянскими массами.

Прежде всего, имѣя въ виду интересы дворянства, она опасалась, чтобы въ Польшѣ не получило широкаго распространенія погромное движеніе и чтобы въ то же время крестьяне не потребовали отчужденія въ свою пользу помѣщичьихъ земель. Поэтому именно Н.-Д. признала необходимымъ расширеніе компетенціи требуемаго ею особаго сейма для Польши и передачу ему разрѣшенія въ Польшѣ аграрнаго вопроса; ибо если бы таковое составляло задачу общероссійскаго законодательнаго собранія, то требованіе отчужденія земель могло бы быть проведено, какъ обязательное и для Польши.

Съ осени 1905 г. сепаратистскія стремленія въ рядахъ этой партіи вновь начинаютъ усиливаться.

Н.-Д. рѣшила использовать польское крестьянское движеніе въ интересахъ борьбы за политическія права для буржуазныхъ классовъ Польши и съ этой цѣлью взять руководство имъ въ свои руки. Преслѣдуя эту цѣль она созвала въ началѣ декабря въ Варшавѣ крестьянскій съѣздъ, въ которомъ приняло участіе около 1.500 человѣкъ; громадное большинство составляли крестьяне, но, наряду съ ними, въ немъ приняли участіе представители буржуазіи и профессіональной интеллигенціи. Работами съѣзда руководили Р. Дмовскій и другіе лидеры Н.-Д. Общее содержаніе принятыхъ имъ резолюцій слѣдующее. Успѣшное общественное развитіе Царства Польскаго нуждается въ надѣленіи этого края національной автономіей и учрежденіи въ Варшавѣ польскаго сейма съ широкими законодательными функціями, избраннаго на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія. Исполнительная власть страны должна состоять изъ поляковъ и быть отвѣтственной передъ сеймомъ; въ школахъ и во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ долженъ быть введенъ польскій языкъ.

Слѣдуетъ добиваться проведенія въ жизнь послѣдней мѣры сейчасъ же. Равнымъ образомъ слѣдуетъ требовать, чтобы монархъ сейчасъ же присягнулъ конституціи, объявленной манифестомъ 17 октября. Въ виду дезорганизаціи, господствующей въ правительственномъ аппаратѣ, гмина должна совершенно независимо отъ него выполнять свои функціи. Въ концѣ своихъ засѣданій съѣздъ высказалъ пожеланіе, чтобы всѣ слои польскаго народа солидарно боролись за вышеуказанныя требованія, выразилъ свое осужденіе соціалистическимъ партіямъ и организуемой ими классовой борьбѣ, какъ якобы тормозящей солидарное выступленіе массъ на защиту національныхъ интересовъ, а также констатировалъ привязанность широкихъ массъ крестьянства къ католической религіи, къ отечеству и національнымъ традиціямъ.

* * *

Революціонное движеніе въ Польшѣ, на ряду съ революціоннымъ движеніемъ всего государства, заставило, какъ извѣстно, бюрократію пойти на уступки. Каковы же были завоеванія революціи въ Польшѣ?

Кромѣ свободъ, дарованныхъ манифестомъ 17 октября, населеніе этой страны добилось еще раньше нѣкоторыхъ улучшеній въ своемъ тяжеломъ политическомъ положеніи. Я имѣю въ виду извѣстныя положенія отъ 5 и 6 апрѣля и 3 мая 1905 г. Ими было обѣщано 1) преподаваніе закона Божія на польскомъ языкѣ во всѣхъ школахъ; 2) преподаваніе на польскомъ языкѣ польскаго же языка въ начальныхъ училищахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) преподаваніе на томъ же языкѣ ариѳметики въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ и первыхъ классахъ другихъ училищъ; 4) преподаваніе на польскомъ языкѣ въ частныхъ школахъ всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ русскаго языка, исторіи и географіи; 5) учрежденіе при варшавскомъ университетѣ кафедръ польскаго языка и польской словесности и исторіи съ преподаваніемъ же на польскомъ языкѣ; 6) употребленіе польскаго языка, наряду съ русскимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ гминномъ самоуправленіи; 7) перечисленіе поляковъ—жителей Царства Польскаго—въ западныя и прилегающія къ нимъ губерніи съ разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ генералъ-губернатора; 8) введеніе въ Царствѣ Польскомъ земскаго и городского самоуправленія; 9) допущеніе лицъ польскаго происхожденія къ покупкѣ земель; 10) введеніе должностей почетныхъ мировыхъ судей.

На Польшу распространялось также объявленное для всей Россіи право свободнаго перехода изъ православія въ другія вѣроисповѣданія. Но это право вскорѣ было ограничено, вслѣдствіе массоваго перехода въ католичество бывшихъ греко-уніатовъ, присоединенныхъ насильно къ православной церкви.

Объявленіе манифеста 17 октября и вышеприведенныхъ постановленій не удовлетворило, правда, ни одного класса населенія Польши, но подало надежду буржуазнымъ классамъ на возможность дальнѣйшаго расширенія правъ польскаго народа путемъ мирнаго соглашенія съ правительствомъ.

Вслѣдствіе этого съ 17 октября освободительное движеніе входитъ въ Польшѣ въ новую фазу своего развитія.

Рабочій классъ, руководимый соціалистическими партіями, продолжаетъ борьбу въ томъ же направленіи, въ какомъ она велась до 17 октября. Буржуазные классы считаютъ дальнѣйшее веденіе революціонной борьбы излишнимъ и даже вреднымъ для дѣла освобожденія польскаго народа. Уже 18 октября подъ руководствомъ Г. Сенкевича въ Варшавѣ устраивается

буржуазными элементами торжественная демонстрація, въ которой принимаетъ участіе около 200.000 населенія. Въ тотъ же самый день соціалистическія партіи организуютъ демонстрацію протеста и противъ манифеста 17 октября, и противъ буржуазныхъ классовъ, торжествующихъ по поводу его изданія.

Но такъ или иначе съ объявленіемъ манифеста появилась возможность открытой общественной дѣятельности и прежде всего организаціи народныхъ массъ.

Использовать эту возможность стало насущной задачей всѣхъ общественныхъ элементовъ, стало условіемъ гарантіи осуществленія и расширенія завоеванныхъ правъ. И тутъ польскіе буржуазные элементы и въ частности Н.-Д. оказались предусмотрительнѣе соціалистическихъ партій.

Послѣднія, правда, стараются использовать дни свободы, но смотрятъ на организаціонную дѣятельность лишь какъ на средство объединенія рабочихъ непосредственно для революціонныхъ выступленій, вслѣдствіе чего плоды этой ихъ дѣятельности очень ограничены, а онѣ сами принимаютъ болѣе революціонно демократическій, чѣмъ соціалистическій характеръ, и постепенно теряютъ связь съ широкими рабочими массами. Соціалистическія партіи бойкотируютъ I Гос. Думу и этимъ толкаютъ широкія массы народа въ объятія Н.-Д., единственной политической партіи, принявшей дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи. Онѣ организуютъ тайные профессіональные союзы, при чемъ С-Д. Ц. П. и Л. придаетъ имъ партійный характеръ, и рабочія массы все болѣе группируются въ „польскихъ“ профессіональныхъ союзахъ, организуемыхъ Н.-Д., какъ открытыхъ, легальныхъ организаціяхъ. Онѣ игнорируютъ просвѣтительную и кооперативную дѣятельность и тѣмъ самымъ содѣйствуютъ гегемоніи буржуазныхъ элементовъ и на этомъ полѣ. Безпрестанная же организація соціалистическими партіями экономическихъ забастовокъ ведетъ къ утомленію рабочихъ постоянной борьбой и все болѣе толкаетъ ихъ въ ряды буржуазной Н.-Д.

Созданные С-Д. Ц. П. и Л. партійные профессіональные союзы, сначала благодаря вліянію, пріобрѣтенному этой партіей на рабочихъ, и потребности въ организаціи помощи стачечникамъ и безработнымъ, быстро усиливаются; въ октябрѣ 1906 г. число ихъ членовъ достигаетъ 35.000. Но, достигнувъ такихъ крупныхъ размѣровъ, союзы эти начинаютъ падать, и въ началѣ 1909 г. насчитываютъ уже не больше 3.000 членовъ. Не лучше обстоитъ дѣло и съ безпартійными классовыми союзами, организованными П. П. С. Только послѣ того, какъ въ 1907 г. они были легализованы, число ихъ членовъ быстро растетъ и достигаетъ 40.000 слишкомъ.

Наоборотъ, „польскіе“ союзы безпрерывно усиливаются, и въ концѣ 1907 г. насчитываютъ около 45.000 членовъ.

Но основой могущества Н.-Д. является ея просвѣтительная дѣятель-

ность, въ частности организованная ею „Польская Школьная Матица". Это общество было основано на деньги, отчасти пожертвованныя частными лицами, отчасти поступившія изъ самообложенія, которому подвергли себя широкія массы. Собрано было пожертвованій 810.678 рублей, не считая недвижимости. Въ теченіе двухъ неполныхъ лѣтъ возникло 781 отдѣленіе „Матицы", съ 400.544 членами; были открыты 681 школа, 317 пріютовъ, 505 библіотекъ и читаленъ, устроены курсы и лекціи для взрослыхъ. Въ школахъ обучалось 63.000 человѣкъ, въ пріютахъ находилось 14.000 дѣтей, библіотеками пользовалось—116.341 человѣкъ. Общество „Польской Школьной Матицы" достигло столь крупныхъ размѣровъ, несмотря на препятствія, которыя встрѣчало со стороны властей; такъ, напр., послѣднія разрѣшили открыть только половину того числа школъ, которое должно быть открытымъ; въ одной Люблинской губ. изъ 228 просимыхъ школъ были допущены только 32. Дѣятельность „Матицы" была сильнымъ двигателемъ культурно-національнаго развитія польскаго народа. Но она же содѣйствовала упроченію гегемоніи Н.-Д., что имѣло, благодаря близорукой торгашеской политикѣ этой партіи, и крайне отрицательныя послѣдствія. Впрочемъ, въ области культурнаго развитія „Матица" работала не одна.

Часть прогрессивной польской буржуазіи и примыкающей къ ней интеллигенціи, составившая т. н. Прогрессивно-демократическую партію, не игравшую, впрочемъ, болѣе или менѣе значительной роли въ событіяхъ 1905 г., въ концѣ этого года и началѣ слѣдующаго энергично занялась культурною дѣятельностью. Благодаря ея стараніямъ, возникли въ Варшавѣ „Университетъ для всѣхъ" и „Общество польской культуры" съ развѣтвленіями въ провинціи. На ряду съ этими учрежденіями провинціальной прогрессивной интеллигенціей были организованы разныя культурныя общества въ Люблинѣ, „Университетъ земли Радомской"—въ Радомѣ, „Общество распространенія образованія" въ Ченстоховѣ, „Польское общество курсовъ для безграмотныхъ" въ Здунской Волѣ, „Общество популярныхъ курсовъ имени А. Асныка" и Кружокъ любителей народнаго театра" въ Калишѣ, „Общество распространенія просвѣщенія"—въ Лодзи и мн. др.,

Нѣсколько данныхъ о развитіи этихъ обществъ покажетъ, что и ихъ дѣятельность не осталась безъ вліянія на культурное развитіе страны, несмотря на то, что условія этой дѣятельности были крайне неблагопріятны, какъ потому, что наиболѣе зажиточная часть общества содѣйствовала не имъ, а „Матицѣ", такъ и потому, что представители и русской и польской реакціи усиленно тормозили ея развитіе. Изъ отчета о дѣятельности „Университета для всѣхъ" за первый годъ его существованія узнаемъ слѣдующее. Доходъ его за этотъ годъ равнялся—5.895 р., расходъ—4.377 р., число

членовъ—2.558; число слушателей постоянныхъ систематическихъ лекцій 21.243; „Ун. для всѣхъ“ имѣлъ и еврейское отдѣленіе, гдѣ лекціи читались на народномъ еврейскомъ языкѣ; число слушателей этихъ лекцій было—15.812; число слушателей отдѣльно устраиваетыхъ рефератовъ: на польскомъ языкѣ—27.361; на еврейскомъ—6.061. Открыто кромѣ того 12 отдѣленій этого общества.

„Общество польской культуры“ за время съ 12 ноября 1906 г. по 18 декабря 1907 г. открыло 16 отдѣленій въ разныхъ городахъ края. Его доходъ за это время—19.624 р. 38 к.; расходъ—5.818 р. 50 к. Имъ организованы читальни, библіотеки, театральныя представленія и лекціи и рефераты по естественнымъ и общественнымъ наукамъ.

Дѣятельность двухъ послѣднихъ обществъ была такъ интенсивна, что часто не доставало помѣщеній для лекцій и онѣ читались въ городахъ—на фабрикахъ, въ частныхъ квартирахъ, въ подвалахъ, а въ деревняхъ—въ амбарахъ.

Провинціальныя прогрессивныя общества успѣшно конкурировали съ консервативной „Матицей“.

Такъ, Люблинское „Святло“ уже въ 1906 г. насчитывало 16 отдѣленій съ 1.200 постоянныхъ членовъ; оно развивалось, благодаря самообложенію интеллигенціи, крестьянъ и ремесленниковъ; народные учителя, напр., платили 2% со своихъ доходовъ. Число членовъ „Университета земли Радомской“—въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прошедшихъ со времени его открытія, достигло 2.000 слишкомъ.

Нѣсколько медленнѣе подвигалось развитіе кооперативовъ. Все же число ихъ членовъ въ концѣ 1908 г. достигло 66.151, а ихъ оборотъ—11.153.436 руб. На быстроту ихъ роста указываетъ тотъ фактъ, что до 1906 г. возникло 49 кооперативныхъ обществъ, въ 1906 г.—32, а въ 1907 г.—120. По даннымъ, приведеннымъ г. Страсбургеромъ въ его книгѣ, 40% членовъ кооперативовъ составляютъ рабочіе. Говоря объ организаціяхъ, возникшихъ въ 1905—1907 г., слѣдуетъ упомянуть объ обществахъ „Соколовъ“,—организованныхъ Н.-Д. гимнастическихъ обществахъ, имѣющихъ патріотическій характеръ. Общества эти составляли одну изъ основъ могущества Н.-Д.

Развитіе польскаго національнаго движенія и усиленіе самодѣятельности народныхъ массъ отразилось и въ области религіозныхъ отношеній. Началось броженіе въ лонѣ католической церкви: возникъ союзъ маріавитовъ.

Отличительными чертами маріавитскаго вѣроисповѣданія являются: богослуженіе на національномъ языкѣ — польскомъ въ Польшѣ, литов-

скомъ—въ литовскихъ губерніяхъ,—выборность священниковъ, расторжимость брака.

Появленіе маріавитизма вызвало сильное преслѣдованіе его приверженцевъ со стороны католическаго духовенства. Ксендзы прибѣгали неоднократно къ содѣйствію полиціи, изгоняли маріавитовъ изъ ихъ храмовъ, запечатывалы таковые. Бывали и случаи нападеній на нихъ со стороны „Соколовъ", что, напр., имѣло мѣсто въ Люблинѣ въ концѣ августа 1906 г.

Несмотря на преслѣдованія, число маріавитовъ увеличивается. Въ г. Лодзи ихъ насчитываютъ 40.000, въ нѣкоторыхъ сельскихъ приходахъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ—по 4.000—5.000 человѣкъ. Въ настоящее время уставъ союза маріавитовъ утвержденъ властями. Они устраиваютъ съѣзды, издаютъ свой органъ—„Маріавитъ". Въ своихъ приходахъ они организуютъ кооперативы, основываютъ школы, пріюты, заботятся объ улучшеніи земледѣльческой техники. Какъ эксплоатація, которой народныя массы подвергаются со стороны католическаго духовенства, такъ и культурная работа маріовитовъ содѣйствуютъ распространенію ихъ вліянія.

Нѣкоторые польскіе писатели предполагаютъ, что маріавитскія общества составятъ зародышъ польской національной церкви.

Въ началѣ характеристики второго періода польскаго освободительнаго движенія мы прежде всего разсмотрѣли организаціонную дѣятельность различныхъ классовъ польскаго народа. Мы сдѣлали это потому, что въ этотъ періодъ она была главнымъ факторомъ національнаго развитія и что ею было обусловлено соотношеніе силъ въ борьбѣ за національное освобожденіе. Перейдемъ теперь къ политическому движенію. Дни свободы въ Польшѣ длились не долго. Уже въ концѣ ноября было объявлено военное положеніе. Въ постановленіи о введеніи его правительство мотивируетъ этотъ свой шагъ тѣмъ, что якобы въ польскомъ обществѣ проявилось стремленіе, угрожающее цѣлости Россіи. Въ отвѣтъ на это въ польской печати были опубликованы два документа. Въ одномъ изъ нихъ Главное Правленіе С.-Д. Ц. П. и Л. въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ выяснило безпочвенность вышеуказаннаго упрека по адресу польскаго народа, заявляя, что политическое освобожденіе Польши можетъ быть только дѣломъ совмѣстной борьбы демократическихъ элементовъ всей Россіи за ея политическое освобожденіе. Въ другомъ, подписанномъ 30.000 поляковъ всѣхъ классовъ народа, заявляется, что весь польскій народъ добивается лишь автономіи и гражданскихъ правъ въ предѣлахъ россійскаго государства, а отнюдь не отдѣленія отъ него польскаго края. „Мы утверждаемъ—пишутъ авторы—что правительственныя сообщенія являются актами, стремящимися, ради интересовъ реакціи и бюрократіи, къ возбужденію розни двухъ народовъ, которые путемъ свободы могли достигнуть согласія и укрѣпить полученныя права".

Протестъ противъ введенія военнаго положенія былъ послѣднимъ солидарнымъ выступленіемъ различныхъ слоевъ польскаго народа противъ политическаго и національнаго гнета. Съ тѣхъ поръ различіе въ тактикѣ пролетарскихъ и буржуазныхъ элементовъ, обусловленное противоположностью ихъ интересовъ, все углубляется. С.-Д. и идущія за нею рабочія массы остаются изолированными въ своей революціонной борьбѣ. Буржуазные классы всецѣло подчиняются феодальнымъ элементамъ; они подаютъ руку правительству для окончательнаго подавленія революціоннаго движенія. Начинается періодъ контръ-революціи, періодъ реакціи противъ революціонной борьбы и противъ марксизма, подъ флагомъ котораго она велась. Происходитъ опять поворотъ къ націонализму; начинается эпоха оппортюнизма, апатіи, застоя.

Реакція охватываетъ и буржуазію, и крестьянъ, и значительную часть рабочихъ. Постепенно суживается сфера вліянія соціалистическихъ организацій на рабочія массы. Причины этого коренятся въ слишкомъ продолжительномъ промышленномъ застоѣ, въ крайней нищетѣ массъ и ихъ истощеніи, въ вышеуказанной ошибочной тактикѣ соціалистическихъ партій и въ быстро развивающейся организаціонной дѣятельности консервативныхъ элементовъ, содѣйствовавшей имъ въ дѣлѣ подчиненія ихъ вліянію широкихъ народныхъ массъ. Въ виду всего этого въ декабрьской забастовкѣ рабочіе принимаютъ участіе въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ октябрьской. Изъ остальныхъ выступленій рабочихъ слѣдуетъ отмѣтить стихійную всеобщую забастовку—протестъ противъ военнаго положенія въ Лодзи въ сентябрѣ 1906 г. и экономическія забастовки городскихъ и сельскихъ рабочихъ того же года.

Во время декабрьской забастовки буржуазные элементы польскаго общества и часть перешедшихъ на ихъ сторону рабочихъ впервые начинаютъ активную борьбу съ революціоннымъ движеніемъ. Н.-Д. употребляетъ для этой цѣли „Соколовъ“. Революціонному движенію приходится бороться на два фронта: съ русской и съ польской реакціей. Послѣдняя все усиливается; наступаетъ рядъ убійствъ на партійной почвѣ въ разныхъ городахъ Польши; организуются локауты и, между прочимъ, извѣстный лодзинскій локаутъ.

Періодъ реакціи кладетъ свой отпечатокъ на развитіе соціалистическихъ партій. Въ эволюціи взглядовъ С.-Д. Ц. П. и Л. замѣчается все большая оторванность отъ массъ; методъ ея идеологовъ становится все болѣе упрощеннымъ. Въ началѣ 1906 г. этой партіей издается ея программная брошюра „Чего мы хотимъ“, написанная Р. Люксембургъ. Въ ней мы находимъ требованіе введенія въ Россіи „такихъ учрежденій, которыя гарантируютъ свободное духовное и культурное развитіе всѣмъ народамъ“, то есть—какъ выяснено дальше,—полнаго равноправія и свободы пользованія роднымъ языкомъ въ школахъ и въ „частной и публичной жизни“. Въ ней

мы находимъ требованіе для Царства Польскаго автономіи, въ виду того, что „нашъ край—какъ говорится въ брошюрѣ—составляетъ внутри россійскаго государства извѣстнаго рода особое цѣлое, отличающееся въ своей культурной, а отчасти и общественно-экономической жизни отъ остальной части государства". Но изъ дальнѣйшаго содержанія брошюры оказывается, что автономія должна касаться администраціи, школьнаго дѣла, судопроизводства, но отнюдь не законодательства. Авторъ какъ бы забываетъ объ особенностяхъ края въ области аграрныхъ отношеній, объ его особомъ гражданскомъ кодексѣ, однимъ словомъ, обо всемъ томъ, что дѣлаетъ необходимымъ надѣленіе польскаго сейма законодательными функціями.

Какъ видно изъ разныхъ статей органа партіи „Czerwony Sztandar" нѣкоторые представители ея считали необходимой не только административно-культурную, но и законодательную автономію края. Но VI съѣздъ С.-Д. Ц. П. и Л. занимаетъ позицію Р. Люксембургъ. Такимъ образомъ, идеологи С.-Д. Ц. П. и Л., подмѣтивъ вѣрно тенденціи развитія Польши, не замѣтили, что это развитіе далеко не завершилось.

Гораздо крупнѣе тѣ измѣненія, которыя произошли въ періодъ реакціи въ П. П. С. Еще въ концѣ 1906 г. въ ней наступилъ расколъ. Націоналисты-заговорщики, входившіе въ составъ этой партіи, вышли изъ нея, образовавъ т. н. революціонную фракцію П. П. С. и удержавъ въ программѣ старое требованіе возстановленія независимаго польскаго государства.

Большинство продолжаетъ существовать подъ названіемъ П. П. С. На X своемъ съѣздѣ, происшедшемъ въ концѣ 1907 г., эта партія приняла новую программу, идентичную съ программой С.-Д. Ц. П. и Л., каковой эта программа была до и въ періодъ революціи, но чуждую той упрощенности марксистскаго метода, которой отличаются вышеуказанные пореволюціонные документы этой партіи. Въ революціяхъ X съѣзда съ одной стороны отмѣчается тенденція экономическаго развитія Польши, обнаруживающаяся въ сплоченіи ея „съ тѣми странами и народами, съ которыми она вмѣстѣ преобразовывается въ новѣйшее капиталистическое общество"; съ другой стороны, неизбѣжность, по мѣрѣ демократизаціи государственнаго строя Россіи, уничтоженія въ немъ и бюрократическаго централизма. Опираясь на эти тенденціи, П. П. С. требуетъ преобразованія государственнаго строя Россіи на началахъ децентрализаціи и широкой автономіи Польши съ законодательнымъ сеймомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она выставляетъ требованіе равноправія всѣхъ національностей, населяющихъ Россію и Польшу, и гарантіи правъ національныхъ меньшинствъ.

Въ резолюціяхъ X съѣзда П. П. С. мы видимъ завершеніе той эволюціи ея политическихъ взглядовъ, которая обнаружилась еще въ ея выступленіи въ январѣ 1905 г.

Въ рядахъ буржуазныхъ элементовъ все усиливается примиреніе съ положеніемъ, создавшимся послѣ 17 октября, и вражда къ революціонному движенію. Иллюстраціей служитъ, между прочимъ, тактика буржуазныхъ партій. Въ 1906 г. замѣчается упадокъ явно консервативной—партіи реальной политики; ея тактика прямолинейна и не отвѣчаетъ потребностямъ новаго времени, когда въ политическомъ движеніи принимаютъ участіе широкія массы; ея принципъ умѣренности, „сообразованія стремленій съ силами“ отталкиваетъ тѣ элементы буржуазнаго общества, въ которыхъ еще силенъ тотъ размахъ политической мысли, какой развился подъ вліяніемъ событій 1905 г. Наоборотъ, Н.-Д. не только группируетъ въ своихъ рядахъ элементы мелко- и средне буржуазные и дворянскіе, но и значительную часть капиталистической буржуазіи и часть рабочихъ. Причина ея усиленія коренится въ ея успѣшной энергичной дѣятельности, направленной на организацію массъ, въ гибкости ея тактики, въ ея безпринципности, въ ея демагогіи, въ той энергіи, которую она выказала въ борьбѣ съ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ. Взглядъ ея лидера Р. Дмовскаго, что Н.-Д., а не русская бюрократія, успѣшно справляется со смутой въ Польшѣ, его гордое заявленіе во время выборовъ во II Думу, что Н.-Д. въ борьбѣ съ революціей была такъ энергична и самоотверженна, что даже не останавливалась передъ пролитіемъ братской крови,—встрѣтили сочувствіе въ широкихъ кругахъ зажиточныхъ классовъ населенія. Монархизмъ и вѣрноподданническія выступленія Н.-Д., съ одной стороны, ея націонализмъ съ другой—упрочиваютъ ея позицію и среди представителей капитала, и среди малосознательныхъ народныхъ массъ; одни считаютъ ее благоразумной и умѣренной, другія—патріотической, радикальной.

Изъ внесеннаго Коло во II Госуд. Думу проекта автономіи Польши явствуетъ, что Н.-Д., дѣломъ которой является этотъ проектъ, совершенно примирилась съ существующимъ нынѣ въ Россіи политическимъ строемъ и заботится лишь о внутреннемъ устройствѣ Польши. Вотъ его краткое содержаніе. „Царство Польское, составляя нераздѣльную часть россійскаго государства, управляется во внутреннихъ своихъ дѣлахъ особыми установленіями на основаніи особаго законодательства“.

Для внутреннихъ дѣлъ Польши устанавливаются особые: сеймъ, казна и роспись, административное управленіе съ намѣстникомъ во главѣ, судебныя учрежденія съ особымъ сенатомъ и особый, въ совѣтѣ министровъ, министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго. Сеймъ собирается по Высочайшему повелѣнію. Намѣстникъ и министръ статсъ-секретарь назначаются верховною властью. Ею же въ окончательной формѣ утверждаются всѣ постановленія и законы, принятые сеймомъ. Изъемлются: дѣла православной церкви, иностранныя, армія, флотъ, монетное дѣло, за-

конодательства: таможенное, акцизное, почтовое, желѣзнодорожное, касающееся товарныхъ знаковъ и привилегій, литературной и художественной собственности, общегосударственные займы и обязательства. Изъ вѣдѣнія сейма изъемлются также законодательства по дѣламъ о бунтѣ противъ верховной власти и государственной измѣнѣ. Общія гарантіи гражданской и политической свободы устанавливаются центральнымъ законодательнымъ органомъ для всѣхъ областей государства, но польскимъ сеймомъ могутъ быть измѣнены для Польши. Установленіе законодательства о внутреннемъ устройствѣ царства принадлежитъ первому сейму, избранному на широкихъ демократическихъ началахъ. Въ этомъ законодательствѣ будутъ обезпечены права языка литовскаго и малорусскаго во всѣхъ учрежденіяхъ.

Въ приведенномъ здѣсь проектѣ въ отличіе отъ программы Н.-Д., опубликованной въ 1905 г. бросаются въ глаза двѣ особенности: болѣе децентралистическій характеръ, выразившійся въ требованіи учредительнаго сейма для Царства Польскаго и въ тоже время передача въ руки центральной власти такихъ учрежденій какъ армія и законодательство по дѣламъ о преступленіяхъ противъ верховной власти. Эти особенности говорятъ сами за себя.

Не менѣе достойны вниманія тактическіе пріемы Н.-Д.

Во время выборовъ въ I Думу она не брезгуетъ угрозами по адресу еврейскаго населенія, лишь бы заставить его голосовать за ея кандидатовъ. Что касается тактики Кола въ Думѣ всѣхъ трехъ созывовъ, то въ I Думѣ оно еще по временамъ выступаетъ солидарно съ оппозиціей. Но во второй и особенно въ III Думѣ все болѣе сближается съ октябристами и правыми. Стоитъ упомянуть лишь такой фактъ какъ голосованіе за увеличеніе контингента новобранцевъ во II Думѣ, голосованіе за школьный законопроектъ съ поправкой фонъ-Анрепа — въ III-ей.

И вышеуказанная тактика Н.-Д. не только не возстановляетъ противъ нея буржуазные классы, но, наоборотъ, послѣ роспуска II Думы вызываетъ упреки по ея адресу за ея якобы радикализмъ. Очень знаменателенъ для характеристики польскихъ буржуазныхъ классовъ тотъ фактъ, что ни законъ 3 іюня, ни закрытіе „польской школьной матицы“ не вызвали усиленія въ ихъ средѣ оппозиціонныхъ теченій. Эти классы, благодаря специфическимъ условіямъ промышленнаго развитія Польши, способны, и то очень робко, заявлять свои политическія требованія изъ-за плечъ борющагося польскаго пролетаріата, но они же первые берутся за успокоеніе послѣдняго, безъ разбора въ средствахъ, лишь только его борьба ослабѣваетъ.

Послѣ объявленія Царства Польскаго на военномъ положеніи оппозиціонные элементы начинаютъ усиливаться въ польскомъ буржуазномъ обществѣ. Развивается П.-Д., появляется анти-клерикальное теченіе съ А. Нѣ-

моевскимъ и И. Радлинскимъ во главѣ. Организуется „Крестьянскій Союзъ". Онъ имѣетъ строго демократическій характеръ, рѣзко отличающій его отъ Н.-Д. Въ области національнаго вопроса „Крестьянскій Союзъ" требуетъ: преобразованія государственнаго строя Россіи на демократическихъ началахъ, полнаго равноправія національностей, автономіи для Польши, основанной на собственномъ законодательствѣ, которое, будучи выработано автономнымъ сеймомъ, должно быть утверждено центральнымъ законодательнымъ органомъ. Когда Коло вноситъ въ Думу требованіе автономіи Польши, П.-Д. вырабатываетъ и опубликовываетъ свой проектъ автономіи, отличающійся отъ Н.-Д. болѣе демократическимъ характеромъ. Но политическая дѣятельность польской буржуазной оппозиціи была непродолжительна.

Послѣ роспуска II Думы П.-Д. отказывается отъ этой дѣятельности и сосредоточиваетъ всѣ свои силы на культурно-образовательной работѣ. „Крестьянскій Союзъ" фактически перестаетъ существовать послѣ массовыхъ арестовъ, лишившихъ его наиболѣе энергичныхъ и сознательныхъ элементовъ.

Одновременно во всѣхъ слояхъ народа усиливается индифферентизмъ къ вопросамъ политической жизни, иллюстраціей чего являются выборы въ г. Варшавѣ въ Государственную Думу; такъ, напр., во время выборовъ въ I Думу изъ 69.875 избирателей голосуютъ—67.060, во время выборовъ во II Думу—68.500 и во время послѣдней избирательной кампаніи—19.323.

Чѣмъ болѣе оппортюнистскимъ становится польское буржуазное общество, чѣмъ болѣе слабѣютъ соціалистическія партіи и усиливается политическій индифферентизмъ, тѣмъ болѣе усиливаются репрессіи со стороны бюрократіи. Въ теченіе времени, истекшаго съ 1 февраля 1905 г. по іюль 1907 г., въ Польшѣ было казнено—305 человѣкъ; число же сосланныхъ по политическимъ дѣламъ достигло такихъ размѣровъ, что за указанное время ихъ прошло черезъ варшавскую пересыльную тюрьму около 40.000.

* * *

Періодъ революціи и контрреволюціи отразился и въ изящной литературѣ. Но въ ней получили отраженія лишь событія революціоннаго года и то настроеніе, которое создалось въ обществѣ подъ вліяніемъ ужасовъ контрреволюціи; художники-беллетристы воодушевлялись лишь геройствомъ революціонеровъ и горемъ народа въ виду побѣды реакціи, но отнюдь не идеями, господствовавшими въ моментъ высшаго напряженія революціонной борьбы. Революція по своимъ объективнымъ задачамъ была буржуазной. Пролетаріатъ не могъ стать въ ней выразителемъ интересовъ большинства народныхъ массъ въ ихъ цѣломъ. По отношенію къ буржуазіи, крестьянамъ, интеллигенціи онъ былъ внѣшней силой, разрушившей своимъ выступленіемъ ихъ индифферентизмъ къ

вопросамъ общественной и политической жизни, но силой чуждой, а значительной ихъ части даже грозной и враждебной. Художники, связанные по своимъ привычкамъ и интересамъ съ буржуазной средой, не были въ состояніи проникнуться идеалами и стремленіями пролетарской среды. Они не могли найти матеріала для содержанія ихъ произведеній и въ преисполненной узкими корыстными стремленіями буржуазной средѣ. И энтузіазмъ возбужденный въ нихъ событіями революціоннаго года, большею частью заставлялъ ихъ обратить свои взоры къ старой Польшѣ и будилъ въ ихъ душѣ привязанность къ національнымъ традиціямъ. Поэтому въ большинствѣ произведеній, вызванныхъ революціоннымъ моментомъ, проявляются идеи, чуждыя послѣднему. Поэтому также періодъ революціи породилъ гораздо меньшее количество художественныхъ произведеній, чѣмъ періодъ контрреволюціи. Полякъ-художникъ способенъ былъ или звать на подвигъ вообще, не указывая цѣли геройской борьбы, или давать выраженіе боли, вызванной давленіемъ тяжелыхъ условій жизни. О. Жеромскій въ единственномъ своемъ разсказѣ, написанномъ въ 1905 г., „Повѣсть о героѣ Вальгиріи", являющемся по красотѣ языка настоящимъ шедевромъ польской литературы, провозглашаетъ идеалъ самопожертвованія и общественнаго долга. А. Нѣмоевскій въ своихъ „Людяхъ революціи" приподымаетъ завѣсу съ души рабочаго и указываетъ глубоко на днѣ ея кроющіяся націоналистическія чувства, лишь временно уступившія мѣсто братскимъ чувствамъ международной солидарности подъ вліяніемъ борьбы, охватившей всѣ народы Россіи. И молодая, талантливая С. Ригеръ-Налковская, въ своемъ романѣ „Принцъ" вовсе не обнаруживающая преклоненія передъ національными традиціями, не въ состояніи все же заглянуть въ душу пролетарія; она лишь даетъ образъ душевныхъ движеній польскаго интеллигента-революціонера и окружающей его среды. Только въ появленіи „Князя Потемкина" Мицинскаго мы видимъ симптомъ сближенія передовыхъ элементовъ русскаго и польскаго общества, слѣдствіе тѣхъ чувствъ солидарности [1]), которыя объединили поляковъ и русскихъ въ моментъ революціонной борьбы. За то „Революція" К. Тейтмайера и послѣдняя часть „Духовъ" А. Свентоховскаго—вѣрный образъ души буржуазнаго интеллигента, способнаго видѣть лишь дурные инстинкты въ рабочихъ, борющихся за свое освобожденіе.

Гораздо богаче литература, отражающая тѣ отношенія, чувства, настроенія, которыя создались въ періодъ революціи и особенно контрреволюціи.

Здѣсь мы встрѣчаемъ: и проявленія націонализма въ произведеніяхъ А. Новачинскаго и С. Жеромскаго, и увлеченіе „проблемой пола"—въ „Исторіи грѣха" послѣдняго, въ повѣсти В. Сѣрошевскаго—„Супружество", въ повѣсти С. Ригеръ-Налковской—„Женщины" и во мн. др., и пессимизмъ,

[1]) Я говорю не о содержаніи „Князя Потемкина", а о самомъ отношеніи Мицинскаго къ русскимъ революціонерамъ.

присущій въ послѣдніе годы громадному большинству польскихъ писателей, и объективный анализъ разныхъ сторонъ души дѣятелей соціалистическаго движенія, мастерски произведенный А. Стругомъ въ его „Завтра“ и „Подземные Люди“ (2 т.).

Наиболѣе талантливыми выразителями пессимизма періода контрреволюціи являются С. Жеромскій и І. Катерля. Первый въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній—„Исторіи грѣха“ изображаетъ господство „грѣха“ во всей современной общественной жизни, видя его причину въ ея условіяхъ. Авторъ находитъ „грѣхъ“ въ побужденіяхъ самыхъ „благородныхъ“ на первый взглядъ людей. Повсюду развратъ, убійство, грабежи. Люди—нервны, слабохарактерны. Только Плавскій да еще Похронь, доведшіе Санинскую мораль до логическаго конца, обладаютъ извѣстной силой воли. Неудивительно, что въ такой средѣ гибнетъ героиня романа—интеллигентная, впечатлительная, но слабохарактерная, какъ большинство героевъ „Исторіи грѣха“—Ева.

Жеромскій, какъ бы комментируетъ событія, вкладывая въ уста одного изъ героевъ—больнаго писателя Ясніоха—взглядъ, что въ такой историческій моментъ, когда все, что было лучшаго въ народѣ, раздавлено сапогомъ солдата, ксендза, буржуа, не остается ничего, кромѣ игры въ Монако и погони за минутными наслажденіями вообще.

Не находя ни одной отрадной картины въ современной Польшѣ, авторъ въ слѣдующемъ своемъ произведеніи—„Дума о Гетманѣ“ обращаетъ свой взоръ въ далекое прошлое и тамъ наслаждается образомъ геройства и самоотверженія польскихъ рыцарей.

Говоря о періодѣ контрреволюціи, нельзя не упомянуть о несценической драмѣ І. Катерли „Роза“. Это—настоящая поэма періода контрреволюціи—одно изъ наиболѣе художественныхъ произведеній польской литературы. Чувство боли, охватившее автора подъ вліяніемъ тѣхъ ужасныхъ условій, въ которыхъ, особенно въ послѣдніе годы, очутилась Польша, заставляетъ его набрасывать картины одну за другой, безъ всякаго порядка, вопреки установившемуся въ изящной литературѣ шаблону. И отчасти, благодаря этому, картины эти очень ярки. Особенно красива символическая картина контрреволюціи, изображенная въ прологѣ: вся польская земля окутана ночнымъ мракомъ, скована морозомъ, покрыта снѣгомъ; народъ спитъ непробуднымъ сномъ; на горизонтѣ виднѣется лишь висѣлица, а вокругъ нея: солдатъ, божество и провокаторъ Анзельмъ, бывшій начальникъ одной изъ боевыхъ дружинъ. Къ наиболѣе интереснымъ мѣстамъ произведенія относится исповѣдь Анзельма божеству, изображающая его психологическую эволюцію, совершавшуюся съ одной стороны подъ вліяніемъ картины междоусобной борьбы руководителей польскихъ политическихъ партій, движимыхъ самыми низменными инстинктами, съ другой стороны подъ вліяніемъ

развившагося въ немъ самомъ, въ процессѣ борьбы боевой дружины, индивидуализма и самообожанія. Далѣе идетъ—картина пытокъ въ Варшавской охранѣ, какъ бы фотографическое отраженіе дѣятельности извѣстнаго Грина.

Далѣе—рядъ картинъ, видѣнныхъ во снѣ главнымъ героемъ Чаровицемъ, картинъ, которыя причиняютъ ему гораздо болѣе боли, чѣмъ то, что онъ видитъ на каждомъ шагу въ X павильонѣ Варшавской крѣпости: вражда польской интеллигенціи къ революціонному движенію, индифферентизмъ крестьянъ къ вопросамъ политической жизни, картина междупартійной борьбы рабочихъ, на фонѣ которой выступаетъ лишь ихъ погоня за непосредственнымъ улучшеніемъ ихъ экономическаго быта, индифферентизмъ всего народа къ идеалу независимой Польши. Разочаровавшись во всѣхъ классахъ общества, І. Катерля видитъ выходъ изъ современнаго тяжелаго положенія страны лишь въ дѣятельности героевъ изъ интеллигенціи и въ частности въ техническомъ изобрѣтеніи, которое дастъ возможность однимъ нажатіемъ пружины взрывать на воздухъ сотни тысячъ „москалей“ и нѣмцевъ и, такимъ образомъ, освободитъ польскій народъ отъ иноземнаго ига. Пессимизмъ является характерной чертой „Розы“.

Сильнымъ пессимизмомъ проникнута и „Пѣснь Тиртея“—произведеніе другого крупаго польскаго писателя С. Пшибышевскаго; въ немъ мы видимъ признаніе могущества массы, признаніе въ ней источника, изъ котораго герои черпаютъ свои силы, но въ то же время констатированіе безсилія этой массы и ничтожества всего человѣчества передъ лицомъ стихій природы. Пессимизмомъ проникнуты и „Ласточка“ Г. Даниловскаго и „Мотивы смерти“ М. Марковской.

Но если польскому интеллигенту-художнику, связанному жизненными условіями съ буржуазной средой недоступна душа польскаго пролетарія, то за то ему гораздо ближе крестьянская среда. И послѣдняя получаетъ мастерское изображеніе въ романѣ Реймонта—„Крестьяне“.

II.

На востокъ отъ Царства Польскаго расположенъ Сѣверо-Западный край, населеніе котораго въ значительной мѣрѣ состоитъ изъ литовцевъ; они же населяютъ и Сувалкскую губернію. Литовцы занимаютъ первое мѣсто послѣ поляковъ по силѣ національнаго движенія, охватившаго въ 1905 г. всѣ классы этого народа.

Но въ то время какъ богатство польской національной культуры—фактъ, извѣстный широкимъ массамъ населенія Россіи, о развитіи литовской культуры, правда, далеко отставшей отъ польской, знаютъ лишь очень немногіе. И потому раньше, чѣмъ дать характеристику литовскаго національнаго дви-

женія въ періодъ революціи, мы считаемъ нужнымъ бросить бѣглый взглядъ на недавнее прошлое литовцевъ.

Литовскій народъ состоитъ изъ двухъ племенъ: собственно—литовцевъ и жмудиновъ, которыя въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій слились въ одно цѣлое и говорятъ на одномъ языкѣ съ очень незначительной примѣсью провинціализмовъ.

Большинство этого народа населяетъ губерніи Ковенскую, Сувалкскую, и часть Виленской въ количествѣ 1.658.532—по однимъ источникамъ,—въ количествѣ—2.458.825—по другимъ; меньшинство—121.000—сѣверо-восточную часть Пруссіи; 100.000 живетъ въ разныхъ городахъ Россіи, свыше 500.000—въ Америкѣ.

Въ выше указанныхъ губерніяхъ Западнаго края они составляютъ значительный % населенія—66,2% въ Ковенской, около 50% въ Сувалкской, около 20% въ Виленской; въ Курляндской губерніи ихъ всего 0,1%. На ряду съ ними живутъ: бѣлоруссы, евреи, поляки, латыши.

Край, большинство населенія котораго составляютъ литовцы, не относится къ промышленнымъ областямъ Россіи. Въ немъ преобладаетъ мелкая промышленность, и лишь въ сельскомъ хозяйствѣ капитализмъ дѣлаетъ довольно быстрые успѣхи. Большинство городскаго населенія — отъ 50 до 80%—составляютъ евреи; затѣмъ идутъ поляки—или, какъ нѣкоторые полагаютъ, ополячившіеся литовцы—въ однихъ городахъ, обрусѣвшіе бѣлоруссы—въ другихъ. Литовцы живутъ по преимуществу въ деревняхъ, гдѣ на ряду съ дворянствомъ, состоящимъ изъ поляковъ, составляютъ крестьянское населеніе, въ значительной мѣрѣ диффиренцированное и владѣющее въ лицѣ крестьянъ—собственниковъ $^3/_4$ земли. Литовская литература, начавшая развиваться еще въ XVI ст., въ началѣ XIX ст. имѣла уже видныхъ представителей, какъ то: Дуоналейтиса, Пашко, Дуокантесъ, Юшкевичъ, Волончевскій и др. Но развитіе литовской культуры и въ частности языка подвигалось медленно вслѣдствіе конкуренціи богатой польской культуры. Съ 1865 г. въ Литвѣ началась энергичная обрусительная дѣятельность властей, вызванная стремленіемъ послѣднихъ къ подавленію въ ней польскаго элемента. Запрещено было печатанье литовскихъ изданій латинскимъ шрифтомъ, а разрѣшалось печатать лишь русскимъ; когда же это на время пріостановило издательскую дѣятельность литовцевъ, изданія, напечатанныя русскимъ шрифтомъ, стали даромъ раздаваться крестьянамъ. Изъ училищъ были изгнаны польскій и литовскій языки. Учителями могли быть только русскіе. Начались религіозныя преслѣдованія; запрещены были проповѣди на литовскомъ языкѣ; запрещена покупка земли лицамъ католическаго вѣроисповѣданія. Преслѣдованія повели къ быстрому развитію литовскаго патріотизма и націонализма среди незначительной количественно интеллигенціи и образованной части кре-

стьянъ и мелкой буржуазіи. Книга—молитвенники, учебники, беллетристическія произведенія стали печататься въ Тильзитѣ и въ Америкѣ, и въ большомъ количествѣ перевозиться въ русскую Литву самими пограничными крестьянами. Изданія, печатавшіяся русскимъ шрифтомъ, бойкотировались. Развилось тайное обученіе грамотѣ на литовскомъ языкѣ. Распространеніе литовскихъ заграничныхъ изданій было такъ широко, что втеченіи 11 лѣтъ (1891 — 1902 г. г.) ихъ было арестовано на границѣ властями — около 175.000 экземпляровъ.

Только въ 1904 г. правительство сознало безплодность насажденія среди литовцевъ русскаго алфавита и разрѣшило употребленіе латинскаго.

Культурная борьба объединила впервые интеллигенцію, вышедшую изъ крестьянской среды, и привела къ образованію теченія „просвѣтителей"; это теченіе, благодаря національному гнету, сначала охватило и свѣтскую интеллигенцію и часть духовенства, и не отличалось поэтому свойственнымъ эпохѣ просвѣщенія радикализмомъ. Въ 1883 г. его представители начали издавать въ Тильзитѣ органъ „Аушра" (Заря). Сначала онъ издавался литовскимъ патріотомъ Д-ромъ Басановичемъ, а потомъ группой т. н. „друзей Литвы" (mitosnikoio Litwy).

Задача „Аушры"—возрожденія литовскаго народа; въ ней были выражены и политическія пожеланія: свобода печати, литовская школа, употребленіе литовскаго языка въ частной и публичной жизни. Эти пожеланія, формулированныя кружкомъ интеллигентовъ, выражали стремленія всего литовскаго народа, были первой попыткой намѣтить его формулу національнаго самоопредѣленія.

Ихъ раздѣляли и націоналъ-либералы вродѣ д-ра Басановича, и радикалы вродѣ д-ра Шлюпаса. Всѣ мыслящіе литовцы были тогда чужды сепаратистскихъ идеаловъ и имѣли въ виду лишь освобожденіе литовскаго народа въ предѣлахъ россійскаго государства. И это станетъ намъ вполнѣ понятно, если мы примемъ во вниманіе ту связь, которая установилась между всѣми областями Россіи по мѣрѣ развитія въ ней капитализма.

Экономическое развитіе Литвы постепенно создало спросъ на интеллигентный трудъ. Количество интеллигенціи быстро росло. Одновременно росло и ея знакомство съ общественными вопросами, западно-европейскими политическими теченіями, нуждами края. Давала себя чувствовать конкуренція съ интеллигенціей другихъ націй.

Развивалось также сознаніе крестьянскихъ массъ; намѣчались конфликты съ духовенствомъ.

Всему этому содѣйствовало распространеніе грамотности на родномъ языкѣ, которымъ усиленно занималась литовская интеллигенція. Развивалась и литература.

Когда въ 1886 г. „Аушра“ прекратила свое существованіе, литовская интеллигенція распадается на два лагеря—свѣтскій и духовный; первый издаетъ органъ „Varpas“ (Колоколъ); второй—„Apzwalga“. Вокругъ „Varpas'a“ группируются всѣ прогрессивные элементы народа и образуютъ демократическую партію, стоявшую на почвѣ требованій, намѣченныхъ нѣкогда „Аушрой“. Но процессъ дифференціаціи подвигается впередъ. Развитіе капитализма, какъ оно ни слабо въ Литвѣ, вызываетъ, съ одной стороны, численный ростъ интелигенціи, съ другой стороны обостреніе конкуренціи во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности. Національный гнетъ тяжелымъ бременемъ давитъ литовскія народныя массы, а особенно интеллигенцію, ограничивая сильно рамки ея дѣятельности. На рынкѣ, въ виду разноплеменности населенія Литвы, конкурентами всѣхъ классовъ народа и въ частности интелигенціи являются элементы, принадлежащіе къ другимъ націямъ. Это вызываетъ обостреніе во взаимныхъ отношеніяхъ націй. Развивается націонализмъ. Благодаря національному гнету онъ быстро усиливается и охватываетъ всѣ классы. Зарождается политическій сепаратизмъ.

Въ то же самое время подъ вліяніемъ экономическаго развитія края, развитія въ немъ еврейскаго рабочаго движенія, нѣмецкой и польской соціалистической литературы, изъ среды литовскихъ демократовъ выдѣляются соціалдемократы, идеологія которыхъ въ общемъ соотвѣтствуетъ идеологіи П. П. С. въ Царствѣ Польскомъ. Націонализмъ, широко распространившійся въ Литвѣ, во взглядахъ литовскихъ с.-д. отражается въ формѣ политическаго сепаратизма. Это вызываетъ недовольство среди нѣкоторыхъ старыхъ мѣстныхъ соціалистовъ, и въ 1896 г. въ Литвѣ образуются двѣ соціалъ-демократическія группы: „Литовская Соціалъ-Демократическая Партія“ и „Рабочій Союзъ Литвы“. Обѣ онѣ обнимаютъ лишь очень незначительную часть рабочихъ. Первая выставляетъ въ своей программѣ требованіе установленія федеративныхъ отношеній между Литвой и Россіей; вторая—демократизаціи государственнаго строя Россіи и полнаго равноправія для литовскаго и другихъ народовъ.

Л. С.-Д., благодаря своей программѣ, получаетъ вліяніе на широкіе слои интелигенціи и болѣе радикальную часть крестьянъ. Р. С.-Л.—остается небольшой рабочей группой.

Приближается 1905 г. Наканунѣ великихъ событій этого года въ Литвѣ устанавливаются слѣдующія отношенія.

Благодаря самодѣятельности общественныхъ элементовъ поднимается умственный уровень массъ; число грамотныхъ достигаетъ 52%; выходитъ заграницей около 20 газетъ и много всевозможныхъ брошюръ. Существуютъ политическія партіи съ широкимъ вліяніемъ на массы населенія. Въ рабочей средѣ дѣйствуютъ Л. С.-Д. и С.-Д. Ц. П. и Л., возникшая въ 1900 г. изъ

объединенія С.-Д. Ц. П. съ „Рабочимъ союзомъ Литвы". Интересы городской и сельской буржуазіи выражаютъ „Національная Партія Литовцевъ"— съ узко націоналистическимъ характеромъ и „Литовская демократическая Партія", строго придерживавшаяся демократическихъ принциповъ. Вслѣдствіе сильнаго національнаго гнета въ средѣ обѣихъ этихъ партій очень сильны сепаратистскія тенденціи: обѣ онѣ содержатъ въ своихъ программахъ требованіе независимости Литвы.

Наряду съ литовскими національными, мѣстными „краевыми" партіями на той же территоріи возникаютъ партіи другихъ національностей, которыя, съ одной стороны, сами принимаютъ мѣстный литовскій колоритъ, строя свои программы на анализѣ мѣстныхъ условій, съ другой—оказываютъ извѣстное вліяніе на литовское національное движеніе. Это въ рабочей средѣ: еврейская с.-д. партія—„Бундъ", польская группа извѣстная подъ названіемъ П. П. С., тѣсно связанная съ партіей того же названія въ Царствѣ Польскомъ; наконецъ Сѣверо-Западный Союзъ Россійской С.-Д. Рабочей Партіи, пытавшійся объединить всѣ соціалистическіе элементы края.

Въ буржуазныхъ кругахъ: среди евреевъ—сіонистское теченіе; среди поляковъ дворянская сословная группа „примирителей"—(угодовцевъ); національдемократическая,—всѣ эти группы находятся въ тѣсной организаціонной связи съ партіями тѣхъ же названій въ Царствѣ Польскомъ.

Что касается позиціи всѣхъ этихъ группъ въ области національнаго и спеціально литовскаго вопроса, то относительно нея можно сказать слѣдующее. Л. С.-Д. пропагандировала свою старую федералистстскую программу, но въ ея рядахъ появились элементы, приближавшіеся по своимъ взглядамъ къ С.-Д.-Ц. П. и Л.,—т. н. „автономисты", группировавшіеся, главнымъ образомъ, вокругъ газеты „Draugas", отстаивающіе необходимость совмѣстной съ пролетаріатомъ всего государства борьбы за демократизацію Россіи и автономію Литвы.

П. П. С. пропагандировала идеалъ польско-литовско-демократической республики; Сѣверо-Западной Союзъ Р. С.-Д. Р. П.—согласно съ программой партіи, принятой на ея II съѣздѣ, выставлялъ въ области національнаго вопроса требованія: 1) равноправія всѣхъ національностей; 2) широкаго самоуправленія тѣхъ областей Россіи которыя отличаются особыми бытовыми условіями и особымъ составомъ населенія; 3) права членовъ каждой націи получать образованіе на родномъ языкѣ и пользоваться послѣднимъ во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ; 4) права для каждой націи на самоопредѣленіе. Изъ буржуазныхъ партій: поляки „примирители" считали необходимымъ введеніе въ краѣ земскаго самоуправленія, равноправія для поляковъ и католиковъ; н.-д. пропагандировали идеалъ польско-литовскаго государства и усердно занимались распространеніемъ въ

мѣстномъ населеніи образованія на польскомъ языкѣ. Въ средѣ всѣхъ націй, населяющихъ Литву, націонализмъ сильно развился. Стремленія литовцевъ не находили себѣ поддержки у поляковъ и наоборотъ. Антисемитизмъ усилился и проникъ даже въ рабочую среду. Конкуренція между еврейскими и польскими рабочими на кожевенныхъ заводахъ въ Вильнѣ приводила неоднократно къ довольно серьезнымъ конфликтамъ. Соціалистическія организаціи усиленно боролись съ націонализмомъ, но лишь Сѣверо-Западный Союзъ, С.-Д. Ц. П. и Л. и Бундъ, какъ стоящіе на точкѣ зрѣнія международнаго соціализма, могли успѣшно выполнять эту задачу. Полное отсутствіе націонализма въ дѣятельности Сѣв.-Зап. Союза несомнѣнно содѣйствовало усиленію вліянія этой маленькой въ началѣ группки интеллигентовъ, но относящейся съ одинаковымъ вниманіемъ къ національнымъ интересамъ рабочихъ всѣхъ національностей Литвы.

Русско-Японская война отразилась крайне тяжело на положеніи народныхъ массъ, и недовольство въ ихъ средѣ правительственнымъ режимомъ дало себя сильно почувствовать. Уже въ 1904 г. власти, опасаясь революціоннаго взрыва, разрѣшили печатанье литовскихъ изданій латинскимъ алфавитомъ. Но это была капля въ морѣ нуждъ литовскаго населенія.

Въ 1905 г. революціонное движеніе разлилось широкой волной по странѣ и приняло рѣзкій боевой характеръ. Вездѣ на первый планъ выдвигалось требованіе національнаго освобожденія литовскаго народа.

Постепенно въ процессѣ борьбы стала намѣчаться формула національнаго самоопредѣленія, отличающаяся инымъ характеромъ, чѣмъ программныя требованія литовскихъ партій до революціи.

И въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ рабочая всеобщая забастовка дала толчекъ къ развитію революціонной борьбы, въ частности борьбы за національное освобожденіе. Въ воззваніяхъ Л. С.-Д., изданныхъ въ январѣ, а равно въ октябрѣ и декабрѣ, выставлялись все еще старыя требованія характеризующія ея отношеніе къ національному вопросу, а именно: 1) переустройство государственнаго порядка Россіи на демократическихъ началахъ, 2) „въ области отношеній отдѣльныхъ народовъ къ Россіи мы требуемъ: чтобы тѣ народы, которые хотятъ самоуправляться (пользоваться автономіей), какъ Литва, Польша, Финляндія, Украина и другіе, могли установить отношенія къ Россіи, какъ равные къ равной, и чтобы союзъ ихъ былъ свободный, не принудительный.

Отношенія между объединенными въ вышеуказанный союзъ народами опредѣляетъ созванное съ этой цѣлью собраніе, состоящее изъ представителей объединенныхъ странъ.

Въ этомъ союзѣ народовъ Литва должна составлять особое государство; ея политическое устройство должно быть опредѣлено сеймомъ въ Вильнѣ,

состоящимъ изъ представителей всего населенія Литвы, избранныхъ путемъ всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго голосованія".

Въ воззваніи Сѣверо-Западнаго Союза требовался созывъ всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

Требованія, выставленныя Л. С.-Д., формулировали, какъ оказалось впослѣдствіи, лишь взгляды незначительнаго большинства этой партіи. Они не могутъ считаться выраженіемъ національныхъ стремленій литовскихъ рабочихъ массъ; послѣднія чувствовали и понимали необходимостъ національнаго освобожденія, но находились на очень низкой стадіи политическаго развитія и были слишкомъ мало подготовлены къ тому, чтобы выставлять опредѣленныя политическія требованія. Онѣ откликнулись на призывъ соціалистическихъ партій, ибо тѣ вели ихъ борьбу съ хозяевами, ибо условіями ихъ быта диктовалась борьба за политическое и національное освобожденіе. При томъ Л. С.-Д. не была, какъ извѣстно единственной организаціей, пользовавшейся вліяніемъ среди литовскихъ рабочихъ. По мѣрѣ развитія революціоннаго движенія и развитія самодѣятельности массъ, изъ ихъ среды раздаются, какъ мы увидимъ, требованія нѣсколько другого характера. Однако, въ самомъ воззваніи Л. С.-Д. виденъ отпечатокъ спеціальныхъ условій Литвы—разноплеменности ея населенія: Л. С.-Д. не ограничивается требованіями лишь въ пользу литовцевъ, а опредѣляетъ свое отношеніе и къ другимъ націямъ, и для нихъ требуетъ одинаковыхъ правъ. Но въ Литвѣ рабочее движеніе не играетъ столь важной роли въ революціонной борьбѣ 1905 г., какъ въ Польшѣ.

Въ этой, по преимуществу крестьянской странѣ, крестьянскія массы, выступающія самостоятельно въ защиту права литовскаго народа на свободное національное развитіе, являются наиболѣе крупной силой національнаго движенія. Л. С.-Д. и въ ихъ средѣ работаетъ болѣе энергично, чѣмъ другія партіи. Ею созывались митинги въ деревняхъ Ковенскаго, Шавельскаго, Вилькомірскаго, Поневѣжскаго, Ново-Александрійскаго, Маріампольскаго, Россіенскаго уѣздовъ, ею организовались въ провинціи демонстраціи, какъ напримѣръ демонстрація въ Купишкахъ вилькомірскаго уѣзда. Но на многихъ митингахъ принимались резолюціи съ требованіемъ не федеративныхъ отношеній Литвы къ Россіи, а созыва всероссійскаго учредительнаго собранія и сейма въ Вильнѣ; въ другихъ мѣстахъ—автономіи Литвы; митингъ въ Россіенахъ выставилъ требованіе конституціи въ Россіи, автономіи для Польши, самоуправленія для Литвы.

Въ самый разгаръ революціоннаго движенія разногласія внутри Л. С.-Д. приняли крупные размѣры и привели къ выдѣленію изъ нея группы, издававшей газету „Драугасъ". Въ № 3 этой газеты, въ статьѣ „почему мы выступили?" указываются, между прочимъ, слѣдующія причины раскола: 1) отсутствіе въ Л. С.-Д. демократизма и оторванность отъ массъ, 2) сектант-

ское отношеніе къ П. П. С. и къ буржуазнымъ партіямъ, 3) необходимость съ точки зрѣнія „Драугаса“ ограничить дѣятельность Л. С.-Д. исключительно рабочими, пользующимися литовскимъ языкомъ, и предоставить остальныхъ другимъ національнымъ соціалистическимъ партіямъ, 4) неумѣстность постулата независимости Литвы, 5) необходимость аграрной программы.

Выступленіе „Драугасистовъ“ является важнымъ моментомъ въ процессѣ національнаго самоопредѣленія Литовскаго народа. Очень важнымъ моментомъ въ этомъ процессѣ является и съѣздъ литовцевъ-учителей—общественнаго элемента, наиболѣе близкаго къ народнымъ массамъ, состоявшійся въ іюлѣ 1905 г. въ Вильнѣ. На этомъ съѣздѣ организовался Союзъ учителей литовцевъ и выработана программа послѣдняго. Въ ней выставлены слѣдующія задачи: 1) „Борьба за полную реорганизацію дѣла народнаго просвѣщенія въ Литвѣ, а именно: a) націонализація всѣхъ школъ низшихъ и среднихъ; b) возрожденіе и націонализація Виленскаго университета; c) введеніе всеобщаго, безплатнаго обязательнаго обученія; d) согласованіе школъ всѣхъ типовъ, дающее возможность по окончаніи низшей школы переходить свободно въ высшую; передача завѣдыванія и надзора за школами въ руки мѣстнаго самоуправленія. 2) Борьба за автономію Литвы“.

Явная эволюція замѣчается въ теченіе 1905 г. въ программѣ партіи демократовъ Литвы. Она выставляетъ требованіе широкой автономіи Литвы въ этнографическомъ значеніи этого слова съ сеймомъ въ Вильнѣ.

Идентичную программу выставилъ образовавшійся въ 1905 г. „Крестьянскій Союзъ Литвы“.

Въ теченіе всего года происходитъ въ средѣ литовскихъ партій колебаніе между территоріальнымъ и національнымъ принципами. Почти всѣ партіи принимаютъ названіе „Литвы“ вмѣсто „Литовской“, но имѣютъ въ виду этнографическую Литву.

Этапы борьбы, которая велась наряду съ рабочими забастовками, слѣдующіе. Сначала происходятъ митинги, и на нихъ принимаются резолюціи, заключавшія въ себѣ требованія экономическаго и политическаго характера, въ области національнаго вопроса чаще всего сводящіяся къ требованію автономіи Литвы и полнаго равноправія національностей и вѣроисповѣданій; затѣмъ подобныя же резолюціи выносятся гминными сходами. Наконецъ, къ осени начинается „бойкотъ“ государственныхъ учрежденій. Бойкотировались крестьянами всѣ чиновники русскаго происхожденія, правительственные судьи, школы, гдѣ преподаваніе велось на русскомъ языкѣ. Прекратилась уплата податей. Старосты и старшины низлагались со своихъ должностей и замѣнялись новыми, выбранными на основѣ всеобщаго голосованія. Въ тече-

[1]) См. „Uilnivs Zinios“ № 261.

ніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ крестьяне принудили 150 учителей—русскихъ оставить свои должности. И характерный фактъ: въ ноябрѣ учителя русскіе, удаленные крестьянами, собрались въ Ковнѣ и приняли резолюцію, въ которой заявляли, что они признаютъ правильными дѣйствія крестьянъ, удалившихъ ихъ, что всѣ русскіе должны уступить мѣста свои учителямъ-литовцамъ, ибо тѣ принесутъ гораздо больше пользы населенію, и что они протестуютъ лишь противъ случаевъ насилія надъ удаляемыми.

Требованія національзаціи школъ нашли откликъ и среди поляковъ, буржуазіи, населяющихъ города Литвы. Виленская городская управа, Виленское и Ковенское сельско-хозяйственныя общества, отдѣленія всероссійскаго союза адвокатовъ, собранія чиновниковъ выставляютъ требованіе веденія преподаванія въ школахъ на языкѣ мѣстнаго населенія и допущеніе на должности учителей лицъ всѣхъ населяющихъ Литву національностей.

Наиболѣе важнымъ событіемъ въ процессѣ національной борьбы литовцевъ въ 1905 г. былъ состоявшійся въ Вильнѣ 21 и 22 ноября съѣздъ представителей Литовскаго народа.

Иниціаторомъ съѣзда былъ глава Литовскихъ „просвѣтителей“, основатель газеты „Аушра“—д-ръ Басановичъ, организаторомъ—партія демократовъ Литвы. Л. С.-Д. отъ участія въ комитетѣ, подготовлявшемъ съѣздъ, отказалась. Наоборотъ, націоналисты приняли въ немъ дѣятельное участіе; Организаціонный Комитетъ крестьянскаго схода—тоже. Комитетъ призвалъ народныя массы къ выборамъ демократовъ на съѣздъ. Избирательными единицами были: мѣстами—волости и гмины, мѣстами приходъ, деревня, мѣстами фабрика, крупное имѣніе. Выборы происходили на основѣ всеобщаго голосованія. Съѣздъ этотъ является въ высшей степени интересной попыткой созданія органа національнаго самоопредѣленія. И онъ дѣйствительно былъ отраженіемъ воли громаднаго большинства народа.

Съѣздъ собрался 21 ноября въ Виленскомъ городскомъ залѣ. Явилось около 2.000 человѣкъ. Изъ нихъ 1.000 было выборныхъ делегатовъ, а около 1.000 явилось по собственному желанію; въ средѣ послѣднихъ преобладали крестьяне изъ разныхъ мѣстъ края. Были также рабочіе и интеллигенты, не говорившіе на литовскомъ языкѣ, но признававшіе себя литовцами и принимавшіе живое участіе въ съѣздѣ.

Явились представители всѣхъ партій. Было и нѣсколько десятковъ католическихъ ксендзовъ. Въ началѣ перваго засѣданія присутствовавшіе почтили вставаніемъ память слѣдующихъ лицъ: 1) жертвъ революціи, 2) основателя Вильны—Гедимина, 3) всѣхъ павшихъ въ борьбѣ за свободу, 4) скромныхъ культурныхъ дѣятелей Литвы.

Послѣ двухъ-дневныхъ совѣщаній съѣздъ принялъ слѣдующія резолюціи:“ 1) Признавая абсолютизмъ своимъ врагомъ, признавая, что только путемъ

побѣдоносной борьбы возможно улучшить свой бытъ, мы, собравшіеся здѣсь литовцы, постановляемъ: просвѣщаться, объединяться и выступать на борьбу сообща со всѣми борющимися народами Россіи.

2) Такъ какъ нужды жителей Литвы могутъ быть удовлетворены только при существованіи въ нашемъ краѣ автономіи и при томъ условіи, что другіе, живущіе въ Россіи, народы, имѣютъ возможность пользоваться свободой, съѣздъ литовцевъ потановляетъ: требовать автономіи Литвы съ сеймомъ въ Вильнѣ, на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, національности, вѣроисповѣданія. Эта автономная Литва должна состоять изъ современной этнографической Литвы, какъ ядра, и тѣхъ окраинъ, которыя по экономическимъ, культурнымъ, національнымъ и др. причинамъ тяготѣютъ къ этому ядру и сами пожелаютъ присоединиться къ нему. Такъ какъ собравшіяся на литовскій съѣздъ литовцы сувалкской губерніи единогласно признали необходимымъ вмѣстѣ съ литовцами другихъ губерній бороться за автономію Литвы, съѣздъ постановляетъ, что литовцы упомянутой губерніи должны быть присоединены къ автономной Литвѣ. Отношеніе къ другимъ частямъ Россіи должно основываться на федеративныхъ началахъ.

Чтобы добиться автономіи, прежде всего необходимо перестроить государственный механизмъ. Надо объединить какъ всѣ партіи Литвы, такъ и всѣхъ отдѣльныхъ лицъ. Сплотившись дома, намъ надо объединиться со всѣми народами Россіи, которые стремятся къ достиженію свободы. Не вносить въ казну никакихъ платежей, закрывать казенныя винныя лавки, не отдавать дѣтей въ русскія школы. Не прибѣгать въ ковенской, виленской, гродненской губерніяхъ къ помощи волостныхъ судовъ и другихъ правительственныхъ учрежденій; не отпускать своихъ братьевъ и дѣтей на военную службу, и, въ случаѣ надобности, устраивать въ городахъ и деревняхъ всеобщія забастовки.

Во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ Литвы долженъ быть въ обращеніи мѣстный литовскій языкъ. Такъ какъ современная школа является средствомъ обрусенія, а не обученія, то всѣ такія школы надо сдѣлать національными, чтобы ученіе велось на родномъ языкѣ и чтобы само населеніе назначало учителей въ эти школы“.

Съѣздъ вызвалъ къ себѣ сильный интересъ во всѣхъ слояхъ населенія Литвы и обезпокоилъ мѣстныя власти. Во время его совѣщаній генералъ-губернаторъ-Фрезе по телеграфу сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что онъ находитъ полезнымъ для края ввести литовскій языкъ въ начальныхъ школахъ и волостяхъ и реорганизовать съ этой цѣлью поневѣжскую учительскую семинарію.

Характерной чертой резолюцій съѣзда является требованіе автономіи Литвы, какъ слѣдствія преобразованія государственнаго строя Россіи. Со-

стоявшіяся во время съѣзда засѣданія крестьянъ, положившія основу организаціи Литовскаго крестьянскаго союза, формулировали требованіе автономіи Литвы, не придавъ ему того федералистическаго оттѣнка, какой очевиденъ въ резолюціяхъ съѣзда.

Резолюціи съѣзда, опредѣлившія методы борьбы, немедленно были введены въ жизнь крестьянскими массами. Что касается программныхъ резолюцій, то онѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ дополнялись; такъ, напр., въ Скопишкахъ крестьяне, собравшіеся въ числѣ 1000, заявили, что будучи, въ общемъ, согласны съ резолюціями, они, кромѣ того, требуютъ, чтобы въ школахъ дѣти литовскія обучались по-литовски, еврейскія — по-еврейски, русскія—по русски.

Когда литовское революціонное движеніе было подавлено, то борьба литовскихъ народныхъ массъ за національное освобожденіе приняла форму давленія на Государственную Думу, съ одной стороны, и культурной дѣятельности съ другой. Въ первомъ случаѣ доминирующую роль играетъ Л. С. Д., съ которой къ тому времени объединяются „Драугасисты“ и всѣ с.-д. элементы литовскаго населенія; во второмъ „Демократическая Партія Литвы“.

Л. С.-Д. ведетъ и энергичную организаціонную дѣятельность, особенно въ области профессіональнаго движенія. Выборы въ I Госуд. Думу она бойкотируетъ; во время нихъ проходятъ: 2 либерала, 3 радикала-трудовика; 2 безпартійныхъ. Принявъ горячее участіе во II-ой избирательной кампаніи, Л. С.-Д. проводитъ въ Думу 5 своихъ членовъ; кромѣ того, проходятъ 1 либералъ и 1 трудовикъ. Въ III Думѣ изъ 4 депутатовъ—3 трудовика, 1—с.-д.

С.-Д., депутаты II Думы, въ изданномъ ими воззваніи къ избирателямъ, заявили, между прочимъ, что они будутъ бороться за преобразованіе Думы въ демократически избранное законодательное собраніе и за автономію для Литвы съ особымъ сеймомъ, за введеніе литовскаго языка въ дѣлопроизводство и школьное преподаваніе и въ то же время за признаніе равныхъ правъ языкамъ: евреевъ, поляковъ, бѣлоруссовъ, русскихъ. Въ аналогичномъ направленіи подавались въ Думу наказы литовскими крестьянами. Литовскіе депутаты первые изъ среды Л. С.-Д. выдвинули открыто требованіе автономіи вмѣсто прежней федералистской программы партіи. Въ томъ же 1907 г. и вся партія на своемъ съѣздѣ приняла новую программу съ требованіемъ автономіи и съ опредѣленіемъ слѣдующей компетенціи литовскаго сейма: 1) культурныя дѣла; 2) аграрный вопросъ; 3) областная администрація; 4) налоги на нужды края; 5) судъ; 6) милиція. Еще до съѣзда обнаружилась въ Л. С. Д. признаки новаго теченія въ области національнаго вопроса, выразившагося въ № 4 издаваемаго партіей органа „Die Arbeiterstimme vun

Lite", предназначеннаго для еврейскихъ рабочихъ края. „Ни одна нація— читаемъ мы тамъ—не представляетъ въ Литвѣ абсолютнаго большинства, и кромѣ поляковъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ и евреевъ, численность которыхъ мѣстами почти одинакова, Литву населяютъ меньшими группами: нѣмцы, русскіе. Поэтому территоріальный способъ разрѣшенія національнаго вопроса лишь въ малой степени содѣйствовалъ бы культурному развитію отдѣльныхъ націй въ области школьнаго и другихъ вопросовъ". Лучшую гарантію такового развитія органъ видитъ въ установленіи пропорціональнаго культурнаго бюджета для всѣхъ національностей Литвы. Взгляды „Arbeiterstimme vun Lite" не оказали вліянія на работы съѣзда, тѣмъ не менѣе, они представляютъ интересную попытку всесторонняго разрѣшенія національнаго вопроса, отражающую въ себѣ всю его сложность въ виду разноплеменности населенія страны.

Плоды культурной дѣятельности литовцевъ въ теченіе 1906 и 1907 г. очень значительны. Въ Литвѣ возникли слѣдующія литовскія образовательныя общества: 1) „Свѣтило" въ Сувалкской губ. насчитываетъ нѣсколько тысячъ членовъ; основало 1 женскую гимназію и нѣсколько школъ съ преподаваніемъ на литовскомъ языкѣ; имѣетъ 50 отдѣленій; издаетъ органъ „Источникъ". 2) „Солнце"—общество той же категоріи—въ Ковенской губ.; не уступаетъ первому по своимъ размѣрамъ и интенсивности дѣятельности. 3) „Свѣтъ"—въ Сувалкской губерніи; отличается ясно выраженнымъ радикальнымъ направленіемъ; имѣетъ 18 отдѣленій съ 700 членовъ. 4) „Общество распространенія литовскихъ книгъ". Имѣются также крупныя издательскія фирмы. Выходитъ на литовскомъ языкѣ 40 слишкомъ періодическихъ изданій.

Культурная дѣятельность проявилась равнымъ образомъ въ организаціи кооперативовъ, изъ которыхъ 60 возникло въ одной лишь Ковенской губерніи.

Слабой стороной литовской культуры является очень незначительное развитіе изящной литературы. Во всякомъ случаѣ, какъ мы видимъ, литовское національное движеніе въ разсматриваемый періодъ приняло крупные размѣры.

III.

Національное движеніе латышей сильно отличается по своему характеру отъ литовскаго. Населенный латышами Прибалтійскій край—это область Россіи съ наиболѣе развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ. Наряду съ высоко развитой городской промышленностью капитализмъ охватилъ тамъ и сельское хозяйство. Около 2.500.000 десятинъ земли принадлежитъ 1.500 дворянамъ, почти исключительно нѣмецкимъ баронамъ. 2.000.000 дес.—

латышскимъ крестьянамъ, число которыхъ достигаетъ 1.300.000. Средній размѣръ помѣщичьихъ имѣній—2.000 десятинъ, но нерѣдки громадныя латифундіи, какъ Дондангенская въ Лифляндіи—66.700 дес., Попенгофская—въ Курляндіи—46.500 дес. Крестьяне дѣлятся на бобылей, владѣющихъ отъ $^1/_2$ до 5 дес., и крестьянскую буржуазію, хозяйства которой по своему размѣру колеблются между 30 и 300 десятинъ.

Подобный характеръ носятъ и хозяйственныя отношенія въ Эстляндіи, но тамъ не такъ рѣзко выступаютъ классовыя противорѣчія.

Число пролетаріевъ во всѣхъ 3 губерніяхъ—1.300.000, т. е. болѣе половины населенія; изъ этого числа 80.000—городскихъ рабочихъ; остальные—сельско-хозяйственные. Хозяйство повсюду—многопольное.

Въ этнографическомъ отношеніи большинство населенія—1.700.000 изъ 2.900.000—составляютъ латыши; 884.000—эсты; 165.000—нѣмцы; 62.800—евреи; 23.211—литовцы; 128.789—русскіе; 35.057—поляки.

Латыши и эсты составляютъ большинство населенія городовъ.

Въ городахъ же живетъ около $^3/_4$ нѣмецкаго населенія. Латыши разсѣяны и по другимъ мѣстностямъ и странамъ; такъ, въ Витебской губ. ихъ 217.000; столько же—въ Америкѣ; нѣсколько десятковъ тысячъ въ Восточной Сибири. Большая часть земли, какъ мы видимъ—въ рукахъ нѣмцевъ; большинство пролетаріевъ и бобылей латыши—въ Лифляндіи и Курляндіи, эсты—въ Эстляндіи. Въ рукахъ нѣмцевъ сосредоточена значительная часть промышленнаго и торговаго капитала. И Латышскій край, и Эстляндія имѣютъ городское и сельское самоуправленіе съ центральными органами—ландтагами. Но большинство органовъ самоуправленія захватили въ свои руки бароны—нѣмцы. Въ ихъ рукахъ находились также: полиція, судъ, право назначенія пасторовъ, т. н. „право патроната“, школьное дѣло. Нѣмецкая аристократія вела энергично политику онѣмеченія населенія края.

До 1884 г. эта политика тормозилась борьбой съ нею русской бюрократіи, считавшей нѣмцевъ опаснымъ элементомъ и дававшей въ виду этого извѣстную долю свободы развитію латышской и эстляндской культуры. Но съ тѣхъ поръ усиленіе реакціи въ Россіи въ царствованіе Александра III отражается въ Прибалтійскомъ краѣ усиленной руссификаціей латышскаго и эстонскаго населенія. Послѣднее подвергается національному гнету съ двухъ сторонъ.

Вышеуказанныя условія развитія латышей и эстовъ положили свой отпечатокъ и на характеръ революціоннаго и національнаго движеній среди этихъ народовъ въ началѣ XX ст. Національное движеніе въ обычномъ значеніи этого слова сравнительно слабо. Революціонное движеніе во всѣхъ его формахъ—сильнѣе, чѣмъ на всемъ остальномъ пространствѣ государства. Оно выражается въ борьбѣ за политическое освобожденіе края, въ борьбѣ за уничто-

женіе диктатуры бароновъ, за улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ и расширеніе землепользованія крестьянъ. Революціонная барьба въ Латышскомъ краѣ и Эстляндіи—это классовая борьба пролетарскихъ массъ, поддерживаемая: 1) бобылями-крестьянами, порабощенными нѣмецкими баронами и бюрократіей, и 2) латышской городской и сельской буржуазіей. Послѣдняя была не особенно вѣрнымъ союзникомъ пролетаріата; всякій разъ, какъ бывала возможность соглашенія съ бюрократіей или опасность, что пролетарское движеніе перейдетъ извѣстные предѣлы, она ему измѣняла. Но все же въ теченіе 1905 г. она въ общемъ и цѣломъ поддерживала его, руководимая: 1) потребностью упраздненія, въ интересахъ промышленнаго развитія, бюрократическаго строя; 2) желаніемъ освободиться отъ гегемоніи бароновъ, взять въ свои руки органы самоуправленія и „право патроната“; 3) желаніемъ воспользоваться баронскими латифундіями; 4) потребностью уничтоженія національнаго гнета, тяготѣющаго надъ латышами. Борьба пролетаріата, несмотря на свой исключительно классовый характеръ, является единственной могущественной силой, подрывающей основы этого гнета и въ Лифляндіи, и въ Курляндіи и въ Эстляндіи. У эстовъ, гдѣ дифференціація населенія и развитіе классовыхъ противорѣчій слабѣе, мы встрѣчаемъ также солидарныя общенародныя выступленія въ защиту національныхъ правъ. Если въ Польшѣ и, особенно въ Литвѣ національный гнетъ тормозитъ развитіе классовыхъ антагонизмовъ, то въ средѣ латышей, наоборотъ, сословная диктатура бароновъ затормозила развитіе національнаго движенія и разработку національнаго вопроса. А между тѣмъ, послѣдній въ Прибалтійскомъ краѣ очень сложенъ: это вопросъ отношенія латышей и къ русскимъ, и къ нѣмцамъ, и къ евреямъ, и къ литовцамъ, и къ др. Латыши—самая культурная нація края. Но культура ихъ—молода, ихъ національное сознаніе зародилось еще очень недавно. Такъ, напр., подъ давленіемъ крайней нищеты латышскіе крестьяне въ 40 г.г. XIX ст. въ числѣ 140,000 перешли въ православіе, надѣясь, вслѣдствіе пущенныхъ властями слуховъ, что этотъ переходъ обезпечитъ имъ землю и хлѣбъ.

По мѣрѣ того, какъ въ началѣ 60 г.г. въ латышскихъ губерніяхъ развивается капитализмъ, картина мѣняется. Появляются многочисленные кадры латышской интеллигенціи. Движимая своими экономическими групповыми интересами, интеллигенція эта съ поразительной энергіей работаетъ надъ развитіемъ національной культуры и подъемомъ умственнаго уровня массъ. Уже въ 1848 г. появляются первые кружки молодежи, изучавшіе латышскій языкъ и исторію западно-европейскихъ, особенно нѣмецкихъ, просвѣтителей. Подъ эгидой нѣмецкой культуры развивается національное сознаніе народа, который впослѣдствіи нанесетъ рѣшительный ударъ господству нѣмецкаго элемента въ краѣ.

Въ 1868 г. уже появляется первое утвержденное властями культурное общество, извѣстное подъ названіемъ „Латышское Общество“, существующее и понынѣ, и, вскорѣ послѣ своего возникновенія, ставшее центромъ латышскаго національнаго движенія. Это—продуктъ самодѣятельности латышской буржуазіи. Молодое національное движеніе латышей съ тѣхъ поръ разрушаетъ всѣ препятствія, которыя ему ставитъ нѣмецкая родовая и денежная аристократія. Въ 1871 г. происходитъ первый съѣздъ сельскихъ хозяевъ съ 514 участниками; въ 1873 г.—первый съѣздъ латышскихъ народныхъ учителей, явившихся на него въ числѣ 520 человѣкъ. Въ томъ же году создается новый очагъ развитія національной культуры—„всеобщіе латышскіе пѣвческіе праздники“.

Развитіе класса сельской буржуазіи создаетъ матеріальную основу для культурнаго развитія народа. Ростъ пролетаріата и все усиливающаяся эксплоатація крестьянъ и сельской буржуазіи нѣмецкими баронами, а равно хозяйничанье въ краѣ русской бюрократіи готовитъ кадры революціонной арміи для борьбы за свободу этого развитія.

Въ 90-хъ гг. появляются первыя политическія партіи.

Характеръ ихъ политическихъ требованій и въ частности формулы національнаго самоопредѣленія обусловливается общественными отношеніями въ краѣ и классовыми интересами составившихъ ихъ группъ населенія.

Сепаратистскія стремленія не находятъ удобной почвы для своего развитія въ политической мысли латышскаго народа: нѣмцы—врагъ внутренній, сильнѣе и опаснѣе русскихъ властей; край пользуется самоуправленіемъ, но именно нѣмецкая аристократія дѣлаетъ таковое неотвѣчающимъ интересамъ массъ; народъ не имѣетъ историческаго прошлаго. Все же интеллигенція, общественный слой наиболѣе склонный къ сепаратизму и вездѣ стоящій на стражѣ національной культуры, въ теченіе долгаго времени лелѣетъ заимствованную у другихъ націй формулу національнаго самоопредѣленія—постулатъ независимаго латышскаго государства. Его выставляетъ „Латышскій Соціалдемократическій Союзъ“, сосредоточившій въ своихъ рядахъ значительную часть латышской революціонной интеллигенціи, развившійся въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ П. П. С. Напротивъ, „Соціалдемократія Латышскаго края“, въ которой, на ряду съ значительной группой сознательныхъ рабочихъ, объединилась та часть революціонной интеллигенціи, которой удалось отрѣшиться отъ примѣси мелкобуржуазной идеологіи и всецѣло стать на точку зрѣнія рабочаго класса, выставляетъ требованіе радикальнаго преобразованія: 1) государственнаго строя Россіи и 2) самоуправленія края на широкихъ демократическихъ началахъ и на основѣ полнаго равноправія національностей и вѣроисповѣданій, и введенія латышскаго языка въ школахъ и присутственныхъ мѣстахъ. Борьба съ Л. С.-Д. С., содѣйствовавшимъ своей дѣятель-

ностью развитію націонализма, крайне вреднаго для развитія классоваго сознанія рабочихъ, и общія условія дѣятельности—были причиной того, что С.-Д. Л. К. слишкомъ мало занималась національнымъ вопросомъ, обращая главное вниманіе на борьбу съ націонализмомъ.

По указаннымъ нами выше причинамъ государственный сепаратизмъ не находитъ себѣ мѣста и въ политическихъ стремленіяхъ латышской крупной и мелкой городской и сельской буржуазіи. Въ ея средѣ сильна ненависть и къ нѣмцамъ и къ русскимъ, но къ первымъ—гораздо сильнѣе. Что касается буржуазныхъ латышскихъ партій, то раньше ихъ образовалась „Балтійская конституціонная партія"—организація нѣмецкаго дворянства, а затѣмъ уже „Латышская народная партія", „Латышская констит.-демократическая", „Латышская демократическая" партіи, но всѣ онѣ возникли уже въ процессѣ борьбы 1905 г.

Борьба, какъ уже указано, имѣла здѣсь чисто-классовый характеръ. Ея проявленія: всеобщія забастовки городскихъ и сельскихъ рабочихъ; митинги, выносившіе резолюціи съ политическими требованіями; отказъ крестьянъ отъ уплаты податей и аренды; бойкотъ русской администраціи; погромы замковъ и имѣній бароновъ; организованное вооруженное возстаніе. Всеобщая забастовка вспыхнула прежде всего въ городахъ края, во имя лозунговъ, выставленныхъ „Соціалдемократіей Латышскаго края" въ ея воззваніяхъ, изданныхъ въ началѣ января 1905 г., вслѣдъ за выступленіемъ петербургскихъ рабочихъ.

Лозунги эти были: созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія на широкихъ демократическихъ началахъ и основѣ полнаго равноправія національностей. Во имя тѣхъ же лозунговъ были организованы всѣ всеобщія политическія забастовки. И здѣсь сознательные политически рабочіе составляли немногочисленное меньшинство бастовавшихъ, хотя несомнѣнно большій %, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ государства. Но самодѣятельность и культурный уровень рабочихъ латышскихъ выше, чѣмъ другихъ, и, вслѣдствіе этого, уровень ихъ классоваго сознанія въ процессѣ борьбы 1905 г. значительно повысился. Резолюціи, принимавшіяся на митингахъ, заключали въ себѣ требованія обезпеченія свободы національнаго развитія латышей, но по своему характеру были идентичны съ позиціей С.-Д. Л. К. Эта партія шла во главѣ всего революціоннаго движенія. Обыкновенно рабочіе, собравшіеся на митингъ, требовали: созыва всероссійскаго учредительнаго собранія, сейма на демократическихъ началахъ въ Ригѣ, равноправія національностей, введенія латышскаго языка въ школахъ и всѣхъ учрежденіяхъ. Но мѣстами, гдѣ преобладало вліяніе Л. С.-Д. С., принимались и другого рода резолюціи, указывавшія, однако, что выносившія ихъ пролетарскія массы ближе къ жизни, чѣмъ организаторы движенія изъ Л. С.-Д. Союза. Такъ, напр.,

митингъ, состоявшійся въ м. Нитауренъ 20 сентября, въ которомъ приняло участіе 3,000 рабочихъ и крестьянъ, выставилъ требованіе въ національной сферѣ: созыва сейма въ Ригѣ для рѣшенія мѣстныхъ прибалтійскихъ дѣлъ.

Требованія латышской буржуазіи въ области національнаго вопроса формулировали „Латышская к.-д. партія“ и „Латышская реформистская партія“; они сводятся къ требованіямъ: 1) широкаго самоуправленія, основаннаго на имущественномъ цензѣ; 2) латышскаго языка въ школѣ, судѣ, самоуправленіи; 3) передачи надзора надъ школами органамъ самоуправленія. Идентичныя требованія были выставлены организаціей латышской городской и сельской мелкой буржуазіи—латышской демократической партіей, отличавшейся отъ предыдущихъ, главнымъ образомъ, требованіемъ всеобщаго избирательнаго права. Стремленія городской и сельской мелкой буржуазіи выражаетъ, между прочимъ, петиція Кангарскаго сельскохозяйственнаго общества; она требуетъ: 1) широкой реформы мѣстнаго самоуправленія на демократическихъ началахъ; 2) преподаванія на родномъ языкѣ учащихся во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ латышскій языкъ вводится въ качествѣ обязательнаго предмета преподаванія; 3) для всѣхъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ обязательно знаніе латышскаго языка; 4) раздѣленіе Лифляндской губерніи, сообразно экономическому и племенному составу населенія съ присоединеніемъ эстонской части къ однородной по составу Эстляндской губерніи; 5) введеніе для крестьянъ судовъ присяжныхъ; 6) расширеніе правъ органовъ крестьянскаго самоуправленія и упраздненіе дворянскихъ привилегій; 7) свобода совѣсти, слова, собраній, союзовъ etc.

Выраженіе стремленій пролетарскихъ и крестьянскихъ массъ въ дѣлѣ обезпеченія національнаго развитія мы находимъ въ резолюціяхъ, принятыхъ: 1) съѣздомъ латышскихъ народныхъ учителей, состоявшимся въ Ригѣ 10 ноября 1905 г.; и 2) съѣздомъ крестьянъ. На первый явилось свыше 1,000 учителей.

Союзъ нашелъ, что интересы школы столь тѣсно связаны съ общими интересами страны, что выдѣлить ихъ особо нѣтъ никакой возможности. Поэтому самой неотложной мѣрою къ проведенію коренной школьной реформы является немедленный созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія, избраннаго на демократическихъ началахъ, безъ различія національности, пола, вѣроисповѣданій.

Только послѣ такого рода радикальнаго переустройства государственнаго порядка Россіи народная школа можетъ быть реорганизована на слѣдующихъ началахъ: 1) передача народнаго образованія въ вѣдѣніе органовъ самоуправленія: 2) введеніе обязательнаго безплатнаго совмѣстнаго обученія для дѣтей обоего пола отъ 8 до 16 лѣтъ безъ различія вѣроисповѣданій и національностей, при чемъ дѣти неимущихъ должны быть содержимы на счетъ

общества; наиболѣе способнымъ ученикамъ и ученицамъ должна быть дана возможность полученія высшаго образованія. 3) Введеніе преподаванія въ народной школѣ на родномъ языкѣ. 4) Согласованіе программъ народныхъ школъ со школами высшаго типа. 5) Введеніе въ программу городскихъ школъ: естественныхъ наукъ, гигіены, законовѣдѣнія, политической экономіи и исторіи. 6) Полное отдѣленіе церкви отъ школы. 7) Увеличеніе числа школъ и штата учащихъ. 8) Открытіе особыхъ факультетовъ для подготовки учителей народныхъ школъ; 9) Улучшеніе матеріальнаго быта учителей. 10) Образованіе совмѣстныхъ конференцій изъ родителей и учителей для обсужденія всѣхъ вопросовъ воспитанія. Спустя 9 дней послѣ съѣзда учителей—19 ноября состоялся въ Ригѣ же съѣздъ крестьянъ съ участіемъ 1000 делегатовъ. Онъ выработалъ планъ организаціи временнаго революціоннаго самоуправленія и планъ дальнѣйшей борьбы, одобрилъ планъ реорганизаціи школъ, выработанный съѣздомъ учителей. Относительно національнаго вопроса съѣздъ высказалъ мнѣніе, что судьба Прибалтійскаго края неотдѣлима отъ судьбы Россіи, и что широкое мѣстное самоуправленіе въ демократической Россіи обезпечитъ всѣ національно-культурные интересы латышей, и требовать еще особой національной автономіи, подобно литовцамъ, для латышей нѣтъ необходимости. Единственную гарантію осуществленія всѣхъ мѣръ, указанныхъ имъ для улучшенія быта латышскихъ народныхъ массъ и созданія условій свободнаго развитія національной культуры латышей, крестьянскій съѣздъ видитъ въ созывѣ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія на началахъ всеобщаго голосованія.

Согласно постановленій съѣзда въ вопросѣ о мѣрахъ дальнѣйшей борьбы, волостныя правленія были замѣнены избранными на волостныхъ сходахъ временными коммисіями. Бойкотъ администраціи и отказъ платить подати былъ проводимъ еще съ большей, чѣмъ раньше, устойчивостью. Въ половинѣ ноября было введено военное положеніе. Въ отвѣтъ на это во всѣхъ концахъ края были подожжены баронскіе замки, изъ которыхъ обыкновенно войска совершали набѣги на деревни. Начался періодъ казней и карательныхъ экспедицій, закончившійся подавленіемъ революціонной борьбы. Въ теченіе не полнаго года карательными отрядами казнено 750 человѣкъ, но это лишь часть жертвъ этого періода.

Начиная съ 1907 г., національное движеніе латышей группируется вокругъ Государственной Думы и просвѣтительныхъ и профессіональныхъ обществъ. Во время выборовъ въ 1-ую Думу с.-д. не принимали въ ней участія, всѣ же буржуазные элементы всѣхъ націй объединились въ Ригѣ въ блокъ для совмѣстной борьбы противъ блока нѣмецкой буржуазіи съ баронами, и имъ удалось собрать 62,1% всѣхъ голосовъ. Во время второй избирательной кампаніи въ блокъ національныхъ буржуазныхъ партій вошли и с.-д. и,

собравъ большинство голосовъ, провели въ Думу своего кандидата. Во время выборовъ въ 3-ью Думу одна изъ латышскихъ буржуазныхъ группъ измѣнила блоку, вслѣдствіе чего въ I куріи прошелъ нѣмецъ. Въ провинціи, благодаря давленію реакціи, с.-д. не прошли, а были избраны во время всѣхъ трехъ кампаній—буржуазные латышскіе демократы. Революціонное рабочее и крестьянское движеніе съ одной стороны, солидарное выступленіе въ избирательныхъ кампаніяхъ всѣхъ угнетенныхъ съ другой заставили нѣмецкую аристократію пойти на нѣкоторыя уступки; это стало тѣмъ болѣе для нея необходимымъ, что начали замѣчаться проявленія оппозиціонности въ рядахъ нѣмецкой буржуазіи, раньше ея вѣрнаго союзника. И вотъ въ настоящее время устное волостное дѣлопроизводство ведется на латышскомъ языкѣ; нѣмецкая печать высказывается за допущеніе латышскаго языка въ судахъ, органахъ самоуправленія, въ качествѣ преподавательнаго въ низшей школѣ.

Въ организаціи профессіональныхъ союзовъ и образовательныхъ обществъ самое дѣятельное участіе приняли с.-д., вслѣдствіе чего с.-д. партія сохранила прочную связь съ рабочими массами. Благодаря усиленной дѣятельности всѣхъ демократическихъ элементовъ населенія въ теченіе послѣднихъ 3 лѣтъ замѣчается сильный ростъ культурныхъ обществъ. Таковы: „Латышское Культурное Общество“, общества трезвости, пѣвческія общества двухъ категорій—націоналистическія и прогрессивныя; драматическія общества: націоналистическое, буржуазно-демократическое, соціалдемократическое.

Богатая латышская изящная литература, также какъ и польская, очень слабо отразила періодъ революціи; гораздо болѣе сильное вліяніе оказалъ на нее послѣдующій контръ-революціонный періодъ.

На ряду съ произведеніями художниковъ, чуткихъ ко всѣмъ событіямъ общественной жизни,—I. Райниса, Аспазіи, Траймана, Плюдона, Скальбе, Аккуратера, Упита, появляется масса художниковъ декадентовъ; нѣкоторые прежніе реалисты становятся мистиками или создаютъ произведенія, посвященныя „проблемѣ пола“. В. Эглитъ и Н. Эльдгастъ являются наиболѣе талантливыми представителями декадентскаго теченія. Оба они непримиримые враги соціализма и рабочаго класса. Первый въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ кипитъ злобой и отвращеніемъ къ рабочимъ массамъ. На ряду съ этими писателями, появляются десятки иныхъ, окрещенныхъ латышской критикой именемъ бездарностей, пережевывающихъ на всѣ лады проблему пола. Эта литература получаетъ такое широкое развитіе, что одинъ изъ извѣстныхъ латышскихъ критиковъ—марксистъ Янсонъ спеціально занялся борьбой съ декадентствомъ.

Въ послѣднее время въ латышской с.-д. печати, подъ вліяніемъ борьбы съ націонализмомъ, замѣчается сильный интересъ къ національному вопросу

и склонность къ выставленію, на ряду съ прежнимъ требованіемъ самоуправленія на демократическихъ началахъ, также требованія экстерриторіальной автономіи для всѣхъ народовъ, населяющихъ Прибалтійскій край.

* * *

Лучшимъ документомъ для характеристики національныхъ стремленій другого народа, населяющаго этотъ край,—эстовъ—слѣдуетъ считать резолюціи съѣзда представителей эстонскаго народа, состоявшагося въ Юрьевѣ 27—29 ноября 1905 г. Онъ высказался за радикальную демократизацію государственнаго строя Россіи и самоуправленіе Эстляндіи на демократическихъ началахъ, за передачу школъ въ вѣдѣніе органовъ самоуправленія и введеніе преподаванія всѣхъ предметовъ на эстонскомъ языкѣ съ оставленіемъ русскаго языка лишь въ качествѣ предмета преподаванія.

Болѣе подробно, но въ томъ же духѣ, высказываются авторы поданной въ іюлѣ 1905 г. „петиціи эстонцевъ“. Они жалуются, что русская школа тормозитъ развитіе грамотности въ средѣ эстонскаго населенія, а суды и органы самоуправленія не удовлетворяютъ потребностей массъ ввиду того, что дѣлопроизводство ведется въ нихъ на непонятномъ для массъ русскомъ языкѣ, а переводчики часто подпадаютъ подъ вліяніе сильной стороны и даже при самыхъ лучшихъ желаніяхъ не въ состояніи точно передать всего того, что говорятъ прибѣгающіе къ суду.

Петиція признаетъ „единство государства, представителемъ и общей и ненарушимой связью котораго съ отдѣльными своими частями долженъ явиться всероссійскій парламентъ“, избранный на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія. „Каждая нація въ нашемъ государствѣ—читаемъ тамъ же дальше—и каждый членъ отдѣльной націи должны обладать равными во всѣхъ отношеніяхъ правами. Каждая нація въ нашемъ государствѣ должна пользоваться неограниченной свободой въ культурномъ, экономическомъ и правовомъ развитіи, такъ чтобы не допускалось ограниченій какихъ бы-то ни было правъ отдѣльной націи“.

...Далѣе требуется: „Признаніе права областной автономіи за отдѣльными націями и областями государства, гдѣ народъ признаетъ это необходимымъ. Задачами органовъ областнаго самоуправленія является упорядоченіе мѣстной народной жизни, какъ то: поднятіе сельскаго хозяйства и промышленности, народнаго образованія, улучшеніе условій врачебной помощи и правового положенія, изданіе обязательныхъ постановленій, установленіе мѣстныхъ платежей, вообще забота о мѣстномъ благоустройствѣ безъ вмѣшательства центральнаго правительства во внутреннюю жизнь областной автономіи, кромѣ общаго контроля“. Требуется дальше: „объединенія эстляндской и эстской части Лифляндской губерніи въ одну единицу областнаго самоуправленія. Областное самоуправленіе сосредоточить въ 3 инстанціяхъ: 1) всесословная волость; 2)

уѣздное самоуправленіе; 3) общеобластное самоуправленіе... Дѣлопроизводство въ органахъ самоуправленія должно происходить на эстскомъ языкѣ; въ случаѣ надобности надо пользоваться и русскимъ, и нѣмецкимъ языками. Въ рукахъ органовъ самоуправленія сосредоточиваются народное образованіе, суды и полиція. Для народнаго образованія вводится трехстепенная школа: а) начальная, в) средняя, с) высшая. Въ начальной преподаваніе ведется на эстскомъ языкѣ съ обязательнымъ изученіемъ русскаго языка. Въ средней— обязательно преподаваніе эстскаго языка съ литературой и исторіей. Нѣмецкій языкъ—одинъ изъ предметовъ преподаванія. Въ высшей школѣ— преподавательный языкъ—русскій, но необязательныя лекціи могутъ читаться на эстскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ высшей школѣ учреждается кафедра эстскаго языка. Начальная школа обязательна и безплатна. Средняя— содержится на средства областнаго самоуправленія и государства; высшая— на счетъ государства".

IV.

Въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ латышская, развивалась украинская національная культура.

Несмотря на то, что малороссійскій языкъ является разговорнымъ языкомъ 27 милліоновъ населенія юга Россіи, Министръ Внутреннихъ дѣлъ Валуевъ воспретилъ въ 1863 г. изданіе книгъ на немъ, заявивъ при этомъ: „не было, нѣтъ и быть не можетъ никакого малороссійскаго языка".

Вполнѣ понятно, поэтому, что подвергались преслѣдованію всякія организаціи, ставящія себѣ задачей хотя бы самую легальную дѣятельность на пользу національнаго развитія Украинцевъ, какъ напр., въ 40 г. г. „Кирилло-Мефодіевское Братство", по дѣлу котораго были подвергнуты тюремному заключенію извѣстные писатели: Н. Костомаровъ, Гулакъ, Кулишъ, Т. Шевченко и другіе.

Наиболѣе характернымъ для выясненія отношеній бюрократіи къ украинскому народу является указъ 1876 г., согласно которому запрещается „печатаніе и изданіе въ имперіи произведеній оригинальныхъ и переводовъ на малороссійскомъ нарѣчіи, за исключеніемъ лишь историческихъ документовъ и произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разрѣшенію главнаго управленія по дѣламъ печати"; въ тоже время запрещалось печатанье на малороссійскомъ языкѣ даже „текстовъ для музыкальныхъ нотъ".

Равнымъ образомъ не допускалось открытіе всякаго рода научныхъ обществъ для антропологическаго, экономическаго и этнографическаго изученія края. Въ 1877 г. было запрещено изданіе грамматики малороссійскаго языка.

Политика бюрократіи особенно ярко выступаетъ на примѣрѣ Украины. По даннымъ украинскихъ изданій казна получила дохода съ населенія малороссійскихъ губерній за 10 лѣтъ съ 1882 г. по 1892 г.—1,428,717,000 рублей, израсходовала же на его нужды—701,588,000 руб.; за 9 лѣтъ съ 1898 по 1906 г. доходъ равняется—3,548,030,000 руб, расходъ—1,881,347 тысячъ руб. Политика эта особенно тяжело отразилась на культурномъ уровнѣ населенія. Такъ, напр., въ 1768 году въ 3 уѣздахъ черниговской губ. было 134 школы, одна школа приходилась на 745 человѣкъ; въ 1875 г. было въ этихъ уѣздахъ лишь 52 школы, на 6,730 чел. каждая. Согласно даннымъ переписи 1897 г. процентъ грамотныхъ въ великорусскихъ губерніяхъ колеблется между 22 и 60, въ малорусскихъ—между 9 и 22.

Но украинцы живутъ не только въ Россіи, но и въ Австріи, гдѣ въ количествѣ 3,075,000 населяютъ Галицію. И вотъ малороссійская культура, придавленная всей тяжестью бюрократическаго режима въ Россіи, стала за то быстро развиваться въ Австріи.

Развитіе капитализма на югѣ Россіи и въ Галиціи разбудило въ народныхъ массахъ этихъ странъ интересъ къ общественной жизни, причемъ духовное развитіе большинства населенія приняло форму борьбы за національную украинскую культуру. Здѣсь ярко проявилась замѣтная въ настоящее время во многихъ странахъ особенность діалектическаго процесса. Въ то время какъ промышленное развитіе сплотило русскую Украину неразрывными узами съ остальной Россіей, вызванное имъ къ жизни развитіе духовной культуры все болѣе выдѣляетъ населеніе этой страны изъ массы населенія всего государства. Правда, въ большихъ городахъ буржуазные и пролетарскіе элементы употребляютъ, большею частью, русскій языкъ. Но капитализмъ, создавъ спросъ на интеллигентный трудъ, содѣйствовалъ появленію значительнаго количества интеллигенціи изъ крестьянской среды, говорящей на малороссійскомъ языкѣ, и эта интелигенція изъ обѣихъ частей Украины взялась за созданіе совмѣстными усиліями культурнаго и политическаго украинскаго центра въ конституціонной Галиціи. Тамъ развивается украинскій литературный языкъ, тамъ развивается изящная украинская литература; втеченіе 30 лѣтъ (съ 1878 по 1908) появляется рядъ талантливыхъ писателей: Ив. Франко, О. Кобылянская, Н. Кобрынская, В. Стефаникъ, Семенюкъ, В. Ярошъ, Крушельницкій, Мартовичъ, Лэпкій, Лыпа и др. Тамъ начинается и научная дѣятельность. Во Львовѣ организуется на деньги, собранныя въ Русской Украинѣ—„Наукове Товаріство им. Т. Шев-

ченки"; оно устраиваетъ книгоиздательства, издаетъ органъ—„Литературно-Науковій Вістнікъ". Въ Галиціи и въ Швейцаріи, въ средѣ политической эмиграціи, развивается политическая украинская, литература. Тамъ печатаются первыя произведенія М. Драгоманова—народника-федералиста, оказавшаго громаднее вліяніе на развитіе украинской политической мысли. Изданія эти тайно перевозятся и распространяются въ Россіи. Въ Галиціи, по мѣрѣ развитія въ ней общественной жизни, возникаютъ украинскія политическія партіи: народная, радикальная, соціалистическая. Соотвѣтствующія имъ политическія группы образуются и въ Русской Украинѣ. Общеукраинскія народныя празднества—столѣтній юбилей перваго литературнаго украинскаго произведенія —„Енеиды" Котляровскаго въ 1898 г. и юбилей украинскаго композитора Лысенко въ 1903 г.—упрочиваютъ связь между двумя частями Украины.

Въ 1900 г. въ Русской Украинѣ возникаетъ первая въ ней политическая организація—„Украинская Революціонная партія". „Она (интеллигенція украинская, согруппировавшаяся въ У. Р. п.) выставляетъ на своемъ знамени слова: одна, единая, нераздѣльная, свободная, независимая Украина отъ Карпатовъ до Кавказа. Она считаетъ своей задачей служенье этому великому идеалу и не сложитъ оружія, пока чужеземецъ будетъ господствовать хоть на одномъ клочкѣ украинской земли",—такъ излагаетъ свои задачи эта партія въ программной брошюрѣ „Самостійна Украина". „Украинская Революціонная партія"—это небольшая группа интеллигентовъ изъ разныхъ слоевъ народа; ея программа—это реакція противъ безпрестанныхъ преслѣдованій бюрократіей всего Украинскаго, это—продуктъ того націонализма, который развился на почвѣ этихъ преслѣдованій, продуктъ того недовольства, которое охватило народныя массы. Но уже первыя попытки дѣятельности молодой партіи привели къ ея распаденію. Изъ нея выступила націоналистическая мелкобуржуазная „Украинская Народная партія". Послѣ этого „У. Р. П." приняла соціалистическую окраску и выставила въ своей программѣ требованіе преобразованія государственнаго строя Россіи на демократическихъ и федеративныхъ началахъ съ автономнымъ украинскимъ сеймомъ.

Но дифференціація продолжалась. Въ 1904 г. изъ У. Р. П. выдѣлилась „Соціалдемократическая Спилка"; остатки У. Р. П. приняли названіе У. С.-Д Р. партіи. „Спилка", связанная съ широкими массами сельскаго пролетаріата, составляетъ часть Р. С.-Д. Р. П. и принимаетъ ея программу, согласно которой выставляетъ, между прочимъ, слѣдующія требованія: 1, демократизаціи государственнаго строя Россіи; 2, областнаго самоуправленія Украины и др. [1]) областей Россіи; 3, равноправія національностей и

[1]) См. „Листокъ Правды"—Программа Р. С.-Д. Р. П. съ комментаріями „Спилки".

вѣроисповѣданій; 4) права населенія получать въ школахъ образованіе на родномъ языкѣ и пользоваться таковымъ во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ; 5) права всѣхъ націй, населяющихъ Россію на самоопредѣленіе [1]).

У. С.-Д. Р. П. требуетъ въ этой области:—вмѣсто областнаго самоуправленія — установленія федеративныхъ отношеній между Украиной и остальной Россіей.

Въ 1903 г. возникаетъ Украинская Демократическая партія, отвѣчающая по своему характеру русской партіи к.-д.; она тоже пропагандируетъ идеалъ федеративныхъ отношеній между Россіей и Украиной. Затѣмъ появляется Украинская радикальная партія съ тождественной программой въ области національнаго вопроса.

Въ теченіе революціонной борьбы 1905 г. во главѣ этой борьбы стоятъ „Спилка“ и У. С.-Д. Р. П. На ряду со всеобщими забастовками промышленныхъ рабочихъ развилось сильное крестьянское движеніе: забастовочное въ Подольской, Харьковской, Екатеринославской губерніяхъ, погромное въ Черниговской и Могилевской; бойкотъ помѣщиковъ въ Полтавской губ.

Въ программахъ украинскихъ политическихъ партій аграрный вопросъ занялъ видное мѣсто, такъ какъ громадное большинство украинцевъ—крестьяне. Борьба за отчужденіе казенныхъ и частновладѣльческихъ помѣщичьихъ земель, за отчужденіе земель, принадлежавшихъ русскимъ и полякамъ, въ пользу крестьянъ была вмѣстѣ съ тѣмъ борьбой за украинизацію всей страны, за усиленіе въ ней украинскаго крестьянскаго элемента на счетъ русской бюрократіи и польскихъ и русскихъ помѣщиковъ, за созданіе прочной матеріальной основы для развитія украинской духовной культуры. Поэтому, всѣ партіи заняли радикальную позицію въ области аграрнаго вопроса.

Чѣмъ болѣе развивалось революціонное движеніе, тѣмъ болѣе развивалась украинская политическая мысль, тѣмъ болѣе исчезалъ федералистическій характеръ въ стремленіяхъ разныхъ слоевъ населенія, и стремленія эти принимали форму требованій автономіи или самоуправленія на почвѣ демократизаціи всего государственнаго строя.

Созванный въ концѣ іюня 1905 г. въ Полтавѣ буржуазно-крестьянскими партіями: Демократической, Радикальной и Народной, съѣздъ, названный всеукраинскимъ, принялъ резолюціи слѣдующаго содержанія.

1. Украинцы признаютъ, что миръ и спокойствіе могутъ быть установлены въ Россіи только при участіи всего общества въ законодательной и административной дѣятельности гесударства и поэтому присоединяются къ теперешней борьбѣ за конституцію на основѣ всеобщаго, равнаго голосованія.

---

[1]) Ibid.

2) Украинцы видятъ свой идеалъ въ установленіи политической автономіи Украины въ предѣлахъ Россійскаго государства и требуютъ созыва законодательнаго сейма въ Кіевѣ съ тѣмъ, чтобы компетенціи центральнаго парламента подлежали только дѣла войны и мира, торговыхъ и всякихъ другихъ трактатовъ, войска, общихъ финансовъ, пошлинъ. 3) На украинской территоріи въ школахъ и присутственныхъ мѣстахъ долженъ быть употребляемъ украинскій языкъ.

Требованія, выставленныя состоявшимся въ томъ же году крестьянскимъ Украинскимъ съѣздомъ, въ общихъ чертахъ идентичны съ предыдущими, но отличаются еще болѣе централистическимъ характеромъ, въ чемъ видно, между прочимъ, вліяніе „Спилки".

Но въ декабрѣ того же года измѣняется и программа У. С.-Д. Р. Партіи. На ея II съѣздѣ вмѣсто прежняго постулата федераціи, выставляется требованіе „автономіи Украины съ областнымъ сеймомъ, компетентнымъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касаются лишь населенія Украинской территоріи". Въ рядахъ той же партіи, судя по ея печати, находятся приверженцы экстерриторіальной автономіи. Такъ намѣчается формула національнаго самоопредѣленія украинскаго народа. Въ виду того, что въ области экономическихъ отношеній Украина составляетъ нераздѣльную часть Россіи, вѣроятно, вышеуказаннымъ требованіямъ предстоитъ еще измѣненіе въ централистическомъ направленіи, но несомнѣнно одно, что процессъ демократизаціи Россіи долженъ будетъ повести къ гарантіи свободнаго развитія духовной культуры украинскаго народа, такъ какъ наличность и прогрессъ въ развитіи таковой очевиденъ и такъ какъ развитіе общественной самодѣятельности украинскихъ народныхъ массъ не можетъ, поэтому, не вызвать радикальнаго измѣненія государственной политики въ области украинскаго вопроса.

Наряду съ рабочимъ и аграрнымъ движеніемъ въ средѣ украинцевъ сильно развилась борьба за украинизацію школъ. Начавшись въ 1905 г., она продолжалась въ 1906 и 1907 гг. Украинскіе общественные дѣятели, литераторы, учителя, студенты, ученики среднихъ учебныхъ заведеній требуютъ уничтоженія указа 1876 г. и введенія въ низшихъ и среднихъ школахъ украинскаго языка въ качествѣ языка преподаванія, а равно открытія въ университетахъ украинскихъ каѳедръ. Въ февралѣ составляется въ Кіевѣ соотвѣтствующій меморіалъ, подъ которымъ подписываются десятки тысячъ украинцевъ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ происходятъ школьныя забастовки. Съ закрытіемъ на годъ университетовъ движеніе это слабѣетъ, но когда осенью 1906 г. они опять открываются, студенты и ученики опять настойчиво выставляютъ свои требованія. Къ нимъ присоединяются учащіеся другихъ національностей и даже профессора. И въ 1907 г. въ Кіевскомъ университетѣ начинаются лекціи по исторіи украинской литературы, но на русскомъ

языкѣ. Въ Харьковскомъ же и Одесскомъ университетахъ, а равно и высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ и Кіевѣ украинская исторія и исторія украинской литературы читались на украинскомъ языкѣ. Но въ 1908 г. всѣ эти лекціи были запрещены.

Начиная съ 1906 г. украинское національное движеніе сосредоточивается вокругъ 1) Государственной Думы и 2) культурной дѣятельности.

Во время выборовъ въ 1-ую Госуд. Думу украинскія партіи не выставляли своихъ кандидатовъ, все же въ 1-ой Думѣ мы уже видимъ украинскій клубъ—„Украинскую Громаду". Таковая существуетъ и во 2-ой Госуд. Думѣ. Въ обѣихъ „Громадахъ" преобладали радикалы. Они примыками къ группѣ трудовиковъ. Избиратели и во время выборовъ и впослѣдствіи путемъ наказовъ требовали отъ депутатовъ, чтобы они въ Думѣ предъявляли и отстаивали требованіе автономіи Украины. Въ своей декларації „Украинская Громада" 2-ой Госуд. Думы писала слѣдующее: „Наша задача добиться автономнаго строя во всей Россіи и освободить нашу Украину изъ рабства.. Оставаясь вѣрными украинской національной идеѣ, которая, не уклоняясь, развивается въ согласіи съ идеями демократизма и прогресса, мы не думаемъ отнюдь уклоняться отъ общихъ политическихъ и экономическихъ стремленій оппозиціонныхъ партій. Рука объ руку съ этими партіями въ Думѣ мы будемъ добиваться политическихъ и гражданскихъ правъ для всѣхъ народовъ россійской имперіи, на началахъ полнаго равенства, безъ различія національности, пола, вѣроисповѣданія; мы будемъ добиваться расширенія правъ народнаго представительства въ области законодательной его дѣятельности, бюджета, и отвѣтственности министерства передъ Думой. Въ области экономической мы выдвигаемъ на первый планъ завоеваніе народомъ земли, съ тѣмъ, чтобы таковой пользовались только тѣ, кто обрабатываетъ ее собственными силами. Съ этой цѣлью мы считаемъ необходимымъ провести въ Думѣ законодательнымъ путемъ принудительное отчужденіе въ краевой фондъ земель государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ, и всѣхъ тѣхъ частновладѣльческихъ, которыя превышаютъ трудовую норму съ тѣмъ, чтобы онѣ были переданы въ уравнительное пользованіе трудовымъ народнымъ массамъ". Въ области рабочаго законодательства „Громада" требуетъ 8 час. рабочаго дня, страхованія рабочихъ и т. д... Когда министерство внесло въ Думу законопроектъ относительно народнаго образованія, „Украинская Громада" предложила къ нему поправки, согласно которымъ: 1) преподаваніе въ школахъ должно вестись на родномъ языкѣ учащихся, 2) полиція не должна вмѣшиваться въ дѣла образованія; 3) должны быть устроены курсы для учителей съ преподаваніемъ въ нихъ: украинскаго языка, литературы, исторіи; 4) преподаваніе украинскаго языка должно

быть введено въ учительскихъ семинаріяхъ; 5) необходимы кафедры украинскаго языка, литературы и исторіи въ университетахъ: кіевскомъ, харьковскомъ, одесскомъ. Согласно вышеизложеннымъ принципамъ, украинскими депутатами былъ выработанъ проектъ автономіи Украины.

Культурная дѣятельность украинцевъ выразилась прежде всего въ организаціи образовательныхъ обществъ „Просвіти". Задачи этихъ обществъ слѣдующія: 1) изданіе книгъ, газетъ, всякаго рода литературы на украинскомъ языкѣ; 2) организація библіотекъ, читаленъ, музеевъ, книжныхъ лавокъ; 3) устройство публичныхъ лекцій, рефератовъ, общеобразовательныхъ курсовъ, концертовъ, школъ, стипендій для учащихся, пріютовъ для дѣтей, конторъ для пріисканія труда, образовательныхъ и филантропическихъ учрежденій; 4) выдача наградъ за лучшія произведенія литературы и науки. Въ теченіе времени съ 1905 по 1907 г. было открыто на Украинѣ 15 такихъ обществъ. Но развитіе ихъ дѣятельности сильно тормозится властями. Такъ, была закрыта Кубанская „Просвіта" съ 15 своими отдѣленіями; Черниговская, благодаря безпрестаннымъ репрессіямъ со стороны властей, сама должна была прекратить свою дѣятельность. Точно также постепенно парализуется дѣятельность Одесской и Подольской „Просвіті". Во многихъ мѣстахъ открытіе „Просвіті" не разрѣшено. Наиболѣе успѣшно развиваются „Просвіті" Кіевская и Каменецъ-Подольская. Кіевская въ теченіе 3 лѣтъ издала 31 книгу, предназначенную для народныхъ массъ, „Каталогъ и указатель для чтенія"; она имѣетъ собственную библіотеку изъ 3000 томовъ; кромѣ того кіевская „Просвіта" устроила много концертовъ, рефератовъ, систематическихъ лекцій на украинскомъ языкѣ и, такимъ образомъ, противодѣйствовала руссификаторской дѣятельности властей и содѣйствовала распространенію украинскаго языка и украинской культуры. Въ Кіевѣ же въ 1906 г. было открыто т. н. „Наукове Товариство". Оно устраиваетъ лекціи по украинской исторіи и исторіи украинской литературы; въ 1907 г. оно издало 4 тома своихъ научныхъ трудовъ.

Когда 17 октября 1905 г. были упразднены спеціальныя распоряженія 1876 г. относительно украинскихъ изданій, издательская дѣятельность на этомъ языкѣ начала дѣлать быстрые успѣхи. Въ теченіе 1906 и 1907 г.г. возникло около 30 періодическихъ изданій, большею частью ежедневныхъ газетъ. По крайней мѣрѣ $^2/_3$ этихъ изданій были закрыты властями. Оживленіе обнаружилось и въ развитіи изящной литературы. Появились, наряду съ прежними, произведенія Яцкова, Коцюбинскаго. Возникаетъ группа писателей— „Молодая Муза", къ которой принадлежатъ: Бырчакъ, Чарнецкій, Яцковъ, Карманскій, Лепкій, Луцкій, Олесь, Пачовскій, Твирдохлібъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ „Молодая Муза" издала 11 томовъ поэтическихъ произведеній. Въ глубокой грусти, которой проникнуто большинство изъ нихъ, отражается современ-

ный періодъ въ развитіи родины ихъ авторовъ, а въ силѣ чувства, которая является характерной чертой молодыхъ поэтовъ — жизнеспособность молодой украинской культуры. По общему отзыву критики произведенія „Молодой Музы", а особенно, Пачовскаго отличаются замѣчательной красотой формы и музыкальностью языка, указывающей на значительный прогрессъ въ развитіи послѣдняго. Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ 11 томовъ, какъ напр., „Мы плывемъ по морю тьмы", имѣютъ боевой характеръ. Замѣчательнымъ богатствомъ отличается переводная украинская литература; въ теченіе двухъ лѣтъ появились почти всѣ произведенія Ибсена, Зудермана, Шницлера, Мирбо, Метерлинка, Сарду, Гауптмана. Значительный прогрессъ замѣчается и въ украинскомъ театрѣ. Уничтоженіе исключительныхъ предписаній дало сильный толчокъ его развитію. Впервые стала возможной организація украинскихъ труппъ, печатанье афишъ на украинскомъ языкѣ. Появились новыя оригинальныя произведенія, масса переводныхъ, молодые актеры. При музыкально-драматической школѣ Лысенко открыто спеціальное отдѣленіе украинскаго драматическаго искусства. Наряду съ труппой Садовскаго, пользующейся всѣми новыми пріобрѣтеніями украинскаго театра, въ Кіевѣ—этомъ центрѣ украинской культуры—существуетъ драматическое отдѣленіе „Просвіти", и въ деревнѣ—новый крестьянскій театръ, гдѣ играютъ актеры изъ крестьянской среды

Очень успѣшно развиваются на Украинѣ кооперативы, особенно потребительныя общества; въ 1904 г. ихъ было всего въ Кіевской губерніи—3; въ 1905 г. образовалось 11, въ 1906 — 14, а въ 1907 г.—197. Въ концѣ 1908 г. въ Кіевской губерніи было 450 кооперативовъ; въ Подольской—200; изъ числа послѣднихъ 8 обладаютъ капиталомъ отъ 5 до 10 тысячъ рублей. Что кооперативы эти являются однимъ изъ двигателей развитія украинской культуры, это видно и изъ того, что на Кіевскомъ съѣздѣ ихъ представителей въ концѣ 1908 г. дебаты велись на украинскомъ языкѣ, и изъ того, что многіе изъ нихъ выписываютъ украинскія газеты и занимаются продажей украинскихъ изданій.

Таковы данныя о національномъ украинскомъ движеніи въ теченіе 1905—1907 г.г.

* * *

Наряду съ развитіемъ украинской культуры имѣются нѣкоторые признаки національнаго развитія другого русскаго племени—бѣлоруссовъ. Бѣлоруссы составляютъ большинство населенія Сѣверо-Западнаго края, гдѣ ихъ живетъ около 8.000.000. Большинство ихъ говоритъ на языкѣ, который, по мнѣнію профес. Карскаго, имѣетъ данныя для дальнѣйшаго развитія;

языкъ этотъ употребляется почти исключительно въ деревнѣ. Онъ имѣетъ свое прошлое. Въ XV и XVI ст., во время принадлежности Бѣлоруссіи къ Польшѣ, бѣлорусскій языкъ употреблялся въ дѣлопроизводствѣ; на немъ въ XV в. былъ составленъ „Статутъ польскаго короля Казиміра Ягеллона, а въ XVI—„Литовскій статутъ". Но съ XVII ст. онъ все болѣе вытѣсняется польскимъ языкомъ. Въ 1867 г. русская бюрократія воспрещаетъ изданіе произведеній на этомъ языкѣ. Бѣлорусская интеллигенція почти поголовно руссифицируется. Въ городахъ употребляется польскій языкъ, какъ, напр., въ Виленской, Гродненской губ., или русскій—въ остальныхъ. Въ крестьянскихъ массахъ національное сознаніе не развивается: слабое развитіе промышленности, ежегодное производство которой не превышаетъ 70—80 милліон. рублей, не содѣйствуетъ его развитію.

Съ 1905 г. начинаетъ проявляться, правда, очень слабо, бѣлорусское національное движеніе. Первые его піонеры, однако, вышли не изъ среды самихъ бѣлоруссовъ, а изъ среды поляковъ. По иниціативѣ учащейся молодежи, главнымъ образомъ, польской, въ періодъ широкаго развитія польскаго національнаго движенія—въ 1896—99 г. г. образуются въ Минскѣ кружки съ цѣлью изученія Бѣлоруссіи и бѣлоруссовъ. Изъ этихъ кружковъ выходятъ организаторы возникшаго въ 1902 г. въ Петербургѣ „Общества бѣлорусскаго народнаго просвѣщенія". Годъ спустя организуется политическая группа—„Бѣлорусская революціонная Громада", вскорѣ принявшая названіе „Бѣлорусской Соціалистической Громады".

Эта группа издаетъ на бѣлорусскомъ языкѣ революціонную литературу для крестьянъ. Это не первая попытка обращенія къ послѣднимъ на бѣлорусскомъ языкѣ; такія попытки дѣлались сначала польскими демократами 30 и 40 г. г. съ цѣлью привлеченія бѣлорусскихъ народныхъ массъ къ борьбѣ за возстановленіе Польши, потомъ въ 70 гг. польскими соціалистами изъ „польско-литовско-бѣлорусской Гмины"; но тогда это были лишь единичные случаи, въ концѣ же 90 г.г. развитіе польскаго національнаго движенія поставило передъ поляками на очередь вопросъ объ отысканіи союзника въ лицѣ бѣлорусскихъ массъ и пробужденіи среди этихъ массъ національнаго сознанія. Поэтому „Громада" въ теченіе 2 лѣтъ дѣйствуетъ энергично. Событія же 1905 г., возбудивъ оживленіе среди народныхъ массъ, создали удобную почву для ея дѣятельности. Правда, всеобщая рабочая забастовка, деревенскія забастовки въ Щирсахъ Новогрудскаго уѣзда, во многихъ мѣстахъ Слуцкаго и Минскаго уѣздовъ, въ Витебской губерніи и крестьянское движеніе, охватившее всю Бѣлоруссію, происходятъ подъ руководствомъ Сѣверо-Западнаго Союза Р. С.-Д. Р. П., но и представители этой организаціи бываютъ вынуждены обращаться къ бѣлорусскимъ крестьянамъ на ихъ разговорномъ языкѣ, а иногда—пользоваться изданіями „Громады". Но эти событія вы-

двигаютъ изъ крестьянской среды контингентъ интеллигенціи, которая въ 1906 г. энергично берется за дѣло развитія національнаго сознанія среди бѣлорусскаго населенія. Въ 1906 г. возникаетъ также „Бѣлорусскій крестьянскій союзъ", а въ 1907 г. собирается въ Вильнѣ съѣздъ учителей бѣлоруссовъ, на которомъ организуется „Бѣлорусскій Учительскій Союзъ". Постепенно среди активныхъ элементовъ населенія намѣчается формула національнаго самоопредѣленія.

До революціи „Громада" пропагандируетъ идеалъ Польско-литовско-бѣлорусской республики. Но по мѣрѣ развитія революціоннаго и въ частности національнаго движенія, она становится на болѣе конкретную почву, и въ 1906 г. на II своемъ съѣздѣ требуетъ: автономіи Бѣлоруссіи, націонализаціи школы; культурно-національной автономіи для всѣхъ народностей края.

Тождественную программу принялъ и «Бѣлорусскій крестьянскій союзъ». Съѣздъ бѣлорусскихъ учителей вынесъ слѣдующія резолюціи [1]): «1) Необходимо переустройство дѣла народнаго образованія на широкихъ демократическихъ свободныхъ началахъ, какъ средство поднять гражданское самосознаніе массъ; 2) Обученіе въ школахъ должно вестись на родномъ бѣлорусскомъ языкѣ. 3) Слѣдуетъ добиваться независимости школы и учителей отъ разнаго начальства; съ этой цѣлью сами учителя должны выбирать изъ своей среды комитеты и таковымъ должно подлежать наблюденіе за работой учителей въ школахъ.» Въ теченіе 1906 и 1907 г. крестьянами нѣкоторыхъ деревень края были поданы въ Гос. Думу наказы съ требованіями національной бѣлорусской школы. Дѣлу развитія политическаго сознанія массъ бѣлорусскаго крестьянства значительно содѣйствуютъ издающіяся на бѣлорусскомъ языкѣ газеты: это до 1906 г. „Наша Доля", а со времени закрытія послѣдней—„Наша Нива".

Имѣется и бѣлорусская изящная литература; на ряду съ произведеніями поляка Ф. Богушевича, автора извѣстной „бѣлорусской Дудки", появляются произведенія новыхъ авторовъ: Якова Коласа, талантливаго національнаго поэта—Ивана Купала, крестьянина Минской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ и беллетристовъ.

Въ настоящее время трудно еще что либо сказать о возможныхъ перспективахъ развитія бѣлорусскаго національнаго движенія. Во всякомъ случаѣ судьба его можетъ рѣшиться только тогда, когда въ Россіи будутъ созданы условія, благопріятствующія свободному развитію самодѣятельности широкихъ народныхъ массъ. Вопросъ же о созданіи такихъ условій для Бѣлоруссіи выдвинутъ не только вышеуказанными бѣлорусскими организаціями, но организаціями польской интелигенціи и либеральныхъ помѣщиковъ Бѣлоруссіи—„Де-

---

[1]) См. „Наша Нива" 1907 г. № 22.

мократическимъ польскимъ союзомъ Литвы и Бѣлоруссіи", „Польскимъ Союзомъ общественной дѣятельности въ Литвѣ и Бѣлоруссіи" и другими общественными элементами. Введеніе же органовъ земскаго самоуправленія, несмотря на крупные недостатки составленнаго съ этой цѣлью правительственнаго проекта, будетъ первымъ шагомъ въ этомъ направленіи.

V.

На тѣхъ же западныхъ окраинахъ, гдѣ развилось польское, литовское, латышское, украинское національное движеніе, развивается и еврейское. Оно по своему значенію въ политической жизни Россіи занимаетъ, послѣ польскаго, первое мѣсто. Всѣхъ евреевъ въ Россіи около 6.000.000. Большинство ихъ сосредоточено въ городахъ и мѣстечкахъ Сѣверо-Западнаго края.

Руссификаторская политика русской бюрократіи распространилась и на евреевъ. Ея мѣропріятія уже въ первой половинѣ XIX ст. направлены на уничтоженіе еврейской обособленности. Съ этой цѣлью разрушается кагалъ, подчиняются опекѣ правительства общинныя учрежденія и школа. Евреи тогда вносятъ оживленіе въ русскую буржуазную среду, но еще отнюдь не являются ея опасными конкурентами. И вотъ, въ 60 и 70 г.г. имъ разрѣшается селиться по всей Россіи, занимать мѣста гласныхъ, членовъ земскихъ управъ, посѣщать всѣ среднія и высшія учебныя заведенія.

Развитіе торговли и промышленности вызываетъ ростъ еврейскихъ капиталовъ; обладатели послѣднихъ во имя своихъ экономическихъ интересовъ стремятся къ сліянію съ русскимъ элементомъ, къ ассимиляціи.

Идеи „просвѣщенія", охватившія русское интеллигентное общество въ періодъ великихъ реформъ, проникли и въ еврейскую среду. Здѣсь онѣ приняли специфическій характеръ, зависящій отъ экономическихъ интересовъ еврейской буржуазіи и политическаго и гражданскаго положенія евреевъ. Эмансипаціонное движеніе, періодъ т. н. „маскильства", проявляется въ идейной борьбѣ еврейской интеллигенціи за духовное освобожденіе индивидуума, въ борьбѣ съ невѣжествомъ, предразсудками, обособленностью, въ дѣятельности, направленной на пріобщеніе евреевъ къ европейской культурѣ.

Внутренній врагъ—еврейская реакція—считается еврейскими „просвѣтителями", благодаря спеціальнымъ условіямъ момента, опаснѣе внѣшняго—бюрократіи; внутреннее возрожденіе—лучшимъ средствомъ въ борьбѣ за существованіе. Но просвѣтительная литература издавалась на русскомъ и древнееврейскомъ языкѣ. Для народныхъ массъ она была недоступна.

Все-же изъ этого лагеря вышли крупные таланты, сыгравшіе видную роль и въ слѣдующіе періоды культурнаго развитія евреевъ; однимъ изъ самыхъ выдающихся его представителей былъ Абрамовичъ; періодъ еврейскаго

„просвѣщенія“ сильно отразился на творчествѣ Фруга, Спектора, Переца и Шоломъ-Алейхема.

Но вотъ наступаютъ 80 г.г. — періодъ покровительственной системы, обостренія конкуренціи внутри Россіи, узкаго національнаго, господства реакціи.

Уже въ 1881 г. начинается рядъ еврейскихъ погромовъ.

Временныя правила 3 мая 1882 г., правительственныя распоряженія 1886, 1888, 1889, 1890 и 1892 г.г. радикально измѣняютъ положеніе евреевъ въ Россіи; они теряютъ право селиться въ центральныхъ губерніяхъ, доступъ въ общественныя учрежденія; для нихъ ограничивается: доступъ въ учебныя заведенія, пріемъ въ адвокатуру; они массами изгоняются изъ центральныхъ губерній и Сибири и сосредоточиваются въ узкихъ рамкахъ „черты осѣдлости“.

Въ развитіи самосознанія еврейской интеллигенціи замѣчаются нѣкоторые признаки поворота. Правда, значительная часть публицистовъ продолжаютъ прежнюю линію. Но, наряду съ произведеніями, примыкающими по своему характеру къ періоду еврейскаго „просвѣщенія“, появляются новыя, отражающія стремленія еврейской мелкой буржуазіи, которую новый курсъ придавилъ всей своей тяжестью, которая больше всего пострадала отъ погромовъ и ограниченій. Развиваются: 1) національстическое теченіе, представляемое г. Дубновымъ, и 2) сіонизмъ. Но и представители новыхъ теченій продолжаютъ пользоваться древнееврейскимъ языкомъ, считая національнымъ этотъ языкъ, чуждый широкимъ массамъ еврейскаго населенія. Уже поэтому связь ихъ съ этими массами была очень ограничена. У сіонистовъ же ихъ несвязанности съ массами содѣйствовала и фантастичность ихъ идеала—переселенія въ Палестину; вопреки ихъ стремленіямъ, усиливающаяся съ каждымъ годомъ эмиграція евреевъ направляется не въ Палестину, а въ Америку.

При такихъ условіяхъ въ началѣ 90 г. въ Литвѣ развивается еврейское рабочее движеніе.

Если у другихъ народовъ Россіи классовая борьба рабочихъ была главнымъ факторомъ національнаго движенія, то у евреевъ, подъ ея вліяніемъ, впервые стала развиваться сама національная культура народныхъ массъ, ихъ языкъ принялъ литературную форму.

Уже въ періодъ „просвѣщенія“ появляются первыя произведенія на такъ называемомъ „жаргонѣ“; на немъ была напечатана „Кляча“ Абрамовича; на немъ пишутъ свои произведенія Берко изъ Бродовъ, Эльокумъ изъ Вильны, Гольдфаденъ; уже въ 80 гг. появляется еврейскій театръ и двѣ газеты.

И уже въ іюлѣ 1880 г. одинъ еврейскій публицистъ пишетъ слѣдующее: „По языку ихъ (евреевъ. К. З.) можно раздѣлить на 3 группы: 1) евреевъ, населяющихъ южныя и юго-западныя губерніи Россіи и Галицію..., 2) евреевъ сѣверо-западныхъ—литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній и 3) евреевъ При-

вислянскаго края... Но эти всѣ „жаргоны“, имѣя въ основаніи своемъ древненѣмецкій языкъ, въ который потомъ вошли слова украинскія, бѣлорусскія, великорусскія, вовсе не такъ рѣзко отличаются одинъ отъ другого, какъ нѣкоторые думаютъ; уроженецъ Литвы, напримѣръ, безъ особеннаго труда объясняется съ волынскимъ евреемъ, такъ какъ главное различіе между этими нарѣчіями заключается только въ произношеніи. Что касается не-нѣмецкихъ элементовъ, то они, особенно въ связной рѣчи, могутъ быть легко понимаемы, и, во всякомъ случаѣ, не мѣшаютъ пониманію общей мысли, какъ это вообще бываетъ при чтеніи переводныхъ книгъ, усѣянныхъ варваризмами“.

Но литература на народномъ еврейскомъ языкѣ вплоть до 90 гг. развивается очень слабо; движеніе, начавшееся въ концѣ 70 гг., почти совершенно прекращается.

И только когда развитіе капитализма въ Литвѣ даетъ толчекъ развитію тамъ еврейскаго рабочаго движенія, непосредственнымъ слѣдствіемъ этого движенія является развитіе еврейской культуры, въ частности—еврейскаго народнаго языка. Сначала появляется нелегальная соціалдемократическая литература. Съ громаднымъ трудомъ соціалдемократы литераторы создаютъ научную терминологію. И вотъ появляются на еврейскомъ языкѣ: „Эрфуртская программа“ Каутскаго, произведенія Маркса, Лассаля, книжки по естественнымъ наукамъ.

Развивается изящная литература; выходятъ произведенія Переца, Шолома Аша, Пинскаго, и др.

Образовавшійся еще въ 1897 г. еврейскій рабочій союзъ „Бундъ“ обнимаетъ значительный % еврейскихъ рабочихъ не только мелкаго производства, но и фабричной промышленности Бѣлостока, Лодзи, Варшавы.

Онъ первый дѣлаетъ попытку намѣтить формулу національнаго самоопредѣленія еврейскаго народа въ резолюціяхъ своихъ съѣздовъ: IV, V, VI и VII.

Политическія требованія „Бунда“ отражаютъ въ себѣ объективныя условія развитія еврейскаго народа.

Еврейскій народъ не имѣетъ территоріи. На ряду съ Литвой, гдѣ сосредоточивается большинство еврейскаго населенія, послѣднее разсѣяно по всей Россіи, гдѣ только разрѣшено ему жить, въ количествѣ 1.700,000 населяетъ Польшу, живетъ въ Западной Европѣ и Америкѣ.

Въ Литвѣ оно сильно перемѣшано съ другими націями. И „Бундъ“, находя необходимымъ выставить требованіе созданія особыхъ учрежденій, юридически гарантирующихъ свободу развитія еврейской національной культуры, становится на точку зрѣнія Р. Шпрингера, Отто Бауэра, Л. Крживицкаго. Примѣняя ихъ теорію экстерриторіальной автономіи къ условіямъ своего народа, „Бундъ“ уже на своемъ IV съѣздѣ, въ слѣдующихъ, очень осторожныхъ, выраженіяхъ формулируетъ свою позицію въ области еврейскаго вопроса:

*

„Съѣздъ признаетъ, что государство, подобное Россіи, состоящее изъ множества національностей, должно преобразоваться въ федерацію національностей съ полной національной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ обитаемой ею территоріи. Съѣздъ признаетъ, что понятіе національность примѣнимо и къ еврейскому народу. Считая однако преждевременнымъ выставленіе при современныхъ условіяхъ требованія національной автономіи для евреевъ, съѣздъ находитъ въ настоящее время достаточнымъ бороться за отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ, отмѣчать и протестовать противъ угнетенія еврейской національности, избѣгая раздуванья національнаго чувства, могущаго лишь затуманить классовое сознаніе пролетаріата и ведущаго къ шовинизму".

Выступивъ первый въ защиту широкихъ массъ еврейскаго народа отъ національнаго гнета, „Бундъ" тѣмъ болѣе сильное вліяніе получилъ на эти массы.

Естественно поэтому, что борьба еврейскихъ рабочихъ вообще и въ частности дѣятельность „Бунда" была главной движущей силой еврейскаго національнаго движенія Россіи въ 1905 году.

Вслѣдъ за выступленіемъ петербургскихъ рабочихъ, Ц. К. „Бунда" распространяетъ въ Литвѣ, Польшѣ и на югѣ свое воззваніе, призывая въ немъ еврейскій пролетаріатъ къ открытой революціонной борьбѣ и выставляя въ немъ, между прочимъ, слѣдующія требованія: 1) созыва учредительнаго собранія народныхъ представителей, избранныхъ всей страной— мужчинами и женщинами безъ различія религіи и національности, на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права; 2) равныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ для всѣхъ національностей Россіи. Права культурнаго развитія для каждой національности: права получать образованіе и говорить во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ на родномъ языкѣ". Воззванія аналогичнаго содержанія были распространены и мѣстными комитетами „Бунда".

На призывъ откликнулись еврейскія массы какъ фабричныхъ городовъ, такъ и маленькихъ мѣстечекъ. Особенно интенсивно было движеніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ; тамъ организаціи „Бунда" сдѣлались очагомъ революціоннаго движенія во многихъ деревняхъ. Во имя вышеуказанныхъ лозунговъ еврейскія рабочія массы выступали и въ октябрѣ, и декабрѣ 1905 г. Причемъ, конечно, надо имѣть въ виду, что и въ еврейской средѣ лишь меньшинство, правда, болѣе многочисленное, чѣмъ въ средѣ другихъ народовъ, вполнѣ сознавало политическія задачи рабочаго класса. Еврейское рабочее движеніе уже въ январѣ оказало сильное воздѣйствіе на еврейскіе буржуазные элементы. Когда интеллигенція и буржуазія созывали митинги, рабочіе съ бундовскими агитаторами во главѣ являлись туда и противопоста-

вляли свою революціонную программу расплывчатымъ, туманнымъ рѣчамъ еврейскихъ либераловъ; этимъ они дали толчекъ сплоченію еврейскихъ буржуазныхъ элементовъ для защиты національныхъ интересовъ еврейства.

Къ наиболѣе крупнымъ выступленіямъ этихъ элементовъ относится бывшій въ концѣ марта 1905 г. въ Вильнѣ съѣздъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей, учредившій „Союзъ для достиженія полноправія еврейскаго народа въ Россіи". Союзъ этотъ въ области общеполитическихъ вопросовъ приближался по своей позиціи къ к.-д. Въ области еврейскаго вопроса съѣздъ формулировалъ свои требованія слѣдующимъ образомъ: „Свобода національно-культурнаго самоопредѣленія во всѣхъ его проявленіяхъ, въ частности выражающаяся въ самой широкой автономіи общинъ, свободѣ языка и школьнаго обученія".

Въ резолюціяхъ состоявшагося въ ноябрѣ т. г. II съѣзда „Союза достиженія полноправія евреевъ въ Россіи" читаемъ: „Въ цѣляхъ осуществленія во всей полнотѣ гражданскихъ, политическихъ и національныхъ правъ еврейскаго народа въ Россіи, безотлагательно приступить къ созыву на началахъ всеобщаго etc. избирательнаго права—всероссійскаго еврейскаго національнаго собранія для установленія, согласно волѣ всего еврейскаго населенія, формъ и принциповъ его національнаго самоопредѣленія и основъ внутренней его организаціи".

Характеръ приведенныхъ нами резолюцій указываетъ на то, что въ вопросѣ о національномъ самоопредѣленіи и еврейскіе буржуазные элементы пошли по пути, указанному „Бундомъ", но, конечно, ихъ требованія носили, не могли не носить отпечатка, вытекающаго изъ ихъ классовыхъ интересовъ: эти требованія половинчаты, изъ ихъ содержанія видно, что они составлены въ разгаръ борьбы, подъ давленіемъ жизни, а не на основаніи анализа конкретной обстановки евреевъ, изъ нихъ видно недовѣріе авторовъ къ россійскому революціонному движенію.

Но они обнаруживаютъ также отказъ еврейской буржуазіи и отъ ассимиляціонныхъ идей, и отъ сіонизма въ его прежней формѣ.

Болѣе умѣренны, но въ то же время и болѣе опредѣленны требованія, предъявленныя правительству представителями различныхъ еврейскихъ обществъ. Такъ, напр., въ запискѣ, поданной 24 февраля предсѣдателю комитета министровъ, представители 32 еврейскихъ общинъ жалуются: 1) на отстраненіе евреевъ отъ участія по выборамъ въ органахъ самоуправленія; 2) на ограниченіе ихъ правъ въ выборѣ управленій учреждаемыхъ ими ссудосберегательныхъ обществъ; 3) на тѣ печальныя послѣдствія, которыя ведетъ за собой заключеніе евреевъ въ чертѣ осѣдлости; при этомъ они указываютъ, что ограниченіе ихъ правъ ставитъ ихъ въ глазахъ массъ христіанскаго населенія внѣ закона, подготовляетъ почву для всякихъ, чинимыхъ надъ

ними, беззаконій и насилій; 4) на недопущеніе ихъ въ учебныя заведенія и т. д. Въ виду этого представители еврейскихъ общинъ требуютъ отмѣны всѣхъ исключительныхъ положеній противъ евреевъ.

Особенною ясностью отличается „Докладная записка Могилевскаго Общества Взаимнаго Кредита", составленная, главнымъ образомъ, представителями еврейской буржуазіи. Въ ней требуется: 1) равноправіе всѣхъ гражданъ безъ различія сословія, національности, вѣроисповѣданія, имущественнаго положенія, съ отмѣною всѣхъ ограничительныхъ законовъ, распоряженій и циркуляровъ, касающихся евреевъ и поляковъ; 2) обезпеченіе всѣмъ и каждому низшаго элементарнаго образованія и упорядоченія средняго и высшаго съ тѣмъ, чтобы всякія тенденціи и соображенія политическаго характера были разъ навсегда изгнаны изъ школъ; 3) академическая свобода; 4) отдѣленіе суда отъ администраціи и обезпеченіе судебной независимости; 5) личная и имущественная неприкосновенность; 6) неприкосновенность жилищъ; 7) свобода стачекъ, союзовъ, собраній, печати, совѣсти; 8) широкое и независимое земское и городское самоуправленіе, обнимающее всѣ отрасли мѣстной жизни, и все населеніе безъ различія національности, религіи, сословія; 9) народное представительство на началахъ всеобщаго, прямого, тайнаго избирательнаго права, и участіе всего народа въ лицѣ свободно избранныхъ его представителей въ законодательствѣ, разсмотрѣніи и утвержденіи бюджета и контролѣ за его исполненіемъ подъ верховнымъ руководствомъ Монарха".

Вскорѣ начинается борьба за равноправіе евреевъ въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Массы еврейскаго городского населенія подаютъ въ городскія думы заявленія, въ которыхъ протестуютъ противъ положенія, созданнаго закономъ 1892 г., лишившимъ евреевъ активныхъ и пассивныхъ избирательныхъ правъ. „Мы не можемъ—пишутъ они большею частью,—считать такой порядокъ нормальнымъ. Мы отказываемся признавать навязанныхъ намъ евреевъ-гласныхъ выразителями нуждъ еврейскаго населенія и открыто заявляемъ, что въ глазахъ евреевъ они являются самозванными представителями; да и сами гласные, если они уважаютъ себя, не должны соглашаться участвовать въ думѣ по назначенію и представлять населеніе, которое ихъ не избрало. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что отказываемся считать настоящую думу дѣйствительнымъ органомъ самоуправленія, истинной выразительницей интересовъ всего населенія. Сама дума не можетъ и не въ правѣ считать себя представительницей города, выразительницей разнородныхъ его нуждъ, разъ въ ней не представлены интересы всего населенія, разъ она не избрана всѣми жителями безъ различія національности. Заявить объ этомъ во всеуслышаніе—ея нравственная обязанность".

Въ громадномъ большинствѣ городовъ черты осѣдлости евреи-гласные пошли за голосомъ населенія и отказались отъ исполненія своихъ обязанностей,

заявивъ, что они считаютъ возможнымъ таковое, только будучи избраны населеніемъ. Точно такимъ же образомъ поступили евреи-промышленники на собраніяхъ многихъ биржевыхъ комитетовъ. Въ большинствѣ случаевъ гласные-христіане въ городскихъ думахъ Сѣверо-Западнаго края въ отвѣтъ на заявленія гласныхъ-евреевъ предъявили требованіе уравненія евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Мѣстами же отказывались сами отъ исполненія своихъ обязанностей. Въ Минскѣ 26 мая учредители лѣсной биржи—помѣщики и финансисты заявили, послѣ ухода лѣсопромышленниковъ-евреевъ, что дѣятельность биржи безъ евреевъ, въ рукахъ коихъ сосредоточена вся лѣсная торговля края, сведется къ нулю.

Одновременно происходило движеніе среди учащейся молодежи. Въ Царствѣ Польскомъ еврейская молодежь приняла дѣятельное участіе въ школьной забастовкѣ; въ Литвѣ выставила собственныя требованія. Воспитанники Виленскаго еврейскаго учительскаго института потребовали: 1) „немедленнаго прекращенія войны и созыва учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого голосованія; 2) національной свободы; 3) свободы слова, собраній, союзовъ; свободы совѣсти; 4) равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, безъ различія расы, національности, пола, вѣроисповѣданія; 5) неприкосновенности личности и жилища; 6) всеобщаго свободнаго дарового обученія въ духѣ международнаго братства".

Въ разгарѣ борьбы, охватившей широкія массы еврейскаго населенія, возникъ цѣлый рядъ мелкобуржуазныхъ, интеллигентскихъ и буржуазныхъ еврейскихъ политическихъ группъ и партій; изъ нихъ нѣкоторыя выступаютъ подъ флагомъ соціализма; таковы: 1) „Пойалэ-ціонъ"—партія рабочихъ сіонистовъ, образовавшаяся еще въ 1900 г., но только въ 1905 г. проявившая свою политическую дѣятельность; 2) „сіонистско-соціалистическая рабочая партія" (с.—с.) и 3) „еврейская соціалистическая рабочая партія" (н.-с.).

Три вышеназванныя партіи выражаютъ стремленія еврейской революціонной интелигенціи и мелкой буржуазіи, не освободившейся еще отъ сіонистскихъ фантазій. Ихъ дальнѣйшій политическій идеалъ—свободная еврейская территорія: для П. Ц. это—Палестина.

С.-С. старается оправдать этотъ свой идеалъ съ точки зрѣнія марксизма, но, не смотря на частое повтореніе ихъ теоретиками словъ „діалектика", „діалектическій", ихъ методъ въ общемъ отличается прямолинейностью и ихъ міровоззрѣніе, если можетъ быть рѣчь о таковомъ, можетъ быть названо развѣ „метафизическимъ марксизмомъ". Только на еврейской территоріи с.-с. всѣхъ категорій считаютъ возможнымъ развитіе классовой борьбы и осуществленіе соціализма, только это средство является по ихъ мнѣнію цѣлесообразнымъ въ борьбѣ за національное освобожденіе евреевъ.

„Въ странахъ діаспорры—по мнѣнію с.-с. р. п.—еврейскій пролетаріатъ

можетъ и долженъ выставить только общедемократическія требованія"; всякія же спеціальныя національныя требованія они отрицаютъ.

Наоборотъ, „еврейская соціалистическая рабочая партія", раздѣляя дальнѣйшій идеалъ с.-с., въ настоящій историческій моментъ выставляютъ требованіе „національной автономіи" евреевъ, путемъ созыва политическаго сейма еврейскаго народа съ широкими законодательными функціями во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Лозунгъ „сеймовцевъ" черезъ національный сеймъ въ Россіи къ территоріальной самостоятельности въ будущемъ. Хотя „сеймовцы" крайне отрицательно относятся къ программѣ „Бунда", все же нельзя не признать, что въ ихъ программѣ виденъ отпечатокъ объективной обстановки еврейскаго народа,—наиболѣе полнымъ отраженіемъ которой должна быть признана бундовская программа,—независимо отъ того, считаемъ ли мы возможнымъ или нѣтъ ея осуществленіе, что программа „сеймовцевъ", это—одинъ изъ этаповъ по пути отъ сіонизма къ „экстерриторіализму".

Гораздо важнѣе появленія сіонистско-соціалистическихъ группъ образованіе въ началѣ 1905 г. выше охарактеризованнаго нами „Союза достиженія полноправія евреевъ въ Россіи", какъ массовой буржуазно-демократической партіи, и эволюція въ лагерѣ сіонистовъ. Послѣдняя ярко обнаружилась въ резолюціяхъ III-Гельсингфорскаго съѣзда русскихъ сіонистовъ, состоявшагося въ концѣ слѣдующаго 1906 г. На этомъ съѣздѣ сіонисты санкціонировали стремленіе еврейскихъ массъ къ политической свободѣ въ діаспоррѣ, фактически признавъ путь, указанный рабочимъ движеніемъ, цѣлесообразнымъ въ дѣлѣ освобожденія евреевъ. Политическія требованія, выставленныя ими въ Гельсингфорсѣ, слѣдующія: 1) демократизація государственнаго устройства на началахъ строгаго парламентаризма, политической свободы, автономіи національныхъ областей и гарантіи правъ національнаго меньшинства; 2) полная, безусловная равноправность еврейскаго населенія; 3) обезпеченіе представительства меньшинства на выборахъ государственныхъ, областныхъ, мѣстныхъ; 4) признанія еврейской національности, какъ единаго цѣлаго съ правами самоуправленія во всѣхъ дѣлахъ національнаго быта; 5) созывъ всероссійскаго еврейскаго національнаго собранія для выработки основъ внутренней организаціи; 6) права національнаго и свободнаго языка въ школѣ, судѣ и публичной жизни.

Насколько отрезвляюще подѣйствовала революція на сіонистовъ, насколько прочна позиція, занятая ими въ Гельсингфорсѣ, это лучше всего доказывается тѣми соображеніями, что: 1) Гельсингфорскій съѣздъ состоялся послѣ года, особенно тяжелаго въ жизни евреевъ въ Россіи; 2) резолюціи его подтверждены IV съѣздомъ сіонистовъ въ Гаагѣ, въ августѣ 1907 г.

Раньше, чѣмъ перейти къ характеристикѣ еврейскаго движенія въ думскій періодъ, слѣдуетъ отмѣтить, что не только „Бундъ" бойкотировалъ т. н. Булыгинскую Думу, но и еврейская буржуазія во многихъ мѣстахъ отнеслась къ ней отрицательно.

Въ октябрѣ 1905 г. начинается волна погромовъ.

Контръ-революція направляетъ первую свою стрѣлу въ грудь еврейскаго народа. Въ теченіе времени отъ октября 1905 г. по октябрь 1906 г. во время погромовъ было: убито—1,002 еврея [1]); ранено 1,918; овдовѣло—386; осиротѣло дѣтей—1,641; потерпѣло убытокъ—201,000; приблизительная сумма убытка—62,700,000 рублей. При этомъ надо замѣтить, что значительная часть пострадавшихъ, особенно изъ рубрики раненыхъ, не была зарегистрироована, такъ что приведенныя здѣсь цифры даютъ не полную картину бѣдствій, обрушившихся на евреевъ въ теченіи 1906 г.

Еврейское національное движеніе, какъ и движенія въ средѣ другихъ національностей, проявилось въ теченіи 1906 и 1907 г. въ : 1) воздѣйствіи на Госуд. Думу, 2) культурной дѣятельности. Еврейскимъ представителямъ въ Думѣ пришлось начать борьбу за права еврейскаго народа съ самыхъ элементарныхъ требованій въ его пользу.

Къ сожалѣнію, благодаря характеру избирательныхъ законовъ 11 Декабря 1905 г. и тѣмъ болѣе 3 Іюня 1907 г., въ Думу не прошелъ ни одинъ представитель еврейскаго пролетаріата, поэтому дѣятельность еврейскихъ депутатовъ часто отличалась нерѣшительностью, характеризующей всѣ буржуазные элементы въ переживаемый нынѣ Россіею періодъ капиталистическаго развитія. Въ 1-ой Думѣ 12 еврейскихъ депутатовъ составили группу, имѣвшую характеръ совѣщательнаго собранія по вопросу о борьбѣ за полноправіе евреевъ. Депутатъ Винаверъ выступилъ съ протестомъ въ самой рѣшительной формѣ по поводу того, что въ правительственной декларації не было упомянуто о гражданскомъ равноправіи евреевъ. Не менѣе рѣшительно еврейскіе депутаты, наряду съ русскими, заклеймили политику бюрократіи во время дебатовъ по поводу Бѣлостокскаго погрома. Но это далеко не все, что они могли сдѣлать. Тоже самое можно сказать и о Думѣ двухъ слѣдующихъ созывовъ, хотя депутатъ Ниселовичъ дѣлалъ все, что могъ дѣлать человѣкъ его убѣжденій въ дѣлѣ защиты интересовъ еврейскаго народа.

Говоря о еврейскомъ національномъ движеніи въ думскій періодъ, слѣдуетъ отмѣтить дальнѣйшую эволюцію еврейской политической мысли.

Начнемъ съ „Бунда“.

На своемъ VI съѣздѣ, происходившемъ въ декабрѣ 1905 г., онъ развиваетъ свое отношеніе къ національному вопросу вообще, къ еврейскому—въ частности.

— „Въ виду того—читаемъ мы во вступительной части резолюцій,—

---

[1]) По губерніямъ и городамъ это число распредѣляется слѣдующимъ образомъ: Херсонская—371; Бессарабія—110; Таврическая—53; подольская—31; Екатеринославъ—131; Бѣлостокъ—81; Сѣдлецъ—32; Минскъ—49; Могилевъ—31; Кіевъ—31 Черниговъ—23; Полтава—18; Витебскъ—12; Ростовъ на Дону—16; Тальзенъ—8; Гомель—5.

что національное угнетеніе во всѣхъ его формахъ самымъ вреднымъ образомъ отражается на интересахъ освободительной борьбы всего пролетаріата даннаго государства, затемняя его классовое сознаніе, а на рабочій классъ угнетенной націи падаетъ всей своею тяжестью, задерживая развитіе его силъ во всѣхъ областяхъ жизни и искажая его классовую борьбу,—с.-д. обязана бороться противъ всякаго національнаго гнета, какъ прямого, такъ и косвеннаго, и считаясь съ тѣмъ, что лишь соціализмъ, уничтоживъ въ корнѣ всѣ формы классоваго господства, принесетъ съ собой полное освобожденіе отъ всякаго національнаго гнета,—должна въ предѣлахъ капиталистическаго строя стремиться къ завоеванію возможнаго въ буржуазномъ обществѣ максимума гарантій противъ національныхъ конфликтовъ".

Далѣе съѣздъ требуетъ: 1) „полнаго гражданскаго и политическаго равноправія евреевъ; 2) обезпеченной закономъ для еврейскаго населенія возможности употребленія родного языка въ сношеніяхъ съ судомъ, государственными учрежденіями и органами мѣстнаго и областнаго самоуправленія; 3) изъятія изъ вѣдѣнія государства и органовъ мѣстнаго и областнаго самоуправленія функцій, связанныхъ съ вопросами культуры (народнаго образованія и пр.) и передача ихъ націи въ лицѣ особыхъ учрежденій—мѣстныхъ и центральныхъ, избираемыхъ всѣми ея членами на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго голосованія.—*Примѣчаніе*: Нац.-культ. автономія не исключаетъ права государства установить нѣкоторыя обязательныя нормы по вопросамъ, общимъ всѣмъ населяющимъ Россію національностямъ, какъ-то: обязательность начальнаго образованія, свѣтскій характеръ обученія, и пр. и права контроля за соблюденіемъ этихъ нормъ".—

Наконецъ, въ виду того, что Россійское государство состоитъ изъ областей крайне разнородныхъ по своему характеру, съѣздъ призналъ необходимость надѣленія этихъ областей территоріальной автономіей для обслуживанья нуждъ края, но въ то же время пришелъ къ заключенію, что „лозунгъ отдѣльныхъ учредительныхъ собраній не отвѣчаетъ интересамъ пролетаріата и революціи", и что единственной прочной гарантіей переустройства государственнаго порядка Россіи на вышеуказанныхъ началахъ,—является созывъ единаго всероссійскаго учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго etc... голосованія и равноправія всѣхъ гражданъ.

Уже послѣ VII съѣзда въ средѣ „Бунда" поднятъ вопросъ о дѣятельности въ еврейской общинѣ съ цѣлью использовать ее въ дѣлѣ расширенія національныхъ правъ евреевъ и развитія классовой борьбы пролетаріата.

Въ то время, какъ пролетарская организація—„Бундъ" сохранилъ свою цѣльность и вліяніе на массы, въ средѣ единственной крупной политической организаціи еврейской буржуазіи—„Союза достиженія полноправія евреевъ въ Россіи"—начался процессъ дифференціаціи. Это объясняется тѣмъ,

что онъ былъ не столько политической партіей въ обыденномъ значеніи этого слова, сколько блокомъ всѣхъ буржуазно-демократическихъ элементовъ еврейства. Въ началѣ 1907 года изъ него выступила „Народная еврейская группа", признающая сіонизмъ крайне вреднымъ теченіемъ и находящая невозможнымъ дѣятельность въ рядахъ одной организаціи съ сіонистами, даже послѣ той эволюціи, которая произошла въ ихъ программѣ втеченіе 1905—1907 г.г. Основнымъ ея требованіемъ въ области еврейскаго національнаго вопроса является расширеніе правъ и демократизація еврейской общины, въ частности надѣленіе ея широкими правами въ области школьнаго дѣла: правомъ свободнаго открытія школъ и выбора въ нихъ языка преподаванія; правомъ на возмѣщеніе изъ государственнаго, областнаго, муниципальнаго бюджета расходовъ на тѣ національно-общинныя школы, объемъ преподаванія въ которыхъ соотвѣтствуетъ нормальной программѣ обязательнаго обученія.

Въ концѣ 1906 г. образовалась другая буржуазно-демократическая организація—еврейская народная партія (Volks partei). По своей политической и національной программѣ она приближается къ „Бунду", сохраняя свой буржуазный характеръ. Она выставляетъ требованія[1]): 1) демократизаціи народнаго представительства; 2) полнаго осуществленія гражданскихъ и политическихъ свободъ; 3) гарантіи демократическимъ государственнымъ представительствомъ всѣмъ народамъ свободы національнаго самоопредѣленія; 4) автономіи областей и національностей; 5) прочной гарантіи парламентомъ автономіи національныхъ меньшинствъ; 6) созыва особыхъ областныхъ и національныхъ учредительныхъ собраній для опредѣленія внутренней организаціи областей и народовъ; 7) созыва еврейскихъ національныхъ учредительныхъ собраній; 8) органомъ еврейскаго самоуправленія должна быть община, преобразованная на демократическихъ началахъ; для объединенія ихъ дѣятельности—союзъ общинъ съ періодическими съѣздами ихъ представителей и исполнительнымъ комитетомъ; 9) органы еврейскаго самоуправленія получаютъ права юридическихъ лицъ, между прочимъ, право спеціальнаго обложенія еврейскаго населенія; 10) права ихъ въ частности состоятъ въ: a) распоряженіи народнымъ просвѣщеніемъ; b) завѣдываніи дѣлами взаимной и трудовой помощи; c) руководствѣ переселеніемъ; d) вѣдѣніи дѣлъ благотворительности; 11) полнаго равноправія евреевъ; 12) права пользоваться народнымъ языкомъ въ школахъ и государственныхъ и обществ. учрежденіяхъ; 13) отчисленія изъ государственнаго бюджета суммъ на начальныя школы съ преподаваніемъ на еврейскомъ языкѣ.

Культурная дѣятельность общественныхъ элементовъ еврейскаго народа проявилась въ организаціи кооперативовъ,—главнымъ образомъ,—кредитныхъ

---

[1]) Программу передаемъ въ краткомъ изложеніи; обозначеніе пунктовъ—наше.

товариществъ, и образовательныхъ обществъ. Развитію первыхъ былъ данъ сильный толчекъ отмѣной въ 1905 г. закона, предписывающаго введеніе христіанъ въ количествѣ $^2/_3$ въ составъ управленій еврейскихъ кооперативовъ; въ виду этого въ теченіи одного 1906 г. было открыто свыше 100 еврейскихъ кредитныхъ товариществъ. Изъ еврейскихъ образовательныхъ обществъ особенно успѣшно дѣйствуетъ Общество распространенія просвѣщенія среди евреевъ.

Сильнѣе всего проявилось еврейское національное движеніе въ разсматриваемый нами періодъ въ развитіи языка, публицистики, изящной литературы, научной литературы, театра. Уже въ 80 г.г. критика отмѣтила незначительность различій въ „жаргонѣ“ южномъ, польскомъ и литовскомъ. По мнѣнію знатоковъ еврейскаго языка различія эти въ настоящее время проявляются лишь въ произношеніи, а не въ начертаніи словъ. Насколько они незначительны, указываетъ фактъ широкаго распространенія изданій виленскаго книгоиздательства „Die Welt“ въ разныхъ странахъ, населенныхъ евреями; такъ, напр., изъ отчета Лембергскаго еврейскаго органа „Socialdemocrat“ видно, что въ Галиціи въ теченіи двухъ лѣтъ изданія эти разошлись въ количествѣ 6.000 экземпляровъ.

Не меньшимъ доказательствомъ того же служитъ широкое распространеніе еврейской періодической печати; сильный ростъ ея указываетъ и на культурное и политическое развитіе еврейскихъ массъ, и на развитіе языка. Когда въ январѣ 1906 г. въ Вильнѣ стала издаваться на „жаргонѣ“ марксистская ежедневная газета „der Wecker“, она расходилась въ 100.000 экземплярахъ; „der Fraind“ насчитываетъ 30.000 подписчиковъ; другая ежедневная газета—„der Haind“—50.000. На ряду съ этими наиболѣе распространенными газетами появилась масса ежедневныхъ, еженедѣльныхъ, ежемѣсячныхъ изданій; какъ то—1) ежедневныя: „der Telegraf“, „der Weg“, „der Vorwaerts“, „die Unsere Leben“, „die neue Welt“; 2) еженедѣльники: „der Neuer Weg“, „die judische Volksstimme“, „die Zeit“, „die Romanzeitung“, „der Straal“, „die freie Wort“; 3) ежемѣсячные журналы: „Die literarische Monatsschriften“, „Leben und Wissenschaft“, „Europeische Literatur“, „Kunst und Leben“, „der judische Emigrant“; 4) непериодическіе альманахи, сборники, журналы, какъ-то: „Die Neue Zeit“, „der Straal“, „Zeitfragen“, „der judischer Arbeiter“, „das proletarische Gedank“. Нѣкоторыя изъ этихъ изданій были закрыты, но большинство, а между ними „der Fraind“ и „der Haind“ существуютъ до сихъ поръ.

Развитіе публицистики вызвало къ жизни много новыхъ литературныхъ силъ, какъ то Литвакъ, Ольчинъ, Эстеръ, Б—скій, Либманъ, Нѣманскій и др. Многіе старые литераторы, писавшіе раньше на русскомъ и древнееврейскомъ, начинаютъ писать на народномъ еврейскомъ языкѣ, какъ, напр.,

Ан-скій, Ратнеръ, Пасманикъ, Лещинскій, Боруховъ. На этомъ языкѣ появляются изданія сіонистовъ, относившихся къ нему раньше крайне отрицательно; таковы: „das judische Volk“, „die Zeit“, „der Straal“, „das Wochenblatt“ и др. Книжки публицистическаго характера, какъ напр., недавно вышедшая книга Эстеръ „Къ вопросу объ еврейской школѣ“ расходятся очень быстро—въ теченіе 3 мѣсяцевъ выходятъ два изданія этой книжки. Растетъ научная литература; выходятъ на евр. народн. языкѣ: Дубнова „Исторія еврейскаго народа“, Лещинскаго „Еврейскій рабочій въ Россіи“, „Евр. рабочій въ Лондонѣ“, Житловскаго „Исторія философіи“—2 т., его же—„Національный вопросъ“.

Собравшаяся въ Черновицахъ въ 1907 г. конференція еврейскихъ литераторовъ превозглашаетъ „жаргонъ“—еврейскимъ національнымъ языкомъ.

Къ тому времени замѣчается также сильное развитіе на этомъ языкѣ изящной литературы. Въ ея произведеніяхъ преобладаетъ т. н. нео-хасидское направленіе, болѣе или менѣе соотвѣтствующее нео-романтизму. Самыми типичными ея представителями являются: Перецъ и Ш. Ашъ. У нѣкоторыхъ представителей этого теченія проявляется сильный пессимизмъ, въ родѣ того, какимъ отличаются многія произведенія русской изящной литературы послѣднихъ лѣтъ; таковы произведенія Онейхи, „Смерть“ Шнеура, нѣкоторые разсказы А. Рейзена.

Но большинство произведеній еврейской новѣйшей литературы отличается жизнерадостностью, какъ напр.: Гиршбейна „Земля“, Шнеура „Вишни“, Л. Шапиро „Океанъ“.

Очень богата литература, отражающая періодъ революціи и контръ-революціи, а равно эволюцію въ психологіи и взглядахъ еврейской интеллигенціи и рабочихъ. Лучшими произведеніями этого типа являются: Пинскаго „Семейство Цви“, Ан-скаго „Въ Потокѣ“, беллетристика рабочаго Вейсенберга—„A tate mit bonim“ (отецъ и сыновья), Ш. Аша „die Momenten“, „Въ Кольскомъ переулкѣ“, Бергельсонъ „Вокругъ вокзала“, А. Вайтера „Far Tog“ (драма въ стихахъ). Періодъ погромовъ отразился—въ разсказахъ: Шнеура, Л. Шапиро, Кобрина; положеніе жертвъ революціи изображено въ „Сибирскихъ разсказахъ“ Капланович.

Въ тоже время развивается еврейскій національный театръ, содѣйствуя развитію среди массъ національнаго самосознанія.

Не предрѣшая судебъ дальнѣйшаго развитія еврейской національной культуры, мы не можемъ не констатировать существованія въ настоящее время очень сильныхъ ея элементовъ и факта зарожденія и развитія таковыхъ подъ вліяніемъ капиталистическаго развитія страны, являющейся центромъ, въ которомъ сосредоточенъ наибольшій процентъ еврейскаго населенія.

VI.

Если на западной окраинѣ Россіи наиболѣе сильнымъ является польское и затѣмъ еврейское, то на Кавказѣ наиболѣе крупную роль въ предреволюціонный періодъ играло армянское національное движеніе. Но въ теченіе 1905—1907 г.г., даже по мнѣнію армянской революціонной федераціи „Дашнакцютюнъ", организаціи, отличающейся сильно развитымъ націонализмомъ, „армянское революціонное движеніе черпаетъ новыя силы въ могучемъ потокѣ общерусской революціи, вдохновляется тѣмъ, что вся Великая Россія, Польша, Финляндія и весь Кавказъ нынѣ борются за одинаковые съ нимъ идеалы свободы" [1]).

При томъ роль армянъ въ общероссійскомъ движеніи парализуется ловкимъ ходомъ бюрократіи, бросившей кость разногласія между армянами и татарами и отвлекшей ихъ вниманіе отъ борьбы за политическое освобожденіе, сосредоточивъ таковое на междоусобной борьбѣ.

Поэтому, приступая къ характеристикѣ національнаго движенія на Кавказѣ, мы начнемъ съ грузинъ. Грузинское движеніе по нѣкоторымъ своимъ чертамъ напоминаетъ латышское. И здѣсь, и тамъ движеніе—очень интенсивно; и тамъ, и здѣсь во главѣ его стоитъ соціалдемократія, и тамъ, и здѣсь, не по своимъ субъективнымъ стремленіямъ, а лишь по объективнымъ результатамъ, оно является національнымъ. Но у латышей происходитъ борьба наемныхъ рабочихъ, у грузинъ—крестьянъ; у латышей соц.-демократія выступаетъ въ роли классовой организаціи пролетаріата; у грузинъ—она выполняетъ также роль демократіи. Но прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ грузинскаго національнаго движенія, бросимъ бѣглый взглядъ на экономическія и общественно-политическія отношенія въ странѣ, населенной грузинами.

Въ 6 губерніяхъ Закавказья числится населенія—5.663.246. Въ томъ числѣ: 1) татаръ—1.475.322 (26%); 2) грузинъ—1.341.437 (23%); 3) армянъ—1.086.970 (19,4%); 4) лезгинъ—584.538, (10,3%); 5) русскихъ—278.252 (4,9%); 6) турокъ—137.011 (2,4%); 7) остальныхъ (курдовъ, татовъ, осетинъ, грековъ, абхазцевъ и т. д.)—вмѣстѣ—778.591 (13,3%).

Наиболѣе крупными капиталистами являются татары; въ рукахъ татарскихъ дворянъ, т. н. хановъ и бековъ сосредоточивается большая часть земли; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Абаскулиханъ Макинскій, Понаханъ Эриванскій, Хасай-Ханъ, Джванширы—владѣютъ латифундіями въ

[1]) См.„ Проектъ программы дѣятельности на Кавказѣ арм-рев. фед. „Дашнакцютюнъ," изд. неоф. стр. 3.

нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ. Татары—Тагіевъ, Муса Нагіевъ, Юзбашевъ и др.—относятся къ наиболѣе крупнымъ купцамъ и нефтепромышленникамъ на Кавказѣ.

Армяне образуютъ, главнымъобразомъ, средне-зажиточную буржуазію, городскую и сельскую; дворяне, „мелики", уцѣлѣли лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; въ рукахъ армянскихъ капиталистовъ находится большая часть промышленнаго капитала; крестьяне и часть рабочихъ также армяне. Къ татарскому же населенію принадлежитъ другая часть рабочихъ и многотысячный люмпенпролетаріатъ. Такъ обстоятъ дѣла въ губерніяхъ: Эриванской, Елизаветпольской, Карской области и отчасти въ губерніяхъ Бакинской, Тифлиской. Грузины занимаютъ Кутаискую губ., часть Тифлиской и часть Бакинской. Въ ихъ средѣ имѣются и дворяне (средне-зажиточные) и буржуазія, но громадное большинство населенія составляютъ рабочіе и, главнымъ образомъ, крестьяне. Въ ихъ средѣ аграрный вопросъ является еще болѣе злободневнымъ, чѣмъ въ центральномъ черноземномъ районѣ Россіи. Грузинскимъ крестьянамъ принадлежитъ очень незначительный процентъ земли. Изъ общаго количества земли—15.731.737 дес. на долю казны и частныхъ владѣльцевъ приходится 11.120.507 дес. (70,8%); крестьяне же владѣютъ лишь 4.629.230 дес. (29,5%); хозяйства 89% крестьянъ Кутаиской губерніи не превышаютъ 4 дес. каждое. Значительная ихъ часть находится въ полуфеодальной зависимости отъ помѣщиковъ. Въ виду этого вопросъ объ увеличеніи землепользованія вытѣснилъ въ ихъ сознаніи и стремленіяхъ всѣ другіе вопросы и испытываемый ими національный гнетъ игралъ въ ихъ субъективныхъ стремленіяхъ въ революціонный періодъ весьма второстепенную роль. Ввиду этого и соц.-демократія, какъ партія наиболѣе революціонная не только по политическимъ, но и по соціальнымъ своимъ стремленіямъ, получила среди грузинъ громадное вліяніе. Но аграрное движеніе въ конечномъ результатѣ привело и къ выставленію крестьянскими массами требованій національнаго характера и дало толчекъ развитію грузинскаго національнаго движенія въ надлежащемъ значеніи этого слова. Объективныя же условія для развитія грузинскаго національнаго движенія несомнѣнно существуютъ. Когда то въ XI и XII столѣтіяхъ грузинскій народъ обладалъ довольно богатой культурой, но, благодаря нашествію монголовъ въ XIII в., а впослѣдствіи нападеніямъ персовъ и турокъ, культура эта пришла въ упадокъ. Правда, когда Грузія была присоединена къ Россіи, она вздохнула свободно; грузинское дворянство и интеллигенція были довольны опекой могущественнаго государства, особенно вслѣдствіе гуманнаго въ началѣ отношенія къ нимъ русскихъ властей. Но вскорѣ руссификаторская политика бюрократіи и бюрократическій произволъ вообще дали себя почувствовать грузинамъ. Отсутствіе самоуправленія, обученіе дѣтей на непонятномъ для нихъ русскомъ языкѣ, тормозящее ихъ

умственное развитіе, необходимость вездѣ и повсюду пользоваться только этимъ языкомъ, на каждомъ шагу указывали на необходимость борьбы за національное освобожденіе. Но на первый планъ среди крестьянъ сталъ аграрный вопросъ.

Выступленіе пролетаріата въ январѣ 1905 г. во всей Россіи зажгло пламя бунта въ грузинской деревнѣ, гдѣ и до того не разъ бывали очень серьезныя вспышки.

Сначала выставлялись требованія экономическаго и общеполитическаго характера, какъ-то: 1) конфискація всѣхъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель и безвозмездная передача ихъ въ руки крестьянъ; 2) уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ; 3) полная свобода и самостоятельность населенія въ дѣлѣ организаціи самоуправленія въ селеніяхъ, обществахъ, округахъ; 4) обязательное, безплатное обученіе дѣтей; 5) созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія, выбраннаго на демократическихъ началахъ, и т. д.

Но постепенно появляются и требованія національнаго характера. Такъ, напр., въ селѣ Джварума, а затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ Шоропанскаго, Душетскаго, Горійскаго уѣздовъ выставляется требованіе обязательнаго изученія грузинскаго языка въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, введенія обученія на грузинскомъ языкѣ, употребленія его въ дѣлопроизводствѣ. Мѣстами въ этихъ уѣздахъ ненависть къ властямъ и ихъ руссификаторской политикѣ проявляется въ томъ, что крестьяне разрушаютъ школы и канцеляріи, жгутъ документы и т. д.

Затѣмъ начинается введеніе во всей Гуріи самоуправленія революціоннымъ путемъ, изгнаніе чиновниковъ, замѣна ихъ лицами и учрежденіями, избранными на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія. При этомъ въ большинствѣ случаевъ власть попадаетъ въ руки Соц.-дем-овъ, которые во многихъ мѣстахъ и до того, начиная съ 1903 г., исполняли обязанности чиновниковъ, судей и т. п. по настоятельному требованію крестьянъ, выражавшихъ имъ безграничное довѣріе.

За рабочими и крестьянами выступили со своими требованіями грузинская буржуазія и дворяне.

По постановленію Кутаисской городской думы отъ 15 іюня 1905 г. ею подается совѣту министровъ докладная записка слѣдующаго содержанія: 1) въ цѣляхъ свободнаго національно культурнаго развитія нашего народа необходима децентрализація управленія; 2) въ отношеніи окраинъ децентрализація должна выразиться въ предоставленіи права широкаго политическаго самоуправленія, т. е. во введеніи автономіи съ сохраненіемъ государственнаго единства между всѣми, входящими въ составъ Россійской Имперіи, частями. 3) Автономія Грузіи съ сеймомъ въ Тифлисѣ изъ представителей народа, избираемыхъ всеобщимъ, равнымъ, тайнымъ и прямымъ голосованіемъ, должна

опираться на органическомъ статутѣ, который будетъ выработанъ мѣстнымъ учредительнымъ собраніемъ. 4) Конституція грузинской автономіи получаетъ утвержденіе въ общерусскомъ парламентѣ. 5) Грузія, состоящая нынѣ изъ Тифлиской и Кутаиской губерній, Закатальскаго и Сухумскаго округовъ и Батумской области, представляетъ одну автономную единицу. 6) Всѣ народности, живущія въ Грузіи и составляющія въ ней меньшинство, пользуются равными правами. 7) Для участія кавказскихъ народностей въ центральномъ законодательномъ собраніи желательно, при рѣшеніи вопроса объ избирательной системѣ, принять территоріальную группировку. 8) Необходимъ немедленный одновременный созывъ всероссійскаго и мѣстныхъ на окраинахъ учредительныхъ собраній на основѣ всеобщей, безъ различія пола и національности, прямой, тайной, равной подачи голосовъ. Учредительное собраніе для Грузіи должно быть созвано въ гор. Тифлисѣ".

Отсталость Кавказа, остатки партикуляризма и старыхъ традицій и сильный политическій и національный гнетъ наложили свой отпечатокъ на этотъ документъ, выражающій стремленія грузинской буржуазіи, проявившись въ ея политическомъ сепаратизмѣ. Послѣдній не отвѣчаетъ централистическимъ тенденціямъ капитализма, создающаго основу для гораздо большаго сплоченія всѣхъ частей Россіи, чѣмъ это сознаютъ кутаискіе гласные. Но вышеприведенныя резолюціи доказываютъ, что въ средѣ грузинъ постепенно намѣчается формула національнаго самоопредѣленія и пробуждается стремленіе къ отстаиванію національныхъ интересовъ.

Еще раньше, въ апрѣлѣ того же 1905 г., тождественныя требованія были выставлены грузинскимъ дворянствомъ Тифлиской и Кутаиской губерній во всеподданнѣйшемъ ихъ адресѣ Государю.

—„Радѣя объ общей волѣ народа и нуждахъ государственныхъ,— читаемъ мы въ этомъ адресѣ,—тифлиское дворянство (въ другомъ адресѣ сказано „дворянство Кутаиской губерніи") высказываетъ свое глубокое убѣжденіе, что мирное культурное развитіе грузинскаго народа возможно лишь при условіи признанія за Грузіей, этой неотъемлемой частью русскаго государства, добровольно связавшей свою судьбу съ его судьбой, права на управленіе законами, установленными мѣстнымъ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщей, прямой, тайной и равной для всего населенія Грузіи подачи голосовъ".

Для характеристики грузинскаго національнаго движенія имѣетъ важное значеніе „докладная записка кутаискихъ педагоговъ", поданная ими въ іюнѣ 1905 г. Въ этой запискѣ грузинскіе учителя и учительницы жалуются, что бюрократическій режимъ Россіи крайне вредно отражается на культурномъ развитіи грузинскаго народа, такъ какъ: 1) на школьное дѣло отпускается слишкомъ мало средствъ; 2) тормозится открытіе ихъ частными лицами,

3) преподаваніе на русскомъ языкѣ является крайне нецѣлесообразномъ; 4) оно извращаетъ умъ и душу ребенка-инородца и возстановляетъ его противъ представителей господствующей націи; 5) затрудняется молодежи поступленіе въ высшія учебныя заведенія. Будучи убѣждены, что радикальныя улучшенія въ области школьнаго дѣла могутъ быть только слѣдствіемъ радикальнаго переустройства государственнаго порядка Россіи, кутаискіе педагоги находятъ, между прочимъ, что „необходимо немедленно приступить къ обновленію нынѣшней школы на слѣдующихъ основаніяхъ". 1) Даровать школѣ свободный режимъ, предоставивъ управленіе ею свободно избраннымъ представителямъ мѣстнаго населенія и педагогическому совѣту; 2) ввести преподаваніе всѣхъ предметовъ на родномъ для каждой отдѣльной народности языкѣ, сдѣлавъ для инородцевъ обязательнымъ изученіе общегосударственнаго языка, какъ предмета; 3) уничтожить типъ училищъ духовнаго вѣдомства... 4) ввести обязательное всеобщее, даровое обученіе для лицъ обоего пола въ низшихъ и среднихъ школахъ; 5) открыть высшія учебныя заведенія повсемѣстно вообще въ Имперіи и въ частности на Кавказѣ: въ Тифлисѣ, Кутаисѣ, Баку; 6) улучшить матеріальное благосостояніе преподавателей вполнѣ обезпечивающимъ ихъ содержаніемъ изъ казны... Обезпеченіе же постояннаго существованія обновленной такимъ образомъ школы возможно лишь послѣ дарованія вообще Имперіи свободнаго государственнаго режима, въ частности инородцамъ автономіи".

Что касается грузинскихъ политическихъ партій, то грузинскія с.-д. организаціи входятъ въ составъ Р. С.-Д. Р. П. и въ области національнаго вопроса, согласно положеніямъ программы этой партіи требуютъ: 1) областнаго самоуправленія, 2) равноправія національностей, 3) права каждой націи получать образованіе на родномъ языкѣ и пользоваться имъ свободно во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Буржуазная же революціонная партія, выступающая въ виду особыхъ аграрныхъ отношеній Кавказа, подъ флагомъ соціализма и извѣстная подъ названіемъ „соціалистовъ-федералистовъ" (раньше группа „Сакартвелло"), требуетъ установленія федеративныхъ отношеній между Закавказіемъ и Россіей и устройства самаго Закавказья на федеративныхъ началахъ. Группы либераловъ и „буржуазныхъ автономистовъ" очень слабы; въ общемъ ихъ позиція сходна съ приведенными выше позиціями дворянъ и буржуазіи.

Въ январѣ 1906 г. начинается господство реакціи; карательные отряды наводняютъ Грузію, налагаютъ штрафы, чинятъ полевыя расправы.

Грузинское, какъ и всѣ другія національныя движенія, выражается преимущественно въ воздѣйствіи на Гос. Думу и культурной дѣятельности.

Стремленія большинства крестьянскаго и рабочаго населенія Грузіи вообще и въ частности его національныя стремленія въ значительной мѣрѣ

характеризуетъ составъ депутатовъ, избранныхъ этимъ населеніемъ. Изъ 7 депутатовъ-грузинъ 1-ой Думы—5 соціалдемократовъ; въ Думѣ 2-го созыва—6 грузинъ с.-д; въ 3-ьей Думѣ—изъ 3 депутатовъ—грузинъ—2 с.-д. Въ думскій періодъ буржуазная печать горячо отстаиваетъ требованіе автономіи Грузіи. Начинается дискуссія по этому вопросу, въ которой принимаютъ участіе и видные грузинскіе марксисты. Выразителемъ большинства марксистовъ явился д-ръ Н. Жорданія, доказывавшій достаточность для Грузіи требованія самоуправленія, какъ вытекающаго изъ демократизаціи государств. строя Россіи; пропаганда требованія автономіи, по его мнѣнію, вредна для пролетаріата, ибо и утопична, и, ставя передъ лицомъ грузинскихъ рабочихъ особыя задачи, отдѣляетъ ихъ отъ пролетаріата остальной Россіи и тормозитъ дѣло борьбы за его политическое освобожденіе. Напротивъ, другой марксистъ, адвокатъ Д., указалъ на необходимость дополненія требованія областнаго самоуправленія требованіемъ экстерриторіальной автономіи для всѣхъ народовъ, населяющихъ Кавказъ и въ частности для грузинъ. Послѣдній въ настоящее время пріобрѣтаетъ все больше сторонниковъ въ средѣ грузинской с.-д. интеллигенціи. Факторами культурнаго развитія грузинскаго народа являются въ настоящее время: театръ, кооперативы и „Общество распространенія грамотности среди грузинъ“.

* *
*

Перейдемъ къ армянамъ. Въ V и VI ст. они имѣли довольно богатую, по тому времени, культуру. Въ XI в. подпадаютъ подъ власть персовъ и турокъ. Послѣдніе уничтожаютъ ихъ господствующіе классы и подавляютъ развитіе ихъ національной культуры. Возрожденіе армянъ начинается только въ XVII ст., съ ослабленіемъ гнета Турціи. Присоединеніе части Арменіи къ Россіи возбуждаетъ въ армянской интеллигенціи надежды на національное освобожденіе. Но армяне были еще болѣе обмануты въ своихъ надеждахъ, чѣмъ грузины.

Періодъ реакціи 80-ыхъ г.г. былъ особенно тяжелъ для армянъ; за нимъ наступили еще худшія—времена Голицына. Уже въ 1881 г., по распоряженію тогдашняго начальника Кавказа, кн. Дондукова-Корсакова, власти мѣстами лишаютъ армянъ земли и передаютъ таковую въ руки русскихъ, создавая, такимъ образомъ, среди армянскаго населенія русскія колоніи съ цѣлью болѣе успѣшной его руссификаціи. Но еще болѣе тяжелый ударъ армянскому народу наносятъ мѣры бюрократіи, находящіяся въ связи съ преслѣдованіями его національной культуры. Армяне не православные, а армяно-грегоріанскаго вѣроисповѣданія, и уже одно это содѣйствуетъ обостренію ихъ преслѣдованій русскими властями; другая, не менѣе важная, причина—ихъ

энергичная культурная дѣятельность и, наконецъ, наличность у нихъ сильной буржуазіи—класса, составляющаго повсюду матеріальнук основу развитія національной культуры. На армянъ бюрократія обрушилась со всей энергіей, ибо видѣла въ нихъ опаснаго конкуррента, значительное препятствіе для торжества на Кавказѣ лозунга „Россія для русскихъ".

Хранителями армянской культуры, въ самыя тяжелыя времена персидскаго и турецкаго господства, были учителя монахи; культурнымъ центромъ—церковь. Ей оказывали въ этомъ дѣлѣ матеріальную поддержку армянскіе купцы, разсѣянные въ Западной Европѣ—особенно въ итальянскихъ городахъ. Въ 20 г.г. XIX ст., подъ вліяніемъ западно-европейской, въ частности, германской литературы, въ Арменіи начинается борьба со старыми устоями. Церковныя школы переходятъ изъ рукъ духовенства въ распоряженіе приходовъ; въ нихъ вводится программа преподаванія по западно-европейскому образцу. Мѣсто стараго церковнаго армянскаго языка заступаетъ—новый, народный.

Развивается публицистика и изящная литература. Они проникнуты демократическимъ духомъ. Въ публицистикѣ доминируетъ народническое направленіе, очень близкое къ русскому народничеству; въ литературѣ—реализмъ. Въ 60 и 70 г.г. реформируется организація армянской церкви. Въ настоящее время священниковъ выбираютъ сами прихожане; все приходское духовенство и глава армяно-грегоріанской церкви—католикосъ—выборные. Благодаря такой своей организаціи эта церковь играетъ крупную роль въ культурной жизни народа. Эчміадзинъ—мѣстопребываніе католикоса—центръ духовной культуры армянъ. Тамъ хранятся громадныя матеріальныя средства, собранныя путемъ самообложенія армянъ, населяющихъ не только русскую Арменію, но и турецкую, и разсѣянныхъ по всему міру—въ Италіи, Франціи, Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Имущество это, стоимостью въ 113.000.000 рублей, предназначено въ значительной степени на устройство школъ. Такихъ школъ въ началѣ 90 г.г. числилось въ русской Арменіи 520. Но въ 1897 г. всѣ онѣ были закрыты русскими властями. Однако пока 113 милліонный фондъ находился въ рукахъ самихъ армянъ, успѣхи руссификаціи были очень ограничены. И вотъ, 12 іюня 1903 г. появляется царскій указъ объ отобраніи армянскаго національнаго фонда у армяно-грегорьянской церкви и передачѣ его въ распоряженіе русской администраціи. Извѣстіе объ этомъ указѣ сильно взволновало армянскія народныя массы. Со всѣхъ сторонъ посыпались требованія къ католикосу, чтобы онъ не выдавалъ властямъ народнаго имущества. Поприходамъ составлялись приговоры въ томъ же духѣ; подъ нѣкоторыми изъ нихъ подписалось по 10.000 и больше армянъ.

Начались волненія, стычки съ войсками. Пали сотни жертвъ. Въ концѣ концовъ въ Эчміадзинъ явились посланные генералъ-губернаторомъ чиновники и, приказавъ разбить желѣзный церковный ящикъ, въ которомъ хранились суммы

фонда, увезли таковыя въ Эривань. Послѣ этого были приняты самыя серьезныя мѣры для противодѣйствія могущему вспыхнуть возстанію.

Естественно поэтому, что когда январьская забастовка охватила широкія рабочія массы во всей Россіи и разбудила всѣ жизнеспособные слои ея населенія, толкнувъ ихъ на борьбу за политическую свободу, можно было ожидать, что выступитъ на борьбу весь армянскій народъ; тѣмъ болѣе, что его авангардъ живо откликнулся на призывъ Р. С.-Д. Р. П., принявъ участіе въ забастовкѣ. Но въ это время начала подготовляться организованная борьба татаръ съ армянами, которая должна была отвлечь гнѣвъ, назрѣвшій въ душѣ армянскихъ народныхъ массъ, и сдѣлать невозможнымъ антиправительственное революціонное движеніе въ Арменіи. Столкновенія происходили неоднократно и до и послѣ февральскихъ событій 1905 г.

Но далеко не всегда было такъ, какъ было желательно вдохновителямъ національной вражды: напр., когда въ концѣ 1905 г. въ Осетіи атаманъ станицы Ардонъ попытался натравить разбойниковъ-осетинъ на армянъ, первые, чуждые національной вражды, но жадные къ наживѣ, разграбили въ Ардонѣ не только армянскія, но и русскія лавки. Но въ Арменіи цѣль временно была достигнута.

Антагонизмъ между татарскими феодалами и капиталистами и армянской буржуазіей съ одной стороны, между татарскими некультурными массами люмпенпролетаріата и той же буржуазіей съ другой—былъ условіемъ, благопріятствующимъ демагогической, погромной агитаціи.

Борьба началась 6 февраля въ Баку, потомъ охватила весь край и продолжалась до осени 1906 г. Число человѣческихъ жертвъ—около 10.000; потерпѣвшихъ и разорившихся около 15.000 семействъ въ 7 городахъ и 252 деревняхъ. Среди пострадавшихъ—громадное большинство составляютъ армяне; на-ряду съ армянскими капиталистами Лалаевыми, Одамовыми, Тумаевыми потерпѣло много рабочихъ, крестьянъ, мелкихъ лавочниковъ.

Ревизіей сенатора Кузьминскаго, и массой свидѣтельскихъ показаній достаточно выяснено отношеніе мѣстныхъ властей къ организаціи армянскихъ погромовъ. Здѣсь мы остановимся лишь на роли національной и религіозной вражды въ этихъ событіяхъ. Въ виду пущеннаго бакинской печатью слуха, будто причиной погромовъ была вѣковая фанатическая вражда татаръ къ армянамъ, въ „Бакинскія извѣстія“ были присланы сотни писемъ, авторы которыхъ самымъ категорическимъ образомъ заявляли, что этотъ слухъ абсолютно ни на чемъ не основанъ. Вотъ одно изъ такихъ писемъ:—„Милостивый государь, господинъ редакторъ! Мы, нижеподписавшіеся рабочіе и служащіе одного изъ крупныхъ заводовъ, состоящіе главнымъ образомъ изъ армянъ и татаръ, просимъ огласить въ вашей уважаемой газетѣ, что ни до, ни во время, ни послѣ позорныхъ дней 7—10 февраля мы племенной вражды другъ къ другу не питали, а теперь, очнувшись послѣ тяжелаго

кошмара этихъ дней, мы чувствуемъ себя еще болѣе тѣсно связанными лишнимъ звеномъ исторіи и въ одинъ голосъ съ высокочтимымъ муфтіемъ повторяемъ: „нашъ общій врагъ—шайтанъ“. Присылаемъ при семъ нашу посильную лепту—(114 р. 20 к.) въ пользу невинныхъ жертвъ шайтана—безъ различія національностей“. Слѣдуютъ 158 подписей.

Не „вѣковая національная и религіозная вражда“, а демагогическая агитація, нашедшая откликъ въ наиболѣе отсталой и распущенной части татарскаго населенія, благодаря объективной обстановкѣ татаръ и армянъ—экономическимъ условіямъ ихъ быта—является причиной тѣхъ оргій, которыя разыгрывались на всемъ Кавказѣ въ теченіи около двухъ лѣтъ. И поэтому, въ одномъ мѣстѣ при появленіи процессіи съ армянскимъ епископомъ и мусульманскимъ казіемъ во главѣ. безчинства прекращались и въ то же время въ другомъ мѣстѣ начиналась братоубійственная борьба.

Протестъ прежде всего вышелъ изъ среды рабочихъ. 13 февраля было созвано въ Баку рабочее собраніе, на которомъ принята резолюція, клеймящая роль властей въ погромѣ.

Протестовали также адвокаты, инженеры, купцы, промышленники. Приведемъ здѣсь для иллюстраціи резолюцію, принятую на митингѣ 16 февраля 1905 г., состоявшемся по приглашенію мусульманъ г. Баку.—„Мы, представители всѣхъ слоевъ мусульманской, армянской, русской и др. національностей г. Баку, собравшись 16 февраля въ количествѣ до 3000 ч. для обсужденія вопроса о причинахъ кроваваго побоища, пришли къ глубокому убѣжденію, что это побоище возникло не на почвѣ національной вражды, какъ это умышленно лживо утверждаютъ оффиціальныя агентства со словъ мѣстной власти, и не на почвѣ соціально-экономическаго антагонизма, или религіознаго фанатизма, ибо ни фанатизма, ни вражды, ни антагонизма между мусульманами и армянами нѣтъ и не было“.

Далѣе въ резолюціи указываются истинные виновники происшедшей рѣзни. Татаро-армянская борьба сдѣлала невозможнымъ на Кавказѣ національное движеніе въ обыденномъ значеніи этого слова: всѣ чувствовали и понимали опасность развитія національной вражды. Она въ значительной мѣрѣ содѣйствовала тому, что с.-д. избѣгали выставленія національныхъ требованій и старались организовать исключительно классовую борьбу. Благодаря ей буржуазные элементы армянскаго народа не проявляли активности; она въ значительной мѣрѣ была причиной того, что армянская революціонная партія „Дашнакцютюнъ“ сосредоточила свою дѣятельность на партизанской, террористической борьбѣ. Что касается національныхъ требованій, выставленныхъ разными слоями армянскаго населенія въ 1905 и слѣдующіе годы, то таковыя формулированы въ программахъ политическихъ партій, которыя пользуются сильнымъ вліяніемъ на армянское населеніе, вслѣдствіе,

главнымъ образомъ, того гнета, подъ игомъ котораго страдаетъ армянскій народъ и затѣмъ постоянной необходимости быть готовымъ къ отпору и защитѣ своихъ интересовъ. И здѣсь мы видимъ то же явленіе что и въ Польшѣ и Литвѣ. Чѣмъ сильнѣе національный гнетъ, тѣмъ большимъ сепаратизмомъ отличаются программы буржуазной демократіи; ихъ программы это не собраніе требованій, формулированныхъ на основѣ анализа тенденцій общественно экономическаго развитія страны, а выраженіе реакціи противъ гнета. Въ то же время идеологи пролетаріата доводятъ до самыхъ крайнихъ послѣдствій тѣ тенденціи, которыя замѣчаются въ развитіи пролетарской борьбы; ихъ позиція часто выражаетъ лишь реакцію противъ стремленій буржуазныхъ элементовъ; національный вопросъ, приведшій къ націонализму буржуазныхъ революціонеровъ, игнорируется революціонерами с.-д. Въ средѣ армянскихъ революціонеровъ мы находимъ выразителей сепаратизма въ лицѣ армянской революціонной партіи „Дашнакцютюнъ“. Это—партія революціонной интеллигенціи, вышедшей изъ буржуазной среды или связанной съ нею неразрывными узами, имѣющая широкія связи въ этой средѣ. Націонализмъ армянской буржуазіи у этой интеллигенціи принимаетъ форму политическаго сепаратизма. Въ интересахъ организаціи національной борьбы, въ виду роли рабочаго движенія въ общественной жизни Россіи и Арменіи, съ одной стороны, и аграрнаго вопроса—съ другой, вслѣдствіе, наконецъ, своей революціонности и склонности къ наиболѣе далеко идущимъ требованіямъ, „Дашнакцютюнъ“ выступаетъ подъ знаменемъ соціализма.

Въ своей программѣ эта партія выставляетъ слѣдующія требованія: „1) Закавказье, въ качествѣ демократической республики, является составной частью Россіи—республики федеративной. Первая связана съ послѣдней въ вопросахъ: защиты государства, внѣшней политики, монетной и таможенной системы. 2) Закавказье—республика, независимая во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ: она имѣетъ свой парламентъ, избранный путемъ всеобщаго равнаго, прямаго, тайнаго и пропорціональнаго голосованія. Всякій гражданинъ безъ различія пола пользуется избирательнымъ правомъ, начиная съ 20-лѣтняго возраста. 3) Закавказье высылаетъ во Всероссійскій парламентъ своихъ представителей, избранныхъ путемъ той же системы всеобщихъ выборовъ... и далѣе, 14) право націй на свободное самоопредѣленіе. Полное равенство всѣхъ національностей и религіозныхъ группъ .... 17) всеобщее обязательное безплатное первоначальное обученіе; преобразованіе школъ церковныхъ въ свѣтскія. Преподаваніе на родномъ языкѣ. .... 19) Распредѣленіе бюджета на просвѣтительныя цѣли въ государствѣ и кантонахъ пропорціонально численности различныхъ національностей. Спеціально избранные для этой цѣли органы должны будутъ слѣдить за примѣненіемъ этого бюджета, равно какъ и за организаціей самаго просвѣщенія

20) Обязательное знаніе двухъ главныхъ мѣстныхъ языковъ для должностныхъ лицъ кантоновъ и общинъ и трехъ мѣстныхъ языковъ для администраціи всего края. Государственный языкъ—обязательный.

Армянскіе с.-д. въ своемъ большинствѣ принадлежали къ Р. С.-Д. Р. П. и стояли на точкѣ зрѣнія изложенной выше ея программы въ области національнаго вопроса, но въ повседневной дѣятельности не учитывали національнаго момента. Незначительныя группки армянскихъ с.-д., въ родѣ группы „Генчакистовъ",—не входившія въ составъ Р. С.-Д. Р. П. и выставлявшія требованіе автономіи Арменіи, никакой роли въ движеніи не играли.

На состоявшемся 25 августа 1906 г. въ г. Эчміадзинѣ Эриванской губерніи съѣздѣ представителей 58 армянскихъ приходовъ, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ, подавляющимъ большинствомъ была принята резолюція слѣдующаго содержанія:

„Принимая во вниманіе, что каждый народъ долженъ быть полновластнымъ хозяиномъ всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлъ, съѣздъ предписываетъ спеціально избраннымъ имъ секціямъ стремиться къ осуществленію въ области школьнаго вопроса: 1) всеобщаго, обязательнаго обученія; 2) учрежденія спеціальныхъ школъ техническихъ и земледѣльческихъ; 3) учрежденіе воскресныхъ передвижныхъ школъ для распространенія грамотности; 4) реальное, свѣтское образованіе во всѣхъ школахъ. 5) Преподаваніе закона божія только по требованію родителей. 6) Преподаваніе во всѣхъ школахъ на армянскомъ языкѣ. 7) Что касается другихъ націй, то приспособить преподаваніе къ локальнымъ условіямъ, сохраняя преподаваніе на языкѣ большинства. 8) Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавать грузинскую и татарскую литературу и исторію. 9) Поступленіе во всѣ учебныя заведенія обезпечено для всѣхъ, безъ различія націй и вѣроисповѣданій".

Въ теченіи 1906 и 1907 г. г. и общественные элементы армянъ, также какъ и др. націй усердно занимаются организаціонной работой и просвѣтительной.

VII.

Мы уже видѣли выше, что въ то время, когда толпы татарскаго люмпенпролетаріата, наускиваемыя врагами россійскаго освободительнаго движенія, громили армянъ, татарскіе рабочіе и буржуазія выразили свое осужденіе этимъ оргіямъ контръ-революціи.

Мало того, въ тоже именно время въ приволжскомъ краѣ, населенномъ наиболѣе культурной частью татарскаго народа, впервые проснулось въ немъ его національное самосознаніе. Это должно было наступить именно тамъ, такъ

какъ культурный уровень татарскаго населенія въ Поволжьѣ особенно высокъ и поэтому населеніе особенно чутко къ проявленіямъ національнаго и религіознаго гнета. Магометанская религія играетъ важную роль въ жизни татаръ; она—неотъемлемый элементъ татарской культуры въ современной стадіи ея развитія. Но и религія, и языкъ татарскій подвергаются постояннымъ преслѣдованіямъ со стороны русскихъ властей. Процентная норма въ школахъ, въ органахъ самоуправленія, вмѣшательство властей во внутреннія дѣла магометанской церкви, безпрестанныя столкновенія татаръ съ миссіонерами—все это заставило ихъ тѣсно сплотиться подъ знаменемъ имамизма. Свѣтская же и духовная татарская интеллигенція выказываетъ достойную подражанія энергію въ своей дѣятельности, направленной на содѣйствіе развитію ихъ духовной культуры; это видно, между прочимъ, изъ того, что въ то время, какъ среди русскаго населенія Казанской губерніи одинъ учащійся приходится на 14 мужчинъ и одна учащаяся на 56 женщинъ, въ средѣ казанскихъ татаръ 1 учащійся на 9 мужчинъ, и 1 учащаяся на 12 женщинъ. Въ одной только Казани въ теченіе 1903 г. было напечатано 250 татарскихъ изданій въ $2^1/_2$ милліонахъ экземпляровъ. Принявъ же во вниманіе, что изъ 100.000 крещенныхъ казанскихъ татаръ около 40.000 вернулось въ лоно магометанской религіи, мы неизбѣжно придемъ къ заключенію, что успѣхи руссификаціи и въ татарской средѣ очень незначительны.

И вотъ, въ мартѣ 1905 г. уполномоченные отъ татаръ г. Чистополя Казанской губерніи обращаются къ предсѣдателю комитета министровъ съ докладной запиской. Въ этой запискѣ они требуютъ: 1) уничтоженія всѣхъ постановленій и узаконеній, урѣзывающихъ права татаръ въ смыслѣ свободы слова, печати (на татарскомъ и русскомъ языкахъ), союзовъ, собраній; 2) распространенія на татаръ всѣхъ мѣропріятій и узаконеній, предусматривающихъ гарантію законности въ управленіи, неприкосновенность личности и жилища, а также и тѣхъ, которыя имѣютъ цѣлью улучшеніе быта сельскаго и городскаго рабочаго населенія. Далѣе чистопольскіе граждане пишутъ: „1) Современное положеніе дѣла школьнаго образованія у татаръ крайне ненормально. Существующія татарскія школы, какъ школы конфессіональнаго характера, и благодаря своему полулегальному положенію, не могутъ достаточно широко обслуживать нужды народа въ отношеніи образованія даже первоначальнаго. Открывать же свѣтскія школы до сихъ поръ не было никакой возможности, благодаря различнаго рода ограниченіямъ и стѣсненіямъ“. На этомъ основаніи они требуютъ: а) введенія всеобщаго, даровaго образованія на татарскомъ и русскомъ языкахъ, в) предоставленія широкихъ правъ частной иниціативѣ по открытію народныхъ школъ татарской грамоты для дѣтей обоего пола и открытія прочихъ общеобразовательныхъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ въ нихъ

предметовъ на татарскомъ языкѣ. 2) Необходимо устраненіе изъ постановки дѣла русскаго народнаго образованія среди татаръ дѣйствующей нынѣ системы обрусенія. 3) Полное отсутствіе организаціи внѣшкольнаго образованія является слѣдствіемъ общаго безправнаго положенія татарскаго народа. Для выхода изъ этого положенія необходимо: полное устраненіе мелочной регламентаціи и опеки въ дѣлѣ организаціи внѣшкольнаго образованія среди татаръ и предоставленія широкой свободы: а) въ открытіи народныхъ читаленъ и общественныхъ библіотекъ; в) въ дѣлѣ устройства: театровъ, лекцій и пр., с) въ развитіи дѣла учрежденія различныхъ союзовъ и обществъ, преслѣдующихъ образовательныя цѣли. 4) До сего времени особая цензура крайне тормозила развитіе татарской печати. Въ виду этого необходимо: а) полное ея освобожденіе отъ спеціальныхъ ограниченій; в) право издавать газеты и журналы на татарскомъ языкѣ на тѣхъ же цензурныхъ условіяхъ, что и на русскомъ. 5) Уничтоженіе ограниченій татаръ въ правахъ занимать государственныя и общественныя должности и участвовать въ органахъ самоуправленія. 6) разрѣшеніе татарамъ повсемѣстно проживать на окраинахъ.

За татарами г. Чистополя послѣдовали и жители другихъ мѣстъ, принадлежащіе къ той же націи.

Въ августѣ же 1905 г. сдѣлана была попытка объединенія не только татаръ, но и всѣхъ мусульманъ Имперіи во Всероссійскій Мусульманскій Союзъ. Это произошло во время ярмарки въ Нижнемъ Новгородѣ. Туда съѣхалась 1.500 мусульманъ и такъ какъ генералъ-губернаторъ имъ запретилъ устраивать собранія, то они наняли пароходъ, плавали на немъ по р. Окѣ, совѣщались, учредили вышеназванный союзъ и приняли слѣдующія резолюціи:

„Собраніе мусульманъ всѣхъ сословій изъ разныхъ губерній и областей имперіи, обсудивъ общіе вопросы, а также вопросы, касающіеся спеціально нуждъ и пользъ мусульманъ съ точки зрѣнія текущихъ событій, на съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ (на пароходѣ „Густавъ Струве“ на рѣкѣ Окѣ), 15 августа 1905 года нашло:

1) Необходимо и своевременно сближеніе мусульманъ всѣхъ областей Россіи на почвѣ общественно-культурныхъ и политическихъ запросовъ и задачъ современной русской жизни.

2) Въ достиженіи и осуществленіи этихъ задачъ прогрессивная часть мусульманъ, раздѣляя идеалы передоваго русскаго общества, дѣйствуетъ въ смыслѣ установленія въ странѣ правоваго порядка на началахъ участія свободно избранныхъ народныхъ представителей въ законодательствѣ и управленіи государствомъ.

3) Сознавая, что достиженіе указанныхъ цѣлей возможно при пользованіи мусульманами одинаково равными съ русскимъ населеніемъ правами,

прогрессивная часть мусульманъ всѣми законными средствами дѣйствуетъ въ смыслѣ отмѣны всѣхъ изъятій и ограниченій, которыя установлены въ отношеніи мусульманъ дѣйствующими узаконеніями, правительственными распоряженіями и административной практикой, и полнаго уравненія мусульманъ съ населеніемъ русскаго государства во всѣхъ правахъ политическихъ, гражданскихъ и религіозныхъ.

4) Дѣятельность свою мусульмане направляютъ сообразно съ дѣйствительными и могущими народиться потребностями и запросами общегосударственной жизни въ Россіи; и въ видахъ подготовки мусульманскихъ массъ къ воспріятію новыхъ началъ, могущихъ быть выставленными общегосударственной русской жизнью, особое вниманіе должно быть обращено на культурное развитіе мусульманъ, въ обширномъ смыслѣ слова. Для этого мусульмане во всѣхъ областяхъ всѣми средствами должны стараться открывать всякаго рода школы, соотвѣтствующія потребностямъ мусульманъ, распространять и популяризировать идейныя начала современной жизни, при помощи книгъ, газетъ, журналовъ, народныхъ курсовъ, библіотекъ-читаленъ и другихъ подобнаго рода учрежденій просвѣтительнаго характера.

5) Для успѣшнаго достиженія всѣхъ намѣченныхъ цѣлей на мѣстахъ образуются свои меджелисы, руководимые періодическими съѣздами мусульманъ.

Въ мусульманскомъ союзѣ главную роль играютъ волжскіе, въ частности казанскіе татары. Но къ нему примыкаютъ и мусульмане другихъ мѣстностей Россіи, какъ то крымскіе татары, башкиры, мещеряки, киргизы, туркмены, сарты, таджики и др. Всѣ эти племена насчитываютъ 12 слишкомъ милліоновъ человѣкъ, въ суммѣ же съ кавказскими татарами, на которыхъ союзъ тоже распространяетъ свое вліяніе—около 14.00.000. Среди всѣхъ этихъ народовъ въ той или иной формѣ просыпается національное сознаніе. Толчекъ этому дали съ одной стороны преслѣдованія правительства, съ другой, что имѣло наиболѣе важное значеніе, освободительное движеніе 1905. г. Въ глухихъ углахъ восточной Россіи и Сибири, населяемыхъ этими племенами, впервые возникъ интересъ къ общегосударственнымъ вопросамъ, впервые наступило извѣстнаго рода духовное сближеніе съ культурными элементами Россіи. Въ каждомъ племени при этомъ обнаруживались свои стремленія, свое пониманіе запросовъ даннаго момента. Но всѣ они видѣли единственный путь къ осуществленію этихъ стремленій въ сближеніи съ борющимися за политическое освобожденіе общественными элементами Россіи съ цѣлью отмѣны бюрократическаго строя и завоеванія радикальныхъ реформъ въ области политической, національной, экономической. У многихъ изъ этихъ народовъ единственнымъ активнымъ элементомъ явились народные учителя; они были организаторами и руководителями національнаго движенія. Такъ

было у крымскихъ татаръ, такъ было у калмыковъ. Но и у болѣе культурныхъ племенъ, какъ киргизы и даже казанскіе татары, учителя играли крупную роль.

Для иллюстраціи характера національнаго движенія среди мусульманскихъ народовъ возьмемъ еще киргизовъ. Революція застала ихъ въ періодъ перехода отъ кочевого быта къ осѣдлому. Несмотря на ранній періодъ общественнаго развитія, киргизы выступили съ ясно формулированными національными требованіями. Наиболѣе злободневными задачами ихъ общественной жизни были: отстаиваніе своей земли передъ все усиливающимся притокомъ въ занимаемый ими Степной Край переселенцевъ изъ Россіи и борьба противъ чиновниковъ, практиковавшихъ въ ихъ средѣ самымъ грубымъ образомъ руссификаторскую политику правительства. Въ 1905 г. состоявшійся въ Каркалинскомъ уѣздѣ съѣздъ киргизовъ послалъ въ совѣтъ министровъ слѣдующую записку, покрытую 14,500 подписями. Приводимъ только наиболѣе характерныя ея мѣста: „...не только не разрѣшается—читаемъ въ вышеуказанной запискѣ—постройка новыхъ школъ и мечетей, но администрація закрыла существующія школы при мечетяхъ въ городахъ—Семипалатинскѣ и Кокчетавѣ. По тому же „Степному положенію“ веденіе метрическихъ книгъ находится въ рукахъ аульнаго (сельскаго) старосты, почти всегда безграмотнаго. При полученіи заграничнаго паспорта крестьянскіе начальники задерживаютъ выдачу за недоимки, остававшіяся за обществомъ и волостью. Въ виду изложеннаго необходимы: свобода совѣсти, организація особаго для Киргизъ Степного Края выборнаго духовнаго управленія, независимаго отъ вѣдомствъ, установленія явочнаго порядка при постройкѣ школъ и мечетей и отмѣна цензуры на духовныя книги на киргизскомъ, татарскомъ, арабскомъ языкахъ; передача метрическихъ записей въ органы духовнаго управленія и установленія законнаго порядка выдачи заграничныхъ паспортовъ. 2) Съ 1902 г. въ Степномъ Краѣ открыты т. н. аульныя школы для мальчиковъ Въ этихъ школахъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ. Киргизы просили, чтобы въ означенныхъ школахъ преподавалась также киргизская грамота, но имъ въ этомъ было отказано. Въ школахъ этихъ учатъ киргизскихъ дѣтей писать киргизскія слова русскими буквами, которыя не передаютъ киргизской фонетики“. Далѣе указывается на беззаконія властей, проявившіяся въ закрытіи киргизскихъ пансіоновъ, между прочимъ, при Омской гимназіи, въ передачѣ дѣтямъ некиргизскаго происхожденія стипендій, предназначенныхъ киргизами исключительно для киргизскихъ дѣтей, въ употребленіи на нужды администраціи суммъ „земскаго капитала киргизъ“, и требуется: „допущеніе въ аульныхъ школахъ преподаванія киргизской грамоты; преподаваніе въ этихъ школахъ на языкѣ дѣтей и обязательное обученіе государственному языку: возстановленіе закрытыхъ интернатовъ и пансіона при Омской гимназіи;

увеличеніе числа существующихъ стипендій для поступленія въ профессіональныя школы и высшія учебныя заведенія"... „3) Для выясненія текущихъ нуждъ киргизскаго народа необходимо изданіе газетъ на киргизскомъ языкѣ... За послѣдніе 15 лѣтъ происходитъ колонизація Степнаго Края. Съ каждымъ годомъ земли, находящіяся въ пользованіи киргизовъ, уменьшаются. Скотоводческое хозяйство по существу своему не можетъ не быть экстенсивнымъ и требуетъ обширныхъ пастбищъ для своего существованія. Поэтому необходимо признать земли, занимаемыя киргизами, ихъ собственностью"... Въ пунктѣ 6 требуется, чтобы „Степное положеніе" было измѣнено при участіи депутатовъ отъ киргизъ. Въ пунктѣ 7 читаемъ: „Въ интересахъ киргизъ необходимы: веденіе дѣлопроизводства въ волостныхъ канцеляріяхъ и народныхъ судахъ на киргизскомъ языкѣ, замѣщеніе должности переводчиковъ людьми, знающими киргизскій языкъ и грамоту, и возстановленіе нарушенныхъ правъ киргизъ—подавать прошенія на своемъ родномъ языкѣ", въ 8)—„необходимо, чтобы судьи знали киргизскій языкъ и чтобы былъ введенъ судъ присяжныхъ въ киргизской степи". Въ 9 п.—„необходима отмѣна институтовъ крестьянскихъ начальниковъ и урядниковъ"; въ 10 п,—киргизы требуютъ отмѣны права властей высылать киргизовъ въ административномъ порядкѣ и "установленія законной отвѣтственности за преступленія передъ судомъ". „Для защиты интересовъ и правъ киргизскаго народа—говорится въ п. 11 петиціи—необходимо участіе его депутатовъ въ законодательномъ собраніи".— Усиленіе движенія переселенцевъ въ Степной Край дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе острымъ вопросъ о землѣ, тѣмъ самымъ усиливаетъ вражду киргизъ къ властямъ и переселенцамъ и даетъ толчекъ къ развитію національнаго киргизскаго движенія.

Вѣроятнѣе всего, что мусульманскій союзъ вскорѣ начнетъ распадаться на отдѣльныя національныя группы. Въ немъ намѣчается уже и дифференціація по линіи классовыхъ интересовъ входящихъ въ составъ его народовъ. Но и до сихъ поръ онъ уже содѣйствовалъ развитію національнаго движенія среди народовъ, исповѣдывающихъ магометанскую религію. Въ ихъ средѣ началось сильное культурное движеніе. У татаръ возникъ рядъ просвѣтительныхъ обществъ; началось сильное феминистское движеніе. Просвѣтительная дѣятельность ведется и среди другихъ мусульманскихъ народовъ. Открытъ также рядъ банковъ въ городахъ, населенныхъ мусульманами. Въ Государственной Думѣ I и II созывовъ мусульманская фракція насчитывала около 30 депутатовъ; въ 3-ьей Думѣ число послѣднихъ значительно уменьшилось. Между прочимъ киргизы по закону 3 іюня были лишены избирательнаго права.

Тактика мусульманскихъ депутатовъ въ Думѣ отличалась умѣренно-оппозиціоннымъ характеромъ.

На ряду съ мусульманскими народами и многія мелкія племена Европей-

ской и Азіатской Россіи подъ вліяніемъ событій 1905 г. выступили съ требованіями въ защиту свободы ихъ культурнаго развитія. Возникли національные учительскіе союзы чувашей, черемисъ, вотяковъ. Развилось движеніе бурятское и якутское.

У обоихъ этихъ народовъ еще сильны пережитки родового быта. Переходъ къ территоріальному устройству совершился сравнительно недавно. Буряты, вслѣдствіе выдѣленія Забайкалья въ особую область, распались на двѣ національныя группы: иркутскихъ бурятъ и забайкальскихъ бурятъ, къ которымъ примкнула часть тунгузовъ. Въ 90 гг. бюрократія, въ виду обостренія отношеній между Россіей и Китаемъ, предприняла рядъ попытокъ упроченія своего вліянія среди забайкальскихъ бурятъ. Въ Читѣ была открыта бурятская типографія, стала издаваться газета на бурятскомъ языкѣ. Это содѣйствовало развитію среди бурятъ національнаго самоуправленія. И когда въ 1901 г. вышелъ законъ, лишившій бурятъ самоуправленія, это вызвало среди нихъ сильное негодованіе. Въ теченіи же 6 мѣсяцевъ 1905 г. произошло четыре общихъ съѣзда забайкальскихъ бурятъ. Больше всего заслуживаетъ вниманія съѣздъ, состоявшійся въ г. Читѣ въ концѣ апрѣля. Въ немъ принято участіе 180 представителей, выбранныхъ по 1 отъ каждой 1000 населенія. Проектъ требуемаго съѣздомъ самоуправленія построенъ на территоріальныхъ началахъ. Наряду съ тремя единицами самоуправленія—низшей—„булукомъ“, средней—„управой“—и высшей—Думой, требуется также для объединенія интересовъ всѣхъ бурятъ и тунгузовъ Забайкальской области—введеніе института съѣздовъ изъ представителей отъ каждаго вѣдомства. Самоуправленіе съѣздъ желаетъ построить на демократическихъ началахъ: 1) всеобщемъ, равномъ избирательномъ правѣ безъ различія пола; 2) избираемости должностныхъ лицъ сходами и независимости ихъ отъ администраціи; 3) подчиненія компетенціи органовъ самоуправленія: хозяйственныхъ дѣлъ, полиціи, народнаго образованія; 4) признанія языкомъ дѣлопроизводства—бурятскаго; оставленія же русскаго языка только для сношеній съ администраціей.

Въ то же время были выставлены требованія реформированія суда; въ проектѣ указывалась желательность слѣдующихъ мѣръ: 1) судъ третейскій; 2) судъ инородческій; 3) съѣздъ инородческихъ судей; 4) судопроизводство ведется на бурятскомъ языкѣ. Въ области школьнаго вопроса съѣздъ счелъ необходимымъ: 1) введеніе всеобщаго обязательнаго обученія монгольской грамотѣ всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ; 2) передачу школъ въ вѣдѣніе органовъ самоуправленія; 3) въ школахъ старшаго возраста преподаваніе должно остаться на бурятскомъ языкѣ, но долженъ преподаваться русскій языкъ и общеобразовательные предметы; 4) отмѣна всѣхъ ограниченій пріема въ среднія и высшія школы. Наконецъ, съѣздъ требуетъ: 1) отмѣны

всѣхъ ограниченій религіознаго характера; 2) освобожденія духовенства отъ повинностей; 3) наименованія ламаистовъ буддистами.

Въ августѣ того же года состоялся съѣздъ иркутскихъ бурятъ, съ участіемъ 77 человѣкъ—по 1 представителю отъ 1.500 человѣкъ населенія. Основныя начала проекта самоуправленія, выработаннаго на немъ, слѣдующія: 1) низшимъ органомъ самоуправленія должна быть волость; 2) высшимъ—губернское земство; въ послѣднемъ должна существовать гарантія правъ меньшинства: разногласія между гласными русскими и инородческими должны разсматриваться въ третейскомъ судѣ, избираемомъ на каждый случай отдѣльно изъ гласныхъ инородцевъ и русскихъ въ равномъ числѣ; въ случаѣ равенства голосовъ судъ избираетъ особаго посредника, съ правомъ окончательнаго рѣшенія спорнаго вопроса. По всѣмъ остальнымъ вопросамъ позиція иркутскихъ и забайкальскихъ бурятъ одинакова.

Для предъявленія вышеприведенныхъ требованій правительству буряты отправляли въ Петербургъ особыхъ депутатовъ.

Но всѣ хлопоты были безрезультатны.

Въ концѣ 1905 и началѣ 1906 г. иркутскіе и особенно забайкальскіе буряты были захвачены революціоннымъ движеніемъ. Во многихъ мѣстахъ были закрыты волостныя правленія, бойкотировалась русская администрація; власть была передана лицамъ, избраннымъ изъ среды самихъ бурятъ. Что касается выборныхъ кампаній Госуд. Думы, то въ 1-ую Думу забайкальскіе буряты не успѣли послать своего представителя; иркутскіе—добивались особаго представительства, но, не получивъ таковаго, бойкотировали выборы. Во вторую Думу отъ забайкальскихъ бурятъ прошелъ к.-д.

Въ 1906 г. существовали уже въ зародышевомъ состояніи и собственныя бурятскія политическія партіи: 1) націоналистовъ—„стародумцевъ“; 2) прогрессистовъ; 3) соціалистовъ-народниковъ. Но политическая физіономія ни одной изъ нихъ не выяснилась; скорѣе можно сказать, что въ лицѣ этихъ партій лишь намѣтились контуры будущихъ политическихъ теченій среди бурятъ, и то въ очень общей формѣ.

Гораздо большую роль, чѣмъ партіи, играетъ въ жизни бурятъ „союзъ бурятскихъ учителей“, въ составъ котораго въ 1906 г. вошли 60 учителей бурятскихъ школъ.

Союзъ намѣтилъ себѣ слѣдующія задачи: 1) способствовать національному возрожденію бурятъ; 2) содѣйствовать просвѣщенію бурятъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; 3) націонализировать школу; 4) содѣйствовать организаціи борьбы за свободу національнаго самоопредѣленія бурятъ и автономію. Союзъ принялъ реформированный монгольскій шрифтъ А. Доржіева; занялся приготовленіемъ учебниковъ. Ведетъ широкую пропаганду своихъ идей. На призывъ учителей откликнулись широкія массы народа. Начинаютъ про-

водиться въ жизнь нѣкоторыя постановленія съѣздовъ. Въ нѣкоторыхъ „вѣдомствахъ“ организуется образовательный фондъ и общества распространенія просвѣщенія среди бурятъ.

Первые симптомы „весны“ дали толчекъ развитію движенія среди якутовъ, населяющихъ въ количествѣ 250.000 Якутскую область и составляющихъ въ ней подавляющее большинство населенія. Движеніе это, отличавшееся сначала чисто-стихійнымъ характеромъ, очень скоро становится сознательнымъ національнымъ движеніемъ.

Это слѣдствіе того, что молодая культура якутовъ, находящаяся еще въ зародышевомъ состояніи, отличается значительной силой. Такъ, напр., бывавшимъ въ Якутскомъ краѣ, сразу бросается въ глаза фактъ, что не только руссификаторская политика бюрократіи не ведетъ тамъ къ желаннымъ для нея результатамъ, но что, наоборотъ, и мѣстное русское населеніе и сами представители власти очень быстро подвергаются вліянію якутской культуры. И въ якутскомъ движеніи учителя, наряду съ якутскимъ сельскохозяйственнымъ обществомъ, сыграли немаловажную роль. До 1858 г. въ Якутской области существовало мѣстное родовое самоуправленіе, органами котораго были т. н. „степныя думы“. Руководство общественной жизнью принадлежало богачамъ—„тойонамъ“. Но вскорѣ они сдѣлали „думы“ орудіемъ эксплоатаціи трудящейся части своего народа, и поэтому, когда послѣднія были закрыты, массы не проявили особаго негодованія. Ими не были поддержаны и тщетныя просьбы „тойоновъ“ въ 80 г.г. объ открытіи думъ, просьбы, въ отвѣтъ на которыя правительство отобрало у якутовъ 500 дес. земли въ пользу ссыльныхъ сектантовъ-скопцовъ. Вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ наканунѣ революціи среди якутовъ намѣчались два теченія: 1) во главѣ одного стояло большинство „тойоновъ“; 2) во главѣ другого большею частью народные учителя и вообще представители свободныхъ профессій. Первое было націоналистическимъ и стремилось къ возвращенію родового быта; второе—прогрессивнымъ и стояло за введеніе самоуправленія на основѣ территоріальнаго принципа, связывая дѣло реформъ въ Якутскомъ краѣ и удовлетворенія нуждъ національнаго развитія якутовъ съ дѣломъ демократизаціи государственнаго строя Россіи.

Въ 1904 г., когда донесся слухъ о манифестѣ по поводу рожденія наслѣдника, якуты стали готовить депутацію въ Петербургъ, намѣреваясь представить черезъ нее правительству свои нужды и прежде всего просить, чтобы уголовные преступники больше не высылались въ Якутскую область, такъ какъ ихъ пребываніе крайне отрицательно отражается на положеніи мѣстнаго населенія. Но депутація была запрещена. Съ момента изданія манифеста 18 февраля 1905 г. въ г. Якутскѣ и улусахъ начинается періодъ митинговъ и собраній съ цѣлью выработки петицій по вопросу о

нуждахъ населенія вообще и мѣстномъ самоуправленіи въ частности. Уже первое собраніе выслало телеграмму на имя предсѣдателя совѣта министровъ съ требованіемъ созыва всероссійскаго учредительнаго собранія на основѣ 4-хъ членной формулы.

Дальше шло тщательное обсужденіе вопроса о типѣ самоуправленія. Въ результатѣ громадное большинство населенія признало желательнымъ самоуправленіе территоріальнаго типа, совмѣстное для русскаго и якутскаго населенія, организованное на широкихъ демократическихъ началахъ. Въ январѣ 1906 г. въ Якутскѣ былъ созванъ съѣздъ представителей якутскаго народа, на который явилось 400 человѣкъ. На немъ образовался Якутскій Союзъ, выставившій слѣдующія требованія: 1) признанія всѣхъ земель собственностью постоянныхъ жителей края—инородцевъ; 2) предоставленія якутамъ права имѣть собственнаго представителя въ Думѣ; 3) скорѣйшаго утвержденія положенія о земскомъ самоуправленіи; 4) немедленнаго уничтоженія опеки полиціи надъ инородческими общественными учрежденіями и прекращенія всякаго сношенія съ ними администраціи.

Такъ какъ съѣздъ происходилъ въ моментъ наивысшаго подъема движенія въ краѣ, то вышеприведенныя требованія были ультимативно предъявлены по телеграфу Предсѣдателю Совѣта Министровъ, причемъ члены Союза заявили, что: 1) будутъ прерваны всякія сношенія съ чинами полиціи; 2) будетъ прекращенъ взносъ податей и отбываніе повинностей. И по распоряженію Союза прекратились всякія сношенія между Областью и высшей властью въ Иркутскѣ и Европейской Россіи. Но вскорѣ организаторы движенія были арестованы и преданы суду, и революціонное движеніе прекратилось.

За то началась энергичная культурная дѣятельность. Основывается газета „Якутскій Край“, издающаяся на русскомъ и якутскомъ языкахъ. Появляются изданія на якутскомъ языкѣ. Открывается якутскій національный театръ. Появляются произведенія изъ области изящной литературы. Кладется фундаментъ для развитія молодой якутской культуры.

* * *

Мы сдѣлали краткій обзоръ развитія національнаго движенія на всемъ пространствѣ россійскаго государства, начиная съ обладающаго богатой національной культурой польскаго народа и кончая инородцами Сибири, среди которыхъ замѣчаются только первые проблески культурнаго развитія. Не смотря на глубокія различія въ характерѣ движенія отдѣльныхъ націй, вытекающія какъ изъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ онѣ живутъ, такъ и изъ степени ихъ культурнаго развитія, мы повсюду встрѣчаемъ въ націо-

нальномъ движеніи нѣкоторыя общія черты. Оно развивается у болѣе культурныхъ народовъ, какъ неизбѣжный продуктъ ихъ капиталистическаго развитія; оно возникаетъ у менѣе культурныхъ подъ живительнымъ воздѣйствіемъ порожденнаго капиталистическимъ развитіемъ Россіи выступленія массъ на борьбу за ея политическое освобожденіе, какъ отраженіе еле зарождающихся еще общественныхъ отношеній, вызванное этими выступленіями. Повсюду оно выступаетъ какъ явленіе прогрессивное. Преслѣдуя задачу возрожденія отдѣльныхъ націй, сплоченныхъ капиталистическимъ развитіемъ въ одинъ государственный организмъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ дѣлу возрожденія россійскаго государства. Ни у одной націи національное движеніе не принимаетъ формы движенія, грозящаго существованію государства [1]); повсюду его тенденціи въ большей и или меньшей степени совпадаютъ съ тенденціями политическаго развитія государства такого типа, какъ Россія—состоящаго изъ областей, отличающихся особыми бытовыми условіями и разноплеменнымъ составомъ населенія.

Но если національное движеніе въ Россіи чуждо антигосударственнаго, антироссійскаго элемента, то за то оно въ корнѣ враждебно отжившей феодально-бюрократической государственной структурѣ.

Будучи вызвано развитіемъ общественной самодѣятельности, являющимся слѣдствіемъ капиталистическаго развитія, оно по своей сущности является отрицаніемъ политическаго режима, основаннаго на подавленіи этой самодѣятельности. Вытекая изъ тенденцій развитія капитализма, національное движеніе служитъ факторомъ дальнѣйшаго его развитія, однимъ изъ сильныхъ двигателей необходимаго въ его интересахъ преобразованія государственнаго строя Россіи.

И учетъ стремленій и идеаловъ наиболѣе прогрессивныхъ и активныхъ элементовъ отдѣльныхъ націй представителями русскаго освободительнаго движенія можетъ явиться однимъ изъ важныхъ условій прогресса россійскаго государства въ области его экономической, общественной и политической жизни.

К. Залевскій.

---

[1]) Такимъ характеромъ отличается лишь рев. фр. П. П.-С., но эта группа никакой роли въ политической жизни Польши въ настоящее время не играетъ.

При составленіи настоящей статьи я пользовался слѣдующими источниками: Rozwoj pnemystu polskiego w poczytku XX st. S. Koszuckiego; „Litwa“ — M. Römera; „Фауны и Клоуны“ — Янсона; Дубновъ „Исторія еврейскаго народа“; Маргуліесъ „Потребит. и кредитныя общества“; Страсбургеръ „Кооперативы въ Польшѣ“; „Право“ и „Русская мысль“ за 1905 и 1906 г.; „Наша жизнь“ и „Сынъ Отечества“ за 1905 г. „Товарищъ“ за 1907 г. „Czerwony Sztandar“, „Robotnik“, „Gazeta Ludowa“—„Gazeta Polska“, „Glos Warszawski“, „Muzeum“, „Nowe Tory“, „Kultura Polska“, „Zwizzek Zawodowy“, „Zwizzkowiec“ „Zycie Robotnicze“, „Spotem“, „Послѣднія Извѣстія“, „Хроника еврейской жизни“, „Volkszeitung“, „Freund“, „Viln i us Zinios“, „Zina“, „Вільна, „Украина“, „Правда“, „Литерацко-Науковіі Вістникъ“, „Восточное Обозрѣніе“, „Сибирская Жизнь“, „Якутскій Край“; неизданныя записки еврейскаго литератора Ольгина; Отчетъ объ эчміадзинскомъ съѣздѣ 1906 г.; выписки изъ армянскихъ изданій, сдѣланныя редакторомъ „Дрошака“; выписки изъ грузинскихъ и татарскихъ газетъ; „Наша Доля“ и „Наша Нива“. Беллетристическія произведенія всѣхъ польскихъ писателей за 1905—1908 г.г.; беллетристическія произведенія еврейскихъ писателей въ русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ переводахъ. Неперіодическія изданія (листки, воззванія, договоры, манифесты), за 1905—1907 г.г., найденныя мною въ краковскихъ библіотекахъ: университетской и архивѣ р. фр. П. П. С., а равно въ женевскомъ еврейскомъ архивѣ.

Общественное движеніе въ Финляндіи.

А. КОЛЛОНТАЙ.

Общественное движеніе въ Финляндіи.

I.

„Финляндскій вопросъ“ въ концѣ 80-хъ годовъ. Расцвѣтъ хозяйственной жизни Финляндіи и интересы русскихъ промышленниковъ. Первыя обрусительныя мѣропріятія 1890—1893 гг.

Въ моменты общесвенно-политическаго подъема отчетливо и выпукло выступаетъ неразрывная связь существовующая между общественнымъ движеніемъ въ Россіи и политическими событіями въ Финляндіи. Однако, и въ періоды политическаго затишья и внѣшняго „успокоенія“ общность и зависимость событій общественно-политическаго характера по обѣ стороны Сестры-рѣки лишь теряетъ отчетливость своихъ контуровъ.

Каждый разъ, когда общественно-политическая атмосфера въ Россіи свѣтлѣетъ, не исчезаетъ, тогда и надъ Финляндіей восходитъ „политическое солнце“. Стоитъ сгуститься мраку надъ Россіей, и темными тучами заслоняется горизонтъ Великаго Княжества.

Первая половина царствованія Александра I ознаменовывается „либеральными вѣяніями“—Финляндіи даруется конституція. Настаютъ суровыя и мрачныя николаевскія времена, общественно-политическая жизнь Финляндіи застываетъ. Чуть брежжитъ свѣтъ въ робкихъ попыткахъ печати удовлетворить культурные запросы населенія, но и эти невинныя попытки общественнаго самосознанія душатся самымъ безжалостнымъ образомъ. Цензура стоитъ на стражѣ „обще-имперскихъ интересовъ“ [1]).

„Эпоха великихъ реформъ“ связана для Финляндіи съ воскрешеніемъ ея политической и общественной жизни.

---

1) См. „Финляндія“, подъ ред. Протопопова, 1898 г., глава „Печать“. „Не было времени ни ранѣе, ни позже того, когда бы свобода слова была такъ стѣснена“ говоритъ про николаевскія времена писатель Эрко.

Послѣ полу-вѣкового перерыва въ 1863 г. собираются Сословія; кипитъ работа обновленія; спѣша, проводится рядъ реформъ въ областяхъ финансовой, соціально-политической, экономической.

Во вторую половину 80-хъ годовъ, когда тяжелая рука реакціи придушила всѣ живые побѣги общественности въ Россіи, беретъ свое начало и знаменитая травля маленькаго народа, неуклонно и мирно шествовавшаго по пути прогресса.

Финляндія давно являлась бѣльмомъ на глазу „для бюрократовъ обрусительнаго типа“. Конституціонныя учрежденія страны, прочная автономія края, до котораго не доставали длинныя, цѣпкія руки „обрусителей“, не давали покоя всей кликѣ „централистовъ“, группировавшихся вокругъ Побѣдоносцева.

Фанатики абсолютизма видѣли въ ней „оскорбленіе“ принципа самодержавія, любители тепленькихъ мѣстечекъ точили зубы на ея административные посты, доступные, по конституціи, однимъ финляндскимъ гражданамъ. Однако, въ первые годы царствованія Александра III бюрократіи было достаточно дѣла у себя „дома“, въ самомъ сердцѣ Россіи. Лишь послѣ того, какъ на поверхности изчезли послѣднія проявленія „оппозиціоннаго духа“, могла почившая на лаврахъ бюрократія обратить свой заботливый взоръ на окраины.

Къ субъективно-чиновничьимъ соображеніямъ примѣшивался по отношенію къ Финляндіи, разумѣется, и обще-государственный моментъ: опасность имѣть подъ бокомъ столицы Имперіи страну съ относительно свободными гражданскими установленіями. Финляндія начинала казаться очагомъ заразы, откуда буйными вѣтрами заносились болѣе или менѣе безсмысленныя мечтанія... Автономная организація военныхъ силъ лишь усугубляла опасность.

Первые залпы по Финляндіи открыло „Новое Время“; за нимъ потянулись катковскія „Московскія Вѣдомости“ [1]).

Вслѣдъ за газетными оруженосцами поднялъ свой національный мечъ противъ Финляндіи нѣкій К. Ординъ [2])

---

[1]) „Новому Времени“ надо отдать „справедливость“—втеченіе 20 лѣтъ оно „стойко“ выдержало свою линію... Что касается „Московскихъ Вѣдомостей“, то ихъ отношеніе выявлялось лишь постепенно, подъ вліяніемъ теченій, обозначавшихся „вверху“. Въ 1871 г. „Московскія Вѣдомости“ говорили о Финляндіи, какъ о „сосѣднемъ государствѣ“ (см. передовую 6-го марта); въ 1884 г. отношеніе Финляндіи и Россіи подводилось подъ понятіе „личной уніи“; еще въ мартѣ 1885 г. катковскій органъ заявляетъ, что Россія разсматриваетъ Великое Княжество, какъ „обособленную единицу“, состоящую съ Имперіей въ отношеніяхъ, построенныхъ на началахъ „личной уніи“ (см. передовую 18 марта). Но уже осенью того же 1885 г. открываютъ „Московскія Вѣдомости“ свой походъ на Финляндію; о ней уже иначе не говорится, какъ о „подозрительной“ по своимъ „сепаратистскимъ стремленіямъ“ провинціи.

[2]) Сначала Ординъ выпустилъ „Комментарій“ къ труду Мехелина „Le Précis de droit public en Finlande“ (1885 г.), позднѣе объемистое сочиненіе „Покореніе Финляндіи“; за ними посыпался дождь болѣе мелкихъ статей. Старанія Ордина

Напрасно старались финляндскіе государствовѣды и юристы: Мехелинъ, проф. Даніельсонъ, Германсонъ и др. выступать съ опроверженіями, запасшись документальными справками, напрасно исправляли они „фактическія“ неточности новоявленныхъ ученыхъ-обрусителей. Цензура спѣшила на помощь этимъ послѣднимъ и печатные труды финляндскихъ ученыхъ изымались изъ обращенія въ предѣлахъ Россіи...

Несомнѣнно одно: травля, начатая кликой бюрократовъ-обрусителей, никогда бы не достигла такой интенсивности и, растянутая на болѣе долгій періодъ, быть можетъ, оказалась бы отодвинутой другимъ, болѣе насущнымъ политическимъ вопросомъ, еслибъ опредѣленный соціально-экономическій факторъ не подоспѣлъ въ подкрѣпленіе аттаки чиновниковъ-обрусителей.

Къ чиновничьему хору присоединили свои внушительные голоса представители русской отечественной промышленности и торговли, къ которымъ въ тотъ періодъ „сферы“ несомнѣнно прислушивались.

Финляндія съ начала 70-хъ годовъ переживала почти непрерывный экономическій подъемъ. Цѣлый рядъ соціально-политическихъ моментовъ этому благопріятствовалъ. Было очевидно, что финляндскую обрабатывающую промышленность ждетъ розовое будущее. Характеръ народнаго хозяйства, его физіономія рѣзко мѣнялись; Финляндія изъ страны земледѣльческой, со слабо-развитой промышленностью, съ преобладаніемъ ремесленнаго производства и кустарничества, превращалась въ страну индустріальную, гдѣ хозяйничалъ и давалъ тонъ крупный капиталъ. Оживляются торговыя сношенія съ Западомъ и Россіей, развивается банковое и кредитное дѣло, притекаютъ иностранные капиталы. Крупными шагами идетъ Финляндія по пути капитализма. Въ 1875 г. въ Финляндіи (включая земледѣліе) насчитывалось всего 276 паровыхъ машинъ въ 5422 лош. силы; въ 1887 г. паровыхъ машинъ уже 456—въ 9704 лош. силы; черезъ 10 лѣтъ—въ 1898 г.—паровыхъ машинъ 905, число лошадиныхъ силъ равно 29.206 [1]). Въ 1850—52 гг. торговый оборотъ страны едва достигалъ 44 мил. марокъ въ годъ, изъ которыхъ 17 мил. мар. падало на долю Россіи; въ 1883 — 1885 гг. общая цѣнность товарообмѣна Финляндіи достигаетъ 239 мил. мар., и изъ нихъ на долю Россіи приходится

дали двойной результатъ: „субъективно“ Ординъ стяжалъ ими лавры ученаго и раздобылъ придворный чинъ, „объективно“—его работы послужили неизсякаемымъ родникомъ, изъ котораго позднѣйшіе финнофобы черпали свои „ученые“ аргументы и доказательства. Начиная съ первыхъ витязей финляндскаго похода проф. Коркунова, Еленева, Мессароша и т. д. и кончая современными „младшими богатырями“: проф. Сергіевскимъ, Таганцевымъ, Федоровымъ, Суворовымъ, Румянцевымъ и т. д., всѣ черпали свои историческія свѣдѣнія и обогащали свои государственно-правовыя представленія о Финляндіи изъ сочиненій г-на Ордина.

1) А. Коллонтай—„Жизнь финляндскихъ рабочихъ“, стр. 11 и 27.

100 мил. мар. [1]). Ввозъ изъ Россіи, какъ въ 50-хъ, такъ и въ 80-хъ годахъ значительно превышаетъ еще вывозъ, но наблюдается несомнѣнное повышеніе экспорта финляндскихъ товаровъ въ Россію. Послѣднее обстоятельство подало поводъ русскимъ промышленникамъ забить тревогу. Опасенія за судьбу отечественной промышленности заставили россійскихъ предпринимателей обратить чающіе взоры на имперское правительство [2]).

Заговорили объ исключительно-благопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится финляндская промышленность: обиліе дешевой двигательной силы — водопадовъ, близость запасовъ дешеваго топлива — лѣса, наконецъ, низкія таможенныя ставки, все это дѣлаетъ изъ нея опасную для Россіи конкуррентку. Низкія пошлины облегчаютъ полученіе изъ-за границы сырья и полуфабрикатовъ, которые, подвергаясь въ Финляндіи окончательной отдѣлкѣ и будучи значительно дешевле русскихъ товаровъ, поступаютъ на русскій же рынокъ [3]). Указывали правительству на необходимость огражденія интересовъ русскихъ промышленниковъ отъ конкуренціи „баловней судьбы“ финляндцевъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ ламентацій промышленниковъ, правительство рѣшило прибѣгнуть къ ряду мѣръ, регулирующихъ отношеніе Имперіи и Великаго Княжества въ области народнаго хозяйства. Русско-финскій таможенный уставъ подвергся пересмотру въ 1885 г. и новому дополненію въ 1897 г. [4]). Естественнымъ послѣдствіемъ этого пересмотра явилось рѣзкое

---

[1]) Тамъ же, табл. I. Свѣдѣнія о товарообмѣнѣ Финляндіи и Россіи за болѣе поздній періодъ даютъ на русскомъ языкѣ слѣд. статьи: „Къ финлядскому таможенному вопросу“ „Финляндія“, 1909, № 18. „Нѣсколько словъ о товарообмѣнѣ Финл. и Россіи“ „Финляндія“, 1909, № 6.

[2]) Каждый разъ, когда товарообмѣнъ между Финляндіей и Россіей повышался, особенно же, когда ввозъ въ Россію обнаруживалъ тенденціи къ быстрому увеличенію, подымался вопросъ о пересмотрѣ торговыхъ отношеній Великаго Княжества и Россіи. Но простая отмѣна таможни далеко не во всѣхъ кругахъ промышленниковъ встрѣчала сочувствіе, снятіе таможенной черты, по мнѣнію представителей отечественной индустріи, грозило бы цѣлому ряду промышленныхъ отраслей серьезнымъ подрывомъ. Сюда въ первую голову относится писчебумажная промышленность; несмотря на таможенныя ставки ввозъ бумаги изъ Финляндіи въ Россію съ 1900 г., когда бумаги ввозилось на *17.505 т. м.*, поднялся въ 1907 г. до *42.602 т. мар.* Этотъ страхъ, что продукты нѣкоторыхъ отраслей финляндской промышленности могутъ „затопить“ русскій рынокъ, заставляетъ правительство въ таможенномъ вопросѣ балансировать между желаніемъ уничтожить таможенную черту и опасеніями передъ послѣдствіями такой мѣры для отечественной же промышленности. (Ср. „Къ вопросу о там. объединеніи Финл. и Россіи“—В. Гефдингъ, „Русская Мысль“, май, 1910).

[3]) На дешевизнѣ сырья построена вся жизненность финляндской индустріи; въ странѣ, за исключеніемъ лѣса и незначительнаго количества желѣза, нѣтъ никакихъ естественныхъ богатствъ. Всѣ „естественныя преимущества“ утратили бы свое значеніе, если бъ таможенныя ставки были повышены до размѣровъ русскихъ, т. е. прибл. на 200%.

[4]) По новому уставу для цѣлаго ряда финляндскихъ товаровъ опредѣленъ дифференціальный тарифъ, ввозъ многихъ фабрикатовъ ограниченъ извѣстнымъ минимумомъ, для русскихъ же товаровъ существуетъ свободный импортъ, за исключеніемъ товаровъ колоніальныхъ, алкоголя, табаку, картъ.

пониженіе товарообмѣна между Финляндіей и Россіей въ концѣ 80-хъ годовъ, при замѣтно усилившемся оживленіи торговыхъ сношеній Финляндіи съ другими странами [1]),

Въ исторіи Финляндіи 1890 годъ можетъ быть отмѣченъ, какъ „эра", отъ которой ведетъ свое лѣтосчисленіе обрусительная политика. Манифестомъ 12 іюня 1890 г. управленіе почтой, безъ испрашиванія на то согласія Сословій, возлагается на обще-русское почтовое вѣдомство. Въ томъ же году учреждается особая комиссія для выработки проекта объединенія таможенной и монетной системъ Финляндіи съ обще-имперскими [2]).

Манифестомъ 1 дек. того же года неожиданно, по спеціальнымъ происками обрусителей [3]), пріостанавливается дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія, принятаго послѣднимъ Сеймомъ и долженствовавшаго вступить въ силу въ 1891 г. [4]). Аппетиты обрусителей разыгрываются.

Въ 1891 г. упраздняется „комиссія для финляндскихъ дѣлъ" при финляндскомъ министерствѣ. Лѣтомъ 1891 г. — новый ударъ: по высочайшему повелѣнію, финляндскіе чиновники замѣщаются русскими въ статсъ-секретаріатѣ Финляндіи и канцеляріи генералъ-губернатора. Повелѣніе 1891 г. устанавливаетъ, что при назначеніи на казенную службу въ Финляндіи предпочтеніе должно отдаваться лицамъ, знающимъ русскій языкъ.

Особыми постановленіями отягчается положеніе печати, цензура усиливается [5]). Воскресаетъ похороненный еще при Александрѣ II вопросъ о кодификаціи законовъ Великаго Княжества въ связи съ имперскими. Въ 1891 г. образуется особая финляндская комиссія, преобразованная въ 1891 г. въ „смѣшанное" русско-финляндское совѣщаніе, работающая подъ предсѣдательствомъ Бунге. Занятія совѣщанія заключаются въ отысканіи и установленіи пресловутыхъ „обще-имперскихъ дѣлъ", требующихъ и единообраз-

---

1) За 2-хъ-лѣтіе 1886—1888 г. товарообмѣнъ между Имперіей и Вел. Княжествомъ понизился со $105^1/_2$ мил. мар., до $79^1/_2$ мил. мар., составляя 42% всего товарообмѣна Финляндіи. Лишь постепенно удается къ 1900 г. поднять товарообмѣну между Имперіей и Вел. Княжествомъ до 168 мил. мар., что составляетъ однако всего 36%, всей цѣнности годовыхъ торговыхъ сношеній Финляндіи. См. „Жизнь финл. рабочихъ", табл. I.

2) Характерны протоколы „смѣшанной комиссіи" по таможенному вопросу, въ которой недвусмысленно говорится объ истинной цѣли таможенной реформы: защитить русскую промышленность отъ конкуренціи финляндской. См. „Staatsstreich in Finland"—Dr. B. Menzès, Berlin, 1899.

3) См. С. Смирнова „Угнетенная страна" стр. 20 и Федорова „Подготовка финляндской революціи".

4) См. М. Руссобтовскій — „Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса", 1910, стр. 35.

5) Въ 1893 г. Сейму предложено было „въ окончательной редакціи" новое уголовное уложеніе, усиливающее наказаніе за государственныя преступленія. См. „Государств.-правовое положеніе Вел. Кн. Финляндскаго".— баронъ Остенъ-Сакенъ, стр. 90 и прил. 19.

ной, обще-имперской законодательной нормировки. Проектъ законодательнаго рѣшенія обще-имперскихъ вопросовъ, выработанный въ 1893 г., переданъ былъ совѣщаніемъ въ Государственный Совѣтъ. Это былъ ,,критическій моментъ" для Финляндіи...

Смерть Александра III перебила намѣчавшуюся линію. Финляндскій вопросъ, рядомъ другихъ заботъ, былъ на нѣкоторое время отодвинутъ на задній планъ. Наступило затишье. Финляндское общество вздохнуло свободно; оно повѣрило, что гроза миновала.

Первоначальный походъ обрусителей заканчивается 1893 годомъ. Однако, сторонники ,,централизма" не дремали; 90-ые годы — это періодъ пышнаго расцвѣта финнофобской литературы. Центральнымъ вопросомъ служитъ сомнѣніе въ подлинности конституціонныхъ основъ Великаго Княжества. Оспаривается правомѣрность автономіи Финляндіи, доказывается рядъ противорѣчащихъ положеній, изъ которыхъ вытекаетъ не то, что Александръ I вовсе не даровалъ Финляндіи конституціи, а лишь сдѣлалъ видъ, что ее даруетъ, не то, что онъ совершилъ политическій актъ, самъ ,,не понимая его значенія"... Агитація ведется упорная, систематическая.

,,Финляндскій вопросъ" становится въ срединѣ 90-хъ годовъ одной изъ злободневнѣйшихъ темъ и русской либеральной печати. Судьбу Финляндіи естественно связываютъ съ будущимъ только что пробуждающейся русской общественности; по тому обороту, какой принимаетъ финляндскій вопросъ, гадаютъ о судьбахъ оппозиціонной Россіи...

II.

Общественные классы и политическія партіи въ Финляндіи до 1898 г. Шведоманы; ихъ отношеніе къ отечественной конституціи и русскому Монарху. Суометаріанцы или старо-финны, ихъ соціальныя задачи. Внутренняя политика. Возникновеніе рабочаго вопроса. Сельскій пролетаріатъ. Ростъ промышленности. Начало рабочаго движенія. Младо-финны—ихъ буржуазный радикализмъ.

Какъ же реагировало населеніе Финляндіи на попытки обрусителей произвести обще-имперскую нивеллировку? Чтобы уловить тѣ причины, которыя облегчали руссификаторскую работу въ странѣ, чтобы выяснить тѣ моменты, которые поддерживали въ извѣстныхъ слояхъ населенія ,,духъ сопротивленія", необходимо прежде всего отчетливо ,,расчленить" финляндское общество на его основныя соціальныя группы. Пока Финляндія, какъ то было еще лѣтъ 50 тому назадъ, представляла собою страну преимущественно земледѣльческую, со слабо-развитой промышленностью, не выходившею изъ рамокъ ремесленнаго производства, пока *производство* страны находилось еще на отсталой

ступени районнаго хозяйства, классовыя очертанія Финляндіи носили приблизительно слѣдующій характеръ. На одномъ концѣ соціальной лѣстницы—родовитая земельная аристократія, шведы по происхожденію или ошведившіеся финны, потомки древнихъ викинговъ, полновластные господа положенія. На другомъ концѣ—обнищалое, угнетенное, политически и экономически, безправное, почти милліонное сельское безземельное населеніе, неосѣдлый земельный пролетаріатъ, живущій случайными заработками. Надъ нимъ все еще тяготѣли суровыя средневѣковыя постановленія о бродяжничествѣ; законы лишали его права заниматься ремеслами и торговлей [1]). Этотъ слой населенія въ изобиліи давалъ помѣщикамъ-шведоманамъ торпарей, бобылей, батраковъ, отбывавшихъ за клочекъ земли повинности—натурой и трудомъ. Своего рода „крѣпостное право" безъ юридической санкціи.

Эти два крайнихъ полюса соединялъ новый, восходящій слой населенія—„третье сословіе", ремесленники торговцы, мелкіе предприниматели, крестьяне-собственники, истинные дѣти народа, связанные съ нимъ традиціями, расовыми особенностями, національностью и финскимъ языкомъ. Это была восходящая „юная" Финляндія, потомки славныхъ Вейнемейнена, Ильмаринена, Леммикайнена...

Начиная со средины XIX вѣка центральное мѣсто въ общественно-политической жизни страны занимаетъ борьба языковъ, борьба литературнаго языка культурныхъ скандинавовъ и съ трудомъ укладывающагося въ грамматическія рамки нарѣчія дикаго угромонгольскаго племени. Но за этой внѣшней борьбой языковъ не трудно разглядѣть дѣйствіе болѣе глубокаго разростающагося антагонизма. Борьба шведскаго и финскаго языка—это борьба земельнаго дворянства, привыкшаго къ безраздѣльному господству въ странѣ, съ крѣпнущей, вырастающей, пріобрѣтающей постепенно первенствующее значеніе въ хозяйственной жизни страны—буржуазіей, третьимъ сословіемъ.

Господство шведскихъ элементовъ базировалось на трехъ основныхъ соціальныхъ моментахъ: во-первыхъ, на рѣшающей роли земледѣлія въ хозяйственной жизни страны, во-вторыхъ, на устарѣлыхъ основахъ шведской конституціи, связанной съ рядомъ привилегій для сословнаго дворянства (безвыборное представительство старшаго въ каждомъ дворянскомъ родѣ, обладаніе „фрельсовыми", свободными отъ обложенія землями и т. д.), наконецъ, — на языкѣ, пріобщавшемъ Финляндію ко благамъ европейской культуры и роднившей ее съ болѣе передовыми скандинавскими странами. Классовое господство шведомановъ держалось на этихъ „трехъ китахъ" и за неприкосновенность этихъ китовъ шведоманы стояли со всей страстностью и упорствомъ, на какое способенъ бываетъ слой населенія только въ томъ

[1]) Свобода промысловъ была установлена въ Финляндіи лишь въ 1879 г.

случаѣ, когда его дѣйствіями руководитъ опредѣленный классовый интересъ. Конституціонныя установленія края являлись особенно цѣнными для шведомановъ; эта устарѣлая форма представительной системы сливалась органически съ интересами дворянства и являлась своего рода укрѣпленіемъ противъ соціально-политическихъ новшествъ, выдвигаемыхъ жизнью. За нею шведоманы чувствовали себя въ безопасности. Неудивительно, что именно эта политическая группа такъ рѣшительно и упорно отстаивала основныя установленія своей родины противъ посягательствъ имперскаго правительства. Малѣйшая уступка, малѣйшее измѣненіе „основъ“ грозили нарушить „соціальное равновѣсіе“, установившееся въ странѣ, и, отодвинувъ родовитое дворянство, передать бразды правленія въ руки крѣпнущей буржуазіи. Неприкосновенность привычнаго status quo являлось условіемъ дальнѣйшаго господства шведомановъ. Съ этой точки зрѣнія шведоманы являлись ярыми „конституціоналистами“, но только въ предѣлахъ Великаго Княжества. Разъ дѣло касалось Имперіи—политическіе идеалы шведомановъ теряли свою „пурпуровую“ окраску. Чѣмъ упорнѣе защищали они свою конституцію, тѣмъ большую лояльность проявляли они по отношенію къ русскому абсолютизму, тѣмъ ожесточеннѣе и враждебнѣе относились ко всѣмъ тѣмъ элементамъ русскаго общества, которые мечтали о водвореніи въ Имперіи одинаковыхъ съ Финляндіей „основъ“. Путемъ личнаго вліянія и дворцовыхъ связей надѣется финляндская аристократія упрочить за родиной незыблемость ея законовъ. На всемъ протяженіи царствованія Александра II и въ первую половину царствованія Александра III шведоманское дворянство старается неизмѣнной, подчеркнутой преданностью Императору и самодержавію купить рядъ политическихъ уступокъ въ пользу Финляндіи. На фонѣ „мятежнаго“ русскаго дворянства 60-хъ и 70-хъ годовъ лояльность шведомановъ несомнѣнно рѣзко выдѣлялась. Нѣтъ ничего удивительнаго, если Александръ II проявлялъ по отношенію къ нему, а черезъ него и по отношенію ко всей Финляндіи ту „слабость“, за которую корятъ его и сейчасъ черносотенцы. Между родовитыми шведоманами и русскимъ Царемъ существовалъ родъ молчаливаго договора: въ противовѣсъ дворянству русскому, шведоманы проявляли полнѣйшую преданность русскому самодержавію и готовность защищать его противъ посягательствъ со стороны русскихъ оппозиціонно-настроенныхъ элементовъ. За то Императоръ предоставлялъ шведоманамъ право безраздѣльнаго господства въ родной странѣ и не посягалъ на исконныя привилегіи.

Совершенно въ иномъ положеніи находилась буржуазія, постепенно нашедшая свое политическое выраженіе въ національной *финноманской* или *суометаріанской* партіи. Уже по тѣмъ задачамъ, которыя стояли передъ финноманами, по той роли, которая выпала на ихъ долю въ историческомъ процессѣ, они являлись, если не революціонерами, то во всякомъ

случаѣ новаторами. Защищая конституціонныя установленія края, тѣсно связанныя съ ихъ классовыми привилегіями, шведоманы не выходили за предѣлы политическаго консерватизма. Иное дѣло финноманы, третье сословіе. Дальнѣйшая судьба этого класса и партіи тѣсно сплеталась съ поступательнымъ ходомъ экономической жизни страны и обусловливалась рядомъ неотложныхъ реформъ въ областяхъ соціальной, хозяйственной и политической.

Упроченіе ихъ вліянія и расширеніе ихъ соціальнаго значенія пріобрѣталось только путемъ реорганизаціи системы народнаго представительства на болѣе демократическихъ началахъ, на признаніи равноцѣнности финскаго языка и на безпрепятственномъ развитіи промышленности и торговли.

Отношеніе къ имперской власти опредѣлялось въ рядахъ финномановъ тѣми уступками, которыми они надѣялись купить поддержку русскихъ властей противъ деспотіи шведоманской аристократіи. Своей податливостью и сговорчивостью въ вопросахъ внутренней политики Великаго Княжества расчитывали финноманы упрочить связь свою съ имперской властью и, опираясь на ея сотрудничество, урѣзать права шведоманскаго дворянства. Финляндія, отсталая въ своемъ соціально-экономическомъ развитіи, переживала въ XIX вѣкѣ кризисъ, черезъ который западно-европейскіе страны прошли еще въ 17 столѣтіи. Подобно тому, какъ, „третье сословіе“ во Франціи и въ Англіи становилось на сторону монарха въ его борьбѣ съ феодальнымъ дворянствомъ, разсчитывая этимъ путемъ купить себѣ новыя „вольности“, искала восходящая финляндская буржуазія опоры у русскаго Царя противъ шведскихъ „викинговъ“. Въ своемъ классовомъ ослѣпленіи финноманы готовы были, изъ классовыхъ соображеній, принести въ жертву драгоцѣннѣйшія права націи, поступиться независимостью даже тѣхъ „основъ“, измѣненіе которыхъ грозило въ конечномъ счетѣ гибелью для всѣхъ слоевъ населенія. Достаточно вспомнить, что никто иной, какъ финноманы добились признанія равноцѣнности финляндскаго языка путемъ административнаго повелѣнія Александра II, повелѣнія, не получившаго предварительной санкціи Сейма... Этотъ существенный классовый моментъ, окрашивающій дѣйствія и поведеніе суометаріанцовъ съ самыхъ первыхъ шаговъ появленія ихъ на общественной аренѣ, многое объясняетъ въ дальнѣйшемъ ходѣ обрусительной политики. Нѣтъ ничего удивительнаго, если генералъ-губернаторъ Бергъ еще въ 50-хъ годахъ бросилъ свое извѣстное mot: „Еслибъ не было финномановъ, пришлось бы ихъ выдумать“... Классовый моментъ опредѣляетъ собою и отношеніе обѣихъ главныхъ политическихъ партій къ цѣлому ряду основныхъ вопросовъ соціальной политики.

Шведоманы—ярые фритредеры, финноманы—протекціонисты. Шведоманская партія вербуетъ своихъ приверженцевъ среди крупной родовой земельной

аристократіи и представителей крупнаго финансоваго и промышленнаго капитала; свободный ввозъ недостающаго странѣ сырья, орудій производства, сельскохозяйственныхъ машинъ—является неизбѣжнымъ условіемъ дальнѣйшаго экономическаго благополучія этого слоя населенія. Финноманы—представители мелкихъ ремесленниковъ, средняго и мелкаго торговаго и промышленнаго капитала, земельнаго крестьянства. Иностранная конкуренція подрываетъ жизненность неустойчивой и слабой промышленности, полуремесленнаго типа. Ввозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ для крупнаго землевладѣнія не опасенъ: на собственный и міровой рынокъ оно выбрасываетъ молочные продукты, главнымъ образомъ масло. Привозный хлѣбъ сбиваетъ цѣну хлѣбныхъ продуктовъ лишь крестьянскаго хозяйства. Отсюда у представителей крестьянства—финномановъ—принципъ „протекціонизма".

Въ вопросѣ о системѣ народнаго представительства шведоманы естественно и неизбѣжно консерваторы, ярые противники демократизаціи государственнаго строя. Всякій шагъ въ этомъ направленіи грозитъ ограничить ихъ безраздѣльное господство.

Финноманы—демократы, защитники реформъ въ области Сеймоваго представительства и коммунальнаго самоуправленія. Впрочемъ, демократизмъ ихъ имѣетъ опредѣленные предѣлы—онъ останавливается тамъ, гдѣ начинаются требованія слѣдующаго слоя населенія—пролетаріата.

Каждый дальнѣйшій шагъ по пути экономическаго развитія лишь обострялъ классовыя противорѣчія и усугублялъ ненависть между обѣими партіями такъ называемыхъ „языковъ". Но если классовый моментъ разъединялъ ихъ силы и неразъ ослаблялъ сопротивленіе націи обрусительной политикѣ, то въ одномъ существенномъ пунктѣ вся финляндская буржуазія in corpore выступала всегда дружно и солидарно. Въ отношеніи къ національному пролетаріату разница между суометаріанцами и шведоманами стиралась; въ этомъ вопросѣ кичливое дворянство протягивало руку забѣгавшему ему на встрѣчу третьему сословію.

Промышленное развитіе страны шло все болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ. Производительныя силы во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства увеличивались, прогрессировали. Особенные успѣхи дѣлала индустрія въ 90-хъ годахъ, когда грозовыя тучи, надвигавшіяся съ востока, казалось, разсѣялись и наступило временное перемиріе.

Но за успѣхами промышленности, ростомъ капитала, оживленіемъ торговли по пятамъ слѣдовалъ неизбѣжный ихъ спутникъ—„красный призракъ", рабочій вопросъ...

Въ 80-хъ годахъ о рабочемъ вопросѣ въ Финляндіи ничего не было

слышно. Вотъ, что пишетъ фабричный инспекторъ въ первый годъ введенія этого института въ Финляндіи: отношенія, господствующія между предпринимателями и рабочими, проникнуты взаимнымъ уваженіемъ и довѣріемъ; со стороны предпринимателей замѣчается отеческое попеченіе о рабочихъ, желаніе исполнить предписаніе фабричной инспекціи, готовность вводить требуемыя улучшенія и усовершенствованія [1]). Стачки—явленіе рѣдкое, исключительное [2]).

Въ описаніяхъ и изслѣдованіяхъ начала 90-хъ годовъ Финляндія еще фигурируетъ, какъ страна „патріархальныхъ нравовъ", въ которой нѣтъ мѣста классовой розни. Финляндію приводятъ въ назиданіе, какъ живой примѣръ гармоніи классовыхъ интересовъ, какъ образецъ добродѣтельной націи, дружно работающей подъ покровомъ обще-національныхъ идеаловъ и стремленій...

Но идиллической картинѣ настаетъ скорый конецъ. Капитализмъ, водворяясь въ странѣ, своимъ тлетворнымъ дыханіемъ отравляетъ атмосферу. Наступаетъ конецъ „гармоніи". Пока рабочіе, распыленные по ремесленнымъ мастерскимъ, за непомѣрно долгимъ рабочимъ днемъ не успѣвали оглянуться на свое положеніе, „познать" его, уловить общность интересовъ съ товарищами, недовольство и ропотъ не шли дальше единичныхъ столкновеній съ хозяиномъ. За столкновеніемъ—шелъ расчетъ, голодовка, тщетныя поиски новаго заработка... Товарищи сочувствовали, подъ-часъ оказывали „частную" помощь. Этимъ дѣло ограничивалось. Фабрика стянула рабочія массы, объединила ихъ трудъ, создала ту основу, на которой развилось чувство солидарности. Рельефно, отчетливо выступили классовыя противорѣчія. Два міра столкнулись лицомъ къ лицу... Напрасно старалась финляндская буржуазія, забѣгая впередъ исторіи, помощью „разумныхъ" предупредительныхъ мѣръ, пресѣчь возникновеніе рабочаго вопроса. Напрасно становились фабриканты во главѣ первыхъ рабочихъ союзовъ, этихъ полу-пѣвческихъ обществъ, полукассъ взаимопомощи, въ которыхъ боевымъ духомъ и не пахло [3]). Напрасно въ борьбѣ съ „красной гостьей" спѣшили Сословія выработать законодательныя нормы и проведеніемъ фабричныхъ законовъ [4]) доказать свою заботли-

1) „Arsberätt. af. Urkesinsp. i. östra distr". 1890, стр. 21, 22.

2) См. „Жизнь финляндскихъ рабочихъ", глава: „Отношеніе между предпринимателями и рабочими".

3) Первый „рабочій союзъ" возникъ въ Гельсингфорсѣ въ 1884 г. по иниціативѣ фабриканта Врикта.

4) При всей „заботливости" о нуждахъ пролетаріата, дальше скромной нормировки труда дѣтей дѣло не пошло: дѣти моложе 12 лѣтъ не допускаются на фабричную работу, дѣти отъ 12 до 15 лѣтъ не могутъ быть занимаемы свыше 7 ч. въ сутки на фабричной и 8 ч. на ремесленной работѣ. Рабочій день подростковъ нормированъ 14-ью часами. Законами 1879 и 1889 г. установлены правила санитарно-гигіеническаго благоустройства мастерскихъ; закономъ 1896 г. введено обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ. Ни охраны женскаго труда, ни нормировки труда мужчинъ, ни дальнѣйшихъ отраслей страхо-

вость о рабочемъ классѣ, производительныя силы страны продолжали неустанно творить свою великую работу: разрушенія и созиданія, разъединенія и солидаризаціи... „Красный призракъ“ приближался, росъ и все ощутительнѣе напоминалъ о себѣ.

Соціальныя отношенія Финляндіи представляли особенно благопріятную почву для развитія рабочаго вопроса и для рѣзкаго обостренія классового антагонизма. Экономическое благосостояніе промышленныхъ рабочихъ въ большой мѣрѣ обусловливается численностью сельскаго пролетаріата. Между тѣмъ, именно Финляндія особенно богата громаднымъ количествомъ сельскаго населенія, не обладающаго ни землей, ни постоянными заработками. Подобныхъ пролетаріевъ, пробивающихся временными, случайными заработками, было въ 1895 г. въ Финляндіи, вмѣстѣ съ семьями, 865.916 человѣкъ. Но если ужъ говорить о рабочемъ вопросѣ Финляндіи и разсматривать всѣ тѣ группы населенія, изъ которыхъ вербуются промышленные рабочіе, то нельзя не причислить сюда же и остальной части сельскаго безземельнаго населенія—земледѣльческихъ рабочихъ, поденщиковъ съ ихъ семьями и, наконецъ, торпарей, что въ общей сложности составляетъ свыше 1 милліона человѣкъ. Къ тому же въ Финляндіи за послѣднія десятилѣтія наблюдался несомнѣнный процессъ дальнѣйшаго обезземеленія населенія, причемъ особенно замѣтно совершается приростъ той группы сельскихъ пролетаріевъ, которая относится статистикой къ типу „неосѣдлыхъ“, т. е. экономически наименѣе обезпеченной группы. Нижеслѣдующая таблица даетъ представленіе о движеніи населенія въ указанномъ смыслѣ.

Ростъ отдѣльныхъ группъ сельскаго безземельнаго населенія [1]).

ГРУППЫ БЕЗЗЕМЕЛЬНЫХЪ.	1880 г.	1890 г.	Ростъ за 10 лѣтъ каждой изъ группъ въ процентахъ.
Неосѣдлое населеніе	426 655	562 362	+ 32%
Сельско-хозяйственные рабочіе, слуги . .	158 252	144 151	— 9%
Поденщики и ихъ семьи	70 155	80 693	+ 15%
Торпари и ихъ семьи	302 728	324 851	+ 7,3%
	957 790	1 112 057	16%

ванія въ Финляндіи не существуетъ. Характерно, что и по вопросу о нормировкѣ труда шведоманы склонялись къ чистому манчестерству, тогда какъ старо-финны допускали государственное вмѣшательство въ область трудовыхъ отношеній, но находили, что фабричные законы должны ограничиваться областью фабрично заводской промышленности; въ ремесленномъ же производствѣ, гдѣ хозяевами являлись они, финноманы, эти законы, по ихъ мнѣнію, излишни.

[1]) Befolkningsstatistik: Finlands folkmängd, 1880 и 1890 г.

Весь этотъ земельный пролетаріатъ Финляндіи представлялъ, правда, неподвижную, застывшую въ своемъ безправіи и экономическомъ угнетеніи, массу, распыленную и какъ бы неспособную на сопротивленіе. Но недовольство, глухое, полу-сознанное все же жило въ массахъ. Толчокъ дала въ 90-хъ годахъ развивающаяся, пускающая глубокіе корни отечественная промышленность. Въ 1844 г., по даннымъ „Maamiehen Istävä“ („другъ земледѣлія“) насчитывалось всего 90 фабрикъ. Годовое производство самой большой хлопчато-бумажной фабрики въ Таммерфорсѣ едва достигало 105 тыс. рубл. серебромъ, количество рабочихъ не превышало 500. Всего фабричныхъ рабочихъ по странѣ насчитывалось 1.700; цѣнность годоваго производства на фабрикахъ равнялась 570 тыс. рублей. Совершенно иную картину даютъ послѣдующіе годы; для иллюстраціи приводимъ нѣкоторыя характерныя данныя.

Ростъ промышленности Финляндіи [1]).

Г О Д А.	Количество предпріятій	Количество занятыхъ въ нихъ рабочихъ	Цѣнность годов. производства въ фин. маркахъ	Количество раб. въ средн. на 1 предп.	% рабочихъ ко всему населенію страны.
1885	4 333	38 037	117 433 300	9	1,80
1890	6 496	59 123	167 042 500	9	2,50
1895	7 197	65 254	188 472 300	9	2,60
1900	8 038	98 759	339 569 100	12	3,66
1906	8 827	113 518	439 478 282	13	3,90

Какъ видно изъ приведенной таблицы, особенный подъемъ переживала финляндская промышленность въ періодѣ 1890 по 1900 г.; въ слѣдующее шестилѣтіе увеличеніе предпріятій, числа рабочихъ и цѣнности производства совершается уже значительно медленнѣе—явленіе, вызванное застоемъ финляндской промышленности послѣ повышеннаго оживленія ея въ 90-хъ годахъ. Индустрія, приспособляясь къ мѣстнымъ природнымъ условіямъ, широко разбросала свои предпріятія по странѣ и, въ поискахъ за водяной силой, забиралась въ самые глухіе и отдаленные уголки страны. Здѣсь стягивала она рабочія силы, здѣсь давала она первые наглядные уроки эксплуатаціи труда капиталомъ, здѣсь сѣяла по всей прилегающей къ фабрикѣ округѣ

[1]) „Статистическій Ежегодникъ Финляндіи“, 1908 г.

первыя искры неудовольствія, пробуждала первые проблески классового самосознанія [1])... А неудовольствіе и ропотъ, рождавшіеся въ средѣ промышленныхъ пролетаріевъ, широко разносились по деревнямъ и избамъ „торпарей", бобылей и „нахлѣбниковъ", находя живой отзвукъ и сочувствіе. По сравненію съ милліоннымъ сельскимъ пролетаріатомъ, менѣе чѣмъ 100 тыс. армія промышленныхъ рабочихъ представляла ничтожную горсть, но значеніе этой окристализовавшейся группы, съ ярко очерченными классовыми интересами, было громадно. Постепенно промышленный пролетаріатъ сталъ давать тонъ жизни, не только по отношенію къ „неосѣдлому" населенію деревень, но и по отношенію къ другимъ классамъ населенія. Само собою разумѣется, что, съ другой стороны, и сельскій пролетаріатъ оказывалъ на движеніе промышленнаго пролетаріата свое вліяніе и окрашивалъ его въ нѣсколько болѣе „аграрные тона", чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ другихъ странахъ.

Промышленные рабочіе имѣли полное основаніе для наростанія въ ихъ средѣ глухого недовольства. Несмотря на ростъ и расцвѣтъ промышленности положеніе рабочаго класса въ 90-ыхъ годахъ было достаточно печально; низкая оплата труда, въ среднемъ около 2 м. 50—3 м.; рабочій день, длящійся 11—12 ч. и достигающій нерѣдко чудовищной цифры 17 и даже 18 ч.; плохія условія жизни, жилищная нужда,—наглядный ростъ эксплуатаціи. Застой и кризисы влекли за собою безработицу. Всѣ обычныя явленія капиталистическаго хозяйства стали достояніемъ и соціальной жизни Финляндіи. Естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ явилось стремленіе рабочихъ сорганизовать свои силы. Въ 1893 г. имѣлъ мѣсто первый съѣздъ рабочихъ представителей, обсуждался рядъ насущныхъ для рабочаго класса вопросовъ изъ области соціальной политики. Настроеніе еще было крайне умѣренное, требованія скромныя. Но почва для классовой группировки уже нащупывалась. Въ 1896 г. во время второго съѣзда голоса рабочихъ звучали уже значительно опредѣленнѣе; центральнымъ пунктомъ дебатовъ служилъ вопросъ о демократизаціи избирательной системы. Усилившаяся борьба на экономической почвѣ позволяла переносить вопросъ и на почву политическую и ставить обще-классовыя задачи.

Центральный вопросъ въ занятіяхъ съѣзда составляла назрѣвшая реформа народнаго представительства: отсутствіе политическихъ правъ уже начинало ощущаться рабочими, какъ существеннѣйшее препятствіе на пути дальнѣйшаго освобожденія.

Таммерфорскій съѣздъ 1896 г. имѣлъ для рабочаго движенія Фин-

---

[1]) Въ 1898 г. въ городахъ Финляндіи находилось лишь 3671 промышленное заведеніе (что составляло 47% отъ общ. числа предпріятій), съ 47659 рабочими, тогда какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ было 4116 предп. (или 53% отъ общ. числа) съ 43.396 рабочими. См. „Notice sur la Finlande", глава „Aperçu du develop. industr". 1900 г.

ляндіи большое значеніе; онъ объединилъ разрозненныя организаціи рабочихъ, учредивъ „Рабочую Делегацію“, внесъ извѣстное единство въ движеніе, выработалъ рабочую программу. Это было время политическаго затишья и опредѣлять своей позиціи по отношенію къ Россіи не было пока надобности. Борьба сосредоточивалась внутри страны. Послѣдующіе годы были особенно богаты столкновеніями между фабрикантами и рабочими. Рабочій классъ несомнѣнно просыпался.

Съ своей стороны, предприниматели стягивали свои силы и вооружались для борьбы. Къ концу 90-хъ годовъ уже никто не умилялся „патріахальными“ и „дружескими“ нравами Финляндіи. „Рабочій вопросъ“ и классовая борьба стали „печальнымъ“, но жизненнымъ фактомъ.

Въ 1898 г. возникаютъ первые предпринимательскіе союзы, ставящіе себѣ недвусмысленную цѣль: общими силами бороться съ возрастающими запросами рабочихъ, устанавливать заработную плату „соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ“, т. е. по возможности удерживать ее на уровнѣ existenzminimum'a. Картина соціальныхъ взаимоотношеній усложняется, къ борьбѣ языковъ примѣшивается плохо скрытая вражда буржуазіи, какъ финноманской, такъ и шведской, къ рабочимъ, чьи интересы, задачи и требованія стояли въ столь явномъ противорѣчіи съ интересами капиталистовъ и собственниковъ.

Оживленіе экономической и политической жизни Финляндіи не ограничивалось разслоеніемъ общества на основные классы. Подъ вліяніемъ усложнявшихся запросовъ, политическихъ и хозяйственныхъ, въ рамкахъ самого „третьяго сословія“ происходила дальнѣйшая группировка и разслоеніе соціальныхъ группъ. Къ 90-ымъ годамъ изъ старо-финнской партіи сталъ выдѣляться болѣе радикальный элементъ, сгруппировавшійся вокругъ газеты „Päivalehti“. Это были такъ называемые *младо-финны*. Въ своихъ требованіяхъ они шли значительно дальше умѣренныхъ старо-финновъ, выступали горячими защитниками реформы народнаго представительства, но съ сохраненіемъ ценза, сословности представительства и даже, въ видѣ переходной мѣры, максимума въ 10 голосовъ за однимъ избирателемъ; требовали расширенія коммунальнаго самоуправленія, но опять-таки при сохраненіи цензоваго начала; въ области государственныхъ финансовъ стояли за измѣненіе существующей налоговой системы и за введеніе прогрессивнаго обложенія; въ области соціальной политики являлись сторонниками рабочаго законодательства, страхованія рабочихъ, постройки дешевыхъ жилищъ и т. д.; стояли за изысканіе мѣръ къ надѣленію землей аграрнаго пролетаріата и расширенію мелкаго крестьянскаго кредита. Однако, неотложность аграрной реформы младо-финны не ощущали и не сумѣли сдѣлать ея исходнымъ пунктомъ своей демократической программы. Отсюда—ихъ неуспѣхъ

въ деревняхъ. Ядро партіи составляла городская демократія, но преимущественно лица, живущія умственнымъ трудомъ, учительскій и профессорскій персоналъ, лица свободныхъ профессій; отчасти средній и мелкій торгово-промышленный слой городскаго населенія. Партія не опиралась ни на какой опредѣленный классъ, почему и оставалась сравнительно малочисленной и никогда не могла играть руководящей политической роли. Младо-финны представляли собою скорѣе „идеологовъ“ нарождающейся городской демократіи, но для жизненности имъ не хватало того истинно-демократическаго матеріала, который только и могъ бы влить живую струю конкретныхъ запросовъ въ ихъ нѣсколько расплывчатую программу, полную „добрыхъ намѣреній“.

Такова была общая картина партійныхъ группировокъ въ Финляндіи при наступленіи историческаго для края 1898 года.

III.

Финляндія съ 1898 по 1904 г. Начало „обще-имперской“ политики. Воинскій законъ 1898 г. Назначеніе Бобрикова и Плеве. Манифестъ 1899 г. „Великая петиція“. Чрезвычайный Сеймъ 1899 г. Начало „пассивнаго сопротивленія“. Законы и постановленія, противорѣчащіе конституціи. Режимъ диктатуры.

Въ срединѣ 90-хъ годовъ Финляндія переживала періодъ „успокоенія“ и перестала съ тревогой оглядываться на востокъ. Какъ снѣгъ на голову свалился на Финляндію іюльскій рескриптъ 1898 г. о созывѣ чрезвычайнаго Сейма для „согласованія военнаго закона Великаго Княжества съ основами военнаго дѣла въ Имперіи“. Не успѣли опомниться отъ этой неожиданности, какъ узнали о назначеніи на мѣсто генералъ-губернатора извѣстнаго обруситель-ными тенденціями генерала Бобрикова. Въ своемъ первомъ же обращеніи къ сенаторамъ Бобриковъ отчетливо подчеркнулъ, что считаетъ начала, опредѣляющія автономію края, „выдумкой зловредныхъ элементовъ“ [1]). Только что началась работа чрезвычайнаго Сейма по разсмотрѣнію военнаго закона, вѣрнѣе двухъ, параллельныхъ законовъ, внесенныхъ имперскимъ правительствомъ, отношеніе Сейма къ законамъ еще не успѣло опредѣлиться, какъ новый, жесточайшій ударъ постигъ финляндцевъ.

3/15 Февраля подписанъ былъ знаменитый манифестъ отмѣнявшій конституцію края, низводившій народное представительство на роль законосовѣщательнаго органа. Въ основу этого манифеста положенъ былъ забытый,

---

[1]) См. „Finlands Författningskamp“, стр. 14, Helsingfors 1907.

пролежавшій подъ сукномъ проектъ комиссіи Бунге, имѣвшей задачей „согласовать законы Великаго Княжества съ обще-имперскими". Подъ тѣмъ же лозунгомъ нанесенъ и въ настоящее время Государственной Думой послѣдній ударъ автономіи края... Ударъ былъ слишкомъ неожиданъ. Общество отказывалось вѣрить. Хотя со времени іюльскаго рескрипта розовыя иллюзіи финляндцевъ и успѣли значительно поблекнуть, но лояльность, привитую столѣтіями, нельзя было уничтожить однимъ росчеркомъ пера...

Сеймъ прервалъ свои занятія, чтобы обсудить положеніе. Передъ Сенатомъ всталъ тяжелый вопросъ объ обнародованіи этого противозаконнаго, съ точки зрѣнія конституціи края, акта. Голоса раздѣлились; однако 11-ью голосами противъ 10-ти обнародованіе было принято.

Населеніе всколыхнулось, заволновалось. Вѣсть быстро распространилась по всему краю, неся за собою глухой ропотъ недоумѣнія и протеста. Въ Гельсингфорсѣ 20 февр. 1899 г. состоялся многолюдный митингъ. Рѣшено было отправить Монарху петицію. Въ два дня собранъ былъ необходимый фондъ въ 460.000 мар.; адресъ къ Монарху пущенъ былъ въ ходъ 24 февраля, а 14 марта доставлены были послѣднія подписи. Всего подписавшихся оказалось 524.931 человѣкъ, что при населеніи не достигающемъ 3 мил., явно свидѣтельствовало о „волѣ народной"... Депутація, въ числѣ 500 человѣкъ, прибывшая въ Петербургъ, не была принята Монархомъ... Это былъ первый наглядный урокъ, сорвавшій „розовыя иллюзіи" финляндцевъ и поколебавшій ихъ упорную лояльность... Та же участь постигла и слѣдующую депутацію, прибывшую изъ Европы и привезшую съ собою адресъ, подписанный 1050 представителями всего культурнаго міра... [1]).

Обѣ петиціи Сейма и Сената, направленныя къ Государю и недвусмысленно говорившія о „противозаконности Манифеста", оставлены были безъ послѣдствій... Населеніе одѣлось въ глубокій трауръ, увеселенія прекратились... Атмосфера казалась тяжелой, предвѣщающей новыя грозы...

Предвидѣнія оправдались. Обсужденія по основнымъ законопроектамъ военнаго вопроса еще не были закончены [2]), когда на разсмотрѣніе Сословій поступили двѣ новыхъ пропозиціи имперскаго правительства: одна, касающаяся уравненія *личныхъ*, другая—*финансовыхъ* тяготъ военной службы въ Финляндіи и Россіи. Основной принципъ пропозицій заключался въ томъ, чтобы, во-первыхъ, заставить Финляндію участвовать въ военныхъ издержкахъ Имперіи въ размѣрѣ, въ два раза превышающемъ обычный военный бюд-

---

1) См. Руссобтовскій „Истор. освѣщеніе финл. вопроса" 1910, стр. 51.

2) Правительственный законопроектъ и знаменитыя положенія лишали финляндскую армію прежняго автономнаго характера и отмѣняли тѣ 14 параграфовъ военнаго закона 1878 г., которые Александромъ II признаны были частью „основныхъ" законовъ страны.

жетъ края, во-вторыхъ, увеличить контингентъ до 7200 человѣкъ. Считая пропозиціи противорѣчащими основнымъ законамъ Финляндіи, Сеймъ отказался ихъ обсуждать, но, съ своей стороны, выработалъ новый военный законъ, дѣлавшій важныя уступки Имперіи. Сословія этимъ не ограничились и, обсудивъ обще-конституціонный вопросъ о правахъ Сейма, составили всеподданѣйшее представленіе, въ которомъ отмѣчали незаконность февральскаго Манифеста. Сенатъ поддержалъ Сеймъ; въ своемъ „заключеніи“ онъ предложилъ считать пропозиціи отвергнутыми и признать воинскій законъ, вотированный Сеймомъ.

Однако, поведеніе Сословій и Сената, казалось, лишь сгустило атмосферу. Въ августѣ 1899 г. на мѣсто статсъ-секретаря финляндскаго назначается Плеве, который, какъ не-финляндскій гражданинъ, не имѣлъ на это права. Недовольство усиливалось и находило свое естественное выраженіе въ печати. Тогда на печать посыпались непривычныя для финляндцевъ гоненія. За 1899 г. конфисковано было 386 номеровъ газетъ, 4 газеты совершенно запрещены, 27 пріостановлено. Убытки исчислялись въ 360 тыс. марокъ [1]).

Протестъ общества выразился во внесеніи на очередный Сеймъ 1900 г. петиціи о пересмотрѣ закона о печати. Но и эта петиція, какъ и петиція объ отмѣнѣ февральскаго Манифеста, была отвергнута.

Во время лѣтнихъ каникулъ 1900 г., 7/20 іюня подписанъ былъ манифестъ, устанавливавшій „постепенное введеніе русскаго языка, какъ главнаго въ дѣлахъ управленія“. Всѣ правительственныя учрежденія должны были съ 1-го окт. 1905 г. перейти на русскій языкъ. Національные языки сохранялись только въ судахъ. Результатомъ этого манифеста явилась немедленная отставка около 100 лицъ... За Манифестомъ послѣдовало два постановленія: одно—ограничивающее *свободу собраній* (подчиненіе собраній полицейскому надзору, испрашиваніе для каждаго собранія особаго разрѣшенія генералъ-губернатора, введеніе системы штрафовъ и т. д.), другое—дававшее русскимъ разносчикамъ, обладавшимъ пропускнымъ билетомъ, выданнымъ генералъ-губернаторомъ, право разносной торговли. Роль этихъ разносчиковъ, агентовъ Бобрикова, слишкомъ извѣстна, чтобы здѣсь на ней останавливаться. Имперское правительство неукоснительно слѣдовало по намѣченной линіи. Приблизительно черезъ годъ, 11 іюня 1901 г., Монархъ

---

[1]) Какъ бы подчеркивая свое намѣреніе и въ будущемъ глушить финляндскую прессу, Бобриковъ настоялъ на основаніи официальной „Финляндской газеты“, начавшей съ 1900 г. выходить на русскомъ языкѣ, Сенату, отказавшему ассигновать пособіе на открытіе газеты, Высочайше повелѣно было выдавать ежегодную субсидію въ 30.000 мар. на изданіе оффиціоза

подписываетъ военный законъ, уничтожающій автономное войско Великаго Княжества [1]).

Это былъ новый ударъ, разбивавшій послѣднія надежды на мирный исходъ борьбы. Широкой волной заливаетъ страну недовольство, просачиваясь во всѣ слои населенія.

Тотчасъ по обнародованіи закона принимается рѣшеніе подать Монарху петицію, извѣстную подъ именемъ „второй петиціи“. Снова организуются комитеты, разсылаются по всей странѣ довѣренные люди, разъясняющія населенію значеніе закона, собирающіе подписи. Однако, настроеніе въ странѣ уже иное, чѣмъ въ 1899 г.; у большей части населенія рождается скептицизмъ по отношенію къ петиціямъ... Собрать удается 473.363 подписи.

Наиболѣе активно работаютъ въ этомъ дѣлѣ соціалъ-демократы и конституціоналисты или „партія пассивнаго сопротивленія“, объединившая подъ своимъ знаменемъ шведомановъ, младо-финновъ и отколовшуюся часть старофинновъ. Но, разумѣется, и эту петицію постигаетъ прежняя участь—ее отклоняютъ. Тогда воинскому закону рѣшаютъ объявить бойкотъ. Всѣ слои населенія выступаютъ въ данномъ случаѣ солидарно. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ 4 сенаторамъ, высказавшимся противъ обнародованія закона. Ихъ немедленно уволили въ отставку за неповиновеніе „повелѣнію его Величества“, но это лишь подняло настроеніе. Замѣстить сенаторовъ удается не сразу, намѣченныя лица одно за другимъ отклоняютъ портфель. Бойкотъ активно поддерживаетъ духовенство: оно отказывается читать законъ съ церковной каѳедры... Въ цѣломъ рядѣ приходовъ приходится прибѣгать къ „экстреннымъ мѣрамъ“: нанимать пономаря, разсылать полу-помѣшаннаго священника для исполненія этой щекотливой обязанности. Прихожане, съ своей стороны, выражаютъ протестъ и либо, при чтеніи закона, покидаютъ церковь, либо шумомъ и пѣніемъ псалмовъ заглушаютъ голосъ священника [2]).

---

[1]) Этотъ законъ, дѣтище Имперской бюрократіи, пользовался особой благосклонностью военнаго министра Куропаткина, которому и принадлежитъ инициатива проведенія его въ жизнь. Законъ этотъ успѣлъ со времени 1898 г. претерпѣть рядъ мытарствъ, отвергнутый Сеймомъ, онъ въ новой редакціи, но съ неизмѣннымъ содержаніемъ поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Здѣсь мнѣнія раздѣлились: часть членовъ Гос. Совѣта находили, что 14 параграфовъ закона 1878 г., носящихъ характеръ законовъ основныхъ, не подлежатъ измѣненію. Проектъ военнаго министра 60-ью голосами противъ 20-ти былъ отвергнутъ. Но 11-го іюня Монархъ возвѣстилъ свою в°лю: онъ всталъ на сторону меньшинства и утвердилъ проектъ... Финляндское войско оказалось расквартированнымъ...

[2]) Въ октябрѣ Сенатъ освѣдомился у губернаторовъ о положеніи вопроса. Отвѣты дали слѣд. результаты: въ 275 приходахъ—оглашеніе, несмотря на протесты прихожанъ, имѣло мѣсто; въ 22 приходахъ—не удалось дочитать; въ 77—прихожане уходомъ помѣшали чтенію; въ 41—несмотря на уходъ прихожанъ, чтеніе совершилось; въ 68 пасторы отказались прочесть законъ; о 27-ти приходахъ не было извѣстій.

Вся зима 1901—1902 гг. проходитъ въ горячей агитаціонной работѣ, которую опять-таки ведутъ конституціоналисты и соціалъ-демократы. Страну наводняютъ литературой, агитаторы, не переставая, разъѣзжаютъ изъ конца въ конецъ, завязываются связи и сношенія съ наиболѣе глухими уголками... Если проведеніе бойкота въ „верхахъ“ поддерживалось усиліями конституціоналистовъ, то, несомнѣнно, организація бойкота закона со стороны самихъ призывныхъ была дѣломъ соціалдемократіи Финляндіи. Неутомимо, съ неослабѣваемой энергіей работала она втеченіе десяти мѣсяцевъ среди сельскаго и городского населенія, и плоды ея трудовъ отчетливо сказались во время перваго же призыва весною 1902 г.

Началось съ того, что общины отказывались посылать своихъ представителей въ пріемочную комиссію... Мѣстами комиссіи оказывались безъ секретарей, такъ какъ всѣ мѣстные юристы уклонялись отъ исполненія этой обязанности. Несмотря на заранѣе принятыя спеціальныя мѣры, въ двухъ комиссіяхъ не доставало врачей... Были случаи, когда назначенные въ комиссію офицеры выходили въ отставку. Бойкотъ шелъ по всей линіи. Лишь цѣлымъ рядомъ репрессивныхъ мѣръ: штрафованіемъ общинъ, увольненіемъ отъ должностей, отдачей подъ судъ и т. д., удалось правительству до извѣстной степени сломить сопротивленіе. Несмотря на всѣ репрессивныя мѣры, результаты перваго призыва оказались весьма неблагопріятными: вмѣсто 23,757 явилось всего 9,753, причемъ большинство этихъ послѣднихъ впередъ разсчитывало на браковку. Предстояло набрать контингентъ всего въ 280 человѣкъ, но и этого не удалось... Призывные предпочитали массами покидать родину и переселяться за океанъ [1]). Бойкотъ закона поддерживался и чинами судебнаго вѣдомства: суды первой инстанціи повсемѣстно оправдывали неявившихся призывныхъ. Такое единство дѣйствій порождало нѣкоторую растерянность правительства, и временно процессы противъ призывныхъ оказывались пріостановленными [2]).

Лѣтомъ 1902 г. послѣдовало распоряженіе, открывавшее русскимъ подданнымъ доступъ на финляндскую государственную службу. Слѣдующими распоряженіями отмѣнялись конституціонныя гарантіи для лицъ, занимавшихъ

---

[1]) Косвеннымъ бойкотомъ воинскому закону 1901 г. являлась и подача прошеній объ отставкѣ 32-мя офицерами еще не раскассированнаго драгунскаго полка. Эти офицеры доставили въ свое время много хлопотъ Бобрикову и только примѣненіемъ противъ нихъ крайнихъ репрессій (лишеніемъ пенсій и т. д.) удалось ослабить единство ихъ сопротивленія.

[2]) Эмиграція лицъ мужскаго пола сразу возросла съ 8237 въ 1901 г. до 16.075 въ 1902 г., тогда какъ эмиграція лицъ женскаго пола измѣнилась лишь постольку, поскольку эмиграція мужчинъ влекла за собою отъѣздъ и членовъ семьи женскаго пола; въ 1901 г. эмигрировало 4324 женщинъ, въ 1902 г. 7077. Въ слѣдующій 1903 г. эмиграція мужчинъ еще стоитъ высоко—10.449, но уже въ 1904 г. сразу спускается до 6.158 человѣкъ. (См. Статистическій Ежегодникъ Финляндіи, изд. Центр. Стат. Бюро, 1909 г.).

судебныя и административныя должности: вопросъ объ увольненіи впредь предоставлялся волѣ генералъ-губернатора и непосредственнаго начальства. Начальству же давалось право преданія своихъ подчиненныхъ суду. Это былъ одинъ изъ способовъ сломить сопротивленіе воинскому закону и отомстить за свои неудачи...

Начались повальныя увольненія и отставки, начиная съ губернаторовъ и кончая писцами, словомъ, всѣхъ лицъ, неугодныхъ обрусителямъ Въ одинъ день неожиданно отставили отъ должности 15 судей Абосскаго гофгерихта... Въ странѣ царило уныніе, но духъ сопротивленія не падалъ.

Въ іюнѣ 1902 послѣдовало новое повелѣніе, дополняющее законъ 1900 г. о введеніи русскаго языка; повелѣніе 1902 г. уравнивало русскій языкъ съ мѣстными во всѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, но одновременно урѣзывало права языка шведскаго.

Послѣднимъ ударомъ, долженствовавшимъ „смирить“ финляндцевъ, явилось постановленіе 15 февраля 1903 г., устанавливавшее диктатуру Бобрикова. Для Финляндіи впервые наступили времена „исключительныхъ положеній“... За одинъ годъ послѣдовало 40 высылокъ. Аресты, обыски, преданіе суду, отставки, тюрьма и даже ссылка — стали для Финляндіи почти столь же обычными, явленіями, какъ и для Россіи. Многіе выдающіеся общественные дѣятели принуждены были покинуть родину. Расходы на жандармерію сразу возросли въ 1904 до 690 т. марокъ. Полиція, обходившаяся Финляндіи въ 1899 г. въ 351 тыс. мар., теперь требовала ассигновки въ 1.264 тыс. мар. Расходы на канцелярію генералъ-губернатора повысились съ 267 тыс. мар. въ 1899 г. до 558 тыс. м. въ 1904 г. Бдительное око генералъ-губернатора проникало во всѣ области общественной жизни, на все накладывало свою тяжелую руку. Даже программы школьныхъ занятій и тѣ не избѣжали реформы въ обрусительномъ духѣ... Общества распускаются, собранія запрещаются. Коммунальные выборы кассируются. Полномочія генералъ-губернатора по повелѣнію 15 февраля—безграничны. Онѣ формулируются одной фразой: „генералъ-губернаторъ можетъ дѣлать все, что ему заблагоразсудится“.

Такое положеніе тянулось до средины 1904 г. Лѣто 1904 явилось поворотнымъ пунктомъ въ обрусительной политикѣ Великаго Княжества.

IV.

Отношеніе общества. Національный моментъ и классовый интересъ. Новая перегруппировка общественныхъ элементовъ. Конституціоналисты или „партія пассивнаго сопротивленія“ и партія „сенатская“. Двѣ тактики. Образованіе рабочей соціалдемократической партіи. Классовыя противорѣчія. Анти-конституціонныя дѣйствія буржуазіи. Вопросъ избирательной реформы. Политика Бобрикова по отношенію къ финляндскому пролетаріату. Ростъ политическаго самосознанія рабочихъ.

Несмотря на единообразныя и общія выступленія всего населенія въ моменты острыхъ столкновеній съ внѣшней властью, національный интересъ безсиленъ былъ, даже въ періодъ наиболѣе напряженной борьбы, заглушить растущій соціальный антагонизмъ общественныхъ группъ. Классовые интересы, опредѣлявшіе политическую физіономію партій, не могли исчезнуть даже подъ угрозой потери національной самостоятельности. По существу всѣ слои населенія и всѣ политическія группы одинаково отрицательно относились къ насилію, творимому надъ родиной, но тѣ формы, въ которыя выливалось недовольство, и тѣ методы сопротивленія, какіе избирались партіями, всецѣло диктовались классовыми задачами, выпадавшими на долю данной политической группы. Отсюда различіе *тактики* и расхожденіе по вопросу о *способахъ борьбы*.

Уже при обсужденіи вопроса объ обнародованіи февральскаго Манифеста 1899 г. ясно обозначились двѣ тактики: „непримиримая“ и тактика „уступокъ“. Вторая однимъ голосомъ взяла перевѣсъ. Прокуроръ Сената, шведоманъ Цедергольмъ, приложилъ къ протоколу засѣданія свой протестъ и подалъ въ отставку. Лидеръ старо-финновъ Ирье Коскиненъ, съ своей стороны, составилъ „заявленіе“, въ которомъ защищалъ дѣйствіе податливыхъ сенаторовъ [1]).

Въ тотъ моментъ общественнаго подъема тактика Коскинена, казалось, не могла имѣть успѣха; общественное мнѣніе и даже симпатіи старо-финновъ всецѣло были еще на сторонѣ „непримиримыхъ“. Но „классовый моментъ“ продолжалъ творить свое дѣло: сближеніе съ имперской властью обѣщало урѣзать привиллегіи шведоманской партіи. И когда Коскиненъ въ открытомъ письмѣ, появившемся въ „Uusi Suometar“, изложилъ свое credo, подчеркивая необходимость использовать данный моментъ съ тѣмъ, чтобы укрѣпить позицію старо-финновъ, его взгляды стали находить откликъ и сочувствіе въ рядахъ суометаріанцевъ [2]).

---

[1]) Характерно для тактики „уступокъ“, что въ видѣ лазейки, оправдывавшей дѣйствіе сенаторовъ, Коскиненъ указываетъ на обнародованіе манифеста безъ подписи сенаторовъ,—этимъ якобы подчеркивалась его незаконность.

[2]) Въ своемъ открытомъ письмѣ Коскиненъ ставитъ слѣд. основныя требованія: 1) полный разрывъ со шведоманской партіей,—незачѣмъ „виляя хвостомъ слѣдовать за ними“; 2) желательность поддержки финляндской правительственной партіи со стороны населенія 3) необходимость расширенія правъ финскаго языка и поднятія самосознанія финской части населенія.

При обсужденіи вопроса объ обнародованіи Манифеста 1900 г. о введеніи русскаго языка, въ Сенатѣ снова обнаруживаются два теченія; но „непримиримые“ оказываются побѣжденными и уходятъ въ отставку. Суометаріанцы колеблются. „Uusi Suometar“, незадолго до обнародованія, говорившій языкомъ оппозиціи, послѣ обнародованія ищетъ „серьезныхъ основаній“ уступчивости сенаторовъ. Между прочимъ, въ ихъ оправданіе приводится неудачный аргументъ: „отказъ отъ обнародованія грозилъ бы отставкой всего Сената, страна осталась бы безъ правительства“... Шведоманы справедливо указываютъ, что въ этомъ то и заключалась „сила“ Сената: его несговорчивость поставила бы имперскія власти въ очень затруднительное положеніе. Близорукому классовому расчету принесено было въ жертву національное дѣло. Суометаріанцы катятся по наклонной плоскости Къ концу 1900 г. ясно обозначается „сенатская“ или правительственная партія, изъ бывшихъ старо-финновъ, послушнымъ рупоромъ которыхъ является газета „Uusi Suometar“. Часть старо-финновъ, возмущенная близорукой политикой „сенатской партіи“, покидаетъ прежнихъ товарищей. Когда въ 1901 г. передъ Сенатомъ встаетъ вопросъ объ обнародованіи воинскаго закона, лишь четыре сенатора оказываются въ оппозиціи. Несмотря на обѣщаніе беречь конституцію, на увѣренія, что всѣ уступки дѣлаются во имя блага и спасенія родины, очевидно, что только узко классовой расчетъ — подорвать вліяніе аристократіи, толкаетъ бывшихъ старо-финновъ на союзничество съ имперскими властями. Съ полной очевидностью подтверждается это въ 1902 г., когда сами суометаріанцы возбудили вопросъ объ уравненіи правъ языковъ и готовы были на всѣ уступки по отношенію къ русскому языку, лишь бы ограничить права языка шведскаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что о представителяхъ сенатской партіи русская бюрократія вспоминаетъ съ умиленіемъ [1]). Все подъ тѣмъ же давленіемъ классоваго разсчета образуется „послушный Сенатъ“, о которомъ Бобриковъ писалъ: „я имъ доволенъ и, кажется, Сенатъ доволенъ мною“...

Подробно останавливаться на тактикѣ сенатской партіи съ 1900 г. по 1904 г. не приходится; эта тактика всецѣло состояла изъ безграничнаго оппортунизма. Достаточно вспомнить слѣдующіе яркіе факты: населеніе дружнымъ отпоромъ отвѣчаетъ на воинскій законъ; епископъ Іогансенъ спѣшитъ разослать циркуляръ духовенству, прося его заняться „небомъ, не землей“ и не вмѣшиваться въ „дѣла военныя“. Населеніе не поддается увѣщеваніямъ; наборъ идетъ туго. „Послушный Сенатъ“ находитъ выходъ: по закону 1878 г. не обозначено точное число лицъ рекрутской пріемочной комиссіи, кворумъ изъ 3 лицъ признается Сенатомъ достаточнымъ. Когда и эта мѣра оказывается недѣйствительной, Сенатъ находитъ новую лазейку—велитъ продлить

[1]) См. „Die Vorbereitung der finnl. Revolution“—F. Fedoroff, 1910, стр. 75.

время набора. Чтобы соблюсти свою „чистоту“, Сенатъ, препровождая вторую великую петицію, не снабжаетъ ее обычнымъ „заключеніемъ“. Этимъ дѣло не ограничивается: старо-финны ведутъ широкую агитацію, требующую прекращенія бойкота воинскому закону, выпускается знаменитое воззваніе, подписанное 66 старо-финнами. Имъ вторятъ старо-финнскіе студенты...

Дальше идти трудно. Но, по мѣрѣ того, какъ въ своемъ оппортунизмѣ „сенатская партія“ идетъ все на новыя и новыя уступки, она, переставая служить реальнымъ интересамъ породившаго ее класса, теряетъ свою жизненность. Ряды старо-финновъ рѣдѣютъ, сенатская партія все больше и больше страдаетъ отъ своей изолированности, политическое вліяніе ея въ странѣ падаетъ.

Какъ же вели себя въ этотъ критическій періодъ шведоманы? Поскольку сближеніе съ имперскими властями, казалось, открывало для суометаріанцевъ новыя политическія перспективы, постольку сохраненіе въ полной неприкосновенности конституціи края являлось вопросомъ жизни для шведской аристократіи. Соціальное положеніе, классовые интересы кидали шведомановъ въ ряды непримиримой оппозиціи. Вопросъ о національной самостоятельности и вопросъ о классовомъ господствѣ сливались во-едино.

Казалось, интересы родины лежали гораздо ближе ихъ сердцу, чѣмъ сердцу оппортунистовъ-суометаріанцевъ. Однако, какъ же проявляли они свою „любовь къ родинѣ“?

Первымъ движеніемъ шведомановъ было: толкнуться въ привычныя двери, повести агитацію „сверху“, при помощи родственныхъ связей повліять на „дворъ“, возбудить сочувствіе и интересъ къ судьбѣ Финляндіи среди иностранныхъ принцевъ и королей... Затѣвается оживленная переписка барономъ Борнъ, графовъ Армфельдовъ и др. съ иностранными принцами и принцессами, разсылаются брошюры, выясняющія положеніе вещей, испрашиваются частныя аудіенціи у министровъ (посѣщеніе барономъ Борномъ и профес. Доннеромъ ст. секр. Плеве), у королей (пріемъ Свенъ Пальме у шведскаго короля) и т. д. Гордая, кичливая аристократія вначалѣ не допускаетъ даже мысли о сближеніи съ народомъ, отъ низовъ ее отдѣляетъ цѣлая пропасть. „Опереться на массы“— эта стратегія долго не признавалась шведоманами, и если сближеніе шведоманской партіи съ демократіей все же совершилось, то не по волѣ, а вопреки потомкамъ „славныхъ викинговъ“.

Однако, прежній способъ улаживанія конфликтовъ съ „русскимъ дворомъ“ оказывается на этотъ разъ не дѣйствительнымъ. Время, когда графы Армфельды могли, выходя изъ кабинета Монарха, заявлять потерпѣвшимъ пораженіе при конфликтѣ генералъ-губернаторамъ: „Eh bien, général, vous partez et moi, je reste!“—миновали. Въ бюрократическихъ кругахъ Имперіи шведская аристократія поддержки не встрѣчала. Когда отцвѣла надежда добиться поддержки „сверху“, шведоманамъ ничего другаго не оставалось, какъ, не

измѣняя духу „рыцарства“ и лояльности, избрать лояльный путь самозащиты. Тактика *пассивнаго сопротивленія* вытекала естественно изъ классового положенія шведомановъ. Никакихъ эксцессовъ, бурныхъ проявленій недовольства, но стойкій и выдержанный отказъ признавать незаконные акты. По мѣрѣ того, какъ оппортунизмъ *сенатской партіи* обозначался все отчетливѣе, всѣ оппозиціонные элементы общества стягивались вокругъ конституціонно-настроенныхъ шведомановъ. Подъ общее конституціонное знамя встали и шведоманская партія, и младо-финны, и ушедшіе отъ старофинновъ радикальные элементы. Въ противовѣсъ податливой партіи „сената“ выступила партія *конституціонная* или партія *„пассивнаго сопротивленія“*. Это не была политическая партія въ собственномъ смыслѣ этого слова; ея разнородные соціальные элементы не объединяла никакая программа. Единственнымъ общимъ лозунгомъ служило требованіе: возстановленіе конституціонныхъ началъ въ краѣ,—лозунгъ подъ которымъ могъ бы подписаться любой приверженецъ сенатской партіи. Все ея отличіе заключалось *въ тактикѣ*. Эту тактику отчетливо характеризуетъ одна изъ резолюцій, принятая партіей пассивнаго сопротивленія на собраніи 12 ноября 1902 г.: „Собраніе находитъ, что для защиты и сохраненія національной самостоятельности необходимо, чтобы пассивное сопротивленіе твердо продолжало оказываться тѣмъ мѣропріятіямъ, во всѣхъ областяхъ, которыя противорѣчатъ или посягаютъ на уничтоженіе основныхъ законовъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановленъ законный порядокъ въ странѣ“ [1]).

Пассивный бойкотъ распоряженіямъ, противорѣчащимъ конституціи, таковъ единственный „достойный“ способъ борьбы. И, начиная отъ заслуженныхъ сенаторовъ, губернаторовъ, судей, кончая мелкими чиновниками, служащими—всѣ одинаково подчиняются этому лозунгу. Въ странѣ царитъ внѣшнее спокойствіе, ни мятежей, ни бурныхъ протестовъ. Небольшіе уличные безпорядки въ Гельсингфорсѣ во время перваго призыва 1902 г.—явно провоцированы властями. Тѣмъ не менѣе идетъ глухая, безшумная работа сопротивленія по всей линіи. Конституціоналисты ведутъ широкую агитацію въ массахъ, тщательно расчленяя понятіе: русское правительство и русское общество. Постепенно даже у кичливыхъ шведомановъ исчезаетъ недовѣріе къ русскому „нигилизму“, общность оппозиціоннаго движенія по обѣ стороны таможенной черты выступаетъ все отчетливѣе...

Несмотря на твердое желаніе держаться въ рамкахъ „легальности“ и лояльности, событія, не считаясь съ партійными директивами, толкаютъ конституціоналистовъ на рядъ „неосторожныхъ“ шаговъ. Когда насильственно закрывается органъ шведомановъ „Nya Pressen“, ничего другого не остается

---

[1]) „Finlands Författningskamp“, стр. 75.

какъ, слѣдуя примѣру еще недавно презираемыхъ „русскихъ революціонеровъ“, прибѣгнуть къ изданію за-рубежной газеты. Съ осени 1900 г. въ Стокгольмѣ начинаетъ выходить газета „Fria Ord“, вокругъ которой группируются разнообразнѣйшіе элементы вмѣстительной партіи „пассивнаго сопротивленія“, начиная отъ пылкаго и радикальнаго Конни Циліакуса, до солиднаго Лео Мехелина и умѣреннаго, викинга до мозга костей, барона Борна [1]). Сношенія съ русской оппозиціей усиливаются, завязываются связи съ „Освобожденіемъ“.

И все же шведоманы, дающіе тонъ партіи „пассивнаго сопротивленія“, оказываютъ сдерживающее вліяніе на болѣе горячіе и активные ея элементы, они все еще не теряютъ надежды на мирное разрѣшеніе конфликта и даже въ 1903 году, когда диктатура Бобрикова уже висѣла въ воздухѣ, Лео Мехелинъ все еще мечтаетъ о третейскомъ судѣ между Россіей и Финляндіей [2])... Конституціоналисты, несмотря на весь свой оппозиціонный духъ, дѣйствуютъ съ большой осторожностью, взвѣшивая каждый свой шагъ. Оказавъ сопротивленіе, они все же склоняются передъ „не-конституціонными“ распоряженіями, остаются на служебныхъ постахъ, дѣйствуютъ въ духѣ повелѣній Бобрикова и т. д. Силы неравны и конституціоналисты въ концѣ концовъ отступаютъ, но отступая они все же не бросаютъ своихъ знаменъ, какъ это дѣлаютъ старо-финны. Въ этомъ вся разница.

Русское правительство, опиравшееся на кучку покладистыхъ суометаріанцевъ, понимало, что рано или поздно ему удастся сломить сопротивленіе конституціоналистовъ; въ этой бодрящей увѣренности твердо шествовало оно по намѣченному пути. Но обрусители не учли одной крупной и притомъ быстро крѣпнущей въ странѣ соціальной силы—*организованнаго рабочаго класса.*

Со времени скромнаго и умѣреннаго Таммерфорскаго съѣзда рабочее движеніе въ Финляндіи сильно шагнуло впередъ. Оно не только развилось, окрѣпло, но, что еще важнѣе, успѣло самоопредѣлиться. На съѣздѣ въ Або

---

[1]) Характерно, что большинство руководителей конституціонной партіи принадлежало либо къ родовой аристократіи, либо къ крупной буржуазіи: директора банковъ (Шюбергсонъ, Веллингъ, Пфаллеръ и т. д.), директора фабрикъ и акц. обществъ (Крогіусъ, Доннеръ и т. д.), бывшіе сенаторы, губернаторы и т. д.

[2]) Для характеристики черностоенныхъ инсинуацій, желающихъ представить партію конституціоналистовъ чуть ли не въ образѣ наиопаснѣйшихъ якобинцевъ, можно привести слѣдующіе курьезные факты: поѣздка Л. Мехелина на Рождественскіе праздники въ Петербургъ зимою 1904—1905 г. приводилась въ связь съ 9-ымъ января! Редакторъ „Nya Pressen“ Аксель Лиллэ совершилъ въ 1900 г. путешествіе въ Японію; черносотенная печать глубокомысленно заключаетъ, что уже тогда шли переговоры между Финляндіей и Японіей о сказочныхъ „японскихъ деньгахъ“ на вооруженіе Финляндіи...

въ 1899 г. рабочіе провозгласили себя самостоятельной партіей и приняли соціалдемократическую программу, предпославъ ей, однако, требованіе сохраненія національной самостоятельности [1]). Въ то время движеніе носило еще скромные размѣры: въ 1900 г. въ 68 союзахъ насчитывалось всего 9232 члена, но уже въ 1905 г. къ партіи принадлежало около 50 тыс. рабочихъ [2]). Вліяніе соціалдемократіи распространялось далеко за предѣлы партійныхъ рамокъ. Устная агитація, широко раскинувшаяся рабочая пресса съ центральнымъ органомъ „Työmies“ во главѣ будили самосознаніе, призывали къ активности. Но въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ агитація соціалистовъ, толкали финляндскій пролетаріатъ подъ классовое рабочее знамя двѣ силы, два общественныхъ фактора: растущій гнетъ имперскаго режима и классовая вражда буржуазіи. Именно въ періодъ обрусительной политики достигаетъ классовый антагонизмъ своего наиболѣе яркаго выраженія. Рѣжетъ, бьетъ въ глаза несоотвѣтствіе между конституціонными деклараціями буржуазіи, провозглашеніемъ незыблемости гражданскихъ свободъ, и грубымъ нарушеніемъ этихъ свободъ по отношенію къ рабочимъ. Достаточно нѣсколькихъ фактическихъ примѣровъ: тѣ самые конституціоналисты, что вопіютъ о нарушеніи исконнаго права финляндцевъ къ объединенію и клеймятъ незаконныя дѣйствія Бобрикова, затѣваютъ настоящую травлю рабочихъ за принадлежность къ рабочимъ организаціямъ. Въ 1901 г. въ цѣломъ рядѣ предпріятій (Билльнэсъ, знаменитомъ Фискарскомъ механическомъ заводѣ, на крупной писчебумажной фабрикѣ Терваковски и т. д.) начинается жестокое преслѣдованіе рабочихъ за принадлежность къ партіи. Директора требуютъ письменнаго отреченія рабочихъ отъ принадлежности къ организаціи, грозя разсчетомъ, заставляютъ подписывать такъ называемые „крѣпостные акты“ [3]). Чтобы помѣшать рабочимъ собраніямъ во время стачекъ, директора и хозяева фабрикъ запрещаютъ домохозяевамъ-торпарямъ, проживающимъ на

---

[1])Въ предисловіи къ программѣ стояло:„Финляндская рабочая партія, исходя изъ законовъ общественнаго развитія, стоитъ на почвѣ международнаго рабочаго движенія и стремится къ экономическому и соціальному освобожденію рабочаго класса. Принимая во вниманіе, что предпосылкой для такого освобожденія служитъ сохраненіе и защита національной самостоятельности, партія въ качествѣ ближайшихъ требованій выставляетъ“... (Слѣдуетъ 13 пунктовъ).

[2]) Съ тѣхъ поръ партія еще значительно прогрессировала; въ 1906 г. къ ней принадлежало уже 937 организацій съ 82,027 членами, изъ нихъ 18.986 женщинъ. По послѣднимъ даннымъ, 1908 г., партія объединяла 1127 организацій съ 71.266 членами, изъ нихъ 16.826 женщинъ. Годовой доходъ партіи въ 1908 г. равнялся 2.500 тыс. мар.,—основной фондъ—3.361 тыс. мар. Центральный органъ расходился въ количествѣ 27.000 экземпляровъ, сверхъ того выходитъ около 20 провинціальныхъ газетъ (на шведскомъ и финскомъ языкѣ), два научныхъ экономическихъ журнала, юмористическіе листки. (См. Отчетъ С. Д. П. Финляндіи на Интерн. Конгрессѣ 1910 г.).

[3]) См. „Жизнь финл. рабочихъ“, глава „Отношеніе предпринимателей и рабочихъ“.

ихъ землѣ, давать помѣщеніе. И это дѣлаютъ тѣ самые „конституціоналисты“, что защищаютъ „гражданскія свободы“ націи противъ анти-конституціонныхъ поступковъ Бобрикова! Защитники „свободы слова“ не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы задерживать и конфисковывать рабочія газеты. Въ конторѣ одной лѣсопилки возлѣ Борго накопилась внушительная кипа подобнымъ образомъ конфискованныхъ газетъ. Подъ угрозою 10 мар. штрафа запрещаютъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ полученіе партійной литературы; на механическомъ заводѣ „Dahlsbruck“ разсчитываютъ рабочаго за корреспондированіе въ партійную газету. Доходятъ до того, что лишаютъ рабочія изданія бумаги: писчебумажныя фабрики въ Або отказываются поставлять ее для партійной газеты, и газету приходится печатать въ Таммерфорсѣ. А какой шумъ подняли въ свое время не одни хозяева, но и конституціоналисты, когда въ 1900 г. типографскіе рабочіе оказались вынужденными прибѣгнуть въ Гельсингфорсѣ къ забастовкѣ; сколько обвиненій сыпалось на голову пролетаріата, сколько упрековъ за непатріотичность, за отсутствіе сознанія національныхъ интересовъ! Студенты-конституціоналисты, въ пылу патріотизма, бросились выручать предпринимателей и встали за наборные станки [1]). Патріотическіе вопли хозяевъ, однако, нисколько не мѣшали имъ выписывать иностранныхъ и даже русскихъ рабочихъ на мѣсто бастующихъ, обращаться къ ненавистнымъ русскимъ властямъ, донимающимъ прессу цензурою, съ просьбой направить свое „бдительное око“ на неугодные буржуазіи рабочіе органы... Этого мало: къ тѣмъ же руссификаторскимъ властямъ прибѣгали предприниматели за содѣйствіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось усмиреніе „бунтующихъ“ рабочихъ полиціей и войскомъ [2])...

Особенно остро ощущался классовый антагонизмъ въ вопросѣ коренной реформы народнаго представительства. Вслѣдствіе существовавшей до 1906 г. въ Финляндіи избирательной системы,—сословнаго начала, накопленія голосовъ (до 25-ти, а мѣстами и безграничнаго), высокаго ценза и еще цѣлаго ряда ограниченій, касавшихся спеціально рабочихъ, создавалось такого рода положеніе, при которомъ весь пролетаріатъ Финляндіи, промышленный и сельскій, устранялся отъ политической жизни и отъ участія въ коммунальномъ самоуправленіи. Буржуазія господствовала по всей линіи и, разумѣется, не проявляла никакого намѣренія уступить часть своихъ прерогативъ рабочему классу. Если суометаріанцы и поговаривали о нѣкоторой демократизаціи представительства, въ надеждѣ ослабить политическое господство шведомановъ, то шведоманы совершенно уже не склонны были на уступки. Какъ величайшую безтактность, разсматривала буржуазія повторныя петиціи рабочихъ

---

[1]) См. „Жизнь финл. рабочихъ“, стр. 264.

[2]) Призывъ войска имѣлъ, напр., мѣсто на шерстопрядильнѣ въ Хювинге.

въ Сеймъ, настаивавшія на коренномъ измѣненіи избирательной системы. Несмотря на то, что сопротивленіе руссификаторской политикѣ требовало для своихъ дальнѣйшихъ успѣховъ сближенія съ массами, буржуазіей владѣлъ такой страхъ передъ „чернью," что за всѣ шесть лѣтъ русскаго режима не было сдѣлано ни одной уступки рабочимъ и ни одинъ изъ законовъ, отвѣчавшихъ интересамъ пролетаріата Финляндіи, Сеймомъ принятъ не былъ. Даже въ такомъ вопросѣ, какъ борьба съ алкоголизмомъ, затрагивающемъ непосредственно интересы всей націи, Сеймы дѣйствовали съ осторожностью и неохотой, такъ какъ движеніе антиалкогольное поддерживалось низами, преимущественно рабочими. Въ отвѣтъ на петицію, требующую регулировки выдѣлки и продажи спиртныхъ напитковъ и подписанную 140 тыс. человѣкъ, Сеймъ 1900—1904 г.г. сдѣлалъ лишь нѣсколько новыхъ дополненій къ старому закону 1892 г. о куреніи и дестиллированіи вина. Что касается „аренднаго закона" 1900 г., нормировавшаго отношенія торпарей и землевладѣльцевъ, то, по существу, онъ составленъ былъ явно въ интересахъ послѣднихъ.

Классовый антагонизмъ, выступавшій съ такой отчетливостью въ Финляндіи, послужилъ поводомъ для политическихъ экспериментовъ со стороны Бобрикова. Если отечественная, финляндская буржуазія чурается „низовъ", за то русскій генералъ-губернаторъ сумѣетъ завоевать симпатію народа. Первымъ починомъ явился многошумный проектъ „облагодѣтельствованія" неосѣдлаго сельскаго пролетаріата. Въ 1899 г. при „славянскомъ благотворительномъ обществѣ" организовалась особая комиссія по изысканію мѣръ для разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Финляндіи... Предсѣдателемъ этой комиссіи состоялъ извѣстный финнофобъ ген. Бородкинъ. Трогательная забота о судьбѣ безземельныхъ въ Финляндіи этимъ не ограничивалась. Агенты Бобрикова, нашумѣвшіе въ свое время русскіе коробейники, наводнили страну и сѣяли смутные толки о раздѣлѣ помѣщичьихъ земель. Въ оффиціальной прессѣ отводилось много мѣста ламентаціямъ о „возмутительной эксплуатаціи" торпарей со стороны помѣщиковъ-шведомановъ. Полное неожиданной заботы о судьбѣ сельскаго пролетаріата, русское правительство проявило свою готовность мановеніемъ имперскаго жезла превратить милліонный сельскій пролетаріатъ въ обладателей земельныхъ участковъ. Въ 1901 г. по Высочайшему повелѣнію образована была спеціальная комиссія для разработки вопроса о положеніи безземельныхъ [1]). Тогда же ассигновано было 2 мил. мар., въ видѣ неприкосновеннаго земельнаго фонда, пополняемаго ежегодными отчисленіями финляндской казны. Рѣшить „аграрный вопросъ" ассигновкой въ 2 мил.

---

1) Проектъ этой комиссіи, законченный въ 1905 г., ограничивался рядомъ мѣропріятій безобиднаго палліативнаго характера. См. Майковъ „Финляндія, ея прошедшее и настоящее". 1905 стр. 460.

марокъ, разумѣется, было невозможно; на пути къ обезпеченію землею милліоннаго пролетаріата стояли такого рода трудности, какихъ нельзя, не по силамъ было, устранить даже сердечнымъ заботамъ руссификаторовъ [1]). Но шумъ, поднятый вокругъ этого вопроса, имѣлъ и другую цѣль: онъ долженъ былъ показать, какъ богато имперское правительство всякими благими начинаніями для пользы финляндскаго народа.

Ожиданія Бобрикова, однако, не оправдались: еще на Абоскомъ съѣздѣ 1899 г. одинъ изъ представителей торпарей съ достоинствомъ заявилъ, что „еслибъ мѣропріятія русскаго правительства даже, на самомъ дѣлѣ, обѣщали улучшить ихъ положеніе, они бы не воспользывались его милостями". Потерпѣвъ неудачу у сельскаго населенія, Бобриковъ рѣшилъ попытать счастья у промышленныхъ рабочихъ.

Отношеніе русской власти къ рабочему движенію Финляндіи вообще характерно. Въ то время, какъ малѣйшее проявленіе самодѣятельности русскихъ рабочихъ душилось и пресѣкалось самымъ „опредѣленнымъ" образомъ, развитію рабочаго движенія въ Финляндіи преградъ не ставили. Первый рабочій съѣздъ, правда, не былъ допущенъ Гейденомъ въ 1891 г., но уже черезъ два года онъ все же состоялся и власти посмотрѣли на него сквозь пальцы. Рабочіе организовывались, выпускали свои газеты, проводили стачки, устраивали собранія—русскія власти не вмѣшивались. Даже въ началѣ Бобриковскаго періода, когда буржуазію за пассивное сопротивленіе преслѣдовали по всей линіи, лидеровъ ея высылали, лишали службы и пенсіи, арестовывали—никакихъ спеціальныхъ мѣръ противъ рабочихъ не предпринимали, руководителей не трогали, газетъ не запрещали, соціалистическая литература свободно циркулировала; движеніе явно терпѣли. Даже въ моментъ наиболѣе напряженной борьбы финляндскаго населенія съ „режимомъ", въ Выборгѣ собирается лѣтомъ 1901 г. соціалистическій съѣздъ; за нимъ въ 1903 г. происходитъ съѣздъ въ Форссѣ, но уже при менѣе благопріятныхъ условіяхъ: на немъ присутствуетъ полиція.

Такую терпимость можно объяснить лишь „тонкой политикой" со стороны Бобрикова. „Заигрываніе" съ рабочими существовало въ самой грубой

---

[1]) Изъ числа 33½ мил. гектаровъ всей поверхности Финляндіи (исключая озера и рѣки) по свѣдѣніямъ 1901 г. прибл. 60% состоятъ въ частномъ владѣніи, 15% принадлежатъ приходамъ, остальное казнѣ. Изъ всего числа 33½ мил. гектаровъ приходится исключить 35%, непригодныхъ къ обработкѣ, это—скалы, торфяники и болота. Ожидать многаго отъ дробленія земли крупныхъ помѣщиковъ—не приходится, крупныя и среднія имѣнія съ числомъ гектаровъ выше 25, составляютъ только 22%. Что касается казенныхъ участковъ, что изъ 13 мил. гектаровъ, принадлежащихъ казнѣ, около 11 мил. расположены на далекомъ сѣверѣ, и, слѣдовательно, по климатическимъ условіямъ не поддаются обработкѣ, либо представляютъ скалы и болота. (См. „О мѣрахъ къ улучшенію положенія безземельныхъ"—„Финляндія" 1909, № 10).

формѣ: когда цензура предприняла свой походъ на финляндскую прессу и, вслѣдствіе массоваго закрытія газетъ, типографскіе рабочіе оказались выброшенными на улицу, Бобриковъ поспѣшилъ къ нимъ съ отеческой заботой и предложилъ матеріальную помощь со стороны русскаго правительства. Когда голодъ въ 1902 г. посѣтилъ страну, руссификаторы взялись за открытіе „столовыхъ“, не для сельскаго населенія, но для „безработныхъ“ Гельсингфорса; столовыя, разумѣется, находились въ „надежныхъ рукахъ“. Всѣ эти попытки популярности успѣха не имѣли, типографскіе рабочіе съ достоинствомъ отклонили „помощь“ русскихъ властей, столовыми пользовались—золоторотцы и нищіе. Къ своему политическому положенію и задачамъ пролетаріатъ Финляндіи относился сознательно и шелъ по намѣченной линіи...

Конецъ „заигрыванію“ положила диктатура Бобрикова въ 1903 г. „Исключительныя положенія“ коснулись и рабочихъ; началось преслѣдованіе рабочей прессы, вмѣшательство полиціи въ рабочія собранія, высылки членовъ партіи, аресты и обыски... Но, по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ Финляндіи впервые познавалъ плоды общеимперскаго режима, сталкивался лицомъ къ лицу съ его антиконституціонными дѣяніями, развивалась его политическая зрѣлость, обострялось его политическое зрѣніе. До наступленія Бобриковскаго режима борьба рабочаго класса велась въ относительно узкихъ, экономическихъ рамкахъ; политическіе идеалы и запросы носили расплывчатый характеръ. Еще въ Або вопросъ о выдѣленіи въ особую классовую партію вызвалъ горячіе дебаты. Неотчетливо было отношеніе финскаго пролетаріата и къ русскому рабочему движенію. Ближайшія задачи рабочаго класса въ Финляндіи и Россіи дѣйствительно значительно расходились; финляндскій пролетаріатъ, обладавшій основными гражданскими свободами, поставленъ былъ въ несравненно болѣе благопріятныя условія и могъ въ свое время сосредоточить свои силы всецѣло на борьбѣ съ отечественной буржуазіей.

Политика насильственнаго обрусенія края кореннымъ образомъ измѣнила положеніе рабочихъ въ Финляндіи и неизбѣжно толкнула на сближеніе съ пролетаріатомъ русскимъ. Двѣ одинаково враждебныя рабочему классу силы—отечественная буржуазія и русскія бюрократическія власти—способствовали политическому воспитанію финскаго пролетаріата и позволили соціалдемократіи, именно въ наиболѣе тяжелые годы репрессіи, съ поразительнымъ успѣхомъ укрѣплять свои позиціи. Ко времени 1905 г. рабочая партія стала представлять несомнѣнную политическую силу, съ которой уже приходилось считаться и отечественной буржуазіи, и русскимъ властямъ.

На авансцену политической жизни, оттѣсняя колеблющуюся, шаткую въ своихъ принципахъ буржуазію, выступаетъ организованный рабочій классъ.

V.

Финляндія съ 1904 г. по октябрьскіе дни. Убійство Бобрикова. Событія въ Россіи. Сеймъ 1904 г. Борьба партій. „Партія активнаго сопротивленія"; ея буржуазный характеръ. Участіе соціалдемократіи въ избирательной кампаніи. Измѣненіе политическаго курса Имперіи по отношенію Финляндіи. Частичныя уступки. Борьба рабочихъ за избирательную реформу. Поправѣніе конституціоналистовъ.

Революціонный 1905 г. засталъ финляндскій пролетаріатъ въ полной боевой готовности. Этому историческому году предшествовалъ рядъ общественныхъ событій, подготовившихъ почву революціонному движенію 1905 г. Евгеній Шауманъ 3 іюня 1904 года смертельно ранилъ генералъ-губернатора Бобрикова. За выстрѣломъ Шаумана послѣдовало убійство статсъ-секретаря Финляндіи и премьера Россіи—Плеве. Съ театра войны приходили тревожныя вѣсти: за морскими пораженіями слѣдовалъ Лаоянъ. Въ Россіи наростаетъ недовольство среди населенія, тревога и растерянность въ правящихъ сферахъ. „Финляндскій вопросъ" отодвигается на задній планъ; не до руссификаціи окраинъ, своихъ „дѣлъ" достаточно... На мѣсто Бобрикова назначается князь Оболенскій. Снабженный прежними полномочіями, новый генералъ-губернаторъ дѣйствуетъ, однако, съ бо́льшей осторожностью и дипломатичностью, чѣмъ его предшественникъ. Инспирируемый сверху, онъ старается—„не раздражать" населенія. Печати дѣлаются легкія послабленія, ссыльныхъ возвращаютъ; генерала Шаумана и др. финляндцевъ, заключенныхъ въ Петропавловскую крѣпость за мнимый проектъ „вооруженнаго возстанія", выпускаютъ на свободу.

Для Россіи наступаетъ „эпоха довѣрія" и историческихъ банкетовъ. Свѣтлѣетъ, если не прочищается, политическій горизонтъ и надъ Финляндіей.

Въ декабрѣ 1904 г. долженъ открыться очередной Сеймъ. Впервые послѣ 1900 г. предстоитъ населенію возможность высказать свое отношеніе къ двумъ тактикамъ, дѣйствовавшимъ съ тѣхъ поръ въ странѣ. Прежнее партійное дѣленіе по языкамъ, существовавшее до водворенія бобриковскаго режима, претерпѣло замѣтную эволюцію. Экономическій моментъ, при нормальномъ теченіи жизни опредѣляющій собою партійную группировку, уступаетъ мѣсто моменту чисто-политическому. Другъ противъ друга выступаютъ двѣ буржуазныя группы: *конституціонная*, въ которой растворились и шведоманы, и младофинны, и часть бывшихъ суометаріанцевъ, и *суометаріанская* сенатская партія. Однако, по существу программы обѣихъ буржуазныхъ партій мало чѣмъ разнятся между собою. Обѣ кладутъ въ основу тре-

бованіе возстановленія законнаго порядка, т. е. конституціонныхъ началъ и „нарушеннаго согласія между Монархомъ и націей“ [1]). Расхожденіе обнаруживается лишь по вопросу о тактикѣ. Суометаріанцы всячески пытаются сгладить острые углы и найти „примирительную формулу“. Они готовы, съ этой цѣлью, пойти на новый компромиссъ и принять незаконные акты, навязанные Имперіей (напр. воинскій законъ, законъ о языкахъ и т. д.), внеся въ нихъ лишь частичныя поправки. Для конституціоналистовъ возвратъ къ конституціонному строю означаетъ полную отмѣну всѣхъ распоряженій, введенныхъ въ жизнь безъ санкціи народнаго представительства. Дальше этихъ требованій конституціоналисты не идутъ. Вопросъ о дальнѣйшихъ методахъ борьбы не конкретизируется. Выпустивъ весь зарядъ гражданственности на „пассивное сопротивленіе“ и не добившись желанныхъ результатовъ, конституціоналисты стали проявлять явные признаки растерянности. Чувствовалось, что умѣренные элементы снова подняли голову и стали предостерегать отъ каждаго новаго, „необдуманнаго“ и опаснаго шага...

Нѣтъ ничего удивительнаго, если при такомъ положеніи вещей въ рядахъ конституціонной партіи въ 1904 г. стало обнаруживаться ядро изъ радикально-мыслящихъ элементовъ, извѣстное подъ названіемъ *„партіи активнаго сопротивленія“* или короче: *активистовъ*. Полная невозможность достигнуть чего либо борьбой на легальной и лояльной почвѣ породила и вызвала къ жизни эту группу. Чѣмъ „приличнѣе“ вели себя конституціоналисты, чѣмъ съ большимъ достоинствомъ отвѣчали на репрессіи и незаконныя распоряженія, тѣмъ нагляднѣе знакомили русскія власти „рыцарскихъ“ викинговъ съ пріемами обще-имперскаго режима. Все чаще и чаще стали на столбцахъ „Fria Ord“ раздаваться непривычныя для ушей сдержанныхъ конституціоналистовъ рѣчи о необходимости перейти „отъ обороны къ нападенію“, о пользѣ „большей активности“... Съ осени 1904 г. группа „активистовъ“ приступила къ выполненію своей программы. По ея иниціативѣ созывается историческое совѣщаніе представителей оппозиціонной Россіи въ Парижѣ осенью 1904 г. Сближеніе между Имперіей и Великимъ Княжествомъ совершается, но идетъ по нѣсколько иной линіи, чѣмъ намѣчали руссификаторы.

Во время избирательной компаніи 1904 г. активисты выпустили свою

---

[1]) Характернымъ является отсутствіе въ программахъ обѣихъ партій экономическихъ и соціально-политическихъ требованій: борьба ведется и сосредоточивается вокругъ обще-государственнаго, національнаго вопроса. Въ обѣихъ программахъ фигурируютъ также, помимо основного пункта—отмѣна диктатуры и возстановленіе „законности“—одни и тѣже требованія политическаго характера: свобода собраній, пересмотръ законовъ о печати, ограниченіе произвола жандармеріи и т. д., разница лишь въ томъ, что у конституціоналистовъ эти требованія выражены въ формѣ категорической, а у суометаріанцевъ въ видѣ „пожеланій“. (См. „Förfättnings-Kamp“, стр. 116).

декларацію — программу. Въ ней говорилось о томъ, что „пассивное сопротивленіе“ показало, насколько оно недѣйствительно (пунктъ 3), что единственной гарантіей возстановленія и сохраненія въ Финляндіи попранной конституціи является утвержденіе началъ гражданственности и законности (пунктъ 4), что наконецъ партія активнаго сопротивленія ставитъ себѣ задачу: „всѣми силами и при сотрудничествѣ всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ Россіи добиваться уничтоженія самовластія въ Финляндіи, а также поддерживать ту часть оппозиціи, которая и въ Россіи стремится къ замѣнѣ автократической системы свободными государственными учрежденіями“ [1]). Это былъ языкъ непривычный въ Финляндіи. Декларація провела рѣзкую грань между активистами и конституціоналистами. При всемъ „радикализмѣ“ активистовъ въ вопросахъ тактики, группа эта продолжала оставаться и дѣйствовать въ рамкахъ буржуазнаго класса. Такъ же, какъ и конституціоналистамъ, было ей чуждо массовое движеніе и непонятна та работа, которая спаиваетъ и организуетъ массы. Равнодушно проходятъ активисты мимо соціалдемократіи, стягивающей силы пролетаріата и укрѣпляющей свои позиціи. Активисты, направившіе всѣ свои помыслы въ одну сторону—на борьбу съ русскимъ режимомъ, отворачиваются отъ сложныхъ классовыхъ задачъ соціалдемократіи. Но „новый методъ“ активистовъ дышетъ „старой практикой“ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ,—тѣ же тайныя организаціи, то же геройство единичныхъ личностей, не массъ, тѣ же террористическіе акты и та же относительная слабость и малочисленность партіи, низкій удѣльный вѣсъ ея на политическомъ поприщѣ... Сочувствіе активисты находили больше среди пылкой, увлекающейся молодежи; „солидная публика“ ихъ сторонилась и неодобрительно покачивала головами.

И все же эта группа, пускавшая въ ходъ крайнія средства борьбы, вплоть до террора, вызывала меньшее къ себѣ неодобреніе со стороны буржуазіи, чѣмъ планомѣрная, не выходящая изъ рамокъ „законности“, работа соціалдемократіи.

Въ 1904 г. соціалдемократія впервые приняла участіе въ избирательной кампаніи. Она выставила своихъ кандидатовъ и повела агитацію, поскольку это допускали рамки „исключительнаго положенія“. Какъ велико было уже тогда вліяніе соціалдемократіи, можно судить потому, что, несмотря на неисчислимыя препятствія существовавшей избирательной системы, избрано было три соціалдемократическихъ депутата. Этотъ успѣхъ имѣлъ, однако, болѣе принципіальное, чѣмъ практическое значеніе,—три голоса рабочихъ совершенно тонули въ спѣвшемся буржуазномъ хорѣ.

Побѣду на выборахъ 1904 г. одержали конституціоналисты—они со-

---

[1]) „Författningskamp“, стр. 141.

ставили сеймовое большинство. Населеніе выразило этимъ вотумъ недовѣрія и порицанія сенатской партіи и одобрило тактику „непримиримыхъ“. Побѣда конституціоналистовъ придала бодрости оппозиціи. Несмотря на то, что тронная рѣчь, при открытіи Сейма, не предвѣщала ничего утѣшительнаго, несмотря на то, что „диктатуру“ она оставляла въ полной силѣ и о возстановленіи конституціонныхъ основъ не было и намека, у буржуазіи воскресли иллюзіи мирнаго разрѣшенія конфликта. Въ декабрѣ Сеймъ составилъ новую „великую петицію“ о возстановленіи законнаго порядка въ краѣ и передалъ ее Монарху.

Между тѣмъ въ Россіи разыгрывался первый актъ революціонной драмы: настало 9-го января. Событіе это встрѣтило живой откликъ въ сердцахъ финляндскихъ рабочихъ; 11-го повсемѣстно идутъ митинги, распространяются листки. Примѣшивается и провокація, толпа бьетъ окна въ редакціи „Uusi Suometar“; 12 и 13 уличныя демонстраціи, съ неизбѣжными столкновеніями съ полиціей, продолжаются. Настроеніе повышается. Духовные очи финляндскаго народа обращены съ надеждой на востокъ.... Быстро завязываются, растутъ и крѣпнутъ живыя связи съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ. Вопросъ о національной самостоятельности Финляндіи растворяется въ болѣе широкомъ вопросѣ побѣды русскаго оппозиціоннаго движенія надъ „старымъ режимомъ“.

Въ мартѣ Монархъ подписываетъ свой отвѣтъ на „великую петицію“ Сейма. Въ ней дѣлаются частичныя уступки Финляндіи: дѣйствіе воинскаго закона 1901 г. пріостанавливается, признается принципъ несмѣняемости судей.

Но надо помнить, что между подачей петиціи и отвѣтомъ на нее лежало 9-е января, стачечное движеніе, широкой волной залившее Россію, съѣзды и митинги, вспыхивавшія крестьянскія возстанія... Уступка Финляндіи являлась плодомъ борьбы русской оппозиціи...

Тронутый первыми уступками, Сеймъ поспѣшилъ отблагодарить имперскія власти и выказать свою полную лояльность. Требуемые 10 милліоновъ марокъ, взамѣнъ отбыванія финляндцами воинской повинности, были тутъ же ассигнованы. Этотъ актъ покорности вызвалъ протестъ только со стороны соціалдемократіи и небольшого числа крайнихъ конституціоналистовъ. Но недовольство рабочихъ разбивалось о растущую „корректность“ буржуазіи. Несмотря на продленіе режима диктатуры, несмотря на распущеніе послѣдняго финскаго гвардейскаго баталіона, повторную кассацію коммунальныхъ выборовъ, неугодныхъ русскимъ властямъ, разгонъ мирныхъ собраній и т. п., конституціоналисты позволяли убаюкивать себя иллюзіями мирнаго разрѣшенія Финляндскаго вопроса и какъ будто готовились, идя по стопамъ суометаріанцевъ, помириться на уступкахъ и компромиссахъ.

Чѣмъ же вызывалось такое „смиреніе“ со стороны недавнихъ энергичныхъ борцовъ за обще-національное дѣло? Все тотъ же могущественный, неотвратимый факторъ—классовый расчетъ—вмѣшивался въ создавшуюся политическую ситуацію и усложнялъ картину.

Со времени открытія Сейма 1904 года вокругъ него велась агитаціонная работа соціалдемократіи. На очередь выдвинутъ былъ вопросъ о коренной реформѣ народнаго представительства. Весь 1905 г. окрашивается упорной борьбою рабочаго класса и буржуазіи по вопросу избирательной реформы.

Тщетно пыталась буржуазія разрѣшить проблему собственнаго двоедушія. Ища поддержки въ народѣ въ борьбѣ съ руссификаторской политикой, буржуазія съ возростающей опаской отстранялась отъ массъ и тревожно слѣдила за ростомъ мощи и значенія соціалдемократіи.

19-го февраля 1905 г. соціалдемократія устраиваетъ своего рода смотръ организованной пролетарской арміи. Подъ звуки рабочаго марша, въ строгомъ порядкѣ направляются рабочіе къ Сеймовому дому и здѣсь въ пламенныхъ рѣчахъ требуютъ одновременно: „уничтоженія незаконнаго режима“ и реформы народнаго представительства. Буржуазія сочувственно кивала на первое требованіе и досадливо морщилась на второе. На соціалдемократію стали сыпаться упреки въ „непатріотичности“, въ отсутствіи политическаго такта. Февральская демонстрація не ограничилась Гельсингфорсомъ, она нашла живой откликъ въ провинціи: въ Або, Таммерфорсѣ, Копкѣ, Выборгѣ и т. д. Атмосфера дышала энтузіазмомъ, рѣшимостью; положеніе становилось серьезнымъ. Но буржуазія, расшаркиваясь передъ принципомъ, медлила, затягивала вопросъ.

Въ апрѣлѣ стало обнаруживаться, что обсужденіе реформы клонится явно не въ пользу требованій рабочаго класса. Массы дрогнули. Рабочіе съ развѣвавшимися знаменами: „Долой противниковъ избирательнаго права!“, „Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право“!, „Однопалатная система“! двинулись къ дому Сейма.

Однако и тутъ буржуазія колеблется, ведетъ переговоры, торгуется. Наконецъ выноситъ рѣшеніе: вопросъ объ избирательной реформѣ откладывается до слѣдующаго Сейма. Большей политической безтактности совершить было трудно. Моментъ, когда Сеймъ 1905 г. отказалъ удовлетворить законное требованіе пролетаріата, является рѣшающимъ пунктомъ рабочаго движенія Финляндіи. Съ тѣхъ поръ оно пріобрѣтаетъ удивительную ясность и отчетливость.

Съ неудовольствіемъ слѣдитъ буржуазія за дальнѣйшими шагами рабочихъ, прислушивается къ голосу соціалдемократіи, дѣлающемуся все болѣе отчетливымъ и рѣшительнымъ. Но въ содѣянной ошибкѣ не признается; буржуазія все еще не теряетъ надежды собственными силами раздѣлаться съ „незаконнымъ“ режимомъ.

Лѣто 1905 г. проходитъ для рабочаго класса въ энергичной дѣятельности: по всей линіи идетъ работа углубленія и расширенія организаціи. То тутъ, то тамъ вспыхиваютъ экономическія забастовки—этотъ пробный камень рабочей солидарности. Чутко прислушивается соціалдемократическая пресса къ событіямъ въ Имперіи и гулко отдаются въ сердцахъ Финляндскихъ пролетаріевъ первые раскаты революціонной бури. Но на поверхности все тихо,—работа идетъ въ глубинѣ.

На этомъ фонѣ кажущагося бездѣйствія массъ особенно отчетливо, рельефно выдѣляются выступленія „активистовъ“. Начиная съ февраля 1905 г., слѣдуютъ одинъ за другимъ рядъ террористическихъ актовъ, изъ которыхъ убійство прокурора Іонстена студентомъ Хохенталемъ и покушеніе на Выборгскаго губернатора надѣлало въ свое время всего больше шума [1]). Усвоеніе методовъ борьбы с.-р-овъ повело въ Финляндіи къ событіямъ, въ которыхъ дѣйствительно революціонныя начинанія переплетались съ наглой провокаціей обрусителей. Многія страницы изъ исторіи дѣятельности активистовъ такъ и остались темными и неразгаданными... Достовѣрно одно: тактика и методы борьбы активистовъ въ широкой публикѣ не встрѣчали сочувствія. Исторія же съ судномъ „Джонъ Графтонъ“, долженствовавшимъ доставить боевые запасы, случаи экспропріацій, накрытіе близъ Кеми властями склада ружей и патроновъ, кража динамита, убійство нижнихъ полицейскихъ чиновъ и т. д.—всѣ эти явленія не способствовали росту „симпатіи“ буржуазіи къ активистамъ. Конституціоналисты такъ же, какъ и суометаріанцы, сильно опасались, что „эксцессы“ активистовъ накличутъ новую бѣду на голову націи... Отмѣчалось, что дѣйствія активистовъ—прямой результатъ режима диктатуры. „Таковы плоды сближенія съ Россіей... Того ли ждалъ Бобриковъ“? съ пафосомъ вопрошали конституціоналисты. „Положить предѣлъ „этимъ безобразіямъ“ можетъ только возстановленіе законности“. По мѣрѣ того, какъ дѣйствія активистовъ принимали все болѣе и болѣе наступательный характеръ, по мѣрѣ того, какъ въ массахъ шла спѣшная работа сплоченія силъ, конституціоналисты все ближе пододвигались къ суометаріанцамъ, линяли и правѣли.

---

[1]) См. „Finlands Forfättningskamp“, 1907. стр. 143.

VI.

Октябрьскіе дни 1905 г. 30-го октября—начало «Великой Забастовки». Стачечные комитеты. Попытки соглашенія конституціоналистовъ и соціаллемократіи. Митинги. Резолюціи. 31-го октября—рабочій митингъ на желѣзнодорожной площади. Митингъ конституціоналистовъ въ пожарномъ домѣ. Классовой моментъ. «Красная гвардія» и студенческая милиція. Отставка Сената. Манифестъ 4 ноября. Прекращеніе забастовки.

Октябрьскіе дни застали финляндскихъ рабочихъ въ напряженной, выжидательной позиціи, готовыхъ выступить при первомъ же сигналѣ. Вопросъ о всеобщей забастовкѣ висѣлъ въ воздухѣ, со времени Форссовскаго съѣзда; но это орудіе борьбы расчитывали употребить лишь противъ отечественной буржуазіи. Сигналъ былъ данъ изъ Петербурга, и свое орудіе пролетаріатъ направилъ въ другую сторону.

Петербургъ отрѣзанъ отъ остальной Россіи; сношеніе съ міромъ поддерживается лишь черезъ Финляндію. $^{28}/_{15}$ октября желѣзнодорожный персоналъ на линіи Петербургъ—Выборгъ получаетъ отъ рабочаго комитета изъ Гельсингфорса телеграмму—присоединиться къ русской политической забастовкѣ. Къ вечеру 29-го движеніе на финляндской дорогѣ прекращено. Петербургъ отрѣзанъ отъ всего міра. Начавшаяся съ выраженія сочувствія русскому движенію, желѣзнодорожная забастовка быстро распространяется по всему краю. Это была та искра, которой только и ждало накопившееся раздраженіе цѣлой націи. Быстро, неудержимо разгорѣлась она въ грандіозное пламя, освѣтившее страну краснымъ заревомъ...

Забастовка встрѣтила живой откликъ въ буржуазіи — обычное орудіе борьбы рабочаго класса на этотъ разъ направлено не противъ нея. Исходъ обѣщаетъ событія, которыя могутъ оказаться выгодными прежде всего ей самой. Гельсингфорсъ 30 (17) октября охваченъ лихорадочнымъ, революціоннымъ подъемомъ. Весь городъ на улицѣ; толпы стекаются на желѣзно-дорожную площадь; перехватываются вѣсти изъ Россіи. Рабочіе, съ утра еще отправившіеся въ мастерскія, въ послѣ-обѣденный часъ туда не возвращаются. Соціалдемократы Перттила и популярный лидеръ Матти Куррика, вернувшійся только что изъ Австраліи, созываютъ собранія. Около часа дня трехтысячная толпа стекается къ партійному рабочему дому на Георгіевской улицѣ. Ораторы даютъ краткую характеристику событій въ Россіи и призываютъ къ забастовкѣ. Выносится резолюція: „Всѣмъ сердцемъ поддерживая борьбу за свободу и гражданскія права, какая сейчасъ ведется въ Россіи, собраніе постановляетъ призвать всѣхъ финляндскихъ рабочихъ къ забастовкѣ и избрать комитетъ, для выработки дальнѣйшей программы дѣйствій“ [1]). Тутъ же избирается стачечный комитетъ изъ 8 человѣкъ (изъ нихъ 1 женщина). Первая забота комитета—настоять на закрытіи всѣхъ заведеній, торгующихъ спирт-

[1]) См. „Nationalstrejken i Finland“, стр. 58.

ными напитками; полицеймейстеръ Энеіельмъ удовлетворяетъ требованіе, закрываются не только магазины и кабаки, но и рестораны. Почти одновременно происходитъ митингъ конституціоналистовъ; они, съ своей стороны, избираютъ стачечный комитетъ и выражаютъ готовность на объединеніе съ рабочими. Впервые изъ устъ буржуазныхъ ораторовъ раздается признаніе въ собственномъ безсиліи, впервые рабочій классъ—хозяинъ положенія: къ его голосу прислушиваются, передъ его волей склоняются опытные политическіе дѣятели.

Распространяется слухъ, будто городъ можетъ остаться безъ воды; населеніе встревожено; стачечный рабочій комитетъ успокаиваетъ населеніе и городскую думу, обѣщая заботиться о нуждахъ города. Всѣмъ студенческимъ корпораціямъ предлагается примкнуть къ забастовкѣ. Циркулируетъ резолюція, принятая на дневномъ рабочемъ собраніи: „Рабочіе прекращаютъ работу сегодня и возобновятъ ее только тогда, когда опредѣлится будущее положеніе страны. До тѣхъ поръ ежедневно будутъ происходить митинги на желѣзнодорожной площади, гдѣ завтра же объявятъ результаты переговоровъ съ конституціоннымъ комитетомъ".

Извѣстнымъ становится, что депутація отъ русскихъ солдатъ явилась на собраніе рабочихъ и заявила о рѣшеніи отъ 3 до 4-хъ тысячъ солдатъ не стрѣлять въ толпу, если на то послѣдуетъ распоряженіе. Въ 7 ч. вечера происходитъ вторичное собраніе рабочихъ на Георгіевской улицѣ; толпа такъ велика, что митингъ устраивается на улицѣ. Въ другомъ мѣстѣ (на Андреевской ул.) происходитъ многолюдное собраніе типографскихъ рабочихъ.

Стачечный комитетъ заявляетъ желѣзно-дорожному начальству, что „постановлено въ 12 ч. прекратить движеніе". Послѣ долгихъ переговоровъ высшій желѣзно-дорожный персоналъ, вмѣстѣ съ начальникомъ движенія Вуоренгеймомъ, уступаютъ и въ 12 ч. ночи жизнь на линіяхъ прекращается. Происходитъ митингъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ; резолюція носитъ соціалистическій характеръ: выставляется рядъ экономическихъ требованій (8 ч. раб. дня, нормировка заработной платы, введеніе страхованія и т. д).

Собранія идутъ и у студенчества. Политехники постановляютъ: „Мы, студенты политехникума въ Гельсингфорсѣ, рѣшили прервать наши занятія и этимъ выразить сочувствіе освободительному движенію въ Россіи, а также осужденіе произволу и насилію, творимому надъ Финляндіей".

Студенчество шлетъ свою делегацію на вечернее рабочее собраніе и сообщаетъ о своемъ рѣшеніи примкнуть къ забастовкѣ. Заявленіе встрѣчается съ энтузіазмомъ.

Въ 5 ч. происходитъ учительскій митингъ; выносятъ рѣшеніе—поддерживать забастовку.

И все же, несмотря на духъ единенія, насыщающій революціонную атмосферу, острые углы классоваго антагонизма даютъ себя чувствовать. На

первомъ же совѣщаніи стачечныхъ комитетовъ трудность соглашенія отчетливо обнаруживается. Антагонизмъ двухъ основныхъ общественныхъ группъ выступаетъ по первому же и наиболѣе существенному пункту: требованіе рабочихъ о немедленномъ созывѣ учредительнаго собранія на основѣ пятичленной формулы не встрѣчаетъ сочувствія. Конституціоналисты приводятъ обычныя возраженія: въ принципѣ никто не споритъ съ этимъ требованіемъ, вопросъ лишь въ практической его осуществимости. Другіе выражаются яснѣе: рабочіе составляютъ незначительную часть населенія, ихъ требованія еще не есть „воля народа“. Суометаріанцы поддерживаютъ конституціоналистовъ. Придти къ соглашенію такъ и не удается; оба комитета рѣшаютъ выпустить отдѣльныя резолюціи и лишь координировать дѣйствія. Фактически, однако, стачечное движеніе въ рукахъ рабочихъ.

Въ тотъ же вечеръ происходитъ собраніе городскихъ уполномоченныхъ. Здѣсь то же—столкновеніе непримиримыхъ классовыхъ противорѣчій. Вопросъ идетъ о новомъ составѣ правительства (Сенатъ, статсъ-секретарь и т. д.), раздаются голоса, подчеркивающіе необходимость избранія людей, „знающихъ толкъ“ въ вопросахъ управленія. Уполномоченные торгуются съ рабочимъ комитетомъ по поводу продолжительности забастовки, необходимости распространенія ея на газовые заводы и электрическую станцію и т. д. Чувствуется обоюдное раздраженіе. Делегатъ рабочаго комитета заявляетъ наконецъ, что сотрудничество съ конституціоналистами не можетъ состояться, такъ какъ требованія рабочихъ не находятъ сочувствія. Городскіе уполномоченные выносятъ постановленіе—*пока* не высказываться за распространеніе стачки, образовать нѣчто вродѣ освѣдомительнаго бюро, возложить на вновь созванный Сеймъ рѣшеніе вопроса о дальнѣйшихъ реформахъ. 30 голосами противъ 11-ти постановленіе принимается. Недовольство другъ другомъ очевидное; рабочіе покидаютъ залъ съ чувствомъ разочарованія, конституціоналисты возмущены тѣмъ, что рабочіе заняты не національнымъ дѣломъ, а преслѣдуютъ узкія „партійныя цѣли“.

Высшаго напряженія достигаетъ стачечная волна 31 (18) октября. Забастовка по странѣ всеобщая. Площадь желѣзно-дорожная густо усѣяна толпою. Фабрики, мастерскія, бюро все закрыто. Угромъ еще выходятъ газеты, впервые не извѣдавшія цензорскаго карандаша. Но послѣ утренняго совѣщанія типографскіе рабочіе объявляютъ забастовку. По иниціативѣ рабочаго комитета созывается многолюдный митингъ полицейскихъ. Выносится рѣшеніе: примкнуть къ забастовкѣ и требовать созыва учредительнаго собранія [1]). Вѣсть о манифестѣ 17-го октября подымаетъ настроеніе и даетъ новыя надежды. Бастуютъ школьники, бездѣйствуетъ почта.

Опять почти одновременно происходятъ два митинга: конституціона-

[1]) „Nationalstrejken“, стр. 121.

листовъ и рабочихъ. Собираются и суометаріанцы, избираютъ собственный комитетъ и рѣшаютъ поддерживать движеніе. На желѣзно-дорожной площади 40 тыс. толпа съ энтузіазмомъ выслушиваетъ соціалдемократическихъ ораторовъ.

Надъ толпой колышется запретный флагъ: желтый съ краснымъ. Выносится резолюція, требующая „четырехъ свободъ“, созыва Учредительнаго Собранія для выработки новой системы народнаго представительства, основанной на равномъ, прямомъ, тайномъ и всеобщемъ избирательномъ правѣ всѣхъ гражданъ и гражданокъ, достигшихъ 21 года, отмѣны „Бобриковскаго режима“. Комитетомъ объявляется, что съ конституціоналистами не удалось вступить въ соглашеніе, ввиду ихъ несогласія присоединиться къ требованію созыва Учредительнаго Собранія. Тутъ же при взрывѣ воодушевленія, принимается рѣшеніе сорганизовать національную или „красную гвардію.“ Такое же восторженное одобреніе встрѣчаетъ требованіе амнистіи политическихъ и уравненія евреевъ въ гражданскихъ правахъ.

Огромная толпа направляется къ дому генералъ-губернатора, гдѣ находятся суометаріанскіе сенаторы. Депутація конституціоналистовъ требуетъ отставки сената, несмѣтная толпа поддерживаетъ выставленное требованіе. Передъ революціоннымъ подъемомъ отступаютъ сами испытанные вожаки примиренческой политики, сенаторы-креатуры Бобрикова. Съ балкона освѣщаемые колеблющимся свѣтомъ двухъ канделябръ, съ трудомъ заглушая свистки и крики, возвѣщаютъ они о своей „добровольной“ отставкѣ. Заявленіе встрѣчается криками восторга.

Между тѣмъ въ пожарномъ домѣ идетъ колоссальнѣйшій митингъ конституціоналистовъ. Присутствуютъ и представители другихъ партій. Рельефно, при всемъ желаніи конституціоналистовъ сохранить ореолъ борцовъ за общенаціональное дѣло, выступаетъ „классовая подоплека“, окрашивающая и пренія, и резолюціи оппозиціонной партіи. И здѣсь, какъ на митингѣ рабочихъ, центральный вопросъ составляетъ предстоящая реформа государственнаго управленія. Но въ то время, какъ рабочіе выдвигаютъ въ первую очередь обезпеченіе за націей гражданскихъ свободъ и созывъ демократическаго народнаго представительства для выработки дальнѣйшихъ реформъ, конституціоналисты топчутся на старомъ мѣстѣ, боясь перешагнуть „завѣтную черту“, опасаясь сдвига въ сторону демократіи. Дебаты сосредоточиваются по преимуществу на вопросѣ о перемѣнѣ состава высшихъ должностныхъ лицъ: сенаторовъ, статсъ-секретаря, генералъ-губернатора.

Диссонансъ вноситъ резолюція, принятая на желѣзнодорожной площади и внесенная на митингъ конституціоналистовъ Арвидомъ Мернэ. Ее встрѣчаетъ рѣзкій отпоръ, явная враждебность. „Принятіе резолюціи грозитъ такими опасными послѣдствіями для родины, какія сейчасъ даже трудно редставить“... „Представители рабочихъ толкуютъ намъ о своей силѣ; можемъ

ли мы быть убѣжденными, что эта сила направится не противъ насъ?“ вопрошаетъ конституціоналистъ Мексмонтанъ. „То, что рабочіе понимаютъ подъ своимъ правомъ, можетъ быть крайне опаснымъ для всего общества“. Карты понемногу раскрываются. Резолюцію, внесенную Мернэ, предсѣдатель пробуетъ снять съ очереди на формальномъ основаніи. Атмосфера разгорячается. Снова, въ минуту наивысшаго патріотическаго воодушевленія, классовый моментъ вноситъ свой кричащій диссонансъ Умѣренные голоса заглушаютъ радикальныхъ конституціоналистовъ; популярному редактору Больдту не даютъ говорить. Идетъ борьба не съ „внѣшними силами“ только, внутреннія противорѣчія раздираютъ собраніе...

Наконецъ выносится и принимается резолюція въ духѣ конституціоналистовъ: отмѣна режима диктатуры, замѣщеніе всѣхъ высшихъ административныхъ чиновъ (въ томъ числѣ генералъ-губернатора) лицами преданными конституціи края, возвращеніе высланныхъ финляндскихъ гражданъ и т. д. По основному вопросу реорганизаціи государственнаго управленія принимается пунктъ о созывѣ новаго Сейма, которому и поручается выработать основы демократическаго народнаго представительства (безъ обозначенія одно-или двухъ-палатной системы), при отвѣтственности исполнительной власти и при утвержденіи въ странѣ четырехъ гражданскихъ свободъ [1]). Линія конституціоналистовъ ясно намѣчается. Быть можетъ, классовый антогонизмъ никогда съ такой отчетливостью не выступалъ въ Финляндіи, какъ въ эти памятные дни.

Цѣлый рядъ „инцидентовъ“ нарушаетъ кажущуюся гармонію задачъ обще-народной милиціи. Студенчество и рабочіе организуются отдѣльно, образуя кадры патрулей, отряды для обороны города и санитарные. Съ изумительной настойчивостью добиваются конституціоналисты избранія своего человѣка Гордія на постъ главнаго начальника надъ обоими кадрами народной милиціи—студенческой и „красной“ рабочей гвардіи. Портной Луото, иниціаторъ организаціи „красной гвардіи“, и Матти Куррика, однако, выдвигаютъ „краснаго капитана“ Кока, какъ болѣе близкаго по духу рабочимъ. Цѣлый рядъ мелкихъ интригъ со стороны конституціоналистовъ ярко обрисовываетъ, насколько выборъ „краснаго капитана“ не отвѣчалъ ихъ планамъ. Значительно спокойнѣе чувствовали бы себя конституціоналисты, еслибы командованіе надъ вооруженными и сорганизованными рабочими отрядами находилось въ надежныхъ рукахъ конституціоналиста. Въ избыткѣ патріотизма конституціоналисты пускаются на весьма сомнительныя по моральной цѣнности средства борьбы; вопросъ о „гегемоніи“ какъ будто заслоняетъ не менѣе острый вопросъ о побѣдѣ націи. Въ одинъ изъ наиболѣе жаркихъ дней, 1-го ноября

[1]) „Storstrejken“, стр. 167.

(19 октября), когда весь городъ охваченъ страхомъ передъ возможной бомбардировкой, конституціоналисты распускаютъ слухъ о бѣгствѣ Кока. Дѣлаютъ они это въ ту самую минуту, когда стойкость и дисциплиина „красной гвардіи“ представляетъ единственную опору. Пользуясь общей растерянностью, они снова пытаются выдвинуть Гордія. Рабочіе отвѣчаютъ, что они готовы встать подъ начальствомъ хотя бы Гордія, лишь бы онъ открыто и честно обѣщался защищать интересы рабочаго класса. Это условіе показалось непріемлемымъ, возвращеніе же мнимо-пропавшаго Кока положило конецъ неумѣстной интригѣ конституціоналистовъ. Еще болѣе печальный инцидентъ имѣлъ мѣсто 6-го ноября (24 октября): командующему студенческой милиціей Теслову пришло ложное донесеніе о томъ, что рабочіе „взбунтовались“ и производятъ уличные безпорядки. Между тѣмъ дѣло шло лишь о закрытіи магазиновъ, которые послѣ обнародованія манифеста открывались безъ разрѣшенія стачечнаго комитета. Не разобравъ въ чемъ дѣло, Тесловъ со студенческимъ отрядомъ „храбро“ выступилъ въ походъ на „чернь“. Нетактичность свою Тесловъ подчеркнулъ еще тутъ же выраженной студенческой милиціи благодарностью за ея „храбрость“ и готовность усмирить бунтовщиковъ [1]).

Острые углы классоваго антагонизма нарушаютъ такимъ образомъ стройность картины обще-національной борьбы. Но настроеніе не падаетъ, народъ твердо рѣшилъ бороться до конца.

Между конституціоналистами и соціалдемократіей ведутся непрерывные переговоры. Соціалдемократія отказывается отъ своего требованія немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія, но лишь послѣ того, какъ получаетъ торжественное обѣщаніе буржуазіи провести черезъ Сеймъ коренную реформу народнаго представительства.

Цѣлую недѣлю царитъ въ Финляндіи „великая національная забастовка“. Происходитъ она съ соблюденіемъ полнѣйшей тишины и спокойствія, порядокъ охраняетъ „красная гвардія“, русскія войска бездѣйствуютъ, впрочемъ въ нихъ надобности и не ощущается.

31 (18) октября проектъ манифеста, составленный конституціоналистами и снабженный благопріятнымъ заключеніемъ ген.-губ. Оболенскаго, отправленъ Монарху. Въ ожиданіи отвѣта царитъ напряженная, лихорадочная тревога, усиливающаяся при полной отрѣзанности отъ міра. Всѣ способы сообщенія прерваны.

Манифестъ 4-го н., возвѣщающій о возстановленіи конституціонныхъ основъ въ странѣ, 5 ноября распубликовывается по странѣ. Нація спѣшно возвращается къ жизни.

Буржуазія возликовала. Но рабочій классъ съ естественнымъ недовѣріемъ отнесся къ обѣщаніямъ манифеста, не дававшимъ никакихъ гарантій

---

[1]) „Семь дней всеобщей забастовки“ — Кокъ. (Seitsmän päivää Keskusasemalla).

на будущее. Пролетаріатъ сознавалъ, какъ шатки всѣ надежды на водвореніе истинно-конституціонныхъ началъ въ Финляндіи, пока „законность“ не утвердилась въ самой Имперіи, пока тамъ царитъ „старый режимъ“. Соціалдемократія настаивала на продолженіи забастовки. Лишь послѣ того, какъ побѣдный шумъ буржуазіи поколебалъ стойкость бастующихъ, рѣшилъ „стачечный комитетъ“ прекратить „великую забастовку“.

На этомъ событіи закончился лишь „первый актъ“ борьбы за національную самостоятельность Финляндіи. Что касается рабочаго движенія, то борьба съ отечественной буржуазіей за равныя политическія права послѣ октябрьскихъ дней лишь вступила въ новую, болѣе напряженную фазу.

VII.

Вопросъ о реформѣ народнаго представительства. Борьба рабочихъ съ буржуазіей. Конституціоналисты у власти. Работа—на два фронта. Уступки Имперскимъ властямъ. Новый Сеймовый Уставъ 7 іюля 1906 г. Законопроекты буржуазнаго Сейма 1906 г.

Какъ только критическій моментъ былъ пережитъ, буржуазія забила отбой. Изъ лагеря конституціоналистовъ и суометаріанцевъ слышались одни и тѣ же соображенія: необходимо соблюдать „осторожность“, не хватать черезъ край; доказывалось преимущество двухъ-палатной системы, 25-ти лѣтняго возраста для избирателей и т. д. Декабрьскіе дни въ Москвѣ, крестьянскія волненія, волна забастовочнаго движенія, не улегшаяся въ Россіи,—всѣ эти симптомы парящаго въ воздухѣ „краснаго призрака“ заставили финляндскую буржуазію быстро изгладить изъ памяти недавній антагонизмъ съ имперскими властями и искать въ нихъ сотрудничества противъ „внутреннихъ враговъ“.

Новый „конституціонный сенатъ“, смѣнившій податливыхъ суометаріанцевъ, для успокоенія умовъ привлекъ къ сотрудничеству соціалдемократа, депутата Кари. Но, такъ какъ Сенатъ являлся органомъ административнымъ, привлеченіе это вызвало конфликтъ въ рядахъ соціалдемократіи. „Le cas Kari“ надѣлалъ шуму и соціалдемократія исключила сенатора Кари изъ партіи.

Пролетаріатъ Финляндіи вообще настроенъ былъ рѣшительно и непримиримо. Послѣ того, какъ онъ на своихъ плечахъ вынесъ всю тяжесть освободительной борьбы, послѣ того, какъ буржуазія сама признавала его заслуги въ дѣлѣ возстановленія конституціонныхъ началъ въ странѣ, та же буржуазія пыталась обойти рабочій классъ, лишить его по прежнему участія въ политической жизни. Что настроеніе рабочихъ держалось высоко и послѣ

октябрьскихъ дней, показываетъ Таммерфорскій съѣздъ. Съѣздъ постановилъ 191 голосомъ противъ 96 бойкотировать выборы въ слѣдующій Сеймъ и выставилъ снова лозунгъ Учредительнаго Собранія. Это были отзвуки все того же настроенія, которое до весны 1906 г. царило и въ средѣ русскаго пролетаріата. На спеціальномъ собраніи постановлено было подготовлять всеобщую забастовку, какъ орудіе борьбы противъ упорной буржуазіи. Экономическія стачки въ Финляндіи, такъ же, какъ и въ Россіи, слѣдуютъ въ 1906 г. одна за другою. Металлистамъ и типографскимъ рабочимъ удается ввести коллективный договоръ, повысить расцѣнку, сократить рабочій день. Бастуютъ не одни промышленные рабочіе, движеніе перекидывается въ деревню, захватываетъ впервые покорныхъ и порабощенныхъ сельскихъ пролетаріевъ. Съ недоумѣніемъ встрѣчаютъ шведоманскіе и суометаріанскіе помѣщики отпоръ со стороны торпарей, батраковъ и бобылей... Вліяніе соціалдемократіи въ деревнѣ ростетъ, аграрный пролетаріатъ организуется, вступаетъ въ ряды соціалдемократіи.

Становится очевиднымъ, что государственная машина развинтилась и что призваннымъ къ власти конституціоналистамъ выпала на долю благая часть—починить механизмъ, испорченный рукою неумѣлыхъ механиковъ.

Въ концѣ февраля сенатская комиссія, при участіи трехъ соціалдемократовъ, закончила законопроектъ новаго Сеймоваго Устава. Но когда проектъ отправленъ былъ на разсмотрѣніе особой комиссіи въ Петербургѣ, явилось естественное опасеніе, не переданъ ли туда законопроектъ со спеціальной цѣлью похоронить его въ сообществѣ Имперской Комиссіи? Для успокоенія умовъ, сословія обратились къ Сенату, съ просьбою ускорить движеніе законопроекта. Но тревога этимъ не уменьшилась. Въ странѣ царило безпокойство...

Наконецъ 7 (20) іюля Монархъ подписалъ Новый Сеймовый Уставъ; побѣда, какъ будто, на сторонѣ пролетаріата [1]). Но ликованія нѣтъ, усложняющіяся событія въ Россіи, новый натискъ реакціи не предвѣщаетъ безмятежнаго будущаго для Финляндіи. Можетъ ли финскій пролетаріатъ расчитывать на удержаніе своихъ только что пріобрѣтенныхъ правъ, если побѣда по ту сторону границы останется за „бюрократіей“. Можно ли надѣяться, что отечественная буржуазія, при первомъ удобномъ случаѣ, не попытается отнять у рабочаго класса его завоеванія? Отношенія между пролетаріатомъ и буржуазіей непрерывно обостряются. Въ отвѣтъ на растущую

[1]) Въ основу народнаго представительства Финляндіи положена одно-палатная система. Выборы двухсотъ депутатовъ отъ 16-ти избирательныхъ округовъ производятся каждые 3 года. Активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользуются, за незначительными исключеніями, всѣ лица мужского и женскаго пола, которымъ исполнилось 21 годъ. Принятъ принципъ „пропорціональнаго представительства“.

„красную гвардію“, буржуазія организуетъ свою милицію—„бѣлую гвардію“. Экспропріаторскія попытки и отдѣльные террористическіе акты, непрекращавшіеся и въ 1906 г., даютъ поводъ обвинять рабочихъ въ „разнузданности“, „мошенничествѣ“, „кровожадности“... Буржуазія, въ своемъ недовѣріи къ рабочему классу, готова превзойти изобрѣтательность руссификаторовъ—въ отвѣтъ на рабочія забастовки, предлагается прибѣгнуть къ грандіозному локауту. „Конституціонный“ Сенатъ нагайками усмиряетъ голодныхъ стачечниковъ—торпарей въ Лаука. „Hufvudstadtbladet“ договаривается до необходимости строгихъ законовъ, ставящихъ границы рѣчамъ и дѣйствіямъ, угрожающимъ «общественной безопасности.» Въ воздухѣ запахло закономъ противъ соціалистовъ. Уступивъ въ вопросѣ избирательной системы, буржуазія тѣмъ отчетливѣе старается „подобрать возжи“, показать и низамъ, и Имперской власти, что у кормила правленія стоятъ опытные кормчіе.

По ту сторону Сестры-рѣки „старый режимъ“ неожиданно подымаетъ голову; еще 7-го іюля Монархъ подписываетъ Новый Сеймовый Уставъ, а уже 9-го іюля распускается первая Дума. Избранники народа русскаго спѣшатъ подъ гостепріимный кровъ сосѣдней націи, гдѣ у власти ихъ недавніе соратники по оппозиціи. Но двери „конституціонной“ страны закрываются передъ незванными гостями. Конституціонный Сенатъ спѣшитъ проявить свою лояльность и этимъ отблагодарить за дарованныя блага.

Свеаборгскія событія 17-го іюля, участіе въ нихъ отколовшейся отъ соціалдемократіи „красной гвардіи“, кровавое столкновеніе буржуазной милиціи съ „гвардіей“ капитана Кока, дали новый поводъ для примѣненія „разумныхъ“ государственныхъ мѣръ противъ „низовъ“. Въ Свеаборгѣ арестовываютъ 80 человѣкъ красногвардейцевъ, которыхъ немедленно же отдаютъ подъ судъ. Капитанъ Кокъ бѣжитъ за границу, Сенатъ же спѣшитъ издать постановленіе о роспускѣ „красной гвардіи“. Ея существованіе становится опаснымъ не для однихъ руссификаторовъ.

Шхунѣ „Петерсъ“ удается перевести въ Финляндію боевые припасы, циркулируютъ слухи о тайной организаціи анархистскаго типа „Воймы“ (“Сила“), имѣютъ мѣсто отдѣльные случаи экспропріаціи; русскіе оппозиціонеры, преслѣдуемые правительствомъ, ищутъ убѣжища въ Финляндіи; достаточно этихъ явленій, чтобы Сенатъ рѣшительно пошелъ на встрѣчу Имперскимъ властямъ. 17-го ноября 1906 г. финляндскій Сенатъ разсылаетъ генералъ-губернаторамъ циркуляръ, по которому должны производится аресты русскихъ „политическихъ преступниковъ“ и выдачи ихъ русскимъ властямъ. Уставъ Общества „Воймы“, поданный на утвержденіе въ Сенатъ, разумѣется, не разрѣшается,—обществу предписываютъ „распуститься“.

При выработкѣ основныхъ законовъ гражданскихъ свободъ, сословія голосуютъ за пунктъ, запрещающій ношеніе оружія; законъ о печати урѣзываетъ

права рабочей прессы; законъ о союзахъ и собраніяхъ редактируется со всей осторожностью, на какую способенъ классъ, ограждающій свои специфическіе интересы.

Конституціонный Сеймъ энергично работаетъ на два фронта, встрѣчая поддержку Сената. Но „тонкая политика“ конституціоналистовъ съ ихъ галантной сговорчивостью мало чѣмъ отличается отъ грубаго лакейства старофинновъ. И все же сколько ни забѣгаютъ конституціоналисты на встрѣчу Имперскимъ властямъ, неизбѣжность новаго конфликта становится очевидной.

VIII.

Избирательная кампанія 1907 г. на основѣ новаго Сеймоваго Устава. Перегруппировка общественныхъ элементовъ. Составъ и характеръ политическихъ партій «по-реформеннаго» періода. Соціалдемократія; ея политическая изолированность. Результаты выборовъ въ четыре послѣдовательныхъ Сейма.

Ко времени первой избирательной кампаніи въ 1907 г. на основѣ новаго Сеймоваго Устава, въ партійной группировкѣ Финляндіи произошли снова замѣтныя перемѣны. Измѣнившіяся условія момента, выдвигнули потребность въ рядѣ новыхъ мѣропріятій и произвели крупную перетасовку общественныхъ группъ; притокъ свѣжихъ элементовъ къ политической жизни измѣнилъ характеръ старыхъ партій. Снова въ первую очередь выдвинула жизнь запросы соціально-политическіе, оттѣснивъ на время вопросъ національной политики. Многообразныя потребности соціальныхъ группъ различныхъ оттѣнковъ искали своихъ выразителей. Старыя партіи распадались, видоизмѣнялись, рядомъ возникали новыя.

Прежде всего распалась на свои составные элементы партія „конституціонная“. Шведы обособились отъ финновъ. Но и у шведомановъ дѣло вовсе не обстояло гладко. Съ тѣхъ поръ, какъ шведскіе вожди очутились у власти и опытной рукой направляли курсъ политической жизни страны, надъ шведоманами сталъ витать призракъ раскола. Добравшись до власти, лидеры конституціонализма обратились въ клику истыхъ бюрократовъ, покорно гнувшихъ спину передъ каждымъ внушительнымъ окрикомъ сверху. Но оппозиціонному знамени измѣнили не одни вожди, классовые интересы замѣтно тянули шведомановъ вправо. Напрасно боролась съ теченіемъ группа „младо-шведовъ“, напоминая о запросахъ шведской демократіи. „Викинги“ мечтали только объ одномъ—вернуть положеніе вещей, существовавшее до 1898 г. Популярный вождь шведомановъ Аксель Лиллэ сумѣлъ собрать подъ общее знамя начавшихъ расползаться шведомановъ. Спасеніе многовѣковой шведской культуры отъ натиска финновъ,—таковъ былъ собирательный лозунгъ. Образова-

лась новая „Шведская Народная Партія“ или „народная партія безъ народа“, какъ острили на ея счетъ. Умѣренные элементы поглотили радикальныхъ младо-шведовъ; ядро партіи осталось прежнимъ—крупная буржуазія, родовитое дворянство.

Суометаріанцы послѣ октябрьскихъ дней пережили не меньшую эволюцію, чѣмъ „конституціоналисты“. Но въ то время, какъ крупная буржуазія увлекла шведомановъ вправо, здоровое ядро крестьянства заставило суометаріанцевъ шагнуть влѣво. Налетъ бюрократизма, окрашивавшій „сенатскую“ партію, стерся подъ вліяніемъ живыхъ запросовъ населенія. Попрежнему ядро суометаріанцевъ составляло „третье сословіе“ — средняя и мелкая городская буржуазія, духовенство и крестьянство, прочно осѣвшее на землѣ, сознающее свои права на нее. Избирательная кампанія 1907 г., широко открывшая двери передъ демократическими элементами населенія, заставила суометаріанцевъ выступить съ весьма радикальной, деталированной программой; соціальнымъ реформамъ, и среди нихъ вопросу аграрному, отводилось наиболѣе крупное и замѣтное мѣсто [1]). Программа пестрѣла радикальными требованіями: надѣленіе землей безземельныхъ, пересмотръ „ареннаго закона“, реформа коммунальнаго самоуправленія, охрана труда (общія пожеланія), страхованіе рабочихъ, улучшеніе жилищныхъ условій пролетаріата и т. д. Въ своей программѣ суометаріанцы шагнули значительно дальше по пути радикализма, чѣмъ сами прогрессивные младо-финны, оставивъ, разумѣется, далеко позади „шведскую народную партію“. Эта истинная выразительница интересовъ капиталистовъ и собственниковъ даже не потрудилась включить „рабочихъ требованій“ въ свою программу и ограничилась однимъ заманчивымъ обѣщаніемъ „дѣятельно работать для поднятія экономическаго благосостоянія шведскаго населенія, для пробужденія его политическаго самосознанія и для уничтоженія той пропасти, что отдѣляетъ образованный классъ отъ шведскихъ народныхъ элементовъ“ (пунктъ 4).

Но ново-явленный радикализмъ старо-финновъ такъ и остался „писанной деклараціей“: когда дѣло доходило до жизненной практики, Суомета-

---

1) Аграрныя реформы, вообще, заняли во всѣхъ партійныхъ программахъ, за исключеніемъ „шведской народной партіи“, одно изъ крупнѣйшихъ мѣстъ. Это была неизбѣжная дань моменту. Пока сельскій пролетаріатъ молча и покорно сносилъ свое экономическое иго, буржуазія съ нескрываемой враждебностью встрѣчала „утопическія“ аграрныя требованія соціалдемократіи. Но пронесся надъ страною революціонный ураганъ и всколыхнулъ пассивные массы безземельныхъ. Вспыхнули аграрныя стачки. Торпари — эти покорные рабы землевладѣльцевъ—собрались на собственный съѣздъ. Сельско-хозяйственныя рабочіе стали спѣшно организовываться въ союзы. Вчера еще забитый, безправный сельскій пролетаріатъ, всѣ эти постояльцы, бобыли, торпари, что покорно гнули спину даже передъ крестьяниномъ-собственникомъ, пріобрѣли значеніе политической силы: ихъ сто-тысячные голоса рѣшали исходъ избирательной битвы. Мудрено ли что программы буржуазныхъ партій запестрѣли аграрными требованіями?

ріанцы не выказывали никакого стремленія передвинуться „влѣво“. Ставился ли вопросъ о реформѣ коммунальнаго самоуправленія, шло ли дѣло объ арендномъ законѣ, объ охранѣ труда, о „запретительномъ законѣ (ограниченіи продажи спиртныхъ напитковъ), суометаріанцы неизмѣнно противорѣчили собственнымъ программнымъ требованіямъ [1]). Что касается ихъ политики въ національномъ вопросѣ, то, казалось, безполезность тактики уступокъ ихъ ничему не научила. Впрочемъ, можно ли удивляться этому, зная, что суометаріанцами руководила не столько преданность Имперіи, сколько антагонизмъ по отношенію къ шведской аристократіи? Чтобы свалить шведскій конституціонный сенатъ и добраться до упущенныхъ портфелей, суометаріанцы подводятъ народное представительство подъ роспускъ: воздерживаясь отъ голосованія интерпелляціи, обращенной Сеймомъ къ Сенату, даютъ перевѣсъ формулѣ соціалистовъ. По ихъ винѣ распущенъ былъ первый Сеймъ.

Однако, много ли больше заслугъ въ вопросѣ защиты національной самостоятельности у другихъ буржуазныхъ партій?

Достаточно вспомнить ту поспѣшность, которую всѣ буржуазныя группы Сейма выказали хотя бы по вопросу объ ассигновкѣ 20 милл. мар. на военныя нужды Имперіи. Сами законники-конституціоналисты являлись на этотъ разъ горячими защитниками противорѣчащей „основамъ“ уступкѣ...

Одна соціалдемократія стояла на этотъ разъ на стражѣ „законности“ и защищала конституціонныя начала противъ самихъ бывшихъ конституціоналистовъ.

Въ близкомъ сосѣдствѣ съ суометаріанцами стоялъ „Аграрный Союзъ“, партія чисто крестьянская, защищающая и выражающая несравненно отчетливѣе интересы мелкаго землевладѣнія. Въ области политики она строго конституціонна, а на почвѣ соціальныхъ реформъ — соприкасается съ соціалдемократіей, не признавая, однако, ея теоретическихъ предпосылокъ.

Что касается „младо-финновъ“, отколовшихся вновь отъ конституціоналистовъ, то послѣ полѣвѣнія старо-финновъ формальная разница между обѣими финскими партіями весьма не велика. Получился даже такого рода курьезъ: младо-финны въ цѣломъ рядѣ вопросовъ оказались менѣе прогрессивными, чѣмъ старо-финны; напр., при реформѣ коммунальнаго самоуправленія программа старо-финновъ требуетъ избирательнаго права для всѣхъ совершеннолѣтнихъ, младо-финны же лишь для плательщиковъ налоговъ. Соціально-политическія требованія младо-финновъ скромнѣе и осторожнѣе многообѣщающей программы старо-финновъ и лишь въ вопросѣ финансовыхъ

---

[1]) Подробнѣе о партійной группировкѣ въ Финляндіи послѣ революціи см. „Politische und nationale Pateigruppierung in Finland“.—Martna, „Neue Zeit“, 1909, № 39 и „Новый финляндскій парламентъ“—А. Коллонтай, „Образованіе“ 1908.

реформъ они идутъ дальше, требуя коренного измѣненія налоговой системы, введенія подоходнаго обложенія и т. д.

Но, разумѣется, характеръ партіи опредѣляется не столько ея писанной программой, сколько ея классовымъ составомъ. Несмотря на притокъ демократическихъ элементовъ, партія старо-финновъ была и остается партіей средней буржуазіи, тогда какъ скелетъ младо-финновъ образуетъ по преимуществу интеллигенція, со слабой примѣсью мелкой городской буржуазіи. Отсюда ея относительное безсиліе. Отъ естественнаго умиранія спасаетъ младо-финновъ „угодливая“ тактика старо-финновъ; младо-финны вѣрны себѣ—въ политикѣ они попрежнему радикалы и стоятъ на крайней лѣвой, въ отдѣльныхъ пунктахъ соприкасаясь съ соціалдемократіей.

И все же положеніе соціалдемократіи въ странѣ обособленное. Въ политикѣ она не только энергичная защитница національной автономіи, безъ малѣйшихъ компромиссовъ и уступокъ съ русской реакціей, но и единственная партія, доводящая требованія демократизаціи государственнаго строя до логическаго конца: развитіе прерогативъ Сейма въ духѣ истиннаго парламентаризма, установленіе отвѣтственности исполнительной власти, расширеніе бюджетнаго права и т. д. Въ области соціальной политики она выдвигаетъ рядъ коренныхъ реформъ: по вопросу земельныхъ отношеній, страхованію рабочихъ, измѣненію налоговой системы, охранѣ труда, реформѣ мѣстнаго самоуправленія и т. д.

На всѣхъ четырехъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, сеймовыхъ выборахъ большинство голосовъ избирателей и относительное большинство мѣстъ въ Сеймѣ неизмѣнно оставалось за соціалдемократіей.

Количество голосовъ и мѣстъ въ Сеймѣ, полученныхъ разными партіями.

	1907 годъ число		1908 годъ число		1909 годъ число		1910 годъ число	
	голосовъ	мандатовъ	голосовъ	мандатовъ	голосовъ	мандатовъ	голосовъ	мандатовъ
Соціалдемократія .	329 946	80	310 082	83	336 895	84	314 931	86
Суометаріанцы . .	243 573	59	205 633	54	199 235	48	173 537	42
Младо-финны . . .	121 604	25	114 819	27	121 721	28	113 586	28
Шведы	112 267	24	103 307	25	104 010	25	107 065	26
Аграрный Союзъ .	51 242	10	48 667	9	56 649	13	58 981	17
Христіан. рабочіе .	13 801	2	20 553	2	23 019	2	17 149	1

Если принять во вниманіе, что промышленный рабочій классъ Финляндіи въ 1907 г. едва достигалъ 135.000 человѣкъ (вмѣстѣ съ семьями 288.343 человѣка, или 10% всего населенія), на прибл. 2.700 тыс. жителей, то успѣхи соціалдемократіи начинаютъ казаться загадочными. Однако, нетрудно найти ключъ къ этому не совсѣмъ очевидному явленію. Двѣ основныя причины, независимо отъ энергичной агитаціи соціалдемократіи, способствовали ея удачѣ: обиліе сельскаго пролетаріата и отчетливая классовая тактика партіи. За предшествовавшіе годы борьбы съ землевладѣльцами сельскіе пролетаріи научились видѣть въ соціалдемократіи единственную послѣдовательную защитницу ихъ интересовъ; партія не ограничивалась бумажными деклараціями, но на жизненной практикѣ проводила свои принципы, грудью впередъ бросаясь въ самыя жаркія схватки. Съ другой стороны, не было другой партіи въ Финляндіи, чья политическая позиція по отношенію къ имперской власти носила бы такой отчетливый характеръ, чѣмъ у соціалъ-демократіи. Это была единственно-оппозиціонная партія въ полномъ смыслѣ слова, безъ увертокъ и компромиссовъ; отсюда растущее къ ней довѣріе народа. Вліяніе соціалдемократіи возрастало за счетъ буржуазныхъ партій: чѣмъ гибче становилась ихъ политика и чѣмъ тверже и устойчивѣе была тактика соціалдемократовъ, тѣмъ сильнѣе отливали отъ нихъ массы и тѣмъ выше подымалась волна симпатіи къ соціалдемократіи.

Тяжелую и непрерывную борьбу пришлось выдерживать рабочимъ представителямъ съ остальными партіями на всемъ протяженіи законодательной работы четырехъ Сеймовъ, продолжавшейся однако, вслѣдствіе трехъ роспусковъ, до лѣта 1910 г. только 14 мѣсяцевъ. Борьбу пришлось вести соціалдемократіи и по вопросу объ ассигновкѣ 20 милліоновъ марокъ на военныя нужды Имперіи, и по ряду запросовъ, направленныхъ противъ дѣяній имперскихъ властей, и еще болѣе по вопросамъ соціальной политики [1]). Та классовая рознь, что дѣлила Финляндію на два враждебныхъ міра, какъ бы съ особой

---

1) Надо удивляться той громадной работѣ въ области соціально-экономическихъ реформъ, которую соціалдемократы успѣли произвести за такой краткій сравнительно періодъ. Одной изъ крупнѣйшихъ, фактически уже вошедшей въ жизнь, реформъ является «арендный законъ», выработанный подъ большимъ вліяніемъ соціалдемократіи въ 1908 г. Сеймомъ и утвержденный, въ видѣ исключенія въ мартѣ 1909 г. Этотъ законъ несомнѣнно измѣняетъ къ лучшему положеніе торпарей и др. мелкихъ арендаторовъ и могъ бы послужить первымъ камнемъ въ дальнѣйшей перестройкѣ аграрныхъ отношеніи Финляндіи. Но, при измѣнившихся въ настоящее время условіяхъ, объ этомъ едва ли приходится думать. Другой, проведенный по иниціативѣ соціалдемократіи, законъ, также уже вошедшій въ жизнь съ іюля 1909 г.—это законъ регулирующій работу въ пекарняхъ. Законъ по охранѣ труда, о страхованіи материнства, реформѣ мѣстнаго самоуправленія, законъ о введеніи обязательнаго обученія и реформа школьной системы, наконецъ, законъ объ „обязательной обработкѣ невоздѣланныхъ земельныхъ угодій“, внесенные по иниціативѣ соціалдемократіи, частью не были приняты Сеймомъ, частью — оказались положенными подъ сукно Совѣтомъ Министровъ.

силой концентрировалась въ стѣнахъ демократическаго финляндскаго парламента. Противъ соціалдемократіи, буржуазія, забывая внутренніе счеты, выступала и здѣсь однородной и сплоченной массой. Чѣмъ опредѣленнѣе вела соціалдемократія свою линію, тѣмъ отчетливѣе становилось повальное „поправѣніе“ буржуазныхъ партій, сдѣлавшее возможнымъ образованіе въ 1908 г. коалиціоннаго—шведско-суометаріанскаго сената... Вопросъ о пересмотрѣ избирательной системы, во всякомъ случаѣ, не встрѣтитъ отпора со стороны буржуазныхъ партій Финляндіи. А эта новая угроза демократіи паритъ въ воздухѣ... Борясь съ имперскими властями, буржуазія одной рукой отталкиваетъ, другой притягиваетъ ея вмѣшательство. Классовый моментъ сломилъ былое сопротивленіе финляндской буржуазіи. На стражѣ національной самостоятельности одиноко стоитъ рабочій классъ...

IX.

Новая эра обще-имперской политики съ 1907 г. Вопросъ объ ассигновкѣ 20 милл. мар. на военныя нужды имперіи. Третья дума. Столыпинскія «Положенія» 1908 г. Коалиціонный Сенатъ. Повторный роспускъ Сеймовъ. Дальнѣйшія мѣропріятія. Манифестъ 27 марта 1910 г. Финальный аккордъ—вотумъ третьей Думы.

Систематическое вмѣшательство „Совѣта Министровъ“ во внутреннія дѣла Финляндіи начинается съ 1907 г. Конфликтъ воскресъ по вопросу объ ассигновкѣ 20 милл. мар. на военныя нужды Имперіи. За нимъ послѣдовала нескончаемая вереница конфликтовъ, большихъ и малыхъ: по вопросу о законѣ о собраніяхъ и союзахъ (вотированномъ Сеймомъ въ 1906 г.), по вопросу о законѣ о печати, повлекшемъ за собой изданіе „временныхъ правилъ о печати“, по вопросу о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство, по поводу „Правилъ“ 20 мая (2 іюня), по поводу соединенія желѣзнодорожной сѣти Финляндіи съ Россіей, по вопросу объ обнародованіи „аренднаго закона“ и т. д. Петиціи и законы, вырабатываемые Сеймомъ, либо застрѣвали въ Совѣтѣ Министровъ, либо не утверждались Монархомъ. Отклоненіе происходило то по несогласію „по существу“, то по неожиданно всплывшей мотивировкѣ: работы распущеннаго Сейма теряютъ свою юридическую силу.

Въ февралѣ 1907 г. стало извѣстно, что при Совѣтѣ Министровъ образовано особое „совѣщаніе“ по финляндскимъ дѣламъ; сюда поступали и здѣсь хоронились законопроекты и петиціи финляндскаго народа.

Черносотенныя и правыя скамьи третьей Думы явно встали на сторону обрусителей. „Старую политику“ подкрѣплялъ новый авторитетъ. На запросъ правыхъ въ Думѣ объ отношеніи Имперіи къ финляндскимъ дѣламъ, финляндцы попробовали отвѣтить контръ-запросомъ къ своему Сенату. Голосованіе обна-

ружило вотумъ „недовѣрія Сенату“, что повлекло за собою распущеніе перваго Сейма.

Въ началѣ мая 1908 г. Столыпинъ произнесъ свою программную рѣчь въ Думѣ, встрѣтившую живой отпоръ всей оппозиціи, что не помѣшало 20-го мая появиться знаменитымъ „Положеніямъ“: Дума признана была высшей инстанціей надъ Сеймомъ, доклады по финляндскимъ дѣламъ направлялись отнынѣ не черезъ статсъ-секретаря, а черезъ Совѣтъ Министровъ. Руссификаторская линія, прерванная революціей, возобновилась.

Меморія Сената, отмѣчающая новое нарушеніе конституціи, заставила часть сенаторовъ-конституціоналистовъ съ Лео Мехелиномъ во главѣ покинуть сенатскіе портфели. Лѣтомъ 1908 г., на мѣсто ушедшихъ конституціоналистовъ, назначаются «опытные» старо-финны. Образуется „коалиціонный“ Сенатъ. Но бо́льшая сговорчивость Сената не измѣняетъ линіи Столыпинскаго кабинета.

Второй Сеймъ 1909 г., собравшійся на весеннюю сессію, распускается черезъ 48 часовъ, вслѣдствіе комментарія младо-финна Свинхувуда къ тронной рѣчи. Новый третій Сеймъ дѣйствуетъ съ большой осторожностью, но политическій горизонтъ не перестаетъ затемняться.

Манифестъ о воинскомъ законѣ 1909 г. устанавливаетъ, что по военному вопросу рѣшающее право предоставляется не Сейму, а имперской власти; Сейму дозволяется лишь вотировать ассигновку на пополненіе имперскаго военнаго бюджета. Это былъ новый актъ, подрывавшій устои поколебленной конституціи.

Сеймъ поспѣшилъ принять резолюцію, въ которой отказывалъ законодательнымъ порядкомъ ассигновать контрибуцію, такъ какъ вся постановка требованія со стороны правительства являлась явнымъ нарушеніемъ законности. Имперскія власти отвѣтили роспускомъ и третьяго Сейма...

Между тѣмъ еще въ апрѣлѣ 1909 г. послѣдніе конституціоналисты отказались отъ сенатскихъ портфелей, предоставивъ поле дѣятельности податливымъ суометаріанцамъ. На мѣсто ушедшихъ сенаторовъ назначены были русскіе чиновники...

Февральскіе выборы 1910 г. въ четвертый Сеймъ явно и отчетливо показывали настроеніе народа: безъ шума, безъ внѣшнихъ проявленій протеста, народъ упорно и стойко шелъ по намѣченной линіи. Соціалдемократія получила 40% всѣхъ голосовъ и число ея представителей поднялось до 86, наоборотъ, старо-финны потеряли 17 мѣстъ, вмѣсто 59 у нихъ оказалось лишь 42 представителя...

Засѣдавшая съ марта 1909 г. „Харитоновская комиссія“ „для составленія проекта правилъ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенія“, закончила свои работы, и „предположенія“ ея легли въ основу проекта Совѣта Министровъ. „Предположенія“, отмѣняя 2-ю

статью русскихъ основныхъ законовъ и параграфъ 80 Сеймоваго Устава 1906 г., отводили Сейму роль законосовѣщательнаго учрежденія.

27-го марта 1910 г. появился Манифестъ Монарха, возвѣщавшій о вступленіи въ силу новаго обще-имперскаго законодательства, подчинявшаго законы Финляндіи компетенціи Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Манифестъ предписывалъ участіе 4 сеймовыхъ представителей въ работахъ Думы и 1 въ работахъ Государственнаго Совѣта. Этимъ Манифестомъ народное представительство Финляндіи низводилось на степень безсильнаго и неправомочнаго провинціальнаго органа.

Отъ Сейма потребовали „заключенія“ по поводу Манифеста. 5-го мая народные представители Финляндіи отклонили „заключеніе“, на томъ основаніи, что считаютъ самый актъ 27 марта противорѣчащимъ конституціи края,—заключенія же даются только по поводу законныхъ актовъ. Отклонивъ „заключеніе“, Сеймъ приступилъ къ очереднымъ занятіямъ. 30-го онъ былъ распущенъ „на лѣтніе каникулы“, а въ іюнѣ въ третьей Государственной Думѣ русскимъ народнымъ представительствомъ рѣшалась судьба цѣлой націи...

Темный духъ черносотенства яростно сцѣпился съ „краснымъ призракомъ“ лѣвыхъ скамей. Вслѣдъ за соціалдемократами на защиту конституціонныхъ основъ страны выступили не только кадеты, но и отдѣльные наивно-идеалистически настроенные октябристы... Борьба шла между двумя непримиримыми принципами: бюрократическимъ режимомъ и „послѣдовательнымъ конституціонализмомъ“. Послушное директивамъ сверху, правое большинство Думы вынесло свой приговоръ. Послѣдній ударъ былъ нанесенъ. „Блокада“ Финляндіи, проектируемая черносотенной печатью, стала излишней. Послѣ двадцатилѣтней медленной травли свершилось наконецъ столь вожделѣнное „безкровное покореніе“ Великаго Княжества Финляндскаго

А. Коллонтай.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Таблицы и діаграммы къ статьѣ М. Балабанова, помѣщенной въ первой части IV тома

Къ ст. Балабанова см. (стр. 101 и слѣд., ч. 1-ая т. IV).

ТАБЛИЦА I.

Г О Д Ъ.	Добыча угля (м. п.)	Выпл. чугуна (м. п.)	Производство		Основн. капиталъ акціон. предпр. по обработкѣ		
			полупр. (м. п.)	гот. прод. (м. п.)	волокнист. (м. р.)	горнопром. (м. р.)	металличес. (м. р.)
1903	728,0	149,3	156,5	133,2	420,4	423,3	297,1
1904	803,3	180,4	178,2	162,9	433,6	370,9	293,8
1905	795,9	165,8	162,0	143,0	433,6	464,6	296,4
1906	908,6	164,0	158,8	138,0	443,1	462,5	289,8
1907	1060,5	172,1	173,3	146,7	485,4	489,1	304,6

ТАБЛИЦА II.

Основные капиталы акціонерныхъ предпріятій (м. р.).

Г О Д Ъ.	Химическ.	Бумаг.	Керамич.	Благоустр. городовъ.	Питательн.	Торгов.	Перевозоч.	Живот.	Сельскохозяйств.	Лѣсныя.	Смѣшан.	В С Е Г О.
1903	93,2	29,9	65,7	120,6	162,8	83,3	153,4	16,4	4,5	20,3	124,1	2015,5
1904	102,4	35,3	67,6	137,5	163,5	87,1	190,0	19,2	4,9	23,6	140,9	2133,8
1905	103,2	32,1	63,3	128,9	163,3	91,4	189,0	22,0	4,9	21,7	141,8	2156,9
1906	99,7	30,1	51,3	128,4	168,0	92,5	180,4	18,2	4,0	25,7	145,4	2139,8
1907	100,5	29,0	50,9	131,0	176,6	99,7	202,2	21,5	4,9	24,5	152,9	2272,8

ТАБЛИЦА III.

Число выданныхъ промысловыхъ свидѣтельствъ.

ГОДЪ.	Для промышленныхъ предпріятій — разрядовъ				Для торгов. предпр. — разрядовъ				Купеч. свид. — гильдіи		Приказ. свид. — класса		Ярморочн. свидѣт.
	I-II	III-IV	V-VI	VII-VIII	I	II	III-IV	V	I	II	I	II	
1903	1200	7820	36244	128959	7995	143216	743094	32827	4224	33739	109613	174282	7507
1904	1120	7765	34073	118092	7979	141323	767380	30930	4244	33166	111965	172398	7365
1905	1140	7442	31338	94605	7808	136973	754229	26733	4083	32108	109292	176414	6368
1906	1134	7083	30367	99556	7105	132829	745126	23898	3367	29462	108711	175875	5691
1907	1170	7339	31041	101607	7220	136444	790529	23573	3555	27724	103705	143499	6089

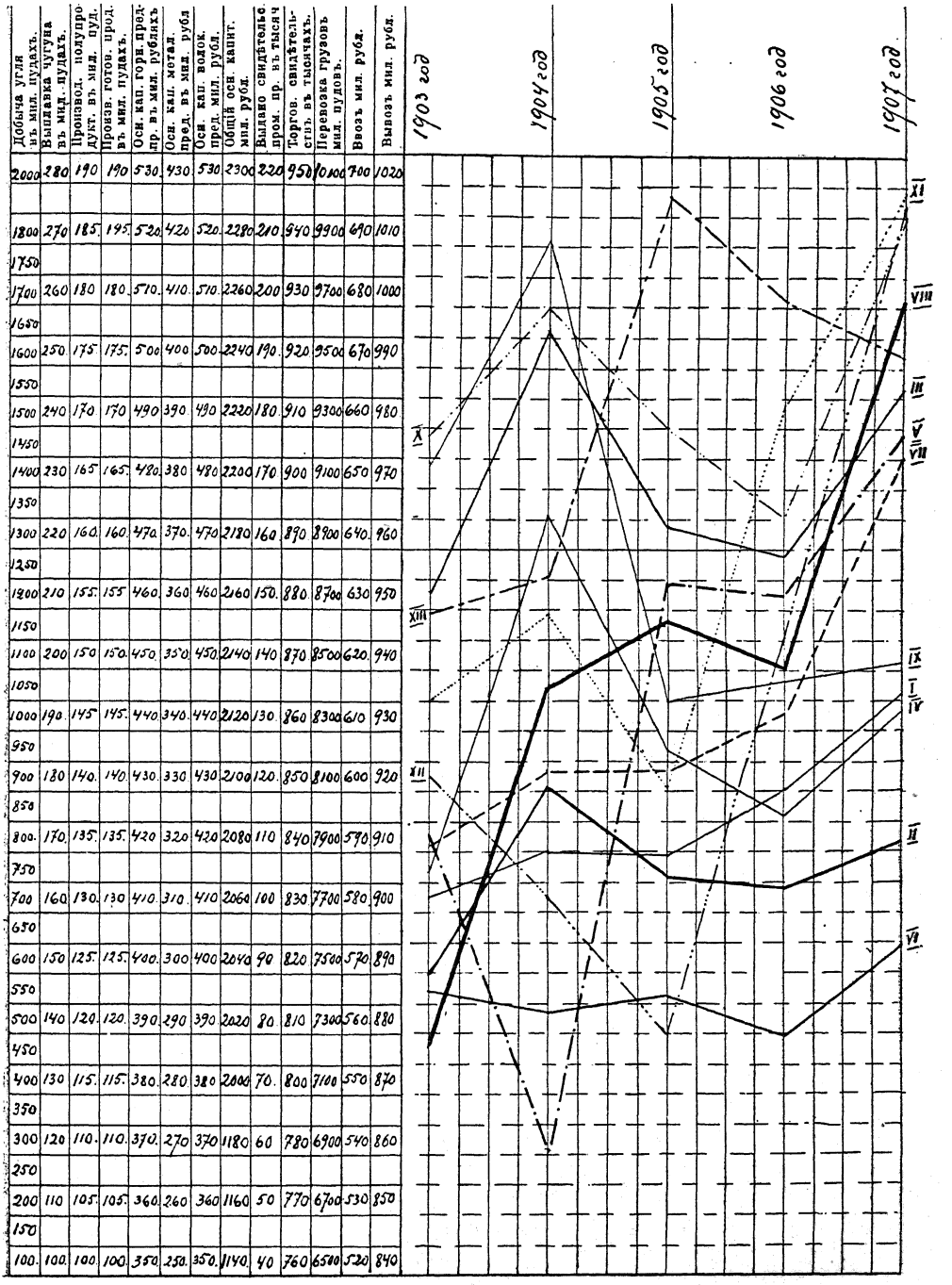
ТАБЛИЦА IV.

Данныя о внѣшней торговлѣ по всѣмъ границамъ (въ т. р.).

ГОДЪ.	Вывозъ				Ввозъ			
	жизнен. припасы	сырье и полу-фабр.	животныя	издѣлія	жизнен. прип.	сырье и полу фабр.	животныя	издѣлія.
1903	613082	318946	20569	48582	129814	365395	5258	181203
1904	635647	305781	16343	48612	131851	349825	4928	164798
1905	712458	297335	16278	51254	130208	325286	3549	176044
1906	638096	356255	28056	72480	192540	365005	5469	237677
1907	584530	390365	23654	54462	201817	402905	5440	237203

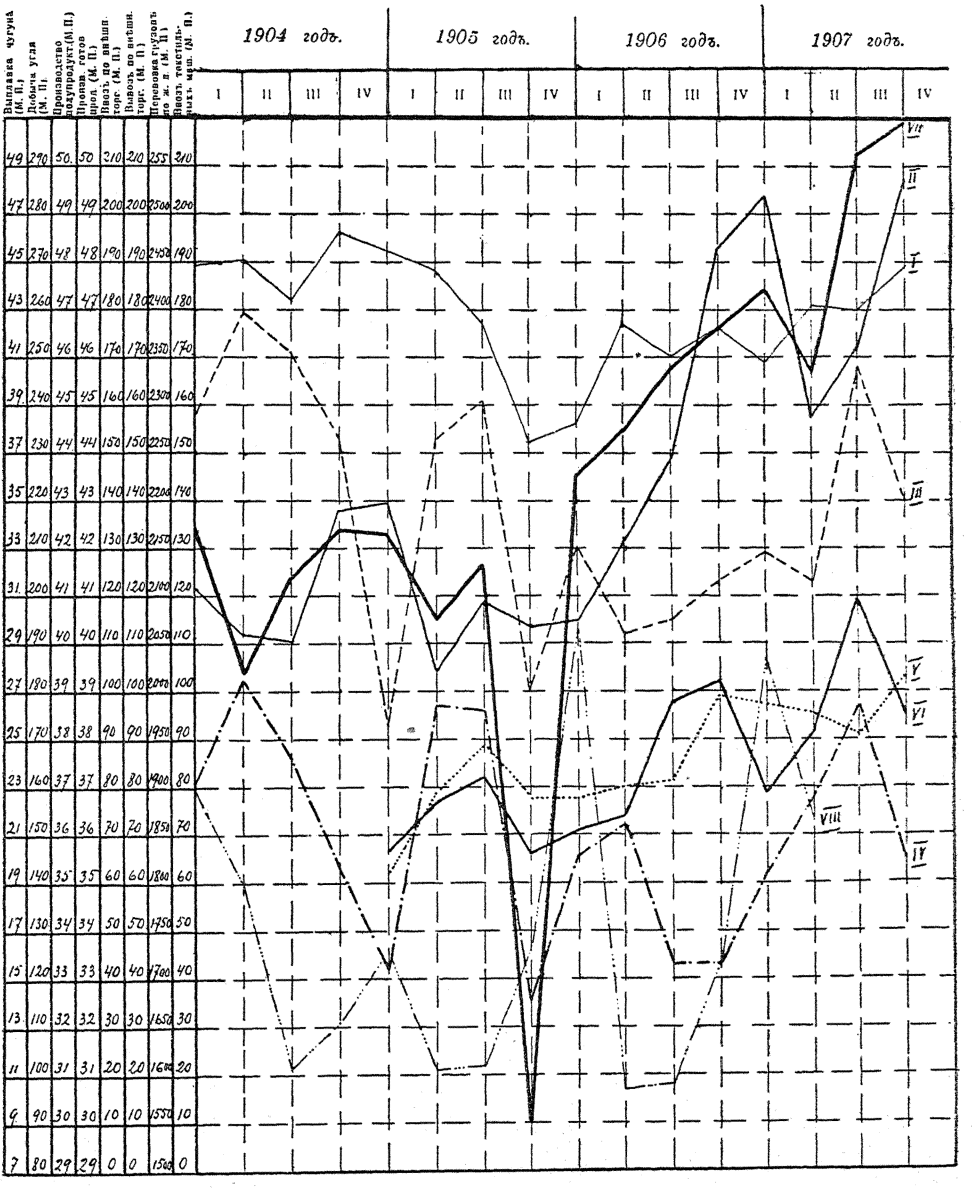
БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Діаграмма № 1.

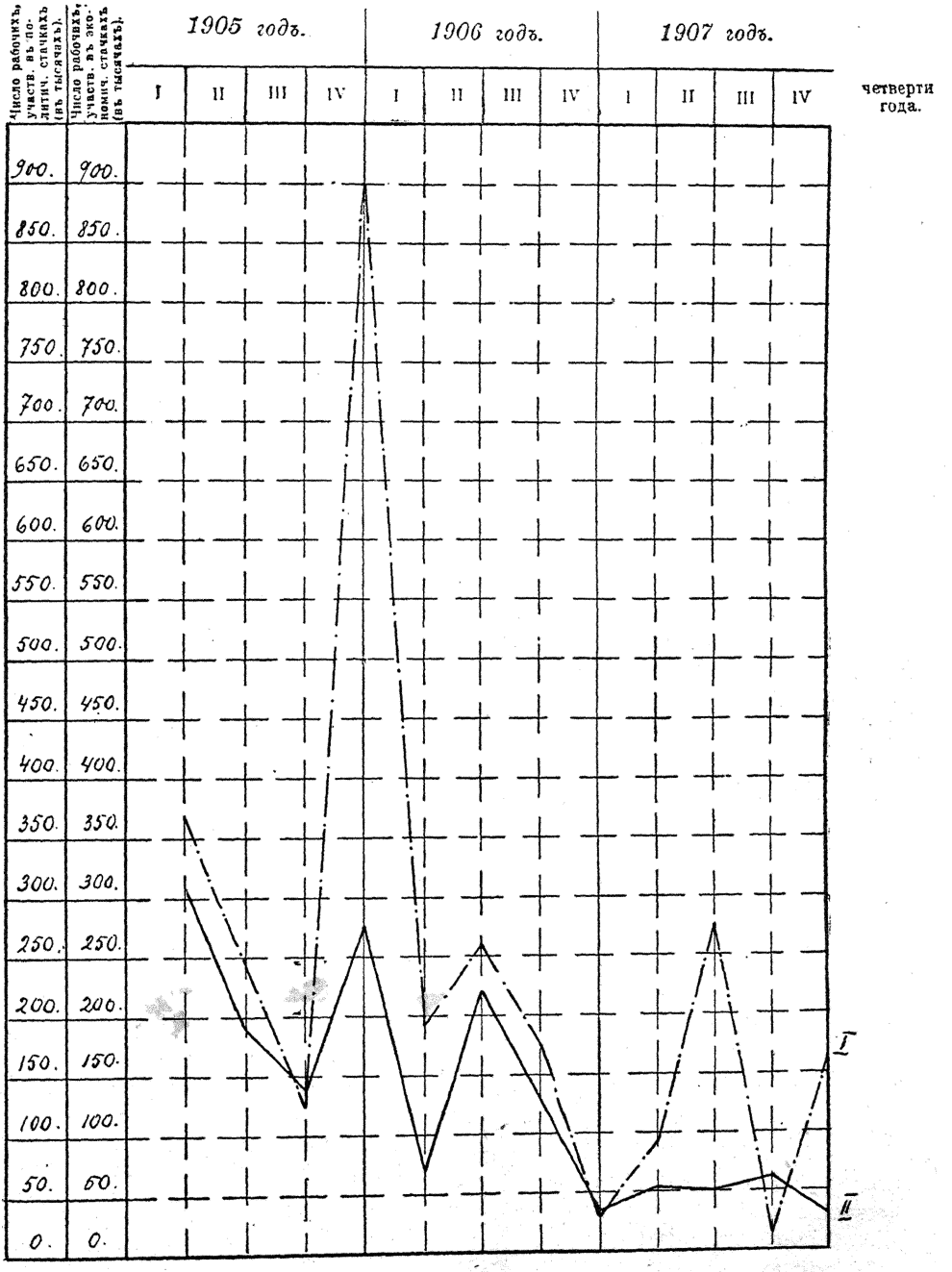


Добыча угля въ мил. пудахъ.	Выплавка чугуна въ мил. пудахъ.	Производ. полупродукт. въ мил. пуд.	Произв. готов. продук. въ мил. пудахъ.	Осн. кап. горн. предпр. въ мил. рублях	Осн. кап. метал. пред. въ мил. руб	Осн. кап. водок. пред. мил. руб.	Общій осн. капит. мил. руб.	Выпаво свидѣтельс. пром. пр. въ тысяч	Торгов. свидѣтельств. въ тысячахъ.	Перевозка грузовъ мил. пудовъ.	Ввозъ мил. руб.	Вывозъ мил. руб.
2000	280	190	190	530	430	530	2300	220	950	10100	700	1020
1800	270	185	195	520	420	520	2280	210	940	9900	690	1010
1750												
1700	260	180	180	510	410	510	2260	200	930	9700	680	1000
1650												
1600	250	175	175	500	400	500	2240	190	920	9500	670	990
1550												
1500	240	170	170	490	390	490	2220	180	910	9300	660	980
1450												
1400	230	165	165	480	380	480	2200	170	900	9100	650	970
1350												
1300	220	160	160	470	370	470	2180	160	890	8900	640	960
1250												
1200	210	155	155	460	360	460	2160	150	880	8700	630	950
1150												
1100	200	150	150	450	350	450	2140	140	870	8500	620	940
1050												
1000	190	145	145	440	340	440	2120	130	860	8300	610	930
950												
900	180	140	140	430	330	430	2100	120	850	8100	600	920
850												
800	170	135	135	420	320	420	2080	110	840	7900	590	910
750												
700	160	130	130	410	310	410	2060	100	830	7700	580	900
650												
600	150	125	125	400	300	400	2040	90	820	7500	570	890
550												
500	140	120	120	390	290	390	2020	80	810	7300	560	880
450												
400	130	115	115	380	280	380	2000	70	800	7100	550	870
350												
300	120	110	110	370	270	370	1180	60	780	6900	540	860
250												
200	110	105	105	360	260	360	1160	50	770	6700	530	850
150												
100	100	100	100	350	250	350	1140	40	760	6500	520	840

Діаграмма № 2.


1904 годъ.
1905 годъ.
1906 годъ.
1907 годъ.
I
II
III
IV
Выплавка чугуна (М. П.)
Добыча угля (М. П.)
Производство полупродукт. (М. П.)
Произв. готов. прод. (М. П.)
Привоз по ввозн. тарифу (М. П.)
Вывоз по вывозн. тариф. (М. П.)
Перевозка грузов по ж. д. (М. П.)
Привоз текстильн. матер. (М. П.)
49 270 50 50 210 210 255 210
47 260 49 49 200 200 2500 200
45 270 48 48 190 190 2450 190
43 260 47 47 180 180 2400 180
41 250 46 46 170 170 2350 170
39 240 45 45 160 160 2300 160
37 230 44 44 150 150 2250 150
35 220 43 43 140 140 2200 140
33 210 42 42 130 130 2150 130
31 200 41 41 120 120 2100 120
29 190 40 40 110 110 2050 110
27 180 39 39 100 100 2000 100
25 170 38 38 90 90 1950 90
23 160 37 37 80 80 1900 80
21 150 36 36 70 70 1850 70
19 140 35 35 60 60 1800 60
17 130 34 34 50 50 1750 50
15 120 33 33 40 40 1700 40
13 110 32 32 30 30 1650 30
11 100 31 31 20 20 1600 20
9 90 30 30 10 10 1550 10
7 80 29 29 0 0 1500 0
VII
II
I
III
V
VI
VIII
IV

Діаграмма № 3.


Число рабочихъ, участв. въ политич. стачкахъ (въ тысячахъ).
Число рабочихъ, участв. въ экономич. стачкахъ (въ тысячахъ).
1905 годъ.
1906 годъ.
1907 годъ.
I
II
III
IV
четверти года.
900.
850.
800.
750.
700.
650.
600.
550.
500.
450.
400.
350.
300.
250.
200.
150.
100.
50.
0.
I
II

2-й годъ изд. **Продолжается подписка на 1911 годъ** 2-й годъ изд.

НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАША ЗАРЯ“

Въ 1910 г. въ журналѣ были помѣщены между прочимъ слѣдующія статьи:

Л. Аксельродъ. (Ортодоксъ). Вещи въ себѣ—не пустяки. В. Базаровъ. Почему серьезныя вещи кажутся иногда пустяками. Толстой и интеллигенція. М. Б—овъ. Землевлад. 3-ей Думы. Право коалицій и союзовъ,—и др. Ф. Данъ. Еще къ вопросу о праздн. отдыхѣ,—и др. К. Дмитріевъ. Петербургскіе профес. союзы въ 1910 г. Ст. Ивановичъ. Возрожденіе антисемитизма. А. Коллонтай. Итоги второй женской соціалист. конференціи. Ив. Коноваловъ. Пролетаризація деревни. Д. Кольцовъ. Наши націоналисты. Вл Косовскій. Изъ исторіи австрійскаго раб. движ. Къ вопросу о праздн. отдыхѣ торгово-служащихъ. В. Левицкій. 2-й съѣздъ писателей. Большевизмъ и меньшевизмъ у нѣмецкихъ соц.-демократовъ. Ликвидація или возрожденіе? и др. В. Львовъ—Рогачевскій. На дикомъ мустангѣ. Одержимый. Евг. Маевскій. Мертвая зыбь. (Къ вопросу объ эволюціи к.-д. партіи). Смерть Л. Н. Толстого. Что такое „ликвидаторство“? и др. В. Майскій. Борьба за избир. право въ Пруссіи. Предпринимательскія биржи труда въ Германіи. А. Михайловъ. Офиціальный націонализмъ и евреи. П. Масловъ. Экономическія замѣтки. Л. Мартовъ. Избир. кампанія въ Англіи. Борьба за демократію въ Пруссіи. Выборы во Франціи и рабочая партія. Конфликты въ Герм. раб. партіи. Копенгагенскій конгрессъ. Борьба съ рабочимъ движ. во Франціи. В. Мякотинъ. Оживленіе промышленности въ Россіи. М. Нахимсонъ. Промышленный кризисъ и промышленное оживленіе. М. Невѣдомскій. Устыдились? Смерть Льва Толстого. М. Павловичъ. Старая и новая Турція. Я. Пилецкій. Новыя вѣянія А. Потресовъ. Критическіе наброски: О томъ, почему пустяки одолѣли. Еще о ликвидаторскомъ и философскомъ эпизодахъ. По поводу одного выступленія одного юркаго человѣка. О Плехановѣ. Вл. Розановъ. Борьба съ дороговизной жизни въ Австріи,—и др. Е. Смирновъ. Финляндскій проэктъ. Политическія партіи и установившійся строй,—и др. М. Хейсинъ. Въ мірѣ рабочихъ. Госуд. страхованіе предъ судомъ предпринимателей,—и др. Евг. Чарскій. Эм. Верхарнъ. Ю. Чацкій. Съѣздъ по борьбѣ съ проституціей. Къ ремесленному съѣзду. Н. Череванинъ. Эволюція октябристовъ. Развитіе промышл. и законъ 9 ноября. Нѣск. основ. вопрос. марксизма. Velox. Начало конца. И др.

Содержаніе вышедшихъ книжекъ журнала за 1911 годъ:

№ 1: М. Павловичъ. Персидская проблема и индо-европ. путь. Д. Кольцовъ. Демократія въ рабочихъ организаціяхъ. Евг. Маевскій. Къ характеристикѣ современнаго студенчества. П. Масловъ. Объ „основныхъ вопросахъ марксизма“. Н. Череванинъ. Нѣсколько замѣчаній П. Маслову. Л. Мартовъ. Бѣглыя замѣтки: 1) Литературщина противъ политики. 2) Маленькая нелогичность. П. Б. Акельродъ. Объ „антиликвидаторствѣ“ и его историческихъ корняхъ. Череванинъ. Соціально-экономич. обозрѣніе. М. Хейсинъ. Кооперативное движеніе среди рабочихъ. Л. П. Англійскіе выборы. † Пауль Зингеръ. № 2: А. Мартыновъ. Двѣ реформы. Ф. Данъ. 50 лѣтъ крестьянскаго законодательства. Вл. Косовскій. Гипертрофія націонализма. А. Мартыновъ. Дань толстовству. К. Дмитріевъ. Къ характеристикѣ московскаго избирателя. А. Потресовъ. Критическіе наброски (о правдивости г. Изгоева...) Б. Богдановъ. Итоги ремесл. съѣзда. Л. Мартовъ. П. Зингеръ. В. Левицкій. Рабочее движеніе на Западѣ. Евг. Маевскій. Вокругъ университетскаго вопроса. Г. Ракитинъ. Дополнительные выборы въ Москвѣ. № 3: П. Масловъ. Кризисъ народничества.

В. Мукосѣевъ. Финансовое „благополучіе“. **М. Нахимсонъ.** Милитаризмъ и народное хозяйство. **П. Б. Аксельродъ.** Объ „антиликвидаторствѣ“ и его историч. корняхъ. Ст. 2-я. **Емельяненко.** Синдикализмъ въ Италіи. **А. Колонтай.** Женскій день. **Евг. Маевскій.** Такъ наз. министерскій кризисъ. **В. Левицкій.** Возрожденіе буржуазной оппозиціи. **Б. Богдановъ.** Нѣкоторые итоги (къ 5-лѣтію закона 4 марта). **А. Потресовъ.** О чертополохѣ безвременья. **№ 4: М. Павловичъ.** Россійское купечество и рус.-китайскій конфликтъ. **П. Масловъ.** О резервной рабочей арміи. **Д. Кольцовъ.** Бельгійскіе марксисты о бельгійскомъ раб. движеніи. **Вл. Розановъ.** Законы о госуд. страхованіи рабочихъ въ рейхстагѣ. **Д. Заславскій.** О современномъ „мальчикѣ въ штанахъ“. **Л. Мартовъ.** Радикалы и рабочіе во Франціи. **С. Далинъ.** Начало избир. борьбы въ Германіи. **М. Б—овъ.** Волостное земство. **В. Левитскій.** Открытое движеніе и „частичныя“ права. **Мартовъ.** Бѣглыя замѣтки: Соціалисты противъ рабочихъ? **А. Потресовъ.** Критич. наброски: П. Ф. Якубовичъ. (П. Я.)

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ **3** р. (за границу 4 р.), на полгода **1** р. **80** к. (за гран. 2 р. 30 к.), на три мѣс. 1 р. (за гран. 1 р. 30 к.). Отд. книжка—30 к. **Комплекты за 1910 г. (безъ 5—6 кн.) — 2 р**

Адресъ Конторы и Редакціи: СПБ., Невскій пр., д. 100, кв. 13.

Такса для объявленій: Страница—20 р., полстраницы—10 р.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на роскошно-иллюстрированное художественное изданіе

РУССКОЕ ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ

Исторія и успѣхи. Съ очерками „Міровое воздухоплаваніе“ и „Воздухоплаваніе въ военномъ и морскомъ дѣлѣ“.

Подъ редакціей проф. воен. инж. **В. Ф. Найденова** и проф. **Н. А. Рынина.**

Съ отдѣльными очерками *В. Г. Тана* — „Русскіе полеты“, *С. Гана*—„Человѣкъ воздуха“ и заключит. статьей *Н. А. Морозова*—„Перспективы будущаго“.

При литературномъ участіи: *С. Гана, Н. А. Морозова, В. Ф. Найденова, С. А. Ньмченко, С. И. Одинцова, Г. В. Піотровскаго, Л. А. Розенцвейга, Н. А. Рынина, В. Г. Тана, Н. И. Утятшева, А. И. Шабскаго* и др.

Съ 42—50 художественными приложеніями, исполнен. — въ краскахъ, фототипіей и фототипогравюрой (полеты русск. авіаторовъ и пилотовъ съ натуры, возд. аппараты русск. изобрѣт. и изготов., историч. и соврем., пано портретовъ и группы авіаторовъ и дѣятелей воздухопл., снимки съ русск. заводовъ, аэромеханич. станцій, лабораторій и пр.; съ 20—30 автотипіями на цвѣтной бумагѣ (факсимиле, снимки съ старин. рукописей, книгъ, гравюръ, чертежей и пр.) и съ 400—500 иллюстраціями въ текстѣ изъ рѣдкихъ въ Россіи коллекцій.

Изданіе удостоилось поощрительнаго отзыва отъ Императ. Русскаго Техническаго Общества на 1-ой международной воздухоплавательной выставкѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ выпускахъ IV-мъ и V-мъ—„Новѣйшіе успѣхи русскаго воздухоплаванія“ — будетъ описаны и художественно воспроизведены:

Перелетъ на аэропланахъ между С.-Петербургомъ и Москвою.
Первая международная воздухоплавательная выставка въ С.-Петербургѣ.
Международная выставка воздухоплаванія въ Москвѣ.
Всѣ новѣйшія событія русск. воздухоплаванія и русскія изобрѣтенія и конструкціи воздухоплават. аппаратовъ.

Изданіе выйдетъ въ 6-ти выпускахъ по 10 печ. листовъ больш. формата (in 4°)—80 стр.—Каждый выпускъ въ худож. обложкѣ по *рисунку И. Я. Билибина.*

Первый выпускъ вышелъ въ 12-ти печ. листахъ—96 стр.—съ 12-ю художественными приложеніями и 125 иллюстраціями въ текстѣ.

Цѣна всего изданія въ 6-ти вып. — по подпискѣ: съ доставк. на домъ въ СПБ. и Москвѣ—14 р.; съ пересылкой (въ тщат. упаковкѣ): въ Европ. Рос. и Закавк. (1-й поясъ)—15 р., въ Зап. Сибирь (2-й поясъ)—16 руб. и въ Вост. Сибирь (3-й поясъ)—17 руб. Заграницу—18 руб.

Условія подписки:	Вносится задатокъ.	Уплачивается при получ. каждаго выпуска съ 1-го по VI-ой:
При цѣнахъ въ 14 р. — к.	1 р. 40 к.	при доставкѣ —по 2 р. 10 к.
„ 15 „ — „	1 „ 50 „	по почтѣ — „ 2 „ 25 „
„ 16 „ — „	1 „ 60 „	наложеннымъ платежемъ — „ 2 „ 40 „
„ 17 „ — „	2 „ — „	— „ 2 „ 50 „

Отступленія отъ условій подписки не допускаются.

Цѣна отдѣльнаго выпуска безъ пересылки—2 руб. 50 коп., съ пересылкой всюду—3 руб.

Для храненія всѣхъ 6-ти выпусковъ изготовленъ изящный альбомъ оригинальной формы съ художественнымъ тисненіемъ краской, бронзой и золотомъ по рисунку И. Я. Билибина.

Цѣна альбома—2 р. 50 к., съ перес. всюду—3 р. налож. платежемъ.

Подписка принимается черезъ представителей Т-ва или по почтѣ: С.-Петербургъ, Т-ву „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“. Б. Подъяческая, соб. домъ № 39.

Типографія товарищества „Общественная Польза“ Спб., Б. Подъяческая, 39.